

Ф. М. Достоевскій

БѢСЫ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

Im Werden Verlag
München — Москва
2007

Хоть убей, слѣда не видно,
Сбились мы, что дѣлать намъ?
В полѣ бѣсы насъ водить видно
Да кружить по сторонамъ.

.....
Сколько ихъ, куда ихъ гонять,
Что такъ жалобно поютъ?
Домоваго ли хоронятъ,
Вѣдъму ль замужъ выдаютъ?

А. Пушкинъ

Тутъ на горѣ паслось большое стадо свиней, и они просили Его чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы, вышедши изъ человѣка, вошли въ свиней; и бросилось стадо съ крутизны въ озеро, и потонуло. Пастухи, увидя случившееся, побѣжали и рассказали въ городъ и по деревнямъ. И вышли жители смотрѣть случившееся, и пришедши къ Иисусу, нашли человѣка изъ котораго вышли бѣсы сидящаго у ногъ Иисусовыхъ, одѣтаго и въ здоровомъ умѣ: и ужаснулись. Видѣвшіе же рассказали имъ какъ исцѣлился бѣсновавшійся.

Евангеліе отъ Луки. Глава VIII, 32-37.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вмѣсто введенія: нѣсколько подробностей изъ біографіи
многочтимаго Степана Трофимовича Верховенскаго.

I.

Приступая къ описанію недавнихъ и столь странныхъ событій происшедшихъ въ нашемъ, доселѣ ничѣмъ не отличавшемся городѣ, я принужденъ, по неумѣнію моему, начать нѣсколько издалека, а имѣнно нѣкоторыми біографическими подробностями о талантливомъ и многочтимомъ Степанѣ Трофимовичѣ Верховенскомъ. Пусть эти подробности послужатъ лишь введеніемъ къ предлагаемой хроникѣ, а самая исторія которую я намѣренъ описывать, еще впереди.

Скажу прямо: Степанъ Трофимовичъ постоянно игралъ между нами нѣкоторую особую и такъ-сказать гражданскую роль и любилъ эту роль до страсти, — такъ даже что, мнѣ кажется, безъ нея и прожить не могъ. Не то чтобъ ужь я его приравнивалъ къ актеру на театрѣ: сохрани Боже, тѣмъ болѣе что самъ его уважаю. Тутъ все могло быть дѣломъ привычки, или, лучше сказать, непрерывной и благородной склонности, съ дѣтскихъ лѣтъ, къ пріятной мечтѣ о красивой гражданской своей постановкѣ. Онъ, на примѣръ, чрезвычайно любилъ свое положеніе «гони-маго» и такъ-сказать «ссылнаго». Въ этихъ обоихъ словечкахъ есть своего рода классическій блескъ, соблазвившій его разъ навсегда, и возвышая его потомъ постепенно въ собственномъ мнѣніи, въ продолженіе столь многихъ лѣтъ, довелъ его наконецъ до нѣкотораго весьма высокаго и пріятнаго для самолюбія пьедестала. Въ одномъ сатирическомъ англійскомъ романѣ прошлаго столѣтія, нѣкто Гуливеръ, возвратясь изъ страны Лилипутовъ, гдѣ люди были всего въ какіе-нибудь два вершка росту, до того пріучился считать себя между ними великаномъ, что и ходя по улицамъ Лондона, невольно кричалъ прохожимъ и экипажамъ чтобъ они предъ нимъ сворачивали и остерегались чтобъ онъ какъ-нибудь ихъ не раздавилъ, воображая что онъ все еще великанъ, а они маленькіе. За это смѣялись надъ нимъ и бранили его, а грубые кучера даже стегали великана кнутьями: но справедливо ли? Чего не можетъ сдѣлать привычка? Привычка привела почти къ тому же и Степана Трофимови-

ча, но еще въ болѣе невинномъ и безобидномъ видѣ, если можно такъ выразиться, потому что прекраснѣйшій былъ человѣкъ.

Я даже такъ думаю что подъ конецъ его всѣ и вездѣ позабыли; но уже никакъ вѣдь нельзя сказать что и прежде совсѣмъ не знали. Безспорно что и онъ нѣкоторое время принадлежалъ къ знаменитой плеядѣ иныхъ прославленныхъ дѣятелей нашего прошедшаго поколѣнія и, одно время, — впрочемъ всего только одну самую маленькую минуточку, — его имя многими тогдашними торопившимися людьми произносилось чуть не на ряду съ именами Чаадаева, Бѣлинскаго, Грановскаго и только что начинавшаго тогда за границей Герцена. Нодѣятельность Степана Трофимовича окончилась почти въ ту же минуту какъ и началась, — такъ сказать отъ «вихря сошедшихся обстоятельствъ». И что же? Не только «вихря», но даже и «обстоятельствъ» совсѣмъ потомъ не оказалось, по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ. Я только теперь, на дняхъ, узналъ, къ величайшему моему удивленію, но за то уже въ совершенной достовѣрности, что Степанъ Трофимовичъ проживалъ между нами, въ нашей губерніи, не только не въ ссылкѣ, какъ принято было у насъ думать, но даже и подъ присмотромъ никогда не находился. Какова же послѣ этого сила собственнаго воображенія! Онъ искренно самъ вѣрилъ всю свою жизнь что въ нѣкоторыхъ сферахъ его постоянно опасаются, что шаги его непрерывно извѣстны и сочтены, и что каждый изъ трехъ смѣнившихся у насъ въ послѣднія двадцать лѣтъ губернаторовъ, вѣзжая править губерніей, уже привозилъ съ собою нѣкоторую особую и хлопотливую о немъ мысль, внушенную ему свыше и прежде всего, при сдачѣ губерніи. Увѣрь кто-нибудь тогда честнѣйшаго Степана Трофимовича неопровержимыми доказательствами что ему вовсе нечего опасаться, и онъ бы непременно обидѣлся. А между тѣмъ это былъ вѣдь человѣкъ умнѣйшій и даровитѣйшій, человѣкъ такъ-сказать даже науки, хотя впрочемъ въ наукѣ.... ну, однимъ словомъ, въ наукѣ онъ сдѣлалъ не такъ много и кажется совсѣмъ ничего. Но вѣдь съ людьми науки у насъ на Руси это сплошь да рядомъ случается.

Онъ воротился изъ-за границы и блеснулъ въ видѣ лектора на кафедрѣ университета уже въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ. Успѣлъ же прочесть всего только нѣсколько лекцій, и кажется объ Аравитянахъ; успѣлъ тоже защитить блестящую диссертацию о возникавшемъ было гражданскомъ и ганзеатическомъ значеніи нѣмецкаго городка Ганау, въ эпоху между 1413 и 1428 годами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о тѣхъ особенныхъ и неясныхъ причинахъ почему значеніе это вовсе не состоялось. Диссертациія эта ловко и больно уколола тогдашнихъ славянофиловъ и разомъ доставила ему между ними многочисленныхъ и разъяренныхъ

враговъ. Потомъ, — впрочемъ уже послѣ потери катедры, — онъ успѣлъ напечатать (такъ-сказать въ видѣ отместки и чтобъ указать кого они потеряли) въ ежемѣсячномъ и прогрессивномъ журналѣ, переводившемъ изъ Диккенса и проповѣдывавшемъ Жоржъ-Занда, начало одного глубочайшаго изслѣдованія, — кажется о причинахъ необычайнаго нравственнаго благородства какихъ-то рыцарей въ какую-то эпоху, или что-то въ этомъ родѣ. По крайней мѣрѣ проводилась какая-то высшая и необыкновенно благородная мысль. Говорили потомъ что продолженіе изслѣдованія было поспѣшно запрещено, и что даже прогрессивный журналъ пострадалъ за напечатанную первую половину. Очень могло это быть, потому что чего тогда не было? Но въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе что ничего не было и что авторъ самъ полѣнился докончить изслѣдованіе. Прекратилъ же онъ свои лекціи объ Аравитянахъ потому что перехвачено было какъ-то и къ-мъ-то (очевидно изъ ретроградныхъ враговъ его) письмо къ кому-то съ изложеніемъ какихъ-то «обстоятельствъ»; вслѣдствіе чего кто-то потребовалъ отъ него какихъ-то объясненій. Не знаю вѣрно ли, но утверждали еще что въ Петербургѣ было отыскано въ то же самое время какое-то громадное, противоестественное и противогосударственное общество, человѣкъ въ тринадцать, и чуть не потрясшее зданіе. Говорили что будто бы они собирались переводить самого Фурье. Какъ нарочно въ то же самое время въ Москвѣ схвачена была и поэма Степана Трофимовича, написанная имъ еще лѣтъ шесть до сего, въ Берлинѣ, въ самой первой его молодости, и ходившая по рукамъ, въ спискахъ, между двумя любителями и у одного студента. Эта поэма лежитъ теперь и у меня въ столѣ; я получилъ ее, не далѣе какъ прошлаго года, въ собственноручномъ, весьма недавнемъ спискѣ, отъ самого Степана Трофимовича, съ его надписью и въ великолѣпномъ красномъ сафьянномъ переплетѣ. Впрочемъ она не безъ поэзіи и даже не безъ нѣкотораго таланта; странная, но тогда (то-есть вѣрнѣе въ тридцатыхъ годахъ) въ этомъ родѣ часто пописывали. Разказать же сюжетъ затрудняюсь, ибо по правдѣ ничего въ немъ не понимаю. Это какая-то аллегорія, въ лирико-драматической формѣ и напоминающая вторую часть *Фауста*. Сцена открывается хоромъ женщинъ, потомъ хоромъ мужчинъ, потомъ какихъ-то силъ, и въ концѣ всего хоромъ душъ, еще не жившихъ, но которымъ очень бы хотѣлось пожить. Всѣ эти хоры поютъ о чемъ-то очень неопредѣленномъ, большею частію о чьемъ-то проклятіи, но съ оттѣнкомъ высшаго юмора. Но сцена вдругъ перемѣняется и наступаетъ какой-то «Праздникъ жизни», на которомъ поютъ даже насѣкомыя, является черепаха съ какими-то латинскими сакраментальными словами, и даже, если припомню, пропѣлъ о чемъ-то

одинъ минераль, — то-есть предметъ уже вовсе неодушевленный. Вообще же всѣ поютъ непрерывно, а если разговариваютъ, то какъ-то неопредѣленно бранятся, но опять-таки съ оттѣнкомъ высшаго значенія. Наконецъ сцена опять перемѣняется, и является дикое мѣсто, а между утесами бродитъ одинъ цивилизованный молодой человѣкъ, который срываетъ и сосетъ какія-то травы, и на вопросъ феи: зачѣмъ онъ сосетъ эти травы? отвѣтствуетъ что онъ, чувствуя въ себѣ избытокъ жизни, ищетъ забвенія и находитъ его въ сокѣ этихъ травъ; но что главное желаніе его, поскорѣе потерять умъ (желаніе можетъ-быть и излишнее). Затѣмъ вдругъ вѣзжаетъ неописанной красоты юноша на черномъ конѣ, и за нимъ слѣдуетъ ужасное множество всѣхъ народовъ. Юноша изображаетъ собою смерть, а всѣ народы ея жаждутъ. И наконецъ уже въ самой послѣдней сценѣ вдругъ появляется Вавилонская башня, и какіе-то атлеты ее наконецъ достраиваютъ съ пѣсней новой надежды, и когда уже достраиваютъ до самаго верху, то обладатель, положимъ хоть Олимпа, убѣгаетъ въ комическомъ видѣ, а догадавшееся человѣчество, завладѣвъ его мѣстомъ, тотчасъ же начинаетъ новую жизнь съ новымъ проникновеніемъ вещей. Ну, вотъ эту-то поэму и нашли тогда опасною. Я, въ прошломъ году, предлагалъ Степану Трофимовичу ее напечатать, за совершенною ея, въ наше время, невинностью, но онъ отклонилъ предложеніе съ видимымъ неудовольствіемъ. Мнѣніе о совершенной невинности ему не понравилось, и я даже приписываю тому нѣкоторую холодность его со мной, продолжавшуюся цѣлыхъ два мѣсяца. И что же? Вдругъ, и почти тогда же какъ я предлагалъ напечатать здѣсь, — печатаютъ нашу поэму тамъ, то-есть за границей, въ одномъ изъ революціонныхъ сборниковъ, и совершенно безъ вѣдома Степана Трофимовича. Онъ былъ сначала испуганъ, бросился къ губернатору и написалъ благороднѣйшее оправдательное письмо въ Петербургъ, читалъ мнѣ его два раза, но не отправилъ, не зная кому бы адресовать. Однимъ словомъ, волновался цѣлый мѣсяць; но я убѣжденъ что въ таинственныхъ изгибахъ своего сердца былъ польщенъ необыкновенно. Онъ чуть не спалъ съ экземпляромъ доставленнаго ему сборника, а днемъ пряталъ его подъ тюфякъ и даже не пускалъ женщину перестилать постель, и хоть и ждалъ каждый день откуда-то какой-то телеграммы, но смотрѣлъ свысока. Телеграммы никакой не пришло. Тогда же онъ и со мной примирился, что и свидѣтельствуется о чрезвычайной добротѣ его тихаго и незлопамятнаго сердца.

II.

Я вѣдь не утверждаю что онъ совсѣмъ нисколько не пострадалъ; я лишь убѣдился теперь вполне что онъ могъ бы продолжать о своихъ Аравитянахъ сколько ему угодно, давъ только нужныя объясненія. Но онъ тогда съамбціозничалъ и съ особенною поспѣшностью распорядился увѣрить себя разъ навсегда что карьера его разбита на всю его жизнь «вихремъ обстоятельствъ». А если говорить всю правду, то настоящею причиною перемѣны карьеры было еще прежнее и снова возобновившееся деликатнѣйшее предложеніе ему отъ Варвары Петровны Ставрогинной, супруги генераль-лейтенанта и значительной богачки, принять на себя воспитаніе и все умственное развитіе ея единственнаго сына, въ качествѣ высшаго педагога и друга, не говоря уже о блистательномъ вознагражденіи. Предложеніе это было сдѣлано ему въ первый разъ еще въ Берлинѣ, и именно въ то самое время когда онъ въ первый разъ овдовѣлъ. Первою супругой его была одна легкомысленная дѣвица изъ нашей губерніи, на которой онъ женился въ самой первой и еще безразсудной своей молодости, и кажется вынесъ съ этою, привлекательною впрочемъ особой, много горя, за недостаткомъ средствъ къ ея содержанію, и сверхъ того, по другимъ, отчасти уже деликатнымъ причинамъ. Она скончалась въ Парижѣ, бывъ съ нимъ послѣдніе три года въ разлукѣ и оставивъ ему пятилѣтняго сына, «плодъ первой, радостной и еще неомраченной любви», какъ вырвалось разъ при мнѣ у грустнаго Степана Трофимовича. Птенца еще съ самага начала переслали въ Россію, гдѣ онъ и воспитывался все время на рукахъ какихъ-то отдаленныхъ тетокъ, гдѣ-то въ глуши. Степанъ Трофимовичъ отклонилъ тогдашнее предложеніе Варвары Петровны и быстро женился опять, даже раньше году, на одной неразговорчивой берлинской Нѣмочкѣ, и, главное, безо всякой особенной надобности. Но кромѣ этой, оказались и другія причины отказа отъ мѣста воспитателя: его соблазняла гремѣвшая въ то время слава одного незабвеннаго профессора, и онъ, въ свою очередь, полетѣлъ на кафедру, къ которой готовился, чтобы испробовать и свои орлиныя крылья. И вотъ теперь, уже съ опаленными крыльями, онъ естественно вспомнилъ о предложеніи которое еще и прежде колебало его рѣшеніе. Внезапная же смерть и второй супруги, не прожившей съ нимъ и году, устроила все окончательно. Скажу прямо: все разрѣшилось пламеннымъ участіемъ и драгоцѣнною, такъ-сказать классическою дружбой къ нему Варвары Петровны, если только такъ можно о дружбѣ выразиться. Онъ бросился въ объятія этой дружбы, и дѣло закрѣпилось слишкомъ на двадцать лѣтъ. Я употребилъ выраженіе: «бросился въ объятія», но сохрани Богъ кого-нибудь подумать о чемъ-нибудь лиш-

немъ и праздномъ; эти объятія надо разумѣть въ одномъ лишь самомъ высоконравственномъ смыслѣ. Самая тонкая и самая деликатнѣйшая связь соединила эти два столь замѣчательныя существа, на вѣки.

Мѣсто воспитателя было принято еще и потому что и имѣннице оставшееся послѣ первой супруги Степана Трофимовича, — очень маленькое, — приходилось совершенно рядомъ со Скворешниками, великолѣпнымъ подгороднымъ имѣніемъ Ставрогиныхъ въ нашей губерніи. Къ тому же всегда возможно было, въ тиши кабинета, и уже не отвлекаясь огромностью университетскихъ занятій, посвятить себя дѣлу науки и обогатить отечественную словесность глубочайшими изслѣдованіями. Изслѣдованій не оказалось; но за то оказалось возможнымъ простоять всю остальную жизнь, болѣе двадцати лѣтъ, такъ-сказать «воплощенной укоризной» предъ отчизной, по выраженію народнаго поэта:

Воплощенной укоризною
Ты стоялъ предъ отчизною,
Либераль-идеалистъ.

Но то лицо о которомъ выразился народный поэтъ можетъ-быть и имѣло право всю жизнь позировать въ этомъ смыслѣ, еслибы того захотѣло, хотя это и скучно. Нашъ же Степанъ Трофимовичъ, по правдѣ, былъ только подражателемъ сравнительно съ подобными лицами, да и стоять уставалъ и частенько полеживалъ на боку. Но хотя и на боку, а воплощенность укоризны сохранялась и въ лежащемъ положеніи, — надо отдать справедливость, тѣмъ болѣе что для губерніи было и того достаточно. Посмотрѣли бы вы на него у насъ въ клубѣ, когда онъ садится за карты. Весь видъ его говорилъ: «Карты! Я сажусь съ вами въ ералашъ! Развѣ это совмѣстно? Кто жь отвѣчаетъ за это? Кто разбилъ мою дѣятельность и обратилъ ее въ ералашъ? Э, погибай Россія!» и онъ осанисто козырялъ съ червей.

А по правдѣ, ужасно любилъ сразиться въ карточки, за что, и особенно въ послѣднее время, имѣлъ частыя и непріятныя стычки съ Варварой Петровной, тѣмъ болѣе что постоянно проигрывалъ. Но объ этомъ послѣ. Замѣчу лишь что это былъ человѣкъ даже совѣстливый (то-есть иногда), а потому часто грустилъ. Въ продолженіе всей двадцатилѣтней дружбы съ Варварой Петровной, онъ раза по три и по четыре въ годъ регулярно впадалъ въ такъ называемую между нами «гражданскую скорбь», то-есть просто въ хандру, но словечко это нравилось многоуважаемой Варварѣ Петровнѣ. Въ послѣдствіи, кромѣ гражданской скорби, онъ сталъ впадать и въ шампанское; но чуткая Варвара Петровна всю жизнь охраняла его отъ всѣхъ тривіальныхъ наклонностей. Да онъ и ну

ждался въ нянькѣ, потому что становился иногда очень страненъ: въ срединѣ самой возвышенной скорби, онъ вдругъ зачиналъ смѣяться самымъ простонароднѣйшимъ образомъ. Находили минуты что даже о самомъ себѣ начиналъ выражаться въ юмористическомъ смыслѣ. Но ничего такъ не боялась Варвара Петровна какъ юмористическаго смысла. Это была женщина классикъ, женщина меценатка, дѣйствовавшая въ видахъ однихъ лишь высшихъ соображеній. Капитально было двадцатилѣтнее вліяніе этой высшей дамы на ея бѣднаго друга. О ней надо бы поговорить особенно, что я и сдѣлаю.

III.

Есть дружбы странныя: оба друга одинъ другаго почти съѣсть хотятъ, всю жизнь такъ живутъ, а между тѣмъ разстаться не могутъ. Разстаться даже никакъ нельзя: раскапризившійся и разорвавшій связь другъ первый же заболѣетъ и пожалуй умретъ, если это случится. Я положительно знаю что Степанъ Трофимовичъ нѣсколько разъ, и иногда послѣ самыхъ интимныхъ изліяній глазъ на глазъ съ Варварой Петровной, по уходѣ ея, вдругъ вскакивалъ съ дивана и начиналъ колотить кулаками въ стѣну.

Происходило это безъ малѣйшей аллегоріи, такъ даже что однажды отбилъ отъ стѣны штукатурку. Можетъ-быть спросятъ: какъ могъ я узнать такую тонкую подробность? А что если я самъ бывалъ свидѣтелемъ? Что если самъ Степанъ Трофимовичъ неоднократно рыдалъ на моемъ плечѣ, въ яркихъ краскахъ рисуя предо мной всю свою подноготную? (И ужъ чего-чего при этомъ не говорилъ!) Но вотъ что случалось почти всегда послѣ этихъ рыданій: назавтра онъ уже готовъ былъ распять самого себя за неблагодарность; поспѣшно призывалъ меня къ себѣ или прибѣгалъ ко мнѣ самъ, единственно чтобы возвѣстить мнѣ что Варвара Петровна «ангелъ чести и деликатности, а онъ совершенно противоположное». Онъ не только ко мнѣ прибѣгалъ, но неоднократно описывалъ все это ей самой въ краснорѣчивѣйшихъ письмахъ, и признавался ей, за своею полною подписью, что не далѣе какъ напимѣръ вчера, онъ разказывалъ постороннему лицу что она держитъ его изъ тщеславія, завидуетъ его учености и талантамъ; ненавидитъ его и боится только выказать свою ненависть явно, въ страхъ чтобъ онъ не ушелъ отъ нея и тѣмъ не повредилъ ея литературной репутаціи; что вслѣдствіе этого онъ себя презираетъ и рѣшился погибнуть насильственною смертію; а отъ нея ждетъ послѣдняго слова, которое все рѣшитъ, и пр., и пр., все въ этомъ родѣ. Можно представить послѣ этого до какой истерики доходили иногда нервные взрывы этого невиннѣйшаго изъ

всѣхъ пятидесятилѣтнихъ младенцевъ! Я самъ однажды читалъ одно изъ таковыхъ его писемъ, послѣ какой-то между ними ссоры, изъ-за ничтожной причины, но ядовитой по выполненію. Я ужаснулся и умолялъ не посылать письма.

— Нельзя.... честнѣе.... долгъ.... я умру если не признаюсь ей во всемъ, во всемъ! отвѣчалъ онъ чуть не въ горячкѣ, и послалъ-таки письмо.

Въ томъ-то и была разница между ними что Варвара Петровна никогда бы не послала такого письма. Правда, онъ писать любилъ безъ памяти, писалъ къ ней даже живя въ одномъ съ нею домѣ, а въ истерическихъ случаяхъ и по два письма въ день. Я знаю навѣрное что она всегда внимательнѣйшимъ образомъ эти письма прочитывала, даже въ случаѣ и двухъ писемъ въ день, и прочитавъ, складывала въ особый ящикъ, помѣченныя и разсортированныя; кромѣ того слагала ихъ въ сердце свое. Затѣмъ, выдержавъ своего друга весь день безъ отвѣта, встрѣчалась съ нимъ какъ ни въ чемъ не бывало, будто ровно ничего вчера особеннаго не случилось. Мало-по-малу она такъ его вымуштровала что онъ уже и самъ не смѣлъ напоминать о вчерашнемъ, а только заглядывалъ ей нѣкоторое время въ глаза. Но она ничего не забывала, а онъ забывалъ иногда слишкомъ ужъ скоро и ободренный ея же спокойствіемъ, нерѣдко въ тотъ же день смѣялся и школьничалъ за шампанскимъ, если приходили пріятели. Съ какимъ должно-быть ядомъ она смотрѣла на него въ тѣ минуты, а онъ ничего-то не примѣчалъ! Развѣ черезъ недѣлю, черезъ мѣсяць, или даже черезъ полгода, въ какую-нибудь особую минуту, нечаянно вспомнивъ какое-нибудь выраженіе изъ такого письма, а затѣмъ и все письмо, со всѣми обстоятельствами, онъ вдругъ сгоралъ отъ стыда и до того бывало мучился что заболѣвалъ своими припадками холерины. Эти особенныя съ нимъ припадки, въ родѣ холерины, бывали въ нѣкоторыхъ случаяхъ обыкновеннымъ исходомъ его нервныхъ потрясеній и представляли собою нѣкоторый любопытный въ своемъ родѣ куріозъ въ его тѣлосложеніи.

Дѣйствительно, Варвара Петровна навѣрно и весьма часто его ненавидѣла; но онъ одного только въ ней не примѣтилъ до самого конца, того что сталъ наконецъ для нея ея сыномъ, ея созданиемъ, даже можно сказать ея изобрѣтеніемъ; сталъ плотью отъ плоти ея, и что она держитъ и содержитъ его вовсе не изъ одной только «зависти къ его талантамъ». И какъ должно-быть она была оскорбляема такими предположеніями! Въ ней таилась какая-то нестерпимая любовь къ нему, среди непрерывной ненависти, ревности и презрѣнія. Она охраняла его отъ каждой пылинки, нянчилась съ нимъ двадцать два года, не спала бы

цѣлыхъ ночей отъ заботы, еслибы дѣло коснулось до его репутаціи поэта, ученаго, гражданскаго дѣятеля. Она его выдумала, и въ свою выдумку сама же первая и увѣровала. Онъ былъ нѣчто въ родѣ какой-то ея мечты.... Но она требовала отъ него за это дѣйствительно многого, иногда даже рабства. Злопамятна же была до невѣроятности. Кстати ужъ разкажу два анекдота.

IV.

Однажды, еще при первыхъ слухахъ объ освобожденіи крестьянъ, когда вся Россія вдругъ взликовала и готовилась вся возродиться, посѣтилъ Варвару Петровну одинъ проѣзжій петербургскій баронъ, человѣкъ съ самыми высокими связями и стоявшій весьма близко у дѣла. Варвара Петровна чрезвычайно цѣнила подобныя посѣщенія, потому что связи ея въ обществѣ высшемъ, по смерти ея супруга, все болѣе и болѣе ослабѣвали, подъ конецъ и совсѣмъ прекратились. Баронъ просидѣлъ у нея часъ и кушалъ чай. Никого другихъ не было, но Степана Трофимовича Варвара Петровна пригласила и выставила. Баронъ о немъ кое-что даже слышалъ и прежде, или сдѣлалъ видъ что слышалъ, но за чаемъ мало къ нему обращался. Разумѣется Степанъ Трофимовичъ въ грязь себя ударить не могъ, да и манеры его были самыя изящныя. Хотя происхожденія онъ былъ, кажется, не высокаго, но случилось такъ что воспитанъ былъ съ самаго малолѣтства въ одномъ знатномъ домѣ въ Москвѣ и стало-быть прилично; по-французски говорилъ какъ Парижанинъ. Такимъ образомъ баронъ съ перваго взгляда долженъ былъ понять какими людьми Варвара Петровна окружаетъ себя, хотя бы и въ губернскомъ уединеніи. Вышло однако не такъ. Когда баронъ подтвердилъ положительно совершенную достовѣрность только что разнесшихся тогда первыхъ слуховъ о великой реформѣ, Степанъ Трофимовичъ вдругъ не вытерпѣлъ и крикнулъ *ура!* и даже сдѣлалъ рукой какой-то жестъ, изображавшій восторгъ. Крикнулъ онъ не громко и даже изящно; даже можетъ-быть восторгъ былъ преднамѣренный, а жестъ нарочно заученъ предъ зеркаломъ, за полчаса предъ чаемъ; но должно-быть у него что-нибудь тутъ не вышло, такъ что баронъ позволилъ себѣ чуть-чуть улыбнуться, хотя тотчасъ же необыкновенно вѣжливо вернулъ фразу о всеобщемъ и надлежащемъ умиленіи всѣхъ русскихъ сердецъ въ виду великаго событія. Затѣмъ скоро уѣхалъ и уѣзжая не забылъ протянуть и Степану Трофимовичу два пальца. Возвратясь въ гостиную, Варвара Петровна сначала молчала минуты три, что-то какъ бы отыскивая на столѣ; но вдругъ обернулась къ Степану Трофимовичу, и блѣдная, со сверкающими глазами, процѣдила шепотомъ:

— Я вамъ этого никогда не забуду!

На другой день она встрѣтилась со своимъ другомъ какъ ни въ чемъ не бывало; о случившемся никогда не поминала. Но тринадцать лѣтъ спустя, въ одну трагическую минуту, припомнила и попрекнула его, и такъ же точно поблѣднѣла какъ и тринадцать лѣтъ назадъ, когда въ первый разъ попрекала. Только два раза во всю свою жизнь сказала она ему: «я вамъ этого никогда не забуду!» Случай съ барономъ былъ уже второй случай; но и первый случай въ свою очередь такъ характеренъ и кажется такъ много означалъ въ судьбѣ Степана Трофимовича что я рѣшаюсь и о немъ упомянуть.

Это было въ пятьдесятъ пятомъ году, весной, въ маѣ мѣсяцѣ, именно послѣ того какъ въ Скворешникахъ случилось извѣстіе о кончинѣ генераль-лейтенанта Ставрогина, старца легкомысленнаго, скончавшагося отъ разстройства въ желудкѣ, по дорогѣ въ Крымъ, куда онъ спѣшилъ по назначенію въ дѣйствующую армію. Варвара Петровна осталась вдовой и облеклась въ полный трауръ. Правда, не могла она горевать очень много; ибо въ послѣдніе четыре года жила съ мужемъ въ совершенной разлукѣ, по несходству характеровъ, и производила ему пенсіонъ. (У самого генераль-лейтенанта было всего только полтора ста душъ и жалованье, кромѣ того знатность и связи; а все богатство и Скворешники принадлежали Варварѣ Петровнѣ, единственной дочери одного очень богатаго откупщика.) Тѣмъ не менѣе она была потрясена неожиданностію извѣстія и удалилась въ полное уединеніе. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ находился при ней безотлучно.

Май былъ въ полномъ расцвѣтѣ; вечера стояли удивительные. Зацвѣла черемуха. Оба друга сходились каждый вечеръ въ саду и просиживали до ночи въ бесѣдкѣ, изливая другъ предъ другомъ свои чувства и мысли. Минуты бывали поэтическія. Варвара Петровна подъ впечатлѣніемъ переменъ въ судьбѣ своей говорила больше обыкновеннаго. Она какъ бы льнула къ сердцу своего друга и такъ продолжалось нѣсколько вечеровъ... Одна странная мысль вдругъ осѣнила Степана Трофимовича: «не разчитываетъ ли неутѣшная вдова на него и не ждетъ ли, въ концѣ траурнаго года, предложенія съ его стороны?» Мысль циническая; но вѣдь возвышенность организациі даже иногда способствуетъ наклонности къ циническимъ мыслямъ, уже по одной только многосторонности развитія. Онъ сталъ вникать и нашелъ что походило на то. Онъ задумался: «Состояніе огромное, правда, но....» Дѣйствительно, Варвара Петровна не совсѣмъ походила на красавицу: это была высокая, желтая, костлявая женщина, съ чрезмѣрно длиннымъ лицомъ, напоминавшимъ что-то лошадиное. Все болѣе и болѣе колебался Степанъ Трофимовичъ,

мучился сомнѣніями, даже всплакнулъ раза два отъ нерѣшимости (плакалъ онъ довольно часто). По вечерамъ же, то-есть въ бесѣдкѣ, лицо его какъ-то невольно стало выражать нѣчто капризное и насмѣшливое, нѣчто кокетливое и въ то же время высокомерное и упрямое. Это какъ-то нечаянно, невольно дѣлается, и даже чѣмъ благороднѣе человѣкъ, тѣмъ оно и замѣтнѣе. Богъ знаетъ какъ тутъ судить, но вѣроятнѣе что ничего и не начиналось въ сердцѣ Варвары Петровны такого что могло бы оправдать вполнѣ подозрѣнія Степана Трофимовича. Да и не промѣняла бы она своего имени Ставрогиной на его имя, хотя бы и столь славное. Можетъ-быть была всего только одна лишь женственная игра съ ея стороны, проявленія бессознательной женской потребности, столь натуральной въ иныхъ чрезвычайныхъ женскихъ случаяхъ. Впрочемъ не поручусь; неизслѣдима глубина женскаго сердца даже и до сегодня! Но продолжаю.

Надо думать что она скоро про себя разгадала странное выраженіе лица своего друга; она была чутка и приглядчива, онъ же слишкомъ иногда невиненъ. Но вечера шли попрежнему, и разговоры были такъ же поэтичны и интересны. И вотъ однажды, съ наступленіемъ ночи, послѣ самаго оживленнаго и поэтическаго разговора, они дружески разстались, горячо пожавъ другъ другу руки у крыльца флигеля въ которомъ квартировалъ Степанъ Трофимовичъ. Каждое лѣто онъ перебирался въ этотъ флигелекъ, стоявшій почти въ саду, изъ огромнаго барскаго дома Скворешниковъ. Только-что онъ вошелъ къ себѣ и, въ хлопотливомъ раздумьи, взявъ сигару и еще не успѣвъ ее закурить, остановился, усталый, неподвижно предъ раскрытымъ окномъ, приглядываясь къ легкимъ какъ пухъ бѣлымъ облачкамъ, скользившимъ вокругъ яснаго мѣсяца, какъ вдругъ легкій шорохъ заставилъ его вздрогнуть и обернуться. Предъ нимъ опять стояла Варвара Петровна, которую онъ оставилъ всего только четыре минуты назадъ. Желтое лицо ея почти посинѣло, губы были сжаты и вздрагивали по краямъ. Секундъ десять полныхъ смотрѣла она ему въ глаза молча, твердымъ, неумолимымъ взглядомъ, и вдругъ прошептала скороговоркой:

— Я никогда вамъ этого не забуду!

Когда Степанъ Трофимовичъ, уже десять лѣтъ спустя, передавалъ мнѣ эту грустную повѣсть шепотомъ, заперевъ сначала двери, то клялся мнѣ что онъ до того остолбенѣлъ тогда на мѣстѣ что не слышалъ и не видѣлъ какъ Варвара Петровна исчезла. Такъ какъ она никогда ни разу потомъ не намекала ему на происшедшее и все пошло какъ ни въ чемъ не бывало, то онъ всю жизнь наклоненъ былъ къ мысли что все это была одна галлюцинація предъ болѣзнію, тѣмъ болѣе что въ ту же ночь онъ и

вправду заболѣлъ на цѣлыхъ двѣ недѣли, что, кстати, прекратило и свиданія въ бесѣдкѣ.

Но несмотря на мечту о галюцинаціи, онъ каждый день, всю свою жизнь, какъ бы ждалъ продолженія и такъ-сказать развязки этого событія. Онъ не вѣрилъ что оно такъ и кончилось! А если такъ, то странно же онъ долженъ былъ иногда поглядывать на своего друга.

V.

Она сама сочинила ему даже костюмъ, въ которомъ онъ и проходилъ всю свою жизнь. Костюмъ былъ изященъ и характеренъ: длиннополый, черный сюртукъ, почти до верху застегнутый, но щегольски сидѣвшій; мягкая шляпа (лѣтомъ соломенная) съ широкими полями; галстукъ бѣлый, батистовый, съ большимъ узломъ и висячими концами; трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, при этомъ волосы до плечъ. Онъ былъ темнорусъ и волосы его только въ послѣднее время начали немного сѣдѣть. Усы и бороду онъ брилъ. Говорятъ, въ молодости онъ былъ чрезъвычайно красивъ собой. Но по моему, и въ старости былъ необыкновенно внушителенъ. Да и какая же старость въ пятьдесятъ три года? Но по нѣкоторому гражданскому кокетству, онъ не только не молодился, но какъ бы и щеголялъ солидностію лѣтъ своихъ, и въ костюмѣ своемъ, высокій, сухощавый, съ волосами до плечъ, походилъ какъ бы на патріарха или, еще вѣрнѣе, на портретъ поэта Кукольника, литографированный въ тридцатыхъ годахъ при какомъ-то изданіи, особенно когда сидѣлъ лѣтомъ въ саду, на лавкѣ, подъ кустомъ расцвѣтшей сирени, опершись обѣими руками на трость, съ раскрытою книгой подлѣ и поэтически задумавшись надъ закатомъ солнца. Насчетъ книгъ замѣчу что подъ конецъ онъ сталъ какъ-то удаляться отъ чтенія. Впрочемъ это ужъ подъ самый конецъ. Газеты и журналы, выписываемые Варварой Петровной во множествѣ, онъ читалъ постоянно. Успѣхами русской литературы тоже постоянно интересовался, хотя и нисколько не теряя своего достоинства. Увлекся было когда-то изученіемъ высшей современной политики нашихъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, но вскорѣ, махнувъ рукой, оставилъ предпріятіе. Бывало и то: возьметъ съ собою въ садъ Токевиля, а въ кармашкѣ несетъ спрятаннаго Поль-де-Кока. Но впрочемъ это пустяки.

Замѣчу въ скобкахъ и о портретѣ Кукольника: попалась эта картинка Варварѣ Петровнѣ въ первый разъ когда она находилась, еще дѣвочкой, въ благородномъ пансіонѣ въ Москвѣ. Она тотчасъ же влюбилась въ портретъ, по обыкновенію всѣхъ дѣвочекъ въ пансіонахъ, влюбляющихся во что ни попало, а вмѣстѣ и въ своихъ учителей, преимуще-

ственно чистописанія и рисованія. Но любопытны въ этомъ не свойства дѣвочки, а то что даже и въ пятьдесятъ лѣтъ Варвара Петровна сохранила эту картинку въ числѣ самыхъ интимныхъ своихъ драгоценностей, такъ что и Степану Трофимовичу можетъ-быть только поэтому сочинила нѣсколько похожій на изображенный на картинкѣ костюмъ. Но и это конечно мелочь.

Въ первые годы, или точнѣе въ первую половину пребыванія у Варвары Петровны, Степанъ Трофимовичъ все еще помышлялъ о какомъ-то сочиненіи и каждый день серьезно собирался его писать. Но во вторую половину онъ должно-быть и зады позабылъ. Все чаще и чаще онъ говорилъ намъ: «Кажется готовъ къ труду, матеріалы собраны, и вотъ не работается! Ничего не дѣлается!» и опускалъ голову въ уныніи. Безъ сомнѣнія это-то и должно было придать ему еще больше величія въ нашихъ глазахъ, какъ страдальцу науки; но самому ему хотѣлось чего-то другаго. «Забыли меня, никому я не нуженъ!» вырывалось у него не разъ. Эта усиленная хандра особенно овладѣла имъ въ самомъ концѣ пятидесятихъ годовъ. Варвара Петровна поняла наконецъ что дѣло серьезное. Да и не могла она перенести мысли о томъ что другъ ея забыть и не нуженъ. Чтобы развлечь его, а вмѣстѣ для подновленія славы, она свозила его тогда въ Москву, гдѣ у ней было нѣсколько изящныхъ литературныхъ и ученыхъ знакомствъ; но вскорѣ оказалось что и Москва неудовлетворительна.

Тогда было время особенное; наступило что-то новое, очень ужъ не похожее на прежнюю тишину, и что-то очень ужъ странное, но вездѣ ощущаемое, даже въ Скворешникахъ. Доходили разные слухи. Факты были вообще извѣстны болѣе или мѣнее, но очевидно было что кромѣ фактовъ явились и какія-то сопровождавшія ихъ идеи, и главное въ чрезмѣрномъ количествѣ. А это-то и смущало: никакъ невозможно было примѣниться и въ точности узнать что именно означали эти идеи? Варвара Петровна, вслѣдствіе женскаго устройства природы своей, непремѣнно хотѣла подразумевать въ нихъ секретъ. Она принялась было сама читать газеты и журналы, заграничныя запрещенныя изданія и даже начавшіяся тогда прокламаціи (все это ей доставлялось); но у ней только голова закружилась. Принялась она писать письма: отвѣчали ей мало, и чѣмъ далѣе, тѣмъ непонятнѣе. Степанъ Трофимовичъ торжественно приглашенъ былъ объяснить ей «всѣ эти идеи» разъ навсегда; но объясненіями его она осталась положительно недовольна. Взглядъ Степана Трофимовича на всеобщее движеніе былъ въ высшей степени высококомѣрный; у него все сводилось на то что онъ самъ забыть и никому не нуженъ. Наконецъ и о немъ вспомянули, сначала въ заграничныхъ

изданіяхъ, какъ о ссыльномъ страдальцѣ, и потомъ тотчасъ же въ Петербургѣ, какъ о бывшей звѣздѣ въ извѣстномъ созвѣздіи; даже сравнивали его почему-то съ Радищевымъ. Затѣмъ кто-то напечаталъ что онъ уже умеръ и обѣщалъ его некрологъ. Степанъ Трофимовичъ мигомъ воскресъ и сильно пріосанился. Все высокоомѣріе его взгляда на современниковъ разомъ соскочило, и въ немъ загорѣлась мечта: примкнуть къ движенію и показать свои силы. Варвара Петровна тотчасъ же вновь и во все увѣровала и ужасно засуетилась. Рѣшено было ѣхать въ Петербургъ безъ малѣйшаго отлагательства, разузнать все на дѣлѣ, вникнуть лично и, если возможно, войти въ новую дѣятельность всецѣло и нераздѣльно. Между прочимъ она объявила что готова основать свой журналъ и посвятить ему отнынѣ всю свою жизнь. Увидавъ что дошло даже до этого, Степанъ Трофимовичъ сталъ еще высокоомѣрнѣе, въ дорогѣ же началъ относиться къ Варварѣ Петровнѣ почти покровительственно, — что она тотчасъ же сложила въ сердцѣ своемъ. Впрочемъ у ней была и другая весьма важная причина къ поѣздкѣ, именно возобновленіе высшихъ связей. Надо было, по возможности, напомнить о себѣ въ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ попытаться. Гласнымъ же предлогомъ къ путешествію было свиданіе съ единственнымъ сыномъ, оканчивавшимъ тогда курсъ наукъ въ петербургскомъ лицѣѣ.

VI.

Они съѣздили и прожили въ Петербургѣ почти весь зимній сезонъ. Все, однако, къ Великому посту лопнуло какъ радужный мыльный пузырь. Мечты разлетѣлись, а сумбуръ не только не выяснился, но сталъ еще отвратительнѣе. Впервыхъ, высшія связи почти не удалась, развѣ въ самомъ микроскопическомъ видѣ и съ унижительными натяжками. Оскорбленная Варвара Петровна бросилась было всецѣло въ «новыя идеи» и открыла у себя вечера. Она позвала литераторовъ, и къ ней ихъ тотчасъ же привели во множествѣ. Потомъ уже приходили и сами, безъ приглашенія; одинъ приводилъ другаго. Никогда еще она не видывала такихъ литераторовъ. Они были тщеславны до невозможности, но совершенно открыто, какъ бы тѣмъ исполняя обязанность. Иные (хотя и далеко не всѣ) являлись даже пьяные, но какъ бы сознавая въ этомъ особенную, вчера только открытую красоту. Всѣ они чѣмъ-то гордились до странности. На всѣхъ лицахъ было написано что они сейчасъ только открыли какой-то чрезвычайно важный секретъ. Они бранились, вмѣняя себѣ это въ честь. Довольно трудно было узнать что именно они написали; но тутъ были критики, романисты, драматурги, сатирики, обличители. Степанъ Трофимовичъ проникъ даже въ самый высшій ихъ кругъ,

туда откуда управляли движеніемъ. До управляющихъ было до невѣроятности высоко, но его они встрѣтили радушно, хотя конечно никто изъ нихъ ничего о немъ не зналъ и не слыхивалъ кромѣ того что онъ «представляетъ идею». Онъ до того маневрировалъ около нихъ что и ихъ звалъ раза два въ салонъ Варвары Петровны, несмотря на все ихъ олимпійство. Эти были очень серіозны и очень вѣжливы; держали себя хорошо; остальные видимо ихъ боялись; но очевидно было что имъ некогда. Явились и двѣ-три прежнія литературныя знаменитости, случившіяся тогда въ Петербургѣ и съ которыми Варвара Петровна давно уже поддерживала самыя изящныя отношенія. Но къ удивленію ея эти дѣйствительныя и уже несомнѣнныя знаменитости были тише воды, ниже травы, а иныя изъ нихъ просто льнули ко всему этому новому сброду и позорно у него заискивали. Сначала Степану Трофимовичу повезло; за него ухватились и стали его выставять на публичныхъ литературныхъ собраніяхъ. Когда онъ вышелъ въ первый разъ на эстраду, въ одномъ изъ публичныхъ литературныхъ чтеній, въ числѣ читавшихъ, раздались неистовыя рукоплесканія, не умолкавшія минутъ пять. Онъ со слезами вспоминалъ объ этомъ девять лѣтъ спустя, — впрочемъ скорѣе по жестокости своей натуры, чѣмъ изъ благодарности. «Клянусь же вамъ и пари держу», говорилъ онъ мнѣ самъ (но только мнѣ и по секрету), «что никто-то изо всей этой публики знать не зналъ о мнѣ ровнешенько ничего!» Признаніе замѣчательное: стало-быть былъ же въ немъ острый умъ, если онъ тогда же, на эстрадѣ, могъ такъ ясно понять свое положеніе, несмотря на все свое упоеніе; и стало-быть не было въ немъ остраго ума, если онъ даже девять лѣтъ спустя не могъ вспомнить о томъ безъ ощущенія обиды. Его заставили подписаться подъ двумя или тремя коллективными протестами (противъ чего онъ и самъ не зналъ); онъ подписался. Варвару Петровну тоже заставили подписаться подъ какимъ-то «безобразнымъ поступкомъ», и та подписалась. Впрочемъ большинство этихъ новыхъ людей хоть и посѣщали Варвару Петровну, но считали себя почему-то обязанными смотрѣть на нее съ презрѣніемъ и съ нескрываемою насмѣшкой. Степанъ Трофимовичъ намекалъ мнѣ потомъ, въ горькія минуты, что она съ тѣхъ-то поръ ему и позавидовала. Она конечно понимала что ей нельзя водиться съ этими людьми, но все-таки принимала ихъ съ жадностію, со всѣмъ женскимъ истерическимъ нетерпѣніемъ и, главное, все чего-то ждала. На вечерахъ она говорила мало, хотя и могла бы говорить; но она больше вслушивалась. Говорили объ уничтоженіи цензуры и буквы ъ, о замѣненіи русскихъ буквъ латинскими, о вчерашней ссылкѣ такого-то, о какомъ-то скандалѣ въ Пассаждѣ, о полезности раздробленія Россіи по народностямъ съ вольною

федеративною связью, объ уничтоженіи арміи и флота, о возстановленіи Польши по Днѣпръ, о крестьянской реформѣ и прокламаціяхъ, объ уничтоженіи наслѣдства, семейства, дѣтей и священниковъ, о правахъ женщины, о домѣ Краевского, котораго никто и никогда не могъ простить господину Краевскому, и пр. и пр. Ясно было что въ этомъ сбродѣ новыхъ людей много мошенниковъ, но несомнѣнно было что много и честныхъ, весьма даже привлекательныхъ лицъ, несмотря на нѣкоторые все-таки удивительные оттѣнки. Честные были гораздо непонятнѣе безчестныхъ и грубыхъ; но неизвѣстно было кто у кого въ рукахъ. Когда Варвара Петровна объявила свою мысль объ изданіи журнала, то къ ней хлынуло еще больше народу, но тотчасъ же посыпались въ глаза обвиненія что она капиталистка и эксплуатируетъ трудъ. Безцеремонность обвиненій равнялась только ихъ неожиданности. Престарѣлый генералъ Иванъ Ивановичъ Дроздовъ, прежній другъ и сослуживецъ покойнаго генерала Ставрогина, человѣкъ достойнѣйшій (но въ своемъ родѣ) и котораго всѣ мы здѣсь знаемъ, до крайности строптивый и раздражительный, ужасно много ѣвшій и ужасно боявшійся атеизма, заспорилъ на одномъ изъ вечеровъ Варвары Петровны съ однимъ знаменитымъ юношей. Тотъ ему первымъ словомъ: «Вы стало-быть генералъ, если такъ говорите», то-есть въ томъ смыслѣ что уже хуже генерала онъ и брани не могъ найти. Иванъ Ивановичъ вспылить чрезвычайно: «Да, сударь, я генералъ и генералъ-лейтенантъ, и служилъ государю моему, а ты, сударь, мальчишка и безбожникъ!» Произшолъ скандалъ непозволительный. На другой день случай былъ обличенъ въ печати, и начала собираться коллективная подписка противъ «безобразнаго поступка» Варвары Петровны, не захотѣвшей тотчасъ же прогнать генерала. Въ иллюстрированномъ журналѣ явилась карикатура въ которой язвительно скопировали Варвару Петровну, генерала и Степана Трофимовича на одной картинкѣ, въ видѣ трехъ ретроградныхъ друзей; къ картинкѣ приложены были и стихи, написанные народнымъ поэтомъ единственно для этого случая. Замѣчу отъ себя что дѣйствительно у многихъ особъ въ генеральскихъ чинахъ есть привычка смѣшно говорить: «Я служилъ государю моему»... то-есть точно у нихъ не тотъ же государь какъ и у насъ, простыхъ государевыхъ подданныхъ, а особенный, ихній.

Оставаться долѣе въ Петербургѣ было, разумѣется, невозможно, тѣмъ болѣе что и Степана Трофимовича постигло окончательное fiasco. Онъ не выдержалъ и сталъ заявлять о правахъ искусства, а надъ нимъ стали еще громче смѣяться. На послѣднемъ чтеніи своемъ онъ задумалъ подѣйствовать гражданскимъ краснорѣчіемъ, воображая тронуть сердца и разчитывая на почтеніе къ своему «изгнанію». Онъ безспорно согла-

сился въ бесполезности и комичности слова «отечество»; согласился и съ мыслию о вредѣ религіи, но громко и твердо заявилъ что сапоги ниже Пушкина и даже гораздо. Его безжалостно освистали, такъ что онъ тутъ же, публично, не сойдя съ эстрады, расплакался. Варвара Петровна привезла его домой едва живаго. «On m'a traite comme un vieux bonnet de coton!»¹ лепеталъ онъ бессмысленно. Она ходила за нимъ всю ночь, давала ему лавровишневыхъ капель и до разсвѣта повторяла ему: «Вы еще полезны; вы еще явитесь; васъ оцѣнятъ... въ другомъ мѣстѣ.»

На другой же день, рано утромъ, явились къ Варварѣ Петровнѣ пять литераторовъ, изъ нихъ трое совсѣмъ незнакомыхъ, которыхъ она никогда и не видывала. Со строгимъ видомъ они объявили ей что разсмотрѣли дѣло о ея журналѣ и принесли по этому дѣлу рѣшеніе. Варвара Петровна рѣшительно никогда и никому не поручала разсматривать и рѣшать что-нибудь о ея журналѣ. Рѣшеніе состояло въ томъ чтобъ она, основавъ журналъ, тотчасъ же передала его имъ вмѣстѣ съ капиталами, на правахъ свободной ассоціаціи; сама же чтобъ уѣзжала въ Скворешники, не забывъ захватить съ собою Степана Трофимовича, «который устарѣлъ». Изъ деликатности они соглашались признавать за нею права собственности и высылать ей ежегодно одну шестую чистаго барыша. Всего трогательнѣе было то что изъ этихъ пяти человѣкъ навѣрное четверо не имѣли при этомъ никакой стяжательной цѣли, а хлопотали только во имя «общаго дѣла».

— Мы выѣхали какъ одурѣлые, разказывалъ Степанъ Трофимовичъ, — я ничего не могъ сообразить и, помню, все лепеталъ подъ стукъ вагона:

«Вѣкъ и Вѣкъ и Левъ Камбекъ
Левъ Камбекъ и Вѣкъ и Вѣкъ...»

и чортъ знаетъ что еще такое, вплоть до самой Москвы. Только въ Москвѣ опомнился — какъ будто и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь другое въ ней могъ найти? О, друзья мои! иногда восклицалъ онъ намъ во вдохновеніи, — вы представить не можете какая грусть и злость охватываетъ всю вашу душу, когда великую идею, вами давно уже и свято чтимую, подхватятъ неумѣлые и вытащутъ къ такимъ же дуракамъ какъ и сами на улицу, и вы вдругъ встрѣчаете ее уже на толкучемъ, не узнаваемую, въ грязи, поставленную нелѣпо, угломъ, безъ пропорціи, безъ гармоніи, игрушкой у глупыхъ ребятъ! Нѣтъ! Въ наше время было не такъ, и мы

¹ «Со мной обошлись какъ со старымъ ночнымъ колпаком!» (фран.).

Здесь и далее все переводы иноязычныхъ текстовъ печатаются по современному изданію романа в новой орфографіи. — Прим. *Im Werden*.

не къ тому стремились. Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не къ тому. Я не узнаю ничего... Наше время настанетъ опять и опять направитъ на твердый путь все шатающееся, теперешнее. Иначе что же будетъ?...

VII.

Тотчасъ же по возвращеніи изъ Петербурга, Варвара Петровна отправила друга своего за границу: «отдохнуть»; да и надо было имъ разстаться на время, она это чувствовала. Степанъ Трофимовичъ поѣхалъ съ восторгомъ: «Тамъ я воскресну!» восклицалъ онъ, «тамъ, наконецъ, примусь за науку!» Но съ первыхъ же писемъ изъ Берлина онъ затянулъ свою всегдашнюю ноту: «Сердце разбито», писалъ онъ Варварѣ Петровнѣ, «не могу забыть ничего! Здѣсь, въ Берлинѣ, все напомнило мнѣ мое старое, прошлое, первые восторги и первыя муки. Гдѣ она? Гдѣ теперь онѣ обѣ? Гдѣ вы, два ангела, которыхъ я никогда не стоилъ? Гдѣ сынъ мой, возлюбленный сынъ мой? Гдѣ наконецъ я, я самъ, прежній я, стальной по силѣ и непоколебимый какъ утесъ, когда теперь какой-нибудь Andrejeff, un православный шутъ съ бородой, peut briser mon existence en deux»¹ и т. д. и т. д. Что касается до сына Степана Трофимовича, то онъ видѣлъ его всего два раза въ своей жизни, въ первый разъ когда тотъ родился, и во второй — недавно въ Петербургѣ, гдѣ молодой человѣкъ готовился поступить въ университетъ. Всю же свою жизнь мальчикъ, какъ уже и сказано было, воспитывался у тетокъ въ О-ской губерніи (на иждивеніи Варвары Петровны) за семьсотъ верстъ отъ Скворешниковъ. Что же касается до Andrejeff, то-есть Андреева, то это былъ просто-за-просто нашъ здѣшній купецъ, лавочникъ, большой чудакъ, археологъ-самоучка, страстный собиратель русскихъ древностей, иногда пикировавшійся со Степаномъ Трофимовичемъ познаніями, а главное въ направленіи. Это почтенный купецъ, съ сѣдою бородой и въ большихъ серебряныхъ очкахъ, не доплатилъ Степану Трофимовичу четырехсотъ рублей за купленные въ его имѣнницѣ (рядомъ со Скворешниками) нѣсколько десятинъ лѣсу на срубъ. Хотя Варвара Петровна и роскошно надѣлила своего друга средствами, отправляя его въ Берлинъ, но на эти четыреста рублей Степанъ Трофимовичъ, предъ поѣздкой, особо разчитывалъ, вѣроятно на секретные свои расходы, и чуть не заплакалъ когда Andrejeff попросилъ повременить одинъ мѣсяць, имѣя впрочемъ и право на такую отсрочку, ибо первые взносы денегъ произвелъ всѣ впередъ чуть не за полгода, по особенной тогдашней нуждѣ Степана Трофимовича. Варвара Петровна съ жадностію прочла это первое письмо, и подчеркнувъ карандашомъ восклицаніе: «гдѣ вы обѣ?» помѣтила числомъ и

¹ может разбить мою жизнь (франц.).

заперла въ шкатулку. Онъ конечно вспоминалъ о своихъ обѣихъ покойницахъ-женахъ. Во второмъ полученномъ изъ Берлина письмѣ пѣсня варьировалась: «Работаю по двѣнадцати часовъ въ сутки (хоть бы по одиннадцати, проворчала Варвара Петровна), роюсь въ библіотекахъ, свѣряюсь, выписываю, бѣгаю; былъ у профессоровъ. Возобновилъ знакомство съ превосходнымъ семействомъ Дундасовыхъ. Какая прелесть Надежда Николаевна даже до сихъ поръ! Вамъ кланяется. Молодой ея мужъ и всѣ три племянника въ Берлинѣ. По вечерамъ съ молодежью бесѣдуемъ до разсвѣта, и у насъ чуть не аѳинскіе вечера, но единственно по тонкости и изяществу; все благородное: много музыки, испанскіе мотивы, мечты всечеловѣческаго обновленія, идея вѣчной красоты, Сикстинская Мадонна, свѣтъ съ прорѣзами тьмы, но и въ солнцѣ пятна! О, другъ мой, благородный, вѣрный другъ! Я сердцемъ съ вами и вашъ, съ одной всегда, en tout pays¹, и хотя бы даже dans le pays de Makar et de ses veaux, о которомъ, помните, такъ часто мы трепеща говорили въ Петербургѣ предъ отъѣздомъ. Вспоминаю съ улыбкой. Переѣхавъ границу, ощутилъ себя безопаснымъ, ощущеніе странное, новое, впервые послѣ столь долгихъ лѣтъ....» и т. д. и т. д.

— Ну, все вздоръ! рѣшила Варвара Петровна, складывая и это письмо, — коль до разсвѣта аѳинскіе вечера, такъ не сидитъ же по двѣнадцати часовъ за книгами. Съ пьяну что ль написалъ? Эта Дундасова какъ смѣетъ мнѣ посылать поклоны? Впрочемъ, пусть его погуляетъ....

Фраза «dans le pays de Makar et de ses veaux» означала: «куда Макарь телятъ не гонялъ.» Степанъ Трофимовичъ нарочно глупѣйшимъ образомъ переводилъ иногда русскія пословицы и коренныя поговорки на французскій языкъ, безъ сомнѣнія умѣя и понять и перевести лучше; но это онъ дѣлывалъ изъ особаго рода шикю и находилъ его остроумнымъ.

Но погулялъ онъ не много, четырехъ мѣсяцевъ не выдержалъ и примчался въ Скворешники. Послѣднія письма его состояли изъ однихъ лишь изліяній самой чувствительной любви къ своему отсутствующему другу и буквально были смочены слезами разлуки. Есть натуры чрезвычайно приживающіяся къ дому, точно комнатныя собачки. Свиданіе друзей было восторженное. Черезъ два дня все пошло по старому и даже скучнѣе стараго. «Другъ мой», говорилъ мнѣ Степанъ Трофимовичъ черезъ двѣ недѣли, подъ величайшимъ секретомъ, «другъ мой, я открылъ ужасную для меня... новость: Je suis un простой приживальщикъ et rien de plus! Mais r-r-rien de plus!»²

¹ в любой стране (франц.).

² я всего лишь простой приживальщик, и ничего больше! Да, н-н-ничего больше! (фран.).

VIII.

Затѣмъ у насъ наступило затишье и тянулось почти сплошь всѣ эти девять лѣтъ. Историческіе взрывы и рыданія на моемъ плечѣ, продолжавшіеся регулярно, нисколько не мѣшали нашему благоденствію. Удивляюсь какъ Степанъ Трофимовичъ не растолстѣлъ за это время. Покраснѣлъ лишь немного его носъ и прибавилось благодушія. Мало-по-малу около него утвердился кружокъ пріятелей, впрочемъ, постоянно небольшой. Варвара Петровна хотъ и мало касалась кружка, но всѣ мы признавали ее нашею патронессой. Послѣ петербургскаго урока она поселилась въ нашемъ городѣ окончательно; зимой жила въ городскомъ своемъ домѣ, а лѣтомъ въ подгородномъ своемъ имѣніи. Никогда она не имѣла столько значенія и вліянія какъ въ послѣднія семь лѣтъ, въ нашемъ губернскомъ обществѣ, то-есть вплоть до назначенія къ намъ нашего теперешняго губернатора. Прежній губернаторъ нашъ, незабвенный и мягкій Иванъ Осиповичъ, приходился ей близкимъ родственникомъ и былъ когда-то ею облагодѣтельствованъ. Супруга его трепетала при одной мысли не угодить Варварѣ Петровнѣ, а поклоненіе губернскаго общества дошло до того что напоминало даже нѣчто грѣховное. Было, стало-быть, хорошо и Степану Трофимовичу. Онъ былъ членомъ клуба, осанисто проигрывалъ и заслужилъ почетъ, хотя многіе смотрѣли на него только какъ на «ученаго». Въ послѣдствіи, когда Варвара Петровна позволила ему жить въ другомъ домѣ, намъ стало еще свободнѣе. Мы собирались у него раза по два въ недѣлю; бывало весело, особенно когда онъ не жалѣлъ шампанскаго. Вино забиралось въ лавкѣ того же Андреева. Расплачивалась по счету Варвара Петровна каждые полгода, и день расплаты почти всегда бывалъ днемъ холерины.

Стариннѣйшимъ членомъ кружка былъ Липутинъ, губернской чиновникъ, человѣкъ уже не молодой, большой либераль и въ городѣ слышій атеистомъ. Женатъ онъ былъ во второй разъ на молоденькой и хорошенькой, взялъ за ней приданое и кромѣ того имѣлъ трехъ выросшихъ дочерей. Всю семью держалъ въ страхѣ Божиѣмъ и взаперти, былъ чрезмѣрно скупъ и службой скопилъ себѣ домикъ и капиталъ. Человѣкъ былъ безпокойный, притомъ въ маленькомъ чинѣ; въ городѣ его мало уважали, а въ высшемъ кругѣ не принимали. Къ тому же онъ былъ явный и не разъ уже наказанный сплетникъ, и наказанный больно, разъ однимъ офицеромъ, а въ другой разъ почтеннымъ отцомъ семейства, помѣщикомъ. Но мы любили его острый умъ, любознательность, его особенную злую веселость. Варвара Петровна не любила его, но онъ всегда какъ-то умѣлъ къ ней поддѣлаться.

Не любила она и Шатова, всего только въ послѣдній годъ ставшаго членомъ кружка. Шатовъ былъ прежде студентомъ и былъ исключенъ послѣ одной студентской исторіи изъ университета; въ дѣтствѣ же былъ ученикомъ Степана Трофимовича, а родился крѣпостнымъ Варвары Петровны, отъ покойнаго камердинера ея Павла Оедорова, и былъ ею облагодѣтельствованъ. Не любила она его за гордость и неблагодарность, и никакъ не могла простить ему что онъ по изгнаніи изъ университета не пріѣхалъ къ ней тотчасъ же; напротивъ, даже на тогдашнее нарочное письмо ея къ нему ничего не отвѣтилъ и предпочелъ закабалиться къ какому-то цивилизованному купцу учить дѣтей. Вмѣстѣ съ семьей этого купца онъ выѣхалъ за границу, скорѣе въ качествѣ дядьки чѣмъ гувернера; но ужь очень хотѣлось ему тогда за границу. При дѣтяхъ находилась еще и гувернантка, бойкая русская барышня, поступившая въ домъ тоже предъ самымъ выѣздомъ и принятая болѣе за дешевизну. Мѣсяца черезъ два купецъ ее выгналъ «за вольныя мысли». Поплелся за нею и Шатовъ, и въ скорости обвѣнчался съ нею въ Женевѣ. Прожили они вдвоемъ недѣли съ три, а потомъ разстались какъ вольные и ничѣмъ не связанные люди; конечно, тоже и по бѣдности. Долго потомъ скитался онъ одинъ по Европѣ, жилъ Богъ знаетъ чѣмъ; говорятъ, чистилъ на улицахъ сапоги и въ какомъ-то портѣ былъ носильщикомъ. Наконецъ, съ годъ тому назадъ вернулся къ намъ въ родное гнѣздо и поселился со старухой теткой, которую и схоронилъ черезъ мѣсяць. Съ сестрой своею Дашей, тоже воспитанницей Варвары Петровны, жившею у ней фавориткой на самой благородной ногѣ, онъ имѣлъ самыя рѣдкія и отдаленныя сношенія. Между нами былъ постоянно угрюмъ и неразговорчивъ; но изрѣдка, когда затрогивали его убѣжденія, раздражался болѣзненно и былъ очень неводерженъ на языкъ. «Шатова надо сначала связать, а потомъ ужь съ нимъ разсуждать», шутилъ иногда Степанъ Трофимовичъ; но онъ любилъ его. За границей Шатовъ радикально измѣнилъ нѣкоторыя изъ прежнихъ социалистическихъ своихъ убѣжденій и перескочилъ въ противоположную крайность. Это было одно изъ тѣхъ идеальныхъ русскихъ существъ, довольно впрочемъ рѣдкихъ, которыхъ вдругъ поразить какая-нибудь сильная идея и тутъ же разомъ точно придавить ихъ собою, иногда даже на вѣки. Справиться съ нею они никогда не въ силахъ, а увѣруютъ страстно, и вотъ вся жизнь ихъ проходитъ потомъ какъ бы въ послѣднихъ корчахъ подъ свалившимся на нихъ и на половину совсѣмъ уже раздавившимъ ихъ камнемъ. Наружностью Шатовъ вполне соответствовалъ своимъ убѣжденіямъ: онъ былъ неуклюжъ, бѣлокуръ, космать, низкаго роста, съ широкими плечами, толстыми губами, съ очень густыми, нависшими

бѣлобрысыми бровями, съ нахмуреннымъ лбомъ, съ непривѣтливимъ, упорно потупленнымъ и какъ бы чего-то стыдящимся взглядомъ. На волосахъ его вѣчно оставался одинъ такой вихоръ который ни за что не хотѣлъ пригладиться и стоялъ торчкомъ. Лѣтъ ему было двадцать семь или двадцать восемь. «Я не удивляюсь болѣе что жена отъ него сбѣжала», отнеслась Варвара Петровна однажды, пристально къ нему приглядѣвшись. Старался онъ одѣваться чистенько, несмотря на чрезвычайную свою бѣдность. Къ Варварѣ Петровнѣ опять не обратился за помощію, а пробивался чѣмъ Богъ пошлетъ; занимался и у купцовъ. Разъ сидѣлъ въ лавкѣ, потомъ совсѣмъ-было уѣхалъ на пароходѣ съ товаромъ, прикащикымъ помощникомъ, но заболѣлъ предъ самою отправкой. Трудно представить себѣ какую нищету способенъ онъ былъ переносить, даже и не думая о ней вовсе. Варвара Петровна послѣ его болѣзни переслала ему секретно и анонимно сто рублей. Онъ разузналъ однакоже секретъ, подумалъ, деньги принялъ и пришелъ къ Варварѣ Петровнѣ поблагодарить. Та съ жаромъ приняла его, но онъ и тутъ постыдно обманулъ ея ожиданія: просидѣлъ всего пять минутъ, молча, тупо уставившись въ землю и глупо улыбаясь, и вдругъ, не дослушавъ ея, и на самомъ интересномъ мѣстѣ разговора, всталъ, поклонился какъ-то бокомъ, косолапо, застыдился въ прахъ, кстати ужъ задѣлъ и грохнулъ объ полъ ея дорогой, наборный рабочій столикъ, разбилъ его и вышелъ едва живой отъ позора. Липутинъ очень укорялъ его потомъ за то что онъ не отвергнулъ тогда съ презрѣніемъ эти сто рублей, какъ отъ бывшей его деспотки-помѣщицы, и не только принялъ, а еще благодарить потащился. Жилъ онъ уединенно, на краю города и не любилъ если кто-нибудь даже изъ насъ заходилъ къ нему. На вечера къ Степану Трофимовичу являлся постоянно и бралъ у него читать газеты и книги.

Являлся на вечера и еще одинъ молодой человѣкъ, нѣкто Виргинскій, здѣшній чиновникъ, имѣвшій нѣкоторое сходство съ Шатовымъ, хотя повидимому и совершенно противоположный ему во всѣхъ отношеніяхъ: но это тоже былъ «семьянинъ». Жалкій и чрезвычайно тихій молодой человѣкъ, впрочемъ лѣтъ уже тридцати, съ значительнымъ образованіемъ, но больше самоучка. Онъ былъ бѣденъ, женатъ, служилъ и содержалъ тетку и сестру своей жены. Супруга его, да и всѣ дамы были самыхъ послѣднихъ убѣжденій, но все это выходило у нихъ нѣсколько грубовато, именно, тутъ была «идея попавшая на улицу», какъ выразился когда-то Степанъ Трофимовичъ по другому поводу. Онѣ все брали изъ книжекъ, и по первому даже слуху изъ столичныхъ прогрессивныхъ уголковъ нашихъ, готовы были выбросить за окно все что угодно, лишь бы только совѣтовали выбрасывать. М-ме Виргинская за-

нималась у насъ въ городѣ повивальною профессіей; въ дѣвицахъ она долго жила въ Петербургѣ. Самъ Виргинскій былъ человѣкъ рѣдкой чистоты сердца, и рѣдко я встрѣчалъ болѣе честный душевный огонь. «Я никогда, никогда не отстану отъ этихъ свѣтлыхъ надеждъ», говаривалъ онъ мнѣ съ сверкающими глазами. О «свѣтлыхъ надеждахъ» онъ говорилъ всегда тихо, съ сладостію, полупшепотомъ, какъ бы секретно. Онъ былъ довольно высокаго роста, но чрезвычайно тонокъ и узокъ въ плечахъ, съ необыкновенно жиденькими, рыжеватаго оттѣнка волосиками. Всѣ высокомѣрныя насмѣшки Степана Трофимовича надъ нѣкоторыми изъ его мнѣній, онъ принималъ кротко, возражалъ же ему иногда очень серьезно и во многомъ ставилъ его въ тупикъ. Степанъ Трофимовичъ обращался съ нимъ ласково, да и вообще ко всѣмъ намъ относился отечески.

— Всѣ вы изъ «недосиженныхъ», шутливо замѣчалъ онъ Виргинскому, — всѣ подобные вамъ, хотя въ васъ, Виргинскій, я и не замѣчалъ той огра-ни-чен-ности какую встрѣчалъ въ Петербургѣ chez ces seminairistes¹, но все-таки вы «недосложенные». Шатову очень хотѣлось бы высидѣться, но и онъ недосиженный.

— А я? спрашивалъ Липутинъ.

— А вы просто золотая середина, которая вездѣ уживется.... по своему.

Липутинъ обижался.

Разказывали про Виргинскаго и, къ сожалѣнію, весьма достоверно, что супруга его, не пробывъ съ нимъ и году въ законномъ бракѣ, вдругъ объявила ему что онъ отставленъ и что она предпочитаетъ Лебядкина. Этотъ Лебядкинъ какой-то заѣзжій, оказался потомъ лицомъ весьма подозрительнымъ и вовсе даже не былъ отставнымъ штабсъ-капитаномъ, какъ самъ титуловалъ себя. Онъ только умѣлъ крутить усы, пить и болтать самый неловкій вздоръ, какой только можно вообразить себѣ. Этотъ человѣкъ принадлежительно тотчасъ же къ нимъ переѣхалъ, обрадовавшись чужому хлѣбу, ѣлъ и спалъ у нихъ, и сталъ наконецъ третировать хозяина свысока. Увѣряли что Виргинскій, при объявленіи ему женой отставки, сказалъ ей: «Другъ мой, до сихъ поръ я только любилъ тебя, теперь уважаю», но врядъ ли въ самомъ дѣлѣ произнесено было такое древне-римское изреченіе; напротивъ, говорятъ, навзрыдъ плакалъ. Однажды, недѣли двѣ послѣ отставки, всѣ они, всѣмъ «семействомъ», отправились за городъ, въ рощу кушать чай вмѣстѣ съ знакомыми. Виргинскій былъ какъ-то лихорадочно-весело настроенъ и участвовалъ въ танцахъ; но вдругъ и безъ всякой предварительной ссоры схватилъ ги-

¹ у этих семинаристов (франц.).

ганта Лебядкина, канканировавшего соло, обѣими руками за волосы, нагнулъ и началъ таскать его съ визгами, криками и слезами. Гигантъ до того струсиль что даже не защищался и все время какъ его таскали почти не прерывалъ молчанія; но послѣ таски обидѣлся со всѣмъ пыломъ благороднаго человѣка. Виргинскій всю ночь на колѣняхъ умолялъ жену о прощеніи; но прощенія не вымолилъ, потому что все-таки не согласился пойти извиниться предъ Лебядкинымъ; кромѣ того былъ обличенъ въ скудости убѣжденій и въ глупости; послѣднее потому что, объясняясь съ женщиной, стоялъ на колѣняхъ. Штабсъ-капитанъ вскорѣ скрылся и явился опять въ нашемъ городѣ только въ самое послѣднее время, съ своею сестрой и съ новыми цѣлями; но о немъ впереди. Не мудрено что бѣдный «семьянинъ» отводилъ у насъ душу и нуждался въ нашемъ обществѣ. О домашнихъ дѣлахъ своихъ онъ никогда впрочемъ у насъ не высказывался. Однажды только, возвращаясь со мной отъ Степана Трофимовича, заговорилъ было отдаленно о своемъ положеніи, но потомъ же, схвативъ меня за руку, пламенно воскликнулъ:

— Это ничего; это только частный случай; это нисколько, нисколько не помѣшаетъ «общему дѣлу»!

Являлись къ намъ въ кружокъ и случайные гости; ходилъ Жидокъ Лямшинъ, ходилъ капитанъ Картузовъ. Бывалъ нѣкоторое время одинъ любознательный старичокъ, но померъ. Привелъ-было Липутинъ ссыльнаго ксендза Слоньцевскаго, и нѣкоторое время его принимали по принципу, но потомъ и принимать не стали.

IX.

Одно время въ городѣ передавали о насъ что кружокъ нашъ разсадникъ вольнодумства, разврата и безбожія; да и всегда крѣпился этотъ слухъ. А между тѣмъ у насъ была одна самая невинная, милая, вполне русская веселенькая либеральная болтовня. «Высшій либерализмъ» и «высшій либераль», то-есть либераль безъ всякой цѣли, возможны только въ одной Россіи. Степану Трофимовичу, какъ и всякому остроумному человѣку, необходимъ былъ слушатель, и кромѣ того необходимо было сознаніе о томъ что онъ исполняетъ высшій долгъ пропаганды идей. А наконецъ надобно же было съ кѣмъ-нибудь выпить шампанскаго и обмѣняться за виномъ извѣстнаго сорта веселенькими мыслями о Россіи и «русскомъ духѣ», о Богѣ вообще и о «русскомъ Богѣ» въ особенности; повторить въ сотый разъ всѣмъ извѣстные и всѣми натверженные русскіе скандалезные анекдотцы. Не прочь мы были и отъ городскихъ сплетень, причемъ доходили иногда до строгихъ высоко-нравственныхъ приговоровъ. Впадали и въ общечеловѣческое, строго разсуждали о буду-

щей судьбѣ Европы и человѣчества; докторально предсказывали что Франція послѣ цезаризма разомъ ниспадетъ на степень второстепеннаго государства и совершенно были увѣрены что это ужасно скоро и легко можетъ сдѣлаться. Папѣ давнымъ-давно предсказали мы роль простаго митрополита въ объединенной Италіи, и были совершенно убѣждены что весь этотъ тысячелѣтній вопросъ, въ нашъ вѣкъ гуманности, промышленности и желѣзныхъ дорогъ, одно только плевое дѣло. Но вѣдь «высшій русскій либерализмъ» иначе и не относится къ дѣлу. Степанъ Трофимовичъ говаривалъ иногда объ искусствѣ и весьма хорошо, но нѣсколько отвлеченно. Вспоминалъ иногда о друзьяхъ своей молодости, — все о лицахъ намѣченныхъ въ исторіи нашего развитія, — вспоминалъ съ умиленіемъ и благоговѣніемъ, но нѣсколько какъ бы съ завистью. Если ужъ очень становилось скучно, то Жидокъ Лямшинъ (маленькій почтамскій чиновникъ), мастеръ на фортепіано, садился играть, а въ антрактахъ представлялъ свинью, грозу, роды съ первымъ крикомъ ребенка и пр. и пр.; для того только и приглашался. Если ужъ очень подпивали, — а это случалось, хотя и не часто, — то приходили въ восторгъ, и даже разъ хоромъ, подъ аккомпаниментъ Лямшина, пропѣли *Марсельезу*, только не знаю хорошо ли вышло. Великій день девятнадцатаго февраля мы встрѣтили восторженно, и задолго еще начали осушать въ честь его тосты. Это было еще давно-давно, тогда еще не было ни Шатова, ни Виргинскаго, и Степанъ Трофимовичъ еще жилъ въ одномъ домѣ съ Варварой Петровной. За нѣсколько времени до великаго дня, Степанъ Трофимовичъ повадился-было бормотать про себя извѣстные, хотя нѣсколько неестественные стихи, должно-быть сочиненные какимъ-нибудь прежнимъ либеральнымъ помѣщикомъ:

«Идутъ мужики и несутъ топоры,
Что-то страшное будетъ».

Кажется что-то въ этомъ родѣ, буквально не помню. Варвара Петровна разъ подслушала и крикнула ему: «вздоръ, вздоръ!» и вышла во гнѣвъ. Липутинъ, при этомъ случившійся, язвительно замѣтилъ Степану Трофимовичу:

— А жаль если господамъ помѣщикамъ бывшіе ихъ крѣпостные и въ самомъ дѣлѣ нанесутъ на радостяхъ нѣкоторую непріятность.

И онъ черкнулъ указательнымъ пальцемъ вокругъ своей шеи.

— *Сher ami*, благодушно замѣтилъ ему Степанъ Трофимовичъ, — повѣрьте что *это* (онъ повторилъ жестъ вокругъ шеи) нисколько не принесетъ пользы ни нашимъ помѣщикамъ, ни всѣмъ намъ вообще. Мы

и безъ головъ ничего не сумѣемъ устроить, несмотря на то что наши головы всего болѣе и мѣшаютъ намъ понимать.

Замѣчу что у насъ многіе полагали что въ день манифеста будетъ нѣчто необычайное, въ томъ родѣ какъ предсказывалъ Липутинъ, и все вѣдь такъ-называемые знатоки народа и государства. Кажется и Степанъ Трофимовичъ раздѣлялъ эти мысли, и до того даже что почти наканунѣ великаго дня сталъ вдругъ проситься у Варвары Петровны за границу; однимъ словомъ, сталъ беспокоиться. Но прошелъ великій день, прошло и еще нѣкоторое время, и высокомерная улыбка появилась опять на устахъ Степана Трофимовича. Онъ высказалъ предъ нами нѣсколько замѣчательныхъ мыслей о характерѣ русскаго человѣка вообще и русскаго мужичка въ особенности.

— Мы, какъ торопливые люди, слишкомъ поспѣшили съ нашими мужичками, заключилъ онъ свой рядъ замѣчательныхъ мыслей; — мы ихъ ввели въ моду, и цѣлый отдѣлъ литературы, нѣсколько лѣтъ сряду, носился съ ними какъ съ новооткрытою драгоценностью. Мы надѣвали лавровые вѣнки на вшивыя головы. Русская деревня, за всю тысячу лѣтъ, дала намъ лишь одного Комаринскаго. Замѣчательный русскій поэтъ, не лишенный притомъ остроумія, увидѣвъ въ первый разъ на сценѣ великую Рашель, воскликнулъ въ восторгѣ: «не промѣняю Рашель на мужика!» Я готовъ пойти дальше: я и всѣхъ русскихъ мужичковъ отдамъ въ обмѣнъ за одну Рашель. Пора взглянуть трезвѣе и не смѣшивать нашего роднаго сиволапаго дегтя съ bouquet de l'imperatrice!¹

Липутинъ тотчасъ же согласился, но замѣтилъ что покривить душой и похвалить мужичковъ все-таки было тогда необходимо для направленія; что даже дамы высшаго общества заливались слезами, читая *Антон-Горемыку*, а нѣкоторыя изъ нихъ такъ даже изъ Парижа написали въ Россію своимъ управляющимъ чтобъ отъ сей поры обращаться съ крестьянами какъ можно гуманнѣе.

Случилось, и какъ нарочно сейчасъ послѣ слуховъ объ Антонѣ Петровѣ, что и въ нашей губерніи, и всего-то въ пятнадцати верстахъ отъ Скворешниковъ, произошло нѣкоторое недоразумѣніе, такъ что сгоряча послали команду. Въ этотъ разъ Степанъ Трофимовичъ до того взволновался что даже и насъ напугалъ. Онъ кричалъ въ клубѣ что войска надо больше, чтобы призвали изъ другаго уѣзда по телеграфу; бѣгалъ къ губернатору и увѣрялъ его что онъ тутъ не при чемъ; просилъ чтобы не замѣшали его какъ-нибудь, по старой памяти, въ дѣло и предлагалъ немедленно написать о его заявленіи въ Петербургъ, кому слѣдуетъ. Хоро

¹ букетом императрицы (*франц.*).

шо что все это скоро прошло и разрѣшилось ничѣмъ; но только я подивился тогда на Степана Трофимовича.

Года черезъ три, какъ извѣстно, заговорили о національности и зародилось «общественное мнѣніе». Степанъ Трофимовичъ очень смѣялся.

— Друзья мои, училъ онъ насъ, — наша національность, если и въ самомъ дѣлѣ «зародилась,» какъ они тамъ теперь увѣряютъ въ газетахъ, — то сидитъ еще въ школѣ, въ нѣмецкой какой-нибудь петершулѣ, за нѣмецкою книжкой и твердитъ свой вѣчный нѣмецкій урокъ, а Нѣмецъ-учитель ставитъ ее на колѣни, когда понадобится. За учителя-Нѣмца хвалю; но вѣроятнѣе всего что ничего не случилось и ничего такого не зародилось, а идетъ все какъ прежде шло, то-есть подъ покровительствомъ Божіимъ. По моему, и довольно бы для Россіи, *pour notre sainte Russie*¹. Притомъ же всѣ эти всеславянства и національности — все это слишкомъ старо чтобы быть новымъ. Национальность, если хотите, никогда и не являлась у насъ иначе какъ въ видѣ клубной барской затѣи, и въ добавокъ еще московской. Я, разумѣется, не про Игорево время говорю. И наконецъ, все отъ праздности. У насъ все отъ праздности, и доброе и хорошее. Все отъ нашей барской, милой, образованной, прихотливой праздности! Я тридцать тысячъ лѣтъ про это твержу. Мы своимъ трудомъ жить не умѣемъ. И что они тамъ развозились теперь съ какимъ-то «зародившимся» у насъ общественнымъ мнѣніемъ, — такъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, съ неба соскочило? Неужто не понимаютъ что для пріобрѣтенія мнѣнія первѣе всего надобенъ трудъ, собственный трудъ, собственный починъ въ дѣлѣ, собственная практика! Даромъ никогда ничего не достанется. Будемъ трудиться, будемъ и свое мнѣніе имѣть. А такъ какъ мы никогда не будемъ трудиться, то и мнѣніе имѣть за насъ будутъ тѣ кто вмѣсто насъ до сихъ поръ работаль, то-есть все та же Европа, все тѣ же Нѣмцы, — двухсотлѣтніе учителя наши. Къ тому же Россія есть слишкомъ великое недоразумѣніе, чтобы намъ однимъ его разрѣшить, безъ Нѣмцевъ и безъ труда. Вотъ уже двадцать лѣтъ какъ я бью въ набатъ и зову къ труду! Я отдалъ жизнь на этотъ призывъ и, безъ умець, вѣровалъ! Теперь уже не вѣрую, но звоню и буду звонить до конца, до могилы; буду дергать веревку пока не зазвонятъ къ моей паннихидѣ!

Увы! мы только поддакивали. Мы аплодировали учителю нашему, да съ какимъ еще жаромъ! А что, господа, не раздастся ли и теперь, подъ часъ сплошь да рядомъ, такого же «милаго,» «умнаго,» «либеральнаго,» стараго русскаго вздора?

¹ для нашей святой Руси (*франц.*).

Въ Бога учитель нашъ вѣровалъ. — Не понимаю почему меня всѣ здѣсь выставляютъ безбожникомъ? говаривалъ онъ иногда, — я въ Бога вѣрую, *mais distinguons*¹, я вѣрую какъ въ Существо себя лишь во мнѣ сознающее. Не могу же я вѣровать какъ моя Настасья (служанка), или какъ какой-нибудь баринъ, вѣрующей «на всякій случай», — или какъ нашъ милый Шатовъ, — впрочемъ нѣтъ, Шатовъ не въ счетъ, Шатовъ вѣруетъ *насилъно*, какъ московскій славянофилъ. Что же касается до христіанства, то при всемъ моемъ искреннемъ къ нему уваженіи, я — не христіанинъ. Я скорѣе древній язычникъ, какъ великій Гете, или какъ древній Грекъ. И одно уже то что христіанство не поняло женщину, — что такъ великолѣпно развила Жоржъ-Зандъ, въ одномъ изъ своихъ гениальныхъ романовъ. На счетъ же поклоненій, постовъ и всего прочаго, то не понимаю кому какое до меня дѣло? Какъ бы ни хлопотали здѣсь наши доносчики, а іезуитомъ я быть не желаю. Въ сорокъ седьмомъ году, Бѣлинскій, будучи за границей, послалъ къ Гоголю извѣстное свое письмо, и въ немъ горячо укорялъ того что тотъ вѣруетъ «въ какого-то Бога». *Entre nous soit dit*², ничего не могу вообразить себѣ комичнѣе того мгновенія когда Гоголь (тогдашній Гоголь!) прочелъ это выраженіе и... все письмо! Но откинувъ смѣшное и такъ какъ я все-таки съ сущностію дѣла согласенъ, то скажу и укажу: вотъ были люди! Сумѣли же они любить свой народъ, сумѣли же пострадать за него, сумѣли же пожертвовать для него всѣмъ и сумѣли же въ то же время не сходитьсь съ нимъ когда надо, не потворствовать ему въ извѣстныхъ понятіяхъ. Не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, Бѣлинскій искать спасенія въ постномъ маслѣ, или въ рѣдкѣ съ горохомъ!...

Но тутъ вступался Шатовъ.

— Никогда эти ваши люди не любили народа, не страдали за него и ничѣмъ для него не пожертвовали, какъ бы ни воображали это сами, себѣ въ утѣху! угрюмо ворчалъ онъ потупившись и нетерпѣливо повернувшись на стулѣ.

— Это они-то не любили народа! завопилъ Степанъ Трофимовичъ, — о, какъ они любили Россію!

— Ни Россіи, ни народа! завопилъ и Шатовъ, сверкая глазами; — нельзя любить то чего не знаешь, а они ничего въ Русскомъ народѣ не смыслили! Всѣ они, и вы вмѣстѣ съ ними, просмотрѣли Русскій народъ сквозь пальцы, а Бѣлинскій особенно; ужъ изъ того самаго письма его къ Гоголю это видно. Бѣлинскій точь-въ-точь какъ Крылова *Любопытный* не примѣтилъ слона въ Кунсткамерѣ, а все вниманіе свое устремилъ на французскихъ соціальныхъ букашекъ; такъ и покончилъ на нихъ. А

¹ но надо различать (*франц.*).

² Между нами говоря (*франц.*).

вѣдь онъ еще, пожалуй, всѣхъ васъ умнѣе былъ! Вы мало того что посмотрѣли народъ, — вы съ омерзительнымъ презрѣніемъ къ нему относились, ужь по тому одному что подъ народомъ вы воображали себѣ одинъ только Французскій народъ, да и то однихъ Парижанъ, и стыдились что Русскій народъ не таковъ. И это голая правда! А у кого нѣтъ народа, у того нѣтъ и Бога! Знайте навѣрно что всѣ тѣ которые перестаютъ понимать свой народъ и теряютъ съ нимъ свои связи, тотчасъ же, по мѣрѣ того, теряютъ и вѣру отеческую, становятся или атеистами или равнодушными. Вѣрно говорю! Это фактъ который оправдается. Вотъ почему и вы всѣ, и мы всѣ теперь — или гнусные атеисты, или равнодушная, развратная дрянь и ничего больше! И вы тоже, Степанъ Трофимовичъ, я васъ нисколько не исключая, даже на вашъ счетъ и говорилъ, знайте это!

Обыкновенно, проговоривъ подобный монологъ (а съ нимъ это часто случалось) Шатовъ схватывалъ свой картузь и бросался къ дверямъ, въ полной увѣренности что ужь теперь все кончено и что онъ совершенно и на вѣки порвалъ свои дружескія отношенія къ Степану Трофимовичу. Но тотъ всегда успѣвалъ остановить его во-время.

— А не помириться ль намъ, Шатовъ, послѣ всѣхъ этихъ милыхъ словечекъ? говаривалъ онъ, благодушно протягивая ему съ кресель руку.

Неуклюжій, но стыдливый Шатовъ нѣжностей не любилъ. Снаружи человѣкъ былъ грубый, но про себя, кажется, деликатнѣйшій. Хоть и терялъ часто мѣру, но первый страдалъ отъ того самъ. Проворчавъ что-нибудь подъ носъ на призывныя слова Степана Трофимовича и потоптавшись какъ медвѣдь на мѣстѣ, онъ вдругъ неожиданно ухмылялся, откладывая свой картузь и садился на прежній стулъ, упорно смотря въ землю. Разумѣется приносилось вино, и Степанъ Трофимовичъ провозглашалъ какой-нибудь подходящій тостъ, напримѣръ хоть въ память котораго-нибудь изъ прошедшихъ дѣятелей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Принцъ Гарри. Сватовство.

I.

На землѣ существовало еще одно лицо къ которому Варвара Петровна была привязана не менѣе какъ къ Степану Трофимовичу, — единственный сынъ ея, Николай Всеволодовичъ Ставрогинъ. Для него-

то и приглашонъ былъ Степанъ Трофимовичъ въ воспитатели. Мальчику было тогда лѣтъ восемь, а легкомысленный генералъ Ставрогинъ, отецъ его, жилъ въ то время уже въ разлукѣ съ его мамашей, такъ что ребенокъ возросъ подѣ однимъ только ея попеченіемъ. Надо отдать справедливость Степану Трофимовичу, онъ умѣлъ привязать къ себѣ своего воспитанника. Весь секретъ его заключался въ томъ что онъ и самъ былъ ребенокъ. Меня тогда еще не было, а въ истинномъ другѣ онъ постоянно нуждался. Онъ не задумался сдѣлать своимъ другомъ такое маленькое существо, едва лишь оно капельку подросло. Какъ-то такъ естественно сошлось, что между ними не оказалось ни малѣйшаго разстоянія. Онъ не разъ пробуждалъ своего десяти или одиннадцатилѣтняго друга ночью, единственно чтобъ излить предѣ нимъ въ слезахъ свои оскорбленныя чувства, или открыть ему какой-нибудь домашній секретъ, не замѣчая что это совсѣмъ уже непозволительно. Они бросались другъ другу въ объятія и плакали. Мальчикъ зналъ про свою мать что она его очень любитъ, но врядъ ли очень любилъ ее самъ. Она мало съ нимъ говорила, рѣдко въ чемъ его очень стѣсняла но пристально слѣдящій за нимъ ея взглядъ онъ всегда какъ-то болѣзненно ощущалъ на себѣ. Впрочемъ во всемъ дѣлѣ обученія и нравственнаго развитія мать вполне довѣряла Степану Трофимовичу. Тогда еще она вполне въ него вѣровала. Надо думать что педагогъ нѣсколько разстроилъ нервы своего воспитанника. Когда его, по шестнадцатому году, повезли въ лицей, то онъ былъ тщедушенъ и блѣденъ, странно тихъ и задумчивъ. (Въ послѣдствіи онъ отличался чрезвычайною физическою силой.) Надо полагать тоже что друзья плакали, бросаясь ночью взаимно въ объятія, не все объ однихъ какихъ-нибудь домашнихъ анекдотцахъ. Степанъ Трофимовичъ сумѣлъ дотронуться въ сердцѣ своего друга до глубочайшихъ струнъ и вызвать въ немъ первое, еще неопредѣленное ощущеніе той вѣковѣчной, священной тоски которую иная избранная душа, разъ вкусивъ и познавъ, уже не промѣняетъ потомъ никогда на дешевое удовлетвореніе. (Есть и такіе любители которые тоской этой дорожатъ болѣе самага радикальнаго удовлетворенія, еслибъ даже таковое и было возможно.) Но во всякомъ случаѣ хорошо было что птенца и наставника, хоть и поздно, а развели въ разныя стороны.

Изъ лица молодой человѣкъ въ первые два года пріѣзжалъ на ваканцію. Во время поѣздки въ Петербургъ Варвары Петровны и Степана Трофимовича, онъ присутствовалъ иногда на литературныхъ вечерахъ бывавшихъ у мамыши, слушалъ и наблюдалъ. Говорилъ мало и все попрежнему былъ тихъ и застѣнчивъ. Къ Степану Трофимовичу относился съ прежнимъ нѣжнымъ вниманіемъ, но уже какъ-то сдержаннѣе: о высо-

кихъ предметахъ и о воспоминаніяхъ прошлаго видимо удалялся съ нимъ заговаривать. Кончивъ курсъ, онъ, по желанію мамыши, поступилъ въ военную службу и вскорѣ былъ зачисленъ въ одинъ изъ самыхъ видныхъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Показаться мамашѣ въ мундирѣ онъ не пріѣхалъ и рѣдко сталъ писать изъ Петербурга. Денегъ Варвара Петровна посылала ему не жалѣя, несмотря на то что послѣ реформы доходъ съ ея имѣній упалъ до того что въ первое время она и половины прежняго дохода не получала. У ней впрочемъ накопленъ былъ долгою экономіей нѣкоторый, не совсѣмъ маленькій капиталъ. Ее очень интересовали успѣхи сына въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Что не удалось ей, то удалось молодому офицеру, богатому и съ надеждами. Онъ возобновилъ такія знакомства о которыхъ она и мечтаетъ уже не могла, и вездѣ былъ принятъ съ большимъ удовольствіемъ. Но очень скоро начали доходить къ Варварѣ Петровнѣ довольно странные слухи: молодой человѣкъ какъ-то безумно и вдругъ закутилъ. Не то чтобъ онъ игралъ или очень пилъ; разказывали только о какой-то дикой разнузданности, о задавленныхъ рысакими людяхъ, о звѣрскомъ поступкѣ съ одною дамою хорошаго общества, съ которой онъ былъ въ связи, а потомъ оскорбилъ ее публично. Что-то даже слишкомъ ужъ откровенно грязное было въ этомъ дѣлѣ. Прибавляли сверхъ того что онъ какой-то бретеръ, привязывается и оскорбляетъ изъ удовольствія оскорбить. Варвара Петровна волновалась и тосковала. Степанъ Трофимовичъ увѣрялъ ее что это только первые, буйные порывы слишкомъ богатой организаціи, что море уляжется и что все это похоже на юность принца Гарри, кутившаго съ Фальстафомъ Пойнсомъ и мистрисъ Квикли, описанную у Шекспира. Варвара Петровна на этотъ разъ не крикнула: «вздоръ, вздоръ!» какъ повадилась въ послѣднее время покрикивать очень часто на Степана Трофимовича, а напротивъ очень прислушалась, велѣла растолковать себѣ подробнѣе, сама взяла Шекспира и съ чрезвычайнымъ вниманіемъ прочла бессмертную хронику. Но хроника ее не успокоила, да и сходства она не такъ много нашла. Она лихорадочно ждала отвѣтовъ на нѣсколько своихъ писемъ. Отвѣты не замедлили; скоро было получено роковое извѣстіе что принцъ Гарри имѣлъ почти разомъ двѣ дуэли, кругомъ былъ виноватъ въ обѣихъ, убилъ одного изъ своихъ противниковъ наповалъ, а другаго искалѣчилъ и, вслѣдствіе таковыхъ дѣяній, былъ отданъ подъ судъ. Дѣло кончилось разжалованіемъ въ солдаты, съ лишеніемъ правъ и ссылкой на службу въ одинъ изъ пѣхотныхъ армейскихъ полковъ, да и то еще по особенной милости.

Въ шестьдесятъ третьемъ году ему какъ-то удалось отличиться; ему дали крестикъ и произвели въ унтеръ-офицеры, а затѣмъ какъ-то ужъ

скоро и въ офицеры. Во все это время Варвара Петровна отправила можетъ-быть до сотни писемъ въ столицу, съ просьбами и мольбами. Она позволила себѣ нѣсколько унизиться въ такомъ необыкновенномъ случаѣ. Послѣ производства, молодой человѣкъ вдругъ вышелъ въ отставку, въ Скворешники опять не пріѣхалъ, а къ матери совсѣмъ уже пересталъ писать. Узнали наконецъ, посторонними путями, что онъ опять въ Петербургѣ, но что въ прежнемъ обществѣ его уже не встрѣчали вовсе; онъ куда-то какъ бы спрятался. Доискались что онъ живетъ въ какой-то странной компаніи, связался съ какимъ-то отребьемъ петербургскаго населенія, съ какими-то безсапожными чиновниками, отставными военными благородно-просящими милостыню, пьяницами, посѣщаетъ ихъ грязныя семейства, дни и ночи проводитъ въ темныхъ трущобахъ и Богъ знаетъ въ какихъ закоулкахъ, опустился, оборвался и что стало-быть это ему нравится. Денегъ у матери онъ не просилъ; у него было свое имѣніе, — бывшая деревенька генерала Ставрогина, которое хоть что-нибудь да давало же доходу и которое, по слухамъ, онъ сдалъ въ аренду одному саксонскому Нѣмцу. Наконецъ мать умолила его къ ней пріѣхать, и принцъ Гарри появился въ нашемъ городѣ. Тутъ-то я въ первый разъ и разглядѣлъ его, а дотолѣ никогда не видывалъ.

Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти и, признаюсь, поразилъ меня. Я ждалъ встрѣтить какого-нибудь грязнаго оборванца, испитаго отъ разврата и отдающаго водкой. Напротивъ, это былъ самый изящный джентльменъ изъ всѣхъ которыхъ мнѣ когда-либо приходилось видѣть, чрезвычайно хорошо одѣтый, державшій себя такъ какъ могъ держать себя только господинъ привыкшій къ самому утонченному благообразію. Не я одинъ былъ удивленъ: удивлялся и весь городъ, которому конечно была уже извѣстна вся біографія г. Ставрогина и даже съ такими подробностями что невозможно было представить откуда онѣ могли получиться и, что всего удивительнѣе, изъ которыхъ половина оказалась вѣрною. Всѣ наши дамы были безъ ума отъ новаго гостя. Онѣ рѣзко раздѣлились на двѣ стороны, — въ одной обожали его, а въ другой ненавидѣли до кровомщенія; но безъ ума были и тѣ и другія. Однѣхъ особенно прельщало что на душѣ его есть, можетъ-быть, какая-нибудь роковая тайна; другимъ положительно нравилось что онъ убійца. Оказалось тоже что онъ былъ весьма порядочно образованъ; даже съ нѣкоторыми познаніями. Познаній конечно не много требовалось чтобы насъ удивить; но онъ могъ судить и о насущныхъ, весьма интересныхъ темахъ и, что всего драгоцѣннѣе, съ замѣчательною разсудительностію. Упомяну какъ странность: всѣ у насъ, чуть не съ перваго дня, нашли его чрезвычайно разсудительнымъ человѣкомъ. Онъ былъ не очень разго-

ворчивъ, изященъ безъ изысканности, удивительно скромнъ и въ то же время смѣль и самоувѣренъ какъ у насъ никто. Наши франты смотрѣли на него съ завистью и совершенно предъ нимъ стушевывались. Поразило меня тоже его лицо: волосы его были что-то ужъ очень черны, свѣтлые глаза его что-то ужъ очень спокойны и ясны, цвѣтъ лица что-то ужъ очень нѣженъ и бѣль, румянецъ что-то ужъ слишкомъ яркъ и чистъ, зубы какъ жемчужины, губы какъ коралловые, — казалось бы писанный красавецъ, а въ то же время какъ будто и отвратителенъ. Говорили что лицо его напоминаетъ маску; впрочемъ многое говорили, между прочимъ и о чрезвычайной тѣлесной его силѣ. Росту онъ былъ почти высокаго. Варвара Петровна смотрѣла на него съ гордостію, но постоянно съ безпокойствомъ. Онъ прожилъ у насъ съ полгода — вяло, тихо, довольно угрюмо; являлся въ обществѣ и съ неуклоннымъ вниманіемъ исполнялъ весь нашъ губернкій этикетъ. Губернатору, по отцу, онъ былъ сродни и въ домѣ его принять какъ близкій родственникъ. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и вдругъ звѣрь показаль свои когти.

Кстати замѣчу въ скобкахъ что милый, мягкій нашъ Иванъ Осиповичъ, бывшій нашъ губернаторъ, былъ нѣсколько похожъ на бабу, но хорошей фамиліи и со связями, — чѣмъ и объясняется то что онъ просидѣлъ у насъ столько лѣтъ, постоянно отмахиваясь руками отъ всякаго дѣла. По хлѣбосольству его и гостепріимству, ему бы слѣдовало быть предводителемъ дворянства стараго добраго времени, а не губернаторомъ въ такое хлопотливое время какъ наше. Въ городѣ постоянно говорили что управляетъ губерніей не онъ, а Варвара Петровна. Конечно, это было ѣдко сказано, но однакоже — рѣшительная ложь. Да и мало ли было на этотъ счетъ потрачено у насъ остроумія. Напротивъ, Варвара Петровна, въ послѣдніе годы, особенно и сознательно устранила себя отъ всякаго высшаго назначенія, несмотря на чрезвычайное уваженіе къ ней всего общества, и добровольно заключилась въ строгіе предѣлы ея самую себѣ поставленные. Вмѣсто высшихъ назначеній она вдругъ начала заниматься хозяйствомъ, и въ два-три года подняла доходность своего имѣнія чуть не на прежнюю степень. Вмѣсто прежнихъ поэтическихъ порывовъ (поѣздки въ Петербургъ, намѣренія издавать журналъ и проч.), она стала копить и скупиться. Даже Степана Трофимовича отдала отъ себя, позволивъ ему нанимать квартиру въ другомъ домѣ (о чемъ тотъ давно уже приставаль къ ней самъ подъ разными предлогами). Мало-по-малу Степанъ Трофимовичъ сталъ называть ее прозаическою женщиной или еще шутливѣе: «своимъ прозаическимъ другомъ». Разумѣется, эти шутки онъ позволялъ себѣ не иначе какъ въ чрезвычайно почтительномъ видѣ и долго выбирая удобную минуту.

Всѣ мы, близкіе, понимали, — а Степанъ Трофимовичъ чувствительнѣе всѣхъ насъ, — что сынъ явился предъ нею теперь какъ бы въ видѣ новой надежды и даже въ видѣ какой-то новой мечты. Страсть ея къ сыну началась со времени удачъ его въ петербургскомъ обществѣ и особенно усилилась съ той минуты когда получено было извѣстіе о разжалованіи его въ солдаты. А между тѣмъ она очевидно боялась его и казалась предъ нимъ словно рабой. Замѣтно было что она боялась чего-то неопредѣленнаго, таинственнаго, чего и сама не могла бы высказать, и много разъ непримѣтно и пристально приглядывалась къ Nicolas, что-то соображая и разгадывая... и вотъ — звѣрь вдругъ выпустилъ свои когти.

II.

Нашъ принцъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, сдѣлалъ двѣ-три невозможныя дерзости разнымъ лицамъ, то-есть главное именно въ томъ состояло что дерзости эти совсѣмъ неслыханныя, совершенно ни на что не похожія, совсѣмъ не такія какія въ обыкновенномъ употребленіи, совсѣмъ дрянныя и мальчишническія, и чортъ знаетъ для чего, совершенно безъ всякаго повода. Одинъ изъ почтеннѣйшихъ старшинъ нашего клуба, Петръ Павловичъ Гагановъ, человѣкъ пожилой и даже заслуженный, взялъ невинную привычку ко всякому слову съ азартомъ приговаривать: «Нѣтъ-съ, меня не проведутъ за носъ!» Оно и пусть бы. Но однажды въ клубѣ, когда онъ, по какому-то горячему поводу, проговорилъ этотъ афоризмъ собравшейся около него кучкѣ клубныхъ посѣтителей (и все людей не послѣднихъ), Николай Всеволодовичъ, стоявшій въ сторонѣ одинъ и къ которому никто и не обращался, вдругъ подошелъ къ Петру Павловичу, неожиданно, но крѣпко ухватилъ его за носъ двумя пальцами и успѣлъ протянуть за собою по залѣ два-три шага. Злобы онъ не могъ имѣть никакой на господина Гаганова. Можно было подумать что это чистое школьничество, разумѣется непростительнѣйшее; и однакоже разказывали потомъ что онъ въ самое мгновеніе операціи былъ почти задумчивъ, «точно какъ бы съума сошелъ»; но это уже долго спустя припомнили и сообразили. Сгоряча всѣ сначала запомнили только второе мгновеніе, когда онъ уже навѣрно все понималъ въ настоящемъ видѣ и не только не смутился, но напротивъ улыбался злобно и весело, «безъ малѣйшаго раскаянія». Шумъ поднялся ужаснѣйшій; его окружили. Николай Всеволодовичъ повертывался и посматривалъ кругомъ, не отвѣчая никому и съ любопытствомъ приглядываясь къ восклицавшимъ лицамъ. Наконецъ вдругъ какъ будто задумался опять, — такъ по крайней мѣрѣ передавали, — нахмурился, твердо подошелъ къ оскорб-

ленному Петру Павловичу, и скороговоркой, съ видимою досадою, пробормоталъ:

— Вы конечно извините.... Я право не знаю какъ мнѣ вдругъ захотѣлось.... глупость....

Небрежность извиненія равнялась новому оскорбленію. Крикъ поднялся еще пуще. Николай Всеволодовичъ пожалъ плечами и вышелъ.

Все это было очень глупо, не говоря уже о безобразіи — безобразіи разчитанномъ и умышленномъ, какъ казалось съ перваго взгляда, а стало-быть составлявшемъ умышленное, до послѣдней степени наглое оскорбленіе всему нашему обществу. Такъ и было это всѣми понято. Начали съ того что немедленно и единодушно исключили господина Ставрогина изъ числа членовъ клуба; затѣмъ порѣшили отъ лица всего клуба обратиться къ губернатору и просить его немедленно (не дожидаясь пока дѣло начнется формально судомъ) обуздать вреднаго буяна, столичнаго «бретера, ввѣреннаго ему административною властію, и тѣмъ оградить спокойствіе всего порядочнаго круга нашего города отъ вредныхъ посягновеній.» Съ злобною невинностію прибавляли при этомъ что «можетъ-быть и на господина Ставрогина найдется какой-нибудь законъ.» Именно эту фразу приготавливали губернатору, чтобъ уколоть его за Варвару Петровну. Размазывали съ наслажденіемъ. Губернатора какъ нарочно не случилось тогда въ городъ; онъ уѣхалъ неподалеку крестить ребенка у одной интересной и недавней вдовы, оставшейся послѣ мужа въ интересномъ положеніи; но знали что онъ скоро воротится. Въ ожиданіи же устроили почтенному и обиженному Петру Павловичу цѣлую овацію: обнимали и цѣловали его; весь городъ перебивалъ у него съ визитомъ. Проектировали даже въ честь его по подпискѣ обѣдъ, и только по усиленной его же просьбѣ оставили эту мысль, — можетъ-быть смекнувъ наконецъ что человѣка все-таки протащили за носъ и что стало-быть очень-то ужъ торжествовать нечего.

И однако какъ же это случилось? Какъ могло это случиться? Замѣчательно именно то обстоятельство что никто у насъ, въ цѣломъ городѣ, не приписалъ этого дикаго поступка сумашествію. Значитъ отъ Николая Всеволодовича, и отъ умнаго, наклонны были ожидать такихъ же поступковъ. Съ своей стороны, я даже до сихъ поръ не знаю какъ объяснить, несмотря даже на вскорѣ послѣдовавшее событіе, казалось бы все объяснившее и всѣхъ, повидимому, умиротворившее. Прибавлю тоже что четыре года спустя, Николай Всеволодовичъ, на мой осторожный вопросъ на счетъ этого прошедшаго случая въ клубѣ, отвѣтилъ нахмурившись: «Да, я былъ тогда не совсѣмъ здоровъ». Но забѣгать впередъ нечего.

Любопытенъ былъ для меня и тотъ взрывъ всеобщей ненависти съ которою всѣ у насъ накинулись тогда на «буяна и столичнаго бретера.» Непремѣнно хотѣли видѣть наглый умыселъ и разчитанное намѣреніе разомъ оскорбить все общество. Подлинно не угодилъ человѣкъ никому и, напротивъ, всѣхъ вооружилъ, — а чѣмъ бы кажется? До послѣдняго случая онъ ни разу ни съ кѣмъ не поссорился и никого не оскорбилъ, а ужъ вѣжливъ былъ такъ какъ кавалеръ съ модной картинки, еслибы только тотъ могъ заговорить. Полагаю что за гордость его ненавидѣли. Даже наши дамы, начавшія обожаніемъ, вопили теперь противъ него еще пуще мужчинъ.

Варвара Петровна была ужасно поражена. Она призналась потомъ Степану Трофимовичу что все это она давно предугадывала, всѣ эти полгода каждый день, и даже именно въ «этомъ самомъ родѣ», признаніе замѣчательное со стороны родной матери. — «Началось!» подумала она содрогаясь. На другое утро, послѣ роковаго вечера въ клубѣ, она приступила, осторожно, но рѣшительно, къ объясненію съ сыномъ, а между тѣмъ вся такъ и трепетала бѣдная, несмотря на рѣшимость. Она всю ночь не спала и даже ходила рано утромъ совѣщаться къ Степану Трофимовичу и у него заплакала, чего никогда еще съ нею при людяхъ не случалось. Ей хотѣлось чтобы Nicolas по крайней мѣрѣ хотъ что-нибудь ей сказалъ, хотъ объяснить бы удостоилъ. Nicolas, всегда столь вѣжливый и почтительный съ матерью, слушалъ ее нѣкоторое время насупившись, но очень серьезно; вдругъ всталъ, не отвѣтивъ ни слова, поцѣловалъ у ней ручку и вышелъ. А въ тотъ же день, вечеромъ, какъ нарочно подоспѣлъ и другой скандалъ, хотя и гораздо послабѣе и пообыкновеннѣе перваго, но тѣмъ не менѣе, благодаря всеобщему настроенію, весьма усилившій городскіе вопли.

Именно подвернулся нашъ пріятель Липутинъ. Онъ явился къ Николаю Всеволодовичу тотчасъ послѣ объясненія того съ мамашей и убѣдительно просилъ его сдѣлать честь пожаловать къ нему въ тотъ же день на вечеринку, по поводу дня рожденія его жены. Варвара Петровна уже давно съ содроганіемъ смотрѣла на такое низкое направленіе знакомствъ Николая Всеволодовича, но замѣтить ему ничего не смѣла на этотъ счетъ. Онъ уже и кромѣ того завелъ нѣсколько знакомствъ въ этомъ третьестепенномъ слоѣ нашего общества и даже еще ниже, — но ужъ такую имѣлъ склонность. У Липутина же въ домѣ до сихъ поръ еще не былъ, хотя съ нимъ самимъ и встрѣчался. Онъ угадалъ что Липутинъ зоветъ его теперь вслѣдствіе вчерашняго скандала въ клубѣ, и что онъ, какъ мѣстный либераль, отъ этого скандала въ восторгѣ, искренно

думаетъ что такъ и надо поступать съ клубными старшинами и что это очень хорошо. Николай Всеволодовичъ разсмѣялся и обѣщалъ пріѣхать.

Гостей набралось множество; народъ былъ не казистый, но разбитной. Самолюбивый и завистливый Липутинъ всего только два раза въ годъ созывалъ гостей, но ужъ въ эти разы не скупился. Самый почетнѣйшій гость, Степанъ Трофимовичъ, по болѣзни не пріѣхалъ. Подавали чай, стояла обильная закуска и водка; играли на трехъ столахъ, а молодежь, въ ожиданіи ужина, затѣяла подъ фортепіано танцы. Николай Всеволодовичъ поднялъ мадамъ Липутину — чрезвычайно хорошенькую дамочку, ужасно предъ нимъ робѣвшую, — сдѣлалъ съ нею два тура, усѣлся подлѣ, разговорилъ, разсмѣшилъ ее. Замѣтивъ наконецъ какая она хорошенькая когда смѣется, онъ вдругъ, при всѣхъ гостяхъ, обхватилъ ее за талію и поцѣловалъ въ губы, раза три сряду, въ полную сласть. Испуганная бѣдная женщина упала въ обморокъ. Николай Всеволодовичъ взялъ шляпу, подошелъ къ оторопѣвшему среди всеобщаго смятенія супругу, глядя на него сконфузился и самъ, и пробормотавъ ему наскоро: «не сердитесь», вышелъ. Липутинъ побѣжалъ за нимъ въ переднюю, собственноручно подалъ ему шубу и съ поклонами проводилъ съ лѣстницы. Но завтра же, какъ разъ, подоспѣло довольно забавное прибавленіе къ этой, въ сущности невинной исторіи, говоря сравнительно, — прибавленіе доставившее съ тѣхъ поръ Липутину нѣкоторый даже почетъ, которымъ онъ и сумѣлъ воспользоваться въ полную свою выгоду.

Часовъ въ десять утра, въ домѣ госпожи Ставрогиной явилась работница Липутина, Агаѣя, развязная, бойкая и румяная бабенка, лѣтъ тридцати, посланная имъ съ порученіемъ къ Николаю Всеволодовичу и непремѣнно желавшая «повидать ихъ самихъ-съ.» У него очень болѣла голова, но онъ вышелъ. Варварѣ Петровнѣ удалось присутствовать при передачѣ порученія.

— Сергѣй Васильичъ (то-есть Липутинъ), бойко затораторила Агаѣя, — первая-на-перво приказали вамъ очень кланяться и о здоровьи спросить-съ, какъ послѣ вчерашняго изволили почивать и какъ изволите теперь себя чувствовать, послѣ вчерашняго-съ?

Николай Всеволодовичъ усмѣхнулся.

— Кланяйся и благодари, да скажи ты своему барину отъ меня, Агаѣя, что онъ самый умный человѣкъ во всемъ городѣ.

— А они противъ этого приказали вамъ отвѣчать-съ, еще бойчѣе подхватила Агаѣя, — что они и безъ васъ про то знаютъ и вамъ того же желаютъ.

— Вотъ! да какъ онъ могъ узнать про то что я тебѣ скажу?

— Ужь не знаю какимъ это манеромъ узнали-сь, а когда я вышла и ужь весь проулокъ прошла, слышу они меня догоняють безъ картуза-сь: «Ты, говорятъ, Агаѣюшка, если, по отчаяніи, прикажутъ тебѣ: «Скажи, дескать, своему барину что онъ умнѣй во всемъ городѣ», такъ ты имъ тотчасъ на то не забудь: «Сами очинно хорошо про то знаемъ-сь и вамъ того же самого желаемъ-сь....»

III.

Наконецъ произошло объясненіе и съ губернаторомъ. Милый, мягкій нашъ Иванъ Осиповичъ только-что воротился и только-что успѣлъ выслушать горячую клубную жалобу. Безъ сомнѣнія надо было что-нибудь сдѣлать, но онъ смутился. Гостепріимный нашъ старичокъ тоже какъ будто побаивался своего молодого родственника. Онъ рѣшился, однако, склонить его извиниться предъ клубомъ и предъ обиженнымъ, но въ удовлетворительномъ видѣ и, если потребуется, то и письменно; а затѣмъ мягко уговорить его насъ оставить, уѣхавъ, на примѣръ, для любознательности въ Италію, и вообще куда-нибудь за границу. Въ залѣ, куда вышелъ онъ принять на этотъ разъ Николая Всеволодовича (въ другіе разы прогуливавшася, на правахъ родственника, по всему дому невозбранно), воспитанный Алеша Телятниковъ, чиновникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и домашній у губернатора человѣкъ, распечатывалъ въ углу у стола пакеты; а въ слѣдующей комнатѣ, у ближайшаго къ дверямъ залы окна, помѣстился одинъ заѣзжій, толстый и здоровый полковникъ, другъ и бывшій сослуживецъ Ивана Осиповича, и читалъ *Голосъ*, разумѣется не обращая никакого вниманія на то что происходило въ залѣ; даже и сидѣлъ спиной. Иванъ Осиповичъ заговорилъ отдаленно, почти шепотомъ, но все нѣсколько путался. Nicolas смотрѣлъ очень любезно, совсѣмъ не по родственному, былъ блѣденъ, сидѣлъ потупившись и слушалъ сдвинувъ брови, какъ будто преодолевая сильную боль.

— Сердце у васъ доброе, Nicolas, и благородное, включилъ между прочимъ старичокъ, — человѣкъ вы образованнѣйшій, вращались въ кругу высшемъ, да и здѣсь доселѣ держали себя образцомъ и тѣмъ успокоили сердце дорогой намъ всѣмъ матушки вашей.... И вотъ теперь все опять является въ такомъ загадочномъ и опасномъ для всѣхъ колоритѣ! Говорю какъ другъ вашего дома, какъ искренно любящій васъ пожилой и вашъ родной человѣкъ, отъ котораго нельзя обижаться.... Скажите что побуждаетъ васъ къ такимъ необузданнымъ поступкамъ, внѣ всякихъ принятыхъ условій и мѣръ? Что могутъ означать такія выходки, подобно какъ въ бреду?

Nicolas слушалъ съ досадою и съ нетерпѣніемъ. Вдругъ какъ бы что-то хитрое и насмѣшливое промелькнуло въ его взглядѣ.

— Я вамъ пожалуй скажу что побуждаетъ, угрюмо проговорилъ онъ, и оглядѣвшись, наклонился къ уху Ивана Осиповича. Воспитанный Алеша Телятниковъ отдалился еще шага на три къ окну, а полковникъ кашлянулъ за *Голосомъ*. Бѣдный Иванъ Осиповичъ поспѣшно и доврчиво протянулъ свое ухо; онъ до крайности былъ любопытенъ. И вотъ тутъ-то и произошло нѣчто совершенно невозможное, а съ другой стороны и слишкомъ ясное въ одномъ отношеніи. Старичокъ вдругъ почувствовалъ что Nicolas, вмѣсто того чтобы прошептать ему какой-нибудь интересный секретъ, вдругъ прихватилъ зубами и довольно крѣпко стиснулъ въ нихъ верхнюю часть его уха. Онъ задрожалъ, и духъ его прервался.

— Nicolas, что за шутки! простоналъ онъ машинально, не своимъ голосомъ.

Алеша и полковникъ еще не успѣли ничего понять, да имъ и не видно было и до конца казалось что тѣ шепчутся; а между тѣмъ отчаянное лицо старика ихъ тревожило. Они смотрѣли выпуча глаза другъ на друга, не зная броситься ли имъ на помощь, какъ было условлено, или еще подождать. Nicolas замѣтилъ можетъ-быть это и притиснулъ ухо побольнѣе.

— Nicolas, Nicolas! простонала опять жертва, — ну.... пошутилъ и довольно....

Еще мгновение, и конечно бѣдный умеръ бы отъ испуга; но извергъ помиловалъ и выпустилъ ухо. Весь этотъ смертный страхъ продолжался съ полную минуту, и со старикомъ послѣ того приключился какой-то припадокъ. Но черезъ полчаса Nicolas былъ арестованъ и отведенъ, покаместъ, на гауптвахту, гдѣ и запертъ въ особую каморку, съ особымъ часовымъ у дверей. Рѣшеніе было рѣзкое, но нашъ мягкій начальникъ до того разсердился что рѣшился взять на себя отвѣтственность даже предъ самой Варварой Петровной. Ко всеобщему изумленію, этой дамѣ, поспѣшно и въ раздраженіи прибывшей къ губернатору для немедленныхъ объясненій, было отказано у крыльца въ пріемѣ; съ тѣмъ она и отправилась, не выходя изъ кареты, обратно домой, не вѣря самой себѣ.

И наконецъ-то все объяснилось! Въ два часа пополуночи, арестантъ, дотолѣ удивительно спокойный и даже заснувшій, вдругъ зашумѣлъ, сталъ неистово бить кулаками въ дверь, съ неестественною силою оторвалъ отъ оконца въ дверяхъ желѣзную рѣшетку, разбилъ стекло и изрѣзалъ себѣ руки. Когда караульный офицеръ прибѣжалъ съ командой и ключами и велѣлъ отпереть казематъ, чтобы броситься на вз-

бѣсившагося и связать его, то оказалось что тотъ былъ въ сильнѣйшей бѣлой горячкѣ; его перевезли домой къ мамашѣ. Все разомъ объяснилось. Всѣ три наши доктора дали мнѣніе что и за три дня предъ симъ больной могъ уже быть какъ въ бреду, и хотя и владѣлъ, повидимому, сознаниемъ и хитростію, но уже не здравымъ разсудкомъ и волей, что, впрочемъ, подтверждалось и фактами. Выходило такимъ образомъ что Липутинъ раньше всѣхъ догадался. Иванъ Осиповичъ, человѣкъ деликатный и чувствительный, очень сконфузился; но любопытно что и онъ считалъ стало-быть Николая Всеволодовича способнымъ на всякій сумашедшій поступокъ въ полномъ разсудкѣ. Въ клубѣ тоже устыдились и недоумѣвали какъ это они всѣ слона не примѣтили и упустили единственное возможное объясненіе всѣмъ чудесамъ. Явились, разумѣется, и скептики, но продержались недолго.

Nicolas пролежалъ слишкомъ два мѣсяца. Изъ Москвы былъ выпи-санъ извѣстный врачъ для консилиума; весь городъ посѣтилъ Варвару Петровну. Она простила. Когда, къ веснѣ, Nicolas совсѣмъ уже выздоровѣлъ и, безъ всякаго возраженія, согласился на предложеніе мамы съѣздить въ Италію, то она же и упросила его сдѣлать всѣмъ у насъ прощальные визиты и при этомъ, сколько возможно и гдѣ надо, извиниться. Nicolas согласился съ большою охотой. Въ клубѣ извѣстно было что онъ имѣлъ съ Петромъ Павловичемъ Гагановымъ деликатнѣйшее объясненіе у того въ домѣ, которымъ тотъ остался совершенно доволенъ. Разъѣзжая по визитамъ, Nicolas былъ очень серіозенъ и нѣсколько даже мраченъ. Всѣ приняли его, повидимому, съ полнымъ участіемъ, но всѣ почему-то конфузились и рады были тому что онъ уѣзжаетъ въ Италію. Иванъ Осиповичъ даже прослезился, но почему-то не рѣшился обнять его даже и при послѣднемъ прощаніи. Право, нѣкоторые у насъ такъ и остались въ увѣренности что негодяй просто насмѣялся надъ всѣми, а болѣзнь — это что-нибудь такъ. Заѣхалъ онъ и къ Липутину.

— Скажите, спросилъ онъ его, — какимъ образомъ вы могли заранѣ угадать то что я скажу о вашемъ умѣ и снабдить Агаею отвѣтомъ?

— А такимъ образомъ, засмѣялся Липутинъ, — что вѣдь и я васъ за умнаго человѣка почитаю, а потому и отвѣтъ вашъ заранѣ могъ предузнать.

— Все-таки замѣчательное совпаденіе. Но однако позвольте: вы стало-быть за умнаго же человѣка меня почитали когда присылали Агаею, а не за сумашедшаго?

— За умнѣйшаго и за разсудительнѣйшаго, а только видъ такой подалъ будто вѣрю про то что вы не въ разсудкѣ.... Да и сами вы о моихъ

мысляхъ немедленно тогда догадались и мнѣ, чрезъ Агаѣю, патентъ на остроуміе выслали.

— Ну, тутъ вы немного ошибаетесь; я въ самомъ дѣлѣ.... былъ нездоровъ.... пробормоталъ Николай Всеволодовичъ, нахмурившись, — ба! вскричалъ онъ, — да неужели вы и въ самомъ дѣлѣ думаете что я способенъ бросаться на людей въ полномъ разсудкѣ? Да для чего же бы это?

Липутинъ скрючился и не сумѣлъ отвѣтить. Nicolas нѣсколько поблѣднѣлъ, или такъ только показалось Липутину.

— Во всякомъ случаѣ у васъ очень забавное настроеніе мыслей, продолжалъ Nicolas, — а про Агаѣю я, разумѣется, понимаю что вы ее обругать меня присылали.

— Не на дуэль же было васъ вызывать-съ?

— Ахъ, да, бишь! Я вѣдь слышалъ что-то что вы дуэли не любите....

— Что съ французскаго-то переводить! опять скрючился Липутинъ.

— Народности придерживаетесь?

Липутинъ еще болѣе скрючился.

— Ба-ба! что я вижу! вскричалъ Nicolas, вдругъ замѣтивъ на самомъ видномъ мѣстѣ, на столѣ, томъ Консидерана, — да ужъ не фурьеристъ ли вы? Вѣдь чего добраго! Такъ развѣ это не тотъ же переводъ съ французскаго? засмѣялся онъ, стуча пальцами въ книгу.

— Нѣтъ, это не съ французскаго переводъ! съ какою-то даже злобой привскочилъ Липутинъ, — это со всемірно-человѣческаго языка будетъ переводъ-съ, а не съ одного только французскаго! Съ языка всемірно-человѣческой соціальной республики и гармоніи, вотъ что-съ! А не съ французскаго одного!...

— Фу, чортъ, да такого и языка совѣмъ нѣтъ! продолжалъ смѣяться Nicolas.

Иногда даже мелочь поражаетъ исключительно и надолго вниманіе. О господинѣ Ставрогинѣ вся главная рѣчь впереди; но теперь отмѣчу, ради куріоза, что изъ всѣхъ впечатлѣній его, за все время проведенное имъ въ нашемъ городѣ, всего рѣзче отпечаталась въ его памяти невзрачная и чуть не подленькая фигурка губернскаго чиновничиска, ревнивца и семейнаго грубаго деспота, скряги и процентщика, запиравшаго остатки отъ обѣда и огарки на ключъ и въ то же время яростнаго сектатора Богъ знаетъ какой будущей «соціальной гармоніи», упивавшагося по ночамъ восторгами предъ фантастическими картинами будущей фаланстеры, въ ближайшее осуществленіе которой въ Россіи и въ нашей губерніи онъ вѣрилъ какъ въ свое собственное существованіе. И это тамъ гдѣ самъ же онъ скопилъ себѣ «домишко», гдѣ во второй разъ женился и взялъ за женой деньжонки, гдѣ можетъ-быть на сто верстъ кругомъ не

было ни одного человѣка, начиная съ него перваго, хоть бы съ виду только похожаго на будущаго члена «всемирно-общечеловѣческой социальной республики и гармоніи».

«Богъ знаетъ какъ эти люди дѣлаются!» думалъ Nicolas въ недоумѣніи, припоминая иногда неожиданнаго фурьериста, «но у насъ они есть....»

IV.

Нашъ принцъ путешествовалъ три года слишкомъ, такъ что въ городѣ почти о немъ позабыли. Намъ же извѣстно было, чрезъ Степана Трофимовича, что онъ извѣздилъ всю Европу, былъ даже въ Египтѣ и заѣзжалъ въ Іерусалимъ; потомъ примазался гдѣ-то къ какой-то ученой экспедиціи въ Исландію, и дѣйствительно побывалъ въ Исландіи. Передавали тоже что онъ одну зиму слушалъ лекціи въ одномъ нѣмецкомъ университетѣ. Онъ мало писалъ къ матери, — разъ въ полгода и даже рѣже; но Варвара Петровна не сердилась и не обижалась. Разъ установившіяся отношенія съ сыномъ она приняла безропотно и съ покорностію, но ужъ конечно каждый день во всѣ эти три года безпокоилась, тосковала и мечтала о своемъ Nicolas непрерывно. Ни мечтаній, ни жалобъ своихъ не сообщала никому. Даже отъ Степана Трофимовича, повидимому, нѣсколько отдалилась. Она создавала какіе-то планы про себя и, кажется, сдѣлалась еще скупѣе чѣмъ прежде, и еще пуще стала копить и сердиться за карточные проигрыши Степана Трофимовича.

Наконецъ въ апрѣлѣ нынѣшняго года она получила письмо изъ Парижа, отъ генеральши Прасковьи Ивановны Дроздовой, подруги своего дѣтства. Въ письмѣ своемъ Прасковья Ивановна, — съ которою Варвара Петровна не видалась и не переписывалась лѣтъ уже восемь, — увѣдомляла ее что Николай Всеволодовичъ коротко сошелся съ ихъ домомъ и подружился съ Лизой (единственною ея дочерью) и намѣренъ сопровождать ихъ лѣтомъ въ Швейцарію, въ Vernex-Montreux, несмотря на то что въ семействѣ графа К.... (весьма вліятельнаго въ Петербургѣ лица), пребывающаго теперь въ Парижѣ, принять какъ родной сынъ, такъ что почти живетъ у графа. Письмо было краткое и обнаруживало ясно свою цѣль, хотя кромѣ вышеозначенныхъ фактовъ, никакихъ выводовъ не заключало. Варвара Петровна долго не думала, мигомъ рѣшилась и собралась, захватила съ собою свою воспитанницу Дашу (сестру Шатова), и въ половинѣ апрѣля покатила въ Парижъ и потомъ въ Швейцарію. Воротилась она въ іюлѣ одна, оставивъ Дашу у Дроздовыхъ; сами же Дроздовы, по привезенному ею извѣстію, обѣщали явиться къ намъ въ концѣ августа.

Дроздовы были тоже помѣщики нашей губерніи, но служба генерала Ивана Ивановича (бывшаго пріятеля Варвары Петровны и сослуживца ея мужа) постоянно мѣшала имъ навѣстить когда-нибудь ихъ великолѣпное помѣстье. По смерти же генерала, приключившейся въ прошломъ году, неутѣшная Прасковья Ивановна отправилась съ дочерью за границу, между прочимъ и съ намѣреніемъ употребить виноградное лѣченіе, которое и располагала совершить въ Vernex-Montreux во вторую половину лѣта. По возвращеніи же въ отечество намѣревалась поселиться въ нашей губерніи навсегда. Въ городѣ у нея былъ большой домъ, много уже лѣтъ стоявшій пустымъ, съ заколоченными окнами. Люди были богатые. Прасковья Ивановна, въ первомъ супружествѣ госпожа Тушина, была, какъ и пансіонская подруга ея Варвара Петровна, тоже дочерью откупщика прошедшаго времени и тоже вышла замужъ съ большимъ приданымъ. Отставной штабъ-ротмистръ Тушинъ и самъ былъ человѣкъ со средствами и съ нѣкоторыми способностями. Умирая онъ завѣщалъ своей семилѣтней и единственной дочери Лизѣ хорошій капиталъ. Теперь, когда Лизаветѣ Николаевнѣ было уже около двадцати двухъ лѣтъ, за нею смѣло можно было считать до двухсотъ тысячъ рублей однихъ ея собственныхъ денегъ, не говоря уже о состояніи которое должно было ей достаться современемъ послѣ матери, не имѣвшей дѣтей во второмъ супружествѣ. Варвара Петровна была, повидимому, весьма довольна своею поѣздкой. По ея мнѣнію, она успѣла сговориться съ Прасковьей Ивановной удовлетворительно и тотчасъ же по пріѣздѣ сообщила все Степану Трофимовичу; даже была съ нимъ весьма экспансивна, что давно уже съ нею не случалось.

— Ура! вскричалъ Степанъ Трофимовичъ и прищелкнулъ пальцами.

Онъ былъ въ полномъ восторгѣ, тѣмъ болѣе что все время разлуки съ своимъ другомъ провелъ въ крайнемъ уныніи. Уѣзжая за границу, она даже съ нимъ не простилась какъ слѣдуетъ и ничего не сообщила изъ своихъ плановъ «этой бабѣ», опасаясь можетъ-быть чтобъ онъ чего не разболталъ. Она сердилась на него тогда за значительный карточный проигрышъ, внезапно обнаружившійся. Но еще въ Швейцаріи почувствовала сердцемъ своимъ что брошеннаго друга надо, по возвращеніи, вознаграждать, тѣмъ болѣе что давно уже сурово съ нимъ обходилась. Быстрая и таинственная разлука поразила и истерзала робкое сердце Степана Трофимовича, и какъ нарочно, разомъ подошли и другія недомѣнія. Его мучило одно весьма значительное и давнишнее денежное обязательство, которое безъ помощи Варвары Петровны никакъ не могло быть удовлетворено. Кромѣ того, въ маѣ нынѣшняго года окончилось наконецъ губернаторствованіе нашего добраго, мягкаго Ивана Осипови-

ча; его смѣнили, и даже съ непріятностями. Затѣмъ, въ отсутствіе Варвары Петровны, произошелъ и въѣздъ нашего новаго начальника, Андрея Антоновича фонъ-Лембке; вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же началось и замѣтное измѣненіе въ отношеніяхъ почти всего нашего губернскаго общества къ Варварѣ Петровнѣ, а стало-быть и къ Степану Трофимовичу. По крайней мѣрѣ онъ уже успѣлъ собрать нѣсколько непріятныхъ, хотя и драгоцѣнныхъ наблюденій и, кажется, очень оробѣлъ одинъ безъ Варвары Петровны. Онъ съ волненіемъ подозрѣвалъ что о немъ уже донесли новому губернатору какъ о человѣкѣ опасномъ. Онъ узналъ положительно что нѣкоторыя изъ нашихъ дамъ намѣревались прекратить къ Варварѣ Петровнѣ визиты. О будущей губернаторшѣ (которую ждали у насъ только къ осени) повторяли что она хотя, слышно, и гордячка, но за то уже настоящая аристократка, а не то что «какая-нибудь наша несчастная Варвара Петровна». Всѣмъ откуда-то было достовѣрно извѣстно съ подробностями что новая губернаторша и Варвара Петровна уже встрѣчались нѣкогда въ свѣтѣ и разстались враждебно, такъ что одно уже напоминаніе о г-жѣ фонъ-Лембке производитъ будто бы на Варвару Петровну впечатлѣніе болѣзненное. Бодрый и побѣдоносный видъ Варвары Петровны, презрительное равнодушіе съ которымъ она выслушала о мнѣніяхъ нашихъ дамъ и о волненіи общества, воскресили упавшій духъ робѣвшаго Степана Трофимовича и мигомъ развеселили его. Съ особеннымъ, радостно-угодливымъ юморомъ, сталъ было онъ ей расписывать про въѣздъ новаго губернатора.

— Вамъ, *excellente amie*, безъ всякаго сомнѣнія извѣстно, говорилъ онъ, кокетничая и щегольски растягивая слова, — что такое значить русскій администраторъ, говоря вообще, и что значить русскій администраторъ вновѣ, то-есть нововыпеченный, новопоставленный.... *Ces interminables mots russes!*...¹ Но врядъ ли могли вы узнать практически что такое значить административный восторгъ и какая именно это штука?

— Административный восторгъ? Не знаю что такое.

— То-есть.... *Vous savez, chez nous.... En un mot*², поставьте какую-нибудь самую послѣднюю ничтожность у продажи какихъ-нибудь дрянныхъ билетовъ на желѣзную дорогу, и эта ничтожность тотчасъ же сочтетъ себя въ правѣ смотрѣть на васъ Юпитеромъ, когда вы пойдете взять билетъ, *pour vous montrer son pouvoir*. «Дай-ка, дескать, я покажу надъ тобой мою власть....» И это въ нихъ до административнаго восторга доходить.... *En un mot*, я вотъ прочелъ что какой-то дьячокъ, въ одной

¹ Эти нескончаемые русские слова!.. (*франц.*).

² Вы знаете, у нас... Одним словом (*франц.*).

изъ нашихъ заграничныхъ церквей, — *mais c'est très curieux*¹, — выгналъ, то-есть выгналъ буквально изъ церкви одно замѣчательное англійское семейство, *les dames charmantes*², предъ самымъ началомъ великопостнаго богослуженія, — *vous savez ces chants et le livre de Job...*³ единственно подъ тѣмъ предлогомъ что «шататься иностранцамъ по русскимъ церквамъ есть непорядокъ, и чтобы приходили въ показанное время....» и довелъ до обморока.... *En un mot*, этотъ дьячокъ былъ въ припадкѣ административнаго восторга *et il a monté son pouvoir...*⁴

— Сократите, если можете, Степанъ Трофимовичъ.

— Господинъ фонъ-Лембке поѣхалъ теперь по губерніи. *En un mot*, этотъ Андрей Антоновичъ, хотя и русскій Нѣмецъ православнаго исповѣданія, и даже, — уступлю ему это, — замѣчательно красивый мущина, изъ сорокалѣтнихъ....

— Съ чего вы взяли что красивый мущина? У него бараньи глаза.

— Въ высшей степени. Но ужъ я уступаю, такъ и быть, мнѣнію нашихъ дамъ....

— Перейдемте, Степанъ Трофимовичъ, прошу васъ! Кстати вы носите красные галстуки, давно ли?

— Это я... я только сегодня....

— А дѣлаете ли вы вашъ моціонъ? Ходите ли ежедневно по шести верстѣ прогуливаться, какъ вамъ предписано докторомъ?

— Не.... не всегда.

— Такъ я и знала! Я въ Швейцаріи еще это предчувствовала! раздражительно вскричала она, — теперь вы будете не по шести, а по десяти верстѣ ходить! Вы ужасно опустились, ужасно, уж-жасно! Вы не то что постарѣли, вы одряхлѣли.... вы поразили меня когда я васъ увидѣла давеча, несмотря на вашъ красный галстукъ.... *quelle idée rouge!*⁵ Продолжайте о фонъ-Лембке, если въ самомъ дѣлѣ есть что сказать и кончите когда-нибудь, прошу васъ; я устала.

— *En un mot*, я только вѣдь хотѣлъ сказать что это одинъ изъ тѣхъ начинающихъ въ сорокъ лѣтъ администраторовъ которые до сорока лѣтъ прозябаютъ въ ничтожествѣ и потомъ вдругъ выходятъ въ люди, посредствомъ внезапно прибрѣтенной супруги, или какимъ-нибудь другимъ, не менѣе отчаяннымъ средствомъ.... То-есть онъ теперь уѣхалъ.... то-есть я хочу сказать что про меня тотчасъ же нашептали въ оба уха, что я развратитель молодежи и разсадникъ губернскаго атеизма.... Онъ тотчасъ же началъ справляться.

¹ однако это весьма любопытно (*франц.*).

² прелестных дам (*франц.*).

³ вы знаете эти псалмы и книгу Иова (*франц.*)

⁴ и он показал свою власть (*франц.*)

⁵ что за дикая выдумка! (*франц.*).

— Да правда ли?

— Я даже мѣры принялъ. Когда про васъ «до-ло-жили» что вы «управляли губерніей», vous savez¹, — онъ позволилъ себѣ выразиться что «подобнаго болѣе не будетъ».

— Такъ и сказалъ?

— Что «подобнаго болѣе не будетъ», и avec cette morgue...² Супругу, Юлію Павловну, мы узримъ здѣсь въ концѣ августа, прямо изъ Петербурга.

— Изъ-за границы. Мы тамъ встрѣтились.

— Vraiment?³

— Въ Парижѣ и въ Швейцаріи. Она Дроздовымъ родня.

— Родня? Какое замѣчательное совпаденіе! Говорятъ честолюбива и... съ большими будто бы связями?

— Вздоръ, связишки! До сорока пяти лѣтъ просидѣла въ дѣвкахъ безъ копѣйки, а теперь выскочила за своего фонъ-Лембке и, конечно, вся ея цѣль теперь его въ люди вытащить. Оба интриганы.

— И, говорятъ, двумя годами старше его?

— Цѣлыми пятью. Мать ея въ Москвѣ хвостъ обшлепала у меня на порогѣ; на балы ко мнѣ, при Всеволодѣ Николаевичѣ, какъ изъ милости запрашивалась. А эта бывало всю ночь одна въ углу сидитъ безъ танцевъ, со своею бирюзовою мухой на лбу, такъ что я ужъ въ третьемъ часу, только изъ жалости, ей перваго кавалера посылаю. Ей тогда двадцать пять лѣтъ уже было, а ее все какъ дѣвчонку въ коротенькомъ платьицѣ вывозили. Ихъ пускать къ себѣ стало неприлично.

— Эту муху я точно вижу.

— Я вамъ говорю, я пріѣхала и прямо на интригу наткнулась. Вы вѣдь читали сейчасъ письмо Дроздовой, что могло быть яснѣе? Что же застаю? Сама же эта дура Дроздова, — она всегда только дурой была, — вдругъ смотритъ вопросительно: зачѣмъ, дескать, я пріѣхала? Можете представить какъ я была удивлена! Гляжу, а тутъ финтитъ эта Лембке и при ней этотъ кузенъ, старика Дроздова племянникъ — все ясно! Разумѣется я мигомъ все передѣлала, и Прасковья опять на моей сторонѣ, но интрига, интрига!

— Которую вы однако же побѣдили. О, вы Бисмаркъ!

— Не будучи Бисмаркомъ, я способна однакоже разсмотрѣть фальшь и глупость гдѣ встрѣчу. Лембке, это — фальшь, а Прасковья — глупость. Рѣдко я встрѣчала болѣе раскисшую женщину, и въ добавокъ

¹ вы знаете (франц.).

² с таким высокомерием (франц.)

³ Неужели? (франц.).

ноги распухли, и въ добавокъ добра. Что можетъ быть глупѣе глупаго добряка?

— Злой дуракъ, *ma bonne amie*, злой дуракъ еще глупѣе, благородно оппонировалъ Степанъ Трофимовичъ.

— Вы можетъ-быть и правы, вы вѣдь Лизу помните?

— *Charmante enfant!*

— Но теперь уже не *enfant*, а женщина и женщина съ характеромъ. Благородная и пылкая, и люблю въ ней что матери не спускаетъ, доврчивой дурѣ. Тутъ изъ-за этого кузена чуть не вышла исторія.

— Ба, да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ онъ Лизаветѣ Николаевнѣ совсѣмъ не родня... Виды что ли имѣетъ?

— Видите, это молодой офицеръ, очень неразговорчивый, даже скромный. Я всегда желаю быть справедливою. Мнѣ кажется онъ самъ противъ всей этой интриги и ничего не желаетъ, а финтила только Лембке. Очень уважалъ *Nicolas*. Вы понимаете, все дѣло зависитъ отъ Лизы, но я ее въ превосходныхъ отношеніяхъ къ *Nicolas* оставила, и онъ самъ обѣщался мнѣ непременно пріѣхать къ намъ въ ноябрѣ. Стало-быть интригуетъ тутъ одна Лембке, а Прасковья только слѣпая женщина. Вдругъ говоритъ мнѣ что всѣ мои подозрѣнія — фантазія; я въ глаза ей отвѣчаю что она дура. Я на страшномъ судѣ готова подтвердить! И еслибы не просьбы *Nicolas* чтобъ я оставила до времени, то я бы не уѣхала оттуда не обнаруживъ эту фальшивую женщину. Она у графа К. чрезъ *Nicolas* заискивала, она сына съ матерью хотѣла раздѣлить. Но Лиза на нашей сторонѣ, а съ Прасковьей я сговорила. Вы знаете, ей Кармазиновъ родственникъ?

— Какъ? Родственникъ мадамъ фонъ-Лембке?

— Ну да, ей. Дальній.

— Кармазиновъ, нувеллистъ?

— Ну да, писатель, чего вы удивляетесь? Конечно онъ самъ себя почитаетъ великимъ. Надутая тварь! Она съ нимъ вмѣстѣ пріѣдетъ, а теперь тамъ съ нимъ носится. Она намѣрена что-то завести здѣсь, литературныя собранія какія-то. Онъ на мѣсяць пріѣдетъ, послѣднее имѣніе продавать здѣсь хочетъ. Я чуть было не встрѣтилась съ нимъ въ Швейцаріи и очень того не желала. Впрочемъ надѣюсь что меня-то онъ удостоитъ узнать. Въ старину ко мнѣ письма писалъ, въ домѣ бывалъ. Я бы желала чтобы вы получше одѣвались, Степанъ Трофимовичъ; вы съ каждымъ днемъ становитесь такъ неряшливы... О, какъ вы меня мучаете! Что вы теперь читаете?

— Я... я....

— Понимаю. Попрежнему пріятели, попрежнему попойки, клубъ и карты, и репутація атеиста. Мнѣ эта репутація не нравится, Степанъ Трофимовичъ. Я бы не желала чтобы васъ называли атеистомъ, особенно теперь не желала бы. Я и прежде не желала, потому что вѣдь все это одна только пустая болтовня. Надо же наконецъ сказать.

— Mais ma chère....

— Слушайте, Степанъ Трофимовичъ, во всемъ ученомъ я конечно предъ вами невѣжда, но я ѣхала сюда и много о васъ думала. Я пришла къ одному убѣжденію.

— Къ какому же?

— Къ такому что не мы одни съ вами умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, а что есть и умнѣе насъ.

— И остроумно, и мѣтко. Есть умнѣе, значитъ есть и правѣе насъ, стало-быть и мы можемъ ошибаться, не такъ ли? Mais ma bonne amie, положимъ я ошибусь, но вѣдь имѣю же я мое всечеловѣческое, всегдашнее, верховное право свободной совѣсти? Имѣю же я право не быть ханжой и изувѣромъ, если того не хочу, а за это естественно буду разными господами ненавидимъ до скончанія вѣка. Et puis, comme on trouve toujours plus de moines que de raison¹ и такъ какъ я совершенно съ этимъ согласенъ...

— Какъ, какъ вы сказали?

— Я сказалъ: on trouve toujours plus de moines que de raison, и такъ какъ я съ этимъ...

— Это вѣрно не ваше; вы вѣрно откудова-нибудь взяли?

— Это Паскаль сказалъ.

— Такъ я и думала... что не вы! Почему вы сами никогда такъ не скажете, такъ коротко и мѣтко, а всегда такъ длинно тянете? Это гораздо лучше чѣмъ давеча про административный восторгъ....

— Ma foi chère... почему? Впервыхъ потому, вѣроятно, что я все-таки не Паскаль et puis....² вовторыхъ, мы, Русскіе, ничего не умѣемъ на своемъ языкѣ сказать... По крайней мѣрѣ до сихъ поръ ничего еще не сказали....

— Гм! Это можетъ-быть и неправда. По крайней мѣрѣ вы бы записывали и запоминали такія слова, знаете, въ случаѣ разговора... Ахъ, Степанъ Трофимовичъ, я съ вами серьезно, серьезно ѣхала говорить!

— Chère, chère amie!

— Теперь когда всѣ эти Лембке, всѣ эти Кармазиновы... О Боже, какъ вы опустились! О, какъ вы меня мучаете!... Я бы желала чтобы эти люди чувствовали къ вамъ уваженіе, потому что они пальца вашего, ва-

¹ И затем, так как монахов всегда встречаешь чаще, чем здравый смысл (*франц.*).

² Право же, дорогая ... и затем (*франц.*).

шего мизинца не стоятъ, а вы какъ себя держите? Что они увидятъ? Что я имъ покажу? Въмѣсто того чтобы благородно стоять свидѣтельствомъ, продолжать собою примѣръ, вы окружаете себя какою-то сволочью, вы приобрѣли какія-то невозможныя привычки, вы одряхлѣли, вы не можете обойтись безъ вина и безъ картъ, вы читаете одного только Поль-де-Кока, и ничего не пишете, тогда какъ всѣ они тамъ пишутъ; все ваше время уходитъ на болтовню. Можно ли, позволительно ли дружить съ такою сволочью какъ вашъ неразлучный Липутинъ?

— Почему же онъ *мой* и *неразлучный*? робко протестовалъ было Степанъ Трофимовичъ.

— Гдѣ онъ теперь? строго и рѣзко продолжала Варвара Петровна.

— Онъ... онъ васъ безпредѣльно уважаетъ и уѣхалъ въ С-къ, послѣ матери получить наслѣдство.

— Онъ, кажется, только и дѣлаетъ что деньги получаетъ. Что Шатовъ? все то же?

— *Irascible, mais bon.*¹

— Терпѣть не могу вашего Шатова; и золь и о себѣ много думаетъ!

— Какъ здоровье Дарьи Павловны?

— Вы это про Дашу? Что это вамъ вздумалось? любопытно поглядѣла на него Варвара Петровна. — Здорова, у Дроздовыхъ оставила.... Я въ Швейцаріи что-то про вашего сына слышала, дурное, а не хорошее.

— Oh, c'est une histoire bien bête! Je vous attendais ma bonne amie pour vous raconter....²

— Довольно, Степанъ Трофимовичъ, дайте покой; измучилась. Успѣемъ наговориться, особенно про дурное. Вы начинаете брызгаться когда засмѣтесъ, это уже дряхлость какая-то! И какъ странно вы теперь стали смѣяться.... Боже, сколько у васъ накопилось дурныхъ привычекъ! Кармазиновъ къ вамъ не поѣдетъ! А тутъ и безъ того всему рады.... Вы всего себя теперь обнаружили. Ну довольно, довольно, устала! Можно же наконецъ пощадить человѣка!

Степанъ Трофимовичъ «пощадилъ человѣка», но удалился въ большомъ смущеніи.

V.

Дурныхъ привычекъ дѣйствительно завелось у нашего друга не мало, особенно въ самое послѣднее время. Онъ видимо и быстро опустился, и это правда что онъ сталъ неряшливъ. Пилъ больше, сталъ

¹ Раздражителен, но добр (*франц.*).

² О, это довольно глупая история! Я вас ожидал, мой добрый друг, чтобы вам рассказать... (*франц.*).

слезливѣе и слабѣе нервами; сталъ ужь слишкомъ чутокъ къ изящному. Лицо его получило странную способность измѣняться необыкновенно быстро, съ самаго, напимѣръ, торжественнаго выраженія на самое смѣшное и даже глупое. Не выносилъ одиночества и непрерывно жаждалъ чтобъ его поскорѣе развлекли. Надо было непременно разказать ему какую-нибудь сплетню, городской анекдотъ и притомъ ежедневно новое. Если же долго никто не приходилъ, то онъ тоскливо бродилъ по комнатамъ, подходилъ къ окну, въ задумчивости жевалъ губами, вздыхалъ глубоко, а подъ конецъ чуть не хныкалъ. Онъ все что-то предчувствовалъ, боялся чего-то неожиданнаго, неминуемаго; сталъ пугливъ; сталъ большое вниманіе обращать на сны.

Весь день этотъ и вечеръ провелъ онъ чрезвычайно грустно, послалъ за мной, очень волновался, долго говорилъ, долго разказывалъ, но все довольно безсвязно. Варвара Петровна давно уже знала что онъ отъ меня ничего не скрываетъ. Мнѣ показалось наконецъ что его заботитъ что-то особенное и такое чего пожалуй онъ и самъ не можетъ представить себѣ. Обыкновенно прежде, когда мы сходились наединѣ и онъ начиналъ мнѣ жаловаться, то всегда почти, послѣ нѣкотораго времени, приносилась бутылочка и становилось гораздо утѣшнѣе. Въ этотъ разъ вина не было, и онъ видимо подавлялъ въ себѣ неоднократное желаніе послать за нимъ.

— И чего она все сердится! жаловался онъ поминутно, какъ ребенокъ, — *Tous les hommes de génie et de progrès en Russie étaient, sont et seront toujours des картежники et des пьяницы, qui boivent en zapoi...*¹ а я еще вовсе не такой картежникъ и не такой пьяница.... Укоряетъ зачѣмъ я ничего не пишу? Странная мысль!... Зачѣмъ я лежу? Вы, говорить, должны стоять «примѣромъ и укоризной». *Mais entre nous soit dit*, что же и дѣлать человѣку которому предназначено стоять «укоризной», какъ не лежать, — знаетъ ли она это?

И наконецъ разъяснилась мнѣ та главная, особенная тоска которая такъ неотвязчиво въ этотъ разъ его мучила. Много разъ въ этотъ вечеръ подходилъ онъ къ зеркалу и подолгу предъ нимъ останавливался. Однажды повернулся отъ зеркала ко мнѣ и съ какимъ-то страннымъ отчаяніемъ проговорилъ:

— *Mon cher, Je suis un*³ опустившійся человѣкъ!

Да, дѣйствительно, до сихъ поръ, до самаго этого дня, онъ въ одномъ только оставался постоянно увѣреннымъ, несмотря на всѣ «новые

¹ Все одаренные и передовые люди в России были, есть и будут всегда картежники и пьяницы, которые пьют за поем (*франц.*).

² Но, между нами говоря (*франц.*).

³ Мой милый, я (*франц.*).

взгляды» и на всѣ, «перемѣны идей» Варвары Петровны, именно въ томъ что онъ все еще обворожителенъ для ея женскаго сердца, то-есть не только какъ изгнанникъ, или какъ славный ученый, но и какъ красивый мужчина. Двадцать лѣтъ коренилось въ немъ это льстивое и успокоительное убѣжденіе и, можетъ-быть изъ всѣхъ его убѣжденій, ему всего тяжелѣе было бы разстаться съ этимъ. Предчувствовалъ ли онъ въ тотъ вечеръ какое колоссальное испытаніе готовилось ему въ такомъ близкомъ будущемъ?

VI.

Приступлю теперь къ описанію того, отчасти забавнаго случая, съ котораго, по настоящему, и начинается моя хроника.

Въ самомъ концѣ августа возвратились наконецъ и Дроздовы. Появленіе ихъ немногимъ предшествовало пріѣзду давно ожидаемой всѣмъ городомъ родственницы ихъ, нашей новой губернаторши, и вообще произвело замѣчательное впечатлѣніе въ обществѣ. Но обо всѣхъ этихъ любопытныхъ событіяхъ скажу послѣ; теперь же ограничусь лишь тѣмъ что Прасковья Ивановна привезла такъ нетерпѣливо ожидавшей ее Варварѣ Петровнѣ одну самую хлопотливую загадку: Nicolas разстался съ ними еще въ іюль, и встрѣтивъ на Рейнѣ графа К., отправился съ нимъ и съ семействомъ его въ Петербургъ. (NB. У графа всѣ три дочери невѣсты.)

— Отъ Лизаветы, по гордости и по строптивости ея, я ничего не добила, заключила Прасковья Ивановна, — но видѣла своими глазами что у ней съ Николаемъ Всеволодовичемъ что-то произошло. Не знаю причинъ, но кажется придется вамъ, другъ мой Варвара Петровна, спросить о причинахъ вашу Дарью Павловну. По моему, такъ Лиза была обижена. Рада радешенька что привезла вамъ, наконецъ, вашу фаворитку и сдаю съ рукъ на руки: съ плечъ долой.

Произнесены были эти ядовитыя слова съ замѣчательнымъ раздраженіемъ. Видно было что «раскисшая женщина» заранѣе ихъ приготовила и впередъ наслаждалась ихъ эффектомъ. Но не Варвару Петровну можно было озадачивать сентиментальными эффектами и загадками. Она строго потребовала самыхъ точныхъ и удовлетворительныхъ объясненій. Прасковья Ивановна немедленно понизила тонъ и даже кончила тѣмъ что расплакалась и пустилась въ самыя дружескія изліянія. Эта раздражительная, но сентиментальная дама, тоже какъ и Степанъ Трофимовичъ, непрерывно нуждалась въ истинной дружбѣ, и главнѣйшая ея жалоба на дочь ея, Лизавету Николаевну, состояла именно въ томъ что «дочь ей не другъ».

Но изъ всѣхъ ея объясненій и изліяній оказалось точнымъ лишь одно то что дѣйствительно между Лизой и Nicolas произошла какая-то размолвка, но какого рода была эта размолвка — о томъ Прасковья Ивановна, очевидно, не сумѣла составить себѣ опредѣленнаго понятія. Отъ обвиненій же взводимыхъ на Дарью Павловну она не только совсѣмъ, подѣ-конецъ, отказалась, но даже особенно просила не давать давешнимъ словамъ ея никакого значенія, потому что сказала она ихъ «въ раздраженіи». Однимъ словомъ, все выходило очень неясно, даже подозрительно. По разказамъ ея, размолвка началась отъ «строптиваго и насмѣшливаго» характера Лизы; «Гордый же Николай Всеволодовичъ, хоть и сильно былъ влюбленъ, но не могъ насмѣшекъ перенести, и самъ сталъ насмѣшливъ». Вскорѣ затѣмъ познакомились мы съ однимъ молодымъ человѣкомъ, кажется вашего «профессора» племянникъ, да и фамилія та же....

— Сынъ, а не племянникъ, поправила Варвара Петровна. Прасковья Ивановна и прежде никогда не могла упомнить фамиліи Степана Трофимовича и всегда называла его «профессоромъ».

— Ну сынъ такъ сынъ, тѣмъ лучше, а мнѣ вѣдь и все равно. Обыкновенный молодой человѣкъ, очень живой и свободный, но ничего такого въ немъ нѣтъ. Ну, тутъ ужъ сама Лиза поступила не хорошо, молодого человѣка къ себѣ приблизила изъ видовъ чтобы въ Николаѣ Всеволодовичѣ ревность возбудить. Не осуждаю я этого очень-то: дѣло дѣвичье, обыкновенное, даже милое. Только Николай Всеволодовичъ вмѣсто того чтобы приревновать, напротивъ самъ съ молодымъ человѣкомъ подружился, точно и не видитъ ничего, али какъ будто ему все равно. Лизу-то это и взорвало. Молодой человѣкъ въ скорости уѣхалъ (спѣшилъ очень куда-то), а Лиза стала при всякомъ удобномъ случаѣ къ Николаю Всеволодовичу придирааться. Замѣтила она что тотъ съ Дашей иногда говорить, ну и стала бѣситься, тутъ ужъ и мнѣ, матушка, житья не стало. Раздражаться мнѣ доктора запретили, и такъ это хваленое озеро ихнее мнѣ надоѣло, только зубы отъ него разболѣлись, такой ревматизмъ получила. Печатаютъ даже про то что отъ Женевского озера зубы болятъ; свойство такое. А тутъ Николай Всеволодовичъ вдругъ отъ графини письмо получилъ и тотчасъ же отъ насъ и уѣхалъ, въ одинъ день собрался. Простились-то они по-дружески, да и Лиза, провожая его, стала очень весела и легкомысленна и много хохотала. Только напускное все это. Уѣхалъ онъ, — стала очень задумчива, да и поминать о немъ совсѣмъ перестала и мнѣ не давала. Да и вамъ бы я совѣтовала, милая Варвара Петровна, ничего теперъ съ Лизой на счетъ этого предмета не начинать, только дѣлу повредите. А будете молчать, она первая сама съ

вами заговорить; тогда болѣе узнаете. По моему, опять сойдутся, если только Николай Всеволодовичъ не замедлитъ прїѣхать какъ обѣщаль.

— Напишу ему тотчасъ же. Коли все было такъ, то пустая раз-молвка; все вздоръ! Да и Дарью я слишкомъ знаю; все вздоръ.

— Про Дашеньку я, покаюсь, — согрѣшила. Одни только обыкно-венные были разговоры, да и то вслухъ. Да ужь очень меня, матушка, все это тогда разстроило. Да и Лиза, видѣла я, сама же съ нею опять со-шлась съ прежнею лаской....

Варвара Петровна въ тотъ же день написала къ Nicolas и умоляла его хоть однимъ мѣсяцемъ прїѣхать раньше положеннаго имъ срока. Но все-таки оставалось тутъ для нея нѣчто неясное и неизвѣстное. Она продумала весь вечеръ и всю ночь. Мнѣніе «Прасковьи» казалось ей слишкомъ невиннымъ и сентиментальнымъ. «Прасковья всю жизнь была слишкомъ чувствительна съ самаго еще пансіона», думала она, «не та-ковъ Nicolas чтобъ убѣждать изъ-за насмѣшекъ дѣвчонки. Тутъ другая причина, если точно размолвка была. Офицеръ этотъ однако здѣсь, съ собой привезли, и въ домѣ у нихъ какъ родственникъ поселился. Да и на счетъ Дарьи, Прасковья слишкомъ ужь скоро повинилась: вѣрно что-ни-будь про себя оставила, чего не хотѣла сказать»....

Къ утру у Варвары Петровны созрѣлъ проектъ разомъ покончить по крайней мѣрѣ хоть съ однимъ недоумѣніемъ — проектъ замѣчатель-ный по своей неожиданности. Что было въ сердцѣ ея когда она создала его? — трудно рѣшить, да и не возьмусь я растолковывать заранѣе всѣ противорѣчія изъ которыхъ онъ состоялъ. Какъ хроникеръ я ограничи-ваюсь лишь тѣмъ что представляю событія въ точномъ видѣ, точно такъ какъ они произошли, и не виновать если они покажутся невѣроятными. Но однако долженъ еще разъ засвидѣтельствовать что подозрѣній на Дашу у ней, къ утру, никакихъ не осталось, а по правдѣ никогда и не начиналось; слишкомъ она была въ ней увѣрена. Да и мысли она не мог-ла допустить чтобъ ея Nicolas могъ увлечься ея.... «Дарьей». Утромъ, когда Дарья Павловна за чайнымъ столикомъ разливала чай, Варвара Петровна долго и пристально въ нее всматривалась, и, можетъ-быть въ двадцатый разъ со вчерашняго дня, съ увѣренностію произнесла про себя:

— Все вздоръ!

Замѣтила только что у Даши какой-то усталый видъ и что она еще тише прежняго, еще апатичнѣе. Послѣ чаю, по заведенному разъ навсе-гда обычаю, обѣ сѣли за рукодѣлье. Варвара Петровна велѣла ей дать себѣ полный отчетъ о ея заграничныхъ впечатлѣніяхъ, преимуществен-но о природѣ, жителяхъ, городахъ, обычаяхъ, ихъ искусствахъ, промыш-

ленности, — обо всемъ что успѣла замѣтить. Ни одного вопроса о Дроздовыхъ и о жизни съ Дроздовыми. Даша, сидѣвшая подлѣ нея за рабочимъ столикомъ и помогавшая ей вышивать, разказывала уже съ полчася своимъ ровнымъ, однообразнымъ, но нѣсколько слабымъ голосомъ.

— Дарья, прервала ее вдругъ Варвара Петровна, — ничего у тебя нѣтъ такого особеннаго, о чемъ хотѣла бы ты сообщить?

— Нѣтъ, ничего, капельку подумала Даша, и взглянула на Варвару Петровну своими свѣтлыми глазами.

— На душѣ, на сердцѣ, на совѣсти?

— Ничего, тихо, но съ какою-то угрюмою твердостью повторила Даша.

— Такъ я и знала! Знай Дарья что я никогда не усомнюсь въ тебѣ. Теперь сиди и слушай. Перейди на этотъ стулъ, садись напротивъ, я хочу всю тебя видѣть. Вотъ такъ. Слушай, — хочешь замужъ?

Даша отвѣчала вопросительнымъ длиннымъ взглядомъ, не слишкомъ впрочемъ удивленнымъ.

— Стой; молчи. Впервыхъ, есть разница въ лѣтахъ, большая очень; но вѣдь ты лучше всѣхъ знаешь какой это вздоръ. Ты разсудительна, и въ твоей жизни не должно быть ошибокъ. Впрочемъ онъ еще красивый мужчина.... Однимъ словомъ, Степанъ Трофимовичъ, котораго ты всегда уважала. Ну?

Даша посмотрѣла еще вопросительнѣе и на этотъ разъ не только съ удивленіемъ, но и замѣтно покраснѣла.

— Стой, молчи; не спѣши! Хоть у тебя и есть деньги, по моему завѣщанію, но умри я, что съ тобой будетъ, хотя бы и съ деньгами? Тебя обмануть и деньги отнять, ну и погибла. А за нимъ ты жена извѣстнаго человѣка. Смотри теперь съ другой стороны: умри я сейчасъ, — хоть я и обезпечу его, — что съ нимъ будетъ? А на тебя-то ужъ я понадеюсь. Стой, я не договорила: онъ легкомысленъ, мямля, жестокъ, эгоистъ, низкія привычки, но ты его цѣни, впервыхъ ужъ потому что есть и гораздо хуже. Вѣдь не за мерзавца же какого я тебя сбыть съ рукъ хочу, ты ужъ не подумала ли чего? А главное потому что я прошу, потому и будешь цѣнить, оборвала она вдругъ раздражительно, — слышишь? Что же ты уперлась?

Даша все молчала и слушала.

— Стой, подожди еще. Онъ баба — но вѣдь тебѣ же лучше. Жалкая, впрочемъ, баба; его совсѣмъ не стоило бы любить женщинѣ. Но его стоитъ за беззащитность его любить, и ты люби его за беззащитность. Ты вѣдь меня понимаешь? Понимаешь?

Даша кивнула головой утвердительно.

— Я такъ и знала, меньше не ждала отъ тебя. Онъ тебя любить будетъ, потому что долженъ, долженъ; онъ обожать тебя долженъ! какъ-то особенно раздражительно взвизгнула Варвара Петровна, — а впрочемъ онъ и безъ долгу въ тебя влюбится, я вѣдь знаю его. Къ тому же я сама буду тутъ. Не безпокойся, я всегда буду тутъ. Онъ станетъ на тебя жаловаться, онъ клеветать на тебя начнетъ, шептаться будетъ о тебѣ съ первымъ встрѣчнымъ, будетъ ныть, вѣчно ныть; письма тебѣ будетъ писать изъ одной комнаты въ другую, въ день по два письма, но безъ тебя все-таки не проживетъ, а въ этомъ и главное. Заставь слушаться; не сумѣешь заставить — дура будешь. Повѣситься захочетъ, грозить будетъ — не вѣрь; одинъ только вздоръ! Не вѣрь, а все-таки держи ухо востро, не ровень часъ и повѣсится; съ такими-то и бываетъ; не отъ силы, а отъ слабости вѣшаются; а потому никогда не доводи до послѣдней черты, — и это первое правило въ супружествѣ. Помни тоже что онъ поэтъ. Слушай, Дарья: нѣтъ выше счастья какъ собою пожертвовать. И къ тому же ты мнѣ сдѣлаешь большое удовольствіе, а это главное. Ты не думай что я по глупости сейчасъ сбрендила; я понимаю что говорю. Я эгоистка, будь и ты эгоисткой. Я вѣдь не неволю; все въ твоей волѣ, какъ скажешь, такъ и будетъ. Ну, что жъ усѣлась, говори что-нибудь!

— Мнѣ вѣдь все равно, Варвара Петровна, если ужъ непременно надобно за мужъ выйти, твердо проговорила Даша.

— Непременно? ты на что это намекаешь? строго и пристально посмотрѣла на нее Варвара Петровна.

Даша молчала, ковыряя въ пальцахъ иголкой.

— Ты хоть и умна, но ты сбрендила. Это хоть и правда что я непременно теперь тебя вздумала за мужъ выдать, но это не по необходимости, а потому только что мнѣ такъ придумалось, и за одного только Степана Трофимовича. Не будь Степана Трофимовича, я бы и не подумала тебя сейчасъ выдавать, хоть тебѣ ужъ и двадцать лѣтъ.... Ну?

— Я какъ вамъ угодно, Варвара Петровна.

— Значить согласна! Стой, молчи, куда торопишься, я не договорила: по завѣщанію тебѣ отъ меня пятнадцать тысячъ рублей положено. Я ихъ теперь же тебѣ выдамъ, послѣ вѣнца. Изъ нихъ восемь тысячъ ты ему отдашь, то-есть не ему, а мнѣ. У него есть долгъ въ восемь тысячъ; я и уплачу, но надо чтобъ онъ зналъ что твоими деньгами. Семь тысячъ останутся у тебя въ рукахъ, отнюдь ему не давай ни рубля никогда. Долговъ его не плати никогда. Разъ заплатишь — потомъ не оберешься. Впрочемъ я всегда буду тутъ. Вы будете получать отъ меня ежегодно по тысячѣ двѣсти рублей содержанія, а съ экстренными тысячу пятьсотъ,

кромѣ квартиры и стола, которые тоже отъ меня будутъ, точно такъ какъ и теперъ онъ пользуется. Прислугу только свою заведите. Годовыя деньги я тебѣ буду всѣ разомъ выдавать, прямо тебѣ на руки. Но будь и добра: иногда выдай и ему что-нибудь, и пріятелямъ ходить позволяй, разъ въ недѣлю, а если чаще, то гони. Но я сама буду тутъ. А коли умру, пенсіонъ вашъ не прекратится до самой его смерти, слышишь до его только смерти, потому что это его пенсіонъ, а не твой. А тебѣ, кромѣ теперешнихъ семи тысячъ, которыя у тебя останутся въ цѣлости, если не будешь сама глупа, еще восемь тысячъ въ завѣщаніи оставлю. И больше тебѣ отъ меня ничего не будетъ, надо чтобы ты знала. Ну, согласна что ли? Скажешь ли наконецъ что-нибудь?

— Я уже сказала, Варвара Петровна.

— Вспомни что твоя полная воля, какъ захочешь такъ и будетъ.

— Только позвольте, Варвара Петровна, развѣ Степанъ Трофимычъ вамъ уже говорилъ что-нибудь?

— Нѣтъ, онъ ничего не говорилъ и не знаетъ, но.... онъ сейчасъ заговорить!

Она мигомъ вскочила и набросила на себя свою черную шаль. Даша опять немного покраснѣла и вопросительнымъ взглядомъ слѣдила за нею. Варвара Петровна вдругъ обернулась къ ней съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ:

— Дура ты! накинулась она на нее какъ ястребъ, — дура неблагодарная! Что у тебя на умѣ? Неужто ты думаешь что я скомпрометирую тебя хоть чѣмъ-нибудь, хоть настолько вотъ! Да онъ самъ на колѣнкахъ будетъ ползать просить, онъ долженъ отъ счастья умереть, вотъ какъ это будетъ устроено! Ты вѣдь знаешь же что я тебя въ обиду не дамъ! Или ты думаешь что онъ тебя за эти восемь тысячъ возьметъ, а я бѣгу теперъ тебя продавать? Дура, дура, всѣ вы дуры неблагодарныя! Подай зонтикъ!

И она полетѣла пѣшкомъ по мокрымъ кирпичнымъ тротуарамъ и по деревяннымъ мосткамъ къ Степану Трофимовичу.

VII.

Это правда что «Дарью» она не дала бы въ обиду; напротивъ теперъ-то и считала себя ея благодѣтельницей. Самое благородное и безупречное негодованіе загорѣлось въ душѣ ея, когда давеча, надѣвая шаль, она поймала на себѣ смущенный и недовѣрчивый взглядъ своей воспитанницы. Она искренно любила ее съ самаго ея дѣтства. Прасковья Ивановна справедливо назвала Дарью Павловну ея фавориткой. Давно уже Варвара Петровна рѣшила разъ навсегда что «Дарынь характеръ

не похожъ на братнинъ» (то-есть на характеръ брата ея Ивана Шатова), что она тиха и кротка, способна къ большому самопожертвованію, отличается преданностію, необыкновенною скромностію, рѣдкою разсудительностію и главное благодарностію. До сихъ поръ, повидимому, Даша оправдывала всѣ ея ожиданія. «Въ этой жизни не будетъ ошибокъ», сказала Варвара Петровна, когда дѣвочкѣ было еще двѣнадцать лѣтъ, и такъ какъ она имѣла свойство привязываться упрямо и страстно къ каждой плѣнившей ея мечтѣ, къ каждому своему новому предначертанію, къ каждой мысли своей, показавшейся ей свѣтлою, то тотчасъ же и рѣшила воспитывать Дашу какъ родную дочь. Она немедленно отложила ей капиталъ и пригласила въ домъ гувернантку, миссъ Кригсъ, которая и прожила у нихъ до шестнадцатилѣтняго возраста воспитанницы, но ей вдругъ, почему-то, было отказано. Ходили учителя изъ гимназіи, между ними одинъ настоящій Французъ, который и обучилъ Дашу по-французски. Этому тоже было отказано вдругъ, точно прогнали. Одна бѣдная, заѣзжая дама, вдова изъ благородныхъ, обучала на фортепіано. Но главнымъ педагогомъ былъ все-таки Степанъ Трофимовичъ. По настоящему онъ первый и открылъ Дашу: онъ сталъ обучать тихаго ребенка еще тогда когда Варвара Петровна о ней и не думала. Опять повторю: удивительно какъ къ нему привязывались дѣти! Лизавета Николаевна Тушина училась у него съ восьми лѣтъ до одиннадцати (разумѣется Степанъ Трофимовичъ училъ ее безъ вознагражденія и ни за что бы не взялъ его отъ Дроздовыхъ). Но онъ самъ влюбился въ прелестнаго ребенка и разказывалъ ей какія-то поэмы объ устройствѣ міра, земли, объ исторіи человѣчества. Лекціи о первобытныхъ народахъ и о первобытномъ человѣкѣ были занимательнѣе арабскихъ сказокъ. Лиза, которая млѣла за этими разказами, чрезвычайно смѣшно передразнивала у себя дома Степана Трофимовича. Тотъ узналъ про это и разъ подглядѣлъ ее врасплохъ. Сконфуженная Лиза бросилась къ нему въ объятія и заплакала. Степанъ Трофимовичъ тоже, отъ восторга. Но Лиза скоро уѣхала, и осталась одна Даша. Когда къ Дашѣ стали ходить учителя, то Степанъ Трофимовичъ оставилъ съ нею свои занятія и мало-помалу совсѣмъ пересталъ обращать на нее вниманіе. Такъ продолжалось долгое время. Разъ, когда уже ей было почти семнадцать лѣтъ, онъ былъ вдругъ пораженъ ея миловидностію. Это случилось за столомъ у Варвары Петровны. Онъ заговорилъ съ молодою дѣвушкой, былъ очень доволенъ ея отвѣтами и кончилъ предложеніемъ прочесть ей серіозный и обширный курсъ исторіи русской литературы. Варвара Петровна похвалила и поблагодарила его за прекрасную мысль, а Даша была въ восторгѣ. Степанъ Трофимовичъ сталъ особенно приготовляться къ лекціямъ, и

наконецъ онѣ наступили. Начали съ древнѣйшаго періода; первая лекція прошла увлекательно; Варвара Петровна присутствовала. Когда Степанъ Трофимовичъ кончилъ и уходя объявилъ ученицѣ что въ слѣдующій разъ приступить къ разбору *Слова о полку Игоревѣ*, Варвара Петровна вдругъ встала и объявила что лекцій больше не будетъ. Степанъ Трофимовичъ покоробился, но смолчалъ, Даша вспыхнула; тѣмъ и кончилась однакоже затѣя. Произошло это ровно за три года до теперешней неожиданной фантазіи Варвары Петровны.

Бѣдный Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ одинъ и ничего не предчувствовалъ. Въ грустномъ раздумьи давно уже поглядывалъ онъ въ окно, не подойдетъ ли кто изъ знакомыхъ. Но никто не хотѣлъ подходить. На дворѣ моросило, становилось холодно; надо было протопить печку; онъ вздохнулъ. Вдругъ страшное видѣніе предстало его очамъ: Варвара Петровна въ такую погоду и въ такой неурочный часъ къ нему! И пѣшкомъ! Онъ до того былъ пораженъ что забылъ перемѣнить костюмъ и принялъ ее какъ былъ, въ своей всегдашней, розовой ватной фуфайкѣ.

— *Ma bonne amie!*... слабо крикнулъ онъ ей навстрѣчу.

— Вы одни, я рада; терпѣть не могу вашихъ друзей! Какъ вы всегда накурите; Господи, что за воздухъ! Вы и чай не допили, а на дворѣ двѣнадцатый часъ! Ваше блаженство — безпорядокъ! Ваше наслажденіе — сорь! Что это за разорванныя бумажки на полу? Настасья, Настасья! Что дѣлаетъ ваша Настасья? Отвори, матушка, окна, форточки, двери, все настезь. А мы въ залу пойдемте; я къ вамъ за дѣломъ. Да подмети ты хоть разъ въ жизни, матушка!

— Сорятъ-съ! раздражительно-жалобнымъ голоскомъ пропищала Настасья.

— А ты мети, пятнадцать разъ въ день мети! Дрянная у васъ зала (когда вышли въ залу). Затворите крѣпче двери, она станетъ подслушивать. Непремѣнно надо обои перемѣнить. Я вѣдь вамъ присылала обойщика съ обращиками, что же вы не выбрали? Садитесь и слушайте. Садитесь же, наконецъ, прошу васъ. Куда же вы? Куда же вы? Куда же вы!

— Я... сейчасъ, крикнулъ изъ другой комнаты Степанъ Трофимовичъ, — вотъ я и опять!

— А, вы перемѣнили костюмъ! насмѣшливо оглядѣла она его. (Онъ накинулъ сюртукъ сверхъ фуфайки.) Этакъ дѣйствительно будетъ болѣе подходить.... къ нашей рѣчи. Садитесь же, наконецъ, прошу васъ.

Она объяснила ему все сразу, рѣзко и убѣдительно. Намекнула и о восьми тысячахъ, которыя были ему до зарѣзу нужны. Подробно разказала о приданомъ. Степанъ Трофимовичъ тарацилъ глаза и трепеталъ. Слышалъ все, но ясно не могъ сообразить. Хотѣлъ заговорить, но все

обрывался голосъ. Зналъ только что все такъ и будетъ какъ она говорить, что возражать и не соглашаться дѣло пустое, а онъ женатый человекъ безвозвратно.

— Mais, ma bonne amie, въ третій разъ и въ моихъ лѣтахъ.... и съ такимъ ребенкомъ! проговорилъ онъ наконецъ. — Mais c'est une enfant!

— Ребенокъ, которому двадцать лѣтъ, слава Богу! Не вертите пожалуйста зрачками, прошу васъ, вы не на театрѣ. Вы очень умны и учены, но ничего не понимаете въ жизни, за вами постоянно должна нянька ходить. Я умру, и что съ вами будетъ? А она будетъ вамъ хорошею нянькой; это дѣвушка скромная, твердая, разсудительная; къ тому же я сама буду тутъ, не сейчасъ же умру. Она домосѣдка, она ангелъ кротости. Эта счастливая мысль мнѣ еще въ Швейцаріи приходила. Понимаете ли вы если я сама вамъ говорю что она ангелъ кротости! вдругъ яростно вскричала она. — У васъ соръ, она заведетъ чистоту, порядокъ, все будетъ какъ зеркало.... Э, да неужто же вы мечтаете что я еще кланяться вамъ должна съ такимъ сокровищемъ, исчислять всѣ выгоды, сватать! Да вы должны бы на колѣняхъ.... О, пустой, пустой, малодушный человекъ!

— Но.... я уже старикъ!

— Что значать ваши пятьдесятъ три года? Пятьдесятъ лѣтъ не конецъ, а половина жизни. Вы красивый мужчина, и сами это знаете. Вы знаете тоже какъ она васъ уважаетъ. Умри я, что съ нею будетъ? А за вами она спокойна, и я спокойна. У васъ значеніе, имя, любящее сердце; вы получаете пенсіонъ, который я считаю своею обязанностію. Вы можете-быть спасете ее, спасете! Во всякомъ случаѣ честь доставите. Вы сформируете ее къ жизни, разовьете ея сердце, направите мысли. Нынче сколько погибаютъ оттого что дурно направлены мысли! Къ тому времени поспѣетъ ваше сочиненіе, и вы разомъ о себѣ напомните.

— Я именно, пробормоталъ онъ уже польщенный ловкою лестью Варвары Петровны, — я именно собираюсь теперь присѣсть за мои *Разказы изъ испанской исторіи*....

— Ну, вотъ видите, какъ разъ и сошлось.

— Но.... она? Вы ей говорили?

— О ней не безпокойтесь, да и нечего вамъ любопытствовать. Конечно вы должны ее сами просить, умолять сдѣлать вамъ честь, понимаете? Но не безпокойтесь, я сама буду тутъ. Къ тому же вы ее любите....

У Степана Трофимовича закружилась голова; стѣны пошли кругомъ. Тутъ была одна страшная идея съ которою онъ никакъ не могъ сладить:

---

¹ Но, мой добрый друг ... Но ведь это ребенок! (*франц.*).

— Excellente amie! задрожаль вдругъ его голосъ, — я.... я никогда не могъ вообразить что вы рѣшитесь выдать меня.... за другую.... женщину!

— Вы не дѣвица, Степанъ Трофимовичъ; только дѣвицъ выдаютъ, а вы сами женитесь, ядовито прошипѣла Варвара Петровна.

— Oui, j'ai pris un mot pour un autre. Mais.... c'est égal¹, уставился онъ на нее съ потеряннымъ видомъ.

— Вижу что c'est égal, презрительно процѣдила она, — Господи! да съ нимъ обморокъ! Настасья, Настасья! воды!

Но до воды не дошло. Онъ очнулся. Варвара Петровна взяла свой зонтикъ.

— Я вижу что съ вами теперь нечего говорить....

— Oui, oui, je suis incarable.²

— Но къ завтраму вы отдохнете и обдумаете. Сидите дома, если что случится дайте знать, хотя бы ночью. Писемъ не пишите, и читать не буду. Завтра же въ это время приду сама, одна, за окончательнымъ отвѣтомъ, и надѣюсь что онъ будетъ удовлетворителенъ. Постарайтесь чтобы никого не было, и чтобы сору не было, а это на что похоже? Настасья, Настасья!

Разумѣется на завтра онъ согласился; да и не могъ не согласиться. Тутъ было одно особое обстоятельство....

VIII.

Такъ-называемое у насъ имѣніе Степана Трофимовича (душъ пятьдесятъ по старинному счету, и смежное со Скворешниками) было вовсе не его, а принадлежало первой его супругѣ, а стало-быть теперь ихъ сыну, Петру Степановичу Верховенскому. Степанъ Трофимовичъ только опекуновалъ, а потому, когда птенецъ оперился, дѣйствовалъ по формальной отъ него довѣренности на управление имѣніемъ. Сдѣлка для молодаго человѣка была выгодная: онъ получалъ съ отца въ годъ до тысячи рублей въ видѣ дохода съ имѣнія, тогда какъ оно при новыхъ порядкахъ не давало и пятисотъ (а можетъ-быть и того менѣе). Богъ знаетъ какъ установились подобныя отношенія. Впрочемъ, всю эту тысячу цѣликомъ высылала Варвара Петровна, а Степанъ Трофимовичъ ни единымъ рублемъ въ ней не участвовалъ. Напротивъ, весь доходъ съ земли оставялъ у себя въ карманѣ, и кромѣ того разорилъ ее въ конецъ, сдавъ ее въ аренду какому-то промышленнику и, тихонько отъ Варвары Петровны, продавъ на срубъ рощу, то-есть главную ея цѣн-

¹ Да, я оговорился. Но... это всё равно (франц.).

² Да, да, я не в состоянии (франц.).

ность. Эту рожицу онъ уже давно продавалъ урывками. Вся она стоила по крайней мѣрѣ тысячъ восемь, а онъ взялъ за нее только пять. Но онъ иногда слишкомъ много проигрывалъ въ клубѣ, а просить у Варвары Петровны боялся. Она скрежетала зубами, когда, наконецъ, обо всемъ узнала. И вдругъ теперь сынокъ извѣщалъ что пріѣдетъ самъ продать свои владѣнія во что бы ни стало, а отцу поручалъ неотлагательно позаботиться о продажѣ. Ясное дѣло, что при благородствѣ и безкорыстїи Степана Трофимовича, ему стало совѣстно предъ се *cher enfant*¹ (котораго онъ въ послѣдній разъ видѣлъ цѣлыхъ девять лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ, студентомъ). Первоначально все имѣніе могло стоить тысячъ тринадцать или четырнадцать, теперь врядъ ли кто бы далъ за него и пять. Безъ сомнѣнія, Степанъ Трофимовичъ имѣлъ полное право, по смыслу формальной довѣренности, продать лѣсъ и, поставивъ въ счетъ тысячерублевый невозможный ежегодный доходъ, столько лѣтъ выславшійся аккуратно, сильно оградить себя при разчетѣ. Но Степанъ Трофимовичъ былъ благороденъ, со стремленіями высшими. Въ головѣ его мелькнула одна удивительно-красивая мысль: когда пріѣдетъ Петруша, вдругъ благородно выложить на столъ самый высшій *maximum* цѣны, то-есть даже пятнадцать тысячъ, безъ малѣйшаго намека на выславшіяся до сихъ поръ суммы и крѣпко-крѣпко, со слезами, прижать къ груди се *cher fils*², чѣмъ и покончить всѣ счеты. Отдаленно и осторожно началъ онъ развертывать эту картинку предъ Варварой Петровной. Онъ намекалъ что это даже придастъ какой-то особый, благородный оттѣнокъ ихъ дружеской связи.... ихъ «идѣе». Это выставило бы въ такомъ безкорыстномъ и великодушномъ видѣ прежнихъ отцовъ и вообще прежнихъ людей, сравнительно съ новою легкомысленною и соціальною молодежью. Много еще онъ говорилъ, но Варвара Петровна все от-малчивалась. Наконецъ сухо объявила ему что согласна купить ихъ землю и дастъ за нее *maximum* цѣны, то-есть тысячъ шесть, семь (и за четыре можно было купить). Объ остальныхъ же восьми тысячахъ, улетѣвшихъ съ рожей, не сказала ни слова.

Это случилось за мѣсяць до сватовства. Степанъ Трофимовичъ былъ пораженъ и началъ задумываться. Прежде еще могла быть надежда что сынокъ пожалуй и совсѣмъ не пріѣдетъ, — то-есть надежда судя со стороны, по мнѣнію кого-нибудь посторонняго. Степанъ же Трофимовичъ, какъ отецъ, съ негодованіемъ отвергъ бы самую мысль о подобной надеждѣ. Какъ бы тамъ ни было, но до сихъ поръ о Петрушѣ доходили къ намъ все такіе странные слухи. Сначала, кончивъ курсъ въ университетѣ, лѣтъ шесть тому назадъ, онъ слонялся въ Петербургѣ

¹ этим дорогим ребенком (*франц.*)

² этого дорогого сына (*франц.*).

безъ дѣла. Вдругъ получилось у насъ извѣстіе что онъ участвовалъ въ составленіи какой-то подметной прокламаціи и притянуть къ дѣлу. Потомъ, что онъ очутился вдругъ за границей, въ Швейцаріи, въ Женевѣ, — бѣжалъ, чего добраго.

— Удивительно мнѣ это, проповѣдывалъ намъ тогда Степанъ Трофимовичъ, сильно сконфузившійся, — Петруша *c'est une si pauvre tête!*¹ Онъ добръ, благороденъ, очень чувствителенъ, и я такъ тогда, въ Петербургѣ, порадовался, сравнивъ его съ современною молодежью, но *c'est un pauvre sire tout de même...*² И знаете, все отъ той же недосиженности, сентиментальности! Ихъ плѣняетъ не реализмъ, а чувствительная, идеальная сторона социализма, такъ-сказать, религіозный оттѣнокъ его, поэзія его.... съ чужаго голоса разумѣется. И однако мнѣ-то, мнѣ каково! У меня здѣсь столько враговъ, *тамъ* еще болѣе, припишутъ вліянію отца.... Боже! Петруша двигателемъ! Въ какія времена мы живемъ!

Петруша выслалъ, впрочемъ, очень скоро свой точный адресъ изъ Швейцаріи, для обычной ему высылки денегъ: стало-быть, не совсѣмъ же былъ эмигрантомъ. И вотъ теперь, пробывъ за границей года четыре, вдругъ появляется опять въ своемъ отечествѣ и извѣщаетъ о скоромъ своемъ прибытіи: стало-быть ни въ чемъ не обвиненъ. Мало того, даже какъ будто кто-то принималъ въ немъ участіе и покровительствовалъ ему. Онъ писалъ теперь съ юга Россіи, гдѣ находился по чьему-то частному, но важному порученію и объ чемъ-то тамъ хлопоталъ. Все это было прекрасно, но однако гдѣ же взять остальные семь-восемь тысячъ чтобы составить приличный *maximum* цѣны за имѣніе? А что если подыметъ крикъ, и вмѣсто величественной картины дойдетъ до процесса? Что-то говорило Степану Трофимовичу что чувствительный Петруша не отступится отъ своихъ интересовъ. «Почему это, я замѣтилъ», шепнулъ мнѣ разъ тогда Степанъ Трофимовичъ, «почему это всѣ эти отчаянные социалисты и коммунисты въ то же время и такіе неимовѣрные скряги, приобрѣтатели, собственники, и даже такъ что чѣмъ больше онъ социалистъ, чѣмъ дальше пошелъ, тѣмъ сильнѣе и собственникъ.... почему это? Неужели тоже отъ сентиментальности?» Я не знаю есть ли правда въ этомъ замѣчаніи Степана Трофимовича; я знаю только что Петруша имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія о продажѣ роши и о прочемъ, а Степанъ Трофимовичъ зналъ что тотъ имѣетъ эти свѣдѣнія. Мнѣ случалось тоже читать и Петрушины письма къ отцу; писалъ онъ до крайности рѣдко, разъ въ годъ и еще рѣже. Только въ послѣднее время, увѣдомляя о близкомъ своемъ пріѣздѣ, прислалъ два письма, почти одно за другимъ. Всѣ письма его были коротенькія, сухія, состояли изъ однихъ лишь распоря-

¹ такой недалекий! (*фран.*)

² это всё же жалкий человек (*франц.*)

женій, и такъ какъ отецъ съ сыномъ еще съ самага Петербурга были по модному, на *ты*, то и письма Петруши рѣшительно имѣли видъ тѣхъ старинныхъ предписаній прежнихъ помѣщиковъ изъ столицъ ихъ дворовымъ людямъ, поставленнымъ ими въ управляющіе ихъ имѣній. И вдругъ теперь эти восемь тысячъ, разрѣшающія дѣла, вылетаютъ изъ предложенія Варвары Петровны, и при этомъ она даетъ ясно почувствовать что они ни откуда болѣе и не могутъ вылетѣть. Разумѣется, Степанъ Трофимовичъ согласился.

Онъ тотчасъ же по ея уходѣ прислалъ за мной, а отъ всѣхъ другихъ заперся на весь день. Конечно поплакалъ, много и хорошо говорилъ, много и сильно сбивался, сказалъ случайно каламбуръ и остался имъ доволенъ, потомъ была легкая холерина, — однимъ словомъ, все произошло въ порядкѣ. Послѣ чего онъ вытащилъ портретъ своей, уже двадцать лѣтъ тому назадъ скончавшейся Нѣмочки, и жалобно началъ взывать: «Простишь ли ты меня?» Вообще онъ былъ какъ-то сбить съ толку. Съ горя мы немножко и выпили. Впрочемъ, онъ скоро и сладко заснулъ. На утро мастерски повязалъ себѣ галстукъ, тщательно одѣлся и часто подходилъ смотрѣться въ зеркало. Платокъ sprays духами, впрочемъ, лишь чуть-чуть, и только завидѣлъ Варвару Петровну въ окно, поскорѣй взялъ другой платокъ, а надушенный спряталъ подъ подушку.

— И прекрасно! похвалила Варвара Петровна, выслушавъ его согласіе. — Впервыхъ, благородная рѣшимость, а вовторыхъ, вы вняли голосу разсудка, которому вы такъ рѣдко внимаете въ вашихъ частныхъ дѣлахъ. Спѣшить, впрочемъ, нечего, прибавила она, разглядывая узелъ его бѣлаго галстука, — покаместъ молчите, и я буду молчать. Скоро день вашего рожденія; я буду у васъ вмѣстѣ съ нею. Сдѣлайте вечерній чай, и пожалуста безъ вина и безъ закусокъ; впрочемъ я сама все устрою. Пригласите вашихъ друзей, — впрочемъ мы вмѣстѣ сдѣлаемъ выборъ. Наканунѣ вы съ нею переговорите, если надо будетъ; а на вашемъ вечерѣ мы не то что объявимъ, или тамъ сговоръ какой-нибудь сдѣлаемъ, а только такъ намекнемъ или дадимъ знать, безо всякой торжественности. А тамъ недѣли черезъ двѣ и свадьба, по возможности безъ всякаго шума.... Даже обоимъ вамъ можно бы и уѣхать на время, тотчасъ изъ-подъ вѣнца, хоть въ Москву напримѣръ. Я тоже можетъ-быть съ вами поѣду.... А главное до тѣхъ поръ молчите.

Степанъ Трофимовичъ былъ удивленъ. Онъ заикнулся было что невозможно же ему такъ, что надо же переговорить съ невѣстой, но Варвара Петровна раздражительно на него накинулась:

— Это зачѣмъ? Впервыхъ, ничего еще можетъ-быть и не будетъ....

— Какъ не будетъ! пробормоталъ женихъ, совсѣмъ уже ошеломленный.

— Такъ. Я еще посмотрю.... А впрочемъ все такъ будетъ какъ я сказала, и не беспокойтесь, я сама ее приготовлю. Вамъ совсѣмъ незачѣмъ. Все нужное будетъ сказано и сдѣлано, а вамъ туда незачѣмъ. Для чего? Для какой роли? И сами не ходите и писемъ не пишите. И ни слуху ни духу, прошу васъ. Я тоже буду молчать.

Она рѣшительно не хотѣла объясняться и ушла видимо разстроенная. Кажется чрезмѣрная готовность Степана Трофимовича поразила ее. Увы, онъ рѣшительно не понималъ своего положенія, и вопросъ еще не представился ему съ нѣкоторыхъ другихъ точекъ зрѣнія. Напротивъ явился какой-то новый тонъ, что-то побѣдоносное и легкомысленное. Онъ куражился:

— Это мнѣ нравится! восклицалъ онъ, останавливаясь предо мной и разводя руками, — вы слышали? Она хочетъ довести до того чтобъ я, наконецъ, не захотѣлъ. Вѣдь я тоже могу терпѣніе потерять и.... не захотѣть! «Сидите и нечего вамъ туда ходить,» но почему я, наконецъ, непременно долженъ жениться? Потому только что у ней явилась смѣшная фантазія? Но я человѣкъ серьезный, и могу не захотѣть подчиняться празднымъ фантазіямъ взбалмошной женщины! У меня есть обязанности къ моему сыну и.... и къ самому себѣ! Я жертву приношу — понимаетъ ли она это? Я можетъ-быть потому согласился что мнѣ наскучила жизнь и мнѣ все равно. Но она можетъ меня раздражить, и тогда мнѣ будетъ уже не все равно; я обижусь и откажусь. *Et enfin le ridicule....*¹ Что скажутъ въ клубѣ? Что скажетъ.... Липутинъ? «Можетъ ничего еще и не будетъ» — каково! Но вѣдь это верхъ! Это ужь.... это что же такое? — *Je suis un forcat, un Badinguet*², un припертый къ стѣнѣ человѣкъ!...

И въ то же время какое-то капризное самодовольствіе, что-то легкомысленно-игривое проглядывало среди всѣхъ этихъ жалобныхъ восклицаній. Вечеромъ мы опять выпили.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Чужіе грѣхи.

I.

Прошло съ недѣлю, и дѣло начало нѣсколько раздвигаться.

¹ И наконецъ, это смехотворно... (*франц.*).

² Я каторжник, Баденге (*франц.*).

Замѣчу вскользь что въ эту несчастную недѣлю я вынесъ много тоски, — оставаясь почти безотлучно подлѣ бѣднаго сосватаннаго друга моего, въ качествѣ ближайшаго его конфидента. Тяготилъ его, главное, стыдъ, хотя мы въ эту недѣлю никого не видали и все сидѣли одни; но онъ стыдился даже и меня, и до того что чѣмъ болѣе самъ открывалъ мнѣ, тѣмъ болѣе и досадовалъ на меня за это. По мнительности же подозрѣвалъ что все уже всѣмъ извѣстно, всему городу, и не только въ клубѣ, но даже въ своемъ кружкѣ боялся показаться. Даже гулять выходилъ, для необходимаго моціону, только въ полныя сумерки, когда уже совершенно темнѣло.

Прошла недѣля, а онъ все еще не зналъ женихъ онъ или нѣтъ и никакъ не могъ узнать объ этомъ навѣрно, какъ ни бился. Съ невѣстой онъ еще не видался, даже не зналъ невѣста ли она ему; даже не зналъ есть ли тутъ во всемъ этомъ хоть что-нибудь серіозное! Къ себѣ почему-то Варвара Петровна рѣшительно не хотѣла его допустить. На одно изъ первоначальныхъ писемъ его (а онъ написалъ ихъ къ ней множество) она прямо отвѣтила ему просьбой избавить ее на время отъ всякихъ съ нимъ сношеній, потому что она занята, а имѣя и сама сообщить ему много очень важнаго, нарочно ждетъ для этого болѣе свободной, чѣмъ теперь, минуты, и сама дастъ ему *современемъ* знать когда къ ней можно будетъ придти. Письма же обѣщала присылать обратно нераспечатанными, потому что это «одно только баловство». Эту записку я самъ читалъ; онъ же мнѣ и показывалъ.

И однако всѣ эти грубости и неопредѣленности, все это было ничто въ сравненіи съ главною его заботой. Эта забота мучила его чрезвычайно, неотступно; отъ нея онъ худѣлъ и падалъ духомъ. Это было нѣчто такое чего онъ уже болѣе всего стыдился и о чемъ никакъ не хотѣлъ заговорить даже со мной; напротивъ при случаѣ лгалъ и вилялъ предо мной какъ маленькій мальчикъ; а между тѣмъ самъ же посылалъ за мною ежедневно, двухъ часовъ безъ меня пробыть не могъ, нуждаясь во мнѣ какъ въ водѣ или въ воздухѣ.

Такое поведеніе оскорбляло нѣсколько мое самолюбіе. Само собою разумѣется что я давно уже угадалъ про себя эту главную тайну его и видѣлъ все насквозь. По глубочайшему тогдашнему моему убѣжденію, обнаруженіе этой тайны, этой главной заботы Степана Трофимовича, не прибавило бы ему чести, и потому я, какъ человѣкъ еще молодой, нѣсколько негодовалъ на грубость чувствъ его и на некрасивость нѣкоторыхъ его подозрѣній. Сгоряча, — и признаюсь отъ скуки быть конфидентомъ, — я можетъ-быть слишкомъ обвинялъ его. По жестокости моей я добивался его собственнаго признанія предо мною во всемъ, хотя впро-

чемъ и допускалъ что признаваться въ иныхъ вещахъ пожалуй и затруднительно. Онъ тоже меня насквозь понималъ, то-есть ясно видѣлъ что я понимаю его насквозь и даже злюсь на него, и самъ злился на меня за то что я злюсь на него и понимаю его насквозь. Пожалуй раздраженіе мое было мелко и глупо; но взаимное уединеніе чрезвычайно иногда вредить истинной дружбѣ. Съ извѣстной точки онъ вѣрно понималъ нѣкоторыя стороны своего положенія и даже весьма тонко опредѣлялъ его въ тѣхъ пунктахъ въ которыхъ таиться не находилъ нужнымъ.

— О, такова ли она была тогда! проговаривался онъ иногда мнѣ о Варварѣ Петровнѣ. — Такова ли она была прежде, когда мы съ нею говорили.... Знаете ли вы что тогда она умѣла еще говорить? Можете ли вы повѣрить что у нея тогда были мысли, свои мысли. Теперь все перемѣнилось! Она говоритъ что все это одна только старинная болтовня! Она презираетъ прежнее.... Теперь она какой-то прикащикъ, экономъ, ожесточенный человѣкъ, и все сердится....

— За что же ей теперь сердиться, когда вы исполнили ея требованіе? возразилъ я ему.

Онъ тонко посмотрѣлъ на меня.

— Cher ami, еслибъ я не согласился, она бы разсердилась ужасно, ужа-а-сно! но все-таки менѣе чѣмъ теперь, когда я согласился.

Этимъ словечкомъ своимъ онъ остался доволенъ, и мы роспили въ тотъ вечеръ бутылочку. Но это было только мгновеніе; на другой день онъ былъ ужаснѣе и угрюмѣе чѣмъ когда-либо.

Но всего болѣе досадовалъ я на него за то что онъ не рѣшался даже пойти сдѣлать необходимый визитъ пріѣхавшимъ Дроздовымъ, для возобновленія знакомства, чего, какъ слышно, они и сами желали, такъ какъ спрашивали уже о немъ, о чемъ и онъ тосковалъ каждодневно. О Лизаветѣ Николаевнѣ онъ говорилъ съ какимъ-то непонятнымъ для меня восторгомъ. Безъ сомнѣнія, онъ вспоминалъ въ ней ребенка, котораго такъ когда-то любилъ; но кромѣ того онъ, неизвѣстно почему, воображалъ что тотчасъ же найдетъ подлѣ нея облегченіе всѣмъ своимъ настоящимъ мукамъ и даже разрѣшитъ свои важнѣйшія сомнѣнія. Въ Лизаветѣ Николаевнѣ онъ предполагалъ встрѣтить какое-то необычайное существо. И все-таки къ ней не шелъ, хотя и каждый день собирался. Главное было въ томъ что мнѣ самому ужасно хотѣлось тогда быть ей представленнымъ и отрекомендованнымъ, въ чемъ могъ я разчитывать единственно на одного лишь Степана Трофимовича. Чрезвычайное впечатлѣніе производили на меня тогда частыя встрѣчи мои съ нею, разумѣется на улицѣ, — когда она выѣзжала прогуливаться верхомъ, въ амазонкѣ и на прекрасномъ конѣ, въ сопровожденіи такъ называемаго

родственника ея, красиваго офицера, племянника покойнаго генерала Дроздова. Ослѣпленіе мое продолжалось одно лишь мгновеніе, и я самъ очень скоро потомъ созналъ всю невозможность моей мечты, — но хоть мгновеніе, а оно существовало дѣйствительно, а потому можно себѣ представить какъ негодовалъ я иногда въ то время на бѣднаго друга моего за его упорное затворничество.

Всѣ наши еще съ самаго начала были официально предувѣдомлены о томъ что Степанъ Трофимовичъ нѣкоторое время принимать не будетъ и просить оставить его въ совершенномъ покоѣ. Онъ настоялъ на циркулярномъ предувѣдомленіи, хотя я и отсовѣтывалъ. Я же и обошелъ всѣхъ, по его просьбѣ, и всѣмъ наговорилъ что Варвара Петровна поручила нашему «старіку» (такъ всѣ мы между собою звали Степана Трофимовича), каку-то экстренную работу, привести въ порядокъ каку-то переписку за нѣсколько лѣтъ; что онъ заперся, а я ему помогаю и пр. и пр. Къ одному только Липутину я не успѣлъ зайти и все откладывалъ, — а вѣрнѣе сказать я боялся зайти. Я зналъ впередъ что онъ ни одному слову моему не повѣритъ, непременно вообразитъ себѣ что тутъ секретъ, который собственно отъ него одного хотятъ скрыть, и только-что я выйду отъ него, тотчасъ же пустится по всему городу разузнавать и сплетничать. Пока я все это себѣ представлялъ, случилось такъ что я нечаянно столкнулся съ нимъ на улицѣ. Оказалось что онъ уже обо всемъ узналъ отъ нашихъ, мною только-что предувѣдомленныхъ. Но, странное дѣло, онъ не только не любопытствовалъ и не спрашивалъ о Степанѣ Трофимовичѣ, а напротивъ самъ еще прервалъ меня, когда я сталъ было извиняться что не зашелъ къ нему раньше, и тотчасъ же перескочилъ на другой предметъ. Правда, у него накопилось что рассказать; онъ былъ въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи духа и обрадовался тому что поймалъ во мнѣ слушателя. Онъ сталъ говорить о городскихъ новостяхъ, о приѣздѣ губернаторши «съ новыми разговорами», объ образовавшейся уже въ клубѣ оппозиціи, о томъ что всѣ кричатъ о новыхъ идеяхъ, и какъ это ко всѣмъ пристало, и пр. пр. Онъ проговорилъ съ четверть часа, и такъ забавно что я не могъ оторваться. Хотя я терпѣть его не могъ, но сознаю что у него былъ даръ заставить себя слушать и особенно когда онъ очень на что-нибудь злился. Человѣкъ этотъ, по моему, былъ настоящій и прирожденный шпионъ. Онъ зналъ во всякую минуту всѣ самыя послѣднія новости и всю подноготную нашего города, преимущественно по части мерзостей, и дивиться надо было до какой степени онъ принималъ къ сердцу вещи иногда совершенно до него не касавшіяся. Мнѣ всегда казалось что главною чертой его характера была зависть. Когда я, въ тотъ же вечеръ, передалъ Степану Тро-

Фимовичу о встрѣчѣ утромъ съ Липутинымъ и о нашемъ разговорѣ, — тотъ, къ удивленію моему, чрезвычайно взволновался и задалъ мнѣ дикій вопросъ: «знаетъ Липутинъ или нѣтъ.» Я сталъ ему доказывать что возможности не было узнать такъ скоро, да и не отъ кого; но Степанъ Трофимовичъ стоялъ на своемъ:

— Вотъ вѣрьте или нѣтъ, — заключилъ онъ подъ конецъ неожиданно, — а я убѣжденъ что ему не только уже извѣстно все со всѣми подробностями о *нашемъ* положеніи, но что онъ и еще что-нибудь сверхъ того знаетъ, что-нибудь такое чего нивы, ни я еще не знаемъ, а можетъ-быть никогда и не узнаемъ, или узнаемъ когда уже будетъ поздно, когда уже нѣтъ возврата!...

Я промолчалъ, но слова эти на многое намекали. Послѣ того, цѣлыхъ пять дней мы ни слова не упоминали о Липутинѣ; мнѣ ясно было что Степанъ Трофимовичъ очень жалѣлъ о томъ что обнаружилъ предо мною такія подозрѣнія и проговорился.

II.

Однажды поутру, — то-есть на седьмой или восьмой день послѣ того какъ Степанъ Трофимовичъ согласился стать женихомъ, — часовъ около одиннадцати, когда я спѣшилъ, по обыкновенію, къ моему скорбному другу, дорогой произошло со мной приключеніе.

Я встрѣтилъ Кармазинова, «великаго писателя», какъ величалъ его Липутинъ. Кармазинова я читалъ съ дѣтства. Его повѣсти и разказы извѣстны всему прошлому и даже нашему поколѣнію; я же упивался ими; онѣ были наслажденіемъ моего отрочества и моей молодости. Потомъ я нѣсколько охладѣлъ къ его перу; повѣсти съ направленіемъ, которыя онъ все писалъ въ послѣднее время, мнѣ уже не такъ понравились, какъ первыя, первоначальныя его созданія, въ которыхъ было столько непосредственной поэзіи; а самыя послѣднія сочиненія его такъ даже вовсе мнѣ не нравились.

Вообще говоря, если осмѣлюсь выразить и мое мнѣніе въ такомъ ще котливомъ дѣлѣ, всѣ эти наши господа таланты средней руки, принимаемые по обыкновенію при жизни ихъ чуть не за геніевъ, — не только исчезаютъ чуть не безслѣдно и какъ-то вдругъ изъ памяти людей, когда умираютъ, но случается что даже и при жизни ихъ, чуть лишь подростетъ новое поколѣніе, смѣняющее то при которомъ они дѣйствовали, — забываются и пренебрегаются всѣми непостижимо скоро. Какъ-то это вдругъ у насъ происходитъ, точно переменна декораціи на театрѣ. О, тутъ совсѣмъ не то что съ Пушкиными, Гоголями, Мольерами, Вольтерами, со всѣми этими дѣятелями приходившими сказать свое новое слово!

Правда и то что и сами эти господа таланты средней руки, на склонѣ почтенныхъ лѣтъ своихъ, обыкновенно самымъ жалкимъ образомъ у насъ исписываются, совсѣмъ даже и не замѣчая того. Нерѣдко оказывается что писатель которому долго приписывали чрезвычайную глубину идей и отъ котораго ждали чрезвычайнаго и серіознаго вліянія на движеніе общества обнаруживаетъ подѣ конецъ такую жидкость и такую крохотность своей основной идейки что никто даже и не жалѣетъ о томъ что онъ такъ скоро умѣлъ исписаться. Но сѣдые старички не замѣчаютъ того и сердятся. Самолюбіе ихъ, именно подѣ конецъ ихъ поприща, принимаетъ иногда размѣры достойные удивленія. Богъ знаетъ за кого они начинаютъ принимать себя, — по крайней мѣрѣ за боговъ. Про Кармазинова разказывали что онъ дорожитъ связями своими съ сильными людьми и съ обществомъ высшимъ чуть не больше души своей. Разказывали что онъ васъ встрѣтитъ, обласкаетъ, прельститъ, обворожитъ своимъ простодушіемъ, особенно если вы ему почему-нибудь нужны и, ужъ разумѣется, если вы предварительно были ему зарекомендованы. Но при первомъ князѣ, при первой графинѣ, при первомъ человѣкѣ котораго онъ боится, онъ почтетъ священнѣйшимъ долгомъ забыть васъ съ самымъ оскорбительнымъ пренебреженіемъ, какъ щепку, какъ муху, тутъ же, когда вы еще не успѣли отъ него выйти; онъ серіозно считаетъ это самымъ высокимъ и прекраснымъ тономъ. Несмотря на полную выдержку и совершенное знаніе хорошихъ манеръ, онъ до того, говорятъ, самолюбивъ, до такой истерики, что никакъ не можетъ скрыть своей авторской раздражительности даже и въ тѣхъ кругахъ общества гдѣ мало интересуются литературой. Если же случайно кто-нибудь озадачивалъ его своимъ равнодушіемъ, то онъ обижался болѣзненно и старался отомстить.

Съ годъ тому назадъ я читалъ въ журналѣ статью его, написанную съ страшною претензіей на самую наивную поэзію и при этомъ на психологию. Онъ описывалъ гибель одного парохода гдѣ-то у англійскаго берега, чему самъ былъ свидѣтелемъ и видѣлъ какъ спасали погибавшихъ и вытаскивали утопленниковъ. Вся статья эта, довольно длинная и многорѣчивая, написана была единственно съ цѣлію выставить себя самого. Такъ и читалось между строками: «Интересуйтесь мною, смотрите каковъ я былъ въ эти минуты. Зачѣмъ вамъ это море, буря, скалы, разбитыя щепки корабля? Я вѣдь достаточно описалъ вамъ все это моимъ могучимъ перомъ. Чего вы смотрите на эту утопленницу съ мертвымъ ребенкомъ въ мертвыхъ рукахъ? Смотрите лучше на меня, какъ я не вынесъ этого зрѣлища и отъ него отвернулся. Вотъ я сталъ спиной; вотъ я въ ужасѣ и не въ силахъ оглянуться назадъ; я жмурю глаза — не правда ли

какъ это интересно?» Когда я передалъ мое мнѣніе о статьѣ Кармазинова Степану Трофимовичу, онъ со мной согласился.

Когда пошли у насъ недавніе слухи что пріѣдетъ Кармазиновъ, я, разумѣется, ужасно пожелалъ его увидать и, если возможно, съ нимъ познакомиться. Я зналъ что могъ бы это сдѣлать чрезъ Степана Трофимовича; они когда-то были друзьями. И вотъ вдругъ я встрѣчаюсь съ нимъ на перекресткѣ. Я тотчасъ узналъ его, мнѣ уже его показали дня три тому назадъ, когда онъ проѣзжалъ въ коляскѣ съ губернаторшей.

Это былъ очень не высокій, чопорный старичокъ, лѣтъ впрочемъ не болѣе пятидесяти пяти, съ довольно румянымъ личикомъ, съ густыми сѣденькими локончиками, выбившимися изъ-подъ круглой цилиндрической шляпы и завивавшимися около чистенькихъ, розовенькихъ, маленькихъ ушковъ его. Чистенькое личико его было не совсѣмъ красиво, съ тонкими, длинными, хитро сложенными губами, съ нѣсколько мясистымъ носомъ и съ востренькими, умными, маленькими глазками. Онъ былъ одѣтъ какъ-то ветхо, въ какомъ-то плащѣ въ накидку, какой напимѣръ носили бы въ этотъ сезонъ гдѣ-нибудь въ Швейцаріи или въ сѣверной Италіи. Но по крайней мѣрѣ всѣ мелкія вещицы его костюма: запоночки, воротнички, пуговики, черепаховый лорнетъ на черной тоненькой ленточкѣ, перстенецъ, непремѣнно были такія же какъ и у людей безукоризненно хорошаго тона. Я увѣренъ что лѣтомъ онъ ходитъ непремѣнно въ какихъ-нибудь цвѣтныхъ, плюнелевыхъ ботиночкахъ съ перламутровыми пуговками съ боку. Когда мы столкнулись, онъ пріостановился на поворотѣ улицы и осматривался со вниманіемъ. Замѣтивъ что я любопытно смотрю на него, онъ медовымъ, хотя нѣсколько крикливымъ голоскомъ спросилъ меня:

— Позвольте узнать какъ мнѣ ближе выйти на Быкову улицу?

— На Быкову улицу? Да это здѣсь, сейчасъ же, вскричалъ я въ необыкновенномъ волненіи. — Все прямо по этой улицѣ и потомъ второй поворотъ налѣво.

— Очень вамъ благодаренъ.

Проклятіе на эту минуту: я кажется оробѣлъ и смотрѣлъ подобострастно! Онъ мигомъ все это замѣтилъ и конечно тотчасъ же все узналъ, то-есть узналъ что мнѣ уже извѣстно кто онъ такой, что я его читалъ и благоговѣлъ предъ нимъ съ самага дѣтства, что я теперь оробѣлъ и смотрю подобострастно. Онъ улыбнулся, кивнулъ еще разъ головою и пошелъ прямо какъ я указалъ ему. Не знаю для чего я повернулъ за нимъ назадъ; не знаю для чего я пробѣжалъ подлѣ него десять шаговъ. Онъ вдругъ опять остановился.

— А не могли бы вы мнѣ указать гдѣ здѣсь всего ближе стоятъ извошки? прокричалъ онъ мнѣ опять.

Скверный крикъ; скверный голосъ!

— Извошки? Извошки всего ближе отсюда... у собора стоятъ, тамъ всегда стоятъ, — и вотъ я чуть было не повернулся бѣжать за извошкой. Я подозреваю что онъ именно этого и ждалъ отъ меня. Разумѣется, я тотчасъ же опомнился и остановился, но движеніе мое онъ замѣтилъ очень хорошо и слѣдилъ за мною все съ тою же скверною улыбкой. Тутъ случилось то чего я никогда не забуду.

Онъ вдругъ уронилъ крошечный сакъ, который держалъ въ своей лѣвой рукѣ. Впрочемъ это былъ не сакъ, а какая-то коробочка, или, вѣрнѣе, какой-то портфельчикъ, или еще лучше, ридикюльчикъ, въ родѣ старинныхъ дамскихъ ридикюлей, Впрочемъ не знаю что это было, но знаю только что я, кажется, бросился его поднимать.

Я совершенно убѣжденъ что я его не поднялъ, но первое движеніе сдѣланное мною было неоспоримо; скрыть его я уже не могъ и покраснѣлъ какъ дуракъ. Хитрецъ тотчасъ же извлекъ изъ обстоятельства все что ему можно было извлечь.

— Не беспокойтесь, я самъ, очаровательно проговорилъ онъ, то-есть когда уже вполне замѣтилъ что я не подниму ему ридикюль, поднялъ его, какъ будто предупреждая меня, кивнулъ еще разъ головой и отправился своею дорогой, оставивъ меня въ дуракахъ. Было все равно какъ бы я самъ поднялъ. Минуть съ пять я считалъ себя вполне и на вѣки опозореннымъ; но подойдя къ дому Степана Трофимовича, я вдругъ расхохотался. Встрѣча показалась мнѣ такъ забавною что я немедленно рѣшилъ потѣшить разказомъ Степана Трофимовича и изобразить ему всю сцену даже въ лицахъ.

III.

Но на этотъ разъ, къ удивленію моему, я засталъ его въ чрезвычайной перемѣнѣ. Онъ, правда, съ какой-то жадностію набросился на меня только-что я вошелъ, и сталъ меня слушать, но съ такимъ растеряннымъ видомъ, что сначала видимо не понималъ моихъ словъ. Но только-что я произнесъ имя Кармазинова, онъ совершенно вдругъ вышелъ изъ себя.

— Не говорите мнѣ, не произносите! воскликнулъ онъ чуть не въ бѣшенствѣ, — вотъ, вотъ смотрите, читайте! читайте!

Онъ выдвинулъ ящикъ и выбросилъ на столъ три небольшіе клочка бумаги, писанные наскоро карандашомъ, всѣ отъ Варвары Петровны. Первая записка была отъ третьяго дня, вторая отъ вчерашняго, а послѣдняя пришла сегодня, всего часъ назадъ; содержанія самаго пустаго,

всѣ о Кармазиновѣ и обличали суетное и честолюбивое волненіе Варвары Петровны отъ страха что Кармазиновъ забудетъ ей сдѣлать визитъ. Вотъ первая, отъ третьяго дня (вѣроятно была и отъ четвертаго дня, а можетъ-быть и отъ пятаго):

«Если онъ наконецъ удостоитъ васъ сегодня, то обо мнѣ прошу ни слова. Ни малѣйшаго намека. Не заговаривайте и не напоминайте.
В. С.»

Вчерашняя:

«Если онъ рѣшится, наконецъ, сегодня утромъ вамъ сдѣлать визитъ, всего благороднѣе, я думаю, совсѣмъ не принять его. Такъ по-моему, не знаю какъ по-вашему.
В. С.»

Сегодняшняя, послѣдняя:

«Я убѣждена что у васъ сору цѣлый возъ и дымъ столбомъ отъ табаку. Я вамъ пришлю Марью и Омушку; они въ полчаса приберутъ. А вы не мѣшайте и посидите въ кухнѣ пока прибираютъ. Посылаю бухарскій коверъ и двѣ китайскія вазы; давно собиралась вамъ подарить, и сверхъ того моего Теньера (на время). Вазы можно поставить на окошко, а Теньера повѣсьте справа надъ портретомъ Гете, тамъ виднѣе и по утрамъ всегда свѣтъ. Если онъ наконецъ появится, примите утонченно вѣжливо, но постарайтесь говорить о пустякахъ, объ чемъ-нибудь ученомъ, и съ такимъ видомъ какъ будто вы вчера только разстались. Обо мнѣ ни слова. Можетъ-быть зайду взглянуть у васъ вечеромъ.
В. С.»

P. S. Если и сегодня не пріѣдетъ, то совсѣмъ не пріѣдетъ.»

Я прочелъ и удивился что онъ въ такомъ волненіи отъ такихъ пустяковъ. Взглянувъ на него вопросительно, я вдругъ замѣтилъ что онъ, пока я читалъ, успѣлъ перемѣнить свой всегдашній бѣлый галстукъ на красный. Шляпа и палка его лежали на столѣ. Самъ же былъ блѣденъ и даже руки его дрожали.

— Я знать не хочу ея волненій! изступленно вскричалъ онъ, отвѣчая на мой вопросительный взглядъ. — Je m'en fiche!¹ Она имѣетъ духъ волноваться о Кармазиновѣ, а мнѣ на мои письма не отвѣчаетъ!

¹ Мне наплевать на это! (франц.).

Вотъ, вотъ нераспечатанное письмо мое которое она вчера воротила мнѣ, вотъ тутъ на столѣ, подъ книгой, подъ *L'Homme qui rit*.¹ Какое мнѣ дѣло что она убивается о Ни-ко-ленькѣ! *Je m'en fiche et je proclame ma liberté. Au diable le Karmazinoff! Au diable la Lembke!*² Я вазы спрятавъ въ переднюю, а Теньера въ комодъ, а отъ нея потребовалъ чтобъ она сейчасъ же приняла меня. Слышите: потребовалъ! Я послалъ ей такой же клочокъ бумаги, карандашомъ, незапечатанный, съ Настасьей, и жду. Я хочу чтобы Дарья Павловна сама объявила мнѣ изъ своихъ устъ и предъ лицомъ неба, или по крайней мѣрѣ предъ вами. *Vous me seconderez, n'est-ce pas, comme ami et témoin.*³ Я не хочу краснѣть, я не хочу лгать, я не хочу тайнъ, я не допущу тайнъ въ этомъ дѣлѣ! Пусть мнѣ во всемъ признаются, откровенно, простодушно, благородно, и тогда.... тогда я можетъ-быть удивлю все поколѣніе великодушіемъ!... Подлецъ я или нѣтъ, милостивый государь? заключилъ онъ вдругъ, грозно смотря на меня, какъ будто я-то и считалъ его подлецомъ.

Я попросилъ его выпить воды; я еще не видалъ его въ такомъ видѣ. Все время пока говорилъ, онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, но вдругъ остановился предо мной въ какой-то необычайной позѣ.

— Неужели вы думаете, началъ онъ опять съ болѣзненнымъ высокомеріемъ, оглядывая меня съ ногъ до головы, — неужели вы можете предположить что я, Степанъ Верховенскій, не найду въ себѣ столько нравственной силы чтобы, взявъ мою коробку, — нищенскую коробку мою! — и взваливъ ее на слабыя плечи, выйти за ворота и исчезнуть отсюда на вѣки, когда того потребуетъ честь и великій принципъ независимости? Степану Верховенскому не въ первый разъ отражать деспотизмъ великодушіемъ, хотя бы и деспотизмъ сумашедшей женщины, то-есть самый обидный и жестокій деспотизмъ какой только можетъ осуществиться на свѣтѣ, несмотря на то что вы сейчасъ, кажется, позволили себѣ усмѣхнуться словамъ моимъ, милостивый государь мой! О, вы не вѣрите что я смогу найти въ себѣ столько великодушія чтобы сумѣть кончить жизнь у купца гувернеромъ или умереть съ голоду подъ заборомъ! Отвѣчайте, отвѣчайте немедленно: вѣрите вы или не вѣрите?

Но я смолчалъ нарочно. Я даже сдѣлалъ видъ что не рѣшаюсь обидѣть его отвѣтомъ отрицательнымъ, но не могу отвѣчать утвердительно. Во всемъ этомъ раздраженіи было нѣчто такое что рѣшительно обижало меня, и не лично, о, нѣтъ! Но.... я потомъ объяснюсь.

Онъ даже поблѣднѣлъ.

¹ «Человек, который смеется» (франц.)

² Мне наплевать на это, и я заявляю о своей свободе. К чорту этого Кармазинова! К чорту эту Лембке! (франц.).

³ Вы, не правда ли, мне не откажете в содействии, как друг и свидетель (франц.).

— Можетъ-быть вамъ скучно со мной, Г-въ (это моя фамилія), и вы бы желали.... не приходите ко мнѣ вовсе? проговорилъ онъ тѣмъ тономъ блѣднаго спокойствія который обыкновенно предшествуетъ какому нибудь необычайному взрыву. Я вскочилъ въ испугъ; въ то же мгновение вошла Настасья и молча протянула Степану Трофимовичу бумажку на которой написано было что-то карандашомъ. Онъ взглянулъ и перебросилъ мнѣ. На бумажкѣ рукой Варвары Петровны написаны были всего только два слова: «сидите дома».

Степанъ Трофимовичъ молча схватилъ шляпу и палку и быстро пошелъ изъ комнаты; я машинально за нимъ. Вдругъ голоса и шумъ чьихъ-то скорыхъ шаговъ послышались въ корридорѣ. Онъ остановился какъ пораженный громомъ.

— Это Липутинъ, и я пропалъ! прошепталъ онъ, схвативъ меня за руку.

Въ ту же минуту въ комнату вошелъ Липутинъ.

IV.

Почему бы онъ пропалъ отъ Липутина, я не зналъ, да и цѣны не придавалъ слову; я все приписывалъ нервамъ. Но все-таки испугъ его былъ необычайный, и я рѣшился пристально наблюдать.

Ужъ одинъ видъ входившаго Липутина заявлялъ что на этотъ разъ онъ имѣетъ особенное право войти, несмотря на всѣ запрещенія. Онъ велъ за собою одного неизвѣстнаго господина, должно-быть пріѣзжаго. Въ отвѣтъ на безсмысленный взглядъ остолбенѣвшаго Степана Трофимовича, онъ тотчасъ же и громко воскликнулъ:

— Гостя веду, и особеннаго! Осмѣливаюсь нарушить уединеніе. Господинъ Кириловъ, замѣчательнѣйшій инженеръ-строитель. А главное сына вашего знаютъ, многоуважаемаго Петра Степановича; очень коротко-съ; и порученіе отъ нихъ имѣютъ. Вотъ только-что пожаловали.

— О порученіи вы прибавили, рѣзко замѣтилъ гость, — порученія совсѣмъ не бывало, а Верховенскаго я, вправдѣ, знаю. Оставилъ въ Х — ской губерніи, десять дней предъ нами.

Степанъ Трофимовичъ машинально подаль руку и указаль садиться; посмотрѣлъ на меня, посмотрѣлъ на Липутина, и вдругъ, какъ бы опомнившись, поскорѣ сѣлъ самъ, но все еще держа въ рукѣ шляпу и палку и не замѣчая того.

— Ба, да вы сами на выходѣ! А мнѣ-то вѣдь сказали что вы совсѣмъ прихворнули отъ занятій.

— Да, я боленъ, и вотъ теперь хотѣлъ гулять, я.... Степанъ Трофимовичъ остановился, быстро откинулъ на диванъ шляпу и палку, и — покраснѣлъ.

Я между тѣмъ наскоро разсматривалъ гостя. Это былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ около двадцати семи, прилично одѣтый, стройный и сухощавый брюнетъ, съ блѣднымъ, нѣсколько грязноватаго оттѣнка лицомъ и съ черными глазами безъ блеску. Онъ казался нѣсколько задумчивымъ и разсѣяннымъ, говорилъ отрывисто и какъ-то не граматически, какъ-то странно переставлялъ слова и путался если приходилось составить фразу подлиннѣе. Липутинъ совершенно замѣтилъ чрезвычайный испугъ Степана Трофимовича и видимо былъ доволенъ. Онъ усѣлся на плетеномъ стулѣ, который вытащилъ чуть не на средину комнаты, чтобы находиться въ одинаковомъ разстояніи между хозяиномъ и гостемъ, размѣстившимися одинъ противъ другаго на двухъ противоположныхъ диванахъ. Вострые глаза его съ любопытствомъ шныряли по всѣмъ угламъ.

— Я.... давно уже не видалъ Петрушу.... Вы за границей встрѣтились? пробормоталъ кое-какъ Степанъ Трофимовичъ гостю.

— И здѣсь и за границей.

— Алексѣй Нилычъ сами только-что изъ-за границы, послѣ четырехлѣтняго отсутствія, подхватилъ Липутинъ; — ѣздили для усовершенствованія себя въ своей специальности, и къ намъ прибыли, имѣя основаніе надѣяться получить мѣсто при постройкѣ нашего желѣзнодорожнаго моста, и теперь отвѣта ожидаютъ. Они съ господами Дроздовыми, съ Лизаветой Николаевной знакомы чрезъ Петра Степановича.

Инженеръ сидѣлъ какъ будто нахохлившись и прислушивался съ неловкимъ нетерпѣніемъ. Мнѣ показалось что онъ былъ на что-то сердитъ.

— Они и съ Николаемъ Всеволодовичемъ знакомы-съ.

— Знаете и Николая Всеволодовича? освѣдомился Степанъ Трофимовичъ.

— Знаю и этого.

— Я.... я чрезвычайно давно уже не видалъ Петрушу и.... такъ мало нахожу себя въ правѣ называться отцомъ.... *c'est le mot*¹; я.... какъ же вы его оставили?

— Да такъ и оставилъ.... онъ самъ пріѣдетъ, опять поспѣшилъ отдѣлаться господинъ Кириловъ. Рѣшительно онъ сердился.

— Пріѣдетъ! Наконецъ-то я.... видите ли, я слишкомъ давно уже не видалъ Петрушу! завязъ на этой фразѣ Степанъ Трофимовичъ; — жду

---

¹ именно так (*франц.*).

теперь моего бѣднаго мальчика, предъ которымъ.... о, предъ которымъ я такъ виноватъ! То-есть, я собственно хочу сказать что, оставляя его тогда въ Петербургѣ, я.... однимъ словомъ, я считалъ его за ничто, *quelque chose dans ce genre*.¹ Мальчикъ, знаете, нервный, очень чувствительный и.... боязливый. Ложась спать, клалъ земные поклоны и крестилъ подушку, чтобы ночью не умереть.... *je m'en souviens*. Enfin,² чувства изящнаго никакого, то-есть чего-нибудь высшаго, основнаго, какого-нибудь зародыша будущей идеи.... *s'était comme un petit idiot*.³ Впрочемъ, я самъ кажется спутался, извините, я.... вы меня застали....

— Вы серьезно что онъ подушку крестилъ? съ какимъ-то особеннымъ любопытствомъ вдругъ освѣдомился инженеръ.

— Да, крестилъ....

— Нѣтъ, я такъ; продолжайте.

Степанъ Трофимовичъ вопросительно поглядѣлъ на Липутина.

— Я очень вамъ благодаренъ за ваше посѣщеніе, но признаюсь я теперь.... не въ состояніи.... Позвольте однако узнать гдѣ квартируете?

— Въ Богоявленской улицѣ, въ домѣ Филиппова.

— Ахъ, это тамъ же гдѣ Шатовъ живетъ, замѣтилъ я невольно.

— Именно, въ томъ же самомъ домѣ, воскликнулъ Липутинъ, — только Шатовъ на верху стоитъ, въ мезонинѣ, а они внизу помѣстились, у капитана Лебядкина. Они и Шатова знаютъ, и супругу Шатова знаютъ. Очень близко съ нею за границей встрѣчались.

— *Comment!*⁴ Такъ неужели вы что-нибудь знаете объ этомъ несчастномъ супружествѣ *de ce pauvre ami*⁵ и эту женщину? воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ, вдругъ увлекшись чувствомъ, — васъ перваго человѣка встрѣчаю, лично знающаго; и если только....

— Какой вздоръ! отрѣзалъ инженеръ весь вспыхнувъ, — какъ вы, Липутинъ, прибавляете! Ни какъ я не видалъ жену Шатова; разъ только издали, а вовсе не близко.... Шатова знаю. Зачѣмъ же вы прибавляете разныя вещи?

Онъ круто повернулся на диванѣ, захватилъ свою шляпу, потомъ опять отложилъ, и снова усѣвшись попрежнему, съ какимъ-то вызовомъ уставился своими черными вспыхнувшими глазами на Степана Трофимовича. Я никакъ не могъ понять такой странной раздражительности.

— Извините меня, внушительно замѣтилъ Степанъ Трофимовичъ, — я понимаю что это дѣло можетъ-быть деликатнѣйшимъ....

¹ что-то в этом роде (*франц.*).

² я помню это. Наконец (*франц.*).

³ он походил на идиотика (*франц.*).

⁴ Как! (*франц.*).

⁵ этого бедного друга (*франц.*).

— Никакого тутъ деликатнѣйшаго дѣла нѣтъ и даже это стыдно, а я не вамъ кричалъ что «вздоръ», а Липутину, зачѣмъ онъ прибавляетъ. Извините меня если на свое имя приняли. Я Шатова знаю, а жену его совсѣмъ не знаю.... совсѣмъ не знаю!

— Я понялъ, понялъ и если настаивалъ, то потому лишь что очень люблю нашего бѣднаго друга, *notre irascible ami*,¹ и всегда интересовался.... Человѣкъ этотъ слишкомъ круто измѣнилъ, на мой взглядъ, свои прежнія, можетъ-быть слишкомъ молодыя, но все-таки правильныя мысли. И до того кричитъ теперь объ *notre sainte Russie* разныя вещи что я давно уже приписываю этотъ переломъ въ его организмѣ — иначе называть не хочу — какому-нибудь сильному семейному потрясенію и именно неудачной его женитьбѣ. Я, который изучалъ мою бѣдную Россію какъ два мои пальца, а Русскому народу отдалъ всю мою жизнь, я могу васъ завѣрить что онъ Русскаго народа не знаетъ, и въ добавокъ....

— Я тоже совсѣмъ не знаю Русскаго народа и.... вовсе нѣтъ времени изучать! отрѣзалъ опять инженеръ и опять круто повернулся на диванѣ. Степанъ Трофимовичъ осѣкся на половинѣ рѣчи.

— Они изучаютъ, изучаютъ, подхватилъ Липутинъ, — они уже начали изученіе и составляютъ любопытнѣйшую статью о причинахъ участвовавшихъ случаевъ самоубійства въ Россіи и вообще о причинахъ участвующихъ или задерживающихъ распространеніе самоубійства въ обществѣ. Дошли до удивительныхъ результатовъ.

Инженеръ страшно взволновался.

— Это вы вовсе не имѣете права, гнѣвно забормоталъ онъ, — я вовсе не статью. Я не стану глупостей. Я васъ конфиденціально спросилъ совсѣмъ нечаянно. Тутъ не статья вовсе; я не публикую, а вы не имѣете права....

Липутинъ видимо наслаждался.

— Виноватъ-съ, можетъ-быть и ошибся называя вашъ литературный трудъ статьей. Они только наблюденія собираютъ, а до сущности вопроса или такъ-сказать до нравственной его стороны совсѣмъ не прикасаются, и даже самую нравственность совсѣмъ отвергаютъ, а держатся новѣйшаго принципа всеобщаго разрушенія для добрыхъ окончательныхъ цѣлей. Они уже больше чѣмъ сто милліоновъ головъ требуютъ, для водворенія здраваго разсудка въ Европѣ, гораздо больше чѣмъ на послѣднемъ конгрессѣ мира потребовали. Въ этомъ смыслѣ Алексѣй Нилычъ дальше всѣхъ пошли.

Инженеръ слушалъ съ презрительною и блѣдною улыбкой. Съ полминуты всѣ помолчали.

---

¹ нашего раздражительнаго друга (*франц.*).

— Все это глупо, Липутинъ, проговорилъ наконецъ г. Кириловъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ. — Если я нечаянно сказалъ вамъ нѣсколько пунктовъ, а вы подхватили, то какъ хотите. Но вы не имѣете права, потому что я никогда никому не говорю. Я презираю чтобы говорить.... Если есть убѣжденія, то для меня ясно.... а это глупо что вы сдѣлали. Я не разсуждаю объ тѣхъ пунктахъ гдѣ совсѣмъ кончено. Я терпѣть не могу разсуждать. Я никогда не хочу разсуждать....

— И можетъ-быть прекрасно дѣлаете, не утерпѣлъ Степанъ Трофимовичъ.

— Я вамъ извиняюсь, но я здѣсь ни на кого не сержусь, продолжалъ гость горячею скороговоркой; — я четыре года видѣлъ мало людей.... Я мало четыре года разговаривалъ и старался не встрѣчать, для моихъ цѣлей, до которыхъ нѣтъ дѣла, четыре года. Липутинъ это нашелъ и смѣется. Я понимаю и не смотрю. Я не обидливъ, а только досадно на его свободу. А если я съ вами не излагаю мыслей, заключилъ онъ неожиданно и обводя всѣхъ насъ твердымъ взглядомъ, то вовсе не съ тѣмъ что боюсь отъ васъ доноса правительству; это нѣтъ; пожалуста не подумайте пустяковъ въ этомъ смыслѣ....

На эти слова уже никто ничего не отвѣтилъ, а только переглянулись. Даже самъ Липутинъ позабылъ хихикнуть.

— Господа, мнѣ очень жаль, съ рѣшимостью поднялся съ дивана Степанъ Трофимовичъ, — но я чувствую себя нездоровымъ и разстроеннымъ. Извините.

— Ахъ это чтобъ уходить, спохватился господинъ Кириловъ, схватывая картузь, — это хорошо что сказали, а то я задумчивъ.

Онъ всталъ и съ простодушнымъ видомъ подошелъ съ протянутою рукой къ Степану Трофимовичу.

— Жаль что вы нездоровы, а я пришелъ.

— Желаю вамъ всякаго у насъ успѣха, отвѣтилъ Степанъ Трофимовичъ, доброжелательно и неторопливо пожимая его руку. — Понимаю что если вы, по вашимъ словамъ, такъ долго прожили за границей, чуждаясь для своихъ цѣлей людей и — забыли Россію, то конечно вы на насъ, коренныхъ Русаковъ, поневолѣ должны смотрѣть съ удивленіемъ, а мы равномѣрно на васъ. *Mais cela passera.*¹ Въ одномъ только и затрудняюсь: Вы хотите строить нашъ мостъ и въ то же время объявляете что стоите за принципъ всеобщаго разрушенія. Не дадутъ вамъ строить нашъ мостъ!

— Какъ? Какъ это вы сказали.... ахъ чортъ! воскликнулъ пораженный Кириловъ и вдругъ разсмѣялся самымъ веселымъ и яснымъ смѣ-

¹ Но это пройдет (*франц*)

хомъ. На мгновеніе лицо его приняло самое дѣтское выраженіе и, мнѣ показалось, очень къ нему идущее. Липутинъ потиралъ руки въ восторгѣ отъ удачнаго словца Степана Трофимовича. А я все дивился про себя: чего Степанъ Трофимовичъ такъ испугался Липутина и почему вскричалъ: «я пропалъ», услыхавъ его.

V.

Мы всѣ стояли на порогѣ въ дверяхъ. Былъ тотъ мигъ когда хозяева и гости обмѣниваются наскоро послѣдними и самыми любезными словечками, а затѣмъ благополучно расходятся.

— Это все оттого они такъ угрюмы сегодня, вернулъ вдругъ Липутинъ, совсѣмъ уже выходя изъ комнаты и такъ сказать на лету, — оттого что съ капитаномъ Лебядкинымъ шумъ у нихъ давеча вышелъ изъ-за сестрицы. Капитанъ Лебядкинъ ежедневно свою прекрасную сестрицу, помѣшанную, нагайкой стегаеть, настоящей казацкой-съ, по утрамъ и по вечерамъ. Такъ Алексѣй Нилычъ въ томъ же домѣ флигель даже заняли, чтобы не участвовать. Ну-съ, до свиданья.

— Сестру? Больную? Нагайкой? такъ и вскрикнулъ Степанъ Трофимовичъ, — точно его самого вдругъ охлеснули нагайкой, какую сестру? Какой Лебядкинъ?

Давешній испугъ воротился въ одно мгновеніе.

— Лебядкинъ? А это отставной капитанъ; прежде онъ только штабсъ-капитаномъ себя называлъ....

— Э, какое мнѣ дѣло до чина! Какую сестру? Боже мой.... вы говорите Лебядкинъ? Но вѣдь у насъ былъ Лебядкинъ....

— Тотъ самый и есть, *нашъ* Лебядкинъ, вотъ, помните, у Виргинскаго?

— Но вѣдь тотъ съ фальшивыми бумажками попался?

— А вотъ и воротился, ужъ почти три недѣли и при самыхъ особенныхъ обстоятельствахъ.

— Да вѣдь это негодяй!

— Точно у насъ ужъ и не можетъ завестись негодяя? осклабился вдругъ Липутинъ, какъ бы ощупывая своими вороватенькими глазками Степана Трофимовича.

— Ахъ, Боже мой, я совсѣмъ не про то.... хотя впрочемъ о негодяѣ съ вами совершенно согласенъ, именно съ вами. Но что жъ дальше, дальше? Что вы хотѣли этимъ сказать?... Вѣдь вы непременно что-то хотите этимъ сказать!

— Да все это такіе пустяки-съ.... то-есть этотъ капитанъ, по всѣмъ видимостямъ, уѣзжалъ отъ насъ тогда не для фальшивыхъ бумажекъ, а

единственно затѣмъ только чтобъ эту сестрицу свою розыскать, а та будто бы отъ него пряталась въ неизвѣстномъ мѣстѣ; ну а теперь привезъ, вотъ и вся исторія. Чего вы точно испугались, Степанъ Трофимовичъ? Впрочемъ я все съ его же пьяной болтовни говорю, а трезвый онъ и самъ объ этомъ прималчиваетъ. Человѣкъ раздражительный и, какъ бы такъ сказать, военно-эстетическій, но дурнаго только вкуса. А сестрица эта не только сумашедшая, но даже хромоногая. Была будто бы къмъ-то оболъщена въ своей чести, и за это вотъ господинъ Лебядкинъ, уже многіе годы, будто бы съ оболъстителя ежегодную дань беретъ, въ вознагражденіе благородной обиды, такъ по крайней мѣрѣ изъ его болтовни выходитъ — а по моему, пьяныя только слова-съ. Просто хвастается. Да и дѣлается это гораздо дешевле. А что суммы у него есть, такъ это совершенно ужъ вѣрно; полторы недѣли назадъ на босу ногу ходилъ, а теперь, самъ видѣлъ, сотни въ рукахъ. У сестрицы припадки какіе-то ежедневныя, визжитъ она, а онъ-то ее «въ порядокъ приводитъ» нагайкой. Въ женщину, говоритъ, надо вселять уваженіе. Вотъ не пойму какъ еще Шатовъ надъ ними уживается. Алексѣй Нилычъ только три денька и простояли съ ними, еще съ Петербурга были знакомы, а теперь флигелекъ отъ безпокойства занимаютъ.

— Это все правда? обратился Степанъ Трофимовичъ къ инженеру.

— Вы очень болтаете, Липутинъ, пробормоталъ тотъ гнѣвно.

— Тайны, секреты! Откуда у насъ вдругъ столько тайнъ и секретовъ явилось! не сдерживая себя восклицалъ Степанъ Трофимовичъ.

Инженеръ нахмурился, покраснѣлъ, вскинулъ плечами и пошелъ было изъ комнаты.

— Алексѣй Нилычъ даже нагайку вырвали-съ, изломали и въ окошко выбросили и очень поссорились, прибавилъ Липутинъ.

— Зачѣмъ вы болтаете, Липутинъ, это глупо, зачѣмъ? мигомъ повернулся опять къ нимъ Алексѣй Нилычъ.

— Зачѣмъ же скрывать, изъ скромности, благороднѣйшія движенія своей души, то-есть вашей души-съ, я не про свою говорю.

— Какъ это глупо.... и совсѣмъ не нужно.... Лебядкинъ глупъ и совершенно пустой — и для дѣйствія бесполезный и.... совершенно вредный. Зачѣмъ вы болтаете разныя вещи? Я ухожу.

— Ахъ какъ жаль! воскликнулъ Липутинъ съ ясною улыбкой, — а то бы я васъ, Степанъ Трофимовичъ, еще однимъ анекдотцемъ насмѣшилъ-съ. Даже и шелъ съ тѣмъ намѣреніемъ чтобы сообщить, хотя вы впрочемъ навѣрно ужъ и сами слышали. Ну да ужъ въ другой разъ, Алексѣй Нилычъ такъ торопятъ.... До свиданья-съ. Съ Варварой Пет-

ровой анекдотикъ-то вышелъ, насмѣшила она меня третьяго дня, нарочно за мной посылала, просто умора. До свиданья-съ.

Но ужь тутъ Степанъ Трофимовичъ такъ и вцѣпился въ него: онъ схватилъ его за плечи, круто повернулъ назадъ въ комнату и посадилъ на стулъ. Липутинъ даже струсиль.

— Да какъ же съ? началъ онъ самъ, осторожно смотря на Степана Трофимовича съ своего стула, — вдругъ призвали меня и спрашиваютъ «конфиденціально» какъ я думаю въ собственномъ мнѣніи: помѣшанъ ли Николай Всеволодовичъ или въ своемъ умѣ? Какъ же не удивительно?

— Вы съума сошли! пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ, и вдругъ точно вышелъ изъ себя:

— Липутинъ, вы слишкомъ хорошо знаете что только за тѣмъ и пришли чтобы сообщить какую-нибудь мерзость въ этомъ родѣ и.... еще что-нибудь хуже!

Въ одинъ мигъ припомнилась мнѣ его догадка о томъ что Липутинъ знаетъ въ нашемъ дѣлѣ не только больше нашего, но и еще что-нибудь, чего мы сами никогда не узнаемъ.

— Помилуйте, Степанъ Трофимовичъ! бормоталъ Липутинъ будто бы въ ужасномъ испугѣ, — помилуйте....

— Молчите и начинайте! Я васъ очень прошу, господинъ Кириловъ, тоже воротиться и присутствовать, очень прошу! Садитесь. А вы, Липутинъ, начинайте прямо, просто.... и безъ малѣйшихъ отговорокъ!

— Зналъ бы только что это васъ такъ фрапируетъ, такъ я бы совсѣмъ и не началъ-съ.... А я-то вѣдь думалъ что вамъ уже все извѣстно отъ самой Варвары Петровны!

— Совсѣмъ вы этого не думали! Начинайте, начинайте же, говорятъ вамъ!

— Только сдѣлайте одолженіе, присядьте ужь и сами, а то что же я буду сидѣть, а вы въ такомъ волненіи будете передо мною.... бѣгать. Не складно выйдетъ-съ.

Степанъ Трофимовичъ сдержалъ себя и внушительно опустился въ кресло. Инженеръ пасмурно наставился въ землю. Липутинъ съ неистовымъ наслажденіемъ смотрѣлъ на нихъ.

— Да что же начинать.... такъ сконфузились....

VI.

— Вдругъ третьяго дня присылаютъ ко мнѣ своего человѣка: просятъ дескать побывать васъ завтра въ двѣнадцать часовъ. Можете представить? Я дѣло бросилъ, и вчера ровнешенько въ полдень звоню. Вводятъ меня прямо въ гостиную; подождалъ съ минутку — вышли; посади-

ли, сами напротивъ сѣли. Сижу и вѣрить отказываюсь; сами знаете какъ она меня всегда третировала! Начинаютъ прямо безъ изворотовъ, по ихъ всегдашней манерѣ: Вы помните, говоритъ, что четыре года назадъ Николай Всеволодовичъ, будучи въ болѣзни, сдѣлалъ нѣсколько странныхъ поступковъ, такъ что недоумѣвалъ весь городъ, пока все объяснилось. Одинъ изъ этихъ поступковъ касался васъ лично. Николай Всеволодовичъ тогда къ вамъ заѣзжалъ по выздоровленіи и по моей просьбѣ. Мнѣ извѣстно тоже что онъ и прежде нѣсколько разъ съ вами разговаривалъ. Скажите откровенно и прямодушно какъ вы.... (тутъ замялись немного) — какъ вы находили тогда Николая Всеволодовича.... Какъ вы смотрѣли на него вообще.... какое мнѣніе о немъ могли составить и.... теперь имѣете?...

Тутъ ужь совершенно замялись, такъ что даже переждали полную минутку и вдругъ покраснѣли. Я перепугался. Начинаютъ опять не то чтобы трогательнымъ, къ нимъ это нейдетъ, а такимъ внушительнымъ очень тономъ:

«Я желаю, говоритъ, чтобы вы меня хорошо и безошибочно, говорить, поняли. Я послала теперь за вами, потому что считаю васъ прозорливымъ и остроумнымъ человѣкомъ, способнымъ составить вѣрное наблюденіе (каковы комплименты!). Вы, говоритъ, поймете конечно и то что съ вами говоритъ мать.... Николай Всеволодовичъ испыталъ въ жизни нѣкоторыя несчастія и многіе перевороты. Все это, говоритъ, могло повліять на настроеніе ума его. Разумѣется, говоритъ, я не говорю про помѣшательство, этого никогда быть не можетъ! (твердо и съ гордостію высказано). Но могло быть нѣчто странное, особенное, нѣкоторый оборотъ мыслей, склонность къ нѣкоторому особому воззрѣнію (все это точныя слова ихъ, и я подивился, Степанъ Трофимовичъ, съ какою точностію Варвара Петровна умѣетъ объяснить дѣло. Высокаго ума дама!) По крайней мѣрѣ, говоритъ, я сама замѣтила въ немъ нѣкоторое постоянное безпокойство и стремленіе къ особннымъ склонностямъ. Но я мать, а вы человѣкъ посторонній, значитъ способны, при вашемъ умѣ, составить болѣе независимое мнѣніе. Умоляю васъ наконецъ (такъ и было выговорено: умоляю) сказать мнѣ всю правду, безо всякихъ ужимокъ, и если вы при этомъ дадите мнѣ обѣщаніе не забыть потомъ никогда что я говорила съ вами конфиденціально, то можете ожидать моей совершенной и впредь всегдашней готовности отблагодарить васъ при всякой возможности. Ну-съ, каково-съ!

— Вы.... вы такъ фрапировали меня.... пролепеталъ Степанъ Трофимовичъ, — что я вамъ не вѣрю....

— Нѣтъ замѣтьте, замѣтьте, подхватилъ Липутинъ, какъ бы и не слыхавъ Степана Трофимовича, — каково же должно быть волненіе и безпокойство, когда съ такимъ вопросомъ обращаются съ такой высоты къ такому человѣку какъ я, да еще снисходятъ до того что сами просятъ секрета. Это что же-съ? Ужь не получили ли извѣстій какихъ-нибудь о Николаѣ Всеволодовичѣ неожиданныхъ?

— Я не знаю.... извѣстій никакихъ.... я нѣсколько дней не видался, но.... но замѣчу вамъ.... лепеталъ Степанъ Трофимовичъ, видимо едва справляясь со своими мыслями, — но замѣчу вамъ, Липутинъ, что если вамъ передано конфиденціально, а вы теперь при всѣхъ....

— Совершенно конфиденціально! Да разрази меня Богъ если я.... А коли здѣсь.... такъ вѣдь что же-съ? Развѣ мы чужіе, взять даже хоть бы и Алексѣя Нилыча?

— Я такого воззрѣнія не раздѣляю; безъ сомнѣнія, мы здѣсь трое сохранимъ секретъ, но васъ, четвертаго, я боюсь и не вѣрю вамъ ни въ чемъ!

— Да что вы это-съ? Да я пуще всѣхъ заинтересованъ, вѣдь мнѣ вѣчная благодарность обѣщана! А вотъ я именно хотѣлъ, по сему же поводу, на чрезвычайно странный случай одинъ указать, болѣе такъ сказать психологическій, чѣмъ просто странный. Вчера вечеромъ, подъ вліяніемъ разговора у Варвары Петровны (сами можете представить какое впечатлѣніе на меня произвело), обратился я къ Алексѣю Нилычу съ отдаленнымъ вопросомъ: вы, говорю, и за границей, и въ Петербургѣ еще прежде знали Николая Всеволодовича; какъ вы, говорю, его находите относительно ума и способностей? Они и отвѣчаютъ этакъ лаконически, по ихъ манерѣ, что дескать тонкаго ума и со здравымъ сужденіемъ, говорятъ, человѣкъ. А не замѣтили ли вы, въ теченіи лѣтъ, говорю, нѣкотораго, говорю, какъ бы уклоненія идей, или особеннаго оборота мыслей, или нѣкотораго, говорю, какъ бы такъ-сказать помѣшательства? Однимъ словомъ, повторяю вопросъ самой Варвары Петровны. Представьте же себѣ: Алексѣй Нилычъ вдругъ задумались и сморщились вотъ точно такъ какъ теперь: «Да, говорятъ, мнѣ иногда казалось нѣчто странное». Замѣтьте при этомъ что если ужь Алексѣю Нилычу могло показаться нѣчто странное, то что же на самомъ-то дѣлѣ можетъ оказаться, а?

— Правда это? обратился Степанъ Трофимовичъ къ Алексѣю Нилычу.

— Я желалъ бы не говорить объ этомъ, отвѣчалъ Алексѣй Нилычъ, вдругъ подымая голову и сверкая глазами, — я хочу оспорить ваше право, Липутинъ. Вы никакого не имѣете права на этотъ случай про меня.

Я вовсе не говорилъ моего всего мнѣнія. Я хоть и знакомъ былъ въ Петербургѣ, но это давно, а теперь хоть и встрѣтилъ, но мало очень знаю Николая Ставрогина. Прошу васъ меня устранить и.... и все это похоже на сплетню.

Липутинъ развелъ руками въ видѣ угнетенной невинности.

— Сплетникъ! Да ужь не шпионъ-ли? Хорошо вамъ, Алексѣй Нилычъ, критиковать, когда вы во всемъ себя устраняете. А вы вотъ не повѣрите, Степанъ Трофимовичъ, чего ужь кажется-съ капитанъ Лебядкинъ, вѣдь ужь кажется глупъ какъ.... то-есть стыдно только сказать какъ глупъ; есть такое одно русское сравненіе, означающее степень; а вѣдь и онъ себя отъ Николая Всеволодовича обиженнымъ почитаетъ, хотя и преклоняется предъ его остроуміемъ: «Пораженъ, говоритъ, этимъ человѣкомъ: премудрый змій» (собственныя слова). А я ему (все подъ тѣмъ же вчерашнимъ вліяніемъ и уже послѣ разговора съ Алексѣемъ Нилычемъ), а что, говорю, капитанъ, какъ вы полагаете съ своей стороны: помѣшанъ вашъ премудрый змій или нѣтъ? Такъ вѣрите-ли, точно я его вдругъ сзади кнутомъ охлестнулъ, безъ его позволенія; просто привскочилъ съ мѣста: «Да, говоритъ.... да, говоритъ, только это, говоритъ, не можетъ повліять....» на что повліять, не досказалъ; да такъ потомъ горестно задумался, такъ задумался что и хмѣль соскочилъ. Мы въ Филипповомъ трактирѣ сидѣли-съ. И только черезъ полчаса развѣ ударилъ вдругъ кулакомъ по столу: «да, говоритъ, пожалуй онъ и помѣшанъ, только это не можетъ повліять....» и опять не досказалъ на что повліять. Я вамъ, разумѣется, только экстрактъ разговора передаю, но вѣдь мысль-то понятна; кого ни спроси, всѣмъ одна мысль приходитъ, хотя бы прежде никому и въ голову не входила: «да, говорятъ, помѣшанъ; очень уменъ, но можетъ-быть и помѣшанъ».

Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ въ задумчивости и усиленно соображалъ.

— А почему Лебядкинъ знаетъ?

— А объ этомъ не угодно ли у Алексѣя Нилыча справиться, который меня сейчасъ здѣсь шпиономъ обозвалъ. Я шпионъ и — не знаю, а Алексѣй Нилычъ знаютъ всю подноготную и молчатъ-съ.

— Я ничего не знаю, или мало, съ тѣмъ же раздраженіемъ отвѣчалъ инженеръ, — вы Лебядкина пьянымъ поите чтобъ узнавать. Вы и меня сюда привели чтобъ узнать, и чтобъ я сказалъ. Стало-быть вы шпионъ!

— Я еще его не поилъ-съ, да и денегъ такихъ онъ не стоитъ, со всѣми его тайнами, вотъ что онѣ для меня значатъ, не знаю какъ для васъ. Напротивъ, это онъ деньгами сыплеть, тогда какъ двѣнадцать дней назадъ ко мнѣ приходилъ пятнадцать копѣекъ выпрашивать, и это

онъ меня шампанскимъ поить, а не я его. Но вы мнѣ мысль подаете, и коли надо будетъ, то и я его напою, и именно чтобы разузнать, и можетъ и разузнаю-сь.... секретики всѣ ваши-сь, злобно отгрызнулся Липутинъ.

Степанъ Трофимовичъ въ недоумѣннѣи смотрѣлъ на обоихъ спорщиковъ. Оба сами себя выдавали и главное нецеремонились. Мнѣ подумалось что Липутинъ привелъ къ намъ этого Алексѣя Нилыча именно съ цѣлью втянуть его въ нужный разговоръ чрезъ третье лицо, любимый его маневръ.

— Алексѣй Нилычъ слишкомъ хорошо знаютъ Николая Всеволодовича, — но только скрываютъ-сь. А что вы спрашиваете про капитана Лебядкина раздражительно продолжалъ онъ, то тотъ раньше всѣхъ насъ съ нимъ познакомился въ Петербургѣ, лѣтъ пять или шесть тому, въ ту малоизвѣстную, если можно такъ выразиться, эпоху жизни Николая Всеволодовича, когда еще онъ и не думалъ насъ здѣсь пріѣздомъ своимъ осчастливить. Нашъ принцъ, надо заключить, довольно странный тогда выборъ знакомства въ Петербургѣ около себя завелъ. Тогда вотъ и съ Алексѣемъ Нилычемъ, кажется, познакомились.

— Берегитесь, Липутинъ, предупреждаю васъ что Николай Всеволодовичъ скоро самъ сюда хотѣлъ быть, а онъ умѣетъ за себя постоять.

— Такъ меня-то за что же-сь? Я первый кричу что тончайшаго и изящнѣйшаго ума человѣкъ, и Варвару Петровну вчера въ этомъ смыслѣ совсѣмъ успокоилъ. «Вотъ въ характерѣ его, говорю ей, не могу поручиться.» Лебядкинъ тоже въ одно слово вчера: «отъ характера его, говорить, пострадалъ». Эхъ, Степанъ Трофимовичъ, хорошо вамъ кричать что сплетни да шпіонство, и замѣтите когда уже сами отъ меня все выпытали, да еще съ такимъ чрезмѣрнымъ любопытствомъ. А вотъ Варвара Петровна такъ та прямо вчера въ самую точку: «вы, говорить, лично заинтересованы были въ дѣлѣ, потому къ вамъ и обращаюсь». Да еще же бы нѣтъ-сь! Какія ужъ тутъ цѣли когда я личную обиду при всемъ обществѣ — отъ его превосходительства скушалъ! Кажется имѣю причины и не для однихъ сплетень поинтересоваться. Сегодня жметъ вамъ руку, а завтра ни съ того, ни съ сего, за хлѣбъ-соль вашу, васъ же бьетъ по щекамъ при всемъ честномъ обществѣ, какъ только ему полюбится. Съ жиру-сь! А главное у нихъ женскій полъ: мотыльки и храбрые пѣтушки! Помѣщики съ крылушками, какъ у древнихъ амуровъ, Печорины сердцефды! Вамъ хорошо, Степанъ Трофимовичъ, холостяку завязтому, такъ говорить, и за его превосходительство меня сплетникомъ называть. А вотъ женились бы, такъ какъ вы и теперъ еще такой молодецъ изъ себя, на хорошенькой да на молоденькой, такъ пожалуй отъ нашего принца двери крючкомъ заложите, да баррикады въ своемъ же домѣ выстроите!

Да чего ужь тутъ: вотъ только будь эта М-ше Лебядкина, которую сѣкутъ кнутьями, не сумашедшая и не кривоногая, такъ ей-Богу подумалъ бы что она-то и есть жертва страстей нашего генерала, и что отъ этого самаго и пострадалъ капитанъ Лебядкинъ «въ своемъ фамильномъ достоинствѣ», какъ онъ самъ выражается. Только развѣ вкусу ихъ изящному противорѣчить, да для нихъ и то не бѣда. Всякая ягодка въ ходъ идетъ, только чтобы попалась подъ извѣстное ихъ настроеніе. Вы вотъ про сплетни, а развѣ я это кричу, когда ужь весь городъ стучить, а я только слушаю да поддакиваю: поддакивать-то не запрещено-сь.

— Городъ кричитъ? Объ чемъ же кричитъ городъ?

— То-есть это капитанъ Лебядкинъ кричитъ въ пьяномъ видѣ на весь городъ, ну, а вѣдь это не все ли равно что вся площадь кричитъ? Чѣмъ же я виноватъ? Я интересуюсь только между друзей-сь, потому что я все-таки здѣсь считаю себя между друзей-сь, съ невиннымъ видомъ обвелъ онъ насъ глазами. — Тутъ случай вышелъ-сь, сообразителка: выходитъ что его превосходительство будто бы выслали еще изъ Швейцаріи съ одною наиблагороднѣйшею дѣвицей, и такъ-сказать скромною сиротой, которую я имѣю честь знать, триста рублей для передачи капитану Лебядкину. А Лебядкинъ немного спустя получилъ точнѣйшее извѣстіе, отъ кого не скажу, но тоже отъ наиблагороднѣйшаго лица, а стало-быть достовѣрнѣйшаго, что не триста рублей, а тысяча была выслана!... Стало-быть, кричитъ Лебядкинъ, дѣвица семьсотъ рублей у меня утащила, и вытребовать хочетъ чуть не полицейскимъ порядкомъ, по крайней мѣрѣ угрожаетъ и на весь городъ стучить....

— Это подло, подло отъ васъ! вскочилъ вдругъ инженеръ со стула.

— Да вѣдь вы сами же и есть это наиблагороднѣйшее лицо которое подтвердило Лебядкину отъ имени Николая Всеволодовича что не триста, а тысяча рублей были высланы. Вѣдь мнѣ самъ капитанъ сообщилъ въ пьяномъ видѣ.

— Это.... это несчастное недоумѣніе. Кто-нибудь ошибся и вышло... Это вздоръ, а вы подло!...

— Да и я хочу вѣрить что вздоръ и съ прискорбіемъ слушаю, потому что, какъ хотите, наиблагороднѣйшая дѣвушка замѣшана, впервыхъ, въ семистахъ рубляхъ, а вовторыхъ, въ очевидныхъ интимностяхъ съ Николаемъ Всеволодовичемъ. Да вѣдь его превосходительству что стоитъ дѣвушку благороднѣйшую осрамить или чужую жену обезславить, подобно тому какъ тогда со мной казусъ вышелъ-сь? Подвернется имъ полный великодушія человекъ, они и заставятъ его прикрыть своимъ честнымъ именемъ чужіе грѣхи. Такъ точно и я вѣдь вынесъ-сь; я про себя говорю-сь....

— Берегитесь, Липутинъ! привсталъ съ кресель Степанъ Трофимовичъ и поблѣднѣлъ.

— Не вѣрьте, не вѣрьте! Кто-нибудь ошибся, а Лебядкинъ пьянъ.... восклицалъ инженеръ въ невыразимомъ волненіи, — все объяснится, а я больше не могу.... и считаю низостью.... и довольно, довольно!

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

— Такъ что же вы? Да вѣдь и я съ вами! всполохнулся Липутинъ, вскочилъ и побѣжалъ вслѣдъ за Алексѣемъ Нилычемъ.

VII.

Степанъ Трофимовичъ постоялъ съ минуту въ раздумьи, какъ-то не глядя посмотрѣлъ на меня, взялъ свою шляпу, палку, и тихо пошелъ изъ комнаты. Я опять за нимъ какъ и давеча. Выходя изъ воротъ, онъ, замѣтивъ что я провожаю его, сказалъ:

— Ахъ да, вы можете служить свидѣтелемъ.... de l'accident. Vous m'accompagnez n'est ce pas?¹

— Степанъ Трофимовичъ, неужели вы опять туда? Подумайте что можетъ выйти?

Съ жалкою и потерянною улыбкой, — улыбкой стыда и совершеннаго отчаянія, и въ то же время какого-то страннаго восторга, прошепталъ онъ мнѣ, на мигъ пріостанавливаясь:

— Не могу же я жениться на «чужихъ грѣхахъ», vous comprenez?

Я только и ждалъ этого слова. Наконецъ-то это завѣтное, скрываемое отъ меня словцо, было произнесено послѣ цѣлой недѣли виляній и ужимокъ. Я рѣшительно вышелъ изъ себя:

— И такая грязная, такая.... низкая мысль могла появиться у васъ, у Степана Верховенскаго, въ вашемъ свѣтломъ умѣ, въ вашемъ добромъ сердцѣ и.... еще до Липутина!

Онъ посмотрѣлъ на меня, не отвѣтилъ и пошелъ тою же дорогой. Я не хотѣлъ отставать. Я хотѣлъ свидѣтельствовать предъ Варварой Петровной. Я бы простилъ ему, еслибъ онъ повѣрилъ только Липутину, по бабьему малодушію своему, но теперь уже ясно было что онъ самъ все выдумалъ еще гораздо прежде Липутина, а Липутинъ только теперь подтвердилъ его подозрѣнія и подлилъ масла въ огонь. Онъ не задумался заподозрить дѣвушку съ самага перваго дня, еще не имѣя никакихъ основаній, даже Липутинскихъ. Деспотическія дѣйствія Варвары Петровны онъ объяснилъ себѣ только отчаяннымъ желаніемъ ея поскорѣе замазать свадьбой съ почтеннымъ человѣкомъ дворянскія грѣшки ея

¹ происшествія. Вы меня будете сопровождать, не правда ли? (франц.).

безцѣннаго Nicolas! Мнѣ непременно хотѣлось чтобъ онъ былъ наказанъ за это.

— О, Dieu qui est si grand et si bon!...¹ О, кто меня успокоить! воскликнулъ онъ, пройдя еще шаговъ сотню и вдругъ остановившись.

— Пойдемте сейчасъ домой, и я вамъ все объясню! вскричалъ я, силой поворачивая его къ дому.

— Это онъ! Степанъ Трофимовичъ, это вы? Вы? раздался свѣжій, рѣзвый, юный голосъ, какъ какая-то музыка подлѣ насъ.

Мы ничего не видали, а подлѣ насъ вдругъ появилась наѣздница, Лизавета Николаевна, со своимъ всегдашнимъ провожатымъ. Она остановила коня.

— Идите, идите же скорѣе! звала она громко и весело, — я двѣнадцать лѣтъ не видала его и узнала, а онъ.... Неужто не узнаете меня?

Степанъ Трофимовичъ схватилъ ея руку, протянутую къ нему, и благоговѣнно поцѣловалъ ее. Онъ глядѣлъ на нее какъ бы съ молитвой и не могъ выговорить слова.

— Узналъ и радъ! Маврикій Николаевичъ, онъ въ восторгѣ что видитъ меня! Что же вы не шли всѣ двѣ недѣли? Тетя убѣждала что вы больны, и что васъ нельзя потревожить; но вѣдь я знаю, тетя лжетъ. Я все топала ногами и васъ бранила, но я непременно, непременно хотѣла чтобы вы сами первый пришли, потому и не посылала. Боже, да онъ насколько не перемѣнился! разсматривала она его, наклоняясь съ сѣдла, — онъ до смѣшнаго не перемѣнился! Ахъ нѣтъ, есть морщинки, много морщинокъ у глазъ и на щекахъ, и сѣдые волосы есть, но глаза тѣ же! А я перемѣнилась? Перемѣнилась? Но что же вы все молчите?

Мнѣ вспомнился въ это мгновеніе разказъ о томъ что она была чуть не больна, когда ее увезли одиннадцати лѣтъ въ Петербургъ; въ болѣзнь будто бы плакала и спрашивала Степана Трофимовича.

— Вы... я... лепеталъ онъ теперь обрывавшимся отъ радости голосомъ, — я сейчасъ вскричалъ: «кто успокоить меня!» и раздался вашъ голосъ.... Я считаю это чудомъ et je commence à croire.²

— En Dieu? En Dieu qui est là-haut et qui est si grand et si bon?³ Видите, я всѣ ваши лекціи наизусть помню. Маврикій Николаевичъ, какую онъ мнѣ тогда вѣру преподавалъ en Dieu, qui est si grand et si bon! А помните ваши разказы о томъ какъ Колумбъ открывалъ Америку, и какъ всѣ закричали: земля, земля! Няня Алена Фроловна говоритъ что я послѣ того ночью бредила и во снѣ кричала: земля, земля! А помните какъ вы мнѣ исторію принца Гамлета разказывали? А помните какъ вы мнѣ

¹ О Боже, великий и милостивый! (*франц.*)

² и начинаю веровать (*франц.*)

³ В Бога? В Бога всевышнего, который так велик и так милостив? (*франц.*)

описывали какъ изъ Европы въ Америку бѣдныхъ эмигрантовъ перевозятъ? И все-то неправда, я потомъ все узнала какъ перевозятъ, но какъ онъ мнѣ хорошо лгалъ тогда, Маврикій Николаевичъ, почти лучше настоящаго! Чего вы такъ смотрите на Маврикія Николаевича? Это самый лучшій и самый вѣрный человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ, и вы его непременно должны полюбить какъ меня! Il fait tout ce que je veux.¹ Но, голубчикъ Степанъ Трофимовичъ, стало-быть вы опять несчастны, коли среди улицы кричите о томъ кто васъ успокоитъ? Несчастны, вѣдь такъ? Такъ?

— Теперь счастливъ....

— Тетя обижаетъ? продолжала она не слушая, — все та же злая, несправедливая и вѣчно намъ безцѣнная тетя! А помните какъ вы бросались ко мнѣ въ объятія въ саду, а я васъ утѣшала и плакала, — да не бойтесь же Маврикія Николаевича; онъ про васъ все, все знаетъ, давно, вы можете плакать на его плечѣ сколько угодно, и онъ сколько угодно будетъ стоять!... Приподнимите шляпу, снимите совсѣмъ на минутку, протяните голову, станьте на цыпочки, я васъ сейчасъ поцѣлую въ лобъ, какъ въ послѣдній разъ поцѣловала, когда мы прощались. Видите та барышня изъ окна на насъ любитъ.... Ну ближе, ближе. Боже, какъ онъ посѣдѣлъ!

И она, принагнувшись въ сѣдлѣ, поцѣловала его въ лобъ.

— Ну, теперь къ вамъ домой! Я знаю гдѣ вы живете. Я сейчасъ, сію минуту буду у васъ. Я вамъ, упряму, сдѣлаю первый визитъ и потомъ на цѣлый день васъ къ себѣ затащу. Ступайте же, приготовьтесь встрѣчать меня.

И она ускакала съ своимъ кавалеромъ. Мы воротились. Степанъ Трофимовичъ сѣлъ на диванъ и заплакалъ.

— Dieu! Dieu! восклицалъ онъ, — enfin une minute de bonheur!²

Не болѣе какъ черезъ десять минутъ она явилась по обѣщанію, въ сопровожденіи своего Маврикія Николаевича.

— Vous et le bonheur, vous arrivez en meme temps!³ поднялся онъ ей на встрѣчу.

— Вотъ вамъ букетъ; сейчасъ ѣздила къ М-ме Шевалье, у ней всю зиму для имениницъ букеты будутъ. Вотъ вамъ и Маврикій Николаевичъ, прошу познакомиться. Я хотѣла-было пирогъ вмѣсто букета; но Маврикій Николаевичъ увѣряетъ что это не въ русскомъ духѣ.

Этотъ Маврикій Николаевичъ былъ артиллерійскій капитанъ, лѣтъ тридцати трехъ, высокаго росту господинъ, красивой и безукоризненно

¹ Онъ делаетъ всё, что я хочу (франц.).

² наконецъ одно мгновение счастья! (франц.).

³ Вы и счастье, вы являетесь одновременно (франц.).

порядочной наружности, съ внушительною и на первый взглядъ даже строгою фізіономіей, несмотря на его удивительную и деликатнѣйшую доброту, о которой всякій получалъ понятіе чуть не съ первой минуты своего съ нимъ знакомства. Онъ, впрочемъ, былъ молчаливъ, казался очень хладнокровенъ и на дружбу не напрашивался. Говорили потомъ у насъ многіе что онъ не далекъ; это было не совсѣмъ справедливо.

Я не стану описывать красоту Лизаветы Николаевны. Весь городъ уже кричалъ объ ея красотѣ, хотя нѣкоторыя наши дамы и дѣвицы съ негодованіемъ не соглашались съ кричавшими. Были изъ нихъ и такія которыя уже возненавидѣли Лизавету Николаевну, и впервыхъ, за гордость: Дроздовы почти еще не начинали дѣлать визитовъ, что оскорбляло, хотя виной задержки дѣйствительно было болѣзненное состояніе Прасковьи Петровны. Вовторыхъ, ненавидѣли ее за то что она родственница губернаторши; втретьихъ, за то что она ежедневно прогуливается верхомъ. У насъ до сихъ поръ никогда еще не бывало амазонокъ; естественно что появленіе Лизаветы Николаевны, прогуливавшейся верхомъ и еще не сдѣлавшей визитовъ, должно было оскорблять общество. Впрочемъ, всѣ уже знали что она ѣздитъ верхомъ по приказанію докторовъ и при этомъ ѣдко говорили объ ея болѣзненности. Она дѣйствительно была больна. Что выдавалось въ ней съ перваго взгляда — это ея болѣзненное, нервное, непрерывное безпокойство. Увы! бѣдняжка очень страдала, и все объяснилось въ послѣдствіи. Теперь, вспоминая прошедшее, я уже не скажу что она была красавица, какою казалась мнѣ тогда. Можетъ-быть она была даже и совсѣмъ не хороша собой. Высокая, тоненькая, но гибкая и сильная, она даже поражала неправильностью линій своего лица. Глаза ея были поставлены какъ-то по-калмыцки, криво; была блѣдна, скулиста, смугла и худа лицомъ; но было же нѣчто въ этомъ лицѣ побѣждающее и привлекающее! Какое-то могущество сказывалось въ горящемъ взглядѣ ея темныхъ глазъ; она являлась «какъ побѣдительница и чтобы побѣдить». Она казалась гордою, а иногда даже дерзкою; не знаю удавалось ли ей быть доброю; но я знаю что она ужасно хотѣла и мучилась тѣмъ чтобы заставить себя быть нѣсколько доброю. Въ этой натурѣ, конечно, было много прекрасныхъ стремленій и самыхъ справедливыхъ начинаній; но все въ ней какъ бы вѣчно искало своего уровня и не находило его, все было въ хаосѣ, въ волненіи, въ безпокойствѣ. Можетъ-быть она уже со слишкомъ строгими требованіями относилась къ себѣ, никогда не находя въ себѣ силы удовлетворить этимъ требованіямъ.

Она сѣла на диванъ и оглядывала комнату.

— Почему мнѣ въ эдакія минуты всегда становится грустно, разгадайте, ученый человекъ? Я всю жизнь думала что и Богъ знаетъ какъ буду рада, когда васъ увижу и все припомню, и вотъ совсѣмъ какъ будто не рада, несмотря на то что васъ люблю.... Ахъ, Боже, у него виситъ мой портретъ! Дайте сюда, я его помню, помню!

Превосходный миниатюрный портретъ акварелью двѣнадцатилѣтней Лизы былъ высланъ Дроздовыми Степану Трофимовичу изъ Петербурга еще лѣтъ девять назадъ. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно висѣлъ у него на стѣнѣ.

— Неужто я была такимъ хорошенькимъ ребенкомъ? Неужто это мое лицо?

Она встала и съ портретомъ въ рукахъ посмотрѣлась въ зеркало.

— Поскорѣй, возьмите! воскликнула она, отдавая портретъ, — не вѣшайте теперь, послѣ, не хочу и смотрѣть на него. — Она сѣла опять на диванъ. — Одна жизнь прошла, началась другая, потомъ другая прошла — началась третья, и все безъ конца. Всѣ концы точно какъ ножницами обрѣзываетъ. Видите какія я старыя вещи разказываю, а вѣдь сколько правды!

Она усмѣхнувшись посмотрѣла на меня; уже нѣсколько разъ она на меня взглядывала, но Степанъ Трофимовичъ въ своемъ волненіи и забылъ что обѣщалъ меня представить.

— А зачѣмъ мой портретъ виситъ у васъ подъ кинжалами? И зачѣмъ у васъ столько кинжаловъ и сабель?

У него, дѣйствительно, висѣли на стѣнѣ, не знаю для чего, два ятагана на-крестъ, а надъ ними настоящая черкесская шашка. Спрашивая, она такъ прямо на меня посмотрѣла что я хотѣлъ-было что-то отвѣтить, но осѣкся. Степанъ Трофимовичъ догадался наконецъ и меня представилъ.

— Знаю, знаю, сказала она, — я очень рада. Мама объ васъ тоже много слышала. Познакомьтесь и съ Маврикіемъ Николаевичемъ, это прекрасный человекъ. Я объ васъ уже составила смѣшное понятіе: вѣдь вы конфидентъ Степана Трофимовича?

Я покраснѣлъ.

— Ахъ, простите пожалуйста, я совсѣмъ не то слово сказала; вовсе не смѣшное, а такъ.... (Она покраснѣла и сконфузилась.) — Впрочемъ, что же стыдиться того что вы прекрасный человекъ? Ну, пора намъ, Маврикій Николаевичъ! Степанъ Трофимовичъ, черезъ полчаса чтобы вы у насъ были. Боже, сколько мы будемъ говорить! Теперь ужъ я вашъ конфидентъ, и обо всемъ, обо всемъ, понимаете?

Степанъ Трофимовичъ тотчасъ же испугался.

— О, Маврикій Николаевичъ все знаетъ, его не конфузьтесь!

— Что же знаетъ?

— Да чего вы! вскричала она въ изумленіи. — Ба, да вѣдь и правда что они скрываютъ! Я вѣрить не хотѣла. Дашу тоже скрываютъ. Тетя давеча меня не пустила къ Дашѣ, говоритъ что у ней голова болитъ.

— Но.... но какъ вы узнали?

— Ахъ, Боже, такъ же какъ и всѣ. Эка мудрость!

— Да развѣ всѣ?...

— Ну да какъ же? Мамаша, правда, сначала узнала черезъ Алену Фроловну, мою няню; ей ваша Настасья прибѣжала сказать. Вѣдь вы говорили же Настасѣ? Она говоритъ что вы ей сами говорили.

— Я.... я говорилъ однажды.... пролепеталъ Степанъ Трофимовичъ, весь покраснѣвъ, — но.... я лишь намекнулъ.... j'étais si nerveux et malade et puis...¹

Она захохотала.

— А конфидента подъ рукой не случилось, а Настасья подвернулась, — ну и довольно! А у той цѣлый городъ кумушекъ! Ну да полноте, вѣдь это все равно; ну пусть знаютъ, даже лучше. Скорѣе же приходите, мы обѣдаемъ рано.... Да, забыла, усѣлась она опять, — слушайте, что такое Шатовъ?

— Шатовъ? Это братъ Дарьи Павловны....

— Знаю что братъ, какой вы право! перебила она въ нетерпѣніи. — Я хочу знать что онъ такое, какой человѣкъ?

— C'est un pense — creux d'ici. C'est le meilleur et le plus irascille homme du monde.²

— Я сама слышала что онъ какой-то странный. Впрочемъ, не о томъ. Я слышала что онъ знаетъ три языка, и англійскій, и можетъ литературною работою заниматься. Въ такомъ случаѣ у меня для него много работы; мнѣ нуженъ помощникъ и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Возьметъ онъ работу или нѣтъ? Мнѣ его рекомендовали....

— О, непременно, et vous ferez un bienfait...³

— Я вовсе не для bienfait, мнѣ самой нуженъ помощникъ.

— Я довольно хорошо знаю Шатова, сказалъ я, — и если вы мнѣ поручите передать ему, то я сію минуту схожу.

— Передайте ему чтобъ онъ завтра утромъ пришелъ въ двѣнадцать часовъ. Чудесно! Благодарю васъ. Маврикій Николаевичъ, готовы?

Они уѣхали. Я, разумѣется, тотчасъ же побѣжалъ къ Шатову.

¹ я был так взволнован и болен, и к тому же... (франц.).

² Это местный фантазер. Это лучший и самый раздражительный человек на свете... (франц.).

³ и вы совершите благодеяние (франц.).

— Mon ami! догналъ меня на крыльцѣ Степанъ Трофимовичъ, — непремѣнно будьте у меня въ десять или въ одиннадцать часовъ, когда я вернусь. О, я слишкомъ, слишкомъ виноватъ предъ вами и.... предъ всѣми, предъ всѣми.

VIII.

Шатова я не засталъ дома; забѣжалъ черезъ два часа — опять нѣтъ. Наконецъ уже въ восьмомъ часу я направился къ нему чтобъ или застать его, или оставить записку; опять не засталъ. Квартира его была заперта, а онъ жилъ одинъ безо всякой прислуги. Мнѣ-было подумалось, не толкнуться ли внизъ къ капитану Лебядкину чтобы спросить о Шатовѣ; но тутъ было тоже заперто и ни слуху ни свѣту оттуда, точно пустое мѣсто. Я съ любопытствомъ прошелъ мимо дверей Лебядкина, подъ вліяніемъ давешнихъ разказовъ. Въ концѣ концовъ я рѣшилъ зайти завтра пораньше. Да и на записку, правда, я не очень надѣялся; Шатовъ могъ пренебречь, онъ былъ такой упрямый, застѣнчивый. Проклиная неудачу и уже выходя изъ воротъ, я вдругъ наткнулся на господина Кирилова; онъ входилъ въ домъ и первый узналъ меня. Такъ какъ онъ самъ началъ спрашивать, то я и разказалъ ему все въ главныхъ чертахъ и что у меня есть записка.

— Пойдемте, сказалъ онъ, — я все сдѣлаю.

Я вспомнилъ что онъ, по словамъ Липутина, занялъ съ утра деревянный флигель на дворѣ. Въ этомъ флигелѣ, слишкомъ для него просторномъ, квартировала съ нимъ вмѣстѣ какая-то старая, глухая баба, которая ему и прислуживала. Хозяинъ дома въ другомъ новомъ домѣ своемъ и въ другой улицѣ содержалъ трактиръ, а эта старуха, кажется родственница его, осталась смотрѣть за всѣмъ старымъ домомъ. Комнаты во флигелѣ были довольно чисты, но обои грязны. Въ той куда мы вошли мебель была сборная, разнокалиберная и совершенный бракъ: два ломберныхъ стола, комодъ ольховаго дерева, большой тесовый столъ изъ какой-нибудь избы или кухни, стулья и диванъ съ рѣшетчатыми спинками и съ твердыми кожаными подушками. Въ углу помѣщался старинный образъ, предъ которымъ баба еще до насъ затеплила лампадку, а на стѣнахъ висѣли два большихъ, тусклыхъ, масляныхъ портрета, одинъ покойнаго императора Николая Павловича, снятый, судя по виду, еще въ двадцатыхъ годахъ столѣтія; другой изображалъ какого-то архіерея.

Господинъ Кириловъ, войдя, засвѣтилъ свѣчу, и изъ своего чемодана, стоявшаго въ углу и еще не разобраннаго, досталъ конвертъ, сургучъ и хрустальную печатку.

— Запечатайте вашу записку и надпишите конвертъ.

Я было возразилъ что не надо, но онъ настоялъ. Надписавъ конвертъ, я взялъ фуражку.

— А я думалъ вы чаю, сказалъ онъ, — я чай купилъ. Хотите?

Я не отказался. Баба скоро внесла чай, то-есть большущій чайникъ горячей воды, маленькій чайникъ съ обильно завареннымъ чаемъ, двѣ большія каменные, грубо разрисованныя чашки, калачъ и цѣлую глубокую тарелку колотаго сахару.

— Я чай люблю, сказалъ онъ, — ночью, много; хожу и пью; до разсвѣта. За границей чай ночью неудобно.

— Вы ложитесь на разсвѣтѣ?

— Всегда; давно. Я мало ѣмъ; все чай. Липутинъ хитеръ, но нетерпѣливъ.

Меня удивило что онъ хотѣлъ разговаривать; я рѣшился воспользоваться минутой.

— Давеча вышли непріятныя недоразумѣнія, замѣтилъ я.

Онъ очень нахмурился.

— Это глупость; это большіе пустяки. Тутъ все пустяки, потому что Лебядкинъ пьянъ. Я Липутину не говорилъ, а только объяснилъ пустяки; потому что тотъ перевралъ. У Липутина много фантазіи, вмѣсто пустяковъ горы выстроилъ. Я вчера Липутину вѣрилъ.

— А сегодня мнѣ? засмѣялся я.

— Да вѣдь вы уже про все знаете давеча. Липутинъ или слабъ, или нетерпѣливъ, или вреденъ, или.... завидуетъ.

Послѣднее словцо меня поразило.

— Впрочемъ, вы столько категорій наставили, не мудрено что подъ которую-нибудь и подойдетъ.

— Или ко всѣмъ вмѣстѣ.

— Да, и это правда. Липутинъ — это хаосъ! Правда, онъ вралъ давеча что вы хотите какое-то сочиненіе писать?

— Почему же вралъ? нахмурился онъ опять уставившись въ землю.

Я извинился и сталъ увѣрять что не выпытываю. Онъ покраснѣлъ.

— Онъ правду говорилъ; я пишу. Только это все равно.

Съ минутой помолчали; онъ вдругъ улыбнулся давешнею дѣтскою улыбкой.

— Онъ это про головы самъ выдумалъ изъ книги и самъ сначала мнѣ говорилъ, и понимаетъ худо, а я только ищу причины почему люди не смѣютъ убить себя; вотъ и все. И это все равно.

— Какъ не смѣютъ? Развѣ мало самоубійствъ?

— Очень мало.

— Неужели вы такъ находите?

Онъ не отвѣтилъ, всталъ и въ задумчивости началъ ходить взадъ и впередъ.

— Что же удерживаетъ людей, по вашему, отъ самоубійства? спросилъ я.

Онъ разсѣянно посмотрѣлъ, какъ бы припоминая объ чемъ мы говорили.

— Я... я еще мало знаю... два предразсудка удерживаютъ, двѣ вещи; только двѣ; одна очень маленькая, другая очень большая. Но и маленькая тоже очень большая.

— Какая же маленькая-то?

— Боль.

— Боль? Неужто это такъ важно... въ этомъ случаѣ?

— Самое первое. Есть два рода: тѣ которые убиваютъ себя или съ большой грусти, или со злости, или сумашедшіе, или тамъ все равно... тѣ вдругъ. Тѣ мало о боли думаютъ, а вдругъ. А которые съ разсудка — тѣ много думаютъ.

— Да развѣ есть такіе что съ разсудка?

— Очень много. Еслибъ предразсудка не было, было бы больше; очень много; всѣ.

— Ну ужъ и всѣ?

Онъ промолчалъ.

— Да развѣ нѣтъ способовъ умирать безъ боли?

— Представьте, остановился онъ предо мною, — представьте камень такой величины какъ съ большой домъ; онъ виситъ, а вы подъ нимъ; если онъ упадетъ на васъ, на голову — будетъ вамъ больно?

— Камень съ домъ? Конечно страшно.

— Я не про страхъ; будетъ больно?

— Камень съ гору, милліонъ пудовъ? Разумѣется, ничего не больно.

— А станьте вправду, и пока виситъ, вы будете очень бояться что больно. Всякій первый ученый, первый докторъ, всѣ, всѣ будутъ очень бояться. Всякій будетъ знать что не больно и всякій будетъ очень бояться что больно.

— Ну а вторая причина, большая-то?

— Тотъ свѣтъ.

— То-есть наказаніе?

— Это все равно. Тотъ свѣтъ; одинъ тотъ свѣтъ.

— Развѣ нѣтъ такихъ атеистовъ что совсѣмъ не вѣрятъ въ тотъ свѣтъ?

Опять онъ промолчалъ.

— Вы можетъ-быть по себѣ судите?

— Всякій не можетъ судить какъ по себѣ, проговорилъ онъ покраснѣвъ. — Вся свобода будетъ тогда когда будетъ все равно жить или не жить. Вотъ всему цѣль.

— Цѣль? Да тогда никто можетъ и не захочетъ жить?

— Никто, произнесъ онъ рѣшительно.

— Человѣкъ смерти боится, потому что жизнь любить, вотъ какъ я понимаю, замѣтилъ я, — и такъ природа велѣла.

— Это подло и тутъ весь обманъ! глаза его засверкали. — Жизнь есть боль, жизнь есть страхъ, и человѣкъ несчастенъ. Теперь все боль и страхъ. Теперь человѣкъ жизнь любитъ, потому что боль и страхъ любить. И такъ сдѣлали. Жизнь дается теперь за боль и страхъ, и тутъ весь обманъ. Теперь человѣкъ еще не тотъ человѣкъ. Будетъ новый человѣкъ, счастливый и гордый. Кому будетъ все равно жить или не жить тотъ будетъ новый человѣкъ. Кто побѣдитъ боль и страхъ тотъ самъ Богъ будетъ. А тотъ Богъ не будетъ.

— Стало-быть тотъ Богъ есть же по вашему?

— Его нѣтъ, но онъ есть. Въ камнѣ боли нѣтъ, но въ страхѣ отъ камня есть боль. Богъ есть боль страха смерти. Кто побѣдитъ боль и страхъ, тотъ самъ станетъ Богъ. Тогда новая жизнь, тогда новый человѣкъ, все новое..... Тогда исторію будутъ дѣлить на двѣ части: отъ Гориллы до уничтоженія Бога, и отъ уничтоженія Бога до.....

— До Гориллы?

— .....До перемѣны земли и человѣка физически. Будетъ Богъ — человѣкъ и перемѣнится физически. И міръ перемѣнится, и дѣла перемѣнятся, и мысли и всѣ чувства. Какъ вы думаете, перемѣнится тогда человѣкъ физически?

— Если будетъ все равно жить или не жить, то всѣ убьютъ себя, и вотъ въ чемъ можетъ-быть перемѣна будетъ.

— Это все равно. Обманъ убьютъ. Всякій кто хочетъ главной свободы, тотъ долженъ смѣть убить себя. Кто смѣетъ убить себя, тотъ тайну обмана узналъ. Дальше нѣтъ свободы; тутъ все, а дальше нѣтъ ничего. Кто смѣетъ убить себя тотъ богъ. Теперь всякій можетъ сдѣлать что Бога не будетъ и ничего не будетъ. Но никто еще ни разу не сдѣлалъ.

— Самоубійць милліоны были.

— Но все не за тѣмъ, все со страхомъ и не для того. Не для того чтобы страхъ убить. Кто убьетъ себя только для того чтобы страхъ убить, тотъ тотчасъ богъ станетъ.

— Не успѣетъ можетъ-быть, замѣтилъ я.

— Это все равно, отвѣтилъ онъ тихо, съ покойною гордостью, чуть не съ презрѣніемъ. — Мнѣ жаль что вы какъ будто смѣтаетесь, прибавилъ онъ черезъ полминуты.

— А мнѣ странно что вы давеча были такъ раздражительны, а теперь такъ спокойны, хотя и горячо говорите.

— Давеча? Давеча было смѣшно, отвѣтилъ онъ съ улыбкой; — я не люблю бранить и никогда не смѣюсь, прибавилъ онъ грустно.

— Да, не весело вы проводите ваши ночи за чаемъ. — Я всталъ и взялъ фуражку.

— Вы думаете? улыбнулся онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, — почему же? Нѣтъ, я..... я не знаю, смѣшался онъ вдругъ, — не знаю какъ у другихъ, и я такъ чувствую, что не могу какъ всякій. Всякій думаетъ и потомъ сейчасъ о другомъ думаетъ. Я не могу о другомъ, я всю жизнь объ одномъ. Меня Богъ всю жизнь мучилъ, заключилъ онъ вдругъ съ удивительною экспансивностью.

— А скажите, если позволите, почему вы не такъ правильно по-русски говорите? Неужели за границей въ пять лѣтъ разучились?

— Развѣ я неправильно? Не знаю. Нѣтъ не потому что за границей. Я такъ всю жизнь говорилъ..... мнѣ все равно.

— Еще вопросъ болѣе деликатный: я совершенно вамъ вѣрю, что вы не склонны встрѣчаться съ людьми и мало съ людьми говорите. Почему вы со мной теперь разговорились?

— Съ вами? Вы давеча хорошо сидѣли и вы..... впрочемъ все равно.... вы на моего брата очень похожи, много, чрезвычайно, проговорилъ онъ покраснѣвъ; — онъ семь лѣтъ умеръ; старшій, очень, очень много.

— Должно-быть имѣлъ большое вліяніе на вашъ образъ мыслей.

— Н-нѣтъ, онъ мало говорилъ; онъ ничего не говорилъ. Я вашу записку отдамъ.

Онъ проводилъ меня съ фонаремъ до воротъ, чтобы запереть за мной. «Разумѣется помѣшанный», рѣшилъ я про себя. Въ воротахъ произошла новая встрѣча.

IX.

Только-что я занесъ ногу за высокій порогъ калитки, вдругъ чья-то сильная рука схватила меня за грудь.

— Кто сей? — взревѣлъ чей-то голосъ, — другъ или недругъ? Кайся!

— Это нашъ, нашъ! завизжалъ подлѣ голосокъ Липутина, — это господинъ Г-въ, классическаго воспитанія и въ связяхъ съ самымъ высшимъ обществомъ молодой человекъ.

— Люблю коли съ обществомъ, класси-чес.... значить о-бра-зо-о-ваннѣйшій..... отставной капитанъ Игнатъ Лебядкинъ, къ услугамъ міра и друзей.... если вѣрны, если вѣрны, подлецы!

Капитанъ Лебядкинъ, вершковъ десяти росту, толстый, мясистый, курчавый, красный и чрезвычайно пьяный едва стоялъ предо мной и съ трудомъ выговаривалъ слова. Я впрочемъ его и прежде видалъ издали.

— А, и этотъ! взревѣлъ онъ опять, замѣтивъ Кирилова, который все еще не уходилъ съ своимъ фонаремъ; онъ поднялъ было кулакъ, но тотчасъ опустилъ его.

— Прощаю за ученость! Игнатъ Лебядкинъ — обра-зо-о-ваннѣйшій.....

Любви пылающей граната
Лопнула въ груди Игната.
И вновь заплакалъ горькой мукой
По Севастополю безрукій.

— Хоть въ Севастополѣ не былъ и даже не безрукій, но каковы же риѳмы! лѣзъ онъ ко мнѣ съ своею пьяною рожей.

— Имъ некогда, некогда, они домой пойдутъ, уговаривалъ Липутинъ, — они завтра Лизаветѣ Николаевнѣ перескажутъ.

— Лизаветѣ!.... завопилъ онъ опять: — Стой-нейди! Варьянтъ:

И порхаетъ звѣзда на конѣ
Въ хороводѣ другихъ амазонокъ;
Улыбается съ лошади мнѣ
Ари-сто-кратическій ребенокъ.

«Звѣздѣ-амазонкѣ.»

— Да вѣдь это же гимнъ! Это гимнъ, если ты не оселъ! Бездѣльники не понимаютъ! Стой! уцѣпился онъ за мое пальто, хотя я рвался изо всѣхъ силъ въ калитку, — передай что я рыцарь чести, а Дашка..... Дашку я двумя пальцами..... крѣпостная раба и не смѣть.....

Тутъ онъ упалъ, потому-что я съ силой вырвался у него изъ рукъ и побѣжалъ по улицѣ. Липутинъ увязался за мной.

— Его Алексѣй Нилычъ подымутъ. Знаете ли что я сейчасъ отъ него узналъ? болталъ онъ впопыхахъ; — стишки-то слышали? Ну вотъ онъ эти самые стихи къ «Звѣздѣ-амазонкѣ» запечаталъ и завтра посылаетъ къ Лизаветѣ Николаевнѣ за своею полною подписью. Каковъ!

— Бьюсь объ закладъ что вы его сами подговорили.

— Проиграете! захохоталъ Липутинъ, — влюбленъ, влюбленъ какъ кошка, а знаете ли что началось вѣдь съ ненависти. Онъ до того сперва возненавидѣлъ Лизавету Николаевну за то что она ѣздитъ верхомъ, что чуть не ругалъ ее вслухъ на улицѣ; да и ругалъ же! Еще третьяго дня выругалъ, когда она проѣзжала; — къ счастью она не разслышала, и вдругъ сегодня стихи! Знаете ли что онъ хочетъ рискнуть предложеніе? Серіозно, серіозно!

— Я вамъ удивляюсь, Липутинъ, вездѣ-то вы вотъ гдѣ только этакая дрянь заведется, вездѣ-то вы тутъ руководите! проговорилъ я въ ярости.

— Однакоже вы далеко заходите, господинъ Г-въ; не сердчишко ли у насъ екнуло испугавшись соперника, — а?

— Что-о-о? закричалъ я останавливаясь.

— А вотъ же вамъ въ наказаніе и ничего не скажу дальше! А вѣдь какъ бы вамъ хотѣлось услышать? Ужь одно то что этотъ дуралей теперь не простой капитанъ, а помѣщикъ нашей губерніи, да еще довольно значительный, потому что Николай Всеволодовичъ ему все свое помѣстье, бывшія свои двѣсти душъ на дняхъ продали, и вотъ же вамъ Богъ не лгу! сейчасъ узналъ, но за то изъ наивѣрнѣйшаго источника. Ну а теперь дощупывайтесь-ка сами; больше ничего не скажу; до свиданья-съ!

Х.

Степанъ Трофимовичъ ждалъ меня въ истерическомъ нетерпѣніи. Уже съ часъ какъ онъ воротился. Я засталъ его какъ бы пьянаго; первые пять минутъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ что онъ пьянъ. Увы, визитъ къ Дроздовымъ сбиль его съ послѣдняго толку.

— Mon ami, я совсѣмъ потерялъ мою нитку.... Lise.... я люблю и уважаю этого ангела попрежнему; именно попрежнему; но, мнѣ кажется онѣ ждали меня объ единственно чтобы кое-что вывѣдать, то-есть по просту вытянуть изъ меня, а тамъ и ступай себѣ съ Богомъ.... Это такъ.

— Какъ вамъ не стыдно! вскричалъ я не вытерпѣвъ.

— Другъ мой, я теперь совершенно одинъ. Enfin c'est ridicule.¹ Представьте что и тамъ все это напичкано тайнами. Такъ на меня и накинулись объ этихъ носахъ и ушахъ и еще о какихъ-то петербургскихъ тайнахъ. Онѣ вѣдь объ только здѣсь въ первый разъ провѣдали объ этихъ здѣшнихъ исторіяхъ съ Nicolas четыре года назадъ: «Вы тутъ были, вы видѣли, правда ли что онъ сумашедшій?» И откуда эта идея

¹ Наконец, это смешно (*франц.*).

вышла, не понимаю. Почему Прасковья непременно такъ хочется чтобы Nicolas оказался сумашедшимъ? Хочется этой женщиной, хочется! Се Maurice¹, или какъ его, Маврикій Николаевичъ, brave homme tout de même², но неужели въ его пользу, и послѣ того какъ сама же первая писала изъ Парижа къ cette pauvre amie....³ Enfin, эта Прасковья, какъ называетъ ее cette chère amie⁴, это типъ, это безсмертной памяти Гоголева Коробочка, но только злая Коробочка, задорная Коробочка и въ безконечно увеличенномъ видѣ.

— Да вѣдь это сундукъ выйдетъ; ужъ и въ увеличенномъ?

— Ну, въ уменьшенномъ, все равно, только не перебивайте, потому что у меня все это вертится, тамъ онѣ совсѣмъ расплевались; кромѣ Lise; та все еще: «Тетя, тетя;» но Lise хитра и, тутъ еще что-то есть. Тайны. Но со старухой разсорились. Cette pauvre⁵ тетя правда всѣхъ депотируетъ.... а тутъ и губернаторша и непочтительность общества и «непочтительность» Кармазинова; а тутъ вдругъ эта мысль о помѣшателствѣ, се Lipoutine, ce que je ne comprends pas....⁶ и-и говорятъ голову укусомъ обмочила, а тутъ и мы съ вами, съ нашими жалобами и съ нашими письмами.... О, какъ я мучилъ ее и въ такое время! Je suis un ingrat!⁷ Вообразите, возвращаюсь и нахожу отъ нея письмо; читайте, читайте! О какъ неблагородно было съ моей стороны.

Онѣ подалъ мнѣ только-что полученное письмо отъ Варвары Петровны. Она кажется раскаялась въ утрешнемъ своемъ: «сидите дома.» Письмецо было вѣжливое, но все-таки рѣшительное и немногословное. Послѣ завтра, въ воскресенье, она просила къ себѣ Степана Трофимовича ровно въ двѣнадцать часовъ и совѣтовала привести съ собой кого-нибудь изъ друзей своихъ (въ скобкахъ стояло мое имя). Съ своей стороны, обѣщалась позвать Шатова, какъ брата Дарьи Павловны. «Вы можете получить отъ нея окончательный отвѣтъ, довольно ли съ васъ будетъ? Этой ли формальности вы такъ добивались?»

— Замѣтите эту раздражительную фразу въ концѣ о формальности. Бѣдная, бѣдная, другъ всей моей жизни! Признаюсь это *внезапное* рѣшеніе судьбы меня точно придавило.... Я, признаюсь, все еще надѣялся, а теперь, tout est dit⁸, я ужъ знаю что кончено; c'est terrible⁹. О, кабы

¹ Этот Маврикій (франц.).

² славный малый все-таки (франц.).

³ этому бедному другу (франц.).

⁴ этот дорогой друг (франц.).

⁵ Эта бедная (франц.).

⁶ этот Липутин, всё то, чего я не понимаю (франц.).

⁷ Я неблагодарный человек! (франц.).

⁸ все решено (франц.).

⁹ это ужасно (франц.).

не было совѣмъ этого воскресенья, а все постарому, вы бы ходили, а я бы тутъ....

— Васъ сбили съ толку всѣ эти давешнія Липутинскія мерзости, сплетни.

— Другъ мой, вы сейчасъ попали въ другое больное мѣсто, вашимъ дружескимъ пальцемъ. Эти дружескіе пальцы вообще безжалостны, а иногда безтолковы, pardon, но, вотъ вѣрите ли, а я почти забылъ обо всемъ этомъ, о мерзостяхъ-то, то-есть я вовсе не забылъ, но я, по глупости моей, все время пока былъ у Lise старался быть счастливымъ и увѣрялъ себя что я счастливъ. Но теперь.... о, теперь я про эту великодушную, гуманную, терпѣливую къ моимъ подлымъ недостаткамъ женщину, — то-есть хоть и не совѣмъ терпѣливую, но вѣдь и самъ-то я каковъ, съ моимъ пустымъ, сквернымъ характеромъ! Вѣдь я блажной ребенокъ, со всѣмъ эгоизмомъ ребенка, но безъ его невинности. Она двадцать лѣтъ ходила за мной какъ нянька, cette pauvre тетя, какъ граціозно называетъ ее Lise.... И вдругъ, послѣ двадцати лѣтъ, ребенокъ задумалъ жениться, жени да жени, письмо за письмомъ, а у ней голова въ укусуѣ и.... и, вотъ и достигъ, въ воскресенье женатый человекъ, шутка сказать.... И чего самъ настаивалъ, ну зачѣмъ я письма писалъ? Да, забылъ: Lise боготворитъ Дарью Павловну, говоритъ по крайней мѣрѣ; говоритъ про нее: «с'est un ange¹, но только нѣсколько скрытный.» Обѣ совѣтовали, даже Прасковья.... впрочемъ Прасковья не совѣтовала. О, сколько яду заперто въ этой Коробочкѣ! Да и Lise собственно не совѣтовала: «къ чему вамъ жениться; довольно съ васъ и ученыхъ наслаждений.» Хохочетъ. Я ей простилъ ея хохоть, потому что у ней у самой скребетъ на сердцѣ. Вамъ, однако, говорятъ онѣ, безъ женщины невозможно. Приближаются ваши немощи, а она васъ укроетъ, или какъ тамъ.... Ma foi² я и самъ, все это время съ вами сидя, думалъ про себя что Провидѣніе посылаетъ ее на склонѣ бурныхъ дней моихъ, и что она меня укроетъ или какъ тамъ.... enfin³ понадобится въ хозяйствѣ. Вонъ у меня такой соръ, вонъ смотрите, все это валяется, давеча велѣлъ прибрать, и книга на полу. La pauvre amie все сердилась что у меня соръ.... О, теперь ужь не будетъ раздаваться голосъ ея! Vingt ans!⁴ И-и у нихъ кажется анонимныя письма, вообразите, Nicolas продалъ будто бы Лебядкину имѣніе. C'est un monstre; et enfin⁵ кто-такой Лебядкинъ? Lise слушаетъ, слушаетъ, ухъ какъ она слушаетъ! Я простилъ ей ея хохоть, я видѣлъ съ какимъ лицомъ она слушала, и се Maurice.... я бы не желалъ

¹ это ангел (франц.).

² Право (франц.).

³ наконец (франц.).

⁴ Двадцать лет! (франц.).

⁵ Это чудовище; и наконец (франц.).

быть въ его теперешней роли, *brave homme tout de meme*, но нѣсколько застѣнчивъ; впрочемъ Богъ съ нимъ....

Онъ замолчалъ; онъ усталъ и сбился и сидѣлъ понутивъ голову, смотря неподвижно въ полъ усталыми глазами. Я воспользовался промежуткомъ и разказалъ о моемъ посѣщеніи дома Филиппова, при чемъ рѣзко и сухо выразилъ мое мнѣніе что дѣйствительно сестра Лебядкина (которую я не видалъ) могла быть когда-то какой-нибудь жертвой *Nicolas*, въ загадочную пору его жизни, какъ выражался Липутинъ, и что очень можетъ-быть что Лебядкинъ почему-нибудь получаетъ съ *Nicolas* деньги, но вотъ и все. Насчетъ же **сплетень** о Дарьѣ Павловнѣ, то все это вздоръ, все это натяжки мерзавца Липутина, и что такъ по крайней мѣрѣ съ жаромъ утверждаетъ Алексѣй Нилычъ, которому нѣтъ основаній не вѣрять. Степанъ Трофимовичъ прослушалъ мои увѣренія съ разсѣяннымъ видомъ, какъ будто до него не касалось. Я кстати упомянулъ и о разговорѣ моемъ съ Кириловымъ и прибавилъ что Кириловъ можетъ-быть сумашедшій.

— Онъ не сумашедшій, но это люди съ коротенькими мыслями, — вяло и какъ бы нехотя проямилъ онъ. *Ces gens-là supposent la nature et la société humaine autres que Dieu ne les a faites et qu'elles ne sont réellement.*¹ Съ ними заигрываютъ, но по крайней мѣрѣ не Степанъ Верховенскій. Я видѣлъ ихъ тогда въ Петербургѣ, *avec cette chere amie* (о, какъ я тогда оскорблялъ ее!) и не только ихъ ругательствъ, — я даже ихъ похвалъ не испугался. Не испугаютъ и теперь, *mais parlons d'autre chose...*² я кажется ужасныхъ вещей надѣлалъ; вообразите, я отослалъ Дарьѣ Павловнѣ вчера письмо и.... какъ я клянусь себя за это!

— О чемъ же вы писали?

— О, другъ мой, повѣрьте что все это съ такимъ благородствомъ. Я увѣдомилъ ее что я написалъ къ *Nicolas*, еще дней пять назадъ и тоже съ благородствомъ.

— Понимаю теперь! вскричалъ я съ жаромъ, — и какое право имѣли вы ихъ такъ сопоставить?

— Но, *mon cher*, не давите же меня окончательно, не кричите на меня; я и то весь раздавленъ какъ.... какъ тараканъ, и наконецъ я думаю что все это такъ благородно. Предположите что тамъ что-нибудь дѣйствительно было.... *en Suisse...*³ или начиналось. Долженъ же я спросить сердца ихъ предварительно чтобы.... *enfin* чтобы не помѣшать серд-

¹ Эти люди представляютъ себе природу и человеческое общество иными, чемъ ихъ сотворилъ богъ и чемъ они являются въ действительности (*франц.*).

² но поговоримъ о другомъ (*франц.*).

³ в Швейцарии (*франц.*).

цамъ и не стать столбомъ на ихъ дорогѣ.... Я единственно изъ благородства.

— О Боже, какъ вы глупо сдѣлали! невольно сорвалось у меня.

— Глупо, глупо! подхватилъ онъ даже съ жадностію; никогда ничего не сказали вы умнѣе, *c'était bête, mais que faire, tout est dit.*¹ Все равно женюсь, хоть и на «чужихъ грѣхахъ», такъ къ чему же было и писать? Не правда ли?

— Вы опять за то же!

— О теперь меня не испугаете вашимъ крикомъ, теперь предъ вами уже не тотъ Степанъ Верховенскій; тотъ похороненъ; *enfin tout est dit.*² Да и чего кричите вы? Единственно потому что не сами женитесь и не вамъ придется носить извѣстное головное украшеніе. Опять васъ коробить? Бѣдный другъ мой, вы не знаете женщину, а я только и дѣлалъ что изучалъ ее. «Если хочешь побѣдить весь міръ, побѣди себя», единственно что удалось хорошо сказать другому такому же какъ и вы романтику, Шатову, братцу супруги моей. Охотно у него заимствую его изрѣченіе. Ну, вотъ и я готовъ побѣдить себя, и женюсь, а между тѣмъ что завоюю, вмѣсто цѣлаго-то міра? О другъ мой, бракъ — это нравственная смерть всякой гордой души, всякой независимости. Брачная жизнь развратитъ меня, отниметъ энергію, мужество въ служеніи дѣлу, пойдутъ дѣти, еще пожалуй не мои, — то-есть разумѣтся не мои; мудрый не боится заглянуть въ лицо истинѣ.... Липутинъ предлагалъ давеча спастись отъ Nicolas баррикадами; онъ глупъ, Липутинъ. Женщина обманетъ само всевидящее око. *Le bon Dieu*³, создавая женщину, ужь конечно зналъ чему подвергался, но я увѣренъ что она сама помѣшала Ему; сама захотѣла участвовать въ своемъ созданіи и сама заставила себя создать въ такомъ видѣ и.... съ такими атрибутами; иначе кто же захотѣлъ наживать себѣ такія хлопоты даромъ? Настасья, я знаю, можетъ и разсердится на меня за вольнодумство, но.... *Enfin tout est dit.*

Онъ не былъ бы самъ собою, еслибы обошелся безъ дешевенькаго, каламбурнаго вольнодумства, такъ процвѣтавшаго въ его время, по крайней мѣрѣ теперь утѣшилъ себя каламбурчикомъ, но не надолго.

— О, почему бы совѣмъ не быть этому послѣ завтра, этому воскресенью! воскликнулъ онъ вдругъ, но уже въ совершенномъ отчаяніи, — почему бы не быть хоть одной этой недѣлѣ безъ воскресенья — *si le miracle existe*⁴? Ну что бы стоило Провидѣнію вычеркнуть изъ счета хоть одно воскресенье, ну хоть для того чтобы доказать атеисту свое мо-

¹ это было глупо, но что делать, всё решено (*франц.*).

² словом, всё решено (*франц.*).

³ Господь Бог (*франц.*).

⁴ если чудеса бываютъ (*франц.*).

гущество et que tout soit dit¹! И замѣьте мой другъ, замѣьте что всѣ то мы знаемъ что все это совершенный вздоръ, и вотъ самые-то умнѣйшіе изъ насъ поминутно произносятъ такія желанія.... О, какъ я любилъ ее! двадцать лѣтъ, всѣ двадцать лѣтъ, и никогда-то она не понимала меня!

— Но про кого вы говорите; и я васъ не понимаю! вскричалъ я съ удивленіемъ.

— Vingt ans! И ни разу не поняла меня, о это жестоко! И неужели она думаетъ что я женюсь изъ страха, изъ нужды? О, позоръ! тетя, тетя, я для тебя!... О, пусть узнаетъ она, эта тетя, что она единственная женщина, которую я обожалъ двадцать лѣтъ! Она должна узнать это, иначе не будетъ, иначе только силой потащутъ меня подъ этотъ се qu'on appelle le² вѣнецъ!

Я въ первый разъ слышалъ это признаніе и такъ энергически высказанное. Не скрою что мнѣ ужасно хотѣлось засмѣяться. Я былъ не правъ.

— Одинъ, одинъ онъ мнѣ остался теперь, одна надежда моя! всплеснулъ онъ вдругъ руками, какъ бы внезапно пораженный новою мыслию, — теперь одинъ только онъ, мой бѣдный мальчикъ спасетъ меня и, — о, что же онъ не ѣдетъ! О сынъ мой, о мой Петруша.... и хоть я недостойнъ названія отца, а скорѣе тигра, но.... laissez moi mon ami³, я немножко полежу чтобы собраться съ мыслями. Я такъ усталъ, такъ усталъ, да и вамъ, я думаю, пора спать, voyez vous⁴, двѣнадцать часовъ....

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Хромоножка.

I.

Шатовъ не заупрямился и, по запискѣ моей, явился въ полдень къ Лизаветѣ Николаевнѣ. Мы вошли почти вмѣстѣ; я тоже явился сдѣлать мой первый визитъ. Они всѣ, то-есть Лиза, мама и Маврикій Николаевичъ, сидѣли въ большой залѣ и спорили. Мама требовала чтобы Лиза сыграла ей какой-то вальсъ на фортепіано, и когда та начала требуемый вальсъ, то стала увѣрять что вальсъ не тотъ. Маврикій Николаевичъ, по простотѣ своей, заступился за Лизу и сталъ увѣрять что вальсъ тотъ са-

¹ и пусть всё будетъ кончено (*франц.*).

² такъ называемый (*франц.*).

³ оставьте меня, мой другъ (*франц.*).

⁴ вы видите (*франц.*).

мый; старуха со злости расплакалась. Она была больна и съ трудомъ даже ходила. У ней распухли ноги, и вотъ уже нѣсколько дней только и дѣлала что капризничала и ко всѣмъ придиралась, несмотря на то что Лизу всегда побаивалась. Приходу нашему обрадовались. Лиза покраснѣла отъ удовольствія, и проговоривъ мнѣ мерсі, конечно за Шатова, пошла къ нему, любопытно его разсматривая.

Шатовъ неуклюже остановился въ дверяхъ. Поблагодаривъ его за приходъ, она подвела его къ мама.

— Это господинъ Шатовъ, про котораго я вамъ говорила, а это вотъ господинъ Г — въ, большой другъ мнѣ и Степану Трофимовичу. Маврикій Николаевичъ вчера тоже познакомился.

— А который профессоръ?

— А профессора вовсе и нѣтъ, мама.

— Нѣтъ есть, ты сама говорила что будетъ профессоръ; вѣрно вотъ этотъ, она брезгливо указала на Шатова.

— Во все никогда я вамъ не говорила что будетъ профессоръ. Господинъ Г — въ служитъ, а господинъ Шатовъ — бывший студентъ.

— Студентъ, профессоръ, все одно изъ университета. Тебѣ только бы спорить. А швейцарскій былъ въ усахъ и съ бородкой.

— Это мама сына Степана Трофимовича все профессоромъ называетъ, сказала Лиза и увела Шатова на другой конецъ залы на диванъ.

— Когда у ней ноги распухнутъ, она всегда такая, вы понимаете, больная, шепнула она Шатову, продолжая разсматривать его все съ тѣмъ же чрезвычайнымъ любопытствомъ и особенно его вихоръ на головѣ.

— Вы военный? обратилась ко мнѣ старуха, съ которою меня такъ безжалостно бросила Лиза.

— Нѣтъ-съ, я служу....

— Господинъ Г — въ большой другъ Степана Трофимовича, отозвалась тотчасъ же Лиза.

— Служите у Степана Трофимовича? Да вѣдь и онъ профессоръ?

— Ахъ, мама, вамъ вѣрно и ночью снятся профессора, съ досадою крикнула Лиза.

— Слишкомъ довольно и на яву. А ты вѣчно чтобы матери противорѣчить. Вы здѣсь когда Николай Всеволодовичъ пріѣзжалъ были, четыре года назадъ?

Я отвѣчалъ что былъ.

— А Англичанинъ тутъ былъ какой-нибудь вмѣстѣ съ вами?

— Нѣтъ, не былъ.

Лиза засмѣялась.

— А видишь что и не было совсѣмъ Англичанина, стало-быть враки. И Варвара Петровна и Степанъ Трофимовичъ оба врутъ. Да и всѣ врутъ.

— Это тетя и вчера Степанъ Трофимовичъ нашли будто бы сходство у Николая Всеволодовича съ принцемъ Гарри, у Шекспира въ Генрихѣ IV, и мама на это говоритъ что не было Англичанина, объяснила намъ Лиза.

— Коли Гарри не было, такъ и Англичанина не было. Одинъ Николай Всеволодовичъ куролесиль.

— Увѣряю васъ что это мама нарочно, нашла нужнымъ объяснить Шатову Лиза, — она очень хорошо про Шекспира знаетъ. Я ей сама первый актъ *Отелло* читала; но она теперь очень страдаетъ. Мама, слышите, двѣнадцать часовъ бьетъ, вамъ лѣкарство принимать пора.

— Докторъ пріѣхалъ, появилась въ дверяхъ горничная.

Старуха привстала и начала звать собачку: «Земирка, Земирка, пойдѣмъ хоть ты со мной.»

Скверная, старая, маленькая собачонка Земирка не слушалась и залѣзла подъ диванъ, гдѣ сидѣла Лиза.

— Не хочешь? Такъ и я тебя не хочу. Прощайте, батюшка, не знаю вашего имени, отчества, обратилась она ко мнѣ.

— Антонъ Лаврентьевичъ....

— Ну все равно, у меня въ одно ухо вошло, въ другое вышло. Не провожайте меня, Маврикій Николаевичъ, я только Земирку звала. Слава Богу еще и сама хожу, а завтра гулять поѣду.

Она сердито вышла изъ залы.

— Антонъ Лаврентьевичъ, вы тѣмъ временемъ поговорите съ Маврикіемъ Николаевичемъ, увѣряю васъ что вы оба выиграете если поближе познакомитесь, сказала Лиза и дружески усмѣхнулась Маврикію Николаевичу, который такъ весь и просіялъ отъ ея взгляда. Я, нечего дѣлать, остался говорить съ Маврикіемъ Николаевичемъ.

II.

Дѣло у Лизаветы Николаевны до Шатова, къ удивленію моему, оказалось въ самомъ дѣлѣ только литературнымъ. Не знаю почему, но мнѣ все думалось что она звала его за чѣмъ-то другимъ. Мы, то-есть я съ Маврикіемъ Николаевичемъ, видя что отъ насъ не таятся и говорятъ очень громко, стали прислушиваться; потомъ и насъ пригласили въ совѣтъ. Все состояло въ томъ что Лизавета Николаевна давно уже задумала изданіе одной полезной, по ея мнѣнію, книги, но по совершенной неопытности нуждалась въ сотрудникѣ. Серіозность съ которою она

принялась объяснять Шатову свой планъ даже меня изумила. «Должно-быть изъ новыхъ, подумалъ я, не даромъ въ Швейцаріи побывала.» Шатовъ слушалъ со вниманіемъ, уткнувъ глаза въ землю, и безъ малѣйшаго удивленія тому что свѣтская, разсѣянная барышня беретъ за такія, казалось бы, не подходящія ей дѣла.

Литературное предпріятіе было такого рода. Издается въ Россіи множество столичныхъ и провинціальныхъ газетъ и другихъ журналовъ, и въ нихъ ежедневно сообщается о множествѣ происшествій. Годъ отходить, газеты повсемѣстно складываются въ шкапы, или соряются, рвутся, идутъ на обертки и колпаки. Многіе опубликованные факты производятъ впечатлѣніе и остаются въ памяти публики, но потомъ съ годами забываются. Многіе желали бы потомъ справиться, но какой же трудъ разыскивать въ этомъ морѣ листовъ, часто не зная ни дня, ни мѣста, ни даже года случившагося происшествія? А между тѣмъ еслибы сокупить всѣ эти факты за цѣлый годъ въ одну книгу, по извѣстному плану и по извѣстной мысли, съ оглавленіями, указаніями, съ разрядомъ по мѣсяцамъ и числамъ, то такая совокупность въ одно цѣлое могла бы обрисовать всю характеристику русской жизни за весь годъ, несмотря даже на то что фактовъ публикуется чрезвычайно малая доля въ сравненіи со всѣмъ случившимся.

— Вмѣсто множества листовъ выйдетъ нѣсколько толстыхъ книгъ, вотъ и все, замѣтилъ Шатовъ.

Но Лизавета Николаевна горячо отстаивала свой замыселъ, несмотря на трудность и неумѣлость высказаться. Книга должна быть одна, даже не очень толстая — увѣряла она. Но положимъ хоть и толстая, но ясная, потому что главное въ планѣ и въ характерѣ представленія фактовъ. Конечно не все собирать и перепечатывать. Указы, дѣйствія правительства, мѣстныя распоряженія, законы, все это хоть и слишкомъ важные факты, но въ предполагаемомъ изданіи этого рода факты можно совсѣмъ выпустить. Можно многое выпустить и ограничиться лишь выборомъ происшествій болѣе или менѣе выражающихъ нравственную личную жизнь народа, личность Русскаго народа въ данный моментъ. Конечно все можетъ войти: куріозы, пожары, пожертвованія, всякія добрыя и дурныя дѣла, всякія слова и рѣчи, пожалуй даже извѣстія о разливахъ рѣкъ, пожалуй даже и нѣкоторые указы правительства, но изо всего выбирать только то что рисуетъ эпоху; все войдетъ съ извѣстнымъ взглядомъ, съ указаніемъ, съ намѣреніемъ, съ мыслию, освѣщающею все цѣлое, всю совокупность. И наконецъ, книга должна быть любопытна даже для легкаго чтенія, не говоря уже о томъ что необходима для справокъ. Это была бы такъ-сказать картина духовной, нравственной, вну-

тренней русской жизни за цѣлый годъ. «Нужно чтобы всѣ покупали, нужно чтобы книга обратилась въ настольную,» утверждала Лиза, — «я понимаю что все дѣло въ планѣ, а потому къ вамъ и обращаюсь,» заключила она. Она очень разгорячилась и, несмотря на то что объяснялась темно и не полно, Шатовъ сталъ понимать.

— Значить выйдетъ нѣчто съ направлениемъ, подборъ фактовъ подъ извѣстное направленіе, пробормоталъ онъ все еще не поднимая головы.

— Отнюдь нѣтъ, не надо подбирать подъ направленіе, и никакого направленія не надо. Одно безпристрастіе, вотъ направленіе.

— Да направленіе и не бѣда, зашевелился Шатовъ, — да и нельзя его избѣжать чуть лишь обнаружится хоть какой-нибудь подборъ. Въ подборѣ фактовъ и будетъ указаніе какъ ихъ понимать. Ваша идея не дурна.

— Такъ возможна стало-быть такая книга? обрадовалась Лиза.

— Надо посмотрѣть и сообразить. Дѣло это — огромное. Сразу ничего не выдумаешь. Опытъ нуженъ. Да и когда издадимъ книгу, врядъ-ли еще научимся какъ ее издавать. Развѣ послѣ многихъ опытовъ; но мысль наклеивается. Мысль полезная.

Онъ поднялъ наконецъ глаза, и они даже засіяли отъ удовольствія, такъ онъ былъ заинтересованъ.

— Это вы сами выдумали? ласково и какъ бы стыдливо спросилъ онъ у Лизы.

— Да вѣдь выдумать не бѣда, планъ бѣда, улыбалась Лиза, — я мало понимаю и не очень умна и преслѣдую только то что мнѣ самой ясно....

— Преслѣдуете?

— Вѣроятно не то слово? быстро освѣдомилась Лиза.

— Можно и это слово; я ничего.

— Мнѣ показалось еще за границей что можно и мнѣ быть чѣмъ-нибудь полезною. Деньги у меня свои и даромъ лежатъ, почему же и мнѣ не поработать для общаго дѣла? Къ тому же мысль какъ-то сама собой вдругъ пришла; я нисколько ее не выдумывала и очень ей обрадовалась; но сейчасъ увидела что нельзя безъ сотрудника, потому что ничего сама не умѣю. Сотрудникъ, разумѣется, станетъ и соиздателемъ книги. Мы пополамъ: вашъ планъ и работа, моя первоначальная мысль и средства къ изданію. Вѣдь окупится книга?

— Если откопаемъ вѣрный планъ, то книга пойдетъ.

— Предупреждаю васъ что я не для барышей, но очень желаю расходу книги и буду горда барышами.

— Ну а я тутъ при чемъ?

— Да вѣдь я же васъ и зову въ сотрудники.... пополамъ. Вы планъ выдумаете.

— Почему же вы знаете что я въ состояніи планъ выдумать?

— Мнѣ о васъ говорили, и здѣсь я слышала... я знаю что вы очень умны и... занимаетесь дѣломъ и... думаете много; мнѣ о васъ Петръ Степановичъ Верховенскій въ Швейцаріи говорилъ, торопливо прибавила она. — Онъ очень умный человѣкъ, не правда ли?

Шатовъ мгновеннымъ, едва скользнувшимъ взглядомъ посмотрѣлъ на нее, но тотчасъ же опустилъ глаза.

— Мнѣ и Николай Всеволодовичъ о васъ тоже много говорилъ....

Шатовъ вдругъ покраснѣлъ.

— Впрочемъ вотъ газеты, торопливо схватила Лиза со стула приготовленную и перевязанную пачку газетъ, — я здѣсь попробовала на выборъ отмѣтить факты, подборъ сдѣлать и номера поставила... вы увидите.

Шатовъ взялъ свертокъ.

— Возьмите домой, посмотрите, вы вѣдь гдѣ живете?

— Въ Богоявленской улицѣ, въ домѣ Филиппова.

— Я знаю. Тамъ тоже, говорятъ, кажется какой-то капитанъ живетъ подлѣ васъ, господинъ Лебядкинъ? все попрежнему торопилась Лиза.

Шатовъ съ пачкой въ рукѣ, на отлетѣ, какъ взялъ, такъ и просидѣлъ цѣлую минуту безъ отвѣта, смотря въ землю.

— На эти дѣла вы бы выбрали другаго, а я вамъ вовсе не годенъ буду, проговорилъ онъ наконецъ, какъ-то ужасно странно понизивъ голосъ, почти шепотомъ.

Лиза вспыхнула.

— Про какія дѣла вы говорите? Маврикій Николаевичъ! крикнула она, — пожалуйста сюда давешнее письмо.

Я тоже за Маврикіемъ Николаевичемъ подошелъ къ столу.

— Посмотрите это, обратилась она вдругъ ко мнѣ, въ большомъ волненіи развертывая письмо. — Видали ли вы когда что-нибудь похожее? Пожалуста прочтите вслухъ; мнѣ надо чтобъ и господинъ Шатовъ слышалъ.

Съ немалымъ изумленіемъ прочелъ я вслухъ слѣдующее посланіе:

Совершенству дѣвицы Тушиной.

Милостивая государыня

Елизавета Николаевна!

О какъ мила она,
Елизавета Тушина,
Когда съ родственникомъ на дамскомъ сѣдлѣ летаетъ,
А локонъ ея съ вѣтрами играетъ,
Или когда съ матерью въ церкви падаетъ ницъ,
И зрится румянецъ благоговѣйныхъ лицъ!
Тогда брачныхъ и законныхъ наслажденій желаю
И вслѣдъ ей, вмѣстѣ съ матерью, слезу посылаю.

Составилъ неученый за споромъ.

«Милостивая государыня!

Всѣхъ болѣе жалѣю себя что въ Севастополѣ не лишился руки для славы, не бывъ тамъ вовсе, а служилъ всю кампанію по сдачѣ подлаго провіанта, считая низостью. Вы богиня въ древности, а я ничто и догадался о безпредѣльности. Смотрите какъ на стихи, но не болѣе, ибо стихи все-таки вздоръ и оправдываютъ то что въ прозѣ считается дерзостью. Можетъ ли солнце разсердиться на инфузорію, если та сочинить ему изъ капли воды, гдѣ ихъ множество, если въ микроскопъ? Даже самый клубъ человѣколюбія къ крупнымъ скотамъ въ Петербургѣ при высшемъ обществѣ, сострадая по праву собакъ и лошади, презираетъ кроткую инфузорію, не упомяная о ней вовсе, потому что не доросла. Не доросъ и я. Мысль о бракѣ показалась бы уморительною; но скоро буду имѣть бывшія двѣсти душъ чрезъ человѣконенавистника, котораго презирайте. Могу многое сообщить и вызываюсь по документамъ даже въ Сибирь. Не презирайте предложенія. Письмо отъ инфузоріи разумѣть въ стихахъ.

Капитанъ Лебядкинъ, покорнѣйшій
другъ и имѣетъ досугъ.»

— Это писалъ человѣкъ въ пьяномъ видѣ и негодяй! вскричалъ я въ негодованіи, — я его знаю!

— Это письмо я получила вчера, покраснѣвъ и торопясь стала объяснять намъ Лиза, — я тотчасъ же и сама поняла что отъ какого-нибудь глупца и до сихъ поръ еще не показала тапан, чтобы не разстроить ее еще болѣе. Но если онъ будетъ опять продолжать, то я не знаю какъ сдѣлать. Маврикій Николаевичъ хочетъ сходить запретить ему. Такъ какъ я на васъ смотрѣла какъ на сотрудника, обратилась она къ Шато-

ву, — и такъ какъ вы тамъ живете, то я и хотѣла васъ разспросить чтобы судить чего еще отъ него ожидать можно.

— Пьяный человѣкъ и негодяй, пробормоталъ какъ бы нехотя Шатовъ.

— Что жъ, онъ все такой глупый?

— И, нѣтъ, онъ не глупый совсѣмъ, когда не пьяный.

— Я зналъ одного генерала который писалъ точь въ точь такіе стихи, замѣтилъ я смѣясь.

— Даже и по этому письму видно что себѣ на умѣ, неожиданно ввернулъ молчаливый Маврикій Николаевичъ.

— Онъ, говорятъ, съ какой-то сестрой? спросила Лиза.

— Да, съ сестрой.

— Онъ, говорятъ, ее тиранить, правда это?

Шатовъ опять поглядѣлъ на Лизу, насупился и проворчавъ: «какое мнѣ дѣло!» подвинулся къ дверямъ.

— Ахъ, постойте, тревожно вскричала Лиза, — куда же вы? Намъ такъ много еще остается переговорить....

— О чемъ же говорить? Я завтра дамъ знать....

— Да о самомъ главномъ, о типографіи! Повѣрьте же что я не въ шутку, а серіозно хочу дѣло дѣлать, увѣряла Лиза все въ возрастающей тревогѣ. — Если рѣшимъ издавать, то гдѣ же печатать? Вѣдь это самый важный вопросъ, потому что въ Москву мы для этого не поѣдемъ, а въ здѣшней типографіи невозможно для такого изданія. Я давно рѣшилась завести свою типографію, на ваше хоть имя, и мама, я знаю, позволить, если только на ваше имя....

— Почему же вы знаете что я могу быть типографщикомъ? угрюмо спросилъ Шатовъ.

— Да мнѣ еще Петръ Степановичъ въ Швейцаріи именно на васъ указалъ, что вы можете вести типографію и знакомы съ дѣломъ. Даже записку хотѣлъ отъ себя къ вамъ дать, да я забыла.

Шатовъ, какъ припоминаю теперь, измѣнился въ лицѣ. Онъ постоялъ еще нѣсколько секундъ и вдругъ вышелъ изъ комнаты.

Лиза разсердилась.

— Онъ всегда такъ выходитъ? повернулась она ко мнѣ.

Я пожалъ было плечами, но Шатовъ вдругъ воротился, прямо подошелъ къ столу и положилъ взятый имъ свертокъ газетъ:

— Я не буду сотрудникомъ, не имѣю времени....

— Почему же, почему же? Вы кажется разсердились? огорченнымъ и умоляющимъ голосомъ спрашивала Лиза.

Звукъ ея голоса какъ будто поразилъ его; нѣсколько мгновений онъ пристально въ нее всматривался, точно желая проникнуть въ самую ея душу.

— Все равно, пробормоталъ онъ тихо, — я не хочу....

И ушелъ совсѣмъ. Лиза была совершенно поражена, даже какъ-то совсѣмъ и не въ мѣру; такъ показалось мнѣ.

— Удивительно странный человѣкъ! громко замѣтилъ Маврикій Николаевичъ.

III.

Конечно «странный», но во всемъ этомъ было чрезвычайно много неяснаго. Тутъ что-то подразумѣвалось. Я рѣшительно не вѣрилъ этому изданію; потомъ это глупое письмо, но въ которомъ слишкомъ ясно предлагался какой-то доносъ «по документамъ» и о чемъ всѣ они промолчали, а говорили совсѣмъ о другомъ, наконецъ эта типографія и внезапный уходъ Шатова именно потому что заговорили о типографіи. Все это навело меня на мысль что тутъ еще прежде меня что-то произошло и о чемъ я не знаю; что стало-быть я лишній и что все это не мое дѣло. Да и пора было уходить, довольно было для перваго визита. Я подошелъ откланяться Лизаветѣ Николаевнѣ.

Она, кажется, и забыла что я въ комнатѣ и стояла все на томъ же мѣстѣ у стола, очень задумавшись, склонивъ голову и неподвижно смотря въ одну выбранную на коврѣ точку.

— Ахъ и вы, до свиданія, пролепетала она привычно-ласковымъ тономъ. — Передайте мой поклонъ Степану Трофимовичу и уговорите его придти ко мнѣ поскорѣй. Маврикій Николаевичъ, Антонъ Лаврентьевичъ уходятъ. Извините, мама не можетъ выйти съ вами проститься....

Я вышелъ и даже сошелъ уже съ лѣстницы, какъ вдругъ лакей догналъ меня на крыльцѣ:

— Барыня очень просили воротиться....

— Барыня или Лизавета Николаевна?

— Онѣ-съ.

Я нашелъ Лизу уже не въ той большой залѣ гдѣ мы сидѣли, а въ ближайшей пріемной комнатѣ. Въ ту залу, въ которой остался теперь Маврикій Николаевичъ одинъ, дверь была притворена наглухо.

Лиза улыбнулась мнѣ, но была блѣдна. Она стояла посреди комнаты въ видимой нерѣшимости, въ видимой борьбѣ; но вдругъ взяла меня за руку и молча, быстро подвела къ окну.

— Я немедленно хочу *ее* видѣть, прошептала она, устремивъ на меня горячій, сильный, нетерпѣливый взглядъ, не допускающій и тѣни

противорѣчія; — я должна *ее* видѣть собственными глазами и прошу вашей помощи.

Она была въ совершенномъ изступленіи и — въ отчаяніи.

— Кого вы желаете видѣть, Лизавета Николаевна? освѣдомился я въ испугѣ.

— Эту Лебядкину, эту хромую... Правда что она хромая?

Я былъ пораженъ.

— Я никогда не видалъ ея, но я слышалъ что она хромая, вчера еще слышалъ, лепеталъ я съ торопливою готовностію и тоже шепотомъ.

— Я должна *ее* видѣть непременно. Могли бы вы это устроить сегодня же?

Мнѣ стало ужасно *ее* жалко.

— Это невозможно и къ тому же я совершенно не понималъ бы какъ это сдѣлать, началъ было я уговаривать, — я пойду къ Шатову...

— Если вы не устроите къ завтраму, то я сама къ ней пойду, одна, потому что Маврикій Николаевичъ отказался. Я надѣюсь только на васъ и больше у меня нѣтъ никого; я глупо говорила съ Шатовымъ... Я увѣрена что вы совершенно честный и, можетъ-быть, преданный мнѣ человекъ, только устройте.

У меня явилось страстное желаніе помочь ей во всемъ.

— Вотъ что я сдѣлаю, подумалъ я капельку, — я пойду самъ и сегодня навѣрно, *навѣрно* *ее* увижу! Я такъ сдѣлаю что увижу, даю вамъ честное слово; но только — позвольте мнѣ ввѣриться Шатову.

— Скажите ему что у меня такое желаніе и что я больше ждать не могу, но что я его сейчасъ не обманывала. Онъ можетъ-быть ушелъ потому что онъ очень честный и ему не понравилось что я какъ будто обманывала. Я не обманывала; я въ самомъ дѣлѣ хочу издавать и основать типографію....

— Онъ честный, честный, подтверждалъ я съ жаромъ.

— Впрочемъ если къ завтраму не устроится, то я сама пойду, что бы ни вышло и хотя бы всѣ узнали.

— Я раньше какъ къ тремъ часамъ не могу у васъ завтра быть, замѣтилъ я нѣсколько опомнившись.

— Стало-быть въ три часа. Стало-быть правду я предположила вчера у Степана Трофимовича что вы — нѣсколько преданный мнѣ человекъ? улыбнулась она, торопливо пожимая мнѣ на прощаньи руку и спѣша къ оставленному Маврикію Николаевичу.

Я вышелъ подавленный моимъ обѣщаніемъ и не понималъ что такое произошло. Я видѣлъ женщину въ настоящемъ отчаяніи, не побоявшуюся скомпрометтировать себя довѣренностію почти къ незнакомому ей че-

ловѣку. Ея женственная улыбка въ такую трудную для нея минуту и намекъ что она уже замѣтила вчера мои чувства точно рѣзнулъ меня по сердцу; но мнѣ было жалко, жалко, — вотъ и все! Секреты ея стали для меня вдругъ чѣмъ-то священнымъ и еслибы даже мнѣ стали открывать ихъ теперь, то я бы кажется заткнулъ уши и не захотѣлъ слушать ничего дальше. Я только нѣчто предчувствовалъ... И однакожь я совершенно не понималъ какимъ образомъ я что-нибудь тутъ устрою. Мало того, я все-таки и теперь не зналъ что именно надо устроить: свиданье, но какое свиданье? Да и какъ ихъ свести? Вся надежда была на Шатова, хотя я и могъ знать заранѣе что онъ ни въ чемъ не поможетъ. Но я все-таки бросился къ нему.

IV.

Только вечеромъ, уже въ восьмомъ часу, я засталъ его дома. Къ удивленію моему, у него сидѣли гости — Алексѣй Нилычъ и еще одинъ полузнакомый мнѣ господинъ, нѣкто Шигалевъ, родной братъ жены Виргинскаго.

Этотъ Шигалевъ должно-быть уже мѣсяца два какъ гостилъ въ нашемъ городѣ; не знаю откуда пріѣхалъ; я слышалъ про него только что онъ напечаталъ въ одномъ прогрессивномъ петербургскомъ журналѣ какую-то статью. Виргинскій познакомилъ меня съ нимъ случайно, на улицѣ. Въ жизнь мою я не видалъ въ лицѣ человѣка такой мрачности, нахмуренности и пасмурности. Онъ смотрѣлъ такъ какъ будто ждалъ разрушенія міра, и не то чтобы когда-нибудь, по пророчествамъ, которыя могли бы и не состояться, а совершенно опредѣленно, такъ-этакъ послѣ завтра утромъ, ровно въ двадцать пять минутъ одиннадцатаго. Мы впрочемъ тогда почти ни слова и не сказали, а только пожали другъ другу руки съ видомъ двухъ заговорщиковъ. Всего болѣе поразили меня его уши неестественной величины, длинныя, широкія и толстыя, какъ-то особенно врознь торчавшія. Движенія его были неуклюжи и медленны. Если Липутинъ и мечталъ когда-нибудь что фаланстера могла бы осуществиться въ нашей губерніи, то этотъ навѣрное зналъ день и часъ когда это сбудется. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе зловѣщее; встрѣтивъ же его у Шатова теперь, я подивился, тѣмъ болѣе что Шатовъ и вообще былъ до гостей не охотникъ.

Еще съ лѣстницы слышно было что они разговариваютъ очень громко, всѣ трое разомъ, и кажется спорятъ; но только-что я появился, всѣ замолчали. Они спорили стоя, а теперь вдругъ всѣ сѣли, такъ что и я долженъ былъ сѣсть. Глупое молчаніе не нарушалось минуты три полныхъ. Шигалевъ хотя и узналъ меня, но сдѣлалъ видъ что не знаетъ, и

навѣрно не по враждѣ, а такъ. Съ Алексѣемъ Нилычемъ мы слегка раскланялись, но молча и почему-то не пожали другъ другу руки. Шигалевъ началъ наконецъ смотрѣть на меня строго и нахмуренно, съ самою наивною увѣренностію что я вдругъ встану и уйду. Наконецъ Шатовъ привсталъ со стула, и всѣ тоже вдругъ вскочили. Они вышли не прощаясь, только Шигалевъ уже въ дверяхъ сказалъ провожавшему Шатову:

— Помните что вы обязаны отчетомъ.

— Наплевать на ваши отчеты и никакому чорту я не обязанъ, проводилъ его Шатовъ и заперъ дверь на крюкъ.

— Кулики! сказалъ онъ поглядѣвъ на меня и какъ-то криво усмѣхнувшись.

Лицо у него было сердитое, и странно мнѣ было что онъ самъ заговорилъ. Обыкновенно случалось прежде, всегда когда я заходилъ къ нему (впрочемъ очень рѣдко), что онъ нахмуренно садился въ уголь, сердито отвѣчалъ и только послѣ долгаго времени совершенно оживлялся и начиналъ говорить съ удовольствіемъ. За то, прощаясь, опять, всякій разъ, непремѣнно нахмуривался и выпускалъ васъ точно выживалъ отъ себя своего личнаго непріятеля.

— Я у этого Алексѣя Нилыча вчера чай пилъ, замѣтилъ я; — онъ кажется помѣшанъ на атеизмѣ.

— Русскій атеизмъ никогда дальше каламбура не заходилъ, проворчалъ Шатовъ, вставляя новую свѣчу вмѣсто прежняго огарка.

— Нѣтъ, этотъ, мнѣ показалось, не каламбурщикъ; онъ и просто говорить кажется не умѣетъ, не то что каламбуриуть.

— Люди изъ бумажки; отъ лакейства мысли все это, спокойно замѣтилъ Шатовъ, присѣвъ въ углу на стулѣ и упершись обѣими ладонями въ колѣни.

— Ненависть тоже тутъ есть, произнесъ онъ помолчавъ съ минутой; — они первые были бы страшно несчастливы, еслибы Россія какъ-нибудь вдругъ перестроилась, хотя бы даже на ихъ ладъ, и какъ-нибудь вдругъ стала безмѣрно богата и счастлива. Некого было бы имъ тогда ненавидѣть, не на кого плевать, не надъ чѣмъ издѣваться! Тутъ одна только животная, безконечная ненависть къ Россіи, въ организмъ вѣвшающаяся.... И никакихъ невидимыхъ міру слезъ изъ-подъ видимаго смѣха тутъ нѣту! Никогда еще не было сказано на Руси болѣе фальшиваго слова какъ про эти незримыя слезы! вскричалъ онъ почти съ яростью.

— Ну ужъ это вы Богъ знаетъ что! засмѣялся я.

— А вы — «умѣренный либераль», захохоталъ вдругъ и Шатовъ. — Знаете, подхватилъ онъ вдругъ, — я можетъ и сморозилъ про

«лакейство мысли»; вы вѣрно мнѣ тотчасъ же скажете: «Это ты родился отъ лакея, а я не лакей».

— Вовсе я не хотѣлъ сказать.... что вы!

— Да вы не извиняйтесь, я васъ не боюсь. Тогда я только отъ лакея родился, а теперь и самъ сталъ лакеемъ, такимъ же какъ и вы. Нашъ русскій либераль прежде всего лакей и только и смотритъ какъ бы кому-нибудь сапоги вычистить.

— Какіе сапоги? Что за аллегорія?

— Какая тутъ аллегорія! Вы, я вижу, смѣтаетесь.... Степанъ Трофимовичъ правду сказалъ что я подъ камнемъ лежу, раздавленъ, да не раздавленъ и только корчусь; это онъ хорошо сравнилъ.

— Степанъ Трофимовичъ увѣряетъ что вы помѣшались на Нѣмцахъ, смѣялся я, — мы съ Нѣмцевъ все же что-нибудь да стащили себѣ въ карманъ.

— Двугривенный взяли, а сто рублей своихъ отдали.

Съ минуту мы помолчали.

— А это онъ въ Америкѣ себѣ належалъ.

— Кто? Что належалъ?

— Я про Кирилова. Мы съ нимъ тамъ четыре мѣсяца въ избѣ на полу пролежали.

— Да развѣ вы ѣздили въ Америку? удивился я; — вы никогда не говорили.

— Чего разказывать. Третьяго года мы отправились втроемъ на эмигрантскомъ пароходѣ въ Американскіе Штаты на послѣдніа деньжишки «чтобы испробовать на себѣ жизнь американскаго рабочаго и такимъ образомъ *личнымъ* опытомъ провѣрить на себѣ состояніе человѣка въ самомъ тяжеломъ его общественномъ положеніи». Вотъ съ какою цѣлью мы отправились.

— Господи! засмѣялся я, — да вы бы лучше для этого куда-нибудь въ губернію нашу отправились въ страдную пору «чтобъ испытать личнымъ опытомъ», а то понесло въ Америку!

— Мы тамъ нанялись въ работники къ одному эксплуататору; всѣхъ насъ Русскихъ собралось у него человѣкъ шесть, — студенты, даже помѣщики изъ своихъ помѣстій, даже офицеры были, и все съ тою же величественною цѣлью. Ну и работали, мокли, мучились, уставали, наконецъ я и Кириловъ ушли — заболѣли, не выдержали. Эксплуататоръ-хозяинъ насъ при разчетѣ обсчиталъ, вмѣсто тридцати долларовъ по условію, заплатилъ мнѣ восемь, а ему пятнадцать; тоже и бивали насъ тамъ не разъ. Ну тутъ-то безъ работы мы и пролежали съ Кирило-

вымъ въ городишкѣ на полу четыре мѣсяца рядомъ; онъ объ одномъ думалъ, а я о другомъ.

— Неужто хозяинъ васъ билъ, это въ Америкѣ-то? Ну какъ должно-быть вы ругали его!

— Ничуть. Мы напротивъ тотчасъ рѣшили съ Кириловымъ что «мы Русскіе предъ Американцами маленькіе ребяташки, и нужно родиться въ Америкѣ или по крайней мѣрѣ сжитья долгими годами съ Американцами чтобы стать съ ними въ уровень». Да что: когда съ насъ за копѣечную вещь спрашивали по доллару, то мы платили не только съ удовольствіемъ, но даже съ увлеченіемъ. Мы все хвалили: спиритизмъ, законъ Линча, револьверы, бродягъ. Разъ мы ѣдемъ, а человѣкъ полѣзъ въ мой карманъ, вынулъ мою головную щетку и сталъ причесываться; мы только переглянулись съ Кириловымъ и рѣшили что это хорошо и что это намъ очень нравится....

— Странно что это у насъ не только заходитъ въ голову, но и исполняется, замѣтилъ я.

— Люди изъ бумажки, повторилъ Шатовъ.

— Но однакожь переплывать Океанъ на эмигрантскомъ пароходѣ, въ неизвѣстную землю, хотя бы и съ цѣлью «узнать личнымъ опытомъ» и т. д. — въ этомъ ей-Богу есть какъ будто какая-то великодушная твердость.... Да какъ же вы оттуда выбрались?

— Я къ одному человѣку въ Европу написалъ, и онъ мнѣ прислалъ сто рублей.

Шатовъ, разговаривая, все время по обычаю своему упорно смотрѣлъ въ землю, даже когда и горячился. Тутъ же вдругъ поднялъ голову:

— А хотите знать имя человѣка?

— Кто же таковъ?

— Николай Ставрогинъ.

Онъ вдругъ всталъ, повернулся къ своему липовому письменному столу и началъ на немъ что-то шарить. У насъ ходилъ неясный, но достовѣрный слухъ, что жена его нѣкоторое время находилась въ связи съ Николаемъ Ставрогинымъ въ Парижѣ и именно года два тому назадъ, значитъ когда Шатовъ былъ въ Америкѣ, — правда, уже давно послѣ того какъ оставила его въ Женевѣ. «Если такъ, то зачѣмъ же его дернуло теперь съ именемъ вызваться и размазывать?» подумалось мнѣ.

— Я еще ему до сихъ поръ не отдалъ, оборотился онъ ко мнѣ вдругъ опять, и поглядѣвъ на меня пристально, усѣлся на прежнее мѣсто въ углу и отрывисто спросилъ совѣмъ уже другимъ голосомъ:

— Вы конечно зачѣмъ-то пришли; что вамъ надо?

Я тотчасъ же разказалъ все, въ точномъ историческомъ порядкѣ, и прибавилъ что хоть я теперь и успѣлъ одуматься послѣ давешней горячки, но еще болѣе спутался: понялъ что тутъ что-то очень важное для Лизаветы Николаевны, крѣпко желалъ бы помочь, но вся бѣда въ томъ что не только не знаю какъ сдержать данное ей обѣщаніе, но даже не понимаю теперь что именно ей обѣщаль. Затѣмъ внушительно подтвердилъ ему еще разъ что она не хотѣла и не думала его обманывать, что тутъ вышло какое-то недоразумѣніе и что она очень огорчена его необыкновеннымъ давешнимъ уходомъ.

Онъ очень внимательно выслушалъ.

— Можетъ-быть я, по моему обыкновенію, дѣйствительно давеча глупость сдѣлалъ.... Ну, если она сама не поняла отчего я такъ ушелъ, такъ.... ей же лучше.

Онъ всталъ, подошелъ къ двери, пріотворилъ ее и сталъ слушать на лѣстницу.

— Вы желаете эту особу сами увидѣть?

— Этого-то и надо, да какъ это сдѣлать? вскочилъ я обрадовавшись.

— А просто пойдете, пока одна сидитъ. Онъ придетъ, такъ избьетъ ее коли узнаетъ что мы приходили. Я часто хожу потихоньку. А я его давеча прибилъ, когда онъ опять ее бить началъ.

— Что вы это?

— Именно; за волосы отъ нея отволокъ; онъ было хотѣлъ меня за это отколотить, да я испугалъ его, тѣмъ и кончилось. Боюсь пьяный воротится, припомнить — крѣпко ее за то исколотить.

Мы тотчасъ же сошли внизъ.

V.

Дверь къ Лебядкинымъ была только притворена, а не заперта, и мы вошли свободно. Все помѣщеніе ихъ состояло изъ двухъ гаденькихъ небольшихъ комнатокъ, съ закоптѣлыми стѣнами, на которыхъ буквально висѣли ключьями грязные обои. Тутъ когда-то нѣсколько лѣтъ содержалась харчевня, пока хозяинъ Филипповъ не перенесъ ее въ новый домъ. Остальныя, бывшія подъ харчевней комнаты, были теперь заперты, а эти двѣ достались Лебядкину. Мебель состояла изъ простыхъ лавокъ и тесовыхъ столовъ, кромѣ одного лишь стараго кресла безъ ручки. Во второй комнатѣ въ углу стояла кровать подъ ситцевымъ одѣяломъ, принадлежавшая m-ше Лебядкиной, самъ же капитанъ, ложась на ночь, валился каждый разъ на полъ, нерѣдко въ чемъ былъ. Вездѣ было накрошено, насорено, намочено; большая, толстая, вся мокрая тряпка лежала въ

первой комнатѣ посреди пола и тутъ же въ той же лужѣ старый истоптанный башмакъ. Видно было что тутъ никто ничѣмъ не занимается; печи не топятся, кушанье не готовится; самовара даже у нихъ не было, какъ подробнѣе разказалъ Шатовъ. Капитанъ пріѣхалъ съ сестрой совершенно нищимъ и, какъ говорилъ Липутинъ, дѣйствительно сначала ходилъ по инымъ домамъ побираться; но получивъ неожиданно деньги, тотчасъ же запилъ и совсѣмъ ошалѣлъ отъ вина, такъ что ему было уже не до хозяйства.

М-ше Лебядкина, которую я такъ желалъ видѣть, смиренно и неслышно сидѣла во второй комнатѣ въ углу, за тесовымъ кухоннымъ столомъ, на лавкѣ. Она насъ не окликнула, когда мы отворяли дверь, не двинулась даже съ мѣста. Шатовъ говорилъ что у нихъ и дверь не запирается, а однажды такъ настужъ въ сѣни всю ночь и простояла. При свѣтѣ тусклой тоненькой свѣчки въ желѣзномъ подсвѣчникѣ, я разглядѣлъ женщину лѣтъ можетъ-быть тридцати, болѣзненно худощавую, одѣтую въ темное старенькое ситцевое платье, съ ничѣмъ не прикрытою длиною шеей и съ жиденькими темными волосами, свернутыми на затылкѣ въ узелокъ, толщиною въ кулачокъ двухлѣтняго ребенка. Она посмотрѣла на насъ довольно весело; кромѣ подсвѣчника, предъ нею на столѣ находилось маленькое деревенское зеркальце, старая колода картъ, истрепанная книжка какого-то пѣсенника и нѣмецкая бѣлая булочка, отъ которой было уже разъ или два откушено. Замѣтно было что м-ше Лебядкина бѣлится и румянится и губы чѣмъ-то мажетъ. Сурмить тоже брови и безъ того длинныя, тонкія и темныя. На узкомъ и высокомъ лбу ея, несмотря на бѣлила, довольно рѣзко обозначались три длинныя морщинки. Я уже зналъ что она хромая, но въ этотъ разъ при насъ она не вставала и не ходила. Когда-нибудь, въ первой молодости, это исхудавшее лицо могло быть и недурнымъ; но тихіе, ласковые, сѣрые глаза ея были и теперь еще замѣчательны; что-то мечтательное и искреннее свѣтилось въ ея тихомъ, почти радостномъ взглядѣ. Эта тихая, спокойная радость, выразившаяся и въ улыbkѣ ея, удивила меня послѣ всего что я слышалъ о казацкой нагайкѣ и о всѣхъ безчинствахъ братца. Странно что вмѣсто тяжелаго и даже боязливаго отвращенія, ощущаемаго обыкновенно въ присутствіи всѣхъ подобныхъ, наказанныхъ Богомъ существъ — мнѣ стало почти пріятно смотрѣть на нее, съ первой же минуты, и только развѣ жалость, но отнюдь не отвращеніе, овладѣла мною потомъ.

— Вотъ такъ и сидитъ, и буквально по цѣлымъ днямъ одна одишенька, и не двинется, гадаеть или въ зеркальце смотрится, — указалъ мнѣ на нее съ порога Шатовъ, — онъ вѣдь ея и не кормитъ. Старуха

изъ флигеля принесетъ иной разъ чего-нибудь Христа ради; какъ это со свѣчой ее одну оставляютъ!

Къ удивленію моему Шатовъ говорилъ громко, точно бы ея и не было въ комнатѣ.

— Здравствуй, Шатушка! привѣтливо проговорила m-ше Лебядкина.

— Я тебѣ Марья Тимоѳеевна гостя привелъ, сказалъ Шатовъ.

— Ну гостю честь и будетъ. Не знаю кого ты привелъ, чтой то не помню этакого, поглядѣла она на меня пристально изъ-за свѣчки и тотчасъ же опять обратилась къ Шатову, (а мною уже больше совсѣмъ не занималась во все время разговора, точно бы меня и не было подлѣ нея).

— Соскучилось что ли одному по свѣтелкѣ шагать? засмѣялась она, причемъ открылись два ряда превосходныхъ зубовъ ея.

— И соскучилось и тебя навѣстить захотѣлось.

Шатовъ подвинулъ къ столу скамейку, сѣлъ и меня посадилъ съ собой рядомъ.

— Разговору я всегда рада, только все-таки смѣшонъ ты мнѣ, Шатушка, точно ты монахъ. Когда ты чесался-то? Дай я тебя еще причешу, вынула она изъ кармана гребешокъ, — небось съ того раза какъ я причесала и не притронулся?

— Да у меня и гребенки-то нѣтъ, засмѣялся Шатовъ.

— Вправду? Такъ я тебѣ свою подарю, не эту, а другую, только на-помни.

Съ самымъ серіознымъ видомъ принялась она его причесывать, провела даже съ боку проборъ, откинулась немножко назадъ, поглядѣла хорошо ли, и положила гребенку опять въ карманъ.

— Знаешь что, Шатушка, покачала она головой, — человекъ ты, пожалуй, и разсудительный, а скучаешь. Странно мнѣ на всѣхъ васъ смотрѣть; не понимаю я какъ это люди скучаютъ. Тоска не скука. Мнѣ весело.

— И съ братцемъ весело?

— Это ты про Лебядкина? Онъ мой лакей. И совсѣмъ мнѣ все равно, тутъ онъ, или нѣтъ. Я ему крикну: Лебядкинъ, принеси воды, Лебядкинъ, подавай башмаки, онъ и бѣжить; иной разъ согрѣшишь, смѣшно на него станеть.

— И это точъ въ точъ такъ, опять громко и безъ церемоніи обратился ко мнѣ Шатовъ; — она его третируетъ совсѣмъ какъ лакея; самъ я слышалъ какъ она кричала ему: «Лебядкинъ, подай воды» и при этомъ хохотала; въ томъ только разница что онъ не бѣжить за водой, а бьетъ ее за это; но она нисколько его не боится. У ней какіе-то припадки нерв-

ные, чуть не ежедневные, и ей память отбиваютъ, такъ что она послѣ нихъ все забываетъ что сейчасъ было и всегда время перепутываетъ. Вы думаете она помнитъ какъ мы вошли; можетъ и помнитъ, но ужь навѣрно передѣлала все по своему и насъ принимаетъ теперь за какихъ-нибудь иныхъ, чѣмъ мы есть, хотъ и помнитъ что я Шатушка. Это ничего что я громко говорю; тѣхъ которые не съ нею говорятъ она тотчасъ же перестаетъ слушать и тотчасъ же бросается мечтать про себя; именно бросается. Мечтательница чрезвычайная; по восьми часовъ, по цѣлому дню сидитъ на мѣстѣ. Вотъ булка лежитъ, она ее можетъ съ утра только разъ закусила, а докончить завтра. Вотъ въ карты теперь гадать начала....

— Гадаю-то я гадаю, Шатушка, да не то какъ-то выходитъ, подхватила вдругъ Марья Тимоѣевна, разслушавъ послѣднее словцо и не глядя протянула лѣвую руку къ булкѣ (тоже вѣроятно разслушавъ и про булку). Булочку она наконецъ захватила, но, продержавъ нѣсколько времени въ лѣвой рукѣ и увлекшись возникшимъ вновь разговоромъ, положила не примѣчая опять на столъ, не откусивъ ни разу.

— Все одно выходитъ: дорога, злой человѣкъ, чье-то коварство, смертная постеля, откуда-то письмо, нечаянное извѣстiе — враки все это я думаю, Шатушка, какъ по твоему? Коли люди врутъ, почему картамъ не врать? смѣшала она вдругъ карты. — Это самое я матери Прасковѣ разъ говорю, почтенная она женщина, забѣгала ко мнѣ все въ келью въ карты погадать, потихоньку отъ мать-игуменьи. Да и не одна она забѣгала. Ахаютъ онѣ, качаютъ головами, судятъ-рядятъ, а я-то смѣюсь: «ну гдѣ вамъ, говорю, мать Прасковья, письмо получить, коли двѣнадцать лѣтъ оно не приходило?» Дочь у ней куда-то въ Турцію мужъ завезъ, и двѣнадцать лѣтъ ни слуху ни духу. Только сижу я это на завтра вечеромъ за чаемъ у мать-игуменьи (княжескаго рода она у насъ), сидитъ у ней какая-то тоже барыня заѣзжая, большая мечтательница, и сидитъ одинъ захожій монашекъ аѳонскій, довольно смѣшной человѣкъ по моему мнѣнiю. Что жъ ты думаешь, Шатушка, этотъ самый монашекъ въ то самое утро матери Прасковѣ изъ Турціи отъ дочери письмо принесъ, — вотъ тебѣ и валеть бубновый — нечаянное-то извѣстiе! Пьемъ мы это чай, а монашекъ аѳонскій и говоритъ мать-игуменьѣ: «всего болѣе, благословенная мать-игуменья, благословилъ Господь вашу обитель тѣмъ что такое драгоценное говоритъ, сокровище сохраняете въ нѣдрахъ ея». «Какое это сокровище?» спрашиваетъ мать-игуменья. «А мать-Лизавету блаженную». А Лизавета эта блаженная въ оградѣ у насъ вдѣлана въ стѣну, въ клѣтку въ сажень длины и въ два аршина высоты, и сидитъ она тамъ за желѣзною рѣшеткой семнадцатый годъ, зиму

и лѣто въ одной посконной рубахѣ и все аль соломинкой али прутикомъ какимъ ни на есть въ рубашку свою, въ холстину тычетъ, и ничего не говоритъ и не чешется и не моется семнадцать лѣтъ. Зимой тулупчикъ просунуть ей, да каждый день корочку хлѣбца и кружку воды. Богомольцы смотрятъ, ахаютъ, воздыхаютъ, деньги кладутъ. «Вотъ нашли сокровище, отвѣчаетъ мать-игуменья (разсердилась; страхъ не любила Лизавету): Лизавета съ одной только злобы сидитъ, изъ одного своего упрямства, и все одно притворство». Не понравилось мнѣ это; сама я хотѣла тогда затвориться: «А по моему, говорю, Богъ и природа есть все одно». Они мнѣ всѣ въ одинъ голосъ: «вотъ на!» Игуменья разсмѣялась, зашептала о чемъ-то съ барыней, подозвала меня, приласкала, а барыня мнѣ бантикъ розовый подарила, хочешь покажу? Ну а монашекъ сталъ мнѣ тутъ же говорить поученіе, да такъ это ласково и смиренно говорилъ и съ такимъ надо быть умомъ; сижу я и слушаю. «Поняла ли?» спрашиваетъ. «Нѣтъ, говорю, ничего я не поняла, и оставьте, говорю, меня въ полномъ покоѣ». Вотъ съ тѣхъ поръ они меня одну въ полномъ покоѣ оставили, Шатушка. А тѣмъ временемъ и шепни мнѣ, изъ церкви выходя, одна наша старица, на покаяніи у насъ жила за пророчество: «Богородица что есть, какъ мнишь?» «Великая мать, отвѣчаю, упованіе рода человѣческаго». «Такъ, говоритъ, Богородица — великая мать сыра земля есть, и великая въ томъ для человѣка заключается радость. И всякая тоска земная и всякая слеза земная — радость намъ есть; а какъ напойшь слезами своими подъ собой землю на поларшина въ глубину, то тотчасъ же о всемъ и возрадуешься. И никакой, никакой, говоритъ, горести твоей больше не будетъ, таково, говоритъ, есть пророчество». Запало мнѣ тогда это слово. Стала я съ тѣхъ поръ на молитвѣ, творя земной поклонъ, каждый разъ землю цѣловать, сама цѣлую и плачу. И вотъ я тебѣ скажу, Шатушка: ничего-то нѣтъ въ этихъ слезахъ дурнаго; и хотя бы и горя у тебя никакого не было, все равно слезы твои отъ одной радости побѣгутъ. Сами слезы бѣгутъ, это вѣрно. Уйду я бывало на берегъ къ озеру: съ одной стороны нашъ монастырь, а съ другой наша острая гора, такъ и зовутъ ее горой острою. Взойду я на эту гору, обращусь я лицомъ къ востоку, припаду къ землѣ, плачу, плачу и не помню сколько времени плачу, и не помню я тогда и не знаю я тогда ничего. Встану потомъ, обращусь назадъ, а солнце заходитъ, да такое большое, да пынное, да славное, — любишь ты на солнце смотрѣть, Шатушка? Хорошо да грустно. Повернусь я опять назадъ къ востоку, а тѣнь-то, тѣнь-то отъ нашей горы далеко по озеру какъ стрѣла бѣжитъ, узкая, длинная-длинная и на три версты дальше, до самаго на озерѣ острова, и тотъ каменный островъ совсѣмъ какъ есть пополамъ его пере-

рѣжетъ, и какъ перерѣжетъ пополамъ, тутъ и солнце совсѣмъ зайдетъ и все вдругъ погаснетъ. Тутъ и я начну совсѣмъ тосковать, тутъ вдругъ и память придетъ, боюсь сумраку, Шатушка. И все больше о своемъ ребенкѣ плачу....

— А развѣ былъ? подтолкнулъ меня локтемъ Шатовъ, все время чрезвычайно прилежно слушавшій.

— А какже: маленькій, розовенькій, съ крошечными такими ноготочками, и только вся моя тоска въ томъ что не помню я мальчикъ аль дѣвочка. То мальчикъ вспомнится, то дѣвочка. И какъ родила я тогда его, прямо въ батистъ да въ кружево завернула, розовыми его ленточками обвязала, цвѣточками обсыпала, снарядила, молитву надъ нимъ сотворила, некрещенаго понесла, и несу это я его черезъ лѣсъ, и боюсь я лѣсу и страшно мнѣ, и всего больше я плачу о томъ что родила я его, а мужа не знаю.

— А можетъ и былъ? осторожно спросилъ Шатовъ.

— Смѣшонъ ты мнѣ, Шатушка, съ своимъ разсужденіемъ. Былъ-то можетъ и былъ, да что въ томъ что былъ, коли его все равно что и не было? Вотъ тебѣ и загадка не трудная, отгадай-ка! усмѣхнулась она.

— Куда же ребенка-то снесла?

— Въ прудъ снесла, вздохнула она.

Шатовъ опять подтолкнулъ меня локтемъ.

— А что коли и ребенка у тебя совсѣмъ не было и все это одинъ только бредъ, а?

— Трудный ты вопросъ задаешь мнѣ, Шатушка, раздумчиво и безо всякаго удивленія такому вопросу отвѣтила она, — на этотъ счетъ я тебѣ ничего не скажу, можетъ и не было; по-моему одно только твое любопытство; я вѣдь все равно о немъ плакать не перестану, не во снѣ же я видѣла? И крупныя слезы засвѣтились въ ея глазахъ. — Шатушка, Шатушка, а правда что жена отъ тебя сбѣжала? положила она ему вдругъ обѣ руки на плечи и жалостливо посмотрѣла на него. — Да ты не сердись, мнѣ вѣдь и самой тошно. Знаешь, Шатушка, я сонъ какой видѣла: приходитъ онъ опять ко мнѣ, манитъ меня, выкликаетъ: «кошечка, говорить, моя, кошечка, выйди ко мнѣ!» Вотъ я «кошечкѣ»-то пуще всего и обрадовалась: любить, думаю.

— Можетъ и на яву придетъ, вполголоса пробормоталъ Шатовъ.

— Нѣтъ, Шатушка, это ужъ сонъ.... не придти ему на яву. Знаешь пѣсню:

«Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ,
Я останусь въ этой келейкѣ,
Ужь я стану жить-спасатися,

За тебя Богу молиться».

— Охъ, Шатушка, Шатушка, дорогой ты мой, что ты никогда меня ни о чемъ не спросишь?

— Да вѣдь не скажешь, оттого и не спрашиваю.

— Не скажу, не скажу, хоть зарѣжь меня не скажу, быстро подхватила она, — жги меня не скажу. И сколько-бы я ни терпѣла, ничего не скажу, не узнають люди!

— Ну вотъ видишь, всякому значить свое, еще тише проговорилъ Шатовъ, все больше и больше наклоняя голову.

— А попросилъ бы, можетъ и сказала бы; можетъ и сказала бы! восторженно повторила она. — Почему не попросишь? Попроси, попроси меня хорошенько, Шатушка, можетъ я тебѣ и скажу; умоли меня, Шатушка, такъ чтобъ я сама согласилась.... Шатушка, Шатушка!

Но Шатушка молчалъ; съ минуту продолжалось общее молчаніе. Слезы тихо текли по ея набѣленнымъ щекамъ; она сидѣла, забывъ свои обѣ руки на плечахъ Шатова, но уже не смотря на него.

— Э, что мнѣ до тебя, да и грѣхъ! поднялся вдругъ со скамьи Шатовъ. — Привстаньте-ка! сердито дернулъ онъ изъ-подъ меня скамью, и взявъ, поставилъ ее на прежнее мѣсто.

— Придетъ такъ чтобъ не догадался; а намъ пора.

— Ахъ, ты все про лакея моего! засмѣялась вдругъ Марья Тимоѣевна, — боишься! Ну прощайте, добрые гости; а послушай одну минутку что я скажу. Давеча пришелъ это сюда этотъ Нилычъ съ Филипповымъ, съ хозяиномъ, рыжая бородища, а мой-то на ту пору на меня налетѣлъ. Какъ хозяинъ-то схватить его, какъ дернетъ по комнатѣ, а мой-то кричить: «Не виновать, за чужую вину терплю!» Такъ вѣришь-ли, всѣ мы какъ были такъ и покатались со смѣху....

— Эхъ, Тимоѣевна, да вѣдь это я былъ замѣсто рыжей-то бороды, вѣдь это я его давеча за волосы отъ тебя отволокъ; а хозяинъ къ вамъ третьяго дня приходилъ браниться съ вами, ты и смѣшала.

— Пстой, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ смѣшала, можетъ и ты. Ну чего спорить о пустякахъ; не все ли ему равно кто его оттаскаетъ, засмѣялась она.

— Пойдемте, вдругъ дернулъ меня Шатовъ, — ворота заскрипѣли; застанетъ насъ, избьетъ ее.

И не успѣли мы еще взбѣжать на лѣстницу какъ раздался въ воротахъ пьяный крикъ и посыпались ругательства. Шатовъ, впустивъ меня къ себѣ, заперъ дверь на замокъ.

— Посидѣть вамъ придется съ минутою, если не хотите исторіи. Вишь кричитъ какъ поросенокъ, должно-быть опять за порогъ зацѣпился; каждый-то разъ растянется.

Безъ исторіи однако не обошлось.

VI.

Шатовъ стоялъ у запертой своей двери и прислушивался на лѣстницу; вдругъ отскочилъ.

— Сюда идетъ, я такъ и зналъ! яростно прошепталъ онъ, — пожалуй до полночи теперь не отвяжется.

Раздалось нѣсколько сильныхъ ударовъ кулакомъ въ двери.

— Шатовъ, Шатовъ, отопри! завопилъ капитанъ, — Шатовъ, другъ!...

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ,
Р-разказать что солнце встало.
Что оно гор-р-рѣчимъ свѣтомъ
По.... лесамъ.... затр-р-репетало.
Разказать тебѣ что я проснулся, чортъ тебя дери,
Весь пр-р-роснулся подъ.... вѣтвями....

Чортъ возьми точно подъ розгами, ха-ха!

Каждая птичка.... просить жажды.
Разказать что пить я буду,
Пить.... не знаю пить что буду.

Ну да и чортъ побери съ глупымъ любопытствомъ! Шатовъ, понимаешь ли ты какъ хорошо жить на свѣтѣ!

— Не отвѣчайте, шепнулъ мнѣ опять Шатовъ.

— Отвори же! Понимаешь ли ты что есть нѣчто высшее чѣмъ драка.... между человѣчествомъ; есть минуты блага-а-роднаго лица.... Шатовъ, я добръ; я прощу тебя.... Шатовъ, къ чорту прокламаціи, а?

Молчаніе.

— Понимаешь ли ты, осель, что я влюбленъ, я фракъ купилъ, посмотри, фракъ любви, пятнадцать цѣлковыхъ; капитанская любовь требуетъ свѣтскихъ приличій.... Отвори! дико заревѣлъ онъ вдругъ и неистово застучалъ опять кулаками.

— Убирайся къ чорту! заревѣлъ вдругъ и Шатовъ.

— Р-р-рабъ! Рабъ крѣпостной, и сестра твоя раба и рабыня.... ворровка!

— А ты свою сестру продалъ.

— Врешь! Терплю напраслину, когда могу однимъ объясненіемъ.... понимаешь ли кто она такова?

— Кто? съ любопытствомъ подошелъ вдругъ къ дверямъ Шатовъ.

— Да ты понимаешь ли?

— Да ужь пойму, ты скажи кто?

— Я смѣю сказать! Я всегда все смѣю въ публикѣ сказать!...

— Ну наврядъ смѣешь, поддразнилъ Шатовъ и кивнулъ мнѣ головой чтобъ я слушалъ.

— Не смѣю?

— По-моему не смѣешь.

— Не смѣю?

— Да ты говори если барскихъ розогъ не боишься.... Ты вѣдь трусъ, а еще капитанъ!

— Я.... я.... она.... она есть.... залепеталъ капитанъ дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Ну? подставилъ ухо Шатовъ.

Наступило молчаніе по крайней мѣрѣ на полминуты.

— Па-а-адлецъ! раздалось наконецъ за дверью, и капитанъ быстро отретировался внизъ, пыхтя какъ самоваръ, съ шумомъ оступаясь и чуть не падая на каждой ступени.

— Нѣтъ, онъ хитеръ, и пьяный не проговорится, отошелъ отъ двери Шатовъ.

— Что же это такое? спросилъ я.

Шатовъ махнулъ рукой, отперъ дверь и сталъ опять слушать на лѣстницу; долго слушалъ, даже сошелъ внизъ потихоньку нѣсколько ступеней. Наконецъ воротился.

— Не слышать ничего, не дрался; значить прямо повалился дрыхнуть. Вамъ пора идти.

— Послушайте, Шатовъ, что же мнѣ теперь заключить изъ всего этого?

— Э, заключайте что хотите! отвѣтилъ онъ усталымъ и брезгливымъ голосомъ, и сѣлъ за свой письменный столъ.

Я ушелъ. Одна невѣроятная мысль все болѣе и болѣе укрѣплялась въ моемъ воображеніи. Съ тоской думалъ я о завтрашнемъ днѣ....

VII.

Этотъ «завтрашній день», то-есть то самое воскресенье, въ которое должна была уже безвозвратно рѣшиться участь Степана Трофимовича, былъ однимъ изъ знаменательнѣйшихъ дней въ моей хроникѣ. Это былъ

день неожиданностей, день развязокъ прежняго и завязокъ новаго, рѣзкихъ разъясненій и еще пуцей путаницы. Утромъ, какъ уже извѣстно читателю, я обязанъ былъ сопровождать моего друга къ Варварѣ Петровнѣ, по ея собственному назначенію, а въ три часа пополудни я уже долженъ былъ быть у Лизаветы Николаевны, чтобы разказать ей — я самъ не зналъ о чемъ, и способствовать ей — самъ не зналъ въ чемъ. И между тѣмъ все разрѣшилось такъ какъ никто бы не предположилъ. Однимъ словомъ, это былъ день удивительно сошедшихся случайностей.

Началось съ того что мы со Степаномъ Трофимовичемъ, явившись къ Варварѣ Петровнѣ ровно въ двѣнадцать часовъ, какъ она назначила, не застали ее дома; она еще не возвращалась отъ обѣдни. Бѣдный другъ мой былъ такъ настроенъ или, лучше сказать, такъ разстроенъ что это обстоятельство тотчасъ же сразило его; почти въ безсиліи опустился онъ на кресло въ гостиной. Я предложилъ ему стаканъ воды; но несмотря на блѣдность свою и даже на дрожь въ рукахъ, онъ съ достоинствомъ отказался. Кстати, костюмъ его отличался на этотъ разъ необыкновенною изысканностію: почти бальное, батистовое съ вышивкой бѣлье, бѣлый галстухъ, новая шляпа въ рукахъ, свѣжія соломеннаго цвѣта перчатки и даже, чуть-чуть, духи. Только-что мы усѣлись, вошелъ Шатовъ, введенный камердинеромъ, ясное дѣло, тоже по официальному приглашенію. Степанъ Трофимовичъ привсталъ было протянуть ему руку, но Шатовъ, посмотрѣвъ на насъ обоихъ внимательно, поверотилъ въ уголь, усѣлся тамъ и даже не кивнулъ намъ головой. Степанъ Трофимовичъ опять испуганно поглядѣлъ на меня.

Такъ просидѣли мы еще нѣсколько минутъ въ совершенномъ молчаніи. Степанъ Трофимовичъ началъ было вдругъ мнѣ что-то очень скоро шептать, но я не разслушалъ; да и самъ онъ отъ волненія не докончилъ и бросилъ. Вошелъ еще разъ камердинеръ поправить что-то на столѣ; а вѣрнѣе — поглядѣть на насъ. Шатовъ вдругъ обратился къ нему съ громкимъ вопросомъ:

— Алексѣй Егорычъ, не знаете, Дарья Павловна съ ней отправилась?

— Варвара Петровна изволили поѣхать въ соборъ однѣ-съ, а Дарья Павловна изволили остаться у себя наверху, и не такъ здоровы-съ, назидательно и чинно доложилъ Алексѣй Егорычъ.

Бѣдный другъ мой опять бѣгло и тревожно со мной переглянулся, такъ что я наконецъ сталъ отъ него отворачиваться. Вдругъ у подъѣзда прогремѣла карета и нѣкоторое отдаленное движеніе въ домѣ возвѣстило намъ что хозяйка воротилась. Всѣ мы привскочили съ кресель, но опять неожиданность: послышался шумъ многихъ шаговъ, значило что

хозяйка возвратилась не одна, а это дѣйствительно было уже нѣсколько странно, такъ какъ сама она назначила намъ этотъ часъ. Послышалось наконецъ что кто-то входилъ до странности скоро, точно бѣжалъ, а такъ не могла входить Варвара Петровна. И вдругъ она почти влетѣла въ комнату запыхавшись и въ чрезвычайномъ волненіи. За нею, нѣсколько пріотставъ и гораздо тише, вошла Лизавета Николаевна, а съ Лизаветой Николаевной рука въ руку — Марья Тимоѣевна Лебядкина! Еслибъ я увидѣлъ это во снѣ, то и тогда бы не повѣрилъ.

Чтобъ объяснить эту совершенную неожиданность, необходимо взять часомъ назадъ и разказать подробнѣе о необыкновенномъ приключеніи происшедшемъ съ Варварой Петровной въ соборѣ.

Вопервыхъ, къ обѣднѣ собрался почти весь городъ, то-есть разумѣя высшій слой нашего общества. Знали что пожалуетъ губернаторша въ первый разъ, послѣ своего къ намъ прибытія. Замѣчу что у насъ уже пошли слухи о томъ что она вольнодумка и «новыхъ правилъ». Всѣмъ дамамъ извѣстно было тоже что она великолѣпно и съ необыкновеннымъ изяществомъ будетъ одѣта; а потому наряды нашихъ дамъ отличались на этотъ разъ изысканностью и пышностью. Одна лишь Варвара Петровна была скромно и по всегдашнему одѣта во все черное, такъ безсмѣнно одѣвалась она въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Прибывъ въ соборъ, она помѣстилась на обычномъ своемъ мѣстѣ, на лѣво, въ первомъ ряду, и ливрейный лакей положилъ предъ нею бархатную подушку для колѣнопреклоненій, однимъ словомъ, все пообыкновенному. Но замѣтили тоже что на этотъ разъ она, во все продолженіе службы, какъ-то чрезвычайно усердно молилась; увѣряли даже потомъ, когда все припомнили, что даже слезы стояли въ глазахъ ея. Кончилась наконецъ обѣдня, и нашъ протоіерей, отецъ Павелъ, вышелъ сказать торжественную проповѣдь. У насъ любили его проповѣди и цѣнили ихъ высоко; уговаривали его даже напечатать, но онъ все не рѣшался. На этотъ разъ проповѣдь вышла какъ-то особенно длинна.

И вотъ, во время уже проповѣди подкатила къ собору одна дама, на легковыхъ извожичьихъ дрожкахъ прежняго фасона, то-есть на которыхъ дамы могли сидѣть только съ боку, придерживаясь за кушакъ извожика и колыхаясь отъ толчковъ экипажа какъ полевая былинка отъ вѣтра. Эти ваньки въ нашемъ городѣ до сихъ поръ еще разбѣзжаютъ. Остановясь у угла собора, — ибо у вратъ стояло множество экипажей и даже жандармы, дама съ легкостью соскочила съ дрожекъ и подала ванькѣ четыре копѣйки серебромъ.

— Что жъ, мало развѣ, Ваня! вскрикнула она, увидавъ его гримасу, — у меня все что есть, прибавила она жалобно.

— Ну да Богъ съ тобой, не рядясь садилъ, махнулъ рукой ванька и поглядѣлъ на нее какъ бы думая: «Да и грѣхъ тебя обижать-то»; затѣмъ сунувъ за пазуху кожаный кошель, тронулъ лошадь и укатилъ, напутствуемый насмѣшками близъ стоявшихъ извозчиковъ. Насмѣшки и даже удивленіе сопровождали и даму все время пока она пробиралась къ соборнымъ вратамъ между экипажами и ожидавшимъ скорого выхода господъ лакействомъ. Да и дѣйствительно было что-то необыкновенное и неожиданное для всѣхъ въ появленіи такой особы вдругъ откуда-то на улицѣ среди народа. Она была болѣзненно худа и прихрамывала, крѣпко набѣлена и нарумянена, съ совершенно оголенною длинною шеей, безъ платка, безъ бурнуса, въ одномъ только старенькомъ, темномъ платьѣ, несмотря на холодный и вѣтряный, хотя и ясный сентябрьскій день; съ совершенно открытою головой, съ волосами подвязанными въ крошечный узелокъ на затылкѣ, въ которые съ праваго боку воткнута была одна только искусственная роза, изъ такихъ которыми украшаютъ вербныхъ херувимовъ. Такого вербнаго херувима въ вѣнкѣ изъ бумажныхъ розъ я именно замѣтилъ вчера въ углу, подъ образами, когда сидѣлъ у Марьи Тимоѳеевны. Къ довершенію всего, дама шла хоть и скромно опустивъ глаза, но въ тоже время весело и лукаво улыбаясь. Еслибъ она еще капельку промедлила, то ее бы можетъ-быть и не пропустили въ соборъ.... Но она успѣла проскользнуть, а войдя во храмъ, протиснулась незамѣтно впередъ.

Хотя проповѣдь была на половинѣ, и вся сплошная толпа наполнявшая храмъ слушала ее съ полнымъ и беззвучнымъ вниманіемъ, но все-таки нѣсколько глазъ съ любопытствомъ и недоумѣніемъ покосились на вошедшую. Она упала на церковный помостъ, склонивъ на него свое набѣленное лицо, лежала долго и повидимому плакала; но поднявъ опять голову и привставъ съ колѣнъ, очень скоро оправилась и развлеклась. Весело, съ видимымъ чрезвычайнымъ удовольствіемъ, стала скользить она глазами по лицамъ, по стѣнамъ собора; съ особеннымъ любопытствомъ вглядывалась въ иныхъ дамъ, приподымаясь для этого даже на цыпочки, и даже раза два засмѣялась, какъ-то странно при этомъ хихикая. Но проповѣдь кончилась и вынесли крестъ. Губернаторша пошла къ кресту первая, но не дойдя двухъ шаговъ приостановилась, видимо желая уступить дорогу Варварѣ Петровнѣ, съ своей стороны подходившей слишкомъ ужъ прямо и какъ бы не замѣчая никого впереди себя. Необычайная учтивость губернаторши, безъ сомнѣнія, заключала въ себѣ явную и остроумную въ своемъ родѣ колкость; такъ всѣ поняли; такъ поняла должно-быть и Варвара Петровна; но попрежнему никого не замѣчая и съ самымъ непоколебимымъ видомъ достоинства приложи-

лась она ко кресту и тотчасъ же направилась къ выходу. Ливрейный лакей расчищалъ предъ ней дорогу, хотя и безъ того всѣ разступались. Но у самаго выхода, на паперти, тѣсно сбившаяся кучка людей, на мгновеніе загородила путь. Варвара Петровна пріостановилась и, вдругъ странное, необыкновенное существо, женщина съ бумажной розой на головѣ, протиснувшись между людей, опустилась предъ ней на колѣни. Варвара Петровна, которую трудно было чѣмъ-нибудь озадачить, особенно въ публикѣ, поглядѣла важно и строго.

Поспѣшу замѣтить здѣсь, по возможности вкратцѣ, что Варвара Петровна, хотя и стала въ послѣдніе годы излишне, какъ говорили, расчетлива и даже скупенька, но иногда не жалѣла денегъ, собственно на благотворительность. Она состояла членомъ одного благотворительнаго общества въ столицѣ. Въ недавній голодный годъ, она отослала въ Петербургъ, въ главный комитетъ для пріема пособій потерпѣвшимъ, пятьсотъ рублей, и объ этомъ у насъ говорили. Наконецъ, въ самое послѣднее время, предъ назначеніемъ новаго губернатора, она было совсѣмъ уже основала мѣстный дамскій комитетъ, для пособія самымъ бѣднѣйшимъ родильницамъ въ городѣ и въ губерніи. У насъ сильно упрекали ее въ честолюбіи; но извѣстная стремительность характера Варвары Петровны и въ то же время настойчивость чуть не восторжествовали надъ препятствіями; общество почти уже устроилось, а первоначальная мысль все шире и шире развивалась въ восхищенномъ умѣ основательницы: она уже мечтала объ основаніи такого же комитета въ Москвѣ, о постепенномъ распространеніи его дѣйствій по всѣмъ губерніямъ. И вотъ съ внезапною переменой губернатора, все пріостановилось; а новая губернаторша, говорятъ, уже успѣла высказать въ обществѣ нѣсколько колкихъ и, главное, меткихъ и дѣльныхъ возраженій насчетъ будто бы непрактичности основной мысли подобнаго комитета, что, разумѣется съ прикрасами, было уже передано Варварѣ Петровнѣ. Одинъ Богъ знаетъ глубину сердець, но полагаю что Варвара Петровна даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ пріостановилась теперь въ самыхъ соборныхъ вратахъ, зная что мимо должна сейчасъ же пройти губернаторша, а за тѣмъ и всѣ, и «пусть сама увидитъ какъ мнѣ все равно что бы она тамъ ни подумала и что бы ни сострила еще на счетъ тщеславія моей благотворительности. Вотъ же вамъ всѣмъ!»

— Что вы милая, о чемъ вы просите? внимательнѣе всмотрѣлась Варвара Петровна въ колѣнопреклоненную предъ нею просительницу. Та глядѣла на нее ужасно оробѣвшимъ, застыдившимся, но почти благоговѣйнымъ взглядомъ и вдругъ усмѣхнулась съ тѣмъ же страннымъ хихиканьемъ.

— Что она? Кто она? Варвара Петровна обвела кругомъ присутствующихъ повелительнымъ и вопросительнымъ взглядомъ. — Всѣ молчали.

— Вы несчастны? Вы нуждаетесь во вспоможеніи?

— Я нуждаюсь.... я пріѣхала.... лепетала «несчастливая» прерывавшимся отъ волненія голосомъ. — Я пріѣхала только чтобы вашу ручку поцѣловать.... и опять хихикнула. Съ самымъ дѣтскимъ взглядомъ, съ какимъ дѣти ласкаются что-нибудь выпрашивая, потянулась она схватить ручку Варвары Петровны, но какъ бы испугавшись, вдругъ отдернула свои руки назадъ.

— Только за этимъ и прибыли? улыбнулась Варвара Петровна съ сострадательною улыбкой, но тотчасъ же быстро выхватила изъ кармана свой перламутровый портмоне, а изъ него десятирублевую бумажку и подала незнакомкѣ. Та взяла. Варвара Петровна была очень заинтересована и видимо не считала незнакомку какою-нибудь простонародною просительницей.

— Вишь десять рублей дала, проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— Ручку-то пожалуйста, лепетала «несчастливая», крѣпко прихвативъ пальцами лѣвой руки за уголокъ полученную десятирублевую бумажку, которую свивало вѣтромъ. Варвара Петровна почему-то немного нахмурилась и съ серьезнымъ, почти строгимъ видомъ протянула руку; та съ благоговѣніемъ поцѣловала ее. Благодарный взглядъ ея заблесталъ какимъ-то даже восторгомъ. Вотъ въ это-то самое время подошла губернаторша и прихлынула цѣлая толпа нашихъ дамъ и старшихъ сановниковъ. Губернаторша поневолѣ должна была на минутку пріостановиться въ тѣснотѣ; многіе остановились.

— Вы дрожите, вамъ холодно? замѣтила вдругъ Варвара Петровна, и сбросивъ съ себя свой бурнусъ, на лету подхваченный лакеемъ, сняла съ плечъ свою черную (очень не дешевую) шаль и собственными руками окутала обнаженную шею все еще стоявшей на колѣняхъ просительницы.

— Да встаньте же, встаньте съ колѣнъ, прошу васъ!

Та встала.

— Гдѣ вы живете? Неужели никто наконецъ не знаетъ гдѣ она живетъ? снова нетерпѣливо оглянулась кругомъ Варвара Петровна. Но прежней кучки уже не было; виднѣлись все знакомыя, свѣтскія лица, разглядывавшія сцену, одни съ строгимъ удивленіемъ, другіе съ лукавымъ любопытствомъ и въ то же время съ невинною жаждой скандальчика, а третьи начинали даже посмѣиваться.

— Кажется это Лебядкиныхъ-съ, выискался наконецъ одинъ добрый человекъ съ отвѣтомъ на запросъ Варвары Петровны, нашъ почтенный и многими уважаемый купецъ Андреевъ, въ очкахъ, съ сѣдою бородой, въ русскомъ платьѣ и съ круглою цилиндрическою шляпой, которую держалъ теперь въ рукахъ; — они у Филипповыхъ въ домѣ проживаютъ, въ Богоявленской улицѣ.

— Лебядкинъ? Домъ Филиппова? Я что-то слышала.... благодарю васъ, Никонъ Семенычъ, но кто этотъ Лебядкинъ?

— Капитаномъ прозывается, человекъ, надо бы такъ-сказать, неосторожный. А это ужъ навѣрное ихъ сестрица. Она, полагать надо, изъ-подъ надзору теперь ушла, сбавивъ голосъ проговорилъ Никонъ Семенычъ и значительно взглянулъ на Варвару Петровну.

— Понимаю васъ; благодарю Никонъ Семенычъ. Вы, милая моя, госпожа Лебядкина?

— Нѣтъ; я не Лебядкина.

— Такъ можетъ быть братъ вашъ Лебядкинъ?

— Братъ мой Лебядкинъ.

— Вотъ что я сдѣлаю, я васъ теперь, моя милая, съ собой возьму, а отъ меня васъ уже отвезутъ къ вашему семейству; хотите ѣхать со мной?

— Ахъ, хочу! сплеснула ладошками г-жа Лебядкина.

— Тетя, тетя? Возьмите и меня съ собой къ вамъ! раздался голосъ Лизаветы Николаевны. Замѣчу что Лизавета Николаевна прибыла къ обѣднѣ вмѣстѣ съ губернаторшей, а Прасковья Ивановна, по предписанію доктора, поѣхала тѣмъ временемъ покататься въ каретѣ, а для развлечения увезла съ собой и Маврикія Николаевича. Лиза вдругъ оставила губернаторшу и подскочила къ Варварѣ Петровнѣ.

— Милая моя, ты знаешь я всегда тебѣ рада, но что скажетъ твоя мать? начала было осанисто Варвара Петровна, но вдругъ смутилась, замѣтивъ необычайное волненіе Лизы.

— Тетя, тетя, непременно теперь съ вами, — умоляла Лиза, цѣлуя Варвару Петровну.

— Mais qu'avez vous donc, Lise!¹ съ выразительнымъ удивленіемъ проговорила губернаторша.

— Ахъ простите, голубчикъ, chere cousine, я къ тетѣ, — на лету повернулась Лиза къ непріятно-удивленной своей chere cousine и поцѣловала ее два раза.

— И тамап тоже скажите чтобы сейчасъ же пріѣзжала за мной къ тетѣ; тамап непременно, непременно хотѣла заѣхать, она давеча сама

¹ Да что с вами, Лиза! (франц.).

говорила, я забыла васъ предупредить, — трещала Лиза, — виновата, не сердитесь Julie.... chère cousine¹.... тетя, я готова!

— Если вы, тетя, меня не возьмете, то я за вашей каретой побѣгу и закричу, — быстро и отчаянно прошептала она совсѣмъ на ухо Варварѣ Петровнѣ; хорошо еще что никто не слыхаль. Варвара Петровна даже на шагъ отшатнулась и пронзительнымъ взглядомъ посмотрѣла на сумасшедшую дѣвушку. Этотъ взглядъ все рѣшилъ: она непременно положила взять съ собой Лизу!

— Этому надо положить конецъ, вырвалось у ней. — Хорошо, я съ удовольствіемъ беру тебя, Лиза, тотчасъ же громко прибавила она, — разумѣется если Юлія Михайловна согласится тебя отпустить, съ открытымъ видомъ и съ прямодушнымъ достоинствомъ повернулась она прямо къ губернаторшѣ.

— О, безъ сомнѣнія я не захочу лишить ее этого удовольствія, тѣмъ болѣе что я сама.... съ удивительною любезностью залепетала вдругъ Юлія Михайловна, — я сама.... хорошо знаю какая на нашихъ плечикахъ фантастическая и всевластная головка (Юлія Михайловна очаровательно усмѣхнулась)....

— Благодарю васъ чрезвычайно, — отблагодарила вѣжливымъ и осанистымъ поклономъ Варвара Петровна.

— И мнѣ тѣмъ болѣе пріятно, — почти уже съ восторгомъ продолжала свой лепетъ Юлія Михайловна, даже вся покраснѣвъ отъ пріятнаго волненія, — что кромѣ удовольствія быть у васъ, Лизу увлекаетъ теперь такое прекрасное, такое, могу сказать, высокое чувство.... состраданіе.... (она взглянула на «несчастную»).... и.... на самой паперти храма....

— Такой взглядъ дѣлаетъ вамъ честь, великолѣпно одобрила Варвара Петровна. Юлія Михайловна стремительно протянула свою руку, и Варвара Петровна съ полною готовностью дотронулась до нея своими пальцами. Всеобщее впечатлѣніе было прекрасное, лица нѣкоторыхъ присутствовавшихъ просіяли удовольствіемъ, показалось нѣсколько сладкихъ и заискивающихъ улыбокъ.

Однимъ словомъ, всему городу вдругъ ясно открылось что это не Юлія Михайловна пренебрегала до сихъ поръ Варварой Петровной и не сдѣлала ей визита, а сама Варвара Петровна напротивъ «держала въ границахъ Юлію Михайловну, когда какъ та пѣшкомъ бы можетъ побѣжала къ ней съ визитомъ, еслибы только была увѣрена что Варвара Петровна ея не прогонитъ». Авторитетъ Варвары Петровны поднялся до чрезвычайности.

---

¹ дорогая кузина (франц.).

— Садитесь же, милая, указала Варвара Петровна т-ше Лебядкиной на подѣхавшую карету; «несчастливая» радостно побѣжала къ дверцамъ, у которыхъ подхватилъ ее лакей.

— Какъ! Вы хромаете! вскричала Варвара Петровна совершенно какъ въ испугѣ, и поблѣднѣла. (Всѣ тогда это замѣтили, но не поняли....)

Карета покатила. Домъ Варвары Петровны находился очень близко отъ собора. Лиза сказывала мнѣ потомъ что Лебядкина смѣялась истерически всѣ эти три минуты переѣзда, а Варвара Петровна сидѣла «какъ будто въ какомъ-то магнетическомъ снѣ», собственное выраженіе Лизы.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Премудрый змій.

I.

Варвара Петровна позвонила въ колокольчикъ и бросилась въ кресла у окна.

— Сядьте здѣсь, моя милая, указала она Марьѣ Тимоѳеевнѣ мѣсто, среди комнаты, у большаго круглаго стола; — Степанъ Трофимовичъ, что это такое? Вотъ, вотъ, смотрите на эту женщину, что это такое?

— Я... я... залепеталъ было Степанъ Трофимовичъ....

Но явился лакей.

— Чашку кофею, сейчасъ, особенно и какъ можно скорѣе! Карету не откладывать.

— *Mais chère et excellente amie, dans quelle inquiétude...*¹ замирающимъ голосомъ воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ.

— Ахъ! по-французски, по-французски! Сейчасъ видно что высшій свѣтъ! хлопнула въ ладоши Марья Тимоѳеевна, въ упоеніи приготавливаясь послушать разговоръ по-французски. Варвара Петровна уставилась на нее почти въ испугѣ.

Всѣ мы молчали и не безъ волненія ждали какой-нибудь развязки. Шатовъ не поднималъ головы, а Степанъ Трофимовичъ былъ въ смятеніи, какъ будто во всемъ виноватый; потъ выступилъ на его вискахъ. Я взглянулъ на Лизу (она сидѣла въ углу, почти рядомъ съ Шатовымъ). Ея глаза зорко перебѣгали отъ Варвары Петровны къ хромои женщинѣ и обратно; на губахъ ея кривилась улыбка, но нехорошая. Варвара Пет-

¹ Но, дорогой и добрейшій друг, в какомъ беспокойствѣ... (франц.)

ровна видѣла эту улыбку. А между тѣмъ Марья Тимоѳеевна увлекалась совершенно: она съ наслажденіемъ и ни мало не конфузясь разсматривала прекрасную гостиную Варвары Петровны, — мебелировку, ковры, картины на стѣнахъ, старинный расписной потолокъ, большое бронзовое распятіе въ углу, фарфоровую лампу, альбомы, вещицы на столѣ.

— Такъ и ты тутъ, Шатушка! воскликнула она вдругъ, — представь, я давно тебя вижу, да думаю: не онъ! Какъ онъ сюда проѣдетъ! и весело разсмѣялась.

— Вы знаете эту женщину? тотчасъ обернулась къ нему Варвара Петровна.

— Знаю-съ, пробормоталъ Шатовъ, тронулся было на стулѣ, но остался сидѣть.

— Что же вы знаете? Пожалуста поскорѣй!

— Да что.... ухмыльнулся онъ ненужной улыбкой и запнулся.... сами видите.

— Что вижу? Да ну же, говорите что-нибудь!

— Живетъ въ томъ домѣ гдѣ я.... съ братомъ.... офицеръ одинъ.

— Ну?

Шатовъ запнулся опять.

— Говорить не стоитъ.... промычалъ онъ и рѣшительно смолкъ. Даже покраснѣлъ отъ своей рѣшимости.

— Конечно отъ васъ нечего больше ждать! съ негодованіемъ обрвала Варвара Петровна. Ей ясно было теперь что всѣ что-то знаютъ и между тѣмъ всѣ что-то трусятъ и уклоняются предъ ея вопросами, хотятъ что-то скрыть отъ нея.

Вошелъ лакей и поднесъ ей на маленькомъ серебряномъ подносѣ заказанную особо чашку кофе, но тотчасъ же, по ея мановенію, направился къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ.

— Вы, моя милая, очень озябли давеча, выпейте поскорѣй и согрѣйтесь.

— Merci, — взяла чашку Марья Тимоѳеевна и вдругъ прыснула со смѣху надъ тѣмъ что сказала лакею merci. Но встрѣтивъ грозный взглядъ Варвары Петровны, оробѣла и поставила чашку на столъ.

— Тетя, да ужъ вы не сердитесь ли? пролепетала она съ какою-то легкомысленною игривостью.

— Что-о-о? вспрянула и выпрямилась въ креслахъ Варвара Петровна, — какая я вамъ тетя? Что вы подразумѣвали?

Марья Тимоѳеевна, не ожидавшая такого гнѣва, такъ и задрожала вся мелкою конвульсивною дрожью, точно въ припадкѣ, и отшатнулась на спинку кресель.

— Я... я думала такъ надо, пролепетала она, смотря во всѣ глаза на Варвару Петровну, — такъ васъ Лиза звала.

— Какая еще Лиза?

— А вотъ эта барышня, указала пальчикомъ Марья Тимоѳеевна.

— Такъ вамъ она уже Лизой стала.

— Вы такъ сами ее давеча звали, ободрилась нѣсколько Марья Тимоѳеевна. — А во снѣ я точно такую же красавицу видѣла, усмѣхнулась она какъ бы нечаянно.

Варвара Петровна сообразила и нѣсколько успокоилась; даже чуть-чуть улыбку послѣдному словцу Марьи Тимоѳеевны. Та, поймавъ улыбку, встала съ кресель и хромая робко подошла къ ней.

— Возьмите, забыла отдать, не сердитесь за неучтивость, сняла она вдругъ съ плечъ своихъ черную шаль надѣтую на нее давеча Варварой Петровной.

— Надѣньте ее сейчасъ же опять и оставьте навсегда при себѣ. Ступайте и сядьте, пейте вашъ кофе и пожалуста не бойтесь меня, моя милая, успокойтесь. Я начинаю васъ понимать.

— *Chere amie*... позволилъ было себѣ опять Степанъ Трофимовичъ.

— Ахъ, Степанъ Трофимовичъ, тутъ и безъ васъ всякій толкъ потеряешь, пощадите хоть вы... Пожалуста позвоните вотъ въ этотъ звонокъ, подлѣ васъ, въ дѣвичью.

Наступило молчаніе. Взглядъ ея подозрительно и раздражительно скользилъ по всѣмъ нашимъ лицамъ. Явилась Агаша, любимая ея горничная.

— Клѣтчатый мнѣ платокъ, который я въ Женевѣ купила. Что дѣлаетъ Дарья Павловна?

— Онѣ-съ не совсѣмъ здоровы-съ.

— Сходи и попроси сюда. Прибавь что очень прошу, хотя бы и нездорова.

Въ это мгновеніе изъ сосѣднихъ комнатъ опять послышался какой-то необычный, стремящійся шумъ шаговъ и голосовъ, подобный давешнему, и вдругъ на порогѣ показалась запыхавшаяся и «разстроенная» Прасковья Ивановна. Маврикій Николаевичъ поддерживалъ ее подъ руку.

— Охъ, батюшки, насилу доплелась; Лиза, что ты сумашедшая съ матерью дѣлаешь! взвизгнула она, кладя въ этотъ взвизгъ, по обыкновению всѣхъ слабыхъ, но очень раздражительныхъ особъ, все что накопилось раздраженія.

— Матушка, Варвара Петровна, я къ вамъ за дочерью!

Варвара Петровна взглянула на нее изъ подлѡбья, полупривстала навстрѣчу и, едва скрывая досаду, проговорила:

— Здравствуй, Прасковья Ивановна, сдѣлай одолженіе садись. Я такъ и знала вѣдь что пріѣдешь.

II.

Для Прасковьи Ивановны въ такомъ пріемѣ не могло заключаться ничего неожиданнаго. Варвара Петровна и всегда, съ самаго дѣтства, третировала свою бывшую пансіонскую подругу деспотически и, подъ видомъ дружбы, чуть не съ презрѣніемъ. Но въ настоящемъ случаѣ и положеніе дѣлъ было особенное. Въ послѣдніе дни между обоими домами пошло на совершенный разрывъ, о чемъ уже и было мною вскользь упомянуто. Причины начинающагося разрыва покаместъ были еще для Варвары Петровны таинственны, а стало-быть еще пуще обидны; но главное въ томъ что Прасковья Ивановна успѣла принять предъ нею какое-то необычайно высокомѣрное положеніе. Варвара Петровна, разумѣется, была уязвлена, а между тѣмъ и до нея уже стали доходить какіе-то странные слухи, тоже чрезмѣрно ее раздражавшіе и именно своею неопредѣленностью. Характеръ Варвары Петровны былъ прямой и гордо-открытый, съ насकोкомъ, если такъ позволительно выразиться. Пуще всего она не могла выносить тайныхъ, прячущихся обвиненій и всегда предпочитала войну открытую. Какъ бы то ни было, но вотъ уже пять дней какъ обѣ дамы не видѣлись. Послѣдній визитъ былъ со стороны Варвары Петровны, которая и уѣхала «отъ Дроздихи» обиженная и смущенная. Я безъ ошибки могу сказать что Прасковья Ивановна вошла теперь въ наивномъ убѣжденіи что Варвара Петровна почему-то должна предъ нею струсить; это видно было уже по выраженію лица ея. Но видно тогда-то и овладѣвалъ Варварой Петровной бѣсъ самой заносчивой гордости, когда она чуть-чуть лишь могла заподозрить что ее почему-либо считаютъ униженною. Прасковья же Ивановна, какъ и многія слабыя особы, сами долго позволяющія себя обижать безъ протеста, отличалась необыкновеннымъ азартомъ нападенія при первомъ выгодномъ для себя оборотѣ дѣла. Правда, теперь она была нездорова, а въ болѣзни становилась всегда раздражительнѣе. Прибавлю, наконецъ, что всѣ мы находившіеся въ гостиной не могли особенно стѣснить нашимъ присутствіемъ обѣихъ подругъ дѣтства, еслибы между ними возгорѣлась ссора; мы считались людьми своими и чуть не подчиненными. Я не безъ страха сообразилъ это тогда же. Степанъ Трофимовичъ, не садившійся съ самаго прибытія Варвары Петровны, въ изнеможеніи опустился на стулъ, услыхавъ взвизгъ Прасковьи Ивановны и съ отчаяніемъ сталъ ловить

мой взглядъ. Шатовъ круто повернулся на стулѣ и что-то даже промычалъ про себя. Мнѣ кажется онъ хотѣлъ встать и уйти. Лиза чуть-чуть было привстала, но тотчасъ же опять опустилась на мѣсто, даже не обративъ должнаго вниманія на взвизгъ своей матери, но не отъ «строптивости характера», а потому что, очевидно, вся была подъ властью какого-то другаго могучаго впечатлѣнія. Она смотрѣла теперь куда-то въ воздухъ, почти разсѣяннo и даже на Марью Тимофеевну перестала обращать прежнее вниманіе.

III.

— Охъ, сюда! указала Прасковья Ивановна на кресло у стола и тяжело въ него опустилась съ помощію Маврикія Николаевича; — не сѣлабъ у васъ, матушка, еслибы не ноги! прибавила она надрывнымъ голосомъ.

Варвара Петровна приподняла немного голову, съ болѣзненнымъ видомъ прижимая пальцы правой руки къ правому виску и видимо ощущая въ немъ сильную боль (*tic douloureux*¹).

— Что такъ, Прасковья Ивановна, почему бы тебѣ и не сѣсть у меня? Я отъ покойнаго мужа твоего всю жизнь искреннею пріязнію пользовалась, а мы съ тобой еще дѣвчонками вмѣстѣ въ куклы въ пансіонѣ играли.

Прасковья Ивановна замахала руками.

— Ужъ такъ и знала! Вѣчно про пансіонъ начнете, когда попрекать собираетесь, — уловка ваша. А по моему, одно краснорѣчіе. Терпѣть не могу этого вашего пансіона.

— Ты, кажется, слишкомъ ужъ въ дурномъ расположеніи пріѣхала; что твои ноги? Вотъ тебѣ кофе несутъ, милости просимъ, кушай и не сердись.

— Матушка, Варвара Петровна, вы со мной точно съ маленькою дѣвочкой. Не хочу я кофею, вотъ!

И она задирчиво махнула рукой подносившему ей кофею слугѣ. (Отъ кофею впрочемъ и другіе отказались, кромѣ меня и Маврикія Николаевича. Степанъ Трофимовичъ взялъ было, но отставилъ чашку на столъ. Марья Тимофеевнѣ хотъ и очень хотѣлось взять другую чашку, она ужъ и руку протянула, но одумалась и чинно отказалась, видимо довольная за это собой.)

Варвара Петровна криво улыбнулась.

— Знаешь что, другъ мой Прасковья Ивановна, ты вѣрно опять что-нибудь вообразила себѣ, съ тѣмъ вошла сюда. Ты всю жизнь однимъ

¹ болезненный тик (*франц.*).

воображеніемъ жила. Ты вотъ про пансіонъ разозлилась; а помнишь какъ ты пріѣхала и весь классъ увѣрила что за тебя гусарь Шаблыкинъ посватался, и какъ M-me Lefebure тебя тутъ же изобличила во лжи. А вѣдь ты и не лгала, просто навоображала себѣ для утѣхи. Ну, говори: съ чѣмъ ты теперь? Что еще вообразила, чѣмъ недовольна?

— А вы, мать моя, въ пансіонѣ въ попа влюбились что Законъ Божій преподавалъ, — вотъ вамъ, коли до сихъ поръ въ васъ такая злопамятность, — ха, ха, ха!

Она желчно расхохоталась и раскашлялась.

— А-а, ты не забыла про попа... ненавистно глянула на нее Варвара Петровна.

Лицо ея позеленѣло. Прасковья Ивановна вдругъ пріосанилась.

— Мнѣ, матушка, теперь не до смѣху; зачѣмъ вы мою дочь при всемъ городѣ въ вашъ скандалъ замѣшали, вотъ зачѣмъ я пріѣхала?

— Въ мой скандалъ? грозно выпрямилась вдругъ Варвара Петровна.

— Мама, я васъ тоже очень прошу быть умѣреннѣе, проговорила вдругъ Лизавета Николаевна.

— Какъ ты сказала? приготовилась было опять взвизгнуть мамаша, но вдругъ осѣла предъ засверкавшимъ взглядомъ дочки.

— Какъ вы могли, мама, сказать про скандалъ? вспыхнула Лиза; — я поѣхала сама, съ позволенія Юліи Михайловны, потому что хотѣла узнать исторію этой несчастной, чтобы быть ей полезною.

— «Исторію этой несчастной!» со злобнымъ смѣхомъ протянула Прасковья Ивановна; — да стать ли тебѣ мѣшаться въ такія «исторіи»? Охъ, матушка! Довольно намъ вашего деспотизма, бѣшено повернулась она къ Варварѣ Петровнѣ. — Говорятъ, правда ли, нѣтъ ли, весь городъ здѣшній замуштровали, да видно пришла и на васъ пора!

Варвара Петровна сидѣла выпрямившись какъ стрѣла, готовая выскочить изъ лука. Секундъ десять строго и неподвижно смотрѣла она на Прасковью Ивановну.

— Ну, моли Бога, Прасковья, что всѣ здѣсь свои, выговорила она наконецъ съ зловѣщимъ спокойствіемъ, — много ты сказала лишняго.

— А я, мать моя, свѣтскаго мнѣнія не такъ боюсь какъ инья; это вы, подъ видомъ гордости, предъ мнѣніемъ свѣта трепещете. А что тутъ свои люди, такъ для васъ же лучше чѣмъ еслибы чужіе слышали.

— Поумнѣла ты что ль въ эту недѣлю?

— Не поумнѣла я въ эту недѣлю, а видно правда наружу вышла въ эту недѣлю.

— Какая правда наружу вышла въ эту недѣлю? Слушай, Прасковья Ивановна, не раздражай ты меня, объяснись сію минуту, прошу тебя честью: какая правда наружу вышла и что ты подъ этимъ подразумѣваешь?

— Да вотъ она вся-то правда сидить! указала вдругъ Прасковья Ивановна пальцемъ на Марью Тимоѳеевну, съ тою отчаянною рѣшимостію которая уже не заботится о послѣдствіяхъ, только чтобы теперь поразить. Марья Тимоѳеевна, все время смотрѣвшая на нее съ веселымъ любопытствомъ, радостно засмѣялась при видѣ устремленнаго на нее пальца гнѣвливой гостыи и весело зашевелилась въ креслахъ.

— Господи Іисусе Христе, рехнулись они все что ли! воскликнула Варвара Петровна и поблѣднѣвъ откинулась на спинку кресла.

Она такъ поблѣднѣла что произошло даже смятеніе. Степанъ Трофимовичъ бросился къ ней первый; я тоже приблизился; даже Лиза вскочила съ мѣста, хотя и осталась у своего кресла; но всѣхъ болѣе испугалась сама Прасковья Ивановна: она вскрикнула, какъ могла приподнялась и почти завопила плачевнымъ голосомъ:

— Матушка, Варвара Петровна, простите вы мою злобную дурость! Да воды-то хоть подайте ей кто-нибудь!

— Не хнычь пожалуста, Прасковья Ивановна, прошу тебя, и отстранитесь, господа, сдѣлайте одолженіе, не надо воды! твердо, хоть и негромко выговорила поблѣднѣвшими губами Варвара Петровна.

— Матушка! продолжала Прасковья Ивановна, капельку успокоившись, — другъ вы мой, Варвара Петровна, я хоть и виновата въ неосторожныхъ словахъ, да ужъ раздражили меня пуще всего безыменные письма эти, которыми меня какіе-то людишки бомбардируютъ; ну и писали бы къ вамъ, коли про васъ же пишутъ, а у меня, матушка, дочь!

Варвара Петровна безмолвно смотрѣла на нее широко-открытыми глазами и слушала съ удивленіемъ. Въ это мгновеніе неслышно отворилась въ углу боковая дверь и появилась Дарья Павловна. Она приостановилась и оглядѣлась кругомъ; ее поразило наше смятеніе. Должно-быть она не сейчасъ различила и Марью Тимоѳеевну, о которой никто ее не предувѣдомилъ. Степанъ Трофимовичъ первый замѣтилъ ее, сдѣлалъ быстрое движеніе, покраснѣлъ и громко для чего-то возгласилъ: «Дарья Павловна!» такъ что всѣ глаза разомъ обратились на вошедшую.

— Какъ, такъ это-то ваша Дарья Павловна! воскликнула Марья Тимоѳеевна, — ну, Шатушка, не похожа на тебя твоя сестрица! Какъ же мой-то этакую прелесть крѣпостною дѣвкой Дашкой зоветъ!

Дарья Павловна межъ тѣмъ приблизилась уже къ Варварѣ Петровнѣ; но пораженная восклицаніемъ Марьи Тимоѳеевны, быстро оберну-

лась и такъ и осталась предъ своимъ стуломъ, смотря на юродивую длиннымъ, приковавшимся взглядомъ.

— Садись, Даша, проговорила Варвара Петровна съ ужасающимъ спокойствіемъ; — ближе, вотъ такъ; ты можешь и сидя видѣть эту женщину. Знаешь ты ее?

— Я никогда ее не видала, тихо отвѣтила Даша и помолчавъ тотчасъ прибавила: — должно-быть это больная сестра одного господина Лебядкина.

— И я васъ, душа моя, въ первый только разъ теперъ увидала, хотя давно уже съ любопытствомъ желала познакомиться, потому что въ каждомъ жестѣ вашемъ вижу воспитаніе, съ увлеченіемъ прокричала Марья Тимоѳеевна. — А что мой лакей бранится, такъ вѣдь возможно ли чтобы вы у него деньги взяли, такая воспитанная и милая? Потому что вы милая, милая, милая, это я вамъ отъ себя говорю! съ восторгомъ заключила она, махая предъ собою своею ручкой.

— Понимаешь ты что-нибудь? съ гордымъ достоинствомъ спросила Варвара Петровна.

— Я все понимаю-съ....

— Про деньги слышала?

— Это вѣрно тѣ самыя деньги которыя я, по просьбѣ Николая Всеволодовича, еще въ Швейцаріи, взялась передать этому господину Лебядкину, ея брату.

Послѣдовало молчаніе.

— Тебя Николай Всеволодовичъ самъ просилъ передать?

— Ему очень хотѣлось переслать эти деньги, всего триста рублей, господину Лебядкину. А такъ какъ онъ не зналъ его адреса, а зналъ лишь что онъ прибудетъ къ намъ въ городъ, то и поручилъ мнѣ передать, на случай если господинъ Лебядкинъ пріѣдетъ.

— Какія же деньги... пропали? Про что эта женщина сейчасъ говорила?

— Этого ужъ я не знаю-съ; до меня тоже доходило что господинъ Лебядкинъ говорилъ про меня вслухъ будто я не все ему доставила; но я этихъ словъ не понимаю. Было триста рублей, я и переслала триста рублей.

Дарья Павловна почти совсѣмъ уже успокоилась. И вообще замѣчу, трудно было чѣмъ-нибудь надолго изумить эту дѣвушку и сбить ее съ толку, — что бы она тамъ про себя ни чувствовала. Проговорила она теперь всѣ свои отвѣты не торопясь, тотчасъ же отвѣчая на каждый вопросъ съ точностію, тихо, ровно, безо всякаго слѣда первоначальнаго внезапнаго своего волненія и безъ малѣйшаго смущенія, которое могло

бы свидѣтельствовать о сознаніи хотя бы какой-нибудь за собою вины. Взглядъ Варвары Петровны не отрывался отъ нея все время пока она говорила. Съ минуту Варвара Петровна подумала:

— Если, произнесла она наконецъ съ твердостію и видимо къ зрителямъ, хотя и глядѣла на одну Дашу, — если Николай Всеволодовичъ не обратился со своимъ порученіемъ даже ко мнѣ, а просилъ тебя, то конечно имѣлъ свои причины такъ поступить. Не считаю себя въ правѣ о нихъ любопытствовать, если изъ нихъ дѣлаютъ для меня секретъ. Но уже одно твое участіе въ этомъ дѣлѣ совершенно меня за нихъ успокоиваетъ, знай это, Дарья, прежде всего. Но видишь ли, другъ мой, ты и съ чистою совѣстью могла, по незнанію свѣта, сдѣлать какую-нибудь неосторожность; и сдѣлала ее, принявъ на себя сношенія съ какимъ-то мерзавцемъ. Слухи распущенные этимъ негодяемъ подтверждаютъ твою ошибку. Но я разузнаю о немъ, и такъ какъ защитница твоя я, то сумѣю за тебя заступиться. А теперь это все надо кончить.

— Лучше всего когда онъ къ вамъ придетъ, подхватила вдругъ Марья Тимоѣевна, высовываясь изъ своего кресла, — то пошлите его въ лакейскую. Пусть онъ тамъ на залавкѣ въ свои козыри съ ними поиграетъ, а мы будемъ здѣсь сидѣть кофей пить. Чашку-то кофеею еще можно ему послать, но я глубоко его презираю.

И она выразительно мотнула головой.

— Это надо кончить, повторила Варвара Петровна, тщательно выслушавъ Марью Тимоѣевну; прошу васъ, позвоните, Степанъ Трофимовичъ.

Степанъ Трофимовичъ позвонилъ и вдругъ выступилъ впередъ, весь въ волненіи.

— Если.... если я.... залепеталъ онъ въ жару, краснѣя, обрываясь и заикаясь, — если я тоже слышалъ самую отвратительную повѣсть или лучше сказать, клевету, то... въ совершенномъ негодованіи.... enfin, c'est un homme perdu et quelque chose comme un forçat évadé¹...

Онъ оборвалъ и не докончилъ; Варвара Петровна, прищурившись, оглядѣла его съ ногъ до головы. Вошелъ чинный Алексѣй Егоровичъ.

— Карету, приказала Варвара Петровна, — а ты, Алексѣй Егорычъ, приготовься отвезти госпожу Лебядкину домой, куда она тебѣ сама укажетъ.

— Господинъ Лебядкинъ нѣкоторое время сами ихъ внизу ожидаютъ-съ и очень просили о себѣ доложить-съ.

— Это невозможно, Варвара Петровна, съ безпокойствомъ выступилъ вдругъ все время невозмутимо молчавшій Маврикій Николаевичъ;

¹ словом, это погибшій человек и что-то вроде беглого каторжника ... (франц.).

— если позволите, это не такой человекъ который можетъ войти въ общество, это.... это.... это невозможный человекъ, Варвара Петровна.

— Повременить, обратилась Варвара Петровна къ Алексѣю Егорычу и тотъ скрылся.

— C'est un homme malhonnête et je crois même que c'est un forçat évadé ou quelque chose dans ce genre¹, пробормоталъ опять Степанъ Трофимовичъ, опять покраснѣлъ и опять оборвался.

— Лиза, ѣхать пора, безглаголиво возгласила Прасковья Ивановна и приподнялась съ мѣста. — Ей, кажется, жаль уже стало что она давеча, въ испугѣ, сама себя обозвала дурой. Когда говорила Дарья Павловна, она уже слушала съ высокомерною складкой на губахъ. Но всего болѣе поразило меня видъ Лизаветы Николаевны съ тѣхъ поръ какъ вошла Дарья Павловна: въ ея глазахъ засверкали ненависть и презрѣніе, слишкомъ ужъ нескрываемыя.

— Повремени одну минутку, Прасковья Ивановна, прошу тебя, остановила Варвара Петровна, все съ тѣмъ же чрезмѣрнымъ спокойствіемъ, — сдѣлай одолженіе присядь, я намѣрена все высказать, а у тебя ноги болятъ. Вотъ такъ, благодарю тебя. Давеча я вышла изъ себя и сказала тебѣ нѣсколько нетерпѣливыхъ словъ. Сдѣлай одолженіе прости меня; я сдѣлала глупо и первая каюсь, потому что во всемъ люблю справедливость. Конечно, тоже изъ себя выйдя, ты упомянула о какомъ-то анонимѣ. Всякій анонимный извѣтъ достоинъ презрѣнія уже потому что онъ не подписанъ. Если ты понимаешь иначе, я тебѣ не завидую. Во всякомъ случаѣ я бы не полѣзла на твоёмъ мѣстѣ за такую дрянью въ карманъ, я не стала бы мараться. А ты вымаралась. Но такъ какъ ты уже начала сама, то скажу тебѣ что и я получила дней шесть тому назадъ тоже анонимное, шутовское письмо. Въ немъ какой-то негодяй увѣряетъ меня что Николай Всеволодовичъ сошелъ съ ума и что мнѣ надо бояться какой-то хромой женщины, которая «будетъ играть въ судьбѣ моей чрезвычайную роль», я запомнила выраженіе. Сообразивъ и зная что у Николая Всеволодовича чрезвычайно много враговъ, я тотчасъ же послала за однимъ здѣсь человекомъ, за однимъ тайнымъ и самымъ мстительнымъ и презрѣннымъ изъ всѣхъ враговъ его, и изъ разговоровъ съ нимъ, мигомъ убѣдилась въ презрѣнномъ происхожденіи анонима. Если и тебя, моя бѣдная Прасковья Ивановна, беспокоили *изъ-за меня* такими же презрѣнными письмами, и какъ ты выразилась, «бомбардировали,» то, конечно, первая жалѣю что послужила невинною причиною. Вотъ и все что я хотѣла тебѣ сказать въ объясненіе. Съ сожалѣніемъ вижу что ты такъ устала и теперь внѣ себя. Къ тому же, я

¹ Это человекъ бесчестный, и я полагаю даже, что онъ беглый каторжникъ или что-то в этомъ родѣ (*франц.*).

непремѣнно рѣшилась *впустить* сейчасъ этого подозрительнаго чело-
вѣка, про котораго Маврикій Николаевичъ выразился не совсѣмъ иду-
щимъ словомъ: что его невозможно *принять*. Особенно Лизѣ тутъ нече-
го будетъ дѣлать. Подойди ко мнѣ, Лиза, другъ мой, и дай мнѣ еще разъ
поцѣловать тебя.

Лиза перешла комнату и молча остановилась предъ Варварой Пет-
ровной. Та поцѣловала ее, взяла за руки, отдалила немного отъ себя, съ
чувствомъ на нее посмотрѣла, потомъ перекрестила и опять поцѣловала
ее.

— Ну, прощай, Лиза (въ голосѣ Варвары Петровны слышались
почти слезы), вѣрь что не перестану любить тебя, что бы ни сулила тебѣ
судьба отнынѣ.... Богъ съ тобою. Я всегда благословляла святую десни-
цу Его....

Она что-то хотѣла еще прибавить, но скрѣпила себя и смолкла.
Лиза пошла было къ своему мѣсту, все въ томъ же молчаніи и какъ бы
въ задумчивости, но вдругъ остановилась предъ мамашей.

— Я, мама, еще не поѣду, а останусь на время у тети, проговорила
она тихимъ голосомъ, но въ этихъ тихихъ словахъ прозвучала желѣзная
рѣшимость.

— Богъ ты мой, что такое! возопила Прасковья Ивановна, безсиль-
но сплеснувъ руками. Но Лиза не отвѣтила и какъ бы даже не слышала;
она сѣла въ прежній уголъ и опять стала смотрѣть куда-то въ воздухъ.

Что-то побѣдоносное и гордое засвѣтилось въ лицѣ Варвары Пет-
ровны.

— Маврикій Николаевичъ, я къ вамъ съ чрезвычайною просьбой,
сдѣлайте мнѣ одолженіе, сходите взглянуть на этого чело-вѣка внизу, и
если есть хоть какая-нибудь возможность его *впустить*, то приведите
его сюда.

Маврикій Николаевичъ поклонился и вышелъ. Черезъ минуту онъ
привелъ господина Лебядкина.

IV.

Я какъ-то говорилъ о наружности этого господина: высокій, курча-
вый, плотный парень, лѣтъ сорока, съ багровымъ, нѣсколько опухшимъ
и обрюзглымъ лицомъ, со вздрагивающими при каждомъ движеніи голо-
вы щеками, съ маленькими, кровяными, иногда довольно хитрыми глаз-
ками, въ усахъ, въ бакенбардахъ и съ зараждающимся мясистымъ кады-
комъ, довольно непріятнаго вида. Но всего болѣе поражало въ немъ то
что онъ явился теперь во фракѣ и въ чистомъ бѣльѣ. «Есть люди кото-
рымъ чистое бѣлье даже неприлично-съ,» какъ возразилъ разъ когда-то

Липутинъ на шуточный упрекъ ему Степана Трофимовича въ неряшествѣ. У капитана были и перчатки черныя, изъ которыхъ правую, еще не надѣванную, онъ держалъ въ рукѣ, а лѣвая, туго напыленная и не застегнувшаяся, до половины прикрывала его мясистую, лѣвую лапу, въ которой онъ держалъ совершенно новую, глянцовитую и навѣрно въ первый еще разъ служившую круглую шляпу. Выходило стало-быть что вчерашній «фракъ любви», о которомъ онъ кричалъ Шатову, существовалъ дѣйствительно. Все это, то-есть и фракъ и бѣлье, было принесено (какъ узналъ я послѣ) по совѣту Липутина, для какихъ-то таинственныхъ цѣлей. Сомнѣнія не было что и пріѣхалъ онъ теперь (въ извозицкѣй каретѣ) непремѣнно тоже по постороннему наущенію и съ чьею-нибудь помощью; одинъ онъ не успѣлъ бы догадаться, а равно одѣться, собраться и рѣшиться въ какія-нибудь три четверти часа, предполагая даже что сцена на соборной паперти стала ему тотчасъ извѣстною. Онъ былъ не пьянъ, но въ томъ тяжеломъ, грузномъ, дымномъ состояніи челоуѣка вдругъ проснушагося послѣ многочисленныхъ дней запоя. Кажется, стоило бы только покачнуть его раза два рукой за плечо, и онъ тотчасъ бы опять охмѣлѣлъ.

Онъ было разлетѣлся въ гостиную, но вдругъ споткнулся въ дверяхъ о коверъ. Марья Тимоѣевна такъ и померла со смѣху. Онъ звѣрски поглядѣлъ на нее, и вдругъ сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ Варварѣ Петровнѣ.

— Я пріѣхалъ, сударыня.... прогремѣлъ было онъ какъ въ трубу.

— Сдѣлайте мнѣ одолженіе, милостивый государь, выпрямилась Варвара Петровна, — возьмите мѣсто вотъ тамъ, на томъ стулѣ. Я васъ услышу и оттуда, а мнѣ отсюда виднѣе будетъ на васъ смотрѣть.

Капитанъ остановился, тупо глядя предъ собой, но однако повернулся и сѣлъ на указанное мѣсто, у самыхъ дверей. Сильная въ себѣ неувѣренность, а вмѣстѣ съ тѣмъ наглость и какая-то непрерывная раздражительность сказывались въ выраженіи его фізіономіи. Онъ трусилъ ужасно, это было видно, но страдало и его самолюбіе, и можно было угадать что изъ раздраженнаго самолюбія, онъ можетъ рѣшиться, несмотря на трусость, даже на всякую наглость, при случаѣ. Онъ видимо боялся за каждое движеніе своего неуклюжаго тѣла. Извѣстно что самое главное страданіе всѣхъ подобныхъ господъ, когда они какимъ-нибудь чуднымъ случаемъ появляются въ обществѣ, составляютъ ихъ собственные руки и ежеминутно сознаваемая невозможность куда-нибудь прилично дѣваться съ ними. Капитанъ замеръ на стулѣ съ своею шляпой и перчатками въ рукахъ и не сводя бессмысленнаго взгляда своего со строгаго лица Варвары Петровны. Ему можетъ-быть и хотѣлось бы внима-

тельнѣе осмотрѣться кругомъ, но онъ пока еще не рѣшался. Марья Тимоѣевна, вѣроятно найдя фигуру его опять ужасно смѣшною, захохотала снова, но онъ не шевельнулся. Варвара Петровна безжалостно долго, цѣлую минуту выдержала его въ такомъ положеніи, безпощадно его разглядывая.

— Сначала позвольте узнать ваше имя отъ васъ самихъ? мѣрно и выразительно произнесла она.

— Капитанъ Лебядкинъ, прогремѣлъ капитанъ, — я пріѣхалъ сударыня.... шевельнулся было онъ опять.

— Позвольте! опять остановила Варвара Петровна, — эта жалкая особа, которая такъ заинтересовала меня, дѣйствительно ваша сестра?

— Сестра, сударыня, ускользнувшая изъ-подъ надзора, ибо она въ такомъ положеніи....

Онъ вдругъ запнулся и побагровѣлъ.

— Не примите превратно, сударыня, сбился онъ ужасно, — родной братъ не станетъ марать.... въ такомъ положеніи, это значитъ не въ такомъ положеніи.... въ смыслѣ пятнающемъ репутацію.... на послѣднихъ порахъ....

Онъ вдругъ оборвалъ.

— Милостивый государь! подняла голову Варвара Петровна.

— Вотъ въ какомъ положеніи! внезапно заключилъ онъ, ткнувъ себя пальцемъ въ средину лба. Послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— И давно она этимъ страдаетъ? протянула нѣсколько Варвара Петровна.

— Сударыня, я пріѣхалъ отблагодарить за выказанное на паперти великодушіе по-русски, по-братски....

— По-братски?

— То-есть не по-братски, а единственно въ томъ смыслѣ что я братъ моей сестрѣ, сударыня, и, повѣрьте, сударыня, зачастилъ онъ, опять побагровѣвъ, — что я не такъ необразованъ какъ могу показаться съ перваго взгляда въ вашей гостиной. Мы съ сестрой ничто, сударыня, сравнительно съ пышностію которую здѣсь замѣчаемъ. Имѣя къ тому же клеветниковъ. Но до репутаціи Лебядкинъ гордъ, сударыня, и.... и.... я пріѣхалъ отблагодарить.... Вотъ деньги, сударыня!

Тутъ онъ выхватилъ изъ кармана бумажникъ, рванулъ изъ него пачку кредитокъ и сталъ перебирать ихъ дрожащими пальцами въ неистовомъ припадкѣ нетерпѣнія. Видно было что ему хотѣлось поскорѣе что-то разъяснить, да и очень надо было; но вѣроятно чувствуя самъ что возня съ деньгами придаетъ ему еще болѣе глупый видъ, онъ потерялъ послѣднее самообладаніе: деньги никакъ не хотѣли сосчитать-

ся, пальцы путались, и къ довершенію срама, одна зеленая депозитка, выскользнувъ изъ бумажника, полетѣла зигзагами на коверъ.

— Двадцать рублей, сударыня, вскочилъ онъ вдругъ съ пачкой въ рукахъ и со вспотѣвшимъ отъ страданія лицомъ; замѣтивъ на полу вылетѣвшую бумажку, онъ нагнулся было поднять ее, но почему-то устыдившись, махнулъ рукой.

— Вашимъ людямъ, сударыня, лакею который подберетъ; пусть помнитъ Лебядкину!

— Я этого никакъ не могу позволить, торопливо и съ нѣкоторымъ испугомъ проговорила Варвара Петровна.

— Въ такомъ случаѣ....

Онъ нагнулся, поднялъ, побагровѣлъ и, вдругъ стѣснительно приблизясь къ Варварѣ Петровнѣ, протянулъ ей отсчитанныя деньги.

— Что это? Совсѣмъ уже наконецъ испугалась она и даже попятилась въ креслахъ. Маврикій Николаевичъ, я и Степанъ Трофимовичъ шагнули каждый впередъ.

— Успокойтесь, успокойтесь, я не сумашедшій, ей-Богу не сумашедшій! въ волненіи увѣрялъ капитанъ на всѣ стороны.

— Нѣтъ, милостивый государь, вы съ ума сошли.

— Сударыня, это вовсе не то что вы думаете! Я конечно, ничтожное звено.... О, сударыня, богаты чертоги ваши, но бѣдны они у Маріи Неизвѣстной, сестры моей, урожденной Лебядкиной, но которую назовемъ пока Маріей Неизвѣстной, пока сударыня, только *пока*, ибо навѣчно не допуститъ самъ Богъ! Сударыня, вы дали ей десять рублей, и она приняла, но потому что отъ васъ, сударыня! Слышите, сударыня! ни отъ кого въ мірѣ не возьметъ эта Неизвѣстная Марія, иначе содрогнется во гробѣ штабъ-офицеръ ея дѣдъ, убитый на Кавказѣ, на глазахъ самого Ермолова, но отъ васъ, сударыня, отъ васъ все возьметъ. Но одною рукой возьметъ, а другою протянетъ вамъ уже двадцать рублей, въ видѣ пожертвованія въ одинъ изъ столичныхъ комитетовъ благотворительности, гдѣ вы, сударыня, состоите членомъ.... такъ какъ и сами вы, сударыня, публиковались въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* что у васъ состоитъ здѣшняя, по нашему городу, книга благотворительнаго общества, въ которую всякій можетъ подписываться....

Капитанъ вдругъ оборвалъ; онъ дышалъ тяжело, какъ послѣ какого-то труднаго подвига. Все это насчетъ комитета благотворительности, вѣроятно было заранѣе подготовлено, можетъ-быть также подъ редакціей Липутина. Онъ еще пуще вспотѣлъ; буквально капли пота выступали у него на вискахъ. Варвара Петровна пронзительно въ него всматривалась.

— Эта книга, строго проговорила она, — находится всегда внизу у швейцара моего дома, тамъ вы можете подписать ваше пожертвованіе, если захотите. А потому прошу васъ спрятать теперь ваши деньги и не махать ими по воздуху. Вотъ такъ. Прошу васъ тоже занять ваше прежнее мѣсто. Вотъ такъ. Очень жалѣю, милостивый государь, что я ошиблась на счетъ вашей сестры и подала ей на бѣдность, когда она такъ богата. Не понимаю одного только, почему отъ меня одной она можетъ взять, а отъ другихъ ни за что не захочетъ. Вы такъ на этомъ настаивали что я желаю совершенно точнаго объясненія.

— Сударыня, это тайна, которая можетъ быть похоронена лишь во гробѣ! отвѣчалъ капитанъ.

— Почему же? какъ-то не такъ уже твердо спросила Варвара Петровна.

— Сударыня, сударыня!...

Онъ мрачно примолкъ, смотря въ землю и приложивъ правую руку къ сердцу. Варвара Петровна ждала, не сводя съ него глазъ.

— Сударыня! взревѣлъ онъ вдругъ, — позволите ли сдѣлать вамъ одинъ вопросъ, только одинъ, но открыто, прямо, по-русски, отъ души?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Страдали вы, сударыня, въ жизни?

— Вы просто хотите сказать что отъ кого-нибудь страдали или страдаете.

— Сударыня, сударыня! вскочилъ онъ вдругъ опять, вѣроятно и не замѣчая того и ударяя себя въ грудь, — здѣсь, въ этомъ сердцѣ кипѣло столько, столько что удивится Самъ Богъ, когда обнаружится на страшномъ судѣ!

— Гмъ, сильно сказано.

— Сударыня, я можетъ-быть говорю языкомъ раздражительнымъ....

— Не беспокойтесь, я сама знаю гдѣ васъ надо будетъ остановить.

— Могу ли предложить вамъ еще вопросъ, сударыня?

— Предложите еще вопросъ.

— Можно ли умереть единственно отъ благородства своей души?

— Не знаю, не задавала себѣ такого вопроса.

— Не знаете! Не задавали себѣ такого вопроса!! прокричалъ онъ съ патетическою ироніей, — а коли такъ, коли такъ —

«Молчи безнадежное сердце!»

и онъ неистово стукнулъ себя въ грудь.

Онъ уже опять заходилъ по комнатѣ. Признакъ этихъ людей — совершенное безсиліе сдержатъ въ себѣ свои желанія; напротивъ, неудер-

жимое стремленіе тотчасъ же ихъ обнаружить, со всею даже неопрятностью, чуть только они зародятся. Попавъ не въ свое общество, такой господинъ обыкновенно начинаетъ робѣя, но уступите ему на волосокъ, и онъ тотчасъ же перескочитъ на дерзости. Капитанъ уже горячился, ходилъ, махалъ руками, не слушалъ вопросовъ, говорилъ о себѣ шибко, шибко, такъ что языкъ его иногда подвертывался, и не договоривъ, онъ перескакивалъ на другую фразу. Правда, едва ли онъ былъ совсѣмъ трезвъ; тутъ сидѣла тоже Лизавета Николаевна, на которую онъ не взглянулъ ни разу, но присутствіе которой, кажется, страшно кружило его. Впрочемъ это только уже предположеніе. Существовала же стало-быть причина по которой Варвара Петровна, преодолевая отвращеніе, рѣшилась выслушивать такого человѣка. Прасковья Ивановна просто тряслась отъ страха, правда не совсѣмъ, кажется, понимая въ чемъ дѣло. Степанъ Трофимовичъ дрожалъ тоже, но напротивъ потому что наклоненъ былъ всегда понимать съ излишкомъ. Маврикій Николаевичъ стоялъ въ позѣ всеобщаго оберегателя. Лиза была блѣдненькая и не отрываясь смотрѣла широко раскрытыми глазами на дикаго капитана. Шатовъ сидѣлъ въ прежней позѣ; но что страннѣе всего, Марья Тимоѣевна не только перестала смѣяться, но сдѣлалась ужасно грустна. Она облокотилась правою рукою на столъ, и длиннымъ грустнымъ взглядомъ слѣдила за декламировавшимъ братцемъ своимъ. Одна лишь Дарья Павловна казалась мнѣ спокойною.

— Все это вздорныя аллегоріи, разсердилась наконецъ Варвара Петровна, — вы не отвѣтили на мой вопросъ: «почему?» Я настоятельно жду отвѣта.

— Не отвѣтилъ «почему?» Ждете отвѣта на «почему?» переговорилъ капитанъ, подмигивая; — это маленькое словечко «почему» разлито во всей вселенной съ самаго перваго дня міросозданія, сударыня, и вся природа ежеминутно кричитъ своему Творцу: «почему?» и вотъ уже семь тысячъ лѣтъ не получаетъ отвѣта. Неужто отвѣчать одному капитану Лебядкину, и справедливо ли выйдетъ, сударыня?

— Это все вздоръ и не то! гнѣвалась и теряла терпѣніе Варвара Петровна, — это аллегоріи; кромѣ того вы слишкомъ пышно изволите говорить, милостивый государь, что я считаю дерзостью.

— Сударыня, не слушалъ капитанъ, — я можетъ-быть желалъ бы называться Эрнестомъ, а между тѣмъ принужденъ носить грубое имя Игната, — почему это, какъ вы думаете? Я желалъ бы называться княземъ де-Монбаромъ, а между тѣмъ я только Лебядкинъ, отъ лебедя, — почему это? Я поэтъ, сударыня, поэтъ въ душѣ, и могъ бы получать тысячу рублей отъ издателя, а между тѣмъ принужденъ жить въ лахани,

почему, почему? Сударыня! По моему, Россія есть игра природы, не болѣе!

— Вы рѣшительно ничего не можете сказать опредѣленнѣе?

— Я могу вамъ прочесть піесу *Тараканъ*, сударыня!

— Что-о-о?

— Сударыня, я еще не помѣшанъ! Я буду помѣшанъ, буду, навѣрно, но я еще не помѣшанъ! Сударыня, одинъ мой пріятель — благо-роднѣйшее лицо, — написалъ одну басню Крылова, подъ названіемъ *Тараканъ*, — могу я прочесть ее?

— Вы хотите прочесть какую-то басню Крылова?

— Нѣтъ, не басню Крылова хочу я прочесть, а мою басню, собственную, мое сочиненіе! Повѣрьте же, сударыня, безъ обиды себѣ, что я не до такой степени уже необразованъ и развращенъ чтобы не понимать что Россія обладаетъ великимъ баснописцемъ Крыловымъ, которому министромъ просвѣщенія воздвигнуть памятникъ въ Лѣтнемъ Саду, для игры въ дѣтскомъ возрастѣ. Вы вотъ спрашиваете, сударыня: «почему?» Отвѣтъ на днѣ этой басни, огненными литерами!

— Прочтите вашу басню.

— Жилъ на свѣтѣ тараканъ,
Тараканъ отъ дѣтства,
И потомъ въ стаканъ попалъ
Полный мухоѣдства....

— Господи, что такое? воскликнула Варвара Петровна.

— То-есть когда лѣтомъ, заторопился капитанъ, ужасно махая руками, съ раздражительнымъ нетерпѣніемъ автора которому мѣшаютъ читать, когда лѣтомъ въ стаканъ налѣзутъ мухи, то происходитъ мухоѣдство, всякій дуракъ пойметъ, не перебивайте, не перебивайте, вы увидите, вы увидите.... (онъ все махалъ руками).

Мѣсто занялъ тараканъ,
Мухи возроптали,
Полонъ очень нашъ стаканъ,
Къ Юпитеру закричали.

Но пока у нихъ шелъ крикъ,
Подошелъ Никифоръ,
Бла-го-роднѣйшій старикъ...

Тутъ у меня еще не dokonчено, но все равно, словами, трещалъ капитанъ, — Никифоръ беретъ стаканъ и несмотря на крикъ, выплески-

ваеть въ лахань всю комедію, и мухъ и таракана, что давно надо было сдѣлать. Но замѣтьте, замѣтьте, сударыня, тараканъ не ропщеть! Вотъ отвѣтъ на вашъ вопросъ: «почему?» вскричалъ онъ, торжествуя: «Тараканъ не ропщеть!» — Что же касается до Никифора, то онъ изображаетъ природу, прибавилъ онъ скороговоркой и самодовольно заходилъ по комнатѣ.

Варвара Петровна разсердилась ужасно.

— А въ какихъ деньгахъ, позвольте васъ спросить, полученныхъ будто бы отъ Николая Всеволодовича и будто бы вамъ не доданныхъ, вы осмѣлились обвинить одно лицо, принадлежащее къ моему дому?

— Клевета! взревѣлъ Лебядкинъ, трагически поднявъ правую руку.

— Нѣтъ, не клевета.

— Сударыня, есть обстоятельства заставляющія сносить скорѣе фамильный позоръ, чѣмъ провозгласить громко истину. Не проговорится Лебядкинъ, сударыня!

Онъ точно ослѣпъ; онъ былъ во вдохновеніи; онъ чувствовалъ свою значительность; ему навѣрно что-то такое представлялось. Ему уже хотѣлось обидѣть, какъ-нибудь нагадить, показать свою власть.

— Позвоните пожалуйста, Степанъ Трофимовичъ, попросила Варвара Петровна.

— Лебядкинъ хитеръ, сударыня! подмигнулъ онъ соскверною улыбкой, — хитеръ, но есть и у него препона, есть и у него преддверіе страстей! И это преддверіе — старая боевая гусарская бутылка, воспѣтая Денисомъ Давыдовымъ. Вотъ когда онъ въ этомъ преддверіи, сударыня, тутъ и случается что онъ отправитъ письмо въ стихахъ, великолѣпнѣйшее, — но которое желалъ бы потомъ возвратитъ обратно слезами всей своей жизни, ибо нарушается чувство прекраснаго. Но вылетѣла птичка, не поймашь за хвостъ! Вотъ въ этомъ-то преддверіи, сударыня, Лебядкинъ могъ проговорить насчетъ и благородной дѣвицы, въ видѣ благороднаго негодованія возмущенной обидами души, чѣмъ и воспользовались клеветники. Но хитеръ Лебядкинъ, сударыня! И напрасно сидитъ надъ нимъ зловѣщій волкъ, ежеминутно подливая и ожидая конца: не проговорится Лебядкинъ, и на днѣ бутылки вмѣсто ожидаемаго оказывается каждый разъ — хитрость Лебядкина! Но довольно, о, довольно! Сударыня, ваши великолѣпные чертоги могли бы принадлежать благороднѣйшему изъ лицъ, но тараканъ не ропщеть! Замѣтьте же, замѣтьте наконецъ что не ропщеть и познайте великій духъ!

Въ это мгновеніе снизу изъ швейцарской раздался звонокъ, и почти тотчасъ же появился нѣсколько замѣшкавшій на звонъ Степана Трофи-

мовича Алексѣй Егорычъ. Старый чинный слуга былъ въ какомъ-то необыкновенно возбужденномъ состояніи:

— Николай Всеволодовичъ изволили сію минуту прибыть и идутъ сюда-съ, произнесъ онъ въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Варвары Петровны.

Я особенно припоминаю ее въ то мгновеніе: сперва она поблѣднѣла, но вдругъ глаза ея засверкали. Она выпрямилась въ креслахъ, съ видомъ необычной рѣшимости. Да и всѣ были поражены. Совершенно неожиданный пріѣздъ Николая Всеволодовича, котораго ждали у насъ развѣ что черезъ мѣсяцъ, былъ страненъ не одною своею неожиданностью, а именно роковымъ какимъ-то совпаденіемъ съ настоящею минутой. Даже капитанъ остановился какъ столбъ среди комнаты, разинувъ ротъ и съ ужасно глупымъ видомъ смотря на дверь.

И вотъ изъ сосѣдней залы, длинной и большой комнаты раздались скорые приближающіеся шаги, маленькіе шаги, чрезвычайно частые; кто-то какъ будто катился, и вдругъ влетѣлъ въ гостиную — совсѣмъ не Николай Всеволодовичъ, а совершенно незнакомый никому молодой человекъ.

V.

Позволю себѣ пріостановиться и хотя нѣсколько бѣглыми штрихами очертить это внезапно появляющееся лицо.

Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати семи или около, немного повыше средняго роста, съ жидкими бѣлокурыми, довольно длинными волосами и съ клочковатыми, едва обозначавшимися усами и бородкой. Одѣтый чисто и даже по модѣ, но не щегольски; какъ будто съ перваго взгляда сутуловатый и мѣшковатый, но однакожь совсѣмъ не сутуловатый и даже развязный. Какъ будто какой-то чудакъ, и однакоже всѣ у насъ находили потомъ его манеры весьма приличными, а разговоръ всегда идущимъ къ дѣлу.

Никто не скажетъ что онъ дуренъ собой, но лицо его никому не нравится. Голова его удлиннена къ затылку и какъ бы сплюснута съ боковъ, такъ что лицо его кажется вострымъ. Лобъ его высокъ и узокъ, но черты лица мелки; глазъ вострый, носикъ маленькій и востренькій, губы длинныя и тонкія. Выраженіе лица словно болѣзненное, но это только кажется. У него какая-то сухая складка на щекахъ и около скулъ, что придаетъ ему видъ какъ бы выздоравливающаго послѣ тяжелой болѣзни. И однакоже онъ совершенно здоровъ, силенъ и даже никогда не былъ боленъ.

Онъ ходитъ и движется очень торопливо, но никуда не торопится. Кажется ничто не можетъ привести его въ смущеніе; при всякихъ обстоятельствахъ и въ какомъ угодно обществѣ онъ останется тотъ же. Въ немъ большое самодовольство, но самъ онъ его въ себѣ не примѣчаетъ нисколько.

Говоритъ онъ скоро, торопливо, но въ то же время самоувѣренно, и не лѣзетъ за словомъ въ карманъ. Его мысли спокойны, несмотря на торопливый видъ, отчетливы и окончательны, — и это особенно выдается. Выговоръ у него удивительно ясенъ; слова его сыплются какъ ровныя, крупныя зернушки, всегда подобранныя и всегда готовыя къ вашимъ услугамъ. Сначала это вамъ и нравится, но потомъ станетъ противно, и именно отъ этого слишкомъ уже яснаго выговора, отъ этого бисера вѣчно готовыхъ словъ. Вамъ какъ-то начинаетъ представляться что языкъ у него во рту должно-быть какой-нибудь особенной формы, какой-нибудь необыкновенно длинный и тонкій, ужасно красный и съ чрезвычайно вострымъ, непрерывно и невольно вертящимся кончикомъ.

Ну вотъ этотъ-то молодой человекъ и влетѣлъ теперь въ гостиную, и право мнѣ до сихъ поръ кажется что онъ заговорилъ еще изъ сосѣдней залы и такъ и вошелъ говоря. Онъ мигомъ очутился предъ Варварой Петровной.

— ....Представьте же, Варвара Петровна, сыпалъ онъ какъ бисеромъ, — я вхожу и думаю застать его здѣсь уже съ четверть часа; онъ полтора часа какъ пріѣхалъ; мы сошлись у Кириллова; онъ отправился, полчаса тому, прямо сюда и велѣлъ мнѣ тоже сюда приходить черезъ четверть часа....

— Да кто? Кто велѣлъ вамъ сюда приходить? допрашивала Варвара Петровна.

— Да Николай же Всеволодовичъ! Такъ неужели вы въ самомъ дѣлѣ только сію минуту узнаете? Но багажъ же его, по крайней мѣрѣ, долженъ давно прибыть, какъ же вамъ не сказали? Стало-быть я первый и возвѣщаю. За нимъ можно было бы, однако, послать куда-нибудь, а впрочемъ навѣрно онъ самъ сейчасъ явится и, кажется, именно въ то самое время которое какъ разъ отвѣтствуетъ нѣкоторымъ его ожиданіямъ и, сколько я, по крайней мѣрѣ могу судить, его нѣкоторымъразчетамъ. Тутъ онъ обвелъ глазами комнату и особенно внимательно остановилъ ихъ на капитанѣ. — Ахъ, Лизавета Николаевна, какъ я радъ что встрѣчаю васъ съ перваго же шагу, очень радъ пожать вашу руку, быстро подлетѣлъ онъ къ ней чтобы подхватить протянувшуюся къ нему ручку весело улыбнувшейся Лизы; — и сколько замѣчаю, многоуважаемая Прасковья Ивановна тоже не забыла, кажется, своего «профессора»

и даже на него не сердится, какъ всегда сердилась въ Швейцаріи. Но какъ однакожь здѣсь ваши ноги, Прасковья Ивановна, и справедливо ли приговорилъ вамъ швейцарскій консиліумъ климатъ родины?... какъ-съ? примочки? это очень должно-быть полезно. Но какъ я жалѣлъ, Варвара Петровна (быстро повернулся онъ опять), что не успѣлъ васъ застать тогда за границей и засвидѣтельствовать вамъ лично мое уваженіе, притомъ же такъ много имѣлъ сообщить.... Я увѣдомлялъ сюда моего старика, но онъ по своему обыкновенію кажется....

— Петруша! вскричалъ Степанъ Трофимовичъ, мгновенно выходя изъ оцѣпенѣнія; онъ сплеснулъ руками и бросился къ сыну. — *Pierre, mon enfant*¹, а вѣдь я не узналъ тебя! сжалъ онъ его въ объятіяхъ, и слезы покатались изъ глазъ его.

— Ну, не шали, не шали, безъ жестовъ, ну и довольно, довольно, прошу тебя, торопливо и нѣсколько даже испуганно бормоталъ Петруша, стараясь освободиться изъ объятій.

— Я всегда, всегда былъ виноватъ предъ тобой!

— Ну, и довольно; объ этомъ мы послѣ поговоримъ. Такъ вѣдь и зналъ что зашалишь. Ну будь же немного потрезвѣе, прошу тебя.

— Но вѣдь я не видалъ тебя десять лѣтъ!

— Тѣмъ менѣе причинъ къ изліяніямъ....

— *Mon enfant!*

— Но невозможно же быть въ такихъ лѣтахъ такимъ ребенкомъ, скороговоркой сыпалъ Петруша. (Вся эта сцена произошла чрезвычайно быстро, почти мгновенно.) — Ну вѣрю, вѣрю что любишь, убери свои руки. Вѣдь ты мѣшаешь другимъ.... Ахъ, вотъ и Николай Всеволодовичъ, да не шали же прошу тебя наконецъ!

Онъ вырвался. Николай Всеволодовичъ дѣйствительно былъ уже въ комнатѣ; онъ вошелъ очень тихо и на мгновеніе пріостановился въ дверяхъ, тихимъ взглядомъ окидывая собраніе.

Какъ и четыре года назадъ, когда въ первый разъ я увидалъ его, такъ точно и теперь, я былъ пораженъ съ перваго на него взгляда. Я ни мало не забылъ его; но кажется есть такія фізіономіи которыя всегда, каждый разъ когда появляются, какъ бы приносятъ съ собою нѣчто новое, еще не примѣченное въ нихъ вами, хотя бы вы сто разъ прежде встрѣчались. Повидимому, онъ былъ все тотъ же какъ и четыре года назадъ: такъ же изященъ, такъ же важенъ, такъ же важно входилъ какъ и тогда, даже почти такъ же молодъ. Легкая улыбка его была такъ же офиціально ласкова и такъ же самодовольна; взглядъ такъ же строгъ, вдумчивъ и какъ бы разсѣянъ. Однимъ словомъ, казалось, мы вчера

¹ Петя, дитя мое (*франц.*).

только разстались. Но одно поразило меня: прежде хоть и считали его красавцемъ, но лицо его дѣйствительно «походило на маску,» какъ выражались нѣкоторыя изъ злоязычныхъ дамъ нашего общества. Теперь же, — теперь же не знаю почему онъ съ перваго же взгляда показался мнѣ рѣшительнымъ, неоспоримымъ красавцемъ, такъ что уже никакъ нельзя было сказать что лицо его походить на маску. Не оттого ли что онъ сталъ чуть-чуть блѣднѣе чѣмъ прежде и кажется нѣсколько похудѣлъ? Или можетъ-быть какая-нибудь новая мысль свѣтилась теперь въ его взглядѣ?

— Николай Всеволодовичъ! вскричала, вся выпрямившись и не сходя съ кресель, Варвара Петровна, останавливая его повелительнымъ жестомъ, — остановись на одну минуту!

Но чтобъ объяснить тотъ ужасный вопросъ который вдругъ послѣдовалъ за этимъ жестомъ и восклицаніемъ, — вопросъ, возможности котораго я даже и въ самой Варварѣ Петровнѣ не могъ бы предположить, — я попрошу читателя вспомнить что такое былъ характеръ Варвары Петровны во всю ея жизнь и необыкновенную стремительность его въ инныя чрезвычайныя минуты. Прошу тоже сообразить что несмотря на несомнѣнную твердость души и на огромную долю разсудка и практическаго, такъ-сказать, даже хозяйственнаго такта, которыми она обладала, все-таки въ ея жизни не переводились такія мгновенія которымъ она отдавалась вдругъ вся, всецѣло и, если позволительно выразиться, совершенно безъ удержу. Прошу взять наконецъ во вниманіе что настоящая минута дѣйствительно могла быть для нея изъ такихъ въ которыхъ вдругъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивается вся сущность жизни, — всего прожитаго, всего настоящаго и пожалуй будущаго. Напомню еще вскользь и о полученномъ ею анонимномъ письмѣ, о которомъ она давеча такъ раздражительно проговорила Прасковѣ Ивановнѣ, причемъ, кажется, умолчала о дальнѣйшемъ содержаніи письма; а въ немъ-то можетъ-быть и заключалась разгадка возможности того ужаснаго вопроса съ которымъ она вдругъ обратилась къ сыну.

— Николай Всеволодовичъ, — повторила она, отчеканивая слова твердымъ голосомъ, въ которомъ зазвучалъ грозный вызовъ, — прошу васъ, скажите сейчасъ же, не сходя съ этого мѣста: правда ли что эта несчастная, хромая женщина, — вотъ она, вонъ тамъ, смотрите на нее! Правда ли что она.... законная жена ваша?

Я слишкомъ помню это мгновеніе; онъ не смигнулъ даже глазомъ и пристально смотрѣлъ на мать; ни малѣйшаго измѣненія въ лицѣ его не послѣдовало. Наконецъ онъ медленно улыбнулся какой-то снисходящей улыбкой и, не отвѣтивъ ни слова, тихо подошелъ къ мамашѣ, взялъ ея

руку, почтительно поднесъ къ губамъ и два раза поцѣловалъ. И до того было сильно всегдашнее, неодолимое вліяніе его на мать что она и тутъ не посмѣла отдернуть руки. Она только смотрѣла на него, вся обратясь въ вопросъ, и весь видъ ея говорилъ что еще одинъ мигъ, и она не вынесеть неизвѣстности.

Но онъ продолжалъ молчать. Поцѣловавъ руку, онъ еще разъ окинулъ взглядомъ всю комнату и попрежнему не спѣша направился прямо къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ. Очень трудно описывать фізіономіи людей въ нѣкоторыя мгновенія. Мнѣ, напримѣръ, запомнилось что Марья Тимоѳеевна, вся замирая отъ испуга, поднялась къ нему на встрѣчу и сложила, какъ бы умоляя его, предъ собою руки; а вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминается и восторгъ въ ея взглядѣ, какой-то безумный восторгъ, почти исказившій ея черты — восторгъ, который трудно людьми выносятся. Можетъ было и то и другое, и испугъ и восторгъ; но помню что я быстро къ ней придвинулся (я стоялъ почти подлѣ), мнѣ показалось что она сейчасъ упадетъ въ обморокъ.

— Вамъ нельзя быть здѣсь, — проговорилъ ей Николай Всеволодовичъ ласковымъ, мелодическимъ голосомъ, и въ глазахъ его засвѣтилась необыкновенная нѣжность. Онъ стоялъ предъ нею въ самой почтительной позѣ, и въ каждомъ движеніи его сказывалось самое искреннее уваженіе. Бѣдняжка стремительнымъ полупшепотомъ, задыхаясь, пролепетала ему:

— А мнѣ можно.... сейчасъ.... стать предъ вами на колѣни?

— Нѣтъ, этого никакъ нельзя, — великолѣпно улынулся онъ ей, такъ что и она вдругъ радостно усмѣхнулась. Тѣмъ же мелодическимъ голосомъ и нѣжно уговаривая ее точно ребенка, онъ съ важностію прибавилъ:

— Подумайте о томъ что вы дѣвушка, а я хоть и самый преданный другъ вашъ, но все же посторонній вамъ человѣкъ, не мужъ, не отецъ, не женихъ. Дайте же руку вашу и пойдете; я провожу васъ до кареты и, если позволите, самъ отвезу васъ въ вашъ домъ.

Она выслушала и какъ бы въ раздумьи склонила голову.

— Пойдете, сказала она, опять ясно смотря на него и подавая ему руку.

Но тутъ съ нею случилось маленькое несчастіе. Должно-быть она неосторожно какъ-нибудь повернулась и ступила на свою большую, короткую ногу, — словомъ, она упала всѣмъ бокомъ на кресло, и не будь этихъ кресель, полетѣла бы на полъ. Онъ мигомъ подхватилъ ее и поддержалъ, крѣпко взялъ подъ руку, и съ участіемъ, осторожно повелъ къ дверямъ. Она видимо была огорчена своимъ паденіемъ, смутилась, по-

краснѣла и ужасно застыдилась. Молча смотря въ землю, глубоко прихрамывая, она заковыляла за нимъ, почти повиснувъ на его рукѣ. Такъ они и вышли. Лиза, я видѣлъ, для чего-то вдругъ привскочила съ кресла, пока они выходили, и неподвижнымъ взглядомъ прослѣдила ихъ до самыхъ дверей. Потомъ молча сѣла опять, но въ лицѣ ея было движеніе какъ будто она дотронулась до какого-то гада.

Пока шла вся эта сцена между Николаемъ Всеволодовичемъ и Марьей Тимоѳеевной, всѣ молчали въ изумленіи; муху бы можно услышать; но только-что они вышли, всѣ вдругъ заговорили.

VI.

Говорили впрочемъ мало, а болѣе восклицали. Я немножко забылъ теперь какъ это все происходило тогда по порядку, потому что вышла сумятица. Воскликнулъ что-то Степанъ Трофимовичъ по-французски и сплеснулъ руками, но Варварѣ Петровнѣ было некогда слушать. Даже пробормоталъ что-то отрывисто и скоро Маврикій Николаевичъ. Но всѣхъ болѣе горячился Петръ Степановичъ; онъ въ чемъ-то отчаянно убѣждалъ Варвару Петровну, съ большими жестами, но я долго не могъ понять. Обращался и къ Прасковѣ Ивановнѣ и къ Лизаветѣ Николаевнѣ, даже мелькомъ сгоряча крикнулъ что-то отцу, — однимъ словомъ, очень вертѣлся по комнатѣ. Варвара Петровна, вся раскраснѣвшись, вскочила было съ мѣста и крикнула Прасковѣ Ивановнѣ: «Слышала, слышала ты что онъ здѣсь ей сейчасъ говорилъ?» Но та ужъ и отвѣчать не могла, а пробормотала только, махнувъ рукой: «Вы все начали, вы все выдумали», или что-то въ этомъ родѣ, и совсѣмъ притихла.

У бѣдной была своя забота: она поминутно поворачивала голову къ Лизѣ и смотрѣла на нее въ безотчетномъ страхѣ, а встать и уѣхать и думать уже не смѣла, пока не подыметъ дочь. Тѣмъ временемъ капитанъ навѣрно хотѣлъ улизнуть, это я подмѣтилъ. Онъ былъ въ настоящемъ испугѣ, съ самого того мгновенія какъ появился Николай Всеволодовичъ; но Петръ Степановичъ схватилъ его за руку и не далъ уйти.

— Это необходимо, необходимо, — сыпалъ онъ своимъ бисеромъ Варварѣ Петровнѣ, все продолжая ее убѣждать. Онъ стоялъ предъ нею, а она уже опять сидѣла въ креслахъ, и помню, съ жадностію его слушала; онъ таки добился того и завладѣлъ ея вниманіемъ.

— Это необходимо. Вы сами видите, Варвара Петровна, что тутъ недоразумѣніе, и на видъ много чуднаго, а между тѣмъ дѣло ясное какъ свѣчка и простое какъ палецъ. Я слишкомъ понимаю что никѣмъ не уполномоченъ разказывать и имѣю пожалуй смѣшной видъ, самъ напрашиваясь. Но впервыхъ, самъ Николай Всеволодовичъ не придаетъ это-

му дѣлу никакого значенія, и наконецъ, все же есть случаи въ которыхъ трудно человѣку рѣшиться на личное объясненіе самому, а надо непременно чтобы взялось за это третье лицо, которому легче высказать нѣкоторыя деликатныя вещи. Такъ оно и дѣлается обыкновенно. Повѣрьте, Варвара Петровна, что Николай Всеволодовичъ нисколько не виноватъ не отвѣтивъ на вашъ давешній вопросъ тотчасъ же, радикальнымъ объясненіемъ, несмотря на то что дѣло плевое; я знаю его еще съ Петербурга. Къ тому же весь анекдотъ дѣлаетъ только честь Николаю Всеволодовичу, если ужъ непременно надо употребить это неопредѣленное слово «честь»....

— Вы хотите сказать что вы были свидѣтелемъ какого-то случая, отъ котораго произошло.... это недоумѣніе? спросила Варвара Петровна.

— Свидѣтелемъ и участникомъ, — поспѣшно подтвердилъ Петръ Степановичъ.

— Если вы дадите мнѣ слово что это не обидитъ деликатности Николая Всеволодовича, въ извѣстныхъ мнѣ чувствахъ его ко мнѣ, отъ которой онъ ни-че-го не скрываетъ..... и если вы такъ притомъ увѣрены что этимъ даже сдѣлаете ему удовольствіе....

— Непременно удовольствіе, потому-то и самъ вмѣняю себѣ въ особенное удовольствіе. Я убѣжденъ что онъ самъ бы меня просилъ.

Довольно странно было и внѣ обыкновенныхъ пріемовъ это навязчивое желаніе этого вдругъ упавшаго съ неба господина разказывать чужіе анекдоты. Но онъ поймалъ Варвару Петровну на удочку, дотронувшись до слишкомъ наболѣвшаго мѣста. Я еще не зналъ тогда характера этого человѣка вполне, а ужъ тѣмъ болѣе его намѣреній.

— Васъ слушаютъ, сдержанно и осторожно возвѣстила Варвара Петровна, нѣсколько страдающая отъ своего снисхожденія.

— Вещь короткая; даже если хотите, по настоящему это и не анекдотъ, — посыпался бисеръ. — Впрочемъ романистъ отъ бездѣлья могъ бы испечь романъ. Довольно интересная вещица, Прасковья Ивановна, и я увѣренъ что Лизавета Николаевна съ любопытствомъ выслушаетъ, потому что тутъ много если не чудныхъ, то причудливыхъ вещей. Лѣтъ пять тому, въ Петербургѣ, Николай Всеволодовичъ узналъ этого господина, — вотъ этого самаго господина Лебядкина который стоитъ розиня ротъ и кажется собирался сейчасъ улизнуть. Извините, Варвара Петровна. Я вамъ въпрочемъ не совѣтую улепетывать, господинъ отставной чиновникъ бывшаго провіантскаго вѣдомства (видите я отлично васъ помню). И мнѣ и Николаю Всеволодовичу слишкомъ извѣстны ваши здѣшнія продѣлки, въ которыхъ, не забудьте это, вы должны будете дать отчетъ. Еще разъ прошу извиненія, Варвара Петровна. Николай Всеволо-

довичъ называлъ тогда этого господина своимъ Фальстафомъ; это должно-быть (пояснилъ онъ вдругъ) какой-нибудь бывший характеръ, burlesque¹, надъ которымъ всѣ смѣются и который самъ позволяетъ надъ собою всѣмъ смѣяться, лишь бы платили деньги. Николай Всеволодовичъ велъ тогда въ Петербургѣ жизнь такъ-сказать насмѣшливую, — другимъ словомъ не могу опредѣлить ее, потому что въ разочарованіе этотъ человѣкъ не впадетъ, а дѣломъ онъ и самъ тогда пренебрегалъ заниматься. Я говорю про одно лишь тогдашнее время, Варвара Петровна. У Лебядкина этого была сестра, — вотъ эта самая что сейчасъ здѣсь сидѣла. Братецъ и сестрица не имѣли своего угла, и скитались по чужимъ. Онъ бродилъ подъ арками Гостиного двора, непременно въ бывшемъ мундирѣ, и останавливалъ прохожихъ съ виду почище, а что набереть — пропивалъ. Сестрица же кормилась какъ птица небесная. Она тамъ въ углахъ помогала и за нужду прислуживала. Содомъ былъ ужаснѣйшій; я миную картину этой угловой жизни, — жизни которой изъ чудачества предавался тогда и Николай Всеволодовичъ. Я только про тогдашнее время, Варвара Петровна; а что касается до «чудачества», то это его собственное выраженіе. Онъ многое отъ меня не скрываетъ. М-ле Лебядкина, которой одно время слишкомъ часто пришлось встрѣчать Николая Всеволодовича, была поражена его наружностью. Это былъ такъ-сказать брилліантъ на грязномъ фонѣ ея жизни. Я плохой описатель чувствъ, а потому пройду мимо; но ее тотчасъ же подняли дрянные людишки на смѣхъ, и она загрустила. Тамъ вообще надъ нею смѣялись, но прежде она вовсе не замѣчала того. Голова ея уже и тогда была не въ порядкѣ, но тогда все-таки не такъ какъ теперь. Есть основаніе предположить что въ дѣтствѣ, черезъ какую-то благодѣтельницу, она чуть было не получила воспитанія. Николай Всеволодовичъ никогда не обращалъ на нее ни малѣйшаго вниманія и игралъ больше въ старыя замасленныя карты по четверть копѣйки въ преферансъ съ чиновниками. Но разъ, когда ее обижали, онъ (не спрашивая причины) схватилъ одного чиновника за шиворотъ и спустилъ изо втораго этажа въ окно. Никакихъ рыцарскихъ негодованій въ пользу оскорбленной невинности тутъ не было; вся операція произошла при всеобщемъ смѣхѣ, и смѣялся всѣхъ больше Николай Всеволодовичъ самъ; когда же все кончилось благополучно, то помирились и стали пить пуншъ. Но угнетенная невинность сама про то не забыла. Разумѣется кончилось окончательнымъ сотрясеніемъ ея умственныхъ способностей. Повторяю, я плохой описатель чувствъ, но тутъ главное мечта. А Николай Всеволодовичъ какъ нарочно еще болѣе раздражалъ мечту: вмѣсто того чтобы разсмѣяться, онъ

---

¹ шутовской (франц.).

вдругъ сталъ обращаться къ т-ле Лебядкиной съ неожиданнымъ уваженіемъ. Кириловъ, тутъ бывший (чрезвычайный оригиналь, Варвара Петровна, и чрезвычайно отрывистый человѣкъ; вы можетъ-быть когда-нибудь его увидите, онъ теперь здѣсь), ну такъ вотъ этотъ Кириловъ, который по обыкновенію все молчитъ, а тутъ вдругъ разгорячился, замѣтилъ, я помню, Николаю Всеволодовичу что тотъ третируетъ эту госпожу какъ маркизу и тѣмъ окончательно ее добиваетъ. Прибавлю что Николай Всеволодовичъ нѣсколько уважалъ этого Кирилова. Что жъ вы думаете онъ ему отвѣтилъ: «Вы полагаете, господинъ Кириловъ, что я смѣюсь надъ нею; разувѣрьтесь, я въ самомъ дѣлѣ ее уважаю, потому что она всѣхъ васъ лучше.» И знаете, такимъ серьезнымъ тономъ сказалъ. Между тѣмъ въ эти два-три мѣсяца, онъ кромѣ *здравствуйте*, да *прощайте*, въ сущности не проговорилъ съ ней ни слова. Я, тутъ бывший, навѣрно помню что она до того уже наконецъ дошла что считала его чѣмъ-то въ родѣ жениха своего, не смѣющаго ее «похитить» единственно потому что у него много враговъ и семейныхъ препятствій, или что-то въ этомъ родѣ. Много тутъ было смѣху! Кончилось тѣмъ что когда Николаю Всеволодовичу пришлось тогда отправляться сюда, онъ, уѣзжая, распорядился о ея содержаніи и кажется довольно значительномъ ежегодномъ пенсіонѣ, рублей въ триста по крайней мѣрѣ, если не болѣе. Однимъ словомъ, положимъ все это съ его стороны баловство, фантазія преждевременно уставшаго человѣка, — пусть даже наконецъ, какъ говорилъ Кириловъ, это былъ новый этюдъ пресыщеннаго человѣка съ цѣлью узнать до чего можно довести сумашедшую калѣку. «Вы, говорить, нарочно выбрали самое послѣднее существо, калѣку, покрытую вѣчнымъ позоромъ и побоями, — и вдобавокъ зная что это существо умираетъ къ вамъ отъ комической любви своей, и вдругъ вы нарочно принимаетесь ее морочить, единственно для того чтобы посмотреть что изъ этого выйдет!» Чѣмъ наконецъ такъ особенно виноватъ человѣкъ въ фантазіяхъ сумашедшей женщины, съ которой, замѣтите, онъ врядъ ли двѣ фразы во все время выговорилъ? Есть вещи, Варвара Петровна, о которыхъ не только нельзя умно говорить, но о которыхъ и начинать-то говорить не умно. Ну пусть наконецъ чудачество — но вѣдь болѣе-то ужъ ничего нельзя сказать; а между тѣмъ теперь вотъ изъ этого сдѣлали исторію.... Мнѣ отчасти извѣстно, Варвара Петровна, о томъ что здѣсь происходитъ.

Разкащикъ вдругъ оборвалъ и повернулся было къ Лебядкину, но Варвара Петровна остановила его; она была въ сильнѣйшей экзальтаціи. — Вы кончили? спросила она.

— Нѣтъ еще; для полноты мнѣ надо бы, если позволите, допросить тутъ кое въ чемъ вотъ этого господина.... Вы сейчасъ увидите въ чемъ дѣло, Варвара Петровна.

— Довольно, послѣ, остановитесь на минуту, прошу васъ. О, какъ я хорошо сдѣлала что допустила васъ говорить!

— И замѣтите, Варвара Петровна, встрепенулся Петръ Степановичъ, — ну могъ ли Николай Всеволодовичъ самъ объяснить вамъ это все давеча, въ отвѣтъ на вашъ вопросъ, — можетъ-быть слишкомъ ужъ категорическій?

— О, да слишкомъ.

— И не правъ ли я былъ говоря что въ нѣкоторыхъ случаяхъ третьему человѣку гораздо легче объяснить чѣмъ самому заинтересованному?

— Да, да.... Но въ одномъ вы ошиблись, и съ сожалѣніемъ вижу продолжаете ошибаться.

— Неужели? Въ чемъ это?

— Видите.... А впрочемъ еслибы вы сѣли, Петръ Степановичъ.

— О, какъ вамъ угодно, я и самъ усталъ, благодарю васъ.

Онъ мигомъ выдвинулъ кресло и повернулъ его такъ что очутился между Варварой Петровной, съ одной стороны, Прасковьей Ивановной у стола, съ другой, и лицомъ къ господину Лебядкину, съ котораго онъ ни на минуту не спускалъ своихъ глазъ.

— Вы ошибаетесь въ томъ что называете это «чудачествомъ»....

— О, если только это....

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, подождите, остановила Варвара Петровна, очевидно приготавлиаясь много и съ упоеніемъ говорить. Петръ Степановичъ лишь только замѣтилъ это, весь обратился во вниманіе.

— Нѣтъ, это было нѣчто высшее чудачества, и, увѣряю васъ, нѣчто даже святое! Человѣкъ гордый и рано оскорбленный, дошедшій до той «насмѣшливости,» о которой вы такъ мѣтко упомянули, но замѣтите, на-смѣшливости прежде всего надъ самимъ собой — однимъ словомъ, принцъ Гарри, какъ великолѣпно сравнилъ тогда Степанъ Трофимовичъ, и что было бы совершенно вѣрно, еслибъ онъ не походилъ еще болѣе на Гамлета, по крайней мѣрѣ по моему взгляду.

— Et vous avez raison¹, съ чувствомъ и вѣско отозвался Степанъ Трофимовичъ.

— Благодарю васъ, Степанъ Трофимовичъ, васъ я особенно благодарю и именно за вашу всегдашнюю вѣру въ Nicolas, въ высоту его

¹ И вы совершенно правы (*франц.*).

души и призванія. Эту вѣру вы даже во мнѣ подкрѣпляли, когда я падала духомъ.

— *Chère, chère....* Степанъ Трофимовичъ шагнулъ было уже впередъ, но приостановился, разсудивъ что прерывать опасно.

— И еслибы всегда подлѣ Nicolas (отчасти пѣла уже Варвара Петровна) находился тихій, великій въ смиреніи своемъ Гораціо, — другое прекрасное выраженіе ваше, Степанъ Трофимовичъ, — то можетъ-быть онъ давно уже былъ бы спасенъ отъ грустнаго и «внезапнаго демона ироніи,» который всю жизнь терзалъ его. (О демонѣ ироніи, опять удивительное выраженіе ваше, Степанъ Трофимовичъ.) Но у Nicolas никогда не было ни Гораціо, ни Офеліи. У него была лишь одна его мать, но что же можетъ сдѣлать мать одна и въ такихъ обстоятельствахъ? Знаете, Петръ Степановичъ, мнѣ становится даже чрезвычайно понятнымъ что такое существо какъ Nicolas могъ являться даже и въ такихъ грязныхъ трущобахъ про которыя вы разказывали. Мнѣ такъ ясно представляется теперь эта «насмѣшливость» жизни (удивительно мѣткое выраженіе ваше!) эта ненасытимая жажда контраста, этотъ мрачной фонъ картины, на которомъ онъ является какъ брилліантъ, по вашему же опять сравненію, Петръ Степановичъ. И вотъ онъ встрѣчаетъ тамъ всѣми обиженное существо, калѣку и полупомѣшанную, и въ то же время можетъ-быть съ благороднѣйшими чувствами!...

— Гмъ, да, положимъ.

— И вамъ послѣ этого непонятно что онъ не смѣется надъ нею какъ всѣ! О люди! Вамъ непонятно что онъ защищаетъ ее отъ обидчиковъ, окружаетъ ее уваженіемъ «какъ маркизу» (этотъ Кириловъ, должно-быть необыкновенно глубоко понимаетъ людей, хотя и онъ не понималъ Nicolas)! Если хотите, тутъ именно черезъ этотъ контрастъ и вышла бѣда; еслибы несчастная была въ другой обстановкѣ, то можетъ-быть и не дошла бы до такой умоизступленной мечты. Женщина, женщина только можетъ понять это, Петръ Степановичъ, и какъ жаль что вы.... то-есть не то что вы не женщина, а по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, что-бы понять!

— То-есть въ томъ смыслѣ что чѣмъ хуже тѣмъ лучше, я понимаю, понимаю, Варвара Петровна. Это въ родѣ какъ въ религіи: чѣмъ хуже человѣку жить или чѣмъ забитѣе или бѣднѣе весь народъ, тѣмъ упрямѣе мечтаетъ онъ о вознагражденіи въ раю, а если при этомъ хлопочетъ еще сто тысячъ священниковъ, разжигая мечту, и на нее спекулируя, то.... я понимаю васъ, Варвара Петровна, будьте покойны.

— Это, положимъ, не совсѣмъ такъ, но скажите, неужели Nicolas, чтобы погасить эту мечту въ этомъ несчастномъ организмѣ (для чего

Варвара Петровна тутъ употребила слово организмъ, я не могъ понять): неужели онъ долженъ былъ самъ надъ нею смѣяться и съ нею обращаться какъ другіе чиновники? Неужели вы отвергаете то высокое состраданіе, ту благородную дрожь всего организма съ которою Nicolas вдругъ строго отвѣчаетъ Кирилову: «Я не смѣюсь надъ нею.» Высокій, святой отвѣтъ!

— Sublime¹, пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ.

— И замѣтите, онъ вовсе не такъ богатъ какъ вы думаете; богата я, а не онъ, а онъ у меня тогда почти вовсе не бралъ.

— Я понимаю, понимаю все это, Варвара Петровна, нѣсколько уже нетерпѣливо шевелился Петръ Степановичъ.

— О, это мой характеръ! Я узнаю себя въ Nicolas. Я узнаю эту молодость, эту возможность бурныхъ, грозныхъ порывовъ.... И если мы когда-нибудь сблизимся съ вами, Петръ Степановичъ, чего я съ моей стороны желаю такъ искренно, тѣмъ болѣе что вамъ уже такъ обязана, то вы можетъ-быть поймете тогда....

— О повѣрьте я желаю съ моей стороны, отрывисто пробормоталъ Петръ Степановичъ.

— Вы поймете тогда тотъ порывъ по которому въ этой слѣпотѣ благородства вдругъ берутъ человѣка даже недостойнаго себя во всѣхъ отношеніяхъ, человѣка глубоко не понимающаго васъ, готоваго васъ измучить при всякой первой возможности, и такого-то человѣка, наперекоръ всему, воплощаютъ вдругъ въ какой-то идеалъ, въ свою мечту, совокупляютъ на немъ всѣ надежды свои, преклоняются предъ нимъ, любятъ его всю жизнь, совершенно не зная за что — можетъ-быть именно за то что онъ недостойнъ того.... О, какъ я страдала всю жизнь, Петръ Степановичъ!

Степанъ Трофимовичъ съ болѣзненнымъ видомъ сталъ ловить мой взглядъ; но я во-время увернулся.

— ....И еще недавно, недавно — о, какъ я виновата предъ Nicolas!... Вы не повѣрите, они измучили меня со всѣхъ сторонъ, всѣ, всѣ, и враги, и людишки и друзья; друзья можетъ-быть больше враговъ. Когда мнѣ прислали первое презрѣнное, анонимное письмо, Петръ Степановичъ, то вы не повѣрите этому, у меня не достало, наконецъ, презрѣнія въ отвѣтъ на всю эту злость.... Никогда, никогда не прощу себѣ моего малодушія!

— Я уже слышалъ кое-что вообще о здѣшнихъ анонимныхъ письмахъ, оживился вдругъ Петръ Степановичъ, — и я вамъ ихъ разыщу, будьте покойны.

---

¹ Возвышенно (*франц.*).

— Но вы не можете вообразить какія здѣсь начались интриги! — они измучили даже нашу бѣдную Прасковью Ивановну — а ее-то ужь по какой причинѣ? Я можетъ-быть слишкомъ виновата предъ тобой сегодня, моя милая Прасковья Ивановна, прибавила она въ великодушномъ порывѣ умиленія, но не безъ нѣкоторой побѣдоносной ироніи.

— Полноте, матушка, пробормотала та нехотя, — а по моему, это бы все надо кончить; слишкомъ говорено.... и она опять робко поглядѣла на Лизу, но та смотрѣла на Петра Степановича.

— А это бѣдное, это несчастное существо, эту безумную, утратившую все и сохранившую одно сердце, я намѣрена теперь сама усыновить, вдругъ воскликнула Варвара Петровна, — это долгъ, который я намѣрена свято исполнить. Съ этого же дня беру ее подъ мою защиту!

— И это даже будетъ очень хорошо-съ въ нѣкоторомъ смыслѣ, совершенно оживился Петръ Степановичъ! — Извините, я давеча не докончилъ. Я именно о покровительствѣ. Можете представить, что когда уѣхалъ тогда Николай Всеволодовичъ (я начинаю съ того именно мѣста гдѣ остановился, Варвара Петровна), этотъ господинъ, вотъ этотъ самый господинъ Лебядкинъ мигомъ вообразилъ себя въ правѣ распорядиться пенсіономъ назначеннымъ его сестрицѣ, безъ остатка; и распорядился. Я не знаю въ точности какъ это было тогда устроено Николаемъ Всеволодовичемъ, но черезъ годъ, уже изъ-за границы, онъ, узнавъ о происходившемъ, принужденъ былъ распорядиться иначе. Опять не знаю подробностей, онъ ихъ самъ разкажетъ, но знаю только что интересную особу помѣстили гдѣ-то въ отдаленномъ монастырѣ, весьма даже комфортно, но подъ дружескимъ присмотромъ — понимаете? На что же вы думаете рѣшается господинъ Лебядкинъ? Онъ употребляетъ сперва всѣ усилія чтобы разыскать гдѣ скрываютъ отъ него оброчную статью, то-есть сестрицу, недавно только достигаетъ цѣли, беретъ ее изъ монастыря, предъявивъ какое-то на нее право, и привозитъ ее прямо сюда. Здѣсь онъ ее не кормитъ, бьетъ, тиранитъ, наконецъ получаетъ какимъ-то путемъ отъ Николая Всеволодовича значительную сумму, тотчасъ же пускается пьянствовать, а вмѣсто благодарности, кончаетъ дерзкимъ вызовомъ Николаю Всеволодовичу, бессмысленными требованіями, угрожая въ случаѣ неплатежа пенсіона впредь ему прямо въ руки, судомъ. Такимъ образомъ добровольный даръ Николая Всеволодовича онъ принимаетъ за дань, — можете себѣ это представить? Господинъ Лебядкинъ, правда ли *все* то что я здѣсь сейчасъ говорилъ?

Капитанъ, до сихъ поръ стоявшій молча и потупивъ глаза, быстро шагнулъ два шага впередъ и весь побагровѣлъ.

— Петръ Степановичъ, вы жестоко со мной поступали, проговорилъ онъ точно оборвалъ.

— Какъ это жестоко, и почему-съ? Но позвольте, мы о жестокости или о мягкости послѣ, а теперь я прошу васъ только отвѣтить на первый вопросъ: правда ли *все* то что я говорилъ, или нѣтъ? Если вы находите что неправда, то вы можете немедленно сдѣлать свое заявленіе.

— Я.... вы сами знаете, Петръ Степановичъ.... пробормоталъ капитанъ, осѣкся и замолчалъ. Надо замѣтить что Петръ Степановичъ сидѣлъ въ креслахъ, заложивъ ногу на ногу, а капитанъ стоялъ предъ нимъ въ самой почтительной позѣ.

Колебанія господина Лебядкина кажется очень не понравились Петру Степановичу; лицо его передернулось какой-то злобной судорогой.

— Да вы уже въ самомъ дѣлѣ не хотите ли что-нибудь заявить? тонко поглядѣлъ онъ на капитана, въ такомъ случаѣ сдѣлайте одолженіе, васъ ждутъ.

— Вы знаете сами, Петръ Степановичъ, что я не могу ничего заявлять.

— Нѣтъ, я этого не знаю, въ первый разъ даже слышу; почему такъ вы не можете заявлять?

Капитанъ молчалъ, опустивъ глаза въ землю.

— Позвольте мнѣ уйти, Петръ Степановичъ, проговорилъ онъ рѣшительно.

— Но не ранѣе того какъ вы дадите какой-нибудь отвѣтъ на мой первый вопросъ: правда ли *все* что я говорилъ?

— Правда-съ, глухо проговорилъ Лебядкинъ и вскинулъ глазами на мучителя. Даже потъ выступилъ на вискахъ его.

— *Все* правда?

— Все правда-съ.

— Не найдете ли вы что-нибудь прибавить, замѣтить? Если чувствуете что мы несправедливы, то заявите это; протестуйте, заявляйте вслухъ ваше неудовольствіе.

— Нѣтъ, ничего не нахожу.

— Угрожали вы недавно Николаю Всеволодовичу?

— Это.... это, тутъ было больше вино, Петръ Степановичъ. (Онъ поднялъ вдругъ голову.) Петръ Степановичъ! Если фамильная честь и незаслуженный сердцемъ позоръ возопіютъ межъ людей, то тогда, неужели и тогда виноватъ человѣкъ? взревѣлъ онъ, вдругъ забывшись по давешнему.

— А вы теперь трезвы, господинъ Лебядкинъ? пронзительно поглядѣлъ на него Петръ Степановичъ.

— Я.... трезвъ.

— Что это такое значитъ фамилная честь и незаслуженный сердцемъ позоръ?

— Это я про никого, я никого не хотѣлъ. Я про себя.... провалился опять капитанъ.

— Вы, кажется, очень обидились моими выраженіями про васъ и ваше поведеніе? Вы очень раздражительны, господинъ Лебядкинъ. Но позвольте, я вѣдь еще ничего не начиналъ про ваше поведеніе, въ его настоящемъ видѣ. Я начну говорить про ваше поведеніе, въ его настоящемъ видѣ. Я начну говорить, это очень можетъ случиться, но я вѣдь еще не начиналъ въ *настоящемъ* видѣ.

Лебядкинъ вздрогнулъ и дико уставился на Петра Степановича.

— Петръ Степановичъ, я теперь лишь начинаю просыпаться!

— Гмъ. И это я васъ разбудилъ?

— Да, это вы меня разбудили, Петръ Степановичъ, а я спалъ четыре года подъ висѣвшей тучей. Могу я наконецъ удалиться, Петръ Степановичъ?

— Теперь можете, если только сама Варвара Петровна не найдетъ необходимымъ....

Но та замахала руками.

Капитанъ поклонился, шагнулъ два шага къ дверямъ, вдругъ остановился, приложивъ руку къ сердцу, хотѣлъ было что-то сказать, не сказалъ, и быстро направился къ выходу. Но въ дверяхъ какъ разъ столкнулся съ Николаемъ Всеволодовичемъ; тотъ посторонился; капитанъ какъ-то весь вдругъ съежился предъ нимъ и такъ замеръ на мѣстѣ, не отрывая отъ него глазъ, какъ кроликъ отъ удава. Подождавъ немного, Николай Всеволодовичъ слегка отстранилъ его рукой и вошелъ въ гостиную.

VII.

Онъ былъ веселъ и спокоенъ. Можетъ что-нибудь съ нимъ случилось сейчасъ очень хорошее, еще намъ неизвѣстное; но онъ, казалось, былъ даже чѣмъ-то особенно доволенъ.

— Простишь ли ты меня, Nicolas? не утерпѣла Варвара Петровна и поспѣшно встала ему навстрѣчу.

Но Nicolas рѣшительно разсмѣялся.

— Такъ и есть! воскликнулъ онъ добродушно и шутливо, — вижу что вамъ уже все извѣстно. А я какъ вышелъ отсюда и задумался въ ка-

ретѣ: «по крайней мѣрѣ надо было хоть анекдотъ разказать, а то кто же такъ уходитъ?» Но какъ вспомнилъ что у васъ остается Петръ Степановичъ, то и забота соскочила.

Говоря, онъ бѣгло осматривался кругомъ.

— Петръ Степановичъ разказалъ намъ одну древнюю петербургскую исторію изъ жизни одного причудника, восторженно подхватила Варвара Петровна, — одного капризнаго и сумашедшаго человѣка, но всегда высокаго въ своихъ чувствахъ, всегда рыцарски-благороднаго....

— Рыцарски? Неужто у васъ до того дошло? смѣялся Nicolas. — Впрочемъ я очень благодаренъ Петру Степановичу на этотъ разъ за его торопливость (тутъ онъ обмѣнялся съ нимъ мгновеннымъ взглядомъ). Надобно вамъ узнать, тамап, что Петръ Степановичъ — всеобщій примиритель; это его роль, болѣзнь, конекъ, и я особенно рекомендую его вамъ съ этой точки зрѣнія. Догадываюсь о чемъ онъ вамъ тутъ настроилъ. Онъ именно строчить когда разказываетъ; въ головѣ у него канцелярія. Замѣтите что въ качествѣ реалиста онъ не можетъ солгать, и что истина ему дороже успѣха.... разумѣется кромѣ тѣхъ особенныхъ случаевъ, когда успѣхъ дороже истины. (Говоря это, онъ все осматривался.) Такимъ образомъ вы видите ясно, тамап, что не вамъ у меня прощенія просить и что если есть тутъ гдѣ-нибудь сумашествіе, то конечно прежде всего съ моей стороны, и значитъ въ концѣ концовъ, я все-таки первый помѣшанный, — надо же поддержать свою здѣшнюю репутацію....

Тутъ онъ нѣжно обнялъ мать.

— Во всякомъ случаѣ, дѣло это теперь кончено и разказано, а стало-быть можно и перестать о немъ, прибавилъ онъ, и какая-то сухая, твердая нотка прозвучала въ его голосѣ. Варвара Петровна поняла эту нотку; но экзальтація ея не проходила, даже напротивъ.

— Я никакъ не ждала тебя раньше какъ черезъ мѣсяць, Nicolas!

— Я, разумѣется, вамъ все объясню, тамап, а теперь....

И онъ направился къ Прасковѣ Ивановнѣ.

Но та едва повернула къ нему голову, несмотря на то что съ полчася назадъ была ошеломлена при первомъ его появленіи. Теперь же у ней были новыя хлопоты: съ самага того мгновенія какъ вышелъ капитанъ и столкнулся въ дверяхъ съ Николаемъ Всеволодовичемъ, Лиза вдругъ принялась смѣяться, — сначала тихо, порывисто, но смѣхъ разросался все болѣе и болѣе, громче и явственнѣе. Она раскраснѣлась. Контрастъ съ ея недавнимъ мрачнымъ видомъ былъ чрезвычайный. Пока Николай Всеволодовичъ разговаривалъ съ Варварой Петровной, она два раза поманила къ себѣ Маврикія Николаевича, будто желая ему что-то шепнуть; но лишь только тотъ наклонялся къ ней, мигомъ заливалась смѣ-

хомъ; можно было заключить что она именно надъ бѣднымъ Маврикіемъ Николаевичемъ и смѣется. Она впрочемъ видимо старалась скрѣпиться и прикладывала платокъ къ губамъ. Николай Всеволодовичъ съ самымъ невиннымъ и простодушнымъ видомъ обратился къ ней съ привѣтствіемъ.

— Вы пожалуста извините меня, отвѣтила она скороговоркой, вы.... вы конечно видѣли Маврикія Николаевича.... Боже, какъ вы непозволительно высоки ростомъ, Маврикій Николаевичъ!

И опять смѣхъ. Маврикій Николаевичъ былъ роста высокаго, но во все не такъ ужъ непозволительно.

— Вы.... давно пріѣхали? пробормотала она опять сдерживаясь, даже конфузясь, но со сверкающими глазами.

— Часа два слишкомъ, отвѣтилъ Nicolas, пристально къ ней присматриваясь. Замѣчу что онъ былъ необыкновенно сдержанъ и вѣжливъ, но откинувъ вѣжливость, имѣлъ совершенно равнодушный видъ, даже вялый.

— А гдѣ будете жить?

— Здѣсь.

Барвара Петровна тоже слѣдила за Лизой, но ее вдругъ поразила одна мысль.

— Гдѣ же ты былъ Nicolas до сихъ поръ всѣ эти два часа слишкомъ? подошла она; — поѣздъ приходитъ въ десять часовъ.

— Я сначала завезъ Петра Степановича къ Кирилову. А Петра Степановича я встрѣтилъ въ Матвѣевѣ (за три станціи), въ одномъ вагонѣ и доѣхали.

— Я съ разсвѣта въ Матвѣевѣ ждалъ, подхватилъ Петръ Степановичъ, — у насъ задніе вагоны соскочили ночью съ рельсовъ, чуть ногъ не поломали.

— Ноги сломали! вскричала Лиза, — мама, мама, а мы съ вами хотѣли ѣхать на прошлой недѣлѣ въ Матвѣево, вотъ бы тоже ноги сломали!

— Господи помилуй! перекрестилась Прасковья Ивановна.

— Мама, мама, милая ма, вы не пугайтесь, если я въ самомъ дѣлѣ обѣ ноги сломаю; со мной это такъ можетъ случиться, сами же говорите что я каждый день скачу верхомъ сломя голову. Маврикій Николаевичъ, будете меня водить хромоу? захохотала она опять. — Если это случится, я никому не дамъ себя водить кромѣ васъ, смѣло разчитывайте. Ну, положимъ что я только одну ногу сломаю.... Ну будьте же любезны, скажите что почтете за счастье.

— Что ужъ за счастье съ одною ногой? серьезно нахмурился Маврикій Николаевичъ.

— Боже, какой моралистъ! За то вы будете водить, одинъ вы, никому больше!

— Вы и тогда меня водить будете, Лизавета Николаевна, еще серьезно проворчалъ Маврикій Николаевичъ.

— Боже, да вѣдь онъ хотѣлъ сказать каламбуръ! почти въ ужасѣ воскликнула Лиза. — Маврикій Николаевичъ, не смѣйте никогда пускаться на этотъ путь! Но только до какой же степени вы эгоистъ! Я убѣждена, къ чести вашей, что вы сами на себя теперь клевете; напротивъ: вы съ утра до ночи будете меня тогда увѣрять что я стала безъ ноги интереснѣе! Одно непоправимо — вы безмѣрно высоки ростомъ, а безъ ноги я стану премаленькая, какъ же вы меня поведете подъ руку, мы будемъ не пара!

И она болѣзненно размѣялась. Остроты и намеки были плоски, но ей очевидно было не до славы.

— Истерика! шепнулъ мнѣ Петръ Степановичъ, — поскорѣ бы воды стаканъ.

Онъ угадалъ; черезъ минуту всѣ суетились, принесли воды. Лиза обнимала свою маму, горячо цѣловала ее, плакала на ея плечѣ, и тутъ же опять откинувшись и засматривая ей въ лицо, принималась хохотать. Захныкала наконецъ и мама. Варвара Петровна увела ихъ обѣихъ поскорѣ къ себѣ, въ ту самую дверь изъ которой вышла къ намъ давеча Дарья Павловна. Но пробыли онѣ тамъ не долго, минуты четыре, не болѣе....

Я стараюсь припомнить теперь каждую черту этихъ послѣднихъ мгновений этого достопамятнаго утра. Помню что когда мы остались одни безъ дамъ (кромѣ одной Дарьи Павловны, не тронувшейся съ мѣста), — Николай Всеволодовичъ обошелъ насъ всѣхъ и перездоровался съ каждымъ, кромѣ Шатова, продолжавшаго сидѣть въ своемъ углу, и еще больше чѣмъ давеча наклонившагося въ землю. Степанъ Трофимовичъ началъ было съ Николаемъ Всеволодовичемъ о чемъ-то чрезвычайно остроумномъ, но тотъ поспѣшно извинился и направился къ Дарьѣ Павловнѣ. Но на дорогѣ почти силой перехватилъ его Петръ Степановичъ и утащилъ къ окну, гдѣ и началъ о чемъ-то быстро шептать ему, повидимому объ очень важномъ, судя по выраженію лица и по жестамъ сопровождавшимъ шепотъ. Николай же Всеволодовичъ слушалъ очень лѣниво и разсѣянно, съ своей официальной усмѣшкой, а подъ конецъ даже и нетерпѣливо, и все какъ бы порывался уйти. Онъ вырвался отъ него и ушелъ отъ окна именно когда воротились наши дамы; Лизу Вар-

вара Петровна усадила на прежнее мѣсто, увѣряя что имъ минутъ хоть десять надо непременно повременить и отдохнуть, и что свѣжій воздухъ врядъ ли будетъ сейчасъ полезенъ на больные нервы. Очень ужъ она ухаживала за Лизой и сама сѣла съ ней рядомъ. Къ нимъ немедленно подскочилъ освободившійся Петръ Степановичъ и началъ быстрый и веселый разговоръ. Вотъ тутъ-то Николай Всеволодовичъ и подошелъ наконецъ къ Дарьѣ Павловнѣ неспѣшною походкой своей; Даша такъ и заколыхалась на мѣстѣ при его приближеніи и быстро привскочила въ видимомъ смущеніи и съ румянцемъ во все лицо.

— Васъ, кажется, можно поздравить... или еще нѣтъ? проговорилъ онъ съ какой-то особенною складкой въ лицѣ.

Даша что-то ему отвѣтила, но трудно было разслышать.

— Простите за нескромность, возвысилъ онъ голосъ, — но вѣдь вы знаете, я былъ нарочно извѣщенъ. Знаете вы объ этомъ?

— Да, я знаю что вы были нарочно извѣщены.

— Надѣюсь, однако, что я не помѣшалъ ничему моимъ поздравленіемъ, засмѣялся онъ, и если Степанъ Трофимовичъ....

— Съ чѣмъ, съ чѣмъ поздравить? подскочилъ вдругъ Петръ Степановичъ, — съ чѣмъ васъ поздравить, Дарья Павловна? Ба! Да ужъ не съ тѣмъ ли самымъ? Краска ваша свидѣтельствуется что я угадалъ. Въ самомъ дѣлѣ съ чѣмъ же и поздравляютъ нашихъ прекрасныхъ и благоправныхъ дѣвицъ и отъ какихъ поздравленій онѣ всего больше краснѣютъ? Ну-съ, примите и отъ меня, если я угадалъ, и заплатите пари: помните, въ Швейцаріи бились объ закладъ что никогда не выйдете замужъ.... Ахъ да, по поводу Швейцаріи — что жъ это я? Представьте, на половину затѣмъ и ѣхалъ, а чуть не забылъ: скажи ты мнѣ, быстро повернулся онъ къ Степану Трофимовичу, — ты-то когда же въ Швейцарію?

— Я.... въ Швейцарію? удивился и смутился Степанъ Трофимовичъ.

— Какъ? развѣ не ѣдешь? Да вѣдь ты тоже женишься.... ты писалъ?

— Pierre! воскликнулъ Степанъ Трофимовичъ.

— Да что Pierre.... Видишь, если тебѣ это пріятно, то я летѣлъ заявить тебѣ что я вовсе не противъ, такъ какъ ты непременно желалъ моего мнѣнія какъ можно скорѣе; если же (сыпалъ онъ) тебя надо «спасать», какъ ты тутъ же пишешь и умоляешь, въ томъ же самомъ письмѣ, то опять-таки я къ твоимъ услугамъ. Правда что онъ женится, Варвара Петровна? быстро повернулся онъ къ ней. — Надѣюсь что я не нескромничаю; самъ же пишетъ что весь городъ знаетъ и всѣ поздрав-

ляютъ, такъ что онъ, чтобъ избѣжать, выходитъ лишь по ночамъ. Письмо у меня въ карманѣ. Но повѣрите ли, Варвара Петровна, что я ничего въ немъ не понимаю! Ты мнѣ только одно скажи, Степанъ Трофимовичъ, поздравлять тебя надо или «спасать»? Вы не повѣрите, рядомъ съ самыми счастливыми строками у него отчаяннѣйшія. Вопервыхъ, просить у меня прощенія; ну положимъ, это въ ихъ нравахъ.... А впрочемъ нельзя не сказать: вообразите, человѣкъ въ жизни видѣлъ меня два раза, да и то нечаянно, и вдругъ теперь, вступая въ третій бракъ, воображаетъ что нарушаетъ этимъ ко мнѣ какія-то родительскія обязанности, умоляетъ меня за тысячу верстъ чтобъ я не сердился и разрѣшилъ ему! Ты пожалуйста не обижайся, Степанъ Трофимовичъ, черта времени, я широко смотрю и не осуждаю, и это, положимъ, тебѣ дѣлаетъ честь и т. д., и т. д., но опять-таки главное въ томъ что ничего не понимаю. Тутъ что-то о какихъ-то «грѣхахъ въ Швейцаріи.» Женюсь, дескать, по грѣхамъ или изъ-за чужихъ грѣховъ, или какъ у него тамъ — однимъ словомъ «грѣхи». «Дѣвушка, говоритъ, перлъ и алмазь», ну и разумѣется «онъ недостойнъ» — ихъ слогъ; но изъ-за какихъ-то тамъ грѣховъ или обстоятельствъ «принужденъ идти къ вѣнцу и ѣхать въ Швейцарію», а потому «бросай все и лети спасать». Понимаете ли вы что-нибудь послѣ этого? А впрочемъ.... а впрочемъ я по выраженію лицъ замѣчаю (повертывался онъ съ письмомъ въ рукахъ, съ невинною улыбкой всматриваясь въ лица) что по моему обыкновенію я, кажется, въ чемъ-то далъ маху.... по глупой моей откровенности, или, какъ Николай Всеволодовичъ говоритъ, торопливости. Я вѣдь думалъ что мы тутъ свои, то-есть твои свои, Степанъ Трофимовичъ, твои свои, а я-то въ сущности чужой, и вижу.... и вижу что всѣ что-то знаютъ, а я-то вотъ именно чего-то и не знаю.

Онъ все продолжалъ осматриваться.

— Степанъ Трофимовичъ такъ и написалъ вамъ что онъ женится на «чужихъ грѣхахъ, совершенныхъ въ Швейцаріи» и чтобы вы летѣли «спасать его», этими самыми выраженіями? подошла вдругъ Варвара Петровна, вся желтая, съ искривившимся лицомъ, со вздрагивающими губами.

— То-есть видите ли-съ, если тутъ чего-нибудь я не понялъ, какъ бы испугался и еще пуще заторопился Петръ Степановичъ, — то виновать разумѣется онъ что такъ пишетъ. Вотъ письмо. Знаете, Варвара Петровна, письма безконечныя и непрерывныя, а въ послѣдніе два-три мѣсяца, просто письмо за письмомъ, и признаюсь, я наконецъ иногда не дочитывалъ. Ты меня прости, Степанъ Трофимовичъ, за такое глупое признаніе, но вѣдь согласись пожалуйста что хоть ты и ко мнѣ адресовалъ, а писалъ вѣдь болѣе для потомства, такъ что тебѣ вѣдь и все рав-

но.... Ну-ну, не обижайся; мы-то съ тобой все-таки свои! Но это письмо, Варвара Петровна, это письмо я дочиталъ. Эти «грѣхи»-съ — эти «чужіе грѣхи» — это навѣрно какіе-нибудь наши собственные грѣшки, и объ закладъ бьюсь, самые невиннѣйшіе, но изъ-за которыхъ вдругъ намъ вздумалось поднять ужасную исторію съ благороднымъ оттѣнкомъ — именно ради благороднаго оттѣнка и подняли. Тутъ, видите ли, что-нибудь по счетной части у насъ прихрамываетъ — надо же наконецъ сознаться. Мы, знаете, въ карточки очень повадливы.... а впрочемъ это лишнее, это совсѣмъ уже лишнее, виновать, я слишкомъ болтливъ, но ей-Богу, Варвара Петровна, онъ меня напугалъ, и я дѣйствительно приготовился отчасти «спасать» его. Мнѣ наконецъ и самому совѣстно. Что я, съ ножомъ къ горлу что ли лѣзу къ нему? Кредиторъ неумолимый я что ли? Онъ что-то пишетъ тутъ о приданомъ.... А впрочемъ ужь женишься ли ты полно, Степанъ Трофимовичъ? Вѣдь и это станется, вѣдь мы наговоримъ, наговоримъ, а болѣе для слога.... Ахъ, Варвара Петровна, я вѣдь вотъ увѣренъ что вы пожалуй осуждаете меня теперь, и именно тоже за слогъ-съ. Согласенъ; самъ себя осудилъ бы-съ. Но вѣдь если бы вы знали какой тамъ-то слогъ! Ну прочтите, ну прочтите сами! Ахъ, Варвара Петровна, я вѣдь вотъ рѣжу, а вѣдь можетъ-быть я.... любя говорю! Ну, и тутъ сморозилъ: дуракъ я человѣкъ, грубый я человѣкъ!...

— Напротивъ, напротивъ, я вижу что вы просто выведены изъ терпѣнія, и ужь конечно имѣли на то причины, злобно подхватила Варвара Петровна.

Она со злобнымъ наслажденіемъ выслушала всѣ «правдивыя» словоизверженія Петра Степановича, очевидно игравшаго роль (какую — не зналъ я тогда, но роль была очевидная, даже слишкомъ ужь грубова-то сыгранная).

— Напротивъ, продолжала она, — я вамъ слишкомъ благодарна что вы заговорили; безъ васъ я бы такъ ничего и не узнала. Въ первый разъ въ двадцать лѣтъ я раскрываю глаза. Николай Всеволодовичъ, вы сказали сейчасъ что и вы были нарочно извѣщены: ужь не писалъ ли и къ вамъ Степанъ Трофимовичъ въ этомъ же родѣ?

— Я получилъ отъ него невиннѣйшее и.... и.... очень благородное письмо....

— Вы затрудняетесь, ищете словъ — довольно! Степанъ Трофимовичъ, я ожидаю отъ васъ чрезвычайнаго одолженія, вдругъ обратилась она къ нему съ засверкавшими глазами, — сдѣлайте мнѣ милость, оставьте насъ сейчасъ же, а впредь не переступайте черезъ порогъ моего дома.

Прошу припомнить недавнюю «экзальтацию», еще и теперь не прошедшую. Правда и виноватъ же былъ Степанъ Трофимовичъ! Но вотъ что рѣшительно изумило меня тогда: то что онъ съ удивительнымъ достоинствомъ выстоялъ и подѣ «обличеніями» Петруши, не думая прерывать ихъ, и подѣ «проклятіемъ» Варвары Петровны. Откудава взялось у него столько духа? Я узналъ только одно, что онъ несомнѣнно и глубоко оскорбленъ былъ давешнею первою встрѣчей съ Петрушей, именно давешними объятіями. Это было глубокое и *настоящее* уже горе, по крайней мѣрѣ на его глаза, его сердцу. Было у него и другое горе въ ту минуту, а именно язвительное собственное сознаніе въ томъ что онъ нѣсколько сподличалъ; въ этомъ онъ мнѣ самъ потомъ признавался со всею откровенностью. А вѣдь *настоящее*, несомнѣнное горе даже феноменально легкомысленнаго человѣка способно иногда сдѣлать солиднымъ и стойкимъ, ну хоть на малое время; мало того, отъ истиннаго, настоящаго горя даже дураки иногда умнѣли, тоже, разумѣется, на время; это ужъ свойство такое горя. А если такъ, то что же могло произойти съ такимъ человѣкомъ какъ Степанъ Трофимовичъ? Цѣлый переворотъ, — конечно тоже на время.

Онъ съ достоинствомъ поклонился Варварѣ Петровнѣ и не вымолвилъ слова (правда, ему ничего и не оставалось болѣе). Онъ такъ и хотѣлъ было совсѣмъ уже выйти, но не утерпѣлъ и подошелъ къ Дарьѣ Павловнѣ. Та, кажется, это предчувствовала, потому что тотчасъ же сама, вся въ испугѣ, начала говорить, не давъ ему вымолвить слова:

— Пожалуста, Степанъ Трофимовичъ, ради Бога, ничего не говори те, начала она горячею скороговоркой, съ болѣзненнымъ выраженіемъ лица и поспѣшно протягивая ему руку: — будьте увѣрены что я васъ все такъ же уважаю.... и все такъ же цѣню васъ, и.... думайте обо мнѣ тоже хорошо, Степанъ Трофимовичъ, и я буду очень, очень это цѣнить....

Степанъ Трофимовичъ низко, низко ей поклонился.

— Воля твоя, Дарья Павловна, ты знаешь что во всемъ этомъ дѣлѣ твоя полная воля! Была и есть, и теперь и впредь, вѣско заключила Варвара Петровна.

— Ба! да и я теперь все понимаю! ударилъ себя по лбу Петръ Степановичъ. — Но.... но въ какое же положеніе я былъ поставленъ послѣ этого? Дарья Павловна, пожалуста извините меня!... Что ты надѣлалъ со мной послѣ этого, а? обратился онъ къ отцу.

— Pierre, ты бы могъ со мной выражаться иначе, не правда ли, другъ мой? совсѣмъ даже тихо промолвилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Не кричи пожалуста, замахалъ Pierre руками, — повѣрь что все это старые, больные нервы, и кричатъ ни къ чему не послужить. Скажи

ты мнѣ лучше, вѣдь ты могъ же предположить что я съ перваго шага заговорю: какъ же было не предувѣдомить?

Степанъ Трофимовичъ проницательно посмотрѣлъ на него:

— Pierre, ты, который такъ много знаешь изъ того что здѣсь происходитъ, неужели ты и вправду объ этомъ дѣлѣ такъ-таки ничего и не зналъ, ничего не слыхалъ?

— Что-о-о? Вотъ люди! Такъ мы мало того что старыя дѣти, мы еще злыя дѣти? Варвара Петровна, вы слышали что онъ говоритъ?

Поднялся шумъ; но тутъ разразилось вдругъ приключеніе, котораго никто не могъ ожидать.

VIII.

Прежде всего упомяну что въ послѣднія двѣ-три минуты Лизаветой Николаевной овладѣло какое-то новое движеніе; она быстро шепталась о чемъ-то съ мама и съ наклонившимся къ ней Маврикіемъ Николаевичемъ. Лицо ея было тревожно, но въ то же время выражало рѣшимость. Наконецъ встала съ мѣста, видимо торопясь уѣхать и торопя мама, которую началъ приподымать съ кресель Маврикій Николаевичъ. Но видно не суждено имъ было уѣхать не досмотрѣвъ всего до конца.

Шатовъ, совершенно всѣми забытый въ своемъ углу (неподалеку отъ Лизаветы Николаевны) и повидимому самъ не знавшій для чего онъ сидѣлъ и не уходилъ, вдругъ поднялся со стула и черезъ всю комнату, неспѣшнымъ, но твердымъ шагомъ направился къ Николаю Всеволодовичу, прямо смотря ему въ лицо. Тотъ еще издали замѣтилъ его приближеніе и чуть-чуть усмѣхнулся; но когда Шатовъ подошелъ къ нему вплотъ, то пересталъ усмѣхаться.

Когда Шатовъ молча предъ нимъ остановился, не спуская съ него глазъ, всѣ вдругъ это замѣтили и затихли, позже всѣхъ Петръ Степановичъ; Лиза и мама остановились посреди комнаты. Такъ прошло секундъ пять; выраженіе дерзкаго недоумѣнія смѣнилось въ лицѣ Николая Всеволодовича гнѣвомъ, онъ нахмурилъ брови и вдругъ....

И вдругъ Шатовъ размахнулся своею длинною, тяжелою рукой и изо всей силы ударилъ его по щекѣ. Николай Всеволодовичъ сильно качнулся на мѣстѣ.

Шатовъ и ударилъ-то по особенному, вовсе не такъ какъ обыкновенно принято давать пощечины (если только можно такъ выразиться), не ладонью, а всѣмъ кулакомъ, а кулакъ у него былъ большой, вѣскій, костлявый, съ рыжимъ пухомъ и съ веснушками. Еслибъ ударъ пришелся по носу, то раздробилъ бы носъ. Но пришелся онъ по щекѣ, задѣвъ

лѣвый край губы и верхнихъ зубовъ, изъ которыхъ тотчасъ же потекла кровь.

Кажется раздался мгновенный крикъ, можетъ-быть вскрикнула Варвара Петровна — этого не припомню, потому что все тотчасъ же опять какъ бы замерло. Впрочемъ вся сцена продолжалась не болѣе какихъ-нибудь десяти секундъ.

Тѣмъ не менѣе въ эти десять секундъ произошло ужасно много.

Напомню опять читателю что Николай Всеволодовичъ принадлежалъ къ тѣмъ натурамъ которыя страха не вѣдаютъ. На дуэли онъ могъ стоять подъ выстрѣломъ противника хладнокровно, самъ цѣлить и убивать до звѣрства спокойно. Еслибы кто ударилъ его по щекѣ, то, какъ мнѣ кажется, онъ бы и на дуэль не вызвалъ, а тутъ же, тотчасъ же убилъ бы обидчика; онъ именно былъ изъ такихъ, и убилъ бы съ полнымъ сознаниемъ, а вовсе не внѣ себя. Мнѣ кажется даже что онъ никогда и не зналъ тѣхъ ослѣпляющихъ порывовъ гнѣва при которыхъ уже нельзя разсуждать. При безконечной злобѣ, овладѣвавшей имъ иногда, онъ все-таки всегда могъ сохранять полную власть надъ собой, а стало-быть и понимать что за убійство не на дуэли его непременно сошлютъ въ каторгу; тѣмъ не менѣе онъ все-таки убилъ бы обидчика и безъ малѣйшаго колебанія.

Николая Всеволодовича я изучалъ все послѣднее время и, по особымъ обстоятельствамъ, знаю о немъ теперь, когда пишу это, очень много фактовъ. Я пожалуй сравнилъ бы его съ иными прошедшими господами, о которыхъ уцѣлѣли теперь въ нашемъ обществѣ нѣкоторыя легендарныя воспоминанія. Разказывали напримѣръ про декабриста Л — на что онъ всю жизнь нарочно искалъ опасности, упивался ощущениемъ ея, обратилъ его въ потребность своей природы; въ молодости выходилъ на дуэль ни за что; въ Сибири, съ однимъ ножомъ ходилъ на медвѣдя, любилъ встрѣчаться въ сибирскихъ лѣсахъ съ бѣглыми каторжниками, которые, замѣчу мимоходомъ, страшнѣе медвѣдя. Сомнѣнія нѣтъ что эти легендарныя господа способны были ощущать, и даже можетъ-быть въ сильной степени чувство страха, — иначе были бы гораздо спокойнѣе, и ощущение опасности не обратили бы въ потребность своей природы. Но побѣждать въ себѣ трусость — вотъ что, разумѣется, ихъ прельщало. Безпрерывное упоение побѣдой и сознание что нѣтъ надъ тобой побѣдителя — вотъ что ихъ увлекало. Этотъ Л — нѣ еще прежде ссылки нѣкоторое время боролся съ голодомъ и тяжкимъ трудомъ добывалъ себѣ хлѣбъ, единственно изъ-за того что ни за что не хотѣлъ подчиниться требованіямъ своего богатаго отца, которыя находилъ несправедливыми. Стало-быть многосторонне понималъ борьбу; не съ медвѣдя-

ми только и не на однѣхъ дуэляхъ цѣнилъ въ себѣ стойкость и силу характера.

Но все-таки съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и нервозная, измученная и раздвоившаяся природа людей нашего времени даже и вовсе не допускаетъ теперь потребности тѣхъ непосредственныхъ и цѣльныхъ ощущеній которыхъ такъ искали тогда иные, безпокойные въ своей дѣятельности, господа добраго стараго времени. Николай Всеволодовичъ можетъ-быть отнесся бы къ Л — ну свысока, даже назвалъ бы его вѣчно храбрящимся трусомъ, пѣтушкомъ, — правда, не сталъ бы высказываться вслухъ. Онъ бы и на дуэли застрѣлилъ противника и на медвѣдя сходилъ бы, еслибы только надо было, и отъ разбойника отбилъ бы въ лѣсу — такъ же успѣшно и такъ же безстрашно, какъ и Л — нъ, но зато ужь безо всякаго ощущенія наслажденія, а единственно по неприятной необходимости, вяло, лѣниво, даже со скукой. Въ злобѣ разумѣется выходилъ прогрессъ противъ Л — на, даже противъ Лермонтова. Злобы въ Николаѣ Всеволодовичѣ было можетъ-быть больше чѣмъ въ тѣхъ обоихъ вмѣстѣ, но злоба эта была холодная, спокойная и, если можно такъ выразиться — *разумная*, стало-быть самая отвратительная и самая страшная, какая можетъ быть. Еще разъ повторяю: я и тогда считалъ его и теперь считаю (когда уже все кончено) именно такимъ человѣкомъ который, еслибы получилъ ударъ въ лицо или подобную равносильную обиду, то немедленно убилъ бы своего противника, тотчасъ же, тутъ же на мѣстѣ и безъ вызова на дуэль.

И однакоже въ настоящемъ случаѣ произошло нѣчто иное и чудное.

Едва только онъ выпрямился послѣ того какъ такъ позорно качнулся на бокъ, чуть не на цѣлую половину роста, отъ полученной пощечины; и не затихъ еще, казалось, въ комнатѣ подлый, какъ бы мокрый какой-то звукъ отъ удара кулака по лицу, какъ тотчасъ же онъ схватилъ Шатова обѣими руками за плечи: но тотчасъ же, въ тотъ же почти мигъ, отдернулъ свои обѣ руки назадъ и скрестилъ ихъ у себя за спиной. Онъ молчалъ, смотрѣлъ на Шатова и блѣднѣлъ какъ рубашка. Но странно, взоръ его какъ бы погасалъ. Черезъ десять секундъ, глаза его смотрѣли холодно и — я убѣжденъ что не лгу — спокойно. Только блѣденъ онъ былъ ужасно. Разумѣется я не знаю что было внутри человѣка, я видѣлъ снаружи. Мнѣ кажется еслибы былъ такой человѣкъ который схватилъ бы, напимѣръ, раскаленную до красна желѣзную полосу и зажалъ въ рукѣ, съ цѣлію измѣрить свою твердость, и затѣмъ, въ продолженіи десяти секундъ, побѣждалъ бы нестерпимую боль и кончилъ тѣмъ что ее побѣдилъ, то человѣкъ этотъ, кажется мнѣ, вынесъ бы нѣчто похожее на то что испыталъ теперь, въ эти десять секундъ, Николай Всеволодовичъ.

Первый изъ нихъ опустилъ глаза Шатовъ и видимо потому что при-
нужденъ былъ опустить. Затѣмъ медленно повернулся и пошелъ изъ
комнаты, но вовсе ужъ не тою походкой которою подходилъ давеча. Онъ
уходилъ тихо, какъ-то особенно неуклюже приподнявъ сзади плечи, опу-
стивъ голову и какъ бы разсуждая о чемъ-то самъ съ собой. Кажется
онъ что-то шепталъ. До двери дошелъ осторожно, ни за что не зацѣпивъ
и ничего не опрокинувъ, дверь же пріотворилъ на маленькую щелочку,
такъ что пролѣзъ въ отверстіе почти бокомъ. Когда пролѣзалъ, то ви-
хоръ его волосъ, стоявшій торчкомъ на затылкѣ, былъ особенно
замѣтенъ.

Затѣмъ, прежде всѣхъ криковъ раздался одинъ страшный крикъ. Я
видѣлъ какъ Лизавета Николаевна схватила было свою мама за плечо, а
Маврикія Николаевича за руку и раза два-три рванула ихъ за собой,
увлекая изъ комнаты, но вдругъ вскрикнула и со всего росту упала на
полъ въ обморокъ. До сихъ поръ я какъ будто еще слышу какъ стукну-
лась она о коверъ затылкомъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Ночь.

I.

Прошло восемь дней. Теперь, когда уже все прошло, и я пишу хронике, мы уже знаемъ въ чемъ дѣло; но тогда мы еще ничего не знали, и естественно что намъ представлялись странными разныя вещи. По крайней мѣрѣ мы со Степаномъ Трофимовичемъ въ первое время заперлись и съ испугомъ наблюдали издали. Я-то кой-куда еще выходилъ и попрежнему приносилъ ему разныя вѣсти, безъ чего онъ и пробыть не могъ.

Нечего и говорить что по городу пошли самые разнообразныя слухи, то-есть насчетъ пощечины, обморока Лизаветы Николаевны и прочаго случившагося въ то воскресенье. Но удивительно намъ было то: черезъ кого это все могло такъ скоро и точно выйти наружу? Ни одно изъ присутствовавшихъ тогда лицъ не имѣло бы кажется ни нужды, ни выгоды нарушить секретъ происшедшаго. Прислуги тогда не было; одинъ Лебядкинъ могъ бы что-нибудь разболтать, не столько по злобѣ, потому что вышелъ тогда въ крайнемъ испугѣ (а страхъ къ врагу уничтожаетъ и злобу къ нему), а единственно по невольности. Но Лебядкинъ, вмѣстѣ съ сестрицей, на другой же день пропалъ безъ вѣсти; въ домѣ Филиппова его не оказалось, онъ переѣхалъ неизвѣстно куда и точно сгинулъ. Шатовъ, у котораго я хотѣлъ было справиться о Марьѣ Тимоѣевнѣ, заперся и кажется всѣ эти восемь дней просидѣлъ у себя на квартирѣ, даже прервавъ свои занятія въ городѣ. Меня онъ не принялъ. Я было зашелъ къ нему во вторникъ и стукнулъ въ дверь. Отвѣта не получилъ, но увѣренный, по несомнѣннымъ даннымъ, что онъ дома, постучался въ другой разъ. Тогда онъ, соскочивъ повидимому съ постели, подошелъ крупными шагами къ дверямъ и крикнулъ мнѣ во весь голосъ: «Шатова дома нѣтъ». Я съ тѣмъ и ушелъ.

Мы со Степаномъ Трофимовичемъ, не безъ страха за смѣлость предположенія, но обоюдно ободряя другъ друга, остановились наконецъ на одной мысли: мы рѣшили что виновникомъ разошедшихся слуховъ могъ быть одинъ только Петръ Степановичъ, хотя самъ онъ нѣко-

торое время спустя, въ разговорѣ съ отцомъ, увѣрялъ что засталъ уже исторію во всѣхъ устахъ, преимущественно въ клубѣ, и совершенно извѣстною до мельчайшихъ подробностей губернаторшѣ и ея супругу. Вотъ что еще замѣчательно: на второй же день, въ понедѣльникъ ввечеру, я встрѣтилъ Липутина, и онъ уже зналъ все до послѣдняго слова, стало-быть несомнѣнно узналъ изъ первыхъ.

Многія изъ дамъ (и изъ самыхъ свѣтскихъ) любопытствовали и о «загадочной хромоножкѣ», такъ называли Марью Тимоѳеевну. Нашлись даже пожелавшія непременно увидать ее лично и познакомиться, такъ что господа поспѣшившіе припрятать Лебядкиныхъ, очевидно поступили и кстати. Но на первомъ планѣ все-таки стоялъ обморокъ Лизаветы Николаевны и этимъ интересовался «весь свѣтъ», уже потому одному что дѣло прямо касалось Юліи Михайловны какъ родственницы Лизаветы Николаевны и ея покровительницы. И чего-чего не болтали! Болтовнѣ способствовала и таинственность обстановки: оба дома были заперты наглухо; Лизавета Николаевна, какъ разказывали, лежала въ бѣлой горячкѣ; то же утверждали и о Николаѣ Всеволодовичѣ, съ отвратительными подробностями о выбитомъ будто бы зубѣ и о распухшей отъ флюса щекѣ его. Говорили даже по угламъ, что у насъ можетъ-быть будетъ убійство, что Ставрогинъ не таковъ чтобы снести такую обиду, и убьетъ Шатова, но таинственно, какъ въ корсиканской вендеттѣ. Мысль эта нравилась; но большинство нашей свѣтской молодежи выслушивало все это съ презрѣніемъ и съ видомъ самого пренебрежительнаго равнодушія, разумѣется, напускнаго. Вообще древняя враждебность нашего общества къ Николаю Всеволодовичу обозначилась ярко. Даже солидные люди стремились обвинить его, хотя и сами не знали въ чемъ. Шепотомъ разказывали что будто бы онъ погубилъ честь Лизаветы Николаевны, и что между ними была интрига въ Швейцаріи. Конечно осторожные люди сдерживались, но всѣ однако же слушали съ аппетитомъ. Были и другіе разговоры, но не общіе, а частные, рѣдкіе и почти закрытые, чрезвычайно странные и о существованіи которыхъ я упоминаю лишь для предупрежденія читателей, единственно въ виду дальнѣйшихъ событій моего разказа. Именно: говорили иные, хмуря брови и Богъ знаетъ на какомъ основаніи, что Николай Всеволодовичъ имѣетъ какое-то особенное дѣло въ нашей губерніи, что онъ чрезъ графа К. вошелъ въ Петербургъ въ какія-то высшія отношенія, что онъ даже можетъ-быть служить и чуть ли не снабженъ отъ кого-то какими-то порученіями. Когда очень ужъ солидные и сдержанные люди на этотъ слухъ улыбались, благоразумно замѣчая что человѣкъ живущій скандалами и начинающій у насъ съ флюса, не похожъ на чиновника, то имъ шепотомъ замѣчали что

служить онъ не то чтобъ официально, а такъ-сказать конфиденціально, и что въ такомъ случаѣ самую службой требуется чтобы служащій какъ можно менѣе походилъ на чиновника. Такое замѣчаніе производило эффектъ; у насъ извѣстно было что на земство нашей губерніи смотрятъ въ столицѣ съ нѣкоторымъ особымъ вниманіемъ. Повторю, эти слухи только мелькнули и исчезли безслѣдно, до времени, при первомъ появленіи Николая Всеволодовича; но замѣчу что причиной многихъ слуховъ было отчасти нѣсколько краткихъ, но злобныхъ словъ, неясно и отрывисто произнесенныхъ въ клубѣ, недавно возвратившимся изъ Петербурга отставнымъ капитаномъ гвардіи, Артеміемъ Павловичемъ Гагановымъ, весьма крупнымъ помѣщикомъ нашей губерніи и уѣзда, столичнымъ свѣтскимъ человѣкомъ и сыномъ покойнаго Павла Павловича Гаганова, того самого почтеннаго старшины съ которымъ Николай Всеволодовичъ имѣлъ, четыре слишкомъ года тому назадъ, то необычайное по своей грубости и внезапности столкновение о которомъ я уже упоминалъ прежде, въ началѣ моего разказа.

Всѣмъ тотчасъ же стало извѣстно что Юлія Михайловна сдѣлала Варварѣ Петровнѣ чрезвычайный визитъ, и что у крыльца дома ей объявили что «по нездоровью не могутъ принять». Также и то что дня черезъ два послѣ своего визита, Юлія Михайловна посылала узнать о здоровьѣ Варвары Петровны нарочнаго. Наконецъ принялась вездѣ «защищать» Варвару Петровну, конечно лишь въ самомъ высшемъ смыслѣ, то есть по возможности въ самомъ неопредѣленномъ. Всѣ же первоначальные торопливые намеки о воскресной исторіи выслушала строго и холодно, такъ что въ послѣдующіе дни, въ ея присутствіи, они уже не возобновлялись. Такимъ образомъ и укрѣпилась вездѣ мысль что Юліи Михайловнѣ извѣстна не только вся эта таинственная исторія но и весь ея таинственный смыслъ до мельчайшихъ подробностей, и не какъ посторонней, а какъ соучастницѣ. Замѣчу ктати что она начала уже пріобрѣтать у насъ, помаленьку, то высшее вліяніе котораго такъ несомнѣнно добивалась и жаждала, и уже начинала видѣть себя «окруженною». Часть общества признала за нею практическій умъ и тактъ.... но объ этомъ послѣ. Ея же покровительствомъ объяснялись отчасти и весьма быстрые успѣхи Петра Степановича въ нашемъ обществѣ, — успѣхи особенно поразившіе тогда Степана Трофимовича.

Мы съ нимъ можетъ-быть и преувеличивали. Впервыхъ, Петръ Степановичъ перезнакомился почти мгновенно со всѣмъ городомъ, въ первые же четыре дня послѣ своего появленія. Появился онъ въ воскресенье, а во вторникъ я уже встрѣтилъ его въ коляскѣ съ Артеміемъ Павловичемъ Гагановымъ, человѣкомъ гордымъ, раздражительнымъ и за-

носчивымъ, несмотря на всю его свѣтскость, и съ которымъ, по характеру его, довольно трудно было ужиться. У губернатора Петръ Степановичъ былъ тоже принятъ прекрасно, до того что тотчасъ же сталъ въ положеніе близкаго или такъ-сказать обласканнаго молодаго человѣка; обѣдалъ у Юліи Михайловны почти ежедневно. Познакомился онъ съ нею еще въ Швейцаріи, но въ быстромъ успѣхѣ его въ домѣ его превосходительства дѣйствительно заключалось нѣчто любопытное. Все-таки онъ слылъ же когда-то заграничнымъ революціонеромъ, правда ли, нѣтъ ли, участвовалъ въ какихъ-то заграничныхъ изданіяхъ и конгрессахъ, «что можно даже изъ газетъ доказать», какъ злобно выразился мнѣ при встрѣчѣ Алеша Телятниковъ, теперъ, увы, отставной чиновничекъ, а прежде тоже обласканный молодой человѣкъ въ домѣ стараго губернатора. Но тутъ стоялъ однако же фактъ: бывший революціонеръ явился въ любезномъ отечествѣ не только безъ всякаго безпокойства, но чуть ли не съ поощреніями; стало-быть ничего можетъ и не было. Липутинъ шепнулъ мнѣ разъ что, по слухамъ, Петръ Степановичъ будто бы гдѣ-то принесъ покаяніе и получилъ отпущеніе, назвавъ нѣсколько прочихъ именъ и такимъ образомъ можетъ и успѣлъ уже заслужить вину, обѣщая и впредь быть полезнымъ отечеству. Я передалъ эту ядовитую фразу Степану Трофимовичу, и тотъ, несмотря на то что былъ почти не въ состояніи соображать, сильно задумался. Въ послѣдствіи обнаружилось что Петръ Степановичъ пріѣхалъ къ намъ съ чрезвычайно почтенными рекомендательными письмами, по крайней мѣрѣ привезъ одно къ губернаторшѣ отъ одной чрезвычайно важной петербургской старушки, мужъ которой былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ петербургскихъ старичковъ. Эта старушка, крестная мать Юліи Михайловны, упоминала въ письмѣ своемъ что и графъ К. хорошо знаетъ Петра Степановича, чрезъ Николая Всеволодовича, обласкалъ его и находитъ «достойнымъ молодымъ человѣкомъ, несмотря на бывшія заблужденія». Юлія Михайловна до крайности цѣнила свои скудныя и съ такимъ трудомъ поддерживаемыя связи съ «высшимъ міромъ», и ужъ конечно была рада письму важной старушки; но все-таки оставалось тутъ нѣчто какъ бы и особенное. Даже супруга своего поставила къ Петру Степановичу въ отношенія почти фамиліарныя, такъ что г. фонъ-Лембке жаловался.... но объ этомъ тоже послѣ. Замѣчу тоже для памяти что и великій писатель весьма благосклонно отнесся къ Петру Степановичу и тотчасъ же пригласилъ его къ себѣ. Такая поспѣшность такого надутаго собою человѣка кольнула Степана Трофимовича больнѣе всего; но я объяснилъ себѣ иначе: зазывая къ себѣ нигилиста, г. Кармазиновъ ужъ конечно имѣлъ въ виду сношенія его съ прогрессивными юношами обѣихъ столицъ. Ве-

ликій писатель болѣзненно трепеталъ предъ новѣйшею революціонною молодежью, и воображая, по незнанію дѣла, что въ рукахъ ея ключи русской будущности, унижительно къ нимъ подлизывался, главное потому что они не обращали на него никакого вниманія.

II.

Петръ Степановичъ забѣжалъ раза два и къ родителю, и къ несчастію моему, оба раза въ мое отсутствіе. Въ первый разъ посѣтилъ его въ среду, то-есть на четвертый лишь день послѣ той первой встрѣчи, да и то по дѣлу. Кстати, расчетъ по имѣнію окончился у нихъ какъ-то неслышно и невидно. Варвара Петровна взяла все на себя и все выплатила, разумѣется пріобрѣтя землю, а Степана Трофимовича только увѣдомила о томъ что все кончено, и уполномоченный Варвары Петровны, камердинеръ ея Алексѣй Егоровичъ, поднесъ ему что-то подписать, что онъ и исполнилъ молча и съ чрезвычайнымъ достоинствомъ. Замѣчу по поводу достоинства что я почти не узнавалъ нашего прежняго старичка въ эти дни. Онъ держалъ себя какъ никогда прежде, сталъ удивительно молчаливъ, даже не написалъ ни одного письма Варварѣ Петровнѣ съ самаго воскресенья, что я счелъ бы чудомъ, а главное сталъ спокоенъ. Онъ укрѣпился на какой-то окончательной и чрезвычайной идеѣ, придававшей ему спокойствіе, это было видно. Онъ нашелъ эту идею, сидѣлъ и чего-то ждалъ. Сначала впрочемъ былъ боленъ, особенно въ понедѣльникъ; была холерина. Тоже и безъ вѣстей пробыть не могъ во все время; но лишь только я, оставляя факты, переходилъ къ сути дѣла и высказывалъ какія-нибудь предположенія, то онъ тотчасъ же начиналъ махать на меня руками и ногами, чтобъ я пересталъ. Но оба свиданія съ сыномъ все-таки болѣзненно на него подѣйствовали, хотя и не поколебали. Въ оба эти дня, послѣ свиданій, онъ лежалъ на диванѣ, обмотавъ голову платкомъ намоченнымъ въ уксусъ; новъ высшемъ смыслѣ продолжалъ оставаться спокойнымъ.

Иногда, впрочемъ, онъ и не махалъ на меня руками. Иногда тоже казалось мнѣ что принятая таинственная рѣшимость какъ бы оставляла его, и что онъ начиналъ бороться съ какимъ-то новымъ соблазнительнымъ наплывомъ идей. Это было мгновеніями, но я отмѣчаю ихъ. Я подозрѣвалъ что ему очень бы хотѣлось опять заявить себя, выйти изъ уединенія, предложить борьбу, задать послѣднюю битву.

— Спер, я бы ихъ разгромилъ! вырвалось у него въ четвергъ вечеромъ, послѣ втораго свиданія съ Петромъ Степановичемъ, когда онъ лежалъ протянувшись на диванѣ, съ головой обернутою полотенцемъ.

До этой минуты онъ во весь день еще ни слова не сказалъ со мной.

— «Fils, fils chéri»¹ и такъ далѣе, я согласенъ что всѣ эти выраженія вздоръ, кухарочный словарь, да и пусть ихъ, я самъ теперь вижу. Я его не кормилъ и не поилъ, я отослалъ его изъ Берлина въ —скую губернію, груднаго ребенка, по почтѣ, ну и такъ далѣе, я согласенъ.... «Ты, говоритъ, меня не поилъ и по почтѣ выслалъ, да еще здѣсь ограбилъ». Но, несчастный, кричу ему, вѣдь болѣлъ же я за тебя сердцемъ всю мою жизнь, хотя и по почтѣ! *Il rit*². Но я согласенъ, согласенъ.... пусть по почтѣ, закончилъ онъ какъ въ бреду.

— *Passons*³, началъ онъ опять черезъ пять минутъ. — Я не понимаю Тургенева. У него Базаровъ это какое-то фиктивное лицо, не существующее вовсе; они же первые и отвергли его тогда, какъ ни на что не похожее. Этотъ Базаровъ это какая-то неясная смѣсь Ноздрева съ Байрономъ, *c'est le mot*⁴! Посмотрите на нихъ внимательно: они кувыркаются и визжатъ отъ радости какъ щенки на солнцѣ, они счастливы, они побѣдители! Какой тутъ Байронъ!... И притомъ какія будни! Какая кухарочная раздражительность самолюбія, какая пошленькая жаждишка *faire du bruit autour de son nom*⁵, не замѣчая что *son nom*.... О, карриатура! Помилуй, кричу ему, да неужто ты себя такого какъ есть людямъ взамѣнъ Христа предложить желаешь? *Il rit. Il rit beaucoup, il rit trop*.⁶ У него какая-то странная улыбка. У его матери не было такой улыбки. *Il rit toujours*.⁷

Опять наступило молчаніе.

— Они хитры; въ воскресенье они сговорились....брякнулъ онъ вдругъ.

— О, безъ сомнѣнія, вскричалъ я, наостривъ уши, — все это стачка и сшито бѣлыми нитками, и такъ дурно разыграно.

— Я не про то. Знаете ли что все это было нарочно сшито бѣлыми нитками чтобы замѣтили тѣ.... кому надо. Понимаете это?

— Нѣтъ, не понимаю.

— *Tant mieux. Passons*.⁸ Я очень раздраженъ сегодня.

— Да зачѣмъ же вы съ нимъ спорили, Степанъ Трофимовичъ? проговорилъ я укоризненно.

— *Je voulais convertir*.⁹ Конечно смѣйтесь. *Cette pauvre teta, elle entendra de belles choses!*¹⁰ О, другъ мой, повѣрите ли что я давеча ощу-

¹ «Сын, возлюбленный сын» (франц.).

² Он смеется (франц.).

³ Оставим это (франц.).

⁴ именно так (франц.).

⁵ поднимать шум вокруг своего имени (франц.).

⁶ Он смеется. Он много, слишком много смеется (франц.).

⁷ Он всегда смеется (франц.).

⁸ Тем лучше. Оставим это (франц.).

⁹ Я хотел переубедить (франц.).

¹⁰ А эта бедная тетя, хорошенькие вещи она услышит! (франц.).

тилъ себя патриотомъ! Впрочемъ я всегда сознавалъ себя Русскимъ..... да настоящій Русскій и не можетъ быть иначе какъ мы съ вами. Il y a là dedans quelque chose d'aveugle et de louche.¹

— Непремѣнно, отвѣтилъ я.

— Другъ мой, настоящая правда всегда неправдоподобна, знаете ли вы это? Чтобы сдѣлать правду чуть-чуть лишь правдоподобною, нужно неперемѣнно подмѣшать къ ней лжи. Люди всегда такъ и поступали. Можетъ-быть тутъ есть чего мы не понимаемъ. Какъ вы думаете, есть тутъ чего мы не понимаемъ въ этомъ побѣдоносномъ визгѣ? Я бы желалъ чтобы было. Я бы желалъ.

Я промолчалъ. Онъ тоже очень долго молчалъ.

— Говорятъ, французскій умъ.... залепеталъ онъ вдругъ точно въ жару, — это ложь, это всегда такъ и было. Зачѣмъ клеветать на французскій умъ? Тутъ просто русская лѣнь, наше унижительное безсиліе произвести идею, наше отвратительное паразитство въ ряду народовъ. Ils sont tout simplement des paresseux², а не французскій умъ. О, Русскіе должны бы быть истреблены для блага человѣчества, какъ вредные паразиты! Мы вовсе, вовсе не къ тому стремились; я ничего не понимаю. Я пересталъ понимать! Да понимаешь ли, кричу ему, понимаешь ли что если у васъ гильотина на первомъ планѣ и съ такимъ восторгомъ, то это единственно потому что рубить головы всего легче, а явиться съ чѣмъ-нибудь дѣльнымъ всего труднѣе! Vous êtes des paresseux! Votre drapeau est une guenille, une «impuissance».³ Эти телѣги, или какъ тамъ: «стукъ телѣгъ подвозящихъ хлѣбъ человѣчеству» полезнѣе Сикстинской Мадонны, или какъ у нихъ тамъ.... une bêtise dans ce genre⁴. Но понимаешь ли, кричу ему, понимаешь ли ты что человѣку кромѣ счастья также точно и совершенно во столько же необходимо и несчастіе! Il rit. Ты, говорить, здѣсь бонмо отпускаешь «нѣжа свои члены (онъ пакостнѣе выразился) на бархатномъ диванѣ».... И замѣтьте эта наша привычка на ты отца съ сыномъ; хорошо когда оба согласны, ну, а если ругаются?

Съ минутой опять помолчали.

— Cher, заключилъ онъ вдругъ быстро приподнявшись. — Знаете ли что это неперемѣнно чѣмъ-нибудь кончится?

— Ужъ конечно, сказалъ я.

— Vous ne comprenez pas. Passons.⁵ Но.... обыкновенно на свѣтѣ кончается ничѣмъ, но здѣсь будетъ конецъ, неперемѣнно, неперемѣнно!

¹ Тут скрывается что-то слепое и подозрительное (франц.).

² Они попросту лентяи (франц.).

³ Вы лентяи! Ваше знамя — тряпка, воплощение бессилія (франц.).

⁴ какая-то глупость в этом роде (франц.).

⁵ Вы не понимаете. Оставим это (франц.).

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ въ сильнѣйшемъ волненіи, и дойдя опять до дивана, безсильно повалился на него.

Въ пятницу утромъ Петръ Степановичъ уѣхалъ куда-то въ уѣздъ и пробылъ до понедѣльника. Объ отъѣздѣ его я узналъ отъ Липутина, и тутъ же, какъ-то къ разговору, узналъ отъ него что Лебядкины, братецъ и сестрица, оба гдѣ-то за рѣкой, въ Горшечной слободкѣ. «Я же и перевозиль», прибавилъ Липутинъ и, прервавъ о Лебядкиныхъ, вдругъ возвѣстилъ мнѣ что Лизавета Николаевна выходитъ за Маврикія Николаевича, и хоть это и не объявлено, но помолвка была и дѣло покончено. Назавтра я встрѣтилъ Лизавету Николаевну верхомъ въ сопровожденіи Маврикія Николаевича, выѣхавшую въ первый разъ послѣ болѣзни. Она сверкнула на меня издали глазами, засмѣялась и очень дружески кивнула головой. Все это я передалъ Степану Трофимовичу; онъ обратилъ нѣкоторое вниманіе лишь на извѣстіе о Лебядкиныхъ.

А теперь, описавъ наше загадочное положеніе въ продолженіи этихъ восьми дней, когда мы еще ничего не знали, приступлю къ описанію послѣдующихъ событій моей хроники, и уже, такъ-сказать, съ знаніемъ дѣла, въ томъ видѣ какъ все это открылось и объяснилось теперь. Начну именно съ восьмага дня послѣ того воскресенья, то-есть съ понедѣльника вечеромъ — потому что въ сущности съ этого вечера и началась «новая исторія».

III.

Было семь часовъ вечера, Николай Всеволодовичъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, — комнатѣ имъ еще прежде излюбленной, высокой, устланной коврами, уставленной нѣсколько тяжелою, стариннаго фасона мебелью. Онъ сидѣлъ въ углу на диванѣ, одѣтый какъ бы для выхода, но, казалось, никуда не собирался. На столѣ предъ нимъ стояла лампа съ абажуромъ. Бока и углы большой комнаты оставались въ тѣни. Взглядъ его былъ задумчивъ и сосредоточенъ, не совсѣмъ спокоенъ; лицо усталое и нѣсколько похудѣвшее. Болѣнъ онъ былъ дѣйствительно флюсомъ; но слухъ о выбитомъ зубѣ былъ преувеличенъ. Зубъ только шатался, но теперь снова окрѣпъ; была тоже разсѣчена изнутри верхняя губа, но и это зажило. Флюсъ же не проходилъ всю недѣлю лишь потому что больной не хотѣлъ принять доктора и во-время дать разрѣзать опухоль, а ждалъ пока нарывъ самъ прорвется. Онъ не только доктора, но и мать едва допускалъ къ себѣ, и то на минуту, одинъ разъ на дню и непремѣнно въ сумерки, когда уже становилось темно, а огня еще не подавали. Не принималъ онъ тоже и Петра Степановича, который однакоже по два и по три раза въ день забѣгалъ къ Варварѣ Петровнѣ пока оста-

вался въ городѣ. И вотъ наконецъ въ понедѣльникъ, возвратясь поутру послѣ своей трехдневной отлучки, обѣгавъ весь городъ и отобѣдавъ у Юліи Михайловны, Петръ Степановичъ къ вечеру явился наконецъ къ нетерпѣливо ожидавшей его Варварѣ Петровнѣ. Запретъ былъ снятъ, Николай Всеволодовичъ принималъ. Варвара Петровна сама подвела гостя къ дверямъ кабинета; она давно желала ихъ свиданья, а Петръ Степановичъ далъ ей слово забѣжать къ ней отъ Nicolas и пересказать. Робко постучалась она къ Николаю Всеволодовичу, и не получая отвѣта, осмѣлилась пріотворить дверь вершка на два.

— Nicolas, могу я ввести къ тебѣ Петра Степановича? тихо и сдержанно спросила она, стараясь разглядѣть Николая Всеволодовича изъ-за лампы.

— Можно, можно, конечно можно! громко и весело крикнулъ самъ Петръ Степановичъ, отворилъ дверь своею рукой и вошелъ.

Николай Всеволодовичъ не слышалъ стука въ дверь, а слышалъ лишь только робкій вопросъ мамы, но не успѣлъ на него отвѣтить. Предъ нимъ въ эту минуту лежало только что прочитанное имъ письмо, надъ которымъ онъ сильно задумался. Онъ вздрогнулъ, слышавъ внезапный окрикъ Петра Степановича и поскорѣе накрылъ письмо попавшимся подъ руку преспапье, но не совсѣмъ удалось: уголъ письма и почти весь конвертъ выглядывали наружу.

— Я нарочно крикнулъ изо всей силы чтобы вы успѣли приготовиться, торопливо съ удивительною наивностью прошепталъ Петръ Степановичъ, подбѣгая къ столу, и мигомъ устоялся на преспапье и на уголъ письма.

— И конечно успѣли поглядѣть какъ я пряталъ отъ васъ подъ преспапье только-что полученное мною письмо, спокойно проговорилъ Николай Всеволодовичъ, не трогаясь съ мѣста.

— Письмо? Богъ съ вами и съ вашимъ письмомъ, мнѣ что! воскликнулъ гость, но.... главное, зашепталъ онъ опять, обертываясь къ двери, уже запертой, и кивая въ ту сторону головой.

— Она никогда не подслушиваетъ, холодно замѣтилъ ему Николай Всеволодовичъ.

— То-есть елибъ и подслушивала! мигомъ подхватилъ, весело возвышая голосъ и усаживаясь въ кресло, Петръ Степановичъ. — Я ничего противъ этого, я только теперь бѣжалъ поговорить наединѣ.... Ну, наконецъ-то я къ вамъ добился! Прежде всего какъ здоровье? Вижу что прекрасно и завтра можетъ-быть вы явитесь — а?

— Можетъ-быть.

— Разрѣшите ихъ наконецъ, разрѣшите меня! неистово зажеликулировалъ онъ съ шутливымъ и пріятнымъ видомъ. — Еслибъ вы знали что я долженъ былъ имъ наболтать. А впрочемъ вы знаете. Онъ засмѣялся.

— Всего не знаю. Я слышалъ только отъ матери что вы очень... двигались.

— То-есть я вѣдь ничего опредѣленнаго, вскинулся вдругъ Петръ Степановичъ, какъ бы защищаясь отъ ужаснаго нападенія, — знаете, я пустилъ въ ходъ жену Шатова, то-есть слухи о вашихъ связяхъ въ Парижѣ, чѣмъ и объяснялся конечно тотъ случай въ воскресенье... вы не сердитесь?

— Убѣжденъ что вы очень старались.

— Ну, я только этого и боялся. А впрочемъ что жъ это значить: «очень старались»? Это вѣдь упрекъ. Впрочемъ вы прямо ставите, я всего больше боялся идя сюда что вы не захотите прямо поставить.

— Я ничего и не хочу прямо ставить, проговорилъ Николай Всеволодовичъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, но тотчасъ же усмѣхнулся.

— Я не про то; не про то, не ошибитесь, не про то! замахалъ руками Петръ Степановичъ, сыпля словами какъ горохомъ и тотчасъ же обрадовавшись раздражительности хозяина. — Я не стану васъ раздражать *нашимъ* дѣломъ, особенно въ вашемъ теперешнемъ положеніи. Я прибѣжалъ только о воскресномъ случаѣ, и то въ самую необходимую мѣру, потому нельзя же вѣдь. Я съ самыми открытыми объясненіями, въ которыхъ нуждаюсь главное я, а не вы, — это для вашего самолюбія, но въ то же время это и правда. Я пришелъ чтобы быть съ этихъ поръ всегда откровеннымъ.

— Стало-быть прежде были неоткровенны?

— И вы это знаете сами. Я хитрилъ много разъ... вы улыбнулись, очень радъ улыбка какъ предлогу для разъясненія; я вѣдь нарочно вызвалъ улыбку хвастливымъ словомъ «хитрилъ», для того чтобы вы тотчасъ же и разсердились: какъ это я смѣлъ сказать что хитрилъ, а мнѣ чтобы сейчасъ же объясниться. Видите, видите какъ я сталъ теперь откровененъ! Ну-съ, угодно вамъ выслушать?

Въ выраженіи лица Николая Всеволодовича, презрительно спокойномъ и даже насмѣшливомъ, несмотря на все очевидное желаніе гостя раздражить хозяина нахальностію своихъ заранѣе наготовленныхъ и съ намѣреніемъ грубыхъ наивностей, — выразилось наконецъ нѣсколько тревожное любопытство.

— Слушайте же, завертѣлся Петръ Степановичъ пуще прежняго: — Отправляясь сюда, то-есть вообще сюда, въ этотъ городъ, десять

дней назадъ, я конечно рѣшился взять роль. Самое бы лучшее совсѣмъ безъ роли, свое собственное лицо, не такъ ли? Ничего нѣтъ хитрѣе какъ собственное лицо, потому что никто не повѣритъ. Я, признаться, хотѣлъ было взять дурачка, потому что дурачокъ легче чѣмъ собственное лицо; но такъ какъ дурачокъ все-таки крайность, а крайность возбуждаетъ любопытство, то я и остановился на собственномъ лицѣ окончательно. Ну-съ, какое же мое собственное лицо? Золотая середина: ни глупъ, ни уменъ, довольно бездаренъ и съ луны соскочилъ, какъ говорятъ здѣсь благоразумные люди, не такъ ли?

— Что жь, можетъ-быть и такъ, чуть-чуть улыбнулся Николай Всеволодовичъ.

— А, вы согласны — очень радъ; я зналъ впередъ что это ваши собственные мысли.... Не безпокойтесь, не безпокойтесь, я не сержусь и во все не для того опредѣлилъ себя въ такомъ видѣ чтобы вызвать ваши обратныя похвалы: «нѣтъ дескать вы не бездарны, нѣтъ дескать вы умны».... А, вы опять улыбаетесь!... Я опять попался. Вы не сказали бы: «вы умны», ну и положимъ; я все допускаю. *Passons*, какъ говоритъ папаша и, въ скобкахъ, не сердитесь на мое многословіе. Кстати вотъ и примѣръ: я всегда говорю много, то-есть много словъ, и тороплюсь, и у меня всегда не выходитъ. А почему я говорю много словъ и у меня не выходитъ? Потому что говорить не умѣю. Тѣ которые умѣютъ хорошо говорить, тѣ коротко говорятъ. Вотъ стало-быть у меня и бездарность, — не правда ли? Но такъ какъ этотъ даръ бездарности у меня уже есть натуральный, такъ почему мнѣ имъ не воспользоваться искусственно? Я и пользуюсь. Правда, собираясь сюда, я было подумалъ сначала молчать; но вѣдь молчать — большой талантъ, и стало-быть мнѣ неприлично, а вовторыхъ, молчать все-таки вѣдь опасно; ну я и рѣшилъ окончательно что лучше всего говорить, но именно по бездарному, то-есть много, много, много, очень торопиться доказывать и подъ конецъ всегда спутаться въ своихъ собственныхъ доказательствахъ, такъ чтобы слушатель отошелъ отъ васъ безъ конца, разведя руки, а всего былучше плюнувъ. Выйдетъ, во первыхъ, что вы увѣрили въ своемъ простодушіи, очень надоѣли и были непоняты — всѣ три выгоды разомъ! Помилуйте, кто послѣ этого станетъ васъ подозрѣвать въ таинственныхъ замыслахъ? Да всякій изъ нихъ лично обидится на того кто скажетъ что я съ тайными замыслами. А я къ тому же иногда разсмѣшу — а это ужъ драгоцѣнно. Да они мнѣ теперь все простятъ уже за то одно что мудрецъ издававшій тамъ прокламаціи оказался здѣсь глупѣе ихъ самихъ, не такъ ли? По вашей улыбкѣ вижу что вы одобряете.

Николай Всеволодовичъ вовсе, впрочемъ, не улыбался, а напротивъ слушалъ нахмуренно и нѣсколько нетерпѣливо.

— А? Что? Вы, кажется, сказали: «все равно»? затрещалъ Петръ Степановичъ (Николай Всеволодовичъ вовсе ничего не говорилъ). Конечно, конечно; увѣряю васъ что я вовсе не для того чтобы васъ товариществомъ компрометтировать. А знаете, вы ужасно сегодня вскидчивы; я къ вамъ прибѣжалъ съ открытою и веселою душой, а вы каждое мое словцо въ лыко ставите; увѣряю же васъ что сегодня ни о чемъ щекотливомъ не заговорю, слово даю наконецъ, и на всѣ ваши условія заранѣе согласенъ!

Николай Всеволодовичъ упорно молчалъ.

— А? Что? Вы что-то сказали? Вижу, вижу что я опять кажется сморозилъ; вы не предлагали условій, да и не предложите, вѣрю, вѣрю, ну успокойтесь; я и самъ вѣдь знаю что мнѣ не стоитъ ихъ предлагать, такъ ли? Я за васъ впередъ отвѣчаю и — ужь конечно отъ бездарности; бездарность и бездарность.... Вы смѣтаетесь? А? Что?

— Ничего, усмѣхнулся наконецъ Николай Всеволодовичъ, — я припомнилъ сейчасъ что дѣйствительно обозвалъ васъ какъ-то бездарнымъ, но васъ тогда не было, значить, вамъ передали.... Я бы васъ просилъ поскорѣе къ дѣлу.

— Да, я вѣдь у дѣла и есть, я именно по поводу воскресенья! залепеталъ Петръ Степановичъ, — ну чѣмъ, чѣмъ я былъ въ воскресенье, какъ по вашему? Именно торопливою срединною бездарностию, и я самымъ бездарнѣйшимъ образомъ овладѣлъ разговоромъ силой. Но мнѣ все простили, потому что я, впервыхъ, съ луны, это кажется здѣсь теперь у всѣхъ рѣшено; а вовторыхъ, потому что милую исторію разказалъ и всѣхъ васъ выручилъ, такъ ли, такъ ли?

— То-есть именно такъ разказали чтобы оставить сомнѣніе и выказать нашу стачку и подтасовку, тогда какъ стачки не было и я васъ ровно ни о чемъ не просилъ.

— Именно, именно! какъ бы въ восторгѣ подхватилъ Петръ Степановичъ. — Я именно такъ и дѣлалъ чтобы вы всю пружину эту замѣтили; я вѣдь для васъ главное и ломался, потому что васъ ловилъ и хотѣлъ компрометтировать. Я главное хотѣлъ узнать въ какой степени вы боитесь.

— Любопытно почему вы такъ теперь откровенны?

— Не сердитесь, не сердитесь, не сверкайте глазами.... Впрочемъ вы не сверкаете. Вамъ любопытно почему я такъ откровененъ? Да именно потому что все теперь перемѣнилось, кончено, прошло и пескомъ заросло. Я вдругъ перемѣнилъ объ васъ свои мысли. Старый путь конченъ

совсѣмъ; теперь я уже никогда не стану васъ компрометтировать старымъ путемъ, теперь новымъ путемъ.

— Перемѣнили тактику?

— Тактики нѣтъ. Теперь во всемъ ваша полная воля, то-есть хотите сказать *да*, а хотите скажете *нѣтъ*. Вотъ моя новая тактика. А о *нашемъ* дѣлѣ не заикнусь до тѣхъ самыхъ поръ пока сами не прикажете. Вы смѣтаетесь? На здоровье; я и самъ смѣюсь. Но я теперь серьезно, серьезно, серьезно, хотя тотъ кто такъ торопится конечно бездаренъ, не правда ли? Все равно, пусть бездаренъ, а я серьезно, серьезно.

Онъ дѣйствительно проговорилъ серьезно, совсѣмъ другимъ тономъ и въ какомъ-то особенномъ волненіи, такъ что Николай Всеволодовичъ поглядѣлъ на него съ любопытствомъ.

— Вы говорите что обо мнѣ мысли перемѣнили? спросилъ онъ.

— Я перемѣнилъ объ васъ мысли въ ту минуту какъ вы взяли руки назадъ, и довольно, довольно, пожалуйста безъ вопросовъ, больше ничего теперь не скажу.

Онъ было вскочилъ, махая руками, точно отмахиваясь отъ вопросовъ; но такъ какъ вопросовъ не было, а уходитъ было незачѣмъ, то онъ и опустился опять въ кресла, нѣсколько успокоившись.

— Кстати, въ скобкахъ, затараторилъ онъ тотчасъ же, — здѣсь одни болтаютъ будто вы его убьете, и пари держатъ, такъ что Лембке думалъ даже тронуть полицію, но Юлія Михайловна запретила.... Довольно, довольно объ этомъ, я только чтобъ извѣстить. Кстати опять я Лебядкиныхъ въ тотъ же день переправилъ, вы знаете; получили мою записку съ ихъ адресомъ?

— Получилъ тогда же.

— Это ужъ я не по «бездарности»; это я искренно, отъ готовности. Если вышло бездарно, то за то было искренно.

— Да, ничего, можетъ такъ и надо.... раздумчиво промолвилъ Николай Всеволодовичъ; — только записокъ больше ко мнѣ не пишите, прошу васъ.

— Невозможно было, всего одну.

— Такъ Липутинъ знаетъ?

— Невозможно было; но Липутинъ, сами знаете, не смѣетъ.... Кстати надо бы къ нашимъ сходить, то-есть къ нимъ, а не къ *нашимъ*, а то вы опять лыко въ строку. Да не беспокойтесь, не сейчасъ, а когда-нибудь. Сейчасъ дождь идетъ. Я имъ дамъ знать, они соберутся, и мы вечеромъ. Они такъ и ждутъ разиня рта, какъ галчаты въ гнѣздѣ, какого мы имъ привезли гостинцу? Горячій народъ. Книжки вынули, спорить собираются. Виргинскій — общечеловѣкъ, Липутинъ — Фурьеристъ, при

большой склонности къ полицейскимъ дѣламъ; человѣкъ, я вамъ скажу, дорогой въ одномъ отношеніи, но требующій во всѣхъ другихъ строгости; и наконецъ, тотъ съ длинными ушами, тотъ свою собственную систему прочитаетъ. И знаете, они обижены что я къ нимъ небрежно и вольно ихъ окачиваю, хе-хе! А сходить надо непременно.

— Вы тамъ какимъ-нибудь шефомъ меня представили? какъ можно небрежнѣе выпустилъ Николай Всеволодовичъ. Петръ Степановичъ быстро посмотрѣлъ на него.

— Кстати, подхватилъ онъ, какъ бы не разслышавъ и поскорѣй заминая, — я вѣдь по два по три раза являлся къ многоуважаемой Варварѣ Петровнѣ и тоже много принужденъ былъ говорить.

— Воображаю.

— Нѣтъ, не воображайте, я просто говорилъ что вы не убьете, ну и тамъ прочія сладкія вещи. И вообразите: она на другой день уже знала что я Марью Тимоѳеевну за рѣку переправилъ; это вы ей сказали?

— Не думалъ.

— Такъ и зналъ что не вы. Кто жъ бы могъ кромѣ васъ? Интересно.

— Липутинъ разумѣется.

— Н-нѣтъ, не Липутинъ, пробормоталъ, нахмурясь, Петръ Степановичъ; — это я узнаю кто. Тутъ похоже на Шатова.... Впрочемъ вздоръ, оставимъ это! Это впрочемъ ужасно важно.... Кстати, я все ждалъ что ваша матушка такъ вдругъ и брякнетъ мнѣ главный вопросъ.... Ахъ, да, всѣ дни сначала она была страшно угрюма, а вдругъ сегодня пріѣзжаю — вся такъ и сіяетъ. Это что же?

— Это она потому что я сегодня ей слово далъ черезъ пять дней къ Лизаветѣ Николаевнѣ посвататься, проговорилъ вдругъ Николай Всеволодовичъ съ неожиданною откровенностію.

— А, ну.... да конечно, пролепеталъ Петръ Степановичъ какъ бы замѣвшись; — тамъ слухи о помолвкѣ, вы знаете? Вѣрно однако. Но вы правы, она изъ-подъ вѣнца прибѣжитъ, стоитъ вамъ только кликнуть. Вы не сердитесь что я такъ?

— Нѣтъ, не сержусь.

— Я замѣчаю что васъ сегодня ужасно трудно разсердить и начинаю васъ бояться. Мнѣ ужасно любопытно какъ вы завтра явитесь. Вы навѣрно много штукъ приготовили. Вы не сердитесь на меня что я такъ?

Николай Всеволодовичъ совсѣмъ не отвѣтилъ, что совсѣмъ уже раздражило Петра Степановича.

— Кстати, это вы серіозно мамашѣ насчетъ Лизаветы Николаевны? спросилъ онъ.

Николай Всеволодовичъ пристально и холодно посмотрѣлъ на него.

— А, понимаю, чтобы только успокоить, ну да.

— А еслибы серьезно? твердо спросил Николай Всеволодовичъ.

— Что жь и съ Богомъ, какъ въ этихъ случаяхъ говорится, дѣлу не повредить (видите, я не сказалъ нашему дѣлу, вы словцо *наше* не любите) а я... а я что жь, я къ вашимъ услугамъ, сами знаете.

— Вы думаете?

— Я ничего, ничего не думаю, заторопился, смѣясь, Петръ Степановичъ, — потому что знаю что вы о своихъ дѣлахъ сами напередъ обдумали и что у васъ все придумано. Я только про то что я серьезно къ вашимъ услугамъ, всегда и вездѣ и во всякомъ случаѣ, то-есть во всякомъ, понимаете это.

Николай Всеволодовичъ зѣвнулъ.

— Надоѣлъ я вамъ, вскочилъ вдругъ Петръ Степановичъ, схватывая свою круглую, совѣмъ новую шляпу и какъ бы уходя, а между тѣмъ все еще оставаясь и продолжая говорить непрерывно, хотя и стоя, иногда шагая по комнатѣ и въ одушевленныхъ мѣстахъ разговора ударяя себя шляпой по колѣнкѣ.

— Я думалъ еще повеселить васъ Лембками, весело вскричалъ онъ.

— Нѣтъ ужь, послѣ бы. Какъ однако здоровье Юліи Михайловны?

— Какой это у васъ у всѣхъ однако свѣтскій пріемъ: вамъ до ея здоровья все равно что до здоровья сѣрой кошки, а между тѣмъ спрашиваете. Я это хвалю. Здорова и васъ уважаетъ до суевѣрія, до суевѣрія многого отъ васъ ожидаетъ. О воскресномъ случаѣ молчитъ и увѣрена что вы все сами побѣдите однимъ появленіемъ. Ей-Богу она воображаетъ что вы ужь Богъ знаетъ что можете. Впрочемъ вы теперь загадочное и романическое лицо, пуще чѣмъ когда-нибудь — чрезвычайно выгодное положеніе. Всѣ васъ ждуть до невѣроятности. Я вотъ уѣхалъ — было горячо, а теперь еще пуще. Кстати, спасибо еще разъ за письмо. Они всѣ графа К. боятся. Знаете, они считаютъ васъ, кажется, за шпіона? Я подкиваю, вы не сердитесь?

— Ничего.

— Это ничего; это въ дальнѣйшемъ необходимо. У нихъ здѣсь свои порядки. Я конечно поощряю; Юлія Михайловна во главѣ, Гагановъ тоже.... Вы смѣтаетесь? Да вѣдь я съ тактикой: я вру, вру, а вдругъ и умное слово скажу, именно тогда когда они всѣ его ищутъ. Они окружаютъ меня, а я опять начну врать. На меня уже всѣ махнули; «со способностями, говорятъ, но съ луны соскочилъ». Лембке меня въ службу зоветъ, чтобъ я выправился. Знаете, я его ужасно третирую, то-есть компрометирую, такъ и лупить глаза. Юлія Михайловна поощряетъ. Да, кстати, Гагановъ на васъ ужасно сердится. Вчера въ Духовѣ говорилъ мнѣ о

васъ прескверно. Я ему тотчасъ же всю правду, то-есть разумѣется не всю правду. Я у него цѣлый день въ Духовѣ прожилъ. Славное имѣніе, хорошій домъ.

— Такъ онъ развѣ и теперь въ Духовѣ? вдругъ вскинулся Николай Всеволодовичъ, почти вскочивъ и сдѣлавъ сильное движеніе впередъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ, меня же и привезъ сюда давеча утромъ, мы вмѣстѣ воротились, проговорилъ Петръ Степановичъ, какъ бы совсѣмъ не замѣтивъ мгновеннаго волненія Николая Всеволодовича. — Что это, я книгу уронилъ, нагнулся онъ поднять задѣтый имъ кипсекъ. Женщины Бальзака, съ картинками, развернулъ онъ вдругъ, — не читалъ. Лембке тоже романы пишетъ.

— Да? спросилъ Николай Всеволодовичъ какъ бы заинтересовавшись.

— На русскомъ языкѣ, потихоньку разумѣется. Юлія Михайловна знаетъ и позволяетъ. Колпакъ; впрочемъ съ приемами; у нихъ это выработано. Это чудное явленіе наша администрація, какъ вы думаете? Экая строгость формъ, экая выдержанность! Вотъ бы намъ что-нибудь въ этомъ родѣ. Вы одно подумайте: сотни этихъ Лембковъ сидятъ, и все превосходно идетъ, даже тѣмъ лучше чтобы все Лембки сидѣли; такъ вѣдь это ужъ до щегольства дошли значить, какъ вы думаете?

— Вы хвалите администрацію?

— Да еще же бы нѣтъ! Единственно что въ Россіи есть натурального и достигнутаго, во что переварили весь организмъ. И кто это у нихъ такую штуку золотую выдумалъ? Завидно. Вѣдь это сѣтъ — опека....

— Не буду, не буду, вскинулся онъ вдругъ, — я не про то, о деликатномъ ни слова. Однако прощайте, вы какой-то зеленый.

— Лихорадка у меня.

— Можно повѣрить, ложитесь-ка. Кстати: здѣсь скопцы есть въ уѣздѣ, любопытный народъ.... Впрочемъ потомъ. А впрочемъ вотъ еще анекдотикъ: тутъ по уѣзду пѣхотный полкъ. Въ пятницу вечеромъ я въ Б — цахъ съ офицерами пилъ. Тамъ вѣдь у насъ три пріятеля, *vous comprenez*¹? Объ атеизмѣ говорили и ужъ разумѣется Бога раскассировали. Рады, визжать. Кстати, Шатовъ увѣряетъ что если въ Россіи бунтъ начинать, то чтобы непременно начать съ атеизма. Можетъ и правда. Одинъ сѣдой бурбонъ капитанъ сидѣлъ, сидѣлъ, все молчалъ, ни слова не говорилъ, вдругъ становится среди комнаты и, знаете, громко такъ, какъ бы самъ съ собой: «Если Бога нѣтъ, то какой же я послѣ того капитанъ?» Взялъ фуражку, развелъ руки, и вышелъ.

¹ вы понимаете? (франц.).

— Довольно цѣльную мысль выразилъ, зѣвнулъ въ третій разъ Николай Всеволодовичъ.

— Да? Я не понялъ, васъ хотѣлъ спросить. Ну что бы вамъ еще: интересная фабрика Шпигулиныхъ; тутъ, какъ вы знаете, пятьсотъ рабочихъ, разсадникъ холеры, не чистятъ пятнадцать лѣтъ и фабричныхъ ущитываютъ; купцы милліонеры. Увѣряю васъ что между рабочими иные объ Internationale имѣютъ понятіе. Что, вы улыбнулись? сами увидите, дайте мнѣ только самый, самый маленькій срокъ! Я уже просилъ у васъ срока, а теперь еще прошу, и тогда.... а впрочемъ виновать, не буду, не буду, я не про то, не морщитесь. Однако прощайте. Что жъ я? воротился онъ вдругъ съ дороги, совсѣмъ забылъ, самое главное: мнѣ сейчасъ говорили что нашъ ящикъ изъ Петербурга пришелъ.

— То-есть? посмотрѣлъ Николай Всеволодовичъ, не понимая.

— То-есть вашъ ящикъ, ваши вещи, съ фраками, панталонами и бѣльемъ; пришелъ? Правда?

— Да, мнѣ что-то давеча говорили.

— Ахъ, такъ нельзя ли сейчасъ!...

— Спросите у Алексѣя.

— Ну завтра, завтра? Тамъ вѣдь съ вашими вещами и мой пиджакъ, фракъ и трое панталонъ, отъ Шармера, по вашей рекомендаціи, помните?

— Я слышалъ что вы здѣсь, говорятъ, джентльменничаете? усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ. — Правда что вы у берейтора верхомъ хотите учиться?

Петръ Степановичъ улыбнулся искривленною улыбкой.

— Знаете, заторопился онъ вдругъ чрезмѣрно, какимъ-то вздрагивающимъ и пресѣкающимся голосомъ, знаете, Николай Всеволодовичъ, мы оставимъ насчетъ личностей, не такъ ли, разъ навсегда? Вы, разумѣется, можете меня презирать сколько угодно, если вамъ такъ смѣшно, но все таки бы лучше безъ личностей нѣсколько времени, такъ ли?

— Хорошо, я больше не буду, промолвилъ Николай Всеволодовичъ. Петръ Степановичъ усмѣхнулся, стукнулъ по колѣнкѣ шляпой, ступилъ съ одной ноги на другую и принялъ прежній видъ.

— Здѣсь иные считаютъ меня даже вашимъ соперникомъ у Лизаветы Николаевны, какъ же мнѣ о наружности не заботиться? засмѣялся онъ. — Это кто же однако вамъ доносить? Гм. Ровно восемь часовъ; ну, я въ путь; я къ Варварѣ Петровнѣ обѣщалъ зайти, но спасую, а вы ложитесь и завтра будете бодрѣе. На дворѣ дождь и темень, у меня впрочемъ извощикъ, потому что на улицахъ здѣсь по ночамъ неспокойно.... Ахъ какъ кстати: здѣсь въ городѣ и около бродитъ теперь одинъ Оедька-

каторжный, бѣглый изъ Сибири, представьте, мой бывшій дворовый чело-
вѣкъ, котораго папаша лѣтъ пятнадцать тому въ солдаты упекъ и
деньги взялъ. Очень замѣчательная личность.

— Вы.... съ нимъ говорили? вскинулъ глазами Николай Всеволодо-
вичъ.

— Говорилъ. Отъ меня не прячется. На все готовая личность, на
все; за деньги разумѣется, но есть и убѣжденія, въ своемъ родѣ конечно.
Ахъ да, вотъ и опять кстати: если вы давеча серьезно о томъ замыслѣ,
помните насчетъ Лизаветы Николаевны, то возобновляю вамъ еще разъ,
что и я тоже на все готовая личность, во всѣхъ родахъ, какихъ угодно, и
совершенно къ вашимъ услугамъ.... Что это, вы за палку хватаетесь?
Ахъ нѣтъ, вы не за палку.... Представьте, мнѣ показалось что вы палку
ищете?

Николай Всеволодовичъ ничего не искалъ и ничего не говорилъ, но
дѣйствительно онъ привсталъ какъ-то вдругъ, съ какимъ-то страннымъ
движеніемъ въ лицѣ.

— Если вамъ тоже понадобится что-нибудь насчетъ господина Га-
ганова, брякнулъ вдругъ Петръ Степановичъ, ужъ прямехонько кивая
на преспапье, — то разумѣется я могу все устроить и убѣжденъ что вы
меня не обойдете.

Онъ вдругъ вышелъ, не дожидаясь отвѣта, но высунулъ еще разъ
голову изъ-за двери:

— Я потому такъ, прокричалъ онъ скороговоркой, — что вѣдь Ша-
товъ, напримѣръ, тоже не имѣлъ права рисковать тогда жизнью въ
воскресенье, когда къ вамъ подошелъ, такъ ли? Я бы желалъ чтобы вы
это замѣтили.

Онъ исчезъ опять, не дожидаясь отвѣта.

IV.

Можетъ-быть онъ думалъ, исчезая, что Николай Всеволодовичъ,
оставшись одинъ, начнетъ колотить кулаками въ стѣну, и ужъ конечно
бы радъ былъ подсмотрѣть, еслибъ это было возможно. Но онъ очень бы
обманулся: Николай Всеволодовичъ оставался спокоенъ. Минуты двѣ
онъ простоялъ у стола въ томъ же положеніи, повидимому, очень задумавшись;
но вскорѣ вялая, холодная улыбка выдавилась на его губахъ.
Онъ медленно усѣлся на диванъ, на свое прежнее мѣсто въ углу, и за-
крылъ глаза, какъ бы отъ усталости. Уголокъ письма попрежнему выгля-
дывалъ изъ-подъ преспапье, но онъ и не пошевелился поправить.

Скоро онъ забылся совсѣмъ. Варвара Петровна, измучившая себя
въ эти дни заботами, не вытерпѣла, и по уходѣ Петра Степановича,

обѣщавшаго къ ней зайти и не сдержавшаго обѣщанія, рискнула сама навѣстить Nicolas, несмотря на неуказанное время. Ей все мерещилось: не скажетъ ли онъ наконецъ чего-нибудь окончательно? Тихокакъ и давеча постучалась она въ дверь, и опять не получая отвѣта отворила сама. Увидавъ что Nicolas сидитъ что-то слишкомъ ужъ неподвижно, она съ бьющимся сердцемъ осторожно приблизилась сама къ дивану. Ее какъ бы поразило что онъ такъ скоро заснулъ и что можетъ такъ спать, такъ прямо сидя и такъ неподвижно; даже дыханія почти нельзя было замѣтить. Лицо было блѣдное и суровое, но совсѣмъ какъ бы застывшее, недвижимое; брови немного сдвинуты и нахмурены; рѣшительно онъ походилъ на бездушную восковую фигуру. Она простояла надъ нимъ минуты три, едва переводя дыханіе и вдругъ ее обнялъ страхъ; она вышла на цыпочкахъ, пріостановилась въ дверяхъ, наскоро перекрестила его и удалилась незамѣченная, съ новымъ тяжелымъ ощущеніемъ и съ новою тоской.

Проспалъ онъ долго, болѣе часу, и все въ такомъ же оцѣпененіи; ни одинъ мускулъ лица его не двинулся, ни малѣйшаго движенія во всемъ тѣлѣ не выказалось; брови были все такъ же сурово сдвинуты. Еслибы Варвара Петровна осталась еще на три минуты, то навѣрно бы не вынесла подавляющаго ощущенія этой летаргической неподвижности и разбудила его. Но онъ вдругъ самъ открылъ глаза, и попрежнему не шевелясь, просидѣлъ еще минутъ десять, какъ бы упорно и любопытно всматриваясь въ какой-то поразившій его предметъ въ углу комнаты, хотя тамъ ничего не было ни новаго, ни особеннаго.

Наконецъ раздался тихій, густой звукъ большихъ стѣнныхъ часовъ, пробившихъ одинъ разъ. Съ нѣкоторымъ безпокойствомъ повернулъ онъ голову взглянуть на циферблатъ, но почти въ ту же минуту отворилась задняя дверь, выходящая въ корридоръ, и показался камердинеръ Алексѣй Егоровичъ. Онъ несъ въ одной рукѣ теплое пальто, шарфъ и шляпу, а въ другой серебрянную тарелочку, на которой лежала записка.

— Половина десятаго, возгласилъ онъ тихимъ голосомъ, и сложивъ принесенное платье въ углу на стулѣ, поднесъ на тарелкѣ записку, маленькую бумажку незапечатанную, съ двумя строчками карандашомъ. Пробѣжавъ эти строки, Николай Всеволодовичъ тоже взялъ со стола карандашъ, черкнулъ въ концѣ записки два слова и положилъ обратно на тарелку.

— Передать тотчасъ же какъ я выйду, и одѣваться, сказалъ онъ, вставая съ дивана.

Замѣтивъ что на немъ легкій, бархатный пиджакъ, онъ подумалъ и велѣлъ подать себѣ другой, суконный сюртукъ, употреблявшійся для

болѣ церемонныхъ вечернихъ визитовъ. Наконецъ одѣвшись совсѣмъ и надѣвъ шляпу, онъ заперъ дверь, въ которую входила къ нему Варвара Петровна, и вынувъ изъ-подъ преспапье спрятанное письмо, молча вышелъ въ корридоръ въ сопровожденіи Алексѣя Егоровича. Изъ корридора вышли на узкую каменную заднюю лѣстницу и спустились въ сѣни, выходящія прямо въ садъ. Въ углу въ сѣняхъ стояли припасенные фонарикъ и большой зонтикъ.

— По чрезвычайному дождю грязь по здѣшнимъ улицамъ нестерпимая, доложилъ Алексѣй Егоровичъ въ видѣ отдаленной попытки въ послѣдній разъ отклонить барина отъ путешествія. Но баринъ, развернувъ зонтикъ, молча вышелъ въ темный какъ погребъ, отсырѣлый и мокрый старый садъ. Вѣтеръ шумѣлъ и качалъ вершинами полуобнаженныхъ деревьевъ, узенькія песочныя дорожки были топки и скользки. Алексѣй Егоровичъ шелъ какъ былъ, во фракѣ и безъ шляпы, освѣщая путь шага на три впередъ фонарикомъ.

— Не замѣтно ли будетъ? спросилъ вдругъ Николай Всеволодовичъ.

— Изъ окошекъ замѣтно не будетъ, окромя того что заранѣе все предусмотрено, тихо и размѣренно отвѣтилъ слуга.

— Матушка почиваетъ?

— Заперлись по обыкновенію послѣднихъ дней ровно въ девять часовъ и узнать теперь для нихъ ничего не возможно. Въ какомъ часу васъ прикажете ожидать? прибавилъ онъ, осмѣливаясь сдѣлать вопросъ.

— Въ часъ, въ половинѣ втораго, не позже двухъ.

— Слушаю-съ.

Обойдя зигзагами и кривыми дорожками весь садъ, который оба знали наизусть, они дошли до каменной садовой ограды и тутъ въ самомъ углу стѣны отыскали крошечную деревянную дверцу, выводившую въ тѣсный и глухой переулочъ, почти всегда запертую, но ключъ отъ которой оказался теперь въ рукахъ Алексѣя Егоровича.

— Не заскрипѣла бы калитка? освѣдомился опять Николай Всеволодовичъ.

Но Алексѣй Егоровичъ доложилъ что вчера еще смазана масломъ, «равно и сегодня». Онъ весь уже успѣлъ измокнуть. Отперевъ дверцу, онъ подалъ ключъ Николаю Всеволодовичу.

— Если изволили предпринять путь отдаленный, то докладываю, будучи неувѣренъ въ здѣшнемъ народишкѣ, въ особенности по глухимъ переулкамъ, а паче всего за рѣкой, не утерпѣлъ онъ еще разъ. Это былъ старый слуга, бывшій дядька Николая Всеволодовича, когда-то нянчив-

шій его на рукахъ, человѣкъ серіозный и строгій, любившій послушать и почитать отъ божественнаго.

— Не безпокойся, Алексѣй Егорычъ.

— Благослови васъ Богъ, сударь, но при начинаніи лишь добрыхъ дѣлъ.

— Какъ? остановился Николай Всеволодовичъ, уже перешагнувъ за калитку.

Алексѣй Егоровичъ твердо повторилъ свое желаніе; никогда прежде онъ не рѣшился бы его выразить въ такихъ словахъ вслухъ предъ своимъ господиномъ.

Николай Всеволодовичъ заперъ калитку, положилъ ключъ въ карманъ и пошелъ по проулку, увязая съ каждымъ шагомъ вершка на три въ грязь. Онъ вышелъ наконецъ въ длинную и пустынную улицу на мостовую. Городъ былъ извѣстенъ ему какъ пять пальцевъ; но Богоявленская улица была все еще далеко. Было болѣе десяти часовъ, когда онъ остановился наконецъ предъ запертыми воротами темнаго стараго дома Филипповыхъ. Нижній этажъ теперь, съ выѣздомъ Лебядкиныхъ, стоялъ совсѣмъ пустой, съ заколоченными окнами, но въ мезонинѣ у Шатова свѣтился огонь. Такъ какъ не было колокольчика, то онъ началъ бить въ ворота рукой. Отворилось оконце, и Шатовъ выглянулъ на улицу; темень была страшная и разглядѣть было мудрено; Шатовъ разглядывалъ долго, минуты двѣ.

— Это вы? спросилъ онъ вдругъ.

— Я, отвѣтилъ незванный гость.

Шатовъ захлопнулъ окно, черезъ минуту сошелъ внизъ и отперъ ворота. Николай Всеволодовичъ переступилъ черезъ высокій порогъ и, не сказавъ ни слова, прошелъ мимо, прямо во флигель къ Кириллову.

V.

Тутъ все было отперто и даже не притворено. Сѣни и первая двѣ комнаты были темны, но въ послѣдней, въ которой Кирилловъ жилъ и пилъ чай, сіялъ свѣтъ и слышался смѣхъ, и какія-то странныя вскрикиванія. Николай Всеволодовичъ пошелъ на свѣтъ, но не входя, остановился на порогѣ. Чай былъ на столѣ. Среди комнаты стояла старуха, хозяйская родственница, простоволосая, въ одной юбкѣ, въ башмакахъ на босу ногу и въ заячьей куцавейкѣ. На рукахъ у ней былъ полторагодовалой ребенокъ, въ одной рубашонкѣ, съ голыми ножками, съ разгорѣвшимися щечками, съ бѣлыми включенными волосками, только-что изъ колыбели. Онъ должно-быть недавно расплакался; слезки стояли еще подъ глазами; но въ эту минуту тянулся рученками, хлопалъ въ ладошки и хѣ

хоталъ, какъ хохочуть маленькія дѣти, съ захлипомъ. Предъ нимъ Кирилловъ бросалъ о полъ большой резиновый красный мячъ; мячъ отпрыгивалъ до потолка, падалъ опять, ребенокъ кричалъ: «мя, мя!» Кирилловъ ловилъ «мя» и подавалъ ему, тотъ бросалъ уже самъ своими неловкими рученками, а Кирилловъ бѣжалъ опять подымать. Наконецъ «мя» закатился подъ шкафъ. «Мя, мя!» кричалъ ребенокъ. Кирилловъ припалъ къ полу и протянулся, стараясь изъ-подъ шкафа достать «мя» рукой. Николай Всеволодовичъ вошелъ въ комнату; ребенокъ, увидавъ его, припалъ къ старухѣ и закатился долгимъ, дѣтскимъ плачемъ; та тотчасъ же его вынесла.

— Ставрогинъ? сказалъ Кирилловъ, приподымаясь съ полу съ мячомъ въ рукахъ, безъ малѣйшаго удивленія къ неожиданному визиту, — хотите чаю?

Онъ приподнялся совсѣмъ.

— Очень, не откажусь, если теплый, сказалъ Николай Всеволодовичъ; — я весь промокъ.

— Теплый, горячій даже, съ удовольствіемъ подтвердилъ Кирилловъ: — садитесь: вы грязны, ничего; полъ я потомъ мокрою тряпкой.

Николай Всеволодовичъ усѣлся и съ жадностію, почти залпомъ выпилъ налитую чашку.

— Еще? спросилъ Кирилловъ.

— Благодарю.

Кирилловъ, до сихъ поръ не садившійся, тотчасъ же сѣлъ напротивъ и спросилъ:

— Вы что пришли?

— По дѣлу. Вотъ прочтите это письмо, отъ Гаганова; помните я вамъ говорилъ въ Петербургѣ.

Кирилловъ взялъ письмо, прочелъ, положилъ на столъ и смотрѣлъ въ ожиданіи.

— Этого Гаганова, началъ объяснять Николай Всеволодовичъ, — какъ вы знаете, я встрѣтилъ мѣсяцъ тому, въ Петербургѣ, въ первый разъ въ жизни. Мы столкнулись раза три въ людяхъ. Не знакомясь со мной и не заговаривая, онъ нашель-таки возможность быть очень дерзкимъ. Я вамъ тогда говорилъ; но вотъ чего вы не знаете; уѣзжая тогда изъ Петербурга раньше меня, онъ вдругъ прислалъ мнѣ письмо, хотя и не такое какъ это, но однако неприличное въ высшей степени и уже тѣмъ странное что въ немъ совсѣмъ не объяснено было повода по которому оно писано. Я отвѣтилъ ему тотчасъ же, тоже письмомъ и совершенно откровенно высказалъ что вѣроятно онъ на меня сердится за происшествіе съ его отцомъ, четыре года назадъ, здѣсь въ клубѣ, и что я

съ моей стороны готовъ принести ему всевозможныя извиненія, на томъ основаніи что поступокъ мой былъ неумышленный и произошелъ въ болѣзни. Я просилъ его взять мои извиненія въ соображеніе. Онъ не отвѣтилъ и уѣхалъ; но вотъ теперь я застаю его здѣсь уже совсѣмъ въ бѣшенствѣ. Мнѣ передали нѣсколько публичныхъ отзывовъ его обо мнѣ, совершенно ругательныхъ и съ удивительными обвиненіями. Наконецъ сегодня приходитъ это письмо, какого вѣрно никто никогда не получалъ, съ ругательствами и съ выраженіями: «ваша битая рожа». Я пришелъ надѣясь что вы не откажетесь въ секунданты.

— Вы сказали письма никто не получалъ, замѣтилъ Кирилловъ: — въ бѣшенствѣ можно; пишутъ не разъ. Пушкинъ Гекерну написалъ. Хорошо, пойду. Говорите какъ?

Николай Всеволодовичъ объяснилъ что желаетъ завтра же, и чтобы непремѣнно начать съ возобновленія извиненій и даже съ обѣщанія вторичнаго письма съ извиненіями, но съ тѣмъ однако что и Гагановъ, съ своей стороны, обѣщавъ бы не писать болѣе писемъ. Полученное же письмо будетъ считаться какъ не бывшее вовсе.

— Слишкомъ много уступокъ, не согласится, проговорилъ Кирилловъ.

— Я прежде всего пришелъ узнать согласитесь ли вы понести туда такія условія?

— Я понесу. Ваше дѣло. Но онъ не согласится.

— Знаю что не согласится.

— Онъ драться хочетъ. Говорите какъ драться?

— Въ томъ и дѣло что я хотѣлъ бы завтра непремѣнно все кончить. Часовъ въ девять утра вы у него. Онъ выслушаетъ и не согласится, но сведетъ васъ съ своимъ секундантомъ, — положимъ, часовъ около одиннадцати. Вы съ тѣмъ порѣшите, и затѣмъ въ часъ или въ два чтобы быть всѣмъ на мѣстѣ. Пожалуйста постарайтесь такъ сдѣлать. Оружіе, конечно, пистолеты, и особенно васъ прошу устроить такъ: опредѣлить барьеръ въ десять шаговъ; затѣмъ вы ставите насъ каждаго въ десяти шагахъ отъ барьера, и по данному знаку мы сходимся. Каждый долженъ непремѣнно дойти до своего барьера, но выстрѣлить можетъ и раньше, на ходу. Вотъ и все, я думаю.

— Десять шаговъ между барьерами близко, замѣтилъ Кирилловъ.

— Ну двѣнадцать, только не больше, вы понимаете что онъ хочетъ драться серіозно. Умѣете вы зарядить пистолеть?

— Умѣю. У меня есть пистолеты; я дамъ слово что вы изъ нихъ не стрѣляли. Его секундантъ тоже слово про свои; двѣ пары, и мы сдѣлаемъ четъ и нечетъ, его или нашу?

- Прекрасно.
- Хотите посмотреть пистолеты?
- Пожалуй.

Кирилловъ присѣлъ на корточки предъ своимъ чемоданомъ въ углу, все еще не разобраннымъ, но изъ котораго вытаскивались вещи по мѣрѣ надобности. Онъ вытащилъ со дна ящикъ пальмоваго дерева, внутри отдѣланный краснымъ бархатомъ, и изъ него вынулъ пару щегольскихъ, чрезвычайно дорогихъ пистолетовъ.

— Есть все: порохъ, пули, патроны. У меня еще револьверъ; по-стойте.

Онъ полѣзъ опять въ чемоданъ и вытащилъ другой ящикъ съ шестиствольнымъ американскимъ револьверомъ.

- У васъ довольно оружія, и очень дорогаго.
- Очень. Чрезвычайно.

Бѣдный, почти нищій, Кирилловъ, никогда впрочемъ и не замѣчавшій своей нищеты, видимо съ похвальбой показывалъ теперь свои оружейныя драгоцѣнности, безъ сомнѣнія пріобрѣтенныя съ чрезвычайными жертвованіями.

— Вы все еще въ тѣхъ же мысляхъ? спросилъ Ставрогинъ послѣ минутнаго молчанія и съ нѣкоторою осторожностію.

— Въ тѣхъ же, коротко отвѣтилъ Кирилловъ, тотчасъ же по голосу угадавъ о чемъ спрашиваютъ и сталъ убирать со стола оружіе.

— Когда же? еще осторожнѣе спросилъ Николай Всеволодовичъ, опять послѣ нѣ котораго молчанія.

Кирилловъ между тѣмъ уложилъ оба ящика въ чемоданъ и усѣлся на прежнее мѣсто.

— Это не отъ меня, какъ знаете; когда скажутъ, пробормоталъ онъ, какъ бы нѣсколько тяготясь вопросомъ, но въ то же время съ видимою готовностію отвѣчать на всѣ другіе вопросы. На Ставрогина онъ смотрѣлъ не отрываясь, своими черными глазами безъ блеску, съ какимъ-то спокойнымъ, но добрымъ и привѣтливымъ чувствомъ.

— Я, конечно, понимаю застрѣлиться, началъ опять нѣсколько нахмурившись Николай Всеволодовичъ, послѣ долгаго, трехминутнаго задумчиваго молчанія; — я иногда самъ представлялъ, и тутъ всегда какая-то новая мысль: Еслибы сдѣлать злодѣйство, или главное стыдъ, то есть позоръ, только очень подлый и... смѣшной, такъ что запомнятъ люди на тысячу лѣтъ и плевать будутъ тысячу лѣтъ, и вдругъ мысль: «Одинъ ударъ въ високъ и ничего не будетъ». Какое дѣло тогда до людей и что они будутъ плевать тысячу лѣтъ, не такъ ли?

— Вы называете что это новая мысль? проговорилъ Кирилловъ подумавъ.

— Я... не называю... когда я подумалъ однажды, то почувствовалъ совсѣмъ новую мысль.

— «Мысль почувствовали»? переговорилъ Кирилловъ, — это хорошо. Есть много мыслей которыя всегда и которыя вдругъ стануть новыя. Это вѣрно. Я много теперь какъ въ первый разъ вижу.

— Положимъ, вы жили на лунѣ, перебилъ Ставрогинъ, не слушая и продолжая свою мысль, — вы тамъ, положимъ, сдѣлали всѣ эти смѣшныя пакости.... Вы знаете навѣрно отсюда что тамъ будутъ смѣяться и плевать на ваше имя тысячу лѣтъ, вѣчно, во всю луну. Но теперь вы здѣсь и смотрите на луну отсюда: какое вамъ дѣло до всего того что вы тамъ надѣлали, и что тамошніе будутъ плевать на васъ тысячу лѣтъ, не правда ли?

— Не знаю, отвѣтилъ Кирилловъ, — я на лунѣ не былъ, прибавилъ онъ безъ всякой ироніи, единственно для обозначенія факта.

— Чей это давеча ребенокъ?

— Старухина свекровь пріѣхала; нѣтъ, сноха.... все равно. Три дня. Лежитъ больная, съ ребенкомъ; по ночамъ кричитъ очень, животъ. Мать спитъ, а старуха приноситъ; я мячемъ. Мячъ изъ Гамбурга. Я въ Гамбургѣ купилъ чтобы бросать и ловить: укрѣпляетъ спину. Дѣвочка.

— Вы любите дѣтей?

— Люблю, отозвался Кирилловъ довольно впрочемъ равнодушно.

— Стало-быть и жизнь любите?

— Да, люблю и жизнь, а что?

— Если рѣшились застрѣлиться.

— Что же? Почему вмѣстѣ? Жизнь особо, а то особо. Жизнь есть, а смерти нѣтъ совсѣмъ.

— Вы стали вѣровать въ будущую вѣчную жизнь?

— Нѣтъ, не въ будущую вѣчную, а въ здѣшнюю вѣчную. Есть минуты, вы доходите до минутъ, и время вдругъ останавливается и будетъ вѣчно.

— Вы надѣетесь дойти до такой минуты?

— Да.

— Это врядъ ли въ наше время возможно, тоже безъ всякой ироніи отозвался Николай Всеволодовичъ, медленно и какъ бы задумчиво. — Въ Апокалипсисѣ ангелъ клянется что времени больше не будетъ.

— Знаю. Это очень тамъ вѣрно; отчетливо и точно. Когда весь человѣкъ счастья достигнетъ, то времени больше не будетъ, потому что не надо. Очень вѣрная мысль.

- Куда жь его спрячутъ?
- Никуда не спрячутъ. Время не предметъ, а идея. Погаснетъ въ умѣ.
- Старыя философскія мѣста, однѣ и тѣ же сначала вѣковъ, съ какимъ-то брезгливымъ сожалѣніемъ пробормоталъ Ставрогинъ.
- Однѣ и тѣ же! Однѣ и тѣ же сначала вѣковъ, и никакихъ другихъ никогда! подхватилъ Кирилловъ съ сверкающимъ взглядомъ, какъ будто въ этой идеѣ заключалась чуть не побѣда.
- Вы, кажется, очень счастливы, Кирилловъ?
- Да, очень счастливъ, отвѣтилъ тотъ, какъ бы давая самый обыкновенный отвѣтъ.
- Но вы такъ недавно еще огорчались, сердились на Липутина?
- Гмъ, я теперь не браню. Я еще не зналъ тогда что былъ счастливъ. Видали вы листъ, съ дерева листъ?
- Видалъ.
- Я видѣлъ недавно желтый, немного зеленаго, съ краевъ подгнилъ. Вѣтромъ носило. Когда мнѣ было десять лѣтъ, я зимой закрывалъ глаза нарочно и представлялъ листъ зеленый, яркій съ жилками, и солнце блеститъ. Я открывалъ глаза и не вѣрилъ, потому что очень хорошо, и опять закрывалъ.
- Это что же, аллегорія?
- Н-нѣтъ.... зачѣмъ? Я не аллегорію, я просто листъ, одинъ листъ. Листъ хорошъ. Все хорошо.
- Все?
- Все. Человѣкъ несчастливъ потому что не знаетъ что онъ счастливъ; только потому. Это все, все! Кто узнаетъ, тотчасъ сейчасъ станетъ счастливъ, сію минуту. Эта свекровь умретъ, а дѣвочка останется — все хорошо. Я вдругъ открылъ.
- А кто съ голоду умретъ, а кто обидитъ и обезчеститъ дѣвочку — это хорошо?
- Хорошо. И кто разозлитъ голову за ребенка, и то хорошо; и кто не разозлитъ, и то хорошо. Все хорошо, все. Всѣмъ тѣмъ хорошо кто знаетъ что все хорошо. Еслибъ они знали что имъ хорошо, то имъ было бы хорошо, но пока они не знаютъ что имъ хорошо, то имъ будетъ нехорошо. Вотъ вся мысль, вся, больше нѣтъ никакой!
- Когда же вы узнали что вы такъ счастливы?
- На прошлой недѣлѣ во вторникъ, нѣтъ, въ среду, потому что уже была среда, ночью.
- По какому же поводу?

— Не помню, такъ; ходилъ по комнатѣ.... все равно. Я часы остано-
вилъ, было тридцать семь минутъ третьяго.

— Въ эмблему того что время должно остановиться?

Кирилловъ промолчалъ.

— Они не хороши, началъ онъ вдругъ опять, — потому что не зна-
ютъ что они хороши. Когда узнаютъ то не будутъ насиловать дѣвочку.
Надо имъ узнать что они хороши, и всѣ тотчасъ же станутъ хороши, всѣ
до одинаго.

— Вотъ вы узнали же, стало-быть вы хороши?

— Я хорошъ.

— Съ этимъ я впрочемъ согласенъ, нахмуренно пробормоталъ Став-
рогинъ.

— Кто научить что всѣ хороши, тотъ міръ закончить.

— Кто училъ, Того распяли.

— Онъ придетъ, и имя ему челоуѣкобогъ.

— Богочелоуѣкъ?

— Челоуѣкобогъ, въ этомъ разница.

— Ужъ не вы ли и лампадку зажигаете?

— Да, это я зажегъ.

— Увѣровали?

— Старуха любитъ чтобы лампадку.... а ей некогда, пробормоталъ
Кирилловъ.

— А сами еще не молитесь?

— Я всему молюсь. Видите паукъ ползетъ по стѣнѣ, я смотрю и
благодаренъ ему за то что ползетъ.

Глаза его опять засверкали. Говоря, онъ смотрѣлъ прямо на Став-
рогина, взглядомъ твердымъ и неуклоннымъ. Ставрогинъ нахмуренно и
брезгливо слѣдилъ за нимъ, но насмѣшки въ его взглядѣ не было.

— Бьюсь объ закладъ что когда я опять приду, то вы ужъ и въ Бога
увѣруете, проговорилъ онъ, вставая и захватывая шляпу.

— Почему? привсталъ и Кирилловъ.

— Еслибы вы узнали что вы въ Бога вѣруете, то вы бы и вѣровали;
но такъ какъ вы еще не знаете что вы въ Бога вѣруете, то вы и не вѣру-
ете, усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ.

— Это не то, обдумалъ Кирилловъ, — перевернули мысль. Свѣтская
шутка. Вспомните что вы значили въ моей жизни, Ставрогинъ.

— Прощайте, Кирилловъ.

— Приходите ночью; когда?

— Да ужъ вы не забыли ли про завтрашнее?

— Ахъ, забылъ, будьте покойны, не просплю; въ девять часовъ. Я умѣю просыпаться когда хочу. Я ложусь и говорю: въ семь часовъ, и проснусь въ семь часовъ; въ десять часовъ — и проснусь въ десять часовъ.

— Замѣчательныя у васъ свойства, поглядѣлъ на его блѣдное лицо Николай Всеволодовичъ.

— Я пойду отопру ворота.

— Не безпокойтесь, мнѣ отопретъ Шатовъ.

— А, Шатовъ. Хорошо, прощайте.

VI.

Крыльцо пустаго дома въ которомъ квартировалъ Шатовъ было не заперто; но, взобравшись въ сѣни, Ставрогинъ очутился въ совершенномъ мракѣ и сталъ искать рукой лѣстницу въ мезонинъ. Вдругъ сверху отворилась дверь и показался свѣтъ; Шатовъ самъ не вышелъ, а только свою дверь отворилъ. Когда Николай Всеволодовичъ сталъ на порогѣ его комнаты, то разглядѣлъ его въ углу у стола, стоящаго въ ожиданіи.

— Вы примете меня по дѣлу? спросилъ онъ съ порога.

— Войдите и садитесь, отвѣтилъ Шатовъ, — закройте дверь, постоитъ, я самъ.

Онъ заперъ дверь на ключъ, воротился къ столу и сѣлъ напротивъ Николая Всеволодовича. Въ эту недѣлю онъ похудѣлъ, а теперь, казалось, былъ въ жару.

— Вы меня измучили, проговорилъ онъ потупясь, тихимъ полупшепотомъ, — зачѣмъ вы не приходили?

— Вы такъ увѣрены были что я приду?

— Да, постоитъ, я бредилъ.... можетъ и теперь брежу.... Пойдите.

Онъ привсталъ и на верхней изъ своихъ трехъ полокъ съ книгами, съ краю, захватилъ какую-то вещь. Это былъ револьверъ.

— Въ одну ночь я бредилъ что вы придете меня убивать, и утромъ рано у бездѣльника Лямшина купилъ револьверъ на послѣднія деньги; я не хотѣлъ вамъ даваться. Потомъ я пришелъ въ себя.... У меня ни пороха ни пуль; съ тѣхъ поръ, такъ и лежитъ на полкѣ. Пойдите....

Онъ привсталъ и отворилъ было форточку.

— Не выкидывайте, зачѣмъ? остановилъ Николай Всеволодовичъ; — онъ денегъ стоитъ, а завтра люди начнутъ говорить что у Шатова подъ окномъ валяются револьверы. Положите опять, вотъ такъ, садитесь. Скажите, зачѣмъ вы точно каетесь предо мной въ вашей мысли, что я приду васъ убить? Я и теперь не мириться пришелъ, а говорить о

необходимомъ. Разъясните мнѣ, вопервыхъ, вы меня ударили не за связь мою съ вашею женой?

— Вы сами знаете что нѣтъ опять потутился Шатовъ.

— И не потому что повѣрили глупой сплетнѣ насчетъ Дарьи Павловны?

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно нѣтъ! Глупость! Сестра мнѣ съ самага начала сказала.... Съ нетерпѣніемъ и рѣзко проговорилъ Шатовъ, чуть-чуть даже топнувъ ногой.

— Стало-быть и я угадалъ и вы угадали, спокойнымъ тономъ продолжалъ Ставрогинъ, — вы правы: Марья Тимоѣевна Лебядкина, моя законная, обвинчанная со мною жена, въ Петербургѣ, года четыре съ половиной назадъ. Вѣдь вы меня за нее ударили?

Шатовъ, совсѣмъ пораженный, слушалъ и молчалъ.

— Я угадалъ и не вѣрилъ, пробормоталъ онъ наконецъ, странно смотря на Ставрогина.

— И ударили?

Шатовъ вспыхнулъ и забормоталъ почти безъ связи:

— Я за ваше паденіе.... за ложь. Я не для того подходилъ чтобы васъ наказать; когда я подходилъ, я не зналъ что ударю... Я за то что вы такъ много значили въ моей жизни... Я...

— Понимаю, понимаю, берегите слова. Мнѣ жаль что вы въ жару; у меня самое необходимое дѣло.

— Я слишкомъ долго васъ ждалъ, какъ-то весь чуть не затрясся Шатовъ и привсталъ было съ мѣста; — говорите ваше дѣло, я тоже скажу... потомъ...

Онъ сѣлъ.

— Это дѣло не изъ той категоріи, началъ Николай Всеволодовичъ, приглядываясь къ нему съ любопытствомъ; — по нѣкоторымъ обстоятельствамъ я принужденъ былъ сегодня же выбрать такой часъ и идти къ вамъ предупредить что можетъ-быть васъ убьютъ.

Шатовъ дико смотрѣлъ на него.

— Я знаю что мнѣ могла бы угрожать опасность, проговорилъ онъ размѣренно, — но вамъ, вамъ-то почему это можетъ быть извѣстно?

— Потому что я тоже принадлежу къ нимъ, какъ и вы, и такой же членъ ихъ общества какъ и вы.

— Вы... вы членъ общества?

— Я по глазамъ вашимъ вижу что вы всего отъ меня ожидали, только не этого, чуть-чуть усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ — но позвольте, стало-быть вы уже знали что на васъ покушаются?

— И не думалъ. И теперь не думаю, несмотря на ваши слова, хотя... хотя кто жь тутъ съ этими дураками можетъ въ чемъ-нибудь заручиться! вдругъ вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ, ударивъ кулакомъ по столу. — Я ихъ не боюсь! Я съ ними разорвалъ. Этотъ забѣгалъ ко мнѣ четыре раза и говорилъ что можно... но, посмотрѣлъ онъ на Ставрогина, — что жь собственно вамъ тутъ извѣстно?

— Не беспокойтесь, я васъ не обманываю, довольно холодно продолжалъ Ставрогинъ, съ видомъ человѣка исполняющаго только обязанность. — Вы экзаменуете что мнѣ извѣстно? Мнѣ извѣстно что вы вступили въ это общество за границей, два года тому назадъ, и еще при старой его организаціи, какъ разъ предъ вашею поѣздкой въ Америку и кажется тотчасъ же послѣ нашего послѣдняго разговора, о которомъ вы такъ много написали мнѣ изъ Америки въ вашемъ письмѣ. Кстати, извините что я не отвѣтилъ вамъ тоже письмомъ, а ограничился....

— Высылкой денегъ; подождите, остановилъ Шатовъ, поспѣшно выдвинулъ изъ стола ящикъ и вынулъ изъ-подъ бумагъ радужный кредитный билетъ; — вотъ возьмите, сто рублей, которые вы мнѣ выслали; безъ васъ я бы тамъ погибъ. Я долго бы не отдалъ если бы не ваша матушка: эти сто рублей подарила она мнѣ девять мѣсяцевъ назадъ на бѣдность, послѣ моей болѣзни. Но продолжайте пожалуста...

Онъ задыхался.

— Въ Америкѣ вы перемѣнили ваши мысли, и возвратясь въ Швейцарію, хотѣли отказаться. Они вамъ ничего не отвѣтили, но поручили принять здѣсь, въ Россіи, отъ кого-то какую-то типографію и хранить ее до сдачи лицу которое къ вамъ отъ нихъ явится. Я не знаю всего въ полной точности, но вѣдь въ главномъ кажется такъ? Вы же, въ надеждѣ или подъ условіемъ что это будетъ послѣднимъ ихъ требованіемъ и что васъ послѣ того отпустятъ совсѣмъ, взялись. Все это, такъ-ли нѣтъ-ли, узналъ я не отъ нихъ, а совсѣмъ случайно. Но вотъ чего вы, кажется, до сихъ поръ не знаете: Эти господа вовсе не намѣрены съ вами разстаться.

— Это нелѣпость! завопилъ Шатовъ, — я объявилъ честно что я расхожусь съ ними во всемъ! Это мое право, право совѣсти и мысли... Я не потерплю! Нѣтъ силы которая бы могла....

— Знаете, вы не кричите, очень серіозно остановилъ его Николай Всеволодовичъ, — этотъ Верховенскій такой человѣчекъ, что можетъ-быть насъ теперь подслушиваетъ, своимъ или чужимъ ухомъ, въ вашихъ же сѣняхъ пожалуй. Даже пьяница Лебядкинъ чуть ли не обязанъ былъ за вами слѣдить, а вы можетъ-быть за нимъ, не такъ ли? Скажите лучше: согласился теперь Верховенскій на ваши аргументы или нѣтъ?

— Онъ согласился; онъ сказалъ что можно и что я имѣю право....

— Ну, такъ онъ васъ обманываетъ. Я знаю что даже Кирилловъ, который къ нимъ почти вовсе не принадлежитъ, доставилъ объ васъ свѣдѣнія: а агентовъ у нихъ много, даже такихъ которые и не знаютъ что служатъ обществу. За вами всегда надсматривали. Петръ Верховенскій между прочимъ пріѣхалъ сюда за тѣмъ чтобы порѣшить ваше дѣло совсѣмъ, и имѣетъ на то полномочіе, а именно: истребить васъ въ удобную минуту, какъ слишкомъ много знающаго и могущаго донести. Повторяю вамъ что это навѣрно; и позвольте прибавить, что они почему-то совершенно убѣждены что вы шпионъ и если еще не донесли, то донесете. Правда это?

Шатовъ скривилъ ротъ, услыхавъ такой вопросъ, высказанный такимъ обыкновеннымъ тономъ.

— Еслибъ я и былъ шпионъ, то кому доносить? злобно проговорилъ онъ, не отвѣчая прямо.

— Нѣтъ, оставьте меня, къ чорту меня! вскричалъ Шатовъ, вдругъ схватываясь за первоначальную, слишкомъ потрясшую его мысль, по всѣмъ признакамъ несравненно сильнѣе, чѣмъ извѣстіе о собственной опасности: — Вы, вы, Ставрогинъ, какъ могли вы затереть себя въ такую безстыдную, бездарную лакейскую нелѣпость! Вы членъ ихъ общества! Это-ли подвигъ Николая Ставрогина! вскричалъ онъ чуть не въ отчаяніи.

Онъ даже сплеснулъ руками, точно ничего не могло быть для него горше и безотраднѣе такого открытія.

— Извините, дѣйствительно удивился Николай Всеволодовичъ, — но вы, кажется, смотрите на меня какъ на какое-то солнце, а на себя какъ на какую-то букашку сравнительно со мной. Я замѣтилъ это даже по вашему письму изъ Америки.

— Вы... вы знаете... Ахъ, бросимъ лучше обо мнѣ совсѣмъ, совсѣмъ! оборвалъ вдругъ Шатовъ. — Если можете что-нибудь объяснить о себѣ, то объясните... На мой вопросъ! повторялъ онъ въ жару.

— Съ удовольствіемъ. Вы спрашиваете: какъ могъ я затереться въ такую трущобу? Послѣ моего сообщенія я вамъ даже обязанъ нѣкоторою откровенностію по этому дѣлу. Видите, въ строгомъ смыслѣ я къ этому обществу совсѣмъ не принадлежу, не принадлежалъ и прежде и гораздо болѣе васъ имѣю права ихъ оставить, потому что и не поступалъ. Напротивъ, съ самаго начала заявилъ что я имъ не товарищъ, а если и помогалъ случайно, то только такъ, какъ праздный человѣкъ. Я отчасти участвовалъ въ переорганизациі общества по новому плану и только. Но они теперь одумались и рѣшили про себя что и меня отпустить опасно и, кажется, я тоже приговоренъ.

— О, у нихъ все смертная казнь и все на предписаніяхъ, на бумагахъ съ печатями, три съ половиной человѣка подписываютъ. И вы вѣрите что они въ состояніи!

— Тутъ отчасти вы правы, отчасти нѣтъ, продолжалъ съ прежнимъ равнодушіемъ, даже вяло Ставрогинъ. — Сомнѣнія нѣтъ что много фантазіи, какъ и всегда въ этихъ случаяхъ: кучка преувеличиваетъ свой ростъ и значеніе. Если хотите, то по моему, ихъ всего и есть одинъ Петръ Верховенскій, и ужь онъ слишкомъ добръ, что почитаетъ себя только агентомъ своего общества. Впрочемъ основная идея не глупѣе другихъ въ этомъ родѣ. У нихъ связь съ Internationale; они сумѣли завести агентовъ въ Россіи, даже наткнулись на довольно оригинальный приѣмъ.... но разумѣется только теоретически. Что же касается до ихъ здѣшнихъ намѣреній, то вѣдь движеніе нашей русской организаціи такое дѣло темное и почти всегда такое неожиданное что дѣйствительно у насъ все можно попробовать. Замѣьте что Верховенскій человѣкъ упорный.

— Этотъ клопъ, невѣжда, дуралей, не понимающій ничего въ Россіи! злобно вскричалъ Шатовъ.

— Вы его мало знаете. Это правда что вообще всѣ они мало понимаютъ въ Россіи, но вѣдь развѣ только немножко меньше чѣмъ мы; и притомъ Верховенскій энтузіастъ.

— Верховенскій энтузіастъ?

— О, да. Есть такая точка гдѣ онъ перестаетъ быть шутомъ и обращается въ.... полупомѣшаннаго. Попрошу васъ припомнить одно собственное выраженіе ваше: «Знаете ли какъ можетъ быть силенъ одинъ человѣкъ?» Пожалуста не смѣйтесь, онъ очень въ состояніи спустить курокъ. Они увѣрены что я тоже шпіонъ. Всѣ они, отъ неумѣнья вести дѣло, ужасно любятъ обвинять въ шпіонствѣ.

— Но вѣдь вы не боитесь?

— Н-нѣтъ.... Я не очень боюсь.... Но ваше дѣло совсѣмъ другое. Я васъ предупредилъ чтобы вы все-таки имѣли въ виду. По моему, тутъ ужь нечего обижаться что опасность грозитъ отъ дураковъ; дѣло не въ ихъ умѣ: и не на такихъ какъ мы съ вами у нихъ подымалась рука. А впрочемъ, четверть двѣнадцатаго, — посмотрѣлъ онъ на часы и всталъ со стула; — мнѣ хотѣлось бы сдѣлать вамъ одинъ совсѣмъ посторонній вопросъ.

— Ради Бога! воскликнулъ Шатовъ, стремительно вскакивая съ мѣста.

— То-есть? вопросительно посмотрѣлъ Николай Всеволодовичъ.

— Дѣлайте, дѣлайте вашъ вопросъ, ради Бога, въ невыразимомъ волненіи повторялъ Шатовъ, — но съ тѣмъ что и я вамъ сдѣлаю вопросъ. Я умоляю что вы позволите.... я не могу.... дѣлайте вашъ вопросъ!

Ставрогинъ подождалъ немного и началъ:

— Я слышалъ что вы имѣли здѣсь нѣкоторое вліяніе на Марью Тимоѳеевну и что она любила васъ видѣть и слушать. Такъ ли это?

— Да.... слушала.... смутился нѣсколько Шатовъ.

— Я имѣю намѣреніе на этихъ дняхъ публично объявить здѣсь въ городѣ о бракѣ моемъ съ нею.

— Развѣ это возможно? прошепталъ чуть не въ ужасѣ Шатовъ.

— То-есть въ какомъ же смыслѣ? Тутъ нѣтъ никакихъ затрудненій; свидѣтели брака здѣсь. Все это произошло тогда въ Петербургѣ совершенно законнымъ и спокойнымъ образомъ, а если не обнаруживалось до сихъ поръ, то потому только что двое единственныхъ свидѣтелей брака, Кирилловъ и Петръ Верховенскій, и наконецъ самъ Лебядкинъ (котораго я имѣю удовольствіе считать теперь моимъ родственникомъ) дали тогда слово молчать.

— Я не про то.... Вы говорите такъ спокойно.... но продолжайте! Послушайте, васъ вѣдь не силой принудили къ этому браку, вѣдь нѣтъ?

— Нѣтъ, меня никто не принуждалъ силой, улыбнулся Николай Всеволодовичъ на задорную поспѣшность Шатова.

— А что она тамъ про ребенка своего толкуетъ? торопился въ горячкѣ и безъ связи Шатовъ.

— Про ребенка своего толкуетъ? Ба! Я не зналъ, въ первый разъ слышу. У ней не было ребенка и быть не могло: Марья Тимоѳеевна дѣвица.

— А! Такъ я и думалъ! Слушайте!

— Что съ вами, Шатовъ?

Шатовъ закрылъ лицо руками, повернулся, но вдругъ крѣпко схватилъ за плечо Ставрогина.

— Знаете ли, знаете ли вы, по крайней мѣрѣ, прокричалъ онъ, — для чего вы все это надѣлали и для чего рѣшаетесь на такую кару теперь?

— Вашъ вопросъ уменъ и язвительнъ, но я васъ тоже намѣренъ удивить: да, я почти знаю для чего я тогда женился и для чего рѣшаюсь на такую «кару» теперь, какъ вы выразились.

— Оставимъ это.... объ этомъ послѣ, подождите говорить; будемъ о главномъ, о главномъ: я васъ ждалъ два года.

— Да?

— Я васъ слишкомъ давно ждалъ, я непрерывно думалъ о васъ. Вы единый человѣкъ который бы могъ.... Я еще изъ Америки вамъ писалъ объ этомъ.

— Я очень помню ваше длинное письмо.

— Длинное чтобы быть прочитаннымъ? Согласенъ; шесть почтовыхъ листовъ. Молчите, молчите! Скажите: можете вы удѣлить мнѣ еще десять минутъ, но теперь же, сейчасъ же.... Я слишкомъ долго васъ ждалъ!

— Извольте, удѣлю полчаса, но только не болѣе, если это для васъ возможно.

— И съ тѣмъ, однако, подхватилъ яростно Шатовъ, чтобы вы перемѣнили вашъ тонъ. Слышите, я требую, тогда какъ долженъ молить.... Понимаете ли вы что значитъ требовать тогда какъ должно молить?

— Понимаю что такимъ образомъ вы возносите надъ всѣмъ обыкновеннымъ, для болѣе высшихъ цѣлей, — чуть-чуть усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ; — я съ прискорбіемъ тоже вижу что вы въ лихорадкѣ.

— Я уваженія прошу къ себѣ, требую! кричалъ Шатовъ, — не къ моей личности, къ чорту ее, а къ другому, на это только время, для нѣсколькихъ словъ.... Мы два существа и сошлись въ безпредѣльности.... въ послѣдній разъ въ мірѣ. Оставьте вашъ тонъ и возьмите человѣчскій! Заговорите хоть разъ въ жизни голосомъ человѣческимъ. Я не для себя, а для васъ. Понимаете ли что вы должны простить мнѣ этотъ ударъ по лицу уже по тому одному что я далъ вамъ случай познать вашу безпредѣльную силу.... Опять вы улыбаетесь вашею брезгливою свѣтскою улыбкой. О, когда вы поймете меня! Прочь барича! Поймите же что я этого требую, требую, иначе не хочу говорить, не стану ни за что!

Изступленіе его доходило до бреда; Николай Всеволодовичъ нахмурился и какъ бы сталъ осторожнѣе.

— Если я ужъ остался на полчаса, внушительно и серіозно промолвилъ онъ, тогда какъ мнѣ время таки дорого, то повѣрьте что намѣренъ слушать васъ по крайней мѣрѣ съ интересомъ и.... и убѣжденъ что услышу отъ васъ много новаго.

Онъ сѣлъ на стулъ.

— Садитесь! крикнулъ Шатовъ и какъ-то вдругъ сѣлъ и самъ.

— Позвольте, однако, напомнить, спохватился еще разъ Ставрогинъ, что я началъ было цѣлюю къ вамъ просьбу насчетъ Марьи Тимофеевны, для нея по крайней мѣрѣ очень важную....

— Ну? нахмурился вдругъ Шатовъ, съ видомъ человѣка котораго вдругъ перебили на самомъ важномъ мѣстѣ и который, хоть и глядитъ на васъ, но не успѣлъ еще понять вашего вопроса.

— И вы мнѣ не дали докончить, договорилъ съ улыбкой Николай Всеволодовичъ.

— Э, ну, вздоръ, потомъ! брезгливо отмахнулся рукой Шатовъ, осмысливъ наконецъ претензію, и прямо перешелъ къ своей главной темѣ.

VII.

— Знаете ли вы, началъ онъ почти грозно, принагнувшись впередъ на стулѣ, сверкая взглядомъ и поднявъ перстъ правой руки вверхъ предъ собою (очевидно не примѣчая ничего этого самъ), — знаете ли вы кто теперь на всей землѣ единственный народъ «богоносецъ», грядущій обновить и спасти міръ именемъ новаго бога и кому единому даны ключи жизни и новаго слова.... Знаете ли вы кто этотъ народъ и какъ ему имя?

— По вашему приему я необходимо долженъ заключить, и, кажется, какъ можно скорѣе, что это народъ Русскій....

— И вы уже смѣтаетесь, о, племя! рванулся было Шатовъ.

— Успокойтесь, прошу васъ; напротивъ, я именно ждалъ чего-нибудь въ этомъ родѣ.

— Ждали въ этомъ родѣ? А самому вамъ не знакомы эти слова?

— Очень знакомы; я слишкомъ предвижу къ чему вы клоните. Вся ваша фраза и даже выраженіе народъ «богоносецъ» есть только заключеніе нашего съ вами разговора, происходившаго слишкомъ два года назадъ, за границей, незадолго предъ вашимъ отъѣздомъ въ Америку.... По крайней мѣрѣ сколько я могу теперь припомнить.

— Это ваша фраза цѣликомъ, а не моя. Ваша собственная, а не одно только заключеніе нашего разговора. «Нашего» разговора совсѣмъ и не было: былъ учитель, вѣщавшій огромныя слова, и былъ ученикъ, воскресшій изъ мертвыхъ. Я тотъ ученикъ, а вы учитель.

— Но если припомнить, вы именно послѣ словъ моихъ какъ разъ и вошли въ то общество и только потомъ уѣхали въ Америку.

— Да, и я вамъ писалъ о томъ изъ Америки; я вамъ обо всемъ писалъ. Да, я не могъ тотчасъ же оторваться съ кровью отъ того къ чему приросъ съ дѣтства, на что пошли всѣ восторги моихъ надеждъ и всѣ слезы моей ненависти.... Трудно мѣнять боговъ. Я не повѣрилъ вамъ тогда, потому что не хотѣлъ вѣрить и уцѣпился въ послѣдній разъ за этотъ помойный клоакъ.... Но сѣмя осталось и возросло. Серіозно, ска-

жите серьезно, не дочитали письма моего из Америки? Может-быть не читали вовсе?

— Я прочелъ изъ него три страницы, двѣ первыя и послѣднюю и кромѣ того бѣгло переглядѣлъ средину. Впрочемъ я все собирался....

— Э, все равно, бросьте, къ чорту! махнулъ рукой Шатовъ. — Если вы отступились теперь отъ тогдашнихъ словъ про народъ, то какъ могли вы ихъ тогда выговорить?... Вотъ что давитъ меня теперь.

— Не шутилъ же я съ вами и тогда; убѣждая васъ, я можетъ еще больше хлопоталъ о себѣ чѣмъ о васъ, загадочно произнесъ Ставрогинъ.

— Не шутили! Въ Америкѣ я лежалъ три мѣсяца на соломѣ, рядомъ съ однимъ.... несчастнымъ и узналъ отъ него что въ то же самое время когда вы насаждали въ моемъ сердцѣ Бога и родину, въ то же самое время, даже можетъ-быть въ тѣ же самые дни, вы отравили сердце этого несчастнаго, этого маньяка, Кириллова, ядомъ.... Вы утверждали въ немъ ложь и клевету и довели разумъ его до изступленія.... Подите, взгляните на него теперь, это ваше созданіе.... Впрочемъ вы видѣли.

— Впервыхъ, замѣчу вамъ что самъ Кирилловъ сейчасъ только сказалъ мнѣ что онъ счастливъ и что онъ прекрасенъ. Ваше предположеніе о томъ что все это произошло въ одно и то же время почти вѣрно; ну, и что же изъ всего этого? Повторяю, я васъ, ни того, ни другаго, не обманывалъ.

— Вы атеистъ? Теперь атеистъ?

— Да.

— А тогда?

— Точно такъ же какъ и тогда.

— Я не къ себѣ просилъ у васъ уваженія, начиная разговоръ; съ вашимъ умомъ, вы бы могли понять это, въ негодованіи пробормоталъ Шатовъ.

— Я не всталъ съ перваго вашего слова, не закрылъ разговора, не ушелъ отъ васъ, а сижу до сихъ поръ и смиренно отвѣчаю на ваши вопросы и.... крики, стало-быть не нарушилъ еще къ вамъ уваженія.

Шатовъ прервалъ, махнувъ рукой:

— Вы помните выраженіе ваше: «атеистъ не можетъ быть Русскимъ», «атеистъ тотчасъ же перестаетъ быть Русскимъ», помните это?

— Да? какъ бы переспросилъ Николай Всеволодовичъ.

— Вы спрашиваете? Вы забыли? А между тѣмъ это одно изъ самыхъ точнѣйшихъ указаній на одну изъ главнѣйшихъ особенностей русскаго духа, вами угаданную. Не могли вы этого забыть? Я напомню вамъ больше, вы сказали тогда же: «не православный не можетъ быть Русскимъ».

— Я полагаю что это славянофильская мысль.

— Нѣтъ; нынѣшніе славянофилы отъ нея откажутся. Нынче народъ поумнѣлъ. Но вы еще дальше шли: вы вѣровали что римскій католицизмъ уже не есть христіанство; вы утверждали что Римъ провозгласилъ Христа поддавшагося на третье дьяволово искушеніе, и что, возвѣстивъ всему свѣту что Христосъ безъ царства земнаго на землѣ устоять не можетъ, католичество тѣмъ самымъ провозгласило антихриста и тѣмъ погубило весь западный міръ. Вы именно указывали что если мучается Франція, то единственно по винѣ католичества, ибо отвергла смраднаго бога римскаго, а новаго не сыскала. Вотъ что вы тогда могли говорить! Я помню наши разговоры.

— Еслибъ я вѣровалъ, то, безъ сомнѣнія, повторилъ бы это и теперь; я не лгалъ, говоря какъ вѣрующій, очень серьезно произнесъ Николай Всеволодовичъ. — Но увѣряю васъ что на меня производитъ слишкомъ непріятное впечатлѣніе это повтореніе прошлыхъ мыслей моихъ. Не можете ли вы перестать?

— Еслибы вѣровали? вскричалъ Шатовъ, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на просьбу. — Но не вы ли говорили мнѣ что еслибы математически доказали вамъ что истина внѣ Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христомъ нежели съ истиной? Говорили вы это? Говорили?

— Но позвольте же и мнѣ наконецъ спросить, возвысилъ голосъ Ставрогинъ, — къ чему ведетъ весь этотъ нетерпѣливый и.... злобный экзамень?

— Этотъ экзамень пройдетъ на вѣки и никогда больше не напомнимся вамъ.

— Вы все настаиваете что мы внѣ пространства и времени....

— Молчите! вдругъ крикнулъ Шатовъ, — я глупъ и неловокъ, но погибай мое имя въ смѣшномъ! Дозволите ли вы мнѣ повторить предъ вами всю главную вашу тогдашнюю мысль.... О, только десять строкъ, одно заключеніе.

— Повторите, если только одно заключеніе....

Ставрогинъ сдѣлалъ было движеніе взглянуть на часы, но удержался и не взглянулъ.

Шатовъ принагнулся опять на стулѣ и, на мгновеніе, даже опять было поднялъ палецъ.

— Ни одинъ народъ, началъ онъ, какъ бы читая по строкамъ и въ то же время продолжая грозно и непривѣтливо смотрѣть на Ставрогина, — ни одинъ народъ еще не устраивался на началахъ науки и разума; не было ни разу такого примѣра, развѣ на одну минуту, по глупости.

Соціалізмъ по существу своему уже долженъ быть атеизмомъ, ибо именно провозгласилъ, съ самой первой строки, что онъ установленіе атеистическое и намѣренъ устроиться на началахъ науки и разума исключительно. Разумъ и наука въ жизни народовъ всегда, теперь и съ начала вѣковъ, исполняли лишь должность второстепенную и служебную; такъ и будутъ исполнять до конца вѣковъ. Народы слагаются и движутся силой иною, повелѣвающей и господствующей, но происхожденіе которой неизвѣстно и необъяснимо. Эта сила есть сила неутолимаго желанія дойти до конца и въ то же время конецъ отрицающая. Это есть сила непрерывнаго и неустаннаго подтвержденія своего бытія и отрицанія смерти. Духъ жизни, какъ говоритъ Писаніе, «рѣки воды живой», изсякновеніемъ которыхъ такъ угрожаетъ Апокалипсисъ. Начало эстетическое, какъ говорятъ философы, начало нравственное, какъ отождествляютъ они же. «Исканіе Бога», какъ называю я всего проще. Цѣль всего движенія народнаго во всякомъ народѣ и во всякій періодъ его бытія, есть единственно лишь исканіе Бога, Бога своего, непремѣнно собственнаго, и вѣра въ него какъ въ единаго истиннаго. Богъ есть синтетическая личность всего народа, взятаго съ начала его и до конца. Никогда еще не было чтобъ у всѣхъ или у многихъ народовъ былъ одинъ общій Богъ, но всегда и у каждаго былъ особый. Признакъ уничтоженія народностей, когда боги начинаютъ становиться общими. Когда боги становятся общими, то умираютъ боги и вѣра въ нихъ вмѣстѣ съ самими народами. Чѣмъ сильнѣе народъ, тѣмъ особливѣе его богъ. Никогда еще не было народа безъ религіи, то-есть безъ понятій о злѣ и добрѣ. У всякаго народа свое собственное понятіе о злѣ и добрѣ и свое собственное зло и добро. Когда начинаютъ у многихъ народовъ становиться общими понятія о злѣ и добрѣ, тогда вымираютъ народы, и тогда самое различіе между зломъ и добромъ начинаетъ стираться и исчезать. Никогда разумъ не въ силахъ былъ опредѣлить зло и добро, или даже отдѣлить зло отъ добра, хотя приблизительно; напротивъ, всегда позорно и жалко смѣшивалъ; наука же давала разрѣшенія кулачныя. Въ особенности этимъ отличалась полунаука, самый страшный бичъ человѣчества, хуже мора, голода и войны, неизвѣстный до нынѣшняго столѣтія. Полунаука — это деспотъ какихъ еще не приходило до сихъ поръ никогда. Деспотъ имѣющій своихъ жрецовъ и рабовъ, деспотъ предъ которымъ все преклонилось съ любовью и съ суевѣріемъ до сихъ поръ невысказаннымъ, предъ которымъ трепещетъ даже сама наука и постыдно потакаетъ ему. Все это ваши собственные слова, Ставрогинъ, кромѣ только словъ о полунаукѣ; эти мои, потому что я самъ только полунаука, а стало-быть особенно ненавижу ее. Въ вашихъ же мысляхъ и даже въ самыхъ словахъ я

не измѣнилъ ничего, ни одинаго слова.

— Не думаю чтобы не измѣнили, осторожно замѣтилъ Ставрогинъ; — вы пламенно приняли и пламенно переиначили не замѣчая того. Ужь одно то что вы Бога низводите до простаго атрибута народности....

Онъ съ усиленнымъ и особливымъ вниманіемъ началъ вдругъ слѣдить за Шатовымъ, и не столько за словами его, сколько за нимъ самимъ.

— Низвожу Бога до атрибута народности? вскричалъ Шатовъ, — напротивъ, народъ возношу до Бога. Да и было ли когда-нибудь иначе? Народъ — это тѣло Божіе. Всякій народъ до тѣхъ только поръ и народъ, пока имѣетъ своего бога особаго, а всѣхъ остальныхъ на свѣтѣ боговъ исключаетъ безо всякаго примиренія; пока вѣруетъ въ то что своимъ богомъ побѣдитъ и изгонитъ изъ міра всѣхъ остальныхъ боговъ. Такъ вѣровали всѣ съ начала вѣковъ, всѣ великіе народы по крайней мѣрѣ, всѣ сколько-нибудь отмѣченные, всѣ стоявшіе во главѣ человѣчества. Противъ факта идти нельзя. Евреи жили лишь для того чтобы дождаться Бога истиннаго и оставили міру Бога истиннаго. Греки боготворили природу и завѣщали міру свою религію, то-есть философію и искусство. Римъ обоготворилъ народъ въ государствѣ и завѣщаль народамъ государство. Франція въ продолженіе всей своей длинной исторіи была однимъ лишь воплощеніемъ и развитіемъ идеи римскаго бога, и если сбросила наконецъ въ бездну своего римскаго бога и ударилась въ атеизмъ, который называется у нихъ покамѣсть социализмомъ, то единственно потому лишь что атеизмъ все-таки здоровѣе римскаго католичества. Если великій народъ не вѣруетъ что въ немъ одномъ истина (именно въ одномъ и именно исключительно), если не вѣруетъ что онъ одинъ способенъ и призванъ всѣхъ воскресить и спасти своею истиной, то онъ тотчасъ же перестаетъ быть великимъ народомъ и тотчасъ же обращается въ этнографическій матеріалъ, а не въ великій народъ. Истинный великій народъ никогда не можетъ примириться со второстепенною ролью въ человѣчествѣ, или даже съ первостепенною, а непремѣнно и исключительно съ первою. Кто теряетъ эту вѣру, тотъ уже не народъ. Но истина одна, а стало-быть только единый изъ народовъ и можетъ имѣть Бога истиннаго, хотя бы остальные народы и имѣли своихъ особыхъ и великихъ боговъ. Единый народъ «богоносецъ» — это Русскій народъ и.... и.... и неужели, неужели вы меня почитаете за такого дурака, Ставрогинъ, неистово возопилъ онъ вдругъ, — который ужь и различить не умѣетъ что слова его въ эту минуту или старая, дряхлая дребедень, перемолотая на всѣхъ московскихъ славянофильскихъ мельницахъ, или совершенно новое слово, послѣднее слово, единственное слово обнов-

ленія и воскресенія и.... и какое мнѣ дѣло до вашего смѣха въ эту минуту! Какое мнѣ дѣло до того что вы не понимаете меня совершенно, совершенно, ни слова, ни звука! Я знаю что въ Россіи убьютъ Ілію и Эноха.... Я знаю и вѣрую.... О, какъ я презираю вашъ гордый смѣхъ и взглядъ въ эту минуту!

Онъ вскочилъ съ мѣста; даже пѣна показалась на губахъ его.

— Напротивъ, Шатовъ, напротивъ, — необыкновенно серьезно и сдержанно проговорилъ Ставрогинъ, не подымаясь съ мѣста, — напротивъ, вы горячими словами вашими воскресили во мнѣ много чрезвычайно сильныхъ воспоминаній. Въ вашихъ словахъ я признаю мое собственное настроеніе два года назадъ, и теперь уже я не скажу вамъ, какъ давеча, что вы мои тогдашнія мысли преувеличили. Мнѣ кажется даже что онѣ были еще исключительнѣе, еще самовластнѣе, и увѣряю васъ въ третій разъ что я очень желалъ бы подтвердить все что вы теперь говорили, даже до послѣдняго слова, но....

— Но вамъ надо зайца?

— Что-о?

— Ваше же подлое выраженіе, злобно засмѣялся Шатовъ, усаживаясь опять; — «чтобы сдѣлать соусъ изъ зайца надо зайца, чтобъ увѣровать въ Бога надо Бога», это вы въ Петербургѣ, говорятъ, приговаривали, какъ Ноздревъ, который хотѣлъ поймать зайца за заднія ноги.

— Нѣтъ, тотъ именно хвалился что ужъ поймалъ его. Кстати, позвольте однакоже и васъ обезпокоить вопросомъ, тѣмъ болѣе что я, мнѣ кажется, имѣю на него теперь полное право. Скажите мнѣ: вашъ-то заяцъ пойманъ ли, аль еще бѣгаетъ?

— Не смѣйте меня спрашивать такими словами, спрашивайте другими, другими! весь вдругъ задрожалъ Шатовъ.

— Извольте, другими, сурово посмотрѣлъ на него Николай Всеволодовичъ; — я хотѣлъ лишь узнать: вѣруете вы сами въ Бога или нѣтъ?

— Я вѣрую въ Россію, я вѣрую въ ея православіе.... Я вѣрую въ новое тѣло Христово.... Я вѣрую что новое пришествіе совершится въ Россіи.... что въ ней убьютъ Ілію и Эноха.... Я вѣрую.... залепеталъ въ изступленіи Шатовъ.

— А въ Бога? Въ Бога?

— Я.... я буду вѣровать въ Бога.

Ни одинъ мускулъ не двинулся въ лицѣ Ставрогина. Шатовъ пламенно, съ вызовомъ, смотрѣлъ на него, точно сжечь хотѣлъ его своимъ взглядомъ.

— Я вѣдь не сказалъ же вамъ что я не вѣрую вовсе! вскричалъ онъ наконецъ; я только лишь знать даю что я несчастная, скучная книга и болѣе ничего покамѣсть, покамѣсть.... Но погибай мое имя! Дѣло въ васъ, а не во мнѣ.... Я человѣкъ безъ таланта и могу только отдать свою кровь и ничего больше, какъ всякій человѣкъ безъ таланта. Погибай же и моя кровь! Я объ васъ говорю, я васъ два года здѣсь ожидалъ.... Я для васъ теперь полчаса пляшу нагишомъ. Вы, вы одни могли бы поднять это знамя!...

Онъ не договорилъ и какъ бы въ отчаяніи облокотившись на столъ, подперъ обѣими руками голову.

— Я вамъ только кстати замѣчу, какъ странность, перебилъ вдругъ Ставрогинъ: — почему это мнѣ всѣ навязываютъ какое-то знамя? Петръ Верховенскій тоже убѣжденъ что я могъ бы «поднять у нихъ знамя», по крайней мѣрѣ мнѣ передавали его слова. Онъ задался мыслию что я могъ бы сыграть для нихъ роль Стеньки Разина «по необыкновенной способности къ преступленію», — тоже его слова.

— Какъ? спросилъ Шатовъ, «по необыкновенной способности къ преступленію»?

— Именно.

— Гм. А правда ли что вы, злобно ухмыльнулся онъ, — правда ли что вы принадлежали въ Петербургѣ къ скотскому сладострастному секретному обществу. Правда ли что маркизь де-Садъ могъ бы у васъ поучиться? Правда ли что вы заманивали и развращали дѣтей? Говорите, не смѣйте лгать, вскричалъ онъ совѣмъ выходя изъ себя, — Николай Ставрогинъ не можетъ лгать предъ Шатовымъ, бившимъ его по лицу! Говорите все, и если правда, я васъ тотчасъ же, сейчасъ же убью, тутъ же на мѣстѣ!

— Я эти слова говорилъ, но дѣтей не я обижалъ, произнесъ Ставрогинъ, но только послѣ слишкомъ долгаго молчанія. Онъ поблѣднѣлъ и глаза его вспыхнули.

— Но вы говорили! властно продолжалъ Шатовъ, не сводя съ него сверкающихъ глазъ. — Правда ли будто вы увѣряли что не знаете различія въ красотѣ между какою-нибудь сладострастною, звѣрскою штукой и какимъ угодно подвигомъ, хотя бы даже жертвой жизни для человечества? Правда ли что вы въ обоихъ полюсахъ нашли совпаденіе красоты, одинаковость наслажденія?

— Такъ отвѣчать невозможно.... я не хочу отвѣчать, проворкоталъ Ставрогинъ, который очень бы могъ встать и уйти, но не вставалъ и не уходилъ.

— Я тоже не знаю почему зло скверно, а добро прекрасно, но я знаю почему ощущение этого различія стирается и теряется у такихъ господъ какъ Ставрогины, не отставалъ весь дрожавшій Шатовъ, — знаете ли почему вы тогда женились, такъ позорно и подло? Именно потому что тутъ позоръ и бессмыслица доходили до гениальности! О, вы не бродите съ краю, а смѣло летите внизъ головой. Вы женились по страсти къ мучительству, по страсти къ угрызениямъ совѣсти, по сладострастію нравственному. Тутъ былъ нервный надрывъ.... Вызовъ здравому смыслу былъ ужь слишкомъ тутъ прельстителенъ! Ставрогинъ и плюгавая, скудоумная, нищая хромоножка! Когда вы прикусили ухо губернатору, чувствовали вы сладострастіе? Чувствовали? Праздный, шатающійся барченокъ, чувствовали?

— Вы психологъ, — блѣднѣлъ все больше и больше Ставрогинъ, — хотя въ причинахъ моего брака вы отчасти ошиблись.... Кто бы впрочемъ могъ вамъ доставить всѣ эти свѣдѣнія, усмѣхнулся онъ черезъ силу, — неужто Кирилловъ? Но онъ не участвовалъ....

— Вы блѣднѣете?

— Чего однакоже вы хотите? возвысилъ наконецъ голосъ Николай Всеволодовичъ, — я полчаса просидѣлъ подъ вашимъ кнутомъ, и по крайней мѣрѣ, вы бы могли отпустить меня вѣжливо.... если въ самомъ дѣлѣ не имѣете никакой разумной цѣли поступать со мной такимъ образомъ.

— Разумной цѣли?

— Безъ сомнѣнія. Въ вашей обязанности, по крайней мѣрѣ, было объявить мнѣ, наконецъ, вашу цѣль. Я все ждалъ что вы это сдѣлаете, но нашелъ одну только обыкновенную злость. Прошу васъ, отворите мнѣ ворота.

Онъ всталъ со стула. Шатовъ неистово вскочилъ вслѣдъ за нимъ.

— Цѣлуйте землю, облейте слезами, просите прощенія! вскричалъ онъ, схватывая его за плечо.

— Я однако васъ не убилъ.... въ то утро.... а взялъ обѣ руки назадъ.... почти съ болью проговорилъ Ставрогинъ, потупивъ глаза.

— Договаривайте, договаривайте! вы пришли предупредить меня объ опасности, вы допустили меня говорить, вы завтра хотите объявить о вашемъ бракѣ публично!... Развѣ я не вижу по лицу вашему что васъ боретъ какая-то грозная новая мысль.... Ставрогинъ, для чего я осужденъ въ васъ вѣрить во вѣки вѣковъ? Развѣ могъ бы я такъ говорить съ другимъ? Я цѣломудріе имѣю, но я не побоялся моего нагиша, потому что со Ставрогинымъ говорилъ. Я не боялся окаррикатурить великую мысль прикосновеніемъ моимъ, потому что Ставрогинъ слушалъ меня....

Развѣ я не буду цѣловать слѣдовъ вашихъ ногъ, когда вы уйдете? Я не могу васъ вырвать изъ моего сердца, Николай Ставрогинъ!

— Мнѣ жаль что я не могу васъ любить, Шатовъ, холодно проговорилъ Николай Всеволодовичъ.

— Знаю что не можете и знаю что не лжете. Слушайте, я все поправить могу: я достану вамъ зайца!

Ставрогинъ молчалъ.

— Вы атеистъ, потому что вы баричъ, послѣдній баричъ. Вы потеряли различіе зла и добра, потому что перестали свой народъ узнавать.... Идетъ новое поколѣніе, прямо изъ сердца народнаго, и не узнаете его вовсе, ни вы, ни Верховенскіе, сынъ и отецъ, ни я, потому что я тоже баричъ, я, сынъ вашего крѣпостнаго лакея Пашки.... Слушайте, добудьте Бога трудомъ; вся суть въ этомъ, или исчезнете какъ подлая плесень; трудомъ добудьте.

— Бога трудомъ? Какимъ трудомъ?

— Мужичкимъ. Идите, бросьте ваши богатства.... А! вы смѣтаетесь, вы боитесь что выйдесть кунштикъ?

Но Ставрогинъ не смѣялся.

— Вы полагаете что Бога можно добыть трудомъ и именно мужичкимъ? переговорилъ онъ подумавъ, какъ будто дѣйствительно встрѣтилъ что-то новое и серьезное что стоило обдумать. Кстати, перешелъ онъ вдругъ къ новой мысли, — вы мнѣ сейчасъ напомнили: знаете ли что я вовсе не богатъ, такъ что нечего и бросать? Я почти не въ состояніи обезпечить даже будущность Марьи Тимоѣевны.... Вотъ что еще: я пришелъ было васъ просить, если можно вамъ, не оставить и впредь Марью Тимоѣевну, такъ какъ вы одни могли бы имѣть нѣкоторое вліяніе на ея бѣдный умъ.... Я на всякій случай говорю.

— Хорошо, хорошо, вы про Марью Тимоѣевну, замахалъ рукой Шатовъ, держа въ другой свѣчу, — хорошо, потомъ само собой.... Слушайте, сходите къ Тихону.

— Къ кому?

— Къ Тихону. Тихонъ, бывший архіерей, по болѣзни живетъ на покоѣ, здѣсь въ городѣ, въ чертѣ города, въ нашемъ Ефимьевскомъ Богородскомъ монастырѣ.

— Это что же такое?

— Ничего. Къ нему ѣздятъ и ходятъ. Сходите; чего вамъ? Ну чего вамъ?

— Въ первый разъ слышу и.... никогда еще не видывалъ этого сорта людей. Благодарю васъ, схожу.

— Сюда, свѣтилъ Шатовъ по лѣстницѣ, — ступайте, распахнулъ онъ калитку на улицу.

— Я къ вамъ больше не приду, Шатовъ, тихо проговорилъ Ставрогинъ, тихо шагая чрезъ калитку.

Темень и дождь продолжались попрежнему.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Ночь (продолженіе).

I.

Онъ прошелъ всю Богоявленскую улицу; наконецъ пошло подъ гору, ноги ѣхали въ грязи, и вдругъ открылось широкое, туманное, какъ бы пустое пространство — рѣка. Дома обратились въ лачужки, улица пропала во множествѣ беспорядочныхъ закоулковъ. Николай Всеволодовичъ долго пробирался около заборовъ и лачужекъ, не отдаляясь отъ берега, но твердо находя свою дорогу и даже врядъ ли много о ней думая. Онъ занятъ былъ совсѣмъ другимъ и съ удивленіемъ осмотрѣлся, когда вдругъ, очнувшись отъ глубокаго раздумья, увидалъ себя чуть не на срединѣ нашего длиннаго, мокраго, плашкотнаго моста. Ни души кругомъ, такъ что странно показалось ему, когда внезапно, почти подъ самымъ локтемъ у него, раздался вѣжливо фамиллярный, довольно впрочемъ пріятный голосъ, съ тѣмъ услащенно-скандированнымъ акцентомъ которымъ щеголяютъ у насъ слишкомъ цивилизованные мѣщане или молодые кудрявые прикащики изъ Гостиного ряда.

— Не позволите ли, милостивый господинъ, зонтикомъ вашимъ заодно позаимствоваться?

Въ самомъ дѣлѣ какая-то фигура пролѣзла, или хотѣла показать только видъ что пролѣзла подъ его зонтикъ. Бродяга шелъ съ нимъ рядомъ, почти «чувствуя его локтемъ», — какъ выражаются солдатики. Убавивъ шагъ, Николай Всеволодовичъ принагнулъ разсмотрѣть, насколько это возможно было въ темнотѣ: человѣкъ росту невысокаго и въ родѣ какъ бы загулявшаго мѣщанинишки; одѣтъ не тепло и неприглядно; на лохматой курчавой головѣ торчалъ суконный мокрый картузь, съ полуоторваннымъ козырькомъ. Казалось это былъ сильный брюнетъ, сухощавый и смуглый; глаза были большіе, непременно черные, съ сильнымъ блескомъ и съ желтымъ отливомъ какъ у Цыганъ; это и въ темнотѣ угадывалось. Лѣтъ должно-быть сорока и не пьянъ.

— Ты меня знаешь? спросилъ Николай Всеволодовичъ.

— Господинъ Ставрогинъ, Николай Всеволодовичъ; мнѣ васъ на станціи, едва лишь машина остановилась, въ запрошлое воскресенье показывали. Окромѣ того что прежде были наслышаны.

— Отъ Петра Степановича? Ты... ты Федька Каторжный?

— Крестили Федоромъ Федоровичемъ; доселѣ природную родительницу нашу имѣемъ въ здѣшнихъ краяхъ-съ, старушку Божию, къ землѣ ростеть, за насъ ежедневно день и ночь Бога молить, чтобы такимъ образомъ маневръ своего старушечьяго времени даромъ на печи не терять.

— Ты бѣглый съ каторги?

— Перемѣнилъ участь. Сдалъ книги и колокола и церковныя дѣла, потому я былъ рѣшенъ вдоль по каторгѣ-съ, такъ оченно долго ужь сроку приходилось дожидаться.

— Что здѣсь дѣлаешь?

— Да вотъ день да ночь — сутки прочь. Дяденька тоже нашъ на прошлой недѣлѣ въ острогѣ здѣшнемъ по фальшивымъ деньгамъ скончались, такъ я по немъ поминки справлялъ, два десятка камней собакамъ раскидалъ, — вотъ только и дѣла нашего было пока. Окромѣ того Петръ Степановичъ паспортомъ по всей Расеѣ, чтобы примѣрно купеческимъ, облагодѣиваютъ, такъ тоже вотъ ожидаю ихъ милости. Потому, говорятъ, папаша тебя въ клубѣ аглицкомъ въ карты тогда проигралъ; такъ я, говорятъ, несправедливымъ сіе безчеловѣчіе нахожу. Вы бы мнѣ, сударь, согрѣться, на чаекъ, три цѣлковыхъ соблаговолили?

— Значить ты меня здѣсь стерегъ; я этого не люблю. По чьему приказанію?

— Чтобы по приказанію, то этого не было-съ ничьего, а я единственно человѣколюбіе ваше знавши, всему свѣту извѣстное. Наши доходишки, сами знаете, либо сѣна клокъ, либо вилы въ бокъ. Я вонъ въ пятницу натрескался пирога какъ Мартынъ мыла, да съ тѣхъ поръ день не ѣлъ, другой погодилъ, а на третій опять не ѣлъ. Воды въ рѣкѣ сколько хошь, въ брюхѣ карасей развелъ.... Такъ вотъ не будетъли вашей милости отъ щедротъ; а у меня тутъ какъ разъ неподалеку кума поджидаетъ, только къ ней безъ рублей не являйся.

— Тебѣ что же Петръ Степанычъ отъ меня обѣщаль?

— Они не то чтобы пообѣщали-съ, а говорили на словахъ-съ, что могу пожалуй вашей милости пригодиться, если полоса такая примѣрно выйдетъ, но въ чемъ собственно, того не объяснили чтобы въ точности, потому Петръ Степановичъ меня, примѣромъ, въ терпѣніи казацкомъ испытываютъ и довѣренности ко мнѣ никакой не питають.

— Почему же?

— Петръ Степанычъ — астроломъ и всѣ Божіи планиды узналъ, а и онъ критикъ подверженъ. Я предъ вами, сударь, какъ предъ Истиннымъ, потому объ васъ многимъ наслышаны. Петръ Степановичъ — одно, а вы, сударь, пожалуй что и другое. У того коли сказано про челоуѣка: подлець, такъ ужъ кромѣ подлца онъ про него ничего и не вѣдаетъ. Али сказано — дуракъ, такъ ужъ кромѣ дурака у него тому челоуѣку и званія нѣтъ. А я можетъ по вторникамъ да по средамъ только дуракъ, а въ четвергъ и умнѣе его. Вотъ онъ знаетъ теперь про меня что я очинно паспортомъ скучаю, — потому въ Расеѣ никакъ нельзя безъ документа, — такъ ужъ и думаетъ что онъ мою душу заполонилъ. Петру Степановичу, я вамъ скажу, сударь, очинно легко жить на свѣтѣ, потому онъ челоуѣка самъ сочинить, да съ нимъ и живетъ. Окромя того больно скупъ. Они въ томъ мнѣніи что я помимо ихъ не посмѣю васъ беспокоить, а я предъ вами, сударь, какъ предъ Истиннымъ, — вотъ уже четвертую ночь вашей милости на семъ мосту поджидаю, въ томъ предметѣ что и кромѣ нихъ могу тихими стопами свой собственный путь найти. Лучше, думаю, я ужъ сапогу поклонюсь, а не лаптю.

— А кто тебѣ сказалъ что я ночью по мосту пойду?

— А ужъ это, признаться, стороной вышло, больше по глупости капитана Лебядкина, потому они никакъ чтобъ удержать въ себѣ не умѣютъ... Такъ три-то цѣлковыхъ съ вашей милости, примѣромъ, за три дня и три ночи, за скуку придутся. А что одежи промокло, такъ мы ужъ изъ обиды одной молчимъ.

— Мнѣ налѣво, тебѣ направо; мостъ конченъ. Слушай, Ѳедоръ, я люблю чтобы мое слово понимали разъ навсегда: не дамъ тебѣ ни копѣйки, впередъ мнѣ ни на мосту и нигдѣ не встрѣчайся, нужды въ тебѣ не имѣю и не буду имѣть, а если ты не послушаешься — свяжу и въ полицію. Маршъ!

— Эхма, за компанію по крайности набросьте, веселѣе было итти съ.

— Пошелъ!

— Да вы дорогу-то здѣшнюю знаете ли-съ? Вѣдь тутъ такіе проулки пойдутъ.... я бы могъ руководствовать, потому здѣшній городъ — это все равно что чортъ въ корзинѣ несъ, да растресъ.

— Эй, свяжу! грозно обернулся Николай Всеволодовичъ.

— Разсудите можетъ-быть, сударь; сироту долго ли избидѣть.

— Нѣтъ, ты видно увѣренъ въ себѣ!

— Я, сударь, въ васъ увѣренъ, а не то чтобъ очинно въ себѣ.

— Не нуженъ ты мнѣ совсѣмъ, я сказалъ!

— Да вы-то мнѣ нужны, сударь, вотъ что-съ. Подожду васъ на обратномъ пути, такъ ужь и быть.

— Честное слово даю: коли встрѣчу — свяжу.

— Такъ я ужь и кушачокъ приготавлию-съ. Счастливаго пути, сударь, все подъ зонтикомъ сироту обогрѣли, на одномъ этомъ по гробъ жизни благодарны будемъ.

Онъ отсталъ. Николай Всеволодовичъ дошелъ до мѣста озабоченный. Этотъ съ неба упавшій человѣкъ совершенно былъ убѣжденъ въ своей для него необходимости и слишкомъ нагло спѣшилъ заявить объ этомъ. Вообще съ нимъ не церемонились. Но могло быть и то что бродяга не все лгалъ и напрашивался на службу въ самомъ дѣлѣ только отъ себя, и именно потихоньку отъ Петра Степановича; а ужь это было всего любопытнѣе.

II.

Домъ до котораго дошелъ Николай Всеволодовичъ стоялъ въ пустынномъ закоулкѣ между заборами, за которыми тянулись огороды, буквально на самомъ краю города. Это былъ совсѣмъ уединенный небольшой деревянный домикъ, только что отстроенный и еще не обшитый тесомъ. Въ одномъ изъ окошекъ ставни были нарочно не заперты, и на подоконникѣ стояла свѣча — видимо съ цѣлью служить маякомъ ожидаемому на сегодня позднему гостю. Шаговъ еще за тридцать, Николай Всеволодовичъ отличилъ стоявшую на крылечкѣ фигуру высокаго роста человѣка, вѣроятно хозяина помещенія, вышедшаго въ нетерпѣннѣе посмотрѣть на дорогу. Послышался и голосъ его, нетерпѣливый и какъ бы робкій:

— Это вы-съ? Вы-съ?

— Я, отозвался Николай Всеволодовичъ не раньше какъ совсѣмъ дойдя до крыльца и свертывая зонтикъ.

— Наконецъ-то-съ! затоптался и засуетился капитанъ Лебядкинъ, — это былъ онъ, — пожалуйста зонтичекъ; очень мокро-съ; я его разверну здѣсь на полу въ уголку, милости просимъ, милости просимъ.

Дверь изъ сѣней въ освѣщенную двумя свѣчами комнату была отворена настежь.

— Еслибы только не ваше слово о несомнѣнномъ прибытіи, то пересталъ бы вѣрить.

— Три четверти перваго, посмотрѣлъ на часы Николай Всеволодовичъ, вступая въ комнату.

— И при этомъ дождь и такое интересное разстояніе.... Часовъ у меня нѣтъ, а изъ окна одни огороды, такъ что.... отстаешь отъ событій....

но собственно не въ ропотъ, потому и не смѣю, не смѣю, а единственно лишь отъ нетерпѣнія, снѣдаемаго всю недѣлю, чтобы наконецъ.... разрѣшиться.

— Какъ?

— Судьбу свою услышать, Николай Всеволодовичъ. Милости просимъ.

Онъ склонился, указывая на мѣсто у столика предъ диваномъ. Николай Всеволодовичъ осмотрѣлся; комната была крошечная, низенькая; мебель самая необходимая, стулья и диванъ деревянные, тоже совсѣмъ новой подѣлки, безъ обивки и безъ подушекъ, два липовые столика, одинъ у дивана, а другой въ углу, накрытый скатертью, чѣмъ-то весь заставленный и прикрытый сверху чистѣйшею салфеткой. Да и вся комната содержалась, повидимому, въ большой чистотѣ. Капитанъ Лебядкинъ дней уже восемь не былъ пьянъ; лицо его какъ-то отекло и пожелтѣло, взглядъ былъ безпокойный, любопытный и очевидно недоумѣвающий: слишкомъ замѣтно было что онъ еще самъ не знаетъ какимъ тономъ ему можно заговорить и въ какой всего выгоднѣе было бы прямо попасть.

— Вотъ-съ, указаль онъ кругомъ, — живу Зосимой. Трезвость, уединеніе и нищета — обѣтъ древнихъ рыцарей.

— Вы полагаете что древніе рыцари давали такіе обѣты?

— Можетъ-быть сбился? Увы, мнѣ нѣтъ развитія! Все погубилъ! Вѣрите ли, Николай Всеволодовичъ, здѣсь впервые очнулся отъ постыдныхъ пристрастій — ни рюмки, ни капли! Имѣю уголь и шесть дней ощущаю благоденствіе совѣсти. Даже стѣны пахнутъ смолой, напоминая природу. А что я былъ, чѣмъ я былъ?

«Ночью дую безъ ночлега,
Днемъ же высунувъ языкъ,»

по гениальному выраженію поэта! Но.... вы такъ обмокли.... не угодно ли будетъ чаю?

— Не безпокойтесь.

— Самоваръ кипѣлъ съ восьмага часу, но.... потухъ.... какъ и все въ мірѣ. И солнце, говорятъ, потухнетъ въ свою очередь.... Впрочемъ, если надо, я сочиню. Агаѣя не спитъ.

— Скажите, Марья Тимоѣевна....

— Здѣсь, здѣсь, тотчасъ же подхватилъ Лебядкинъ шепотомъ, — угодно будетъ взглянуть? указаль онъ на припертую дверь въ другую комнату.

— Не спитъ?

— О, нѣтъ, нѣтъ, возможно ли? Напротивъ, еще съ самаго вечера ожидаетъ, и какъ только узнала давеча, тотчасъ же сдѣлала туалетъ, скривилъ было онъ ротъ въ шутливую улыбочку, но мигомъ осѣкся.

— Какъ она вообще? нахмурясь спросилъ Николай Всеволодовичъ.

— Вообще? Сами изволите знать (онъ сожалительно вскинулъ плечами), а теперь.... теперь сидитъ въ карты гадаетъ....

— Хорошо, потомъ; сначала надо кончить съ вами.

Николай Всеволодовичъ усѣлся на стулъ.

Капитанъ не посмѣлъ уже сѣсть на диванъ, а тотчасъ же придвинулъ себѣ другой стулъ, и въ трепещущемъ ожиданіи принагнулся слушать.

— Это что жъ у васъ тамъ въ углу подъ скатертью? вдругъ обратилъ вниманіе Николай Всеволодовичъ.

— Это-съ? повернулся тоже и Лебядкинъ, — это отъ вашихъ же щедротъ, въ видѣ, такъ-сказать, новоселья, взявъ тоже во вниманіе дальнѣйшій путь и естественную усталость, умилительно подхихикнулъ онъ, затѣмъ всталъ съ мѣста и на ципочкахъ, почтительно и осторожно снялъ со столика въ углу скатерть. Подъ нею оказалась приготовленная закуска, ветчина, телятина, сардины, сыръ, маленькій зеленоватый графинчикъ и длинная бутылка бордо; все было улажено чисто, съ знаніемъ дѣла и почти щегольски.

— Это вы хлопотали?

— Я-съ. Еще со вчерашняго дня и все что могъ чтобы сдѣлать честь.... Марья же Тимоѣевна на этотъ счетъ, сами знаете, равнодушна. А главное, отъ вашихъ щедротъ, ваше собственное, такъ какъ вы здѣсь хозяинъ, а не я, а я, такъ-сказать, въ видѣ только вашего прикащика, ибо все-таки, все-таки, Николай Всеволодовичъ, все-таки духомъ я независимъ! Не отнимете же вы это послѣднее достояніе мое! докончилъ онъ умилительно.

— Гм!... вы бы сѣли опять.

— Блага-а-даренъ, благодаренъ и независимъ! (Онъ сѣлъ.) Ахъ, Николай Всеволодовичъ, въ этомъ сердцѣ накипѣло столько что я не зналъ какъ васъ и дождаться! Вотъ вы теперь разрѣшите судьбу мою и.... той несчастной, а тамъ.... тамъ, какъ бывало прежде, встарину, изолю предъ вами все, какъ четыре года назадъ! Удостоивали же вы меня тогда слушать, читали строфы.... Пусть меня тогда называли вашимъ Фальстафомъ изъ Шекспира, но вы значили столько въ судьбѣ моей!... Я же имѣю теперь великіе страхи, и отъ васъ одного только и жду и совѣта и свѣта. Петръ Степановичъ ужасно поступаетъ со мной!

Николай Всеволодовичъ любопытно слушалъ и пристально вглядывался. Очевидно капитанъ Лебядкинъ хоть и пересталъ пьянствовать, но все-таки находился далеко не въ гармоническомъ состояніи. Въ подобныхъ многолѣтнихъ пьяницахъ утверждается подъ конецъ навсегда нѣчто нескладное, чадное, что-то какъ бы поврежденное и безумное, хотя впрочемъ они надуваютъ, хитрятъ и плутуютъ почти не хуже другихъ, если надо.

— Я вижу что вы вовсе не перемѣнились, капитанъ, въ эти слишкомъ четыре года, проговорилъ какъ бы нѣсколько ласковѣе Николай Всеволодовичъ. — Видно правда что вся вторая половина человѣческой жизни составляется обыкновенно изъ однихъ только накопленныхъ въ первую половину привычекъ.

— Высокія слова! Вы разрѣшаете загадку жизни! вскричалъ капитанъ, на половину плутуя, а на половину дѣйствительно въ неподдѣльномъ восторгѣ, потому что былъ большой любитель словечекъ. — Изъ всѣхъ вашихъ словъ, Николай Всеволодовичъ, я запомнилъ одно преимуществу, вы еще въ Петербургѣ его высказали: «Нужно быть дѣйствительно великимъ человѣкомъ чтобы сумѣть устоять даже противъ здраваго смысла.» Вотъ-съ!

— Ну, равно и дуракомъ.

— Такъ-съ, пусть и дуракомъ, но вы всю жизнь вашу сыпали остроуміемъ, а они? Пусть Липутинъ, пусть Петръ Степановичъ хоть что-нибудь подобное изрекутъ! О, какъ жестоко поступалъ со мной Петръ Степановичъ!...

— Но вѣдь и вы однакоже, капитанъ, какъ сами-то вы вели себя?

— Пьяный видъ и къ тому же бездна враговъ моихъ! Но теперь все, все проѣхало, и я обновляюсь какъ змѣй. Николай Всеволодовичъ, знаете ли что я пишу мое завѣщаніе и что я уже написалъ его?

— Любопытно. Что же вы оставляете и кому?

— Отечеству, человѣчеству и студентамъ. Николай Всеволодовичъ, я прочелъ въ газетахъ біографію объ одномъ Американцѣ. Онъ оставилъ все свое огромное состояніе на фабрики и на положительныя науки, свой скелетъ студентамъ, въ тамошнюю академію, а свою кожу на барабанъ, съ тѣмъ чтобы денно и ночью выбивать на немъ американскій національный гимнъ. Увы, мы пигмеи сравнительно съ полетомъ мысли Сѣверо-Американскихъ Штатовъ; Россія есть игра природы, но не ума. Попробуй я завѣщать мою кожу на барабанъ, примѣрно въ Акмолинскій пѣхотный полкъ, въ которомъ имѣлъ честь начать службу, съ тѣмъ чтобы каждый день выбивать на немъ предъ полкомъ русскій національный гимнъ, сочтутъ за либерализмъ, запретятъ мою кожу... и потому огра-

ничился одними студентами. Хочу завѣщать мой скелетъ въ академію, но съ тѣмъ, съ тѣмъ чтобы на лбу его былъ наклеенъ на вѣки вѣковъ ярлыкъ со словами: «раскаившійся вольнодумецъ». Вотъ-съ!

Капитанъ говорилъ горячо и уже разумѣется вѣрилъ въ красоту американскаго завѣщанія, но онъ былъ и плутъ, и ему очень хотѣлось тоже размѣшить Николая Всеволодовича, у котораго онъ прежде долгое время состоялъ въ качествѣ шута. Но тотъ и не усмѣхнулся, а напротивъ какъ-то подозрительно спросилъ:

— Вы стало-быть намѣрены опубликовать ваше завѣщаніе при жизни и получить за него награду?

— А хоть бы и такъ, Николай Всеволодовичъ, хоть бы и такъ? осторожно вглядѣлся Лебядкинъ. — Вѣдь судьба-то моя какова! Даже стихи пересталъ писать, а когда-то и вы забавлялись моими стихами, Николай Всеволодовичъ, помните, за бутылкой? Но конецъ перу. Написалъ только одно послѣднее стихотвореніе, какъ Гоголь *Послѣднюю Повѣсть*, помните, еще онъ возвѣщалъ Россіи что она «выпѣлась» изъ груди его. Такъ и я, пропѣлъ и баста.

— Какое же стихотвореніе?

— «Въ случаѣ еслибъ она сломала ногу!»

— Что-о?

Того только и ждалъ капитанъ. Стихотворенія свои онъ уважалъ и цѣнилъ безмѣрно, но тоже, по нѣкоторой плутовской двойственности души, ему нравилось и то что Николай Всеволодовичъ всегда бывало веселился его стихами и хохоталъ надъ ними иногда схватясь за бока. Такимъ образомъ достигались двѣ цѣли — и поэтическая, и служебная; но теперь была и третья, особенная и весьма щекотливая цѣль: капитанъ, выдвигая на сцену стихи, думалъ оправдать себя въ одномъ пунктѣ, котораго почему-то всего болѣе для себя опасался и въ которомъ всего болѣе ощущалъ себя провинившимся.

— «Въ случаѣ еслибъ она сломала ногу», то-есть въ случаѣ верховой ѣзды. Фантазія, Николай Всеволодовичъ, бредъ, но бредъ поэта: однажды былъ пораженъ, проходя, при встрѣчѣ съ наѣздницей и задалъ матеріальный вопросъ: «что бы тогда было?» то-есть въ случаѣ. Дѣло ясное: всѣ искатели на попятный, всѣ женихи прочь, моргенъ фри, носъ утри, одинъ поэтъ остался бы вѣренъ съ раздавленнымъ въ груди сердцемъ. Николай Всеволодовичъ, даже вошь и та могла бы быть влюблена и той не запрещено законами. И однакоже особа была обижена и письмомъ, и стихами. Даже вы, говорятъ, разсердились, такъ ли-съ; это скорбно; не хотѣлъ даже вѣрить. Ну, кому бы я могъ повредить однимъ

воображеніемъ? Къ тому же честию клянусь, тутъ Липутинъ: «пошли да пошли, всякій человѣкъ достоинъ права переписки», я и послалъ.

— Вы, кажется, предлагали себя въ женихи?

— Враги, враги и враги!

— Скажите стихи, сурово перебилъ Николай Всеволодовичъ.

— Бредъ, бредъ прежде всего.

Однакоже онъ выпрямился, протянулъ руку и началъ:

Краса красотъ сломала членъ,
И интереснѣй вдвое стала,
И вдвое сдѣлался влюбленъ
Влюбленный ужъ немало.

— Ну, довольно, махнулъ рукой Николай Всеволодовичъ.

— Мечтаю о Питерѣ, перескочилъ поскорѣе Лебядкинъ, какъ будто и не было никогда стиховъ, — мечтаю о возрожденіи.... Благодѣтель! Могу ли разчитывать что не откажете въ средствахъ къ поѣздкѣ? Я какъ солнца ожидалъ васъ всю недѣлю.

— Ну, нѣтъ, ужъ извините, у меня совѣмъ почти не осталось средствъ, да и зачѣмъ мнѣ вамъ деньги давать?...

Николай Всеволодовичъ какъ будто вдругъ разсердился. Сухо и кратко перечислилъ онъ всѣ преступленія капитана: пьянство, вранье, трату денегъ назначавшихся Марьѣ Тимоѳеевнѣ, то что ее взяли изъ монастыря, дерзкія письма съ угрозами опубликовать тайну, поступокъ съ Дарьей Павловной и пр. и пр. Капитанъ колыхался, жестикулировалъ, начиналъ возражать, но Николай Всеволодовичъ каждый разъ повелительно его останавливалъ.

— И позвольте, замѣтилъ онъ наконецъ, — вы все пишете о «фамильномъ позорѣ». Какой же позоръ для васъ въ томъ что ваша сестра въ законномъ бракѣ со Ставрогинимъ?

— Но бракъ подъ спудомъ, Николай Всеволодовичъ, бракъ подъ спудомъ, роковая тайна. Я получаю отъ васъ деньги и вдругъ мнѣ задаютъ вопросъ: за что эти деньги? Я связанъ и не могу отвѣчать, во вредъ сестрѣ, во вредъ фамильному достоинству.

Капитанъ повысилъ тонъ; онъ любилъ эту тему и крѣпко на нее разчитывалъ. Увы, онъ и не предчувствовалъ какъ его огорошатъ. Спокойно и точно, какъ будто дѣло шло о самомъ обыденномъ домашнемъ распоряженіи, Николай Всеволодовичъ сообщилъ ему что на дняхъ, можетъ-быть даже завтра или послѣзавтра, онъ намѣренъ свой бракъ сдѣлать повсемѣстно извѣстнымъ, «какъ полиціи такъ и обществу», а стало-быть кончится самъ собою и вопросъ о фамильномъ достоинствѣ, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о субсидіяхъ. Капитанъ вытаращилъ глаза; онъ даже и не понялъ; надо было растолковать ему.

— Но вѣдь она.... полоумная?

— Я сдѣлаю такія распоряженія.

— Но.... какъ же ваша родительница?

— Ну, ужъ это какъ хочеть.

— Но вѣдь вы введете же вашу супругу въ вашъ домъ?

— Можетъ-быть и да. Впрочемъ все это въ полномъ смыслѣ не ваше дѣло и до васъ совсѣмъ не относится.

— Какъ не относится! вскричалъ капитанъ; — а я-то какъ же?

— Ну, разумѣется, вы не войдете въ домъ.

— Да вѣдь я же родственникъ.

— Отъ такихъ родственниковъ бѣгають. Зачѣмъ мнѣ давать вамъ тогда деньги, разсудите сами?

— Николай Всеволодовичъ, Николай Всеволодовичъ, этого быть не можетъ, вы можетъ-быть еще разсудите, вы не захотите наложить руки.... что подумаютъ, что скажутъ въ свѣтѣ?

— Очень я боюсь вашего свѣта. Женился же я тогда на вашей сестрѣ, когда захотѣлъ, послѣ пьянаго обѣда, изъ-за пари на вино, а теперь вслухъ опубликую объ этомъ.... если это меня теперь тѣшитъ?

Онъ произнесъ это какъ-то особенно раздражительно, такъ что Лебядкинъ съ ужасомъ началъ вѣрить.

— Но вѣдь я, я-то какъ, главное вѣдь тутъ я!... Вы можетъ-быть шутите-сь, Николай Всеволодовичъ?

— Нѣтъ, не шучу.

— Воля ваша, Николай Всеволодовичъ, а я вамъ не вѣрю.... тогда я просьбу подамъ.

— Вы ужасно глупы, капитанъ.

— Пусть, но вѣдь это все что мнѣ остается! сбился совсѣмъ капитанъ, — прежде за ея службу тамъ въ углахъ по крайней мѣрѣ намъ квартиру давали, а теперь что же будетъ если вы меня совсѣмъ бросите?

— Вѣдь хотите же вы ѣхать въ Петербургъ перемѣнять карьеру. Кстати, правда я слышалъ что вы намѣрены ѣхать съ доносомъ, въ надеждѣ получить прощеніе, объявивъ всѣхъ другихъ?

Капитанъ разинулъ ротъ, выпучилъ глаза и не отвѣчалъ.

— Слушайте, капитанъ, чрезвычайно серіозно заговорилъ вдругъ Ставрогинъ, принагнувшись къ столу. До сихъ поръ онъ говорилъ какъ-то двусмысленно, такъ что Лебядкинъ, искусившійся въ роли шута, до послѣдняго мгновенія все-таки былъ капельку неувѣренъ: сердится ли его баринъ въ самомъ дѣлѣ или только подшучиваетъ, имѣетъ ли въ

самомъ дѣлѣ дикую мысль объявить о своемъ бракѣ или только играетъ? Теперь же необыкновенно строгій видъ Николая Всеволодовича до того былъ убѣдителенъ что даже ознобъ пробѣжалъ по спинѣ капитана. — Слушайте и говорите правду, Лебядкинъ: донесли вы о чемъ-нибудь или еще нѣтъ? Успѣли вы что-нибудь въ самомъ дѣлѣ сдѣлать? Не послали ли какого-нибудь письма по глупости?

— Нѣтъ-съ, ничего не успѣлъ и.... не думалъ, неподвижно смотрѣлъ капитанъ.

— Ну, вы лжете что не думали. Вы въ Петербургъ для того и проситесь. Если не писали, то не сболтнули ли чего-нибудь кому-нибудь здѣсь? Говорите правду, я кое-что слышалъ.

— Въ пьяномъ видѣ Липутину. Липутинъ измѣнникъ. Я открылъ ему сердце, прошепталъ бѣдный капитанъ.

— Сердце сердцемъ, но не надо же быть и дуралеемъ. Если у васъ была мысль, то держали бы про себя; нынче умные люди молчатъ, а не разговариваютъ.

— Николай Всеволодовичъ! задрожалъ капитанъ; — вѣдь вы сами ни въ чемъ не участвовали, вѣдь я не на васъ....

— Да ужъ на дойную свою корову вы бы не посмѣли доносить.

— Николай Всеволодовичъ, посудите, посудите!... и въ отчаяніи, въ слезахъ, капитанъ началъ торопливо излагать свою повѣсть за всѣ четыре года. Это была глупѣйшая повѣсть о дуракѣ, втянувшемся не въ свое дѣло и почти не понимавшемъ его важности до самой послѣдней минуты, за пьянствомъ и за гульбой. Онъ разказалъ что еще въ Петербургѣ «увлекся спервоначалу, просто по дружбѣ, какъ вѣрный студентъ, хотя и не будучи студентомъ», и не зная ничего, «ни въ чемъ неповинный», разбрасывалъ разныя бумажки на лѣстницахъ, оставлялъ десятками у дверей, у звонковъ, засовывалъ вмѣсто газетъ, въ театръ проносилъ, въ шляпы совалъ, въ карманы пропускалъ. А потомъ и деньги сталъ отъ нихъ получать, «потому что средства-то, средства-то мои каковы-съ!» Въ двухъ губерніяхъ по уѣздамъ разбрасывалъ «всякую дрянъ». О, Николай Всеволодовичъ, восклицалъ онъ, — всего болѣе возмущало меня что это совершенно противно гражданскимъ и преимущественно отечественнымъ законамъ! Напечатано вдругъ чтобы выходили съ вилами и чтобы помнили что кто выйдетъ по утру бѣднымъ, можетъ вечеромъ воротиться домой богатымъ, — подумайте-съ! Самого содроганіе беретъ, а разбрасываю. Или вдругъ пять-шесть строкъ ко всей Россіи, ни съ того, ни съ сего: «запирайте скорѣе церкви, уничтожайте Бога, нарушайте браки, уничтожайте права наслѣдства, берите ножи», и только, и чортъ знаетъ что дальше. Вотъ съ этою бумажкой, съ пяти-

строчною-то, я чуть не попался, въ полку офицеры поколотили, да дай Богъ здоровья, выпустили. А тамъ прошлаго года чуть не захватили, какъ я пятидесяти-рублевья французской поддѣлки Короваеву передалъ; да слава Богу, Короваевъ какъ разъ пьяный въ пруду утонулъ, и меня не успѣли изобличить. Здѣсь у Виргинскаго провозглашалъ свободу соціальной жены. Въ іюнѣ мѣсяцѣ опять въ — скомъ уѣздѣ разбрасывалъ. Говорять, еще заставятъ.... Петръ Степановичъ вдругъ даетъ знать что я долженъ слушаться; давно уже угрожаетъ. Вѣдь какъ онъ въ воскресенье тогда поступилъ со мной! Николай Всеволодовичъ, я рабъ, я червь, но не Богъ, тѣмъ только и отличаюсь отъ Державина. Но вѣдь средства-то, средства-то мои каковы!

Николай Всеволодовичъ прослушалъ все любопытно.

— Многого я вовсе не зналъ, — сказалъ онъ; разумѣется, съ вами все могло случиться.... Слушайте, сказалъ онъ подумавъ, — если хотите, скажите имъ, ну, тамъ кому знаете, что Липутинъ совралъ, и что вы только меня попугать доносомъ собирались, полагая что я тоже скомпрометтированъ и чтобы съ меня такимъ образомъ больше денегъ взыскать.... Понимаете?

— Николай Всеволодовичъ, голубчикъ, неужто же мнѣ угрожаетъ такая опасность? Я только васъ и ждалъ чтобы васъ спросить.

Николай Всеволодовичъ усмѣхнулся.

— Въ Петербургъ васъ конечно не пустятъ, хотя-бъ я вамъ и далъ денегъ на поѣздку.... а впрочемъ мнѣ къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ пора, — и онъ всталъ со стула.

— Николай Всеволодовичъ, — а какъ же съ Марьей-то Тимоѳеевной?

— Да такъ какъ я сказывалъ.

— Неужто и это правда?

— Вы все не вѣрите?

— Неужели вы меня такъ и сбросите, какъ старый изношенный сапогъ?

— Я посмотрю, засмѣялся Николай Всеволодовичъ, — ну, пустите.

— Не прикажите ли я на крылечкѣ постою-съ.... чтобы какъ-нибудь невзначай чего не подслушать.... потому что комнатки крошечныя.

— Это дѣло; постоитъ на крыльцѣ. Возьмите зонтикъ.

— Зонтикъ, вашъ.... стоитъ ли для меня-съ? пересластилъ отъ страху капитанъ.

— Зонтика всякій стоитъ.

— Разомъ опредѣляете minimum правъ человѣческихъ....

Но онъ уже лепеталъ машинально; онъ слишкомъ былъ подавленъ извѣстіями и сбился съ послѣдняго толку. И однакоже, почти тотчасъ же какъ вышелъ на крыльцо и распустилъ надъ собой зонтикъ, стала наклеиваться въ легкомысленной и плутоватой головѣ его опять всегдашняя успокоительная мысль что съ нимъ хитрятъ и ему лгутъ, а коли такъ, то не ему бояться, а его бояться.

«Если лгутъ и хитрятъ, то въ чемъ тутъ именно штука?» скреблось въ его головѣ. Провозглашеніе брака ему казалось нелѣпостью: «Правда, съ такимъ чудотворцемъ все сдѣется; для зла людямъ живетъ. Ну, а если самъ боится, съ воскреснаго-то афронта, да еще такъ какъ никогда? Вотъ и прибѣжалъ увѣрять что самъ провозгласить, отъ страха чтобъ я не провозгласилъ. Эй, не промахнись, Лебядкинъ! И къ чему приходитъ ночью, крадучись, когда самъ желаетъ огласки? А если боится, то значить теперь боится, именно сейчасъ, именно за эти нѣсколько дней.... Эй, не свернись, Лебядкинъ!...

Пугаетъ Петромъ Степановичемъ. Ой, жутко, ой жутко; нѣтъ, вотъ тутъ такъ жутко! И дернуло меня сболтнуть Липутину. Чортъ знаетъ что затѣваютъ эти черти, никогда не могъ разобратъ. Опять заворочались, какъ пять лѣтъ назадъ. Правда, кому бы я донесъ? «Не написали ли кому по глупости?» Гм. Стало-быть можно написать, подъ видомъ какъ бы глупости? Ужъ не совѣтъ ли даетъ? «Вы въ Петербургъ затѣмъ ѣдете.» Мошенникъ, мнѣ только приснилось, а ужъ онъ и сонъ отгадалъ! Точно самъ подталкиваетъ ѣхать. Тутъ двѣ штуки навѣрно, одна аль другая: или опять-таки самъ боится, потому что накуралесилъ, или.... или ничего не боится самъ, а только подталкиваетъ чтобъ я на нихъ всѣхъ донесъ! Охъ жутко, Лебядкинъ, охъ какъ бы не промахнуться!...

Онъ до того задумался что позабылъ и подслушивать. Впрочемъ подслушать было трудно; дверь была толстая, одностворчатая, а говорили очень не громко; доносились какіе-то неясные звуки. Капитанъ даже плюнулъ и вышелъ опять, въ задумчивости, посвистать на крыльцо.

III.

Комната Марьи Тимоѣевны была вдвое болѣе той которую занималъ капитанъ и меблирована такою же топорною мебелью; но столъ предъ диваномъ былъ накрытъ цвѣтною нарядною скатертью; на немъ горѣла лампа; по всему полу былъ разостланъ прекрасный коверъ; кровать была отдѣлена длинною, во всю комнату, зеленою занавѣсью, и кромѣ того у стола находилось одно большое мягкое кресло, въ которое однако Марья Тимоѣевна не садилась. Въ углу, какъ и въ прежней квартирѣ, помѣщался образъ, съ зажженною предъ нимъ лампадкой, а

на столѣ разложены были все тѣ же необходимыя вещицы: колода картъ, зеркальце, пѣсенникъ, даже сдобная булочка. Сверхъ того явились двѣ книжки съ раскрашенными картинками, одна — выдержки изъ одного популярнаго путешествія, приспособленныя для отроческаго возраста, другая — сборникъ легонькихъ, нравоучительныхъ и большею частію рыцарскихъ разказовъ, предназначенный для елокъ и институтовъ. Былъ еще альбомъ разныхъ фотографій. Марья Тимоѣевна конечно ждала гостя, какъ и предварилъ капитанъ; но когда Николай Всеволодовичъ къ ней вошелъ, она спала, полулежа на диванѣ, склонившись на гарусную подушку. Гость неслышно притворилъ за собою дверь и не сходя съ мѣста сталъ разсматривать спящую.

Капитанъ прилгнулъ, сообщая о томъ что она сдѣлала туалетъ. Она была въ томъ же темненькомъ платьѣ, какъ и въ воскресенье у Варвары Петровны. Точно такъ же были завязаны ея волосы въ крошечный узелокъ на затылкѣ; точно такъ же обнажена длинная и сухая шея. Подаренная Варварой Петровной черная шаль лежала, бережно сложенная, на диванѣ. Попрежнему была она грубо набѣлена и нарумянена. Николай Всеволодовичъ не простоялъ и минуты, она вдругъ проснулась, точно почувствовавъ его взглядъ надъ собою, открыла глаза и быстро выпрямилась. Но должно-быть что-то странное произошло и съ гостемъ: онъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ у дверей; неподвижно и пронзительнымъ взглядомъ, безмолвно и упорно, всматривался въ ея лицо. Можетъ-быть этотъ взглядъ былъ излишне суровъ, можетъ-быть въ немъ выразилось отвращеніе, даже злорадное наслажденіе ея испугомъ — если только не померещилось такъ со сна Марьѣ Тимоѣевнѣ; но только вдругъ, послѣ минутнаго почти выжиданія, въ лицѣ бѣдной женщины выразился совершенный ужасъ; по немъ пробѣжали судороги, она подняла, сотрясая ихъ, руки и вдругъ заплакала, точь въ точь какъ испугавшійся ребенокъ; еще мгновеніе, и она бы закричала. Но гость опомнился; въ одинъ мигъ измѣнилось его лицо, и онъ подошелъ къ столу съ самою привѣтливою и ласковою улыбкой:

— Виновать, напугалъ я васъ, Марья Тимоѣевна, нечаяннымъ приходомъ, со сна, проговорилъ онъ, протягивая ей руку.

Звуки ласковыхъ словъ произвели свое дѣйствіе, испугъ исчезъ, хотя все еще она смотрѣла съ боязнію, видимо усиливаясь что-то понять. Боязливо протянула и руку. Наконецъ улыбка робко шевельнулась на ея губахъ.

— Здравствуйте, князь, прошептала она, какъ-то странно въ него вглядываясь.

— Должно-быть сонъ дурной видѣли? продолжалъ онъ все привѣтливѣе и ласковѣе улыбаться.

— А вы почему узнали что я *про это* сонъ видѣла?...

И вдругъ она опять задрожала и отшатнулась назадъ, подымая предъ собой, какъ бы въ защиту, руку и приготовляясь опять заплакать.

— Оправьтесь, полноте, чего бояться, неужто вы меня не узнали? уговаривалъ Николай Всеволодовичъ, но на этотъ разъ долго не могъ уговорить; она молча смотрѣла на него, все съ тѣмъ же мучительнымъ недоумѣніемъ, съ тяжелою мыслию въ своей бѣдной головѣ и все такъ же усиливаясь до чего-то додуматься. То потупляла глаза, то вдругъ окиды вала его быстрымъ, обхватывающимъ взглядомъ. Наконецъ, не то что успокоилась, а какъ бы рѣшилась.

— Садитесь, прошу васъ, подлѣ меня, чтобы можно было мнѣ потомъ васъ разглядѣть, произнесла она довольно твердо, съ явною и какою-то новою цѣлью. — А теперь не безпокойтесь, я и сама не буду глядѣть на васъ, а буду внизъ смотрѣть. Не глядите и вы на меня до тѣхъ поръ пока я васъ сама не попрошу. Садитесь же, прибавила она даже съ нетерпѣніемъ.

Новое ощущеніе видимо овладѣвало ею все болѣе и болѣе.

Николай Всеволодовичъ усѣлся и ждалъ; наступило довольно долгое молчаніе.

— Гм! Странно мнѣ это все, пробормотала она вдругъ чуть не брезгливо; — меня конечно дурные сны одолѣли; только вы-то зачѣмъ мнѣ въ этомъ самомъ видѣ приснились?

— Ну, оставимъ сны, нетерпѣливо проговорилъ онъ, поворачиваясь къ ней, несмотря на запрещеніе, и можетъ-быть опять давешнее выраженіе мелькнуло въ его глазахъ. Онъ видѣлъ что ей нѣсколько разъ хотѣлось, и очень бы, взглянуть на него, но что она упорно крѣпилась и смотрѣла внизъ.

— Слушайте, князь, возвысила она вдругъ голосъ, — слушайте, князь....

— Зачѣмъ вы отвернулись, зачѣмъ на меня не смотрите, къ чему эта комедія? вскричалъ онъ, не утерпѣвъ.

Но она какъ бы и не слыхала вовсе.

— Слушайте, князь, повторила она въ третій разъ твердымъ голосомъ, съ непріятною, хлопотливою миной въ лицѣ: — Какъ сказали вы мнѣ тогда въ каретѣ что бракъ будетъ объявленъ, я тогда же испугалась что тайна кончится. Теперь ужъ и не знаю; все думала и ясно вижу что совсѣмъ не гожусь. Нарядиться сумѣю, принять тоже пожалуй могу: эка бѣда на чашку чая пригласить, особенно коли есть лакеи. Но вѣдь все-

таки какъ посмотрятъ со стороны. Я тогда, въ воскресенье, многое въ томъ домѣ утромъ разглядѣла. Эта барышня хорошенькая на меня все время глядѣла, особенно когда вы вошли. Вѣдь это вы тогда вошли, а? Мать ея просто смѣшная свѣтская старушенка. Мой Лебядкинъ тоже отличился; я чтобы не размѣяться, все въ потолокъ смотрѣла, хорошо тамъ потолокъ расписанъ. Матери *его* игуменьей бы только быть; боюсь я ея, хоть и подарила черную шаль. Должно-быть всѣ онѣ аттестовали тогда меня съ неожиданной стороны; я не сержусь, только сижу я тогда и думаю: какая я имъ родня? Конечно съ графини требуются только душевныя качества, — потому что для хозяйственныхъ у ней много лакевевъ, — да еще какое-нибудь свѣтское кокетство, чтобы умѣть принять иностранныхъ путешественниковъ. Но все-таки тогда въ воскресенье онѣ смотрѣли на меня съ безнадежностію. Одна Даша ангелъ. Очень я боюсь чтобы онѣ не огорчили *его* какъ-нибудь неосторожнымъ отзывомъ на мой счетъ.

— Не бойтесь и не тревожьтесь, скривилъ ротъ Николай Всеволодовичъ.

— Впрочемъ ничего мнѣ это не составитъ, если ему и стыдно за меня будетъ немножко, потому тутъ всегда больше жалости, чѣмъ стыда, судя по человѣку конечно. Вѣдь онъ знаетъ что скорѣй мнѣ ихъ жалѣть, а не имъ меня.

— Вы, кажется, очень обидѣлись на нихъ, Марья Тимоѳеевна?

— Кто, я? нѣтъ, простодушно усмѣхнулась она. — Совсѣмъ таки даже нѣтъ. Посмотрѣла я на васъ всѣхъ тогда: всѣ-то вы сердитесь, всѣ-то вы перессорились; сойдутся и посмѣяться по душѣ не умѣютъ. Столько богатства и такъ мало веселья — гнусно мнѣ это все. Мнѣ впрочемъ теперь никого не жалко, кромѣ себя самой.

— Я слышалъ, вамъ съ братомъ худо было жить безъ меня?

— Это кто вамъ сказалъ? Вздоръ; теперь хуже гораздо; теперь сны не хороши, а сны не хороши стали потому что вы пріѣхали. Вы-то, спрашивается, зачѣмъ появились, скажите пожалуста?

— А не хотите ли опять въ монастырь?

— Ну, я такъ и предчувствовала что они опять монастырь предлагать! Эка невидаль мнѣ вашъ монастырь! Да и зачѣмъ я въ него пойду, съ чѣмъ теперь войду? Теперь ужь одна одинешенька! Поздно мнѣ третью жизнь начинать.

— Вы за что-то очень сердитесь, ужь не боитесь ли что я васъ разлюбилъ?

— Объ васъ я и совсѣмъ не забочусь. Я сама боюсь чтобы кого очень не разлюбить.

Она презрительно усмѣхнулась.

— Виновата я должно-быть предъ *нимъ* въ чемъ-нибудь очень большомъ, прибавила она вдругъ какъ бы про себя, — вотъ не знаю только въ чемъ виновата, вся въ этомъ бѣда моя ввѣкъ. Всегда-то всегда, всѣ эти пять лѣтъ, я боялась день и ночь что предъ нимъ въ чемъ-то я виновата. Молюсь я, бывало, молюсь и все думаю про вину мою великую предъ нимъ. Анъ вотъ и вышло что правда была.

— Да что вышло-то?

— Боюсь только нѣтъ ли тутъ чего съ *его* стороны, продолжала она, не отвѣчая на вопросъ, даже вовсе его не разслышавъ. — Опять-таки не могъ же онъ сойтись съ такими людишками. Графиня съѣсть меня рада, хоть и въ карету съ собой посадила. Всѣ въ заговорѣ — неужто и онъ? Неужто и онъ измѣнилъ? (Подбородокъ и губы ея задрожали). Слушайте вы: читали вы про Гришку Отрепьева, что на семи соборахъ былъ проклятъ?

Николай Всеволодовичъ промолчалъ.

— А впрочемъ я теперь поворочусь къ вамъ и буду на васъ смотрѣть, какъ бы рѣшилась она вдругъ; — поворотитесь и вы ко мнѣ и поглядите на меня, только пристальнѣе. Я въ послѣдній разъ хочу удостовѣриться.

— Я смотрю на васъ уже давно.

— Гм, проговорила Марья Тимоѣевна, сильно всматриваясь, — толстѣли вы очень....

Она хотѣла было еще что-то сказать, но вдругъ опять, въ третій разъ, давешній испугъ мгновенно искажилъ лицо ея, и опять она отшатнулась, подымая предъ собою руку.

— Да что съ вами? вскричалъ Николай Всеволодовичъ почти въ бѣшенствѣ.

Но испугъ продолжался только одно мгновение; лицо ея перекопилось какою-то странною улыбкой, подозрительною, непріятною:

— Я прошу васъ, князь, встаньте и войдите, произнесла она вдругъ твердымъ и настойчивымъ голосомъ.

— Какъ *войдите*? Куда я войду? отшатнулся на этотъ разъ и Николай Всеволодовичъ.

— Я всѣ пять лѣтъ только и представляла себѣ какъ *онъ* войдетъ. Встаньте сейчасъ и уйдите за дверь, въ ту комнату. Я буду сидѣть какъ будто ничего не ожидая и возьму въ руки книжку, и вдругъ вы войдите послѣ пяти лѣтъ путешествія. Я хочу посмотрѣть какъ это будетъ.

Николай Всеволодовичъ проскрежеталъ про себя зубами и проворчалъ что-то неразборчивое.

— Довольно, сказалъ онъ, ударяя ладонью по столу. — Прошу васъ, Марья Тимоѳеевна, меня выслушать. Сдѣлайте одолженіе, соберите, если можете, все ваше вниманіе. Не совѣмъ же вѣдь вы сумашедшая! прорвался онъ въ нетерпѣніи. — Завтра я объявляю нашъ бракъ. Вы никогда не будете жить въ палатахъ, разувѣрьтесь. Хотите жить со мною всю жизнь, но только очень отсюда далеко? Это въ горахъ, въ Швейцаріи, тамъ есть одно мѣсто.... Не безпокойтесь, я никогда васъ не брошу и въ сумашедшій домъ не отдамъ. Денегъ у меня достанетъ чтобы намъ жить не прося. У васъ будетъ служанка; вы не будете исполнять никакой работы. Все что пожелаете изъ возможнаго, будетъ вамъ доставлено. Вы будете молиться, ходить куда угодно и дѣлать что вамъ угодно. Я васъ не трону. Я тоже съ моего мѣста всю жизнь никуда не сойду. Хотите всю жизнь не буду говорить съ вами, хотите разказывайте мнѣ каждый вечеръ, какъ тогда въ Петербургѣ въ углахъ, ваши повѣсти. Буду вамъ книги читать, если пожелаете. Но за то такъ всю жизнь, на одномъ мѣстѣ, а мѣсто это угрюмое. Хотите? рѣшаетесь? Не будете раскаиваться, терзать меня слезами, проклятїями?

Она прослушала съ чрезвычайнымъ любопытствомъ и долго молчала и думала.

— Невѣроятно мнѣ это все, проговорила она, наконецъ, насмѣшливо и брезгливо. — Этакъ я пожалуй сорокъ лѣтъ проживу въ тѣхъ горахъ. Она разсмѣялась.

— Что жъ, и сорокъ лѣтъ проживемъ, очень нахмурился Николай Всеволодовичъ.

— Гм. Ни за что не поѣду.

— Даже и со мной?

— А вы что такое чтобъ я съ вами ѣхала? Сорокъ лѣтъ сряду съ нимъ на горѣ сиди — ишь подѣхалъ. И какіе, право, люди нынче терпѣливые начались! Нѣтъ, не можетъ того быть чтобы соколъ филиномъ сталъ. Не таковъ мой князь! гордо и торжественно подняла она голову.

Его будто осѣнило:

— Съ чего вы меня княземъ зовете и... за кого принимаете? быстро спросилъ онъ.

— Какъ? развѣ вы не князь?

— Никогда имъ и не былъ.

— Такъ вы сами, сами, такъ-таки прямо въ лицо, признаетесь что вы не князь!

— Говорю, никогда не былъ.

— Господи! всплеснула она руками, всего отъ враговъ *его* ожидала, но такой дерзости — никогда! Живъ ли онъ? вскричала она въ изступ-

лени, надвигаясь на Николая Всеволодовича, — убилъ ты его или нѣтъ, признавайся!

— За кого ты меня принимаешь? вскочилъ онъ съ мѣста съ искаженнымъ лицомъ; но ее уже было трудно испугать, она торжествовала:

— А кто тебя знаетъ кто ты таковъ и откуда ты выскочилъ! Только сердце мое, сердце чуяло, всѣ пять лѣтъ, всю интригу! А я-то сижу, дивлюсь: что за сова слѣпая подлѣхала? Нѣтъ, голубчикъ, плохой ты актеръ, хуже даже Лебядкина. Поклонись отъ меня графинѣ пониже, да скажи чтобы присылала почище тебя. Наняла она тебя, говори? У ней при милости на кухнѣ состоишь? Весь вашъ обманъ насквозь вижу, всѣхъ васъ, до одного, понимаю!

Онъ схватилъ ее крѣпко, выше локтя, за руку; она хохотала ему въ лицо:

— Похожъ-то ты очень похожъ, можетъ и родственникъ ему будешь, — хитрый народъ! Только мой — ясный соколъ и князь, а ты — сычъ и купчишка! Мой-то и Богу, захочетъ, поклонится, а захочетъ, и нѣтъ, а тебя Шатушка (милый онъ, родимый, голубчикъ мой!) по щекамъ отхлесталъ, мой Лебядкинъ разказывалъ. И чего ты тогда струсилъ вошелъ-то? Кто тебя тогда напугалъ? какъ увидала я твое низкое лицо, когда упала, а ты меня подхватилъ, — точно червь ко мнѣ въ сердце заползъ: не *онъ*, думаю, не *онъ*! Не постыдился бы соколъ мой меня никогда предъ свѣтской барышней! О Господи! да я ужъ тѣмъ только была счастлива, всѣ пять лѣтъ, что соколъ мой гдѣ-то тамъ, за горами живетъ и летаетъ, на солнце взираетъ.... Говори, самозванецъ, много ли взялъ? За большія ли деньги согласился? Я бы гроша тебѣ не дала. Ха-ха-ха! ха-ха-ха!...

— У, идіотка! проскрежеталъ Николай Всеволодовичъ, все еще крѣпко держа ее за руку.

— Прочь самозванецъ! повелительно вскричала она, я моего князя жена, не боюсь твоего ножа!

— Ножа!

— Да, ножа! у тебя ножъ въ карманѣ. Ты думалъ я спала, а я видѣла: ты какъ вошелъ давеча, ножъ вынималъ!

— Что ты сказала, несчастная, какіе сны тебѣ снятся! возопилъ онъ и изо всей силы оттолкнулъ ее отъ себя, такъ что она больно ударилась плечами и головой о диванъ. Онъ бросился бѣжать; но она тотчасъ же вскочила за нимъ, хромя и прискакивая, въ догонку, и уже съ крыльца, удерживаемая изо всѣхъ силъ перепугавшимся Лебядкинымъ, успѣла ему еще прокричать, съ визгомъ и съ хохотомъ, во слѣдъ въ темноту:

— Гришка От-репъ-евъ а-на-ое-ма!

IV.

«Ножъ, ножъ!» повторялъ онъ въ неутомимой злобѣ, широко шагая по грязи и лужамъ, не разбирая дороги. Правда, минутами ему ужасно хотѣлось захохотать, громко, бѣшено; но онъ почему-то крѣпился и сдерживалъ смѣхъ. Онъ опомнился лишь на мосту, какъ разъ самомъ томъ мѣстѣ гдѣ давеча ему встрѣтился Оедька; тотъ же самый Оедька ждалъ его тутъ и теперь, и завидѣвъ его, снялъ фуражку, весело оскаллилъ зубы и тотчасъ же началъ о чемъ-то бойко и весело растабарывать. Николай Всеволодовичъ прошелъ не останавливаясь, нѣкоторое время даже совсѣмъ и не слушалъ опять увязавшагося за нимъ бродягу. Его поразила мысль что онъ совершенно забылъ про него и забылъ именно въ то время когда самъ ежеминутно повторялъ про себя: «ножъ, ножъ». Въ этой мысли заключалось для него что-то очень любопытное и опять-таки ужасно смѣшное. Но вдругъ, какъ бы опомнившись, онъ схватилъ бродягу за шиворотъ и со всею накопившеюся злобой, изо всей силы ударилъ его объ мостъ. Одно мгновеніе тотъ думалъ было бороться, но почти тотчасъ же догадавшись что онъ предъ своимъ противникомъ, напавшимъ къ тому же нечаянно, — нѣчто въ родѣ соломинки, вдругъ затихъ и примолкъ, даже нисколько не сопротивляясь. Стоя на колѣняхъ, придавленный къ землѣ, съ вывернутыми на спину локтями, хитрый бродяга спокойно ожидалъ развязки, совершенно, кажется, не вѣря въ опасность.

Онъ не ошибся. Николай Всеволодовичъ уже снялъ было съ себя, лѣвою рукой, теплый шарфъ, чтобы скрутить своему плѣннику руки; но вдругъ, почему-то, бросилъ его и оттолкнулъ отъ себя. Тотъ мигомъ вскочилъ на ноги, обернулся, и короткій широкій сапожный ножъ, мгновенно откуда-то взявшійся, блеснулъ въ его рукѣ.

— Долой ножъ, спрячь, спрячь сейчасъ! *приказалъ* съ нетерпѣливымъ жестомъ Николай Всеволодовичъ, и ножъ исчезъ, также мгновенно какъ появился.

Николай Всеволодовичъ опять молча и не оборачиваясь пошелъ своею дорогой; но упрямый негодяй все-таки не отсталъ отъ него, правда, теперь уже не растабарывая и даже почтительно наблюдая дистанцію на цѣлый шагъ позади. Оба прошли такимъ образомъ мостъ и вышли на берегъ, на этотъ разъ повернувъ налѣво, тоже въ длинный и глухой переулокъ, но которымъ короче было пройти въ центръ города, чѣмъ давешнимъ путемъ по Богоявленской улицѣ.

— Правда, говорятъ, ты церковь гдѣ-то здѣсь въ уѣздѣ на дняхъ обокралъ? спросилъ вдругъ Николай Всеволодовичъ.

— Я, то-есть собственно, помолиться спервоначалу зашелъ-съ, степенно и учтиво, какъ будто ничего и не произошло, отвѣчалъ бродяга; даже не то что степенно, а почти съ достоинствомъ. Давешней «дружеской» фамиллярности не было и въ поминѣ. Видно было челоуѣка дѣловаго и степеннаго, правда, напрасно обиженнаго, но умѣющаго забывать и обиды.

— Да какъ завелъ меня туда Господь, продолжалъ онъ, — эхъ, благодать небесная, думаю! По сиротству моему произошло это дѣло, такъ какъ въ нашей судьбѣ совсѣмъ нельзя безъ вспомошествованія. И вотъ, вѣрите Богу, сударь, себѣ въ убытокъ, наказалъ Господь за грѣхи: за махальницу да за хлопотницу, да за дьяконовъ черезсѣдельникъ всего только двѣнадцать рублей пріобрѣлъ. Николая Угодника подбородникъ, чистый серебряный, задаромъ пошелъ: симилеровый, говорятъ.

— Сторожа зарѣзалъ?

— То-есть мы вмѣстѣ и прибирали-съ съ тѣмъ сторожемъ, да ужь потомъ, подь утро, у рѣчки, у насъ взаимный споръ вышелъ, кому мѣшокъ нести. Согрѣшилъ, облегчилъ его маненечко.

— Рѣжь еще, обокради еще.

— То же самое и Петръ Степанычъ, какъ есть въ одно слово съ вами, совѣтуютъ-съ, потому что они чрезвычайно скупой и жестокосердый на счетъ вспомошествованія челоуѣкъ-съ. Окромя того что уже въ Творца Небеснаго, насъ изъ персти земной создавшаго, ни на грошъ не вѣруютъ-съ, а говорятъ что все одна природа устроила, даже до послѣдняго будто бы звѣря, они и не понимаютъ сверхъ того что по нашей судьбѣ намъ чтобы безъ благодѣтельнаго вспомошествованія, совершенно никакъ нельзя-съ. Станешь ему толковать, смотреть какъ баранъ на воду, дивишься на него только. Вонъ повѣрите ли-съ, у капитана Лебядкина-съ, гдѣ сейчасъ извоили посѣщать-съ, когда еще они до васъ проживали у Филиппова-съ, такъ иной разъ дверь всю ночь настезь не запертая стоитъ-съ, самъ спитъ пьянъ мертвецки, а деньги у него изо всѣхъ кармановъ на полъ сыплутся. Своими глазами наблюдать приходилось, потому по нашему обороту чтобы безъ вспомошествованія, этого никакъ нельзя-съ....

— Какъ своими глазами? Заходилъ что ли ночью?

— Можетъ и заходилъ, только это никому неизвѣстно.

— Что жь не зарѣзалъ?

— Прикинувъ на счетахъ, остепенилъ себя-съ. Потому разъ узнавши доподлинно что сотни полторы рублей всегда могу вынуть, какъ же мнѣ пускаться на то, когда и всѣ полторы тысячи могу вынуть, если только пообождавъ? Потому капитанъ Лебядкинъ (своими ушами слы-

шалъ-съ) всегда на васъ очинна надѣялись въ пьяномъ видѣ-съ, и нѣтъ здѣсь такого трактирнаго заведенія, даже послѣдняго кабака, гдѣ бы они не объявляли о томъ въ семь самомъ видѣ-съ. Такъ что слышамши про то изъ многихъ устъ, я тоже на ваше сіятельство всю мою надежду сталъ возлагать. Я, сударь, вамъ какъ отцу али родному брату, потому Петръ Степанычъ никогда того отъ меня не узнаютъ и даже ни единая душа. Такъ три-то рублика, ваше сіятельство, соблаговолите аль нѣтъ-съ? Развязали бы вы меня, сударь, чтобъ я то-есть зналъ правду истинную, потому намъ чтобы безъ вспомошествованія никакъ нельзя-съ.

Николай Всеволодовичъ громко захохоталъ, и вынувъ изъ кармана портъ-моне, въ которомъ было рублей до пятидесяти мелкими кредитками, выбросилъ ему одну бумажку изъ пачки, затѣмъ другую, третью, четвертую. Ѳедька подхватывалъ на лету, кидался, бумажки сыпались въ грязь, Ѳедька ловилъ и прикрикивалъ: «эхъ, эхъ!» Николай Всеволодовичъ кинулъ въ него наконецъ всею пачкой и, продолжая хохотать, пустился по переулку на этотъ разъ уже одинъ. Бродяга остался искать, ерзая на колѣнкахъ въ грязи, разлетѣвшіяся по вѣтру и потонувшія въ лужахъ кредитки, и цѣлый часъ еще можно было слышать въ темнотѣ его отрывистыя вскрикиванія: «эхъ, эхъ!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Поединокъ.

I.

На другой день, въ два часа пополудни, предположенная дуэль состоялась. Быстрому исходу дѣла способствовало неукротимое желаніе Артемія Павловича Гаганова драться во что бы ни стало. Онъ не понималъ поведенія своего противника и былъ въ бѣшенствѣ. Цѣлый уже мѣсяцъ онъ оскорблялъ его безнаказанно и все еще не могъ вывести изъ терпѣнія. Вызовъ ему былъ необходимъ со стороны самого Николая Всеволодовича, такъ какъ самъ онъ не имѣлъ прямаго предлога къ вызову. Въ тайныхъ же побужденіяхъ своихъ, то-есть просто въ болѣзненной ненависти къ Ставрогину за фамильное оскорбленіе четыре года назадъ онъ почему-то совѣстился сознаться. Да и самъ считалъ такой предлогъ невозможнымъ, особенно въ виду смиренныхъ извиненій уже два раза предложенныхъ Николаемъ Всеволодовичемъ. Онъ положилъ про себя что тотъ безстыдный трусъ; понять не могъ какъ тотъ могъ снести пощечину отъ Шатова; такимъ образомъ и рѣшился наконецъ послать то

необычайное по грубости своей письмо которое побудило наконецъ само го Николая Всеволодовича предложить встрѣчу. Отправивъ наканунѣ это письмо и въ лихорадочномъ нетерпѣннѣ ожидая вызова, болѣзненно разчитывая шансы къ тому, то надѣясь, то отчаяваясь, онъ на всякій случай еще съ вечера припасъ себѣ секунданта, а именно Маврикія Николаевича Дроздова, своего пріятеля, школьнаго товарища и особенно уважаемаго имъ человѣка. Такимъ образомъ Кириловъ, явившійся на другой день по утру въ девять часовъ съ своимъ порученіемъ, нашель уже почву совсѣмъ готовую. Всѣ извиненія и неслыханныя уступки Николая Всеволодовича были тотчасъ же съ перваго слова и съ необыкновеннымъ азартомъ отвергнуты. Маврикій Николаевичъ, наканунѣ лишь узнавшій о ходѣ дѣла, при такихъ неслыханныхъ предложеніяхъ открылъ было ротъ отъ удивленія и хотѣлъ тутъ же настаивать на примиреніи, но замѣтивъ что Артемій Павловичъ, предугадавшій его намѣренія, почти затресся на своемъ стулѣ, смолчалъ и не произнесъ ничего. Еслибы не слово данное товарищу, онъ ушелъ бы немедленно; остался же въ единственной надеждѣ помочь хоть чѣмъ-нибудь при самомъ исходѣ дѣла. Кириловъ передалъ вызовъ; всѣ условія встрѣчи обозначенныя Ставрогинымъ были приняты тотчасъ же буквально, безъ малѣйшаго возраженія. Сдѣлана была только одна прибавка, впрочемъ очень жестокая, именно: если съ первыхъ выстрѣловъ не произойдетъ ничего рѣшительнаго, то сходиться въ другой разъ; если не кончится ничѣмъ и въ другой, сходиться въ третій. Кириловъ нахмурился, поторговался насчетъ третьяго раза, но не выторговавъ ничего, согласился, съ тѣмъ однакожь что «три раза можно, а четыре никакъ нельзя.» Въ этомъ уступили. Такимъ образомъ въ два часа пополудни и состоялась встрѣча въ Брыковѣ, то-есть въ подгорной маленькой рощицѣ между Скворешниками съ одной стороны и фабрикой Шпигулиныхъ съ другой. Вчерашній дождь пересталъ совсѣмъ, но было мокро, сыро и вѣтрено. Низкія мутныя разорванныя облака быстро неслись по холодному небу; деревья густо и перекатно шумѣли вершинами и скрипѣли на корняхъ своихъ; очень было грустное утро.

Гагановъ съ Маврикіемъ Николаевичемъ прибыли на мѣсто въ щегольскомъ шарабанѣ парой, которымъ правилъ Артемій Павловичъ; при нихъ находился слуга. Почти въ ту же минуту явились и Николай Всеволодовичъ съ Кириловымъ, но не въ экипажѣ, а верхами и тоже въ сопровожденіи верховаго слуги. Кириловъ, никогда не садившійся на коня, держался въ сѣдлѣ смѣло и прямо, прихватывая правою рукой тяжелый ящикъ съ пистолетами, который не хотѣлъ довѣрить слугѣ, а лѣвою, по неумѣнью, непрерывно крутя и дергая поводья, отчего лошадь мотала

головой и обнаруживала желаніе стать на дыбы, что впрочемъ нисколько не пугало всадника. Мнительный, быстро и глубоко оскорблявшійся Гагановъ почелъ прибытіе верховыхъ за новое себѣ оскорбленіе, въ томъ смыслѣ что враги слишкомъ стало-быть надѣялись на успѣхъ коли не предполагали даже нужды въ экипажѣ на случай отвоза раненаго. Онъ вышелъ изъ своего шарабана весь желтый отъ злости и почувствовалъ что у него дрожатъ руки, о чемъ и сообщилъ Маврикію Николаевичу. На поклонъ Николая Всеволодовича не отвѣтилъ совсѣмъ и отвернулся. Секунданты бросили жребій: вышло пистолетамъ Кирилова. Барьеръ отмѣрили, противниковъ разставили, экипажи и лошадей съ лакеями отослали шаговъ на триста назадъ. Оружіе было заряжено и вручено противникамъ.

Жаль что надо было вести разказъ быстрѣе и некогда описывать; но нельзя и совсѣмъ безъ отмѣтокъ. Маврикій Николаевичъ былъ грустенъ и озабоченъ. За то Кириловъ былъ совершенно спокоенъ и безразличенъ, очень точенъ въ подробностяхъ принятой на себя обязанности, но безъ малѣйшей суетливости и почти безъ любопытства къ роковому и столь близкому исходу дѣла. Николай Всеволодовичъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго, одѣтъ довольно легко, въ пальто и бѣлой пуховой шляпѣ. Онъ казался очень усталымъ, изрѣдка хмурился и нисколько не находилъ нужнымъ скрывать свое непріятное расположеніе духа. Но Артемій Павловичъ былъ въ сію минуту всѣхъ замѣчательнѣе, такъ что никакъ нельзя не сказать объ немъ нѣсколькихъ словъ совсѣмъ особенно.

II.

Намъ не случилось до сихъ поръ упомянуть о его наружности. Это былъ человѣкъ большаго роста, бѣлый, сытый, какъ говоритъ простонародье, почти жирный, съ бѣлокуроыми жидкими волосами, лѣтъ тридцати трехъ и пожалуй даже съ красивыми чертами лица. Онъ вышелъ въ отставку полковникомъ, и еслибы дослужился до генерала, то въ генеральскомъ чинѣ былъ бы еще внушительнѣе и очень можетъ быть что вышелъ бы хорошимъ боевымъ генераломъ.

Нельзя пропустить, для характеристики лица, что главнымъ поводомъ къ его отставкѣ послужила столь долго и мучительно преслѣдовавшая его мысль о срамѣ фамиліи, послѣ обиды нанесенной отцу его, въ клубѣ, четыре года тому назадъ, Николаемъ Ставрогинымъ. Онъ считалъ по совѣсти безчестнымъ продолжать службу и увѣренъ былъ про себя что мараетъ собою полкъ и товарищей, хотя никто изъ нихъ и не зналъ о происшествіи. Правда, онъ и прежде хотѣлъ выйти однажды изъ

службы, давно уже, задолго до обиды и совѣмъ по другому поводу, но до сихъ поръ колебался. Какъ ни странно написать, но этотъ первоначальный поводъ или лучше сказать позывъ къ выходу въ отставку былъ манифестъ 19го февраля объ освобожденіи крестьянъ. Артемій Павловичъ, богатѣйшій помѣщикъ нашей губерніи, даже не такъ много и потерявшій послѣ манифеста, мало того, самъ способный убѣдиться въ гуманности мѣры и почти понять экономическія выгоды реформы, вдругъ почувствовалъ себя, съ появленія манифеста, какъ-бы лично обиженнымъ. Это было что-то безсознательное, въ родѣ какого-то чувства, но тѣмъ сильнѣе чѣмъ безотчетнѣе. До смерти отца своего онъ впрочемъ не рѣшался предпринять что-нибудь рѣшительное; но въ Петербургѣ сталъ извѣстенъ «благороднымъ» образомъ своихъ мыслей многимъ замѣчательнымъ лицамъ, съ которыми усердно поддерживалъ связи. Это былъ человѣкъ уходящій въ себя, закрывающійся. Еще черта: онъ принадлежалъ къ тѣмъ страннымъ, но еще уцѣлѣвшимъ на Руси дворянамъ которые чрезвычайно дорожатъ древностью и чистотой своего дворянскаго рода и слишкомъ серіозно этимъ интересуются. вмѣстѣ съ этимъ онъ терпѣть не могъ русской исторіи, да и вообще весь русскій обычай считалъ отчасти свинствомъ. Еще въ дѣтствѣ его, въ той спеціальной военной школѣ для болѣе знатныхъ и богатыхъ воспитанниковъ въ которой онъ имѣлъ честь начать и кончить свое образованіе, укоренились въ немъ нѣкоторыя поэтическія воззрѣнія: ему понравились замки, средневѣковая жизнь, вся оперная часть ея, рыцарство, онъ чуть не плакалъ уже тогда отъ стыда что русскаго боярина временъ Московскаго царства царь могъ наказывать тѣлесно и краснѣлъ отъ сравненій. Этотъ тугой, чрезвычайно строгій человѣкъ, замѣчательно хорошо знавшій свою службу и исполнявшій свои обязанности, въ душѣ своей былъ мечтателемъ. Утверждали что онъ могъ бы говорить въ собраніяхъ и что имѣетъ даръ слова; но однако онъ всѣ свои тридцать три года промолчалъ про себя. Даже въ той важной петербургской средѣ въ которой онъ вращался въ послѣднее время, держалъ себя необыкновенно надмѣнно. Встрѣча въ Петербургѣ съ воротившимся изъ-за границы Николаемъ Всеволодовичемъ чуть не свела его съ ума. Въ настоящій моментъ, стоя на барьерѣ, онъ находился въ страшномъ безпокойствѣ. Ему все казалось что еще какъ-нибудь не состоится дѣло, малѣйшее промедленіе бросало его въ трепетъ. Болѣзненное впечатлѣніе выразилось въ его лицѣ, когда вдругъ Кириловъ, вмѣсто того чтобы подать знакъ для битвы, началъ вдругъ говорить, правда для проформы, о чемъ самъ заявилъ во всеуслышаніе:

— Я только для проформы; теперь, когда уже пистолеты въ рукахъ и надо командовать, не угодно ли въ послѣдній разъ помириться? Обязанность секунданта.

Какъ нарочно Маврикій Николаевичъ, до сихъ поръ молчавшій, но съ самаго вчерашняго дня страдавшій про себя за свою уступчивость и потворство, вдругъ подхватилъ мысль Кирилова и тоже заговорилъ:

— Я совершенно присоединяюсь къ словамъ господина Кирилова.... эта мысль что нельзя мириться на барьерѣ — есть предразсудокъ, годный для Французовъ.... Да я и не понимаю обиды, воля ваша, я давно хотѣлъ сказать.... потому что вѣдь предлагаются всякія извиненія, не такъ ли?

Онъ весь покраснѣлъ. Рѣдко случалось ему говорить такъ много и съ такимъ волненіемъ.

— Я опять подтверждаю мое предложеніе представить всевозможныя извиненія, съ чрезвычайною поспѣшностію подхватилъ Николай Всеволодовичъ.

— Развѣ это возможно? неистово вскричалъ Гагановъ, обращаясь къ Маврикію Николаевичу и въ изступленіи топнувъ ногой; — объясните вы этому человѣку, если вы секундантъ, а не врагъ мой, Маврикій Николаевичъ (онъ ткнулъ пистолетомъ въ сторону Николая Всеволодовича), — что такія уступки только усиленіе обиды! Онъ не находитъ возможнымъ отъ меня обидѣться!... Онъ позора не находитъ уйти отъ меня съ барьера! За кого же онъ принимаетъ меня послѣ этого, въ вашихъ глазахъ.... а вы еще мой секундантъ! Вы только меня раздражаете, чтобъ я не попалъ, Маврикій Николаевичъ. Онъ топалъ ногами, слюня брызгала съ его губъ.

— Переговоры кончены. Прошу слушать команду! изо всей силы вскричалъ Кириловъ. — Разъ! Два! Три!

Со словомъ *три*, противники направились другъ на друга. Гагановъ тотчасъ же поднялъ пистолетъ и на пятомъ или шестомъ шагѣ выстрѣлилъ. На секунду пріостановился, и увѣрившись что далъ промахъ, быстро подошелъ къ барьеру. Подошелъ и Николай Всеволодовичъ, поднялъ пистолетъ, но какъ-то очень высоко и выстрѣлилъ совсѣмъ почти не цѣлясь. Затѣмъ вынулъ платокъ и замоталъ въ него мизинецъ правой руки. Тутъ только увидѣли что Артемій Павловичъ не совсѣмъ промахнулся, но пуля его только скользнула по пальцу, по суставной мякоти, не тронувъ кости; вышла ничтожная царапина. Кириловъ тотчасъ же заявилъ что дуэль, если противники не удовлетворены, продолжается.

— Я заявляю, прохрипѣлъ Гагановъ (у него пересохло горло), опять обращаясь къ Маврикію Николаевичу, — что этотъ человѣкъ (онъ

ткнулъ опять въ сторону Ставрогина), выстрѣлилъ нарочно на воздухъ.... умышленно.... Это опять обида! Онъ хочетъ сдѣлать дуэль не возможною!

— Я имѣю право стрѣлять какъ хочу, лишь бы происходило по правиламъ, — твердо заявилъ Николай Всеволодовичъ.

— Нѣтъ не имѣетъ! Растолкуйте ему, растолкуйте! кричалъ Гагановъ.

— Я совершенно присоединяюсь къ мнѣнію Николая Всеволодовича, возгласилъ Кириловъ.

— Для чего онъ щадитъ меня? бѣсновался Гагановъ не слушая. — Я презираю его пощадю.... Я плюю.... Я....

— Даю слово что я вовсе не хотѣлъ васъ оскорблять, съ нетерпѣніемъ проговорилъ Николай Всеволодовичъ, — я выстрѣлилъ вверхъ потому что не хочу болѣе никого убивать, васъ ли, другаго ли, лично до васъ не касается. Правда, себя я не считаю обиженнымъ, и мнѣ жаль что васъ это сердитъ. Но не позволю никому вмѣшиваться въ мое право.

— Если онъ такъ боится крови, то спросите, зачѣмъ меня вызываль? вопилъ Гагановъ, все обращаясь къ Маврикію Николаевичу.

— Какъ васъ было не вызвать? ввязался Кириловъ, — вы не хотѣли слушать, какъ же отъ васъ отвязаться?

— Замѣчу только одно, произнесъ Маврикій Николаевичъ съ усиленіемъ и со страданіемъ обсуждавшій дѣло: — если противникъ заранее объявляетъ что стрѣлять будетъ вверхъ, то поединокъ дѣйствительно продолжаться не можетъ.... по причинамъ деликатнымъ и.... яснымъ....

— Я вовсе не объявлялъ что каждый разъ буду вверхъ стрѣлять! вскричалъ Ставрогинъ, уже совсѣмъ теряя терпѣніе. — Вы вовсе не знаете что у меня на умѣ и какъ я опять сейчасъ выстрѣлю.... Я ничѣмъ не стѣсняю дуэли.

— Коли такъ, встрѣча можетъ продолжаться, обратился Маврикій Николаевичъ къ Гаганову.

— Господа, займите ваши мѣста! скомандовалъ Кириловъ.

Опять сошлись, опять промахъ у Гаганова и опять выстрѣлъ вверхъ у Ставрогина. Про эти выстрѣлы вверхъ можно было бы и поспорить: Николай Всеволодовичъ могъ прямо утверждать что онъ стрѣляетъ какъ слѣдуетъ, еслибы самъ не сознался въ умышленномъ промахѣ. Онъ наводилъ пистолетъ не прямо въ небо или въ дерево, а все-таки какъ бы метилъ въ противника, хотя впрочемъ бралъ на аршинъ поверхъ его шляпы. Въ этотъ второй разъ прицѣлъ былъ даже еще ниже, еще правдоподобнѣе; но уже Гаганова нельзя было разувѣрить.

— Опять! проскрежеталъ онъ зубами; — все равно! Я вызванъ и пользуюсь правомъ. Я хочу стрѣлять въ третій разъ.... во что бы ни стало!

— Имѣете полное право, отрубилъ Кириловъ. Маврикій Николаевичъ не сказалъ ничего. Разставили въ третій разъ, скомандовали; въ этотъ разъ Гагановъ дошелъ до самаго барьера, и съ барьера, съ двѣнадцати шаговъ, сталъ прицѣливаться. Руки его слишкомъ дрожали для правильнаго выстрѣла. Ставрогинъ стоялъ съ пистолетомъ опущеннымъ внизъ и неподвижно ожидалъ его выстрѣла.

— Слишкомъ долго, слишкомъ долго прицѣль! стремительно прокричалъ Кириловъ; — стрѣляйте! стрѣляйте! Но выстрѣлъ раздался, и на этотъ разъ бѣлая пуховая шляпа слетѣла съ Николая Всеволодовича. Выстрѣлъ былъ довольно мѣтокъ, тулья шляпы была пробита очень низко; четверть вершка ниже, и все бы было кончено. Кириловъ подхватилъ и подалъ шляпу Николаю Всеволодовичу.

— Стрѣляйте, не держите противника! прокричалъ въ чрезвычайномъ волненіи Маврикій Николаевичъ, видя что Ставрогинъ какъ бы забылъ о выстрѣлѣ, разсматривая съ Кириловымъ шляпу. Ставрогинъ вздрогнулъ, поглядѣлъ на Гаганова, отвернулся и уже безо всякой на этотъ разъ деликатности выстрѣлилъ въ сторону, въ рощу. Дуэль кончилась. Гагановъ стоялъ какъ придавленный. Маврикій Николаевичъ подошелъ къ нему и сталъ что-то говорить, но тотъ какъ будто не понималъ. Кириловъ уходя снялъ шляпу и кивнулъ Маврикію Николаевичу головой; но Ставрогинъ забылъ прежнюю вѣжливость; сдѣлавъ выстрѣлъ въ рощу, онъ даже и не повернулся къ барьеру, сунулъ свой пистолетъ Кирилову и поспѣшно направился къ лошадямъ. Лицо его выражало злобу, онъ молчалъ. Молчалъ и Кириловъ. Сѣли на лошадей и поскакали въ галопъ.

III.

— Что вы молчите? нетерпѣливо окликнулъ онъ Кирилова уже неподалеку отъ дома.

— Что вамъ надо? отвѣтилъ тотъ, чуть не съерзнувъ съ лошади, вскочившей на дыбы. Ставрогинъ сдержалъ себя.

— Я не хотѣлъ обидѣть этого.... дурака, а обидѣлъ опять, проговорилъ онъ тихо.

— Да, вы обидѣли опять, отрубилъ Кириловъ; — и притомъ онъ не дуракъ.

— Я сдѣлалъ однако все что могъ.

— Нѣтъ.

— Что же надо было сдѣлать?

— Не вызывать.

— Еще снести битье по лицу?

— Да, снести и битье.

— Я начинаю ничего не понимать! злобно проговорилъ Ставрогинъ,
— почему всѣ ждуть отъ меня чего-то, чего отъ другихъ не ждуть? Къ чему мнѣ переносить то чего никто не переносить и напрашиваться на бремена, которыхъ никто не можетъ снести?

— Я думалъ вы сами ищите бремени.

— Я ищу бремени?

— Да.

— Вы.... это видѣли?

— Да.

— Это такъ замѣтно?

— Да.

Помолчали съ минуту. Ставрогинъ имѣлъ очень озабоченный видъ, былъ почти пораженъ.

— Я потому не стрѣлялъ что не хотѣлъ убивать, и больше ничего не было, увѣряю васъ, сказалъ онъ торопливо и тревожно, какъ бы оправдываясь.

— Не надо было обижать.

— Какъ же надо было сдѣлать?

— Надо было убить.

— Вамъ жаль что я его не убилъ?

— Мнѣ ничего не жаль. Я думалъ вы хотѣли убить въ самомъ дѣлѣ.

Не знаете чего ищите.

— Ищу бремени, засмѣялся Ставрогинъ.

— Не хотѣли сами крови, зачѣмъ ему давали убивать?

— Еслибъ я не вызвалъ его, онъ бы убилъ меня такъ, безъ дуэли.

— Не ваше дѣло. Можетъ и не убилъ бы.

— А только прибилъ?

— Не ваше дѣло. Несите бремя. А то нѣтъ заслуги.

— Наплевать на вашу заслугу, я ни у кого не ищу ея!

— Я думалъ ищите, ужасно хлоднокровно заключилъ Кириловъ.

Вѣхали во дворъ дома.

— Хотите ко мнѣ? предложилъ Николай Всеволодовичъ.

— Нѣтъ, я дома, прощайте. Онъ всталъ съ лошади и взялъ свой ящикъ подъ мышку.

— По крайней мѣрѣ вы-то на меня не сердитесь? протянулъ ему руку Ставрогинъ.

— Нисколько! воротился Кириловъ чтобы пожать руку; — если мнѣ легко бремя потому что отъ природы, то можетъ-быть вамъ труднѣе бремя, потому что такая природа. Очень нечего стыдиться, а только немного.

— Я знаю что я слабый характеръ, но я не лѣзу и въ сильные.

— И не лѣзьте; вы не сильный характеръ. Приходите пить чай.

Николай Всеволодовичъ вошелъ къ себѣ сильно смущенный и озабоченный.

IV.

Онъ тотчасъ же узналъ отъ Алексѣя Егоровича что Варвара Петровна, весьма довольная выѣздомъ Николая Всеволодовича — первымъ выѣздомъ послѣ восьми дней болѣзни — верхомъ на прогулку, велѣла заложить карету и отправилась одна «по примѣру прежнихъ дней, подышать чистымъ воздухомъ, ибо восемь дней какъ уже забыла что означать дышать чистымъ воздухомъ».

— Одна поѣхала или съ Дарьей Павловной? быстрымъ вопросомъ перебилъ старика Николай Всеволодовичъ и крѣпко нахмурился, услышавъ что Дарья Павловна «отказалась по нездоровью сопутствовать и находятся теперь въ своихъ комнатахъ».

— Слушай, старикъ, проговорилъ онъ какъ бы вдругъ рѣшаясь, — стереги ее сегодня весь день и если замѣтишь что она идетъ ко мнѣ, тотчасъ же останови и передай ей что нѣсколько дней, по крайней мѣрѣ, я ее принять не могу.... что я такъ ее самъ прошу.... а когда придетъ время, самъ позову, слышишь?

— Передамъ-съ, проговорилъ Алексѣй Егоровичъ съ тоской въ голосѣ, опустивъ глаза внизъ.

— Не раньше однакоже какъ если ясно увидишь что она ко мнѣ идетъ сама?

— Не извольте беспокоиться, ошибки не будетъ. Черезъ меня до сихъ поръ и происходили посѣщенія; всегда къ содѣйствию моему обращались.

— Знаю. Однакоже не раньше какъ если сама пойдетъ. Принеси мнѣ чаю, если можешь скорѣе.

Только-что старикъ вышелъ, какъ почти въ ту же минуту отворилась та же дверь и на порогѣ показалась Дарья Павловна. Взглядъ ея былъ спокоенъ, но лицо блѣдное.

— Откуда вы? воскликнулъ Ставрогинъ.

— Я стояла тутъ же и ждала когда онъ выйдетъ, чтобы къ вамъ войти. Я слышала о чемъ вы ему наказывали, а когда онъ сейчасъ вышелъ, я спряталась направо за выступъ, и онъ меня не замѣтилъ.

— Я давно хотѣлъ прервать съ вами, Даша.... пока.... это время. Я васъ не могъ принять нынче ночью, несмотря на вашу записку. Я хотѣлъ вамъ самъ написать, но я писать не умѣю, прибавилъ онъ съ досадой, даже какъ будто съ гадливостью.

— Я сама думала что надо прервать. Варвара Петровна слишкомъ подозрѣваетъ о нашихъ сношеніяхъ.

— Ну и пусть ее.

— Не надо чтобъ она беспокоилась. И такъ теперь до конца?

— Вы все еще непремѣнно ждете конца?

— Да, я увѣрена.

— На свѣтѣ ничего не кончается.

— Тутъ будетъ конецъ. Тогда кликните меня, я приду. Теперь прощайте.

— А какой будетъ конецъ? усмѣхнулся Николай Всеволодовичъ.

— Вы не ранены и.... не пролили крови? спросила Дарья Павловна, не отвѣчая на вопросъ о концѣ.

— Было глупо; я не убилъ никого, не беспокойтесь. Впрочемъ вы обо всемъ услышите сегодня же ото всѣхъ. Я нездоровъ немного.

— Я уйду. Объявленія о бракѣ сегодня не будетъ? прибавила она съ нерѣшимостью.

— Сегодня не будетъ; завтра не будетъ; послѣ завтра, не знаю, можетъ-быть всѣ помремъ и тѣмъ лучше. Оставьте меня, оставьте меня на-конецъ.

— Вы не погубите другую.... безумную?

— Безумныхъ не погублю, ни той, ни другой, но разумную кажется погублю: я такъ подлъ, такъ слабъ и гадокъ, Даша, что кажется васъ въ самомъ дѣлѣ кликну «въ послѣдній конецъ», какъ вы говорите, а вы несмотря на вашъ разумъ придете. Зачѣмъ вы сами себя губите?

— Я знаю что въ концѣ концовъ съ вами останусь одна я и.... жду того.

— А если я въ концѣ концовъ васъ не кликну и убѣгу отъ васъ?

— Этого быть не можетъ, вы кликнете.

— Тутъ много ко мнѣ презрѣнія.

— Вы знаете что не одного презрѣнія.

— Стало-быть презрѣнье все-таки есть?

— Я не такъ выразилась. Богъ свидѣтель, я чрезвычайно желала бы чтобы вы никогда во мнѣ не нуждались.

— Одна фраза стоит другой. Я тоже желалъ бы васъ не губить.

— Никогда, ничѣмъ вы меня не можете погубить, и сами это знаете лучше всѣхъ, быстро и съ твердостью проговорила Дарья Павловна. — Если не къ вамъ, то я пойду въ сестры милосердія, въ сидѣлки, ходить за больными, или въ книгоноши, Евангеліе продавать. Я такъ рѣшила. Я не могу быть ничьею женой; я не могу жить и въ такихъ домахъ какъ этотъ. Я не того хочу.... Вы все знаете.

— Нѣтъ, я никогда не могъ узнать чего вы хотите; мнѣ кажется что вы интересуетесь мною какъ иныя устарѣлыя сидѣлки интересуются почему-либо однимъ какимъ-нибудь больнымъ сравнительно предъ прочими, или еще лучше какъ иныя богомольныя старушонки, шатающіяся по похоронамъ, предпочитаютъ иные трупики попригляднѣе предъ другими. Что вы на меня такъ странно смотрите?

— Вы очень больны? съ участіемъ спросила она, какъ-то особенно на него вглядываясь.

— Я опять его видѣлъ, проговорилъ Ставрогинъ почти шепотомъ, отвертываясь въ сторону.

— Боже мой!

— Сначала здѣсь въ углу, вотъ тутъ у самага шкафа, а потомъ онъ сидѣлъ все рядомъ со мной, всю ночь, до и послѣ моего выхода изъ дому... Не входи, Алексѣй Егоровичъ! крикнулъ онъ старику, показавшемуся въ дверяхъ съ подносомъ въ рукѣ.

— Этого уже три мѣсяца съ вами не было!

— Да, три мѣсяца; больше. (Безпокойство и тревога все сильнѣе и сильнѣе овладѣвали имъ.) Что вы такъ засматриваете мнѣ въ лицо? Теперь начнется рядъ его посѣщеній. Вчера онъ былъ глупъ и дерзокъ. Это тупой семинаристъ, самодовольство шестидесятихъ годовъ, лакейство мысли, лакейство среды, души, развитія, съ полнымъ убѣжденіемъ въ непобѣдимости своей красоты.... ничего не могло быть гаже. Я злился что мой собственный бѣсъ могъ явиться въ такой дрянной маскѣ. Никогда еще онъ такъ не приходилъ. Я впрочемъ все молчалъ, нарочно; я не только молчалъ, я былъ неподвиженъ. Онъ за это ужасно злился, и я очень радъ что онъ злится. Я теперь даже радъ.

Даша въ совершенномъ испугѣ схватила его за руку.

— Николай Всеволодовичъ, опомнитесь! вскричала она.

— Что вы? какъ бы удивился онъ ея волненію, — вѣдь вы знаете что у меня такая болѣзнь. Я вамъ одной только и открылъ про нее на свѣтѣ, и никто этого не знаетъ. Постойте, неужели я вамъ не открывалъ? смотрѣлъ онъ на нее въ недоумѣніи, какъ бы что-то припоминая.

Если такъ, то я дѣйствительно брежу или... съ ума сошелъ, прибавилъ онъ въ невыразимой тоскѣ, ожидая отвѣта.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пугайтесь, вы мнѣ открыли, одной мнѣ, въ Швейцаріи. Я не того испугалась сейчасъ, а того какъ вы о немъ говорили. Вы такъ говорите какъ онъ въ самомъ дѣлѣ есть. Боже сохрани васъ отъ этого! вскричала она въ отчаяніи.

— О, нѣтъ, я въ него не вѣрю, успокойтесь, улыбнулся онъ. — Пока еще не вѣрю. Я знаю что это я самъ въ разныхъ видахъ, двоюсь и говорю самъ съ собой. Но все-таки онъ очень злится; ему ужасно хочется быть самостоятельнымъ бѣсомъ и чтобъ я въ него увѣровалъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ смѣялся вчера и увѣрялъ что атеизмъ тому не мѣшаетъ.

— Въ ту минуту какъ вы увѣруете въ него, вы погибли! Боже! И этотъ человѣкъ хочетъ обойтись безъ меня! съ болью въ сердцѣ вскричала Даша. — Слушайте, когда мы будемъ свободны, я сяду подлѣ васъ и онъ никогда не придетъ.

— Знаете его вчерашнюю тему? Онъ всю ночь утверждалъ что я фокусничаю, ищу бремени и неудобноносимыхъ трудовъ, а самъ въ нихъ не вѣрую. Но меня что поразило? Представьте, сейчасъ вдругъ Кириловъ, въ одно слово съ семинаристомъ, говорить то же самое....

Онъ вдругъ захохоталъ, и это было ужасно нелѣпо. Дарья Павловна вздрогнула и отшатнулась отъ него.

— Бѣсовъ было ужасно много вчера! вскричалъ онъ хохоча, — ужасно много! Изъ всѣхъ болотъ налѣзли. Одинъ предлагалъ мнѣ вчера на мосту зарѣзать Лебядкина и Марью Тимоѳеевну, чтобы порѣшить съ моимъ законнымъ бракомъ, и концы чтобы въ воду. Задатку просилъ три цѣлковыхъ, но далъ ясно знать что вся операція стоитъ будетъ не меньше какъ полторы тысячи. Вотъ это такъ разчетливый бѣсъ! Бухгалтеръ! Ха, ха, ха!

— Но вы твердо увѣрены что это было привидѣніе?

— О, нѣтъ, совсѣмъ ужъ не привидѣніе! Это просто былъ Оедька-Каторжный, разбойникъ бѣжавшій изъ каторги. Но дѣло не въ томъ; какъ вы думаете, что я сдѣлалъ? Я отдалъ ему всѣ мои деньги изъ портмоне, и онъ теперь совершенно увѣренъ что я ему выдалъ задатокъ!...

— Вы встрѣтили его ночью, и онъ сдѣлалъ вамъ такое предложеніе? Да неужто вы не видите что вы кругомъ оплетены ихъ сѣтью!

— Ну пусть ихъ. А знаете, у васъ вертится одинъ вопросъ, я по глазамъ вашимъ вижу, прибавилъ онъ съ злобною и раздражительною улыбкой.

Даша испугалась.

— Вопросы вовсе нѣтъ и сомнѣній вовсе нѣтъ никакихъ, молчите лучше! вскричала она тревожно, какъ бы отмахиваясь отъ вопроса.

— То-есть вы увѣрены что я не пойду къ Ѳедькѣ въ лавочку?

— О, Боже! всплеснула она руками, — за что вы меня такъ мучаете?

— Ну, простите мнѣ мою глупую шутку, Даша. Должно-быть я перенялъ дурныя манеры у моего семинариста. Знаете, мнѣ со вчерашней ночи ужасно хочется смѣяться, все смѣяться, непрерывно, долго, много. Я точно заряженъ смѣхомъ.... Чу! Мать пріѣхала; я узнаю по стуку когда карета ея останавливается у крыльца.

Даша схватила его руку и горячо стала ее цѣловать.

— Да сохранить васъ Богъ отъ вашего демона и... позовите, позовите меня скорѣй!

— О, какой это демонъ! Это просто маленькій, гаденькій, золотушный бѣсенокъ съ насморкомъ, изъ неудавшихся. А вѣдь вы, Даша, опять не смѣете говорить чего-то?

Она поглядѣла на него съ болью и укоромъ и повернулась къ дверямъ.

— Слушайте! вскричалъ онъ ей вслѣдъ, и злобная, искривленная улыбка опять показалась на губахъ его. — Если.... ну тамъ, однимъ словомъ, *если*.... понимаете, ну еслибы даже и въ лавочку, и потомъ я бы васъ кликнулъ, — пришли бы вы послѣ-то лавочки?

Она вышла не оборачиваясь и не отвѣчая, закрывъ руками лицо.

— Придетъ и послѣ лавочки! прошепталъ онъ подумавъ, и брезгливое презрѣніе выразилось въ лицѣ его: — Сидѣлка! Гм!... А впрочемъ мнѣ можетъ того-то и надо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Всѣ въ ожиданіи.

I.

Впечатлѣніе произведенное во всемъ нашемъ обществѣ быстро огласившеюся исторіей поединка было особенно замѣчательно тѣмъ единодушіемъ съ которымъ всѣ поспѣшили заявить себя безусловно за Николая Всеволодовича. Многіе изъ бывшихъ враговъ его рѣшительно объявили себя его друзьями. Главною причиною такого неожиданнаго переворота въ общественномъ мнѣніи было нѣсколько словъ необыкновенно мѣтко высказанныхъ вслухъ одною особой, доселѣ не высказывавшеюся,

и разомъ придавшихъ событію значеніе, чрезвычайно заинтересовавшее наше крупное большинство. Случилось это такъ: какъ разъ на другой же день послѣ событія, у супруги предводителя дворянства нашей губерніи, въ тотъ день именинницы, собрался весь городъ. Присутствовала или вѣрнѣе первенствовала и Юлія Михайловна, прибывшая съ Лизаветой Николаевной, сіявшею красотой и особенною веселостью, что многимъ изъ нашихъ дамъ, на этотъ разъ, тотчасъ же показалось особенно подзрительнымъ. Къстати сказать: въ помолвкѣ ея съ Маврикіемъ Николаевичемъ не могло уже быть никакого сомнѣнія. На шуточный вопросъ одного отставнаго, но важнаго генерала, о которомъ рѣчь ниже, Лизавета Николаевна сама прямо въ тотъ вечеръ отвѣтила что она невѣста. И что же? Ни одна рѣшительно изъ нашихъ дамъ этой помолвкѣ до сихъ поръ не хотѣла вѣрить. Всѣ упорно продолжали предполагать какой-то романъ, какую-то роковую семейную тайну, совершившуюся въ Швейцаріи, и почему-то съ неперемѣннымъ участіемъ Юліи Михайловны. Трудно сказать почему такъ упорно держались всѣ эти слухи, или такъ-сказать даже мечты, и почему именно такъ неперемѣнно приплетали тутъ Юлію Михайловну. Только-что она вошла, всѣ обратились къ ней со странными взглядами, преисполненными ожиданій. Надо замѣтить что по недавности событія и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ сопровождавшимъ его, на вечерѣ о немъ говорили еще съ нѣкоторою осторожностію, даже не вслухъ. Къ тому же ничего еще не знали о распоряженіяхъ власти. Оба дуэлиста, сколько извѣстно, обезпокоены не были. Всѣ знали, на примѣръ, что Артемій Павловичъ рано утромъ отправился къ себѣ въ Духово, безъ всякой помѣхи. Между тѣмъ всѣ, разумѣется, жаждали чтобы кто-нибудь заговорилъ вслухъ первый и тѣмъ отворилъ бы дверь общественному нетерпѣнію. Именно надѣялись на вышеупомянутаго генерала и не ошиблись.

Этотъ генераль, одинъ изъ самыхъ осанистыхъ членовъ нашего клуба, помѣщикъ не очень богатый, но съ безподобнѣйшимъ образомъ мыслей, старомодный волокита за барышнями, чрезвычайно любилъ между прочимъ въ большихъ собраніяхъ заговаривать вслухъ, съ генеральскою вѣскостью, именно о томъ о чемъ всѣ еще говорили осторожнымъ шепотомъ. Въ этомъ состояла его, какъ бы такъ-сказать, спеціальная роль въ нашемъ обществѣ. При этомъ онъ особенно растягивалъ и сладко выговаривалъ слова, вѣроятно заимствовавъ эту привычку у путешественниковъ за границей Русскихъ, или у тѣхъ прежде богатыхъ русскихъ помѣщиковъ которые наиболѣе разорились послѣ крестьянской реформы. Степанъ Трофимовичъ даже замѣтилъ однажды что чѣмъ болѣе помѣщикъ разорился, тѣмъ слаще онъ подсюсюкиваетъ и растяги-

вааетъ слова. Онъ и самъ впрочемъ сладко растягивалъ и подсюсюкивалъ, но не замѣчалъ этого за собой.

Генераль заговорилъ какъ человѣкъ компетентный. Кромѣ того что съ Артеміемъ Павловичемъ онъ состоялъ какъ-то въ дальней роднѣ, хотя въ ссорѣ и даже въ тяжбѣ, онъ сверхъ того, когда-то, самъ имѣлъ два поединка и даже за одинъ изъ нихъ сосланъ былъ на Кавказъ въ рядовые. Кто-то упомянулъ о Варварѣ Петровнѣ, начавшей уже второй день выѣзжать «послѣ болѣзни», и не собственно о ней, а о превосходномъ подборѣ ея каретной сѣрой четверни, собственнаго Ставрогинскаго завода. Генераль вдругъ замѣтилъ что онъ встрѣтилъ сегодня «молодаго Ставрогина» верхомъ.... Всѣ тотчасъ смолкли. Генераль почмокалъ губами и вдругъ провозгласилъ, вертя между пальцами золотую, жалованную табакерку:

— Сожалѣю что меня не было тутъ нѣсколько лѣтъ назадъ... то-есть я былъ въ Карлсбадѣ.... Гмъ. Меня очень интересуеетъ этотъ молодой человѣкъ, о которомъ я такъ много засталъ тогда всякихъ слуховъ. Гмъ. А что, правда что онъ помѣшанъ? Тогда кто-то говорилъ. Вдругъ слышу что его оскорбляетъ здѣсь какой-то студентъ, въ присутствіи кузинъ, и онъ полѣзъ отъ него подъ столъ; а вчера слышу отъ Степана Высоцкаго что Ставрогинъ дрался съ этимъ.... Гагановымъ. И единственно съ галантною цѣлью подставить свой лобъ человѣку взбѣсившемуся; чтобы только отъ него отвязаться. Гмъ. Это въ нравахъ гвардіи двадцатыхъ годовъ. Бываетъ онъ здѣсь у кого-нибудь?

Генераль замолчалъ какъ бы ожидая отвѣта. Дверь общественному нетерпѣнію была отперта.

— Чего же проще? возвысила вдругъ голосъ Юлія Михайловна, раздраженная тѣмъ что всѣ вдругъ точно по командѣ обратили на нее свои взгляды. — Развѣ возможно удивленіе что Ставрогинъ дрался съ Гагановымъ и не отвѣчалъ студенту? Не могъ же онъ вызвать на поединокъ бывшаго крѣпостнаго своего человѣка!

Слова знаменательныя! Простая и ясная мысль, но никому однако не приходившая до сихъ поръ въ голову. Слова имѣвшія необыкновенныя послѣдствія. Все скандальное и сплетническое, все мелкое и анекдотическое разомъ отодвинуто было на задній планъ; выдвигалось другое значеніе. Объявлялось лицо новое, въ которомъ всѣ ошиблись, лицо почти съ идеальною строгостью понятій. Оскорбленный на смерть студентомъ, то-есть человѣкомъ образованнымъ и уже не крѣпостнымъ, онъ презираетъ обиду, потому что оскорбитель — бывший крѣпостной его человѣкъ. Въ обществѣ шумъ и сплетни; легкомысленное общество съ презрѣніемъ смотритъ на человѣка битаго по лицу; онъ презираетъ

мнѣніемъ общества, не доросшаго до настоящихъ понятій, а между тѣмъ о нихъ толкующаго.

— А между тѣмъ мы съ вами, Иванъ Александровичъ, сидимъ и толкуемъ о правыхъ понятіяхъ-съ, съ благороднымъ азартомъ самообличенія, замѣчаетъ одинъ клубный старичокъ другому.

— Да-съ, Петръ Михайловичъ, да-съ, съ наслажденіемъ поддакиваетъ другой; — вотъ и говорите про молодежь.

— Тутъ не молодежь, Иванъ Александровичъ, замѣчаетъ подвернувшійся третій, — тутъ не о молодежи вопросъ; тутъ звѣзда-съ; а не какой-нибудь одинъ изъ молодежи; вотъ какъ понимать это надо.

— А намъ того и надобно; оскудѣли въ людяхъ.

Тутъ главное состояло въ томъ что «новый человекъ», кромѣ того что оказался «несомнѣннымъ дворяниномъ», былъ вдобавокъ и богатѣйшимъ землевладѣльцемъ губерніи, а стало-быть не могъ не явиться подмогой и дѣятелемъ. Я впрочемъ упоминалъ и прежде вскользь о строеніи нашихъ землевладѣльцевъ.

Входили даже въ азартъ:

— Онъ мало того что не вызвалъ студента, онъ взялъ руки назадъ, замѣтите это, замѣтите это особенно, ваше превосходительство, выставлялъ одинъ.

— И въ новый судъ его не потащилъ-съ, подбавлялъ другой.

— Несмотря на то что въ новомъ судѣ ему за дворянскую *личную* обиду пятнадцать рублей присудили бы-съ, хе, хе, хе!

— Нѣтъ, это я вамъ скажу тайну новыхъ судовъ, приходилъ въ изступленіе третій: — если кто своровалъ или смошенничалъ, явно пойманъ и уличенъ — бѣги скорѣй домой, пока время, и убей свою мать. Мигомъ, во всемъ оправдаютъ, и дамы съ эстрады будутъ махать батистовыми платочками; несомнѣнная истина!

— Истина, истина!

Нельзя было и безъ анекдотовъ. Вспомнили о связяхъ Николая Всеволодовича съ графомъ К. Строгія, уединенныя мнѣнія графа К. насчетъ послѣднихъ реформъ были извѣстны. Извѣстна была и его замѣчательная дѣятельность, нѣсколько пріостановленная въ самое послѣднее время. И вотъ вдругъ стало всемъ несомнѣнно что Николай Всеволодовичъ помолвленъ съ одною изъ дочерей графа К., хотя ничто не подавало точнаго повода къ такому слуху. А что касается до какихъ-то чудесныхъ швейцарскихъ приключеній и Лизаветы Николаевны, то даже дамы перестали о нихъ упоминать. Упомянемъ кстати что Дроздовы какъ разъ къ этому времени успѣли сдѣлать все доселѣ упущенные ими визиты. Лизавету Николаевну уже несомнѣнно все нашли самую обыкновен-

ною дѣвушкой, «франтящею» своими больными нервами. Обморокъ ея въ день прїѣзда Николая Всеволодовича объясняли теперь просто испугомъ, при безобразномъ поступкѣ студента. Даже усиливали прозаичность того самаго чему прежде такъ стремились придать какой-то фантастическій колоритъ; а объ какой-то хромоножкѣ забыли окончательно; стыдились и помнить. «Да хоть бы и сто хромоножекъ, — кто молодъ не былъ!» Ставили на видъ почтительность Николая Всеволодовича къ матери, подыскивали ему разныя добродѣтели, съ благодушїемъ говорили объ его учености, прїобрѣтенной въ четыре года по нѣмецкимъ университетамъ. Поступокъ Артемїя Павловича окончательно объявили безтактнымъ: «своя своихъ не познаша»; за Юліей же Михайловной окончательно признали высшую проницательность.

Такимъ образомъ когда наконецъ появился самъ Николай Всеволодовичъ, всѣ встрѣтили его съ самою наивною серїозностью, во всѣхъ глазахъ на него устремленныхъ читались самыя нетерпѣливыя ожиданія. Николай Всеволодовичъ тотчасъ же заключился въ самое строгое молчаніе, чѣмъ, разумѣется, удовлетворилъ всѣхъ гораздо болѣе чѣмъ если бы наговорилъ съ три короба. Однимъ словомъ, все ему удавалось, онъ былъ въ модѣ. Въ обществѣ губернскомъ если кто разъ появился, то ужъ спрятаться никакъ нельзя. Николай Всеволодовичъ сталъ попрежнему исполнять всѣ губернскіе порядки до утонченности. Веселымъ его не находили: «человѣкъ претерпѣлъ, человѣкъ не то что другіе; есть о чемъ и задуматься». Даже гордость и та брезгливая неприступность, за которую такъ ненавидѣли его у насъ четыре года назадъ, теперь уважались и нравились.

Всѣхъ болѣе торжествовала Варвара Петровна. Не могу сказать очень ли тужила она о разрушившихся мечтахъ насчетъ Лизаветы Николаевны. Тутъ помогла, конечно, и фамилная гордость. Странно одно: Варвара Петровна въ высшей степени вдругъ увѣровала что Nicolas дѣйствительно «выбралъ» у графа К., но, и что страннѣе всего, увѣровала по слухамъ, пришедшимъ къ ней, какъ и ко всѣмъ, по вѣтру; сама же боялась прямо спросить Николая Всеволодовича. Раза два-три однако не утерпѣла и весело изподтишка попрекнула его что онъ съ нею не такъ откровененъ; Николай Всеволодовичъ улыбался и продолжалъ молчать. Молчаніе принимаемо было за знакъ согласія. И что же: при всемъ этомъ она никогда не забывала о хромоножкѣ. Мысль о ней лежала на ея сердцѣ камнемъ, кошмаромъ, мучила ее странными привидѣніями и гаданіями, и все это совмѣстно и одновременно съ мечтами о дочеряхъ графа К. Но объ этомъ еще рѣчь впереди. Разумѣется въ обществѣ къ Варварѣ Петровнѣ стали вновь относиться съ чрезвычайнымъ и преду-

предительнымъ почтеніемъ, но она мало имъ пользовалась и выѣзжала чрезвычайно рѣдко.

Она сдѣлала, однако, торжественный визитъ губернаторшѣ. Разумѣется никто болѣе ея не былъ плѣненъ и очарованъ вышеприведенными знаменательными словами Юліи Михайловны на вечерѣ у предводительши: они много сняли тоски съ ея сердца и разомъ разрѣшили многое изъ того что такъ мучило ее съ того несчастнаго воскресенья. «Я не понимала эту женщину!» изрекла она и прямо, съ свойственною ей стремительностью, объявила Юліѣ Михайловнѣ что пріѣхала ее *благодарить*. Юлія Михайловна была польщена, но выдержала себя независимо. Она въ ту пору уже очень начала себѣ чувствовать цѣну, даже можетъ-быть немного и слишкомъ. Она объявила, наприимѣръ, среди разговора, что никогда ничего не слыхивала о дѣятельности и учености Степана Трофимовича.

— Я, конечно, принимаю и ласкаю молодаго Верховенскаго. Онъ безразсуденъ, но онъ еще молодъ; впрочемъ съ солидными знаніями. Но все же это не какой-нибудь отставной бывшій критикъ.

Варвара Петровна тотчасъ же поспѣшила замѣтить что Степанъ Трофимовичъ вовсе никогда не былъ критикомъ, а напротивъ всю жизнь прожилъ въ ея домѣ. Знаменитъ же обстоятельствами первоначальной своей карьеры «слишкомъ извѣстными всему свѣту», а въ самое послѣднее время, своими трудами по испанской исторіи; хочетъ тоже писать о положеніи теперешнихъ нѣмецкихъ университетовъ и кажется еще что-то о Дрезденской Мадоннѣ. Однимъ словомъ, Варвара Петровна не захотѣла уступить Юліи Михайловнѣ Степана Трофимовича.

— О Дрезденской Мадоннѣ? Это о Сикстинской? Сбере Варвара Петровна, я просидѣла два часа предъ этою картиной и ушла разочарованная. Я ничего не поняла и была въ большомъ удивленіи. Кармазиновъ тоже говоритъ что трудно понять. Теперь всѣ ничего не находятъ, и Русскіе и Англичане. Всю эту славу старики прокричали.

— Новая мода значитъ?

— А я такъ думаю что не надо пренебрегать и нашею молодежью. Кричатъ что они коммунисты, а по моему надо щадить ихъ и дорожить ими. Я читаю теперь все — всѣ газеты, коммуны, естественныя науки, — все получаю, потому что надо же, наконецъ, знать гдѣ живешь и съ кѣмъ имѣешь дѣло. Нельзя же всю жизнь прожить на верхахъ своей фантазіи. Я сдѣлала выводъ и приняла за правило ласкать молодежь и тѣмъ самымъ удерживать ее на краю. Повѣрьте, Варвара Петровна, что только мы, общество, благотворнымъ вліяніемъ и именно лаской можемъ удержать ихъ у бездны, въ которую толкаетъ ихъ нетерпимость всѣхъ

этихъ старикашекъ. Впрочемъ, я рада что узнала отъ васъ о Степанѣ Трофимовичѣ. Вы подаете мнѣ мысль: онъ можетъ быть полезенъ на нашемъ литературномъ чтеніи. Я, знаете, устраиваю цѣлый день увеселеній, по подпискѣ, въ пользу бѣдныхъ гувернантокъ изъ нашей губерніи. Онѣ разсѣяны по Россіи; ихъ насчитываютъ до шести изъ одного нашего уѣзда; кромѣ того двѣ телеграфистки, двѣ учатся въ академіи, остальные желали бы, но не имѣютъ средствъ. Жребій русской женщины ужасенъ, Варвара Петровна! Изъ этого дѣлаютъ теперь университетскій вопросъ и даже было засѣданіе государственнаго совѣта. Въ нашей странной Россіи можно дѣлать все что угодно. А потому опять-таки лишь одною лаской и непосредственнымъ теплымъ участіемъ всего общества мы могли бы направить это великое общее дѣло въ истинный путь. О, Боже, много ли у насъ свѣтлыхъ личностей! Конечно есть, но онѣ разсѣяны. Сомкнемтесь же и будемъ сильнѣе. Однимъ словомъ, у меня будетъ сначала литературное утро, потомъ легкій завтракъ, потомъ перерывъ, и въ тотъ же день вечеромъ балъ. Мы хотѣли начать вечеръ живыми картинами, но кажется много издержекъ, и потому, для публики, будутъ одна или двѣ кадрили въ маскахъ и въ характерныхъ костюмахъ, изображающихъ извѣстныя литературныя направленія. Эту шутивую мысль предложилъ Кармазиновъ; онъ много мнѣ помогаетъ. Знаете, онъ прочтетъ у насъ свою послѣднюю вещь, еще никому неизвѣстную. Онъ бросаетъ перо и болѣе писать не будетъ; эта послѣдняя статья есть его прощаніе съ публикой. Прелестная вещьца подъ названіемъ: «Мерси». Названіе французское, но онъ находитъ это шутивѣе и даже тоньше. Я тоже; даже я и присовѣтовала. Я думаю, Степанъ Трофимовичъ могъ бы тоже прочесть, если покороче и... не такъ чтобъ очень ученое. Кажется Петръ Степановичъ и еще кто-то что-то такое прочтутъ. Петръ Степановичъ къ вамъ забѣжитъ и сообщитъ программу; или лучше позвольте мнѣ самой завезти къ вамъ.

— А вы позвольте и мнѣ подписаться на вашемъ листѣ. Я передамъ Степану Трофимовичу и сама буду просить его.

Варвара Петровна воротилась домой окончательно привороженная; она стояла горой за Юлію Михайловну и почему-то уже совсѣмъ разсердилась на Степана Трофимовича; а тотъ бѣдный и не зналъ ничего сидя дома.

— Я влюблена въ нее, я не понимаю какъ я могла такъ ошибаться въ этой женщинѣ, говорила она Николаю Всеволодовичу и забѣжавшему къ вечеру Петру Степановичу.

— А все-таки вамъ надо помириться и со старикомъ, доложилъ Петръ Степановичъ; — онъ въ отчаяніи. Вы его совсѣмъ сослали на

кухню. Вчера онъ встрѣтилъ вашу коляску, поклонился, а вы отвернулись. Знаете, мы его выдвинемъ; у меня на него кой-какіе разчеты, и онъ еще можетъ быть полезенъ.

— О, онъ будетъ читать.

— Я не про одно это. А я и самъ хотѣлъ къ нему сегодня забѣжать. Такъ сообщить ему?

— Если хотите. Не знаю, впрочемъ, какъ вы это устроите, проговорила она въ нерѣшимости.

— Я была намѣрена сама объясниться съ нимъ и хотѣла назначить день и мѣсто. Она сильно нахмурилась.

— Ну, ужъ назначать день не стоитъ. Я просто передамъ.

— Пожалуй передайте. Впрочемъ прибавьте что я непременно назначу ему день. Непременно прибавьте.

Петръ Степановичъ побѣждалъ ухмыляясь. Вообще, сколько припомню, онъ въ это время былъ какъ-то особенно золъ и даже позволялъ себѣ чрезвычайно нетерпѣливыя выходки чуть не со всѣми. Странно что ему какъ-то всѣ прощали. Вообще установилось мнѣніе что смотрѣть на него надо какъ-то особенно. Замѣчу что онъ съ чрезвычайною злобой отнесся къ поединку Николая Всеволодовича. Его это застало въ расплахъ; онъ даже позеленѣлъ когда ему разказали. Тутъ можетъ-быть страдало его самолюбіе: онъ узналъ на другой лишь день, когда всѣмъ было извѣстно.

— А вѣдь вы не имѣли права драться, шепнулъ онъ Ставрогину на пятый уже день, случайно встрѣтясь съ нимъ въ клубѣ. Замѣчательно что въ эти пять дней они нигдѣ не встрѣчались, хотя къ Варварѣ Петровнѣ Петръ Степановичъ забѣгалъ почти ежедневно.

Николай Всеволодовичъ молча поглядѣлъ на него съ разсѣяннымъ видомъ, какъ бы не понимая въ чемъ дѣло, и прошелъ не останавливаясь. Онъ проходилъ чрезъ большую залу клуба въ буфетъ.

— Вы и къ Шатову заходили.... вы Марью Тимоѳеевну хотите опубликовать, бѣжалъ онъ за ними и какъ-то въ разсѣянности ухватился за его плечо.

Николай Всеволодовичъ вдругъ страсъ съ себя его руку и быстро къ нему оборотился, грозно нахмурившись. Петръ Степановичъ поглядѣлъ на него улыбаясь странною, длинною улыбкой. Все продолжалось одно мгновеніе. Николай Всеволодовичъ прошелъ далѣе.

II.

Къ старику онъ забѣжалъ тотчасъ же отъ Варвары Петровны, и если такъ поспѣшилъ, то единственно изъ злобы, чтобъ отмстить за одну

прежнюю обиду, о которой я доселѣ не имѣлъ понятія. Дѣло въ томъ что въ послѣднее ихъ свиданіе, именно на прошлой недѣлѣ въ четвергъ, Степанъ Трофимовичъ, самъ впрочемъ начавшій споръ, кончилъ тѣмъ что выгналъ Петра Степановича палкой. Фактъ этотъ онъ отъ меня тогда утаилъ; но теперь, только-что вбѣжалъ Петръ Степановичъ, съ своею всегдашнею улыбкой, столь наивно высокомерною, и съ неприятно любопытнымъ, шныряющимъ по угламъ взглядомъ, какъ тотчасъ же Степанъ Трофимовичъ сдѣлалъ мнѣ тайный знакъ чтобъ я не оставлялъ комнату. Такимъ образомъ и обнаружились предо мною ихъ настоящія отношенія, ибо на этотъ разъ я прослушалъ весь разговоръ.

Степанъ Трофимовичъ сидѣлъ протянувшись на кушеткѣ. Съ того четверга онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ. Петръ Степановичъ съ самымъ фамильярнымъ видомъ усѣлся подлѣ него, безцеремонно поджавъ подъ себя ноги, и занялъ на кушеткѣ гораздо болѣе мѣста, чѣмъ сколько требовало уваженіе къ отцу. Степанъ Трофимовичъ молча и съ достоинствомъ посторонился.

На столѣ лежала раскрытая книга. Это былъ романъ *Что дѣлать*. Увы, я долженъ признаться въ одномъ странномъ малодушіи нашего друга: мечта о томъ что ему слѣдуетъ выйти изъ уединенія и задать послѣднюю битву все болѣе и болѣе одерживала верхъ въ его соблазненномъ воображеніи. Я догадался что онъ досталъ и *изучаетъ* романъ единственно съ тою цѣлью чтобы въ случаѣ несомнѣннаго столкновенія съ «визжавшими» знать заранѣе ихъ приемы и аргументы по самому ихъ «катехизису», и такимъ образомъ приготовившись, торжественно ихъ всѣхъ опровергнуть въ *ея глазахъ*. О, какъ мучила его эта книга! Онъ бросалъ иногда ее въ отчаяніи и вскочивъ съ мѣста шагаль по комнатѣ почти въ изступленіи:

— Я согласенъ что основная идея автора вѣрна, говорилъ онъ мнѣ въ лихорадкѣ, — но вѣдь тѣмъ ужаснѣе! Та же наша идея, именно наша; мы, мы первые насадили ее, возростили, приготовили, — да и что бы они могли сказать сами новаго, послѣ насъ! Но Боже, какъ все это выражено, искажено, исковеркано! восклицалъ онъ, стуча пальцами по книгѣ. — Къ такимъ ли выводамъ мы устремлялись? Кто можетъ узнать тутъ первоначальную мысль?

— Просвѣщаешься? ухмыльнулся Петръ Степановичъ, взявъ книгу со стола и прочтя заглавіе. — Давно пора. Я тебѣ и получше принесу если хочешь.

Степанъ Трофимовичъ снова и съ достоинствомъ промолчалъ. Я сидѣлъ въ углу на диванѣ.

Петръ Степановичъ быстро объяснилъ причину своего прибытія. Разумѣется Степанъ Трофимовичъ былъ пораженъ не въ мѣру и слушалъ въ испугѣ смѣшанномъ съ чрезвычайнымъ негодованіемъ.

— И эта Юлія Михайловна разчитываетъ что я приду къ ней читать!

— То-есть они вѣдь вовсе въ тебѣ не такъ нуждаются. Напротивъ, это чтобы тебя обласкать и тѣмъ подлизаться къ Варварѣ Петровнѣ. Но ужь само собою ты не посмѣешь отказаться читать. Да и самому-то, я думаю, хочется, — ухмыльнулся онъ; у васъ у всѣхъ, у старичья, адская амбиція. Но послушай однако, надо чтобы не такъ скучно. У тебя тамъ что, испанская исторія что-ли? Ты мнѣ дня за три дай просмотрѣть, а то вѣдь усыпишь пожалуй.

Торопливая и слишкомъ обнаженная грубость этихъ колкостей была явно преднамѣренная. Дѣлался видъ что со Степаномъ Трофимовичемъ какъ будто и нельзя говорить другимъ, болѣе тонкимъ языкомъ и понятіями. Степанъ Трофимовичъ твердо продолжалъ не замѣчать оскорбленій. Но сообщаемыя событія производили на него все болѣе и болѣе потрясающее впечатлѣніе.

— И она сама, *сама* велѣла передать это мнѣ черезъ.... *васъ*? спросилъ онъ блѣднѣя.

— То-есть видишь ли, она хочетъ назначить тебѣ день и мѣсто для взаимнаго объясненія; остатки вашего сентиментальничанья. Ты съ нею двадцать лѣтъ кокетничалъ и приучилъ ее къ самымъ смѣшнымъ пріемамъ. Но не безпокойся, теперь ужь совсѣмъ не то; она сама поминутно говоритъ что теперь только начала «прозирать». Я ей прямо растолковалъ что вся эта ваша дружба — есть одно только взаимное изліяніе по-мой. Она мнѣ много, братъ, разказала; фу, какую лакейскую должность исполнялъ ты все время. Даже я краснѣлъ за тебя.

— Я исполнялъ лакейскую должность? не выдержалъ Степанъ Трофимовичъ.

— Хуже, ты былъ приживальщикомъ, то-есть лакеемъ добровольнымъ. Лѣнь трудиться, а на денежки-то у насъ аппетитъ. Все это и она теперь понимаетъ; по крайней мѣрѣ ужась что про тебя разказала. Ну, братъ, какъ я хохоталъ надъ твоими письмами къ ней; совѣстно и гадко. Но вѣдь вы такъ развращены, такъ развращены! Въ милостынѣ есть нѣчто навсегда развращающее — ты явный примѣръ!

— Она тебѣ показывала мои письма!

— Всѣ. То-есть конечно гдѣ же ихъ прочитать? Фу, сколько ты написалъ бумаги, я думаю тамъ болѣе двухъ тысячъ писемъ.... А знаешь, старикъ, я думаю у васъ было одно мгновеніе когда она готова была бы

за тебя выйти? Глупѣйшимъ ты образомъ упустилъ! Я конечно говорю съ твоей точки зрѣнія, но все-таки жь лучше чѣмъ теперь, когда чуть не сосватали на «чужихъ грѣхахъ», какъ шута для потѣхи, за деньги.

— За деньги! Она, она говоритъ что за деньги! болѣзненно возопилъ Степанъ Трофимовичъ.

— А то какъ же? Да что ты, я же тебя и защищалъ. Вѣдь это единственный твой путь оправданія. Она сама поняла что тебѣ денегъ надо было какъ и всякому и что ты съ этой точки пожалуй и правъ. Я ей доказалъ какъ дважды два что вы жили на взаимныхъ выгодахъ: она капиталисткой, а ты при ней сентиментальнымъ шутомъ. Впрочемъ за деньги она не сердится, хоть ты ее и доилъ какъ козу. Ее только злоба беретъ что она тебѣ двадцать лѣтъ вѣрила, что ты ее такъ облапошилъ на благородствѣ, и заставилъ такъ долго лгать. Въ томъ что сама лгала она никогда не сознается, но за это-то тебѣ и достанется вдвое. Не понимаю какъ ты не догадался что тебѣ придется когда-нибудь разчитаться. Вѣдь былъ же у тебя хоть какой-нибудь умъ. Я вчера посоветовалъ ей отдать тебя въ богадѣльню, успокойся, въ приличную, обидно не будетъ; она кажется такъ и сдѣлаетъ. Помнишь послѣднее письмо твое ко мнѣ въ X-скую губернію, три недѣли назадъ?

— Неужели ты ей показалъ? въ ужасѣ вскочилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Ну еще же бы нѣтъ! Первымъ дѣломъ. То самое въ которомъ ты увѣдомлялъ что она тебя эксплуатируетъ, завидуя твоему таланту, ну и тамъ объ «чужихъ грѣхахъ.» Ну, братъ, кстати, какое однако у тебя самолюбіе! Я такъ хохоталъ. Вообще твои письма прескучныя; у тебя ужасный слогъ. Я ихъ часто совсѣмъ не читалъ, а одно такъ и теперь валяется у меня нераспечатаннымъ; я тебѣ завтра пришлю. Но это, это послѣднее твое письмо — это верхъ совершенства! Какъ я хохоталъ, какъ хохоталъ!

— Извергъ, извергъ! возопилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Фу, чортъ, да съ тобой нельзя разговаривать. Послушай, ты опять обижаешься какъ въ прошлый четвергъ?

Степанъ Трофимовичъ грозно выпрямился:

— Какъ ты смѣешь говорить со мной такимъ языкомъ?

— Какимъ это языкомъ? Простымъ и яснымъ?

— Но скажи же мнѣ наконецъ, извергъ, сынъ ли ты мой или нѣтъ?

— Объ этомъ тебѣ лучше знать. Конечно всякій отецъ склоненъ въ этомъ случаѣ къ ослѣпленію....

— Молчи, молчи! весь затрясся Степанъ Трофимовичъ.

— Видишь ли, ты кричишь и бранишься какъ и въ прошлый четвергъ, ты свою палку хотѣлъ поднять, а вѣдь я документъ-то тогда отыскалъ. Изъ любопытства весь вечеръ въ чемоданѣ прошарилъ. Правда ничего нѣтъ точнаго, можешь утѣшиться. Это только записка моей матери къ тому Полячку. Но судя по ея характеру....

— Еще слово, и я надаю тебѣ пощечинъ.

— Вотъ люди! обратился вдругъ ко мнѣ Петръ Степановичъ. — Видите, это здѣсь у насъ уже съ прошлаго четверга. Я радъ что нынче по крайней мѣрѣ вы здѣсь и разсудите. Сначала фактъ: онъ упрекаетъ что я говорю такъ о матери, но не онъ ли меня натолкнулъ на то же самое? Въ Петербургѣ, когда я былъ еще гимназистомъ, не онъ ли будилъ меня по два раза въ ночь, обнималъ меня и плакалъ какъ баба, и какъ вы думаете что разказывалъ мнѣ по ночамъ-то? Вотъ тѣ же скромные анекдоты про мою мать! Отъ него я отъ перваго услыхалъ.

— О, я тогда это въ высшемъ смыслѣ! О, ты не понялъ меня. Ничего, ничего ты не понялъ.

— Но все-таки у тебя подлѣе чѣмъ у меня, вѣдь подлѣе, признайся. Вѣдь видишь ли, если хочешь, мнѣ все равно. Я съ твоей точки. Съ моей точки зрѣнія, не безпокойся: я мать не виню; ты такъ ты, Полякъ такъ Полякъ, мнѣ все равно. Я не виноватъ что у васъ въ Берлинѣ вышло такъ глупо. Да и могло ли у васъ выйти что-нибудь умнѣй. Ну не смѣшные ли вы люди послѣ всего! И не все ли тебѣ равно, твой ли я сынъ или нѣтъ? Послушайте, обратился онъ ко мнѣ опять, — онъ рубля на меня не истратилъ всю жизнь, до шестнадцати лѣтъ меня не зналъ совсѣмъ, потомъ здѣсь ограбилъ, а теперъ кричитъ что болѣлъ обо мнѣ сердцемъ всю жизнь и ломается предо мной какъ актеръ. Да вѣдь я же не Варвара Петровна, помилуй!

Онъ всталъ и взялъ шляпу.

— Проклинаю тебя отсель моимъ именемъ! протянулъ надъ нимъ руку Степанъ Трофимовичъ весь блѣдный какъ смерть.

— Экъ вѣдь въ какую глупость человѣкъ вѣдетъ! даже удивился Петръ Степановичъ; — ну прощай, старина, никогда не приду къ тебѣ больше. Статью доставь раньше, не забудь, и постарайся если можешь безъ вздоровъ: факты, факты и факты, а главное короче. Прощай.

III.

Впрочемъ тутъ вліяли и посторонніе поводы. У Петра Степановича дѣйствительно были нѣкоторые замыслы на родителя. По моему, онъ разчитывалъ довести старика до отчаянія и тѣмъ натолкнуть его на какой-нибудь явный скандалъ, а затѣмъ компрометтировать въ глазахъ об

щества въ смѣшномъ видѣ. Это нужно было ему для цѣлей дальнѣйшихъ, постороннихъ, о которыхъ еще рѣчь впереди. Подобныхъ разныхъ разчетовъ и предназначеній въ ту пору накопилось у него чрезвычайное множество, — конечно почти все фантастическихъ. Былъ у него въ виду и другой мученикъ, кромѣ Степана Трофимовича. Вообще мучениковъ было у него не мало, какъ оказалось въ послѣдствіи; но на этого онъ особенно разчитывалъ, и это былъ самъ господинъ фонъ-Лембке.

Андрей Антоновичъ фонъ-Лембке принадлежалъ къ тому фаворизованному (природой) племени котораго въ Россіи числится по календарю за милліонъ и которое можетъ и само не знаетъ что составляетъ въ ней всю свою массу одинъ строго организованный союзъ. Боже меня сохрани сказать заговоръ! Заговоръ сознательный, предумышленный въ большей части случаевъ всегда оказывался пустякомъ и игрушкой. У насъ, напримѣръ, въ Россіи это вещь фантастическая. Но союзъ не предумышленный и не выдуманный, а существующій въ цѣломъ племени самъ по себѣ, безъ словъ и безъ договору, какъ нѣчто нравственно обязательное, и состоящій во взаимной поддержкѣ всѣхъ членовъ этого племени одного другимъ всегда, вездѣ и главное, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, — есть уже нѣчто гораздо существеннѣйшее всякаго заговора, и хотя конечно весьма похвальное, но, на худой конецъ, неодолимое.

Андрей Антоновичъ имѣлъ честь воспитываться въ одномъ изъ тѣхъ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеній которыя наполняются юношествомъ изъ болѣе одаренныхъ связями или богатствомъ семействъ. Воспитанники этого заведенія почти тотчасъ же по окончаніи курса назначались къ занятію довольно значительныхъ должностей по одному отдѣлу государственной службы. Андрей Антоновичъ имѣлъ одного дядю инженеръ-подполковника, а другаго булочника; но въ высшую школу протерся и встрѣтилъ въ ней довольно подобныхъ соплеменниковъ. Былъ онъ товарищъ веселый; учился довольно тупо, но его всѣ любили. И когда уже въ высшихъ классахъ, многіе изъ юношей, преимущественно Русскихъ, научились толковать о весьма высокихъ современныхъ вопросахъ, и съ такимъ видомъ что вотъ только дождаться выпуска и они порѣшатъ всѣ дѣла, — Андрей Антоновичъ все еще продолжалъ заниматься самыми невинными школьничествами. Онъ всѣхъ смѣшилъ, правда, выходками весьма не хитрыми, развѣ лишь цинически, но поставилъ это себѣ цѣлью. То какъ-нибудь удивительно высморкается когда преподаватель на лекціи обратится къ нему съ вопросомъ, — чѣмъ разсмѣшитъ и товарищей и преподавателя; то въ дортуарѣ

изобразить изъ себя какую-нибудь циническую живую картину, при всеобщихъ рукоплесканіяхъ; то сыграеть, единственно на своемъ носу (и довольно искусно), увертюру изъ *Фра-Діаволо*. Отличался тоже умысленнымъ неряшествомъ, находя это почему-то остроумнымъ. Въ самый послѣдній годъ онъ сталъ пописывать русскіе стихи. Свой собственный племенной языкъ зналъ онъ весьма неграмматически, какъ и многіе въ Россіи этого племени. Эта склонность къ стихкамъ свела его съ однимъ мрачнымъ и какъ бы забитымъ чѣмъ-то товарищемъ, сыномъ какого-то бѣднаго генерала, изъ Русскихъ, и который считался въ заведеніи великимъ будущимъ литераторомъ. Тотъ отнесся къ нему покровительственно. Но случилось такъ что по выходѣ изъ заведенія, уже года три спустя, этотъ мрачный товарищъ, бросившій свое служебное поприще для русской литературы и вслѣдствіе того уже щеголявшій въ разорванныхъ сапогахъ и стучавшій зубами отъ холода, въ лѣтнемъ пальто въ глубокую осень, встрѣтилъ вдругъ случайно у Аничкова моста своего бывшего protégé «Лембку», какъ всѣ впрочемъ называли того въ училищѣ. И что же? Онъ даже не узналъ его съ перваго взгляда и остановился въ удивленіи. Предъ нимъ стоялъ безукоризненно одѣтый молодой человѣкъ, съ удивительно отдѣланными бакенбардами рыжеватаго отлива, съ пенсне, въ лакированныхъ сапогахъ, въ самыхъ свѣжихъ перчаткахъ, въ широкомъ шармеровскомъ пальто и съ портфелемъ подъ мышкой. Лембке обласкалъ товарища, сказалъ ему адресъ и позвалъ къ себѣ когда-нибудь вечеркомъ. Оказалось тоже что онъ уже не «Лембка», а фонъ-Лембке. Товарищъ къ нему однако отправился, можетъ-быть единственно изъ злобы. На лѣстницѣ, довольно некрасивой и совсѣмъ уже не парадной, но устланной краснымъ сукномъ, его встрѣтилъ и опросилъ швейцаръ. Звонко прозвенѣлъ на верхъ колоколъ. Но вмѣсто богатствъ, которыя посѣтитель ожидалъ встрѣтить, онъ нашелъ своего «Лембку» въ боковой очень маленькой комнаткѣ, имѣвшей темный и ветхій видъ, разгороженной надвое большою темнозеленою занавѣсью, меблированной хоть и мягкою, но очень ветхою темнозеленою мебелью, съ темнозелеными сторами на узкихъ и высокихъ окнахъ. Фонъ-Лембке помѣщался у какого-то очень дальняго родственника, протежировавшаго его генерала. Онъ встрѣтилъ гостя привѣтливо, былъ серіозенъ и изящно вѣжливъ. Поговорили и о литературѣ, но въ приличныхъ предѣлахъ. Лакей въ бѣломъ галстукѣ принесъ жидковатаго чаю, съ маленькимъ, кругленькимъ сухимъ печеньемъ. Товарищъ изъ злобы попросилъ зельтерской воды. Ему подали, но съ нѣкоторыми задержками, причемъ Лембке какъ бы сконфузился призывая лишній разъ лакея и ему приказывая. Впрочемъ самъ предложилъ не хочетъ ли гость чего закусить и

видимо былъ доволенъ когда тотъ отказался и наконецъ ушелъ. Просто-за-просто Лембке начиналъ свою карьеру, а у единоплеменнаго, но важнаго генерала приживалъ.

Онъ въ то время вздыхалъ по пятой дочкѣ генерала, и ему, кажется, отвѣчали взаимностью. Но Амалію все-таки выдали, когда пришло время, за одного стараго заводчика Нѣмца, стараго товарища старому генералу. Андрей Антоновичъ не очень плакалъ, а склеилъ изъ бумаги театръ. Поднимался занавѣсъ, выходили актеры, дѣлали жесты руками; въ ложахъ сидѣла публика, оркестръ по машинкѣ водилъ смычками по скрипкамъ, капельмейстеръ махалъ палочкой, а въ партерѣ кавалеры и офицеры хлопали въ ладоши. Все было сдѣлано изъ бумаги, все выдуманно и сработано самимъ фонъ-Лембке; онъ просидѣлъ надъ театромъ полгода. Генералъ устроилъ нарочно интимный вечерокъ, театръ вынесли напоказъ, всѣ пять генеральскихъ дочекъ, съ новобрачною Амаліей, ея заводчикъ и многія барышни и барыни со своими Нѣмцами внимательно разсматривали и хвалили театръ; затѣмъ танцовали. Лембке былъ очень доволенъ и скоро утѣшился.

Прошли годы, и карьера его устроилась. Онъ все служилъ по виднымъ мѣстамъ и все подъ начальствомъ единоплеменниковъ, и дослужился наконецъ до весьма значительнаго, сравнительно съ его лѣтами, чина. Давно уже онъ желалъ жениться и давно уже осторожно высматривалъ. Втихомолку отъ начальства послалъ было повѣсть въ редакцію одного журнала, но ее не напечатали. За то склеилъ цѣлый поѣздъ желѣзной дороги, и опять вышла преудачная вещица: публика выходила изъ вокзала, съ чемоданами и саками, съ дѣтьми и собачками, и входила въ вагоны. Кондукторы и служителя расхаживали, звенѣлъ колокольчикъ, давался сигналъ, и поѣздъ трогался въ путь. Надъ этою хитрою штукой онъ просидѣлъ цѣлый годъ. Но все-таки надо было жениться. Кругъ знакомствъ его былъ довольно обширенъ, все больше въ нѣмецкомъ мірѣ; но онъ вращался и въ русскихъ сферахъ, разумѣется, по начальству. Наконецъ, когда уже стукнуло ему тридцать восемь лѣтъ, онъ получилъ и наслѣдство. Умеръ его дядя, булочникъ, и оставилъ ему тринадцать тысячъ по завѣщанію. Дѣло стало за мѣстомъ. Господинъ фонъ-Лембке, несмотря на довольно высокій пошибъ своей служебной сферы, былъ человѣкъ очень скромный. Онъ очень бы удовольствовался какимъ-нибудь самостоятельнымъ казеннымъ мѣстечкомъ, съ зависящимъ отъ его распоряженій пріемомъ казенныхъ дровъ, или чѣмъ-нибудь сладенькимъ въ этомъ родѣ, и такъ бы на всю жизнь. Но тутъ, вмѣсто какой-нибудь ожидаемой Минны или Эрнестины, подвернулася вдругъ Юлія Михайловна. Карьера его разомъ поднялась степенью виднѣе. Скромный и

аккуратный фонь-Лембке почувствовалъ что и онъ можетъ быть самолюбивымъ.

У Юліи Михайловны, по старому счету, было двѣсти душъ, и кромѣ того съ ней являлась большая протекція. Съ другой стороны, фонь-Лембке былъ красивъ, а ей уже за сорокъ. Замѣчательно что онъ мало-по-малу влюбился въ нее и въ самомъ дѣлѣ, по мѣрѣ того какъ все болѣе и болѣе ощущалъ себя женихомъ. Въ день свадьбы утромъ послалъ ей стихи. Ей все это очень нравилось, даже стихи: сорокъ лѣтъ не шутка. Въ скорости онъ получилъ извѣстный чинъ и извѣстный орденъ, а затѣмъ назначенъ былъ въ нашу губернію.

Собираясь къ намъ, Юлія Михайловна старательно поработала надъ супругомъ. По ея мнѣнію, онъ былъ не безъ способностей, умѣлъ войти и показаться, умѣлъ глубокомысленно выслушать и промолчать, схватилъ нѣсколько весьма приличныхъ осанокъ, даже могъ сказать рѣчь, даже имѣлъ нѣкоторые обрывки и кончики мыслей, схватилъ лоскъ новѣйшаго административнаго либерализма. Но все-таки ее безпокоило что онъ какъ-то ужъ очень мало воспріимчивъ, и послѣ долгаго, вѣчнаго исканія карьеры, рѣшительно начиналъ ощущать потребность покоя. Ей хотѣлось перелить въ него свое честолюбіе, а онъ вдругъ началъ клеить кирку: пасторъ выходилъ говорить проповѣдь, молящіеся слушали набожно сложивъ предъ собою руки, одна дама утирала платочкомъ слезы, одинъ старичокъ сморкался; подъ конецъ звенѣлъ органчикъ, который нарочно былъ заказанъ и уже выписанъ изъ Швейцаріи, несмотря на издержки. Юлія Михайловна даже съ какимъ-то испугомъ отобрала всю работу, только лишь узнала о ней, и заперла къ себѣ въ ящикъ; взамѣнъ того позволила ему писать романъ, но потихоньку. Съ тѣхъ поръ прямо стала разчитывать только на одну себя. Бѣда въ томъ что тутъ было порядочное легкомысліе и мало мѣрки. Судьба слишкомъ уже долго продержала ее въ старыхъ дѣвахъ. Идея за идеей замелькали теперь въ ея человѣколюбивомъ и нѣсколько раздраженномъ умѣ. Она питала замыслы, она рѣшительно хотѣла управлять губерніей, мечтала быть сейчасъ же окруженною, выбрала направленіе. Фонь-Лембке даже нѣсколько испугался, хотя скоро догадался, съ своимъ чиновничьимъ тактомъ, что собственно губернаторства пугаться ему вовсе нечего. Первые два, три мѣсяца протекли даже весьма удовлетворительно. Но тутъ подвернулся Петръ Степановичъ и стало происходить нѣчто странное.

Дѣло въ томъ что молодой Верховенскій съ перваго шагу обнаружилъ рѣшительную непочтительность къ Андрею Антоновичу и взялъ надъ нимъ какія-то странныя права, а Юлія Михайловна, всегда столь ревнивая къ значенію своего супруга, вовсе не хотѣла этого замѣчать;

по крайней мѣрѣ не придавала важности. Молодой человѣкъ сталъ ея фаворитомъ, ѣлъ, пилъ и почти спалъ въ домѣ. Фонъ-Лембке сталъ защищаться, называлъ его при людяхъ «молодымъ человѣкомъ», покровительственно трепалъ по плечу, но этимъ ничего не внушилъ: Петръ Степановичъ все какъ будто смѣялся ему въ глаза, даже разговаривая повидимому серьезно, а при людяхъ говорилъ ему самыя неожиданныя вещи. Однажды возвратясь домой, онъ нашелъ молодаго человѣка у себя въ кабинетѣ, спящимъ на диванѣ безъ приглашенія. Тотъ объяснилъ что зашелъ, но не заставъ дома, «кстати выпался». Фонъ-Лембке былъ обиженъ и снова пожаловался супругѣ: осмѣявъ его раздражительность, такъ колко замѣтила что онъ самъ видно не умѣетъ стать на настоящую ногу; по крайней мѣрѣ съ ней «этотъ мальчикъ» никогда не позволяетъ себѣ фамильярностей, а впрочемъ «онъ наивенъ и свѣжъ, хотя и внѣ рамокъ общества». Фонъ-Лембке надулся. Въ тотъ разъ она ихъ помирила. Петръ Степановичъ не то чтобы попросилъ извиненія, а отдѣлался какою-то грубою шуткой, которую въ другой разъ можно было бы принять за новое оскорбленіе, но въ настоящемъ случаѣ приняли за раскаяніе. Слабое мѣсто состояло въ томъ что Андрей Антоновичъ далъ маху съ самага начала, а именно сообщилъ ему свой романъ. Вообразивъ въ немъ пылкаго молодаго человѣка съ поэзіей и давно уже мечтающаго о слушателѣ, онъ еще въ первые дни знакомства прочелъ ему однажды вечеромъ двѣ главы. Тотъ выслушалъ не скрывая скуки, невѣжливо зѣвалъ, ни разу не похвалилъ, но уходя выпросилъ себѣ рукопись, чтобы дома на досугѣ составить мнѣніе, а Андрей Антоновичъ отдалъ. Съ тѣхъ поръ онъ рукописи не возвращалъ, хотя и забѣгалъ ежедневно, а на вопросъ отвѣчалъ только смѣхомъ; подъ конецъ объявилъ что потерялъ ее тогда же на улицѣ. Узнавъ о томъ, Юлія Михайловна разсердилась на своего супруга ужасно.

— Ужь не сообщилъ ли ты ему и о киркѣ? всполохнулась она чуть не въ испугѣ.

Фонъ-Лембке рѣшительно началъ задумываться, а задумываться ему было вредно и запрещено докторами. Кромѣ того что оказывалось много хлопотъ по губерніи, о чемъ скажемъ ниже, — тутъ была особая матерія, даже страдало сердце, а не то что одно начальническое самолюбіе. Вступая въ бракъ, Андрей Антоновичъ ни за что бы не предположилъ возможности семейныхъ раздоровъ и столкновеній въ будущемъ. Такъ всю жизнь воображалъ онъ, мечтающаго о Миннѣ и Эрнестинѣ. Онъ почувствовалъ что не въ состояніи переносить семейныхъ громовъ. Юлія Михайловна объяснилась съ нимъ наконецъ откровенно.

— Сердиться ты на это не можешь, сказала она, — уже потому что ты втрое его разсудительнѣе и неизмѣримо выше на общественной лѣстницѣ. Въ этомъ мальчикѣ еще много остатковъ прежнихъ вольнодумныхъ замашекъ, а по моему, просто шалость; но вдругъ нельзя, а надо постепенно. Надо дорожить нашею молодежью; я дѣйствую лаской и удерживаю ихъ на краю.

— Но онъ чортъ знаетъ что говоритъ, возражалъ фонъ-Лембке. — Я не могу относиться толерантно когда онъ при людяхъ и въ моемъ присутствіи утверждаетъ что правительство нарочно опаиваетъ народъ водкой, чтобъ его абрютировать и тѣмъ удержать отъ возстанія. Представь мою роль когда я принужденъ при всѣхъ это слушать.

Говоря это, фонъ-Лембке припомнилъ недавній разговоръ свой съ Петромъ Степановичемъ. Съ невинною цѣлію обезоружить его либерализмомъ, онъ показалъ ему свою собственную интимную коллекцію всевозможныхъ прокламацій, русскихъ и изъ-за границы, которую онъ тщательно собиралъ съ пятьдесятъ девятаго года, не то что какъ любитель, а просто изъ полезнаго любопытства. Петръ Степановичъ, угадавъ его цѣль, грубо выразился что въ одной строчкѣ иныхъ прокламацій болѣе смысла чѣмъ въ цѣлой какой-нибудь канцеляріи, «не исключая, пожалуй, и вашей».

Лембку покорило.

— Но это у насъ рано, слишкомъ рано, произнесъ онъ почти просительно, указывая на прокламаціи.

— Нѣтъ, не рано; вотъ вы же боитесь, стало-быть не рано.

— Но однакоже тутъ, напимѣръ, приглашеніе къ разрушенію церквей.

— Отчего же и нѣтъ? Вѣдь вы же умный человѣкъ и конечно сами не вѣруете, а слишкомъ хорошо понимаете что вѣра вамъ нужна чтобы народъ абрютировать. Правда честнѣе лжи.

— Согласенъ, согласенъ, я съ вами совершенно согласенъ, но это у насъ рано, рано.... морщился фонъ-Лембке.

— Такъ какой же вы послѣ этого чиновникъ правительства, если сами согласны ломать церкви и идти съ дрекольемъ на Петербургъ, а всю разницу ставите только въ срокъ?

Такъ грубо пойманный Лембке былъ сильно пикированъ.

— Это не то, не то, увлекался онъ все болѣе и болѣе раздражаясь въ своемъ самолюбіи; — вы какъ молодой человѣкъ, и главное, незнакомый съ нашими цѣлями, заблуждаетесь. Видите, милѣйшій Петръ Степановичъ, вы называете насъ чиновниками отъ правительства? Такъ. Самостоятельными чиновниками? Такъ. Но позвольте, какъ мы дѣйстви-

емъ? На насъ отвѣтственность, а въ результатѣ мы такъ же служимъ общему дѣлу какъ и вы. Мы только сдерживаемъ то что вы расшатываете и то что безъ насъ расползлось бы въ разныя стороны. Мы вамъ не враги, отнюдь нѣтъ, мы вамъ говоримъ: идите впередъ, прогрессируйте, даже расшатывайте, то-есть все старое, подлежащее передѣлкѣ; но мы васъ когда надо и сдержимъ въ необходимыхъ предѣлахъ и тѣмъ васъ же спасемъ отъ самихъ себя, потому что безъ насъ вы бы только расколохали Россію, лишивъ ее приличнаго вида, а наша задача въ томъ только и состоитъ чтобы заботиться о приличномъ видѣ. Проникнитесь что мы и вы взаимно другъ другу необходимы. Въ Англіи виги и торіи тоже взаимно другъ другу необходимы. Что же: мы торіи, а вы виги, я именно такъ понимаю.

Андрей Антоновичъ вошелъ даже въ паюсъ. Онъ любилъ поговорить умно и либерально еще съ самаго Петербурга, а тутъ, главное, никто не подслушивалъ. Петръ Степановичъ молчалъ и держалъ себя какъ-то не по обычному серіозно. Это еще болѣе подзадорило оратора.

— Знаете ли что я, «хозяинъ губерніи», продолжалъ онъ расхаживая по кабинету; — знаете ли что я по множеству обязанностей не могу исполнить ни одной, а съ другой стороны могу такъ же вѣрно сказать что мнѣ здѣсь нечего дѣлать. Вся тайна въ томъ что тутъ все зависитъ отъ взглядовъ правительства. Пусть правительство основываетъ тамъ хоть республику, ну тамъ изъ политики или для усмиренія страстей, а съ другой стороны, параллельно, пусть усилитъ губернаторскую власть, и мы, губернаторы, поглотимъ республику; да что республику: все что хотите поглотимъ; я по крайней мѣрѣ чувствую что я готовъ.... Однимъ словомъ, пусть правительство провозгласитъ мнѣ по телеграфу *activité dévorante*¹, и я даю *activité dévorante*. Я здѣсь прямо въ глаза сказалъ: «Милостивые государи, для уравниженія и процвѣтанія всѣхъ губернскихъ учрежденій необходимо одно: усиленіе губернаторской власти». Видите, надо чтобы всѣ эти учрежденія — земскія ли, судебныя ли — жили такъ-сказать двойственною жизнью, то-есть надобно чтобы они были (я согласенъ что это необходимо), ну а съ другой стороны, надо чтобы ихъ и не было. Все судя по взгляду правительства. Выйдетъ такой стихъ что вдругъ учрежденія окажутся необходимыми, и они тотчасъ же у меня явятся налицо. Пройдетъ необходимость, и ихъ никто у меня не отыщетъ. Вотъ какъ я понимаю *activité dévorante*, а ея не будетъ безъ усиленія губернаторской власти. Мы съ вами глазъ на глазъ говоримъ. Я, знаете, уже заявилъ въ Петербургѣ о необходимости особаго часоваго у дверей губернаторскаго дома. Жду отвѣта.

¹ бешеную активность (*франц.*).

— Вамъ надо двухъ, проговорилъ Петръ Степановичъ.
— Для чего же двухъ? остановился предъ нимъ фонъ-Лембке.
— Пожалуй одного-то мало чтобы васъ уважали. Вамъ надо непремѣнно двухъ.

Андрей Антоновичъ скривилъ лицо.

— Вы... вы Богъ знаетъ что позволяете себѣ, Петръ Степановичъ. Пользуясь моей добротой вы говорите колкости и разыгрываете какого-то *bourru bienfaisant*¹....

— Ну это какъ хотите, пробормоталъ Петръ Степановичъ, — а все-таки вы намъ прокладываете дорогу и приготавливаете нашъ успѣхъ.

— То-есть кому же намъ и какой успѣхъ? въ удивленіи уставился на него фонъ-Лембке, но отвѣта не получилъ.

Юлія Михайловна, выслушавъ отчетъ о разговорѣ, была очень недовольна.

— Но не могу же я, защищался фонъ-Лембке, — третировать начальнически твоего фаворита, да еще когда остается глазъ на глазъ.... Я могъ проговориться.... отъ добраго сердца.

— Отъ слишкомъ ужъ добраго. Я не знала что у тебя коллекція прокламацій, сдѣлай одолженіе покажи.

— Но.... но онъ ихъ выпросилъ къ себѣ на одинъ день.

— И вы опять дали! разсердилась Юлія Михайловна; — что за безтактность!

— Я сейчасъ пошлю къ нему взять.

— Онъ не отдастъ.

— Я потребую! вскипѣлъ фонъ-Лембке и вскочилъ даже съ мѣста. — Кто онъ чтобы такъ его опасаться, и кто я чтобы не смѣть ничего сдѣлать?

— Садитесь и успокойтесь, остановила Юлія Михайловна, — я отвѣчу на вашъ первый вопросъ: онъ отлично мнѣ зарекомендованъ, онъ со способностями и говоритъ иногда чрезвычайно умныя вещи. Кармазинъ увѣрялъ меня что онъ имѣетъ связи почти вездѣ и чрезвычайное вліяніе на столичную молодежь. А если я черезъ него привлеку ихъ всѣхъ и сгруппирую около себя, то я отвлеку ихъ отъ гибели, указавъ новую дорогу ихъ честолюбію. Онъ преданъ мнѣ всѣмъ сердцемъ и во всемъ меня слушается.

— Но вѣдь пока ихъ ласкать, они могутъ.... чортъ знаетъ что сдѣлать. — Для насъ же постараются. Увидятъ въ Петербургѣ до чего распустили — къ намъ же опять и воротятся. — Конечно, это идея....

---

¹ благотельного грубияна (*франц.*).

смутно защищался фонъ-Лембке, — но.... но вотъ я слышу въ —скомъ уѣздѣ появились какія-то прокламаціи.

— Но вѣдь этотъ слухъ былъ еще лѣтомъ, — прокламаціи, фальшивыя ассигнаціи, мало ли что, однако до сихъ поръ не доставили ни одной. Кто вамъ сказалъ?

— Я отъ фонъ-Блюмера слышалъ.

— Ахъ, избавьте меня отъ вашего Блюмера и никогда не смѣйте о немъ упоминать!

Юлія Михайловна вскипѣла и даже съ минуту не могла говорить. Фонъ-Блюмеръ былъ чиновникомъ при губернаторской канцеляріи, котораго она особенно ненавидѣла. Объ этомъ ниже.

— Пожалуста не безпокойся о Верховенскомъ, заключила она разговоръ, — еслибъ онъ участвовалъ въ какихъ-нибудь шалостяхъ, то не сталъ бы такъ говорить какъ онъ съ тобою и со всѣми здѣсь говорить. Фразеры не опасны и даже я такъ скажу, случись что-нибудь, я же первая чрезъ него и узнаю. Онъ фанатически, фанатически преданъ мнѣ.

Замѣчу, предупреждая событія, что еслибы не самомнѣніе и честолюбіе Юліи Михайловны, то пожалуй и не было бы всего того что успѣли натворить у насъ эти дурные людишки. Тутъ она во многомъ отвѣтственна!

ГЛАВА ПЯТАЯ. Предъ праздникомъ.

I.

День праздника задуманнаго Юліей Михайловной по подпискѣ въ пользу гувернантокъ нашей губерніи уже нѣсколько разъ назначали впередъ и откладывали. Около нея вертѣлись безсмѣнно Петръ Степановичъ, состоявшій на побѣгушкахъ маленькій чиновникъ Лямшинъ, въ оно время посѣщавшій Степана Трофимовича и вдругъ попавшій въ милость въ губернаторскомъ домѣ за игру на фортепіано; отчасти Липутинъ, котораго Юлія Михайловна прочила въ редакторы будущей, независимой губернской газеты; нѣсколько дамъ и дѣвицъ и наконецъ даже Кармазиновъ, который хоть и не вертѣлся, но вслухъ и съ довольнымъ видомъ объявилъ что пріятно изумить всѣхъ, когда начнется кадрили литературы. Подписчиковъ и жертвователей объявилось чрезвычайное множество, все избранное городское общество; но допускались и самые неизбранные, если только являлись съ деньгами. Юлія Михайловна

замѣтила что иногда даже должно допустить смѣшеніе сословій, «иначе кто жь ихъ просвѣтитъ?» Образовался негласный домашній комитетъ, на которомъ порѣшено было что праздникъ будетъ демократическій. Чрезмѣрная подписка манила на расходы; хотѣли сдѣлать что-то чудесное — вотъ почему и откладывалось. Все еще не рѣшались гдѣ устроить вечерній балъ: въ огромномъ ли домѣ предводительши, который та уступала для этого дня, или у Варвары Петровны въ Скворешникахъ? Въ Скворешники было бы далеконочко, но многіе изъ комитета настаивали что тамъ будетъ «вольнѣ». Самой Варварѣ Петровнѣ слишкомъ хотѣлось бы чтобы назначили у нея. Трудно рѣшить почему эта гордая женщина почти заискивала у Юліи Михайловны. Ей вѣроятно нравилось что та въ свою очередь почти принижается предъ Николаемъ Всеволодовичемъ и любезничаетъ съ нимъ какъ ни съ кѣмъ. Повторю еще разъ: Петръ Степановичъ все время и постоянно, шепотомъ, продолжалъ укоренять въ губернаторскомъ домѣ одну пущенную еще прежде идею, что Николай Всеволодовичъ человѣкъ имѣющій самыя таинственныя связи въ самомъ таинственномъ мірѣ и что навѣрно здѣсь съ какимъ-нибудь порученіемъ.

Странное было тогда настроеніе умовъ. Особенно въ дамскомъ обществѣ обозначилось какое-то легкомысліе и нельзя сказать чтобы мало-помалу. Какъ бы по вѣтру было пущено нѣсколько чрезвычайно развязныхъ понятій. Наступило что-то развеселое, легкое, не скажу чтобы всегда пріятное. Въ модѣ былъ нѣкоторый беспорядокъ умовъ. Потомъ, когда все кончилось, обвиняли Юлію Михайловну, ея кругъ и вліяніе; но врядъ ли все произошло отъ одной только Юліи Михайловны. Напротивъ, всѣ взапуски хвалили тогда новую губернаторшу за то что умѣетъ соединить общество и что стало вдругъ веселѣе. Произошло даже нѣсколько скандальныхъ случаевъ, въ которыхъ вовсе ужь была невиновата Юлія Михайловна; но всѣ тогда только хохотали и тѣшились, а останавливать было некому. Устояла, правда, въ сторонѣ довольно значительная кучка лицъ, съ своимъ особеннымъ взглядомъ на теченіе тогдашнихъ дѣлъ; но и эти еще тогда не ворчали; даже улыбались.

Я помню, образовался тогда какъ-то самъ собою довольно обширный кружокъ, центръ котораго пожалуй и вправду что находился въ губернаторскомъ домѣ. Въ этомъ интимномъ кружкѣ, толпившемся около Юліи Михайловны, конечно между молодежью, позволялось и даже вошло въ правило дѣлать разныя шалости — дѣйствительно иногда довольно развязныя. Въ кружкѣ было нѣсколько даже очень милыхъ дамъ. Молодежь устраивала пикники, вечеринки, иногда разѣзжали по городу цѣлою кавалькадой, въ экипажахъ и верхами. Искали приключеній,

даже нарочно подсочиняли и составляли ихъ сами, единственно для веселаго анекдота. Городъ нашъ третировали они какъ какой-нибудь городъ Глуповъ. Ихъ звали насмѣшниками или надсмѣшниками, потому что они мало чѣмъ брезгали. Случилось, на примѣръ, что жена одного мѣстнаго поручика, очень еще молоденькая брюнеточка, хотя и испитая отъ дурнаго содержанія у мужа, на одной вечеринкѣ, по легкомыслію, сѣла играть въ ералашъ по большой, въ надеждѣ выиграть себѣ на мантилю, и вмѣсто выигрыша проиграла пятнадцать рублей. Боясь мужа и не имѣя чѣмъ заплатить, она, припомнивъ прежнюю смѣлость, рѣшилась потихоньку попросить займы, тутъ же на вечеринкѣ, у сына нашего городскаго головы, пресквернаго мальчишки, истаскавшася не по лѣтамъ. Тотъ не только ей отказалъ, но еще пошелъ, хохоча вслухъ, сказать мужу. Поручикъ, дѣйствительно бѣдовавшій на одномъ только жалованьи, приведя домой супругу, натѣшился надъ нею до сыта, несмотря на вопли, крики и просьбы на колѣняхъ о прощеніи. Эта возмутительная исторія возбудила вездѣ въ городѣ только смѣхъ, и хотя бѣдная поручица и не принадлежала къ тому обществу которое окружало Юлію Михайловну, но одна изъ дамъ этой «кавалькады», эксцентричная и бойкая личность, знавшая какъ-то поручицу, заѣхала къ ней и просто-за-просто увезла ее къ себѣ въ гости. Тутъ ее тотчасъ же захватили наши шалуны, заласкали, задарили и продержали дня четыре не возвращая мужу. Она жила у бойкой дамы и по цѣлымъ днямъ развѣзжала съ нею и со всѣмъ разрѣзвившимся обществомъ въ прогулкахъ по городу, участвовала въ увеселеніяхъ, въ танцахъ. Ее все подбивали тащить мужа въ судъ, завести исторію. Увѣряли что всѣ поддержать ее, пойдутъ свидѣтельствовать. Мужъ молчалъ, не осмѣливаясь бороться. Бѣдняжка смекнула наконецъ что закопалась въ бѣду, и еле живая отъ страха убѣжала на четвертый день въ сумерки отъ своихъ покровителей къ своему поручику. Неизвѣстно въ точности что произошло между супругами; но двѣ ставни низенькаго деревяннаго домика въ которомъ поручикъ нанималъ квартиру не отпирались двѣ недѣли. Юлія Михайловна посердилась на шалуновъ, когда обо всемъ узнала, и была очень недовольна поступкомъ бойкой дамы, хотя та представляла ей же поручицу въ первый день ея похищенія. Впрочемъ объ этомъ скоро забыли.

Въ другой разъ, у одного мелкаго чиновника, почтеннаго съ виду семьянина, заѣзжіи изъ другаго уѣзда молодой челоуѣкъ, тоже мелкій чиновникъ, высваталъ дочку, семнадцатилѣтнюю дѣвочку, красотку известную въ городѣ всѣмъ. Но вдругъ узнали что въ первую ночь брака молодой супругъ поступилъ съ красоткой весьма невѣжливо, мстя ей за свою поруганную честь. Лямшинъ, почти бывшій свидѣтелемъ дѣла, по-

тому что на свадьбѣ запьянствовалъ и остался въ домѣ ночевать, чуть свѣтъ утромъ обѣжалъ всѣхъ съ веселымъ извѣстіемъ. Мигомъ образовалась компанія человѣкъ въ десять, всѣ до одного верхами, иные на наемныхъ казацкихъ лошадяхъ, какъ на примѣръ Петръ Степановичъ и Липутинъ, который несмотря на свою сѣдину, участвовалъ тогда почти на всѣхъ скандальныхъ похожденияхъ нашей вѣтренной молодежи. Когда молодые показались на улицѣ, на дрожкахъ парой, дѣлая визиты, узаконенные нашимъ обычаемъ непременно на другой же день послѣ вѣнца, несмотря ни на какія случайности, — вся эта кавалькада окружила дрожки съ веселымъ смѣхомъ и сопровождала ихъ цѣлое утро по городу. Правда, въ дома не входили, а ждали на коняхъ у воротъ; отъ особенныхъ оскорбленій жениху и невѣстѣ удержались, но все-таки произвели скандалъ. Весь городъ заговорилъ. Разумѣется всѣ хохотали. Но тутъ разсердился фонъ-Лембке и имѣлъ съ Юліей Михайловной опять оживленную сцену. Та тоже разсердилась чрезвычайно и вознамѣрилась было отказать шалунамъ отъ дому. Но на другой же день всѣмъ простила, вслѣдствіе увѣщаній Петра Степановича и нѣсколькихъ словъ Кармазина. Тотъ нашелъ «шутку» довольно остроумною.

— Это въ здѣшнихъ нравахъ, сказалъ онъ, — по крайней мѣрѣ характерно и... смѣло; и, смотрите, всѣ смѣются, а негодуютъ одна вы.

Но были шалости уже нестерпимыя, съ извѣстнымъ оттѣнкомъ.

Въ городѣ появилась книгоноша, продававшая Евангеліе, почтенная женщина, хотя и изъ мѣщанскаго званія. О ней заговорили, потому что о книгоношахъ только-что появились любопытные отзывы въ столичныхъ газетахъ. Опять тотъ же плутъ Лямшинъ, съ помощью одного семинариста, праздношатавашагося въ ожиданіи учительскаго мѣста въ школѣ, подложилъ потихоньку книгоношѣ въ мѣшокъ, будто бы покупая у нея книги, цѣлую пачку соблазнительныхъ мерзкихъ фотографій изъ-за границы, нарочно пожертвованныхъ для сего случая, какъ узнали потомъ, однимъ весьма почтеннымъ старичкомъ, фамилію котораго упускаю, съ важнымъ орденомъ на шеѣ и любившимъ, по его выраженію, «здоровый смѣхъ и веселую шутку». Когда бѣдная женщина стала вынимать святыя книги у насъ въ Гостиномъ ряду, то посыпались и фотографіи. Поднялся смѣхъ, ропотъ; толпа стѣснилась, стали ругаться, дошло бы и до побоевъ, еслибы не подоспѣла полиція. Книгоношу заперли въ каталашку, и только вечеромъ, стараніями Маврикія Николаевича, съ негодованіемъ узнавшаго интимныя подробности этой гадкой исторіи, освободили и выпроводили изъ города. Тутъ ужъ Юлія Михайловна рѣшительно прогнала было Лямшина, но въ тотъ же вечеръ наши цѣлою компаніей привели его къ ней, съ извѣстіемъ что онъ выдумалъ новую

особенную штучку на фортепьяно и уговорили ее лишь выслушать. Штучка въ самомъ дѣлѣ оказалась забавною, подѣ смѣшнымъ названіемъ: «Франко-Прусская война». Начинаясь она грозными звуками *Марсельезы*:

«Qu' un sang impur abreuve nos sillons!»¹

Слышался напыщенный вызовъ, упоеніе будущими побѣдами. Но вдругъ, вмѣстѣ съ мастерски варьированными тактами гимна, гдѣ-то сбоку, внизу, въ уголку, но очень близко, послышались гаденькіе звуки *Mein lieber Augustin*². *Марсельеза* не замѣчаетъ ихъ, *Марсельеза* на высшей точкѣ упоенія своимъ величіемъ; но *Augustin* укрѣпляется, *Augustin* все нахальнѣе, и вотъ такты *Augustin* какъ-то неожиданно начинаютъ совпадать съ тактами *Марсельезы*. Та начинаетъ какъ бы сердиться; она замѣчаетъ наконецъ *Augustin*, она хочетъ сбросить ее, отогнать какъ навязчивую ничтожную муху, но *Mein lieber Augustin* уцѣпилась крѣпко; она весела и самоувѣрена; она радостна и нахальна; и *Марсельеза* какъ-то вдругъ ужасно глупѣетъ: она уже не скрываетъ что раздражена и обижена; это вопли негодованія, это слезы и клятвы съ простертыми къ Провидѣнію руками:

Pas un pouce de notre terrain, pas une pierre de nos forteresses!³

Но уже она принуждена пѣть съ *Mein lieber Augustin* въ одинъ тактъ. Ея звуки какъ-то глупѣйшимъ образомъ переходятъ въ *Augustin*, она склоняется, погасаетъ. Изрѣдка лишь, прорывомъ, послышится опять: «qu'un sang impur...» но тотчасъ же преобидно перескочитъ въ гаденькій вальсъ. Она смиряется совершенно: это Жюль Фавръ, рыдающій на груди Бисмарка и отдающій все, все.... Но тутъ уже свирѣпѣетъ и *Augustin*: слышатся сильные звуки, чувствуется безмѣрно выпитое пиво, бѣшенство самохвальства, требованія миллиардовъ, тонкихъ сигаръ, шампанскаго и заложниковъ; *Augustin* переходитъ въ неистовый ревъ.... Франко-Прусская война оканчивается. Наши аплодируютъ, Юлія Михайловна улыбается и говоритъ: «ну какъ его прогнать?» Миръ заключенъ. У мерзавца дѣйствительно былъ талантикъ. Степанъ Трофимовичъ увѣрялъ меня однажды что самые высокіе художественные таланты могутъ быть ужаснѣйшими мерзавцами и что одно другому не мѣшаетъ. Былъ потомъ слухъ что Лямшинъ укралъ эту піеску у одного

¹ Пусть нечистая кровь напоит наши нивы (франц.).

² Моего милого Августина (нем.).

³ Ни одной пяди нашей земли, ни одного камня наших крепостей! (франц.).

талантливаго и скромнаго молодаго человѣка, знакомаго ему проѣзжаго, который такъ и остался въ неизвѣстности; но это въ сторону. Этотъ негодяй, который нѣсколько лѣтъ вертѣлся предъ Степаномъ Трофимовичемъ, представляя на его вечеринкахъ, по востребованію, разныхъ жидковъ, исповѣдь глухой бабы или родины ребенка, теперь уморительно каррикатурилъ иногда у Юліи Михайловны между прочимъ и самого Степана Трофимовича, подъ названіемъ: «Либераль сороковыхъ годовъ». Всѣ покатывались со смѣху, такъ что подъ конецъ его рѣшительно нельзя было прогнать: слишкомъ нужнымъ сталъ человѣкомъ. Къ тому же онъ раболѣпно заискивалъ у Петра Степановича, который въ свою очередь пріобрѣлъ къ тому времени до странности сильное вліяніе на Юлію Михайловну....

Но я не заговорилъ бы объ этомъ мерзавцѣ особливо и не стоилъ бы онъ того чтобы на немъ останавливаться; но тутъ произошла одна возмущающая исторія, въ которой онъ, какъ увѣряютъ, тоже участвовалъ, а исторіи этой я никакъ не могу обойти въ моей хроникѣ.

Въ одно утро пронеслась по всему городу вѣсть объ одномъ безобразномъ и возмутительномъ кощунствѣ. При входѣ на нашу огромную рыночную площадь находится вѣтхая церковь Рождества Богородицы, составляющая замѣчательную древность въ нашемъ древнемъ городѣ. У вратъ ограды издавна помѣщалась большая икона Богоматери, вдѣланная за рѣшеткой въ стѣну. И вотъ икона была въ одну ночь ограблена, стекло кіота выбито, рѣшетка изломана и изъ вѣнца и ризы было вынуто нѣсколько камней и жемчужинъ, не знаю очень ли драгоцѣнныхъ. Но главное въ томъ что кромѣ кражи совершено было бессмысленное, глумительное кощунство: за разбитымъ стекломъ иконы нашли, говорятъ, утромъ живую мышъ. Положительно извѣстно теперь, четыре мѣсяца спустя, что преступленіе совершено было каторжнымъ Оедькой, но почему прибавляютъ тутъ и участіе Лямшина. Тогда никто не говорилъ о Лямшинѣ и совсѣмъ не подозрѣвали его, а теперь всѣ утверждаютъ что это онъ впустилъ тогда мышъ. Помню, все наше начальство немного потерялось. Народъ толпился у мѣста преступленія съ утра. Постоянно стояла толпа, хоть и не Богъ знаетъ какая, но все-таки человѣкъ во сто. Одни приходили, другіе уходили. Подходившіе крестились, прикладывались къ иконѣ; стали подавать, и явилось церковное блюдо, а у блюда монахъ, и только къ тремъ часамъ пополудни начальство догадалось что можно народу приказать и не останавливаться толпой, а помолившись, приложившись и пожертвовавъ проходить мимо. На фонѣ-Лембке этотъ несчастный случай произвелъ самое мрачное впечатлѣніе. Юлія Михайловна, какъ передавали мнѣ, выразилась потомъ что съ этого

зловѣщаго утра она стала замѣчать въ своемъ супругѣ то странное уныніе, которое не прекращалось у него потомъ вплоть до самаго выѣзда, два мѣсяца тому назадъ, по болѣзни, изъ нашего города, и кажется сопровождаетъ его теперь и въ Швейцаріи, гдѣ онъ продолжаетъ отдыхать послѣ краткаго, но сильнаго своего поприща въ нашей губерніи.

Помню въ первомъ часу пополудни я зашелъ тогда на площадь; толпа была молчалива и лица важно-угрюмыя. Подъѣхалъ на дрожкахъ купецъ, жирный и желтый, вылѣзъ изъ экипажа, отдалъ земной поклонъ, приложился, пожертвовалъ рубль, охая взобрался на дрожки и опять уѣхалъ. Подъѣхала и коляска съ двумя нашими дамами въ сопровожденіи двухъ нашихъ шалуновъ. Молодые люди (изъ коихъ одинъ былъ уже не совсѣмъ молодой) вышли тоже изъ экипажа и протѣснились къ иконѣ, довольно небрежно отстраняя народъ. Оба шляпъ не скинули, а одинъ надвинулъ на носъ пенсне. Въ народѣ зароптали, правда, глухо, но непривѣтливо. Молодецъ въ пенсне вынулъ изъ портмоне, туго-набитаго кредитками, мѣдную копѣйку и бросилъ на блюдо; оба, смѣясь и громко говоря, повернулись къ коляскѣ. Въ эту минуту вдругъ подскочила въ сопровожденіи Маврикія Николаевича Лизавета Николаевна. Она соскочила съ лошади, бросила поводъ своему спутнику, оставшемуся по ея приказанію на конѣ, и подошла къ образу именно въ то время когда брошена была копейка. Румянецъ негодованія залилъ ея щеки; она сняла свою круглую шляпу, перчатки, упала на колѣни предъ образомъ, прямо на грязный тротуаръ, и благоговѣйно положила три земныхъ поклона. Затѣмъ вынула свой портмоне, но такъ какъ въ немъ оказалось только нѣсколько гривенниковъ, то мигомъ сняла свои бриліантовыя серьги и положила на блюдо.

— Можно, можно? На украшеніе ризы? вся въ волненіи спросила она монаха.

— Позволительно, отвѣчалъ тотъ; всякое даяніе благо.

Народъ молчалъ, не выказывая ни порицанія, ни одобренія; Лизавета Николаевна сѣла на коня въ загрязненномъ своемъ платьѣ и ускакала.

II.

Два дня спустя послѣ сейчасть описаннаго случая, я встрѣтилъ ее въ многочисленной компаніи, отправлявшейся куда-то въ трехъ коляскахъ, окруженныхъ верховыми. Она поманила меня рукой, остановила коляску и настоятельно потребовала чтобъ я присоединился къ ихъ обществу. Въ коляскѣ нашлось мнѣ мѣсто, и она отрекомендовала меня смѣясь

своимъ спутницамъ, пышнымъ дамамъ, а мнѣ пояснила что всѣ отправляются въ чрезвычайно интересную экспедицію. Она хохотала и казалась что-то ужъ не въ мѣру счастливою. Въ самое послѣднее время она стала весела какъ-то до рѣзвости. Дѣйствительно предпріятіе было эксцентрическое: всѣ отправлялись за рѣку, въ домъ купца Севостьянова, у котораго во флигелѣ, вотъ ужъ лѣтъ съ десять, проживалъ на покоѣ, въ довольствѣ и въ холѣ, извѣстный не только у насъ, но и по окрестнымъ губерніямъ и даже въ столицахъ Семенъ Яковлевичъ, нашъ блаженный и пророчествующій. Его всѣ посѣщали, особенно заѣзжіе, добиваясь юродиваго слова, поклоняясь и жертвуя. Пожертвованія, иногда значительныя, если не распорядился ими тутъ же самъ Семенъ Яковлевичъ, были набожно отправляемы въ храмъ Божій и по преимуществу въ нашъ Богородскій монастырь; отъ монастыря съ этою цѣлью постоянно дежурилъ при Семенѣ Яковлевичѣ монахъ. Всѣ ожидали большаго веселія. Никто изъ этого общества еще не видалъ Семена Яковлевича. Одинъ Лямшинъ былъ у него когда-то прежде и увѣрялъ теперь что тотъ велѣлъ его прогнать метлой и пустилъ ему вслѣдъ собственною рукою двумя большими вареными картофелинами. Между верховыми я замѣтилъ и Петра Степановича, опять на наемной казацкой лошади, на которой онъ весьма скверно держался, и Николая Всеволодовича тоже верхомъ. Этотъ не уклонялся отъ всеобщихъ увеселеній и въ такихъ случаяхъ всегда имѣлъ прилично веселую мину, хотя попрежнему говорилъ мало и рѣдко. Когда экспедиція поравнялась, спускаясь къ мосту, съ городскою гостиницей, кто-то вдругъ объявилъ что въ гостиницѣ, въ номерѣ, сейчасъ только нашли застрѣливагося проѣзжаго и ждутъ полицію. Тотчасъ же явилась мысль посмотрѣть на самоубійцу. Мысль поддержали; наши дамы никогда не видали самоубійцы. Помню, одна изъ нихъ сказала тутъ же вслухъ что «все такъ ужъ прискучило, что нечего церемониться съ развлеченіями, было бы занимательно». Только немногіе остались ждать у крыльца; остальные же гурьбой въ грязный корридоръ, и между прочими я къ удивленію увидалъ и Лизавету Николаевну. Номеръ застрѣливагося былъ отпертъ, и разумѣется насъ не посмѣли не пропустить. Это былъ еще молоденькій мальчикъ, лѣтъ девятнадцати, никакъ не болѣе, очень должно-быть хорошенькій собой, съ густыми бѣлокурыми волосами, съ правильнымъ овальнымъ обликомъ, съ чистымъ прекраснымъ лбомъ. Онъ уже окоченѣлъ, и бѣленькое личико его казалось какъ будто изъ мрамора. На столѣ лежала записка, его рукою, чтобы не винили никого въ его смерти и что онъ застрѣлился потому что «прокутилъ» четыреста рублей. Слово прокутилъ такъ и стояло въ запискѣ: въ четырехъ ея строчкахъ нашлось три грамматическихъ

ошибки. Тутъ особенно охаль надъ нимъ какой-то повидимому сосѣдъ его, толстый помѣщикъ, стоявшій въ другомъ номерѣ по своимъ дѣламъ. Изъ словъ того оказалось что мальчикъ отправленъ былъ семействомъ, вдовою матерью, сестрами и тетками, изъ деревни ихъ въ городъ, чтобы, подъ руководствомъ проживавшей въ городѣ родственницы, сдѣлать разныя покупки для приданаго старшей сестры, выходявшей замужъ, и доставить ихъ домой. Ему ввѣрили эти четыреста рублей, накопленные десятилѣтіями, охая отъ страху и напутствуя его безконечными назидаціями, молитвами и крестами. Мальчикъ доселѣ былъ скромень и благонадеженъ. Приѣхавъ три дня тому назадъ въ городъ, онъ къ родственницѣ не явился, остановился въ гостиницѣ и пошелъ прямо въ клубъ, въ надеждѣ отыскать гдѣ-нибудь въ задней комнатѣ какого-нибудь заѣзжаго банкомета или по крайней мѣрѣ стуюлку. Но стуюлки въ тотъ вечеръ не было, банкомета тоже. Возвратясь въ номеръ уже около полуночи, онъ потребовалъ шампанскаго, гаванскихъ сигаръ и заказалъ ужинъ изъ шести или семи блюдъ. Но отъ шампанскаго опьянѣлъ, отъ сигары его стошнило, такъ что до внесенныхъ кушаній и не притронулся, а улегся спать чуть не безъ памяти. Проснувшись на завтра, свѣжій какъ яблоко, тотчасъ же отправился въ цыганскій таборъ, помѣщавшійся за рѣкой въ слободкѣ, о которомъ услыхалъ вчера въ клубѣ, и въ гостиницу не являлся два дня. Наконецъ вчера, часамъ къ пяти пополудни, прибылъ хмѣльной, тотчасъ легъ спать и проспалъ до десяти часовъ вечера. Проснувшись спросилъ котлетку, бутылку шато-дикему и винограду, бумаги, чернилъ и счетъ. Никто не замѣтилъ въ немъ ничего особеннаго; онъ былъ спокоенъ, тихъ и ласковъ. Должно-быть онъ застрѣлился еще около полуночи, хотя странно что никто не слыхалъ выстрѣла, а хватились только сегодня въ часъ пополудни, и не достучавшись, выломали дверь. Бутылка шато-дикему была на половину опорожнена, винограду оставалось тоже съ полтарелки. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ изъ трехствольнаго маленькаго револьвера прямо въ сердце. Крови вытекло очень мало; револьверъ выпалъ изъ рукъ на коверъ. Самъ юноша полулежалъ въ углу на диванѣ. Смерть должно-быть произошла мгновенно; никакого смертнаго мученія не замѣчалось въ лицѣ; выраженіе было спокойное, почти счастливое, только-бы жить. Всѣ наши разсматривали съ жаднымъ любопытствомъ. Вообще въ каждомъ несчастіи ближняго есть всегда нѣчто веселящее посторонній глазъ — и даже кто-бы вы ни были. Наши дамы разсматривали молча, спутники же отличались остротой ума и высшимъ присутствіемъ духа. Одинъ замѣтилъ что это наилучшій исходъ и что умнѣе мальчикъ и не могъ ничего выдумать; другой заключилъ что хоть мигъ да хорошо по-

жилъ. Третій вдругъ брякнулъ: почему у насъ такъ часто стали вѣшаться и застрѣливаться, — точно съ корней соскочили, точно полъ изъ-подъ ногъ у всѣхъ выскользнулъ? На резонера непривѣтливо посмотрѣли. За то Лямшинъ, ставившій себѣ за честь роль шута, стянулъ съ тарелки кисточку винограду, за нимъ смѣясь другой, а третій протянулъ было руку и къ шато-дикему. Но остановилъ прибывшій полицеймейстеръ, и даже, сгоряча конечно, попросилъ «очистить комнату». Такъ какъ всѣ уже наглядѣлись, то тотчасъ же безъ спору и вышли, хотя Лямшинъ и присталъ было съ чѣмъ-то къ полицеймейстеру. Всеобщее веселье, смѣхъ и рѣзвый говоръ въ остальную половину дороги почти вдвое оживились.

Прибыли къ Семену Яковлевичу ровно въ часъ пополудни. Ворота довольно большаго купеческаго дома стояли настежь и доступъ во флигель былъ открытъ. Тотчасъ же узнали что Семень Яковлевичъ изволить обѣдать, но принимаетъ. Вся наша толпа вошла разомъ. Комната въ которой принималъ и обѣдалъ блаженный была довольно просторная, въ три окна, и разгорожена поперегъ на двѣ равныя части деревянною рѣшеткой отъ стѣны до стѣны, по поясъ высотой. Обыкновенные посѣтители оставались за рѣшеткой, а счастливыцы допускались, по указанію блаженнаго, чрезъ дверцы рѣшетки въ его половину, и онъ сажалъ ихъ, если хотѣлъ, на свои старыя кожаныя кресла и на диванъ; самъ же засѣдалъ неизмѣнно въ старинныхъ истертыхъ вольтеровскихъ креслахъ. Это былъ довольно большой, одутловатый, желтый лицомъ человекъ, лѣтъ пятидесяти пяти, бѣлокурый и лысый, съ жидкими волосами, брившій бороду, съ раздутою правою щекой и какъ бы нѣсколько перекосившимся ртомъ, съ большою бородавкой близъ лѣвой ноздри, съ узенькими глазками и съ спокойнымъ, солиднымъ, заспаннымъ выраженіемъ лица. Одѣтъ былъ по-нѣмецки, въ черный сюртукъ, но безъ жилета и безъ галстука. Изъ-подъ сюртука выглядывала довольно толстая, но бѣлая рубашка; ноги, кажется, больныя, держалъ въ туфляхъ. Я слышалъ что когда-то онъ былъ чиновникомъ и имѣетъ чинъ. Онъ только-что откушалъ уху изъ легкой рыбки и принялся за второе свое кушанье — картофель въ мундирѣ съ солью. Другаго ничего и никогда не вкушалъ; пилъ только много чаю, котораго былъ любителемъ. Около него сновало человекъ три прислуги, содержавшейся отъ купца; одинъ изъ слугъ былъ во фракѣ, другой похожъ былъ на артельщика, третій на причетника. Былъ еще и мальчишка лѣтъ шестнадцати, весьма рѣзвый. Кромѣ прислуги присутствовалъ и почтенный сѣдой монахъ съ кружкой, немного слишкомъ полный. На одномъ изъ столовъ кипѣлъ огромнѣйшій самоваръ, и стоялъ подносъ чуть не съ двумя дюжинами стакановъ. На

другомъ столѣ, противоположномъ, помѣщались приношенія: нѣсколько головъ и фунтиковъ сахару, фунта два чаю, пара вышитыхъ туфлей, фуляровый платокъ, отрѣзокъ сукна, штука холста и пр. Денежныя пожертвованія почти всѣ поступали въ кружку монаха. Въ комнатѣ было людно — человѣкъ до дюжины однихъ посѣтителей, изъ коихъ двое сидѣли у Семена Яковлевича за рѣшеткой; то были сѣденькій старичокъ, богомолецъ, изъ «простыхъ», и одинъ маленькій, сухенькій захожій монашекъ, сидѣвшій чинно и потупивъ очи. Прочіе посѣтители всѣ стояли по сю сторону рѣшетки, все тоже больше изъ простыхъ, кромѣ одного толстаго купца, прѣзжаго изъ уѣзднаго города, бородача одѣтаго порусски, но котораго знали за стотысячника; одной пожилой и убогой дворянки и одного помѣщика. Всѣ ждали своего счастья, не осмѣливаясь заговорить сами. Человѣка четыре стояли на колѣняхъ, но всѣхъ болѣе обращалъ на себя вниманіе помѣщикъ, человѣкъ толстый, лѣтъ сорока пяти, стоявшій на колѣняхъ у самой рѣшетки, ближе всѣхъ на виду и съ благоговѣніемъ ожидавшій благосклоннаго взгляда или слова Семена Яковлевича. Стоялъ онъ уже около часу, а тотъ все не замѣчалъ.

Наши дамы стѣснились у самой рѣшетки, весело и смѣшливо шушукая. Стоявшихъ на колѣняхъ и всѣхъ другихъ посѣтителей оттѣснили или заслонили, кромѣ помѣщика, который упорно остался на виду, ухватясь даже руками за рѣшетку. Веселые и жадно-любопытные взгляды устремились на Семена Яковлевича, равно какъ лорнеты, пенсне и даже бинокли; Лямшинъ по крайней мѣрѣ разсматривалъ въ бинокль. Семень Яковлевичъ спокойно и лѣниво окинулъ всѣхъ своими маленькими глазками.

— Миловзоры! миловзоры! изволилъ онъ выговорить сиплымъ баскомъ и съ легкимъ восклицаніемъ.

Всѣ наши засмѣялись: «Что значитъ миловзоры?» Но Семень Яковлевичъ погрузился въ молчаніе и доѣдалъ свой картофель. Наконецъ утерся салфеткой, и ему подали чаю.

Кушалъ онъ чай обыкновенно не одинъ, а наливалъ и посѣителямъ, но далеко не всякому, обыкновенно указывая самъ кого изъ нихъ осчастливить. Распоряженія эти всегда поражали своею неожиданностью. Минуя богачей и сановниковъ, приказывалъ иногда подавать мужику или какой-нибудь ветхой старушонкѣ; другой разъ, минуя нищую братію, подавалъ какому-нибудь одному жирному купцу-богачу. Наливалось тоже разное, однимъ въ накладку, другимъ въ прикуску, а третьимъ и вовсе безъ сахара. На этотъ разъ осчастливлены были захожій монашекъ стаканомъ въ накладку, и старичокъ богомолецъ, которому дали совсѣмъ безъ сахара. Толстому же монаху съ кружкой изъ мона-

стыря почему-то не поднесли вовсе, хотя тотъ, до сихъ поръ, каждый день получалъ свой стаканъ.

— Семень Яковлевичъ, скажите мнѣ что-нибудь, я такъ давно желала съ вами познакомиться, пропѣла съ улыбкой и прищуриваясь та пышная дама изъ нашей коляски которая замѣтила давеча что съ развлеченіями нечего церемониться, было бы занимательно. Семень Яковлевичъ даже не поглядѣлъ на нее. Помѣщикъ стоявшій на колѣняхъ звучно и глубоко вздохнулъ, точно приподняли и опустили большіе мѣхи.

— Въ накладку! указалъ вдругъ Семень Яковлевичъ на купца столычаника; тотъ выдвинулся впередъ и сталъ рядомъ съ помѣщикомъ.

«Еще ему сахару!» приказалъ Семень Яковлевичъ, когда уже налили стаканъ; положили еще порцію. «Еще, еще ему!» положили еще въ третій разъ и наконецъ въ четвертый. Купецъ безпрекословно сталъ пить свой сиропъ.

— Господи! зашепталъ и закрестился народъ. Помѣщикъ опять звучно и глубоко вздохнулъ.

— Батюшка! Семень Яковлевичъ! раздался вдругъ горестный, но рѣзкій до того что трудно было и ожидать, голосъ убогой дамы, которую наши оттерли къ стѣнѣ. — Цѣлый часъ, родной, благодати ожидаю. Изреки ты мнѣ, разсуди меня сироту.

— Спроси, указалъ Семень Яковлевичъ слугѣ причетнику. Тотъ подошелъ къ рѣшеткѣ:

— Исполнили ли то что приказалъ въ прошлый разъ Семень Яковлевичъ? спросилъ онъ вдову тихимъ и размѣреннымъ голосомъ.

— Какое, батюшка Семень Яковлевичъ, исполнила, исполнишь съ ними! завопила вдова, — людодѣды, просьбу на меня въ окружной подаютъ, въ сенатъ грозятъ; это на родную-то мать!...

— Дать ей!... указалъ Семень Яковлевичъ на голову сахару. Мальчишка подскочилъ, схватилъ голову и потащилъ ко вдовѣ.

— Охъ, батюшка, велика твоя милость. И куда мнѣ столько? завопила было вдовица.

— Еще, еще! награждалъ Семень Яковлевичъ.

Притащили еще голову. «Еще, еще», приказывалъ блаженный; принесли третью и наконецъ четвертую. Вдовицу обставили сахаромъ со всѣхъ сторонъ. Монахъ отъ монастыря вздохнулъ: все это бы сегодня же могло попасть въ монастырь, по прежнимъ примѣрамъ.

— Да куда мнѣ столько? принижено охала вдовица, стошнить одну-то!... Да ужъ не пророчество ли какое, батюшка?

— Такъ и есть, пророчество, проговорилъ кто-то въ толпѣ.

— Еще ей фунтъ, еще! не унимался Семень Яковлевичъ.

На столѣ оставалась еще цѣлая голова, но Семень Яковлевичъ указалъ подать фунтъ, и вдовѣ подали фунтъ.

— Господи, господи! вздыхалъ и крестился народъ. — Видимое пророчество.

— Усладите впередъ сердце ваше добротой и милостію и потомъ уже приходите жаловаться на родныхъ дѣтей, кость отъ костей своихъ, вотъ что, должно полагать, означаетъ эмблема сія, тихо, но самодовольно проговорилъ толстый, но обнесенный чаемъ монахъ отъ монастыря, въ припадкѣ раздраженнаго самолюбія взявъ на себя толкованіе.

— Да что ты, батюшка, озлилась вдругъ вдовица, — да они меня на арканѣ въ огонь тащили, когда у Верхишиныхъ загорѣлось. Они мнѣ мертву кошку въ укладку заперли, то-есть всякое-то безчинство готовы....

— Гони, гони! вдругъ замахалъ руками Семень Яковлевичъ.

Причетникъ и мальчишка вырвались за рѣшетку. Причетникъ взялъ вдову подъ руки, и она, присмирѣвъ, потащилась къ дверямъ, озираясь на даренія сахарныя головы, которыя за нею поволокъ мальчишка.

— Одну отнять, отними! приказалъ Семень Яковлевичъ остававшемуся при немъ артельщику. Тотъ бросился за уходившими, и всѣ трое слугъ воротились черезъ нѣсколько времени, неся обратно разъ подаренную и теперь отнятую у вдовицы одну голову сахару; она унесла однакоже три.

— Семень Яковлевичъ, раздался чей-то голосъ сзади у самыхъ дверей, — видѣлъ я во снѣ птицу, галку, вылетѣла изъ воды и полетѣла въ огонь. Что сей сонъ значить?

— Къ морозу, произнесъ Семень Яковлевичъ.

— Семень Яковлевичъ, что же вы мнѣ-то ничего не отвѣтили, я такъ давно вами интересуюсь, начала было опять наша дама.

— Спроси! указалъ вдругъ, не слушая ея, Семень Яковлевичъ на помѣщика стоявшаго на колѣняхъ.

Монахъ отъ монастыря, которому указано было спросить, степенно подошелъ къ помѣщику.

— Чѣмъ согрѣшили? И не велѣно ль было чего исполнить?

— Не драться, рукамъ воли не давать, сипло отвѣчалъ помѣщикъ.

— Исполнили? спросилъ монахъ.

— Не могу выполнить, собственная сила одолѣваетъ.

— Гони, гони! Метлой его, метлой! замахалъ руками Семень Яковлевичъ. Помѣщикъ, не дожидаясь исполненія кары, вскочилъ и бросился вонъ изъ комнаты.

— На мѣстѣ златницу оставили, провозгласилъ монахъ подымая съ полу полуимперіаль.

— Вотъ кому! ткнулъ пальцемъ на стотысячника купца Семень Яковлевичъ. Стотысячникъ не посмѣлъ отказаться и взять.

— Злато къ злату, не утерпѣлъ монахъ отъ монастыря.

— А этому въ накладку, указалъ вдругъ Семень Яковлевичъ на Маврикія Николаевича. Слуга налилъ чаю и поднесъ было ошибкой френту въ пенсне.

— Длинному, длинному, поправилъ Семень Яковлевичъ.

Маврикій Николаевичъ взялъ стаканъ, отдалъ военный полу-поклонъ и началъ пить. Не знаю почему всѣ наши такъ и покатались со смѣху.

— Маврикій Николаевичъ! обратилась къ нему вдругъ Лиза; — тотъ господинъ на колѣняхъ ушелъ, станьте на его мѣсто на колѣни.

Маврикій Николаевичъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на нее.

— Прошу васъ, вы сдѣлаете мнѣ большое удовольствіе. Слушайте, Маврикій Николаевичъ, начала она вдругъ настойчивою, упрямою, горячею скороговоркой, — непременно станьте, я хочу непременно видѣть какъ вы будете стоять. Если не станете — и не приходите ко мнѣ. Непременно хочу, непременно хочу!...

Я не знаю что она хотѣла этимъ сказать; но она требовала настойчиво, неумолимо, точно была въ припадкѣ. Маврикій Николаевичъ растолковывалъ, какъ увидимъ ниже, такіе капризные порывы ея, особенно частые въ послѣднее время, вспышками слѣпой къ нему ненависти, и не то чтобъ отъ злости, — напротивъ, она чтила, любила и уважала его, и онъ самъ это зналъ, — а отъ какой-то особенной безсознательной ненависти, съ которою она никакъ не могла справиться минутами.

Онъ молча передалъ чашку какой-то сзади него стоявшей старушонкѣ, отворилъ дверцу рѣшетки, безъ приглашенія шагнулъ въ интимную половину Семена Яковлевича и сталъ среди комнаты на колѣни, на виду у всѣхъ. Думаю что онъ слишкомъ былъ потрясенъ въ деликатной и простой душѣ своей грубою, глумительною выходкой Лизы, въ виду всего общества. Можетъ-быть ему подумалось что ей станетъ стыдно за себя, видя его униженіе, на которомъ она такъ настаивала. Конечно, никто не рѣшился бы исправлять такимъ наивнымъ и рискованнымъ способомъ женщину, кромѣ него. Онъ стоялъ на колѣняхъ съ своею невозмутимою важною въ лицѣ, длинный, нескладный, смѣшной. Но наши не

смѣялись; неожиданность поступка произвела болѣзненный эффектъ. Всѣ глядѣли на Лизу.

— Елей, елей! пробормоталъ Семень Яковлевичъ.

Лиза вдругъ поблѣднѣла, вскрикнула, ахнула и бросилась за рѣшетку. Тутъ произошла быстрая, истерическая сцена: она изо всѣхъ силъ стала подымать Маврикія Николаевича съ колѣнъ, дергая его обѣими своими руками за локоть.

— Вставайте, вставайте! вскрикивала она какъ безъ памяти, — встаньте сейчасъ, сейчасъ! Какъ вы смѣли стать!

Маврикій Николаевичъ приподнялся съ колѣнъ. Она стиснула своими руками его руки выше локтей и пристально смотрѣла ему въ лицо. Страхъ былъ въ ея взглядѣ.

— Миловзоры, миловзоры! повторилъ еще разъ Семень Яковлевичъ.

Она втащила наконецъ Маврикія Николаевича обратно за рѣшетку; во всей нашей толпѣ произошло сильное движеніе. Дама изъ нашей коляски, вѣроятно желая перебить впечатлѣніе, въ третій разъ звонко и визгливо спросила Семена Яковлевича, попрежнему съ жеманною улыбкой:

— Что же, Семень Яковлевичъ, неужто не «изречете» и мнѣ чего-нибудь? А я такъ много на васъ разчитывала.

— Въ... тебя, въ... тебя!... произнесъ вдругъ обращаясь къ ней Семень Яковлевичъ крайне нецензурное слово. Слова сказаны были свирѣпо и съ ужасающею отчетливостью. Наши дамы взвизгнули и бросились стремглавъ бѣгомъ вонъ, кавалеры гомерически захохотали. Тѣмъ и кончилась наша поѣздка къ Семену Яковлевичу.

И однако же тутъ, говорятъ, произошелъ еще одинъ чрезвычайно загадочный случай и, признаюсь, для него-то болѣе я и упомянулъ такъ подробно объ этой поѣздкѣ.

Говорятъ что когда всѣ гурьбой бросились вонъ, то Лиза, поддерживаемая Маврикіемъ Николаевичемъ, вдругъ столкнулась въ дверяхъ, въ тѣснотѣ, съ Николаемъ Всеволодовичемъ. Надо сказать, со времени воскреснаго утра и обморока, они оба хоть и встрѣчались не разъ, но другъ къ другу не подходили и ничего между собою не сказали. Я видѣлъ какъ они столкнулись въ дверяхъ: мнѣ показалось что они оба на мгновеніе пріостановились и какъ-то странно другъ на друга поглядѣли. Но я могъ худо видѣть въ толпѣ. Увѣряли, напротивъ, и совершенно серьезно, что Лиза взглянувъ на Николая Всеволодовича, быстро подняла кулакъ, такъ-таки вровень съ его лицомъ и навѣрно бы ударила если-бы тотъ не успѣлъ отстраниться. Можетъ-быть ей не понравилось выра-

женіе лица его или какая-нибудь усмѣшка его, особенно сейчасъ, послѣ такого эпизода съ Маврикіемъ Николаевичемъ. Признаюсь, я самъ не видѣлъ ничего, но за то всѣ увѣряли что видѣли, хотя всѣ-то ужь никакъ не могли этого увидать за суматохой, а развѣ иные. Только я этому тогда не повѣрилъ. Помню однако что Николай Всеволодовичъ во всю обратную дорогу былъ нѣсколько блѣденъ.

III.

Почти въ то же время и именно въ этотъ же самый день состоялось наконецъ и свиданіе Степана Трофимовича съ Варварой Петровной, которое та давно держала въ умѣ и давно уже возвѣстила о немъ своему бывшему другу, но почему-то до сихъ поръ все откладывала. Оно произошло въ Скворешникахъ. Варвара Петровна прибыла въ свой загородный домъ, вся въ хлопотахъ: наканунѣ опредѣлено было окончательно что предстоящій праздникъ будетъ данъ у предводительши. Но Варвара Петровна тотчасъ же смекнула въ своемъ быстромъ умѣ что послѣ праздника никто не помѣшаетъ ей дать свой особый праздникъ, уже въ Скворешникахъ, и снова созвать весь городъ. Тогда всѣ могли бы убѣдиться на дѣлѣ чей домъ лучше и гдѣ умѣютъ лучше принять и съ большимъ вкусомъ дать балъ. Вообще ее узнать нельзя было. Казалось она точно переродилась и изъ прежней недоступной «высшей дамы» (выраженіе Степана Трофимовича) обратилась въ самую обыкновенную, взбалмошную свѣтскую женщину. Впрочемъ это только могло казаться.

Прибывъ въ пустой домъ, она обошла комнаты въ сопровожденіи вѣрнаго и стариннаго Алексѣя Егоровича и Омушки, человѣка видавашаго виды и спеціалиста по декоративному дѣлу. Начались совѣты и соображенія: что изъ мебели перенести изъ городского дома; какія вещи, картины; гдѣ ихъ разставить; какъ всего удобнѣе распорядиться оранжереей и цвѣтами: гдѣ сдѣлать новыя драпри, гдѣ устроить буфетъ и одинъ или два? и пр. и пр. И вотъ, среди самыхъ горячихъ хлопотъ, ей вдругъ вздумалось послать карету за Степаномъ Трофимовичемъ.

Тотъ былъ уже давно извѣщенъ и готовъ и каждый день ожидалъ именно такого внезапнаго приглашенія. Садясь въ карету онъ перекрестился; рѣшалась судьба его. Онъ засталъ своего друга въ большой залѣ, на маленькомъ диванчикѣ въ нишѣ, предъ маленькимъ мраморнымъ столикомъ, съ карандашомъ и бумагой въ рукахъ: Омушка вымѣривалъ аршиномъ высоту хоръ и оконъ, а Варвара Петровна сама записывала цифры и дѣлала на поляхъ отмѣтки. Не отрываясь отъ дѣла, она кивнула головой въ сторону Степана Трофимовича, и когда тотъ пробормо-

талъ какое-то привѣтствіе, подала ему наскоро руку и указала, не глядя, подлѣ себя мѣсто.

— Я сидѣлъ и ждалъ минутъ пять «здавивъ мое сердце», разказывалъ онъ мнѣ потомъ. — Я видѣлъ не ту женщину которую зналъ двадцать лѣтъ. Полнѣйшее убѣжденіе что всему конецъ придало мнѣ силы, изумившія даже ее. Клянусь, она была удивлена моею стойкостью въ этотъ послѣдній часъ.

Варвара Петровна вдругъ положила карандашъ на столикъ и быстро повернулась къ Степану Трофимовичу.

— Степанъ Трофимовичъ, намъ надо говорить о дѣлѣ. Я увѣрена что вы приготовили всѣ ваши пышныя слова и разныя словечки, но лучше бы къ дѣлу прямо, не такъ ли?

Его передернуло. Она слишкомъ спѣшила заявить свой тонъ, что же могло быть далѣе?

— Подождите, молчите, дайте мнѣ сказать, потомъ вы, хотя право не знаю что бы вы могли мнѣ отвѣтить? продолжала она быстрою скороговоркой. — Тысячу двѣсти рублей вашего пенсіона я считаю моею священной обязанностью до конца вашей жизни; то-есть зачѣмъ священной обязанностью, просто договоромъ, это будетъ гораздо реальнѣе, не такъ ли? Если хотите мы напишемъ. На случай моей смерти сдѣланы особыя распоряженія. Но вы получаете отъ меня теперь сверхъ того квартиру и прислугу и все содержаніе. Переведемъ это на деньги, будетъ тысяча пятьсотъ рублей, не такъ ли? Кладу еще экстренныхъ триста рублей, и того полныхъ три тысячи. Довольно съ васъ въ годъ? Кажется не мало? Въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ я впрочемъ буду набавлять. Итакъ, возьмите деньги, пришлите мнѣ моихъ людей и живите сами по себѣ гдѣ хотите, въ Петербургѣ, въ Москвѣ, за границей, или здѣсь, только не у меня. Слышите?

— Недавно такъ же настойчиво и такъ же быстро передано было мнѣ изъ тѣхъ же устъ другое требованіе, медленно и съ грустною отчетливостью проговорилъ Степанъ Трофимовичъ. — Я смирился и.... плясалъ казачка вамъ въ угоду. *Oui, la comparaison peut être permise. C'était comme un petit cozak du Don qui sautait sur sa propre tombe.*¹ Теперь....

— Остановитесь, Степанъ Трофимовичъ. Вы ужасно многорѣчивы. Вы не плясали, а вы вышли ко мнѣ въ новомъ галстукѣ, бѣльѣ, въ перчаткахъ, напомаженный и раздушенный. Увѣряю васъ что вамъ очень хотѣлось самому жениться; это было на вашемъ лицѣ написано, и повѣрьте, выраженіе самое неизящное. Если я не замѣтила вамъ тогда же,

¹ Да, такое сравнение допустимо. Как донской казачок, пляшущий на собственной могиле (*франц.*).

то единственно изъ деликатности. Но вы желали, вы желали жениться, несмотря на мерзости которыя вы писали интимно обо мнѣ и о вашей невѣстѣ. Теперь вовсе не то. И къ чему тутъ Cozак du Don надъ какою-то вашею могилой? Не понимаю что за сравненіе. Напротивъ, не умирайте, а живите; живите какъ можно больше, я очень буду рада.

— Въ богадѣльнѣ?

— Въ богадѣльнѣ? Въ богадѣльню нейдутъ съ тремя тысячами дохода. Ахъ, припоминаю, усмѣхнулась она; — въ самомъ дѣлѣ Петръ Степановичъ какъ-то расшутился разъ о богадѣльнѣ. Ба, это дѣйствительно особенная богадѣльня, о которой стоитъ подумать. Это для самыхъ почтенныхъ особъ, тамъ есть полковники, туда даже теперь хочеть одинъ генераль. Если вы поступите со всѣми вашими деньгами, то найдете покой, довольство, служителей. Вы тамъ будете заниматься науками и всегда можете составить партію въ преферансъ....

— Passons.¹

— Passons? покорило Варвару Петровну. — Но въ такомъ случаѣ все; вы извѣщены, мы живемъ съ этихъ поръ совершенно порознь.

— И все? Все что осталось отъ двадцати лѣтъ? Послѣднее прощаніе наше?

— Вы ужасно любите восклицать, Степанъ Трофимовичъ. Нынче это совсѣмъ не въ модѣ. Они говорятъ грубо, но просто. Дались вамъ наши двадцать лѣтъ! Двадцать лѣтъ обоюднаго самолюбія и больше ничего. Каждое письмо ваше ко мнѣ писано не ко мнѣ, а для потомства. Вы стилистъ, а не другъ, а дружба — это только прославленное слово, въ сущности: взаимное изліяніе помой....

— Боже, сколько чужихъ словъ! Затверженные уроки! И на васъ уже надѣли они свой мундиръ! Вы тоже въ радости, вы тоже на солнцѣ; chere, chere, за какое чечевичное варево продали вы имъ вашу свободу!

— Я не попугай чтобы повторять чужія слова, вскипѣла Варвара Петровна. — Будьте увѣрены что у меня свои слова накопились. Что сдѣлали вы для меня въ эти двадцать лѣтъ? Вы отказывали мнѣ даже въ книгахъ которыя я для васъ выписывала и которыя, еслибы не переплетчикъ, остались бы неразрѣзанными. Что давали вы мнѣ читать когда я, въ первые годы, просила васъ руководить меня? Все Капфигъ да Капфигъ. Вы ревновали даже къ моему развитію и брали мѣры. А между тѣмъ надъ вами же всѣ смѣются. Признаюсь, я всегда васъ считала только за критика; вы литературный критикъ и ничего болѣе. Когда дорогой въ Петербургъ я вамъ объявила что намѣрена издавать журналъ и

¹ Оставим это (франц.).

посвятить ему всю мою жизнь, вы тотчасъ же поглядѣли на меня иронически и стали вдругъ ужасно высокомерны.

— Это было не то, не то.... мы тогда боялись преслѣдованій...

— Это было то самое, а преслѣдованій въ Петербургѣ вы ужь никакъ не могли бояться. Помните потомъ въ февралѣ, когда пронеслась вѣсть, вы вдругъ прибѣжали ко мнѣ перепуганный и стали требовать что обь я тотчасъ же дала вамъ удостовѣреніе, въ видѣ письма, что затѣваемый журналъ до васъ совсѣмъ не касается, что молодые люди ходятъ ко мнѣ, а не къ вамъ, а что вы только домашній учитель, который живетъ въ домѣ, потому что ему еще не додано жалованье, не такъ ли? Помните это вы? Вы отменно отличались всю вашу жизнь, Степанъ Трофимовичъ.

— Это была только одна минута малодушія, минута глазъ на глазъ, горестно воскликнулъ онъ, — но неужели, неужели же все порвать изъ-за такихъ мелкихъ впечатлѣній? Неужели же ничего болѣе не уцѣлѣло между нами за столь долгіе годы?

— Вы ужасно разчетливы; вы все хотите такъ сдѣлать чтобъ я еще оставалась въ долгу. Когда вы воротились изъ-за границы, вы смотрѣли предо мною свысока и не давали мнѣ выговорить слова, а когда я сама поѣхала и заговорила съ вами потомъ о впечатлѣніи послѣ Мадонны, вы не дослушали и высокомерно стали улыбаться въ свой галстукъ, точно я ужь не могла имѣть такихъ же точно чувствъ какъ и вы.

— Это было не то, вѣроятно не то.... J'ai oublié.¹

— Нѣтъ, это было то самое, да и хвалиться-то было нечѣмъ предо мною, потому что все это вздоръ и одна только ваша выдумка. Нынче никто, никто ужь Мадонной не восхищается и не теряетъ на это времени, кромѣ закоренѣлыхъ стариковъ. Это доказано.

— Ужъ и доказано?

— Она совершенно ни къ чему не служить. Эта кружка полезна потому что въ нее можно влить воды; этотъ карандашъ полезенъ, потому что имъ можно все записать, а тутъ женское лицо хуже всѣхъ другихъ лицъ въ натурѣ. Попробуйте нарисовать яблоко и положите тутъ же рядомъ настоящее яблоко — которое вы возьмете? Небось не ошибетесь. Вотъ къ чему сводятся теперь всѣ ваши теоріи, только-что озарилъ ихъ первый лучъ свободнаго изслѣдованія.

— Такъ, такъ.

— Вы усмѣхаетесь иронически. А что наприимѣръ говорили вы мнѣ о милостынѣ? А между тѣмъ наслажденіе отъ милостыни есть наслажденіе надмѣнное и безнравственное, наслажденіе богача своимъ богатствомъ,

---

¹ Я забыл (*франц.*).

властію и сравненіемъ своего значенія съ значеніемъ нищаго. Милостыня развращаетъ и подающаго и бѣрущаго и сверхъ того не достигаетъ цѣли, потому что только усиливаетъ нищенство. Лентяи не желающіе работать толпятся около дающихъ какъ игроки у игорнаго стола надѣясь выиграть. А межъ тѣмъ жалкихъ грошей которые имъ бросаютъ не достаетъ и на сотую долю. Много ль вы роздали въ вашу жизнь? Гривень восемь не болѣе, припомните-ка. Постарайтесь вспомнить когда вы подавали въ послѣдній разъ; года два назадъ, а пожалуй четыре будетъ. Вы кричите и только дѣлу мѣшаете. Милостыня и въ теперешнемъ обществѣ должна быть закономъ запрещена. Въ новомъ устройствѣ совсѣмъ не будетъ бѣдныхъ.

— О, какое изверженіе чужихъ словъ! Такъ ужъ и до новаго устройства дошло? Несчастливая, помощи вамъ Богъ!

— Да, дошло, Степанъ Трофимовичъ; вы тщательно скрывали отъ меня всѣ новыя идеи, теперь всѣмъ уже извѣстныя, и дѣлали это единственно изъ ревности, чтобъ имѣть надо мною власть. Теперь даже эта Юлія на сто верстъ впереди меня. Но теперь и я прозрѣла. Я защищала васъ, Степанъ Трофимовичъ, сколько могла; васъ рѣшительно всѣ обвиняютъ.

— Довольно! поднялся было онъ съ мѣста, — довольно! И что еще пожелаю вамъ, неужто раскаянія?

— Сядьте на минуточку, Степанъ Трофимовичъ, мнѣ надо еще васъ спросить. Вамъ передано было приглашеніе читать на литературномъ утрѣ; это чрезъ меня устроилось. Скажите что именно вы прочтете?

— А вотъ именно объ этой царицѣ царицъ, объ этомъ идеалѣ челоуѣчества, Мадоннѣ Сикстинской, которая не стоитъ по вашему стакану или карандаша.

— Такъ вы не изъ исторіи? горестно изумилась Варвара Петровна. — Но васъ слушать не будутъ. Далась же вамъ эта Мадонна! Ну что за охота если вы всѣхъ усыпите? Будьте увѣрены, Степанъ Трофимовичъ, что я единственно въ вашемъ интересѣ говорю. То ли дѣло еслибы вы взяли какую-нибудь коротенькую, но занимательную средневѣковую придворную исторію, изъ испанской исторіи, или лучше сказать, одинъ анекдотъ и наполнили бы его еще анекдотами и острыми словечками отъ себя. Тамъ были пышные дворы, тамъ были такія дамы, отравленія. Кармазиновъ говоритъ что странно будетъ если ужъ и изъ испанской исторіи не прочесть чего-нибудь занимательнаго?

— Кармазиновъ, этотъ исписавшійся глупецъ, ищетъ для меня темы!

— Кармазиновъ, этотъ почти государственный умъ! Вы слишкомъ дерзки на языкъ, Степанъ Трофимовичъ.

— Вашъ Кармазиновъ, это старая, исписавшаяся, обозленная баба! *Chère, chère*, давно ли вы такъ поработились ими, о, Боже!

— Я и теперь его терпѣть не могу за важничаніе, но я отдаю справедливость и его уму. Повторяю, я защищала васъ изо всѣхъ силъ, сколько могла. И къ чему непремѣнно заявлять себя смѣшнымъ и скучнымъ? Напротивъ, выйдите на эстраду съ почтенною улыбкой, какъ представитель прошедшаго вѣка, и расскажите три анекдота, со всѣмъ вашимъ остроуміемъ, такъ какъ вы только умѣете иногда рассказать. Пусть вы старикъ, пусть вы отжившаго вѣка, пусть наконецъ отстали отъ нихъ; но вы сами съ улыбкой въ этомъ сознаетесь въ предисловіи, и всѣ увидятъ что вы милый, добрый, остроумный обломокъ... Однимъ словомъ, человекъ старой соли и настолько передовой что самъ способенъ оцѣнить во что слѣдуетъ все безобразіе иныхъ понятій, которымъ до сихъ поръ онъ слѣдовалъ. Ну сдѣлайте мнѣ удовольствіе, я васъ прошу.

— *Chère*, довольно! Не просите, не могу. Я прочту о Мадоннѣ, но подыму бурю, которая или раздавитъ ихъ всѣхъ, или поразитъ одного меня!

— Навѣрно одного васъ, Степанъ Трофимовичъ.

— Таковъ мой жребій. Я расскажу о томъ подломъ рабѣ, о томъ вонючемъ и развратномъ лакеѣ который первый взмоется на лѣстницу съ ножницами въ рукахъ и раздеретъ божественный ликъ великаго идеала, во имя равенства, зависти и... пищеваренія. Пусть прогремитъ мое проклятіе, и тогда, тогда...

— Въ сумашедшій домъ?

— Можетъ-быть. Но во всякомъ случаѣ, останусь ли я побѣжденнымъ или побѣдителемъ, я въ тотъ же вечеръ возьму мою суму, нищенскую суму мою, оставлю всѣ мои пожитки, всѣ подарки ваши, всѣ пенсіоны и обѣщанія будущихъ благъ и уйду пѣшкомъ, чтобы кончить жизнь у купца гувернеромъ, либо умереть гдѣ-нибудь съ голоду подъ заборомъ. Я сказалъ. *Alea jacta est!*¹

Онъ приподнялся снова.

— Я была увѣрена, поднялась засверкавъ глазами Варвара Петровна, — увѣрена уже годы что вы именно на то только и живете чтобы подъ конецъ опозорить меня и мой домъ клеветой! Что вы хотите сказать вашимъ гувернерствомъ у купца или смертью подъ заборомъ? Злость, клевета и ничего больше!

---

¹ Жребий брошен! (*лат.*)

— Вы всегда презирали меня; но я кончу какъ рыцарь вѣрный моей дамѣ, ибо ваше мнѣніе было мнѣ всегда дороже всего. Съ этой минуты не принимаю ничего, а чту безкорыстно.

— Какъ это глупо!

— Вы всегда не уважали меня. Я могъ имѣть бездну слабостей. Да, я васъ объѣдалъ; я говорю языкомъ нигилизма; но объѣдать никогда не было высшимъ принципомъ моихъ поступковъ. Это случилось такъ, само собою, я не знаю какъ.... Я всегда думалъ что между нами остается нѣчто высшее ѣды, и — никогда, никогда не былъ я подлецомъ! И такъ, въ путь, чтобы поправить дѣло! Въ поздній путь, на дворѣ поздняя осень, туманъ лежитъ надъ полями, мерзлый, старческій иней покрываетъ будущую дорогу мою, а вѣтеръ завываетъ о близкой могилѣ... Но въ путь, въ путь, въ новый путь:

«Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ....»

О, прощайте мечты мои! Двадцать лѣтъ! *Alea jacta est.*

Лицо его было обрызгано прорвавшимися вдругъ слезами; онъ взялъ свою шляпу.

— Я ничего не понимаю по-латыни, проговорила Варвара Петровна изо всѣхъ силъ, скрѣпляя себя.

Кто знаетъ, можетъ-быть ей тоже хотѣлось заплакать, но негодованіе и капризъ еще разъ взяли верхъ:

— Я знаю только одно, именно что все это шалости. Никогда вы не въ состояніи исполнить вашихъ угрозъ полныхъ эгоизма. Никуда вы не пойдете, ни къ какому купцу, а преспокойно кончите у меня на рукахъ, получая пенсіонъ и собирая вашихъ ни на что не похожихъ друзей по вторникамъ. Прощайте, Степанъ Трофимовичъ.

— *Alea jacta est!* глубоко поклонился онъ ей и воротился домой еле живой отъ волненія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Петръ Степановичъ въ хлопотахъ.

I.

День праздника былъ назначенъ окончательно, а фонъ-Лембке становился все грустнѣе и задумчивѣе. Онъ былъ полонъ странныхъ и

зловѣщихъ предчувствій, и это сильно беспокоило Юлію Михайловну. Правда, не все обстояло благополучно. Прежній мягкій губернаторъ нашъ оставилъ управление не совсѣмъ въ порядкѣ; въ настоящую минуту надвигалась холера; въ иныхъ мѣстахъ объявился сильный скотскій падежъ; все лѣто свирѣпствовали по городамъ и селамъ пожары, а въ народѣ все сильнѣе и сильнѣе укоренялся глупый ропотъ о поджогахъ. Грабительство возросло вдвое противъ прежнихъ размѣровъ. Но все бы это, разумѣется, было болѣе чѣмъ обыкновенно, еслибы при этомъ не было другихъ болѣе вѣскихъ причинъ, нарушавшихъ спокойствіе доселѣ счастливаго Андрея Антоновича.

Всего болѣе поражало Юлію Михайловну что онъ съ каждымъ днемъ становился молчаливѣе и, странное дѣло, скрытнѣе. И чего бы, кажется, ему было скрывать? Правда, онъ рѣдко ей возражалъ и большею частію совершенно повиновался. По ея настоянію были, напримѣръ, проведены двѣ или три мѣры, чрезвычайно рискованныя и чуть ли не противозаконныя, въ видахъ усиленія губернаторской власти. Было сдѣлано нѣсколько зловѣщихъ потворствъ съ тою же цѣлію; люди, напримѣръ, достойные суда и Сибири, единственно по ея настоянію, были представлены къ наградѣ. На нѣкоторыя жалобы и запросы положено было систематически не отвѣчать. Все это обнаружилось въ послѣдствіи. Лембке не только все подписывалъ, но даже и не обсуждалъ вопроса о мѣрѣ участія своей супруги въ исполненіи его собственныхъ обязанностей. За то вдругъ начиналъ временами дыбиться изъ-за «совершенныхъ пустяковъ» и удивлялъ Юлію Михайловну. Конечно, за дни послушанія онъ чувствовалъ потребность вознаграждать себя маленькими минутами бунта. Къ сожалѣнію, Юлія Михайловна, несмотря на всю свою проницательность, не могла понять этой благородной тонкости въ благородномъ характерѣ. Увы! ей было не до того, и отъ этого произошло много недоумѣній.

Мнѣ не-стать, да и не сумѣю я разказывать объ иныхъ вещахъ. Объ административныхъ ошибкахъ разсуждать тоже не мое дѣло, да и всю эту административную сторону я устраняю совсѣмъ. Начавъ хронику, я задался другими задачами. Кромѣ того многое обнаружится назначеннымъ теперь въ нашу губернію слѣдствіемъ, стоитъ только немножко подождать. Однако все-таки нельзя миновать иныхъ разъясненій.

Но продолжаю о Юліи Михайловнѣ. Бѣдная дама (я очень сожалѣю о ней) могла достигнуть всего что такъ влекло и манило ее (славы и прочаго) вовсе безъ такихъ сильныхъ и эксцентрическихъ движеній какими она задалась у насъ съ самаго перваго шага. Но отъ избытка ли поэзіи, отъ долгихъ ли грустныхъ неудачъ первой молодости, она вдругъ, съ

переменной судьбы, почувствовала себя как-то слишком уж особенно призванною, чуть ли не помазанною, «надъ коей вспыхнулъ сей языкъ,» а въ языкѣ-то этомъ и заключалась бѣда: все-таки вѣдь онъ не шинь-онъ, который можетъ накрыть каждую женскую голову. Но въ этой истинѣ всего труднѣе увѣрить женщину; напротивъ, кто захочетъ поддакивать, тотъ и успеетъ, а поддакивали ей въ запуски. Бѣдняжка разомъ очутилась игралищемъ самыхъ различныхъ вліяній, въ то же время вполне воображая себя оригинальною. Многіе мастера погрѣли около нея руки и воспользовались ея простодушіемъ въ краткій срокъ ея губернаторства. И что за каша выходила тутъ подъ видомъ самостоятельности! Ей нравились и крупное землевладѣніе, и аристократическій элементъ, и усиленіе губернаторской власти, и демократическій элементъ, и новыя учрежденія, и порядокъ, и вольнодумство, и соціальныя идейки, и строгій тонъ аристократическаго салона, и развязность чуть не трактирная окружавшей ее молодежи. Она мечтала *дать счастье* и примирить непримиримое, вѣрнѣе же, соединить всѣхъ и все въ обожаніи собственной ея особы. Были у ней и любимцы; Петръ Степановичъ, дѣйствуя между прочимъ грубѣйшею лестью, ей очень нравился. Но онъ нравился ей и по другой причинѣ, самой диковинной и самой характерно-рисующей бѣдную даму: она все надѣялась что онъ укажетъ ей цѣлый государственный заговоръ! Какъ ни трудно это представить, а это было такъ. Ей почему-то казалось что въ губерніи непременно укрывается государственный заговоръ. Петръ Степановичъ своимъ молчаніемъ въ однихъ случаяхъ и намеками въ другихъ способствовалъ укорененію ея странной идеи. Она же воображала его въ связяхъ со всѣмъ что есть въ Россіи революціоннаго, но въ то же время ей преданнымъ до обожанія. Открытіе заговора, благодарность изъ Петербурга, карьера впереди, воздѣйствіе «лаской» на молодежь для удержанія ея на краю, — все это вполне уживалось въ фантастической ея головѣ. Вѣдь спасла же она, покорила же она Петра Степановича (въ этомъ она была почему-то неотразимо увѣрена), спасетъ и другихъ. Никто, никто изъ нихъ не погибнетъ, она спасетъ ихъ всѣхъ; она ихъ разсортируетъ; она такъ о нихъ доложитъ; она поступитъ въ видахъ высшей справедливости, и даже можетъ-быть исторія и весь русскій либерализмъ благословятъ ея имя; а заговоръ все-таки будетъ открытъ. Всѣ выгоды разомъ.

Но все-таки требовалось чтобы хоть къ празднику Андрей Антоновичъ сталъ посвѣтлѣе. Надо было непременно его развеселить и успокоить. Съ этою цѣлію она командировала къ нему Петра Степановича, въ надеждѣ повліять на его уныніе какимъ-нибудь ему извѣстнымъ, успокоительнымъ способомъ. Можетъ-быть даже какими-нибудь сообщеніями

такъ-сказать прямо изъ первыхъ устъ. На его ловкость она вполнѣ надѣялась. Петръ Степановичъ уже давно не былъ въ кабинетѣ господина фонъ-Лембке. Онъ разлѣтелся къ нему именно въ ту минуту когда пациентъ находился въ особенно тугомъ настроеніи.

II.

Произошла одна комбинація, которую господинъ фонъ-Лембке никакъ не могъ разрѣшить. Въ уѣздѣ (въ томъ самомъ въ которомъ пироваль недавно Петръ Степановичъ) одинъ подпоручикъ подвергся словесному выговору своего ближайшаго командира. Случилось это предъ всею ротой. Подпоручикъ былъ еще молодой человѣкъ, недавно изъ Петербурга, всегда молчаливый и угрюмый, важный съ виду, хотя въ то же время маленькій, толстый и краснощекій. Онъ не вынесъ выговора и вдругъ бросился на командира съ какимъ-то неожиданнымъ взвизгомъ, удивившимъ всю роту, какъ-то дико наклонивъ голову; ударилъ и изо всей силы укусилъ его въ плечо; насилию могли оттащить. Сомнѣнія не было что сошелъ съ ума, по крайней мѣрѣ обнаружилось что въ послѣднее время онъ замѣченъ былъ въ самыхъ невозможныхъ странностяхъ. Выбросилъ, на примѣръ, изъ квартиры своей два хозяйскіе образа и одинъ изъ нихъ изрубилъ топоромъ; въ своей же комнатѣ разложилъ на подставкахъ, въ видѣ трехъ налоевъ, сочиненія Фохта, Молешота и Бюхнера, и предъ каждымъ налоемъ зажегаль восковыя церковныя свѣчки. По количеству найденныхъ у него книгъ можно было заключить что человѣкъ онъ начитанный. Еслибъ у него было пятьдесятъ тысячъ франковъ, то онъ уплылъ бы можетъ-быть на Маркизскіе острова, какъ тотъ «кадетъ» о которомъ упоминаетъ съ такимъ веселымъ юморомъ г. Герценъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Когда его взяли, то въ карманахъ его и въ квартирѣ нашли цѣлую пачку самыхъ отчаянныхъ прокламацій.

Прокламаціи сами по себѣ тоже дѣло пустое и, по моему, вовсе не хлопотливое. Мало ли мы ихъ видали. Притомъ же это были и не новыя прокламаціи: такія же точно, какъ говорили потомъ, были недавно рассыпаны въ X — ской губерніи, а Липутинъ, ѣздившій мѣсяца полтора назадъ въ уѣздъ и въ сосѣднюю губернію, увѣрялъ что уже тогда видѣлъ тамъ такіе же точно листки. Но поразило Андрея Антоновича главное то что управляющій на Шпигулинской фабрикѣ доставилъ какъ разъ въ то же время въ полицію двѣ или три пачки совершенно такихъ же точно листочковъ какъ и у подпоручика, подкинутыхъ ночью на фабрикѣ. Пачки были еще и не распакованы, и никто изъ рабочихъ не успѣлъ прочесть ни одной. Фактъ былъ глупенькій, но Андрей Антоновичъ уси-

ленно задумался. Дѣло представлялось ему въ непріятно сложномъ видѣ.

Въ этой фабрикѣ Шпигулиныхъ только-что началась тогда та самая «шпигулинская исторія» о которой такъ много у насъ прокричали и которая съ такими вариантами перешла и въ столичныя газеты. Недѣли съ три назадъ заболѣлъ тамъ и умеръ одинъ рабочій азіятскою холерой; потомъ заболѣло еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ въ городѣ струсили, потому что холера надвигалась изъ сосѣдней губерніи. Замѣчу что у насъ были приняты самыя удовлетворительныя санитарныя мѣры для встрѣчи непрошенной гостыи. Но фабрику Шпигулиныхъ, милліонеровъ и людей со связями, какъ-то просмотрѣли. И вотъ вдругъ всѣ стали вопить что въ ней-то и таится корень и разсадникъ болѣзни, что на самой фабрикѣ и особенно въ помѣщеніяхъ рабочихъ такая закоренѣлая нечистота что еслибъ и не было совсѣмъ холеры, то она должна была бы тамъ сама зародиться. Мѣры, разумѣется, были тотчасъ же приняты, и Андрей Антоновичъ энергически настоялъ на немедленномъ ихъ исполненіи. Фабрику очистили недѣли въ три, но Шпигулины неизвѣстно почему ее закрыли. Одинъ братъ Шпигулинъ постоянно проживалъ въ Петербургѣ, а другой, послѣ распоряженія начальства объ очисткѣ, уѣхалъ въ Москву. Управляющій приступилъ къ расчету работниковъ и, какъ теперь оказывается, нагло мошенничалъ. Работники стали роптать, хотѣли расчета справедливаго, по глупости ходили въ полицію, впрочемъ безъ большаго крика и вовсе уже не такъ волновались. Вотъ въ это-то самое время и доставлены были Андрею Антоновичу прокламаціи отъ управляющаго.

Петръ Степановичъ влетѣлъ въ кабинетъ не доложившись, какъ добрый другъ и свой человѣкъ, да и къ тому же съ порученіемъ отъ Юліи Михайловны. Увидѣвъ его, фонъ-Лембке угрюмо нахмурился и непривѣтливо остановился у стола. До этого онъ расхаживалъ по кабинету и толковалъ о чемъ-то глазъ на глазъ съ чиновникомъ своей канцеляріи Блюмомъ, чрезвычайно неуклюжимъ и угрюмымъ Нѣмцемъ, котораго привезъ съ собой изъ Петербурга, несмотря на сильнѣйшую оппозицію Юліи Михайловны. Чиновникъ при входѣ Петра Степановича отступилъ къ дверямъ, но не вышелъ. Петру Степановичу даже показалось что онъ какъ-то знаменательно переглянулся съ своимъ начальникомъ.

— Ого, поймалъ-таки васъ; скрытный градоначальникъ! возопилъ смѣясь Петръ Степановичъ и накрылъ ладонью лежавшую на столѣ прокламацію, — это умножитъ вашу коллекцію, а?

Андрей Антоновичъ вспыхнулъ. Что-то вдругъ какъ бы перекошилось въ его лицѣ.

— Оставьте, оставьте сейчас! вскричалъ онъ, вздрогнувъ отъ гнѣва, — и не смѣйте.... сударь....

— Чего вы такъ? Вы кажется сердитесь?

— Позвольте вамъ замѣтить, милостивый государь, что я вовсе не намѣренъ отселѣ терпѣть вашего *sans façon*¹ и прошу васъ припомнить....

— Фу чортъ, да вѣдь онъ и въ самомъ дѣлѣ!

— Молчите же, молчите! затопаль по коври ногами фонъ-Лембке, — и не смѣйте....

Богъ знаетъ до чего бы дошло. Увы, тутъ было еще одно обстоятельство помимо всего, совсѣмъ неизвѣстное ни Петру Степановичу, ни даже самой Юліи Михайловнѣ. Несчастный Андрей Антоновичъ дошелъ до такого разстройства что, въ послѣдніе дни, про себя сталъ ревновать свою супругу къ Петру Степановичу. Въ уединеніи, особенно по ночамъ, онъ выносилъ непріятнѣйшія минуты.

— А я думалъ, если человѣкъ два дня сряду за полночь читаетъ вамъ наединѣ свой романъ и хочетъ вашего мнѣнія, то ужъ самъ по крайней мѣрѣ вышелъ изъ этихъ официальных-то.... Меня Юлія Михайловна принимаетъ на короткой ногѣ; какъ васъ тутъ распознаешь? съ нѣкоторымъ даже достоинствомъ произнесъ Петръ Степановичъ. — Вотъ вамъ кстати и вашъ романъ, положилъ онъ на столъ большую, вѣскую, свернутую въ трубку тетрадь, наглухо обернутую синюю бумагой.

Лембке покраснѣлъ и замялся.

— Гдѣ же вы отыскиали? осторожно спросилъ онъ съ приливомъ радости, которую сдержатъ не могъ, но сдерживалъ однакожь изо всѣхъ силъ.

— Вообразите, какъ была въ трубкѣ, такъ и скатилась за комодъ. Я, должно-быть, какъ вошелъ, бросилъ ее тогда неловко на комодъ. Только третьяго дня отыскиали, полы мыли, задали же вы мнѣ однако работу!

Лембке строго опустилъ глаза.

— Двѣ ночи сряду не спалъ по вашей милости. Третьяго дня еще отыскиали, а я удержалъ, все читалъ, днемъ-то некогда, такъ я по ночамъ. Ну-съ, и — недоволенъ: мысль не моя. Да наплевать однако, критикомъ никогда не бывалъ, но — оторваться, батюшка, не могъ, хоть и недоволенъ! Четвертая и пятая главы это.... это.... это.... чортъ знаетъ что такое! И сколько юмору у васъ напихано, хохоталъ. Какъ вы однакожь умѣете поднять на смѣхъ *sans que cela paraisse*²! Ну тамъ въ девя-

¹ бесцеремонности (*франц*)

² не подавая вида (*франц*).

той, десятой, это все про любовь, не мое дѣло; эффектно однако; за письмомъ Игренева чуть не занюнилъ, хотя вы его такъ тонко выставили.... Знаете, оно чувствительно, а въ то же время вы его какъ бы фальшивымъ бокомъ хотите выставить, вѣдь такъ? Угадалъ я или нѣтъ? Ну, а за конецъ просто избилъ бы васъ. Вѣдь вы что проводите? Вѣдь это то же прежнее обоготвореніе семейнаго счастья, приумноженія дѣтей, капиталовъ, стали жить поживать да добра наживать, помилуйте! Читателя очаруете, потому что даже я оторваться не могъ, да вѣдь тѣмъ сквернѣе. Читатель глупъ попрежнему, слѣдовало бы его умнымъ людямъ расталкивать, а вы.... Ну да довольно однако, прощайте. Не сердитесь въ другой разъ; я пришелъ было вамъ два словечка нужныхъ сказать; да вы какой-то такой....

Андрей Антоновичъ между тѣмъ взялъ свой романъ и заперъ на ключъ въ дубовый книжный шкафъ, успѣвъ между прочимъ мигнуть Блюму чтобы тотъ стусевался. Тотъ исчезъ съ вытянутымъ и грустнымъ лицомъ.

— Я не *какой-то такой*, а я просто.... все неприятности, пробормоталъ онъ нахмурясь, но уже безъ гнѣва и подсаживаясь къ столу; — садитесь и скажите ваши два слова. Я васъ давно не видалъ, Петръ Степановичъ, и только не влетайте вы впередъ съ вашею манерой.... иногда при дѣлахъ оно....

— Манеры у меня свои....

— Знаю-съ, и вѣрю что вы безъ намѣренія, но иной разъ находишь-ся въ хлопотахъ... Садитесь же.

Петръ Степановичъ разлегся на диванѣ и мигомъ поджалъ подъ себя ноги.

III.

— Это въ какихъ же вы хлопотахъ; неужто эти пустяки? кивнулъ онъ на прокламацію. — Я вамъ такихъ листовъ сколько угодно натаскаю, еще въ X — ской губерніи познакомился.

— То-есть въ то время какъ вы тамъ проживали?

— Ну, разумѣется, не въ мое отсутствіе. Еще она съ виньеткой, топоръ наверху нарисованъ. Позвольте (онъ взялъ прокламацію); ну да, топоръ и тутъ; та самая, точнехонько.

— Да, топоръ. Видите топоръ.

— Что жъ топора испугались?

— Я не топора-съ.... и не испугался-съ, но дѣло это.... дѣло такое, тутъ обстоятельства.

— Какія? Что съ фабрики-то принесли? Хе, хе. А знаете, у васъ на этой фабрикѣ сами рабочіе скоро будутъ писать прокламаціи.

— Какъ это? строго уставился фонъ-Лембке.

— Да такъ. Вы и смотрите на нихъ. Слишкомъ вы мягкій человѣкъ, Андрей Антоновичъ; романы пишете. А тутъ надо бы по-старинному.

— Что такое по-старинному, что за совѣты? Фабрику вычистили; я велѣлъ, и вычистили.

— А между рабочими бунтъ. Перепоротъ ихъ сплошь, и дѣло съ концомъ.

— Бунтъ? Вздоръ это; я велѣлъ, и вычистили.

— Эхъ, Андрей Антоновичъ, мягкій вы человѣкъ!

— Я впервыхъ вовсе не такой ужъ мягкій, а вовторыхъ.... укололся было опять фонъ-Лембке. Онъ разговаривалъ съ молодымъ человѣкомъ черезъ силу, изъ любопытства не скажетъ ли тотъ чего новенькаго.

— А-а, опять старая знакомая! перебилъ Петръ Степановичъ, нацѣлившись на другую бумажку подъ преспапье, тоже въ родѣ прокламаціи, очевидно заграничной печати, но въ стихахъ; — ну эту я наизусть знаю: Свѣтлая Личность! Посмотримъ; ну такъ Свѣтлая Личность и есть. Знакомъ съ этой личностью еще съ заграницы. Гдѣ откопали?

— Вы говорите что видѣли за границей? встрепенулся фонъ-Лембке.

— Еще бы, четыре мѣсяца назадъ, или даже пять.

— Какъ много вы однако за границей видѣли, тонко посмотрѣлъ фонъ-Лембке. Петръ Степановичъ, не слушая, развернулъ бумажку и прочелъ вслухъ стихотвореніе:

СВѢТЛАЯ ЛИЧНОСТЬ.

Онъ незнатной былъ породы,
Онъ возросъ среди народа.
Но гонимый мезью царской,
Злобной завистью боярской,
Онъ обрекъ себя страданью,
Казнямъ, пыткамъ, истязанью,
И пошелъ вѣщать народу
Братство, равенство, свободу.
И возстанье начиная,
Онъ бѣжалъ въ чужіе края,
Изъ царева каземата,
Отъ кнута, щипцовъ и ката.
А народъ возстать готовый
Изъ-подъ участи суровой
Отъ Смоленска до Ташкента

Съ нетерпѣнъемъ ждалъ студента.
Ждалъ его онъ поголовно,
Чтобъ идти безпрекословно
Порѣшить въ конецъ боярство,
Порѣшить совсѣмъ и царство,
Сдѣлать общими имѣнья
И предать на вѣки мщенью
Церкви, браки и семейство —
Міра стараго злодѣйство!

— Должно-быть у того офицера взяли, а? спросилъ Петръ Степановичъ.

— А вы и того офицера изволите знать?

— Еще бы. Я тамъ съ ними два дня пировалъ. Ему такъ и надо было сойти съума.

— Онъ можетъ-быть и не сходилъ съума.

— Не потому ли что кусаться началъ?

— Но позвольте, если вы видѣли эти стихи за границей и потомъ оказывается здѣсь у того офицера....

— Что? замысловато! Вы, добрый мой Андрей Антоновичъ, меня, какъ вижу, экзаменуете? Видите-съ, началъ онъ вдругъ съ необыкновенною важностью. — О томъ что я видѣлъ за границей, я возвратясь уже кой-кому объяснилъ, и объясненія мои найдены удовлетворительными, иначе я не осчастливилъ бы моимъ присутствіемъ здѣшняго города. Считаю что дѣла мои въ этомъ смыслѣ покончены и никому не обязанъ отчетомъ. И не потому покончены что я донощикъ, а потому что не могъ иначе поступить. Тѣ которые писали Юліѣ Михайловнѣ, зная дѣло, писали обо мнѣ какъ о человѣкѣ честномъ.... Ну, это все однако же чорту, а я вамъ пришелъ сказать одну серіозную вещь, и хорошо что вы этого трубочиста вашего выслали. Дѣло для меня важное, Андрей Антоновичъ; будетъ одна моя чрезвычайная просьба къ вамъ.

— Просьба? Гмъ, сдѣлайте одолженіе, я жду и, признаюсь, съ любопытствомъ. И вообще прибавлю, вы меня довольно удивляете, Петръ Степановичъ.

Фонъ-Лембке былъ въ нѣкоторомъ волненіи. Петръ Степановичъ закинулъ ногу за ногу.

— Въ Петербургѣ, началъ онъ, — я насчетъ многого былъ откровененъ, но насчетъ чего-нибудь или вотъ этого напримѣръ (онъ стукнулъ пальцемъ по Свѣтлой Личности) я умолчалъ, во первыхъ, потому что не стоило говорить, а вовторыхъ, потому что объявлялъ только о томъ о чемъ спрашивали. Не люблю въ этомъ смыслѣ самъ впередъ забѣгать; въ этомъ и вижу разницу между подлецомъ и честнымъ человѣкомъ, кото-

раго просто-за-просто накрыли обстоятельства.... Ну, однимъ словомъ, это въ сторону. Ну-съ, а теперь.... теперь когда эти дураки.... ну, когда это вышло наружу и уже у васъ въ рукахъ, и отъ васъ, я вижу, не укроется — потому что вы человѣкъ съ глазами, и васъ впередъ не распознаешь, — а эти глупцы между тѣмъ продолжаютъ, я.... я.... ну, да я, однимъ словомъ, пришелъ васъ просить спасти одного человѣка, одного тоже глупца, пожалуй сумашедшаго, во имя его молодости, несчастій, во имя вашей гуманности.... Не въ романахъ же однихъ собственнаго издѣлія вы такъ гуманны! съ грубымъ сарказмомъ и въ нетерпѣннѣи обрвалъ онъ вдругъ рѣчь.

Однимъ словомъ, было видно человѣка прямаго, но неловкаго и не политичнаго, отъ избытка гуманныхъ чувствъ и излишней можетъ-быть щекотливости, главное, человѣка недалекаго, какъ тотчасъ же съ чрезвычайною тонкостью оцѣнилъ фонъ-Лембке и какъ давно уже объ немъ полагалъ, особенно когда въ послѣднюю недѣлю, одинъ въ кабинетѣ, по ночамъ особенно, ругалъ его изо всѣхъ силъ про себя за необъяснимые успѣхи у Юліи Михайловны.

— За кого же вы просите и что же это все означаетъ? сановито освѣдомился онъ, стараясь скрыть свое любопытство.

— Это.... это.... чортъ.... Я не виноватъ вѣдь что въ васъ вѣрю! Чѣмъ же я виноватъ что почитаю васъ за благороднѣйшаго человѣка, и главное толковаго.... способнаго то-есть понять.... чортъ....

Бѣдняжка, очевидно, не умѣлъ съ собой справиться.

— Вы, наконецъ, поймите, продолжалъ онъ, — поймите что называя вамъ его имя, я вамъ его вѣдь предаю; вѣдь предаю, не такъ ли? Не такъ ли?

— Но какъ же, однако, я могу угадать, если вы не рѣшаетесь высказаться?

— То-то вотъ и есть, вы всегда подкосите вотъ эту вашу логику, чортъ.... ну, чортъ.... эта «свѣтлая личность», этотъ «студентъ» — это Шатовъ.... вотъ вамъ и все!

— Шатовъ? То-есть какъ это Шатовъ?

— Шатовъ, это «студентъ», вотъ про котораго здѣсь упоминается. Онъ здѣсь живетъ; бывшій крѣпостной человѣкъ, ну, вотъ пощечину далъ.

— Знаю, знаю! прищурился Лембке, — но, позвольте, въ чемъ же собственно онъ обвиняется и о чемъ вы-то, главнѣйше, ходатайствуете?

— Да спасти же его прошу, понимаете! Вѣдь я его восемь лѣтъ тому еще зналъ, вѣдь я ему другомъ можетъ-быть былъ, выходилъ изъ себя Петръ Степановичъ. — Ну, да я вамъ не обязанъ отчетами въ прежней

жизни, махнулъ онъ рукой, — все это ничтожно, все это три съ половиной человѣка, а съ заграничными и десяти не наберется, а главное — я понадѣялся на вашу гуманность, на умъ. Вы поймете, и сами покажете дѣло въ настоящемъ видѣ, а не какъ Богъ знаетъ что, какъ глупую мечту сумазброднаго человѣка.... отъ несчастій, замѣтьте, отъ долгихъ несчастій, а не какъ чортъ знаетъ тамъ какой небывалый государственный заговоръ!...

Онъ почти задыхался.

— Гмъ. Вижу что онъ виновенъ въ прокламаціяхъ съ топоромъ, почти величаво заключилъ Лембке; позвольте, однако же, еслибъ одинъ, то какъ могъ онъ ихъ разбросать и здѣсь, и въ провинціяхъ, и даже въ X — й губерніи и.... и наконецъ главнѣйшее, гдѣ взялъ?

— Да; говорю же вамъ что ихъ, очевидно, всего-на-все пять человѣкъ, ну, десять, почему я знаю?

— Вы не знаете?

— Да почему мнѣ знать, чортъ возьми?

— Но вотъ знали же, однако, что Шатовъ одинъ изъ сообщниковъ?

— Эхъ! махнулъ рукой Петръ Степановичъ, какъ бы отбиваясь отъ подавляющей прозорливости вопрошателя; — ну, слушайте, я вамъ всю правду скажу: о прокламаціяхъ ничего не знаю, то-есть ровнешенько ничего, чортъ возьми, понимаете что значитъ ничего?... Ну, конечно, тотъ подпоручикъ, да еще кто-нибудь, да еще кто-нибудь здѣсь.... ну, и можетъ Шатовъ, ну, и еще кто-нибудь, ну, вотъ и всѣ, дрянъ и мизеръ.... но я за Шатова пришелъ просить, его спасти надо, потому что это стихотвореніе — его, его собственное сочиненіе и за границей черезъ него отпечатано; вотъ что я знаю навѣрно, а о прокламаціяхъ ровно ничего не знаю.

— Если стихи — его, то навѣрно и прокламаціи. Какія же, однако, данныя заставляютъ васъ подозрѣвать господина Шатова?

Петръ Степановичъ, съ видомъ окончательно выведеннаго изъ терпѣнія человѣка, выхватилъ изъ кармана бумажникъ, а изъ него записку.

— Вотъ данныя! крикнулъ онъ, бросивъ ее на столъ. Лембке развернулъ; оказалось что записка писана, съ полгода назадъ, отсюда куда-то за границу, коротенькая, въ двухъ словахъ:

«Свѣтлую Личность отпечатать здѣсь не могу, да и ничего не могу; печатайте за границей.

Ив. Шатовъ».

Лембке пристально уставился на Петра Степановича. Варвара Петровна правду отнеслась что у него былъ бараній взглядъ, иногда особенно.

— То-есть это вотъ что, рванулся Петръ Степановичъ, — значить что онъ написалъ здѣсь, полгода назадъ, эти стихи, но здѣсь не могъ отпечатать, ну, въ тайной типографіи какой-нибудь — и потому просить напечатать за границей.... Кажется ясно?

— Да-съ, ясно, но кого же онъ просить? вотъ это еще не ясно? съ хитрѣйшею ироніей замѣтилъ Лембке.

— Да Кирилова же, наконецъ; записка писана къ Кирилову за границу.... Не знали что ли? Вѣдь что досадно, что вы, можетъ-быть, предомною только прикидываетесь, а давнымъ давно уже сами знаете про эти стихи, и все! Какъ же очутились они у васъ на столѣ? Съумѣли очутиться! За что же вы меня истязуете, если такъ?

Онъ судорожно утеръ платкомъ потъ со лба.

— Мнѣ можетъ и извѣстно нѣчто.... ловко уклонился Лембке; но кто же этотъ Кириловъ?

— Ну да вотъ инженеръ пріѣзжій, былъ секундантомъ у Ставрогина, маньякъ, сумашедшій; подпоручикъ вашъ, дѣйствительно, только можетъ въ бѣлой горячкѣ, ну, а этотъ ужъ совсѣмъ сумашедшій, — совсѣмъ, въ этомъ гарантирую. Эхъ, Андрей Антоновичъ, еслибы знало правительство какіе это сплошь люди, такъ на нихъ бы рука не поднялась. Всѣхъ какъ есть цѣликомъ на седьмую версту; я еще въ Швейцаріи да на конгрессахъ наглядѣлся.

— Тамъ, откуда управляютъ здѣшнимъ движеніемъ?

— Да кто управляетъ-то? три человѣка съ полчеловѣкомъ. Вѣдь на нихъ глядя только скука возьметъ. И какимъ это здѣшнимъ движеніемъ? Прокламаціями что ли? Да и кто на вербованъ-то, подпоручики въ бѣлой горячкѣ, да два-три студента! Вы умный человѣкъ, вотъ вамъ вопросъ: Отчего не вербуются къ нимъ люди значительнѣе, отчего все студенты да недоросли двадцати двухъ лѣтъ? Да и много ли? Небось милліонъ собакъ ищетъ, а много ль всего отыскали? Семь человѣкъ. Говорю вамъ, скука возьметъ.

Лембке выслушалъ со вниманіемъ, но съ выраженіемъ говорившимъ: «Соловья баснями не накормишь».

— Позвольте, однако же, вотъ вы изволите утверждать что записка адресована была за границу; но здѣсь адреса нѣтъ; почему же вамъ стало извѣстно что записка адресована къ господину Кирилову, и, наконецъ, за границу и.... и.... что писана она дѣйствительно господиномъ Шатовымъ?

— Такъ достаньте сейчасъ руку Шатова, да и свѣрьте. У васъ въ канцеляріи непременно должна отыскаться какая-нибудь его подпись. А что къ Кирилову, такъ мнѣ самъ Кириловъ тогда же и показалъ.

— Вы стало-быть сами....

— Ну да, конечно, стало-быть самъ. Мало ли что мнѣ тамъ показывали. А что эти вотъ стихи, такъ это будто покойный Герценъ написалъ ихъ Шатову, когда еще тотъ за границей скитался, будто бы на память встрѣчи, въ похвалу, въ рекомендацію, ну, чортъ.... а Шатовъ и распространяетъ въ молодежи. Самого, дескать, Герцена обо мнѣ мнѣніе.

— Те-те-те, догадался, наконецъ, совсѣмъ Лембке, — то-то я думаю: прокламація — это понятно, а стихи зачѣмъ?

— Да какъ ужъ вамъ не понять. И чортъ знаетъ для чего я вамъ разболталъ! Слушайте, мнѣ Шатова отдайте, а тамъ чортъ дері ихъ всѣхъ остальныхъ, даже съ Кириловымъ, который заперся теперь въ домѣ Филиппова, гдѣ и Шатовъ, и таится. Они меня не любятъ, потому что я воротился.... но обѣщайте мнѣ Шатова, и я вамъ ихъ всѣхъ на одной тарелкѣ подамъ. Пригожусь, Андрей Антоновичъ! Я эту всю жалкую кучку полагаю человѣкъ въ девять — въ десять. Я самъ за ними слѣжу, отъ себя-съ. Намъ ужъ трое извѣстны: Шатовъ, Кириловъ и тотъ подпоручикъ. Остальныхъ я еще только *разглядываю*.... впрочемъ не совсѣмъ близорукъ. Это какъ въ X — й губерніи; тамъ схвачено съ прокламаціями два студента, одинъ гимназистъ, два двадцатилѣтнихъ дворянина, одинъ учитель и одинъ отставной майоръ, лѣтъ шестидесяти, одурѣвшій отъ пьянства, вотъ и все, и ужъ повѣрьте что все; даже удивились что тутъ и все. Но надо шесть дней. Я уже смекнулъ на счетахъ; шесть дней и не раньше. Если хотите какого-нибудь результата — не шевелите ихъ еще шесть дней, и я вамъ ихъ въ одинъ узелъ свяжу, а пошевелите раньше — гнѣздо разлетится. Но дайте Шатова. Я за Шатова.... А всего бы лучше призвать его секретно и дружески, хотъ сюда въ кабинетъ, и проэкзаменоватъ, поднявши предъ нимъ завѣсу.... Да онъ навѣрно самъ вамъ въ ноги бросится и заплачетъ! Это человѣкъ нервный, несчастный; у него жена гуляетъ со Ставрогинымъ. Приголубьте его, и онъ все самъ откроетъ, но надо шесть дней.... А главное, главное — ни полсловечка Юліи Михайловнѣ. Секретъ. Можете секретъ?

— Какъ? вытарашилъ глаза Лембке, — да развѣ вы Юліи Михайловнѣ ничего не.... открывали?

— Ей? Да сохрани меня и помилуй! Э-эхъ, Андрей Антоновичъ! Видите-съ: я слишкомъ цѣню ея дружбу, и высоко уважаю.... ну и тамъ все это.... но я не промахнусь. Я ей не противорѣчу, потому что ей противорѣчить, сами знаете, опасно. Я ей можетъ и закинулъ словечко, пото-

му что она это любить, но чтобъ я выдалъ ей, какъ вамъ теперь, имена, или тамъ что-нибудь, э-эхъ, бабушка! Вѣдь я почему обращаюсь теперь къ вамъ? Потому что вы все-таки мужчина, человѣкъ серьезный, съ старинною твердою служебною опытностью. Вы видали виды. Вамъ каждый шагъ въ такихъ дѣлахъ, я думаю, наизусть извѣстенъ еще съ петербургскихъ примѣровъ. А скажи я ей эти два имени, на примѣръ, и она бы такъ забарабанила.... Вѣдь она отсюда хочетъ Петербургъ удивить. Нѣтъ-съ, горяча слишкомъ, вотъ что-съ.

— Да, въ ней есть нѣсколько этой фуги, не безъ удовольствія пробормоталъ Андрей Антоновичъ, въ то же время ужасно жалѣя что этотъ неучъ осмѣливается, кажется, выражаться объ Юліи Михайловнѣ немного ужъ вольно. Петру же Степановичу, вѣроятно, казалось что этого еще мало и что надо еще поддать пару чтобы польстить и совсѣмъ ужъ покорить Лембку.

— Именно фуги, поддакнулъ онъ, — пусть она женщина можетъ-быть гениальная, литературная, но — воробьевъ она распугаетъ. Шести часовъ не выдержитъ, не то что шести дней. Э-эхъ, Андрей Антоновичъ, не налагайте на женщину срока въ шесть дней! Вѣдь признаете же вы за мною нѣкоторую опытность, то-есть въ этихъ дѣлахъ; вѣдь знаю же я кое-что, и вы сами знаете что я могу знать кое-что. Я у васъ не для баблства шести дней прошу, а для дѣла.

— Я слышалъ.... не рѣшался высказать мысль свою Лембке, — я слышалъ что вы, возвратясь изъ-за границы, гдѣ слѣдуетъ изъяснили... въ родѣ раскаянія?

— Ну тамъ что бы ни было.

— Да и я, разумѣется, не желаю входить... но мнѣ все казалось, вы здѣсь до сихъ поръ говорили совсѣмъ въ иномъ стилѣ, о христіанской вѣрѣ на примѣръ, объ общественныхъ установленіяхъ и наконецъ о правительствѣ....

— Мало ли что я говорилъ. Я и теперь то же говорю, только не такъ эти мысли слѣдуетъ проводить, какъ тѣ дураки, вотъ въ чемъ дѣло. А то что въ томъ что укусилъ въ плечо? Сами же вы соглашались со мной, только говорили что рано.

— Я не про то собственно соглашался и говорилъ рано.

— Однако же у васъ каждое слово на крюкъ привѣшено, хе-хе! осторожный человѣкъ! весело замѣтилъ вдругъ Петръ Степановичъ. — Слушайте, отецъ родной, надо же было съ вами познакомиться, ну вотъ потому я въ моемъ стилѣ и говорилъ. Я не съ однимъ съ вами, а со многими такъ знакомясь. Мнѣ можетъ вашъ характеръ надо было распознать.

— Для чего бы вамъ мой характеръ?

— Ну почему я знаю для чего (онъ опять разсмѣялся). Видите ли, дорогой и многоуважаемый Андрей Антоновичъ, вы хитры, но до этого еще не дошло и навѣрно не дойдетъ, понимаете? Можетъ-быть и понимаете? Я хоть и далъ гдѣ слѣдуетъ объясненія, возвратясь изъ-за границы, и право не знаю почему бы человѣкъ извѣстныхъ убѣжденій не могъ дѣйствовать въ пользу искреннихъ своихъ убѣжденій... но мнѣ никто еще *тамъ* не заказывалъ вашего характера и никакихъ подобныхъ заказовъ *оттуда* я еще не бралъ на себя. Вникните сами: вѣдь могъ бы я не вамъ открыть первому два-то имени, а прямо *туда* махнуть, то-есть туда гдѣ первоначальныя объясненія давалъ; и ужъ еслибъ я старался изъ-за финансовъ, али тамъ изъ-за выгоды, то ужъ конечно вышелъ бы съ моей стороны не расчетъ, потому что благодарны-то будутъ теперь вамъ, а не мнѣ. Я единственно за Шатова, съ благородствомъ прибавилъ Петръ Степановичъ, — за одного Шатова, по прежней дружбѣ.... ну а тамъ, пожалуй, когда возьмете перо чтобы *туда* отписать, ну похвалите меня если хотите.... противорѣчить не стану, хе-хе! Adieu однако же, засидѣлся, и не надо бы столько болтать! прибавилъ онъ не безъ пріятности и всталъ съ дивана.

— Напротивъ, я очень радъ что дѣло такъ-сказать опредѣляется, всталъ и фонъ-Лембке, тоже съ любезнымъ видомъ, видимо подъ влияніемъ послѣднихъ словъ. — Я съ признательностію принимаю ваши услуги и, будьте увѣрены, все что можно съ моей стороны насчетъ отзыва о вашемъ усердіи...

— Шесть дней, главное шесть дней сроку, и чтобы въ эти дни вы не шевелились, вотъ что мнѣ надо!

— Пусть.

— Разумѣется я вамъ рукъ не связываю, да и не смѣю. Не можете же вы не слѣдить; только не пугайте гнѣзда раньше времени, вотъ въ чемъ я надѣюсь на вашъ умъ и на опытность. А довольно у васъ должно-быть своихъ-то гончихъ припасено, и всякихъ тамъ ищеекъ, хе-хе! весело и легкомысленно (какъ молодой человѣкъ) брякнулъ Петръ Степановичъ.

— Не совсѣмъ это такъ, пріятно уклонился Лембке. — Это — предразсудокъ молодости, что слишкомъ много припасено.... Но кстати позвольте одно словцо: вѣдь если этотъ Кириловъ былъ секундантомъ у Ставрогина, то и господинъ Ставрогинъ въ такомъ случаѣ...

— Что Ставрогинъ?

— То-есть если они такіе друзья?

— Э, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Вотъ тутъ маху дали, хотъ вы и хитры. И даже меня удивляете. Я вѣдь думалъ что вы насчетъ этого не безъ свѣдѣній... Гмъ, Ставрогинъ — это совершенно противоположное, то-есть совершенно... *Avis au lecteur*.¹

— Неужели! и можетъ ли быть? съ недовѣрчивостію произнесъ Лембке. — Мнѣ Юлія Михайловна сообщила что, по ея свѣдѣніямъ изъ Петербурга, онъ человѣкъ съ нѣкоторыми такъ-сказать наставленіями....

— Я ничего не знаю, ничего не знаю, совсѣмъ ничего. *Adieu. Avis au lecteur!* вдругъ и явно уклонился Петръ Степановичъ.

Онъ полетѣлъ къ дверямъ.

— Позвольте, Петръ Степановичъ, позвольте, крикнулъ Лембке, — еще одно крошечное дѣльце, и я васъ не задержу.

Онъ вынулъ изъ столоваго ящика конвертъ.

— Вотъ-съ одинъ экземплярчикъ, по той же категоріи, и я вамъ тѣмъ самымъ доказываю что вамъ въ высшей степени довѣряю. Вотъ-съ, и каково ваше мнѣніе?

Въ конвертѣ лежало письмо, — письмо странное, анонимое, адресованное къ Лембке и вчера только имъ полученное. Петръ Степановичъ къ крайней досадѣ своей прочелъ слѣдующее:

«Ваше превосходительство!

Ибо по чину вы такъ. Симъ объявляю въ покушеніи на жизнь генеральскихъ особъ и отечества; ибо прямо ведетъ къ тому. Самъ разбрасывалъ непрерывно множество лѣтъ. Тоже и безбожіе. Приготавливается бунтъ, а прокламацій нѣсколько тысячъ, и за каждой побѣжить сто человѣкъ, высуня языкъ, если заранѣе не отобрать начальствомъ, ибо множество обѣщано въ награду, а простой народъ глупъ, да и водка. Народъ, почитая виновника, разоряетъ того и другаго, и боясь обѣихъ сторонъ, раскаялся въ чемъ не участвовалъ, ибо обстоятельства мои таковы. Если хотите чтобы доносъ для спасенія отечества, а также церквей и иконъ, то я одинъ только могу. Но съ тѣмъ чтобы мнѣ прощеніе изъ третьяго отдѣленія по телеграфу немедленно одному изъ всѣхъ, а другіе пусть отвѣчаютъ. На окошкѣ у швейцара для сигнала въ семь часовъ ставьте каждый вечеръ свѣчу. Увидавъ повѣрю и приду облобызать милосердную длань изъ столицы, но съ тѣмъ чтобы пенсіонъ, ибо чѣмъ же я буду жить? Вы же не раскаетесь, потому что вамъ выйдеть звѣзда. Надо потихоньку, а не то свернуть голову.

¹ К сведенію читателя (*франц.*) Здесь в смысле: вы предупреждены.

Вашего превосходительства отчаянный человѣкъ.

Припадаетъ къ стопамъ
раскаившійся вольнодумецъ Incognito.»

Фонъ-Лембке объяснилъ что письмо очутилось вчера въ швейцарской, когда тамъ никого не было.

— Такъ вы какъ же думаете? спросилъ чуть не грубо Петръ Степановичъ.

— Я бы предположилъ что это анонимный пашквиль, въ насмѣшку.

— Вѣроятно же всего что такъ. Васъ не надуешь.

— Я главное потому что такъ глупо.

— А вы получали здѣсь еще какіе-нибудь пашквилы?

— Получалъ раза два, анонимные.

— Ну ужъ разумѣется не подпишутъ. Разнымъ слогомъ? Разныхъ рукъ?

— Разнымъ слогомъ и разныхъ рукъ.

— И шутовскіе были, какъ это?

— Да, шутовскіе, и знаете... очень гадкіе.

— Ну коли ужъ были, такъ навѣрно и теперь то же самое.

— А главное потому что такъ глупо. Потому что тѣ люди образованные и навѣрно такъ глупо не напишутъ.

— Ну да, ну да.

— А что если это и въ самомъ дѣлѣ кто-нибудь хочетъ дѣйствительно донести?

— Невѣроятно, сухо отрѣзалъ Петръ Степановичъ. — Что значитъ телеграмма изъ третьяго отдѣленія и пенсіонъ. Пашквиль очевидный.

— Да, да, устыдился Лембке.

— Знаете что, оставьте-ка это у меня. Я вамъ навѣрно разыщу. Раньше чѣмъ тѣхъ разыщу.

— Возьмите, согласился фонъ-Лембке, съ нѣкоторымъ впрочемъ колебаніемъ.

— Вы кому-нибудь показывали?

— Нѣтъ, какъ можно, никому.

— То-есть Юліи Михайловнѣ?

— Ахъ, Боже сохрани, и ради Бога не показывайте ей сами! вскричалъ Лембке въ испугѣ. — Она будетъ такъ потрясена.... и разсердится на меня ужасно.

— Да, на васъ перваго и разсердится, скажетъ что сами заслужили, коли вамъ такъ пишутъ. Знаемъ мы женскую логику. Ну прощайте. Я

вамъ можетъ даже дня черезъ три этого сочинителя представлю. Главное уговоръ!

IV.

Петръ Степановичъ былъ человѣкъ можетъ-быть и не глупый, но Оедька Каторжный вѣрно выразился о немъ что онъ «человѣка самъ сочинить, да съ нимъ и живетъ». Ушелъ онъ отъ фонъ-Лембке вполнѣ увѣренный что по крайней мѣрѣ на шесть дней того успокоилъ, а срокъ этотъ былъ ему до крайности нуженъ. Но идея была ложная, и все основано было только на томъ что онъ сочинилъ себѣ Андрея Антоновича, съ самаго начала, и разъ навсегда, совершеннѣйшимъ простачкомъ.

Какъ и каждый страдальчески мнительный человѣкъ, Андрей Антоновичъ всякій разъ бывалъ чрезвычайно и радостно довѣрчивъ въ первую минуту выхода изъ неизвѣстности. Новый оборотъ вещей представился ему сначала въ довольно пріятномъ видѣ, несмотря на нѣкоторыя вновь наступавшія хлопотливыя сложности. По крайней мѣрѣ старыя сомнѣнія падали въ прахъ. Къ тому же онъ такъ усталъ за послѣдніе дни, чувствовалъ себя такимъ измученнымъ и беспомощнымъ что душа его поневолѣ жаждала покоя. Но увы, онъ уже опять былъ не спокоенъ. Долгое чиновничье житіе въ Петербургѣ оставило въ душѣ его слѣды неизгладимые. Офиціальная и даже секретная исторія «новаго поколѣнія» ему была довольно извѣстна, — человѣкъ былъ любопытный и прокламаціи собиралъ, — но никогда не понималъ онъ въ ней самаго перваго слова. Теперь же былъ какъ въ лѣсу: онъ всѣми инстинктами своими предчувствовалъ что въ словахъ Петра Степановича заключалось нѣчто совершенно несообразное, внѣ всякихъ формъ и условій, — «хотя вѣдь чортъ знаетъ что можетъ случиться въ этомъ «новомъ поколѣніи» и чортъ знаетъ какъ это у нихъ тамъ совершается!» раздумывалъ онъ, теряясь въ соображеніяхъ.

А тутъ какъ нарочно снова просунулъ къ нему голову Блюмъ. Все время посѣщенія Петра Степановича онъ выжидалъ недалеко. Блюмъ этотъ приходился даже родственникомъ Андрею Антоновичу, дальнимъ, но всю жизнь тщательно и боязливо скрываемымъ. Прошу прощенія у читателя въ томъ что этому ничтожному лицу отдѣлю здѣсь хоть нѣсколько словъ. Блюмъ былъ изъ страннаго рода «несчастныхъ» Нѣмцевъ — и вовсе не по крайней своей бездарности, а именно неизвѣстно почему. «Несчастные» Нѣмцы не миѳъ, а дѣйствительно существуютъ, даже въ Россіи, и имѣютъ свой собственный типъ. Андрей Антоновичъ всю жизнь питалъ къ нему самое трогательное сочувствіе, и вездѣ, гдѣ

только могъ, по мѣрѣ собственныхъ своихъ успѣховъ по службѣ, выдвигалъ его на подчиненное, подвѣдомственное ему мѣстечко; но тому нигдѣ не везло. То мѣсто оставлялось за штатомъ, то перемѣнялось начальство, то чуть не упекли его однажды съ другими подъ судъ. Былъ онъ аккуратенъ, но какъ-то слишкомъ безъ нужды и во вредъ себѣ мраченъ; рыжій, высокій, сгорбленный, унылый, даже чувствительный и, при всей своей приниженности, упрямый и настойчивый какъ волъ, хотя всегда невпопадъ. Къ Андрею Антоновичу питалъ онъ съ женой и съ многочисленными дѣтьми многолѣтнюю и благоговѣйную привязанность. Кромѣ Андрея Антоновича никто никогда не любилъ его. Юлія Михайловна сразу его забракковала, но одолѣть упорство своего супруга не могла. Это была ихъ первая супружеская ссора, и случилась она тотчасъ послѣ свадьбы, въ самые первые медовые дни, когда вдругъ обнаружился предъ нею Блюмъ, до тѣхъ поръ тщательно отъ нея припрятанный, съ обидною тайной своего къ ней родства. Андрей Антоновичъ умолялъ сложа руки, чувствительно разказалъ всю исторію Блюма и ихъ дружбы съ самага дѣтства, но Юлія Михайловна считала себя опозоренною на вѣки и даже пустила въ-ходъ обмороки. Фонъ-Лембке не уступилъ ей ни шагу и объявилъ что не покинетъ Блюма ни за что на свѣтѣ и не отдалить отъ себя, такъ что она наконецъ удивилась и принуждена была позволить Блюма. Рѣшено было только что родство будетъ скрываемо еще тщательнѣе чѣмъ до сихъ поръ, если только это возможно, и что даже имя и отчество Блюма будутъ измѣнены, потому что его тожечему-то звали Андреемъ Антоновичемъ. Блюмъ у насъ ни съ кѣмъ не познакомился кромѣ одного только Нѣмца аптекаря, никому не сдѣлалъ визитовъ и, по обычаю своему, зажилъ скупю и уединенно. Ему давно уже были извѣстны и литературные грѣшки Андрея Антоновича. Онъ преимущественно призывался выслушивать его романъ въ секретныхъ чтеніяхъ наединѣ, просиживалъ по шести часовъ сряду столбомъ; потѣлъ, напрягалъ всѣ свои силы чтобы не заснуть и улыбаться; придя домой стоналъ вмѣстѣ съ длинноногою и сухопарою женой о несчастной слабости ихъ благодѣтеля къ русской литературѣ.

Андрей Антоновичъ со страданіемъ посмотрѣлъ на вошедшаго Блюма.

— Я прошу тебя, Блюмъ, оставить меня въ покоѣ, началъ онъ тревожною скороговоркой, очевидно желая отклонить возобновеніе давишняго разговора, прерваннаго приходомъ Петра Степановича.

— И однакожь это можетъ-быть устроено деликатнѣйше, совершенно не гласно; вы же имѣете всѣ полномочія, почтительно, но упорно на-

стаивалъ на чемъ-то Блюмъ, сгорбивъ спину и придвигаясь все ближе и ближе мелкими шагами къ Андрею Антоновичу.

— Блюмъ, ты до такой степени преданъ мнѣ и услужливъ что я всякій разъ смотрю на тебя внѣ себя отъ страха.

— Вы всегда говорите острия вещи и въ удовольствіи отъ сказаннаго засыпаете спокойно, но тѣмъ самымъ себѣ повреждаете.

— Блюмъ, я сейчасъ убѣдился что это вовсе не то, вовсе не то.

— Не изъ словъ ли этого фальшиваго, порочнаго молодаго человѣка, котораго вы сами подозреваете? Онъ васъ побѣдилъ льстивыми похвалами вашему таланту въ литературѣ.

— Блюмъ, ты не смыслишь ничего; твой проектъ нелѣпость, говорю тебѣ. Мы не найдемъ ничего, а крикъ подыметъ страшный, затѣмъ смѣхъ, а затѣмъ Юлія Михайловна....

— Мы несомнѣнно найдемъ все чего ищемъ, твердо шагнулъ къ нему Блюмъ, приставляя къ сердцу правую руку; — мы сдѣлаемъ осмотръ внезапно, рано поутру, соблюдая всю деликатность къ лицу и всю предписанную строгость формъ закона. Молодые люди, Лямшинъ и Телятниковъ, слишкомъ увѣряютъ что мы найдемъ все желаемое. Они посѣщали тамъ многократно. Къ господину Верховенскому никто внимательно не расположенъ. Генеральша Ставрогина явно отказала ему въ своихъ благодареніяхъ, и всякій честный человѣкъ, если только есть таковой въ этомъ грубомъ городѣ, убѣжденъ что тамъ всегда укрывался источникъ безвѣрія и соціального ученія. У него хранятся всѣ запрещенныя книги, *Думы* Рылѣева, всѣ сочиненія Герцена.... Я на всякій случай имѣю приблизительный каталогъ....

— О Боже, эти книги есть у всякаго; какъ ты простъ, мой бѣдный Блюмъ!

— И многія прокламаціи, продолжалъ Блюмъ, не слушая замѣчаній. — Мы кончимъ тѣмъ что непременно нападѣмъ на слѣдъ настоящихъ здѣшнихъ прокламацій. Этотъ молодой Верховенскій мнѣ весьма, весьма подозрителенъ.

— Но ты смѣшиваешь отца съ сыномъ. Они не въ ладахъ; сынъ смѣется надъ отцомъ явно.

— Это одна только маска.

— Блюмъ, ты поклялся меня замучить! Подумай, онъ лицо все-таки замѣтное. Онъ былъ профессоромъ, онъ человѣкъ извѣстный, онъ раскричится, и тотчасъ же пойдутъ насмѣшки по городу, ну и все пропало.... и подумай что будетъ съ Юліей Михайловной!

Блюмъ лезъ впередъ и не слушалъ.

— Онъ былъ лишь доцентомъ, всего лишь доцентомъ, и по чину всего только коллежскій ассессоръ при отставкѣ, ударялъ онъ себя рукой въ грудь, — знаковъ отличія не имѣетъ, уволенъ отъ службы по подозрѣнію въ замыслахъ противъ правительства. Онъ состоялъ подъ тайнымъ надзоромъ и несомнѣнно еще состоитъ. И въ виду обнаружившихся теперь безпорядковъ вы несомнѣнно обязаны долгомъ. Вы же наоборотъ, упускаете ваше отличіе, потворствуя настоящему виновнику.

— Юлія Михайловна! Убиррайся, Блюмъ! вскричалъ вдругъ фонъ-Лембке, заслышавшій голосъ своей супруги въ сосѣдней комнатѣ.

Блюмъ вздрогнулъ, но не сдался.

— Дозвольте же, дозвольте, приступалъ онъ, еще крѣпче прижимая обѣ руки къ груди.

— Убиррайся! проскрежеталъ Андрей Антоновичъ, — дѣлай что хочешь.... послѣ.... О Боже мой!

Поднялась портьера, и появилась Юлія Михайловна. Она величественно остановилась при видѣ Блюма, высокомерно и обидчиво окинула его взглядомъ, какъ будто одно присутствіе этого человѣка здѣсь было ей оскорбленіемъ. Блюмъ молча и почтительно отдалъ ей глубокой поклонъ и, согбенный отъ почтенія, направился къ дверямъ на ципочкахъ и разставивъ нѣсколько врозь свои руки.

Оттого ли что онъ и въ самомъ дѣлѣ понялъ послѣднее истерическое восклицаніе Андрея Антоновича за прямое дозволеніе поступить такъ какъ онъ спрашивалъ, или покривилъ душой въ этомъ случаѣ для прямой пользы своего благодѣтеля, слишкомъ увѣренный что конецъ увѣнчаетъ дѣло; но, какъ увидимъ ниже, изъ этого разговора начальника съ своимъ подчиненнымъ произошла одна самая неожиданная глупость, насмѣшившая многихъ, получившая огласку, возбудившая жестокой гнѣвъ Юліи Михайловны, и всѣмъ этимъ сбившая окончательно съ толку Андрея Антоновича, ввергнувъ его, въ самое горячее время, въ самую плачевную нерѣшительность.

V.

День для Петра Степановича выдался хлопотливый. Отъ фонъ-Лембке онъ поскорѣе побѣжалъ въ Богоявленскую улицу, но проходя по Быковой улицѣ, мимо дома въ которомъ квартировалъ Кармазиновъ, онъ вдругъ пріостановился, усмѣхнулся и вошелъ въ домъ. Ему отвѣтили: «ожидаютъ-съ», что очень заинтересовало его, потому что онъ вовсе не предупреждалъ о своемъ прибытіи.

Но великій писатель дѣйствительно его ожидалъ и даже еще вчера и третьяго дня. Четвертаго дня онъ вручилъ ему свою рукопись «Мерсі» (которую хотѣлъ прочесть на литературномъ утрѣ въ день праздника Юліи Михайловны) и сдѣлалъ это изъ любезности, вполнѣ увѣренный что пріятно польститъ самолюбію человѣка, давъ ему узнать великую вещь заранѣе. Петръ Степановичъ давно уже примѣчалъ что этотъ тщеславный, избалованный и оскорбительно-недоступный для неизбранныхъ господинъ, этотъ «почти государственный умъ», просто-за-просто въ немъ заискиваетъ и даже съ жадностію. Мнѣ кажется, молодой человѣкъ наконецъ догадался что тотъ, если и не считалъ его коноводомъ всего тайно-революціоннаго въ цѣлой Россіи, то по крайней мѣрѣ однимъ изъ самыхъ посвященныхъ въ секреты русской революціи и имѣющимъ неоспоримое вліяніе на молодежь. Настроеніе мыслей «умнѣйшаго въ Россіи человѣка» интересовало Петра Степановича, но доселѣ онъ, по нѣкоторымъ причинамъ, уклонялся отъ разъясненій.

Великій писатель квартировалъ въ домѣ своей сестры, жены камергера и помѣщицы, оба они, и мужъ и жена, благоговѣли предъ знаменитымъ родственникомъ, но въ настоящій пріѣздъ его находились оба въ Москвѣ, къ великому ихъ сожалѣнію, такъ что принять его имѣла честь старушка, очень дальняя и бѣдная родственница камергера, проживавшая въ домѣ и давно уже завѣдывавшая всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ. Весь домъ заходилъ на ципочкахъ съ пріѣздомъ господина Кармазинова. Старушка извѣщала въ Москву чуть не каждый день о томъ какъ онъ почивалъ и что извоилъ скушать, а однажды отправила телеграмму съ извѣстіемъ что онъ, послѣ званаго обѣда у градскаго головы, принужденъ былъ принять ложку одного лѣкарства. Въ комнату къ нему она осмѣливалась входить рѣдко, хотя онъ обращался съ нею вѣжливо, впрочемъ сухо, и говорилъ съ нею только по какой-нибудь надобности. Когда вошелъ Петръ Степановичъ, онъ кушалъ утреннюю свою котлетку съ полстаканомъ краснаго вина. Петръ Степановичъ уже и прежде бывалъ у него и всегда заставлялъ его за этою утреннею котлеткой, которую тотъ и съѣдалъ въ его присутствіи, но ни разу его самого не поподчивалъ. Послѣ котлетки подавалась еще маленькая чашечка кофе. Лакей, внесшій кушанье, былъ во фракѣ, въ мягкихъ неслышныхъ сапогахъ и въ перчаткахъ.

— А-а! приподнялся Кармазиновъ съ дивана, утираясь салфеткой, и съ видомъ чистѣйшей радости полѣзъ лобызаться — характерная привычка русскихъ людей, если они слишкомъ ужъ знамениты. Но Петръ Степановичъ помнилъ по бывшему уже опыту что онъ лобызаться-то лѣзетъ, а самъ подставляетъ щеку и потому сдѣлалъ на сей разъ то же

самое; обѣ щеки встрѣтились. Кармазиновъ, не показывая виду что замѣтилъ это, усѣлся на диванъ и съ пріятностію указалъ Петру Степановичу на кресло противъ себя, въ которомъ тотъ и развалился.

— Вы вѣдь не.... Не желаете ли завтракать? спросилъ хозяинъ, на этотъ разъ измѣняя привычкѣ, но съ такимъ разумѣется видомъ которымъ ясно подсказывался вѣжливый отрицательный отвѣтъ. Петръ Степановичъ тотчасъ же пожелалъ завтракать. Тѣнь обидчиваго изумленія омрачила лицо хозяина, но на одинъ только мигъ; онъ нервно позвонилъ слугу и несмотря на все свое воспитаніе брезгливо возвысилъ голосъ, приказывая подать другой завтракъ.

— Вамъ чего, котлетку или кофею? освѣдомился онъ еще разъ.

— И котлетку и кофею, и вина прикажите еще прибавить, я проголодался, отвѣчалъ Петръ Степановичъ, съ спокойнымъ вниманіемъ разсматривая костюмъ хозяина. Господинъ Кармазиновъ былъ въ какой-то домашней куцавеечкѣ на ватѣ, въ родѣ какъ бы жакеточки, съ перламутровыми пуговками, но слишкомъ ужъ коротенькой, что вовсе и не шло къ его довольно сытенному брюшку и къ плотно округленнымъ частямъ начала его ногъ; но вкусы бываютъ различны. На колѣняхъ его былъ развернуть до полу шерстяной клѣтчатый плэдъ, хотя въ комнатѣ было тепло.

— Больны что ли? замѣтилъ Петръ Степановичъ.

— Нѣтъ не боленъ, но боюсь стать больнымъ въ этомъ климатѣ, отвѣтилъ писатель своимъ крикливымъ голосомъ, впрочемъ нѣжно скандируя каждое слово и пріятно, по барски, шепелявя; — я васъ ждалъ еще вчера.

— Почему же? я вѣдь не обѣщаль.

— Да, но у васъ моя рукопись. Вы.... прочли?

— Рукопись? какая?

Кармазиновъ удивился ужасно.

— Но вы однако принесли ее съ собою? встревожился онъ вдругъ до того что оставилъ даже кушать и смотрѣлъ на Петра Степановича съ испуганнымъ видомъ.

— Ахъ, это про эту «Bonjour» что ли....

— «Merci».

— Ну пусть. Совсѣмъ забылъ и не читалъ, некогда. Право не знаю, въ карманахъ нѣтъ.... должно-быть у меня на столѣ. Не безпокойтесь, отыщется.

— Нѣтъ ужъ я лучше сейчасъ къ вамъ пошлю. Она можетъ пропасть и, наконецъ, украсть могутъ.

— Ну, кому надо! Да чего вы такъ испугались, вѣдь у васъ, Юлія Михайловна говорила, готовится всегда по нѣскольку списковъ, одинъ за границей у нотариуса, другой въ Петербургѣ, третій въ Москвѣ, потомъ въ банкъ что ли отсылаете.

— Но вѣдь и Москва сгорѣть можетъ, а съ ней моя рукопись. Нѣтъ, я лучше сейчасъ пошлю.

— Стойте, вотъ она! вынулъ Петръ Степановичъ изъ задняго кармана пачку почтовыхъ листиковъ, — измялась немножко. Вообразите, какъ взялъ тогда у васъ, такъ и пролежала все время въ заднемъ карманѣ съ носовымъ платкомъ; забылъ.

Кармазиновъ съ жадностію схватилъ рукопись, бережно осмотрѣлъ ее, сосчиталъ листки и съ уваженіемъ положилъ покамѣстъ подлѣ себя, на особый столикъ, но такъ чтобъ имѣть ее каждый мигъ на виду.

— Вы, кажется, не такъ много читаете? прошипѣлъ онъ не вытерпѣвъ.

— Нѣтъ, не такъ много.

— А ужъ по части русской беллетристики — ничего?

— По части русской беллетристики? Позвольте, я что-то читалъ.... «По пути».... или «Въ путь».... или «На перепутьи» что ли, не помню. Давно читалъ, лѣтъ пять. Некогда.

Послѣдовало нѣкоторое молчаніе.

— Я, какъ пріѣхалъ, увѣрилъ ихъ всѣхъ что вы чрезвычайно умный человѣкъ и теперь кажется всѣ здѣсь отъ васъ безъ ума.

— Благодарю васъ, спокойно отозвался Петръ Степановичъ.

Принесли завтракъ. Петръ Степановичъ съ чрезвычайнымъ аппетитомъ набросился на котлетку, мигомъ сѣлъ ее, выпилъ вино и выхлебнулъ кофе.

«Этотъ неучъ», въ раздумьи оглядывалъ его искоса Кармазиновъ, доѣдая послѣдній кусочекъ и выпивая послѣдній глоточекъ, «этотъ неучъ вѣроятно понялъ сейчасъ всю колкость моей фразы.... да и рукопись конечно прочиталъ съ жадностію, а только лжетъ изъ видовъ. Но можетъ быть и то что не лжетъ, а совершенно искренно глупъ. Геніальнаго человѣка я люблю нѣсколько глупымъ. Ужъ не геній ли онъ какой у нихъ въ самомъ дѣлѣ, чортъ его впрочемъ дери.»

Онъ всталъ съ дивана и началъ прохаживаться по комнатѣ изъ угла въ уголъ, для моціону, что исполнялъ каждый разъ послѣ завтрака.

— Скоро отсюда? спросилъ Петръ Степановичъ съ кресель, закуривъ папироску.

— Я собственно пріѣхалъ продать имѣніе и завишу теперь отъ моего управляющаго.

— Вы вѣдь, кажется, пріѣхали потому что тамъ эпидеміи послѣ войны ожидали?

— Н-нѣтъ, не совсѣмъ потому, продолжалъ господинъ Кармазиновъ, благодушно скандируя свои фразы и при каждомъ оборотѣ изъ угла въ другой уголъ бодро дрыгая правою ножкой, впрочемъ чуть-чуть. — Я дѣйствительно, усмѣхнулся онъ не безъ яду, — намѣреваюсь прожить какъ можно дольше. Въ русскомъ барствѣ есть нѣчто чрезвычайно быстро изнашивающееся, во всѣхъ отношеніяхъ. Но я хочу износиться какъ можно позже и теперь перебираюсь за границу совсѣмъ; тамъ и климатъ лучше и строеніе каменное и все крѣпче. На мой вѣкъ Европы хватить, я думаю. Какъ вы думаете?

— Я почему знаю.

— Гм. Если тамъ дѣйствительно рухнетъ Вавилонъ и паденіе его будетъ великое (въ чемъ я совершенно съ вами согласенъ, хотя и думаю что на мой вѣкъ его хватить), то у насъ въ Россіи и рушиться нечему, сравнительно говоря. Упадутъ у насъ не камни, а все расплывется въ грязь. Святая Русь менѣе всего на свѣтѣ можетъ дать отпору чему-нибудь. Простой народъ еще держится кое-какъ Русскимъ Богомъ; но Русскій Богъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, весьма неблагонадеженъ и даже противъ крестьянской реформы едва устоялъ, по крайней мѣрѣ сильно покачнулся. А тутъ желѣзныя дороги, а тутъ вы... ужъ въ Русскаго-то Бога я совсѣмъ не вѣрую.

— А въ Европейскаго?

— Я ни въ какого не вѣрую. Меня оклеветали предъ русскою молодежью. Я всегда сочувствовалъ каждому движенію ея. Мнѣ показывали эти здѣшнія прокламаціи. На нихъ смотрятъ съ недоумѣніемъ, потому что всѣхъ пугаетъ форма, но всѣ однако увѣрены въ ихъ могущество, хотя бы и не сознавая того. Всѣ давно падаютъ и всѣ давно знаютъ что не за что ухватиться. Я уже потому убѣжденъ въ успѣхѣ этой таинственной пропаганды что Россія есть теперь попреимуществу то мѣсто въ цѣломъ мірѣ гдѣ все что угодно можетъ произойти безъ малѣйшаго отпора. Я понимаю слишкомъ хорошо почему Русскіе съ состояніемъ всѣ хлынули за границу и съ каждымъ годомъ больше и больше. Тутъ просто инстинктъ. Если кораблю потонуть, то крысы первыя изъ него выселяются. Святая Русь страна деревянная, нищая и.... опасная, страна тщеславныхъ нищихъ въ высшихъ слояхъ своихъ, а въ огромномъ большинствѣ живетъ въ избушкахъ на курьихъ ножкахъ. Она обрадуется всякому выходу, стоитъ только растолковать. Одно правительство еще хочеть сопротивляться, но машетъ дубиной въ темнотѣ и бьетъ по

своимъ. Тутъ все обречено и приговорено. Россія, какъ она есть, не имѣетъ будущности. Я сдѣлался Нѣмцемъ и вмѣняю это себѣ въ честь.

— Нѣтъ, вы вотъ начали о прокламаціяхъ; скажите все, какъ вы на нихъ смотрите?

— Ихъ всѣ боятся, стало-быть онѣ могущественны. Онѣ открыто обличаютъ обманъ и доказываютъ что у насъ не за что ухватиться и не на что опереться. Онѣ говорятъ громко, когда всѣ молчатъ. Въ нихъ всего побѣдительнѣе (несмотря на форму) эта неслыханная до сихъ поръ смѣлость засматривать прямо въ лицо истинѣ. Эта способность смотрѣть истинѣ прямо въ лицо принадлежитъ одному только русскому поколѣнію. Нѣтъ, въ Европѣ еще не такъ смѣлы: тамъ царство каменное, тамъ еще есть на чемъ опереться. Сколько я вижу и сколько судить могу, вся суть русской революціонной идеи заключается въ отрицаніи чести. Мнѣ нравится что это такъ смѣло и безбоязненно выражено. Нѣтъ, въ Европѣ еще этого не поймутъ, а у насъ именно на это-то и набросятся. Русскому человѣку честь одно только лишнее бремя. Да и всегда было бременемъ, во всю его исторію. Открытымъ «правомъ на безчестье» его скорѣй всего увлечь можно. Я поколѣнія стараго и, признаюсь, еще стою за честь, но вѣдь только по привычкѣ. Мнѣ лишь нравятся старыя формы, положимъ, по малодушію; нужно же какъ-нибудь дожить вѣкъ.

Онъ вдругъ пріостановился.

«Однако я говорю-говорю», подумалъ онъ, «а онъ все молчитъ и высматриваетъ. Онъ пришелъ за тѣмъ чтобъ я задалъ ему прямой вопросъ. А я и задамъ.»

— Юлія Михайловна просила меня какъ-нибудь обманомъ у васъ выпытать, какой это сюрпризъ вы готовите къ балу послѣзавтра? вдругъ спросилъ Петръ Степановичъ.

— Да, это дѣйствительно будетъ сюрпризъ, и я дѣйствительно изумлю.... пріосанился Кармазиновъ, — но я не скажу вамъ въ чемъ секретъ.

Петръ Степановичъ не настаивалъ.

— Здѣсь есть какой-то Шатовъ, освѣдомился великій писатель, и вообразите я его не видалъ.

— Очень хорошая личность. А что?

— Такъ, онъ про что-то тамъ говоритъ. Вѣдь это онъ по щекѣ ударилъ Ставрогина?

— Онъ.

— А о Ставрогинѣ какъ вы полагаете?

— Не знаю; волокита какой-то.

Кармазиновъ возненавидѣлъ Ставрогина, потому что тотъ взялъ привычку совершенно не замѣчать его.

— Этого волокиту, сказалъ онъ хихикая, — если у насъ осуществится когда-нибудь то о чемъ проповѣдуютъ въ прокламаціяхъ, вѣроятно вздернутъ перваго на сукъ.

— Можетъ и раньше, вдругъ сказалъ Петръ Степановичъ.

— Такъ и слѣдуетъ, уже не смѣясь и какъ-то слишкомъ серьезно поддакнулъ Кармазиновъ.

— А вы ужь это разъ говорили и, знаете, я ему передалъ.

— Какъ, неужто передали? разсмѣялся опять Кармазиновъ.

— Онъ сказалъ что если его на сукъ, то васъ довольно и высѣчь, но только не изъ чести, а больно, какъ мужика сѣкутъ.

Петръ Степановичъ взялъ шляпу и всталъ съ мѣста. Кармазиновъ протянулъ ему на прощаніе обѣ руки.

— А что, пропищалъ онъ вдругъ медовымъ голоскомъ и съ какою-то особенною интонаціей, все еще придерживая его руки въ своихъ, — что если назначено осуществиться всему тому... о чемъ замышляютъ, то... когда это могло бы произойти?

— Почему я знаю, нѣсколько грубо отвѣтилъ Петръ Степановичъ. Оба пристально смотрѣли другъ другу въ глаза.

— Примѣрно? приблизительно? еще слаще пропищалъ Кармазиновъ.

— Продать имѣніе успѣете и убраться тоже успѣете, еще грубѣе пробормоталъ Петръ Степановичъ. Оба еще пристальнѣе смотрѣли другъ на друга. Произошла минута молчанія.

— Къ началу будущаго мая начнется, а къ Покрову все кончится, вдругъ проговорилъ Петръ Степановичъ.

— Благодарю васъ искренно, проникнутымъ голосомъ произнесъ Кармазиновъ, сжавъ ему руки.

«Успѣешь, крыса, выселиться изъ корабля!» думалъ Петръ Степановичъ выходя на улицу. Ну коли ужь этотъ, «почти государственный умъ», такъ увѣренно освѣдомляется о днѣ и часѣ и такъ почтительно благодаритъ за полученное свѣдѣніе, то ужь намъ-то въ себѣ нельзя послѣ того сомнѣваться. (Онъ усмѣхнулся). Гм. А онъ въ самомъ дѣлѣ у нихъ не глупъ и... всего только переселяющаяся крыса; такая не донесеть!

Онъ побѣжалъ въ Богоявленскую улицу въ домъ Филиппова.

VI.

Петръ Степановичъ прошелъ сперва къ Кирилову. Тотъ былъ по обыкновенію одинъ и въ этотъ разъ продѣлывалъ среди комнаты гимнастику, то-есть разставивъ ноги вѣртель какимъ-то особеннымъ образомъ надъ собою руками. На полу лежалъ мячъ. На столѣ стоялъ неприбранный утренній чай, уже холодный. Петръ Степановичъ постоялъ съ минутою на порогѣ.

— Вы однакожь о здоровьѣ своемъ сильно заботитесь, проговорилъ онъ громко и весело входя въ комнату; — какой славный однакоже мячъ, фу, какъ отскакиваетъ; онъ тоже для гимнастики?

Кириловъ надѣлъ сертукъ.

— Да, тоже для здоровья, пробормоталъ онъ сухо; — садитесь.

— Я на минутою. А впрочемъ сяду. Здоровье здоровьемъ, но я пришелъ напомнить объ уговорѣ. Приближается «въ нѣкоторомъ смыслѣ» нашъ срокъ-съ, заключилъ Петръ Степановичъ съ неловкимъ вывертомъ.

— Какой уговоръ?

— Какъ какой уговоръ? всполохнулся Петръ Степановичъ, даже испугался.

— Это не уговоръ и не обязанность, я ничѣмъ не вязалъ себя, съ вашей стороны ошибка.

— Послушайте, что же вы это дѣлаете? вскочилъ ужъ совсѣмъ Петръ Степановичъ.

— Свою волю.

— Какую?

— Прежнюю.

— То-есть какъ же это понять? Значить ли что вы въ прежнихъ мысляхъ?

— Значить. Только уговору нѣтъ и не было, и я ничѣмъ не вязалъ. Была одна моя воля и теперь одна моя воля.

Кириловъ изъяснялся рѣзко и брезгливо.

— Я согласенъ, согласенъ, пусть воля, лишь бы эта воля не измѣнилась, усѣлся опять съ удовлетвореннымъ видомъ Петръ Степановичъ. — Вы сердитесь за слова. Вы что-то очень стали послѣднее время сердиты; я потому избѣгалъ посѣщать. Впрочемъ былъ совершенно увѣренъ что не измѣните.

— Я васъ очень не люблю; но совершенно увѣрены можете быть. Хоть и не признаю измѣны и не-измѣны.

— Однако знаете, всполохнулся опять Петръ Степановичъ, — надо бы опять поговорить толкомъ, чтобы не сбиться. Дѣло требуетъ точности, а вы меня ужасно какъ горошите. Позволяете поговорить?

— Говорите, отрѣзалъ Кириловъ, смотря въ уголь.

— Вы давно уже положили лишить себя жизни.... то-есть у васъ такая была идея. Такъ что ли я выразился? Нѣтъ ли какой ошибки?

— У меня и теперь такая же идея.

— Прекрасно. Забудьте при этомъ что васъ никто не принуждалъ къ тому.

— Еще бы; какъ вы говорите глупо.

— Пусть, пусть; я очень глупо выразился. Безъ сомнѣнія было бы очень глупо къ тому принуждать; я продолжаю: вы были членомъ Общества еще при старой организаціи и открылись тогда же одному изъ членовъ Общества.

— Я не открывался, я просто сказалъ.

— Пусть. И смѣшно бы было въ этомъ «открываться», что за исповѣдь? Вы просто сказали, и прекрасно.

— Нѣтъ не прекрасно, потому что вы очень мямлите. Я вамъ не обязанъ никакимъ отчетомъ, и мыслей моихъ вы не можете понимать. Я хочу лишить себя жизни потому что такая у меня мысль, потому что я не хочу страха смерти, потому.... потому что вамъ нечего тутъ знать.... Чего вы? Чай хотите пить? Холодный. Дайте я вамъ другой стаканъ принесу.

Петръ Степановичъ дѣйствительно схватился было за чайникъ и искалъ порожней посуды. Кириловъ сходилъ въ шкафъ и принесъ чистый стаканъ.

— Я сейчасъ у Кармазинова завтракалъ, замѣтилъ гость, — потомъ слушалъ какъ онъ говорилъ, и вспотѣлъ, а сюда бѣжалъ тоже вспотѣлъ, смерть хочется пить.

— Пейте. Чай холодный хорошо.

Кириловъ опять усѣлся на стулъ и опять уперся глазами въ уголь.

— Въ Обществѣ произошла мысль, продолжалъ онъ тѣмъ же голосомъ, — что я могу быть тѣмъ полезенъ если убью себя, и что когда вы что-нибудь тутъ накутите, и будутъ виновныхъ искать, то я вдругъ застрѣлюсь и оставлю письмо что это я все сдѣлалъ, такъ что васъ цѣлый годъ подозрѣвать не могутъ.

— Хоть нѣсколько дней; и день одинъ дорогъ.

— Хорошо. Въ этомъ смыслѣ мнѣ сказали чтобъ я, если хочу, подождать. Я сказалъ что подожду пока скажутъ срокъ отъ Общества, потому что мнѣ все равно.

— Да, но вспомните что вы обязались, когда будете сочинять предсмертное письмо, то не иначе какъ вмѣстѣ со мной, и прибывъ въ Россію будете въ моемъ.... ну однимъ словомъ, въ моемъ распоряженіи, то-есть на одинъ только этотъ случай разумѣется, а во всѣхъ другихъ вы конечно свободны, почти съ любезностію прибавилъ Петръ Степановичъ.

— Я не обязался, а согласился, потому что мнѣ все равно.

— И прекрасно, прекрасно, я нисколько не имѣю намѣренія стѣснять ваше самолюбіе, но....

— Тутъ не самолюбіе.

— Но вспомните что вамъ собрали сто двадцать талеровъ на дорогу, стало-быть вы брали деньги.

— Совсѣмъ нѣтъ, вспыхнулъ Кириловъ, — деньги не съ тѣмъ. За это не берутъ.

— Берутъ иногда.

— Врете вы. Я заявилъ письмомъ изъ Петербурга, а въ Петербургѣ заплатилъ вамъ сто двадцать талеровъ, вамъ въ руки.... и они туда отосланы, если только вы не задержали у себя.

— Хорошо, хорошо, я ни въ чемъ не спорю, отосланы. Главное что вы въ тѣхъ же мысляхъ какъ прежде.

— Въ тѣхъ самыхъ. Когда вы придете и скажете: «пора», я все исполню. Что, очень скоро?

— Не такъ много дней.... Но помните, записку мы сочиняемъ вмѣстѣ, въ ту же ночь.

— Хоть и днемъ. Вы сказали, надо взять на себя прокламаціи?

— И кое что еще.

— Я не все возьму на себя.

— Чего же не возьмете? всполохнулся опять Петръ Степановичъ.

— Чего не захочу; довольно. Я не хочу больше о томъ говорить.

Петръ Степановичъ скрѣпился и перемѣнилъ разговоръ.

— Я о другомъ, предупредилъ онъ, — будете вы сегодня вечеромъ у нашихъ? Виргинскій имянинникъ, подъ тѣмъ предлогомъ и соберутся.

— Не хочу.

— Сдѣлайте одолженіе будьте. Надо. Надо внушить и числомъ и лицомъ.... У васъ лицо.... ну, однимъ словомъ, у васъ лицо фатальное.

— Вы находите? разсмѣялся Кириловъ, — хорошо, приду; только не для лица. Когда?

— О, пораньше, въ половинѣ седьмаго. И знаете, вы можете войти, сѣсть и ни съ кѣмъ не говорить, сколько бы тамъ ихъ ни было. Только знаете, не забудьте захватить съ собою бумагу и карандашъ.

— Это зачѣмъ?

— Вѣдь вамъ все равно; а это моя особенная просьба. Вы только будете сидѣть ни съ кѣмъ ровно не говоря, слушать и изрѣдка дѣлать какъ бы отмѣтки; ну хоть рисуйте что-нибудь.

— Какой вздоръ, зачѣмъ?

— Ну коли вамъ все равно; вѣдь вы все говорите что вамъ все равно.

— Нѣтъ, зачѣмъ?

— А вотъ затѣмъ что тотъ членъ отъ Общества, ревизоръ, засѣлъ въ Москвѣ, а я тамъ кой-кому объявилъ что можетъ-быть посѣтитъ ревизоръ; и они будутъ думать что вы-то и есть ревизоръ, а такъ какъ вы уже здѣсь три недѣли, то еще больше удивятся.

— Фокусы. Никакого ревизора у васъ нѣтъ въ Москвѣ.

— Ну пусть нѣтъ, чортъ его и дери, вамъ-то какое дѣло и чѣмъ это васъ затруднитъ? Сами же членъ Общества.

— Скажите имъ что я ревизоръ; я буду сидѣть и молчать, а бумагу и карандашъ не хочу.

— Да почему?

— Не хочу.

Петръ Степановичъ разозлился, даже позеленѣлъ, но опять скрѣпилъ себя, всталъ и взялъ шляпу.

— *Этотъ* у васъ? произнесъ онъ вдругъ вполголоса.

— У меня.

— Это хорошо. Я скоро его выведу, не беспокойтесь.

— Я не беспокоюсь. Онъ только ночуетъ. Старуха въ больницѣ, сноха померла; я два дня одинъ. Я ему показалъ мѣсто въ заборѣ гдѣ доска вынимается; онъ пролѣзетъ, никто не видитъ.

— Я его скоро возьму.

— Онъ говоритъ что у него много мѣстъ ночевать.

— Онъ вретъ, его ищутъ, а здѣсь пока незамѣтно. Развѣ вы съ нимъ пускаетесь въ разговоры?

— Да, всю ночь. Онъ васъ очень ругаетъ. Я ему ночью Апокалипсисъ читалъ, и чай. Очень слушалъ; даже очень, всю ночь.

— А, чортъ, да вы его въ христіанскую вѣру обратите!

— Онъ и то христіанской вѣры. Не беспокойтесь, зарѣжетъ. Кого вы хотите зарѣзать?

— Нѣтъ, онъ не для того у меня; онъ для другаго.... А Шатовъ про Оедьку знаетъ?

— Я съ Шатовымъ ничего не говорю и не вижу.

— Злится что ли?

— Нѣтъ, не злимся, а только отворачиваемся. Слишкомъ долго вмѣстѣ въ Америкѣ пролежали.

— Я сейчасъ къ нему зайду.

— Какъ хотите.

— Мы со Ставрогинымъ къ вамъ тоже можетъ зайдемъ оттуда, этакъ часовъ въ десять.

— Приходите.

— Мнѣ съ нимъ надо поговорить о важномъ.... Знаете, подарите-ка мнѣ вашъ мячъ; къ чему вамъ теперь? Я тоже для гимнастики. Я вамъ пожалуй заплачу деньги.

— Возьмите такъ.

Петръ Степановичъ положилъ мячъ въ задній карманъ.

— А я вамъ не дамъ ничего противъ Ставрогина, пробормоталъ вслѣдъ Кириловъ, выпуская гостя. Тотъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, но не отвѣтилъ.

Послѣднія слова Кирилова смутили Петра Степановича чрезвычайно; онъ еще не успѣлъ ихъ осмыслить, но еще на лѣстницѣ къ Шатову постарался передѣлать свой недовольный видъ въ ласковую фізіономію. Шатовъ былъ дома и немного боленъ. Онъ лежалъ на постели, впрочемъ одѣтый.

— Вотъ неудача! вскричалъ Петръ Степановичъ съ порога; — серьезно больны?

Ласковое выраженіе его лица вдругъ исчезло; что-то злобное засверкало въ глазахъ.

— Нисколько, нервно привскочилъ Шатовъ, — я вовсе не боленъ, немного голова....

Онъ даже потерялся; внезапное появленіе такого гостя рѣшительно испугало его.

— Я именно по такому дѣлу что хворать не слѣдуетъ, началъ Петръ Степановичъ быстро и какъ бы властно; — позвольте сѣсть (онъ сѣлъ), а вы садитесь опять на вашу койку, вотъ такъ. Сегодня подъ видомъ дня рожденія Виргинскаго соберутся у него изъ нашихъ; другаго впрочемъ отѣнка не будетъ вовсе, приняты мѣры. Я приду съ Николаемъ Ставрогинымъ. Васъ бы я конечно не потащилъ туда, зная вашъ теперешній образъ мыслей.... то-есть въ томъ смыслѣ чтобы васъ тамъ не мучить, а не изъ того что мы думаемъ что вы донесете. Но вышло такъ что вамъ придется идти. Вы тамъ встрѣтите тѣхъ самыхъ съ которыми окончательно и порѣшимъ какимъ образомъ вамъ оставить Общество и кому сдать что у васъ находится. Сдѣлаемъ непримѣтно; я васъ отведу куда-нибудь въ уголь; народу много, авсѣмъ незачѣмъ знать. Признать-

ся, мнѣ пришлось таки изъ-за васъ языкъ поточить; но теперь кажется и они согласны, съ тѣмъ разумѣется чтобы вы сдали типографію и всѣ бумаги. Тогда ступайте себѣ на всѣ четыре стороны.

Шатовъ выслушалъ нахмуренно и злобно. Нервный недавній испугъ оставилъ его совсѣмъ.

— Я не признаю никакой обязанности давать чортъ знаетъ кому отчетъ, проговорилъ онъ наотрѣзъ; — никто меня не можетъ отпускать на волю.

— Не совсѣмъ. Вамъ многое было довѣрено. Вы не имѣли права прямо разрывать. И наконецъ вы никогда не заявляли о томъ ясно, такъ что вводили ихъ въ двусмысленное положеніе.

— Я какъ пріѣхалъ сюда заявилъ ясно письмомъ.

— Нѣтъ не ясно, спокойно оспаривалъ Петръ Степановичъ — я вамъ прислалъ на примѣръ Свѣтлую Личность чтобы здѣсь напечатать и экземпляры сложить до востребованія гдѣ-нибудь тутъ у васъ; тоже двѣ прокламаціи. Вы воротили съ письмомъ двусмысленнымъ, ничего не обозначающимъ.

— Я прямо отказался печатать.

— Да, но не прямо. Вы написали: «не могу», но не объяснили по какой причинѣ. «Не могу» не значитъ «не хочу». Можно было подумать что вы просто отъ матеріальныхъ причинъ не можете. Такъ это и поняли и сочли что вы все-таки согласны продолжать связь съ Обществомъ, а стало-быть могли опять вамъ что-нибудь довѣрить, слѣдовательно себя компрометтировать. Здѣсь они говорятъ что вы просто хотѣли обмануть, съ тѣмъ чтобы, получивъ какое-нибудь важное сообщеніе, донести. Я васъ защищалъ изо всѣхъ силъ и показалъ вашъ письменный отвѣтъ въ двѣ строки, какъ документъ въ вашу пользу. Но и самъ долженъ былъ сознаться, перечитавъ теперь, что эти двѣ строчки не ясны и вводятъ въ обманъ.

— А у васъ такъ тщательно сохранилось это письмо?

— Это ничего что оно у меня сохранилось; оно и теперь у меня.

— Ну и пускай, чортъ!... яростно вскричалъ Шатовъ. — Пускай ваши дураки считаютъ что я донесъ, какое мнѣ дѣло! Я бы желалъ посмотреть что вы мнѣ можете сдѣлать?

— Васъ-бы отмѣтили и при первомъ успѣхѣ революціи повѣсили.

— Это когда вы захватите верховную власть и покорите Россію?

— Вы не смѣйтесь. Повторяю, я васъ отстаивалъ. Такъ ли, эдакъ, а все-таки я вамъ явиться сегодня совѣтую. Къ чему напрасныя слова изъ-за какой-то фальшивой гордости? Не лучше ли разстаться друже-

любно? Вѣдь ужъ во всякомъ случаѣ вамъ придется сдавать станокъ и буквы и старыя бумажки, вотъ о томъ и поговоримъ.

— Приду, проворчалъ Шатовъ, въ раздумьи понутивъ голову. Петръ Степановичъ искоса разсматривалъ его съ своего мѣста.

— Ставрогинъ будетъ? спросилъ вдругъ Шатовъ, подымая голову.

— Будетъ непременно.

— Хе, хе!

Опять съ минуту помолчали. Шатовъ брезгливо раздражительно ухмылялся.

— А эта ваша подлая *Святлая Личность*, которую я не хотѣлъ здѣсь печатать, напечатана?

— Напечатана.

— Гимназистовъ увѣрять что вамъ самъ Герценъ въ альбомъ написалъ?

— Самъ Герценъ.

Опять помолчали минуты съ три. Шатовъ всталъ наконецъ съ постели:

— Ступайте вонъ отъ меня, я не хочу сидѣть вмѣстѣ съ вами.

— Иду, даже какъ-то весело проговорилъ Петръ Степановичъ, медленно подымаясь, — одно только слово: Кириловъ кажется одинъ одиначенекъ теперь во флигелѣ безъ служанки?

— Одинъ одиначенекъ. Ступайте, я не могу оставаться въ одной съ вами комнатѣ.

«Ну, хорошъ же ты теперь!» весело обдумывалъ Петръ Степановичъ выходя на улицу; «хорошъ будешь и вечеромъ, а мнѣ именно такого тебя теперь надо, и лучше желать нельзя, лучше желать нельзя! Самъ Русскій Богъ помогаетъ!»

VII.

Вѣроятно онъ очень много хлопоталъ въ этотъ день по разнымъ побѣгушкамъ; и должно-быть успѣшно — что и отозвалось въ самодовольномъ выраженіи его фізіономіи, когда вечеромъ, ровно въ шесть часовъ, онъ явился къ Николаю Всеволодовичу. Но къ тому его не сейчасъ допустили; съ Николаемъ Всеволодовичемъ только-что заперся въ кабинетѣ Маврикій Николаевичъ. Это извѣстіе мигомъ его озаботило. Онъ усѣлся у самыхъ дверей кабинета, съ тѣмъ чтобы ждать выхода гостя. Разговоръ былъ слышенъ, но словъ нельзя было уловить. Визитъ продолжался недолго; вскорѣ послышался шумъ, раздавался чрезвычайно громкій и рѣзкій голосъ, вслѣдъ затѣмъ отворилась дверь и вышелъ Маврикій Нико-

лаевичъ съ совершенно блѣднымъ лицомъ. Онъ не замѣтилъ Петра Степановича и быстро прошелъ мимо. Петръ Степановичъ тотчасъ же вбѣжалъ въ кабинетъ.

Не могу обойти подробнаго отчета объ этомъ, чрезвычайно краткомъ свиданіи двухъ «соперниковъ», — свиданіи, повидимому, невозможномъ при сложившихся обстоятельствахъ, но однакоже состоявшемся.

Произошло это такъ: Николай Всеволодовичъ дремалъ въ своемъ кабинетѣ послѣ обѣда на кушеткѣ, когда Алексѣй Егоровичъ доложилъ о приходѣ неожиданнаго гостя. Услышавъ возвѣщенное имя, онъ вскочилъ даже съ мѣста и не хотѣлъ вѣрить. Но вскорѣ улыбка сверкнула на губахъ его — улыбка высокомернаго торжества и въ то же время какого-то тупаго недовѣрчиваго изумленія. Вошедшій Маврикій Николаевичъ, кажется, былъ пораженъ выраженіемъ этой улыбки, по крайней мѣрѣ вдругъ пріостановился среди комнаты, какъ бы не рѣшаясь: идти ли дальше или воротиться? Хозяинъ тотчасъ же успѣлъ измѣнить свое лицо и съ видомъ серьезнаго недоумѣнія шагнулъ ему навстрѣчу. Тотъ не взялъ протянутой ему руки, неловко придвинулъ стулъ и, не сказавъ ни слова, сѣлъ еще прежде хозяина, не дождавшись приглашенія. Николай Всеволодовичъ усѣлся наискось на кушеткѣ и всматриваясь въ Маврикія Николаевича молчалъ и ждалъ.

— Если можете, то женитесь на Лизаветѣ Николаевнѣ, подарилъ вдругъ Маврикій Николаевичъ, и что было всего любопытнѣе — никакъ нельзя было узнать по интонаціи голоса что это такое: просьба, рекомендація, уступка или приказаніе.

Николай Всеволодовичъ продолжалъ молчать; но гость, очевидно, сказалъ уже все для чего пришелъ, и глядѣлъ въ упоръ ожидая отвѣта.

— Если не ошибаюсь (впрочемъ это слишкомъ вѣрно), Лизавета Николаевна уже обручена съ вами, проговорилъ наконецъ Ставрогинъ.

— Помолвлена и обручилась, твердо и ясно подтвердилъ Маврикій Николаевичъ.

— Вы.... поссорились?... Извините меня, Маврикій Николаевичъ.

— Нѣтъ, она меня «любитъ и уважаетъ», ея слова. Ея слова драгоцѣннѣе всего.

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

— Но знайте что если она будетъ стоять у самага налоя подъ вѣнцомъ, а вы ее кликнете, то она броситъ меня и всѣхъ и подойдетъ къ вамъ.

— Изъ-подъ вѣнца.

— И послѣ вѣнца.

— Не ошибаетесь ли?

— Нѣтъ. Изъ-подъ безпрерывной къ вамъ ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновение сверкаетъ любовь и.... безуміе.... самая искренняя и безмѣрная любовь и — безуміе! Напротивъ изъ-за любви которую она ко мнѣ чувствуетъ, тоже искренно, каждое мгновение сверкаетъ ненависть, — самая великая! Я бы никогда не могъ вообразить прежде всѣ эти.... метаморфозы.

— Но я удивляюсь какъ могли вы, однако, придти и располагать рукой Лизаветы Николаевны? Имѣете ли вы на то право? Или она васъ уполномочила?

Маврикій Николаевичъ нахмурился и на минуту потупилъ голову.

— Вѣдь это только одни слова съ вашей стороны, проговорилъ онъ вдругъ, — мстительныя и торжествующія слова; я увѣренъ, вы понимаете недосказанное въ строкахъ, и неужели есть тутъ мѣсто мелкому тщеславію? Мало вамъ удовольворенія? Неужели надо размазывать, ставить точки на і. Извольте я поставлю точки, если вамъ такъ нужно мое униженіе: права я не имѣю, полномочіе невозможно; Лизавета Николаевна ни о чемъ не знаетъ, а женихъ ея потерялъ послѣдній умъ и достоинъ сумашедшаго дома, и въ довершеніе самъ приходитъ вамъ объ этомъ рапортовать. На всемъ свѣтѣ только вы одни можете сдѣлать ее счастливою, и только я одинъ — несчастною. Вы ее оспариваете, вы ее преслѣдуете, но не знаю почему не женитесь. Если это любовная ссора, бывшая за границей, и чтобы пресѣчь ее, надо принести меня въ жертву, — приносите. Она слишкомъ несчастна, и я не могу того вынести. Мои слова не позволеніе, не предписаніе, а потому и самолюбію вашему нѣтъ оскорбленія. Если бы вы хотѣли взять мое мѣсто у наложки, то могли это сдѣлать безо всякаго позволенія съ моей стороны, и мнѣ, конечно, нечего было приходить къ вамъ съ безуміемъ. Тѣмъ болѣе что и свадьба наша послѣ теперешняго моего шага уже никакъ невозможна. Не могу же я вести ее къ алтарю подлецомъ? То что я дѣлаю здѣсь и то что я предаю ее вамъ, можетъ-быть непримирѣйшему ея врагу, на мой взглядъ такая подлость которую я, разумѣется, не перенесу никогда.

— Застрѣлитесь, когда насъ будутъ вѣнчать?

— Нѣтъ, позже гораздо. Къ чему мартъ моею кровью ея брачную одежду. Можетъ я и совсѣмъ не застрѣлюсь, ни теперь, ни позже.

— Говоря такъ, желаете, вѣроятно, меня успокоить?

— Васъ? Одинъ лишній брызгъ крови что для васъ можетъ значить?

Онъ поблѣднѣлъ и глаза его засверкали. Послѣдовало минутное молчаніе.

— Извините меня за предложенные вамъ вопросы, началъ вновь Ставрогинъ; — нѣкоторые изъ нихъ я не имѣлъ никакого права вамъ предлагать, но на одинъ изъ нихъ я имѣю, кажется, полное право: скажите мнѣ, какія данныя заставили васъ заключить о моихъ чувствахъ къ Лизаветѣ Николаевнѣ? Я разумѣю о той степени этихъ чувствъ увѣренность въ которой позволила вамъ придти ко мнѣ и... рискнуть такимъ предложеніемъ.

— Какъ? даже вздрогнулъ немного Маврикій Николаевичъ; — развѣ вы не домогались? Не домогаетесь и не хотите домогаться?

— Вообще о чувствахъ моихъ къ той или другой женщинѣ я не могу говорить вслухъ третьему лицу, да и кому бы то ни было, кромѣ той одной женщины. Извините, такова ужъ странность организма. Но замѣньте того я скажу вамъ всю остальную правду: я женатъ, и жениться или «домогаться» мнѣ уже невозможно.

Маврикій Николаевичъ былъ до того изумленъ что отшатнулся на спинку кресла и нѣкоторое время смотрѣлъ неподвижно на лицо Ставрогина.

— Представьте, я никакъ этого не подумалъ, пробормоталъ онъ, — вы сказали тогда, въ то утро, что не женаты.... я такъ и повѣрилъ что не женаты....

Онъ ужасно блѣднѣлъ; вдругъ онъ ударилъ изо всей силы кулакомъ по столу.

— Если вы послѣ такого признанія не оставите Лизавету Николаевну и сдѣлаете ее несчастною сами, то я убью васъ палкой, какъ собаку подъ заборомъ!

Онъ вскочилъ и быстро вышелъ изъ комнаты. Вбѣжавшій Петръ Степановичъ засталъ хозяина въ самомъ неожиданномъ расположеніи духа.

— А, это вы! громко захохоталъ Ставрогинъ; хохоталъ онъ, казалось, одной только фигурѣ Петра Степановича, вбѣжавшаго съ такимъ стремительнымъ любопытствомъ.

— Вы у дверей подслушивали? Пойдите, съ чѣмъ это вы прибыли? Вѣдь я что-то вамъ обѣщалъ.... А, ба! Помню: къ «нашимъ»! Идемъ, очень радъ, и ничего вы не могли придумать теперь болѣе кстати.

Онъ схватилъ шляпу, и оба немедленно вышли изъ дому.

— Вы заранѣе смѣтаете что увидите «нашихъ»? весело юлилъ Петръ Степановичъ, то стараясь шагать рядомъ съ своимъ спутникомъ по узкому кирпичному тротуару, то сбѣгая даже на улицу въ самую грязь, потому что спутникъ совершенно не замѣчалъ что идетъ одинъ по самой срединѣ тротуара, а стало-быть занимаетъ его весь одною своею особой.

— Нисколько не смѣюсь, громко и весело отвѣчалъ Ставрогинъ, — напротивъ, убѣжденъ что у васъ тамъ самый серіозный народъ.

— «Угрюмыя тупицы», какъ вы изволили разъ выразиться.

— Ничего нѣтъ веселѣ иной угрюмой тупицы.

— А, это вы про Маврикія Николаевича! Я убѣжденъ что онъ вамъ сейчасъ невѣсту приходилъ уступать, а? Это я его подъуськалъ косвенно, можете себѣ представить. А не уступитъ, такъ мы у него сами возьмемъ — а?

Петръ Степановичъ, конечно, зналъ что рискуетъ пускаясь въ такіе выверты, но ужь когда онъ самъ бывалъ возбужденъ, то лучше желалъ рисковать хоть на все, чѣмъ оставлять себя въ неизвѣстности. Николай Всеволодовичъ только разсмѣялся.

— А вы все еще разчитываете мнѣ помогать? спросилъ онъ.

— Если кликните. Но знаете что есть одинъ самый лучший путь.

— Знаю вашъ путь.

— Ну нѣтъ, это покамѣстъ секретъ. Только помните что секретъ денегъ стоитъ.

— Знаю сколько и стоитъ, проворчалъ про себя Ставрогинъ, но удержался и замолчалъ.

— Сколько? что вы сказали? востепенулся Петръ Степановичъ.

— Я сказалъ: ну васъ къ чорту и съ секретомъ! Скажите мнѣ лучше, кто у васъ тамъ? Я знаю что мы на именины идемъ, но кто тамъ именно?

— О, въ высшей степени всякая всячина! Даже Кирилловъ будетъ.

— Все члены кружковъ?

— Чортъ возьми какъ вы торопитесь! Тутъ и одного кружка еще не состоялось.

— Какъ же вы разбросали столько прокламацій?

— Тамъ куда мы идемъ, членовъ кружка всего четверо. Остальные, въ ожиданіи, шпионятъ другъ за другомъ взапуски и мнѣ переносятъ. Народъ благонадежный. Все это матеріалъ который надо организовать да и убираться. Впрочемъ вы сами уставъ писали, вамъ нечего объяснять.

— Что жь, трудно что ли идетъ? Заколодило?

— Идетъ? Какъ не надо легче. Я васъ посмѣшу: первое что ужасно дѣйствуетъ — это мундиръ. Нѣтъ ничего сильнѣе мундира. Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, предсѣдатели, регистраторы, ихъ товарищи — очень нравится и отлично принялось. Затѣмъ слѣдующая сила разумѣется сентиментальность. Знаете, социализмъ у насъ распространяется преимущественно

но изъ сентиментальности. Но тутъ бѣда, вотъ эти кусающіеся подпоручики; нѣтъ-нѣтъ да и нарвешься. Затѣмъ слѣдуютъ чистые мошенники; ну эти пожалуй хорошій народъ, иной разъ выгодны очень, но на нихъ много времени идетъ, неусыпный надзоръ требуется. Ну и наконецъ самая главная сила — цементъ все связующій — это стыдъ собственнаго мнѣнія. Вотъ это такъ сила! И кто это работалъ, кто этотъ «миленькій» трудился, что ни одной-то собственной идеи не осталось ни у кого въ головѣ! За стыдъ почитаютъ.

— А коли такъ, изъ чего вы хлопчете?

— А коли лежитъ просто, ротъ разѣваетъ на всѣхъ, такъ какъ же его не стибрить! Будто серьезно не вѣрите что возможенъ успѣхъ? Эхъ, вѣра-то есть, да надо хотѣнья. Да, именно съ этакими и возможенъ успѣхъ. Я вамъ говорю, онъ у меня въ огонь пойдетъ, стоитъ только прикрикнуть на него что недостаточно либераленъ. Дураки попрекаютъ что я всѣхъ здѣсь надулъ центральнымъ комитетомъ и «безчисленными развѣтвленіями». Вы сами разъ этимъ меня корили, а какое тутъ надуваніе: центральный комитетъ — я да вы, а развѣтвленій будетъ сколько угодно.

— И все этакая-то сволочь!

— Матеріаль. Пригодятся и эти.

— А вы на меня все еще разчитываете?

— Вы начальникъ, вы сила; я у васъ только сбоку буду, секретаремъ. Мы, знаете, сядемъ въ ладью, веселки кленовыя, паруса шелковые, на кормѣ сидитъ красна дѣвица, свѣтъ Лизавета Николаевна.... или какъ тамъ у нихъ, чортъ, поется въ этой пѣснѣ....

— Запнулся! захохоталъ Ставрогинъ. — Нѣтъ, я вамъ скажу лучше присказку. Вы вотъ высчитываете по пальцамъ изъ какихъ силъ кружки составляются? Все это чиновничество и сентиментальность — все это клейстеръ хорошій, но есть одна штука еще лучше: подговорите четырехъ членовъ кружка уколошить пятаго, подъ видомъ того что тотъ донесетъ, и тотчасъ же вы ихъ всѣхъ пролитою кровью какъ однимъ узломъ свяжете. Рабами вашими станутъ, не посмѣютъ бунтовать и отчетовъ спрашивать. Ха, ха, ха!

«Однако же ты.... однако же ты мнѣ эти слова долженъ выкупить», подумалъ про себя Петръ Степановичъ, «и даже сегодня же вечеромъ. Слишкомъ ты много ужъ позволяешь себѣ.»

Такъ, или почти такъ долженъ былъ задуматься Петръ Степановичъ. Впрочемъ ужъ подходили къ дому Виргинскаго.

— Вы, конечно, меня тамъ выставили какимъ-нибудь членомъ изъ-за границы, въ связяхъ съ Internationale, ревизоромъ? спросилъ вдругъ Ставрогинъ.

— Нѣтъ не ревизоромъ; ревизоромъ будете не вы; но вы членъ-учредитель изъ-за границы, которому извѣстны важнѣйшія тайны — вотъ ваша роль. Вы конечно станете говорить?

— Это съ чего вы взяли?

— Теперъ обязаны говорить.

Ставрогинъ даже остановился въ удивленіи среди улицы, недалеко отъ фонаря. Петръ Степановичъ дерзко и спокойно выдержалъ его взглядъ. Ставрогинъ плюнулъ и пошелъ далѣе.

— А вы будете говорить? вдругъ спросилъ онъ Петра Степановича.

— Нѣтъ, ужъ я васъ послушаю.

— Чортъ васъ возьми! Вы мнѣ въ самомъ дѣлѣ даете идею!

— Какую? выскочилъ Петръ Степановичъ.

— Тамъ-то я пожалуй поговорю, но за то потомъ васъ отколочу и знаете — хорошо отколочу.

— Кстати, я давеча сказалъ про васъ Кармазинову что будто вы говорили про него что его надо высѣчь, да и не просто изъ чести, а какъ мужика сѣкутъ, больно.

— Да я этого никогда не говорилъ, ха-ха!

— Ничего. *Se non è vero.*¹

— Ну спасибо, искренно благодарю.

— Знаете еще что говорить Кармазиновъ: что въ сущности наше ученіе есть отрицаніе чести, и что откровеннымъ правомъ на безчестье всего легче русскаго человѣка за собой увлечь можно.

— Превосходныя слова! Золотыя слова! вскричалъ Ставрогинъ; — прямо въ точку попалъ! Право на безчестье, — да это всѣ къ намъ прибѣгутъ, ни одного тамъ не останется! А слушайте, Верховенскій, вы не изъ высшей полиціи, а?

— Да вѣдь кто держитъ въ умѣ такіе вопросы, тотъ ихъ не выговариваетъ.

— Понимаю, да вѣдь мы у себя.

— Нѣтъ, покаместъ не изъ высшей полиціи. Довольно, пришли. Сочините-ка вашу фізіономію, Ставрогинъ; я всегда сочиняю когда къ нимъ вхожу. Побольше мрачности и только, больше ничего не надо; очень не хитрая вещь.

¹ Если и не правда... (*итал.*).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

У нашихъ.

I.

Виргинскій жилъ въ собственномъ домѣ, то-есть въ домѣ своей жены, въ Муравьиной улицѣ. Домъ былъ деревянный, одноэтажный и постороннихъ жильцовъ въ немъ не было. Подъ видомъ дня рожденія хозяина, собралось гостей человѣкъ до пятнадцати; но вечеринка совсѣмъ не походила на обыкновенную провинціальную именинную вечеринку. Еще съ самаго начала своего сожитія, супруги Виргинскіе положили взаимно, разъ навсегда, что собирать гостей въ именины совершенно глупо, да и «нечему вовсе радоваться». Въ нѣсколько лѣтъ они какъ-то успѣли совсѣмъ отдалить себя отъ общества. Онъ, хотя и человѣкъ со способностями и вовсе не «какой-нибудь бѣдный», казался всѣмъ почему-то чудачкомъ полюбившимъ уединеніе, и сверхъ того говорившимъ «надменно». Сама же Мме Виргинская, занимавшаяся повивальной профессіей, уже тѣмъ однимъ стояла ниже всѣхъ на общественной лѣстницѣ; даже ниже попады, несмотря на офицерскій чинъ мужа. Соотвѣтственнаго же ея званію смиренія не примѣчалось въ ней вовсе. А послѣ глупѣйшей и непростительно откровенной связи ея, изъ принципа, съ какимъ-то мошенникомъ, капитаномъ Лебядкинымъ, даже самыя снисходительныя изъ нашихъ дамъ отвернулись отъ нея съ замѣчательнымъ пренебреженіемъ. Но Мме Виргинская приняла все такъ какъ будто ей того и надо было. Замѣчательно что тѣ же самыя строгія дамы, въ случаяхъ интереснаго своего положенія, обращались по возможности къ Аринѣ Прохоровнѣ (то-есть къ Виргинской), минуя остальныхъ трехъ акушеровъ нашего города. Присылали за нею даже изъ уѣзда къ помѣщикамъ — до того всѣ вѣровали въ ея знаніе, счастье и ловкость въ рѣшительныхъ случаяхъ. Кончилось тѣмъ что она стала практиковать единственно только въ самыхъ богатыхъ домахъ; деньги же любила до жадности. Ощутивъ вполнѣ свою силу, она подконецъ уже нисколько не стѣсняла себя въ характерѣ. Можетъ-быть даже нарочно, на практикѣ въ самыхъ знатныхъ домахъ, пугала слабонервныхъ родильницъ какимъ-нибудь неслыханнымъ нигилистическимъ забвеніемъ приличій или наконецъ насмѣшками надъ «всѣмъ священнымъ» и именно въ тѣ минуты когда «священное» наиболѣе могло бы пригодиться. Нашъ штабъ-лѣкарь Розановъ, онъ же и акушеръ, положительно засвидѣтельствовалъ что однажды, когда родильница въ мукахъ вопила и призывала всемогущее имя Божіе, именно одно изъ такихъ вольнодумствъ Арины

Прохоровны, внезапныхъ «въ родѣ выстрѣла изъ ружья», подѣйствовавъ на больную испугомъ, способствовало быстрѣйшему ея разрѣшенію отъ бремени. Но хоть и нигилистка, а въ нужныхъ случаяхъ Арина Прохоровна вовсе не брезгала не только свѣтскими, но и стародавними, самими предразсудочными обычаями, если таковые могли принести ей пользу. Ни за что не пропустила бы она, на примѣръ, крестинъ повитаго ею младенца, причемъ являлась въ зеленомъ шелковомъ платьѣ со шлейфомъ, а шиньонъ расчесывала въ локоны и въ букли, тогда какъ во всякое другое время доходила до самоуслажденія въ своемъ неряшествѣ. И хотя во время совершенія таинства сохраняла всегда «самый наглый видъ», такъ что конфузила причетъ, но по совершеніи обряда шампанское непременно выносила сама (для того и являлась, и рядилась) и попробовали бы вы, взявъ бокаль, не положить ей «на кашу».

Собравшіеся на этотъ разъ къ Виргинскому гости (почти все мужчины) имѣли какой-то случайный и экстренный видъ. Не было ни закуски, ни картъ. Посреди большой гостиной комнаты, оклеенной отмѣнно старыми голубыми обоями, сдвинуты были два стола и покрыты большою скатертью, не совсѣмъ впрочемъ чистою, а на нихъ кипѣли два самовара. Огромный подносъ съ двадцатью пятью стаканами и корзина съ обыкновеннымъ французскимъ бѣлымъ хлѣбомъ, изрѣзаннымъ на множество ломтей, въ родѣ какъ въ благородныхъ мужскихъ и женскихъ пансіонахъ для воспитанниковъ, занимали конецъ стола. Чай разливала тридцатилѣтняя дѣва, сестра хозяйки, безбровая и бѣлобрысая, существо молчаливое и ядовитое, но раздѣлявшее новые взгляды и которой ужасно боялся самъ Виргинскій въ домашнемъ быту. Всѣхъ дамъ въ комнатѣ было три: сама хозяйка, безбровая ея сестрица и родная сестра Виргинскаго, дѣвица Виргинская, какъ разъ только-что прикатившая изъ Петербурга. Арина Прохоровна, видная дама лѣтъ двадцати семи, собою недурная, нѣсколько растрепанная, въ шерстяномъ неспраздничномъ платьѣ зеленоватаго оттѣнка, сидѣла обводя смѣлыми очами гостей и какъ бы спѣша проговорить своимъ взглядомъ: «видите какъ я совсѣмъ ничего не боюсь». Прибывшая дѣвица Виргинская, тоже недурная собой, студентка и нигилистка, сытенькая и плотненькая какъ шарикъ, съ очень красными щеками и низенькаго роста, помѣстилась подлѣ Арины Прохоровны, еще почти въ дорожномъ своемъ костюмѣ, съ какимъ-то сверткомъ бумагъ въ рукѣ, и разглядывала гостей нетерпѣливыми прыгающими глазами. Самъ Виргинскій въ этотъ вечеръ былъ нѣсколько нездоровъ, однакоже вышелъ посидѣть въ креслахъ за чайнымъ столомъ. Всѣ гости тоже сидѣли, и въ этомъ чинномъ размѣщеніи на стульяхъ вокругъ стола, предчувствовалось засѣданіе. Видимо всѣ

чего-то ждали, а въ ожиданіи вели хотя и громкія, но какъ бы постороннія рѣчи. Когда появились Ставрогинъ и Верховенскій все вдругъ за тихо.

Но позволю себѣ сдѣлать нѣкоторое поясненіе для опредѣленности.

Я думаю что всѣ эти господа дѣйствительно собрались тогда въ пріятной надеждѣ услышать что-нибудь особенно любопытное и собрались предупѣдомленные. Они представляли собою цвѣтъ самаго ярко-краснаго либерализма въ нашемъ древнемъ городѣ и были весьма тщательно подобраны Виргинскимъ для этого «засѣданія». Замѣчу еще что нѣкоторые изъ нихъ (впрочемъ очень немногіе) прежде совсѣмъ не посѣщали его. Конечно большинство гостей не имѣло яснаго понятія для чего ихъ предупѣдомляли. Правда, всѣ они принимали тогда Петра Степановича за пріѣхавшаго заграничнаго эмисара, имѣющаго полномочія; эта идея какъ-то сразу укоренилась и натурально льстила. А между тѣмъ въ этой собравшейся кучкѣ гражданъ, подъ видомъ празднованія именинъ, уже находились нѣкоторые которымъ были сдѣланы и опредѣленные предложенія. Петръ Верховенскій успѣлъ слѣпить у насъ «пятерку», на подобіе той которая уже была у него заведена въ Москвѣ и еще, какъ оказалось теперь, въ нашемъ уѣздѣ между офицерами. Говорять тоже была одна у него и въ X — ской губерніи. Эти пятеро избранныхъ сидѣли теперь за общимъ столомъ и весьма искусно умѣли придать себѣ видъ самыхъ обыкновенныхъ людей, такъ что никто ихъ не могъ узнать. То были, — такъ какъ теперь это не тайна, — вопервыхъ Липутинъ, затѣмъ самъ Виргинскій, длинноухій Шигалевъ, братъ г-жи Виргинской, Лямшинъ и наконецъ нѣкто Толкаченко, — странная личность, человѣкъ уже лѣтъ сорока и славившійся огромнымъ изученіемъ народа, преимущественно мошенниковъ и разбойниковъ, ходившій нарочно по кабакамъ (впрочемъ не для одного изученія народнаго) и щеголявшій между нами дурнымъ платьемъ, смазными сапогами, прищуренно-хитрымъ видомъ и народными фразами съ завиткомъ. Разъ или два еще прежде Лямшинъ приводилъ его къ Степану Трофимовичу на вечера, гдѣ впрочемъ онъ особеннаго эффекта не произвелъ. Въ городѣ появлялся онъ временами, преимущественно когда бывалъ безъ мѣста, а служилъ по желѣзнымъ дорогамъ. Всѣ эти пятеро дѣятелей составили свою первую кучку съ теплою вѣрой что она лишь единица между сотнями и тысячами такихъ же пятерокъ, какъ и ихняя, разбросанныхъ по Россіи, и что всѣ зависятъ отъ какого-то центральнаго, огромнаго, но тайнаго мѣста, которое въ свою очередь связано органически съ европейскою всемірною революціей. Но къ сожалѣнію я долженъ признаться что между ними даже и въ то уже время началъ обнаруживаться разладъ. Дѣло

въ томъ что они хотъ и ждали еще съ весны Петра Верховенскаго, возвѣщеннаго имъ сперва Толкаченкой, а потомъ пріѣхавшимъ Шигалевымъ; хотъ и ждали отъ него чрезвычайныхъ чудесъ, и хотъ и пошли тотчасъ же всѣ, безъ малѣйшей критики и по первому его зову, въ кружокъ, но только-что составили пятерку, всѣ какъ бы тотчасъ же и обидѣлись, и именно я полагаю за быстроту своего согласія. Пошли они разумѣется изъ великодушнаго стыда чтобы не сказали потомъ что они не посмѣли пойти; но все-таки Петръ Верховенскій долженъ бы былъ оцѣнить ихъ благородный подвигъ и по крайней мѣрѣ разказать имъ въ награжденіе какой-нибудь самый главный анекдотъ. Но Верховенскій вовсе не хотѣлъ удовлетворить ихъ законнаго любопытства и лишняго ничего не разказывалъ; вообще третировалъ ихъ съ замѣчательною строгостью и даже небрежностью. Это рѣшительно раздражило, и членъ Шигалевъ уже подбивалъ остальныхъ «потребовать отчета», но разумѣется не теперь у Виргинскаго, гдѣ собралось столько постороннихъ.

По поводу постороннихъ у меня тоже есть одна мысль, что вышеозначенные члены первой пятерки наклонны были подозрѣвать въ этотъ вечеръ въ числѣ гостей Виргинскаго еще членовъ какихъ-нибудь имъ неизвѣстныхъ группъ, тоже заведенныхъ въ городѣ, по той же тайной организаци и тѣмъ же самымъ Верховенскимъ, такъ что въ концѣ-концовъ всѣ собравшіеся подозрѣвали другъ друга и одинъ предъ другимъ принимали разныя осанки, что и придавало всему собранію весьма сбивчивый и даже отчасти романическій видъ. Впрочемъ тутъ были люди и внѣ всякаго подозрѣнія. Такъ, напримѣръ, одинъ служащій майоръ, близкій родственникъ Виргинскаго, совершенно невинный человѣкъ, котораго и не приглашали, но который самъ пришелъ къ имениннику, такъ что никакъ нельзя было его не принять. Но именинникъ все-таки былъ спокоенъ, потому что майоръ «никакъ не могъ донести»; ибо несмотря на всю свою глупость, всю жизнь любилъ сновать по всѣмъ мѣстамъ гдѣ водятся крайніе либералы; самъ не сочувствовалъ, но послушать очень любилъ. Мало того, былъ даже компрометтированъ: случилось такъ что чрезъ его руки, въ молодости, прошли цѣлые склады *Колокола* и прокламацій, и хотъ онъ ихъ даже развернуть боялся, но отказаться распространять ихъ почелъ бы за совершенную подлость — и таковы иные рускіе люди даже и до сего дня. Остальные гости или представляли собою типъ придавленнаго до желчи благороднаго самолюбія, или типъ перваго благороднѣйшаго порыва пылкой молодости. То были два или три учителя, изъ которыхъ одинъ хромой, лѣтъ уже сорока пяти, преподаватель въ гимназіи, очень ядовитый и замѣчательно тщеславный человѣкъ, и два или три офицера. Изъ послѣднихъ одинъ очень молодой артилле-

ристь, всего только на дняхъ пріѣхавшій изъ одного учебнаго военнаго заведенія, мальчикъ молчаливый и даже робкій и еще не успѣвшій составить знакомства, вдругъ очутился теперь у Виргинскаго съ карандашомъ въ рукахъ и, почти не участвуя въ разговорѣ, поминутно отмѣчалъ что-то въ своей записной книжкѣ. Всѣ это видѣли, но всѣ почему-то старались дѣлать видъ что не примѣчаютъ. Былъ еще тутъ праздношатающійся семинаристъ, который съ Лямшинымъ подсунулъ книгоношѣ мерзостныя фотографіи, крупный парень съ развязною, но въ то же время недовѣрчивою манерой, съ безсмѣнно обличительною улыбкой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и со спокойнымъ видомъ торжествующаго совершенства заключеннаго въ немъ самомъ. Былъ не знаю для чего и сынъ нашего городского головы, тотъ самый скверный мальчишка, истаскавшійся не по лѣтамъ и о которомъ я уже упоминалъ, разказывая исторію маленькой поручицы. Этотъ весь вечеръ молчалъ. И наконецъ въ заключеніе одинъ гимназистъ, очень горячій и взъерошенный мальчикъ лѣтъ восемнадцати, сидѣвшій съ мрачнымъ видомъ оскорбленнаго въ своемъ достоинствѣ молодаго человѣка и видимо страдающаго за свои восемнадцать лѣтъ. Этотъ крошка былъ уже начальникомъ самостоятельной кучки заговорщиковъ образовавшейся въ высшемъ классѣ гимназіи, что и обнаружилось, ко всеобщему удивленію, въ послѣдствіи. Я не упомянулъ о Шатовѣ: онъ расположился тутъ же въ заднемъ углу стола, нѣсколько выдвинувъ изъ ряду свой стулъ, смотрѣлъ въ землю, мрачно молчалъ, отъ чаю и хлѣба отказался и все время не выпускалъ изъ рукъ свой картузь, какъ бы желая тѣмъ заявить что онъ не гость, а пришелъ по дѣлу, и когда захочетъ, встанетъ и уйдетъ. Недалеко отъ него помѣстился и Кириловъ, тоже очень молчаливый, но въ землю не смотрѣлъ, а напротивъ, въ упоръ разсматривалъ cadaго говорившаго своимъ неподвижнымъ взглядомъ безъ блеску и выслушивалъ все безъ малѣйшаго волненія или удивленія. Нѣкоторые изъ гостей, никогда не выдавшіе его прежде, разглядывали его задумчиво и украдкой. Неизвѣстно, знала ли что-нибудь сама Мме Виргинская о существовавшей пятеркѣ? Полагаю что знала все и именно отъ супруга. Студентка же, конечно, ни въ чемъ не участвовала, но у ней была своя забота; она намѣревалась прогостить всего только день или два, а затѣмъ отправиться дальше и дальше, по всѣмъ университетскимъ городамъ, чтобы «принять участіе въ страданіяхъ бѣдныхъ студентовъ и возбудить ихъ къ протесту». Она везла съ собою нѣсколько сотъ экземпляровъ литографированнаго воззванія и кажется собственнаго сочиненія. Замѣчательно что гимназистъ возненавидѣлъ ее съ перваго взгляда почти до кровомщенія, хотя и видѣлъ ее въ первый разъ въ жизни, а она рав-

номѣрно его. Майоръ приходился ей роднымъ дядей и встрѣтилъ ее сегодня въ первый разъ послѣ десяти лѣтъ. Когда вошли Ставрогинъ и Верховенскій, щеки ея были красны какъ клюква: она только-что разбранилась съ дядей за убѣжденія по женскому вопросу.

II.

Верховенскій замѣчательно небрежно развалился на стулѣ въ верхнемъ углу стола, почти ни съ кѣмъ не поздоровавшись. Видъ его былъ брезгливый и даже надменный. Ставрогинъ раскланялся вѣжливо, но несмотря на то что всѣ только ихъ и ждали, всѣ какъ по командѣ сдѣлали видъ что ихъ почти не примѣчаютъ. Хозяйка строго обратилась къ Ставрогину, только-что онъ усѣлся:

— Ставрогинъ, хотите чаю?

— Дайте, отвѣтилъ тотъ.

— Ставрогину чаю, скомандовала она разливательницѣ, — а вы хотите? (это ужъ къ Верховенскому).

— Давайте, конечно, кто жъ про это гостей спрашиваетъ? Да дайте и сливокъ, у васъ всегда такую мерзость даютъ вмѣсто чаю; а еще въ домѣ именинникъ.

— Какъ, и вы признаете именины? засмѣялась вдругъ студентка; — сейчасъ о томъ говорили.

— Старо, проворчалъ гимназистъ съ другаго конца стола.

— Что такое старо? Забывать предрасудки не старо, хотя бы самыя невинныя, а напротивъ, къ общему стыду, до сихъ поръ еще ново, мигомъ заявила студентка, такъ и дернувшись впередъ со стула. — Къ тому же нѣтъ невинныхъ предрасудковъ, прибавила она съ ожесточеніемъ.

— Я только хотѣлъ заявить, заволновался гимназистъ ужасно, — что предрасудки хотя, конечно, старая вещь и надо истреблять, но насчетъ именинъ всѣ уже знаютъ что глупости и очень старо чтобы терять драгоценное время, и безъ того уже всѣмъ свѣтомъ потерянное, такъ что можно бы употребить свое остроуміе на предметъ болѣе нуждающійся....

— Слишкомъ долго тянете, ничего не поймешь, прокричала студентка.

— Мнѣ кажется, всякій имѣетъ право голоса наравнѣ съ другимъ, и если я желаю заявить мое мнѣніе, какъ и всякій другой, то....

— У васъ никто не отнимаетъ права вашего голоса, рѣзко оборвала уже сама хозяйка, — васъ только приглашаютъ не мямлить, потому что васъ никто не можетъ понять.

— Однако же, позвольте замѣтить что вы меня не уважаете; если я и не могъ докончить мысль, то это не оттого что у меня нѣтъ мыслей, а скорѣе отъ избытка мыслей.... чуть не въ отчаяніи пробормоталъ гимназистъ и окончательно спутался.

— Если не умѣете говорить, то молчите, хлопнула студентка.

Гимназистъ даже привскочилъ со стула.

— Я только хотѣлъ заявить, прокричалъ онъ, весь горя отъ стыда и боясь осмотрѣться вокругъ, — что вамъ только хотѣлось выскочить съ вашимъ умомъ потому что вошелъ господинъ Ставрогинъ — вотъ что!

— Ваша мысль грязна и безнравственна и означаетъ все ничтожество вашего развитія. Прошу болѣе ко мнѣ не относиться, протрещала студентка.

— Ставрогинъ, начала хозяйка, — до васъ тутъ кричали сейчасъ о правахъ семейства, — вотъ этотъ офицеръ (она кивнула на родственника своего майора). И ужь, конечно, не я стану васъ беспокоить такимъ старымъ вздоромъ, давно порѣшеннымъ. Но откуда, однако, могли взяться права и обязанности семейства въ смыслѣ того предразсудка въ которомъ теперь представляются? Вотъ вопросъ. Ваше мнѣніе?

— Какъ откуда могли взяться? переспросилъ Ставрогинъ.

— То-есть мы знаемъ, напримѣръ, что предразсудокъ о Богѣ произошелъ отъ грома и молніи, вдругъ рванулась опять студентка, чуть не вскакивая глазами на Ставрогина; — слишкомъ извѣстно что первоначальное человѣчество пугаясь грома и молніи обоготворило невидимаго врага, чувствуя предъ нимъ свою слабость. Но откуда произошелъ предразсудокъ о семействѣ? Откуда могло взяться само семейство?

— Это не совѣмъ то же самое.... хотѣла было остановить хозяйка.

— Я полагаю что отвѣтъ на такой вопросъ не скромень, отвѣчалъ Ставрогинъ.

— Какъ такъ? дернулась впередъ студентка.

Но въ учительской группѣ послышалось хихиканье, которому тотчасъ же отозвались съ другаго конца Лямшинъ и гимназистъ, а за ними сиплымъ хохотомъ и родственникъ майоръ.

— Вамъ бы писать водевили, замѣтила хозяйка Ставрогину.

— Слишкомъ не къ чести вашей относится, не знаю какъ васъ зовутъ, отрѣзала въ рѣшительномъ негодованіи студентка.

— А ты не выскакивай! брякнулъ майоръ, — ты барышня, тебѣ должно скромно держать себя, а ты ровно на иголку сѣла.

— Извольте молчать и не смѣйте обращаться ко мнѣ фамиллярно съ вашими пакостными сравненіями. Я васъ въ первый разъ вижу и знать вашего родства не хочу.

— Да вѣдь я жъ тебѣ дядя; я тебя на рукахъ еще груднаго ребенка таскалъ!

— Какое мнѣ дѣло что бы вы тамъ ни таскали. Я васъ тогда не просила таскать, значитъ вамъ, господинъ неучтивый офицеръ, самому тогда доставляло удовольствіе. И позвольте мнѣ замѣтить что вы не смѣете говорить мнѣ *ты*, если не отъ гражданства, и я вамъ разъ навсегда запрещаю.

— Вотъ всѣ онѣ такъ! стукнулъ майоръ кулакомъ по столу, обращаясь къ сидѣвшему напротивъ Ставрогину. — Нѣтъ-съ, позвольте, я либерализмъ и современность люблю и люблю послушать умные разговоры, но предупреждаю — отъ мужчинъ. Но отъ женщинъ, но вотъ отъ современныхъ этихъ разлетаекъ — нѣтъ-съ, это боль моя! Ты не вертись! крикнулъ онъ студенткѣ, которая порывалась со стула, — нѣтъ, я тоже слова прошу, я обиженъ-съ.

— Вы только мѣшаете другимъ, а сами ничего не умѣете сказать, съ негодованіемъ проворчала хозяйка.

— Нѣтъ, ужъ я выскажу, горячился майоръ, обращаясь къ Ставрогину. — Я на васъ, господинъ Ставрогинъ, какъ на новаго вошедшаго человѣка разчитываю, хотя и не имѣю чести васъ знать. Безъ мужчинъ онѣ пропадутъ какъ мухи — вотъ мое мнѣніе. Весь ихъ женскій вопросъ это — одинъ только недостатокъ оригинальности. Увѣрю же васъ что женскій этотъ весь вопросъ выдумали имъ мужчины, съ дуру, сами на свою шею, — слава только Богу что я не женатъ! Ни малѣйшаго разнообразія-съ, узора простаго не выдумаютъ; и узоры за нихъ мужчины выдумываютъ! Вотъ-съ, я ее на рукахъ носилъ, съ ней десятилѣтней магурку танцевалъ, сегодня она пріѣхала, натурально лечу обнять, а она мнѣ со втораго слова объявила что Бога нѣтъ. Да хоть бы съ третьяго, а не со втораго слова, а то спѣшить! Ну, положимъ, умные люди не вѣруютъ, такъ вѣдь это отъ ума, а ты то, говорю, пузырь, ты что въ Богѣ понимаешь? Вѣдь тебя студентъ научилъ, а научилъ бы лампадки зажигать, ты бы и зажигала.

— Вы все лжете, вы очень злой человѣкъ, а я давеча доказательно выразила вамъ вашу несостоятельность, отвѣтила студентка съ пренебреженіемъ и какъ бы презирая много объясняться съ такимъ человѣкомъ. — Я вамъ именно говорила давеча что насъ всѣхъ учили по катехизису: «Если будешь почитать своего отца и своихъ родителей, то будешь долголѣтнимъ и тебѣ дано будетъ богатство». Это въ десяти заповѣдяхъ. Если Богъ нашелъ необходимымъ за любовь предлагать награду, стало-быть вашъ Богъ безнравственъ. Вотъ въ какихъ словахъ я вамъ давеча доказала, и не со втораго слова, а потому что вы заявили

права свои. Кто жь виновать что вы тупы и до сихъ поръ не понимаете. Вамъ обидно и вы злитесь — вотъ вся разгадка вашего поколѣнія.

— Дурында! проговорилъ майоръ.

— А вы дуракъ.

— Ругайся!

— Но, позвольте, Капитонъ Максимовичъ, вѣдь вы сами же говорили мнѣ что въ Бога не вѣруете, пропищалъ съ конца стола Липутинъ.

— Что жь что я говорилъ, я другое дѣло! я можетъ и вѣрую, но только не совсѣмъ. Я хоть и не вѣрую вполнѣ, но все-таки не скажу что Бога разстрѣлять надо. Я еще въ гусарахъ служба насчетъ Бога задумывался. Во всѣхъ стихахъ принято что гусаръ пьетъ и кутить; такъ-съ, я можетъ и пилъ, но, вѣрите ли, вскочишь ночью съ постели въ однихъ носкахъ и давай кресты крестить предъ образомъ, чтобы Богъ вѣру послалъ, потому не могъ я и тогда быть спокойнымъ: есть Богъ или нѣтъ? До того оно мнѣ солоно доставалось! Но утромъ, конечно, развлечешься, и опять вѣра какъ будто пропадетъ, да и вообще я замѣтилъ что днемъ всегда вѣра пропадаетъ.

— А не будетъ ли у васъ картъ? зѣвнулъ во весь ротъ Верховенскій, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Я слишкомъ, слишкомъ сочувствую вашему вопросу! рванулась студентка, рдѣя въ негодованіи отъ словъ майора.

— Теряется золотое время слушая глупые разговоры, отрѣзала хозяйка и взыскательно посмотрѣла на мужа.

Студентка подобралась:

— Я хотѣла заявить собранію о страданіи и о протестѣ студентовъ, а такъ какъ время тратится въ безнравственныхъ разговорахъ....

— Ничего нѣтъ ни нравственнаго, ни безнравственнаго! тотчасъ же не вытерпѣлъ гимназистъ, какъ только начала студентка.

— Это я знала, господинъ гимназистъ, гораздо прежде чѣмъ васъ тому научили.

— А я утверждаю, остервенился тотъ, — что вы приѣхавшій изъ Петербурга ребенокъ съ тѣмъ чтобы насъ всѣхъ просвѣтить, тогда какъ мы и сами знаемъ. О заповѣди: «Чти отца твоего и мать твою», которую вы не умѣли прочесть, и что она безнравственна — уже съ Бѣлинскаго всѣмъ въ Россіи извѣстно.

— Кончится ли это когда-нибудь? рѣшительно проговорила Мме Виргинская мужу. Какъ хозяйка, она краснѣла за ничтожество разговоровъ, особенно замѣтивъ нѣсколько улыбокъ и даже недоумѣніе между новопозванными гостями.

— Господа, возвысилъ вдругъ голосъ Виргинскій, — еслибы кто пожелалъ начать о чемъ-нибудь болѣе идущемъ къ дѣлу, или имѣеть что заявить, то я предлагаю приступить, не теряя времени.

— Осмѣлюсь сдѣлать одинъ вопросъ, мягко проговорилъ доселѣ молчавшій и особенно чинно сидѣвшій хромой учитель: — я желалъ бы знать составляемъ ли мы здѣсь, теперь, какое-нибудь засѣданіе, или, просто, мы собраніе обыкновенныхъ смертныхъ пришедшихъ въ гости? Спрашиваю болѣе для порядку и чтобы не находиться въ невѣдѣніи.

«Хитрый» вопросъ произвелъ впечатлѣніе; всѣ переглянулись, каждый какъ бы ожидая одинъ отъ другаго отвѣта, и вдругъ всѣ какъ по командѣ обратили взгляды на Верховенскаго и Ставрогина.

— Я просто предлагаю вотировать отвѣтъ на вопросъ: «засѣданіе мы или нѣтъ?» проговорила Мме Виргинская.

— Совершенно присоединяюсь къ предложенію, отозвался Липутинъ, — хотя оно и нѣсколько неопредѣленно.

— И я присоединяюсь, и я, слышались голоса.

— И мнѣ кажется дѣйствительно будетъ болѣе порядку, скрѣпилъ Виргинскій.

— Итакъ на голоса! объявила хозяйка. — Лямшинъ, прошу васъ, сядьте за фортепьяно: вы и оттуда можете подать вашъ голосъ, когда начнутъ вотировать.

— Опять! крикнулъ Лямшинъ; — довольно я вамъ барабанилъ.

— Я васъ прошу настойчиво, сядьте играть; вы не хотите быть полезнымъ дѣлу?

— Да увѣряю же васъ, Арина Прохоровна, что никто не подслушиваетъ. Одна ваша фантазія. Да и окна высоки, да и кто тутъ пойметъ что-нибудь еслибъ и подслушивалъ.

— Мы и сами-то не понимаемъ въ чемъ дѣло, проворчалъ чей-то голосъ.

— А я вамъ говорю что предосторожность всегда необходима. Я на случай, еслибы шпіоны, обратилась она съ толкованіемъ къ Верховенскому, — пусть услышатъ съ улицы что у насъ именины и музыка.

— Э, чортъ! выругался Лямшинъ, сѣлъ за фортепьяно и началъ барабанить вальсъ, зря и чуть не кулаками стуча по клавишамъ.

— Тѣмъ кто желаетъ чтобы было засѣданіе, я предлагаю поднять правую руку вверхъ, предложила Мме Виргинская.

Одни подняли, другіе нѣтъ. Были и такіе что подняли и опять взяли назадъ. Взяти назадъ и опять подняли.

— Фу, чортъ! я ничего не понялъ, крикнулъ одинъ офицеръ.

— И я не понимаю, крикнулъ другой.

- Нѣтъ, я понимаю, крикнулъ третій, — если *да*, то руку вверхъ.
- Да что *да*-то значить?
- Значить засѣданіе.
- Нѣтъ, не засѣданіе.
- Я вотировалъ засѣданіе, крикнулъ гимназистъ, обращаясь къ Мме Виргинской.
- Такъ зачѣмъ же вы руку не подняли?
- Я все на васъ смотрѣлъ, вы не подняли, такъ и я не поднѣлъ.
- Какъ глупо, я потому что я предлагала, потому и не поднѣла. Господа, предлагаю вновь обратно: кто хочетъ засѣданіе пусть сидитъ и не подымаетъ руки, а кто не хочетъ, тотъ пусть подыметъ правую руку.
- Кто не хочетъ? переспросилъ гимназистъ.
- Да вы это нарочно что ли? крикнула въ гнѣвѣ Мме Виргинская.
- Нѣтъ-съ, позвольте, кто хочетъ или кто не хочетъ, потому что это надо точнѣе опредѣлить? раздалось два-три голоса.
- Кто не хочетъ, *не* хочетъ.
- Ну да, но что надо дѣлать, подымать или не подымать если *не* хочетъ? крикнулъ офицеръ.
- Эхъ, къ конституціи-то мы еще не привыкли! замѣтилъ майоръ.
- Господинъ Лямшинъ, сдѣлайте одолженіе, вы такъ стучите, никто не можетъ слышать, замѣтилъ хромоу учитель.
- Да ей-Богу же, Арина Прохоровна, никто не подслушиваетъ, вскочилъ Лямшинъ. — Да не хочу же играть! Я къ вамъ въ гости пришелъ, а не барабанить!
- Господа, предложилъ Виргинскій, — отвѣчайте всѣмъ голосомъ: засѣданіе мы или нѣтъ?
- Засѣданіе, засѣданіе! раздалось со всѣхъ сторонъ.
- А если такъ, то нечего и вотировать, довольно. Довольны ли вы господа, надо ли еще вотировать?
- Не надо, не надо, поняли!
- Можетъ-быть кто не хочетъ засѣданія?
- Нѣтъ, нѣтъ, всѣ хотимъ.
- Да что такое засѣданіе? крикнулъ голосъ. Ему не отвѣтили.
- Надо выбрать президента, крикнули съ разныхъ сторонъ.
- Хозяина, разумѣется хозяина!
- Господа, коли такъ, началъ выбранный Виргинскій, — то я предлагаю давешнее первоначальное мое предложеніе: еслибы кто пожелалъ начать о чемъ-нибудь болѣе идущемъ къ дѣлу, или имѣетъ что заявить, то пусть приступитъ не теряя времени.

Общее молчаніе. Взгляды всѣхъ вновь обратились на Ставрогина и Верховенскаго.

— Верховенскій, вы не имѣете ничего заявить? прямо спросила хозяйка.

— Ровно ничего, потянулся онъ, зѣвая на стулѣ. — Я впрочемъ желалъ бы рюмку коньяку.

— Ставрогинъ, вы не желаете?

— Благодарю, я не пью.

— Я говорю желаете вы говорить или нѣтъ, а не про коньякъ?

— Говорить, объ чемъ? Нѣтъ, не желаю.

— Вамъ принесутъ коньяку, отвѣтила она Верховенскому.

Поднялась студентка. Она уже нѣсколько разъ подвскакивала.

— Я пріѣхала заявить о страданіяхъ несчастныхъ студентовъ и о возбужденіи ихъ повсемѣстно къ протесту....

Но она осѣклась; на другомъ концѣ стола явился уже другой конкурентъ, и всѣ взоры обратились къ нему. Длинноухій Шигалевъ съ мрачнымъ и угрюмымъ видомъ медленно поднялся съ своего мѣста и меланхолически положилъ толстую и чрезвычайно мелко исписанную тетрадь на столъ. Онъ не сажился и молчалъ. Многіе съ замѣшательствомъ смотрѣли на тетрадь, но Липутинъ, Виргинскій и хромой учитель были, казалось, чѣмъ-то довольны.

— Прошу слова, угрюмо но твердо заявилъ Шигалевъ.

— Имѣете, разрѣшилъ Виргинскій.

Ораторъ сѣлъ, помолчалъ съ полминуты и произнесъ важнымъ голосомъ:

— Господа....

— Вотъ коньякъ! брезгливо и презрительно отрубилa родственница разливавшая чай, уходящая за коньякомъ, и ставя его теперь предъ Верховенскимъ вмѣстѣ съ рюмкой, которую принесла въ пальцахъ, безъ подноса и безъ тарелки.

Прерванный ораторъ съ достоинствомъ пріостановился.

— Ничего, продолжайте, я не слушаю, крикнулъ Верховенскій, наливая себѣ рюмку.

— Господа, обращаясь къ вашему вниманію, началъ вновь Шигалевъ, — и, какъ увидите ниже, испрашивая вашей помощи въ пунктѣ первостепенной важности, я долженъ произнести предисловіе.

— Арина Прохоровна, нѣтъ у васъ ножницъ? спросилъ вдругъ Петръ Степановичъ.

— Зачѣмъ вамъ ножницъ? выпучила та на него глаза.

— Забылъ ногти обстричь, три дня собираюсь, промолвилъ онъ, безмятежно разсматривая свои длинные и нечистые ногти.

Арина Прохоровна вспыхнула, но дѣвицѣ Виргинской какъ бы что-то понравилось.

— Кажется, я ихъ здѣсь, на окнѣ давеча видѣла, встала она изъ-за стола, пошла отыскала ножницы и тотчасъ же принесла съ собой. Петръ Степановичъ даже не посмотрѣлъ на нее, взялъ ножницы и началъ возиться съ ними. Арина Прохоровна поняла что это реальный приѣмъ и устыдилась своей обидчивости. Собраніе переглядывалось молча. Хромой учитель злобно и завистливо наблюдалъ Верховенскаго. Шигалевъ сталъ продолжать:

— Посвятивъ мою энергію на изученіе вопроса о социальномъ устройствѣ будущаго общества, которымъ замѣнится настоящее, я пришелъ къ убѣжденію что всѣ созидатели социальныхъ системъ, съ древнѣйшихъ временъ до нашего 187... года, были мечтатели, сказочники, глупцы, противорѣчившіе себѣ, ничего ровно не понимавшіе въ естественной наукѣ, и въ томъ странномъ животномъ которое называется человѣкомъ. Платонъ, Руссо, Фурье, колонны изъ алюминія, все это годится развѣ для воробьевъ, а не для общества человѣческаго. Но такъ какъ будущая общественная форма необходима именно теперь, когда всѣ мы наконецъ собираемся дѣйствовать чтобъ уже болѣе не задумываться, то я и предлагаю собственную мою систему устройства міра. Вотъ она! стукнулъ онъ по тетради. — Я хотѣлъ изложить собранію мою книгу по возможности въ сокращенномъ видѣ; но вижу что потребуется еще прибавить множество изустныхъ разъясненій, а потому все изложеніе потребуетъ по крайней мѣрѣ десяти вечеровъ, по числу главъ моей книги. (Послышался смѣхъ.) Кромѣ того объявляю заранѣе что система моя не окончена. (Смѣхъ опять). Я запутался въ собственныхъ данныхъ, и мое заключеніе въ прямомъ противорѣчьи съ первоначальной идеей, изъ которой я выхожу. Выходя изъ безграничной свободы, я заключаю безграничнымъ деспотизмомъ. Прибавлю однакожь что кромѣ моего разрѣшенія общественной формулы не можетъ быть никакого.

Смѣхъ разростался сильнѣй и сильнѣй, но смѣялись болѣе молодые и такъ-сказать мало посвященные гости. На лицахъ хозяйки, Липутина и хромаго учителя выразилась нѣкоторая досада.

— Если вы сами не сумѣли слѣпить свою систему и пришли къ отчаянію, то намъ-то тутъ чего дѣлать? осторожно замѣтилъ одинъ офицеръ.

— Вы правы, господинъ служащій офицеръ, рѣзко оборотился къ нему Шигалевъ, — и всего болѣе тѣмъ что употребили слово отчаяніе. Да, я приходилъ къ отчаянію; тѣмъ не менѣе все что изложено въ моей

книгѣ — незамѣнимо и другаго выхода нѣтъ; никто ничего не выдумаетъ. И потому спѣшу, не теряя времени, пригласить все общество, по выслушаніи моей книги въ продолженіи десяти вечеровъ, заявить свое мнѣніе. Если же члены не захотятъ меня слушать, то разойдемся въ самомъ началѣ, — мужчины чтобы заняться государственною службой, женщины въ свои кухни, потому что отвергнувъ книгу мою, другаго выхода они не найдутъ. Ни-ка-кого! Упустивъ же время, повредятъ себѣ, такъ какъ потомъ неминуемо къ тому же воротятся.

Началось движеніе: «Что онъ, помѣшанный что ли?» раздались голоса.

— Значитъ все дѣло въ отчаяніи Шигалева, заключилъ Лямшинъ, — а насущный вопросъ въ томъ: быть или не быть ему въ отчаяніи?

— Близость Шигалева къ отчаянію есть вопросъ личный, заявилъ гимназистъ.

— Я предлагаю вотировать насколько отчаяніе Шигалева касается общаго дѣла, а съ тѣмъ вмѣстѣ стоитъ ли слушать его или нѣтъ? весело рѣшилъ офицеръ.

— Тутъ не то-съ, ввязался наконецъ хромой. Вообще онъ говорилъ съ нѣкоторой, какъ бы насмѣшливою улыбкой, такъ что пожалуй трудно было и разобрать искренно онъ говоритъ или шутить. — Тутъ господа не то-съ. Г. Шигалевъ слишкомъ серіозно преданъ своей задачѣ и притомъ слишкомъ скромнѣе. Мнѣ книга его извѣстна. Онъ предлагаетъ, въ видѣ конечнаго разрѣшенія вопроса — раздѣленіе человѣчества на двѣ неравныя части. Одна десятая доля получаетъ свободу личности и безграничное право надъ остальными девятью десятками. Тѣ же должны потерять личность и обратиться въ родѣ какъ въ стадо и при безграничномъ повиновеніи достигнуть рядомъ перерожденій первобытной невинности, въ родѣ какъ бы первобытнаго рая, хотя впрочемъ и будутъ работать. Мѣры предлагаемыя авторомъ для отнятія у девяти десятыхъ человѣчества воли и передѣлки его въ стадо, посредствомъ перевоспитанія цѣлыхъ поколѣній — весьма замѣчательны, основаны на естественныхъ данныхъ и очень логичны. Можно не согласиться съ иными выводами, но въ умѣ и въ знаніяхъ автора усумниться трудно. Жаль что условіе десяти вечеровъ совершенно несомѣстимо съ обстоятельствами, а то бы мы могли услышать много любопытнаго.

— Неужели вы серіозно? обратилась къ хромому Mme Виргинская, въ нѣкоторой даже тревогѣ. — Если этотъ человѣкъ, не зная куда дѣваться съ людьми, обращаетъ ихъ девять десятыхъ въ рабство? Я давно подозрѣвала его.

- То-есть вы про вашего братца? спросилъ хромой.
- Родство? Вы смѣтаете надо мною или нѣтъ?
- И кромѣ того работать на аристократовъ и повиноваться имъ какъ богамъ — это подлость! яростно замѣтила студентка.
- Я предлагаю не подлость, а рай, земной рай, и другаго на землѣ быть не можетъ, властно заключилъ Шигалевъ.
- А я бы вмѣсто рая, вскричалъ Лямшинъ, — взялъ бы этихъ девять десятыхъ человѣчества, если ужъ некуда съ ними дѣваться, и взорвалъ ихъ на воздухъ, а оставилъ бы только кучку людей образованныхъ, которые и начали бы жить-поживать по-ученому.
- Такъ можетъ говорить только шутъ! вспыхнула студентка.
- Онъ шутъ, но полезень, шепнула ей Мме Виргинская.
- И можетъ-быть это было бы самымъ лучшимъ разрѣшеніемъ задачи! горячо оборотился Шигалевъ къ Лямшину: — вы конечно и не знаете какую глубокую вещь удалось вамъ сказать, господинъ веселый человѣкъ. Но такъ какъ ваша идея почти невыполнима, то и надо ограничиться земнымъ раемъ, если ужъ такъ это назвали.
- Однако порядочный вздоръ! какъ бы вырвалось у Верховенскаго. Впрочемъ онъ совершенно равнодушно и не подымая глазъ продолжалъ обстригать свои ногти.
- Почему же вздоръ-съ? тотчасъ же подхватилъ хромой, какъ будто такъ и ждалъ отъ него перваго слова чтобы вцѣпиться. — Почему же именно вздоръ? Г. Шигалевъ отчасти фанатикъ человѣколюбія; но вспомните что у Фурье, у Кабета особенно и даже у самого Прудона есть множество самыхъ деспотическихъ и самыхъ фантастическихъ предрѣшеній вопроса. Г. Шигалевъ даже можетъ-быть гораздо трезвѣе ихъ разрѣшаетъ дѣло. Увѣряю васъ что, прочитавъ книгу его, почти невозможно не согласиться съ иными вещами. Онъ, можетъ-быть, менѣе всѣхъ удалился отъ реализма, и его земной рай — есть почти настоящій, тотъ самый о потерѣ котораго вздыхаетъ человѣчество, если только онъ когда-нибудь существовалъ.
- Ну я такъ и зналъ что нарвусь, пробормоталъ опять Верховенскій.
- Позвольте-съ, вскипалъ все болѣе и болѣе хромой, — разговоры и сужденія о будущемъ социальномъ устройствѣ — почти настоящая необходимость всѣхъ мыслящихъ современныхъ людей. Герценъ всю жизнь только о томъ и заботился. Бѣлинскій, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, проводилъ цѣлые вечера съ своими друзьями, дебатировавъ и предрѣшая заранѣе даже самыя мелкія, такъ-сказать кухонныя подробности въ будущемъ социальномъ устройствѣ.

— Даже съ ума сходятъ иные, вдругъ замѣтилъ майоръ.

— Все-таки хоть до чего-нибудь договориться можно, чѣмъ сидѣть и молчать въ видѣ диктаторовъ, прошипѣлъ Липутинъ, какъ бы осмѣливаясь наконецъ начать нападеніе.

— Я не про Шигалева сказалъ что вздоръ, промямлилъ Верховенскій. — Видите, господа, приподнялъ онъ капельку глаза, — по-моему всѣ эти книги Фурье, Кабеты, всѣ эти «права на работу», Шигалевщина — все это въ родѣ романовъ, которыхъ можно написать сто тысячъ. Эстетическое препровожденіе времени. Я понимаю что вамъ здѣсь въ городишкѣ скучно, вы и бросаетесь на писанную бумагу.

— Позвольте-съ, задержался на стулѣ хромой, — мы хоть и провинціалы и ужь конечно достойны тѣмъ сожалѣнія, но однакоже знаемъ что на свѣтѣ покамѣстъ ничего такого новаго не случилось о чемъ бы намъ плакать что проглядѣли. Намъ вотъ предлагаютъ, чрезъ разные подкиданные листки иностранной фактуры, сомкнуться и завести кучки съ единственною цѣлю всеобщаго разрушенія, подъ тѣмъ предлогомъ что какъ мѣръ ни лѣчи, все не вылѣчишь, а срѣзавъ радикально сто милліоновъ головъ и тѣмъ облегчивъ себя, можно вѣрнѣе перескочить черезъ канавку. Мысль прекрасная, безъ сомнѣнія, но по крайней мѣрѣ столь же несомвѣстимая съ дѣйствительностію какъ и «Шигалевщина», о которой вы сейчасъ отнеслись такъ презрительно.

— Ну да я не для разсужденій пріѣхалъ, промахнулся значительнымъ словомъ Верховенскій, и какъ бы вовсе не замѣчая своего промаха, подвинулъ къ себѣ свѣчу, чтобы было свѣтлѣе.

— Жаль-съ, очень жаль что не для разсужденій пріѣхали и очень жаль что вы такъ теперь заняты своимъ туалетомъ.

— А чего вамъ мой туалетъ?

— Сто милліоновъ головъ такъ же трудно осуществить какъ и передѣлать мѣръ пропагандой. Даже можетъ-быть и труднѣе, особенно если въ Россіи, рискнулъ опять Липутинъ.

— На Россію-то теперь и надѣются, проговорилъ офицеръ.

— Слышали мы и о томъ что надѣются, подхватилъ хромой. — Намъ извѣстно что на наше прекрасное отечество обращенъ таинственный index¹, какъ на страну наиболѣе способную къ исполненію великой задачи. Только вотъ что-съ: въ случаѣ постепеннаго разрѣшенія задачи пропагандой я хоть что-нибудь лично выигрываю, ну хоть пріятно поболтаю, а отъ начальства такъ и чинъ получу за услуги соціальному дѣлу. А во второмъ, въ быстромъ-то разрѣшеніи посредствомъ ста мил-

---

¹ перст (лат.).

ліоновъ головъ, мнѣ-то собственно какая будетъ награда? Начнешь пропагандировать, такъ еще пожалуй языкъ отрѣжутъ.

— Вамъ непременно отрѣжутъ, сказалъ Верховенскій.

— Видите-съ. А такъ какъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ раньше пятидесяти лѣтъ, ну тридцати, такую рѣзню не доконишь, потому что вѣдь не бараны же тѣ-то, пожалуй и не дадутъ себя рѣзать, — то не лучше ли, собравши свой скарбъ, переселиться куда-нибудь за тихія моря на тихіе острова и закрыть тамъ свои глаза безмятежно? Повѣрьте-съ, постучалъ онъ значительно пальцемъ по столу, — вы только эмиграцію такою пропагандой вызовете, а болѣе ничего-съ!

Онъ закончилъ видимо торжествуя. Это была сильная губернская голова. Липутинъ коварно улыбался, Виргинскій слушалъ нѣсколько уныло, остальные всѣ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слѣдили за споромъ, особенно дамы и офицеры. Всѣ понимали что агента ста миллионовъ головъ приперли къ стѣнѣ и ждали что изъ этого выйдетъ.

— Это вы впрочемъ хорошо сказали, еще равнодушнѣе чѣмъ прежде, даже какъ бы со скукой проямлилъ Верховенскій. — Эмигрировать — мысль хорошая. Но все-таки, если несмотря на всѣ явныя невыгоды, которыя вы предчувствуете, солдатъ на общее дѣло является все больше и больше съ каждымъ днемъ, то и безъ васъ обойдется. Тутъ, батюшка, новая религія идетъ взамѣнъ старой, оттого такъ много солдатъ и является, и дѣло это крупное. А вы эмигрируйте! И знаете, я вамъ совѣтую въ Дрезденъ, а не на тихіе острова. Вопервыхъ, это городъ никогда не видавшій никакой эпидеміи, а такъ какъ вы человѣкъ развитый, то навѣрно смерти боитесь, вовторыхъ, близко отъ русской границы, такъ что можно скорѣе получать изъ любезнаго отечества доходы; втретьихъ, заключаетъ въ себѣ такъ-называемыя сокровища искусствъ, а вы человѣкъ эстетическій, бывшій учитель словесности кажется; ну и наконецъ, заключаетъ въ себѣ свою собственную карманную Швейцарію — это ужъ для поэтическихъ вдохновеній, потому навѣрно стишки пописываете. Однимъ словомъ, кладъ въ **табатеркѣ!**

Произошло движеніе; особенно офицеры зашевелились. Еще мгновение, и всѣ бы разомъ заговорили. Но хромой раздражительно накинулся на приманку:

— Нѣтъ-съ, мы еще, можетъ-быть, и не уѣдемъ отъ общаго дѣла! Это надо понимать-съ....

— Какъ такъ, вы развѣ пошли бы въ пятерку, еслибъ я вамъ предложилъ? брякнулъ вдругъ Верховенскій и положилъ ножницы на столъ.

Всѣ какъ бы вздрогнули. Загадочный человѣкъ слишкомъ вдругъ раскрылся. Даже прямо про «пятерку» заговорилъ.

— Всякій чувствуетъ себя честнымъ человѣкомъ и не уклонится отъ общаго дѣла, закривился хромой, — но....

— Нѣтъ-съ, тутъ ужь дѣло не въ *но*, властно и рѣзко перебилъ Верховенскій: — Я объявляю, господа, что мнѣ нуженъ прямой отвѣтъ. Я слишкомъ понимаю что я, прибывъ сюда и собравъ васъ самъ вмѣстѣ, обязанъ вамъ объясненіями (опять неожиданное раскрытіе), но я не могу дать никакихъ прежде чѣмъ не узнаю какого образа мыслей вы держитесь. Минуя разговоры — потому что не тридцать же лѣтъ опять болтать, какъ болтали до сихъ поръ тридцать лѣтъ — я васъ спрашиваю что вамъ милѣе: медленный ли путь, состоящій въ сочиненіи социальныхъ романовъ и въ канцелярскомъ предрѣшеніи судебъ человѣческихъ на тысячи лѣтъ впередъ на бумагѣ, тогда какъ деспотизмъ тѣмъ временемъ будетъ глотать жареные куски, которые вамъ сами въ ротъ летятъ и которые вы мимо рта пропускаете, или вы держитесь рѣшенія скорого, въ чемъ бы оно ни состояло, но которое наконецъ развяжетъ руки и дастъ человѣчеству на просторѣ самому социальнo устроиться и уже на дѣлѣ, а не на бумагѣ? Кричатъ: «Сто милліоновъ головъ», это можетъ-быть еще и метафора, но чего ихъ бояться, если при медленныхъ бумажныхъ мечтаніяхъ деспотизмъ въ какія-нибудь во сто лѣтъ съѣстъ не сто, а пятьсотъ милліоновъ головъ? Замѣьте еще что неизлѣчимый больнои все равно не вылѣчится, какіе бы ни прописывали ему на бумагѣ рецепты, а напротивъ, если промедлить, до того загниетъ что и насъ заразить, перепортитъ всѣ свѣжія силы, на которыя теперь еще можно разчитывать, такъ что мы всѣ наконецъ провалимся. Я согласенъ совершенно что либерально и краснорѣчиво болтать чрезвычайно пріятно, а дѣйствовать немного кусается.... Ну да впрочемъ я говорить не умѣю; яприбыль сюда съ сообщеніями, а потому прошу всю почтенную компанію не то что вотировать, а прямо и просто заявить что вамъ веселѣе: черепашій ли ходъ въ болотѣ или ходъ на всѣхъ парахъ черезъ болото?

— Я положительно за ходъ на парахъ! крикнулъ въ восторгѣ гимназистъ.

— Я тоже, отозвался Лямшинъ.

— Въ выборѣ разумѣется нѣтъ сомнѣнія, пробормоталъ одинъ офицеръ, за нимъ другой, за нимъ еще кто-то. Главное всѣхъ поразило что Верховенскій съ «сообщеніями» и самъ обѣщалъ сейчасъ говорить.

— Господа, я вижу что почти всѣ рѣшаютъ въ духѣ прокламацій, проговорилъ онъ озирая общество.

— Всѣ, всѣ, раздалось большинство голосовъ.

— Я, признаюсь, болѣе принадлежу къ рѣшенію гуманному, проговорилъ майоръ, — но такъ какъ ужь всѣ, то и я со всѣми.

— Выходитъ стало-быть что и вы не противорѣчите? обратился Верховенскій къ хромому.

— Я не то чтобы.... покраснѣлъ было нѣсколько тотъ, — но я если и согласенъ теперь со всѣми, то единственно чтобы не нарушить....

— Вотъ вы всѣ таковы! Полгода спорить готовъ для либеральнаго краснорѣчія, а кончитъ вѣдь тѣмъ что вотируетъ со всѣми! Господа, разсудите однако, правда ли что вы всѣ готовы?

(Къ чему готовы? вопросъ неопредѣленный, но ужасно заманчивый.)

— Конечно всѣ.... раздалися заявленія. Всѣ впрочемъ поглядывали другъ на друга.

— А можетъ потомъ и обидитесь что скоро согласились? Вѣдь это почти всегда такъ у васъ бываетъ.

Заволновались въ различномъ смыслѣ, очень заволновались. Хромой налетѣлъ на Верховенскаго.

— Позвольте вамъ однако замѣтить что отвѣты на подобные вопросы обуславливаются. Если мы и дали рѣшеніе, то замѣтите что все-таки вопросъ заданный такимъ страннымъ образомъ....

— Какимъ страннымъ образомъ?

— Такимъ что подобные вопросы не такъ задаются.

— Научите пожалуйста. А знаете, я такъ вѣдь и увѣренъ былъ что вы первый обидитесь.

— Вы изъ насъ вытянули отвѣтъ на готовность къ немедленному дѣйствию, а какія однакоже права вы имѣли такъ поступать? Какія полномочія чтобы задавать такіе вопросы?

— Такъ вы объ этомъ раньше бы догадались спросить! Зачѣмъ же вы отвѣчали? Согласились да и спохватились.

— А по-моему, легкомысленная откровенность вашего главнаго вопроса даетъ мнѣ мысль что вы вовсе не имѣете ни полномочій, ни правъ, а лишь отъ себя любопытствовали.

— Да вы про что, про что? вскричалъ Верховенскій, какъ бы начиная очень тревожиться.

— А про то что аффилиаціи, какія бы ни были, дѣлаются по крайней мѣрѣ глазъ-на-глазъ, а не въ незнакомомъ обществѣ двадцати человѣкъ! брякнулъ хромой. Онъ высказался весь, но уже слишкомъ былъ раздраженъ. Верховенскій быстро оборотился къ обществу съ отлично поддѣланнымъ встревоженнымъ видомъ:

— Господа, считаю долгомъ всѣмъ объявить что все это глупости и разговоръ нашъ далеко зашелъ. Я еще ровно никого не аффилировалъ и никто про меня не имѣетъ права сказать что я аффилирую, а мы просто говорили о мнѣніяхъ. Такъ ли? Но такъ или этакъ, а вы меня очень тревожите, повернулся онъ опять къ хромому: — я никакъ не думалъ что здѣсь о такихъ почти невинныхъ вещахъ надо говорить глазъ-на-глазъ. Или вы боитесь доноса? Неужели между нами можетъ заключаться теперь доносчикъ?

Волненіе началось чрезвычайное; всѣ заговорили.

— Господа, еслибы такъ, продолжалъ Верховенскій, — то вѣдь всѣхъ болѣе компрометтировалъ себя я, а потому предложу отвѣтить на одинъ вопросъ, разумѣется если захотите. Вся ваша полная воля.

— Какой вопросъ? какой вопросъ? загалдѣли всѣ.

— А такой вопросъ что послѣ него станетъ ясно: оставаться намъ вмѣстѣ или молча разобрать наши шапки и разойтись въ свои стороны.

— Вопросъ, вопросъ?

— Еслибы каждый изъ насъ зналъ о замышленномъ политическомъ убійствѣ, то пошелъ ли бы онъ донести, предвидя всѣ послѣдствія, или остался бы дома ожидая событій? Тутъ взгляды могутъ быть разные. Отвѣтъ на вопросъ скажетъ ясно — разойтись намъ или оставаться вмѣстѣ и уже далеко не на одинъ этотъ вечеръ. Позвольте обратиться къ вамъ первому, обернулся онъ къ хромому.

— Почему же ко мнѣ первому?

— Потому что вы все и начали. Сдѣлайте одолженіе не уклоняйтесь, ловкость тутъ не поможетъ. Но впрочемъ какъ хотите; ваша полная воля.

— Извините, но подобный вопросъ даже обиденъ.

— Нѣтъ ужъ, нельзя ли поточнѣе.

— Агентомъ тайной полиціи никогда не бывалъ-съ, скривился тотъ еще болѣе.

— Сдѣлайте одолженіе точнѣе, не задерживайте.

Хромой до того озлился что даже пересталъ отвѣчать. Молча злобнымъ взглядомъ изъ-подъ очковъ въ упоръ смотрѣлъ онъ на истязателя.

— Да или нѣтъ? Донесли бы или не донесли? крикнулъ Верховенскій.

— Разумѣется *не* донесу! крикнулъ вдвое сильнѣе хромой.

— И никто не донесетъ, разумѣется не донесетъ, слышались многіе голоса.

— Позвольте обратиться къ вамъ господинъ майоръ, донесли бы вы или не донесли? продолжалъ Верховенскій. — И замѣтите, я нарочно къ вамъ обращаюсь.

— Не донесу-съ.

— Ну а еслибы вы знали что кто-нибудь хочетъ убить и ограбить другаго, обыкновеннаго смертнаго, вѣдь вы бы донесли, предупѣдомили?

— Конечно-съ, но вѣдь это гражданскій случай, а тутъ доносъ политическій. Агентомъ тайной полиціи не бываль-съ.

— Да и никто здѣсь не бываль, слышались опять голоса. — Напрасный вопросъ. У всѣхъ одинъ отвѣтъ. Здѣсь не доносчики!

— Отчего встаетъ этотъ господинъ? крикнула студентка.

— Это Шатовъ. Отчего вы встали Шатовъ? крикнула хозяйка.

Шатовъ всталъ дѣйствительно, онъ держалъ свою шапку въ рукѣ и смотрѣлъ на Верховенскаго. Казалось онъ хотѣлъ ему что-то сказать, но колебался. Лицо его было блѣдно и злобно, но онъ выдержалъ, не проговорилъ ни слова и молча пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Шатовъ, вѣдь это для васъ же не выгодно! загадочно крикнулъ ему вслѣдъ Верховенскій.

— За то тебѣ выгодно, какъ шпиону и подлецу! прокричалъ ему въ дверяхъ Шатовъ и вышелъ совсѣмъ.

Опять крики и восклицанія.

— Вотъ она проба-то! крикнулъ голосъ.

— Пригодилась! крикнулъ другой.

— Не поздно ли пригодилась-то? замѣтилъ третій.

— Кто его приглашалъ? — Кто принялъ? — Кто таковъ? — Кто такой Шатовъ? — Донесетъ или не донесетъ? сыпались вопросы.

— Еслибы доносчикъ, онъ бы прикинулся, а то онъ наплевалъ да и вышелъ, замѣтилъ кто-то.

— Вотъ и Ставрогинъ встаетъ, Ставрогинъ тоже не отвѣчалъ на вопросъ, крикнула студентка.

Ставрогинъ дѣйствительно всталъ, а съ нимъ вмѣстѣ съ другаго конца стола поднялся и Кириловъ.

— Позвольте, господинъ Ставрогинъ, рѣзко обратилась къ нему хозяйка, — мы всѣ здѣсь отвѣтили на вопросъ, между тѣмъ какъ вы молча уходите?

— Я не вижу надобности отвѣчать на вопросъ который васъ интересуетъ, пробормоталъ Ставрогинъ.

— Но мы себя компрометтировали, а вы нѣтъ, закричало нѣсколько голосовъ.

— А мнѣ какое дѣло что вы себя компрометтировали? засмѣялся Ставрогинъ, но глаза его сверкали.

— Какъ какое дѣло? Какъ какое дѣло? раздались восклицанія. Многіе вскочили со стульевъ.

— Позвольте, господа, позвольте, кричалъ хромой, — вѣдь и господинъ Верховенскій не отвѣчалъ на вопросъ, а только его задавалъ.

Замѣчаніе произвело эффектъ поразительный. Всѣ переглянулись. Ставрогинъ громко засмѣялся въ глаза хромому и вышелъ, а за нимъ Кириловъ. Верховенскій выбѣжалъ вслѣдъ за ними въ переднюю.

— Что вы со мной дѣлаете? пролепеталъ онъ, схвативъ Ставрогина за руку и изо всей силы стиснулъ ее въ своей. Тотъ молча вырвалъ руку.

— Будьте сейчасъ у Кирилова, я приду.... Мнѣ необходимо, необходимо!

— Мнѣ нѣтъ необходимости, отрѣзалъ Ставрогинъ.

— Ставрогинъ будетъ, покончилъ Кириловъ. — Ставрогинъ, вамъ есть необходимость. Я вамъ тамъ покажу.

Они вышли.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Иванъ-Царевичъ.

Они вышли. Петръ Степановичъ бросился было въ «засѣданіе», чтобы унять хаосъ, но вѣроятно разсудивъ что не стоитъ возиться, оставилъ все и черезъ двѣ минуты уже летѣлъ по дорогѣ вслѣдъ за ушедшими. На бѣгу ему припомнился переулокъ которымъ можно было еще ближе пройти къ дому Филиппова; увязая по колѣна въ грязи, онъ пустился по переулку и въ самомъ дѣлѣ прибѣжалъ въ ту самую минуту когда Ставрогинъ и Кириловъ проходили въ ворота.

— Вы уже здѣсь? замѣтилъ Кириловъ; — это хорошо. Входите.

— Какъ же вы говорили что живете одинъ? спросилъ Ставрогинъ, проходя въ сѣняхъ мимо наставленнаго и уже закипавшаго самовара.

— Сейчасъ увидите съ кѣмъ я живу, — пробормоталъ Кириловъ, — входите.

Едва вошли, Верховенскій тотчасъ же вынулъ изъ кармана давешнее анонимное письмо взятое у Лембке и положилъ предъ Ставрогинымъ. Всѣ трое сѣли. Ставрогинъ молча прочелъ письмо.

— Ну? спросилъ онъ.

— Этотъ негодяй сдѣлаеть какъ по-писанному, пояснилъ Верховенскій. — Такъ какъ онъ въ вашемъ распоряженіи, то научите какъ поступить. Увѣряю васъ что онъ можетъ-быть завтра же пойдетъ къ Лембке.

— Ну и пусть идетъ.

— Какъ пусть? Особенно если можно обойтись.

— Вы ошибаетесь, онъ отъ меня не зависитъ. Да и мнѣ все равно; мнѣ онъ ничѣмъ не угрожаетъ, а угрожаетъ лишь вамъ.

— И вамъ.

— Не думаю.

— Но васъ могутъ другіе не пощадить, неужто не понимаете? Слушайте Ставрогинъ, это только игра на словахъ. Неужто вамъ денегъ жалко?

— А надо развѣ денегъ?

— Непремѣнно, тысячи двѣ или minimum полторы. Дайте мнѣ завтра или даже сегодня, и завтра къ вечеру я спроважу его вамъ въ Петербургъ, того-то ему и хочется. Если хотите, съ Марьей Тимоѳеевной — это замѣтте.

Было въ немъ что-то совершенно сбившееся, говорилъ онъ какъ-то неосторожно, вырывались слова необдуманная. Ставрогинъ присматривался къ нему съ удивленіемъ.

— Мнѣ незачѣмъ отсылать Марью Тимоѳеевну.

— Можетъ-быть даже и не хотите? иронически улыбнулся Петръ Степановичъ.

— Можетъ-быть и не хочу.

— Однимъ словомъ, будутъ или не будутъ деньги? въ злобномъ нетерпѣннн и какъ бы властно крикнулъ Петръ Степановичъ. Ставрогинъ оглядѣлъ его серіозно.

— Денегъ не будетъ.

— Эй, Ставрогинъ! Вы что-нибудь знаете или что-нибудь уже сдѣлали! Вы — кутите!

Лицо его искривилось, концы губъ вздрогнули и онъ вдругъ разсмѣялся какимъ-то совсѣмъ безпредметнымъ, ни къ чему не идущимъ смѣхомъ.

— Вѣдь вы отъ отца вашего получили же деньги за имѣніе, спокойно замѣтилъ Николай Всеволодовичъ. — Мамап выдала вамъ тысячъ шесть или восемь за Степана Трофимовича. Вотъ и заплатите полторы тысячи изъ своихъ. Я не хочу наконецъ платить за чужихъ, я и такъ много роздалъ, мнѣ это обидно.... усмѣхнулся онъ самъ на свои слова.

— А, вы шутить начинаете....

Ставрогинъ всталъ со стула, мигомъ вскочилъ и Верховенскій и машинально сталъ спиной къ дверямъ, какъ бы загораживая выходъ. Николай Всеволодовичъ уже сдѣлалъ жестъ чтобъ оттолкнуть его отъ двери и выйти, но вдругъ остановился.

— Я вамъ Шатова не уступлю, сказалъ онъ. Петръ Степановичъ вздрогнулъ; оба глядѣли другъ на друга.

— Я вамъ давеча сказалъ для чего вамъ Шатова кровь нужна, — засверкалъ глазами Ставрогинъ. Вы этою мазью ваши кучки слѣпить хотите. Сейчасъ вы отлично выгнали Шатова: вы слишкомъ знали что онъ не сказалъ бы: «не донесу», а солгать предъ вами почелъ бы низостью. Но я-то, я-то для чего вамъ теперь понадобился? Вы ко мнѣ пристааете почти что съ заграницы. То чѣмъ вы это объясняли мнѣ до сихъ поръ, одинъ только бредъ. Межь тѣмъ вы клоните чтобъ я, отдавъ полторы тысячи Лебядкину, далъ тѣмъ случай Ѳедкѣ его зарѣзать. Я знаю, у васъ мысль что мнѣ хочется зарѣзать заодно и жену. Связавъ меня преступленіемъ вы конечно думаете получить надо мною власть, вѣдь такъ? Для чего вамъ власть? На кой чортъ я вамъ понадобился? Разъ навсегда разсмотрите ближе: вашъ ли я человѣкъ, и оставьте меня въ покоѣ.

— Къ вамъ Ѳедька самъ приходилъ? одышливо проговорилъ Верховенскій.

— Да онъ приходилъ; его цѣна тоже полторы тысячи.... Да вотъ онъ самъ подтвердитъ, вонъ стоитъ.... протянулъ руку Ставрогинъ.

Петръ Степановичъ быстро обернулся. На порогѣ, изъ темноты, выступила новая фигура — Ѳедька, въ полушубкѣ, но безъ шапки, какъ дома. Онъ стоялъ и посмѣивался, скаля свои ровные бѣлые зубы. Черные съ желтымъ отливомъ глаза его осторожно шмыгали по комнатѣ наблюдая господъ. Онъ чего-то не понималъ; его очевидно сейчасъ привелъ Кириловъ, и къ нему-то обращался его вопросительный взглядъ; стоялъ онъ на порогѣ, но переходить въ комнату не хотѣлъ.

— Онъ здѣсь у васъ припасенъ вѣроятно чтобы слышать нашъ торгъ или видѣть даже деньги въ рукахъ, вѣдь такъ? спросилъ Ставрогинъ, и не дожидаясь отвѣта, пошелъ вонъ изъ дому. Верховенскій нагналъ его у воротъ почти въ сумашествіи.

— Стой! Ни шагу! крикнулъ онъ хватая его за локоть. Ставрогинъ рванулъ руку, но не вырвалъ. Бѣшенство охватило имъ: схвативъ Верховенскаго за волосы лѣвою рукой, онъ бросилъ его изо всей силы обѣземь и вышелъ въ ворота. Но онъ не прошелъ еще тридцати шаговъ какъ тотъ опять нагналъ его.

— Помиримтесь, помиримтесь, прошепталъ онъ ему судорожнымъ шепотомъ.

Николай Всеволодовичъ вскинулъ плечами, но не остановился и не оборотился.

— Слушайте, я вамъ завтра же приведу Лизавету Николаевну, хотите? Нѣтъ? Что же вы не отвѣчаете? Скажите чего вы хотите, я сдѣлаю. Слушайте: я вамъ отдамъ Шатова, хотите?

— Стало-быть правда что вы его убить положили? вскричалъ Николай Всеволодовичъ.

— Ну зачѣмъ вамъ Шатовъ? Зачѣмъ? задыхающейся скороговоркой продолжалъ изстуженный, поминутно забѣгая впередъ и хватаясь за локоть Ставрогина, вѣроятно и не замѣчая того. Слушайте: я вамъ отдамъ его, помиримтесь. Вашъ счетъ великъ, но.... помиримтесь!

Ставрогинъ взглянулъ на него наконецъ и былъ пораженъ. Это былъ не тотъ взглядъ, не тотъ голосъ какъ всегда или какъ сейчасъ тамъ въ комнатѣ; онъ видѣлъ почти другое лицо. Интонація голоса была не та: Верховенскій молилъ, упрашивалъ. Это былъ еще не опомнившійся человѣкъ, у котораго отнимаютъ или уже отняли самую драгоценную вещь.

— Да что съ вами? вскричалъ Ставрогинъ. Тотъ не отвѣтилъ, но бѣжалъ за нимъ и глядѣлъ на него прежнимъ умоляющимъ, но въ то же время и непреклоннымъ взглядомъ.

— Помиримтесь! прошепталъ онъ еще разъ. Слушайте, у меня въ сапогѣ, какъ у Ѳедки ножъ припасенъ, но я съ вами помирюсь.

— Да на что я вамъ наконецъ, чортъ! вскричалъ въ рѣшительномъ гнѣвѣ и изумленіи Ставрогинъ. — Тайна что ль тутъ какая? Что я вамъ за талисманъ достался?

— Слушайте, мы сдѣлаемъ смуту, бормоталъ тотъ быстро и почти какъ въ бреду. — Вы не вѣрите что мы сдѣлаемъ смуту? Мы сдѣлаемъ такую смуту, что все поѣдетъ съ основъ. Кармазиновъ правъ, что не за что ухватиться. Кармазиновъ очень уменъ. Всего только десять такихъ же кучекъ по Россіи, и я неуловимъ.

— Это такихъ же все дураковъ, нехотя вырвалось у Ставрогина.

— О, будьте поглупѣе, Ставрогинъ, будьте поглупѣе сами! Знаете, вы вовсе вѣдь не такъ и умны чтобы вамъ этого желать: вы боитесь, вы не вѣрите, васъ пугаютъ размѣры. И почему они дураки? Они не такіе дураки; нынче у всякаго умъ не свой. Нынче ужасно мало особливыхъ умовъ. Виргинскій это человѣкъ чистѣйшій, чище такихъ какъ мы въ десять разъ; ну и пусть его впрочемъ. Липутинъ мошенникъ, но я у него одну точку знаю. Нѣтъ мошенника у котораго бы не было своей точки. Одинъ Лямшинъ безо всякой точки, за то у меня въ рукахъ. Еще нѣсколько такихъ кучекъ, и у меня повсемѣстно паспорта и деньги,

хотя бы это? Хотя бы это одно? И сохранныя мѣста, и пусть ищутъ. Одну кучку вырвать, а на другой садутъ. Мы пустимъ смуту.... Неужто вы не вѣрите что насъ двоихъ совершенно достаточно?

— Возьмите Шигалева, а меня бросьте въ покоѣ....

— Шигалевъ геніальный человѣкъ! Знаете ли что это геній въ родѣ Фурье; но смѣлѣе Фурье, но сильнѣе Фурье; я имъ займусь. Онъ выдумалъ «равенство!»

«Съ нимъ лихорадка и онъ бредитъ; съ нимъ что-то случилось очень особенное,» посмотрѣлъ на него еще разъ Ставрогинъ. Оба шли не оставиваясь.

— У него хорошо въ тетради, продолжалъ Верховенскій, — у него шпіонство. У него каждый членъ общества смотритъ одинъ за другимъ и обязанъ доносомъ. Каждый принадлежитъ всѣмъ, а всѣ каждому. Всѣ рабы и въ рабствѣ равны. Въ крайнихъ случаяхъ клевета и убійство, а главное равенство. Первымъ дѣломъ понижается уровень образованія, наукъ и талантовъ. Высокій уровень наукъ и талантовъ доступенъ только высшимъ способностямъ, не надо высшихъ способностей! Высшія способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшія способности не могутъ не быть деспотами и всегда развращали болѣе чѣмъ приносили пользы; ихъ изгоняютъ или казнятъ. Цицерону отрѣзывается языкъ, Копернику выкалываютъ глаза, Шекспиръ побивается камнями, вотъ Шигалевщина! Рабы должны быть равны: Безъ деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но въ стадѣ должно быть равенство, и вотъ Шигалевщина! Ха-ха-ха, вамъ странно? Я за Шигалевщину!

Ставрогинъ старался ускорить шагъ и добратся поскорѣе домой. «Если этотъ человѣкъ пьянъ, то гдѣ же онъ успѣлъ напиться», приходило ему на умъ. «Неужели коньякъ?»

— Слушайте, Ставрогинъ: горы сравнять — хорошая мысль, не смѣшная. Я за Шигалева! Не надо образованія, довольно науки! И безъ науки хватить матеріалу на тысячу лѣтъ, но надо устроиться послушанію. Въ мірѣ одного только не достаетъ, послушанія. Жажда образованія есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вотъ уже и желаніе собственности. Мы уморимъ желаніе: мы пустимъ пьянство, сплетни, доносъ; мы пустимъ неслыханный развратъ; мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ. Все къ одному знаменателю, полное равенство. «Мы научились ремеслу и мы честные люди, намъ не надо ничего другаго» вотъ, недавній отвѣтъ англійскихъ рабочихъ. Необходимо лишь необходимое, вотъ девизъ земнаго шара отселѣ. Но нужна и судорога; объ этомъ позаботимся мы, правители. У рабовъ

должны быть правители. Полное послушаніе, полная безличность, но разъ въ тридцать лѣтъ Шигалевъ пускаетъ и судорогу, и всѣ вдругъ начинаютъ поѣдать другъ друга, до извѣстной черты, единственно чтобы не было скучно. Скука есть ощущеніе аристократическое; въ Шигалевщинѣ не будетъ желаній. Желаніе и страданіе для насъ, а для рабовъ Шигалевщина.

— Себя вы исключаете? сорвалось опять у Ставрогина.

— И васъ. Знаете ли, я думалъ было отдать міръ папѣ. Пусть онъ выйдетъ пѣшъ и босъ и покажется черни: «Вотъ дескать до чего меня довели!» и все повалить за нимъ, даже войско. Папа вверху, мы кругомъ, а подъ нами Шигалевщина. Надо только чтобы съ папой Internationale согласилась; такъ и будетъ. А старикашка согласится мигомъ: Да другаго ему и выхода нѣтъ, вотъ помяните мое слово, ха-ха-ха, глупо? говорите, глупо или нѣтъ?

— Довольно, пробормоталъ Ставрогинъ съ досадой.

— Довольно! Слушайте, я бросилъ папу! Къ чорту Шигалевщину! Къ чорту папу! Нужно злобу дня, а не Шигалевщину, потому что Шигалевщина ювелирская вещь. Это идеаль, это въ будущемъ. Шигалевъ ювелиръ и глупъ какъ всякій филантропъ. Нужна черная работа, а Шигалевъ презираетъ черную работу. Слушайте: папа будетъ на Западѣ, а у насъ, у насъ будете вы!

— Отстаньте отъ меня, пьяный человѣкъ! пробормоталъ Ставрогинъ и ускорилъ шагъ.

— Ставрогинъ, вы красавецъ! вскричалъ Петръ Степановичъ почти въ упоеніи, — знаете ли что вы красавецъ! Въ васъ всего дороже то что вы иногда про это не знаете. О, я васъ изучилъ! Я на васъ часто съ боку, изъ угла гляжу! Въ васъ даже есть простодушіе и наивность, знаете ли вы это? Еще есть, есть! Вы должно-быть страдаете и страдаете искренно, отъ того простодушія. Я люблю красоту. Я нигилистъ, но люблю красоту. Развѣ нигилисты красоту не любятъ? Они только идоловъ не любятъ, ну а я люблю идола! Вы мой идолъ! Вы никого не оскорбляете, и васъ всѣ ненавидятъ; вы смотрите всѣмъ ровней, и васъ всѣ боятся, это хорошо. Къ вамъ никто не подойдетъ васъ потрепать по плечу. Вы ужасный аристократъ. Аристократъ когда идетъ въ демократію обаятеленъ! Вамъ ничего не значить пожертвовать жизнью и своею и чужою. Вы именно таковъ какаго надо. Мнѣ, мнѣ именно такого надо какъ вы. Я никого кромѣ васъ не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я вашъ червякъ....

Онъ вдругъ поцѣловалъ у него руку. Холодъ прошелъ по спинѣ Ставрогина и онъ въ испугѣ вырвалъ свою руку. Они остановились.

— Помѣшанный! прошепталъ Ставрогинъ.

— Можетъ и брежу, можетъ и брежу! подхватилъ тотъ скороговоркой, но я выдумалъ первый шагъ. Никогда Шигалеву не выдумать первый шагъ. Много Шигалевыхъ! Но одинъ, одинъ только человѣкъ въ Россіи изобрѣлъ первый шагъ и знаетъ какъ его сдѣлать. Этотъ человѣкъ я. Что вы смотрите на меня? Мнѣ вы, вы надобны, безъ васъ я нуль. Безъ васъ я муха, идея въ стклянкѣ, Колумбъ безъ Америки.

Ставрогинъ стоялъ и пристально глядѣлъ въ его безумные глаза.

— Слушайте, мы сначала пустимъ смуту, торопился ужасно Верховенскій, поминутно схватывая Ставрогина за лѣвый рукавъ. — Я уже вамъ говорилъ: мы проникнемъ въ самый народъ. Знаете ли, что мы ужъ и теперь ужасно сильны? Наши не тѣ только которые рѣжутъ и жгутъ, да дѣлаютъ классическіе выстрѣлы или кусаются. Такіе только мѣшаютъ. Я безъ дисциплины ничего не понимаю. Я вѣдь мошенникъ, а не социалистъ, ха-ха! Слушайте, я ихъ всѣхъ сосчиталъ: учитель смѣющійся съ дѣтьми надъ ихъ Богомъ и надъ ихъ колыбелью уже нашъ. Адвокатъ защищающій образованнаго убійцу тѣмъ что онъ развитѣе своихъ жертвъ и чтобы денегъ добыть не могъ не убить, уже нашъ. Школьники убивающіе мужика чтобъ испытать ощущеніе, наши, наши. Присяжные оправдывающіе преступниковъ сплошь, наши. Прокуроръ трепещущій въ судѣ что онъ не достаточно либераленъ, нашъ, нашъ. Администраторы, литераторы, о, нашихъ много, ужасно много, и сами того не знаютъ! Съ другой стороны, послушаніе школьниковъ, и дурачковъ достигло высшей черты; у наставниковъ раздавленъ пузырь съ желчью; вездѣ тщеславіе размѣровъ непомѣрныхъ, аппетитъ звѣрскій, неслыханный... Знаете ли, знаете ли сколько мы одними готовыми идейками возьмемъ? Я поѣхалъ — свирѣпствовалъ тезисъ Littré что преступленіе есть помѣшательство; пріѣзжаю — и уже преступленіе не помѣшательство, а именно здравый-то смыслъ и есть, почти долгъ, по крайней мѣрѣ благородный протестъ. «Ну какъ развитому убійцѣ не убить, если ему денегъ надо!» Но это лишь ягодики. Русскій Богъ уже спасовалъ предъ «дешевкой». Народъ пьянъ, матери пьяны, дѣти пьяны, церкви пусты, а на судахъ: «двѣсти розогъ, или тащи ведро». О дайте, дайте взрости поколѣнію! Жаль только что нѣкогда ждать, а то пусть бы они еще попьянѣе стали! Ахъ какъ жаль что нѣтъ пролетаріевъ! Но будутъ, будутъ, къ этому идетъ....

— Жаль тоже что мы поглупѣли, пробормоталъ Ставрогинъ и двинулся прежнею дорогой.

— Слушайте, я самъ видѣлъ ребенка шести лѣтъ, который велъ домой пьяную мать, а та его ругала скверными словами. Вы думаете я это-

му радъ? Когда въ наши руки попадетъ, мы пожалуй и выльчимъ.... если потребуется, мы на сорокъ лѣтъ въ пустыню выгонемъ.... Но одно или два поколѣнія разврата теперь необходимо; разврата неслыханнаго, подленькаго, когда человѣкъ обращается въ гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь — вотъ чего надо! А тутъ еще «свѣженькой кровушки», чтобъ попривыкъ. Чего вы смѣтаете? Я себѣ не противорѣчу. Я только филантропамъ и Шигалевщинѣ противорѣчу, а не себѣ. Я мошенникъ, а не социалистъ. Ха, ха, ха! Жаль только что времени мало. Я Кармазинову обѣщалъ въ маѣ начать, а къ Покрову кончить. Скоро? Ха, ха! Знаете ли что я вамъ скажу, Ставрогинъ: въ Русскомъ народѣ до сихъ поръ не было цинизма, хоть онъ и ругался скверными словами. Знаете ли что этотъ рабъ крѣпостной больше себя уважалъ, чѣмъ Кармазиновъ себя? Его драли, а онъ своихъ боговъ отстоялъ, а Кармазиновъ не отстоялъ.

— Ну, Верховенскій, я въ первый разъ слушаю васъ и слушаю съ изумленіемъ, промолвилъ Николай Всеволодовичъ, — вы стало-быть и впрямь не социалистъ, а какой-нибудь политическій.... честолюбецъ?

— Мошенникъ, мошенникъ. Васъ заботитъ кто я такой? Я вамъ скажу сейчасъ кто я такой, къ тому и веду. Не даромъ же я у васъ руку поцѣловалъ. Но надо чтобъ и народъ увѣровалъ что мы знаемъ чего хотимъ, а что тѣ только «машутъ дубиной и бьютъ по своимъ». Эхъ кабы время! Одна бѣда — времени нѣтъ. Мы провозгласимъ разрушеніе.... почему, почему, опять-таки, эта идея такъ обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пустимъ пожары.... Мы пустимъ легенды... Тутъ каждая шелудивая «кучка» пригодится. Я вамъ въ этихъ же самыхъ кучкахъ такихъ охотниковъ отыщу что на всякій выстрѣлъ пойдутъ, да еще за честь благодарны останутся. Ну-съ и начнется смута! Раскачка такая пойдетъ какой еще міръ не видалъ.... Затуманится Русь, заплачетъ земля по старымъ богамъ.... Ну-съ тутъ-то мы и пустимъ.... Кого?

— Кого?

— Ивана-Царевича.

— Кого-о?

— Ивана-Царевича; васъ, васъ.

Ставрогинъ подумалъ съ минутой.

— Самозванца? вдругъ спросилъ онъ, въ глубокомъ удивленіи смотря на изступленнаго. — Э! такъ вотъ наконецъ вашъ планъ.

— Мы скажемъ что онъ «скрывается», тихо, какимъ-то любовнымъ шопотомъ проговорилъ Верховенскій, въ самомъ дѣлѣ какъ будто пьяный. — Знаете ли вы что значитъ это словцо: «онъ скрывается»? Но онъ

явится, явится. Мы пустимъ легенду получше чѣмъ у скопцовъ. Онъ есть, но никто не видалъ его. О, какую легенду можно пустить! А главное — новая сила идетъ. А ее-то и надо, по ней-то и плачутъ. Ну что въ социализмѣ: старыя силы разрушилъ, а новыхъ не внесъ. А тутъ сила, да еще какая, неслыханная! Намъ вѣдь только на разъ рычагъ чтобы землю поднять. Все подыметъ!

— Такъ это вы серьезно на меня разчитывали? усмѣхнулся злобно Ставрогинъ.

— Чего вы смѣтаетесь, и такъ злобно? Не пугайте меня. Я теперь какъ ребенокъ, меня можно до смерти испугать одною вотъ такою улыбкой. Слушайте, я васъ никому не покажу, никому: такъ надо. Онъ есть, но никто не видалъ его, онъ скрывается. А знаете что можно даже и показать, изъ ста тысячъ одному напимѣрь. И пойдетъ по всей землѣ: «видѣли, видѣли». И Ивана Филипповича бога-саваооа видѣли, какъ онъ въ колесницѣ на небо вознесся предъ людьми, «собственными» глазами видѣли. А вы не Иванъ Филипповичъ; вы красавецъ, гордый какъ богъ, ничего для себя не ищущій, съ ореоломъ жертвы, «скрывающійся». Главное, легенду! Вы ихъ побѣдите, взглянете и побѣдите. Новую правду несеть и «скрывается». А тутъ мы два-три соломоновскихъ приговора пустимъ. Кучки-то, пятерки-то — газетъ не надо! Если изъ десяти тысячъ одну только просьбу удовлетворить, то всѣ пойдутъ съ просьбами. Въ каждой волости каждый мужикъ будетъ знать что есть дескать гдѣ-то такое дупло, куда просьбы опускать указано. И застонетъ стономъ земля: «новый правый законъ идетъ», и взволнуется море и рухнетъ балаганъ, и тогда подумаемъ какъ бы поставить строеніе каменное. Въ первый разъ! Строить *мы* будемъ, мы, одни мы!

— Неистовство! проговорилъ Ставрогинъ.

— Почему, почему вы не хотите? Бойтесь?

— Вѣдь я потому и схватился за васъ что вы ничего не боитесь. Не разумно что ли? Да вѣдь я пока еще Колумбъ безъ Америки; развѣ Колумбъ безъ Америки разумень?

Ставрогинъ молчалъ. Межь тѣмъ пришли къ самому дому и остановились у подъѣзда.

— Слушайте, наклонился къ его уху Верховенскій: — я вамъ безъ денегъ; я кончу завтра съ Марьей Тимоѣевной.... безъ денегъ, и завтра же приведу къ вамъ Лизу. Хотите Лизу, завтра же?

«Что онъ вправду помѣшался?» улынулся Ставрогинъ. Двери крыльца отворились.

— Ставрогинъ, наша Америка? схватилъ въ послѣдній разъ его за руку Верховенскій.

— Зачѣмъ? серьезно и строго проговорилъ Николай Всеволодовичъ.

— Охоты нѣтъ, такъ я и зналъ! вскричалъ тотъ въ порывѣ неистовой злобы. — Врете вы, дрянной, блудливый, изломанный барченокъ, не вѣрю, аппетитъ у васъ волчій!... Поймите же что вашъ счетъ теперь слишкомъ великъ, и не могу же я отъ васъ отказаться! Нѣтъ на землѣ инаго какъ вы! Я васъ съ заграницы выдумалъ; выдумалъ на васъ же глядя. Если бы не глядѣлъ я на васъ изъ угла, не пришло бы мнѣ ничего въ голову!...

Ставрогинъ не отвѣчая пошелъ вверхъ по лѣстницѣ.

— Ставрогинъ! крикнулъ ему вслѣдъ Верховенскій, — даю вамъ день.... ну два.... ну три; больше трехъ не могу, а тамъ — вашъ отвѣтъ!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Степана Трофимовича описали.

Между тѣмъ произошло у насъ приключеніе, меня удивившее, а Степана Трофимовича потрясшее. Утромъ въ восемь часовъ прибѣжала отъ него ко мнѣ Настасья, съ извѣстіемъ что барина «описали». Я сначала ничего не могъ понять; добился только что «описали» чиновники, пришли и взяли бумаги, а солдатъ завязалъ въ узелъ и «отвезъ въ тачкѣ». Извѣстіе было дикое. Я тотчасъ же поспѣшилъ къ Степану Трофимовичу.

Я засталъ его въ состояніи удивительномъ: разстроеннаго и въ большомъ волненіи, но въ то же время съ несомнѣнно торжествующимъ видомъ. На столѣ, среди комнаты, кипѣлъ самоваръ и стоялъ налитый, но не тронутый и забытый стаканъ чаю. Степанъ Трофимовичъ слонялся около стола и заходилъ во всѣ углы комнаты, не давая себѣ отчета въ своихъ движеніяхъ. Онъ былъ въ своей обыкновенной красной фуфайкѣ, но увидѣвъ меня, поспѣшилъ надѣть свой жилетъ и сюртукъ, чего прежде никогда не дѣлалъ, когда кто изъ близкихъ заставлялъ его въ этой фуфайкѣ. Онъ тотчасъ же и горячо схватилъ меня за руку.

— Enfin un ami!¹ (Онъ вздохнулъ полною грудью.) Cher, я къ вамъ къ одному послалъ, и никто ничего не знаетъ. Надо велѣть Настасьѣ запереть двери и не впускать никого кромѣ разумѣется *тѣхъ*... Vous comprenez?²

Онъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на меня, какъ бы ожидая отвѣта. Разумѣется я бросился спрашивать, и кое-какъ изъ несвязной рѣчи, съ перерывами и ненужными вставками, узналъ что въ семь часовъ утра къ нему «вдругъ» пришелъ губернской чиновникъ....

— Pardon, j'ai oublié son nom. Il n'est pas du pays³, но кажется его привезъ Лембке, quelque chose de bête et d'allemand dans la physionomie. Il s'appelle Rosenthal.⁴

— Не Блюмъ ли?

¹ Наконец-то друг! (*франц.*).

² Вы понимаете? (*франц.*).

³ Виноват, я забылъ его имя. Онъ нездешний (*франц.*).

⁴ в выраженіи лица что-то тупое и немецкое. Его зовут Розенталь (*франц.*).

— Блюмъ. Именно онъ такъ и назвался. Vous le connaissez? Quelque chose d'hébéte et de très content dans la figure, pourtant très-sévère, roide et sérieux.¹ Фигура изъ полици, изъ повинующихся, je m'y connais². Я спалъ еще, и вообразите, онъ попросилъ меня «взглянуть» на мои книги и рукописи, oui je m'en souviens, il a employé ce mot³. Онъ меня не арестовалъ, а только книги... Il se tenait à distance⁴ и когда началъ мнѣ объяснять о приходѣ, то имѣлъ видъ что я... enfin il avait l'air de croire que je tomberai sur lui immédiatement et que je commencerai à le battre comme plâtre. Tous ces gens du bas étage sont comme ça⁵, когда имѣютъ дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ. Само собою я тотчасъ все понималъ. Voilà vingt ans que je m'y prépare.⁶ Я ему отперъ всѣ ящики и передалъ всѣ ключи; самъ и подалъ, я ему все подалъ. J'étais digne et calme.⁷ Изъ книгъ онъ взялъ заграничныя изданія Герцена, переплетенный экземпляръ *Колокола*, четыре списка моей поэмы et enfin tout ça⁸. Затѣмъ бумаги и письма et quelques une de mes ébauches historiques, critiques et politiques⁹. Все это они понесли. Настасья говоритъ что солдатъ въ тачкѣ свезъ и фартукомъ накрыли; oui, c'est cela¹⁰, фартукомъ...

Это былъ бредъ. Кто могъ что-нибудь тутъ понять? Я вновь забросалъ его вопросами: одинъ ли Блюмъ приходилъ или нѣтъ? отъ чьего имени? по какому праву? какъ онъ смѣлъ? чѣмъ объяснилъ?

— Il était seul, bien seul¹¹, впрочемъ и еще кто-то былъ dans l'antichambre, oui, je m'en souviens, et puis¹²... Впрочемъ и еще кто-то кажется былъ, а въ сѣняхъ стоялъ сторожъ. Надо спросить у Настасьи; она все это лучше знаетъ. J'étais surexcité, voyez-vous. Il parlait, il parlait... un tas de choses¹³; впрочемъ онъ очень мало говорилъ, а это все я говорилъ... Я разказалъ мою жизнь, разумѣется, съ одной этой точки зрѣнія... J'étais surexcité, mais digne, je vous l'assure.¹⁴ Боюсь впрочемъ что я, кажется, заплакалъ. Тачку они взяли у лавочника, рядомъ.

— О, Боже, какъ могло все это сдѣлаться! Но ради Бога говорите точнѣе, Степанъ Трофимовичъ, вѣдь это сонъ что вы разказываете!

¹ Вы его знаете? Что-то тупое и очень самодовольное во внешности, в то же время очень суровый, неприступный и важный (франц.).

² я в этом кое-что смыслю (франц.)

³ да, я вспоминаю, он употребил это слово (франц.).

⁴ Он держался на расстоянии (франц.).

⁵ короче, он как будто думал, что я немедленно брошусь на него и начну его нещадно бить. Все эти люди низшего состояния таковы (франц.).

⁶ Вот уже двадцать лет, как я przygotowuję себя к этому (франц.).

⁷ Я держал себя спокойно и с достоинством. (франц.).

⁸ и, словом, всё это (франц.).

⁹ и кое-какие из моих исторических, критических и политических набросков (франц.).

¹⁰ да, именно так (франц.).

¹¹ Он был один, совсем один (франц.).

¹² в передней, да, я вспоминаю, и потом (франц.).

¹³ Я был, видите ли, слишком возбужден. Он говорил, говорил... кучу вещей (франц.).

¹⁴ Я был слишком, возбужден, но, уверяю вас, держался с достоинством. (франц.).

— Cher, я и самъ какъ во снѣ... Savez-vous, il a prononcé le nom de Teliatnikoff¹, и я думаю что вотъ этотъ-то и прятался въ сѣняхъ. Да, вспомнилъ, онъ предлагалъ прокурора и кажется Дмитрія Митрича... qui me doit encore quinze roubles de ералашъ soit dit en passant. Enfin je n'ai pas trop compris.² Но я ихъ перехитрилъ, и какое мнѣ дѣло до Дмитрія Митрича. Я, кажется, очень сталъ просить его скрыть, очень просилъ, очень, боюсь даже что унизился, comment croyez-vous? Enfin il a consenti...³ Да, вспомнилъ, это онъ самъ просилъ что будетъ лучше чтобы скрыть, потому что онъ пришелъ только «взглянуть» et rien de plus⁴, и больше ничего, ничего... и что если ничего не найдутъ, то и ничего не будетъ. Такъ что мы и кончили все en amis, je suis tout-à-fait content⁵.

— Помилуйте, да вѣдь онъ предлагалъ вамъ извѣстный въ такихъ случаяхъ порядокъ и гарантіи, а вы же сами и отклонили! вскричалъ я въ дружескомъ негодованіи.

— Нѣтъ, этакъ лучше безъ гарантіи. И къ чему скандалъ? Пускай до поры до времени en amis⁶... Вы знаете, въ нашемъ городѣ если узнаютъ... mes ennemis... et puis à quoi bon ce procureur, ce cochon de notre procureur, qui deux fois m'a manqué de politesse et qu'on a rossé à plaisir l'autre année chez cette charmante et belle Наталья Павловна, quand il se cacha dans son boudoir. Et puis mon ami⁷, не возражайте мнѣ и не обезкураживайте, прошу васъ, потому что нѣтъ ничего несноснѣе когда человѣкъ несчастенъ, а ему тутъ-то и указываютъ сто друзей какъ онъ сглушилъ. Садитесь однако и пейте чай, и признаюсь я очень усталъ... не прилечь ли мнѣ и не приложить ли укусу къ головѣ, какъ вы думаете?

— Непремѣнно, вскричалъ я, — и даже бы льду. Вы очень разстроены. Вы блѣдны и руки трясутся. Лягьте, отдохните и подождите разказывать. Я посижу подлѣ и подожду.

Онъ не рѣшался лечь, но я настоялъ. Настасья принесла въ чашкѣ укусу, я намочилъ полотенце и приложилъ къ его головѣ. Затѣмъ Настасья стала на стулъ и полѣзла зажигать въ углу лампадку предъ образомъ. Я съ удивленіемъ это замѣтилъ; да и лампадки прежде никогда не бывало, а теперь вдругъ явилась.

— Это я давеча распорядился, только-что тѣ ушли, пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ, хитро посмотрѣвъ на меня: — quand on a de ces

¹ Знаете, он упомянул имя Телятникова (франц.).

² который мне, между прочим, еще должен пятнадцать рублей в ералаш. Словом, я не совсем понял (франц.).

³ как вы полагаете? Наконец он согласился... (франц.).

⁴ и ничего больше (франц.).

⁵ по-дружески, я совершенно доволен (франц.).

⁶ на дружеских началах (франц.).

⁷ мои враги... и затем к чему этот прокурор, эта свинья прокурор наш, который два раза был со мной невежлив и которого в прошлом году с удовольствием поколотили у этой очаровательной и прекрасной Натальи Павловны, когда он спрятался в ее будуаре. И затем, мой друг (франц.).

choses-là dans sa chambre et qu'on vient vous arrêter¹, то это внушаетъ, и должны же они доложить что видѣли....

Кончивъ съ лампадкой, Настасья стала въ дверяхъ, приложила правую ладонь къ щекамъ и начала смотрѣть на него съ плачевнымъ видомъ.

— Eloignez-la² подъ какимъ-нибудь предлогомъ, кивнулъ онъ мнѣ съ дивана, — терпѣть я не могу этой русской жалости et puis sa m'embête³.

Но она ушла сама. Я замѣтилъ что онъ все озирался къ дверямъ и прислушивался въ переднюю.

— Il faut être prêt, voyez-vous⁴, значительно взглянулъ онъ на меня, — chaque moment⁵... придутъ, возьмутъ, и фью — исчезъ человекъ!

— Господи! Кто придетъ? Кто васъ возьметъ?

— Voyez-vous, mon cher⁶, я прямо спросилъ его, когда онъ уходилъ: что со мной теперь сдѣлаютъ?

— Вы бы ужь лучше спросили куда сошлютъ! вскричалъ я въ томъ же негодованіи.

— Я это и подразумѣвалъ задавая вопросъ, но онъ ушелъ и ничего не отвѣтилъ. Voyez-vous: на счетъ бѣлья, платья, теплаго платья особенно, это ужь какъ они сами хотятъ, велятъ взять — такъ, а то такъ и въ солдатской шинели отправятъ. Но я тридцать пять рублей (понижилъ онъ вдругъ голосъ, озираясь на дверь, въ которую вышла Настасья) тихонько просунулъ въ прорѣху въ жилетномъ карманѣ, вотъ тутъ, пощупайте... Я думаю, жилета они снимать не станутъ, а для виду въ портмоне оставилъ семь рублей, «все, дескать, что имѣю». Знаете, тутъ мелочь и сдача мѣдными на столѣ, такъ что они не догадаются что я деньги спряталъ, а подумаютъ что тутъ всѣ. Вѣдь Богъ знаетъ гдѣ сегодня придетъ ночевать.

Я поникъ головой при такомъ безуміи. Очевидно, ни арестовать, ни обыскивать такъ нельзя было какъ онъ передавалъ, и ужь конечно онъ сбивался. Правда, все это случилось тогда, еще до теперешнихъ послѣднихъ законовъ. Правда и то что ему предлагали (по его же словамъ) болѣе правильную процедуру, но онъ *перехитрилъ* и отказался... Конечно прежде, то-есть еще такъ недавно, губернаторъ и могъ въ крайнихъ случаяхъ... Но какой же опять тутъ могъ быть такой крайній случай? Вотъ что сбивало меня съ толку.

¹ когда у тебя в комнате такие вещи и приходят тебя арестовать (франц.).

² Удалите ее (франц.).

³ и потом это мне докучает (франц.).

⁴ Нужно, видите ли, быть готовым (франц.).

⁵ каждую минуту (франц.).

⁶ Видите ли, мой милый (франц.).

— Тутъ навѣрно телеграмма изъ Петербурга была, сказалъ вдругъ Степанъ Трофимовичъ.

— Телеграмма! Про васъ? Это за сочиненія-то Герцена да за вашу поэму, съ ума вы сошли, да за что тутъ арестовать?

Я просто озлился. Онъ сдѣлалъ гримасу и видимо обидѣлся — не за окрикъ мой, а за мысль что не за что было арестовать.

— Кто можетъ знать въ наше время за что его могутъ арестовать? загадочно пробормоталъ онъ. Дикая, нелѣпѣйшая идея мелькнула у меня въ умѣ.

— Степанъ Трофимовичъ, скажите мнѣ какъ другу, вскричалъ я, — какъ истинному другу, я васъ не выдамъ: принадлежите вы къ какому-нибудь тайному обществу или нѣтъ?

И вотъ, къ удивленію моему, онъ и тутъ былъ не увѣренъ: участуетъ онъ или нѣтъ въ какомъ-нибудь тайномъ обществѣ.

— Вѣдь какъ это считать, *vous en êtes...*

— Какъ, какъ «считать»?

— Когда принадлежишь всѣмъ сердцемъ прогрессу и... кто можетъ заручиться: думаешь что не принадлежишь, анъ смотришь, окажется что къ чему-нибудь и принадлежишь.

— Какъ это можно, тутъ да или нѣтъ?

— *Cela date de Pétersbourg*¹, когда мы съ нею хотѣли тамъ основать журналъ. Вотъ гдѣ корень. Мы тогда ускользнули, и они насъ забыли, а теперь вспомнили. *Cher, cher*, развѣ вы не знаете! воскликнулъ онъ болѣзненно: — у насъ возьмутъ, посадятъ въ кибитку и маршъ въ Сибирь на весь вѣкъ, или забудутъ въ казематѣ....

И онъ вдругъ заплакалъ, горячими, горячими слезами. Слезы такъ и хлынули. Онъ закрылъ глаза своимъ краснымъ фуляромъ и рыдалъ, рыдалъ минутъ пять, конвульсивно. Меня всего передернуло. Этотъ чловѣкъ, двадцать лѣтъ намъ пророчествовавшій, нашъ проповѣдникъ, наставникъ, патріархъ, Кукольникъ, такъ высоко и величественно державшій себя надъ всѣми нами, предъ которымъ мы такъ отъ души преклонялись, считая за честь — и вдругъ онъ теперь рыдалъ, рыдалъ какъ крошечный, нашалившій мальчикъ, въ ожиданіи розги, за которою отправился учитель. Мнѣ ужасно стало жаль его. Въ «кибитку» онъ очевидно вѣрилъ какъ въ то что я сидѣлъ подлѣ него, и ждалъ ее именно въ это утро, сейчасъ, сію минуту, и все это за сочиненія Герцена, да за какую-то свою поэму! Такое полнѣйшее, совершеннѣйшее незнаніе обыденной дѣйствительности было и умилительно, и какъ-то противно.

¹ Это началось в Петербурге (*франц.*).

Онъ наконецъ плакать пересталъ, всталъ съ дивана и началъ опять ходить по комнатѣ, продолжая со мною разговоръ, но поминутно поглядывая въ окошко и прислушиваясь въ переднюю. Разговоръ нашъ продолжался безсвязно. Всѣ увѣренія мои и успокоенія отскакивали какъ отъ стѣны горохъ. Онъ мало слушалъ, но все-таки ему ужасно нужно было чтобъ я его успокоивалъ и безъ умолку говорилъ въ этомъ смыслѣ. Я видѣлъ что онъ не могъ теперь безъ меня обойтись и ни за что бы не отпустилъ отъ себя. Я остался, и мы просидѣли часа два слишкомъ. Въ разговорѣ онъ вспомнилъ что Блюмъ захватилъ съ собою двѣ найденныя у него прокламаціи.

— Какъ прокламаціи! испугался я съ дуру: — развѣ вы....

— Э, мнѣ подкинули десять штукъ, отвѣтилъ онъ досадливо (онъ со мною говорилъ то досадливо и высокомѣрно, то ужасно жалобно и приниженно), но я съ восьмью уже распорядился, а Блюмъ захватилъ только двѣ....

И онъ вдругъ покраснѣлъ отъ негодованія.

— Vous me mettez avec ces gens-là!¹ Неужто вы полагаете что я могу быть съ этими подлецами, съ подметчиками, съ моимъ сыномъ Петромъ Степановичемъ, avec ces esprits-forts de la lâcheté? О, Боже!

— Ба, да не смѣшали ли васъ какъ-нибудь.... Впрочемъ вздоръ, быть не можетъ! замѣтилъ я.

— Savez-vous², вырвалось у него вдругъ, — я чувствую минутами que je ferai là-bas quelque escalandre³. О, не уходите, не оставляйте меня одного! Ma carrière est finie aujourd'hui, je le sens.⁵ Я, знаете, я можетъ-быть брошусь и укушу тамъ кого-нибудь, какъ тотъ подпоручикъ....

Онъ посмотрѣлъ на меня страннымъ взглядомъ — испуганнымъ и въ то же время какъ бы и желающимъ испугать. Онъ дѣйствительно все болѣе и болѣе раздражался на кого-то и на что-то, по мѣрѣ того какъ проходило время и не являлись «кибитки»; даже злился. Вдругъ Настасья, зашедшая зачѣмъ-то изъ кухни въ переднюю, задѣла и уронила тамъ вѣшалку. Степанъ Трофимовичъ задрожалъ и помертвѣлъ на мѣстѣ; но когда дѣло обозначилось, онъ чуть не завизжалъ на Настасью и топоча ногами прогналъ ее обратно на кухню. Минуту спустя онъ проговорилъ, смотря на меня въ отчаяніи:

— Я погибъ! Cher, сѣлъ онъ вдругъ подлѣ меня и жалко, жалко посмотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза, — cher, я не Сибири боюсь, клянусь

¹ Вы меня ставите на одну доску съ этими людьми! (франц.).

² съ этими вольнодумцами от подлости! (франц.).

³ Знаете ли (франц.).

⁴ что я произведу там какой-нибудь скандал (франц.).

⁵ Мой жизненный путь сегодня закончен, я это чувствую. (франц.).

вамъ, о, je vous jure¹ (даже слезы проступили въ глазахъ его), я другаго боюсь....

Я догадался уже по виду его что онъ хочетъ сообщить мнѣ наконецъ что-то чрезвычайное, но что до сихъ поръ онъ стало-быть удерживался сообщить.

— Я позора боюсь, прошепталъ онъ таинственно.

— Какого позора? да вѣдь напротивъ! Повѣрьте, Степанъ Трофимовичъ, что все это сегодня же объяснится и кончится въ вашу пользу....

— Вы такъ увѣрены что меня простятъ?

— Да что такое «простятъ»? Какія слова! Что вы сдѣлали такого? Увѣрю же васъ что вы ничего не сдѣлали!

— Qu'en savez-vous²; вся моя жизнь была.... cher.... Они все припомянуть.... а если ничего и не найдутъ, такъ тѣмъ хуже, прибавилъ онъ вдругъ неожиданно.

— Какъ тѣмъ хуже?

— Хуже.

— Не понимаю.

— Другъ мой, другъ мой, ну пусть въ Сибирь, въ Архангельскъ, лишеніе правъ, — погибать такъ погибать! Но.... я другаго боюсь (опять шепотъ, испуганный видъ и таинственность).

— Да чего, чего?

— Высѣкутъ, произнесъ онъ и съ потеряннымъ видомъ посмотрѣлъ на меня.

— Кто васъ высѣчетъ? Гдѣ? Почему? вскричалъ я, испугавшись не сходить ли онъ съ ума.

— Гдѣ? Ну тамъ.... гдѣ это дѣлается.

— Да гдѣ это дѣлается?

— Э, cher, зашепталъ онъ почти на ухо, — подъ вами вдругъ раздвигается полъ, вы опускаетесь до половины.... Это всѣмъ извѣстно.

— Басни! вскричалъ я догадавшись, — старыя басни, да неужто вы вѣрили до сихъ поръ? Я расхохотался.

— Басни! Съ чего-нибудь да взялись же эти басни; сѣченный не разкажетъ. Я десять тысячъ разъ представлялъ себѣ!

— Да васъ-то, васъ-то за что? Вѣдь вы ничего не сдѣлали?

— Тѣмъ хуже, увидятъ что ничего не сдѣлалъ и высѣкутъ.

— И вы увѣрены что васъ затѣмъ въ Петербургъ повезутъ?

— Другъ мой, я сказалъ уже что мнѣ ничего не жаль, ma carriere est finie³. Съ того часа въ Скворешникахъ какъ она простилась со мною,

¹ я вам клянусь (франц.).

² Что вы об этом знаете (франц.).

³ мой жизненный путь закончен (франц.).

мнѣ не жаль моей жизни.... но позоръ, позоръ, que dira-t-elle¹ если узнаетъ?

Онъ съ отчаяніемъ взглянулъ на меня и, бѣдный, весь покраснѣлъ. Я тоже опустилъ глаза.

— Ничего она не узнаетъ, потому что ничего съ вами не будетъ. Я съ вами точно въ первый разъ въ жизни говорю, Степанъ Трофимовичъ, до того вы меня удивили въ это утро.

— Другъ мой, да вѣдь это не страхъ. Но пусть даже меня простятъ, пусть опять сюда привезутъ и ничего не сдѣлаютъ — и вотъ тутъ-то я и погибъ. Elle me soupçonnera toute sa vie....² меня, меня, поэта, мыслителя, человѣка которому она поклонялась двадцать два года!

— Ей и въ голову не придетъ.

— Придетъ, прошепталъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ. — Мы съ ней нѣсколько разъ о томъ говорили въ Петербургѣ, въ Великій Постъ, предъ выѣздомъ, когда оба боялись.... Elle me soupçonnera toute sa vie.... и какъ разувѣрить? Выйдетъ невѣроятно. Да и кто здѣсь въ городишкѣ повѣритъ, c'est invraisemblable.... Et puis les femmes....³ Она обрадуется. Она будетъ очень огорчена, очень, искренно, какъ истинный другъ, но втайнѣ — обрадуется.... Я дамъ ей оружіе противъ меня на всю жизнь. О, погибла моя жизнь! Двадцать лѣтъ такого полного счастья сънею.... и вотъ!

Онъ закрылъ лицо руками.

— Степанъ Трофимовичъ, не дать ли вамъ знать сейчасъ же Варварѣ Петровнѣ о происшедшемъ? предложилъ я.

— Боже меня упаси! вздрогнулъ онъ и вскочилъ съ мѣста. — Ни за что, никогда, послѣ того что было сказано при прощаньи въ Скворешникахъ, ни-ког-да!

Глаза его засверкали.

Мы просидѣли, я думаю, еще часъ или болѣе, все чего-то ожидая, — ужъ такая задалась идея. Онъ прилегъ опять, даже закрылъ глаза и минутъ двадцать пролежалъ не говоря ни слова, такъ что я подумалъ даже что онъ заснулъ или въ забытьи. Вдругъ онъ стремительно приподнялся, сорвалъ съ головы полотенце, вскочилъ съ дивана, бросился къ зеркалу, дрожащими руками повязалъ галстукъ и громовымъ голосомъ крикнулъ Настасью, приказывая подать себѣ пальто, новую шляпу и палку.

— Я не могу терпѣть болѣе, проговорилъ онъ обрывающимся голосомъ, — не могу, не могу!... Иду самъ.

— Куда? вскочилъ я тоже.

¹ что скажет она (франц.).

² Она будет меня подозревать всю свою жизнь... (франц.).

³ это неправдоподобно... И затем женщины... (франц.).

— Къ Лембке. Cher, я долженъ, я обязанъ. Это долгъ. Я гражданинъ и человѣкъ, а не щепка, я имѣю права, я хочу моихъ правъ.... Я двадцать лѣтъ не требовалъ моихъ правъ, я всю жизнь преступно забывалъ о нихъ.... но теперь я ихъ потребую. Онъ долженъ мнѣ все сказать, все. Онъ получилъ телеграмму. Онъ не смѣетъ меня мучить, не то арестуй, арестуй, арестуй!

Онъ восклицалъ съ какими-то взвизгами и топалъ ногами.

— Я васъ одобряю, сказалъ я нарочно какъ можно спокойнѣе, хотя очень за него боялся, — право это лучше чѣмъ сидѣть въ такой тоскѣ, но я не одобряю вашего настроенія; посмотрите на кого вы похожи и какъ вы пойдете туда. Il faut être digne et calme avec Lembke.¹ Дѣйстви-тельно вы можете теперь броситься и кого-нибудь тамъ укусить.

— Я предаю себя самъ. Я иду прямо въ львиную пасть....

— Да и я пойду съ вами.

— Я ожидалъ отъ васъ не менѣе, принимаю вашу жертву, жертву истиннаго друга, но до дому, только до дому: вы не должны, вы не въ правѣ компрометтировать себя далѣе моимъ сообществомъ. О, croyez-moi, je serai calme!² Я сознаю себя въ эту минуту à la hauteur de tout ce qu'il y a de plus sacré³....

— Я можетъ-быть и въ домъ съ вами войду, прервалъ я его. — Вчера меня извѣстили изъ ихъ глупаго комитета, чрезъ Высоцкаго, что на меня разчитываютъ и приглашаютъ на этотъ завтрашній праздникъ въ число распорядителей, или какъ ихъ.... въ число тѣхъ шести молодыхъ людей которые назначены смотрѣть за подносами, ухаживать за дамами, отводить гостямъ мѣсто и носить бантъ изъ бѣлыхъ съ пунсовыми лентъ на лѣвомъ плечѣ. Я хотѣлъ отказаться, но теперь почему мнѣ не войти въ домъ подъ предлогомъ объясниться съ самой Юліей Михайловной.... Вотъ такъ мы и войдемъ съ вами вмѣстѣ.

Онъ слушалъ кивая головой, но ничего кажется не понялъ. Мы стояли на порогѣ.

— Cher, протянулъ онъ руку въ уголь къ лампадкѣ, — cher, я никогда этому не вѣрилъ, но.... пусть, пусть! (Онъ перекрестился.) Allons!

— Ну такъ-то лучше, подумалъ я, выходя съ нимъ на крыльцо, — дорогой поможетъ свѣжій воздухъ, и мы поутихнемъ, воротимся домой и ляжемъ почивать....

Но я разчитывалъ безъ хозяина. Дорогой именно какъ разъ случилось приключеніе еще болѣе потрясшее и окончательно направившее

¹ Нужно держать себя достойно и спокойно с Лембке. (франц.).

² О, поверьте мне, я буду спокоен! (франц.).

³ на высоте всего, что только есть самого святого (франц.).

⁴ Идемте! (франц.).

Степана Трофимовича.... такъ что я, признаюсь, даже и не ожидалъ отъ нашего друга такой прыти, какую онъ вдругъ въ это утро выказалъ. Бѣдный другъ, добрый другъ!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Флибустьеры. Роковое утро.

I.

Происшествіе случившееся съ нами дорогой было тоже изъ удивительныхъ. Но надо разказать все въ порядкѣ. Часомъ раньше того какъ мы со Степаномъ Трофимовичемъ вышли на улицу, по городу проходила и была многими съ любопытствомъ замѣчена толпа людей, рабочихъ съ Шпигулинской фабрики, человѣкъ въ семьдесятъ, можетъ и болѣе. Она проходила чинно, почти молча, въ нарочномъ порядкѣ. Потомъ утверждали что эти семьдесятъ были выборные отъ всѣхъ фабричныхъ, которыхъ было у Шпигулиныхъ до девятисотъ, съ тѣмъ чтобъ идти къ губернатору и, за отсутствіемъ хозяевъ, искать у него управы на хозяйскаго управляющаго, который, закрывая фабрику и отпуская рабочихъ, нагло обсчиталъ ихъ всѣхъ — фактъ не подверженный теперь никакому сомнѣнію. Другіе до сихъ поръ у насъ отвергаютъ выборъ, утверждая что семидесяти человѣкъ слишкомъ было бы много для выборныхъ, а что просто эта толпа состояла изъ наиболѣе обиженныхъ и приходили они просить лишь сами за себя, такъ что общаго фабричнаго «бунта», о которомъ потомъ такъ прогремѣли, совсѣмъ никакого не было. Третьи съ азартомъ увѣряютъ что семьдесятъ эти человѣкъ были не простые бунтовщики, а рѣшительно политическіе, то-есть будучи изъ самыхъ буйныхъ были возбуждены сверхъ того не иначе какъ подметными грамотами. Однимъ словомъ, было ли тутъ чье вліяніе или подговоръ — до сихъ поръ въ точности неизвѣстно. Мое же личное мнѣніе, это — что подметныхъ грамотъ рабочіе совсѣмъ не читали, а еслибъ и прочли, такъ не поняли бы изъ нихъ ни слова, уже по тому одному, что пишущіе ихъ, при всей обнаженности ихъ стиля, пишутъ крайне неясно. Но такъ какъ фабричнымъ приходилось въ самомъ дѣлѣ туго, а полиція, къ которой они обращались, не хотѣла войти въ ихъ обиду, — то что же естественнѣе было ихъ мысли идти скопомъ къ «самому генералу», если можно, то даже съ бумагой на головѣ, выстроиться чинно предъ его крыльцомъ, и только-что онъ покажется, броситься всѣмъ на колѣни и возопить какъ

бы къ самому Провидѣнію? По-моему, тутъ не надо ни бунта, ни даже выборныхъ, ибо это средство старое, историческое; Русскій народъ искони любилъ разговоръ съ «самимъ генераломъ», собственно изъ одного ужь удовольствія и даже чѣмъ бы сей разговоръ ни оканчивался.

И потому я совершенно убѣжденъ что хотя Петръ Степановичъ, Липутинъ, можетъ и еще кто-нибудь, даже пожалуй и Оедька и шмыгали предварительно между фабричными (такъ какъ на это обстоятельство дѣйствительно существуютъ довольно твердыя указанія) и говорили съ ними, но навѣрно не болѣе какъ съ двумя, съ тремя, ну съ пятью, лишь для пробы, и что изъ этого разговора ничего не вышло. Что же касается до бунта, то если и поняли что-нибудь изъ ихъ пропаганды фабричные, то навѣрно тотчасъ же перестали и слушать, какъ о дѣлѣ глупомъ и во все неподходящемъ. Другое дѣло Оедька: этому, кажется, посчастливилось болѣе чѣмъ Петру Степановичу. Въ послѣдовавшемъ дня три спустя городскомъ пожарѣ, какъ несомнѣнно теперь обнаружилось, дѣйствительно вмѣстѣ съ Оедькой участвовали двое фабричныхъ, и потомъ, спустя мѣсяцъ, схвачены были еще трое бывшихъ фабричныхъ въ уѣздѣ, тоже съ поджогомъ и грабежомъ. Но если Оедька и успѣлъ ихъ переманить къ прямой, непосредственной дѣятельности, то опять-таки единственно сихъ пятерыхъ, ибо о другихъ ничего не слышно было подобнаго.

Какъ бы тамъ ни было, но рабочіе пришли наконецъ всею толпой на площадку предъ губернаторскимъ домомъ и выстроились чинно и молча. Затѣмъ разинули рты на крыльцо и начали ждать. Говорили мнѣ что они будто-бы, едва стали, тотчасъ же и сняли шапки, то-есть можетъ за полчаса до появленія хозяина губерніи, котораго какъ нарочно не случилось въ ту минуту дома. Полиція, тотчасъ же показалась, сначала въ отдѣльныхъ явленіяхъ, а потомъ и въ возможномъ комплектѣ; начала разумѣется грозно, повелѣвая разойтись. Но рабочіе стали въ упоръ, какъ стадо барановъ дошедшее до забора, и отвѣчали лаконически, что они къ «самому енералу»; видна была твердая рѣшимость. Неестественные окрики прекратились; ихъ быстро смѣнила задумчивость, таинственная распорядительность шепотомъ и суровая хлопотливая забота, сморщившая брови начальства. Полицеймейстеръ предпочелъ выждать прибытія самого фонъ-Лембке. Это вздоръ, что онъ прилетѣлъ на тройкѣ во весь опоръ и еще съ дрожекъ будто бы началъ драться. Онъ у насъ дѣйствительно леталъ и любилъ летать въ своихъ дрожкахъ съ желтымъ задкомъ, и по мѣрѣ того какъ «до разврата доведенныя пристяжныя» сходили все больше и больше съ ума, приводя въ восторгъ всѣхъ купцовъ изъ Гостиного ряда, онъ подымался на дрожкахъ, становился во весь ростъ,

придерживаясь за нарочно придѣланный съ боку ремень и простирая правую руку въ пространство, какъ на монументахъ, обозрѣвалъ такимъ образомъ городъ. Но въ настоящемъ случаѣ онъ не дрался, и хотя не могъ же онъ, слетая съ дрожекъ, обойтись безъ крѣпкаго словца, но сдѣлалъ это единственно чтобы не потерять популярности. Еще болѣе вздоръ что приведены были солдаты со штыками и что по телеграфу дано было знать куда-то о присылкѣ артиллеріи и казаковъ: это сказки, которымъ не вѣрятъ теперь сами изобрѣтатели. Вздоръ тоже что привезены были пожарныя бочки съ водой, изъ которыхъ обливали народъ. Просто-за-просто Илья Ильичъ крикнулъ разгорячившись что ни одинъ у него сухъ изъ воды не выйдетъ; вѣроятно изъ этого и сдѣлали бочки, которыя и перешли такимъ образомъ въ корреспонденціи столичныхъ газетъ. Самый вѣрный варіантъ, надо полагать, состоялъ въ томъ, что толпу оцѣпили на первый разъ всеми случившимися подъ рукой полицейскими, а къ Лембке послали нарочнаго, пристава первой части, который и полетѣлъ на полицмейстерскихъ дрожкахъ по дорогѣ въ Скворешники, зная что туда, назадъ тому полчаса, отправился фонъ-Лембке въ своей коляскѣ...

Но признаюсь, для меня все-таки остается нерѣшенный вопросъ: какимъ образомъ пустую, то-есть обыкновенную толпу просителей — правда въ семьдесятъ человекъ — такъ-таки съ перваго приѣма, съ перваго шагу обратили въ бунтъ, угрожавшій потрясеніемъ основъ? Почему самъ Лембке накинулся на эту идею, когда явился черезъ двадцать минутъ вслѣдъ за нарочнымъ? Я бы такъ предположилъ (но опять-таки личнымъ мнѣніемъ) — что Ильѣ Ильичу, покумившемуся съ управляющимъ, было даже выгодно представить фонъ-Лембке эту толпу въ этомъ свѣтѣ, и именно чтобъ не доводить его до настоящаго разбирательства дѣла; а надумилъ его къ тому самъ же Лембке. Въ послѣдніе два дня онъ имѣлъ съ нимъ два таинственныхъ и экстренныхъ разговора, весьма впрочемъ сбивчивыхъ, но изъ которыхъ Илья Ильичъ все-таки усмотрѣлъ что начальство крѣпко уперлось на идеѣ о прокламаціяхъ и о подговорѣ Шпигулинскихъ кѣмъ-то къ соціальному бунту, и до того уперлось, что пожалуй само пожалѣло бы еслибы подговоръ оказался вздоромъ. «Какъ-нибудь отличиться въ Петербургѣ хотятъ», подумалъ нашъ хитрый Илья Ильичъ, выходя отъ фонъ-Лембке, «ну что жъ, намъ и на руку».

Но я убѣжденъ что бѣдный Андрей Антоновичъ не пожелалъ бы бунта даже для собственнаго отличія. Это былъ чиновникъ крайне исполнительный, до самой своей женитьбы пребывавшій въ невинности. Да и онъ ли былъ виноватъ что вмѣсто невинныхъ казенныхъ дровъ и

столь же невинной Минхенъ сорокалѣтняя княжна вознесла его до себя? Я почти положительно знаю что вотъ съ этого-то роковаго утра и начались первые явные слѣды того состоянія которое и привело, говорятъ, бѣднаго Андрея Антоновича въ то извѣстное особое заведеніе въ Швейцаріи, гдѣ онъ будто бы теперь собирается съ новыми силами. Но если только допустить что именно съ этого утра обнаружались явные факты *чего-нибудь*, то возможно по-моему допустить что и наканунѣ уже могли случиться проявленія подобныхъ же фактовъ, хотя бы и не такъ явныя. Мнѣ извѣстно по слухамъ самымъ интимнѣйшимъ (ну предположите что сама Юлія Михайловна въ послѣдствіи, и уже не въ торжествѣ, а *почти* раскаиваясь, — ибо женщина никогда *вполнѣ* не раскается — сообщила мнѣ частичку этой исторіи) — извѣстно мнѣ что Андрей Антоновичъ пришелъ къ своей супругѣ наканунѣ, уже глубокою ночью, въ третьемъ часу утра, разбудилъ ее и потребовалъ выслушать «свой ультиматумъ». Требованіе было до того настойчивое, что она принуждена была встать съ своего ложа, въ негодованіи и въ папильюткахъ, и усѣвшись на кушеткѣ, хотя и съ саркастическимъ презрѣніемъ, а все-таки выслушать. Тутъ только въ первый разъ поняла она какъ далеко хватилъ ея Андрей Антоновичъ и про себя ужаснулась. Ей бы слѣдовало наконецъ опомниться и смягчиться, но она скрыла свой ужасъ и уперлась еще упорнѣе прежняго. У нея (какъ и у всякой, кажется супруги) была своя манера съ Андреемъ Антоновичемъ, уже не однажды испытанная и не разъ доводившая его до изступленія. Манера Юліи Михайловны состояла въ презрительномъ молчаніи, на часъ, на два, на сутки, и чуть ли не на трое сутокъ, — въ молчаніи во что бы ни стало, что бы онъ тамъ ни говорилъ, что бы ни дѣлалъ, даже еслибы полѣзъ въ окошко броситься изъ третьяго этажа, — манера нестерпимая для чувствительнаго чловѣка! Наказывала ли Юлія Михайловна своего супруга за его промахи въ послѣдніе дни и за ревнивую зависть его какъ градоначальника къ ея административнымъ способностямъ; негодовала ли на его критику ея поведенія съ молодежью и со всѣмъ нашимъ обществомъ, безъ пониманія ея тонкихъ и дальновидныхъ политическихъ цѣлей; сердилась ли за тупую и бессмысленную ревность его къ Петру Степановичу; — какъ бы тамъ ни было, но она рѣшилась и теперь не смягчаться, даже несмотря на три часа ночи и еще не виданное ею волненіе Андрея Антоновича. Расхаживая внѣ себя взадъ и впередъ, и во всѣ стороны, по коврамъ ея будуара, онъ изложилъ ей все, все, правда безъ всякой связи, но за то *все* накопѣвшее, ибо — «перешло за предѣлы». Онъ началъ съ того что надъ нимъ всѣ смѣются и его «водятъ за носъ». «Наплевать на выраженіе! привзвизнулъ онъ тотчасъ же, подхвативъ ея улыбку, — пусть

«за носъ», но вѣдь это правда!»... «Нѣтъ, сударыня, настала минута; знайте что теперь не до смѣху и не до пріемовъ женскаго кокетства. Мы не въ будуарѣ жеманной дамы, а какъ бы два отвлеченныя существа на воздушномъ шарѣ, встрѣтившіяся чтобы высказать правду». (Онъ конечно сбивался и не находилъ правильныхъ формъ для своихъ, впрочемъ вѣрныхъ мыслей). «Это вы, вы, сударыня, вывели меня изъ прежняго состоянія, я принялъ это мѣсто лишь для васъ, для вашего честолюбія... Вы улыбаетесь саркастически? Не торжествуйте, не торопитесь. Знайте, сударыня, знайте что я бы могъ, что я бы сумѣлъ справиться съ этимъ мѣстомъ, и не то что съ однимъ этимъ мѣстомъ, а съ десятью такими мѣстами, потому что имѣю способности; но съ вами, сударыня, но при васъ — нельзя справиться; ибо я при васъ не имѣю способностей. Два центра существовать не могутъ, а вы ихъ устроили два — одинъ у меня, а другой у себя въ будуарѣ, — два центра власти, сударыня, ноя того не позволю, не позволю!! Въ службѣ какъ и въ супружествѣ одинъ цѣнтръ, а два невозможны... Чѣмъ отплатили вы мнѣ? восклицалъ онъ далѣе; наше супружество состояло лишь въ томъ что вы все время, ежечасно, доказывали мнѣ что я ничтоженъ, глупъ и даже подлъ, а я все время, ежечасно и унижительно принужденъ былъ доказывать вамъ что я ничтоженъ, совсѣмъ не глупъ и поражаю всѣхъ своимъ благородствомъ, — ну не унижительно ли это съ обѣихъ сторонъ?» Тутъ онъ началъ скоро и часто топотать по ковру обѣими ногами, такъ что Юлія Михайловна принуждена была приподняться съ суровымъ достоинствомъ. Онъ быстро стихъ, но за то перешелъ въ чувствительность и началъ рыдать (да, рыдать), ударяя себя въ грудь, почти цѣлая пять минутъ, все болѣе и болѣе внѣ себя отъ глубочайшаго молчанія Юліи Михайловны. Наконецъ окончательно далъ маху и проговорился что ревнуетъ ее къ Петру Степановичу. Догадавшись что сглупилъ свыше мѣры — разсвирѣпѣлъ до ярости и закричалъ что «не позволить отвергать Бога»; что онъ разгонитъ ея «безпардонный салонъ безъ вѣры», что градоначальникъ даже обязанъ вѣрить въ Бога, «а стало-быть и жена его»; что молодыхъ людей онъ не потерпитъ; что «вамъ, вамъ, сударыня, слѣдовало бы изъ собственнаго достоинства позаботиться о мужѣ и стоять за его умъ, даже еслибъ онъ былъ и съ плохими способностями (а я вовсе не съ плохими способностями!), а между тѣмъ вы-то и есть причина что всѣ меня здѣсь презираютъ, вы-то ихъ всѣхъ и настроили!...» Онъ кричалъ что женскій вопросъ уничтожить, что душокъ этотъ выкурить, что нелѣпый праздникъ по подпискѣ для гувернантокъ (чортъ ихъ дери!) онъ завтра же запретить и разгонитъ; что первую встрѣтившуюся гувернантку онъ завтра же утромъ выгонитъ изъ губерніи «съ казакомъ-съ!» Нарочно,

нарочно! привзвизгиваль онъ. «Знаете ли, знаете ли, кричалъ онъ, что на фабрикѣ подговариваютъ людей ваши негодяи и что мнѣ это извѣстно? Знаете ли что разбрасываютъ нарочно прокламаціи, на-роч-но-сь! Знаете ли что мнѣ извѣстны имена четырехъ негодяевъ и что я схожу съ ума, схожу окончательно, окончательно!!!..» Но тутъ Юлія Михайловна вдругъ прервала молчаніе и строго объявила что она давно сама знаетъ о преступныхъ замыслахъ и что все это глупость, что онъ слишкомъ серіозно принялъ, и что касается до шалуновъ, то она не только тѣхъ четверыхъ знаетъ, но и всѣхъ (она солгала); но что отъ этого совсѣмъ не намѣрена сходить съ ума, а напротивъ еще болѣе вѣруеть въ свой умъ и надѣется все привести къ гармоническому окончанію: — ободрить молодежь, образумить ее, вдругъ и неожиданно доказать имъ что ихъ замыслы извѣстны и затѣмъ указать имъ новыя цѣли для разумной и болѣе свѣтлой дѣятельности. О, что случилось въ ту минуту съ Андреемъ Антоновичемъ! Узнавъ что Петръ Степановичъ опять надулъ его и такъ грубо надъ нимъ насмѣялся, что ей онъ открылъ гораздо больше и прежде чѣмъ ему и что наконецъ можетъ-быть самъ-то Петръ Степановичъ и есть главный зачинщикъ всѣхъ преступныхъ замысловъ, — онъ пришелъ въ изступленіе: «Знай, безтолковая, но ядовитая женщина, воскликнулъ онъ, разомъ порывая всѣ цѣпи, — знай что я недостойнаго твоего любовника сейчасъ же арестую, закую въ кандалы и препровожу въ равелинъ или — или выпрыгну самъ сейчасъ въ твоихъ глазахъ изъ окошка!» На эту тираду Юлія Михайловна, позеленѣвъ отъ злобы, разразилась немедленно хохотомъ, долгимъ, звонкимъ, съ переливомъ и перекатами, точь-въ-точь какъ на французскомъ театрѣ, когда парижская актриса, выписанная за сто тысячъ и играющая кокетокъ, смѣется въ глаза надъ мужемъ, осмѣлившимся приревновать ее. Фонъ-Лембке бросился было къ окну, но вдругъ остановился какъ вкопанный, сложилъ на груди руки и блѣдный какъ мертвецъ зловѣщимъ взглядомъ посмотрѣлъ на смѣющуюся: «знаешь ли, знаешь ли, Юля... проговорилъ онъ задыхаясь, умоляющимъ голосомъ: — знаешь ли что и я могу что-нибудь сдѣлать?» Но при новомъ, еще сильнѣйшемъ взрывѣ хохота, послѣдовавшемъ за его послѣдними словами, онъ стиснулъ зубы, застоялъ и вдругъ бросился — не въ окно — а на свою супругу, занеся надъ нею кулакъ! Онъ не опустилъ его, — нѣтъ, трижды нѣтъ; но за то пропалъ тутъ же на мѣстѣ. Не слыша подъ собою ногъ, добѣжалъ онъ къ себѣ въ кабинетъ, какъ былъ, одѣтый, бросился ничкомъ на посланную ему постель, судорожно закутался весь съ головой въ простыню и такъ пролежалъ часа два, — безъ сна, безъ размышленій, съ камнемъ на сердцѣ и съ тупымъ, неподвижнымъ отчаяніемъ въ душѣ. Изрѣдка

вздрагивалъ онъ всѣмъ тѣломъ мучительною лихорадочною дрожью. Вспоминались ему какія-то несвязныя вещи, ни къ чему не подходящія: то онъ думалъ напимѣръ о старыхъ стѣнныхъ часахъ, которыя были у него лѣтъ пятнадцать назадъ въ Петербургѣ и отъ которыхъ отвалилась минутная стрѣлка; то о развеселомъ чиновникѣ Мильбуа и какъ они съ нимъ въ Александровскомъ паркѣ поймали разъ воробья, а поймавъ вспомнили, смѣясь на весь паркъ, что одинъ изъ нихъ уже коллежскій ассессоръ. Я думаю, онъ заснулъ часовъ въ семь утра, не замѣтивъ того, спалъ съ наслажденіемъ, съ прелестными снами. Проснувшись около десяти часовъ, онъ вдругъ дико вскочилъ съ постели, разомъ вспомнилъ все и плотно ударилъ себя ладонью по лбу: ни завтрака, ни Блюма, ни полицеймейстера, ни чиновника, явившагося напомнить что члены — скаго собранія ждутъ его предсѣдательства въ это утро, онъ не принялъ, онъ ничего не слышалъ и не хотѣлъ понимать, а побѣждалъ какъ шальной на половину Юліи Михайловны. Тамъ Софья Антроповна, старушка изъ благородныхъ, давно уже проживавшая у Юліи Михайловны, растолковала ему что та еще въ десять часовъ изволила отправиться въ большой компаніи, въ трехъ экипажахъ, къ Варварѣ Петровнѣ Ставригиной въ Скворешники, чтобъ осмотрѣть тамошнее мѣсто для будущаго, уже втораго, замышаемаго праздника, черезъ двѣ недѣли, и что такъ еще три дня тому было условлено съ самою Варварой Петровной. Пораженный извѣстіемъ Андрей Антоновичъ возвратился въ кабинетъ и стремительно приказалъ лошадей. Даже едва могъ дождаться. Душа его жаждала Юліи Михайловны, — взглянуть только на нее, побыть около нея пять минутъ; можетъ-быть она на него взглянетъ, замѣтитъ его, улыбнется попрежнему, проститъ — о-о! «Да что же лошади?» Машинально развернулъ онъ лежавшую на столѣ толстую книгу (иногда онъ загадывалъ такъ по книгѣ, развертывая наудачу и читая на правой страницѣ, сверху три строки). Вышло: «Tout est pour le mieux dans le meilleur des mondes possibles.» Voltaire, *Candide*.¹ Онъ плюнулъ и побѣждалъ садиться: «Въ Скворешники!» Кучеръ разказывалъ что баринъ погонялъ всю дорогу, но только-что стали подъѣзжать къ господскому дому, онъ вдругъ велѣлъ повернуть и везти опять въ городъ: «Поскорѣй, пожалуста поскорѣй». Не доѣзжая городскаго валу «они мнѣ велѣли снова остановить, вышли изъ экипажа и прошли черезъ дорогу въ поле, думалъ что по какой ни есть слабости, а они стали и начали цвѣточки разсматривать и такъ время стояли, чудно право, совсѣмъ уже я усумнился.» Такъ показывалъ кучеръ. Я припоминаю въ то утро погоду: былъ холодный и ясный, но вѣтренный сентябрьскій день; предъ зашед-

¹ «Всѣ к лучшему в этомъ лучшемъ изъ возможныхъ мировъ». Вольтеръ, «Кандидъ» (франц.).

шимъ за дорогу Андреемъ Антоновичемъ разстилался суровый пейзажъ обнаженнаго поля съ давно уже убраннѣмъ хлѣбомъ; завывавшій вѣтеръ колыхалъ какіе-нибудь жалкіе остатки умиравшихъ желтыхъ цвѣточковъ... Хотѣлось ли ему сравнить себя и судьбу свою съ чахлыми и побитыми осенью и морозомъ цвѣточками? Не думаю. Даже думаю навѣрно что нѣтъ и что онъ вовсе и не помнилъ ничего про цвѣточки, не смотря на показанія кучера и подѣхавшаго въ ту минуту на полицеймейстерскихъ дрожкахъ пристава первой части, утверждавшаго потомъ что онъ дѣйствительно засталъ начальство съ пучкомъ желтыхъ цвѣтовъ въ рукѣ. Этотъ приставъ — восторженно административная личность, Василій Ивановичъ Флибустьеровъ, былъ еще недавнимъ гостемъ въ нашемъ городѣ, но уже отличился и прогремѣлъ своею непомѣрною ревностью, своимъ какимъ-то наскокомъ во всѣхъ приѣмахъ по исполнительной части и прирожденнымъ нетрезвымъ состояніемъ. Соскочивъ съ дрожекъ и не усумнившись ни мало при видѣ занятій начальства, съ сумашедшимъ, но убѣжденнымъ видомъ, онъ залпомъ доложилъ что «въ городѣ не спокойно».

— А? что? обернулся къ нему Андрей Антоновичъ, съ лицомъ строгимъ, но безъ малѣйшаго удивленія или какого-нибудь воспоминанія о коляскѣ и кучерѣ, какъ будто у себя въ кабинетѣ.

— Приставъ первой части Флибустьеровъ, ваше превосходительство. Въ городѣ бунтъ.

— Фрибустьеры? переговорилъ Андрей Антоновичъ въ задумчивости.

— Точно такъ ваше превосходительство. Бунтуютъ Шпигулинскіе.

— Шпигулинскіе!...

Что-то какъ бы напомнилось ему при имени «Шпигулинскіе». Онъ даже вздрогнулъ и поднялъ палецъ ко лбу: «Шпигулинскіе!» Молча, но все еще въ задумчивости, пошелъ онъ не торопясь къ коляскѣ, сѣлъ и велѣлъ въ городъ. Приставъ на дрожкахъ за нимъ.

Я воображаю что ему смутно представлялись дорогою многія весьма интересныя вещи, на многія темы, но врядъ ли онъ имѣлъ какую-нибудь твердую идею или какое-нибудь опредѣленное намѣреніе при вѣздѣ на площадь предъ губернаторскимъ домомъ. Но только лишь завидѣлъ онъ выстроившуюся и твердо стоявшую толпу «бунтовщиковъ», цѣпь городскихъ, безсильнаго (а можетъ-быть и нарочно безсильнаго) полицеймейстера и общее устремленное къ нему ожиданіе, какъ вся кровь прилила къ его сердцу. Блѣдный онъ вышелъ изъ коляски.

— Шапки долой! проговорилъ онъ едва слышно и задыхаясь. — На колѣни! взвизгнулъ онъ неожиданно, неожиданно для самого себя, и

вотъ въ этой-то неожиданности и заключалась можетъ-быть вся послѣдовавшая развязка дѣла. Это какъ на горахъ на масляницѣ; ну можно ли чтобы санки, слетѣвшія сверху, остановились посрединѣ горы? Какъ на зло себѣ, Андрей Антоновичъ всю жизнь отличался ясностью характера, и ни на кого никогда не кричалъ и не топалъ ногами; а съ таковыми опаснѣе если разъ случится что ихъ санки почему-нибудь вдругъ сорвутся съ горы. Все предъ нимъ закружилось.

— Флибустьеры! провopilъ онъ еще визгливѣе и нелѣпѣе, и голосъ его пресѣкся. Онъ сталъ, еще не зная что онъ будетъ дѣлать, но зная и ощущая всѣмъ существомъ своимъ что непременно сейчасъ что-то сдѣлаетъ.

«Господи!» послышалось изъ толпы. Какой-то парень началъ креститься; три, четыре человѣка дѣйствительно хотѣли было стать на колѣни, но другіе подвинулись всею громадой шага на три впередъ и вдругъ всѣ разомъ загалдѣли: «ваше превосходительство... рядили по со року... управляющій... ты не моги говорить» и т. д. и т. д. Ничего нельзя было разобрать.

Увы! Андрей Антоновичъ не могъ разбираться: цвѣточки еще были въ рукахъ его. Бунтъ ему былъ очевиденъ какъ давеча кибитки Степану Трофимовичу. А между толпою выпучившихъ на него глаза «бунтовщиковъ» такъ и сновалъ предъ нимъ «возбуждавшій» ихъ Петръ Степановичъ, не покидавшій его ни на одинъ моментъ со вчерашняго дня, — Петръ Степановичъ, ненавидимый имъ Петръ Степановичъ...

— Розогъ! крикнулъ онъ еще неожиданнѣе.

Наступило мертвое молчаніе.

Вотъ какъ произошло это въ самомъ началѣ, судя по точнѣйшимъ свѣдѣніямъ и по моимъ догадкамъ. Но далѣе свѣдѣнія становятся не такъ точны, равно какъ и мои догадки. Имѣются, впрочемъ, нѣкоторые факты.

Вопервыхъ, розги явились какъ-то ужъ слишкомъ поспѣшно; очевидно, были въ ожиданіи припасены догадливымъ полицеймейстеромъ. Наказаны, впрочемъ, были всего двое, не думаю чтобы даже трое; на этомъ настаиваю. Сушная выдумка что наказаны были всѣ или, по крайней мѣрѣ, половина людей. Вздоръ тоже что будто бы какая-то проходившая мимо бѣдная, но благородная дама была схвачена и немедленно для чего-то высѣчена; между тѣмъ я самъ читалъ объ этой дамѣ спущая въ корреспонденціи одной изъ петербургскихъ газетъ. Многіе говорили у насъ о какой-то кладбищенской богадѣленкѣ, Авдотѣ Петровнѣ Тарапыгиной, что будто бы она возвращаясь изъ гостей назадъ въ свою богадѣльню и, проходя по площади, протѣснилась между зрителями, изъ

естественнаго любопытства, и видя происходящее воскликнула: «Экой страмъ!» и плюнула. За это ее будто бы подхватили и тоже «отрапортовали». Объ этомъ случаѣ не только напечатали, но даже устроили у насъ въ городѣ сгоряча ей подписку. Я самъ подписалъ двадцать копѣекъ. И что же? Оказывается теперь что никакой такой богадѣленки Тарапыгиной совсѣмъ у насъ и не было! Я самъ ходилъ справляться въ ихъ богадѣльню на кладбище: ни о какой Тарапыгиной тамъ и не слыхивали; мало того, очень обидѣлись когда я разказалъ имъ ходившій слухъ. Я же потому собственно упоминаю объ этой несуществовавшей Авдотѣ Петровнѣ, что со Степаномъ Трофимовичемъ чуть-чуть не случилось того же что и съ нею (въ случаѣ еслибъ та существовала въ дѣйствительности); даже можетъ-быть съ него-то какъ-нибудь и взялся весь этотъ нелѣпый слухъ о Тарапыгиной, то-есть просто въ дальнѣйшемъ развитіи сплетни, взяли да и передѣлали его въ какую-то Тарапыгину. Главное, не понимаю какимъ образомъ онъ отъ меня ускользнулъ, только-что мы съ нимъ вышли на площадь. Предчувствуя что-то очень недоброе, я хотѣлъ было обвести его кругомъ площади прямо къ губернаторскому крыльцу, но залюбопытствовался самъ и остановился лишь на одну минуту разспросить какого-то перваго встрѣчнаго, и вдругъ смотрю, Степана Трофимовича ужъ нѣтъ подлѣ меня. По инстинкту тотчасъ же бросился я искать его въ самомъ опасномъ мѣстѣ; мнѣ почему-то предчувствовалось что и у него санки полетѣли съ горы. И дѣйствительно онъ отыскался уже въ самомъ центрѣ событія. Помню, я схватилъ его за руку; но онъ тихо и гордо посмотрѣлъ на меня съ непомѣрнымъ авторитетомъ:

— Cher, произнесъ онъ голосомъ въ которомъ задрожала какая-то надорванная струна. — Если ужъ всѣ они тутъ, на площади, при насъ такъ безцеремонно распоряжаются, то чего же ждать хоть отъ этого... если случится ему дѣйствовать самостоятельно.

И онъ, дрожа отъ негодованія и съ непомѣрнымъ желаніемъ вызова, перевелъ свой грозный обличительный перстъ на стоявшаго въ двухъ шагахъ и выпучившаго на насъ глаза Флибустьерова.

— *Этого!* воскликнулъ тотъ, не взвидя свѣта. — Какого этого? А ты кто? подступилъ онъ сжавъ кулакъ. — Ты кто? проревѣлъ онъ бѣшено, болѣзненно и отчаянно (замѣчу что онъ отлично зналъ въ лицо Степана Трофимовича). Еще мгновеніе и, конечно, онъ схватилъ бы его за шиворотъ; но къ счастію Лембке повернулъ на крикъ голову. Съ недоумѣніемъ, но пристально посмотрѣлъ онъ на Степана Трофимовича, какъ бы что-то соображая, и вдругъ нетерпѣливо замахалъ рукой. Фли-

бустьеровъ осѣкся. Я потащилъ Степана Трофимовича изъ толпы. Впрочемъ, можетъ-быть, онъ уже и самъ желалъ отступить.

— Домой, домой, настаивалъ я, — если насъ не прибили, то конечно благодаря Лембке.

— Идите, другъ мой, я виновенъ что васъ подвергаю. У васъ будущность и карьера своего рода, а я, — *mon heure a sonné*¹.

Онъ твердо ступилъ на крыльцо губернаторскаго дома. Швейцаръ меня зналъ; я объявилъ что мы оба къ Юліи Михайловнѣ. Въ приѣмной залѣ мы усѣлись и стали ждать. Я не хотѣлъ оставлять моего друга, но лишнимъ находилъ еще что-нибудь ему говорить. Онъ имѣлъ видъ чело-вѣка обрекшаго себя въ родѣ какъ бы на вѣрную смерть за отечество. Разсѣлись мы не рядомъ, а по разнымъ угламъ, я ближе ко входнымъ дверямъ, онъ далеко напротивъ, задумчиво склонивъ голову и обѣими руками слегка опираясь на трость. Широкополую шляпу свою онъ придерживалъ въ лѣвой рукѣ. Мы просидѣли такъ минутъ десять.

II.

Лембке вдругъ вошелъ быстрыми шагами, въ сопровожденіи полицеймейстера, разсѣянно поглядѣлъ на насъ, и не обративъ вниманія, прошелъ было направо въ кабинетъ, но Степанъ Трофимовичъ сталъ предъ нимъ и заслонилъ дорогу. Высокая, совсѣмъ не похожая на другихъ фигура Степана Трофимовича произвела впечатлѣніе; Лембке остановился.

— Кто это? пробормоталъ онъ въ недоумѣніи, какъ бы съ вопросомъ къ полицеймейстеру, ни мало Впрочемъ не повернувъ къ нему головы и все продолжая осматривать Степана Трофимовича.

— Отставной коллежскій ассесоръ Степанъ Трофимовъ Верховенскій, ваше превосходительство, отвѣтилъ Степанъ Трофимовичъ, осанисто наклоняя голову. Его превосходительство продолжалъ всматриваться, Впрочемъ весьма тупымъ взглядомъ.

— О чемъ? и онъ съ начальническимъ лаконизмомъ, брезгливо и нетерпѣливо, повернулъ къ Степану Трофимовичу ухо, принявъ его наконецъ за обыкновеннаго просителя съ какою-нибудь письменною просьбой.

— Былъ сегодня подвергнутъ домашнему обыску чювникомъ дѣйствовавшимъ отъ имени вашего превосходительства; потому желалъ бы....

---

¹ мой час пробил (*франц.*).

— Имя? имя? нетерпѣливо спросилъ Лембке, какъ бы вдругъ о чемъ-то догадавшись. Степанъ Трофимовичъ еще осанистѣе повторилъ свое имя.

— А-а-а! Это.... это тотъ разсадникъ.... Милостивый государь, вы заявили себя съ такой точки.... Вы профессоръ? Профессоръ?

— Когда-то имѣлъ честь прочесть нѣсколько лекцій юношеству — скаго университета.

— Ю-но-шеству! какъ бы вздрогнулъ Лембке, хотя бьюсь объ закладъ, еще мало понималъ о чемъ идетъ дѣло и даже можетъ-быть съ кѣмъ говорить.

— Я, милостивый государь мой, этого не допущу-сь, разсердился онъ вдругъ ужасно. — Я юношества не допускаю. Это все прокламаціи. Это наскокъ на общество, милостивый государь, морской наскокъ, флибустьерство.... О чемъ изволите просить?

— Напротивъ, ваша супруга просила меня читать завтра на ея праздникѣ. Я же не прошу, а пришелъ искать правъ моихъ....

— На праздникѣ? Праздника не будетъ. Я вашего праздника не допущу-сь! Лекцій? лекцій? вскричалъ онъ бѣшено.

— Я бы очень желалъ чтобы вы говорили со мной повѣжливѣе, ваше превосходительство, не топали ногами и не кричали на меня какъ на мальчика.

— Вы можетъ-быть понимаете съ кѣмъ говорите? покраснѣлъ Лембке.

— Совершенно, ваше превосходительство.

— Я ограждаю собою общество, а вы его разрушаете. Разрушаете!... Вы.... Я впрочемъ объ васъ припоминаю: это вы состояли гувернеромъ въ домѣ генеральши Ставрогиной?

— Да, я состоялъ.... гувернеромъ.... въ домѣ генеральши Ставрогиной.

— И въ продолженіи двадцати лѣтъ составляли разсадникъ всего что теперь накопилось.... всѣ плоды.... Кажется я васъ сейчасъ видѣлъ на площади. Бойтесь однако, милостивый государь, бойтесь; ваше направленіе мыслей извѣстно. Будьте увѣрены что я имѣю въ виду. Я, милостивый государь, лекцій вашихъ не могу допустить, не могу-сь. Съ такими просьбами обращайтесь не ко мнѣ.

Онъ опять хотѣлъ было пройти.

— Повторяю что вы изволите ошибаться, ваше превосходительство: это ваша супруга просила меня прочесть — не лекцію, а что-нибудь литературное на завтрашнемъ праздникѣ. Но я и самъ теперь отъ чтенія отказываюсь. Покорнѣйшая просьба моя объяснить мнѣ, если возможно:

какимъ образомъ, за что и почему я подвергнутъ былъ сегодняшнему обыску? У меня взяли нѣкоторыя книги, бумаги, частныя дорогія для меня письма и повезли по городу въ тачкѣ....

— Кто обыскивалъ? встрепенулся и опомнился совершенно Лембке и вдругъ весь покраснѣлъ. Онъ быстро обернулся къ полицеймейстеру. Въ сію минуту въ дверяхъ показалась согбенная, длинная, неуклюжая фигура Блюма.

— А вотъ этотъ самый чиновникъ, указалъ на него Степанъ Трофимовичъ. Блюмъ выступилъ впередъ съ виноватымъ, но вовсе не сдающимъ видомъ.

— Vous ne faites que des bêtises¹, съ досадой и злобой бросилъ ему Лембке и вдругъ какъ бы весь преобразился и разомъ пришелъ въ себя.

— Извините.... пролепеталъ онъ съ чрезвычайнымъ замѣшательствомъ и краснѣя какъ только можно, — это все.... все это была одна лишь, вѣроятно, неловкость, недоразумѣніе.... одно лишь недоразумѣніе.

— Ваше превосходительство, замѣтилъ Степанъ Трофимовичъ, — въ молодости я былъ свидѣтелемъ одного характернаго случая. Разъ въ театрѣ, въ корридорѣ, нѣкто быстро приблизился къ кому-то и далъ тому при всей публикѣ звонкую пощечину. Разглядѣвъ тотчасъ же что пострадавшее лицо было вовсе не то которому назначалась его пощечина, а совершенно другое, лишь нѣсколько на то похожее, онъ, со злобой и торопясь, какъ человѣкъ которому некогда терять золотаго времени, произнесъ точь-въ-точь какъ теперь ваше превосходительство: «Я ошибся.... извините, это недоразумѣніе, одно лишь недоразумѣніе.» И когда обиженный человѣкъ все-таки продолжалъ обижаться и закричалъ, то съ чрезвычайною досадой замѣтилъ ему: «Вѣдь говорю же вамъ что это недоразумѣніе, чего же вы еще кричите!»

— Это.... это конечно очень смѣшно.... криво улынулся Лембке, но.... но неужели вы не видите какъ я самъ несчастень?

Онъ почти вскрикнулъ и.... и кажется хотѣлъ закрыть лицо руками.

Это неожиданное болѣзненное восклицаніе, чуть не рыданіе, было нестерпимо. Это вѣроятно была минута перваго полнаго, со вчерашняго дня, яркаго сознанія всего происшедшаго — и тотчасъ же за тѣмъ отчаянія полнаго, унижительнаго, предающагося; кто знаетъ, — еще мгновеніе, и онъ можетъ-быть зарыдалъ бы на всю залу. Степанъ Трофимовичъ сначала дико посмотрѣлъ на него, потомъ вдругъ склонилъ голову и глубоко проникнутымъ голосомъ произнесъ:

— Ваше превосходительство, не безпокойте себя болѣе моею сварливою жалобой и велите только возвратить мнѣ мои книги и письма....

---

¹ Вы делаете одни только глупости (*франц.*).

Его прервали. Въ это самое мгновение съ шумомъ возвратилась Юлія Михайловна со всею сопровождавшею ее компаніей. Но тутъ мнѣ хотѣлось бы описать какъ можно подробнѣе.

III.

Вопервыхъ, всѣ разомъ, изъ всѣхъ трехъ калясокъ, толпой вступили въ приѣмную. Входъ въ покои Юліи Михайловны былъ особый, прямо съ крыльца, налѣво; но на сей разъ всѣ направились черезъ залу — и я полагаю именно потому что тутъ находился Степанъ Трофимовичъ и что все съ нимъ случившееся, равно какъ и все о Шпигулинскихъ уже было возвѣщено Юліи Михайловнѣ при вѣздѣ въ городъ. Успѣлъ возвѣститъ Лямшинъ, за какую-то провинность оставленный дома и не участвовавший въ поѣздкѣ и такимъ образомъ раньше всѣхъ все узнавший. Съ злобною радостью бросился онъ на наемной казачьей кляченкѣ по дорогѣ въ Скворешники, на встрѣчу возвращавшейся кавалькадѣ, съ веселыми извѣстіями. Я думаю, Юлія Михайловна, несмотря на всю свою высшую рѣшимость, все-таки немного сконфузилась, услыхавъ такія удивительныя новости; впрочемъ вѣроятно на одно только мгновение. Политическая, напимѣръ, сторона вопроса не могла ее озаботить: Петръ Степановичъ уже раза четыре внушалъ ей что Шпигулинскихъ буяновъ надо бы всѣхъ пересѣчь, а Петръ Степановичъ, съ нѣкотораго времени, дѣйствительно сталъ для нея чрезвычайнымъ авторитетомъ. «Но.... все-таки онъ мнѣ за это заплатитъ», навѣрно подумала она про себя, причемъ *онъ* конечно относилось къ супругу. Мелькомъ замѣчу что Петръ Степановичъ на этотъ разъ въ общей поѣздкѣ тоже какъ нарочно не участвовалъ, и съ самаго утра его никто нигдѣ не видалъ. Упомяну еще кстати что Варвара Петровна, принявъ у себя гостей, возвратилась вмѣстѣ съ ними въ городъ (въ одной коляскѣ съ Юліей Михайловной), съ цѣлью участвовать непременно въ послѣднемъ засѣданіи комитета о завтрашнемъ праздникѣ. Ее, конечно, должны были тоже заинтересовать извѣстія сообщенныя Лямшинымъ о Степанѣ Трофимовичѣ, а можетъ-быть даже и взволновать.

Расплата съ Андреемъ Антоновичемъ началась немедленно. Увы, онъ почувствовалъ это съ перваго взгляда на свою прекрасную супругу. Съ открытымъ видомъ, съ обворожительною улыбкой, быстро приблизилась она къ Степану Трофимовичу, протянула ему прелестно гарантированную ручку и засыпала его самыми лестными привѣтствіями, — какъ будто у ней только и заботы было во все это утро что поскорѣй подбѣжать и обласкать Степана Трофимовича за то что видитъ его наконецъ въ своемъ домѣ. Ни одного намека объ утрешнемъ обыскѣ; точно

какъ будто она еще ничего не знала. Ни одного слова мужу, ни одного взгляда въ его сторону, — какъ будто того и не было въ залѣ. Мало того, Степана Трофимовича тотчасъ же властно конфисковала и увела въ гостиную, — точно и не было у него никакихъ объясненій съ Лембке, да и не стоило ихъ продолжать еслибъ и были. Опять повторяю: мнѣ кажется что несмотря на весь свой высокій тонъ Юлія Михайловна въ семь случаевъ дала еще разъ большаго маху. Особенно помогъ ей тутъ Кармазиновъ (участвовавшій въ поѣздкѣ по особой просьбѣ Юліи Михайловны и такимъ образомъ, хотя косвенно, сдѣлавшій наконецъ визитъ Варварѣ Петровнѣ, чѣмъ та, по малодушію своему, была совершенно восхищена). Еще изъ дверей (онъ вошелъ позже другихъ) закричалъ онъ, завидѣвъ Степана Трофимовича, и полѣзъ къ нему съ объятіями, перебивая даже Юлію Михайловну.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! Наконецъ-то... Excellent ami.¹

Онъ сталъ цѣловаться и разумѣется подставилъ щеку. Потерявшійся Степанъ Трофимовичъ принужденъ былъ облобызать ее.

— Cher, говорилъ онъ мнѣ уже вечеромъ, припоминая все о тогдешнемъ днѣ, — я подумалъ въ ту минуту: кто изъ насъ подлѣе? Онъ ли, обнимающій меня съ тѣмъ чтобы тутъ же унижить, я ли, презирающій его и его щеку и тутъ же ее лобызающій, хотя и могъ отвернуться... тьфу!

— Ну разкажите же, разкажите все, мямлилъ и сюсюкалъ Кармазиновъ, какъ будто такъ и можно было взять и разказать ему всю жизнь за двадцать пять лѣтъ. Но это глупенькое легкомысліе было въ «вышемъ» тонѣ.

— Вспомните что мы видѣлись съ вами въ послѣдній разъ въ Москвѣ, на обѣдѣ въ честь Грановскаго, и что съ тѣхъ поръ прошло двадцать четыре года... началъ было очень резонно (а стало-быть очень не въ вышемъ тонѣ) Степанъ Трофимовичъ:

— Се cher homme², крикливо и фамиллярно перебилъ Кармазиновъ, слишкомъ ужъ дружески сжимая рукой его плечо, — да отведите же насъ поскорѣе къ себѣ, Юлія Михайловна, онъ тамъ сядетъ и все разкажетъ.

— А между тѣмъ я съ этою раздражительною бабой никогда и близко-то не былъ, трясясь отъ злобы, все тогда же вечеромъ, продолжалъ мнѣ жаловаться Степанъ Трофимовичъ, — мы были почти еще юношами, и уже тогда я начиналъ его ненавидѣть... равно какъ и онъ меня, разумѣется....

Салонъ Юліи Михайловны быстро наполнился. Варвара Петровна была въ особенно возбужденномъ состояніи, хотя и старалась казаться

¹ Добрейшій друг. (*франц.*).

² Дражайшій (*франц.*).

равнодушною, но я уловилъ ея два-три ненавистныхъ взгляда на Кармазинова и гнѣвныхъ на Степана Трофимовича, — гнѣвныхъ заранѣе, гнѣвныхъ изъ ревности, изъ любви: еслибы Степанъ Трофимовичъ на этотъ разъ какъ-нибудь оплошалъ и далъ себя срѣзать при всѣхъ Кармазинову, то мнѣ кажется, она тотчасъ бы вскочила и прибила его. Я забылъ сказать что тутъ же находилась и Лиза, и никогда еще я не видалъ ея болѣе радостною, безопасно веселою и счастливою. Разумѣется былъ и Маврикій Николаевичъ. Затѣмъ, въ толпѣ молодыхъ дамъ и полураспущенныхъ молодыхъ людей, составлявшихъ обычную свиту Юліи Михайловны, и между которыми эта распущенность принималась за веселость, а грошевый цинизмъ за умъ, я замѣтилъ два-три новыхъ лица: какого-то заѣзжаго, очень юлившаго Поляка, какого-то Нѣмца-доктора, здороваго старика, громко и съ наслажденіемъ смѣявшагося поминутно собственнымъ своимъ вицамъ¹, и наконецъ какого-то очень молодаго князька изъ Петербурга, автоматической фигуры, съ осанкой государственнаго человѣка и въ ужасно длинныхъ воротничкахъ. Но видно было что Юлія Михайловна очень цѣнила этого гостя и даже беспокоилась за свой салонъ...

— Cher Mr Karmazinoff, заговорилъ Степанъ Трофимовичъ, картинно усѣвшись на диванѣ и начавъ вдругъ сюсюкать не хуже Кармазинова, — cher Mr Karmazinoff, жизнь человѣка нашего прежняго времени и извѣстныхъ убѣжденій, хотя бы и въ двадцатипятилѣтній промежутокъ, должна представляться однообразною...

Нѣмецъ громко и отрывисто захохоталъ, точно заржалъ, очевидно полагая что Степанъ Трофимовичъ сказалъ что-то ужасно смѣшное. Тотъ съ выдѣланнымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, не произведя впрочемъ на того никакого эффекта. Посмотрѣлъ и князь, повернувшись къ Нѣмцу всѣми своими воротничками и наставивъ пенсне, хотя и безъ малѣйшаго любопытства.

— ....Должна представляться однообразною, нарочно повторилъ Степанъ Трофимовичъ, какъ можно длиннѣе и безцеремоннѣе растягивая каждое слово. — Такова была и моя жизнь за всю эту четверть столѣтія, et comme on trouve partout plus de moines que de raison², и такъ какъ я съ этимъ совершенно согласенъ, то и вышло что я во всю эту четверть столѣтія...

— C'est charmant, les moines³, прошептала Юлія Михайловна, повернувшись къ сидѣвшей подлѣ Варварѣ Петровнѣ.

¹ От немецкаго Witz — анекдот (прим. *Im Werden*).

² и так как монахов везде встречаешь чаще, чем здравый смысл (*франц.*).

³ Это прелестно, о монахах (*франц.*).

Барвара Петровна отвѣтила гордымъ взглядомъ. Но Кармазиновъ не вынесъ успѣха французской фразы и быстро, и крикливо перебилъ Степана Трофимовича:

— Что до меня, то я на этотъ счетъ успокоенъ и сижу вотъ уже седьмой годъ въ Карльсруэ. И когда прошлаго года городскимъ совѣтомъ положено было проложить новую водосточную трубу, то я почувствовалъ въ своемъ сердцѣ что этотъ карльсруйскій водосточный вопросъ милѣе и дороже для меня всѣхъ вопросовъ моего милаго отечества.... за все время такъ-называемыхъ здѣшнихъ реформъ.

— Принужденъ сочувствовать, хотя бы и противъ сердца, вздохнулъ Степанъ Трофимовичъ, многозначительно наклоняя голову.

Юлія Михайловна торжествовала: разговоръ становился и глубокимъ и съ направлениемъ.

— Труба для стока нечистотъ? громко освѣдомился докторъ.

— Водосточная, докторъ, водосточная, и я даже тогда помогаль имъ писать проектъ.

Докторъ съ трескомъ захохоталъ. За нимъ многіе, и уже на этотъ разъ въ глаза доктору, который этого не примѣтилъ и ужасно былъ доволенъ что всѣ смѣются.

— Позвольте не согласиться съ вами, Кармазиновъ, поспѣшила вставить Юлія Михайловна. — Карльсруэ своимъ чередомъ, но вы любите мистифировать, и мы на этотъ разъ вамъ не повѣримъ. Кто изъ русскихъ людей, изъ писателей, выставилъ столько самыхъ современныхъ типовъ, угадалъ столько самыхъ современныхъ вопросовъ, указалъ именно на тѣ главные современные пункты изъ которыхъ составляется типъ современнаго дѣятеля? Вы, одинъ вы, и никто другой. Увѣряйте послѣ того въ вашемъ равнодушіи къ родинѣ и въ страшномъ интересѣ къ карльсруйской водосточной трубѣ! Ха, ха!

— Да, я конечно, засюсюкалъ Кармазиновъ, — выставилъ въ типѣ Погожева всѣ недостатки славянофиловъ, а въ типѣ Никодимова всѣ недостатки западниковъ...

— Ужь будто и всѣ, прошепталъ тихонько Лямшинъ.

— Но я дѣлаю это вскользь, лишь бы какъ-нибудь убить неотвязчивое время и.... удовлетворить всякимъ этимъ неотвязчивымъ требованіямъ соотечественниковъ.

— Вамъ вѣроятно извѣстно, Степанъ Трофимовичъ, восторженно продолжала Юлія Михайловна, — что завтра мы будемъ имѣть наслажденіе услышать прелестныя строки... одно изъ самыхъ послѣднихъ изящнѣйшихъ беллетристическихъ вдохновеній Семена Егоровича, оно называется *Merci*. Онъ объявляетъ въ этой піесѣ что писать болѣе не бу-

дѣть, не станеть ни за что на свѣтѣ, еслибы даже ангель съ неба или, лучше сказать, все высшее общество его упрашивало измѣнить рѣшеніе. Однимъ словомъ, кладеть перо на всю жизнь, и это граціозное *Merci* обращено къ публикѣ въ благодарность за тотъ постоянный восторгъ которымъ она сопровождала столько лѣтъ его постоянное служеніе честной русской мысли.

Юлія Михайловна была на верху блаженства.

— Да, я распрощаюсь; скажу свое *Merci* и уѣду, и тамъ.... въ Карльсруэ... закрою глаза свои, началъ мало-по-малу раскисать Кармазиновъ..

Какъ многіе изъ нашихъ великихъ писателей (а у насъ очень много великихъ писателей), онъ не выдерживалъ похвалъ и тотчасъ же начиналъ слабѣть, несмотря на свое остроуміе. Но я думаю что это простиительно. Говорять, одинъ изъ нашихъ Шекспировъ прямо такъ и брякнулъ въ частномъ разговорѣ что «дескать намъ, *великимъ людямъ*, иначе и нельзя» и т. д., да еще и не замѣтилъ того.

— Тамъ, въ Карльсруэ, я закрою глаза свои. Намъ, великимъ людямъ, остается, сдѣлавъ свое дѣло, поскорѣе закрывать глаза, не ища награды. Сдѣлаю такъ и я.

— Дайте адресъ, и я приѣду къ вамъ въ Карльсруэ на вашу могилу, безмѣрно расхохотался Нѣмецъ.

— Теперь мертвыхъ и по желѣзнымъ дорогамъ пересылають, неожиданно проговорилъ кто-то изъ незначительныхъ молодыхъ людей.

Лямшинъ такъ и завизжалъ отъ восторга. Юлія Михайловна нахмурилась. Вошелъ Николай Ставрогинъ.

— А мнѣ сказали что васъ взяли въ часть? громко проговорилъ онъ, обращаясь прежде всѣхъ къ Степану Трофимовичу.

— Нѣтъ, это былъ всего только *частный* случай, скаламбурилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Но надѣюсь что онъ не будетъ имѣть ни малѣйшаго вліянія на мою просьбу, опять подхватила Юлія Михайловна, — я надѣюсь что вы, не взирая на эту несчастную непріятность, о которой я не имѣю до сихъ поръ понятія, не обманете нашихъ лучшихъ ожиданій и не лишите насъ наслажденія услышать ваше чтеніе на литературномъ утрѣ.

— Я не знаю, я... теперь...

— Право, я такъ несчастна, Варвара Петровна... и представьте именно когда я такъ жаждала поскорѣе узнать лично одного изъ самыхъ замѣчательныхъ и независимыхъ русскихъ умовъ, и вотъ вдругъ Степанъ Трофимовичъ изъявляетъ намѣреніе отъ насъ удалиться.

— Похвала произнесена такъ громко что я конечно долженъ бы былъ не разслышать, отчеканилъ Степанъ Трофимовичъ, — но не вѣрю чтобы моя бѣдная личность была такъ необходима завтра для вашего праздника. Впрочемъ я...

— Да вы его избалуете! прокричалъ Петръ Степановичъ, быстро вбѣгая въ комнату. — Я только лишь взялъ его въ руки, и вдругъ въ одно утро — обыскъ, арестъ, полицейскій хватаетъ его за шиворотъ, а вотъ теперь его убаюкиваютъ дамы въ салонѣ градоправителя! Да у него каждая косточка ноетъ теперь отъ восторга; ему и во снѣ не снился такой бенефисъ. То-то начнетъ теперь на социалистовъ доносить!

— Быть не можетъ, Петръ Степановичъ. Соціализмъ слишкомъ великая мысль чтобы Степанъ Трофимовичъ не сознавалъ того, съ энергіей заступилась Юлія Михайловна.

— Мысль великая, но исповѣдующіе не всегда великаны, *et brisons-là, mon cher*¹, заключилъ Степанъ Трофимовичъ, обращаясь къ сыну и красиво приподымаясь съ мѣста.

Но тутъ случилось самое неожиданное обстоятельство. Фонъ-Лембке уже нѣсколько времени находился въ салонѣ, но какъ бы никѣмъ не примѣченный, хотя всѣ видѣли какъ онъ вошелъ. Настроенная на прежнюю идею, Юлія Михайловна продолжала его игнорировать. Онъ помѣстился около дверей и мрачно, съ строгимъ видомъ прислушивался къ разговорамъ. Заслышавъ намеки объ утреннихъ происшествіяхъ, онъ сталъ какъ-то безпокойно повертываться, уставился было на князя, видимо пораженный его торчащими впередъ, густо накрахмаленными воротничками; потомъ вдругъ точно вздрогнулъ, заслышавъ голосъ и увидѣвъ вбѣжавшаго Петра Степановича, и только-что Степанъ Трофимовичъ успѣлъ проговорить свою сентенцію о социалистахъ, вдругъ подошелъ къ нему, толкнувъ по дорогѣ Лямшина, который тотчасъ же отскочилъ съ выдѣланнымъ жестомъ и изумленіемъ, потирая плечо и представляя что его ужасно больно ушибли.

— Довольно! проговорилъ фонъ-Лембке, энергически схвативъ испуганнаго Степана Трофимовича за руку и изо всѣхъ силъ сжимая ее въ своей. — Довольно, флибустьеры нашего времени опредѣлены. Ни слова болѣе. Мѣры приняты...

Онъ проговорилъ громко, на всю комнату, заключилъ энергически. Произведенное впечатлѣніе было болѣзненное. Всѣ почувствовали нѣчто неблагополучное. Я видѣлъ какъ Юлія Михайловна поблѣднѣла. Эффектъ завершился глупою случайностью. Объявивъ что мѣры приняты, Лембке круто повернулся и быстро пошелъ изъ комнаты, но съ

¹ и на этомъ кончим, мой милый (*франц.*).

двухъ шаговъ запнулся за коверъ, клюнулся носомъ впередъ и чуть было не упалъ. На мгновеніе онъ остановился, поглядѣлъ на то мѣсто о которое запнулся и вслухъ проговоривъ: «перемѣнить» — вышелъ въ дверь. Юлія Михайловна побѣжала вслѣдъ за нимъ. Съ ея выходомъ поднялся шумъ, въ которомъ трудно было что-нибудь разобрать. Говорили что «разстроены», другіе что «подвержены». Третьи показывали пальцемъ около лба; Лямшинъ, въ уголку наставилъ два пальца выше лба. Намекали на какія-то домашнія происшествія, все шепотомъ, разумѣется. Никто не брался за шляпу, а всѣ ожидали. Я не знаю что успѣла сдѣлать Юлія Михайловна, но минутъ черезъ пять она воротилась, стараясь изо всѣхъ силъ казаться спокойною. Она отвѣчала уклончиво что Андрей Антоновичъ немного въ волненіи, но что это ничего, что съ нимъ это еще съ дѣтства, что она знаетъ «гораздо лучше», и что завтрашній праздникъ конечно развеселитъ его. Затѣмъ еще нѣсколько лестныхъ, но единственно для приличія словъ Степану Трофимовичу и громкое приглашеніе членамъ комитета теперь же, сейчасъ, открыть засѣданіе. Тутъ только стали было не участвовавшіе въ комитетѣ собираться домой; но болѣзненные приключенія этого роковаго дня еще не окончились...

Еще въ самую ту минуту какъ вошелъ Николай Всеволодовичъ, я замѣтилъ что Лиза быстро и пристально на него поглядѣла и долго потомъ не отводила отъ него глазъ, — до того долго, что подъ конецъ это возбудило вниманіе. Я видѣлъ что Маврикій Николаевичъ нагнулся къ ней сзади и кажется хотѣлъ-было что-то ей пошептать, но видно перемѣнилъ намѣреніе и быстро выпрямился, оглядывая всѣхъ какъ виноватый. Возбудилъ любопытство и Николай Всеволодовичъ: лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, а взглядъ необычайно разсѣянъ. Бросивъ свой вопросъ Степану Трофимовичу при входѣ, онъ какъ-бы забылъ о немъ тотчасъ же и, право мнѣ кажется, такъ и забылъ подойти къ хозяйкѣ. На Лизу не взглянулъ ни разу, — не потому что не хотѣлъ, а потому, утверждаю это, что и ее тоже вовсе не замѣтилъ. И вдругъ, послѣ нѣкотораго молчанія послѣдовавшаго за приглашеніемъ Юліи Михайловны открыть не теряя времени послѣднее засѣданіе, — вдругъ раздался звонкій, намѣренно громкій голосъ Лизы. Она позвала Николая Всеволодовича.

— Николай Всеволодовичъ, мнѣ какой-то капитанъ, называющій себя вашимъ родственникомъ, братомъ вашей жены, по фамиліи Лебядкинъ, все пишетъ неприличныя письма и въ нихъ жалуется на васъ, предлагая мнѣ открыть какія-то про васъ тайны. Если онъ въ самомъ

дѣлѣ вашъ родственникъ, то запретите ему меня обижать и избавьте отъ непріятностей.

Страшный вызовъ послышался въ этихъ словахъ, всѣ это поняли. Обвиненіе было явное, хотя можетъ-быть и для нея самой внезапное. Похоже было на то, когда человѣкъ зажмуря глаза бросается съ крыши.

Но отвѣтъ Николая Ставрогина былъ еще изумительнѣе.

Вопервыхъ, уже то было странно что онъ вовсе не удивился и выслушалъ Лизу съ самымъ спокойнымъ вниманіемъ. Ни смущенія, ни гнѣва не отразилось въ лицѣ его. Просто, твердо, даже съ видомъ полной готовности отвѣтилъ онъ на роковой вопросъ:

— Да, я имѣю несчастье состоять родственникомъ этого человѣка. Я мужъ его сестры, урожденной Лебядкиной, вотъ уже скоро пять лѣтъ. Будьте увѣрены что я передамъ ему ваши требованія въ самомъ скорѣйшемъ времени, и отвѣчаю что болѣе онъ не будетъ васъ беспокоить.

Никогда не забуду ужаса изобразившагося въ лицѣ Варвары Петровны. Съ безумнымъ видомъ привстала она со стула, приподнявъ предъ собою, какъ-бы защищаясь, правую руку. Николай Всеволодовичъ посмотрѣлъ на нее, на Лизу, на зрителей, и вдругъ улыбнулся съ безпредѣльнымъ высокомеріемъ; не торопясь вышелъ онъ изъ комнаты. Всѣ видѣли какъ Лиза вскочила съ дивана, только лишь повернулся Николай Всеволодовичъ уходить, и явно сдѣлала движеніе бѣжать за нимъ, но опомнилась и не побѣжала, а тихо вышла, тоже не сказавъ никому ни слова и ни на кого не взглянувъ, разумѣется въ сопровожденіи бросившагося за нею Маврикія Николаевича...

О шумѣ и рѣчахъ въ городѣ въ этотъ вечеръ не упоминаю. Варвара Петровна заперлась въ своемъ городскомъ домѣ, а Николай Всеволодовичъ, говорили, прямо поѣхалъ въ Скворешники, не выдавшись съ матерью. Степанъ Трофимовичъ посылалъ меня вечеромъ къ «*cette chere amie*» вымолить ему разрѣшеніе явиться къ ней, но меня не приняли. Онъ былъ пораженъ ужасно, плакалъ: «Такой бракъ! Такой бракъ! Такой ужасъ въ семействѣ», повторялъ онъ поминутно. Однако вспомнилъ и про Кармазинова и ужасно бранилъ его. Энергически приготовился и къ завтрашнему чтенію и — художественная натура! — приготовлялся предъ зеркаломъ и припоминалъ всѣ свои острия словца и каламбурчики, за всю жизнь, записанные отдѣльно въ тетрадку, чтобы вставить въ завтрашнее чтеніе о Сикстинской Мадоннѣ.

— Другъ мой, я это для великой идеи, говорилъ онъ мнѣ, очевидно оправдываясь. — *Cher ami*, я двинулся съ двадцатипятилѣтняго мѣста и вдругъ поѣхалъ, куда — не знаю, но я поѣхалъ....

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Праздникъ. Отдѣлъ первый.

I.

Праздникъ состоялся, несмотря ни на какія недоумѣнія прошедшаго «Шпигулинскаго» дня. Я думаю что еслибы даже Лембке умеръ въ ту самую ночь, то праздникъ все-таки бы состоялся на утро, — до того много соединяла съ нимъ какого-то особеннаго значенія Юлія Михайловна. Увы, она до послѣдней минуты находилась въ ослѣпленіи и не понимала настроенія общества. Главное что всѣ у насъ были проникнуты непомѣрною жаждой злораднаго и враждебнаго ей скандала. Никто подъ конецъ не вѣрилъ что торжественный день пройдетъ безъ какого-нибудь колоссальнаго приключенія, безъ «развязки», какъ выражались иные, заранѣе потирая руки. Многіе, правда, старались принять самый нахмуренный и политическій видъ; но вообще говоря, непомѣрно веселить русскаго человѣка всякая общественная скандальная суматоха. Правда, было у насъ нѣчто и весьма посеріознѣе одной лишь жажды скандала: было всеобщее раздраженіе, что-то неутолимо злобное; казалось, всѣмъ все надоѣло ужасно. Воцарился какой-то всеобщій сбивчивый цинизмъ, цинизмъ черезъ силу, какъ бы съ натуги. Только дамы не сбивались, и то въ одномъ только пунктѣ: въ безпощадной ненависти къ Юліи Михайловнѣ. Въ этомъ сошлись всѣ дамскія направленія. А та бѣдная и не подозрѣвала; она до послѣдняго часу была увѣрена что «окружена» и что ей «преданы фанатически».

Я уже намекалъ о томъ что у насъ появились разные людишки. Въ смутное время колебанія или перехода всегда и вездѣ появляются разные людишки. Я не про тѣхъ такъ-называемыхъ «передовыхъ» говорю, которые всегда спѣшатъ прежде всѣхъ (главная забота) и хотя очень часто съ глупѣйшею, но все же съ опредѣленною болѣе или менѣе цѣлью. Нѣтъ, я говорю лишь про сволочь. Во всякое переходное время подымается эта сволочь, которая есть въ каждомъ обществѣ и уже не только безо всякой цѣли, но даже не имѣя и признака мысли, а лишь выражая собою изо всѣхъ силъ безпокойство и нетерпѣніе. Между тѣмъ эта сволочь, сама не зная того, почти всегда подпадаетъ подъ команду той малой кучки «передовыхъ» которые дѣйствуютъ съ опредѣленною цѣлью, и та направляетъ весь этотъ соръ куда ей угодно, если только сама не состоитъ изъ совершенныхъ идиотовъ, что впрочемъ тоже случа-

ется. У насъ вотъ говорятъ теперь, когда уже все прошло, что Петромъ Степановичемъ управляла Интернаціоналка, а Петръ Степановичъ Юліей Михайловной, а та уже регулировала по его командѣ всякую сволочь. Солиднѣйшіе изъ нашихъ умовъ дивятся теперь на себя: какъ это они тогда вдругъ оплошали? Въ чемъ состояло наше смутное время и отъ чего къ чему былъ у насъ переходъ — я не знаю, да и никто, я думаю, не знаетъ — развѣ вотъ нѣкоторые посторонніе гости. А между тѣмъ дряннѣйшіе людишки получили вдругъ перевѣсъ, стали громко критиковать все священное, тогда какъ прежде и рта не смѣли раскрыть, а первѣйшіе люди, до тѣхъ поръ такъ благополучно державшіе верхъ, стали вдругъ ихъ слушать, а сами молчать; а иные такъ позорнѣйшимъ образомъ подхихикивать. Какіе-то Лямшины, Телятниковы, помѣщики Тентетниковы, доморощенные сопляки Радищевы, скорбно, но надменно улыбающіеся Жидишки, хохотуны, заѣзжіе путешественники, поэты съ направлениемъ изъ столицы, поэты взамѣнъ направленія и таланта въ поддевкахъ и смазныхъ сапогахъ, майоры и полковники смѣющіеся надъ бессмысленностію своего званія и за лишній рубль готовые тотчасъ же снять свою шпагу и уйти въ писаря на желѣзную дорогу; генералы перебѣжавшіе въ адвокаты; развитые посредники, развивающіеся купчики, безчисленные семинаристы, женщины изображающія собою женскій вопросъ, — все это вдругъ у насъ взяло полный верхъ и надъ кѣмъ же? Надъ клубомъ, надъ почтенными сановниками, надъ генералами на деревянныхъ ногахъ, надъ строжайшимъ и неприступнѣйшимъ нашимъ дамскимъ обществомъ. Ужь если Варвара Петровна, до самой катастрофы съ ея сынкомъ, состояла чуть не на посылкахъ у всей этой сволочи, то другимъ изъ нашихъ Минервъ отчасти и простибельна ихъ тогдашняя одурь. Теперь все приписываютъ, какъ я уже и сказалъ, Интернаціоналкѣ. Идея эта до того укрѣпилась что въ этомъ смыслѣ доносятъ даже наѣхавшимъ постороннимъ. Еще недавно совѣтникъ Кубриковъ, шестидесяти двухъ лѣтъ и со Станиславомъ на шеѣ, пришелъ безо всякаго зову и проникнутымъ голосомъ объявилъ что въ продолженіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ несомнѣнно состоялъ подъ вліяніемъ Интернаціоналки. Когда же, со всѣмъ уваженіемъ къ его лѣтамъ и заслугамъ, пригласили его объяснить удовлетворительнѣе, то онъ хотя и не могъ представить никакихъ документовъ кромѣ того что «ощущалъ всѣми своими чувствами», но тѣмъ не менѣе твердо остался при своемъ заявленіи, такъ что его уже болѣе не допрашивали.

Повторю еще разъ. Сохранилась и у насъ маленькая кучка особъ осторожныхъ, уединившихся въ самомъ началѣ и даже затворившихся на замокъ. Но какой замокъ устоитъ предъ закономъ естественнымъ?

Въ самыхъ осторожнѣйшихъ семействахъ также точно растутъ дѣвицы которымъ необходимо потанцовать. И вотъ всѣ эти особы тоже кончили тѣмъ что подписались на гувернантокъ. Балъ же предполагался такой блистательный, непомѣрный; разказывали чудеса; ходили слухи о заѣзжихъ князьяхъ съ лорнетами, о десяти распорядителяхъ, все молодыхъ кавалерахъ, съ бантами на лѣвомъ плечѣ; о петербургскихъ какихъ-то двигателяхъ; о томъ что Кармазиновъ, для приумноженія сбору, согласился прочесть *Merci* въ костюмѣ гувернантки нашей губерніи; о томъ что будетъ «кадриль литературы», тоже вся въ костюмахъ, и каждый костюмъ будетъ изображать собою какое-нибудь направленіе. Наконецъ въ костюмѣ же пропляшетъ и какая-то «честная русская мысль», — что уже само собою представляло совершенную новость. Какъ же было не подписаться? Всѣ подписались.

II.

Праздничный день по программѣ былъ раздѣленъ на двѣ части: на литературное утро, съ полудня до четырехъ, и потомъ на балъ, съ девяти часовъ во всю ночь. Но въ самомъ этомъ распоряженіи уже таились зародыши беспорядка. Впервыхъ, съ самага начала въ публикѣ укрѣпился слухъ о завтракѣ, сейчасъ послѣ литературнаго утра, или даже во время онаго, при нарочно устроенномъ для того перерывѣ, — о завтракѣ, разумѣется, даровомъ, входящемъ въ программу, и съ шампанскимъ. Огромная цѣна билета (три рубля) способствовала укорененію слуха. «А то сталъ бы я попустому подписываться? Праздникъ предполагается сутки, ну и корми. Народъ проголодается», вотъ какъ у насъ разсуждали. Я долженъ признаться что сама же Юлія Михайловна и укоренила этотъ пагубный слухъ чрезъ свое легкомысліе. Съ мѣсяць назадъ, еще подъ первымъ обаяніемъ великаго замысла, она лепетала о своемъ праздникѣ первому встрѣчному, а о томъ что у нея будутъ провозглашены тосты послала даже въ одну изъ столичныхъ газетъ. Ее, главное, прельщали тогда эти тосты: она сама хотѣла провозгласить ихъ и въ ожиданіи все сочиняла ихъ. Они должны были разъяснить наше главное знамя (какое? бьюсь объ закладъ, бѣдняжка такъ ничего и не сочинила), перейти въ видѣ корреспонденцій въ столичныя газеты, умилишь и очаровать высшее начальство, а затѣмъ разлетѣться по всѣмъ губерніямъ, возбуждая удивленіе и подражаніе. Но для тостовъ необходимо шампанское, а такъ какъ шампанское нельзя же пить натошакъ, то само собою необходимымъ сталъ и завтракъ. Потомъ, когда уже ея усиліями устроился комитетъ и приступили къ дѣлу серіознѣе, то ей тотчасъ же и ясно было доказано что если мечтать о пирахъ, то на гувернантокъ

очень мало останется, даже и при богатѣйшемъ сборѣ. Вопросъ представилъ такимъ образомъ два исхода: Вальтасаровскій пиръ и тосты, и рублей девяносто на гувернантокъ, или — осуществленіе огромнаго сбора, при праздникѣ такъ-сказать только для формы. Комитетъ впрочемъ только хотѣлъ задать страху, самъ же, конечно, придумалъ третье рѣшеніе, примиряющее и благоразумное, то-есть весьма порядочный праздникъ во всѣхъ отношеніяхъ, только безъ шампанскаго, и такимъ образомъ въ остаткѣ сумма весьма приличная, гораздо больше девяноста рублей. Но Юлія Михайловна не согласилась; ея характеръ презиралъ мѣщанскую средину. Она тутъ же положила что если первая мысль неосуществима, то немедленно и всецѣло броситься въ обратную крайность, то-есть осуществить колоссальный сборъ на зависть всѣмъ губерніямъ. «Должна же наконецъ понять публика», заключила она свою пламенную комитетскую рѣчь, «что достиженіе общечеловѣческихъ цѣлей несравненно возвышеннѣе минутныхъ наслажденій тѣлесныхъ, что праздникъ въ сущности есть только провозглашеніе великой идеи, а потому должно удовольствоваться самымъ экономическимъ, нѣмецкимъ балкомъ, единственно для аллегоріи и если ужъ совсѣмъ безъ этого неосноснаго бала обойтись невозможно!» до того она вдругъ возненавидѣла его. Но ее наконецъ успокоили. Тогда-то, на примѣръ, выдумали и предложили «кадриль литературы» и прочія эстетическія вещи, для замѣщенія ими наслажденій тѣлесныхъ. Тогда же и Кармазиновъ окончательно согласился прочесть *Merci* (а до тѣхъ поръ только томилъ и мямлилъ) и тѣмъ истребить даже самую идею ѣды въ умахъ нашей невоздержной публики. Такимъ образомъ опять-таки балъ становился великолѣпнѣйшимъ торжествомъ, хотя и не въ томъ уже родѣ. А чтобы не уходить совсѣмъ въ облака, рѣшили что въ началѣ бала можно будетъ подать чаю съ лимономъ и кругленькимъ печеніемъ, потомъ оршадъ и лимонадъ, а подъ конецъ даже и мороженое, но и только. Для тѣхъ же которые непремѣнно всегда и вездѣ ощущаютъ голодъ и, главное, жажду — можно открыть въ концѣ анфилады комнатъ особый буфетъ, которымъ и займется Прохорычъ (главный клубный поваръ) и — впрочемъ подъ строжайшимъ надзоромъ комитета — будетъ подавать что угодно, но за особую плату, а для того нарочно объявить въ дверяхъ залы надписью что буфетъ — внѣ программы. Но утромъ положили совсѣмъ не открывать буфета, чтобы не помѣшать чтенію, несмотря на то что буфетъ назначался за пять комнатъ до бѣлой залы, въ которой Кармазиновъ согласился прочесть *Merci*. Любопытно что этому событію, то-есть чтенію *Merci*, кажется придали въ комитетѣ слишкомъ уже колоссальное значеніе, и даже самые практическіе люди. Что же до людей поэтиче-

скихъ, то предводительша, напимѣрь, объявила Кармазинову что она послѣ чтенія велитъ тотчасъ же вдѣлать въ стѣну своей бѣлой залы мраморную доску съ золотою надписью что такого-то числа и года, здѣсь, на семь мѣстѣ, великій русскій и европейскій писатель, кладя перо, прочелъ *Merci* и такимъ образомъ въ первый разъ простился съ русскою публикой въ лицѣ представителей нашего города, и что эту надпись всѣ уже прочтутъ на балѣ, то-есть всего только пять часовъ спустя послѣ того какъ будетъ прочитано *Merci*. Я навѣрно знаю что Кармазиновъ-то главное и потребовалъ чтобы буфета утромъ не было, пока онъ будетъ читать, ни подъ какимъ видомъ, несмотря на замѣчанія иныхъ комитетскихъ что это не совсѣмъ въ нашихъ нравахъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ городѣ все еще продолжали вѣрить въ Вальтасаровскій пиръ, то-есть въ буфетъ отъ комитета; вѣрили до послѣдняго часа. Даже барышни мечтали о множествѣ конфетъ и варенья и еще чего-то неслыханнаго. Всѣ знали что сборъ осуществился богатѣйшій, что ломится весь городъ, что ѣдутъ изъ уѣздовъ и недостаетъ билетовъ. Извѣстно было тоже что сверхъ положенной цѣны состоялись и значительныя пожертвованія: Варвара Петровна, напимѣрь, заплатила за свой билетъ триста рублей и отдала на украшеніе залы всѣ цвѣты изъ своей оранжереи. Предводительша (членъ комитета) дала домъ и освѣщеніе; клубъ — музыку и прислугу и на весь день уступилъ Прохорыча. Были и еще пожертвованія, хотя и не столь крупныя, такъ что даже приходила мысль сбавить первоначальную цѣну билета съ трехъ рублей на два. Комитетъ дѣйствительно сперва опасался что по три рубля не поѣдутъ барышни и предлагалъ устроить какъ-нибудь билеты посемейные, а именно, чтобы каждое семейство платило за одну лишь барышню, а всѣ остальные дѣвицы принадлежащія къ этой фамиліи, хотя бы въ числѣ десяти экземпляровъ, входили даромъ. Но всѣ опасенія оказались напрасными: напротивъ, барышни-то и явились. Даже самые бѣднѣйшіе чиновники привезли своихъ дѣвицъ и, слишкомъ ясно, не будь у нихъ дѣвицъ, имъ самимъ и въ мысль не пришло бы подписаться. Одинъ ничтожнѣйшій секретарь привезъ всѣхъ своихъ сестеръ дочерей, не считая, разумѣется, супруги, и еще племянницу, и каждая изъ этихъ особъ держала въ рукѣ входной трехрублевый билетъ. Можно однако представить какая была въ городѣ революція! Взять уже то что такъ какъ праздникъ былъ раздѣленъ на два отдѣленія, то и костюмовъ дамскихъ потребовалось по два на каждую, — утренній для чтенія и бальный для танцевъ. Многіе изъ средняго класса, какъ оказалось потомъ, заложили къ этому дню все, даже семейное бѣлье, даже простыни и чуть-ли не тюфяки нашимъ Жидамъ, которыхъ какъ нароч-

но, вотъ уже два года, ужасно много укрѣпилось въ нашемъ городѣ и наѣзжаетъ чѣмъ дальше тѣмъ больше. Почти всѣ чиновники забрали впередъ жалованье, а иные помѣщики продали необходимый скотъ, и все только чтобы привезти маркизами своихъ барышень и быть никого не хуже. Великолѣпіе костюмовъ на сей разъ было по нашему мѣсту неслыханное. Городъ еще за двѣ недѣли былъ начиненъ семейными анекдотами, которые всѣ тотчасъ же переносились ко двору Юліи Михайловны нашими зубоскалами. Стали ходить семейныя каррикатуры. Я самъ видѣлъ въ альбомѣ Юліи Михайловны нѣсколько въ этомъ родѣ рисунковъ. Обо всемъ этомъ было слишкомъ хорошо извѣстно тамъ откуда выходили анекдоты; — вотъ почему мнѣ кажется и выросла такая ненависть въ семействахъ къ Юліи Михайловнѣ за этотъ мѣсяць. Теперь всѣ бранятся и вспоминая скрежещутъ зубами. Но ясно было еще заранѣ что не угоди тогда въ чемъ-нибудь комитетъ, оплошай въ чемъ-нибудь балъ, и взрывъ негодованія будетъ неслыханный. Вотъ почему всякъ про себя и ожидалъ скандала; а если ужъ такъ его ожидали, то какъ могъ онъ не осуществиться?

Ровно въ полдень загремѣлъ оркестръ. Будучи въ числѣ распорядителей, то-есть двѣнадцати «молодыхъ людей съ бантомъ», я самъ своими глазами видѣлъ какъ начался этотъ позорной памяти день. Началось съ непомѣрной давки у входа. Какъ это случилось что все оплошало съ самага перваго шагу, начиная съ полиціи? Я настоящую публику не виню: отцы семействъ не только не тѣснились и никого не тѣснили, несмотря на чины свои, но, напротивъ, говорятъ, сконфузились еще на улицѣ, видя необычайный по нашему городу напоръ толпы, которая осаждала подъѣздъ и рвалась на приступъ, а не просто входила. Межь тѣмъ экипажи все подъѣзжали и наконецъ запрудили улицу. Теперь когда пишу, я имѣю твердыя данныя утверждать что нѣкоторые изъ мерзѣйшей сволочи нашего города были просто проведены Лямшинымъ и Липутинымъ безъ билетовъ, а можетъ-быть и еще кое-къмъ состоявшими въ распорядителяхъ, какъ и я. По крайней мѣрѣ явились даже совсѣмъ неизвѣстныя личности, съѣхавшіяся изъ уѣздовъ и еще откуда-то. Эти дикари только лишь вступали въ залу тотчасъ же въ одно слово (точно ихъ подбучили) освѣдомлялись гдѣ буфетъ, и узнавъ что нѣтъ буфета, безо всякой политики и съ необычною до сего времени у насъ дерзостію начинали браниться. Правда, иные изъ нихъ пришли пьяные. Нѣкоторые были поражены какъ дикіе великолѣпіемъ залы предводительши, такъ какъ ничего подобнаго никогда не видывали, и входя, на минуту затихали и осматривались разиня ротъ. Эта большая Бѣлая Зала хотя и ветхой уже постройки была въ самомъ дѣлѣ великолѣпна: огромныхъ раз-

мѣровъ, въ два свѣта, съ расписаннымъ по старинному и отдѣланнымъ подъ золото потолкомъ, съ хорами, съ зеркальными простѣнками, съ красною по бѣлому драпировкою, съ мраморными статуями (какими ни на есть, но все же статуями), съ старинною, тяжелою, наполеоновскаго времени мебелью, бѣлою съ золотомъ и обитою краснымъ бархатомъ. Въ описываемый моментъ въ концѣ залы возвышалась высокая эстрада для имѣющихъ читать литераторовъ, а вся зала сплошь была уставлена какъ партеръ театра, стульями съ широкими проходами для публики. Но послѣ первыхъ минутъ удивленія начинались самые бессмысленные вопросы и заявленія. «Мы можетъ-быть еще и не хотимъ чтенія... Мы деньги заплатили.... Публика нагло обманута.... Мы хозяева, а не Лембки!».... Однимъ словомъ, точно ихъ для этого и впустили. Особенно вспоминаю одно столкновеніе, въ которомъ отличился вчерашній заѣзжій князекъ, бывший вчера утромъ у Юліи Михайловны, въ стоячихъ воротничкахъ и съ видомъ деревянной куклы. Онъ тоже, по неотступной ея просьбѣ, согласился пришилить къ своему лѣвому плечу бантъ и стать нашимъ товарищемъ распорядителемъ. Оказалось что эта нѣмая восковая фигура на пружинахъ умѣла если не говорить, то въ своемъ родѣ дѣйствовать. Когда къ нему присталъ одинъ рябой колоссальный отставной капитанъ, опираясь на цѣлую кучку всякой толпившейся за нимъ сволочи: куда пройти въ буфетъ? — онъ мигнулъ квартальному. Указаніе было немедленно выполнено: несмотря на брань пьянаго капитана, его вытащили изъ залы. Межъ тѣмъ начала наконецъ появляться и «настоящая» публика и тремя длинными нитями потянулась по тремъ проходамъ между стульями. Беспорядочный элементъ сталъ утихать, но у публики, даже у самой «чистой» былъ недовольный и изумленный видъ; инныя же изъ дамъ просто были испуганы.

Наконецъ размѣстились; утихла и музыка. Стали сморкаться, осматриваться. Ожидали съ слишкомъ уже торжественнымъ видомъ — что уже само по себѣ всегда дурной признакъ. Но «Лембокъ» еще не было. Шелки, бархаты, брилліанты сіяли и горѣли со всѣхъ сторонъ; по воздуху разнеслось благовоніе. Мущины были при всѣхъ орденахъ, а старички такъ даже въ мундирахъ. Явилась наконецъ и предводительша, вмѣстѣ съ Лизой. Никогда еще Лиза не была такъ ослѣпительно прелестна какъ въ это утро и въ такомъ пышномъ туалетѣ. Волосы ея были убраны въ локонахъ, глаза сверкали, на лицѣ сіяла улыбка. Она видимо произвела эффектъ; ее осматривали, про нее шептались. Говорили что она ищетъ глазами Ставрогина, но ни Ставрогина, ни Варвары Петровны не было. Я не понялъ тогда выраженія ея лица: почему столько счастья, радости, энергіи, силы было въ этомъ лицѣ? Я припоминалъ

вчерашній случай и становился въ тупикъ. Но «Лембковъ» однако все еще не было. Это была уже ошибка. Я послѣ узналъ что Юлія Михайловна до послѣдней минуты ожидала Петра Степановича, безъ котораго въ послѣднее время и ступить не могла, несмотря на то что никогда себѣ въ этомъ не признавалась. Замѣчу въ скобкахъ что Петръ Степановичъ наканунѣ, въ послѣднемъ комитетскомъ засѣданіи, отказался отъ распорядительскаго банта, чѣмъ очень ее огорчилъ, даже до слезъ. Къ удивленію, а потомъ и къ чрезвычайному ея смущенію (о чемъ объявляю впередъ), онъ исчезъ на все утро и на литературное чтеніе совсѣмъ не явился, такъ что до самаго вечера его никто не встрѣчалъ. Наконецъ публика начала обнаруживать явное нетерпѣніе. На эстрадѣ тоже никто не показывался. Въ заднихъ рядахъ начали аплодировать, какъ въ театрѣ. Старики и барыни хмурились: «Лембки очевидно уже слишкомъ важничали.» Даже въ лучшей части публики начался нелѣпый шепотъ, о томъ что праздника пожалуй и въ самомъ дѣлѣ не будетъ, что самъ Лембке пожалуй и въ самомъ дѣлѣ такъ нездоровъ и пр. и пр. Но слава Богу Лембке наконецъ явились: онъ велъ ее подъ руку; я, признаюсь, и самъ ужасно опасался за ихъ появленіе. Но басни стало-быть падали и правда брала свое. Публика какъ будто отдохнула. Самъ Лембке, казалось, былъ въ полномъ здоровьи, какъ, помню, заключили и всѣ, потому что можно представить сколько на него обратилось взглядовъ. Замѣчу для характеристики что и вообще очень мало было такихъ изъ нашего высшаго общества которые предполагали что Лембке чѣмъ-нибудь такимъ нездоровъ; дѣянія же его находили совершенно нормальными и даже такъ что вчерашнюю утрешнюю исторію на площади приняли съ одобреніемъ. «Такъ-то бы и съ начала, говорили сановники. А то пріѣдутъ филантропами, а кончатъ все тѣмъ же, не замѣчая что оно для самой филантропіи необходимо», — такъ по крайней мѣрѣ разсудили въ клубѣ. Осуждали только что онъ при этомъ погорячился: «Это надо бы хладнокровнѣе, ну да человѣкъ вновѣ», говорили знатоки. Съ такою же жадностью всѣ взоры обратились и къ Юліи Михайловнѣ. Конечно никто не въ правѣ требовать отъ меня какъ отъ разказчика слишкомъ точныхъ подробностей касательно одного пункта: тутъ тайна, тутъ женщина; но я знаю только одно: въ вечеру вчерашняго дня она вошла въ кабинетъ Андрея Антоновича и пробыла съ нимъ гораздо позже полуночи. Андрей Антоновичъ былъ прощенъ и утѣшенъ. Супруги согласились во всемъ, все было забыто, и когда, въ концѣ объясненія, фонъ-Лембке все-таки сталъ на колѣни, съ ужасомъ вспоминая о главномъ заключительномъ эпизодѣ запрошлой ночи, то прелестная ручка, а за нею и уста супруги заградили пламенные изліянія покаянныхъ рѣчей рыцарски дели-

катнаго, но ослабленнаго умиленіемъ человѣка. Всѣ видѣли на лицѣ ея счастье. Она шла съ открытымъ видомъ и въ великолѣпномъ костюмѣ. Казалось, она была на верху желаній; праздникъ — цѣль и вѣнецъ ея политики — былъ осуществленъ. Проходя до своихъ мѣстъ, предъ самую эстрадой, оба Лембке раскланивались и отвѣчали на поклоны. Они тотчасъ же были окружены. Предводительша встала имъ на встрѣчу... Но тутъ случилось одно скверное недоразумѣніе: оркестръ ни съ того ни съ сего грянулъ тушъ, — не какой-нибудь маршъ, а просто столовый тушъ, какъ у насъ въ клубѣ за столомъ, когда на официальномъ обѣдѣ пьютъ чье-нибудь здоровье. Я теперь знаю что объ этомъ постарался Лямшинъ въ своемъ качествѣ распорядителя, будто бы въ честь входящихъ «Лембокъ». Конечно онъ могъ всегда отговориться тѣмъ что сдѣлалъ по глупости или по чрезмѣрной ревности... Увы, я еще не зналъ тогда что они объ отговоркахъ уже не заботились и съ сегодняшнимъ днемъ все заканчивали. Но тушемъ не кончилось: вмѣстѣ съ досаднымъ недоумѣніемъ и улыбками публики вдругъ въ концѣ залы и на хорахъ раздалось *ура*, тоже какъ бы въ честь Лембке. Голосовъ было не много, но, признаюсь, они продолжались нѣкоторое время. Юлія Михайловна вспыхнула, глаза ея засверкали. Лембке остановился у своего мѣста и обернувшись въ сторону кричавшихъ величественно и строго оглядывалъ залу... Его поскорѣ посадили. Я опять со страхомъ примѣтилъ на его лицѣ ту опасную улыбку съ которою онъ стоялъ вчера поутру въ гостиной своей супруги и смотрѣлъ на Степана Трофимовича прежде чѣмъ къ нему подошелъ. Мнѣ показалось что и теперь въ его лицѣ какое-то зловѣщее выраженіе, и что хуже всего, нѣсколько комическое, — выраженіе существа приносящаго такъ-и-быть себя въ жертву, чтобы только угодить высшимъ цѣлямъ своей супруги... Юлія Михайловна наскоро поманила меня къ себѣ и пошептала чтобъ я бѣжалъ къ Кармазинову и умолялъ его начинать. И вотъ только-что я успѣлъ повернуться, произошла другая мерзость, но только гораздо сквернѣе первой. На эстрадѣ, на пустой эстрадѣ, куда до сей минуты обращались всѣ взоры и всѣ ожиданія и гдѣ только и видѣли небольшой столъ, предъ нимъ стулъ, а на столѣ стаканъ воды на серебряномъ подносикѣ, — на пустой эстрадѣ вдругъ мелькнула колоссальная фигура капитана Лебядкина во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ. Я такъ былъ пораженъ, что не повѣрилъ глазамъ своимъ. Капитанъ, казалось, сконфузился и пріостановился въ углубленіи эстрады. Вдругъ въ публикѣ послышался крикъ: «Лебядкинъ! ты?» Глупая красная рожа капитана (онъ былъ совершенно пьянъ) при этомъ окликѣ раздвинулась широкою тупою улыбкой. Онъ поднялъ руку, потеръ ею лобъ, тряхнулъ своею махнатою головой, и какъ будто рѣшившись на все, шаг

нулъ два шага впередъ и — вдругъ фыркнулъ смѣхомъ, не громкимъ, но заливчатымъ, длиннымъ, счастливымъ, отъ котораго заколыхалась вся его дебелая масса и съежились глазки. При этомъ видѣ чуть не половина публики засмѣялась, двадцать человѣкъ зааплодировали. Публика серьезная мрачно переглядывалась; все однако продолжалось не болѣе полуминуты. На эстраду вдругъ взбѣжали Липутинъ съ своимъ распорядительскимъ бантомъ и двое слугъ; они осторожно подхватили капитана подъ руки, а Липутинъ что-то пошепталъ ему. Капитанъ нахмурился, пробормоталъ: «А ну, коли такъ», махнулъ рукой, повернулъ къ публикѣ свою огромную спину и скрылся съ провожатыми. Но мгновение спустя Липутинъ опять вскочилъ на эстраду. На губахъ его была самая сладчайшая изъ всегдашнихъ его улыбокъ, обыкновенно напоминающихъ уксусъ съ сахаромъ, а въ рукахъ листокъ почтовой бумаги. Мелкими, но частыми шагами подошелъ онъ къ переднему краю эстрады.

— Господа, обратился онъ къ публикѣ, — по недосмотру произошло комическое недоразумѣніе, которое и устранено; но я съ надеждою взялъ на себя порученіе и глубокую, самую почтительную просьбу одного изъ мѣстныхъ здѣшнихъ нашихъ стихотворцевъ... Проникнутый гуманною и высокою цѣлью... несмотря на свой видъ... тою самою цѣлью которая соединила насъ всѣхъ... отереть слезы бѣдныхъ образованныхъ дѣвушекъ нашей губерніи.... Этотъ господинъ, то-есть я хочу сказать, этотъ здѣшній поэтъ.... при желаніи сохранить инкогнито.... очень желалъ бы видѣть свое стихотвореніе прочитаннымъ предъ началомъ бала.... то-есть я хотѣлъ сказать чтенія. Хотя это стихотвореніе не въ программѣ и не входитъ... потому что полчаса какъ доставлено.... но *намъ* (кому намъ? Я слово въ слово привожу эту отрывистую и сбивчивую рѣчь) показалось что по замѣчательной наивности чувства, соединеннаго съ замѣчательною тоже веселостью, стихотвореніе могло бы быть прочитано, то-есть не какъ нѣчто серьезное, а какъ нѣчто подходящее къ торжеству... Однимъ словомъ, къ идеѣ... Тѣмъ болѣе что нѣсколько строкъ... и хотѣлъ просить разрѣшенія благосклоннѣйшей публики.

— Читайте! рявкнулъ голосъ въ концѣ залы.

— Такъ читать-съ?

— Читайте, читайте! раздалось много голосовъ.

— Я прочту-съ, съ позволенія публики, покривился опять Липутинъ все съ тою же сахарною улыбкой. Онъ все-таки какъ бы не рѣшался, и мнѣ даже показалось что онъ въ волненіи. При всей дерзости этихъ людей все-таки иногда они спотыкаются. Впрочемъ семинаристъ не споткнулся бы, а Липутинъ все же принадлежалъ къ обществу прежнему.

— Я предупреждаю, то-есть имѣю честь предупредить что это все-таки не то чтобъ ода, какъ писались прежде на праздники, а это почти такъ-сказать шутка, но при несомнѣнномъ чувствѣ, соединенномъ съ игривою веселостью, и такъ-сказать при самореальнѣйшей правдѣ.

— Читай, читай!

Онъ развернулъ бумажку. Разумѣется его никто не успѣлъ остановить. Къ тому же онъ являлся съ своимъ распорядительскимъ бантомъ. Звонкимъ голосомъ онъ продекламировалъ:

— Отечественной гувернанткѣ здѣшнихъ мѣстъ отъ поэта съ праздника.

Здравствуй, здравствуй гувернантка!
Веселись и торжествуй.
Ретроградка иль Жоржъ-Зандка,
Все равно теперь ликуй!

— Да это Лебядкина! Лебядкина и есть! отозвалось нѣсколько голо-совъ. Раздался смѣхъ и даже аплодисментъ хотя и немногочисленный.

Учишь ты дѣтей сопливыхъ
По-французски букварю
И подмигивать готова,
Чтобы взялъ, хоть понмарю!

— Ура! Ура!

Но въ нашъ вѣкъ реформъ великихъ
Не возьметъ и пономарь;
Надо, барышня, «толикихъ»
Или снова за букварь.

— Именно, именно, вотъ это реализмъ, безъ «толикихъ» ни шагу!

Но теперь когда, пируя,
Мы собрали капиталъ,
И приданое, танцуя,
Шлемъ тебѣ изъ этихъ заль, —

Ретроградка иль Жоржъ-Зандка,
Все равно, теперь ликуй!
Ты съ приданымъ гувернантка
Плюй на все и торжествуй!

Признаюсь я не вѣрилъ ушамъ своимъ. Тутъ была такая явная наглость, что возможности не было извинить Липутина даже глупостью. А Липутинъ ужь какъ былъ не глупъ. Намѣреніе было ясное, для меня по крайней мѣрѣ: какъ будто торопились безпорядкомъ. Нѣкоторые стихи этого идиотскаго стихотворенія, напимѣръ самый послѣдній, были такого рода, что никакая глупость не могла бы его допустить. Липутинъ кажется и самъ почувствовалъ что слишкомъ много взялъ на себя: совершивъ свой подвигъ, онъ такъ опѣшилъ отъ собственной дерзости, что даже не уходилъ съ эстрады и стоялъ какъ будто желая что-то еще прибавить. Онъ вѣрно думалъ что выйдетъ какъ-нибудь въ другомъ родѣ; но даже кучка безобразниковъ, апплодировавшая во время выходки, вдругъ замолкла, тоже какъ бы опѣшавшая. Глупѣе всего, что эти многіе изъ нихъ приняли всю выходку патетически, т. е. вовсе не за пасквиль, а дѣйствительно за реальную правду на счетъ гувернантки, за стишки съ направлениемъ. Но излишняя развязность стиховъ поразила наконецъ и ихъ. Что же до всей публики, то вся зала не только была скандализована, но видимо обидѣлась. Я не ошибаюсь передавая впечатлѣніе. Юлія Михайловна говорила потомъ что еще мгновеніе, и она бы упала въ обморокъ. Одинъ изъ самыхъ наипочтеннѣйшихъ старичковъ поднялъ свою старушку и оба вышли изъ залы подъ провожавшими ихъ тревожными взглядами публики. Кто знаетъ, можетъ-быть примѣръ увлекъ бы и еще нѣкоторыхъ, еслибы въ ту минуту не явился на эстраду самъ Кармазиновъ, во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ и съ тетрадью въ рукѣ. Юлія Михайловна обратила на него восторженный взглядъ, какъ на избавителя... Но я уже былъ за кулисами; мнѣ надо было Липутина.

— Это вы нарочно! проговорилъ я, хватая его въ негодованіи за руку.

— Я ей-Богу никакъ не думалъ, скорчился онъ тотчасъ же, начиная лгать и прикидываясь несчастнымъ; — стишки только-что сейчасъ принесли, я и подумалъ что какъ веселая шутка...

— Во все вы этого не подумали. Неужто вы находите эту бездарную дрянъ веселою шуткой?

— Да-съ, нахожу-съ.

— Вы просто лжете, и во все вамъ не сейчасъ принесли. Вы сами это сочинили съ Лебядкинымъ вмѣстѣ, можетъ-быть еще вчера, для скандалу. Послѣдній стихъ непременно вашъ, про пономаря тоже. Почему онъ вышелъ во фракѣ? Значитъ вы его и читать готовили, еслибъ онъ не напился пьянъ?

Липутинъ холодно и язвительно посмотрѣлъ на меня.

— Вамъ-то что за дѣло? спросилъ онъ вдругъ со страннымъ спокойствіемъ.

— Какъ что? Вы тоже носите этотъ бантъ... Гдѣ Петръ Степановичъ?

— Не знаю; здѣсь гдѣ-нибудь; а что?

— А то что я теперь вижу насквозь. Это просто заговоръ противъ Юліи Михайловны, чтобъ оскандалить день...

Липутинъ опять искоса посмотрѣлъ на меня:

— Да вамъ-то что? ухмыльнулся онъ, пожалъ плечами и отошелъ въ сторону.

Меня какъ бы обдало. Всѣ мои подозрѣнія оправдывались. А я-то еще надѣялся что ошибаюсь! Что мнѣ было дѣлать? Я было думалъ посоветоваться со Степаномъ Трофимовичемъ, но тотъ стоялъ предъ зеркаломъ, примѣривалъ разныя улыбки и непрерывно справлялся съ бумажкой, на которой у него были сдѣланы отмѣтки. Ему сейчасъ послѣ Кармазинова слѣдовало выходить, и разговаривать со мною онъ уже былъ не въ состояніи. Бѣжать къ Юліи Михайловнѣ? Но къ той было рано: той надо было гораздо покрѣпче урокъ чтобъ исцѣлить ее отъ убѣжденія въ «окруженности» и во всеобщей къ ней «фанатической преданности». Она бы мнѣ не повѣрила и сочла духовидцемъ. Да и чѣмъ она могла помочь? «Э, подумалъ я, да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ мнѣ-то что за дѣло, сниму бантъ и уйду домой *когда начнется.*» Я такъ и произнесъ «когда начнется», я это помню.

Но надо было идти слушать Кармазинова. Оглянувшись въ послѣдній разъ за кулисами, я замѣтилъ что тутъ шныряетъ таки довольно посторонняго народа и даже женщинъ, выходятъ и уходятъ. Эти «за кулисы» было довольно узкое пространство, отгороженное отъ публики наглухо занавѣсью и сообщавшееся сзади черезъ корридоръ съ другими комнатами. Тутъ наши читавшіе ожидали своей очереди. Но меня особенно поразилъ въ это мгновеніе слѣдующій послѣ Степана Трофимовича лекторъ. Это былъ тоже какой-то въ родѣ профессора (я и теперь не знаю въ точности кто онъ такой), удалившійся добровольно изъ какого-то заведенія послѣ какой-то студенческой исторіи и захватившій зачѣмъ-то въ нашъ городъ всего только нѣсколько дней назадъ. Его тоже рекомендовали Юліи Михайловнѣ, и она приняла его съ благоговѣніемъ. Я знаю теперь что онъ былъ у ней всего только на одномъ вечерѣ до чтенія, весь тотъ вечеръ промолчалъ, двусмысленно улыбался шуткамъ и тону компаніи окружавшей Юлію Михайловну и на всѣхъ произвелъ впечатлѣніе неприятное надменнымъ и въ то же время до пугливости обидчивымъ своимъ видомъ. Это сама Юлія Михайловна его завербовала

читать. Теперь онъ ходилъ изъ угла въ уголъ и тоже, какъ и Степанъ Трофимовичъ, шепталъ про себя, но смотрѣлъ въ землю, а не въ зеркало. Улыбокъ не примѣрялъ, хотя часто и плотоядно улыбался. Ясно что и съ нимъ тоже нельзя было говорить. Ростомъ онъ былъ малъ, лѣтъ сорока на видъ, лысый и плѣшивый, съ сѣдоватою бородкой, одѣтъ прилично. Но всего интереснѣе было что онъ съ каждымъ поворотомъ подымалъ вверхъ свой правый кулакъ, моталъ имъ въ воздухѣ надъ головою и вдругъ опускалъ его внизъ, какъ будто разбивая въ прахъ какого-то сопротивника. Этотъ фокусъ продѣлывалъ онъ поминутно. Мнѣ стало жутко. Поскорѣ побѣжалъ я слушать Кармазинова.

III.

Въ залѣ опять носилось что-то неладное. Объявляю заранѣе: я преклоняюсь предъ величіемъ генія; но къ чему же эти господа наши геніи въ концѣ своихъ славныхъ лѣтъ поступаютъ иногда совершенно какъ маленькіе мальчики? Ну что же въ томъ что онъ Кармазиновъ и вышелъ съ осанкою пятерыхъ камергеровъ? Развѣ можно продержатъ на одной статьѣ такую публику какъ наша цѣлый часъ? Вообще я сдѣлалъ замѣчаніе что будь разгеній, но въ публичномъ легкомъ литературномъ чтеніи нельзя занимать собою публику болѣе двадцати минутъ безнаказанно. Правда, выходъ великаго генія встрѣченъ былъ до крайности почтительно. Даже самые строгіе старички изъявили одобреніе и любопытство, а дамы такъ даже нѣкоторый восторгъ. Аплодисментъ однако былъ коротенькій, и какъ-то недружный, сбившійся. За то въ заднихъ рядахъ ни единой выходки, до самаго того мгновенія когда господинъ Кармазиновъ заговорилъ, да и тутъ почти ничего не вышло особенно дурнаго, а такъ какъ будто недоразумѣніе. Я уже прежде упоминалъ что у него былъ слишкомъ крикливый голосъ, нѣсколько даже женственный и притомъ съ настоящимъ благороднымъ дворянскимъ присюсюкиваніемъ. Только лишь произнесъ онъ нѣсколько словъ, вдругъ кто-то громко позволилъ себѣ засмѣяться, — вѣроятно какой-нибудь неопытный дурачокъ, не выдавшій еще ничего свѣтскаго и притомъ при врожденной смѣшливости. Но демонстраціи не было ни малѣйшей; напротивъ, дураку же и зашикали, и онъ уничтожился. Но вотъ господинъ Кармазиновъ, жеманясь и тонируя, объявляетъ что онъ «сначала ни за что не соглашался читать» (очень надо было объявлять!). «Есть, дескать, такія строки которыя до того выпѣваются изъ сердца, что и сказать нельзя, такъ что этакую святыню никакъ нельзя нести въ публику» (ну такъ зачѣмъ же понесъ?); «но такъ какъ его упросили, то онъ и понесъ, и такъ какъ сверхъ того онъ кладетъ перо на вѣки и поклялся болѣе ни за что не пи-

сать, то ужь такъ и быть написалъ эту послѣднюю вещь; и такъ какъ онъ поклялся ни за что и ничего никогда не читать въ публикѣ, то ужь такъ и быть прочтетъ эту послѣднюю статью публикѣ» и т. д. и т. д. все въ этомъ родѣ.

Но все бы это ничего, и кто не знаетъ авторскихъ предисловіи? Хотя замѣчу, при малой образованности нашей публики и при раздражительности заднихъ рядовъ это все могло повліять. Ну не лучше ли было бы прочитать маленькую шутиливую повѣсть, крошечный разказикъ въ томъ родѣ какъ онъ прежде писывалъ, — то-есть хоть обточенно и жеманно, но иногда съ остроуміемъ? Этимъ было бы все спасено. Нѣтъ-съ, не тутъ-то было! Началась рацея! Боже, чего тутъ не было! Положительно скажу что даже столичная публика доведена была бы до столбняка, не только наша. Представьте себѣ почти два печатныхъ листа самой жеманной и бесполезной болтовни; этотъ господинъ вдобавокъ читалъ еще какъ-то свысока, пригорюнясь, точно изъ милости, такъ что выходило даже съ обидой для нашей публики. Тема... Но кто ее могъ разобрать эту тему? Это былъ какой-то отчетъ о какихъ-то впечатлѣніяхъ, о какихъ-то воспоминаніяхъ. Но чего? Но объ чемъ? — Какъ ни хмурились наши губернскіе лбы цѣлую половину чтенія, ничего не могли одолѣть, такъ что вторую половину прослушали лишь изъ учтивости. Правда, много говорилось о любви, о любви генія къ какой-то особѣ, но признаюсь, это вышло нѣсколько неловко. Къ небольшой толстенькой фигуркѣ геніальнаго писателя какъ-то не шло бы разказывать, на мой взглядъ, о своемъ первомъ поцѣлуѣ... И, что опять-таки обидно, эти поцѣлуи происходили какъ-то не такъ какъ у всего человѣчества. Тутъ непременно кругомъ растетъ дрокъ (непременно дрокъ или какая-нибудь такая трава о которой надобно справляться въ ботаникѣ). При этомъ на небѣ непременно какой-то фіолетовый оттѣнокъ, котораго конечно никто никогда не примѣчалъ изъ смертныхъ, т.-е. и всѣ видѣли, но не умѣли примѣтить, а «вотъ, дескать, я поглядѣлъ и описываю вамъ, дуракамъ, какъ самую обыкновенную вещь». Дерево подъ которымъ усѣлась интересная пара непременно какого-нибудь оранжеваго цвѣта. Сидятъ они гдѣ-то въ Германіи. Вдругъ они видятъ Помпея или Кассія наканунѣ сраженія, и обоихъ пронизываетъ холодъ восторга. Какая-то русалка при этомъ запищала въ кустахъ. Глюкъ заигралъ въ тростникѣ на скрипкѣ. Піеса которую онъ игралъ названа *en toutes lettres*¹, но никому неизвѣстна, такъ что объ ней надо справляться въ музыкальномъ словарѣ. Межь тѣмъ за клубился туманъ, такъ за клубился, такъ за клубился, что болѣе похожъ былъ на милліонъ подушекъ чѣмъ на туманъ. И

¹ полностью (франц.).

вдругъ все исчезаетъ, и великій геній переправляется зимой въ оттепель черезъ Волгу. Двѣ съ половиною страницы переправы, но все-таки попадаетъ въ прорубь. Геній тонетъ — вы думаете утонулъ? И не думалъ; это все для того что когда онъ уже совсѣмъ утопалъ и захлебывался, то предъ нимъ мелькнула льдинка, крошечная льдинка съ горошинку, но чистая и прозрачная «какъ замороженная слеза», и въ этой льдинкѣ отразилась Германія, или лучше сказать, небо Германіи, и радужною игрой своею отраженіе напомнило ему ту самую слезу которая «помнишь, ска- тилась изъ глазъ твоихъ, когда мы сидѣли подъ изумруднымъ деревомъ, и ты воскликнула радостно: «Нѣтъ преступленія!» «Да, сказалъ я сквозь слезы, но коли такъ, то вѣдь нѣтъ и праведниковъ.» Мы зарыдали и раз- стались навѣки.» — Она куда-то на берегъ моря, онъ въ какія-то пеще- ры; и вотъ онъ спускается, спускается, три года спускается въ Москвѣ подъ Сухаревою башней, и вдругъ въ самыхъ нѣдрахъ земли въ пещерѣ находитъ лампадку, а предъ лампадкой схимника. Схимникъ молится. Геній приникаетъ къ крошечному рѣшетчатому оконцу, и вдругъ слы- шить вздохъ. Вы думаете это схимникъ вздохнулъ? Очень ему надо ва- шего схимника! Нѣтъ-съ, просто-за-просто этотъ вздохъ «напомнилъ ему ея первый вздохъ, тридцать семь лѣтъ назадъ, когда, помнишь, въ Германіи, мы сидѣли подъ агатовымъ деревомъ, и ты сказала мнѣ: «Къ чему любить? Смотри кругомъ растетъ вохра, и я люблю, но перестанетъ расти вохра, и я разлюблю». Тутъ опять залюбился туманъ, явился Гофманъ, просвистала изъ Шопена русалка, и вдругъ изъ тумана, въ лавровомъ вѣнкѣ, надъ кровлями Рима появился Анкъ-Марцій. Ознобъ восторга охватилъ наши спины и мы разстались на вѣки» и т. д. и т. д. Однимъ словомъ, я можетъ и не такъ передаю и передать не умѣю, но смыслъ болтовни былъ именно въ этомъ родѣ. И наконецъ что за позор- ная страсть у нашихъ великихъ умовъ къ каламбурамъ въ высшемъ смыслѣ! Великій европейскій философъ, великій ученый изобреѣтатель, труженикъ, мученикъ, — всѣ эти труждающіеся и обремененные, для нашего русскаго великаго генія рѣшительно въ родѣ поваровъ у него на кухнѣ. Онъ баринъ, а они являются къ нему съ колпаками въ рукахъ и ждутъ приказаній. Правда, онъ надменно усмѣхается и надъ Россіей и ничего нѣтъ пріятнѣе ему какъ объявить банкротство Россіи во всѣхъ отношеніяхъ предъ великими умами Европы, но что касается его само- го — нѣтъ-съ, онъ уже надъ этими великими умами Европы возвысился; всѣ они лишь матеріалъ для его каламбуровъ. Онъ беретъ чужую идею, приплетаетъ къ ней ея антитезъ, и каламбуръ готовъ. Есть преступ- леніе, нѣтъ преступленія; правды нѣтъ, праведниковъ нѣтъ; атеизмъ, дарвинизмъ, московскіе колокола... Но увы, онъ уже не вѣритъ въ мо-

сковскіе колокола; Римъ, лавры... но онъ даже не вѣрять въ лавры... Тутъ казенный припадокъ Байроновской тоски, гримаса изъ Гейне, что-нибудь изъ Печорина, — и пошла и пошла, засвистала машина... «А впрочемъ похвалите, похвалите, я вѣдь это ужасно люблю; я вѣдь это только такъ говорю что кладу перо; подождите, я еще вамъ триста разъ надоѣмъ, читать устанете»...

Разумѣется кончилось не такъ ладно; но то худо что съ него-то и началось. Давно уже началось шарканье, сморканье, кашель и все то что бываетъ когда на литературномъ чтеніи литераторъ, кто бы онъ ни былъ, держитъ публику болѣе двадцати минутъ. Но геніальный писатель ничего этого не замѣчалъ. Онъ продолжалъ сюсюкать и мямить, зная не зная публики, такъ что всѣ стали приходить въ недоумѣніе. Какъ вдругъ въ заднихъ рядахъ послышался одинокій, но громкій голосъ:

— Господи, какой вздоръ!

Это выскочило невольно и, я увѣренъ, безъ всякой демонстраціи. Просто усталъ человѣкъ. Но господинъ Кармазиновъ пріостановился, насмѣшливо поглядѣлъ на публику, и вдругъ просюсюкалъ съ осанкою уязвленнаго камергера: — Я, кажется, вамъ, господа, надоѣлъ порядочно?

Вотъ въ томъ-то и вина его что онъ самъ первый заговорилъ; ибо вызывая такимъ образомъ на отвѣтъ, тѣмъ самымъ далъ возможность всякой сволочи тоже заговорить и такъ-сказать даже законно, тогда какъ еслибъ удержался, то посморкались, посморкались бы, и сошло бы какъ-нибудь.... Можетъ-быть онъ ждалъ аплодисмента въ отвѣтъ на свой вопросъ; но аплодисмента не раздалось; напротивъ, всѣ какъ будто испугались, съжелись и притихли.

— Вы вовсе никогда не видали Анкъ-Марція, это все слогъ, раздался вдругъ одинъ раздраженный, даже какъ бы наболѣвшій голосъ.

— Именно, подхватилъ сейчасъ же другой голосъ: — нынче нѣтъ привидѣній, а естественныя науки. Справьтесь съ естественными науками.

— Господа, я менѣ всего ожидалъ такихъ возраженій, ужасно удивился Кармазиновъ. Великій геній совсѣмъ отвыкъ въ Карлсруэ отъ отечества.

— Въ нашъ вѣкъ стыдно читать что міръ стоитъ на трехъ рыбахъ, протрещала вдругъ одна дѣвица. — Вы, Кармазиновъ, не могли спускаться въ пещеры къ пустыннику. Да и кто говоритъ теперь про пустынниковъ?

— Господа, всего болѣе удивляетъ меня что это такъ серіозно. Впрочемъ... впрочемъ вы совершенно правы. Никто болѣе меня не уважаетъ реальную правду....

Онъ хотъ и улыбался иронически, но сильно былъ пораженъ. Лицо его такъ и выражало: «Я вѣдь не такой какъ вы думаете, я вѣдь за васъ. Я готовъ сейчасъ же продать всю Россію за два пятака, только хвалите меня, хвалите больше, какъ можно больше, я это ужасно люблю»....

— Господа, прокричалъ онъ наконецъ уже совсѣмъ уязвленный, — я вижу что моя бѣдная поэмка не туда попала. Да и самъ я, кажется, не туда попалъ.

— Мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову, крикнулъ во все горло какой-то дуракъ, должно-быть пьяный, и на него ужъ конечно не надо бы обращать вниманія. Правда, раздался непочтительный смѣхъ.

— Въ корову, говорите вы? тотчасъ же подхватилъ Кармазиновъ. Голосъ его становился все крикливѣе. — На счетъ воронъ и коровъ я позволю себѣ, господа, удержаться. Я слишкомъ уважаю даже всякую публику, чтобы позволить себѣ сравненія хотя бы и невинныя; но я думалъ....

— Однако вы, милостивый государь, не очень бы.... прокричалъ кто-то изъ заднихъ рядовъ.

— Но я полагалъ что кладя перо и прощаясь съ читателемъ, буду выслушанъ....

— Нѣтъ, нѣтъ, мы желаемъ слушать, желаемъ, раздалось нѣсколько осмѣлившихся наконецъ голосовъ изъ перваго ряда.

— Читайте, читайте! подхватило нѣсколько восторженныхъ дамскихъ голосовъ, и наконецъ-то прорвался аплодисментъ, правда мелкій, жиденкій. Кармазиновъ криво улыбнулся и привсталъ съ мѣста.

— Повѣрьте, Кармазиновъ, что всѣ считаютъ даже за честь... не удержалась сама предводительша.

— Господинъ Кармазиновъ, раздался вдругъ одинъ свѣжій юный голосъ изъ глубины залы. Это былъ голосъ очень молоденькаго учителя уѣзднаго училища, прекраснаго молодаго человѣка, тихаго и благороднаго, у насъ недавняго еще гостя. Онъ даже привсталъ съ мѣста.

— Господинъ Кармазиновъ, еслибъ я имѣлъ счастье такъ полюбить какъ вы намъ описали, то право я не помѣстилъ бы про мою любовь въ статью назначенную для публичнаго чтенія....

Онъ даже весь покраснѣлъ.

— Господа, прокричалъ Кармазиновъ, — я кончилъ. Я опускаю конецъ и удаляюсь. Но позвольте мнѣ прочесть только шесть заключительныхъ строкъ:

«Да, другъ читатель, прощай!» началъ онъ тотчасъ же по рукописи и уже не садясь въ кресла. — «Прощай, читатель; даже не очень настаиваю на томъ чтобы мы разстались друзьями: къ чему въ самомъ дѣлѣ тебя беспокоить? Даже, брани, о брани меня сколько хочешь, если тебѣ это доставитъ какое-нибудь удовольствіе. Но лучше всего, еслибы мы были другъ друга на вѣки. И еслибы всѣ вы, читатели, стали вдругъ настолько добры что стоя на колѣняхъ начали упрашивать со слезами: «Пиши, о пиши для насъ, Кармазиновъ — для отечества, для потомства, для лавровыхъ вѣнковъ», то и тогда бы я вамъ отвѣтилъ, разумѣется поблагодаривъ со всею учтивостью: «Нѣтъ ужъ, довольно мы повозились другъ съ другомъ, милые соотечественники, merci! Пора намъ въ разныя стороны! Merci, merci, merci.»

Кармазиновъ церемонно поклонился и весь красный какъ будто его сварили отправился за кулисы.

- И вовсе никто не будетъ стоять на колѣняхъ: дикая фантазія.
- Экое вѣдь самолюбіе!
- Это только юморъ, поправиль было кто-то потолковѣе.
- Нѣтъ, ужъ избавьте отъ вашего юмора.
- Однако вѣдь это дерзость, господа.
- По крайней мѣрѣ теперь-то хотъ кончилъ.
- Экъ скуки-то натащили!

Но всѣ эти невѣжественные возгласы заднихъ рядовъ (не однихъ впрочемъ заднихъ) были заглушены аплодисментомъ другой части публики. Вызывали Кармазинова. Нѣсколько дамъ, имѣя во главѣ Юлію Михайловну и предводительшу, столпились у эстрады. Въ рукахъ Юліи Михайловны явился роскошный лавровый вѣнокъ, на бѣлой бархатной подушкѣ, въ другомъ вѣнкѣ изъ живыхъ розъ.

— Лавры! произнесъ Кармазиновъ съ тонкою и нѣсколько язвительною усмѣшкой; — я, конечно, тронуть и принимаю этотъ заготовленный заранѣе, но еще не успѣвшій увянуть вѣнокъ съ живымъ чувствомъ; но увѣряю васъ, mesdames, я настолько вдругъ сдѣлался реалистомъ что считаю въ нашъ вѣкъ лавры гораздо умѣстнѣе въ рукахъ искуснаго повара, чѣмъ въ моихъ, хотя и не считаю себя впрочемъ поваромъ....

— Да повара-то полезнѣе, прокричалъ тотъ самый семинаристъ который былъ въ «засѣданіи» у Виргинскаго. Порядокъ нѣсколько нарушился. Изъ многихъ рядовъ повскачили чтобы видѣть церемонію съ лавровымъ вѣнкомъ.

— Я за повара теперь еще три цѣлковыхъ придамъ, громко подхватилъ другой голосъ, слишкомъ даже громко, громко съ настойчивостью.

- И я.
- И я.
- Да неужто здѣсь нѣтъ буфета?
- Господа, это просто обманъ....

Впрочемъ надо признаться что всѣ эти разнузданные господа еще сильно боялись нашихъ сановниковъ, да и пристава бывшаго въ залѣ. Кое-какъ минутъ въ десять всѣ опять размѣстились, но прежняго порядка уже не возстановлялось. И вотъ въ этотъ-то начинающійся хаосъ и попалъ бѣдный Степанъ Трофимовичъ....

IV.

Я однако сбѣгалъ къ нему еще разъ за кулисы и успѣлъ предупредить, внѣ себя, что по моему мнѣнію все лопнуло и что лучше ему вовсе не выходить, а сейчасъ же уѣхать домой, отговорившись хоть холериной, а я бы тоже скинулъ бантъ и съ нимъ отправился. Онъ въ это мгновение проходилъ уже на эстраду, вдругъ остановился, оглядѣлъ меня высококомѣрно съ головы до ногъ и торжественно произнесъ:

— Почему же вы считаете меня, милостивый государь, способнымъ на подобную низость?

Я отступилъ. Я убѣжденъ былъ какъ дважды два что безъ катастрофы онъ оттуда не выйдетъ. Между тѣмъ какъ я стоялъ въ полномъ уныніи, предо мною мелькнула опять фигура пріѣзжаго профессора, которому очередь была выходить послѣ Степана Трофимовича и который давеча все поднималъ вверхъ и спускалъ со всего размаху кулакъ. Онъ все еще такъ же расхаживалъ взадъ и впередъ, углубившись въ себя и бормоча что-то себѣ подъ носъ съ ехидною, но торжествующею улыбкой. Я как-то почти безъ намѣренія (дернуло же меня и тутъ) подошелъ и къ нему:

— Знаете, сказалъ я, — по многимъ примѣрамъ, если читающій держитъ публику болѣе двадцати минутъ, то она уже не слушаетъ. Полчаса никакая даже знаменитость не продержится....

Онъ вдругъ остановился и даже какъ бы весь затрясся отъ обиды. Необъятное высококомѣріе выразилось въ его лицѣ.

— Не беспокойтесь, пробормоталъ онъ презрительно и прошелъ мимо. Въ эту минуту раздался въ залѣ голосъ Степана Трофимовича.

«Э, чтобы васъ всѣхъ!» подумалъ я и побѣжалъ въ залу.

Степанъ Трофимовичъ усѣлся въ кресла, еще среди остававашагося безпорядка. Въ переднихъ рядахъ его видимо встрѣтили нерасположенные взгляды. (Въ клубѣ его въ послѣднее время какъ-то перестали любить и гораздо меньше прежняго уважали.) Впрочемъ и то ужъ было хо-

рошо что не шикали. Странная была у меня идея еще со вчерашняго дня: мнѣ все казалось что его тотчасъ же освищутъ, лишь только онъ покажется. А между тѣмъ его не сейчасъ даже и примѣтили за нѣкоторымъ остававшимся безпорядкомъ. И на что могъ надѣяться этотъ человекъ, если ужъ съ Кармазиновымъ такъ поступили? Онъ былъ блѣденъ; десять лѣтъ не являлся онъ предъ публикой. По волненію и по всему слишкомъ мнѣ въ немъ знакомому, для меня ясно было что и самъ онъ смотритъ на теперешнее появленіе свое на эстрадѣ какъ на рѣшеніе судьбы своей или въ родѣ того. Вотъ этого-то я и боялся. Дорогъ мнѣ былъ этотъ человекъ. И что же случилось со мной, когда онъ отверзъ уста, и я услышалъ его первую фразу!

— Господа! произнесъ онъ вдругъ, какъ бы рѣшившись на все, и въ то же время почти срывавшимся голосомъ: — Господа! Еще сегодня утромъ лежала предо мною одна изъ недавно разбросанныхъ здѣсь незаконныхъ бумажекъ, и я въ сотый разъ задавалъ себѣ вопросъ: «въ чемъ ея тайна?»

Вся зала разомъ притихла, всѣ взгляды обратились къ нему, иные съ испугомъ. Нечего сказать, умѣлъ заинтересовать съ перваго слова. Даже изъ-за кулисъ выставились головы; Липутинъ и Лямшинъ съ жадностію прислушивались. Юлія Михайловна опять замахала мнѣ рукой:

— Остановите, во что бы ни стало остановите! прошептала она въ тревогѣ. Я только пожалъ плечами; развѣ можно было остановить человека *рѣшившагося*? Увы, я понялъ Степана Трофимовича.

— Эге, о прокламаціяхъ! зашептали въ публикѣ; вся зала шевельнулась.

— Господа, я разрѣшилъ всю тайну. Вся тайна ихъ эффекта — въ ихъ глупости! (Глаза его засверкали). — Да, господа, будь это глупость умышленная, поддѣльная изъ разчета, — о это было бы даже геніально! Но надо отдать имъ полную справедливость: они ничего не поддѣляли. Это самая обнаженная, самая простодушная, самая коротенькая глупость, — *c'est la bêtise dans son essence la plus pure, quelque chose comme un simple chimique*¹. Будь это хоть каплю умнѣе высказано, и всякъ увидалъ бы тотчасъ всю нищету этой коротенькой глупости. Но теперь всѣ останавливаются въ недоумѣніи: никто не вѣритъ чтобъ это было такъ первоначально глупо. «Не можетъ быть чтобъ тутъ ничего больше не было», говоритъ себѣ всякій и ищетъ секрета, видитъ тайну, хочетъ прочесть между строчками, — эффектъ достигнуть! О, никогда еще глупость не получала такой торжественной награды, несмотря на то

¹ это глупость в ее самой чистой сущности, нечто вроде химического элемента (*франц.*).

что такъ часто ее заслуживала.... Ибо, en paranthèse², глупость, какъ и высочайшій геній одинаково полезны въ судьбахъ человѣчества....

— Каламбуры сороковыхъ годовъ! слышался чей-то весьма впрочемъ скромный голосъ, но вслѣдъ за нимъ все точно сорвалось; зашумѣли и загалдѣли.

— Господа, ура! Я предлагаю тостъ за глупость! прокричалъ Степанъ Трофимовичъ, уже въ совершенномъ изступленіи, бравирюя залу.

Я подбѣжалъ къ нему какъ бы подъ предлогомъ налить ему воды. — Степанъ Трофимовичъ, бросьте, Юлія Михайловна умоляетъ....

— Нѣтъ, бросьте вы меня, праздный молодой человѣкъ! накинулся онъ на меня во весь голосъ. Я убѣждалъ. — Messieurs!¹ продолжалъ онъ, къ чему волненіе, къ чему крики негодованія которые слышу? Я пришелъ съ оливною вѣтвію. Я принесъ послѣднее слово, ибо въ этомъ дѣлѣ обладаю послѣднимъ словомъ — и мы помиримся.

— Долой! кричали одни.

— Тише, дайте сказать, дайте высказаться, вопила другая часть. Особенно волновался юный учитель, который, разъ осмѣлившись заговорить, какъ будто уже не могъ остановиться.

— Messieurs, послѣднее слово этого дѣла — есть всепрощеніе. Я, отжившій старикъ, я объявляю торжественно что духъ жизни вѣтъ попрежнему и живая сила не изсякла въ молодомъ поколѣніи. Энтузіазмъ современной юности такъ же чистъ и свѣтелъ какъ и нашихъ временъ. Произошло лишь одно: перемѣщеніе цѣлей, замѣщеніе одной красоты другою! Все недоумѣніе лишь въ томъ что прекраснѣе: Шекспиръ или сапоги, Рафаэль или петролей?

— Это доносъ? ворчали одни.

— Компрометирующие вопросы!

— Agent-provocateur!²

— А я объявляю, въ послѣдней степени азарта провизжалъ Степанъ Трофимовичъ, — а я объявляю что Шекспиръ и Рафаэль — выше освобожденія крестьянъ, выше народности, выше социализма, выше юнаго поколѣнія, выше химіи, выше почти всего человѣчества, ибо они уже плодъ, настоящій плодъ всего человѣчества и можетъ-быть высшій плодъ какой только можетъ быть! Форма красоты уже достигнутая, безъ достиженія которой, я, можетъ, и жить-то не соглашусь.... О Боже! всплеснулъ онъ руками, — десять лѣтъ назадъ я точно такъ же кричалъ въ Петербургѣ, съ эстрады, точно то же и тѣми словами, и точно такъ же они не понимали ничего, смѣялись и шикали, какъ теперь; коротень-

² между прочим (франц.).

¹ Господа! (франц.).

² Агент-provocateur! (франц.).

кіе люди, чего вамъ недостаетъ чтобы понять? Да знаете ли, знаете ли вы что безъ Англичанина еще можно прожить человѣчеству, безъ Германіи можно, безъ русскаго человѣка слишкомъ возможно, безъ науки можно, безъ хлѣба можно, безъ одной только красоты невозможно, ибо совсѣмъ нечего будетъ дѣлать на свѣтѣ! Вся тайна тутъ, вся исторія тутъ! Сама наука не простоитъ минуты безъ красоты, — знаете ли вы про это, смѣющіеся, — обратится въ хамство, гвоздя не выдумаете!... Не уступлю! Нелѣпо прокричалъ онъ въ заключеніе и стукнулъ изо-всей силы по столу кулакомъ.

Но покамѣстъ онъ визжалъ безъ толку и безъ порядку, нарушался порядокъ и въ залѣ. Многіе повскачили съ мѣстъ, иные хлынули впередъ, ближе къ эстрадѣ. Вообще все это произошло гораздо быстрее чѣмъ я описываю, и мѣръ не успѣли принять. Можетъ тоже и не хотѣли.

— Хорошо вамъ на всемъ на готовомъ, баловники! проревѣлъ у самой эстрады тотъ же семинаристъ, съ удовольствіемъ скаля зубы на Степана Трофимовича. Тотъ замѣтилъ и подскочилъ къ самому краю:

— Не я ли, не я ли сейчасъ объявилъ что энтузіазмъ въ молодомъ поколѣніи такъ же чистъ и свѣтелъ какъ былъ, и что оно погибаетъ, ошибаясь лишь въ формахъ прекраснаго! Мало вамъ? И если взять что провозгласилъ это убитый, оскорбленный отецъ, то неужели, — о коротенькіе, — неужели можно стать выше въ безпристрастіи и спокойствіи взгляда?... Неблагодарные... несправедливые.... для чего, для чего вы не хотите мириться!...

И онъ вдругъ зарыдалъ истерически. Онъ утиралъ пальцами текущія слезы. Плечи и грудь его сотрясались отъ рыданій.... Онъ забылъ все на свѣтѣ.

Рѣшительный испугъ охватилъ публику, почти всѣ встали съ мѣстъ. Быстро вскочила и Юлія Михайловна, схвативъ подъ руку супруга и подымая его съ кресель.... Скандаль выходилъ непомятый.

— Степанъ Трофимовичъ! радостно проревѣлъ семинаристъ. — Здѣсь въ городѣ и въ окрестностяхъ бродитъ теперь Оедька-каторжный, бѣглый съ каторги. Онъ грабитъ и недавно еще совершилъ новое убійство. Позвольте спросить: еслибъ вы его пятнадцать лѣтъ назадъ не отдали въ рекруты въ уплату за карточный долгъ, то-есть попросту не проиграли въ картишки, скажите, попалъ бы онъ въ каторгу? рѣзалъ бы людей, какъ теперь, въ борьбѣ за существованіе? Что скажете, господинъ эстетикъ?

Я отказываюсь описывать послѣдовавшую сцену. Впервыхъ, раздался неистовый аплодисментъ. Аплодировали не всѣ, какая-нибудь пятая доля залы, но аплодировали неистово. Вся остальная публика хлы-

нула къ выходу, но такъ какъ аплодировавшая часть публики все тѣснилась впередъ къ эстрадѣ, то и произошло всеобщее замѣшательство. Дамы вскрикивали, нѣкоторыя дѣвицы заплакали и просились домой. Лембке, стоя у своего мѣста, дико и часто озирался кругомъ. Юлія Михайловна совсѣмъ потерялась — въ первый разъ во время своего у насъ поприща. Что же до Степана Трофимовича, то въ первое мгновеніе онъ, казалось, буквально былъ раздавленъ словами семинариста; но вдругъ поднялъ обѣ руки, какъ бы распростирая ихъ надъ публикой, и завопилъ:

— Отрясаю прахъ ногъ моихъ и проклиная.... Конецъ.... конецъ....

И повернувшись онъ побѣждалъ за кулисы, махая и грозя руками.

— Онъ оскорбилъ общество!.... Верховенскаго! заревѣли неистовые. Хотѣли даже броситься за нимъ въ погоню. Унять было невозможно, по крайней мѣрѣ въ ту минуту, и — вдругъ окончательная катастрофа какъ бомба разразилась надъ собраніемъ и треснула среди его: третій чтець, тотъ маньякъ который все махалъ кулакомъ за кулисами, вдругъ выбѣжалъ на сцену.

Видъ его былъ совсѣмъ сумашедшій. Съ широкою, торжествующею улыбкой, полной безмѣрной самоувѣренности, осматривалъ онъ взволнованную залу и, казалось, самъ былъ радъ безпорядку. Его ни мало не смущало что ему придется читать въ такой суматохѣ, напротивъ, видимо радовало. Это было такъ очевидно что съ разу обратило на себя вниманіе.

— Это еще что? раздались вопросы, — это еще кто? Тсъ! что онъ хочетъ сказать?

— Господа! закричалъ изо всей силы маньякъ, стоя у самаго края эстрады и почти такимъ же визгливо-женственнымъ голосомъ какъ и Кармазиновъ, но только безъ дворянскаго присюсюкиванія: — Господа! Двадцать лѣтъ назадъ, наканунѣ войны съ поль-Европой, Россія стояла идеаломъ въ глазахъ всѣхъ статскихъ и тайныхъ совѣтниковъ. Литература служила въ цензурѣ; въ университетахъ преподавалась шагистика; войско обратилось въ балетъ, а народъ платилъ подати и молчалъ подъ кнутомъ крѣпостнаго права. Патріотизмъ обратился въ дранье взятокъ съ живаго и съ мертваго. Не бравшіе взятокъ считались бунтовщиками, ибо нарушали гармонію. Березовыя роши истреблялись на помощь порядку. Европа трепетала.... Но никогда Россія, во всю безтолковую тысячу лѣтъ своей жизни, не доходила до такого позора....

Онъ поднялъ кулакъ, восторженно и грозно махая имъ надъ головой, и вдругъ яростно опустилъ его внизъ, какъ бы разбивая въ прахъ противника. Неистовый вопль раздался со всѣхъ сторонъ, грянулъ оглу-

шительный аплодисмантъ. Аплодировала уже чуть не половина залы; увлекались невиннѣйше: безчестилась Россія всенародно, публично, и развѣ можно было не ревѣть отъ восторга?

— Вотъ это дѣло! Вотъ такъ дѣло! Ура! Нѣтъ, это ужь не эстетика! Маньякъ продолжалъ въ восторгѣ.

— Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ. Университеты открыты и приумножены. Шагистика обратилась въ легенду; офицеровъ недостаетъ до комплекта тысячами. Желѣзныя дороги поѣли всѣ капиталы и облегчили Россію какъ паутиной, такъ что лѣтъ черезъ пятнадцать пожалуй можно будетъ куда-нибудь и съѣздить. Мосты горятъ только изрѣдка, а города сгораютъ правильно, въ установленномъ порядкѣ по-очереди, въ пожарный сезонъ. На судахъ Соломоновскіе приговоры, а присяжные берутъ взятки единственно лишь въ борьбѣ за существованіе, когда приходится умирать имъ съ голоду. Крѣпостные на волѣ и лупятъ другъ друга розгачами вмѣсто прежнихъ помѣщиковъ. Моря и океаны водки испиваются на помощь бюджету, а въ Новгородѣ, напротивъ древней и бесполезной Софіи — торжественно воздвигнутъ бронзовый колоссальный шаръ на память тысячелѣтію уже минувшаго безпорядка и безтолковщины. Европа хмурится и вновь начинаетъ беспокоиться... Пятнадцать лѣтъ реформъ! А между тѣмъ никогда Россія, даже въ самыя каррикатурныя эпохи своей безтолковщины, не доходила...

Послѣднихъ словъ даже нельзя было и слышать за ревомъ толпы. Видно было какъ онъ опять поднималъ руку и побѣдоносно еще разъ опустилъ ее. Восторгъ перешелъ всѣ предѣлы: вопили, хлопали въ ладоши, даже инныя изъ дамъ кричали: «Довольно! Лучше ничего не скажете!» Были какъ пьяные. Ораторъ обводилъ всѣхъ глазами и какъ бы таялъ въ собственномъ торжествѣ. Я видѣлъ мелькомъ что Лембке въ невыразимомъ волненіи кому-то что-то указывалъ. Юлія Михайловна, вся блѣдная, торопливо говорила о чемъ-то подбѣжавшему къ ней князю... Но въ эту минуту цѣлая толпа, человекъ въ шесть, лицъ болѣе или менѣе официальныхъ, ринулась изъ-за кулисъ на эстраду, подхватила оратора и повлекла за кулисы. Не понимаю какъ могъ онъ отъ нихъ вырваться, но онъ вырвался, вновь подскочилъ къ самому краю и успѣлъ еще прокричать что было мочи, махая своимъ кулакомъ:

— Но никогда Россія еще не доходила....

Но уже его тащили вновь. Я видѣлъ какъ человекъ пятнадцать, можетъ-быть, ринулись его освободить за кулисы, но не черезъ эстраду, а съ боку, разбивая легкую загородку, такъ что та наконецъ и упала... Я видѣлъ потомъ, не вѣря глазамъ своимъ, что на эстраду вдругъ откуда-то вскочила студентка (родственница Виргинскаго), съ тѣмъ же своимъ

сверткомъ подъ мышкой, такъ же одѣтая, такая же красная, такая же сытенькая, окруженная двумя-тремя женщинами, двумя-тремя мущинами, въ сопровожденіи смертельнаго врага своего гимназиста. Я успѣлъ даже разслышать фразу:

«Господа я пріѣхала чтобъ заявить о страданіяхъ несчастныхъ студентовъ и возбудить ихъ повсемѣстно къ протесту.»

Но я бѣжалъ. Свой бантъ я спряталъ въ карманъ, и задними ходами, мнѣ извѣстными, выбрался изъ дому на улицу. Прежде всего, конечно, къ Степану Трофимовичу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Окончаніе праздника.

I.

Онъ меня не принялъ. Онъ заперся и писалъ. На мой повторительный стукъ и зовъ отвѣчалъ сквозь двери:

— Другъ мой, я все покончилъ, кто можетъ требовать отъ меня болѣе?

— Вы ничего не кончили, а только способствовали что все провалилось. Ради Бога безъ каламбуровъ, Степанъ Трофимовичъ; отворяйте. Надо принять мѣры; къ вамъ еще могутъ придти и васъ оскорбить....

Я считалъ себя въ правѣ быть особенно строгимъ и даже взыскательнымъ. Я боялся чтобъ онъ не предпринялъ чего-нибудь еще безумнѣе. Но къ удивленію моему встрѣтилъ необыкновенную твердость:

— Не оскорбляйте же меня первый. Благодарю васъ за все прежнее, но повторяю что я все покончилъ съ людьми, съ добрыми и злыми. Я пишу письмо къ Дарьѣ Павловнѣ, которую такъ непростительно забывалъ до сихъ поръ. Завтра снесите его, если хотите, а теперь «merci».

— Степанъ Трофимовичъ, увѣряю васъ что дѣло серіознѣе чѣмъ вы думаете. Вы думаете что вы тамъ кого-нибудь раздробили? Никого вы не раздробили, а сами разбились какъ пустая стеклянка (о, я былъ грубъ и невѣжливъ; вспоминаю съ огорченіемъ!). Къ Дарьѣ Павловнѣ вамъ рѣшительно писать незачѣмъ.... и куда вы теперь безъ меня дѣнетесь? Что смыслите вы на практикѣ? Вы вѣрно еще что-нибудь замышляете? Вы только еще разъ пропадете, если опять что-нибудь замышляете....

Онъ всталъ и подошелъ къ самымъ дверямъ.

— Вы пробыли съ ними не долго, а заразились ихъ языкомъ и тономъ, Dieu vous pardonne mon ami et Dieu vous garde¹. Но я всегда замѣчалъ въ васъ зачатки порядочности, и вы можетъ-быть еще одумаетесь, — après le temps², разумѣется, какъ и всѣ мы, русскіе люди. На счетъ замѣчанія вашего о моей непрактичности, напомнимъ вамъ одну мою давнишнюю мысль: что у насъ въ Россіи цѣлая бездна людей тѣмъ и занимаются что всего яростнѣе и съ особеннымъ надоѣданіемъ, какъ мухи лѣтомъ, нападаютъ на чужую непрактичность, обвиняя въ ней всѣхъ и каждого, кромѣ только себя. Cher, вспомните что я въ волненіи и не мучьте меня. Еще разъ вамъ merci за все и разстанемся другъ съ другомъ какъ Кармазиновъ съ публикой, то-есть забудемъ другъ друга какъ можно великодушнѣе. Это онъ схитрилъ что такъ слишкомъ ужъ упрасивалъ о забвеніи своихъ бывшихъ читателей; quant-á-moi³ я не такъ самолюбивъ и болѣе всего надѣюсь на молодость вашего неискушеннаго сердца: гдѣ вамъ долго помнить бесполезнаго старика? «Живите больше», мой другъ, какъ пожелала мнѣ въ прошлыя именины Настасья (ces pauvres gens ont quelquefois des mots charmants et pleins de philosophie⁴). Не желаю вамъ много счастья — наскучить; не желаю и бѣды; а вслѣдъ за народною философіей повторю просто: «живите больше» и постарайтесь какъ-нибудь не очень скучать; это тщетное пожеланіе прибавлю уже отъ себя. Ну, прощайте и прощайте серьезно. Да не стойте у моихъ дверей, я не отопру.

Онъ отошелъ, и я болѣе ничего не добился. Несмотря на «волненіе», онъ говорилъ плавно, неспѣшно, съ вѣсомъ и видимо стараясь внушить. Конечно онъ на меня нѣсколько досадовалъ и косвенно мстилъ мнѣ, ну можетъ еще за вчерашнія «кибитки» и «раздвигающіяся половицы». Публичныя же слезы сего утра, несмотря на нѣкотораго рода побѣду, ставили его, онъ зналъ это, въ нѣсколько комическое положеніе, а не было человѣка столь заботящагося о красотѣ и о строгости формъ въ сношеніяхъ съ друзьями какъ Степанъ Трофимовичъ. О, я не виню его! Но эта-то щепетильность и саркастичность, удержавшіяся въ немъ, несмотря на всѣ потрясенія, меня тогда и успокоили: человѣкъ такъ мало, повидимому, измѣнившійся противъ всегдашняго ужъ конечно не расположенъ въ ту минуту къ чему-нибудь трагическому или необычайному. Такъ я тогда разсудилъ и, Боже мой, какъ ошибся! Слишкомъ многое я упустилъ изъ виду....

¹ да простит вас Бог, мой друг, и да хранит Он вас (*франц.*).

² со временем (*франц.*).

³ что касается меня (*франц.*).

⁴ у этих бедных людей бывают иногда прелестные выражения, полные философского смысла (*франц.*).

Предупреждая событія приведу нѣсколько первыхъ строкъ этого письма къ Дарьѣ Павловнѣ, которое та дѣйствительно назавтра же получила.

«Mon enfant¹, рука моя дрожитъ, но я все закончилъ. Васъ не было въ послѣдней схваткѣ моей съ людьми; вы не приѣхали на это «чтеніе» и хорошо сдѣлали. Но вамъ разкажутъ что въ нашей обнищавшей характерами Россіи всталъ одинъ бодрый человекъ, и несмотря на смертныя угрозы, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ, сказалъ этимъ дурачкамъ ихъ правду, то-есть что они дурачки. O, ce sont des pauvres petits vauriens et rien de plus, des petits дурачки — voilà le mot²! Жребий брошенъ; я ухажу изъ этого города на вѣки и не знаю куда. Всѣ кого любилъ отъ меня отвернулись. Но вы, вы созданіе чистое и наивное, вы, кроткая, которой судьба едва не соединилась съ моею, по волѣ одного капризнаго и самовластнаго сердца, вы можете-быть съ презрѣніемъ смотрѣвшая, когда я проливалъ мои малодушныя слезы наканунѣ несостоявшагося нашего брака; вы, которая не можете, кто бы вы ни были, смотрѣть на меня иначе какъ на лицо комическое, о, вамъ, вамъ послѣдній крикъ моего сердца, вамъ послѣдній мой долгъ, вамъ одной! Не могу же оставить васъ на вѣки съ мыслию обо мнѣ какъ о неблагодарномъ глупцѣ, невѣжѣ и эгоистѣ, какъ вѣроятно и утверждаетъ вамъ обо мнѣ ежедневно одно неблагодарное и жестокое сердце, которое, увы, не могу забыть»...

И такъ далѣе, и такъ далѣе, всего четыре страницы большаго формата.

Стукнувъ въ отвѣтъ на его «не отопру» три раза въ дверь кулакомъ, и прокричавъ ему вслѣдъ что онъ сегодня же три раза пришлетъ замной Настасью, но я уже самъ не пойду, я бросилъ его и побѣжалъ къ Юліи Михайловнѣ.

II.

Здѣсь я очутился свидѣтелемъ сцены возмутительной: бѣдную женщину обманывали въ глаза, а я ничего не могъ сдѣлать. Въ самомъ дѣлѣ что могъ я сказать ей? Я уже успѣлъ нѣсколько опомниться и разсудить что у меня всего лишь какія-то ощущенія, подозрительныя предчувствія, а болѣе вѣдь ничего. Я засталъ ее въ слезахъ, почти въ истерикѣ, за одеколонными примочками, за стаканомъ воды. Предъ нею стоялъ Петръ Степановичъ, говорившій безъ умолку, и князь, молчавшій какъ будто его заперли на замокъ. Она со слезами и вскрикиваніями укоряла Петра Степановича за «отступничество». Меня сразу поразило что всю

¹ Дитя мое (франц.).

² <О,> это жалкие мелкіе негодяи и больше ничего, жалкіе <дурачки> — именно так! (франц.).

неудачу, весь позоръ этого утра, однимъ словомъ все, она приписывала одному лишь отсутствію Петра Степановича.

Въ немъ же я замѣтилъ одну важную переѣну: онъ былъ какъ будто чѣмъ-то слишкомъ ужъ озабоченъ, почти серіозенъ. Обыкновенно онъ никогда не казался серіознымъ, всегда смѣялся, даже когда злился, а злился онъ часто. О, онъ и теперь былъ золъ, говорилъ грубо, небрежно, съ досадою и нетерпѣніемъ. Онъ увѣрялъ что заболѣлъ головою болью и рвотой на квартирѣ у Гаганова, къ которому забѣжалъ случайно раннимъ утромъ. Увы, бѣдной женщинѣ такъ хотѣлось быть еще обманутою! Главный вопросъ который я засталъ на столѣ состоялъ въ томъ: быть или не быть балу, то-есть всей второй половинѣ праздника? Юлія Михайловна ни за что не соглашалась явиться на балъ послѣ «давешнихъ оскорбленій», другими словами, всѣми силами желала быть къ тому принужденною, и непременно имъ, Петромъ Степановичемъ. Она глядѣла на него какъ на оракула и, кажется, еслибъ онъ сейчасъ ушелъ, то слегла бы въ постель. Но онъ и не хотѣлъ уходить: ему самому надо было изо всѣхъ силъ чтобы балъ состоялся сегодня, и чтобъ Юлія Михайловна непременно была на немъ..

— Ну, чего плакать! Вамъ непременно надо сцену? На комъ-нибудь злобу сорвать? Ну и рвите на мнѣ, только скорѣе, потому что время идетъ, а надо рѣшаться. Напортили чтеніемъ, скрасимъ баломъ. Вотъ и князь того же мнѣнія. Да-съ, не будь князя, чѣмъ бы у васъ тамъ кончилось?

Князь былъ въ началѣ противъ бала (то-есть противъ появленія Юліи Михайловны на балѣ, балъ же во всякомъ случаѣ долженъ былъ состояться), но послѣ двухъ-трехъ такихъ ссылокъ на его мнѣніе, онъ сталъ мало-по-малу мычать въ знакъ согласія.

Удивила меня тоже ужъ слишкомъ необыкновенная невѣжливость тона Петра Степановича. О, я съ негодованіемъ отвергаю низкую сплетню, распространившуюся уже потомъ, о какихъ-то будто бы связяхъ Юліи Михайловны съ Петромъ Степановичемъ. Ничего подобнаго не было и быть не могло. Взялъ онъ надъ нею лишь тѣмъ что поддакивалъ ей изо всѣхъ силъ съ самага начала въ ея мечтахъ вліять на общество и на министерство, вошелъ въ ея планы, самъ сочинялъ ихъ ей, дѣйствовалъ грубѣйшею лестью, опуталъ ее съ головы до ногъ и сталъ ей необходимъ какъ воздухъ.

Увидѣвъ меня она вскричала, сверкая глазами:

— Вотъ спросите его, онъ тоже все время не отходилъ отъ меня, какъ и князь. Скажите, не явно ли что все это заговоръ, низкій, хитрый заговоръ, чтобы сдѣлать все что только можно злаго мнѣ и Андрею Ан-

тоновичу? О, они уговорились! У нихъ былъ планъ. Это партія, цѣлая партія!

— Далеко махнули, какъ и всегда. Вѣчно въ головѣ поэма. Я, впрочемъ, радъ господину... (онъ сдѣлалъ видъ что забылъ мое имя), онъ скажетъ намъ свое мнѣніе.

— Мое мнѣніе, поторопился я, — во всемъ согласно съ мнѣніемъ Юліи Михайловны. Заговоръ слишкомъ явный. Я принесъ вамъ эти ленты, Юлія Михайловна. Состоится или не состоится балъ, — это, конечно, не мое дѣло, потому что не моя власть; но роль моя, какъ распорядителя, кончена. Простите мою горячность, но я не могу дѣйствовать въ ущербъ здравому смыслу и убѣжденію.

— Слышите, слышите! всплеснула она руками.

— Слышу-съ и вотъ что скажу вамъ, обратился онъ ко мнѣ, — я полагаю что всѣ вы чего-то такого съѣли, отъ чего всѣ въ бреду. По-моему ничего не произошло, ровно ничего такого чего не былопрежде и чего не могло быть всегда въ здѣшнемъ городѣ. Какой заговоръ? Вышло некрасиво, глупо до позора, но гдѣ же заговоръ? Это противъ Юліи-то Михайловны, противъ ихней-то баловницы, покровительницы, прощавшей имъ безъ пути всѣ ихъ школьничества? Юлія Михайловна! О чемъ я вамъ долбилъ весь мѣсяцъ безъ умолку? О чемъ предупреждалъ? Ну на что, на что вамъ былъ весь этотъ народъ? Надо было связаться съ людьмишками! Зачѣмъ, для чего? Соединять общество? Да развѣ они соединятся, помилосердуйте!

— Когда же вы предупреждали меня? Напротивъ, вы одобряли, вы даже требовали... Я, признаюсь, до того удивлена... Вы сами ко мнѣ приводили многихъ странныхъ людей.

— Напротивъ, я спорилъ съ вами, а не одобрялъ, а водить — это точно водилъ, но когда уже они сами налѣзли дюжинами, и то только въ послѣднее время, чтобы составить «кадриль литературы», а безъ этихъ хамовъ не обойдешься. Но только бьюсь объ закладъ, сегодня десятокъ-другой такихъ же другихъ хамовъ безъ билетовъ провели!

— Непремѣнно, подтвердилъ я.

— Вотъ видите, вы уже соглашаетесь. Вспомните, какой былъ въ послѣднее время здѣсь тонъ, то-есть во всемъ городишкѣ? Вѣдь это обратилось въ одно только нахальство, безстыдство; вѣдь это былъ скандалъ съ трезвономъ безъ перерыву. А кто поощрялъ? Кто авторитетомъ своимъ прикрывалъ? Кто всѣхъ съ толку сбиль? Кто всю мелюзгу разозлилъ? Вѣдь у васъ въ альбомѣ всѣ здѣшнія семейныя тайны воспроизведены. Не вы ли гладили по головкѣ вашихъ поэтовъ и рисовальщиковъ? Не вы ли давали цѣловать ручку Лямшину? Не въ вашемъ ли при

существовані семинаристъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника обругалъ, а его дочери дегтярными сапожищами платье испачкалъ? Чего жъ вы удивляетесь что публика противъ васъ настроена?

— Но вѣдь это все вы, вы же сами! О, Боже мой!

— Нѣтъ-съ, я васъ предостерегалъ, мы ссорились, слышите ли, мы ссорились!

— Да вы въ глаза лжете.

— Ну да ужъ конечно вамъ это ничего не стоитъ сказать. Вамъ теперь надо жертву, на комъ-нибудь злобу сорвать; ну и рвите на мнѣ, я сказалъ. Я лучше къ вамъ обращусь, господинъ... (Онъ все не могъ вспомнить моего имени.) Сочтемъ по пальцамъ: я утверждаю что кромѣ Липутина никакого заговора не было, ни-ка-кого! Я докажу, но анализируемъ сначала Липутина. Онъ вышелъ со стихами дурака Лебядкина — что жъ это, по-вашему, заговоръ? Да знаете ли что Липутину это просто остроумнымъ могло показаться? Серіозно, серіозно остроумнымъ. Онъ просто вышелъ съ цѣлюю всѣхъ насмѣшить и развеселить, а покровительницу Юлію Михайловну первую, вотъ и все. Не вѣрите? Ну не въ тонѣ ли это всего того что было здѣсь цѣлый мѣсяць? И хотите все скажу: Ей-Богу, при другихъ обстоятельствахъ пожалуй бы и прошло! Шутка грубая, ну тамъ сильная что ли, а вѣдь смѣшная, вѣдь смѣшная?

— Какъ! Вы считаете поступокъ Липутина остроумнымъ? въ страшномъ негодованіи вскричала Юлія Михайловна, — этакую глупость, этакую безтактность, эту низость, подлость, этотъ умыселъ, о, вы это нарочно! Вы сами съ ними послѣ этого въ заговорѣ!

— Непремѣнно, сзади сидѣлъ, спрятался, всю машинку двигалъ! Да вѣдь еслибъ я участвовалъ въ заговорѣ, вы хоть это поймите! такъ не кончилось бы однимъ Липутинымъ! Стало-быть я, по-вашему, сговорился и съ папенькой, чтобъ онъ нарочно такой скандалъ произвелъ? Ну-съ, кто виноватъ что папашу допустили читать? Кто васъ вчера останавливалъ, еще вчера, вчера?

— Oh, hier il avait tant d'esprit¹, я такъ разчитывала, и притомъ у него манеры: я думала, онъ и Кармазиновъ... и вотъ!

— Да-съ и вотъ. Но несмотря на весь tant d'esprit папенька подгадилъ, а еслибъ я самъ зналъ впередъ что онъ такъ подгадитъ, то, принадлежа къ несомнѣнному заговору противъ вашего праздника, я бы ужъ, безъ сомнѣнія, васъ не сталъ вчера уговаривать не пускать козла въ огородъ, такъ ли-съ? А между тѣмъ я васъ вчера отговаривалъ, — отговаривалъ потому что предчувствовалъ. Все предусмотрѣтъ, разумѣется, возможности не было: онъ навѣрно и самъ не зналъ, еще за

¹ О, вчера он был так остроумен (франц.).

минуту, чѣмъ выпалить. Эти нервныя старички развѣ похожи на людей? Но еще можно спасти: пошлите къ нему завтра же, для удовлетворенія публики, административнымъ порядкомъ и со всѣми **онерами**, двухъ докторовъ, узнать о здоровьи, даже сегодня бы можно, и прямо въ больницу на холодныя примочки. По крайней мѣрѣ всѣ разсмѣются и увидятъ что обижаются нечѣмъ. Я объ этомъ еще сегодня же на балѣ завѣщу, такъ какъ я сынъ. Другое дѣло Кармазиновъ, тотъ вышелъ зеленымъ осломъ и протащилъ свою статью цѣлый часъ, — вотъ ужъ этотъ, безъ сомнѣнія, со мной въ заговорѣ! Дай дескать ужъ и я нагажу, чтобы повредить Юліи Михайловнѣ!

— О, Кармазиновъ, quelle honte¹! Я сгорѣла, сгорѣла со стыда за нашу публику!

— Ну-съ, я бы не сгорѣлъ, а его самого исжарилъ. Публика-то вѣдь права. А кто опять виноватъ въ Кармазиновѣ? Навязывалъ я вамъ его или нѣтъ? Участвовалъ въ его обожаніи или нѣтъ? Ну да чортъ съ нимъ, а вотъ третій маньякъ, политическій, ну это другая статья. Тутъ ужъ всѣ дали маху, а не мой одинъ заговоръ.

— Ахъ не говорите, это ужасно, ужасно! Въ этомъ я, я одна виновата!

— Конечно-съ, но ужъ тутъ я васъ оправдаю. Э, кто за ними усмотритъ, за откровенными! Отъ нихъ и въ Петербургѣ не уберегутся. Вѣдь онъ вамъ былъ рекомендованъ; да еще какъ! Такъ согласитесь что вы теперь даже обязаны появиться на балѣ. Вѣдь это штука важная, вѣдь вы его сами на кафедре взвели. Вы именно должны теперь публично заявить что вы съ этимъ не солидарны, что молодецъ уже въ рукахъ полиціи, а что вы были необъяснимымъ образомъ обмануты. Вы должны объявить съ негодованіемъ что вы были жертвою сумасшедшаго человѣка. Потому что вѣдь это сумасшедшій и больше ничего. О немъ такъ и доложить надо. Я этихъ кусающихся терпѣть не могу. Я пожалуй самъ еще пуще говорю, но вѣдь не съ кафедры же. А они теперь какъ разъ кричатъ про сенатора.

— Про какого сенатора? Кто кричитъ?

— Видите ли, я самъ ничего не понимаю. Вамъ, Юлія Михайловна, ничего неизвѣстно про какого-нибудь сенатора?

— Сенатора?

— Видите ли, они убѣждены что сюда назначенъ сенаторъ, а что васъ смѣняютъ изъ Петербурга. Я отъ многихъ слышалъ.

— И я слышалъ, подтвердилъ я.

— Кто это говорилъ? вся вспыхнула Юлія Михайловна.

---

¹ какой стыд (*франц.*).

— То-есть кто заговорилъ первый? Почемъ я знаю. А такъ, говорятъ. Масса говоритъ. Вчера особенно говорили. Всѣ какъ-то ужь очень серіозны, хоть ничего не разберешь. Конечно кто поумнѣе и покомпетентнѣе — не говорятъ, но и изъ тѣхъ иные прислушиваются.

— Какая низость! И.... какая глупость!

— Ну такъ вотъ именно вамъ теперь и явиться, чтобы показать этимъ дуракамъ.

— Признаюсь, я сама чувствую что я даже обязана, но.... что если ждетъ другой позоръ? Что если не соберутся? Вѣдь никто не пріѣдетъ, никто, никто!

— Экой пламень! Это они-то не пріѣдутъ? А платья нашитыя, а костюмы дѣвицъ? Да я отъ васъ послѣ этого какъ отъ женщины отрекаюсь. Вотъ человѣкознаніе!

— Предводительша не будетъ, не будетъ!

— Да что тутъ наконецъ случилось! Почему не пріѣдутъ? вскричалъ онъ наконецъ въ злобномъ нетерпѣніи.

— Безславіе, позоръ, — вотъ что случилось. Было я не знаю что, но такое послѣ чего мнѣ войти невозможно.

— Почему? Да вы-то наконецъ чѣмъ виноваты? Съ чего вы берете вину на себя? Не виновата ли скорѣе публика, ваши старцы, ваши отцы семействъ? Они должны были негодяевъ и шелопаевъ сдержать, — потому что тутъ вѣдь одни шелопаи да негодяи, и ничего серіознаго. Ни въ какомъ обществѣ и нигдѣ одною полиціей не управишься. У насъ каждый требуетъ, входя, чтобъ за нимъ особаго кварташку отрядили его оберегать. Не понимаютъ что общество оберегаетъ само себя. А что у насъ дѣлаютъ отцы семействъ, сановники, жены, дѣвы въ подобныхъ обстоятельствахъ? Молчатъ и дуются. Даже настолько чтобы шалуновъ сдержать общественной инициативы недостаетъ.

— Ахъ, это золотая правда! Молчатъ, дуются и.... озираются.

— А коли правда, вамъ тутъ ее и высказать, вслухъ, гордо, строго. Именно показать что вы не разбиты. Именно этимъ старичкамъ и матерямъ. О, вы сумѣете, у васъ есть даръ, когда голова ясна. Вы ихъ сгруппируете и вслухъ, и вслухъ. А потомъ корреспонденцію въ *Голосъ* и въ *Биржевыя*. Пойдите, я самъ за дѣло возьмусь, я вамъ все устрою. Разумѣется побольше вниманія, наблюдать буфетъ; просить князя, просить господина... Не можете же вы насъ оставить Mr, когда именно надо все вновь начинать. Ну и наконецъ вы подъ руку съ Андреемъ Антоновичемъ. Какъ здоровье Андрея Антоновича?

— О, какъ несправедливо, какъ невѣрно, какъ обидно судили вы всегда объ этомъ ангельскомъ человѣкѣ! вдругъ, съ неожиданнымъ по-

рывомъ и чуть не со слезами вскричала Юлія Михайловна, поднося пла-токъ къ глазамъ. Петръ Степановичъ въ первое мгновеніе даже осѣкся:

— Помилуйте, я... да я что же.... я всегда...

— Вы никогда, никогда! Никогда вы не отдавали ему справедливо-сти!

— Никогда не поймешь женщину! проворчалъ Петръ Степановичъ съ кривою усмѣшкой.

— Это самый правдивый, самый деликатный, самый ангельскій че-ловѣкъ! Самый добрый человѣкъ!

— Помилуйте, да я что жъ на счетъ доброты.... я всегда отдавалъ на счетъ доброты....

— Никогда! Но оставимъ. Я слишкомъ неловко вступилась. Давеча этотъ іезуитъ предводительша закинула тоже нѣсколько саркастиче-скихъ намековъ о вчерашнемъ.

— О, ей теперь не до намековъ о вчерашнемъ, у ней нынѣшнее. И чего вы такъ беспокоитесь что она на балъ не пріѣдетъ? Конечно не пріѣдетъ, коли вѣхала въ такой скандалъ. Можетъ она и не виновата, а все-таки репутація; ручки грязны.

— Что такое, я не пойму: почему руки грязны? съ недоумѣніемъ по-смотрѣла Юлія Михайловна.

— То-есть я вѣдь не утверждаю, но въ городѣ уже звонятъ что она-то и сводила.

— Что такое? Кого сводила?

— Э, да вы развѣ еще не знаете? вскричалъ онъ съ удивленіемъ, от-лично поддѣланнымъ, — да Ставрогина и Лизавету Николаевну!

— Какъ? Что? вскричали мы всѣ.

— Да неужто же не знаете? Фью! Да вѣдь тутъ траги-романы произошли: Лизавета Николаевна прямо изъ кареты предводительши изволила пересѣсть въ карету Ставрогина и улизнула съ «симъ послѣд-нимъ» въ Скворешники среди бѣла дня. Всего часъ назадъ, часу нѣтъ.

Мы остолбенѣли. Разумѣется кинулись разспрашивать далѣе, но къ удивленію, онъ хоть и былъ самъ, «нечаянно», свидѣтелемъ, ничего од-накоже не могъ разказать обстоятельно. Дѣло происходило будто бы такъ: когда предводительша подвезла Лизу и Маврикія Николаевича, съ «чтенія», къ дому Лизиной матери (все больной ногами), то недалеко отъ подъѣзда, шагахъ въ двадцати пяти, въ сторонкѣ, ожидала чья-то карета. Когда Лиза выпрыгнула на подъѣздъ, то прямо побѣжала къ этой каретѣ; дверца отворилась, захлопнулась; Лиза крикнула Маврикію Николаевичу: «Пощадите меня!» — и карета во всю прыть понеслась въ Скворешники. На торопливые вопросы наши: Было ли тутъ условіе? Кто

сидѣлъ въ каретѣ? — Петръ Степановичъ отвѣчалъ что ничего не знаетъ; что ужь конечно было условіе, но что самого Ставрогина въ каретѣ не разглядѣлъ; могло быть что сидѣлъ камердинеръ, старичокъ Алексѣй Егорычъ. На вопросъ: «Какъ же вы тутъ очутились? И почему навѣрно знаете что поѣхали въ Скворешники?» — онъ отвѣтилъ что случился тутъ потому что проходилъ мимо, а увидавъ Лизу даже подбѣжалъ къ каретѣ (и все-таки не разглядѣлъ кто въ каретѣ, при его-то любопытствѣ!), а что Маврикій Николаевичъ не только не пустился въ погоню, но даже не попробовалъ остановить Лизу, даже своею рукой придержалъ кричавшую во весь голосъ предводительшу: «Она къ Ставрогину, она къ Ставрогину!» Тутъ я вдругъ вышелъ изъ терпѣнія и въ бѣшенствѣ закричалъ Петру Степановичу:

— Это ты, негодяй, все устроилъ! Ты на это и утро убилъ. Ты Ставрогину помогалъ, ты пріѣхалъ въ каретѣ, ты посадилъ... ты, ты, ты! Юлія Михайловна, это врагъ вашъ, онъ погубить и васъ! Берегитесь!

И я опрометью выбѣжалъ изъ дому.

Я до сихъ поръ не понимаю и самъ дивлюсь какъ это я тогда ему крикнулъ. Но я совершенно угадалъ: все почти такъ и произошло какъ я ему высказалъ, что и оказалось въ послѣдствіи. Главное, слишкомъ замѣтенъ былъ тотъ очевидно фальшивый пріемъ съ которымъ онъ сообщилъ извѣстіе. Онъ не сейчасъ разказалъ, прійдя въ домъ, какъ первую и чрезвычайную новость, а сдѣлалъ видъ что мы будто ужь знаемъ и безъ него, — что невозможно было въ такой короткій срокъ. А еслибы и знали, все равно не могли бы молчать о томъ, пока онъ заговорить. Не могъ онъ тоже слышать что въ городѣ уже «звонятъ» про предводительшу, опять-таки по краткости срока. Кромѣ того, разказывая, онъ раза два какъ-то подло и вѣтренно улыбнулся, вѣроятно считая насъ уже за вполнѣ обманутыхъ дураковъ. Но мнѣ было уже не до него; главному факту я вѣрилъ и выбѣжалъ отъ Юліи Михайловны внѣ себя. Катастрофа поразила меня въ самое сердце. Мнѣ было больно почти до слезъ; да можетъ-быть я и плакалъ. Я совсѣмъ не зналъ что предпринять. Бросился къ Степану Трофимовичу, но досадный человекъ опять не отперъ. Настасья увѣряла меня съ благоговѣйнымъ шепотомъ что легъ поживать, но я не повѣрилъ. Въ домѣ Лизы мнѣ удалось разспросить слугъ; они подтвердили о бѣгствѣ, но ничего не знали сами. Въ домѣ происходила тревога; съ больною барыней начались обмороки, а при ней находился Маврикій Николаевичъ. Мнѣ показалось невозможнымъ вызвать Маврикія Николаевича. О Петрѣ Степановичѣ, на разспросы мои, подтвердили что онъ шнырялъ въ домѣ всѣ послѣдніе дни, иногда по два раза на день. Слуги были грустны и говорили о Лизѣ съ

какою-то особенною почтительностію; ее любили. Что она погибла, погибла совсѣмъ, — въ этомъ я не сомнѣвался, но психологической стороны дѣла я рѣшительно не понималъ, особенно послѣ вчерашней сцены ея съ Ставрогинимъ. Бѣгать по городу и справляться въ знакомыхъ, злорадныхъ домахъ, гдѣ уже вѣсть конечно теперь разнеслась, казалось мнѣ противнымъ, да и для Лизы унижительнымъ. Но странно что я забѣжалъ къ Дарьѣ Павловнѣ, гдѣ впрочемъ меня не приняли (въ Ставрогинскомъ домѣ никого не принимали со вчерашняго дня); не знаю что бы могъ я сказать ей и для чего забѣгалъ? Отъ нея направился къ ея брату. Шатовъ выслушалъ угрюмо и молча. Замѣчу что я засталъ его еще въ небываломъ мрачномъ настроеніи; онъ былъ ужасно задумчивъ и выслушалъ меня какъ бы черезъ силу. Онъ почти ничего не сказалъ и сталъ ходить взадъ и впередъ, изъ угла въ уголь, по своей каморкѣ, больше обыкновеннаго топая сапогами. Когда же я сходилъ уже съ лѣстницы, крикнулъ мнѣ вслѣдъ чтобъ я зашелъ къ Липутину: «Тамъ все узнаете». Но къ Липутину я не зашелъ, а воротился уже далеко съ дороги опять къ Шатову, и полурастворивъ дверь, не входя, предложилъ ему лаконически и безъ всякихъ объясненій: «Не сходить ли онъ сегодня къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ?» На это Шатовъ выбранился, и я ушелъ. Записываю чтобы не забыть, что въ тотъ же вечеръ онъ нарочно ходилъ на край города къ Марьѣ Тимоѳеевнѣ, которую давненько не видалъ. Онъ нашелъ ее въ возможно добромъ здоровьи и расположеніи, а Лебядкина мертвецки пьянымъ, спавшимъ на диванѣ въ первой комнатѣ. Было это ровно въ девять часовъ. Такъ самъ онъ мнѣ передавалъ уже на завтра, встрѣтятся со мной впопыхахъ на улицѣ. Я уже въ десятомъ часу вечера рѣшился сходить на балъ, но уже не въ качествѣ «молодаго человѣка распорядителя» (да и бантъ мой остался у Юліи Михайловны), а изъ непреодолимаго любопытства прислушаться (не спрашивая): какъ говорятъ у насъ въ городѣ обо всѣхъ этихъ событіяхъ вообще? Да и на Юлію Михайловну хотѣлось мнѣ поглядѣть, хотя бы издали. Я очень упрекалъ себя что такъ забѣжалъ отъ нея давеча.

III.

Вся эта ночь съ своими почти нелѣпыми событіями и съ страшною «развязкой» на утро мерещится мнѣ до сихъ поръ какъ безобразный кошмарный сонъ и составляетъ, — для меня по крайней мѣрѣ, — самую тяжелую часть моей хроники. Я хотя и опоздалъ на балъ, но все-таки пріѣхалъ къ его концу, — такъ быстро суждено было ему окончиться. Былъ уже одиннадцатый часъ, когда я достигъ подъѣзда дома предводительши, гдѣ та же давешняя Бѣлая Зала, въ которой происходило

чтеніе, уже была, несмотря на малый срокъ, прибрана и приготовлена служить главною танцевальною залой, какъ предполагалось, для всего города. Но какъ ни былъ я худо настроенъ въ пользу бала еще давеча утромъ, — все же я не предчувствовалъ полной истины: ни единого семейства изъ высшаго круга не явилось; даже чиновники чуть-чуть по-значительнѣе манкировали, — а ужъ это была чрезвычайно сильная черта. Что до дамъ и дѣвицъ, то давешніе расчеты Петра Степановича (теперь уже очевидно коварные) оказались въ высшей степени неправильными: съѣхалось чрезвычайно мало; на четырехъ мужчинъ врядъ ли приходилась одна дама, да и какія дамы! «Какія-то» жены полковыхъ оберъ-офицеровъ, разная почтамская и чиновничья мелюзга, три лѣкарши съ дочерьми, двѣ-три помѣщицы изъ бѣдненькихъ, семь дочерей и одна племянница того секретаря о которомъ я какъ-то упоминалъ выше, купчихи, — того ли ожидала Юлія Михайловна? Даже купцы на половину не съѣхались. Что до мужчинъ, то несмотря на компактное отсутствіе всей нашей знати, масса ихъ все-таки была густа, но производила двусмысленное и подозрительное впечатлѣніе. Конечно тутъ было нѣсколько весьма тихихъ и почтительныхъ офицеровъ съ своими женами, нѣсколько самыхъ послушныхъ отцовъ семействъ, какъ все тотъ же напимѣръ секретарь, отецъ своихъ семи дочерей. Весь этотъ смиренный мелкотравчатый людъ явился такъ-сказать «по неизбѣжности», какъ выразился одинъ изъ этихъ господъ. Но съ другой стороны, масса бойкихъ особъ, и кромѣ того масса такихъ лицъ которыхъ я и Петръ Степановичъ заподозрили давеча какъ впущенныхъ безъ билетовъ, казалось, еще увеличилась противъ давешняго. Всѣ они пока сидѣли въ буфетѣ и, являясь, такъ и проходили прямо въ буфетъ, какъ въ заранѣе условленное мѣсто. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ показалось. Буфетъ помѣщался въ концѣ анфилады комнатъ, въ просторной залѣ, гдѣ водворился Прохорычъ со всѣми обольщеніями клубной кухни и съ заманчивою выставкой закусокъ и выпивокъ. Я замѣтилъ тутъ нѣсколько личностей чуть не въ прорванныхъ сюртукахъ, въ самыхъ сомнительныхъ, слишкомъ не въ бальныхъ костюмахъ, очевидно вытрезвленныхъ съ непомѣрнымъ трудомъ и на малое время, и Богъ знаетъ откуда взятыхъ, какихъ-то иногородныхъ. Мнѣ конечно было извѣстно что по идеѣ Юліи Михайловны предположено было устроить балъ самый демократическій, «не отказывая даже и мѣщанамъ, еслибы случилось что кто-нибудь изъ таковыхъ внесетъ за билетъ». Эти слова она смѣло могла выговорить въ своемъ комитетѣ, въ полной увѣренности что никому изъ мѣщанъ нашего города, сплошь нищихъ, не придетъ въ голову взять билетъ. Но все-таки я усумнился чтобъ этихъ мрачныхъ и почти оборванныхъ сертучниковъ

можно было впустить, несмотря на весь демократизмъ комитета. Но кто же ихъ впустилъ и съ какою цѣлью? Липутинъ и Лямшинъ были уже лишены своихъ распорядительскихъ бантовъ (хотя и присутствовали на балѣ, участвуя въ «кадрилы литературы»); но мѣсто Липутина занялъ, къ удивленію моему, тотъ давешній семинаристъ который всего болѣе оскандалилъ «Утро» схваткой со Степаномъ Трофимовичемъ, а мѣсто Лямшина — самъ Петръ Степановичъ; чего же можно было ожидать въ такомъ случаѣ? Я старался прислушаться къ разговорамъ. Иныя мнѣнія поражали своею дикостью. Утверждали, напримѣръ, въ одной кучкѣ, что всю исторію Ставрогина съ Лизой обдѣлала Юлія Михайловна и за это взяла со Ставрогина деньги. Называли даже сумму. Утверждали что даже и праздникъ устроила она съ этою цѣлью; потому-то де половина города и не явилась, узнавъ въ чемъ дѣло, а самъ Лембке былъ такъ фрапированъ что «разстроился въ разсудкѣ», и она теперь его «водитъ» помѣшаннаго. — Тутъ много было и хохоту, сиплаго, дикаго, и себѣ на умѣ. Всѣ страшно тоже критиковали балъ, а Юлію Михайловну ругали безо всякой церемоніи. Вообще болтовня была безпорядочная, отрывистая, хмѣльная и безпокойная, такъ что трудно было сообразиться и что-нибудь вывести. Тутъ же въ буфетѣ пріютился и просто веселый людъ, даже было нѣсколько дамъ изъ такихъ которыхъ уже ничѣмъ не удивишь и не испугаешь, прелюбезныхъ и развеселыхъ, большею частію все офицерскихъ женъ, съ своими мужьями. Онѣ устроились на отдѣльныхъ столикахъ компаніями и чрезвычайно весело пили чай. Буфетъ обратился въ теплое пристанище чуть не для половины съѣхавшейся публики. И однако черезъ нѣсколько времени вся эта масса должна была нахлынуть въ залу; страшно было и подумать.

А пока въ Бѣлой Залѣ съ участіемъ князя образовались три жиденскія кадрили. Барышни танцовали, а родители на нихъ радовались. Но и тутъ многія изъ этихъ почтенныхъ особъ уже начинали обдумывать какъ бы имъ, повеселивъ своихъ дѣвицъ, убратъя посвоевременнѣе, а не тогда «когда начнется». Рѣшительно всѣ увѣрены были что непременно начнется. Трудно было бы мнѣ изобразить душевное состояніе самой Юліи Михайловны. Я съ нею не заговаривалъ, хотя и подходилъ довольно близко. На мой поклонъ при входѣ она не отвѣтила, не замѣтивъ меня (дѣйствительно не замѣтивъ). Лицо ея было болѣзненное, взглядъ презрительный и высокомерный, но блуждающій и тревожный. Она съ видимымъ мученіемъ преодолѣвала себя, — для чего и для кого? Ей слѣдовало непременно уѣхать и, главное, увезти супруга, а она оставалась! Уже по лицу ея можно было замѣтить что глаза ея «совершенно открылись» и что ей нечего больше ждать. Она даже не подзы-

вала къ себѣ и Петра Степановича (тотъ, кажется, и самъ ее избѣгалъ; я видѣлъ его въ буфетѣ, онъ былъ чрезмѣрно веселъ). Но она все-таки оставалась на балѣ и ни на мигъ не отпускала отъ себя Андрея Антоновича. О, она до самаго послѣдняго мгновенія съ самымъ искреннимъ негодованіемъ отвергла бы всякій намекъ на его здоровье, даже давеча утромъ. Но теперь глаза ея и на этотъ счетъ должны были открыться. Что до меня, то мнѣ съ перваго взгляда показалось что Андрей Антоновичъ смотритъ хуже чѣмъ давеча утромъ. Казалось, онъ былъ въ какомъ-то забвеніи и не совсѣмъ сознавалъ гдѣ находится. Иногда вдругъ оглядывался съ неожиданною строгостью, напримѣръ раза два на меня. Одинъ разъ попробовалъ о чемъ-то заговорить, началъ вслухъ и громко, и не докончилъ, произведя почти испугъ въ одномъ смиренномъ старичкѣ чиновникѣ, случившемся подлѣ него. Но даже и эта смиренная половина публики, присутствовавшая въ Бѣлой Залѣ, мрачно и боязливо сторонилась отъ Юліи Михайловны, бросая въ то же время чрезвычайно странные взгляды на ея супруга, взгляды слишкомъ не гармонировавшіе, по своей пристальности и откровенности, съ напуганностью этихъ людей.

— Вотъ эта-то черта меня и пронзила, и я вдругъ начала догадываться объ Андрѣ Антоновичѣ, — признавалась потомъ мнѣ самому Юлія Михайловна.

Да, она опять была виновата! Вѣроятно давеча, когда послѣ моего бѣгства порѣшено было съ Петромъ Степановичемъ быть балу и быть на балѣ, — вѣроятно она опять ходила въ кабинетъ уже окончательно «потрясеннаго» на «чтеніи» Андрея Антоновича, опять употребила всѣ свои обольщенія и привлекла его съ собой. Но какъ мучилась должно-быть теперь! И все-таки не уѣзжала! Гордость ли ее мучила или просто она потерялась — не знаю. Она съ униженіемъ и съ улыбками, при всемъ своемъ высокомеріи, пробовала заговорить съ иными дамами, но тѣ тотчасъ терялись, отдѣлывались односложными, недовѣрчивыми «да-съ» и «нѣтъ-съ» и видимо ее избѣгали.

Изъ безспорныхъ сановниковъ нашего города очутился тутъ на балѣ лишь одинъ — тотъ самый важный отставной генералъ котораго я уже разъ описывалъ и который у предводительши послѣ дуэли Ставрогина съ Гагановымъ «отворилъ дверь общественному нетерпѣнію». Онъ важно расхаживалъ по заламъ, присматривался и прислушивался и старался показать видъ что пріѣхалъ болѣе для наблюденія нравовъ чѣмъ для несомнѣннаго удовольствія. Онъ кончилъ тѣмъ что совсѣмъ пристроился къ Юліи Михайловнѣ и не отходилъ отъ нея ни шагу, видимо стараясь ее ободрить и успокоить. Безъ сомнѣнія, это былъ человекъ

добрѣйшій, очень сановитый и до того уже старый что отъ него можно было вынести даже и сожалѣніе. Но сознаться себѣ самой что этотъ старый болтунъ осмѣливается ее сожалѣть и почти протезировать, понимая что дѣлаетъ ей честь своимъ присутствіемъ, было очень досадно. А генералъ не отстаивалъ и все болталъ безъ умолку.

— Городъ, говорятъ, не стоитъ безъ семи праведниковъ.... семи кажется, не помню по-ло-жен-наго числа. Не знаю сколько изъ этихъ семи.... несомнѣнныхъ праведниковъ нашего города.... имѣли честь посѣтить вашъ балъ, но несмотря на ихъ присутствіе, я начинаю чувствовать себя не без-опаснымъ. Vous me pardonerez, charmante dame, n'est-ce pas?¹ Говорю ал-ле-го-ри-чески, но сходилъ въ буфетъ и радъ что цѣль вернулся.... Нашъ безцѣнный Прохорычъ тамъ не на мѣстѣ, и кажется къ утру его палатку снесутъ. Впрочемъ смѣюсь. Я только жду какая это будетъ «кадриль ли-те-ратуры», а тамъ въ постель. Простите стараго подагрика, я ложусь рано, да и вамъ бы совѣтовалъ ѣхать «спатиньки», какъ говорятъ aux enfants². А я вѣдь пріѣхалъ для юныхъ красавицъ... которыхъ конечно нигдѣ не могу встрѣтить въ такомъ богатомъ комплектѣ кромѣ здѣшняго мѣста.... Всѣ изъ-за рѣки, а я туда не ѣзжу. Жена одного офицера.... кажется Егерскаго.... очень даже не дурна, очень и... и сама это знаетъ. Я съ плутовочкой разговаривалъ; бойка и.... ну и дѣвочки свѣжи; но и только; кромѣ свѣжести ничего. Впрочемъ я съ удовольствіемъ. Есть бутончики; только губы толсты. Вообще въ русской красотѣ женскихъ лицъ мало той правильности и.... и нѣсколько на блинъ сводится.... Vous me pardonerez, n'est-ce pas....³ при хорошихъ впрочемъ глазкахъ.... смѣющихся глазкахъ. Эти бутончики года по два своей юности о-ча-ро-вательны, даже по три.... ну а тамъ расплываются на вѣки.... производя въ своихъ мужьяхъ тотъ печальный ин-де-фе-рентизмъ, который столь способствуетъ развитію женскаго вопроса.... если только я правильно понимаю этотъ вопросъ.... Гмъ. Зала хороша; комнаты убраны не дурно. Могло быть хуже. Музыка могла быть гораздо хуже.... не говорю должна быть. Дурной эффектъ что мало дамъ вообще. О нарядахъ не у-по-ми-наю. Дурно что этотъ въ сѣрыхъ брюкахъ такъ откровенно позволяетъ себѣ кан-ка-ни-ровать. Я прощу если онъ съ радости и такъ какъ онъ здѣшній аптекарь... но въ одиннадцатомъ часу все-таки рано и для аптекаря.... Тамъ въ буфетѣ двое подрались, и не были выведены. Въ одиннадцатомъ часу еще должно выводить драчуновъ, каковы бы ни были нравы публики.... не говорю въ третьемъ часу, тутъ уже необходима уступка общественному мнѣнію, — и если только

¹ Вы меня простите, прелестнейшая, не правда ли? (*франц.*).

² детям (*франц.*).

³ Вы меня простите, не правда ли (*франц.*).

этотъ балъ доживетъ до третьяго часу. Варвара Петровна слова однако не сдержала и не дала цвѣтовъ. Гмъ, ей не до цвѣтовъ, *rauivre mère*¹! А бѣдная Лиза, вы слышали? Говорятъ, таинственная исторія и.... и опять на аренѣ Ставрогинъ.... Гмъ. Я бы спать поѣхалъ.... совсѣмъ клюю носомъ. А когда же эта «кадриль ли-те-ра-туры»?

Наконецъ началась и «кадриль литературы». Въ городѣ, весь послѣдній мѣсяць, чуть только начинался гдѣ-нибудь разговоръ о предстоящемъ балѣ, непремѣнно сейчасъ же сводили на эту «кадриль литературы», и такъ какъ никто не могъ представить что это такое, то и возбуждала она непомѣрное любопытство. Опаснѣе ничего не могло быть для ея успѣха, и — каково же было разочарованіе!

Отворились боковыя двери Бѣлой Залы, до тѣхъ поръ запертыя, и вдругъ появилось нѣсколько масокъ. Публика съ жадностью ихъ обступила. Весь буфетъ до послѣдняго человѣка разомъ ввалился въ залу. Маски расположились танцовать. Мнѣ удалось протѣсниться на первый планъ, и я пристроился какъ разъ сзади Юліи Михайловны, фонъ-Лембке и генерала. Тутъ подскочилъ къ Юліи Михайловнѣ пропадавшій до сихъ-поръ Петръ Степановичъ.

— Я все въ буфетѣ и наблюдаю, прошепталъ онъ съ видомъ виноватаго школьника, впрочемъ нарочно поддѣланнымъ, чтобы еще болѣе ее раздражить. Та вспыхнула отъ гнѣва.

— Хоть бы теперъ-то вы меня не обманывали, наглый человѣкъ! вырвалось у ней почти громко, такъ что въ публикѣ слышали. Петръ Степановичъ отскочилъ чрезвычайно довольный собой.

Трудно было бы представить болѣе жалкую, болѣе пошлую, болѣе бездарную и прѣсную аллегорію какъ эта «кадриль литературы». Ничего нельзя было придумать менѣе подходящаго къ нашей публикѣ; а между тѣмъ придумывалъ ее, говорятъ, Кармазиновъ. Правда, устраивалъ Липутинъ, совѣтуясь съ тѣмъ самымъ хромымъ учителемъ который былъ на вечерѣ у Виргинскаго. Но Кармазиновъ все-таки давалъ идею и даже самъ, говорятъ, хотѣлъ нарядиться и взять какую-то особую и самостоятельную роль. Кадриль состояла изъ шести паръ жалкихъ масокъ, — даже почти и не масокъ, потому что они были въ такихъ же платьяхъ какъ и всѣ. Такъ наприимѣръ одинъ пожилой господинъ, невысокаго роста, во фракѣ, — однимъ словомъ, такъ какъ всѣ одѣваются, — съ почтенною сѣдою бородой (подвязанною, и въ этомъ состоялъ весь костюмъ), танцуя, толкая на одномъ мѣстѣ съ солиднымъ выраженіемъ въ лицѣ, часто и мелко семеня ногами и почти не сдвигаясь съ мѣста. Онъ издавалъ какіе-то звуки умѣреннымъ, но охрипшимъ баскомъ, и вотъ

¹ бедная мать (*франц.*).

эта-то охриплость голоса и должна была означать одну изъ извѣстныхъ газетъ. Напротивъ этой маски танцовали два какіе-то гиганта X и Z, и эти буквы были у нихъ пришпилены на фракахъ, но что означали эти X и Z, такъ и осталось неразъясненнымъ. «Честная русская мысль» изображалась въ видѣ господина среднихъ лѣтъ, въ очкахъ, во фракѣ, въ перчаткахъ и — въ кандалахъ (въ настоящихъ кандалахъ). Подъ мышкой этой мысли былъ портфель съ какимъ-то «дѣломъ». Изъ кармана выглядывало распечатанное письмо изъ-за границы, заключавшее въ себѣ удостовѣреніе, для всѣхъ сомнѣвающихся, въ честности «честной русской мысли». Все это досказывалось распорядителями уже изустно, потому что торчавшее изъ кармана письмо нельзя же было прочесть. Въ приподнятой правой рукѣ «честная русская мысль» держала бокаль, какъ будто желая провозгласить тостъ. По обѣ стороны ея и съ нею рядомъ семенили двѣ стриженныя нигилистки, а vis-à-vis танцовалъ какой-то тоже пожилой господинъ, во фракѣ, но съ тяжелою дубиной въ рукѣ и будто бы изображалъ собою не петербургское, но грозное изданіе: «Прихлопну мокроенько будетъ». Но несмотря на свою дубину, онъ никакъ не могъ снести пристально устремленныхъ на него очковъ «честной русской мысли» и старался глядѣть по сторонамъ, а когда дѣлалъ pas de deux¹, то изгибался, вертѣлся и не зналъ куда дѣваться — до того вѣроятно мучила его совѣсть.... Впрочемъ не упомяну всѣхъ этихъ тупенькихъ выдумокъ; все было въ такомъ же родѣ, такъ что наконецъ мнѣ стало мучительно стыдно. И вотъ именно то же самое впечатлѣніе какъ бы стыда отразилось и на всей публикѣ, даже на самыхъ угрюмыхъ фізіономіяхъ, явившихся изъ буфета. Нѣкоторое время всѣ молчали и смотрѣли въ сердитомъ недоумѣніи. Человѣкъ въ стыдѣ обыкновенно начинаетъ сердиться и наклоненъ къ цинизму. Мало-по-малу загудѣла наша публика:

— Это что жь такое? пробормоталъ въ одной кучкѣ одинъ буфетникъ.

— Глупость какая-то.

— Какая-то литература. *Голосъ* критикуютъ.

— Да мнѣ-то что.

Изъ другой кучки:

— Ослы!

— Нѣтъ они не ослы, а ослы-то мы.

— Почему ты оселъ?

— Да я не оселъ.

— А коль ужъ ты не оселъ, такъ я и подавно.

¹ па де дѣ (*франц.*) — название фигуры в танце.

Изъ третьей кучки:

— Надавать бы всѣмъ киселей да и къ чорту!

— Растрясти весь залъ!

Изъ четвертой:

— Какъ не совѣстно Лембкамъ смотрѣть?

— Почему имъ совѣстно? Ведь тебѣ не совѣстно?

— Да и мнѣ совѣстно, а онъ губернаторъ.

— А ты свинья.

— Въ жизнь мою не видывала такого самаго обыкновеннаго бала, ядовито проговорила подлѣ самой Юліи Михайловны одна дама, очевидно съ желаніемъ быть услышанною. Эта дама была лѣтъ сорока, плотная и нарумяненная, въ яркомъ шелковомъ платьѣ; въ городѣ ее почти всѣ знали, но никто не принималъ. Была она вдова статскаго совѣтника, оставившаго ей деревянный домъ и скудный пенсіонъ, но жила хорошо и держала лошадей. Юліи Михайловнѣ, мѣсяца два назадъ, сдѣлала визитъ первая, но та не приняла ея.

— Такъ точно и предвидѣть было возможно-съ, прибавила она, нагло заглядывая въ глаза Юліи Михайловнѣ.

— А если могли предвидѣть, то зачѣмъ же пожаловали? не стерпѣла Юлія Михайловна.

— Да по наивности-съ, мигомъ отрѣзала бойкая дама и вся такъ и всполохнулась (ужасно желая сцѣпиться); но генераль сталъ между ними:

— *Chère dame*, наклонился онъ къ Юліи Михайловнѣ, — право бы уѣхать. Мы ихъ только стѣсняемъ, а безъ насъ они отлично повеселятся. Вы все исполнили, открыли имъ балъ, ну и оставьте ихъ въ покоѣ.... Да и Андрей Антоновичъ не совѣмъ, кажется, чувствуетъ себя у-до-вле-тво-рительно..... Чтобы не случилось бѣды?

Но уже было поздно.

Андрей Антоновичъ все время кадрили смотрѣлъ на танцующихъ съ какимъ-то гнѣвливымъ недоумѣніемъ, а когда начались отзывы въ публикѣ, началъ безпокойно озираться кругомъ. Тутъ въ первый разъ бросились ему въ глаза нѣкоторыя буфетныя личности; взглядъ его выразилъ чрезвычайное удивленіе. Вдругъ раздался громкій смѣхъ надъ одною продѣлкой въ кадрили: издатель «грознаго не петербургскаго изданія», танцовавшій съ дубиной въ рукахъ, почувствовалъ окончательно что не можетъ вынести на себѣ очковъ «честной русской мысли» и не зная куда отъ нея дѣваться, вдругъ, въ послѣдней фигурѣ пошелъ на встрѣчу очкамъ вверхъ ногами, что кстати и должно было обозначать постоянное извращеніе вверхъ ногами здраваго смысла въ «грозномъ не

петербургскомъ изданіи». Такъ какъ одинъ Лямшинъ умѣлъ ходить вверхъ ногами, то онъ и взялся представлять издателя съ дубиной. Юлія Михайловна рѣшительно не знала что будутъ ходить вверхъ ногами. «Отъ меня это утаили, утаили», повторяла она мнѣ потомъ въ отчаяніи и негодованіи. Хохотъ толпы привѣтствовалъ конечно не аллегорію, до которой никому не было дѣла, а просто хожденіе вверхъ ногами во фракѣ съ фалдочками. Лембке вскипѣлъ и затрясся:

— Негодяй! крикнулъ онъ указывая на Лямшина, — схватить мерзавца, обернуть.... обернуть его ногами.... головой.... чтобъ голова вверху.... вверху!

Лямшинъ вскочилъ на ноги. Хохотъ усиливался.

— Выгнать всѣхъ мерзавцевъ которые смѣются! предписалъ вдругъ Лембке. Толпа загудѣла и загрохотала.

— Этакъ нельзя, ваше превосходительство.

— Публику нельзя ругать-съ.

— Самъ дуракъ! раздался голосъ откуда-то изъ угла.

— Флибустьеры! крикнулъ кто-то изъ другаго конца.

Лембке быстро обернулся на крикъ и весь поблѣднѣлъ. Тупая улыбка показалась на его губахъ, — какъ будто онъ что-то вдругъ понялъ и вспомнилъ.

— Господа, обратилась Юлія Михайловна къ надвигавшейся толпѣ, въ то же время увлекая за собою мужа, — господа, извините Андрея Антоновича, Андрей Антоновичъ нездоровъ... извините.... простите его, господа!

Я именно слышалъ какъ она сказала: «простите». Сцена была очень быстра. Но я рѣшительно помню что часть публики уже въ это самое время устремилась вонъ изъ зала, какъ бы въ испугѣ, именно послѣ этихъ словъ Юліи Михайловны. Я даже запоминаю одинъ истерическій женскій крикъ сквозь слезы:

— Ахъ, опять какъ давеча!

И вдругъ въ эту уже начавшуюся почти давку опять ударила бомба, именно «опять какъ давеча»:

— Пожаръ! Все Зарѣчье горитъ!

Не помню только гдѣ впервые раздался этотъ ужасный крикъ: въ залахъ ли, или кажется кто-то вбѣжалъ съ лѣстницы изъ передней, но вслѣдъ затѣмъ наступила такая тревога что и разказать не возьмусь. Больше половины собравшейся на балъ публики были изъ Зарѣчья — владѣтели тамошнихъ деревянныхъ домовъ или ихъ обитатели. Бросились къ окнамъ, мигомъ раздвинули гардины, сорвали шторы. Зарѣчье

пылало. Правда, пожаръ только еще начался, но пылало въ трехъ совершенно разныхъ мѣстахъ, — это-то и испугало.

— Поджогъ! Шпигулинскіе! вопили въ толпѣ.

Я упомянулъ нѣсколько весьма характерныхъ восклицаній:

— Такъ и предчувствовало мое сердце что подожгутъ, всѣ эти дни оно чувствовало!

— Шпигулинскіе, Шпигулинскіе, некому больше!

— Насъ и собрали тутъ нарочно чтобы тамъ поджечь!

Этотъ послѣдній, самый удивительный крикъ былъ женскій, неумышленный, невольный крикъ погорѣвшей Коробочки. Все хлынуло къ выходу. Не стану описывать давки въ передней при разборѣ шубъ, платковъ и салоповъ, визга испуганныхъ женщинъ, плача барышень. Врядъ ли было какое воровство, но не удивительно что при такомъ безпорядкѣ нѣкоторые такъ и уѣхали безъ теплой одѣжды, не отыскавъ своего, о чемъ долго потомъ разказывалось въ городѣ съ легендами и прикрасами. Лембке и Юлія Михайловна были почти сдавлены толпою въ дверяхъ.

— Всѣхъ остановить! Не выпускать ни одного! вопилъ Лембке, грозно простирая руку на встрѣчу тѣснившимся, — всѣмъ поголовно строжайшій обыскъ, немедленно!

Изъ залы посыпались крѣпкія ругательства.

— Андрей Антоновичъ! Андрей Антоновичъ! восклицала Юлія Михайловна въ совершенномъ отчаяніи.

— Арестовать первую! крикнулъ тотъ, грозно наводя на нее свой перстъ. — Обыскать первую! Балъ устроенъ съ цѣлью поджога...

Она вскрикнула и упала въ обморокъ (о, ужь конечно въ настоящій обморокъ). Я, князь и генералъ бросились на помощь; были и другіе которые намъ помогли въ эту трудную минуту, даже изъ дамъ. Мы вынесли несчастную изъ этого ада въ карету; но она очнулась лишь подъѣзжая къ дому, и первый крикъ ея былъ опять объ Андреѣ Антоновичѣ. Съ разрушеніемъ всѣхъ ея фантазій предъ нею остался одинъ только Андрей Антоновичъ. Послали за докторомъ. Я прождалъ у нея цѣлый часъ, князь тоже; генералъ въ припадкѣ великодушія (хотя и очень перепугался самъ) хотѣлъ не отходить всю ночь отъ «постели несчастной», но черезъ десять минутъ заснулъ въ залѣ, еще въ ожиданіи доктора, въ креслахъ, гдѣ мы его такъ и оставили.

Полицеймейстеръ, поспѣшившій съ бала на пожаръ, успѣлъ вывести вслѣдъ за нами Андрея Антоновича и хотѣлъ было усадить его въ карету къ Юліи Михайловнѣ, убѣждая изо всѣхъ силъ его превосходительство «взять покой». Но не понимаю почему не настоялъ. Конечно Андрей Антоновичъ не хотѣлъ и слышать о покоѣ и рвался на пожаръ;

но это былъ не резонъ. Кончилось тѣмъ что онъ же и повезъ его на пожаръ въ своихъ дрожкахъ. Потомъ разказывалъ что Лембке всю дорогу жестикулировалъ и «такія идеи выкрикивали что по необычности невозможно бы было исполнить-съ». Въ послѣдствіи такъ и доложено было что его превосходительство въ тѣ минуты уже состояли отъ «внезапности испуга» въ бѣлой горячкѣ.

Нечего разказывать какъ кончился балъ. Нѣсколько десятковъ гулякъ, а съ ними даже нѣсколько дамъ осталось въ залахъ. Полиціи никакой. Музыку не отпустили и уходившихъ музыкантовъ избили. Къ утру всю «палатку Прохорыча» снесли, пили безъ памяти, плясали Камаринскаго безъ цензуры, комнаты изгадили, и только на разсвѣтѣ часть этой ватаги, совсѣмъ пьяная, подоспѣла на догоравшее пожарище на новые беспорядки.... Другая же половина такъ и заночевала въ залахъ, въ мертво-пьяномъ состояніи, со всѣми послѣдствіями, на бархатныхъ диванахъ и на полу. Поутру, при первой возможности, ихъ вытащили за ноги на улицу. Тѣмъ и кончилось празднество въ пользу гувернантокъ нашей губерніи.

IV.

Пожаръ испугалъ нашу зарѣчную публику именно тѣмъ что поджогъ былъ очевидный. Замѣчательно что при первомъ крикѣ «горимъ», сейчасъ же раздался и крикъ что «поджигаютъ Шпигулинскіе». Теперь уже слишкомъ хорошо извѣстно что и въ самомъ дѣлѣ трое Шпигулинскихъ участвовали въ поджогѣ, но — и только; всѣ остальные съ фабрики совершенно оправданы и общимъ мнѣніемъ, и даже офиціально. Кромѣ тѣхъ трехъ негодяевъ (изъ коихъ одинъ пойманъ и сознался, а двое по сю пору въ бѣгахъ) — несомнѣнно участвовалъ въ поджогѣ и Ѳедька Каторжный. Вотъ и все что покаместъ извѣстно въ точности о происхожденіи пожара; совсѣмъ другое дѣло догадки. Чѣмъ руководствовались эти три негодяя, были или нѣтъ къ нимъ направлены? На все это очень трудно отвѣтить, даже теперь.

Огонь, благодаря сильному вѣтру, почти сплошь деревяннымъ постройкамъ Зарѣчья и наконецъ поджогу съ трехъ концовъ, распространился быстро и охватилъ цѣлый участокъ съ неимоверною силой (впрочемъ поджогъ надо считать скорѣе съ двухъ концовъ: третій былъ захваченъ и потушенъ почти въ ту же минуту какъ вспыхнуло, о чемъ ниже). Но въ столичныхъ корреспонденціяхъ все-таки преувеличили нашу бѣду: сгорѣло не болѣе (а можетъ и менѣе) одной четвертой доли всего Зарѣчья, говоря примѣрно. Наша пожарная команда, хотя и слабая сравнительно съ пространствомъ и населеніемъ города, дѣйствовала

однако весьма аккуратно и самоотверженно. Но не много бы она сдѣлала, даже и при дружномъ содѣйствіи обывателей, еслибы не перемѣнившійся къ утру вѣтеръ, вдругъ упавшій предъ самымъ разсвѣтомъ. Когда я, всего часъ спустя послѣ бѣгства съ бала, пробрался въ Зарѣчье, огонь былъ уже въ полной силѣ. Цѣлая улица, параллельная рѣкѣ, пылала. Было свѣтло какъ днемъ. Не стану описывать въ подробности картину пожара: кто ея на Руси не знаетъ? Въ ближайшихъ проулкахъ отъ пылавшей улицы суета и тѣснота стояли непомѣрные. Тутъ огня ждали на вѣрно и жители вытаскивали имущество, но все еще не отходили отъ своихъ жилищъ, а въ ожиданіи сидѣли на вытасченныхъ сундукахъ и перинахъ, каждый подъ своими окнами. Часть мужскаго населенія была въ тяжелой работѣ, безжалостно рубила заборы и даже сносила цѣлыя лачуги, стоявшія ближе къ огню и подъ вѣтромъ. Плакали лишь проснувшіеся ребятишки, да выли причитывая женщины уже успѣвшія вытащить свою рухлядь. Не успѣвшія пока молча и энергически вытаскивались. Искры и гальки разлетались далеко; ихъ тушили по возможности. На самомъ пожарѣ тѣснились зрители, сбѣжавшіеся со всѣхъ концовъ города. Иные помогали тушить, другіе глазѣли какъ любители. Большой огонь по ночамъ всегда производитъ впечатлѣніе раздражающее и веселящее; на этомъ основаны фейерверки; но тамъ огни располагаются по изящнымъ, правильнымъ очертаніямъ и, при полной своей безопасности, производятъ впечатлѣніе игривое и легкое, какъ послѣ бокала шампанскаго. Другое дѣло настоящій пожаръ: тутъ ужасъ и все же какъ бы нѣкоторое чувство личной опасности, при извѣстномъ веселящемъ впечатлѣніи ночнаго огня, производятъ въ зрителѣ (разумѣется не въ самомъ погорѣвшемъ обывателѣ) нѣкоторое сотрясеніе мозга и какъ бы вызовъ къ его собственнымъ разрушительнымъ инстинктамъ, которые, увы! таятся во всякой душѣ, даже въ душѣ самаго смиреннаго и семейнаго титулярнаго совѣтника... Это мрачное ощущеніе почти всегда упоительно. Я право не знаю можно ли смотрѣть на пожаръ безъ нѣкотораго удовольствія? Это, слово въ слово, сказалъ мнѣ Степанъ Трофимовичъ, возвратясь однажды съ одного ночнаго пожара, на который попалъ случайно и подъ первымъ впечатлѣніемъ зрѣлища. Разумѣется тотъ же любитель ночнаго огня бросится и самъ въ огонь спасать погорѣвшаго ребенка или старуху; но вѣдь это уже совсѣмъ другая статья.

Тѣснясь вслѣдъ за любопытною толпой, я безъ спрашиваній добрелъ до главнѣйшаго и опаснѣйшаго пункта, гдѣ и увидѣлъ наконецъ Лембе, котораго отыскивалъ по порученію самой Юліи Михайловны. Положеніе его было удивительное и чрезвычайное. Онъ стоялъ на обломкахъ забора; налѣво отъ него, шагахъ въ тридцати, высился черный

скелетъ уже совсѣмъ почти догорѣвшаго двухъ-этажнаго деревяннаго дома, съ дырками вмѣсто оконъ въ обоихъ этажахъ; съ провалившеюся крышей и съ пламенемъ все еще змѣвившимся кое-гдѣ по обугленнымъ бревнамъ. Въ глубинѣ двора, шагахъ въ двадцати отъ погорѣвшаго дома, начиналъ пылать флигель, тоже двухъэтажный, и надъ нимъ изо всѣхъ силъ старались пожарные. Направо пожарные и народъ отстаивали довольно большое деревянное строеніе, еще не загорѣвшееся, но уже нѣсколько разъ загоравшееся и которому неминуемо суждено было сгорѣть. Лембке кричалъ и жестикулировалъ лицомъ къ флигелю и отдавалъ приказанія, которыхъ никто не исполнялъ. Я было подумалъ что его такъ тутъ и бросили и совсѣмъ отъ него отступились. По крайней мѣрѣ густая и чрезвычайно разнородная толпа его окружавшая, въ которой вмѣстѣ со всякимъ людомъ были и господа и даже соборный протопопъ, хотя и слушали его съ любопытствомъ и удивленіемъ, но никто изъ нихъ съ нимъ не заговаривалъ и не пробовалъ его отвести. Лембке, блѣдный, съ сверкающими глазами, произносилъ самыя удивительныя вещи; къ довершенію былъ безъ шляпы и уже давно потерялъ ее.

— Все поджогъ! Это нигилизмъ! Если что пылаетъ, то это нигилизмъ! услышалъ я чуть не съ ужасомъ, и хотя удивляться было уже нечему, но наглядная дѣйствительность всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто потрясающее.

— Ваше превосходительство, очутился подлѣ него квартальный, — еслибы вы соизволили испробовать домашній покой-съ... А то здѣсь даже и стоять опасно для вашего превосходительства.

Этотъ квартальный, какъ я узналъ потомъ, нарочно былъ оставленъ при Андреѣ Антоновичѣ полицеймейстеромъ, съ тѣмъ чтобы за нимъ наблюдать и изо всѣхъ силъ стараться увезти его домой, а въ случаѣ опасности такъ даже подѣйствовать силой, — порученіе очевидно свыше силъ исполнителя.

— Слезы погорѣвшихъ утрутъ, но городъ сожгутъ. Это все четыре мерзавца, четыре съ половиной. Арестовать мерзавца! Онъ тутъ одинъ, а четыре съ половиной имъ оклеветаны. Онъ втирается въ честь семействъ. Для зажиганія домовъ употребили гувернантокъ. Это подло, подло! Ай, что онъ дѣлаетъ! крикнулъ онъ, замѣтивъ вдругъ на кровлѣ пылавшаго флигеля пожарнаго, подъ которымъ уже прогорѣла крыша и кругомъ вспыхивалъ огонь; стащить его, стащить, онъ провалится, онъ загорится, тушите его... Что онъ тамъ дѣлаетъ?

— Тушить, ваше превосходительство.

— Невѣроятно. Пожаръ въ умахъ, а не на крышахъ домовъ. Стащить его и бросить все! Лучше бросить, лучше бросить! Пусть ужъ само

какъ-нибудь! Ай, кто еще плачетъ? Старуха! Кричитъ старуха, зачѣмъ забыли старуху!

Дѣйствительно, въ нижнемъ этажѣ пылавшаго флигеля кричала забытая старуха, восьмидесятилѣтняя родственница купца, хозяина горѣвшаго дома. Но ея не забыли, а она сама воротилась въ горѣвшій домъ, пока было можно, съ безумною цѣлью вытащить изъ угловой каморки, еще уцѣлѣвшей, свою перину. Задыхаясь въ дыму и крича отъ жару, потому что загорѣлась и каморка, она все-таки изо всѣхъ силъ старалась просунуть сквозь выбитое въ рамѣ стекло дряхлыми руками свою перину. Лембке бросился къ ней на помощь. Всѣ видѣли какъ онъ подбѣжалъ къ окну, ухватился за уголь перины и изо всѣхъ силъ сталъ дергать ее изъ окна. Какъ на грѣхъ съ крыши слетѣла въ этотъ самый моментъ выломанная доска и ударила въ несчастнаго. Она не убила его, задѣвъ лишь на лету концомъ по шеѣ, но поприще Андрея Антоновича кончилось, по крайней мѣрѣ у насъ; ударъ сбиль его съ ногъ, и онъ упалъ безъ памяти.

Наступилъ наконецъ угрюмый, мрачный разсвѣтъ. Пожаръ уменьшился; послѣ вѣтра настала вдругъ тишина, а потомъ пошелъ мелкій медленный дождь какъ сквозь сито. Я уже былъ въ другой части Зарѣчья, далеко отъ того мѣста гдѣ упалъ Лембке, и тутъ въ толпѣ слышалъ очень странные разговоры. Обнаружился одинъ странный фактъ: совсѣмъ на краю квартала, на пустырь, за огородами, не менѣе какъ въ пятидесяти шагахъ отъ другихъ строеній, стоялъ одинъ, только-что отстроенный небольшой деревянный домъ и этотъ-то уединенный домъ загорѣлся чуть не прежде всѣхъ, при самомъ началѣ пожара. Еслибъ и сгорѣлъ, то за разстояніемъ не могъ бы передать огня ни одному изъ городскихъ строеній, и обратно, — еслибы сгорѣло все Зарѣчье, то одинъ этотъ домъ могъ бы уцѣлѣть, даже при какомъ бы то ни было вѣтрѣ. Выходило что онъ запылалъ отдѣльно и самостоятельно и стало-быть не спроста. Но главное состояло въ томъ что сгорѣтъ онъ не успѣлъ, и внутри его, къ разсвѣту, обнаружены были удивительныя дѣла. Хозяинъ этого новаго дома, мѣщанинъ жившій въ ближайшей слободкѣ, только-что увидѣлъ пожаръ въ своемъ новомъ домѣ, бросился къ нему и успѣлъ его отстоять, раскидавъ съ помощью сосѣдей зажженные дрова, сложенные у боковой стѣны. Но въ домѣ жили жильцы — извѣстный въ городѣ капитанъ съ сестрицей и при нихъ пожилая работница, и вотъ эти-то жильцы, капитанъ, сестра его и работница, всѣ трое были въ эту ночь зарѣзаны и очевидно ограблены. (Вотъ сюда-то и отлучался полицеймейстеръ съ пожара, когда Лембке спасалъ перину.) Къ утру извѣстіе распространилось, и огромная масса всякаго люда и даже

погорѣвшіе изъ Зарѣчья хлынули на пустырь къ новому дому. Трудно было и пройти, до того столпились. Мнѣ тотчасъ разказали что капитана нашли съ перерѣзаннымъ горломъ, на лавкѣ, одѣтаго, и что зарѣзали его вѣроятно мертвецки пьянаго, такъ что онъ и не услышалъ, а крови изъ него вышло «какъ изъ быка»; что сестра его Марья Тимоѣевна вся «истыкана» ножомъ, а лежала на полу въ дверяхъ, такъ что вѣрно билась и боролась съ убійцей уже наяву. У служанки, тоже вѣрно проснувшейся, пробита была совсѣмъ голова. По разказамъ хозяина, капитанъ еще наканунѣ утромъ заходилъ къ нему нетрезвый, похвалялся и показывалъ много денегъ, рублей до двухсотъ. Старый истрепанный зеленый капитанскій бумажникъ найденъ на полу пустой; но сундукъ Марьи Тимоѣевны не тронутъ, и риза серебряная на образѣ тоже не тронута; изъ капитанскаго платья тоже все оказалось цѣло. Видно было что воръ तो ропился и человекъ былъ капитанскія дѣла знавшій, приходилъ за одними деньгами и зналъ гдѣ онѣ лежатъ. Еслибы не прибѣжалъ въ ту же минуту хозяинъ, то дрова разгорѣвшись навѣрно бы сожгли домъ, «а по обгорѣвшимъ трупамъ трудно было бы правду узнать».

Такъ передавалось дѣло. Прибавлялось и еще свѣдѣніе: что квартиру эту снялъ для капитана и сестры его самъ господинъ Ставрогинъ, Николай Всеволодовичъ, сынокъ генеральши Ставрогиной, самъ и нанимать приходилъ, очень уговаривалъ, потому что хозяинъ отдавать не хотѣлъ и домъ назначилъ для кабака, но Николай Всеволодовичъ за цѣной не постояли и за полгода впередъ выдали.

— Горѣли не спроста, слышалось въ толпѣ.

Но большинство молчало. Лица были мрачны, но раздраженія большаго, видимаго, я не замѣтилъ. Кругомъ однакоже продолжались исторіи о Николаѣ Всеволодовичѣ и о томъ что убитая — его жена, что вчера онъ изъ перваго здѣшняго дома, у генеральши Дроздовой, сманилъ къ себѣ дѣвицу, дочь, «не честнымъ порядкомъ», и что жаловаться на него будутъ въ Петербургъ, а что жена зарѣзана, то это видно для того чтобъ на Дроздовой ему жениться. Скворешники были не болѣе какъ въ двухъ съ половиною верстахъ и, помню, мнѣ подумалось: не дать ли туда знать? Впрочемъ я не замѣтилъ чтобъ особенно кто-нибудь поджигалъ толпу, не хочу грѣшить, хотя и мелькнули предо мной двѣтри рожи изъ «буфетныхъ», очутившіяся къ утру на пожарѣ и которыхъ я тотчасъ узналъ. Но особенно припоминаю одного худощаваго, высокаго парня, изъ мѣщанъ, испитаго, курчаваго, точно сажей вымазаннаго, слесаря, какъ узналъ я послѣ. Онъ былъ не пьянъ, но въ противоположность мрачно стоявшей толпѣ, былъ какъ бы внѣ себя. Онъ все обращался къ народу, хотя и не помню словъ его. Все что онъ говорилъ связнаго

было не длиннѣе какъ: «Братцы, что жь это? Да неужто такъ и будетъ?» и при этомъ размахивалъ руками.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Законченный романъ.

I.

Изъ большой залы въ Скворешникахъ (той самой въ которой состоялось послѣднее свиданіе Варвары Петровны и Степана Трофимовича) пожаръ былъ какъ на ладони. На разсвѣтѣ, часу въ шестомъ утра, у крайняго окна справа, стояла Лиза и пристально глядѣла на потухавшее зарево. Она была одна въ комнатѣ. Платье было на ней вчерашнее, праздничное, въ которомъ она явилась на чтеніи — свѣтло-зеленое, пышное, все въ кружевахъ, но уже измятое, надѣтое наскоро и небрежно. Замѣтивъ вдругъ неплотно застегнутую грудь, она покраснѣла, торопливо оправила платье, схватила съ креселъ еще вчера брошенный ею при входѣ красный платокъ и накинула на шею. Пышные волосы въ разбившихся локонахъ выбились изъ-подъ платка на правое плечо. Лицо ея было усталое, озабоченное но глаза горѣли изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Она вновь подошла къ окну и прислонилась горячимъ лбомъ къ холодному стеклу. Отворилась дверь и вошелъ Николай Всеволодовичъ.

— Я отправилъ нарочнаго верхомъ, сказалъ онъ, — черезъ десять минутъ все узнаемъ, а пока люди говорятъ что сгорѣла часть Зарѣчья, ближе къ набережной, по правую сторону моста. Загорѣлось еще въ двѣнадцать часовъ; теперь утихаетъ.

Онъ не подошелъ къ окну, а остановился сзади нея въ трехъ шагахъ; но она къ нему не повернулась.

— По календарю еще часъ тому должно свѣтать, а почти какъ ночь, проговорила она съ досадой.

— Всѣ врутъ календари, замѣтилъ было онъ съ любезною усмѣшкой, но устыдившись поспѣшилъ прибавить: — По календарю жить скучно, Лиза.

И замолчалъ окончательно, досадуя на новую сказанную пошлость; Лиза криво улыбулась.

— Вы въ такомъ грустномъ настроеніи что даже словъ со мной не находите. Но успокойтесь, вы сказали кстати: я всегда живу по календарю, каждый мой шагъ разчитанъ по календарю. Вы удивляетесь?

Она быстро повернулась отъ окна и сѣла въ кресла.

— Садитесь и вы пожалуста. Намъ не долго быть вмѣстѣ, и я хочу говорить все что мнѣ угодно.... Почему бы и вамъ не говорить все что вамъ угодно?

Николай Всеволодовичъ сѣлъ рядомъ съ нею и тихо, почти боязливо взялъ ее за руку.

— Что значить этотъ языкъ, Лиза? Откуда онъ вдругъ? Что значить «намъ не много быть вмѣстѣ»? Вотъ уже вторая ффраза загадочная въ полчаса какъ ты проснулась.

— Вы принимаетесь считать мои загадочныя ффразы? засмѣялась она. — А помните, я вчера входя мертвецомъ отрекомендовалась? Вотъ это вы нашли нужнымъ забыть. Забыть или не примѣтить.

— Не помню, Лиза. Зачѣмъ мертвецомъ? Надо жить....

— И замолчали? У васъ совсѣмъ пропало краснорѣчіе. Я прожила мой часъ на свѣтѣ и довольно. Помните вы Христофора Ивановича?

— Нѣтъ не помню, нахмурился онъ.

— Христофора Ивановича, въ Лозаннѣ? Онъ вамъ ужасно надоѣлъ. Онъ отворялъ дверь и всегда говорилъ: «Я на минутку», а просидитъ весь день. Я не хочу походить на Христофора Ивановича и сидѣть весь день.

Болѣзненное впечатлѣніе отразилось въ лицѣ его:

— Лиза, мнѣ больно за этотъ надломанный языкъ. Эта гримаса вамъ дорого стоитъ самой. Къ чему она? Для чего?

Глаза его загорѣлись:

— Лиза, воскликнулъ онъ, — клянусь, я теперь больше люблю тебя чѣмъ вчера, когда ты вошла ко мнѣ!

— Какое странное признаніе! Зачѣмъ тутъ вчера и сегодня и обѣ мѣрки?

— Ты не оставишь меня, продолжалъ онъ почти съ отчаяніемъ, — мы уѣдемъ вмѣстѣ, сегодня же, такъ ли? Такъ ли?

— Ай, не жмите руку такъ больно! Куда намъ ѣхать вмѣстѣ сегодня же? Куда-нибудь опять «воскресать»? Нѣтъ, ужъ довольно пробъ... да и медленно для меня; да и неспособна я; слишкомъ для меня высоко. Если ѣхать, то въ Москву, и тамъ дѣлать визиты и самимъ принимать — вотъ мой идеаль, вы знаете; я отъ васъ не скрыла, еще въ Швейцаріи, какова я собою. Такъ какъ намъ невозможно ѣхать въ Москву и дѣлать визиты, потому что вы женаты, такъ и нечего о томъ говорить.

— Лиза! Что же такое было вчера?

— Было то что было.

— Это невозможно! Это жестоко!

— Такъ что жъ что жестоко, и снесите коли жестоко.

— Вы можетъ-быть мстите мнѣ за вчерашнюю фантазію... пробормоталъ онъ, злобно усмѣхнувшись. Лиза вспыхнула.

— Какая низкая мысль!

— Такъ зачѣмъ же вы дарили мнѣ... «столько счастья»? Имѣю я право узнать?

— Нѣтъ, ужь обойдитесь какъ-нибудь безъ правъ; не завершайте низость вашего предположенія глупостью. Вамъ сегодня не удастся. Кстати, ужь не боитесь ли вы и свѣтскаго мнѣнія, и что васъ за это «столько счастья» осудятъ? О, коли такъ, ради Бога не тревожьте себя. Вы ни въ чемъ тутъ не причина и никому не въ отвѣтъ. Когда я отворила вчера вашу дверь, вы даже не знали кто это входитъ. Тутъ именно одна моя фантазія, какъ вы сейчасъ выразились, и болѣе ничего. Вы можете всѣмъ смѣло и побѣдоносно смотрѣть въ глаза.

— Твои слова, этотъ смѣхъ, вотъ уже часъ, насылаютъ на меня холодъ ужаса. Это «счастье», о которомъ ты такъ неистово говоришь, стоитъ мнѣ... всего. Развѣ я могу теперь потерять тебя? Клянусь, я любилъ тебя вчера меньше. Зачѣмъ же ты у меня все отнимаешь сегодня? Знаешь ли ты чего она стоила мнѣ, эта новая надежда? Я жизнью за нее заплатилъ.

— Своею или чужой?

Онъ быстро приподнялся.

— Что это значитъ? проговорилъ онъ, неподвижно смотря на нее.

— Своею или моею жизнью заплатили, вотъ что я хотѣла спросить. Или вы совсѣмъ теперь понимать перестали? вспыхнула Лиза. — Чего вы такъ вдругъ вскочили? Зачѣмъ на меня глядите съ такимъ видомъ? Вы меня пугаете. Чего вы все боитесь? Я ужь давно замѣтила что вы боитесь, именно теперь, именно сейчасъ... Господи, какъ вы блѣднѣете!

— Если ты что-нибудь знаешь, Лиза, то клянусь, я не знаю... и во все не *о томъ* сейчасъ говорилъ, говоря что жизнью заплатилъ...

— Я васъ совсѣмъ не понимаю, проговорила она, боязливо запинаясь.

Наконецъ медленная, задумчивая усмѣшка показалась на его губахъ. Онъ тихо сѣлъ, положилъ локти на колѣни и закрылъ руками лицо.

— Дурной сонъ и бредъ... Мы говорили о двухъ разныхъ вещахъ.

— Я совсѣмъ не знаю о чемъ вы говорили.... Неужели вчера вы не знали что я сегодня отъ васъ уйду, знали иль нѣтъ? Не лгите, знали или нѣтъ?

— Зналъ... тихо вымолвилъ онъ.

— Ну, такъ чего же вамъ: знали и оставили «мгновеніе» за собой. Какіе же тутъ счеты?

— Скажи мнѣ всю правду, вскричалъ онъ съ глубокимъ страданіемъ: — когда вчера ты отворила мою дверь, знала ты сама что отворишь ее на одинъ только часъ?

Она ненавистно на него поглядѣла:

— Правда что самый серіозный человѣкъ можетъ задавать самые удивительные вопросы. И чего вы такъ беспокоитесь? Неужто изъ самолюбія, что васъ женщина первая бросила, а не вы ее? Знаете, Николай Всеволодовичъ, я, пока у васъ, убѣдилась между прочимъ что вы ужасно ко мнѣ великодушны, а я вотъ этого-то и не могу у васъ выносить.

Онъ всталъ съ мѣста и прошелъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Хорошо, пусть такъ должно кончиться... Но какъ могло это все случиться?

— Вотъ забота! И главное, что вы это сами знаете какъ по пальцамъ и понимаете лучше всѣхъ на свѣтѣ и сами разчитывали. Я барышня, мое сердце въ оперѣ воспитывалось, вотъ съ чего и началось, вся разгадка.

— Нѣтъ.

— Тутъ нѣтъ ничего что можетъ растерзать ваше самолюбіе и все совершенная правда. Началось съ красиваго мгновенія котораго я не вынесла. Третьяго дня, когда я васъ всенародно «обидѣла», а вы мнѣ отвѣтили такимъ рыцаремъ, я пріѣхала домой и тотчасъ догадалась что вы потому отъ меня бѣгали что женаты, а вовсе не изъ презрѣнія ко мнѣ, чего я въ качествѣ свѣтской барышни всего болѣе опасалась. Я поняла что меня же вы, безразсудную, берегли убѣгая. Видите какъ я цѣню ваше великодушіе. Тутъ подскочилъ Петръ Степановичъ и тотчасъ же мнѣ все объяснилъ. Онъ мнѣ открылъ что васъ колеблетъ великая мысль, предъ которою мы оба съ нимъ совершенно ничто, но что я все-таки у васъ поперегъ дороги. Онъ и себя тутъ причелъ; онъ непремѣнно хотѣлъ втроемъ и говорилъ префантастическія вещи, про ладью и про кленовыя весла изъ какой-то русской пѣсни. Я его похвалила, сказала ему что онъ поэтъ, и онъ принялъ за самую неразмѣнную монету. А такъ какъ я и безъ того давно знала что меня всего на одинъ мигъ только хватить, то взяла и рѣшилась. Ну вотъ и все, и довольно, и пожалуста больше безъ объясненій. Пожалуй еще поссоримся. Никого не бойтесь, я все на себя беру. Я дурная, капризная, я оперною ладьей соблазнилась, я барышня... А знаете, я все-таки думала что вы ужасно какъ меня любите. Не презирайте дуру и не смѣйтесь за эту слезинку что сейчасъ упала. Я ужасно люблю плакать «себя жалѣючи». Ну, довольно, до-

вольно. Я ни на что неспособна; и вы ни на что неспособны; два щелчка съ обѣихъ сторонъ, тѣмъ и утѣшимся. По крайней мѣрѣ самолюбіе не страдаетъ.

— Сонъ и бредъ! вскричалъ Николай Всеволодовичъ, ломая руки и шагая по комнатѣ: — Лиза, бѣдная, что ты сдѣлала надъ собою?

— Обожглась на свѣчкѣ и больше ничего. Ужь не плачете ли и вы? Будьте приличнѣе, будьте безчувственнѣе....

— Зачѣмъ, зачѣмъ ты пришла ко мнѣ?

— Но вы не понимаете, наконецъ, въ какое комическое положеніе ставите сами себя предъ свѣтскимъ мнѣніемъ такими вопросами?

— Зачѣмъ ты себя погубила, такъ уродливо и такъ глупо, и что теперь дѣлать?

— И это Ставрогинъ, «кровопійца Ставрогинъ», какъ называетъ васъ здѣсь одна дама, которая въ васъ влюблена! Слушайте, я вѣдь вамъ уже сказала: я разочла мою жизнь на одинъ только часъ и спокойна. Разочтите и вы такъ свою... впрочемъ вамъ не для чего; у васъ такъ еще много будетъ разныхъ «часовъ» и «мгновеній».

— Столько же сколько у тебя; даю тебѣ великое слово мое, ни часу болѣе какъ у тебя!

Онъ все ходилъ и не видалъ ея быстро, пронзительнаго взгляда, вдругъ какъ бы озарившагося надеждой. Но лучъ свѣта погасъ въ ту же минуту.

— Если бы ты знала цѣну моей теперешней *невозможной* искренности, Лиза, еслибъ я только могъ открыть тебѣ...

— Открыть? Вы хотите мнѣ что-то открыть? Сохрани меня Боже отъ вашихъ открытій! прервала она почти съ испугомъ.

Онъ остановился и ждалъ съ безпокойствомъ.

— Я вамъ должна признаться, у меня тогда, еще съ самой Швейцаріи, укрѣпилась мысль что у васъ что-то есть на душѣ ужасное, грязное и кровавое, и... и въ то же время такое что ставитъ васъ въ ужасно смѣшномъ видѣ. Берегитесь мнѣ открывать если правда: я васъ засмѣю. Я буду хохотать надъ вами всю вашу жизнь... Ай, вы опять блѣднѣете? Не буду, не буду, я сейчасъ уйду, вскочила она со стула съ брезгливымъ и презрительнымъ движеніемъ.

— Мучь меня, казни меня, срывай на мнѣ злобу, вскричалъ онъ въ отчаяніи. — Ты имѣешь полное право! Я зналъ что я не люблю тебя и погубилъ тебя. Да, «я оставилъ мгновеніе за собой»; я имѣлъ надежду... давно уже... послѣднюю... Я не могъ устоять противъ свѣта озарившаго мое сердце, когда ты вчера вошла ко мнѣ, сама, одна, первая. Я вдругъ повѣрилъ... Я, можетъ-быть, вѣрю еще и теперь.

— За такую благородную откровенность отплачу вамъ тѣмъ же: не хочу я быть вашею сердобольною сестрой. Пусть я, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ въ сидѣлки пойду, если не сумѣю умереть кстати сегодня же; но хоть пойду, да не къ вамъ, хотя и вы, конечно, всякаго безногаго и безрукаго стоите. Мнѣ всегда казалось что вы заведете меня въ какое-нибудь мѣсто гдѣ живетъ огромный злой паукъ въ человѣческій ростъ, и мы тамъ всю жизнь будемъ на него глядѣть и его бояться. Въ томъ и пройдетъ наша взаимная любовь. Обратитесь къ Дашенькѣ; та съ вами поѣдетъ куда хотите.

— А вы ее и тутъ не могли не вспомнить?

— Бѣдная собачка! Кланяйтесь ей. Знаетъ она что вы еще въ Швейцаріи себѣ подъ старость опредѣлили? Какая заботливость! Какая предусмотрительность! Ай, кто это?

Въ глубинѣ залы чуть-чуть отворилась дверь; чья-то голова просунулась и торопливо спряталась.

— Это ты, Алексѣй Егорычъ? спросилъ Ставрогинъ.

— Нѣтъ, это всего только я, высунулся опять до половины Петръ Степановичъ. — Здравствуйте, Лизавета Николаевна; во всякомъ случаѣ съ добрымъ утромъ. Такъ и зналъ что найду васъ обоихъ въ этой залѣ. Я совершенно на одно мгновеніе, Николай Всеволодовичъ, — во что бы то ни стало спѣшилъ на пару словъ... необходимѣйшихъ... всего только парочку!

Ставрогинъ пошелъ, но съ трехъ шаговъ воротился къ Лизѣ.

— Если сейчасъ что-нибудь услышишь, Лиза, то знай: я виновенъ.

Она вздрогнула и боязливо посмотрѣла на него; но онъ поспѣшно вышелъ.

II.

Комната изъ которой выглянулъ Петръ Степановичъ была большая овальная прихожая. Тутъ до него сидѣлъ Алексѣй Егорычъ, но онъ его выслалъ. Николай Всеволодовичъ притворилъ за собою дверь въ залу и остановился въ ожиданіи. Петръ Степановичъ быстро и пытливо оглядѣлъ его.

— Ну?

— То-есть если вы уже знаете, заторопился Петръ Степановичъ, казалось желая вскочить глазами въ душу, — то разумѣется, никто изъ насъ ни въ чемъ не виноватъ, а прежде всѣхъ вы, потому что это такое стеченіе... совпаденіе случаевъ... однимъ словомъ, юридически до васъ не можетъ коснуться, и я летѣлъ предупредить.

— Сгорѣли? Зарѣзаны?

— Зарѣзаны, но не сгорѣли, это-то и скверно, но я вамъ даю честное слово что я и тутъ невиновень, какъ бы вы ни подозрѣвали меня, — потому что можетъ-быть подозрѣваете, а? Хотите всю правду: видите, у меня дѣйствительно мелькала мысль, — сами же вы ее мнѣ подсказали, не серіозно, а дразня меня (потому что не стали же бы вы серіозно подсказывать), — но я не рѣшался, и не рѣшился бы ни за что, ни за сто рублей, — да тутъ и выгодъ-то никакихъ, то-есть для меня, для меня... (Онъ ужасно спѣшилъ и говорилъ какъ трещетка.) Но вотъ какое совпаденіе обстоятельствъ: я изъ своихъ (слышите, изъ своихъ, вашихъ не было ни рубля, и главное, вы это сами знаете) далъ этому пьяному дурачинѣ Лебядкину двѣсти тридцать рублей, третьяго дня, еще съ вечера, — слышите, третьяго дня, а не вчера послѣ Чтенія, замѣтьте это: это весьма важное совпаденіе, потому что я вѣдь ничего не зналъ тогда навѣрно поѣдетъ или нѣтъ къ вамъ Лизавета Николаевна; далъ же собственныя деньги единственно потому что вы третьяго дня отличились, вздумали всѣмъ объявить вашу тайну. Ну тамъ я не вхожу... ваше дѣло... рыцарь... но признаюсь удивился, какъ дубиной по лбу. Но такъ какъ мнѣ эти трагедіи наскучили вельми, — и замѣтьте, я говорю серіозно, хоть и употребляю славянскія выраженія, — такъ какъ все это вредитъ наконецъ моимъ планамъ, то я и далъ себѣ слово спроводить Лебядкиныхъ во что бы ни стало и безъ вашего вѣдома въ Петербургъ, тѣмъ болѣе что и самъ онъ туда порывался. Одна ошибка: далъ деньги отъ вашего имени; ошибка иль нѣтъ? Можетъ и не ошибка, а? Слушайте же теперь, слушайте, какъ это все обернулось... Въ горячкѣ рѣчи онъ приблизился къ Ставрогину вплоть и сталъ было хватать его за лацканъ сюртука (ей-Богу можетъ-быть нарочно). Ставрогинъ сильнымъ движеніемъ ударилъ его по рукѣ.

— Ну чего жъ вы.... полноте... этакъ руку ломаете... тутъ главное въ томъ какъ это обернулось, — затрещалъ онъ вновь, ни мало даже не удивившись удару. — Я съ вечера выдаю деньги, съ тѣмъ чтобъ онъ и сестрица завтра чѣмъ свѣтъ отправлялись; поручаю это дѣльцо подлецу Липутину, чтобы самъ посадилъ и отправилъ. Но мерзавцу Липутину понадобилось сошкольничать съ публикой — можетъ-быть слышали? На Чтеніи? Слушайте же, слушайте: оба пьютъ, сочиняютъ стихи, изъ которыхъ половина Липутинскихъ; тотъ его одѣваетъ во фракъ, меня между тѣмъ увѣряетъ что уже отправилъ съ утра, а его бережетъ гдѣ-то въ задней каморкѣ чтобы выпихнуть на эстраду. Но тотъ быстро и неожиданно напивается. Затѣмъ извѣстный скандалъ, затѣмъ его доставляютъ домой полумертваго, а Липутинъ у него вынимаетъ тихонько двѣсти рублей, оставляя мелочь. Но къ несчастію оказывается что тотъ уже

утромъ эти двѣсти рублей тоже изъ кармана вынималъ, хвастался и показывалъ гдѣ не слѣдуетъ. А такъ какъ Оедька того и ждалъ, а у Кирилова кое-что слышалъ (помните, вашъ намекъ?), то и рѣшился воспользоваться. Вотъ и вся правда. Я радъ по крайней мѣрѣ что Оедька денегъ не нашель, а вѣдь на тысячу подлець разчитывалъ! Торопился и пожара, кажется, самъ испугался... Вѣрите, мнѣ этотъ пожаръ какъ полѣномъ по головѣ. Нѣтъ, это чортъ знаетъ что такое! Это такое самовластіе... Вотъ видите, я предъ вами, столького отъ васъ ожидая, ничего не потаю: ну да, у меня уже давно эта идеякъ объ огнѣ созрѣвала, такъ какъ она столь народна и популярна; но вѣдь я берегъ ее на критическій часъ, на то драгоцѣнное мгновеніе, когда мы всѣ встанемъ и... А они вдругъ вздумали своевластно и безъ приказу теперъ, въ такое мгновеніе когда именно надо бы притаиться, да въ кулакъ дышать! Нѣтъ, это такое самовластіе!.. однимъ словомъ, я еще ничего не знаю, тутъ говорятъ про двухъ Шпигулинскихъ... но если тутъ есть и *наши*, если хоть одинъ изъ нихъ тутъ погрѣлъ свои руки — горе тому! Вотъ видите что значить хоть капельку распусить! Нѣтъ, эта демократическая сволочь съ своими пятерками — плохая опора; тутъ нужна одна великолѣпная, кумирная, деспотическая воля, опирающаяся на нѣчто не случайное и внѣ стоящее... Тогда и пятерки подожмутъ хвосты повиновенія и съ подобострастіемъ пригодятся при случаѣ. Но во всякомъ случаѣ хоть тамъ теперъ и кричатъ во всѣ трубы что Ставрогину надо было жену сжечь, для того и городъ сгорѣлъ, но...

— А ужъ кричатъ во всѣ трубы?

— То-есть еще вовсе нѣтъ, и признаюсь, я ровно ничего не слыхалъ, но вѣдь съ народомъ что подѣлаешь, особенно съ погорѣлыми: *Vox populi vox Dei*.¹ Долго ли глупѣйшій слухъ по вѣтру пустить?... Но вѣдь въ сущности вамъ ровно нечего опасаться. Юридически вы совершенно правы, по совѣсти тоже, — вѣдь вы не хотѣли же? Не хотѣли? Уликъ никакихъ, одно совпаденіе... Развѣ вотъ Оедька припомнитъ ваши тогдашнія неосторожныя слова у Кирилова (и зачѣмъ вы ихъ тогда сказали?), но вѣдь это вовсе ничего не доказываетъ, а Оедьку мы сократимъ. Я сегодня же его сокращаю...

— А трупы совсѣмъ не сгорѣли?

— Ни мало; эта каналья ничего не сумѣла устроить какъ слѣдуетъ. Но я радъ по крайней мѣрѣ что вы такъ спокойны... потому что хоть вы и ничѣмъ тутъ не виноваты, ни даже мыслью, но вѣдь все-таки. И притомъ согласитесь что все это отлично обертываетъ ваши дѣла: вы вдругъ свободный вдовець и можете сію минуту жениться на прекрасной

¹ Глас народа — глас Божий (*лат.*).

дѣвицѣ съ огромными деньгами, которая вдобавокъ уже въ вашихъ рукахъ. Вотъ что можетъ сдѣлать простое, грубое совпаденіе обстоятельствъ — а?

— Вы угрожаете мнѣ, глупая голова?

— Ну полноте, полноте, ужь сейчасъ и глупая голова, и что за тонъ? Чѣмъ бы радоваться, а вы... Я нарочно летѣлъ чтобы скорѣй предупредить... Да и чѣмъ мнѣ вамъ угрожать? Очень мнѣ васъ надо изъ-за угрозы-то! Мнѣ надо вашу добрую волю, а не изъ страху. Вы свѣтъ и солнце... Это я васъ изо всей силы боюсь, а не вы меня! Я вѣдь не Маврикій Николаевичъ... И представьте, я лечу сюда на бѣговыхъ дрожкахъ, а Маврикій Николаевичъ здѣсь у садовой вашей рѣшетки, на заднемъ углу сада... въ шинели, весь промокъ, должно-быть всю ночь сидѣлъ! Чудеса! до чего могутъ люди съ ума сходить!

— Маврикій Николаевичъ? Правда?

— Правда, правда. Сидитъ у садовой рѣшетки. Отсюда, — отсюда въ шагахъ трехстахъ, я думаю. Я поскорѣе мимо него, но онъ меня видѣлъ. Вы не знали? Въ такомъ случаѣ очень радъ что не забылъ передать. Вотъ этакой-то всего опаснѣе на случай если съ нимъ револьверъ, и наконецъ ночь, слякоть, естественная раздражительность, — потому что вѣдь каковы же его обстоятельства-то, ха-ха! Какъ вы думаете, зачѣмъ онъ сидитъ?

— Лизавету Николаевну, разумѣется, ждетъ.

— Во-отъ! Да съ чего она къ нему выйдетъ? И... въ такой дождь... вотъ дуракъ-то!

— Она сейчасъ къ нему выйдетъ.

— Эге! Вотъ извѣстіе! Стало-быть... Но послушайте, вѣдь теперь совершенно измѣнились ея дѣла: къ чему теперь ей Маврикій? Вѣдь вы свободный вдовецъ и можете завтра же на ней жениться? Она еще не знаетъ, — предоставьте мнѣ, и я вамъ тотчасъ же все обдѣлаю. Гдѣ она, надо и ее обрадовать.

— Обрадовать?

— Еще бы, идемъ.

— А вы думаете, она про эти трупы не догадается? какъ-то особенно прищурился Ставрогинъ.

— Конечно не догадается, рѣшительнымъ дурачкомъ подхватилъ Петръ Степановичъ, — потому что вѣдь юридически... Эхъ вы! Да хоть бы и догадалась! У женщинъ все это такъ отлично ступшевывается, вы еще не знаете женщинъ! Кромѣ того что ей теперь вся выгода за васъ выйти, потому что вѣдь все таки она себя оскандалила, кромѣ того я ей про «ладью» наговорилъ: и именно увидѣлъ что «ладьей»-то на нее и

подѣйствуешь, стало-быть вотъ какого она калибра дѣвица. Не безпокойтесь, она такъ черезъ эти трупики перешагнетъ что лю-ли, — тѣмъ болѣе что вы совершенно, совершенно невинны, не правда ли? Она только прибережетъ эти трупики чтобы васъ потомъ уколоть, этакъ на второй годикъ супружества. Всякая женщина идя къ вѣнцу въ этомъ родѣ чѣмъ-нибудь запасается изъ мужнина стараго, но вѣдь тогда... что черезъ годъ-то будетъ? Ха-ха-ха!

— Если вы на бѣговыхъ дрожкахъ, то доведите ее сейчасъ до Маврикія Николаевича. Она сейчасъ сказала что терпѣть меня не можетъ и отъ меня уйдетъ, и конечно не возьметъ отъ меня экипажа.

— Во-отъ! Да неужто вправду уѣзжаетъ? Отъ чего бы это могло произойти? глуповато посмотрѣлъ Петръ Степановичъ.

— Догадалась какъ-нибудь, въ эту ночь, что я вовсе ее не люблю... о чемъ конечно всегда знала.

— Да развѣ вы ее не любите? подхватилъ Петръ Степановичъ съ видомъ безпредѣльнаго удивленія. — А коли такъ, зачѣмъ же вы ее вчера, какъ вошла, у себя оставили и какъ благородный человѣкъ не увѣдомили прямо что не любите? Это ужасно подло съ вашей стороны; да и въ какомъ же подломъ видѣ вы меня предъ нею поставили?

Ставрогинъ вдругъ разсмѣялся.

— Я на обезьяну мою смѣюсь, пояснилъ онъ тотчасъ же.

— А! догадались что я распаясничался, ужасно весело разсмѣялся и Петръ Степановичъ; — я чтобы васъ разсмѣшить! Представьте, я вѣдь тотчасъ же какъ вы вышли ко мнѣ по лицу догадался что у васъ «несчастье». Даже можетъ быть полная неудача, а? Ну, бьюсь же объ закладъ, вскричалъ онъ, почти захлебываясь отъ восторга, — что вы всю ночь просидѣли въ залѣ рядышкомъ на стульяхъ и о какомъ-нибудь высочайшемъ благородствѣ проспорили все драгоцѣнное время... Ну простите, простите; мнѣ что: я вѣдь еще вчера зналъ навѣрно что у васъ глупостью кончится. Я вамъ привезъ ее единственно чтобы васъ позабавить и чтобы доказать что со мною вамъ скучно не будетъ; триста разъ пригожусь въ этомъ родѣ; я вообще люблю быть пріятенъ людямъ. Если же теперь она вамъ не нужна, на что я и разчитывалъ, съ тѣмъ и ѣхалъ, то...

— Такъ это вы для одной моей забавы ее привезли?

— А то зачѣмъ же?

— А не за тѣмъ чтобы заставить меня жену убить?

— Во-отъ, да развѣ вы убили? Что за трагическій человѣкъ!

— Все равно, вы убили.

— Да развѣ я убилъ? Говорю же вамъ, я тутъ ни при каплѣ. Однако вы начинаете меня безпокоить...

— Продолжайте, вы сказали: «Если теперь она вамъ не нужна, то...»

— То, предоставьте мнѣ, разумѣется! Я отлично ее выдамъ за Маврикія Николаевича, котораго между прочимъ вовсе не я у саду посадилъ, не возьмите еще этого въ голову. Я вѣдь его боюсь теперь. Вотъ вы говорите: на бѣговыхъ дрожкахъ, а я такъ-таки мимо пролепетнулъ... право, если съ нимъ револьверъ?... хорошо что я свой захватилъ. Вотъ онъ (онъ вынулъ изъ кармана револьверъ, показалъ и тотчасъ же опять спряталъ) — захватилъ за дальностью пути... Впрочемъ я вамъ это мигомъ смажу: у ней именно теперь сердчишко по Маврикію ноетъ... должно по крайней мѣрѣ ныть... и знаете — ей-Богу мнѣ ее даже нѣсколько жалко! Сведу съ Маврикіемъ, и она тотчасъ про васъ начнетъ вспоминать, — ему васъ хвалить, а его въ глаза бранить, — сердце женщины! Ну вотъ вы опять смѣетесь? Я ужасно радъ что вы такъ развеселились. Ну что жъ, идемъ. Я прямо съ Маврикія и начну, а про тѣхъ... про убитыхъ... знаете, не промолчатъ ли теперь? Все равно потомъ узнаетъ.

— Объ чемъ узнаетъ! Кто убить? Что вы сказали про Маврикія Николаевича? отворила вдругъ дверь Лиза.

— А! вы подслушивали?

— Что вы сказали сейчасъ про Маврикія Николаевича? Онъ убить?

— А! стало-быть вы не разслышали! Успокойтесь, Маврикій Николаевичъ живъ и здоровъ, въ чемъ можете мигомъ удостовѣриться, потому что онъ здѣсь у дороги, у садовой рѣшетки... и кажется всю ночь просидѣлъ; промокъ, въ шинели... Я ѣхалъ, онъ меня видѣлъ.

— Это неправда. Вы сказали «убить»... Кто убить? настаивала она съ мучительною недовѣрчивостью.

— Убита только моя жена, ея братъ Лебядкинъ и ихъ служанка, твердо заявилъ Ставрогинъ.

Лиза вздрогнула и ужасно поблѣднѣла.

— Звѣрскій, странный случай, Лизавета Николаевна, глупѣйшій случай грабежа, тотчасъ затрещалъ Петръ Степановичъ, — одного грабежа, пользуясь пожаромъ; дѣло разбойника Оедьки Каторжнаго и дурака Лебядкина, который всѣмъ показывалъ свои деньги... я съ тѣмъ и летѣлъ... какъ камнемъ по лбу. Ставрогинъ едва устоялъ когда я сообщилъ. Мы здѣсь совѣтовались: сообщить вамъ сейчасъ или нѣтъ?

— Николай Всеволодовичъ, правду онъ говоритъ? едва вымолвила Лиза.

— Нѣтъ, не правду.

— Какъ неправду! вздрогнулъ Петръ Степановичъ, — это еще что!

— Господи, я съ ума сойду! вскричала Лиза.

— Да поймите же по крайней мѣрѣ что онъ сумашедшій теперь человекъ! кричалъ изо всей силы Петръ Степановичъ, — вѣдь все-таки жена его убита. Видите какъ онъ блѣденъ... Вѣдь онъ съ вами же всю ночь пробылъ, ни на минуту не отходилъ, какъ же его подозрѣвать?

— Николай Всеволодовичъ, скажите какъ предъ Богомъ, виноваты вы или нѣтъ, а я клянусь, вашему слову повѣрю какъ Божьему и на край свѣта за вами пойду, о, пойду! Пойду, какъ собачка...

— Изъ-за чего же вы терзаете ее, фантастическая вы голова! остервенился Петръ Степановичъ. — Лизавета Николаевна, ей-ей, столките меня въ ступѣ, онъ невиненъ, напротивъ, самъ убить и бредить, вы видите. Ни въ чемъ, ни въ чемъ, даже мыслью неповиненъ!.. Все только дѣло разбойниковъ, которыхъ навѣрно черезъ недѣлю разыщутъ и накажутъ плетьюми... Тутъ Ѳедька Каторжный и Шпигулинскіе, объ этомъ весь городъ трещить, потому и я.

— Такъ ли? Такъ ли? вся трепеща ждала послѣдняго себѣ приговора Лиза.

— Я не убивалъ и былъ противъ, но я зналъ что они будутъ убиты и не остановилъ убійцъ. Ступайте отъ меня, Лиза, вымолвилъ Ставрогинъ и пошелъ въ залу.

Лиза закрыла лицо руками и пошла изъ дому. Петръ Степановичъ бросился было за нею, но тотчасъ воротился въ залу.

— Такъ вы такъ-то? Такъ вы такъ-то? Такъ вы ничего не боитесь? накинулся онъ на Ставрогина въ совершенномъ бѣшенствѣ, бормоча не связно, почти словъ не находя, съ пѣною у рта.

Ставрогинъ стоялъ среди залы и не отвѣчалъ ни слова. Онъ захватилъ лѣвою рукой слегка клокъ своихъ волосъ и потерянно улыбался. Петръ Степановичъ сильно дернулъ его за рукавъ.

— Пропали вы что ли? Такъ вы вотъ за что принялись? На всѣхъ донесете, а сами въ монастырь уйдете или къ чорту.... Но вѣдь я васъ все равно укоюшу, хоть бы вы и не боялись меня!

— А, это вы трещите? разглядѣлъ его наконецъ Ставрогинъ. — Бѣгите, очнулся онъ вдругъ, — бѣгите за нею, велите карету, не покидайте ее... Бѣгите, бѣгите же! Проводите до дому чтобы никто не зналъ, и чтобъ она туда не ходила.... на тѣла.... на тѣла.... въ карету силой посадите... Алексѣй Егорычъ! Алексѣй Егорычъ!

— Стойте, не кричите! Она ужъ теперь въ объятіяхъ у Маврикія... Не сядетъ Маврикій въ вашу карету... Стойте же! Тутъ дороже кареты!

Онъ выхватилъ опять револьверъ; Ставрогинъ серьезно посмотрелъ на него.

— А что жъ, убейте, проговорилъ онъ тихо, почти примирительно.

— Фу, чортъ, какую ложь натащитъ на себя человѣкъ! такъ и затрясся Петръ Степановичъ. — Ей-Богу бы убить! Подлинно она плюнуть на васъ должна была!... Какая вы «ладья», старая вы, дырявая, дровяная барка на сломъ!... Ну, хоть изъ злобы, хоть изъ злобы теперь вамъ очнуться! Э-эхъ! Вѣдь ужъ все бы вамъ равно, коли сами себѣ пулю въ лобъ просите?

Ставрогинъ странно усмѣхнулся.

— Еслибы вы не такой шутъ, я бы можетъ и сказалъ теперь: да... Еслибы только хоть каплю умнѣе...

— Я-то шутъ, но не хочу, чтобы вы, главная половина моя, были шутомъ! Понимаете вы меня?

Ставрогинъ понималъ, одинъ только онъ можетъ-быть. Былъ же изумленъ Шатовъ, когда Ставрогинъ сказалъ ему что въ Петрѣ Степановичѣ есть энтузіазмъ.

— Ступайте отъ меня теперь къ чорту, а къ завтраму я что-нибудь выдавлю изъ себя. Приходите завтра.

— Да? Да?

— Почему я знаю!... Къ чорту, къ чорту!

И ушелъ вонъ изъ залы.

— А пожалуй еще къ лучшему, пробормоталъ про себя Петръ Степановичъ, пряча револьверъ.

III.

Онъ бросился догонять Лизавету Николаевну. Та еще не далеко отошла, всего нѣсколько шаговъ отъ дому. Ее задержалъ было Алексѣй Егоровичъ, слѣдовавшій за нею и теперь, на шагъ позади, во фракѣ, почтительно преклонившись и безъ шляпы. Онъ неотступно умолялъ ее дожждаться экипажа; старикъ былъ испуганъ и почти плакалъ.

— Ступай, баринъ чаю проситъ, некому подать, оттолкнулъ его Петръ Степановичъ и прямо взялъ подъ руку Лизавету Николаевну.

Та не вырвала руки, но кажется была не при всемъ разсудкѣ, еще не опомнилась.

— Впервыхъ, вы не туда, залепеталъ Петръ Степановичъ, — намъ надо сюда, а не мимо сада; а вовторыхъ, во всякомъ случаѣ пѣшкомъ невозможно, до васъ три версты, а у васъ и одежды нѣтъ. Еслибы вы капельку подождали. Я вѣдь на бѣговыхъ, лошадь тутъ на дворѣ, мигомъ подамъ, посажу и доставлю такъ что никто не увидитъ.

— Какой вы добрый.... ласково проговорила Лиза.

— Помилуйте, въ подобномъ случаѣ всякій гуманный человѣкъ на моемъ мѣстѣ также....

Лиза поглядѣла на него и удивилась.

— Ахъ, Боже мой, а я думала что тутъ все еще тотъ старикъ!

— Послушайте, я ужасно радъ что вы это такъ принимаете, потому что все это предразсудокъ ужаснѣйшій, и если ужъ на то пошло, то не лучше ли я этому старику сейчасъ велю обработать карету, всего десять минутъ, а мы воротимся и подъ крыльцомъ подождемъ, а?

— Я прежде хочу.... гдѣ эти убитые?

— А, ну вотъ еще фантазія! Я такъ и боялся.... Нѣтъ, мы ужъ эту дрянъ лучше оставимъ въ сторонѣ; да и нечего вамъ смотрѣть.

— Я знаю гдѣ они, я этотъ домъ знаю.

— Ну, что жъ что знаете! Помилуйте, дождь, туманъ (вотъ одна-кожъ обязанность священную натациль!).... Слушайте, Лизавета Николаевна, одно изъ двухъ: или вы со мной на дрожкахъ, тогда подождите и ни шагу впередъ, потому что если еще шаговъ двадцать, то насъ непременно замѣтитъ Маврикій Николаевичъ.

— Маврикій Николаевичъ! Гдѣ? Гдѣ?

— Ну, а если вы съ нимъ хотите, то я пожалуй васъ еще немного проведу и укажу его гдѣ сидитъ, а самъ ужъ слуга покорный; я къ нему не хочу теперь подходить.

— Онъ ждетъ меня, Боже! вдругъ остановилась она, и краска разлилась по ея лицу.

— Но помилуйте, если онъ человѣкъ безъ предразсудковъ! Знаете, Лизавета Николаевна, это все не мое дѣло; я совершенно тутъ въ сторонѣ, и вы это сами знаете; но я вѣдь вамъ все-таки желаю добра.... Если не удалась наша «ладья», если оказалось что это всего только старый, гнилой барказъ, годный на сломъ....

— Ахъ, чудесно! вскричала Лиза.

— Чудесно, а у самой слезы текутъ. Тутъ нужно мужество. Надо ни въ чѣмъ не уступать мушкетѣ. Въ нашъ векъ, когда женщина.... фу, чортъ (едва не отплевался Петръ Степановичъ)! А главное и жалѣть не о чемъ: можетъ оно и отлично обернется. Маврикій Николаевичъ человѣкъ.... однимъ словомъ, человѣкъ чувствительный, хотя и не разговорчивый, что впрочемъ тоже хорошо, конечно при условіи если онъ безъ предразсудковъ....

— Чудесно, чудесно! истерически размѣялась Лиза.

— А, ну, чортъ.... Лизавета Николаевна, опикировался вдругъ Петръ Степановичъ, — я вѣдь собственно тутъ для васъ же.... мнѣ вѣдь что.... Я вамъ услужилъ вчера, когда вы сами того захотѣли, а сегодня.... Ну, вотъ отсюда видно Маврикія Николаевича, вонъ онъ сидитъ, насъ не видитъ. Знаете, Лизавета Николаевна, читали вы *Полинъку Саксъ*?

— Что такое?

— Есть такая повѣсть, *Полинъка Саксъ*. Я еще студентомъ читалъ.... Тамъ какой-то чиновникъ, Саксъ, съ большимъ состояніемъ, арестовалъ на дачѣ жену за невѣрность.... А, ну, чортъ, наплевать! Вотъ увидите что Маврикій Николаевичъ еще до дому сдѣлаетъ вамъ предложеніе. Онъ насъ еще не видитъ.

— Ахъ, пусть не видитъ! вскричала вдругъ Лиза какъ безумная; — уйдемте, уйдемте! Въ лѣсъ, въ поле!

И она побѣжала назадъ.

— Лизавета Николаевна, это ужъ такое малодушіе! бѣжалъ за нею Петръ Степановичъ. — И къ чему вы не хотите чтобъ онъ васъ видѣлъ? Напротивъ, посмотрите ему прямо и гордо въ глаза.... Если вы что-нибудь на счетъ *того*.... дѣвичьяго.... то вѣдь это такой предразсудокъ, такая отсталось.... Да куда же вы, куда же вы? Эхъ бѣжить! Воротимтесь ужъ лучше къ Ставрогину, возьмемъ мои дрожки.... Да куда же вы? Тамъ поле, ну, упала!...

Онъ остановился. Лиза лѣтела какъ птица, не зная куда, и Петръ Степановичъ уже шаговъ на пятьдесятъ отсталъ отъ нея. Она упала споткнувшись о кочку. Въ ту же минуту сзади, въ сторонѣ, раздался ужасный крикъ, крикъ Маврикія Николаевича, который видѣлъ ея бѣгство и паденіе, и бѣжалъ къ ней черезъ поле. Петръ Степановичъ въ одинъ мигъ отретировался въ ворота Ставрогинскаго дома, чтобы поскорѣе сѣсть на свои дрожки.

А Маврикій Николаевичъ, въ страшномъ испугѣ, уже стоялъ подлѣ поднявшейся Лизы, склоняясь надъ нею и держа ея руку въ своихъ рукахъ. Вся невѣроятная обстановка этой встрѣчи потрясла его разумъ, и слезы текли по его лицу. Онъ видѣлъ ту предъ которою столь благоговѣлъ, безумно бѣгущею черезъ поле, въ такой часъ, въ такую погоду, въ одномъ платьѣ, въ этомъ пышномъ вчерашнемъ платьѣ, теперь измятомъ, загрязненнымъ отъ паденія.... Онъ не могъ сказать слова, снялъ свою шинель и дрожавшими руками сталъ укрывать ея плечи. Вдругъ онъ вскрикнулъ, почувствовавъ что она прикоснулась губами къ его рукѣ.

— Лиза! вскричалъ онъ, — я ничего не умѣю, но не отгоняйте меня отъ себя!

— О, да, пойдите скорѣй отсюда, не оставляйте меня! и сама схвативъ его за руку, она повлекла его за собой. — Маврикій Николаевичъ, испуганно понизила она вдругъ голосъ, — я тамъ все храбрилась, а здѣсь смерти боюсь. Я умру, очень скоро умру, но я боюсь, боюсь умирать.... шептала она, крѣпко сжимая его руку.

— О хоть бы кто-нибудь! въ отчаяніи оглядывался онъ кругомъ, — хоть бы какой проѣзжіи! Вы промочите ноги, вы... потеряете разсудокъ!

— Ничего, ничего, ободряла она его, — вотъ такъ, при васъ я меньше боюсь, держите меня за руку, ведите меня.... Куда мы теперь, домой? Нѣтъ я хочу сначала видѣть убитыхъ. Они, говорятъ, зарѣзали его жену, а онъ говоритъ что онъ самъ зарѣзалъ; вѣдь это не правда, не правда? Я хочу видѣть сама зарѣзанныхъ.... за меня.... изъ-за нихъ онъ въ эту ночь разлюбилъ меня.... Я увижу и все узнаю. Скорѣй, скорѣй, я знаю этотъ домъ.... тамъ пожаръ.... Маврикій Николаевичъ, другъ мой, не прощайте меня, безчестную! Зачѣмъ меня прощать? Чего вы плачете? Дайте мнѣ пощечину и убейте здѣсь въ полѣ какъ собаку!

— Никто вамъ теперь не судья, твердо произнесъ Маврикій Николаевичъ, — прости вамъ Богъ, а я вашъ судья меньше всѣхъ!

Но странно было бы описывать ихъ разговоръ. А между тѣмъ оба шли, рука въ руку, скоро, спѣша, словно полоумные. Они направлялись прямо на пожаръ. — Маврикій Николаевичъ все еще не терялъ надежды встрѣтить хоть какую-нибудь телѣгу, но никто не попадался. Мелкій, тонкій дождь проницалъ всю окрестность, поглощая всякій отблескъ и всякій оттѣнокъ и обращая все въ одну дымную, свинцовую, безразличную массу. Давно уже былъ день, а казалось все еще не разсвѣло. И вдругъ изъ этой дымной, холодной мглы вырѣзалась фигура, странная и нелѣпая, шедшая имъ навстрѣчу. Воображая теперь, думаю что я бы не повѣрилъ глазамъ, еслибъ даже былъ на мѣстѣ Лизаветы Николаевны; а между тѣмъ она радостно вскрикнула и тотчасъ узнала подходившаго человѣка. Это былъ Степанъ Трофимовичъ. Какъ онъ ушелъ, какимъ образомъ могла осуществиться безумная, головная идея его бѣгства — о томъ впереди. Упомяну лишь что въ это утро онъ былъ уже въ лихорадкѣ, но и болѣзнь не остановила его: онъ твердо шагаль по мокрой землѣ; видно было что обдумалъ предпріятіе какъ только могъ это сдѣлать лучше одинъ при всей своей кабинетной неопытности. Одѣтъ былъ «по-дорожному», то-есть шинель въ рукава, а подпоясанъ широкимъ кожанымъ лакированнымъ поясомъ съ пряжкой, при этомъ высокіе, новые сапоги и панталоны въ голенищахъ. Вѣроятно онъ такъ давно уже воображалъ себѣ дорожнаго человѣка, а поясъ и высокіе сапоги съ блестящими гусарскими голенищами, въ которыхъ онъ не умѣлъ ходить, припасъ еще нѣсколько дней назадъ. Шляпа съ широкими полями, гарусный шарфъ, плотно обматывавшій шею, палка въ правой рукѣ, а въ лѣвой чрезвычайно маленькій, но чрезмѣрно туго набитый саквояжъ довершали костюмъ. Вдобавокъ, въ той же правой рукѣ распушенный зонтикъ. Эти

три предмета — зонтикъ, палку и саквояжъ, было очень неловко нести всю первую версту, а со второй и тяжело.

— Неужто это въ самомъ дѣлѣ вы? вскричала Лиза оглядывая его въ скорбномъ удивленіи, смѣнившимъ первый порывъ ея безсознательной радости.

— Lise! вскричалъ и Степанъ Трофимовичъ, бросаясь къ ней тоже почти въ бреду: — Chère, chère, неужто и вы... въ такомъ туманѣ? Видите: зарево! Vous êtes malheureuse, n'est-ce pas?¹ Вижу, вижу, не рассказывайте, но не спрашивайте и меня. Nous sommes tous malheureux, mais il faut les pardonner tous. Pardonnons Lise² и будемъ свободны на вѣки. Чтобы раздѣлаться съ міромъ и стать свободнымъ вполне — il faut pardonner, pardonner et pardonner!³

— Но зачѣмъ вы становитесь на колѣни?

— Затѣмъ что прощаясь съ міромъ хочу, въ вашемъ образѣ, проститься и со всѣмъ моимъ прошлымъ! — Онъ заплакалъ и поднесъ обѣ ея руки къ своимъ заплаканнымъ глазамъ: — Становлюсь на колѣна предъ всѣмъ что было прекрасно въ моей жизни, лобызаю и благодарю! Теперь я разбилъ себя пополамъ: — тамъ — безумецъ мечтавшій взлетѣть на небо vingt-deux ans!⁴ Здѣсь — убитый и озябшій старикъ — гувернеръ... chez ce marchand, s'il existe pourtant ce marchand...⁵ Но какъ вы измокли, Lise! вскричалъ онъ, вскакивая на ноги, почувствовавъ что промокли и его колѣни на мокрой землѣ, — и какъ это можно, вы въ такомъ платьѣ?... и пѣшкомъ, и въ такомъ полѣ... Вы плачете? Vous êtes malheureuse?⁶ Ба, я что-то слышалъ... Но откуда же вы теперь? съ боязливымъ видомъ ускорялъ онъ вопросы, въ глубокомъ недоумѣніи посматривая на Маврикія Николаевича; — Mais savez-vous l'heure qu'il est?⁷

— Степанъ Трофимовичъ, слышали вы что-нибудь тамъ про убитыхъ людѣй... Это правда? Правда?

— Эти люди! Я видѣлъ зарево ихъ дѣяній всю ночь. Они не могли кончить иначе... (глаза его вновь засверкали). Бѣгу изъ бреду, горячешнаго сна, бѣгу искать Россію, existe-t-elle la Russie? Bah, c'est vous, cher capitane!⁸ Никогда не сомнѣвался что встрѣчу васъ гдѣ-нибудь при высокомъ подвигѣ... Но возьмите мой зонтикъ и — почему же непременно пѣшкомъ? Ради Бога возьмите хоть зонтикъ, а я все равно гдѣ-нибудь

¹ Вы несчастны, не правда ли? (франц.).

² Мы все несчастны, но нужно их простить всех. Простим, Лиза (франц.).

³ нужно прощать, прощать и прощать! (франц.).

⁴ двадцать два года! (франц.).

⁵ у этого купца, если только он существует, этот купец... (франц.).

⁶ Вы несчастны? (франц.).

⁷ Но знаете ли вы, который теперь час? (франц.).

⁸ существует ли она, Россия? Ба, это вы, дорогой капитан! (франц.).

найму экипажъ. Вѣдь я потому пѣшкомъ что Stasie (т.-е. Настасья) раскричалась бы на всю улицу, еслибъ узнала что я уѣзжаю; я и ускользнулъ сколь возможно incognito. Я не знаю, тамъ въ *Голосъ* пишутъ про повсемѣстные разбои, но вѣдь не можетъ же, я думаю, быть что сейчасъ какъ вышелъ на дорогу, тутъ и разбойникъ? Chère Lise, вы, кажется, сказали что кто-то кого-то убилъ? O mon Dieu,¹ съ вами дурно!

— Идемъ, идемъ! вскричала какъ въ истерикѣ Лиза, опять увлекая за собою Маврикія Николаевича. — Пойдите, Степанъ Трофимовичъ, воротилась она вдругъ къ нему, — пойдите бѣдняжка, дайте я васъ перекрещу. Можетъ-быть васъ бы лучше связать, но я ужь лучше васъ перекрещу. Помолитесь и вы за «бѣдную» Лизу — такъ, немножко, не утруждайте себя очень. Маврикій Николаевичъ, отдайте этому ребенку его зонтикъ, отдайте непременно. Вотъ такъ... Пойдемте же! Пойдемте же!

Прибытіе ихъ къ роковому дому произошло именно въ то самое мгновеніе когда сбившаяся предъ домомъ густая толпа уже довольно наслушалась о Ставрогинѣ и о томъ какъ выгодно было ему зарѣзать жену. Но все-таки, повторяю, огромное большинство продолжало слушать молча и неподвижно. Выходили изъ себя лишь пьяные горланы, да люди «срывающіеся», въ родѣ какъ тотъ махавшій руками мѣщанинъ. Его всѣ знали какъ человѣка даже тихаго, но онъ вдругъ какъ бы срывался и куда-то летѣлъ, если что-нибудь извѣстнымъ образомъ поражало его. Я не видѣлъ какъ прибыли Лиза и Маврикій Николаевичъ. Впервой я замѣтилъ Лизу, остолбенѣвъ отъ изумленія, уже далеко отъ меня въ толпѣ, а Маврикія Николаевича даже сначала и не разглядѣлъ. Кажется былъ такой мигъ что онъ отъ нея отсталъ шага на два за тѣснотой, или его оттерли. Лиза, прорывавшаяся сквозь толпу, не видя и не замѣчая ничего кругомъ себя, словно горячешная, словно убѣжавшая изъ больницы, разумѣется слишкомъ скоро обратила на себя вниманіе: громко заговорили и вдругъ завопили. Тутъ кто-то крикнулъ: «Это Ставрогинская!» И съ другой стороны: «Мало что убьютъ, глядѣть придутъ!» Вдругъ я увидѣлъ что надъ ея головой, сзади, поднялась и опустилась чья-то рука; Лиза упала. Раздался ужасный крикъ Маврикія Николаевича, рванувшагося на помощь и ударившаго изо всѣхъ силъ заслонявшаго отъ него Лизу человѣка. Но въ тотъ же самый мигъ обхватилъ его сзади обѣими руками тотъ мѣщанинъ. Нѣсколько времени нельзя было ничего разглядѣть въ начавшейся свалкѣ. Кажется Лиза поднялась, но опять упала отъ другаго удара. Вдругъ толпа разступилась и образовался небольшой пустой кругъ около лежавшей Лизы, а окровавленный,

¹ О Боже мой (*франц.*).

обезумѣвшій Маврикій Николаевичъ стоялъ надъ нею крича, плача и ломая руки. Не помню въ полной точности какъ происходило дальше; помню только что Лизу вдругъ понесли. Я бѣжалъ за нею; она была еще жива и можетъ-быть еще въ памяти. Изъ толпы схватили мѣщанина и еще трехъ человѣкъ. Эти трое до сихъ поръ отрицаютъ всякое свое участіе въ злодѣяніи, упорно увѣряя что ихъ захватили ошибкой; можетъ они и правы. Мѣщанинъ, хоть и явно уличенный, но какъ человѣкъ безъ толку, до сихъ поръ еще не можетъ разъяснить обстоятельно происшедшаго. Я тоже, какъ очевидецъ, хотя и отдаленный, долженъ былъ дать на слѣдствіи мое показаніе: я заявилъ что все произошло въ высшей степени случайно, черезъ людей хотя можетъ-быть и настроенныхъ, но мало сознававшихъ, пьяныхъ и уже потерявшихъ нитку. Такого мнѣнія держусь и теперь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣднее рѣшеніе.

I.

Въ это утро Петра Степановича многіе видѣли; видѣвшіе упомянули что онъ былъ въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи. Въ два часа пополудни онъ забѣгалъ къ Гаганову, всего за день прибывшему изъ деревни и у котораго собрался полонъ домъ посѣтителей, много и горячо говорившихъ о только-что происшедшихъ событіяхъ. Петръ Степановичъ говорилъ больше всѣхъ и заставилъ себя слушать. Его всегда считали у насъ за «болтливаго студента съ дырой въ головѣ», но теперь онъ говорилъ объ Юліи Михайловнѣ, а при всеобщей суматохѣ тема была захватывающая. Онъ сообщилъ о ней, въ качествѣ ея недавняго и интимнѣйшаго конфидента, много весьма новыхъ и неожиданныхъ подробностей; нечаянно (и конечно неосторожно) сообщилъ нѣсколько ея личныхъ отзывовъ о всѣмъ извѣстныхъ въ городѣ лицахъ, чѣмъ тутъ же кольнулъ самолюбія. Выходило у него неясно и сбивчиво, какъ у человѣка не хитраго, но который поставленъ, какъ честный человѣкъ, въ мучительную необходимость разъяснить разомъ цѣлую гору недоумѣній и который, въ простодушной своей неловкости, самъ не знаетъ съ чего начать и чѣмъ кончить. Довольно тоже неосторожно проскользнуло у него что Юліи Михайловнѣ была извѣстна вся тайна Ставрогина и что она-то и вела всю интригу. Она де и его, Петра Степановича, подвела,

потому что онъ самъ былъ влюбленъ въ эту несчастную Лизу, а между тѣмъ его такъ «подвернули» что онъ же *почти* проводилъ ее въ каретѣ къ Ставрогину. «Да, да, хорошо вамъ, господа, смѣяться, а еслибъ я только зналъ, еслибъ зналъ чѣмъ это кончится!» заключилъ онъ. На разные тревожные вопросы о Ставрогинѣ онъ прямо заявилъ что катастрофа съ Лебядкинымъ, по его мнѣнію, чистый случай и виновенъ во всемъ самъ Лебядкинъ, показывавшій деньги. Онъ это особенно хорошо разъяснилъ. Одинъ изъ слушателей какъ-то замѣтилъ ему, что онъ напрасно «представляется»; что онъ ѣлъ, пилъ, чуть не спалъ въ домѣ Юліи Михайловны, а теперь первый же ее и чернить, и что это вовсе не такъ красиво какъ онъ полагаетъ. Но Петръ Степановичъ тотчасъ же защитилъ себя:

— Я ѣлъ и пилъ не потому что у меня не было денегъ, и не виноватъ что меня туда приглашали. Позвольте мнѣ самому судить насколько мнѣ быть за то благодарнымъ.

Вообще впечатлѣніе осталось въ его пользу: «Пусть онъ малый не-лѣпый и конечно пустой, но вѣдь чѣмъ же онъ виноватъ въ глупостяхъ Юліи Михайловны? Напротивъ выходитъ что онъ же ее останавливалъ»...

Около двухъ часовъ разнеслось вдругъ извѣстіе что Ставрогинъ, о которомъ было столько рѣчей, уѣхалъ внезапно съ полуденнымъ поѣздомъ въ Петербургъ. Это очень заинтересовало; многіе нахмурились. Петръ Степановичъ былъ до того пораженъ что, разказываютъ, даже перемѣнился въ лицѣ и странно вскричалъ: «Да кто же могъ его выпустить?» Онъ тотчасъ убѣждалъ отъ Гаганова. Однакоже его видѣли еще въ двухъ или трехъ домахъ.

Около сумерокъ онъ нашелъ возможность проникнуть и къ Юліи Михайловнѣ, хотя и съ величайшимъ трудомъ, потому что та рѣшительно не хотѣла принять его. Только три недѣли спустя узналъ я объ этомъ обстоятельстве отъ нея же самой, предъ выѣздомъ ея въ Петербургъ. Она не сообщила подробностей, но замѣтила съ содроганіемъ что онъ «изумилъ ее тогда внѣ всякой мѣры». Полагаю что онъ просто напугалъ ее угрозой сообщничества, въ случаѣ еслибъ ей вздумалось «говорить». Необходимость же поугатъ тѣсно связывалась съ его тогдашними замыслами, ей разумѣется неизвѣстными, и только потомъ, дней пять спустя, догадалась она почему онъ такъ сомнѣвался въ ея молчаніи и такъ опасался новыхъ взрывовъ ея негодованія...

Въ восьмомъ часу вечера, когда уже совсѣмъ стемнѣло, на краю города, въ Ооминомъ переулкѣ, въ маленькомъ покривившемся домикѣ, въ квартирѣ прапорщика Эркеля, собрались *наши* въ полномъ комплектѣ,

впятеромъ. Общее собраніе назначено было тутъ самимъ Петромъ Степановичемъ; но онъ непростительно опоздалъ, и члены ждали его уже часъ. Этотъ прапорщикъ Эркель былъ тотъ самый заѣзжій офицерикъ который на вечерѣ у Виргинскаго просидѣлъ все время съ карандашомъ въ рукахъ и съ записною книжкой предъ собою. Въ городъ онъ прибылъ недавно, нанималъ уединенно въ глухомъ переулкѣ у двухъ сестеръ, старухъ мѣщанокъ, и скоро долженъ былъ уѣхать; собраться у него было всего непримѣтнѣе. Этотъ странный мальчикъ отличался необыкновенною молчаливостью; онъ могъ просидѣть десять вечеровъ сряду въ шумной компаніи и при самыхъ необыкновенныхъ разговорахъ, самъ не говоря ни слова, а напротивъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слѣдя своими дѣтскими глазами за говорившими и слушая. Лицо у него было прехорошенькое и даже какъ бы умное. Къ пятеркѣ онъ не принадлежалъ; наши предполагали что онъ имѣлъ какія-то и откуда то особыя порученія, чисто по исполнительной части. Теперь извѣстно что у него не было никакихъ порученій, да и врядъ ли самъ онъ понималъ свое положеніе. Онъ только преклонился предъ Петромъ Степановичемъ, встрѣтивъ его незадолго. Еслибъ онъ встрѣтился съ какимъ-нибудь преждевременно развращеннымъ монстромъ, и тотъ подъ какимъ-нибудь соціально-романическимъ предлогомъ подбилъ его основать разбойничью шайку, и для пробы велѣлъ убить и ограбить перваго встрѣчнаго мужика, то онъ непременно бы пошелъ и послушался. У него была гдѣ-то больная мать, которой онъ отсылалъ половину своего скуднаго жалованья, — и какъ должно-быть она цѣловала эту бѣдную бѣлокурую головку, какъ дрожала за нее, какъ молилась о ней! Я потому такъ много о немъ распространяюсь что мнѣ его очень жаль.

Наши были возбуждены. Происшествія прошлой ночи ихъ поразили и кажется они перетрусили. Простой, хотя и систематическій скандалъ, въ которомъ они такъ усердно до сихъ поръ принимали участіе, развязался для нихъ неожиданно. Ночной пожаръ, убійство Лебядкиныхъ, буйство толпы надъ Лизой — все это были такіе сюрпризы, которыхъ они не предполагали въ своей программѣ. Они съ жаромъ обвиняли двигавшую ихъ руку въ деспотизмъ и неоткровенности. Однимъ словомъ пока ждали Петра Степановича, они такъ настроили себя взаимно что опять рѣшились окончательно спросить у него категорическаго объясненія, а если онъ еще разъ, какъ это уже и было, уклонится, то разорвать даже и пятерку, но съ тѣмъ чтобы вмѣсто нея основать новое тайное общество «пропаганды идей», и уже отъ себя, на началахъ равноправныхъ и демократическихъ. Липутинъ, Шигалевъ и знатокъ народа особенно поддерживали эту мысль; Лямшинъ помалчивалъ, хотя и съ

согласнымъ видомъ. Виргинскій колебался и желалъ выслушать сначала Петра Степановича. Положили выслушать Петра Степановича; но тотъ все еще не приходилъ; такая небрежность еще больше подлила яду. Эркель совершенно молчалъ и распорядился лишь подать чаю, который принесъ отъ хозяекъ собственноручно въ стаканахъ на подносѣ, не внося самовара и не впуская служанки.

Петръ Степановичъ явился только въ половинѣ девятаго. Быстрыми шагами подошелъ онъ къ круглому столу предъ диваномъ, за которымъ размѣстилась компанія; шапку оставилъ въ рукахъ и отъ чаю отказался. Видъ имѣлъ злой, строгій и высокомерный. Должно-быть тотчасъ же замѣтилъ по лицамъ что «бунтуютъ».

— Прежде чѣмъ раскрою ротъ, выкладывайте свое, вы что-то подобрались, замѣтилъ онъ съ злобною усмѣшкой обводя глазами физиономіи.

Липутинъ началъ «отъ лица всѣхъ» и вздрагивавшимъ отъ обиды голосомъ заявилъ «что если такъ продолжать, то можно самому разбить лобъ-съ». О, они вовсе не боятся разбивать свои лбы и даже готовы, но единственно лишь для общаго дѣла (Общее шевеленіе и одобреніе). А потому пусть будутъ и съ ними откровенны, чтобъ имъ всегда знать заранее, «а то что жъ будетъ?» (Опять шевеленіе, нѣсколько гортанныхъ звуковъ). Такъ дѣйствовать унижительно и опасно.... Мы вовсе не потому что боимся, а если дѣйствуетъ одинъ, а остальные только пѣшки, то одинъ навреть, и всѣ попадутся. (Восклицанія: да, да! Общая поддержка).

— Чортъ возьми, чего же вамъ надо?

— А какое отношеніе съ общимъ дѣломъ, закипелъ Липутинъ, — имѣютъ интрижки господина Ставрогина? Пусть онъ тамъ принадлежитъ какимъ-то таинственнымъ образомъ къ центру, если только въ самомъ дѣлѣ существуетъ этотъ фантастическій центръ, да мы-то этого знать не хотимъ-съ. А между тѣмъ совершилось убійство, возбуждена полиція; по ниткѣ и до клубка дойдутъ.

— Попадетесь вы со Ставрогинымъ, и мы попадемся, прибавилъ знатокъ народа.

— И совсѣмъ бесполезно для общаго дѣла, уныло закончилъ Виргинскій.

— Что за вздоръ! Убійство — дѣло случая, сдѣлано Ѳедькой для грабежа.

— Гмъ. Странное однакоже совпаденіе-съ, скорчился Липутинъ.

— А если хотите, произошло чрезъ васъ же.

— Это какъ черезъ насъ?

— Впервыхъ, вы, Липутинъ, сами въ этой интригѣ участвовали, а вовторыхъ и главное, вамъ приказано было отправить Лебядкина и выданы деньги, а вы что сдѣлали? Еслибъ отправили, такъ ничего бы и не было.

— Да не вы ли сами дали идею что хорошо бы было выпустить его читать стихи?

— Идея не приказаніе. Приказаніе было отправить.

— Приказаніе. Довольно странное слово.... Напротивъ, вы именно приказали остановить отправку.

— Вы ошиблись и выказали глупость и своеволие. А убійство — дѣло Оедыки, и дѣйствовалъ онъ одинъ, изъ грабежа. Вы слышали что звонятъ и повѣрили. Вы струсили. Ставрогинъ не такъ глупъ, а доказательство — онъ уѣхалъ въ двѣнадцать часовъ дня, послѣ свиданія съ вице-губернаторомъ; еслибы что-нибудь было, его бы не выпустили въ Петербургъ среди бѣла дня.

— Да вѣдь мы вовсе не утверждаемъ что господинъ Ставрогинъ самъ убивалъ, ядовито и не стѣсняясь подхватилъ Липутинъ, — онъ могъ даже и не знать-съ, равно какъ и я; а вамъ самимъ слишкомъ хорошо извѣстно что я ничего не зналъ-съ, хотя тутъ же влѣзъ какъ баранъ въ котель.

— Кого же вы обвиняете? мрачно посмотрѣлъ Петръ Степановичъ.

— А тѣхъ самыхъ кому надобно города сжигать-съ.

— Хуже всего то что вы вывертываетесь. Впрочемъ не угодно ли прочесть и показать другимъ; это только для свѣдѣнія.

Онъ вынулъ изъ кармана анонимное письмо Лебядкина къ Лембке и передалъ Липутину. Тотъ прочелъ, видимо удивился и задумчиво передалъ сосѣду; письмо быстро обошло кругъ.

— Дѣйствительно ли это рука Лебядкина? замѣтилъ Шигалевъ.

— Его рука, заявили Липутинъ и Толкаченко (то-есть знатокъ народа).

— Я только для свѣдѣнія и зная что вы такъ расчувствовались о Лебядкинѣ, повторилъ Петръ Степановичъ, принимая назадъ письмо; — такимъ образомъ, господа, какой-нибудь Оедька совершенно случайно избавляетъ насъ отъ опаснаго человѣка. Вотъ что иногда значитъ случай! Не правда ли поучительно?

Члены быстро переглянулись.

— А теперь, господа, пришло и мой чередъ спрашивать, пріосанился Петръ Степановичъ. Позвольте узнать, съ какой стати вы изволили зажечь городъ безъ позволенія?

— Это что! Мы, мы городъ зажгли? Вотъ ужь съ больной-то головы! раздались восклицанія.

— Я понимаю что вы ужь слишкомъ заигрались, упорно продолжалъ Петръ Степановичъ, — но вѣдь это не скандальчики съ Юліей Михайловной. Я собралъ васъ сюда, господа, чтобы разъяснить вамъ ту степень опасности которую вы такъ глупо на себя натащили и которая слишкомъ многому и кромѣ васъ угрожаетъ.

— Позвольте, мы, напротивъ, вамъ же намѣрены были сейчасъ заявить о той степени деспотизма и неравенства съ которыми принята была, помимо членовъ, такая серіозная и вмѣстѣ съ тѣмъ странная мѣра, почти съ негодованіемъ заявилъ молчавшій до сихъ поръ Виргинскій.

— Итакъ вы отрицаетесь? А я утверждаю что сожгли вы, вы одни и никто другой. Господа, не лгите, у меня точныя свѣдѣнія. Своеволіемъ вашимъ вы подвергли опасности даже общее дѣло. Вы всего лишь одинъ узелъ безконечной сѣти узловъ и обязаны слѣпымъ послушаніемъ центру. Между тѣмъ трое изъ васъ подговаривали къ пожару Шпигулинскихъ, не имѣя на то ни малѣйшихъ инструкцій, и пожаръ состоялся.

— Кто трое? Кто трое изъ насъ?

— Третьяго дня въ четвертомъ часу ночи вы, Толкаченко, подговаривали Ѳомку Завьялова въ *Незабудкѣ*.

— Помилуйте, привскочилъ тотъ, — я едва одно слово сказалъ, да и то безъ намѣренія, а такъ, потому что его утромъ сѣкли, и тотчасъ бросилъ, вижу слишкомъ пьянъ. Еслибы вы не напомнили, я бы совсѣмъ и не вспомнилъ. Отъ слова не могло загорѣться.

— Вы похожи на того который бы удивился что отъ крошечной искры взлетѣлъ на воздухъ весь пороховой заводъ.

— Я говорилъ шепотомъ и въ углу, ему на ухо, какъ могли вы узнать? сообразилъ вдругъ Толкаченко.

— Я тамъ сидѣлъ подъ столомъ. Не беспокойтесь, господа, я всѣ ваши шаги знаю. Вы ехидно улыбаетесь, господинъ Липутинъ? А я знаю, напримѣръ, что вы четвертаго дня исщипали вашу супругу, въ полночь, въ вашей спальнѣ, ложась спать.

Липутинъ разинулъ ротъ и поблѣднѣлъ.

(Потомъ стало извѣстно что онъ о подвигѣ Липутина узналъ отъ Агаѣи, Липутинской служанки, которой съ самага начала платилъ деньги за шпіонство, о чемъ только послѣ разъяснилось).

— Могу ли и я констатировать фактъ? поднялся вдругъ Шигалевъ.

— Констатируйте.

Шигалевъ сѣлъ и подобрался:

— Сколько я понял, да и нельзя не понять, вы сами, в началѣ и потомъ еще разъ, весьма краснорѣчиво, — хотя и слишкомъ теоретически, — развивали картину Россіи покрытой безконечною сѣтью узловъ. Съ своей стороны каждая изъ дѣйствующихъ кучекъ, дѣлая прозелитовъ и распространяясь боковыми отдѣленіями въ безконечность, имѣетъ въ задачѣ систематическою обличительною пропагандой непрерывно ронять значеніе мѣстной власти, произвести въ селеніяхъ недоумѣніе, зародить цинизмъ и скандалы, полное безвѣріе во что бы то ни было, жажду лучшаго, и наконецъ, дѣйствуя пожарами, какъ средствомъ народнымъ по преимуществу, ввергнуть страну, въ предписанный моментъ, если надо, даже въ отчаяніе. Ваши ли это слова, которыя я старался припомнить буквально? Ваша ли это программа дѣйствій, сообщенная вами въ качествѣ уполномоченнаго изъ центрального, но совершенно неизвѣстнаго намъ до сихъ поръ и почти фантастическаго для насъ комитета?

— Вѣрно, только вы очень тянете.

— Всякій имѣетъ право своего слова. Давая намъ угадывать что отдѣльныхъ узловъ всеобщей сѣти, уже покрывшей Россію, состоитъ теперь до нѣсколькихъ сотенъ, и развивая предположеніе что если каждый сдѣлаетъ свое дѣло успешно, то вся Россія, къ данному сроку, по сигналу....

— Ахъ, чортъ возьми, и безъ васъ много дѣла! повернулся въ креслахъ Петръ Степановичъ.

— Извольте, я сокращу и кончу лишь вопросомъ: мы уже видѣли скандалы, видѣли недовольство населеній, присутствовали и участвовали въ паденіи здѣшной администраціи и наконецъ своими глазами увидѣли пожаръ. Чѣмъ же вы недовольны? Не ваша ли это программа? Въ чемъ можете вы насъ обвинять?

— Въ своеволіи! яростно крикнулъ Петръ Степановичъ. — Пока я здѣсь, вы не смѣли дѣйствовать безъ моего позволенія. Довольно. Готовъ доносъ, и можетъ-быть завтра же или сегодня въ ночь васъ перехватаютъ. Вотъ вамъ. Извѣстіе вѣрное.

Тутъ уже всѣ разинули рты.

— Перехватаютъ не только какъ подстрекателей въ поджогѣ, но и какъ пятерку. Донощику извѣстна вся тайна сѣти. Вотъ что вы напрокудили!

— Навѣрно Ставрогинъ! крикнулъ Липутинъ.

— Какъ.... почему Ставрогинъ? какъ бы осѣкся вдругъ Петръ Степановичъ. — Э, чортъ, спохватился онъ тотчасъ же, — это Шатовъ! Вамъ, кажется, всѣмъ уже теперь извѣстно что Шатовъ въ свое время

принадлежалъ дѣлу. Я долженъ открыть что слѣдя за нимъ чрезъ лицъ которыхъ онъ не подозрѣваетъ, я къ удивленію узналъ что для него не тайна и устройство сѣти, и.... однимъ словомъ, все. Чтобы спасти себя отъ обвиненія въ прежнемъ участіи, онъ донесетъ на всѣхъ. До сихъ поръ онъ все еще колебался, и я щадилъ его. Теперь вы этимъ пожаромъ его развязали: онъ потрясенъ и уже не колеблется. Завтра же мы будемъ арестованы, какъ поджигатели и политическіе преступники.

— Вѣрно ли? Почему Шатовъ знаетъ?

Волненіе было неописанное.

— Все совершенно вѣрно. Я не въ правѣ вамъ объявить пути мои и какъ открывалъ, но вотъ что покамѣстъ я могу для васъ сдѣлать: чрезъ одно лицо я могу подѣйствовать на Шатова такъ что онъ, совершенно не подозрѣвая, задержитъ доносъ, — но не болѣе какъ на сутки. Дальше сутокъ не могу. Итакъ вы можете считать себя обезпеченными до послѣзавтраго утра.

Всѣ молчали.

— Да отправить же его наконецъ къ чорту! первый крикнулъ Толкаченко.

— И давно бы надо сдѣлать! злобно ввернулъ Лямшинъ, стукнувъ кулакомъ по столу.

— Но какъ сдѣлать? пробормоталъ Липутинъ.

Петръ Степановичъ тотчасъ же подхватилъ вопросъ и изложилъ свой планъ. Онъ состоялъ въ томъ чтобы завлечь Шатова, для сдачи находившейся у него тайной типографіи, въ то уединенное мѣсто гдѣ она закопана, завтра, въ началѣ ночи и — «ужь тамъ и распорядиться». Онъ вошелъ во многія нужныя подробности, которыя мы теперь опускаемъ, и разъяснилъ обстоятельно тѣ настоящія двусмысленныя отношенія Шатова къ центральному обществу о которыхъ уже извѣстно читателю.

— Все такъ, нетвердо замѣтилъ Липутинъ, — но такъ какъ опять.... новое приключеніе въ томъ же родѣ.... то слишкомъ ужь поразить умы.

— Безъ сомнѣнія, подтвердилъ Петръ Степановичъ, — но и это предусмотрено. Есть средство вполнѣ отклонить подозрѣніе.

И онъ съ прежнею точностью разказалъ о Кириловѣ, о его намѣреніи застрѣлиться и о томъ какъ онъ обѣщаль ждать сигнала, а умирая оставить записку и принять на себя все что ему продиктуютъ. (Однимъ словомъ, все что уже извѣстно читателю.)

— Твердое его намѣреніе лишить себя жизни, — философское, а по моему сумашедшее, — стало извѣстно *тамъ* (продолжалъ разъяснять Петръ Степановичъ). *Тамъ* не теряютъ ни волоска, ни пылинки, все

идеть въ пользу общаго дѣла. Предвидя пользу и убѣдившись что намѣреніе его совершенно серьезное, ему предложили средства доѣхать до Россіи (онъ для чего-то непременно хотѣлъ умереть въ Россіи), дали порученіе, которое онъ обязался исполнить (и исполнилъ), и сверхъ того обязали его уже извѣстнымъ вамъ обѣщаніемъ, кончить съ собою лишь тогда когда ему скажутъ. Онъ все обѣщаль. Замѣтьте что онъ принадлежитъ дѣлу на особыхъ основаніяхъ и желаетъ быть полезнымъ; больше я вамъ открыть не могу. Завтра, *послѣ Шатова*, я продиктую ему записку что причина смерти Шатова онъ. Это будетъ очень вѣроятно: они были друзьями и вмѣстѣ ѣздили въ Америку, тамъ поссорились, и все это будетъ въ запискѣ объяснено... и... и даже, судя по обстоятельствамъ, можно будетъ и еще кое-что продиктовать Кирилову, на примѣръ о прокламаціяхъ и пожалуй отчасти пожаръ. Объ этомъ, впрочемъ, я подумаю. Не безпокойтесь, онъ безъ предразсудковъ; все подпишетъ.

Раздались сомнѣнія. Повѣсть показалась фантастическою. О Кириловѣ впрочемъ всѣ болѣе или менѣе нѣсколько слышали; Липутинъ же болѣе всѣхъ.

— Вдругъ онъ раздумаетъ и не захочетъ, сказалъ Шигалевъ, — такъ или этакъ, а все-таки онъ сумашедшій стало-быть надежда неточная.

— Не безпокойтесь, господа, онъ захочетъ, отрѣзалъ Петръ Степановичъ. — По уговору, я обязанъ предупредить его наканунѣ, значить сегодня же. Я приглашаю Липутина идти сейчасъ со мною къ нему и удостовѣриться, а онъ вамъ, господа, возвратясь сообщить, если надо, сегодня же, правду ли я вамъ говорилъ или нѣтъ. Впрочемъ, оборвалъ онъ вдругъ съ непомѣрнымъ раздраженіемъ, какъ будто вдругъ почувствовалъ что слишкомъ много чести такъ убѣждать и такъ возиться съ такими людишками, — впрочемъ дѣйствуйте какъ вамъ угодно. Если вы не рѣшитесь, то союзъ расторгнуть, — но единственно по факту вашего непослушанія и измѣны. Такимъ образомъ мы съ этой минуты всѣ врозь. Но знайте что въ такомъ случаѣ вы, кромѣ непріятности Шатовскаго доноса и послѣдствій его, навлекаете на себя и еще одну маленькую непріятность, о которой было твердо заявлено при образованіи союза. Что до меня касается, то я, господа, не очень-то васъ боюсь... Не подумайте что я ужъ такъ съ вами связанъ... Впрочемъ это все равно.

— Нѣтъ, мы рѣшаемся, заявилъ Лямшинъ.

— Другаго выхода нѣтъ, пробормоталъ Толкаченко, — и если только Липутинъ подтвердитъ про Кирилова, то...

— Я противъ; я всѣми силами души моей протестую противъ такого кроваваго рѣшенія! всталъ съ мѣста Виргинскій.

— Но? спросилъ Петръ Степановичъ.

— Что *но*?

— Вы сказали *но...* и я жду.

— Я, кажется, не сказалъ *но...* Я только хотѣлъ сказать что если рѣшаются, то...

— То?

Виргинскій замолчалъ.

— Я думаю можно пренебрегать собственною безопасностью жизни, отворилъ вдругъ ротъ Эркель, — но если можетъ пострадать общее дѣло, то я думаю нельзя смѣть пренебрегать собственною безопасностью жизни...

Онъ сбился и покраснѣлъ. Какъ ни были всѣ заняты каждый своимъ, но всѣ посматривали на него съ удивленіемъ, до такой степени было неожиданно что онъ тоже могъ заговорить.

— Я за общее дѣло, произнесъ вдругъ Виргинскій.

Всѣ поднялись съ мѣстъ. Порѣшено было завтра въ полдень еще разъ сообщиться вѣстями, хотя и не сходясь всѣмъ вмѣстѣ, и уже окончательно условиться. Объявлено было мѣсто гдѣ зарыта типографія, розданы роли и обязанности. Липутинъ и Петръ Степановичъ немедленно отправились вмѣстѣ къ Кирилову.

II.

Въ то что Шатовъ донесетъ наши всѣ повѣрили; но въ то что Петръ Степановичъ играетъ ими какъ пѣшками — тоже вѣрили. А затѣмъ всѣ знали что завтра все-таки явятся въ комплектъ на мѣсто и судьба Шатова рѣшена. Чувствовали что вдругъ какъ мухи попали въ паутину къ огромному пауку; злились, но тряслись отъ страху.

Петръ Степановичъ несомнѣнно былъ виноватъ предъ ними: все бы могло обойтись гораздо согласнѣе и *легче*, еслибъ онъ позаботился хоть на капельку скрасить дѣйствительность. Вмѣсто того чтобы представить фактъ въ приличномъ свѣтѣ, чѣмъ-нибудь римско-гражданскимъ, или въ родѣ того, онъ только выставилъ грубый страхъ и угрозу собственной шкурѣ, что было уже просто невѣжливо. Конечно, во всемъ борьба за существованіе, и другаго принципа нѣтъ, это всѣмъ извѣстно, но вѣдь все-таки....

Но Петру Степановичу некогда было шевелить Римлянъ; онъ самъ былъ выбитъ изъ рельсовъ. Бѣгство Ставрогина ошеломило и придавило его. Онъ солгалъ что Ставрогинъ видѣлся съ вице-губернаторомъ; то-то и есть что тотъ уѣхалъ не выдавшись ни съ кѣмъ, даже съ матерью, — и ужъ дѣйствительно было странно что его даже не безпокоили. (Въ по-

слѣдствіи начальство принуждено было дать на это особый отвѣтъ.) Петръ Степановичъ разузнавалъ цѣлый день, но покамѣстъ ничего не узналъ, и никогда онъ такъ не тревожился. Да и могъ ли, могъ ли онъ такъ, разомъ, отказаться отъ Ставрогина! Вотъ почему онъ и не могъ быть слишкомъ нѣжнымъ съ нашими. Къ тому же они ему руки связывали: у него уже рѣшено было немедленно скакать за Ставрогинымъ; а между тѣмъ задерживалъ Шатовъ, надо было окончательно скрѣпить пятерку, на всякій случай. «Не бросать же ее даромъ, пожалуй и пригодится». Такъ, я полагаю, онъ разсуждалъ.

А что до Шатова, то онъ совершенно былъ увѣренъ что тотъ донесетъ. Онъ все нагалялъ что говорилъ *нашимъ* о доносѣ: никогда онъ не видалъ этого доноса и не слыхалъ о немъ, но былъ увѣренъ въ немъ какъ дважды два. Ему именно казалось что Шатовъ ни за что не перенесетъ настоящей минуты, — смерти Лизы, смерти Марьи Тимоѳеевны, — и именно теперь наконецъ рѣшится. Кто знаетъ, можетъ онъ и имѣлъ какія-нибудь данныя такъ полагать. Извѣстно тоже что онъ ненавидѣлъ Шатова лично; между ними была когда-то ссора, а Петръ Степановичъ никогда не прощаль обиды. Я даже убѣжденъ что это-то и было главнѣйшею причиною.

Тротуары у насъ узенькіе, кирпичные, а то такъ и мостки. Петръ Степановичъ шагаль по срединѣ тротуара, занимая его весь и не обращая ни малѣйшаго вниманія на Липутина, которому не оставалось рядомъ мѣста, такъ что тотъ долженъ былъ поспѣвать или на шагъ позади или, чтобъ идти разговаривая рядомъ, сбѣжать на улицу въ грязь. Петръ Степановичъ вдругъ вспомнилъ какъ онъ еще недавно семенилъ точно такъ же по грязи чтобы поспѣть за Ставрогинымъ, который, какъ и онъ теперь, шагаль по срединѣ, занимая весь тротуаръ. Онъ припомнилъ всю эту сцену, и бѣшенство захватило ему духъ.

Но и Липутину захватывало духъ отъ обиды. Пусть Петръ Степановичъ обращается съ *нашими* какъ угодно, но съ нимъ? Вѣдь онъ болѣе всѣхъ нашихъ *знаетъ*, ближе всѣхъ стоитъ къ дѣлу, интимнѣе всѣхъ пріобщенъ къ нему, и до сихъ поръ, хотъ косвенно, но непрерывно участвовалъ въ немъ. О, онъ зналъ что Петръ Степановичъ даже и теперь могъ его погубить *въ крайнемъ случаѣ*. Но Петра Степановича онъ уже возненавидѣлъ давно, и не за опасность, а за высокомеріе его обращенія. Теперь, когда приходилось рѣшаться на такое дѣло, онъ злился болѣе всѣхъ нашихъ вмѣстѣ взятыхъ. Увы, онъ зналъ что непременно «какъ рабъ» будетъ завтра же первымъ на мѣстѣ, да еще всѣхъ остальныхъ приведетъ, и еслибы могъ теперь до завтра, какъ-ни-

будь убить Петра Степановича, не погубивъ себя разумѣется, то не-премѣнно бы убилъ.

Погруженный въ свои ощущенія, онъ молчалъ и трусилъ за своимъ мучителемъ. Тотъ, казалось, забылъ о немъ; изрѣдка только неосторожно и невѣжливо толкалъ его локтемъ. Вдругъ Петръ Степановичъ на самой видной изъ нашихъ улицъ остановился и вошелъ въ трактиръ.

— Это куда же? вскипѣлъ Липутинъ; — да вѣдь это трактиръ.

— Я хочу съѣсть бифштексъ.

— Помилуйте, это всегда полно народу.

— Ну и пусть.

— Но... мы опоздаемъ. Ужь десять часовъ.

— Туда нельзя опоздать.

— Да вѣдь я опоздаю! Они меня ждутъ обратно.

— Ну и пусть; только глупо вамъ къ нимъ являться. Я съ вашей возней сегодня не обѣдалъ. А къ Кирилову чѣмъ позднѣе тѣмъ вѣрнѣе.

Петръ Степановичъ взялъ особую комнату. Липутинъ гнѣвливо и обидчиво усѣлся въ кресла въ сторонкѣ и смотрѣлъ какъ онъ ѣсть. Прошло полчаса и болѣе. Петръ Степановичъ не торопился, ѣлъ со вкусомъ, звонилъ, требовалъ другой горчицы, потомъ пива, и все не говорилъ ни слова. Онъ былъ въ глубокой задумчивости. Онъ могъ дѣлать два дѣла — ѣсть со вкусомъ и быть въ глубокой задумчивости. Липутинъ до того наконецъ возненавидѣлъ его что не въ силахъ былъ отъ него оторваться. Это было нѣчто въ родѣ нервнаго припадка. Онъ считалъ каждый кусокъ бифштекса который тотъ отправлялъ въ свой ротъ, ненавидѣлъ его за то какъ онъ развѣваетъ его, какъ онъ жуется, какъ онъ смакуя обсасываетъ кусокъ пожирнѣе, ненавидѣлъ самый бифштексъ. Наконецъ стало какъ бы мѣшаться въ его глазахъ; голова слегка начала кружиться; жаръ поочередно съ морозомъ пробѣгалъ по спинѣ.

— Вы ничего не дѣлаете, прочтите, перебросилъ ему вдругъ бумажку Петръ Степановичъ. Липутинъ приблизился къ свѣчкѣ. Бумажка была мелко исписана, сквернымъ почеркомъ и съ помарками на каждой строкѣ. Когда онъ осилилъ ее, Петръ Степановичъ уже расплатился и уходилъ. На тротуарѣ Липутинъ протянулъ ему бумажку обратно.

— Оставьте у себя; послѣ скажу. А впрочемъ, что вы скажете?

Липутинъ весь вздрогнулъ.

— По моему мнѣнію... подобная прокламація... одна лишь смѣшная нелѣпость.

Злоба прорвалась; онъ почувствовалъ что какъ будто его подхватили и понесли.

— Если мы рѣшимся, дрожалъ онъ весь мелкою дрожью, — распространять подобныя прокламаціи, то нашею глупостью и непониманіемъ дѣла заставимъ себя презирать-сь.

— Гмъ. Я думаю иначе, твердо шагаль Петръ Степановичъ.

— А я иначе; неужели вы это сами сочинили?

— Это не ваше дѣло.

— Я думаю тоже что и стишонки: «Свѣтлая личность» самые дряннѣйшіе стишонки какіе только могутъ быть и никогда не могли быть сочинены Герценомъ.

— Вы врете; стихи хороши.

— Я удивляюсь, напримѣръ, и тому, все несся скача и играя духомъ Липутинъ, — что намъ предлагаютъ дѣйствовать такъ чтобы все провалилось. Это въ Европѣ натурально желать чтобы все провалилось, потому что тамъ пролетаріатъ, а мы здѣсь всего только любители и по-моему только пылимъ-сь.

— Я думалъ, вы фурьеристъ.

— У Фурье не то, совсѣмъ не то-сь.

— Знаю что вздоръ.

— Нѣтъ, у Фурье не вздоръ.... Извините меня, никакъ не могу повѣрить чтобы въ маѣ мѣсяцѣ было возстаніе.

Липутинъ даже растегнулся, до того ему было жарко.

— Ну довольно, а теперь чтобы не забыть, ужасно хладнокровно перескочилъ Петръ Степановичъ, — этотъ листокъ вы должны будете собственноручно набрать и напечатать. Шатова типографію мы выроемъ, и ее завтра же примете вы. Въ возможно скоромъ времени вы наберете и оттиснете сколько можно болѣе экземпляровъ и затѣмъ всю зиму разбрасывать. Средства будутъ указаны. Надо какъ можно болѣе экземпляровъ, потому что у васъ потребуютъ изъ другихъ мѣстъ.

— Нѣтъ-сь, ужь извините, я не могу взять на себя такую.... Отказываюсь.

— И однакоже возьмете. Я дѣйствую по инструкціи центрального комитета, а вы должны повиноваться.

— А я считаю что заграничныя наши центры забыли русскую дѣйствительность и нарушили всякую связь, а потому только бредятъ.... Я даже думаю что вмѣсто многихъ сотенъ пятерокъ въ Россіи мы только одна и есть, а сѣти никакой совсѣмъ нѣтъ, задохнулся наконецъ Липутинъ.

— Тѣмъ презрѣннѣе для васъ что вы не вѣря дѣлу побѣжали за нимъ.... и бѣжите теперь за мной какъ подлая собаченка.

— Нѣтъ-съ, не бѣгу. Мы имѣемъ полное право отстать и образовать новое общество.

— Дур-ракъ! грозно прогремѣлъ вдругъ Петръ Степановичъ, сверкавъ глазами.

Оба стояли нѣкоторое время другъ противъ друга. Петръ Степановичъ повернулся и самоувѣренно направился прежнею дорогой.

Въ умѣ Липутина пронеслось какъ молнія: «Повернусь и пойду назадъ: если теперь не повернусь, никогда не пойду назадъ». Такъ думалъ онъ ровно десять шаговъ, но на одиннадцатомъ одна новая и отчаянная мысль загорѣлась въ его умѣ: онъ не повернулся и не пошелъ назадъ.

Пришли къ дому Филиппова, но еще не доходя взяли проулкомъ или, лучше сказать, непримѣтною тропинкой вдоль забора, такъ что нѣкоторое время пришлось пробираться по крутому откосу канавки, на которомъ нельзя было ноги сдержать и надо было хвататься за заборъ. Въ самомъ темномъ углу покривившагося забора, Петръ Степановичъ вынулъ доску; образовалось отверстіе, въ которое онъ тотчасъ же и пролѣзъ. Липутинъ удивился, но пролѣзъ въ свою очередь; затѣмъ доску вставили попрежнему. Это былъ тотъ самый тайный ходъ которымъ лазилъ къ Кирилову Оедька.

— Шатовъ не долженъ знать что мы здѣсь, строго прошепталъ Петръ Степановичъ Липутину.

III.

Кириловъ, какъ всегда въ этотъ часъ, сидѣлъ на своемъ кожаномъ диванѣ за чаемъ. Онъ не привсталъ на встрѣчу, но какъ-то весь вскинулся и тревожно поглядѣлъ на входившихъ.

— Вы не ошиблись, сказалъ Петръ Степановичъ, — я за тѣмъ самымъ.

— Сегодня?

— Нѣтъ, нѣтъ, завтра.... около этого времени.

И онъ поспѣшно подсѣлъ къ столу, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ приглядываясь ко встревожившемуся Кирилову. Тотъ впрочемъ уже успокоился и смотрѣлъ по-всегдашнему.

— Вотъ эти все не вѣрятъ. Вы не сердитесь что я привелъ Липутина?

— Сегодня не сержусь, а завтра хочу одинъ.

— Но не раньше какъ я приду, а потому при мнѣ.

— Я бы хотѣлъ не при васъ.

— Вы помните что обѣщали написать и подписать все что я продиктую.

— Мнѣ все равно. А теперь долго будете?

— Мнѣ надо видѣться съ однимъ человѣкомъ и остаться съ полчаса, такъ ужь какъ хотите, а эти полчаса просижу.

Кириловъ промолчалъ. Липутинъ помѣстился между тѣмъ въ сторонкѣ, подъ портретомъ архіерея. Давешняя отчаянная мысль все болѣе и болѣе овладѣвала его умомъ. Кириловъ почти не замѣчалъ его. Липутинъ зналъ теорію Кирилова еще прежде и смѣялся надъ нимъ всегда; но теперь молчалъ и мрачно глядѣлъ вокругъ себя.

— А я бы не прочь и чаю, подвинулся Петръ Степановичъ, — сейчасъ ѣлъ бифштексъ и такъ и разчитывалъ у васъ чай застать.

— Пейте пожалуй.

— Прежде вы сами подчевали, кисловато замѣтилъ Петръ Степановичъ.

— Это все равно. Пусть и Липутинъ пьетъ.

— Нѣтъ-съ, я... не могу.

— Не хочу или не могу? быстро обернулся Петръ Степановичъ.

— Я у нихъ не стану-съ, съ выраженіемъ отказался Липутинъ.

Петръ Степановичъ нахмурилъ брови.

— Пахнетъ мистицизмомъ; чортъ васъ знаетъ что вы всѣ за люди!

Никто ему не отвѣтилъ; молчали цѣлую минуту.

— Но я знаю одно, рѣзко прибавилъ онъ вдругъ, — что никакіе предразсудки не остановятъ cadaго изъ насъ исполнить свою обязанность.

— Ставрогинъ уѣхалъ? спросилъ Кириловъ.

— Уѣхалъ.

— Это онъ хорошо сдѣлалъ.

Петръ Степановичъ сверкнулъ было глазами, но придержался.

— Мнѣ все равно какъ вы думаете, лишь бы каждый сдержалъ свое слово.

— Я сдержу свое слово.

— Впрочемъ я и всегда былъ увѣренъ что вы исполните вашъ долгъ какъ независимый и прогрессивный человѣкъ.

— А вы смѣшны.

— Это пусть, я очень радъ разсмѣшить. Я всегда радъ если могу угодить.

— Вамъ очень хочется чтобъ я застрѣлилъ себя, и боитесь если вдругъ нѣтъ?

— То-есть, видите ли, вы сами соединили вашъ планъ съ нашими дѣйствіями. Разчитывая на вашъ планъ, мы уже кое-что предприняли,

такъ что вы ужь никакъ не могли бы отказаться, потому что насъ подве-
ли.

— Права никакого.

— Понимаю, понимаю, ваша полная воля, а мы ничто, но только что-
объ эта полная ваша воля совершилась.

— И я долженъ буду взять на себя всѣ ваши мерзости?

— Послушайте, Кириловъ, вы не трусите ли? Если хотите отказаться,
объявите сейчасъ же.

— Я не трушу.

— Я потому, что вы очень ужь много спрашиваете.

— Скоро вы уйдете?

— Опять спрашиваете?

Кириловъ презрительно оглядѣлъ его.

— Вотъ видите ли, продолжалъ Петръ Степановичъ, все болѣе и
болѣе сердясь и беспокоясь и не находя надлежащаго тона; — вы хотите
чтобъ я ушелъ для уединенія, чтобы сосредоточиться; но все это опасные
признаки для васъ же, для васъ же перваго. Вы хотите много думать.
По-моему, лучше бы не думать, а такъ. И вы право меня беспокоите.

— Мнѣ только одно очень скверно, что въ ту минуту будетъ подлѣ
меня гадина какъ вы.

— Ну, это-то все равно. Я пожалуй въ то время выйду и постою на
крыльцѣ. Если вы умираете и такъ не равнодушны, то.... все это очень
опасно. Я выйду на крыльцо, и предположите что я ничего не понимаю,
и что я безмѣрно ниже васъ человѣкъ.

— Нѣтъ, вы не безмѣрно; вы со способностями, но очень много не
понимаете, потому что вы низкій человѣкъ.

— Очень радъ, очень радъ. Я уже сказалъ что очень радъ доставить
развлеченіе.... въ такую минуту.

— Вы ничего не понимаете.

— То-есть, я.... во всякомъ случаѣ я слушаю съ уваженіемъ.

— Вы ничего не можете; вы даже теперь мелкой злобы спрятать не
можете, хоть вамъ и не выгодно показывать. Вы меня разозлите, и я
вдругъ захочу еще полгода.

Петръ Степановичъ посмотрѣлъ на часы.

— Я ничего никогда не понималъ въ вашей теоріи, но знаю что вы
не для насъ ее выдумали, стало-быть и безъ насъ исполните. Знаю тоже
что не вы съѣли идею, а васъ съѣла идея, стало-быть и не отложите.

— Какъ? Меня съѣла идея?

— Да.

— А не я съѣлъ идею? Это хорошо. У васъ есть маленькій умъ. Только вы дразните, а я горжусь.

— И прекрасно, и прекрасно. Это именно такъ и надо чтобы вы гордились.

— Довольно; вы допили, уходите.

— Чортъ возьми, придется, привсталъ Петръ Степановичъ. — Однако все-таки рано. Послушайте, Кириловъ, у Мясничихи застану я того человѣка, понимаете? Или и она наврала?

— Не застанете, потому что онъ здѣсь, а не тамъ.

— Какъ здѣсь, чортъ возьми, гдѣ?

— Сидитъ въ кухнѣ, ѣсть и пьетъ.

— Да какъ онъ смѣлъ? гнѣвно покраснѣлъ Петръ Степановичъ. — Онъ обязанъ былъ ждать.... вздоръ! У него ни паспорта, ни денегъ!

— Не знаю. Онъ пришелъ проститься; одѣтъ и готовъ. Уходитъ и не воротится. Онъ говорилъ что вы подлець и не хочетъ ждать вашихъ денегъ.

— А-а! Онъ боится что я.... ну да я и теперь могу его, если... Гдѣ онъ, въ кухнѣ?

Кириловъ отворилъ боковую дверь въ крошечную темную комнату; изъ этой комнаты тремя ступенями внизъ сходили въ кухню, прямо въ ту отгороженную каморку въ которой обыкновенно помѣщалась кухаркина кровать. Здѣсь-то въ углу, подъ образами, и сидѣлъ теперь Оедька за тесовымъ не покрытымъ столомъ. На столѣ предъ нимъ помѣщался полуштофъ, на тарелкѣ хлѣбъ и на глиняной посудинѣ холодный кусокъ говядины съ картофелемъ. Онъ закусывалъ съ прохладой и былъ уже въ полпьяна, но сидѣлъ въ тулупѣ и очевидно совсѣмъ готовый въ походъ. За перегородкой закипалъ самоваръ, но не для Оедьки, а самъ Оедька обязательно раздувалъ и настаивалъ его, вотъ уже съ недѣлю или болѣе каждую ночь для «Алексѣя Нилыча-съ, ибо оченно привыкли чтобы чай по ночамъ-съ». Я сильно думаю что говядину съ картофелемъ, за неимѣніемъ кухарки, зажарилъ для Оедьки еще съ утра самъ Кириловъ.

— Это что ты выдумалъ? вкатился внизъ Петръ Степановичъ. — Почему не ждалъ гдѣ приказано?

И онъ съ размаху стукнулъ по столу кулакомъ.

Оедька пріосанился.

— Ты постой, Петръ Степановичъ, постой, щеголевато отчеканивая каждое слово заговорилъ онъ, — ты первымъ долгомъ здѣсь долженъ понимать что ты на благородномъ визитѣ у господина Кирилова, Алексѣя Нилыча, у котораго всегда сапоги чистить можешь, потому онъ предъ тобой образованный умъ, а ты всего только — тьфу!

И онъ щеголевато отплевался въ сторону сухимъ плевкомъ. Видна была надменность, рѣшимость и нѣкоторое, весьма опасное, напускное, спокойное резонерство до перваго взрыва. Но Петру Степановичу уже некогда было замѣчать опасности, да и не сходялось съ его взглядомъ на вещи. Происшествія и неудачи дня совсѣмъ его закружили... Липутинъ съ любопытствомъ выглядывалъ внизъ, съ трехъ ступеней, изъ темной каморки.

— Хочешь или не хочешь имѣть вѣрный паспортъ и хорошія деньги на проѣздъ куда сказано? Да, или нѣтъ?

— Видишь, Петръ Степановичъ, ты меня съ самаго перво-началу зачалъ обманывать, потому какъ ты выходишь передо мною настоящій подлець. Все равно какъ поганая человѣчья вошь, — вотъ я тебя за кого почитаю. Ты мнѣ за неповинную кровь большія деньги сулилъ и за господина Ставрогина клятву давалъ, несмотря на то что выходитъ одно лишь твое неучтивство. Я какъ есть ни одной каплей не участвовалъ, не то что полторы тысячи, а господинъ Ставрогинъ тебя давеча по щекамъ отхлестали, что уже и намъ извѣстно. Теперь ты мнѣ сызнава угрожаешь и деньги сулишь, на какое дѣло — молчишь. А я сумлѣваюсь въ умѣ что въ Петербургъ меня шлешь чтобъ господину Ставрогину, Николаю Всеволодовичу, чѣмъ ни на есть по злобѣ своей отомстить, надѣясь на мое легковѣріе. И изъ этого ты выходишь первый убивецъ. И знаешь ли ты чего сталъ достоинъ уже тѣмъ однимъ пунктомъ что въ самого Бога, Творца истиннаго, пересталъ по разврату своему вѣровать? Все одно что идолопоклонникъ и на одной линіи съ Татаринъ или Мордвой состоишь. Алексѣй Нилычъ, будучи философомъ, тебѣ истиннаго Бога, Творца Создателя, многократно объяснялъ и о сотвореніи міра равно и будущихъ судебъ и преображенія всякой твари и всякаго звѣря изъ книги Апокалипсиса. Но ты какъ безтолковый идолъ въ глухотѣ и немотѣ упорствуешь и прапорщика Эркелева къ тому же самому привелъ, какъ тотъ самый злодѣй-соблазнитель, называемый атеистъ...

— Ахъ ты пьяная харя! Самъ образа обдираетъ, да еще Бога повѣдуетъ!

— Я видишь, Петръ Степановичъ, говорю тебѣ это вѣрно что обдиралъ; но я только зеньчугъ снималъ, и почему ты знаешь, можетъ и моя слеза предъ горниломъ Всевышняго въ ту самую минуту преобразилась, за нѣкую обиду мою, такъ какъ есть точь-въ-точь самый сей сирота, не имѣя насущнаго даже пристанища. Ты знаешь ли по книгамъ что нѣкогда въ древнія времена нѣкоторый купецъ, точь-въ-точь съ такимъ же слезнымъ воздыханіемъ и молитвой, у Пресвятой Богородицы съ

сіянія перль похитилъ, и потомъ всенародно съ колѣнопреклоненіемъ всю сумму къ самому подножію возвратилъ, и Матерь Заступница предъ всѣми людьми его пеленой осѣнила, такъ что по этому предмету даже въ ту пору чудо вышло, и въ государственныя книги все точь-въ-точь черезъ начальство велѣно записать. А ты пустилъ мышъ, значить, надругался надъ самымъ Божиимъ перстомъ. И не будь ты природный мой господинъ, котораго я еще отрокомъ бывши на рукахъ нашихъ нашивалъ, то какъ есть тебя теперича порѣшилъ бы, даже съ мѣста сего не сходя!

Петръ Степановичъ вошелъ въ чрезмѣрный гнѣвъ:

— Говори, видѣлся ты сегодня со Ставрогинымъ?

— Это ты никогда не смѣешь меня чтобы допрашивать. Господинъ Ставрогинъ какъ есть въ удивленіи предъ тобою стоитъ и ниже пожеланіемъ своимъ участвовалъ, не только распоряженіемъ какимъ али деньгами. Ты меня дерзнулъ.

— Деньги ты получишь, и двѣ тысячи тоже получишь, въ Петербургѣ, на мѣстѣ, всѣ цѣликомъ, и еще получишь.

— Ты, любезнѣйшій, врешь, и смѣшно мнѣ тебя даже видѣть какой ты есть легковѣрный умъ. Господинъ Ставрогинъ предъ тобою какъ на лѣстницѣ состоитъ, а ты на нихъ снизу какъ глупая собаченка тьякаешь, тогда какъ они на тебя сверху и плюнуть-то за большую честь почитаютъ.

— А знаешь ли ты, остервенился Петръ Степановичъ, — что я тебя, мерзавца, ни шагу отсюда не выпущу и прямо въ полицію передамъ?

Өедька вскочилъ на ноги и яростно сверкнулъ глазами. Петръ Степановичъ выхватилъ револьверъ. Тутъ произошла быстрая и отвратительная сцена: прежде чѣмъ Петръ Степановичъ могъ направить револьверъ, Өедька мгновенно извернулся и изо всей силы ударилъ его по щекѣ. Въ тотъ же мигъ послышался другой ужасный ударъ, затѣмъ третій, четвертый, все по щекѣ. Петръ Степановичъ ошалѣлъ, выпучилъ глаза, что-то пробормоталъ и вдругъ грохнулся со всего росту на полъ.

— Вотъ вамъ, берите его! съ побѣдоноснымъ вывертомъ крикнулъ Өедька; мигомъ схватилъ картузь, изъ-подъ лавки узелокъ и былъ таковъ. Петръ Степановичъ храпѣлъ въ безпамятствѣ. Липутинъ даже подумалъ что совершилось убійство. Кириловъ опрометью сбѣжалъ въ кухню.

— Водой его! вскрикнулъ онъ и, зачерпнувъ желѣзнымъ ковшомъ въ ведрѣ, вылилъ ему на голову. Петръ Степановичъ пошевелился, приподнялъ голову, сѣлъ и бессмысленно смотрѣлъ предъ собою.

— Ну, каково? спросилъ Кириловъ.

Тотъ, пристально, и все еще не узнавая, глядѣль на него; но увидѣвъ выставившагося изъ кухни Липутина, улыбнулся своею гадкою улыбкой и вдругъ вскочилъ, захвативъ съ полу револьверъ.

— Если вы вздумаете завтра убѣжать, какъ подлець Ставрогинъ, изступленно накинулся онъ на Кирилова, весь блѣдный, заикаясь и не точно выговаривая слова, — то я васъ на другомъ концѣ шара... повѣшу какъ муху... раздавлю... понимаете!

И онъ наставилъ Кирилову револьверъ прямо въ лобъ; но почти въ ту же минуту, опомнившись наконецъ совершенно, отдернулъ руку, сунулъ револьверъ въ карманъ и, не сказавъ болѣе ни слова, побѣжалъ изъ дому. Липутинъ за нимъ. Вылѣзли въ прежнюю лазейку и опять прошли откосомъ, придерживаясь за заборъ. Петръ Степановичъ быстро зашагалъ по переулку, такъ что Липутинъ едва поспѣвалъ. У перваго перекрестка вдругъ остановился.

— Ну? съ вызовомъ повернулся онъ къ Липутину.

Липутинъ помнилъ револьверъ и еще весь трепеталъ отъ бывшей сцены; но отвѣтъ какъ-то самъ вдругъ и неудержимо соскочилъ съ его языка:

— Я думаю... я думаю, что «отъ Смоленска до Ташкента вовсе ужъ не съ такимъ нетерпѣніемъ ждутъ студента».

— А видѣли что пилъ Оедька на кухнѣ?

— Что пилъ? Водку пилъ.

— Ну такъ знайте что онъ въ послѣдній разъ въ жизни пилъ водку. Рекомендую запомнить для дальнѣйшихъ соображеній. А теперь уберите къ чорту, вы до завтра не нужны... Но смотрите у меня: не глупить!

Липутинъ бросился сломя голову домой.

IV.

У него давно уже былъ припасенъ паспортъ на чужое имя. Дико даже подумать что этотъ аккуратный человѣчекъ, мелкій тиранъ семьи, во всякомъ случаѣ чиновникъ (хотя и фурьеристъ) и наконецъ прежде всего капиталистъ и процентщикъ, — давнымъ давно уже возымѣлъ про себя фантастическую мысль припасти на всякій случай этотъ паспортъ, чтобы съ помощью его улизнуть за границу, *если....* допускалъ же онъ возможность этого *если!* хотя конечно онъ и самъ никогда не могъ формулировать что именно могло бы обозначать это *если....*

Но теперь оно вдругъ само формулировалось и въ самомъ неожиданномъ родѣ. Та отчаянная идея съ которою онъ вошелъ къ Кирилову,

послѣ «дурака», выслушаннаго отъ Петра Степановича на тротуарѣ, стояла въ томъ чтобы завтра же чѣмъ свѣтъ бросить все и экспатрироваться за границу! Кто не повѣритъ что такія фантастическія вещи случаются въ нашей обыденной дѣйствительности и теперь, тотъ пусть справится съ біографіей всѣхъ русскихъ настоящихъ эмигрантовъ за границей. Ни одинъ не убѣжалъ умнѣе и реальнѣе. Все то же необузданное царство призраковъ и болѣе ничего.

Прибѣжавъ домой, онъ началъ съ того что заперся, досталъ сакъ и судорожно началъ укладываться. Главная забота его состояла о деньгахъ и о томъ сколько и какъ онъ ихъ успѣетъ спасти. Именно спасти, ибо по понятіямъ его, медлить нельзя было уже ни часу и чѣмъ свѣтъ надо было находиться на большой дорогѣ. Не зналъ онъ тоже какъ онъ сядетъ въ вагонъ; онъ смутно рѣшилъ сѣсть гдѣ-нибудь на второй или на третьей большой станціи отъ города, до нея же добраться хоть и пѣшкомъ. Такимъ образомъ инстинктивно и машинально, съ цѣлымъ вихремъ мыслей въ головѣ, возился онъ надъ сакомъ, и — вдругъ остановился, бросилъ все и съ глубокимъ стономъ протянулся на диванѣ.

Онъ ясно почувствовалъ и вдругъ созналъ что бѣжить-то онъ пожалуй бѣжить, но что разрѣшить вопросъ: *до* или *послѣ* Шатова ему придется бѣжать? — онъ уже совершенно теперь не въ силахъ; что теперь онъ только грубое, безчувственное тѣло, инерціонная масса, но что имъ движетъ посторонняя ужасная сила, и что хоть у него и есть паспортъ за границу, хоть бы и могъ онъ убѣжать отъ Шатова (а иначе для чего бы было такъ торопиться?), но что бѣжить онъ не до Шатова, не отъ Шатова, а именно *послѣ* Шатова, и что уже такъ это рѣшено, подписано и запечатано. Въ нестерпимой тоскѣ, ежеминутно трепеща и удивляясь на самого себя, стеноя и замирая попеременно, дожидаясь онъ кое-какъ, запершись и лежа на диванѣ до одиннадцати часовъ утра слѣдующаго дня, и вотъ тутъ-то вдругъ и послѣдовалъ ожидаемый толчокъ, вдругъ направившій его рѣшимость. Въ одиннадцать часовъ, только-что онъ отперся и вышелъ къ домашнимъ, онъ вдругъ отъ нихъ же узналъ что разбойникъ, бѣглый каторжный Ѳедька, наводившій на всѣхъ ужасъ, грабитель церквей, недавній убійца и поджигатель, за которымъ слѣдила и котораго все не могла схватить наша полиція, найденъ чѣмъ свѣтъ утромъ убитымъ, въ семи верстахъ отъ города, на поворотѣ съ большой дороги на проселокъ, къ Захарьину, и что о томъ говоритъ уже весь городъ. Тотчасъ же сломя голову бросился онъ изъ дому узнавать подробности и узналъ, впервыхъ: что Ѳедька, найденный съ проломленною головой, былъ по всѣмъ признакамъ ограбленъ и, ввторыхъ, что полиція уже имѣла сильныя подозрѣнія и даже нѣкото-

рыя твердыя данныя заключить что убійцей его былъ Шпигулинскій Өомка, тотъ самый съ которымъ онъ несомнѣнно рѣзалъ и зажегъ у Лебядкиныхъ, и что ссора между ними произошла уже дорогой изъ-за утаенныхъ будто бы Өедькой большихъ денегъ, похищенныхъ у Лебядкина... Липутинъ пробѣжалъ и въ квартиру Петра Степановича и успѣлъ узнать съ задняго крыльца, потаенно, что Петръ Степановичъ хотъ и воротился домой вчера, такъ уже около часу пополудни, но всю ночь преспокойно изволилъ почивать у себя дома вплоть до восьми часовъ утра. Разумѣется не могло быть сомнѣнiя что въ смерти разбойника Өедьки ровно ничего не было необыкновеннаго, и что таковыя развязки именно всего чаще случаются въ подобныхъ карьерахъ, но совпаденiе роковыхъ словъ: «что Өедька въ послѣднiй разъ въ этотъ вечеръ пилъ водку», съ немедленнымъ оправданiемъ пророчества было до того знаменательно что Липутинъ вдругъ пересталъ колебаться. Толчокъ былъ данъ; точно камень упалъ на него и придавилъ навсегда. Воротясь домой, онъ молча ткнулъ свой сакъ ногой подъ кровать, а вечеромъ въ назначенный часъ первымъ изъ всѣхъ явился на условленное мѣсто для встрѣчи Шатова, правда, все еще съ своимъ паспортомъ въ карманѣ...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Путешественница.

I.

Катастрофа съ Лизой и смерть Марьи Тимоѳеевны произвели подавляющее впечатлѣнiе на Шатова. Я уже упоминалъ что въ то утро я его мелькомъ встрѣтилъ, онъ показался мнѣ какъ бы не въ своемъ умѣ. Между прочимъ сообщилъ что наканунѣ вечеромъ, часовъ въ девять (значить часа за три до пожара), былъ у Марьи Тимоѳеевны. Онъ ходилъ поутру взглянуть на трупы, но сколько знаю, въ то утро показанiй не давалъ нигдѣ никакихъ. Между тѣмъ къ концу дня въ душѣ его поднялась цѣлая буря и... и кажется могу сказать утвердительно, былъ такой моментъ въ сумерки что онъ хотѣлъ встать, пойти и — объявить все. Что такое было это все — про то онъ самъ зналъ. Разумѣется ничего бы не достигъ, а предалъ бы просто себя. У него не было никакихъ доказательствъ чтобъ изобличить только-что совершившееся злодѣянiе, да и самъ онъ имѣлъ объ немъ одни лишь смутныя догадки, только для него одного равнявшiяся полному убѣжденiю. Но онъ готовъ былъ погубить

себя, лишь бы только «раздавить мерзавцевъ», собственныя его слова. Петръ Степановичъ отчасти вѣрно предугадалъ въ немъ этотъ порывъ и самъ зналъ что сильно рискуетъ откладывая исполненіе своего новаго ужаснаго замысла до завтра. Съ его стороны тутъ было, пообыкновенію, много самонадѣянности и презрѣнія ко всѣмъ этимъ «людишкамъ», а къ Шатову въ особенности. Онъ презиралъ Шатова уже давно за его «плаксивое идіотство», какъ выражался онъ о немъ еще за границей, и твердо надѣялся справиться съ такимъ нехитрымъ человѣкомъ, то-есть не выпускать его изъ виду во весь этотъ день и пресѣчь ему путь при первой опасности. И однако спасло «мерзавцевъ» еще на малое время лишь одно совершенно неожиданное, а ими совсѣмъ не предвидѣнное обстоятельство...

Часу въ восьмомъ вечера (это именно въ то самое время когда наши собрались у Эркеля, ждали Петра Степановича, негодовали и волновались), Шатовъ, съ головою болью и въ легкомъ ознобѣ, лежалъ протянувшись на своей кровати, въ темнотѣ, безъ свѣчи; мучился недомѣніемъ, злился, рѣшался, никакъ не могъ рѣшиться окончательно и съ проклятіемъ предчувствовалъ что все это однако ни къ чему не поведетъ. Мало-по-малу онъ забылся на мигъ легкимъ сномъ и видѣлъ во снѣ что-то похожее на кошмаръ; ему приснилось что онъ опутанъ на своей кровати веревками, весь связанъ и не можетъ шевельнуться, а между тѣмъ раздаются по всему дому страшные удары въ заборъ, въ ворота, въ его дверь, во флигелъ у Кирилова, такъ что весь домъ дрожитъ, и какой-то отдаленный, знакомый, но мучительный для него голосъ жалобно призываетъ его. Онъ вдругъ очнулся и приподнялся на постели. Къ удивленію, удары въ ворота продолжались, и хотъ далеко не такъ сильные какъ представлялось во снѣ, но частые и упорные, а странный и «мучительный» голосъ, хотя вовсе не жалобно, а напротивъ нетерпѣливо и раздражительно, все слышался внизу у воротъ въ перемежку съ чьимъ-то другимъ, болѣе воздержнымъ и обыкновеннымъ голосомъ. Онъ вскочилъ, отворилъ форточку и высунулъ голову.

— Кто тамъ? окликнулъ онъ, буквально коченѣя отъ испуга.

— Если вы Шатовъ, рѣзко и твердо отвѣтили ему снизу, — то пожалуста благоволите объявить, прямо и честно, согласны ли вы впустить меня или нѣтъ?

Такъ и есть; онъ узналъ этотъ голосъ!

— Marie!... Это ты?

— Я, я, Марья Шатова, и увѣряю васъ что ни одной минуты болѣе не могу задерживать извозчика.

— Сейчасъ.... я только свѣчу.... слабо прокричалъ Шатовъ. Затѣмъ бросился искать спичекъ. Спички, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, не отыскивались. Уронилъ подсвѣчникъ со свѣчей на полъ, и только-что снизу опять послышался нетерпѣливый голосъ, бросилъ все и сломя голову полетѣлъ внизъ по своей крутой лѣстницѣ отворять калитку.

— Сдѣлайте одолженіе подержите сакъ, пока я раздѣлаюсь съ этимъ болваномъ, встрѣтила его внизу госпожа Марья Шатова и сунула ему въ руки довольно легенькій, дешевый ручной сакъ, изъ парусины съ бронзовыми гвоздиками, дрезденской работы. Сама же раздражительно накинулась на извощика:

— Смѣю васъ увѣрить что вы берете лишнее. Если вы протаскали меня цѣлый лишній часъ по здѣшнимъ грязнымъ улицамъ, то виноваты вы же, потому что сами стало-быть не знали гдѣ эта глупая улица и этотъ дурацкій домъ. Извольте принять ваши тридцать копѣекъ и убѣдиться что ничего больше не получите.

— Эхъ, барынька, сама жъ тыкала на Вознесенску улицу, а эта Богоявленска: Вознесенской-то проулокъ эвона гдѣ отселева. Только мерина запарили.

— Вознесенская, Богоявленская — всѣ эти глупыя названія вамъ больше моего должны быть извѣстны, такъ какъ вы здѣшній обыватель, и къ тому же вы несправедливы: я вамъ прежде всего заявила про домъ Филиппова, а вы именно подтвердили что его знаете. Во всякомъ случаѣ можете искать на мнѣ завтра въ мировомъ судѣ, а теперь прошу васъ оставить меня въ покоѣ.

— Вотъ, вотъ еще пять копѣекъ! стремительно выхватилъ Шатовъ изъ кармана свой пятакъ и подалъ извощику.

— Сдѣлайте одолженіе, прошу васъ не смѣйте этого дѣлать! вскипѣла было Мме Шатова, но извощикъ тронулъ «мерина», а Шатовъ, схвативъ ее за руку, повлекъ въ ворота.

— Скорѣй, Маріе, скорѣй.... это все пустяки и — какъ ты измокла! Тише, тутъ подыматься, — какъ жаль что нѣтъ огня, — лѣстница крутая, держись крѣпче, крѣпче, ну вотъ и моя каморка. Извини, я безъ огня.... Сейчасъ!

Онъ поднялъ подсвѣчникъ, но спички еще долго не отыскивались. Госпожа Шатова стояла въ ожиданіи посреди комнаты, молча и не шевелясь.

— Слава Богу, наконецъ-то! радостно вскричалъ онъ, освѣтивъ каморку. Марья Шатова бѣгло обзрѣла помещеніе.

— Мнѣ говорили что вы скверно живете, но все-таки я думала не такъ, брезгливо произнесла она и направилась къ кровати.

— Охъ устала! присѣла она съ безсильнымъ видомъ на жесткую постель. Пожалуста поставьте сакъ и сядьте сами на стулъ. Впрочемъ какъ хотите, вы торчите на глазахъ. Я у васъ на время, пока приищу работу, потому что ничего здѣсь не знаю и денегъ не имѣю. Но если васъ стѣсняю, сдѣлайте одолженіе, опять прошу, заявите сейчасъ же, какъ и обязаны сдѣлать если вы честный человѣкъ. Я все-таки могу что-нибудь завтра продать и заплатить въ гостиницѣ, а ужъ въ гостиницу извольте меня проводить сами.... Охъ, только я устала!

Шатовъ весь такъ и затрясся.

— Не нужно, Marie, не нужно гостиницу! Какая гостиница! Зачѣмъ, зачѣмъ?

Онъ, умоляя, сложилъ руки.

— Ну, если можно обойтись безъ гостиницы, то все-таки необходимо разъяснить дѣло. Вспомните, Шатовъ, что мы прожили съ вами брачно въ Женевѣ двѣ недѣли и нѣсколько дней, вотъ уже три года какъ разошлись, безъ особенной впрочемъ ссоры. Но не подумайте чтобъ я воротилась что-нибудь возобновлять изъ прежнихъ глупостей. Я воротилась искать работы, и если прямо въ этотъ городъ, то потому что мнѣ все равно. Я не приѣхала въ чемъ-нибудь раскаиваться; сдѣлайте одолженіе, не подумайте еще этой глупости.

— О, Marie! Это напрасно, совсѣмъ напрасно! неясно бормоталъ Шатовъ.

— А коли такъ, коли вы настолько развиты что можете и это понять, то позволю себѣ прибавить что если теперь обратилась прямо къ вамъ и пришла въ вашу квартиру, то отчасти и потому что всегда считала васъ далеко не подлецомъ, а можетъ-быть гораздо лучше другихъ... мерзавцевъ!..

Глаза ея засверкали. Должно-быть она много перенесла кое-чего отъ какихъ-нибудь «мерзавцевъ».

— И пожалуста будьте увѣрены, я надъ вами вовсе не смѣялась сейчасъ, заявляя вамъ что вы добры. Я говорила прямо, безъ краснорѣчія, да и терпѣть не могу. Однако все это вздоръ. Я всегда надѣялась что у васъ хватить ума не надоѣдать... Охъ, довольно, устала!

И она поглядѣла на него длиннымъ, измученнымъ, усталымъ взглядомъ. Шатовъ стоялъ предъ ней, черезъ комнату, въ пяти шагахъ, и робко, но какъ-то обновленно, съ какимъ-то небывалымъ сіяніемъ въ лицѣ ее слушалъ. Этотъ сильный и шершавый человѣкъ, постоянно шерстью вверхъ, вдругъ весь смягчился и просвѣтлѣлъ. Въ душѣ его задро-

жало что-то необычайное, совсѣмъ неожиданное. Три года разлуки, три года расторгнутаго брака не вытѣснили изъ сердца его ничего. И можетъ-быть каждый день въ эти три года онъ мечталъ о ней, о дорогомъ существѣ, когда-то ему сказавшемъ: «люблю». Зная Шатова, навѣрно скажу что никогда бы онъ не могъ допустить въ себѣ даже мечты чтобы какая-нибудь женщина могла сказать ему: «люблю». Онъ былъ цѣломудренъ и стыдливъ до дикости, считалъ себя страшнымъ уродомъ, ненавидѣлъ свое лицо и свой характеръ, приравнивалъ себя къ какому-то монстру, котораго можно возить и показывать лишь на ярмаркахъ. Вслѣдствіе всего этого выше всего считалъ честность, а убѣжденіямъ своимъ предавался до фанатизма, былъ мраченъ, гордъ, гнѣвливъ и не словоохотливъ. Но вотъ это единственное существо, двѣ недѣли его любившее (онъ всегда, всегда тому вѣрилъ!), — существо которое онъ всегда считалъ неизмѣримо выше себя, несмотря на совершенно трезвое пониманіе ея заблужденій; существо которому онъ совершенно все, все могъ простить (о томъ и вопроса быть не могло, а было даже нѣчто обратное, такъ что выходило по-его что онъ самъ предъ нею во всемъ виноватъ), эта женщина, эта Марья Шатова вдругъ опять въ его домѣ, опять предъ нимъ... этого почти невозможно было понять! Онъ такъ былъ пораженъ, въ этомъ событіи заключалось для него столько чего-то страшнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ столько счастья что конечно онъ не могъ, а можетъ-быть, не желалъ, боялся опомниться. Это былъ сонъ. Но когда она поглядѣла на него этимъ измученнымъ взглядомъ, вдругъ онъ понялъ что это столь любимое существо страдаетъ, можетъ-быть обижено. Сердце его замерло. Онъ съ болью взглянулъ въ ея черты: давно уже исчезъ съ этого усталаго лица блескъ первой молодости. Правда, она все еще была хороша собой, — въ его глазахъ, какъ и прежде, красавица. (На самомъ дѣлѣ это была женщина лѣтъ двадцати пяти, довольно сильнаго сложенія, росту выше средняго (выше Шатова), съ темнорусыми, пышными волосами, съ блѣднымъ овальнымъ лицомъ, большими темными глазами, теперь сверкавшими лихорадочнымъ блескомъ.) Но легкомысленная, наивная и простодушная прежняя энергія, столь ему знакомая, смѣнилась въ ней угрюмою раздражительностію, разочарованіемъ, какъ бы цинизмомъ, къ которому она еще не привыкла и которымъ сама тяготилась. Но главное, она была больна, это разглядѣлъ онъ ясно. Несмотря на весь свой страхъ предъ нею, онъ вдругъ подошелъ и схватилъ ее за обѣ руки.

— Marie.... знаешь.... ты, можетъ-быть, очень устала, ради Бога не сердись.... Еслибы ты согласилась напимѣрь хоть чаю, а? Чай очень подкрѣпляетъ, а? Если бы ты согласилась!..

— Чего тутъ согласилась, разумѣется соглашусь, какой вы попрежнему ребенокъ. Если можете, дайте. Какъ у васъ тѣсно! Какъ у васъ холодно!

— О, я сейчасъ дровъ, дровъ.... дрова у меня есть! весь заходилъ Шатовъ; дрова... то-есть, но... впрочемъ и чаю сейчасъ, махнулъ онъ рукой, какъ бы съ отчаянною рѣшимостію, и схватилъ фуражку.

— Куда жъ вы? Стало-быть нѣтъ дома чаю?

— Будетъ, будетъ, будетъ, сейчасъ будетъ все... я...

Онъ схватилъ съ полки револьверъ.

— Я продамъ сейчасъ этотъ револьверъ... или заложу...

— Что за глупости, и какъ это долго будетъ! Возьмите вотъ мои деньги, коли у васъ нѣтъ ничего, тутъ восемь гривенъ, кажется; всѣ. У васъ точно въ помѣшанномъ домѣ.

— Не надо, не надо твоихъ денегъ, я сейчасъ, въ одинъ мигъ, я и безъ револьвера...

И онъ бросился прямо къ Кирилову. Это было вѣроятно еще часа за два до посѣщенія Кирилова Петромъ Степановичемъ и Липутинымъ. Шатовъ и Кириловъ, жившіе на одномъ дворѣ, почти не видались другъ съ другомъ, а встрѣчаясь, не кланялись и не говорили: слишкомъ долго ужъ они «пролежали» вмѣстѣ въ Америкѣ.

— Кириловъ, у васъ всегда чай; есть у васъ чай и самоваръ?

Кириловъ, ходившій по комнатѣ (по обыкновенію своему всю ночь изъ угла въ уголъ), вдругъ остановился и пристально посмотрѣлъ на вбѣжавшаго, впрочемъ безъ особаго удивленія.

— Чай есть, сахаръ есть и самоваръ есть. Но самовара не надо, чай горячій. Садитесь и пейте просто.

— Кириловъ, мы вмѣстѣ лежали въ Америкѣ... Ко мнѣ пришла жена... Я... Давайте чаю... Надо самоваръ.

— Если жена, то надо самоваръ. Но самоваръ послѣ. У меня два. А теперь берите со стола чайникъ. Горячій, самый горячій. Берите все; берите сахаръ; весь. Хлѣбъ... Хлѣба много; весь. Есть телятина. Денегъ рубль.

— Давай, другъ, отдамъ завтра! Ахъ, Кириловъ!

— Это та жена которая въ Швейцаріи? Это хорошо. И то что вы такъ вбѣжали тоже хорошо.

— Кириловъ! вскричалъ Шатовъ, захватывая подъ локоть чайникъ, а въ обѣ руки сахаръ и хлѣбъ, — Кириловъ! Еслибъ... еслибъ вы могли отказаться отъ вашихъ ужасныхъ фантазій и бросить вашъ атеистическій бредъ... о, какой бы вы были человекъ, Кириловъ!

— Видно что вы любите жену послѣ Швейцаріи. Это хорошо, если послѣ Швейцаріи. Когда надо чаю, приходите опять. Приходите всю ночь, я не сплю совсѣмъ. Самоваръ будетъ. Берите рубль, вотъ. Ступайте къ женѣ, я останусь и буду думать о васъ и о вашей женѣ.

Марья Шатова была видимо довольна поспѣшностію и почти съ жадностію принялась за чай, но за самоваромъ бѣжать не понадобилось: она выпила всего полчашки и проглотила лишь крошечный кусочекъ хлѣбца. Отъ телятины брезгливо и раздражительно отказалась.

— Ты больна, Marie, все это такъ въ тебѣ болѣзненно... робко замѣтилъ Шатовъ, робко около нея ухаживая.

— Конечно больна, пожалуста сядьте. Гдѣ вы взяли чай, если не было?

Шатовъ разказалъ про Кирилова, слегка, вкратцѣ. Она кое-что про него слышала.

— Знаю что сумашедшій; пожалуста довольно; мало что ли дураковъ? Такъ вы были въ Америкѣ? Слышала, вы писали.

— Да, я... въ Парижъ писалъ.

— Довольно, и пожалуста о чемъ-нибудь другомъ. Вы по убѣжденіямъ славянофилъ?

— Я... я не то что... За невозможностію быть Русскимъ, сталъ славянофиломъ, криво усмѣхнулся онъ, съ натугой человѣка сострившаго не кстати и черезъ силу.

— А вы не Русскій?

— Нѣтъ, не Русскій.

— Ну, все это глупости. Сядьте, прошу васъ наконецъ. Что вы все туда-сюда? Вы думаете, я въ бреду? Можетъ и буду въ бреду. Вы говорите, васъ только двое въ домѣ?

— Двое... внизу...

— И все такихъ умныхъ. Что внизу? Вы сказали внизу?

— Нѣтъ, ничего.

— Что ничего? Я хочу знать.

— Я только хотѣлъ сказать что мы тутъ теперь двое во дворѣ, а внизу прежде жили Лебядкины...

— Это та которую сегодня ночью зарѣзали? вскинулась она вдругъ. — Слышала. Только-что пріѣхала, слышала. У васъ былъ пожаръ?

— Да, Marie, да, и можетъ-быть, я дѣлаю страшную подлость въ сію минуту что прощаю подлецовъ... всталъ онъ вдругъ и зашагалъ по комнатѣ, поднявъ вверхъ руки какъ бы въ изступленіи.

Но Marie не совсѣмъ поняла его. Она слушала отвѣты разсѣянно; она спрашивала, а не слушала.

— Славныя дѣла у васъ дѣлаются. Охъ, какъ все подло! Какіе всѣ подлецы! Да сядьте же, прошу васъ наконецъ, о, какъ вы меня раздражаете! и въ изнеможеніи она опустила голову на подушку.

— Marie, я не буду... Ты можетъ-быть прилегла бы, Marie?

Она не отвѣтила и въ безсиліи закрыла глаза. Блѣдное ея лицо стало точно у мертвой. Она заснула почти мгновенно. Шатовъ посмотрѣлъ кругомъ, поправилъ свѣчу, посмотрѣлъ еще разъ въ безпокойствѣ на ея лицо, крѣпко сжалъ предъ собой руки и на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты въ сѣни. На верху лѣстницы онъ уперся лицомъ въ уголъ и простоялъ такъ минутъ десять, безмолвно и недвижимо. Простоялъ бы и дольше, но вдругъ внизу послышались тихіе, осторожные шаги. Кто-то подымался вверхъ. Шатовъ вспомнилъ что забылъ запереть калитку.

— Кто тутъ? спросилъ онъ шепотомъ.

Незнакомый посѣтитель подымался не спѣша и не отвѣчая. Взойдя на верхъ, остановился; разсмотрѣть его было въ темнотѣ невозможно; вдругъ послышался его осторожный вопросъ:

— Иванъ Шатовъ?

Шатовъ назвалъ себя, но немедленно протянулъ руку чтобъ остановить его; но тотъ схватилъ самъ его за руку и — Шатовъ вздрогнулъ, какъ бы прикоснувшись къ какому-то страшному гаду.

— Стойте здѣсь, быстро прошепталъ онъ, — не входите, я не могу васъ теперь принять. Ко мнѣ воротилась жена. Я вынесу свѣчу.

Когда онъ воротился со свѣчкой, стоялъ какой-то молоденькій офицерикъ; имени его онъ не зналъ, но гдѣ-то видѣлъ.

— Эркель, отрекомендовался тотъ. — Видѣли меня у Виргинскаго.

— Помню; вы сидѣли и писали. Слушайте, вскипѣлъ вдругъ Шатовъ, изступленно подступая къ нему, но говоря попрежнему шепотомъ, — вы сейчасъ мнѣ сдѣлали знакъ рукой, когда схватили мою руку. Но знайте, я могу наплевать на всѣ эти знаки! Я не признаю.... не хочу.... Я могу васъ спустить сейчасъ съ лѣстницы, знаете вы это?

— Нѣтъ, я этого ничего не знаю и совсѣмъ не знаю за что вы такъ разсердились, незлобиво и почти простодушно отвѣтилъ гость. — Я имѣю только передать вамъ нѣчто и за тѣмъ пришелъ, главное не желая терять времени. У васъ станокъ вамъ не принадлежащій и въ которомъ вы обязаны отчетомъ, какъ знаете сами. Мнѣ велѣно потребовать отъ васъ передать его завтра же, ровно въ семь часовъ пополудни, Липутину. Кромѣ того велѣно сообщить что болѣе отъ васъ ничего никогда не потребуется.

— Ничего?

— Совершенно ничего. Ваша просьба исполняется и вы навсегда устранены. Это положительно мнѣ велѣно вамъ сообщить.

— Кто велѣлъ сообщить?

— Тѣ которые передали мнѣ знакъ.

— Вы изъ-за границы?

— Это.... это, я думаю, для васъ безразлично.

— Э, чортъ! А почему вы раньше не приходили, если вамъ велѣно?

— Я слѣдовалъ нѣкоторымъ инструкціямъ и былъ не одинъ.

— Понимаю, понимаю что были не одинъ. Э... чортъ! А зачѣмъ Липутинъ самъ не пришелъ?

— Итакъ, я явлюсь за вами завтра ровно въ шесть часовъ вечера и пойдѣмъ туда пѣшкомъ. Кромѣ насъ троихъ никого не будетъ.

— Верховенскій будетъ?

— Нѣтъ, его не будетъ. Верховенскій уѣзжаетъ завтра поутру изъ города, въ одиннадцать часовъ.

— Такъ я и думалъ, бѣшено прошепталъ Шатовъ и стукнулъ себя кулакомъ по бедру; — бѣжалъ, каналья!

Онъ взволнованно задумался. Эркель пристально смотрѣлъ на него, молчалъ и ждалъ.

— Какъ же вы возьмете? Вѣдь это нельзя за разъ взять въ руки и унести.

— Да и не нужно будетъ. Вы только укажете мѣсто, а мы только удостовѣримся что дѣйствительно тутъ зарыто. Мы вѣдь знаемъ только гдѣ это мѣсто, самаго мѣста не знаемъ. А вы развѣ указывали еще кому-нибудь мѣсто?

Шатовъ посмотрѣлъ на него.

— Вы-то, вы-то, такой мальчишка, — такой глупенькій мальчишка, — вы тоже туда влѣзли съ головой какъ баранъ? Э, да имъ и надо этакаго соку! Ну ступайте! Э-эхъ! Тотъ подлець васъ всѣхъ надулъ и бѣжалъ.

Эркель смотрѣлъ ясно и спокойно, но какъ будто не понималъ.

— Верховенскій бѣжалъ, Верховенскій! яростно проскрежеталъ Шатовъ.

— Да вѣдь онъ еще здѣсь, не уѣхалъ. Онъ только завтра уѣдетъ, мягко и убѣдительно замѣтилъ Эркель. — Я его особенно приглашалъ присутствовать въ качествѣ свидѣтеля; къ нему моя вся инструкція была (соткровенничалъ онъ какъ молоденькій, неопытный мальчикъ). Но онъ къ сожалѣнію не согласился, подъ предлогомъ отъѣзда; да и въ самомъ дѣлѣ что-то спѣшить.

Шатовъ еще разъ сожалительно вскинулъ глазами на простачка, но вдругъ махнулъ рукой, какъ бы подумавъ: «стоитъ жалѣть-то».

— Хорошо, приду, оборвалъ онъ вдругъ, — а теперь убирайтесь, маршъ!

— Итакъ я ровно въ шесть часовъ, вѣжливо поклонился Эркель и не спѣша пошелъ съ лѣстницы.

— Дурачокъ! не утерпѣлъ крикнуть ему вслѣдъ сверху лѣстницы Шатовъ.

— Что-съ? отозвался тотъ уже снизу.

— Ничего, ступайте.

— Я думалъ вы что-то сказали.

II.

Эркель былъ такой «дурачокъ» у котораго только главнаго толку не было въ головѣ, царя въ головѣ; но маленькаго подчиненнаго толку у него было довольно, даже до хитрости. Фанатически, младенчески преданный «общему дѣлу», а въ сущности Петру Верховенскому, онъ дѣйствовалъ по его инструкціи, данной ему въ то время когда въ засѣданіи у *нашихъ* условились и распредѣлили роли на завтра. Петръ Степановичъ, назначая ему роль посланника, успѣлъ поговорить съ нимъ минутъ десять въ сторонкѣ. Исполнительная часть была потребностью этой мелкой, малоразсудочной, вѣчно жаждущей подчиненія чужой волѣ природы, — о, конечно не иначе какъ ради «общаго» или «великаго» дѣла. Но и это было все равно, ибо маленькіе фанатики, подобные Эркелю, никакъ не могутъ понять служенія идеѣ, иначе какъ сливъ ее съ самимъ лицомъ, по ихъ понятію, выражающимъ эту идею. Чувствительный, ласковый и добрый Эркель быть-можетъ былъ самымъ безчувственнымъ изъ убійць собравшихся на Шатова, и безъ всякой личной ненависти, не смигнувъ глазомъ, присутствовалъ бы при его убіеніи. Ему велѣно было, на примѣръ, хорошенько между прочимъ высмотрѣть обстановку Шатова, во время исполненія своего порученія, и когда Шатовъ, принявъ его на лѣстницѣ, сболтнулъ въ жару, всего вѣроятнѣе не замѣтивъ того, что къ нему воротилась жена, — у Эркеля тотчасъ же достало инстинктивной хитрости не выказать ни малѣйшаго дальнѣйшаго любопытства, несмотря на блеснувшую въ умѣ догадку что фактъ воротившейся жены имѣетъ большое значеніе въ успѣхѣ ихъ предпріятія...

Такъ въ сущности и было: одинъ только этотъ фактъ и спасъ «мерзавцевъ» отъ намѣренія Шатова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и помогъ имъ отъ него «избавиться»... Впервые, онъ взволновалъ Шатова, выбилъ его изъ колеи, отнял отъ него обычную прозорливость и осторожность. Ка-

кая-нибудь идея о своей собственной безопасности менѣе всего могла придти теперь въ его голову, занятую совсѣмъ другимъ. Напротивъ, онъ съ увлеченіемъ повѣрилъ что Петръ Верховенскій завтра бѣжитъ: это такъ совпадало съ его подозрѣніями! Возвратясь въ комнату, онъ опять усѣлся въ уголъ, уперся локтями въ колѣна и закрылъ руками лицо. Горькія мысли его мучили...

И вотъ онъ снова подымалъ голову, вставалъ на цыпочки и шелъ на нее поглядѣть: «Господи! Да у нея завтра же разовьется горячка, къ утру, пожалуй уже теперь началась! Конечно, простудилась. Она не привыкла къ этому ужасному климату, а тутъ вагонъ, третій классъ, кругомъ вихрь, дождь, а у нея такой холодный бурнусикъ, совсѣмъ никакой одеженки... И тутъ-то ее оставить, бросить безъ помощи! Сакъ-то, сакъ-то какой крошечный, легкій, сморщенный, десять фунтовъ! Бѣдная, какъ она изнурена, сколько вынесла! Она горда, оттого и не жалуется. Но раздражена, раздражена! Это болѣзнь: и ангелъ въ болѣзни станетъ раздражителенъ. Какой сухой, горячій должно-быть, лобъ, какъ темно подъ глазами и... и какъ однако прекрасенъ этотъ овалъ лица, и эти пышные волосы, какъ»...

И онъ поскорѣе отводилъ глаза, поскорѣй отходилъ, какъ-бы пугаясь одной идеи видѣть въ ней что-нибудь другое чѣмъ несчастное, измученное существо, которому надо помочь, — «какія ужъ тутъ *надежды!* О, какъ низко, какъ подлѣ человѣкъ!» и онъ шелъ опять въ свой уголъ, садился, закрывалъ лицо руками и опять мечталъ, опять припоминалъ... и опять мерещились ему надежды.

«Охъ устала, охъ устала!» припоминалъ онъ ея восклицанія, ея слабый, надорванный голосъ: «Господи! Бросить ее теперь а у ней восемь гривенъ; протянула свой портмоне, старенькій, крошечный! Приѣхала мѣста искать, — ну что она понимаетъ въ мѣстахъ, что они понимаютъ въ Россіи? Вѣдь это какъ блажныя дѣти, все у нихъ собственныя фантазіи, ими же созданныя; и сердится бѣдная зачѣмъ не похожа Россія на ихъ иностранныя мечтанья! О, несчастные, о невинные!.. И однако въ самомъ дѣлѣ здѣсь холодно»...

Онъ вспомнилъ что она жаловалась, что онъ обѣщался затопить печь. «Дрова тутъ, можно принести, не разбудить бы только. Впрочемъ можно. А какъ рѣшить на счетъ телятины? Встанетъ, можетъ-быть захочетъ кушать... Ну это послѣ; Кириловъ всю ночь не спитъ. Чѣмъ бы ее накрыть, она такъ крѣпко спитъ, но ей вѣрно холодно, ахъ холодно!»

И онъ еще разъ подошелъ на нее посмотреть; платье немного завернулось, и половина правой ноги открылась до колѣна. Онъ вдругъ отвернулся, почти въ испугѣ, снялъ съ себя теплое пальто, и оставшись въ

старенькомъ сюртучишкѣ, накрыль, стараясь не смотрѣть, обнаженное мѣсто.

Зажиганье дровъ, хожденіе на цыпочкахъ, осматриваніе спящей, мечты въ углу, потомъ опять осматриваніе спящей взяли много времени. Прошло два-три часа. И вотъ въ это-то время у Кирилова успѣли побывать Верховенскій и Липутинъ. Наконецъ и онъ задремалъ въ углу. Раздался ея стонъ; она пробудилась, она звала его; онъ вскочилъ какъ преступникъ.

— Marie! Я было заснулъ... Ахъ, какой я подлець, Marie!

Она привстала, озираясь съ удивленіемъ, какъ бы не узнавая гдѣ находится, и вдругъ вся всполошилась въ негодованіи, въ гнѣвѣ:

— Я заняла вашу постель, я заснула внѣ себя отъ усталости; какъ смѣли вы не разбудить меня? Какъ осмѣлились подумать что я намѣрена быть вамъ въ тягость?

— Какъ могъ я разбудить тебя, Marie?

— Могли; должны были! Для васъ тутъ нѣтъ другой постели, а я заняла вашу. Вы не должны были ставить меня въ фальшивое положеніе. Или вы думаете, я пріѣхала пользоваться вашими благодѣяніями? Сейчасъ извольте занять вашу постель, а я лягу въ углу на стульяхъ...

— Marie, столько нѣтъ стульевъ, да и нечего постлатъ.

— Ну такъ просто на полу. Вѣдь вамъ же самому придется спать на полу. Я хочу на полу, сейчасъ, сейчасъ!

Она встала, хотѣла шагнуть, но вдругъ какъ бы сильнѣйшая судорожная боль разомъ отняла у ней всѣ силы и всю рѣшимость и она съ громкимъ стономъ опять упала на постель. Шатовъ подбѣжалъ, но Marie, спрятавъ лицо въ подушки, захватила его руку и изо всей силы стала сжимать и ломать ее въ своей рукѣ. Такъ продолжалось съ минутой.

— Marie, голубчикъ, если надо, тутъ есть докторъ Френцель, мнѣ знакомый, очень... Я бы сбѣгалъ къ нему.

— Вздоръ!

— Какъ вздоръ? Скажи, Marie, что у тебя болитъ? А то бы можно припарки... на животъ напимѣрь... Это я и безъ доктора могу... А то горчишники.

— Что жъ это? странно спросила она, подымая голову и испуганно смотря на него.

— То-есть что именно, Marie? не понималъ Шатовъ: — про что ты спрашиваешь? О Боже, я совсѣмъ теряюсь, Marie, извини что ничего не понимаю.

— Эхъ отстаньте, не ваше дѣло понимать. Да и было бы очень смѣшно... горько усмѣхнулась она. — Говорите мнѣ про что-нибудь. Ходите по комнатѣ и говорите. Не стойте подлѣ меня и не глядите на меня, объ этомъ особенно прошу васъ въ пятисотый разъ!

Шатовъ сталъ ходить по комнатѣ, смотря въ полъ и изо всѣхъ силъ стараясь не взглянуть на нее.

— Тутъ — не разсердись, Marie, умоляю тебя — тутъ есть телятина, недалеко, и чай... Ты такъ мало давеча скушала...

Она брезгливо и злобно замахала рукой. Шатовъ въ отчаяніи прикусилъ языкъ.

— Слушайте, я намѣрена здѣсь открыть переплетную, на разумныхъ началахъ ассоціаціи. Такъ какъ вы здѣсь живете, то какъ вы думаете: удастся или нѣтъ?

— Эхъ, Marie, у насъ и книгъ-то не читаютъ, да и нѣтъ ихъ совсѣмъ. Да и станетъ онъ книгу переплетать?

— Кто онъ?

— Здѣшній читатель и здѣшній житель вообще, Marie.

— Ну такъ и говорите яснѣе, а то: *онъ*, а кто онъ — неизвѣстно. Грамматики не знаете.

— Это въ духѣ языка, Marie, пробормоталъ Шатовъ.

— Ахъ, подите вы съ вашимъ духомъ, надоѣли. Почему здѣшній житель или читатель не станетъ переплетать?

— Потому что читать книгу и ее переплетать это цѣлыхъ два періода развитія, и огромныхъ. Сначала онъ помаленьку читать приучается, вѣками разумѣется, но треплетъ книгу и валяетъ ее, считая за несерьезную вещь. Переплетъ же означаетъ уже и уваженіе къ книгѣ, означаетъ что онъ не только читать полюбилъ, но и за дѣло призналъ. До этого періода еще вся Россія не дожила. Европа давно **преплетаеть**.

— Это хоть и по-педантски, но по крайней мѣрѣ не глупо сказано и напоминаетъ мнѣ три года назадъ; вы иногда были довольно остроумны три года назадъ.

Она это высказала такъ же брезгливо какъ и всѣ прежнія капризные свои фразы.

— Marie, Marie, въ умиленіи обратился къ ней Шатовъ, — о Marie! Еслибъ ты знала сколько въ эти три года прошло и проѣхало! Я слышалъ потомъ что ты будто бы презирала меня за перемѣну убѣжденій. Кого жъ я бросилъ? Враговъ живой жизни, устарѣлыхъ либералишекъ, боящихся собственной независимости; лакеевъ мысли, враговъ личности и свободы, дряхлыхъ проповѣдниковъ мертвечины и тухлятины! Что у нихъ: старчество, золотая середина, самая мѣщанская, подлая бездар-

ность, завистливое равенство, равенство безъ собственнаго достоинства, равенство какъ сознаеть его лакей или какъ сознавалъ Французъ 93 года... А главное, вездѣ мерзавцы, мерзавцы и мерзавцы!

— Да, мерзавцевъ много, отрывисто и болѣзненно проговорила она. Она лежала протянувшись, недвижимо и какъ бы боясь пошевелиться, откинувшись головой на подушку, нѣсколько вбокъ, смотря въ потолокъ утомленнымъ, но горячимъ взглядомъ. Лицо ея было блѣдно, губы высохли и запеклись.

— Ты сознаешь, Marie, сознаешь! воскликнулъ Шатовъ. Она хотѣла было сдѣлать отрицательный знакъ головой, и вдругъ съ нею сдѣлалась прежняя судорога. Опять она спрятала лицо въ подушку и опять изо всей силы цѣлую минуту сжимала до боли руку подбѣжавшаго и обѣзумевшаго отъ ужаса Шатова.

— Marie, Marie! Но вѣдь это можетъ-быть очень серьезно, Marie!

— Молчите... Я не хочу, не хочу, восклицала она почти въ ярости, повертываясь опять вверхъ лицомъ: — не смѣйте глядѣть на меня, съ вашимъ состраданіемъ! Ходите по комнатѣ, говорите что-нибудь, говорите....

Шатовъ какъ потерянный началъ было снова что-то бормотать.

— Вы чѣмъ здѣсь занимаетесь? спросила она съ брезгливымъ нетерпѣніемъ перебивая его.

— На контору къ купцу одному хожу. Я, Marie, еслибъ особенно захотѣлъ, могъ бы и здѣсь хорошія деньги доставать.

— Тѣмъ для васъ лучше...

— Ахъ, не подумай чего, Marie, я такъ сказалъ...

— А еще что дѣлаете? Что проповѣдуете? Вѣдь вы не можете не проповѣдовать; таковъ характеръ!

— Бога проповѣдую, Marie.

— Въ котораго сами не вѣрите. Этой идеи я никогда не могла понять.

— Оставимъ, Marie, это потомъ.

— Что такое была здѣсь эта Марья Тимофеевна?

— Это тоже мы потомъ, Marie.

— Не смѣйте мнѣ дѣлать такія замѣчанія! Правда ли что смерть эту можно отнести къ злодѣйству... этихъ людей?

— Непремѣнно такъ, проскрежеталъ Шатовъ.

Marie вдругъ подняла голову и болѣзненно прокричала:

— Не смѣйте мнѣ больше говорить объ этомъ, никогда не смѣйте, никогда не смѣйте!

И она опять упала на постель въ припадкѣ той же судорожной боли; это уже въ третій разъ, но на этотъ разъ стоны стали громче, обратились въ крики.

— О, несносный человѣкъ! О, нестерпимый человѣкъ! металась она уже не жалѣя себя, отталкивая стоявшаго надъ нею Шатова.

— Marie, я буду что хочешь... я буду ходить, говорить...

— Да неужто вы не видите что началось?

— Что началось, Marie?

— А почему я знаю? Я развѣ тутъ знаю что-нибудь... О, проклятая! О, будь проклято все заранѣ!

— Marie, еслибъ ты сказала что начинается... а то я... что я пойму если такъ?

— Вы отвлеченный, бесполезный болтунъ. О, будь проклято все на свѣтѣ!

— Marie! Marie!

Онъ серіозно подумалъ что съ ней начинается помѣшательство.

— Да неужели вы наконецъ не видите что я мучуюсь родами, приподнялась она, смотря на него со страшною, болѣзненною, исказившею все лицо ея злобой. Будь онъ заранѣ проклятъ, этотъ ребенокъ!

— Marie, воскликнулъ Шатовъ, догадавшись наконецъ въ чемъ дѣло, — Marie... Но что же ты не сказала заранѣ? спохватился онъ вдругъ и съ энергическою рѣшимостью схватилъ свою фуражку.

— А я почему знала, входя сюда? — Неужто пришла бы къ вамъ? Мнѣ сказали, еще черезъ десять дней! Куда же вы, куда же вы, не смѣйте!

— За повивальною бабкой! я продамъ револьверъ; прежде всего теперь деньги!

— Не смѣйте ничего, не смѣйте повивальную бабку, просто бабу, старуху, у меня въ портмоне восемь гривенъ... Родятъ же деревенскія бабы безъ бабокъ... А околѣю, такъ тѣмъ лучше...

— И баба будетъ, и старуха будетъ. Только какъ я, какъ я оставлю тебя одну, Marie!

Но сообразивъ что лучше теперь оставить ее одну, несмотря на все ея изступленіе, чѣмъ потомъ оставить безъ помощи, онъ, не слушая ея стоновъ, ни гнѣвливыхъ восклицаній и надѣясь на свои ноги, пустился сломя голову съ лѣстницы.

III.

Прежде всего къ Кирилову. Было уже около часу пополуночи. Кириловъ стоялъ посреди комнаты.

— Кириловъ, жена родить!
— То-есть какъ?
— Родить, ребенка родить!
— Вы... не ошибаетесь?
— О нѣтъ, нѣтъ, у ней судороги!... Надо бабу, старуху какую-нибудь, непременно сейчасъ... Можно теперь достать? У васъ было много старухъ...
— Очень жаль что я родить не умѣю, задумчиво отвѣчалъ Кириловъ, — то-есть не я родить не умѣю, а сдѣлать такъ чтобы родить не умѣю... или... Нѣтъ, это я не умѣю сказать.
— То-есть вы не можете сами помочь въ родахъ; но я не про то; старуху, старуху, я прошу бабу, сидѣлку, служанку!
— Старуха будетъ, только можетъ-быть не сейчасъ. Если хотите, я вмѣсто...
— О, невозможно; я теперь къ Виргинской, къ бабкѣ.
— Мерзавка!
— О, да, Кириловъ, да, но она лучше всѣхъ! О, да, все это будетъ безъ благоговѣнія, безъ радости, брезгливо, съ бранью, съ богохульствомъ — при такой великой тайнѣ, появленіи новаго существа!... О, она ужъ теперь прокликаетъ его!...
— Если хотите, я....
— Нѣтъ, нѣтъ, а пока я буду бѣгать (о, я притащу Виргинскую!), вы иногда подходите къ моей лѣстницѣ и тихонько прислушивайтесь, но не смѣйте входить, вы ее испугаете, ни за что не входите, вы только слушайте... на всякій ужасный случай. Ну если что крайнее случится, тогда войдите.
— Понимаю. Денегъ еще рубль. Вотъ. Я хотѣлъ завтра курицу, теперь не хочу. Бѣгите скорѣй, бѣгите изо всей силы. Самоваръ всю ночь.
Кириловъ ничего не зналъ о намѣреніяхъ на счетъ Шатова, да и прежде никогда не зналъ о всей степени опасности ему угрожающей. Зналъ только что у него какіе-то старые счета съ «тѣми людьми», и хотя самъ былъ въ это дѣло отчасти замѣшанъ, сообщенными ему изъ-за границы инструкціями (впрочемъ весьма поверхностными, ибо близко онъ ни въ чемъ не участвовалъ), но въ послѣднее время онъ все бросилъ, всѣ порученія, совершенно устранилъ себя отъ всякихъ дѣлъ, прежде же всего отъ «общаго дѣла», и предался жизни созерцательной. Петръ Верховенскій, въ засѣданіи, хотя и позвалъ Липутина къ Кирилову чтобъ удостовѣриться что тотъ приметъ, въ данный моментъ, «дѣло Шатова» на себя, но однако въ объясненіяхъ съ Кириловымъ ни слова не сказалъ про Шатова, даже не намекнулъ, — вѣроятно считая не политичнымъ, а

Кирилова даже и неблагонадежнымъ, и оставивъ до завтра, когда уже все будетъ сдѣлано, а Кирилову стало-быть будетъ уже «все равно»; по крайней такъ рассуждалъ о Кириловѣ Петръ Степановичъ. Липутинъ тоже очень замѣтилъ что о Шатовѣ, несмотря на обѣщаніе, ни слова не было упомянуто, но Липутинъ былъ слишкомъ взволнованъ чтобы протестовать.

Какъ вихрь бѣжалъ Шатовъ въ Муравьиную улицу, проклиная разстояніе и не видя ему конца.

Надо было долго стучать у Виргинскаго: всѣ давно уже спали. Но Шатовъ изо всей силы и безъ всякой церемоніи заколотилъ въ ставню. Цѣпная собака на дворѣ рвалась и заливалась злобнымъ лаемъ. Собаки всей улицы подхватили; поднялся собачій гамъ.

— Что вы стучите и чего вамъ угодно? раздался наконецъ у окна мягкій и не соотвѣтственный «оскорбленію» голосъ самого Виргинскаго. Ставня пріотворилась, открылась и форточка.

— Кто тамъ, какой подлець? злобно провизжалъ уже совершенно соотвѣтственный оскорбленію женскій голосъ старой дѣвы, родственницы Виргинскаго.

— Я, Шатовъ, ко мнѣ воротилась жена и теперь сейчасъ родить...

— Ну пусть и родить, убирайтесь!

— Я за Ариной Прохоровной, я не уйду безъ Арины Прохоровны!

— Не можетъ она ко всякому ходить. По ночамъ особая практика... Убирайтесь къ Макшеевой и не смѣйте шумѣть! трещалъ обозленный женскій голосъ. Слышно было какъ Виргинскій останавливалъ; но старая дѣва его отталкивала и не уступала.

— Я не уйду! прокричалъ опять Шатовъ.

— Подождите, подождите же! прикрикнулъ наконецъ Виргинскій, осиливъ дѣву, — прошу васъ Шатовъ подождать пять минутъ, я разбуджу Арину Прохоровну, и пожалуста не стучите и не кричите... О, какъ все это ужасно!

Черезъ пять безконечныхъ минутъ явилась Арина Прохоровна.

— Къ вамъ жена пріѣхала? слышался изъ форточки ея голосъ, и къ удивленію Шатова, вовсе не злой, а такъ только по обыкновенному повелительный; но Арина Прохоровна иначе и не могла говорить.

— Да, жена и родить.

— Марья Игнатьевна?

— Да, Марья Игнатьевна. Разумѣется Марья Игнатьевна!

Наступило молчаніе. Шатовъ ждалъ. Въ домѣ перешептывались.

— Она давно пріѣхала? спросила опять Мме Виргинская.

— Сегодня вечеромъ, въ восемь часовъ. Пожалуста поскорѣй.

Опять пошептались, опять какъ будто посовѣтовались.

— Слушайте, вы не ошибаетесь? Она сама васъ послала за мной?

— Нѣтъ, она не посылала за вами, она хочетъ бабу, простую бабу, чтобы меня не обременять расходами, но не безпокойтесь, я заплачу.

— Хорошо, приду, заплатите или нѣтъ. Я всегда цѣнила независимыя чувства Марьи Игнатьевны, хотя она можетъ-быть не помнить меня. Есть у васъ самыя необходимыя вещи?

— Ничего нѣтъ, но все будетъ, будетъ, будетъ...

«Есть же и въ этихъ людяхъ великодушіе!» думаль Шатовъ, направляясь къ Лямшину. «Убѣжденія и человѣкъ — это, кажется, двѣ вещи во многомъ различныя. Я можетъ-быть много виноватъ предъ ними!... Всѣ виноваты, всѣ виноваты и... еслибы въ этомъ всѣ убѣдились!...»

У Лямшина пришлось стучать не долго; къ удивленію, онъ мигомъ отворилъ форточку, вскочивъ съ постели босой и въ бѣльѣ, рискуя на-сморкомъ; а онъ очень былъ мнителенъ и постоянно заботился о своемъ здоровьѣ. Но была особая причина такой чуткости и поспѣшности: Лямшинъ трепеталъ весь вечеръ и до сихъ поръ еще не могъ заснуть отъ волненія вслѣдствіе засѣданія у нашихъ; ему все мерещилось посѣщеніе нѣкоторыхъ незваныхъ и уже совсѣмъ нежеланныхъ гостей. Извѣстіе о доносѣ Шатова больше всего его мучило... И вотъ вдругъ какъ нарочно такъ ужасно громко застучали въ окошко!...

Онъ до того струсиль увидавъ Шатова, что тотчасъ же захлопнулъ форточку и убѣжалъ на кровать. Шатовъ сталъ неистово стучать и кричать.

— Какъ вы смѣете такъ стучать среди ночи? грозно, но замирая отъ страху, крикнулъ Лямшинъ, по крайней мѣрѣ минуты черезъ двѣ рѣшившись отворить снова форточку и убѣдившись наконецъ что Шатовъ пришелъ одинъ.

— Вотъ вамъ револьверъ; берите обратно, давайте пятнадцать рублей.

— Что это, вы пьяны? Это разбой; я только простужусь. Пойдите, я сейчасъ пледъ накину.

— Сейчасъ давайте пятнадцать рублей. Если не дадите, буду стучать и кричать до зари; я у васъ раму выбью.

— А я закричу карауль, и васъ въ каталашку возьмутъ.

— А я нѣмой что ли? Я не закричу карауль? Кому бояться караула, вамъ или мнѣ?

— И вы можете питать такія подлыя убѣжденія... Я знаю на что вы намекаете... Стойте, стойте, ради Бога не стучите! Помилуйте, у кого деньги ночью? Ну зачѣмъ вамъ деньги, если вы не пьяны?

— Ко мнѣ жена воротилась. Я вамъ десять рублей скинулъ, я ни разу не стрѣлялъ; берите револьверъ, берите сію минуту. Лямшинъ машинально протянулъ изъ форточки руку и принялъ револьверъ; подождалъ, и вдругъ быстро выскочивъ головой изъ форточки, пролепеталъ какъ бы не помня себя и съ ознобомъ въ спинѣ:

— Вы врете, къ вамъ совсѣмъ не пришла жена. Это... это вы просто хотите куда-нибудь убѣжать.

— Дуракъ вы, куда мнѣ бѣжать? Это вашъ Петръ Верховенскій пусть бѣжитъ, а не я. Я былъ сейчасъ у бабки Виргинской, и она тотчасъ согласилась ко мнѣ придти. Справьтесь. Жена мучается; нужны деньги; давайте денегъ!

Цѣлый фейерверкъ идей блеснулъ въ изворотливомъ умѣ Лямшина. Все вдругъ приняло другой оборотъ, но все еще страхъ не давалъ разсудить.

— Да какъ же... вѣдь вы не живете съ женой?

— А я вамъ голову пробью за такіе вопросы.

— Ахъ Богъ мой, простите, понимаю, меня только ошеломило... Но я понимаю, понимаю. Но... но — неужели Арина Прохоровна придетъ? Вы сказали сейчасъ что она пошла? Знаете, вѣдь это неправда. Видите, видите, видите, какъ вы говорите неправду на каждомъ шагу.

— Она навѣрно теперь у жены сидитъ, не задерживайте, я не виноватъ что вы глупы.

— Неправда, я не глупъ. Извините меня, никакъ не могу...

И онъ, совсѣмъ уже потерявшись, въ третій разъ сталъ опять запирасть, но Шатовъ такъ завопилъ, что онъ мигомъ опять выставился.

— Но это совершенное посягнуеніе на личность? Чего вы отъ меня требуете, ну чего, чего, формулируйте. И замѣтьте, замѣтьте себѣ, среди такой ночи!

— Пятнадцать рублей требую, баранья голова!

— Но я можетъ вовсе не хочу брать назадъ револьверъ. Вы не имѣете права. Вы купили вещь — и все кончено, и не имѣете права. Я такую сумму ночью ни за что не могу. Гдѣ я достану такую сумму?

— У тебя всегда деньги есть; я тебѣ сбавилъ десять рублей, но ты извѣстный жиденокъ.

— Приходите послѣзавтра, — слышите, послѣзавтра утромъ, ровно въ двѣнадцать часовъ, и я все отдамъ, все, не правда ли?

Шатовъ въ третій разъ неистово застучалъ въ раму:

— Давай десять рублей, а завтра чѣмъ свѣтъ утромъ пять.

— Нѣтъ, послѣзавтра утромъ пять, а завтра ей-Богу не будетъ. Лучше и не приходите, лучше не приходите.

— Давай десять; о, подлець!

— За что же вы такъ ругаетесь? Подождите, надобно засвѣтить; вы вотъ стекло выбили... Кто по ночамъ такъ ругается? Вотъ! протянулъ онъ изъ окна бумажку.

Шатовъ схватилъ, — бумажка была пятирублевая.

— Ей-Богу не могу, хоть зарѣжьте, не могу, послѣзавтра все могу, а теперь ничего не могу.

— Не уйду! заревѣлъ Шатовъ.

— Ну вотъ берите, вотъ еще, видите еще, а больше не дамъ. Ну хоть орите во все горло, не дамъ, ну хоть что бы тамъ ни было, не дамъ; не дамъ, и не дамъ!

Онъ былъ въ изступленіи, въ отчаяніи, въ поту. Двѣ кредитки которыя онъ еще выдалъ были рублевая. Всего скопилось у Шатова семь рублей.

— Ну чортъ съ тобой, завтра приду. Изобью тебя, Лямшинъ, если не приготовишь восьми рублей.

«А дома-то меня не будетъ, дуракъ!» быстро подумалъ про себя Лямшинъ.

— Стойте, стойте! неистово закричалъ онъ вслѣдъ Шатову, который уже побѣжалъ. — Стойте, воротитесь. Скажите пожалуйста, это правду вы сказали что къ вамъ воротилась жена?

— Дуракъ! плюнулъ Шатовъ и побѣжалъ что было мочи домой.

IV.

Замѣчу что Арина Прохоровна ничего не знала о вчерашнихъ намѣреніяхъ принятыхъ въ засѣданіи. Виргинскій, возвратясь домой, пораженный и ослабѣвшій, не осмѣлился сообщить ей принятое рѣшеніе; но все-таки не утерпѣлъ и открылъ половину, — то-есть все извѣстіе сообщенное Верховенскимъ о непремѣнномъ намѣреніи Шатова донести; но тутъ же заявилъ что не совсѣмъ довѣряетъ извѣстію. Арина Прохоровна испугалась ужасно. Вотъ почему, когда прибѣжалъ за нею Шатовъ, она, несмотря на то что была утомлена, промаявшись съ одною родильницей всю прошлую ночь, немедленно рѣшилась пойти. Она всегда была увѣрена что «такая дрянъ какъ Шатовъ способенъ на гражданскую подлость»; но прибытіе Марьи Игнатьевны подводило дѣло подъ новую точку зрѣнія. Испугъ Шатова, отчаянный тонъ его просьбъ, мольбы о помощи обозначали переворотъ въ чувствахъ предателя: человѣкъ

рѣшившійся даже предать себя чтобы только погубить другихъ — кажется имѣлъ бы другой видъ и тонъ, чѣмъ представлялось въ дѣйствительности. Однимъ словомъ, Арина Прохоровна рѣшилась разсмотрѣть все сама своими глазами. Виргинскій остался очень доволенъ ея рѣшимостью, — какъ будто пять пудовъ съ него сняли! У него даже родилась надежда: видъ Шатова показался ему въ высшей степени несоотвѣтственнымъ предположенію Верховенскаго...

Шатовъ не ошибся; возвратясь онъ уже засталъ Арину Прохоровну у Маріе. Она только-что пріѣхала, съ презрѣніемъ прогнала Кирилова, торчавшаго внизу лѣстницы; наскоро познакомилась съ Маріе, которая за прежнюю знакомую ея не признала; нашла ее въ «сквернѣйшемъ положеніи», то-есть злобною, разстроенною и въ «самомъ малодушномъ отчаяніи» и — въ какихъ-нибудь пять минутъ одержала рѣшительный верхъ надъ всѣми ея возраженіями.

— Чего вы наладили что не хотите дорогой акушерки? говорила она въ ту самую минуту какъ входилъ Шатовъ, — совершенный вздоръ, фальшивыя мысли, отъ ненормальности вашего положенія. Съ помощью простой какой-нибудь старухи, простонародной бабки, вамъ пятьдесятъ шансовъ кончить худо; а ужъ тутъ хлопотъ и расходовъ будетъ больше чѣмъ съ дорогою акушеркой. Почему вы знаете что я дорогая акушерка? Заплатите послѣ, я съ васъ лишняго не возьму, а за успѣхъ поручусь; со мной не умрете, не такихъ видывала. Да и ребенка хоть завтра же вамъ отправлю въ пріютъ, а потомъ въ деревню на воспитаніе, тѣмъ и дѣло съ концомъ. А тамъ вы выздоравливаете, принимаетесь за разумный трудъ и въ очень короткій срокъ вознаграждаете Шатова за помѣщеніе и расходы, которые вовсе будутъ не такъ велики...

— Я не то... Я не вправѣ обременять..

— Раціональныя и гражданскія чувства, но повѣрьте что Шатовъ ничего почти не истратитъ, если захочетъ изъ фантастическаго господина обратиться хоть капельку въ человѣка вѣрныхъ идѣй. Стоитъ только не дѣлать глупостей, не бить въ барабанъ, не бѣгать высуня языкъ по городу. Не держать его за руки, такъ онъ къ утру подыметъ пожалуй всѣхъ здѣшнихъ докторовъ; подн्याлъ же всѣхъ собакъ у меня на улицѣ. Докторовъ не надо, я уже сказала что ручаюсь за все. Старуху пожалуй еще можно нанять для прислуги, это ничего не стоитъ. Впрочемъ онъ и самъ можетъ на что-нибудь пригодиться, не на однѣ только глупости. Руки есть, ноги есть, въ аптеку сбѣгаетъ, безъ всякаго оскорбленія вашихъ чувствъ благодареніемъ. Какое чортъ благодареніе! Развѣ не онъ васъ привелъ къ этому положенію? Развѣ не онъ поссорилъ васъ съ тѣмъ семействомъ гдѣ вы были въ гувернанткахъ, съ эгоистическою цѣ-

люю на васъ жениться? Вѣдь мы слышали... Впрочемъ онъ самъ сейчасъ прибѣжалъ какъ ошалѣлый и накричалъ на всю улицу. Я ни къ кому не навязываюсь и пришла единственно для васъ, изъ принципа что всѣ наши обязаны солидарностью; я ему заявила это, еще не выходя изъ дому. Если я по-вашему лишняя, то прощайте; только не вышло бы бѣды, которую такъ легко устранить.

И она даже поднялась со стула.

Marie была такъ беспомощна, до того страдала и, надо правду сказать, до того пугалась предстоящаго, что не посмѣла ее отпустить. Но эта женщина стала ей вдругъ ненавистна: совсѣмъ не о томъ она говорила, совсѣмъ не то было въ душѣ Marie! Но пророчество о возможной смерти въ рукахъ неопытной повитухи побѣдило отвращеніе. За то къ Шатову она стала съ этой минуты еще требовательнѣе, еще безпощаднѣе. Дошло наконецъ до того что запретила ему не только смотрѣть на себя, но и стоять къ себѣ лицомъ. Мученія становились сильнѣе. Проклятія, даже брань становились все неистовѣе.

— Э, да мы его вышлемъ, отрѣзала Арина Прохоровна, — на немъ лица нѣтъ, онъ только васъ пугаетъ; поблѣднѣлъ какъ мертвецъ! Вамъ-то чего, скажите пожалуйста, смѣшной чудакъ? Вотъ комедія!

Шатовъ не отвѣчалъ; онъ рѣшилъ ничего не отвѣчать.

— Видала я глупыхъ отцовъ въ такихъ случаяхъ, тоже съума сходятъ. Но вѣдь тѣ по крайней мѣрѣ...

— Перестаньте или бросьте меня чтобъ я околѣла! Чтобы ни слова не говорили! Не хочу, не хочу! раскричалась Marie.

— Ни слова не говорить нельзя, если вы сами не лишились разсудка; такъ я и понимаю объ васъ въ этомъ положеніи. По крайней мѣрѣ надо о дѣлѣ: скажите, заготовлено у васъ что-нибудь? Отвѣчайте вы, Шатовъ, ей не до того.

— Скажите что именно надобно?

— Значить ничего не заготовлено.

Она высчитала все необходимо нужное, и надо отдать ей справедливость, ограничилась самымъ крайне-необходимымъ, до нищенства. Кое-что нашлось у Шатова. Marie вынула ключъ и протянула ему чтобъ онъ поискалъ въ ея саквояжѣ. Такъ какъ у него дрожали руки, то онъ и прокопался нѣсколько дольше чѣмъ слѣдовало, отпирая незнакомый замокъ. Marie вышла изъ себя, но когда подскочила Арина Прохоровна, чтобъ отнять у него ключъ, то ни за что не позволила ей заглянуть въ свой сакъ и съ блаженнымъ крикомъ и плачемъ настояла чтобы сакъ отпиралъ одинъ Шатовъ.

За иными вещами приходилось сбѣгать къ Кирилову. Чуть только Шатовъ повернулся идти, она тотчасъ стала неистово звать его назадъ и успокоилась лишь тогда когда опрометью воротившійся съ лѣстницы Шатовъ разъяснилъ ей что уходитъ лишь на минуту, за самымъ необходимымъ, и тотчасъ опять воротится.

— Ну, на васъ трудно, барыня, угодить, размѣялась Арина Прохорова: — то стой лицомъ къ стѣнѣ и не смѣй на васъ посмотрѣть, то не смѣй даже и на минутку отлучиться, заплачете. Вѣдь онъ этакъ что-нибудь пожалуй подумаетъ. Ну, ну, не блажите, не кукситесь, я вѣдь смѣюсь.

— Онъ не смѣетъ ничего подумать.

— Та-та-та, еслибы не былъ въ васъ влюбленъ какъ баранъ, не бѣгалъ бы по улицамъ высуня языкъ и не поднялъ бы по городу всѣхъ собакъ. Онъ у меня раму выбилъ.

V.

Шатовъ засталъ Кирилова, все еще ходившаго изъ угла въ уголъ по комнатѣ, до того разсѣяннмъ, что тотъ даже забылъ о прїѣздѣ жены, слушалъ и не понималъ.

— Ахъ да, вспомнилъ онъ вдругъ, какъ бы отрываясь съ усиленіемъ и только на мигъ отъ какой-то увлекавшей его идеи, — да... старуха... Жена или старуха? Постойте: и жена и старуха, такъ? Помню; ходилъ; старуха придетъ, только не сейчасъ. Берите подушку. Еще что? Да... Постойте, бывають съ вами, Шатовъ, минуты вѣчной гармоніи?

— Знаете, Кириловъ, вамъ нельзя больше не спать по ночамъ.

Кириловъ очнулся и — странно — заговорилъ гораздо складнѣе чѣмъ даже всегда говорилъ; видно было что онъ давно уже все это формулировалъ и можетъ-быть записалъ:

— Есть секунды, ихъ всего заразъ приходитъ пять или шесть, и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой. Это не земное; я не про то что оно небесное, а про то что человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести. Надо перемѣниться физически или умереть. Это чувство ясное и неоспоримое. Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу и вдругъ говорите: да, это правда. Богъ когда міръ создавалъ, то въ концѣ каждаго дня созданія говорилъ: «да, это правда, это хорошо». Это... это не умиленіе, а только такъ, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о — тутъ выше любви! Всего страшнѣе что такъ ужасно ясно и такая радость. Если болѣе пяти секундъ — то душа не выдержитъ и должна исчезнуть. Въ эти пять секундъ я проживаю жизнь и за нихъ отдамъ всю

мою жизнь, потому что стоит. Чтобы выдержать десять секунд надо переѣниться физически. Я думаю, человекъ долженъ перестать родить. Къ чему дѣти, къ чему развитіе, коли цѣль достигнута? Въ Евангеліи сказано что въ воскресеніи не будутъ родить, а будутъ какъ ангелы Божіи. Намекъ. Ваша жена родить?

— Кириловъ, это часто приходитъ?

— Въ три дня разъ, въ недѣлю разъ.

— У васъ нѣтъ падучей?

— Нѣтъ.

— Значитъ, будетъ. Берегитесь, Кириловъ, я слышалъ что именно такъ падучая начинается. Мнѣ одинъ эпилептикъ подробно описывалъ это предварительное ощущеніе предъ припадкомъ, точь-въ-точь какъ вы; пять секундъ и онъ назначалъ и говорилъ что болѣе нельзя вынести. Вспомните Магометовъ кувшинъ, не успѣвшій пролиться пока онъ облетѣлъ на конѣ своемъ рай. Кувшинъ — это тѣ же пять секундъ; слишкомъ напоминаетъ вашу гармонію, а Магометъ былъ эпилептикъ. Берегитесь, Кириловъ, падучая!

— Не успѣетъ, тихо усмѣхнулся Кириловъ.

VI.

Ночь проходила. Шатова посылали, бранили, призывали. Marie дошла до послѣдней степени страха за свою жизнь. Она кричала что хочетъ жить «непреѣнно, непреѣнно!» и боится умереть: «не надо, не надо!» повторяла она. Еслибы не Арина Прохоровна, то было бы очень плохо. Мало-по-малу она совершенно овладѣла пациенткой. Та стала слушаться каждаго слова ея, каждаго окрика, какъ ребенокъ. Арина Прохоровна брала строгостью, а не лаской, за то работала мастерски. Стало разсвѣтать. Арина Прохоровна вдругъ выдумала что Шатовъ сей часъ выбѣгалъ на лѣстницу и Богу молился, и стала смѣяться. Marie тоже засмѣялась злобно, язвительно, точно ей легче было отъ этого смѣха. Наконецъ Шатова выгнали совсѣмъ. Наступило сырое, холодное утро. Онъ пріникъ лицомъ къ стѣнѣ, въ углу, точь-въ-точь какъ наканунѣ когда входилъ Эркель. Онъ дрожалъ какъ листъ, боялся думать, но умъ его цѣплялся мыслию за все представлявшееся, какъ бываетъ во снѣ. Мечты непрерывно увлекали его и непрерывно обрывались какъ гнилыя нитки. Изъ комнаты раздались наконецъ уже не стоны, а ужасные, чисто животные крики, невыносимые, невозможные. Онъ хотѣлъ было заткнуть уши, но не могъ, и упалъ на колѣна, бессознательно повторяя: «Marie, Marie!» И вотъ наконецъ раздался крикъ, новый крикъ, отъ котораго Шатовъ вздрогнулъ и вскочилъ съ колѣнъ, крикъ младенца, сла-

бый, надтреснутый. Онъ перекрестился и бросился въ комнату. Въ рукахъ у Арины Прохоровны кричало и копошилось крошечными ручками и ножками маленькое, красное, сморщенное существо, беспомощное до ужаса и зависящее какъ пылинка, отъ перваго дуновенія вѣтра, но кричавшее и заявлявшее о себѣ какъ будто тоже имѣло какое-то самое полное право на жизнь.... Магіе лежала какъ безъ чувствъ, но черезъ минуту открыла глаза и странно, странно поглядѣла на Шатова: совсѣмъ какой-то новый былъ этотъ взглядъ, какой именно онъ еще понять былъ не въ силахъ, но никогда прежде онъ не зналъ и не помнилъ у ней такого взгляда.

— Мальчикъ? Мальчикъ? болѣзненнымъ голосомъ спросила она Арину Прохоровну.

— Мальчишка! крикнула та въ отвѣтъ, увертывая ребенка.

На мгновеніе, когда она уже увертѣла его и собиралась положить поперегъ кровати, между двумя подушками, она передала его подержать Шатову. Магіе, какъ-то изподтишка и какъ будто боясь Арины Прохоровны, кивнула ему. Тотъ сейчасъ понялъ и поднесъ показать ей младенца.

— Какой... хорошенькій.... слабо прошептала она съ улыбкой.

— Фу, какъ онъ смотритъ! весело разсмѣялась торжествующая Арина Прохоровна, заглянувъ въ лицо Шатову; — экое вѣдь у него лицо!

— Веселитесь, Арина Прохоровна.... Это великая радость.... съ идиотски-блаженнымъ видомъ пролепеталъ Шатовъ, просіявшій послѣ двухъ словъ Магіе о ребенкѣ.

— Какая такая у васъ тамъ великая радость? веселилась Арина Прохоровна, суетясь, прибираясь и работая какъ каторжная.

— Тайна появленія новаго существа, великая тайна и необъяснимая, Арина Прохоровна, и какъ жаль что вы этого не понимаете!

Шатовъ бормоталъ безсвязно, чадно и восторженно. Какъ будто что-то шаталось въ его головѣ и само собою безъ воли его выливалось изъ души.

— Было двое, и вдругъ третій человѣкъ, новый духъ, цѣльный, законченный, какъ не бываетъ отъ рукъ человѣческихъ; новая мысль и новая любовь, даже страшно.... И нѣтъ ничего выше на свѣтѣ!

— Экъ напоролъ! Просто дальнѣйшее развитіе организма, и ничего тутъ нѣтъ, никакой тайны, искренно и весело хохотала Арина Прохоровна. — Этакъ всякая мука тайна. Но вотъ что: лишнимъ людямъ не надо бы родиться. Сначала перекуйте такъ все чтобъ они не были лиш-

ніе, а потомъ и родите ихъ. А то вотъ его въ пріютъ послѣзавтра тащитъ.... Впрочемъ это такъ и надо.

— Никогда онъ не пойдетъ отъ меня въ пріютъ! уставившись въ полъ твердо произнесъ Шатовъ.

— Усыновляете?

— Онъ и есть мой сынъ.

— Конечно онъ Шатовъ, по закону Шатовъ, и нечего вамъ выстав-
ляться благодарителемъ-то рода человѣческаго. Не могутъ безъ фразъ.
Ну, ну хорошо, только вотъ что, господа, кончила она наконецъ приби-
раться, — мнѣ идти пора. Я еще поутру приду и вечеромъ приду, если
надо, а теперъ такъ какъ все слишкомъ благополучно сошло, то надо и
къ другимъ сбѣгать, давно ожидаютъ. Тамъ у васъ, Шатовъ, старуха
гдѣ-то сидитъ; старуха-то старухой, но не оставляйте и вы, муженекъ;
посидите подлѣ, авось пригодитесь; Марья-то Игнатьевна, кажется, васъ
не прогонитъ.... ну, ну, вѣдь я смѣюсь....

У воротъ, куда проводилъ ее Шатовъ, она прибавила уже ему одно-
му:

— Насмѣшили вы меня на всю жизнь; денегъ съ васъ не возьму; во
снѣ разсмѣюсь. Смѣшнѣе какъ вы въ эту ночь ничего не видывала.

Она ушла совершенно довольная. По виду Шатова и по разговору
его оказалось ясно какъ день что этотъ человѣкъ «въ отцы собирается и
тряпка послѣдней руки». Она нарочно забѣжала домой хотя прямѣе и
ближе было пройти къ другой пациенткѣ, чтобы сообщить объ этомъ
Виргинскому.

— Marie, она велѣла тебѣ погодить спать нѣкоторое время, хотя
это, я вижу, ужасно трудно.... робко началъ Шатовъ. — Я тутъ у окна
посижу и постерегу тебя, а?

И онъ усѣлся у окна сзади дивана, такъ что ей никакъ нельзя было
его видеть. Но не прошло и минуты, она подозвала его и брезгливо по-
просила поправить подушку. Онъ сталъ оправлять. Она сердито смот-
рѣла въ стѣну.

— Не такъ, охъ, не такъ.... Что за руки!

Шатовъ поправилъ еще.

— Нагнитесь ко мнѣ, вдругъ дико проговорила она, какъ можно
стараясь не глядѣть на него.

Онъ вздрогнулъ, но нагнулся.

— Еще.... не такъ.... ближе, и вдругъ лѣвая рука ея стремительно
обхватила его шею, и на лбу своемъ онъ почувствовалъ крѣпкій, влаж-
ный ея поцѣлуй.

— Marie!

Губы ея дрожали, она крѣпилась, но вдругъ приподнялась и засверкавъ глазами, проговорила:

— Николай Ставрогинъ подлець!

И бессильно, какъ подрѣзанная, упала лицомъ въ подушку, истерически зарыдавъ и крѣпко сжимая въ своей рукѣ руку Шатова.

Съ этой минуты она уже не отпускала его болѣе отъ себя, она потребовала чтобъ онъ сѣлъ у ея изголовья. Говорить она могла мало, но все смотрѣла на него и улыбалась ему какъ блаженная. Она вдругъ точно обратилась въ какую-то дурочку. Все какъ будто переродилось. Шатовъ то плакалъ какъ маленькій мальчикъ, то говорилъ Богъ знаетъ что, дико, чадно, вдохновенно; цѣловалъ у ней руки; она слушала съ упоеніемъ; можетъ-быть и не понимая, но ласково перебирала ослабѣвшею рукой его волосы, приглаживала ихъ, любовалась ими. Онъ говорилъ ей о Кириловѣ, о томъ какъ теперь они жить начнутъ «вновь и навсегда», о существованіи Бога, о томъ что всѣ хороши... Въ восторгѣ опять вынули ребеночка посмотрѣть.

— Marie, вскричалъ онъ, держа на рукахъ ребенка, — кончено со старымъ бредомъ, съ позоромъ и мертвечиной! Давай трудиться и на новую дорогу втроемъ, да, да!... Ахъ, да: какъ же мы его назовемъ, Marie?

— Его? Какъ назовемъ? переговорила она съ удивленіемъ, и вдругъ въ лицѣ ея изобразилась страшная горечь.

Она сплеснула руками, укоризненно посмотрѣла на Шатова и бросилась лицомъ въ подушку.

— Marie, что съ тобой? вскричалъ онъ съ горестнымъ испугомъ.

— И вы могли, могли... О, неблагодарный!

— Marie, прости, Marie.... Я только спросилъ какъ назвать. Я не знаю....

— Ивановъ, Ивановъ, подняла она разгорѣвшееся и омоченное слезами лицо; — неужели вы могли предположить что какимъ-нибудь другимъ *ужаснымъ* именемъ?

— Marie, успокойся, о, какъ ты разстроена!

— Новая грубость; что вы разстройству приписываете? Бьюсь объ закладъ что еслибъ я сказала назвать его.... тѣмъ ужаснымъ именемъ, такъ вы бы тотчасъ же согласились, даже бы не замѣтили! О, неблагодарные, низкіе, всѣ, всѣ!

Черезъ минуту разумѣтся помирились. Шатовъ уговорилъ ее заснуть. Она заснула, но все еще не выпуская его руки изъ своей, просыпалась часто, взглядывала на него, точно боясь что онъ уйдетъ, и опять засыпала.

Кириловъ прислалъ старуху «поздравить» и кромѣ того горячаго чаю, только-что зажаренныхъ котлетъ и бульйону съ бѣлымъ хлѣбомъ для «Марьи Ивановны». Больная выпила бульйонъ съ жадностью, старуха перепеленала ребенка, Маріе заставила и Шатова съѣсть котлетъ.

Время проходило. Шатовъ въ безсиліи заснулъ и самъ на стулѣ, головой на подушкѣ Маріе. Такъ застала ихъ сдержавшая слово Арина Прохоровна, весело ихъ разбудила, поговорила о чемъ надо съ Маріе, осмотрѣла ребенка и опять не велѣла Шатову отходить. Затѣмъ съостривъ надъ «супругами» съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ презрѣнія и высокомерія, ушла такъ же довольная какъ и давеча.

Было уже совсѣмъ темно, когда проснулся Шатовъ. Онъ поскорѣе зажѣгъ свѣчу и побѣжалъ за старухой; но едва ступилъ съ лѣстницы, какъ чьи-то тихіе, неспѣшные шаги поднимавшагося на встрѣчу ему челоуѣка поразили его. Вошелъ Эркель.

— Не входите! прошепталъ Шатовъ и стремительно схвативъ его за руку потащилъ назадъ къ воротамъ. — Ждите здѣсь, сейчасъ выйду, я совсѣмъ, совсѣмъ позабылъ о васъ! О, какъ вы о себѣ напомнили!

Онъ такъ заспѣшилъ что даже не забѣжалъ къ Кирилову, а вызвалъ только старуху. Маріе пришла въ отчаяніе и негодованіе что онъ «могъ только подумать оставить ее одну».

— Но, вскричалъ онъ восторженно, — эта уже самый послѣдній шагъ! А тамъ новый путь, и никогда, никогда не вспомняемъ о старомъ ужасѣ!

Кое-какъ онъ уговорилъ ее и обѣщалъ вернуться ровно въ девять часовъ; крѣпко поцѣловалъ ее, поцѣловалъ ребенка и быстро сбѣжалъ къ Эркелю.

Оба отправлялись въ Ставрогинскій паркъ въ Скворешникахъ, гдѣ года полтора назадъ, въ уединенномъ мѣстѣ, на самомъ краю парка, тамъ гдѣ уже начинался сосновый лѣсъ, была зарыта имъ довѣренная ему типографія. Мѣсто было дикое и пустынное, совсѣмъ незамѣтное, отъ Скворешниковскаго дома довольно отдаленное. Отъ дома Филиппова приходилось идти версты три съ половиной, можетъ и четыре.

— Неужели все пѣшкомъ? Я возьму извозчика.

— Очень прошу васъ не брать, возразилъ Эркель, — они именно на этомъ настаивали. Извозчикъ тоже свидѣтель.

— Ну... чортъ! Все равно, только бы кончить, кончить!

Пошли очень скоро.

— Эркель, мальчикъ вы маленькій! закричалъ Шатовъ: — бывали вы когда-нибудь счастливы?

— А вы, кажется, очень теперь счастливы, съ любопытствомъ замѣтилъ Эркель.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Многотрудная ночь.

I.

Виргинскій въ продолженіе дня употребилъ часа два чтобъ обѣжать всѣхъ *нашихъ* и возвѣстить имъ что Шатовъ навѣрно не донесетъ, потому что къ нему воротилась жена и родился ребенокъ, и «зная сердце человѣческое» предположить нельзя что онъ можетъ быть въ эту минуту опасенъ. Но, къ смущенію своему, почти никого не засталъ дома, кромѣ Эркеля и Лямшина. Эркель выслушалъ это молча и ясно смотря ему въ глаза; на прямой же вопросъ: «Пойдетъ ли онъ въ шесть часовъ или нѣтъ?» отвѣчалъ съ самою ясною улыбкой что «разумѣется пойдетъ».

Лямшинъ лежалъ, повидимому, весьма серіозно больной, укутавшись головой въ одѣяло. Вошедшаго Виргинскаго испугался, и только-что тотъ заговорилъ, вдругъ замахалъ изъ-подъ одѣяла руками, умоляя оставить его въ покоѣ. Однако о Шатовѣ все выслушалъ; а извѣстіемъ что никого нѣтъ дома былъ чрезвычайно почему-то пораженъ. Оказалось тоже что онъ уже зналъ (черезъ Липутину) о смерти Ѳедьки и самъ разказалъ объ этомъ поспѣшно и безсвязно Виргинскому, чѣмъ въ свою очередь поразилъ того. На прямой же вопросъ Виргинскаго: «надо идти или нѣтъ?» опять вдругъ началъ умолять, махая руками, что онъ «сторона, ничего не знаетъ, и чтобъ оставили его въ покоѣ».

Виргинскій воротился домой удрученный и сильно встревоженный; тяжело ему было и то что онъ долженъ былъ скрывать отъ семейства; онъ все привыкъ открывать женѣ, и елибъ не загорѣлась въ воспаленномъ мозгу его въ ту минуту одна новая мысль, нѣкоторый новый, примиряющій планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, то можетъ-быть онъ слегъ бы въ постель, какъ и Лямшинъ. Но новая мысль его подкрѣпила и, мало того, онъ даже съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать срока, и даже ранѣе чѣмъ надо двинулся на сборное мѣсто.

Это было очень мрачное мѣсто, въ концѣ огромнаго Ставрогинскаго парка. Я потомъ нарочно ходилъ туда посмотреть; какъ должно-быть казалось оно угрюмымъ въ тотъ суровый осенній вечеръ. Тутъ начинался старый заказной лѣсъ; огромныя вѣковыя сосны мрачными и неясны-

ми пятнами обозначались во мракѣ. Мракъ былъ такой что въ двухъ шагахъ почти нельзя было разсмотрѣть другъ друга, но Петръ Степановичъ, Липутинъ, а потомъ Эркель принесли съ собою фонари. Неизвѣстно для чего и когда, въ незапамятное время, устроенъ былъ тутъ изъ дикихъ нетесанныхъ камней какой-то довольно смѣшной гротъ. Столъ, скамейки внутри грота давно уже сгнили и разсыпались. Шагахъ въ двухстахъ вправо оканчивался третій прудъ парка. Эти три пруда, начинаясь отъ самага дома, шли, одинъ за другимъ, слишкомъ на версту, до самага конца парка. Трудно было предположить чтобы какой-нибудь шумъ, крикъ или даже выстрѣлъ могъ дойти до обитателей покинутаго Ставрогинскаго дома. Со вчерашнимъ выѣздомъ Николая Всеволодовича и съ отбытіемъ Алексѣя Егорыча, во всѣмъ домѣ осталось не болѣе пяти или шести человѣкъ обывателей, характера, такъ-сказать, инвалиднаго. Во всякомъ случаѣ, почти съ полною вѣроятностью можно было предположить что еслибъ и услышаны были кѣмъ-нибудь изъ этихъ уединившихся обитателей вопли или крики о помощи, то возбудили бы лишь страхъ, но ни одинъ изъ нихъ не пошевелился бы на помощь съ теплыхъ печей и нагрѣтыхъ лежанокъ.

Въ двадцать минутъ седьмаго почти уже всѣ, кромѣ Эркеля, командированнаго за Шатовымъ, оказались въ сборѣ. Петръ Степановичъ на этотъ разъ не промедлилъ; онъ пришелъ съ Толкаченкой. Толкаченко былъ нахмуренъ и озабоченъ; вся напускная и нахально-хвастливая рѣшимость его исчезла. Онъ почти не отходилъ отъ Петра Степановича и, казалось, вдругъ сталъ неограниченно ему преданъ; часто и суетливо лѣзъ съ нимъ перешептываться; но тотъ почти не отвѣчалъ ему или досадливо бормоталъ что-нибудь чтобъ отвязаться.

Шигалевъ и Виргинскій явились даже нѣсколько раньше Петра Степановича и при появленіи его тотчасъ же отошли нѣсколько въ сторону, въ глубокомъ и явно преднамѣренномъ молчаніи. Петръ Степановичъ поднялъ фонарь и осмотрѣлъ ихъ съ безцеремонною и оскорбительною внимательностью. «Хотятъ говорить», мелькнуло въ его головѣ.

— Лямшина нѣтъ? спросилъ онъ Виргинскаго. — Кто сказалъ что онъ боленъ?

— Я здѣсь, откликнулся Лямшинъ, вдругъ выходя изъ-за дерева. Онъ былъ въ тепломъ пальто и плотно укутанъ въ пледъ, такъ что трудно было разсмотрѣть его фізіономію даже и съ фонаремъ.

— Стало-быть только Липутина нѣтъ?

И Липутинъ молча вышелъ изъ грота. Петръ Степановичъ опять поднялъ фонарь.

— Зачѣмъ вы туда забились, почему не выходили?

— Я полагаю что мы всё сохраняемъ право свободы... нашихъ движеній, забормоталъ Липутинъ, впрочемъ вѣроятно не совсѣмъ понимая что хотѣлъ выразить.

— Господа, возвысилъ голосъ Петръ Степановичъ, въ первый разъ нарушая полусшепотъ, что произвело эффектъ: — Вы, я думаю, хорошо понимаете что намъ нечего теперь размазывать. Вчера все было сказано и пережевано, прямо и опредѣленно. Но можетъ-быть, какъ я вижу по физиономіямъ, кто-нибудь хочетъ что-нибудь заявить; въ такомъ случаѣ прошу поскорѣе. Чортъ возьми, времени мало, а Эркель можетъ сейчасъ привести его...

— Онъ непременно приведетъ его, для чего-то ввернулъ Толкаченко.

— Если не ошибаюсь, сначала произойдетъ передача типографіи? освѣдомился Липутинъ, опять какъ бы не понимая для чего задаетъ вопросъ.

— Ну, разумѣется, не терять же вещи, поднялъ къ его лицу фонарь Петръ Степановичъ. — Но вѣдь вчера всё условились что взаправду принимать не надо. Пусть онъ укажетъ только вамъ точку гдѣ у него тутъ зарыто; потомъ сами выроемъ. Я знаю что это гдѣ то въ десяти шагахъ отъ какого-то угла этого грота... Но чортъ возьми, какъ же вы это забыли, Липутинъ? Условлено что вы встрѣтите его одинъ, а уже потомъ выйдемъ мы... Странно что вы спрашиваете, или вы только такъ?

Липутинъ мрачно промолчалъ. Всѣ замолчали. Вѣтеръ колыхалъ верхушки сосенъ.

— Я надѣюсь, однако, господа, что всякій исполнитъ свой долгъ, нетерпѣливо оборвалъ Петръ Степановичъ.

— Я знаю что къ Шатову пришла жена и родила ребенка, вдругъ заговорилъ Виргинскій, волнуясь, торопясь, едва выговаривая слова и жестикулируя. — Зная сердце человѣческое.. можно быть увѣреннымъ что теперь онъ не донесетъ... потому что онъ въ счастіи... Такъ что я давеча былъ у всѣхъ, и никого не засталъ... такъ что можетъ-быть теперь совсѣмъ ничего и не надо...

Онъ остановился: у него пресѣклось дыханіе.

— Еслибы вы, господинъ Виргинскій, стали вдругъ счастливы, шагнулъ къ нему Петръ Степановичъ, — то отложили бы вы — не доносъ, о томъ рѣчи нѣтъ, а какой-нибудь рискованный гражданскій подвигъ, который бы замыслили прежде счастья и который бы считали своимъ долгомъ и обязанностью, несмотря на рискъ и потерю счастья?

— Нѣтъ, не отложилъ бы! Ни за что бы не отложилъ! съ какимъ-то ужасно нелѣпымъ жаромъ проговорилъ весь задвигавшійся Виргинскій.

— Вы скорѣе бы захотѣли стать опять несчастнымъ чѣмъ подлецомъ?

— Да, да... Я даже совершенно напротивъ... захотѣлъ бы быть совершеннымъ подлецомъ... то-есть нѣтъ... хотя вовсе не подлецомъ, а напротивъ совершенно несчастнымъ чѣмъ подлецомъ.

— Ну такъ знайте что Шатовъ считаетъ этотъ доносъ своимъ гражданскимъ подвигомъ, самымъ высшимъ своимъ убѣжденіемъ, а доказательство, что самъ же онъ отчасти рискуетъ предъ правительствомъ, хотя конечно ему много простятъ за доносъ. Этакой уже ни за что не откажется. Никакое счастье не побѣдитъ; черезъ день опомнится, укоряя себя, пойдетъ и исполнитъ. Къ тому же я не вижу никакого счастья въ томъ что жена, послѣ трехъ лѣтъ, пришла къ нему родить Ставрогинскаго ребенка.

— Но вѣдь никто не видалъ доноса, вдругъ и настоятельно произнесъ Шигалевъ.

— Доносъ видѣлъ я, крикнулъ Петръ Степановичъ, — онъ есть, и все это ужасно глупо, господа!

— А я, вдругъ вскипѣлъ Виргинскій, — я протестую... я протестую изо всѣхъ силъ... Я хочу... Я вотъ что хочу: я хочу, когда онъ придетъ, всѣ мы выйдемъ и всѣ его спросимъ: если правда, то съ него взять раскаяніе, и если честное слово, то отпустить. Во всякомъ случаѣ — судъ; по суду. А не то чтобы всѣмъ спрятаться, а потомъ кидаться.

— На честное слово рисковать общимъ дѣломъ — это верхъ глупости! Чортъ возьми, какъ это глупо, господа, теперь! И какую вы принимаете на себя роль въ минуту опасности?

— Я протестую, я протестую, заладилъ Виргинскій.

— По крайней мѣрѣ не орите, сигнала не услышимъ. Шатовъ, господа.... (Чортъ возьми, какъ это глупо теперь!) Я уже вамъ говорилъ что Шатовъ славянофилъ, то-есть одинъ изъ самыхъ глупыхъ людей.... А впрочемъ чортъ, это все равно и наплевать! Вы меня только сбиваете съ толку!... Шатовъ, господа, былъ озлобленный человѣкъ и такъ какъ все-таки принадлежалъ къ обществу, хотѣлъ или не хотѣлъ, то я до послѣдней минуты надѣялся что имъ можно воспользоваться для общаго дѣла и употребить какъ озлобленнаго человѣка. Я его берегъ и щадилъ, несмотря на точнѣйшія предписанія.... Я его щадилъ въ сто разъ болѣе чѣмъ онъ стоилъ! Но онъ кончилъ тѣмъ что донесъ; ну да чортъ, наплевать!... А вотъ попробуйте кто-нибудь улизнуть теперь! Ни одинъ изъ васъ не имѣетъ права оставить дѣло! Вы можете съ нимъ хоть цѣловаться, если хотите, но предать на честное слово общее дѣло не имѣете права! Такъ поступаютъ свиньи и подкупленные правительствомъ!

— Кто же здѣсь подкупленные правительствомъ? профильтровалъ опять Липутинъ.

— Вы, можетъ-быть. Вы бы ужь лучше молчали, Липутинъ, вы только такъ говорите, по привычкѣ. Подкупленные, господа, всѣ тѣ которые трусятъ въ минуту опасности. Изъ страха всегда найдется дуракъ который въ послѣднюю минуту побѣжитъ и закричитъ: «Ай, простите меня, а я всѣхъ продамъ!» Но знайте, господа, что васъ уже теперь ни за какой доносъ не простятъ. Если и спустятъ двѣ степени юридически, то все-таки Сибирь каждому, и кромѣ того не уйдете и отъ другаго меча. А другой мечъ повострѣе правительственнаго.

Петръ Степановичъ былъ въ бѣшенствѣ и наговорилъ лишняго. Шигалевъ твердо шагнулъ къ нему три шага:

— Со вчерашняго вечера я обдумалъ дѣло, началъ онъ увѣренно и методически, по-всегдашнему (и мнѣ кажется, еслибы подъ нимъ провалилась земля, то онъ и тутъ не усилилъ бы интонаціи и не измѣнилъ бы ни одной йоты въ методичности своего изложенія); — обдумавъ дѣло, я рѣшилъ что замышляемое убійство есть не только потеря драгоцѣннаго времени, которое могло бы быть употреблено болѣе существеннымъ и ближайшимъ образомъ, но сверхъ того представляетъ собою то пагубное уклоненіе отъ нормальной дороги, которое всегда наиболѣе вредило дѣлу и на десятки лѣтъ отклоняло успѣхи его, подчиняясь вліянію людей легкомысленныхъ и по преимуществу политическихъ, вмѣсто чистыхъ социалистовъ. Я явился сюда единственно чтобы протестовать противъ замышляемаго предпріятія, для общаго назиданія, а затѣмъ — устранить себя отъ настоящей минуты, которую вы, не знаю почему, называете минутой вашей опасности. Я ухожу — не изъ страху этой опасности и не изъ чувствительности къ Шатову, съ которымъ вовсе не хочу цѣловаться, а единственно потому что все это дѣло, съ начала и до конца, буквально противорѣчитъ моей программѣ. На счетъ же доноса и подкупа отъ правительства, съ моей стороны можете быть совершенно спокойны: доноса не будетъ.

Онъ обернулся и пошелъ.

— Чортъ возьми, онъ встрѣтится съ ними и предупредитъ Шатова! вскричалъ Петръ Степановичъ и выхватилъ револьверъ. Раздался щелчокъ взведеннаго курка.

— Можете быть увѣрены, повернулся опять Шигалевъ, — что встрѣтивъ Шатова на дорогѣ, я, еще можетъ-быть съ нимъ раскланяюсь, но предупредить не стану.

— А знаете ли что вы можете поплатиться за это, господинъ Фурье?

— Прошу васъ замѣтить что я не Фурье. Смѣшивая меня съ этою сладкою, отвлеченною мямлей, вы только доказываете что рукопись моя хотя и была въ рукахъ вашихъ, но совершенно вамъ неизвѣстна. На счетъ же вашего мщенія скажу вамъ что вы напрасно взвели курокъ; въ сію минуту это совершенно для васъ невыгодно. Если же вы грозите мнѣ на завтра или на послѣзавтра, то кромѣ лишнихъ хлопотъ опять-таки ничего себѣ не выиграете застрѣливъ меня: меня убьете, а рано или поздно все-таки придете къ моей системѣ. Прощайте.

Въ это мгновеніе, шагахъ въ двухстахъ, изъ парка, со стороны пруда, раздался свистокъ. Липутинъ тотчасъ же отвѣтилъ, еще по вчерашнему уговору, тоже свисткомъ (для этого онъ, не надѣясь на свой довольно беззубый ротъ, еще утромъ купилъ на базарѣ за копѣйку глиняную дѣтскую свистульку). Эркель успѣлъ дорогой предупредить Шатова что будутъ свистки, такъ что у того не зародилось никакого сомнѣнія.

— Не безпокойтесь, я пройду отъ нихъ въ сторонѣ, и они вовсе меня не замѣтятъ, внушительнымъ шопотомъ предупредилъ Шигалевъ и затѣмъ не спѣша и не прибавляя шагу окончательно направился домой черезъ темный паркъ.

Теперь совершенно извѣстно до малѣйшихъ подробностей какъ произошло это ужасное происшествіе. Сначала Липутинъ встрѣтилъ Эркеля и Шатова у самаго грота; Шатовъ съ нимъ не раскланялся и не подалъ руки, но тотчасъ же торопливо и громко произнесъ:

— Ну, гдѣ же у васъ тутъ заступъ и нѣтъ ли еще другаго фонаря? Да не бойтесь, тутъ ровно нѣтъ никого, и въ Скворешникахъ теперь, хотя изъ пушекъ отсюда пали, не услышатъ. Это вотъ здѣсь, вотъ тутъ, на самомъ этомъ мѣстѣ....

И онъ стукнулъ ногой дѣйствительно въ десяти шагахъ отъ задняго угла грота, въ сторонѣ лѣса. Въ эту самую минуту бросился сзади на него изъ-за дерева Толкаченко, а Эркель схватилъ его сзади же за локти. Липутинъ накинулся спереди. Всѣ трое тотчасъ же сбили его съ ногъ и придавили къ землѣ. Тутъ подскочилъ Петръ Степановичъ съ своимъ револьверомъ. Разказываютъ что Шатовъ успѣлъ повернуть къ нему голову и еще могъ разглядѣть и узнать его. Три фонаря освѣщали сцену. Шатовъ вдругъ прокричалъ краткимъ и отчаяннымъ крикомъ; но ему кричать не дали: Петръ Степановичъ акуратно и твердо наставилъ ему револьверъ прямо въ лобъ, крѣпко въ упоръ и — спустилъ курокъ. Выстрѣлъ, кажется, былъ не очень громокъ, по крайней мѣрѣ въ Скворешникахъ ничего не слышали. Слышалъ, разумѣется, Шигалевъ, врядъ ли успѣвшій отойти шаговъ триста, — слышалъ и крикъ и выстрѣлъ, но, по его собственному потомъ свидѣтельству, не повернулся и даже не

остановился. Смерть произошла почти мгновенно. Полную распорядительность, — не думаю чтобъ и хладнокровіе, — сохранилъ въ себѣ одинъ только Петръ Степановичъ. Присѣвъ на корточки, онъ поспѣшно, но твердою рукой обыскалъ въ карманахъ убитаго. Денегъ не оказалось (портмоне остался подъ подушкой у Марьи Игнатьевны). Нашлись двѣтри бумажки, пустыя: одна конторская записка, заглавіе какой-то книги и одинъ старый заграничный трактирный счетъ, Богъ знаетъ почему уцѣлѣвшій два года въ его карманѣ. Бумажки Петръ Степановичъ переложилъ въ свой карманъ, и замѣтивъ вдругъ что всѣ столпились, смотря на трупъ и ничего не дѣлаютъ, началъ злостно и невѣжливо браниться и понукать. Тогда Толкаченко и Эркель, опомнившись, побѣжали и мигомъ принесли изъ грота еще съ утра запасенные ими тамъ два камня, каждый фунтовъ по двадцати вѣсу, уже приготовленные, то-есть крѣпко и прочно обвязанные веревками. Такъ какъ трупъ предназначено было снести въ ближайшій (третій) прудъ и въ немъ погрузить его, то и стали привязывать къ нему эти камни, къ ногамъ и къ шеѣ. Привязывалъ Петръ Степановичъ, а Толкаченко и Эркель только держали и подавали по очереди. Эркель подалъ первый, и пока Петръ Степановичъ, ворча и бранясь, связывалъ веревкой ноги трупа и привязывалъ къ нимъ этотъ первый камень, Толкаченко все это довольно долгое время продержалъ свой камень въ рукахъ на отвѣсѣ, сильно и какъ бы почтительно наклонившись всѣмъ корпусомъ впередъ, чтобы подать безъ замедленія при первомъ спросѣ, и ни разу не подумалъ опустить свою ношу пока на землю. Когда наконецъ оба камня были привязаны, и Петръ Степановичъ поднялся съ земли всмотрѣться въ фізіономіи присутствующихъ, тогда вдругъ случилась одна странность, совершенно неожиданная и почти всѣхъ удивившая.

Какъ уже сказано, почти всѣ стояли и ничего не дѣлали, кромѣ отчасти Толкаченки и Эркеля. Виргинскій хотя и бросился, когда всѣ бросились къ Шатову, но за Шатова не схватился и держать его не помогаль. Лямшинъ же очутился въ кучкѣ уже послѣ выстрѣла. Затѣмъ всѣ они, въ продолженіе всей этой можетъ-быть десяти-минутной возни съ трупомъ, какъ бы потеряли часть своего сознанія. Они сгруппировались кругомъ и, прежде всякаго безпокойства и тревоги, ощущали какъ бы лишь одно удивленіе. Липутинъ стоялъ впереди, у самаго трупа. Виргинскій сзади его, выглядывая изъ-за его плеча съ какимъ-то особеннымъ и какъ бы постороннимъ любопытствомъ; даже приподнимаясь на ципочки чтобы лучше разглядѣть. Лямшинъ же спрятался за Виргинскаго и только изрѣдка и опасно изъ-за него выглядывалъ и тотчасъ же опять прятался. Когда же камни были подвязаны, а Петръ Степа-

новичъ приподнялся, Виргинскій вдругъ задрожалъ весь мелкою дрожью, сплеснулъ руками и горестно воскликнулъ во весь голосъ:

— Это не то, не то! Нѣтъ, это совсѣмъ не то!

Онъ бы можетъ-быть и еще что-нибудь прибавилъ къ своему столь позднему восклицанію, но Лямшинъ ему не далъ докончить: вдругъ и изо всей силы обхватилъ онъ и сжалъ его сзади и завизжалъ какимъ-то невѣроятнымъ визгомъ. Бываютъ сильные моменты испуга, на примѣръ когда человѣкъ вдругъ закричитъ не своимъ голосомъ, а какимъ-то такимъ какого и предположить въ немъ нельзя было раньше, и это бываетъ иногда даже очень страшно. Лямшинъ закричалъ не человѣческимъ, а какимъ-то звѣринымъ голосомъ. Все крѣпче и крѣпче, съ судорожнымъ порывомъ, сжимая сзади руками Виргинскаго, онъ визжалъ безъ умолку и безъ перерыва, выпучивъ на всѣхъ глаза и чрезвычайно раскрывъ свой ротъ, а ногами мелко топоталъ по землѣ, точно выбивая по ней барабанную дробь. Виргинскій до того испугался что самъ закричалъ какъ безумный, и въ какомъ-то остервенѣніи, до того злобною что отъ Виргинскаго и предположить нельзя было, началъ дергаться изъ рукъ Лямшина, царапая и колотя его сколько могъ достать сзади руками. Эркель помогъ ему наконецъ отдернуть Лямшина. Но когда Виргинскій отскочилъ въ испугѣ шаговъ на десять въ сторону, то Лямшинъ вдругъ, увидѣвъ Петра Степановича, завопилъ опять и бросился уже къ нему. Запнувшись о трупъ, онъ упалъ черезъ трупъ на Петра Степановича и уже такъ крѣпко обхватилъ его въ своихъ объятіяхъ, прижимаясь къ его груди своею головою что ни Петръ Степановичъ, ни Толкаченко, ни Липутинъ въ первое мгновеніе почти ничего не могли сдѣлать. Петръ Степановичъ кричалъ, ругался, билъ его по головѣ кулаками; наконецъ кое-какъ вырвавшись, выхватилъ револьверъ и наставилъ его прямо въ раскрытый ротъ все еще вопившаго Лямшина, котораго уже крѣпко схватили за руки Толкаченко, Эркель и Липутинъ; но Лямшинъ продолжалъ визжать, несмотря и на револьверъ. Наконецъ Эркель, скомкавъ кое-какъ свой фуляровый платокъ, ловко вбилъ его ему въ ротъ, и крикъ такимъ образомъ прекратился. Толкаченко между тѣмъ связалъ ему руки оставшимся концомъ веревки.

— Это очень странно, проговорилъ Петръ Степановичъ, въ тревожномъ удивленіи разсматривая сумашедшаго.

Онъ видимо былъ пораженъ.

— Я думалъ про него совсѣмъ другое, прибавилъ онъ въ задумчивости.

Пока оставили при немъ Эркеля. Надо было спѣшить съ мертвецомъ: было столько крику что могли гдѣ-нибудь и услышать. Толкаченко

и Петръ Степановичъ подняли фонари, подхватили трупъ подъ голову; Липутинъ и Виргинскій взялись за ноги и понесли. Съ двумя камнями ноша была тяжела, а разстояніе болѣе двухсотъ шаговъ. Сильнѣе всѣхъ былъ Толкаченко. Онъ было подалъ совѣтъ идти въ ногу, но ему никто не отвѣтилъ и пошли какъ пришлось. Петръ Степановичъ шелъ справа и совсѣмъ нагнувшись несъ на своемъ плечѣ голову мертвеца, лѣвою рукой снизу поддерживая камень. Такъ какъ Толкаченко цѣлую половину пути не догадался помочь придержать камень, то Петръ Степановичъ наконецъ съ ругательствомъ закричалъ на него. Крикъ былъ внезапный и одинокій; всѣ продолжали нести молча, и только уже у самаго пруда Виргинскій, нагибаясь подъ ношей и какъ бы утомясь отъ ея тяжести, вдругъ воскликнулъ опять точно такимъ же громкимъ и плачущимъ голосомъ:

— Это не то, нѣтъ, нѣтъ, это совсѣмъ не то!

Мѣсто гдѣ оканчивался этотъ третій, довольно большой Скворешниковскій прудъ и къ которому донесли убитаго было однимъ изъ самыхъ пустынныхъ и не посѣщаемыхъ мѣстъ парка, особенно въ такое позднее время года. Прудъ въ этомъ концѣ, у берега, заросъ травой. Поставили фонарь, раскачали трупъ и бросили въ воду. Раздался глухой и долгій звукъ. Петръ Степановичъ поднялъ фонарь, за нимъ выставились и всѣ, съ любопытствомъ высматривая какъ погрузился мертвецъ, но ничего уже не было видно: тѣло съ двумя камнями тотчасъ же потонуло. Крупныя струи, пошедшія по поверхности воды, быстро замирали. Дѣло было кончено.

— Господа, обратился ко всѣмъ Петръ Степановичъ, — теперь мы разойдемся. Безъ сомнѣнія, вы должны ощущать ту свободную гордость которая сопряжена съ исполненіемъ свободнаго долга. Если же теперь, къ сожалѣнію, встревожены для подобныхъ чувствъ, то безъ сомнѣнія будете ощущать это завтра, когда уже стыдно будетъ не ощущать. На слишкомъ постыдное волненіе Лямшина я соглашаюсь смотрѣть какъ на бредъ, тѣмъ болѣе что онъ въ правду, говорятъ, еще съ утра боленъ. А вамъ, Виргинскій, одинъ мигъ свободнаго размышленія покажетъ что въ виду интересовъ общаго дѣла нельзя было дѣйствовать на честное слово, а надо именно такъ какъ мы сдѣлали. Послѣдствія вамъ укажутъ что былъ доносъ. Я согласенъ забыть ваши восклицанія. Что до опасности, то никакой не предвидится. Никому и въ голову не придетъ подозрѣвать изъ насъ кого-нибудь, особенно если вы сами сумѣете повести себя; такъ что главное дѣло все-таки зависитъ отъ васъ же и отъ полнаго убѣжденія, въ которомъ, надѣюсь, вы утвердитесь завтра же. Для того между прочимъ вы и сплотились въ отдѣльную организацію свободнаго со-

бранія единомыслящихъ чтобы въ общемъ дѣлѣ раздѣлить другъ съ другомъ, въ данный моментъ, энергію и, если надо, наблюдать и замѣчать другъ за другомъ. Каждый изъ васъ обязанъ высшимъ отчетомъ. Вы призваны обновить дряхлое и завонявшее отъ застоя дѣло; имѣйте всегда это предъ глазами для бодрости. Весь вашъ шагъ пока въ томъ чтобы все рушилось: и государство и его нравственность. Останемся только мы, заранѣе предназначившіе себя для пріема власти: умныхъ пріобщимъ къ себѣ, а на глупцахъ поѣдемъ верхомъ. Этого вы не должны конфузиться. Надо перевоспитать поколѣніе, чтобы сдѣлать достойнымъ свободы. Еще много тысячъ предстоитъ Шатовыхъ. Мы организуемся, чтобы захватить направленіе; что праздно лежитъ и само на насъ ротъ пялить, того стыдно не взять рукой. Сейчасъ я отправлюсь къ Кирилову, и къ утру получится тотъ документъ въ которомъ онъ, умирая, въ видѣ объясненія съ правительствомъ, приметъ все на себя. Ничего не можетъ быть вѣроятнѣе такой комбинаціи. Впервыхъ, онъ враждовалъ съ Шатовымъ; они жили вмѣстѣ въ Америкѣ, стало-быть имѣли время поссориться. Извѣстно что Шатовъ измѣнилъ убѣжденія; значить у нихъ вражда изъ-за убѣжденій и боязни доноса, — то-есть самая не прощающая. Все это такъ и будетъ написано. Наконецъ упомянется что у него, въ домѣ Филиппова, квартировалъ Оедька. Такимъ образомъ все это совершенно отдалитъ отъ васъ всякое подозрѣніе, потому что събьетъ всѣ эти бараньи головы съ толку. Завтра, господа, мы уже не увидимся; я на самый короткій срокъ отлучусь въ уѣздъ. Но послѣзавтра вы получите мои сообщенія. Я бы совѣтовалъ вамъ собственно завтрашній день просидѣть по домамъ. Теперь мы отправимся всѣ по двое разными дорогами. Васъ, Толкаченко, я прошу заняться Лямшинымъ и отвести его домой. Вы можете на него подѣйствовать и главное растолковать до какой степени онъ первый себѣ повредитъ своимъ малодушіемъ. Въ нашемъ родственникѣ Шигалевѣ, господинѣ Виргинскій, я, равно какъ и въ васъ, не хочу сомнѣваться: онъ не донесетъ. Остается сожалѣть о его поступкѣ; но однако онъ еще не заявилъ что оставляетъ общество, а потому хоронить его еще рано. Ну — скорѣе же, господа; тамъ хоть и бараньи головы, но осторожность все-таки не мѣшаетъ...

Виргинскій отправился съ Эркелемъ. Эркель, сдавая Лямшина Толкаченкѣ, успѣлъ подвести его къ Петру Степановичу и заявить что тотъ опомнился, раскаивается и проситъ прощенія и даже не помнить что съ нимъ такое было. Петръ Степановичъ отправился одинъ, взявъ обходомъ по ту сторону прудовъ мимо парка. Эта дорога была самая длинная. Къ его удивленію, чуть не на половинѣ пути нагналъ его Липутинъ.

— Петръ Степановичъ, а вѣдь Лямшинъ донесеть!

— Нѣтъ, онъ опомнится и догадается что первый пойдетъ въ Сибирь если донесеть. Теперь никто не донесеть. И вы не донесете.

— А вы?

— Безъ сомнѣнія, упрячу васъ всѣхъ, только-что шевельнетесь чѣмъ объ измѣнить, и вы это знаете. Но вы не измѣните. Это вы за этимъ-то бѣжали за мной двѣ версты?

— Петръ Степановичъ, Петръ Степановичъ, вѣдь мы можетъ никогда не увидимся!

— Это съ чего вы взяли?

— Скажите мнѣ только одно.

— Ну что? Я впрочемъ желаю чтобъ вы убирались.

— Одинъ отвѣтъ, но чтобы вѣрный: одна-ли мы пятерка на свѣтѣ или правда что есть нѣсколько сотенъ пятерокъ? Я въ высшемъ смыслѣ спрашиваю, Петръ Степановичъ.

— Вижу по вашему изступленію. А знаете ли что вы опаснѣе Лямшина, Липутинъ?

— Знаю, знаю, но — отвѣтъ, вашъ отвѣтъ!

— Глупый вы человѣкъ! Вѣдь ужъ теперь-то кажется вамъ все бы равно — одна пятерка или тысяча.

— Значить одна! Такъ я и зналъ! вскричалъ Липутинъ. Я все время зналъ что одна, до самыхъ этихъ поръ...

И не дождавшись другаго отвѣта, онъ повернулъ и быстро исчезъ въ темнотѣ.

Петръ Степановичъ немного задумался.

— Нѣтъ, никто не донесеть, проговорилъ онъ рѣшительно, — но — кучка должна остаться кучкой и слушаться, или я ихъ... Экая дрянь народъ однако!

II.

Онъ сначала зашелъ къ себѣ и аккуратно, не торопясь, уложилъ свой чемоданъ. Утромъ въ шесть часовъ отправлялся экстренный поѣздъ. Этотъ ранній экстренный поѣздъ приходился лишь разъ въ недѣлю и установленъ былъ очень недавно, пока лишь въ видѣ пробы. Петръ Степановичъ хотя и предупредилъ *нашихъ* что на время удаляется будто бы въ уѣздъ, но, какъ оказалось въ послѣдствіи, намѣренія его были совсѣмъ другія. Кончивъ съ чемоданомъ, онъ разчитался съ хозяйкой, предупѣдомленною имъ заранѣе, и переѣхалъ на извозикѣ къ Эркелю, жившему близко отъ вокзала. А затѣмъ уже, примѣрно въ исходѣ

перваго часа ночи, направился къ Кирилову, къ которому проникнулъ опять черезъ потаенный Оедькинъ ходъ.

Настроение духа Петра Степановича было ужасное. Кромѣ другихъ чрезвычайно важныхъ для него неудовольствій (онъ все еще ничего не могъ узнать о Ставрогинѣ), онъ, какъ кажется — ибо не могу утверждать навѣрно — получилъ въ теченіе дня откуда-то (вѣроятно же всего изъ Петербурга) одно секретное увѣдомленіе о нѣкоторой опасности, въ скоромъ времени его ожидающей. Конечно объ этомъ времени у насъ въ городѣ ходитъ теперь очень много легендъ; но если и извѣстно что-нибудь навѣрное, то развѣ тѣмъ кому о томъ знать надлежитъ. Я же лишь полагаю въ собственномъ моемъ мнѣніи что у Петра Степановича могли быть гдѣ-нибудь дѣла и кромѣ нашего города, такъ что онъ дѣйствительно могъ получать увѣдомленія. Я даже убѣжденъ, вопреки циническому и отчаянному сомнѣнію Липутина, что пятерокъ у него могло быть дѣйствительно двѣ-три и кромѣ нашихъ, на примѣръ въ столицахъ; а если не пятерки, то связи и сношенія — и можетъ-быть даже очень куріозныя. Не болѣе какъ три дня спустя по его отъѣздѣ, у насъ въ городѣ получено было изъ столицы приказаніе немедленно заарестовать его — за какія собственно дѣла, наши или другія — не знаю. Этотъ приказъ подошлъ тогда какъ разъ чтобъ усилить то потрясающее впечатлѣніе страха, почти мистическаго, вдругъ овладѣвшаго нашимъ начальствомъ и упорно дотолѣ легкомысленнымъ обществомъ, по обнаруженіи таинственнаго и многознаменательнаго убійства студента Шатова, — убійства восполниваема мѣру нашихъ нелѣпостей, — и чрезвычайно загадочныхъ сопровождавшихъ этотъ случай обстоятельствъ. Но приказъ опоздалъ: Петръ Степановичъ находился уже тогда въ Петербургѣ, подъ чужимъ именемъ, гдѣ, пронюхавъ въ чемъ дѣло, мигомъ проскользнулъ за границу... Впрочемъ я ужасно ушелъ впередъ.

Онъ вошелъ къ Кирилову имѣя видъ злобный и задорный. Ему какъ будто хотѣлось, кромѣ главнаго дѣла, что-то еще лично сорвать съ Кирилова, что-то выместить на немъ. Кириловъ какъ бы радовался его приходу; видно было что онъ ужасно долго и съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ его ожидалъ. Лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, взглядъ черныхъ глазъ тяжелый и неподвижный.

— Я думалъ не придете, тяжело проговорилъ онъ изъ угла дивана, откуда впрочемъ не шевельнулся на встрѣчу. Петръ Степановичъ сталъ предъ нимъ, и, прежде всякаго слова, пристально взглядѣлся въ его лицо.

— Значитъ все въ порядкѣ и мы отъ нашего намѣренія не отступимъ, молодецъ! улыбнулся онъ обидно покровительственною улыб-

кой. — Ну такъ что жь, прибавилъ онъ со скверною шутливостью, — если и опоздалъ, не вамъ жаловаться: вамъ же три часа подарилъ.

— Я не хочу отъ васъ лишнихъ часовъ въ подарокъ, и ты не можешь дарить мнѣ.... дуракъ!

— Какъ? вздрогнулъ было Петръ Степановичъ, но мигомъ овладѣлъ собой, — вотъ обидчивость! Э, да мы въ ярости? отчеканилъ онъ все съ тѣмъ же видомъ обиднаго высокомерія, — въ такой моментъ нужно бы скорѣе спокойствіе. Лучше всего считать теперь себя за Колумба, а на меня смотрѣть какъ на мышъ и мной не обижаться. Я это вчера рекомендовалъ.

— Я не хочу смотрѣть на тебя какъ на мышъ.

— Это что же, комплиментъ? А впрочемъ и чай холодный, — значитъ все вверхъ дномъ. Нѣтъ, тутъ происходитъ нѣчто неблагонадежное. Ба! Да я что-то примѣчаю тамъ на окнѣ, на тарелкѣ (онъ подошелъ къ окну). Ого, вареная съ рисомъ курица!.. Но почему жь до сихъ поръ не початая? Стало-быть мы находились въ такомъ настроеніи духа что даже и курицу...

— Я ѣлъ, и не ваше дѣло; молчите!

— О, конечно, и притомъ все равно. Но для меня-то оно теперь не равно: вообразите, совсѣмъ почти не обѣдалъ и потому, если теперь эта курица, какъ полагаю, уже не нужна... а?

— Ъшьте, если можете.

— Вотъ благодарю, а потомъ и чаю.

Онъ мигомъ устроился за столомъ на другомъ концѣ дивана и съ необычайною жадностью накинудся на кушанье; но въ то же время каждый мигъ наблюдалъ свою жертву. Кириловъ съ злобнымъ отвращеніемъ глядѣлъ на него неподвижно, словно не въ силахъ оторваться.

— Однако, вскинулся вдругъ Петръ Степановичъ, продолжая ѣсть, — однако о дѣлѣ-то? Такъ мы не отступимъ, а? А бумажка?

— Я опредѣлилъ въ эту ночь что мнѣ все равно. Напишу. О прокламаціяхъ?

— Да, и о прокламаціяхъ. Я впрочемъ продиктую. Вамъ вѣдь все равно. Неужели васъ могло бы беспокоить содержаніе въ такую минуту?

— Не твое дѣло.

— Не мое конечно. Впрочемъ всего только нѣсколько строкъ: что вы съ Шатовымъ разбрасывали прокламаціи, между прочимъ съ помощью Оедьки, скрывавшагося въ вашей квартирѣ. Этотъ послѣдній пунктъ о Оедькѣ и о квартирѣ весьма важный, самый даже важный. Видите, я совершенно съ вами откровененъ.

— Шатова? Зачѣмъ Шатова? Ни за что про Шатова.

— Вотъ еще, вамъ-то что? Повредить ему уже не можете.

— Къ нему жена пришла. Она проснулась и присылала у меня: гдѣ онъ?

— Она къ вамъ присылала справиться гдѣ онъ? Гмъ, это неладно. Пожалуй опять прилетѣтъ; никто не долженъ знать, что я тутъ...

Петръ Степановичъ забезпокоился.

— Она не узнаетъ, спитъ опять; у ней бабка, Арина Виргинская.

— То-то и... не услышитъ я думаю? Знаете, запереть бы крыльцо.

— Ничего не услышитъ. А Шатовъ если придетъ, я васъ спрячу въ ту комнату.

— Шатовъ не придетъ; и вы напишете что вы поссорились за предательство и доносъ... нынче вечеромъ... и причиной его смерти.

— Онъ умеръ! вскричалъ Кириловъ, вскакивая съ дивана.

— Сегодня въ восьмомъ часу вечера, или лучше, вчера въ восьмомъ часу вечера, а теперь уже первый часъ.

— Это ты убилъ его!.. И я это вчера предвидѣлъ!

— Еще бы не предвидѣть? Вотъ изъ этого револьвера (онъ вынулъ револьверъ, повидимому показать, но уже не спряталъ его болѣе, а продолжалъ держать въ правой рукѣ, какъ бы наготовѣ). Станный вы однако человѣкъ, Кириловъ, вѣдь вы сами знали что этимъ должно было кончиться съ этимъ глупымъ человѣкомъ. Чего же тутъ еще предвидѣть? Я вамъ въ ротъ разжевывалъ нѣсколько разъ. Шатовъ готовилъ доносъ: я слѣдилъ; оставить никакъ нельзя было. Да и вамъ дана была инструкція слѣдить; вы же сами сообщали мнѣ недѣли три тому....

— Молчи! Это ты его за то что онъ тебѣ въ Женевѣ плюнулъ въ лицо!

— И за то, и еще за другое. За многое другое; впрочемъ безъ всякой злобы. Чего же вскакивать? Чего же фигуры-то строить? Ого! Да мы вотъ какъ!..

Онъ вскочилъ и поднялъ предъ собою револьверъ. Дѣло въ томъ что Кириловъ вдругъ захватилъ свой револьверъ, еще съ утра заготовленный и заряженный. Петръ Степановичъ сталъ въ позицію и навелъ свое оружіе на Кирилова. Тотъ злобно разсмѣялся.

— Признайся, подлець, что ты взялъ револьверъ потому что я застрѣлю тебя... Но я тебя не застрѣлю... хотя... хотя...

И онъ опять навелъ свой револьверъ на Петра Степановича, какъ бы примѣриваясь, какъ бы не въ силахъ отказаться отъ наслажденія представить себѣ какъ бы онъ застрѣлилъ его. Петръ Степановичъ, все въ позиціи, выжидалъ, выжидалъ до послѣдняго мгновенія, не спуская курка, рискуя самъ прежде получить пулю въ лобъ: отъ «маньяка» могло

статься. Но «маньякъ» наконецъ отпустилъ руку, задыхаясь и дрожа и не въ силахъ будучи говорить.

— Поигралъ и довольно, опустилъ оружiе и Петръ Степановичъ. — Я такъ и зналъ что вы играете; только знаете, вы рисковали: я могъ спустить.

И онъ довольно спокойно усѣлся на диванъ и налилъ себѣ чаю, нѣсколько трепетавшею впрочемъ рукой. Кириловъ положилъ револьверъ на столъ и сталъ ходить взадъ и впередъ.

— Я не напишу что убилъ Шатова и... ничего теперь не напишу. Не будетъ бумаги!

— Не будетъ?

— Не будетъ.

— Что за подлость и что за глупость! позеленѣлъ отъ злости Петръ Степановичъ. — Я впрочемъ это предчувствовалъ. Знайте что вы меня не берете въ расплохъ. Какъ хотите однако. Еслибъ я могъ васъ заставить силой, то я бы заставилъ. Вы впрочемъ подлець, все больше и больше не могъ вытерпѣть Петръ Степановичъ. — Вы тогда у насъ денегъ просили и наобѣщали три короба... Только я все-таки не выйду безъ результата увижу по крайней мѣрѣ какъ вы сами-то себѣ лобъ раскроите.

— Я хочу чтобы ты вышелъ сейчасъ, твердо остановился противъ него Кириловъ.

— Нѣтъ, ужъ это никакъ-съ, схватился опять за револьверъ Петръ Степановичъ, — теперь пожалуй вамъ со злобы и съ трусости вздумается все отложить и завтра пойти донести, чтобъ опять деньжонокъ добыть; за это вѣдь заплатятъ. Чортъ васъ возьми, такихъ людишекъ какъ вы на все хватить! Только не беспокойтесь, я все предвидѣлъ: я не уйду не раскроивъ вамъ черепа изъ этого револьвера, какъ подлецу Шатову, если вы сами струсите и намѣренiе отложите, чортъ васъ дерит!

— Тебѣ непременно хочется видѣть и мою кровь?

— Я не по злобѣ, поймите; мнѣ все равно. Я потому чтобы быть спокойнымъ за наше дѣло. На человѣка положиться нельзя, сами видите. Я ничего не понимаю въ чемъ у васъ тамъ фантазія себя умертвить. Не я это вамъ выдумалъ, а вы сами еще прежде меня и заявили объ этомъ первоначально не мнѣ, а членамъ за границей. И замѣтьте, никто изъ нихъ у васъ не выпытывалъ, никто изъ нихъ васъ и не зналъ совсѣмъ, а сами вы пришли откровенничать, изъ чувствительности. Ну, что жъ дѣлать, если на этомъ былъ тогда же основанъ, съ вашего же согласія и предложенія (замѣтьте это себѣ предложенія!), нѣкоторый планъ здѣшнихъ дѣйствій, котораго теперь измѣнить уже никакъ не-

льзя. Вы такъ себя теперь поставили что уже слишкомъ много знаете лишняго. Если сбрендите и завтра доносить отправитесь, такъ вѣдь это пожалуй намъ и не выгодно будетъ, какъ вы объ этомъ думаете? Нѣтъ-съ; вы обязались, вы слово дали, деньги взяли. Этого вы никакъ не можете отрицать...

Петръ Степановичъ сильно разгорячился, но Кириловъ давно ужь не слушалъ. Онъ опять въ задумчивости шагаль по комнатѣ.

— Мнѣ жаль Шатова, сказалъ онъ, снова останавливаясь предъ Петромъ Степановичемъ.

— Да вѣдь и мнѣ жаль пожалуй, и неужто...

— Молчи, подлець! заревѣлъ Кириловъ, сдѣлавъ страшное и недвусмысленное движеніе, — убью!

— Ну, ну, ну, солгалъ, согласенъ, вовсе не жаль; ну довольно же, довольно! опасливо привскочилъ, выставивъ впередъ руку Петръ Степановичъ.

Кириловъ вдругъ утихъ и опять зашагалъ.

— Я не отложу; я именно теперь хочу умертвить себя: всѣ подлецы!

— Ну вотъ это идея; конечно всѣ подлецы, и такъ какъ на свѣтѣ порядочному человѣку мерзко, то...

— Дуракъ, я тоже такой подлець какъ ты, какъ всѣ, а не порядочный. Порядочнаго нигдѣ не было.

— Наконецъ-то догадался. Неужели вы до сихъ поръ не понимали, Кириловъ, съ вашимъ умомъ, что всѣ одни и тѣ же, что нѣтъ ни лучше, ни хуже, а только умнѣе и глупѣе, и что если всѣ подлецы (что впрочемъ вздоръ), то стало-быть и не должно быть не-подлеца?

— А! Да ты въ самомъ дѣлѣ не смѣешься? съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣлъ Кириловъ. — Ты съ жаромъ и просто... Неужто у такихъ какъ ты убѣжденія?

— Кириловъ, я никогда не могъ понять за что вы хотите убить себя. Я знаю только что изъ убѣжденія... изъ твердаго. Но если вы чувствуете потребность такъ-сказать излить себя, я къ вашимъ услугамъ.... Только надо имѣть въ виду время....

— Который часъ?

— Ого, ровно два, посмотрѣлъ на часы Петръ Степановичъ и закурилъ папиросу.

«Кажется еще можно сговориться», подумалъ онъ про себя.

— Мнѣ нечего тебѣ говорить, пробормоталъ Кириловъ.

— Я помню что тутъ что-то о Богѣ.... вѣдь вы разъ мнѣ объясняли; даже два раза. Если вы застрѣлитесь, то вы станете богомъ, кажется такъ?

— Да, я стану богомъ.

Петръ Степановичъ даже не улыбнулся; онъ ждалъ; Кириловъ тонко посмотрѣлъ на него.

— Вы политическій обманщикъ и интриганъ, вы хотите свести меня на философію и на восторгъ, и произвести примиреніе, чтобы разогнать гнѣвъ, и когда помирюсь, упросить записку что я убилъ Шатова.

Петръ Степановичъ отвѣтилъ почти съ натуральнымъ просто-душіемъ:

— Ну, пусть я такой подлець, только въ послѣднія минуты не все ли вамъ это равно, Кириловъ? Ну, за что мы ссоримся, скажите пожалуйста: вы такой человѣкъ, а я такой человѣкъ, что жъ изъ этого? И оба вдобавокъ....

— Подлецы.

— Да, пожалуй и подлецы. Вѣдь вы знаете что это только слова.

— Я всю жизнь не хотѣлъ чтобъ это только слова. Я потому и жилъ что все не хотѣлъ. Я и теперь каждый день хочу чтобы не слова.

— Что жъ, каждый ищетъ гдѣ лучше. Рыба.... то-есть каждый ищетъ своего рода комфорта; вотъ и все. Чрезвычайно давно извѣстно.

— Комфорта, говоришь ты?

— Ну, стоитъ изъ-за словъ спорить.

— Нѣтъ, ты хорошо сказалъ; пусть комфорта. Богъ необходимъ, а потому долженъ быть.

— Ну, и прекрасно.

— Но я знаю что Его нѣтъ и не можетъ быть.

— Это вѣрнѣе.

— Неужели ты не понимаешь что человѣку съ такими двумя мыслями нельзя оставаться въ живыхъ?

— Застрѣлиться что ли?

— Неужели ты не понимаешь что изъ-за этого только одного можно застрѣлить себя? Ты не понимаешь что можетъ-быть такой человѣкъ, одинъ человѣкъ изъ тысячи вашихъ милліоновъ, одинъ, который не захочетъ и не перенесетъ.

— Я понимаю только что вы, кажется, колеблетесь.... Это очень скверно.

— Ставрогина тоже съѣла идея, не замѣтилъ замѣчанія Кириловъ, угрюмо шагая по комнатѣ.

— Какъ? наострилъ уши Петръ Степановичъ, — какая идея? Онъ вамъ самъ что-нибудь говорилъ?

— Нѣтъ, я самъ угадалъ: Ставрогинъ если вѣруетъ, то не вѣруетъ что онъ вѣруетъ. Если же не вѣруетъ, то не вѣруетъ что онъ не вѣруетъ.

— Ну, у Ставрогина есть и другое, поумнѣ этого.... сварливо про-
бормоталъ Петръ Степановичъ, съ безпокойствомъ слѣдя за оборотомъ
разговора и за блѣднымъ Кириловымъ.

«Чортъ возьми, не застрѣлится», думалъ онъ, «всегда предчувство-
валъ; мозговой вывертъ и больше ничего; экая шваль народъ!»

— Ты послѣдній который со мной: я бы не хотѣлъ съ тобой раз-
статься дурно, подарилъ вдругъ Кириловъ.

Петръ Степановичъ не сейчасъ отвѣтилъ. «Чортъ возьми, это что
же опять?» подумалъ онъ снова.

— Повѣрьте, Кириловъ, что я ничего не имѣю противъ васъ, какъ
человѣка лично, и всегда....

— Ты подлецъ и ты ложный умъ. Но я такой же какъ и ты, и
застрѣлю себя, а ты останешься живъ.

— То-есть вы хотите сказать что я такъ низокъ что захочу остаться
въ живыхъ.

Онъ еще не могъ разрѣшить выгодно или невыгодно продолжать въ
такую минуту такой разговоръ и рѣшился «предаться
обстоятельствамъ». Но тонъ превосходства и нескрываемаго всегдашня-
го къ нему презрѣнія Кирилова всегда и прежде раздражалъ его, а те-
перь почему-то еще больше прежняго. Потому, можетъ-быть, что Кири-
ловъ, которому черезъ часъ какой-нибудь предстояло умереть (все-таки
Петръ Степановичъ это имѣлъ въ виду), казался ему чемъ-то въ родѣ
уже получеловѣка, чѣмъ-то такимъ что ему уже никакъ нельзя было
позволить высокомерія.

— Вы, кажется, хвастаетесь предо мной что застрѣлитесь?

— Я всегда былъ удивленъ что всѣ остаются въ живыхъ, не слы-
халь его замѣчанія Кириловъ.

— Гмъ, положимъ это идея, но....

— Обезьяна, ты поддакиваешь чтобы меня покорить. Молчи, ты не
поймешь ничего. Если нѣтъ Бога, то я богъ.

— Вотъ я никогда не могъ понять у васъ этого пункта: почему вы-
то богъ?

— Если Богъ есть, то вся воля Его, и изъ воли Его я не могу. Если
нѣтъ, то вся воля моя, и я обязанъ заявить своеволие.

— Своеволие? А почему обязаны?

— Потому что вся воля стала моя. Неужели никто на всей планетѣ,
кончивъ Бога и увѣровавъ въ своеволие, не осмѣлится заявить своеволие,
въ самомъ полномъ пунктѣ? Это такъ какъ бѣдный получилъ наслѣдство
и испугался, и не смѣетъ подойти къ мѣшку, почитая себя малосиль-
нымъ владѣть. Я хочу заявить своеволие. Пусть одинъ, но сдѣлаю.

— И дѣлайте.

— Я обязанъ себя застрѣлить, потому что самый полный пунктъ моего своеволія — это убить себя самому.

— Да вѣдь не одинъ же и себя убиваете; много самоубійць.

— Съ причиною. Но безо всякой причины, а только для своеволія — одинъ я.

«Не застрѣлится», мелькнуло опять у Петра Степановича.

— Знаете что, замѣтилъ онъ раздражительно, — я бы на вашемъ мѣстѣ, чтобы показать своеволіе, убилъ кого-нибудь другаго, а не себя. Полезнымъ могли бы стать. Я укажу кого, если не испугаетесь. Тогда пожалуй и не стрѣляйтесь сегодня. Можно сговориться.

— Убить другаго будетъ самымъ низкимъ пунктомъ моего своеволія, и въ этомъ весь ты. Я не ты: я хочу высшій пунктъ и себя убью.

«Своимъ умомъ дошелъ», злобно проворчалъ Петръ Степановичъ.

— Я обязанъ невѣріе заявить, шагаль по комнатѣ Кириловъ. — Для меня нѣтъ выше идеи что Бога нѣтъ. За меня человѣческая исторія. Человѣкъ только и дѣлалъ что выдумывалъ Бога, чтобы жить не убивая себя; въ этомъ вся всемірная исторія до сихъ поръ. Я одинъ во всемірной исторіи не захотѣлъ первый разъ выдумывать Бога. Пусть узнаютъ разъ навсегда.

«Не застрѣлится», тревожился Петръ Степановичъ.

— Кому узнавать-то? поджигаль онъ. — Тутъ я да вы; Липутину что ли?

— Всѣмъ узнавать; всѣ узнаютъ. Ничего нѣтъ тайнаго что бы не сдѣлалось явнымъ. Вотъ *Онъ* сказалъ.

И онъ съ лихорадочнымъ восторгомъ указалъ на образъ Спасителя, предъ которымъ горѣла лампада. Петръ Степановичъ совсѣмъ озлился.

— Въ *Него*-то стало-быть все еще вѣруете и лампадку зажгли; ужь не на «всякій ли случай?»

Тотъ промолчалъ.

— Знаете что, по-моему, вы вѣруете пожалуй еще больше попа.

— Въ кого? Въ *Него*? Слушай, остановился Кириловъ, неподвижнымъ, изступленнымъ взглядомъ смотря предъ собой. — Слушай большую идею: былъ на землѣ одинъ день, и въ срединѣ земли стояли три креста. Одинъ на крестѣ до того вѣровалъ что сказалъ другому: «будешь сегодня со мною въ раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресенія. Не оправдывалось сказанное. Слушай: это человѣкъ былъ высшій на всей землѣ, составлялъ то для чего ей жить. Вся планета, со всѣмъ что на ней, безъ этого человѣка — одно сумашествіе. Не было ни прежде, ни послѣ *Ему* такого же, и никогда, даже

до чуда. Въ томъ и чудо что не было и не будетъ такого же никогда. А если такъ, если законы природы не пожалѣли и *Этого*, даже чудо свое же не пожалѣли, а заставили и *Его* жить среди лжи и умереть за ложь, то стало-быть вся планета есть ложь и стоитъ на лжи и глупой насмѣшкѣ. Стало-быть самые законы планеты ложь и діаволовъ водевиль. Для чего же жить, отвѣчай если ты человѣкъ?

— Это другой оборотъ дѣла. Мнѣ кажется у васъ тутъ двѣ разныя причины смѣшались; а это очень неблагонадежно. Но позвольте, ну, а если вы богъ? Если кончилась ложь, и вы догадались что вся ложь оттого что былъ прежній Богъ?

— Наконецъ-то ты понялъ! вскричалъ Кириловъ восторженно. — Стало-быть можно же понять, если даже такой какъ ты понялъ! Понимаешь теперь что все спасеніе для всѣхъ — всѣмъ доказать эту мысль. Кто докажетъ? Я! Я не понимаю какъ могъ до сихъ поръ атеистъ знать что нѣтъ Бога и не убить себя тотчасъ же? Сознать что нѣтъ Бога и не сознать въ тотъ же разъ что самъ богомъ сталъ — есть нелѣпость, иначе непременно убьешь себя самъ. Если сознаешь — ты царь и уже не убьешь себя самъ, а будешь жить въ самой главной славѣ. Но одинъ, тотъ кто первый, долженъ убить себя самъ непременно, иначе кто же начнетъ и докажетъ? Это я убью себя самъ непременно чтобы начать и доказать. Я еще только богъ поневолѣ и я несчастенъ, ибо обязанъ заявить своеволие. Всѣ несчастны потому что всѣ боятся заявлять своеволие. Человѣкъ потому и былъ до сихъ поръ такъ несчастенъ и бѣденъ что боялся заявить самый главный пунктъ своеволия, и своевольничалъ съ краю, какъ школьникъ. Я ужасно несчастенъ, ибо ужасно боюсь. Страхъ есть проклятіе человѣка... Но я заявлю своеволие, я обязанъ увѣровать что не вѣрую. Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасетъ всѣхъ людей и въ слѣдующемъ же поколѣніи переродитъ физически; ибо въ теперешнемъ физическомъ видѣ, сколько я думалъ, нельзя быть человѣку безъ прежняго Бога никакъ. Я три года искалъ атрибутъ божества моего и нашель: атрибутъ божества моего — Своеволие! Это все чѣмъ я могу въ главномъ пунктѣ показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою.

Лицо его было неестественно блѣдно, взглядъ нестерпимо тяжелый. Онъ былъ какъ въ горячкѣ. Петръ Степановичъ подумалъ-было что онъ сейчасъ упадетъ.

— Давай перо! вдругъ совсѣмъ неожиданно крикнулъ Кириловъ въ рѣшительномъ вдохновеніи; — диктуй, все подпишу. И что Шатова убилъ подпишу. Диктуй, пока мнѣ смѣшно. Не боюсь мыслей высо-

комѣрныхъ рабовъ! Самъ увидишь что все тайное станетъ явнымъ! А ты будешь раздавленъ... Вѣрую! Вѣрую!

Петръ Степановичъ схватился съ мѣста и мигомъ подалъ чернильницу, бумагу и сталъ диктовать, ловя минуту и трепеща за успѣхъ.

«Я, Алексѣй Кириловъ, объявляю»...

— Стой! Не хочу! Кому объявляю?

Кириловъ трясся какъ въ лихорадкѣ. Это объявленіе и какая-то особенная внезапная мысль о немъ, казалось, вдругъ поглотила его всего, какъ будто какой-то исходъ, куда стремительно ударился, хоть на минутку, измученный духъ его.

— Кому объявляю? Хочу знать кому?

— Никому, всѣмъ, первому который прочтетъ. Къ чему опредѣленность? Всему міру!

— Всему міру? Bravo! И чтобы не надо раскаянія. Не хочу чтобы раскаиваться; и не хочу къ начальству!

— Да нѣтъ же, не надо, къ чорту начальство! да пишите же, если вы серьезно!.. истерически прикрикнулъ Петръ Степановичъ.

— Стой! я хочу сверху рожу съ высунутымъ языкомъ.

— Э, вздоръ! озлился Петръ Степановичъ, — и безъ рисунка можно все это выразить однимъ тономъ.

— Тонемъ? Это хорошо. Да, тономъ, тономъ! Диктуй тономъ.

«Я, Алексѣй Кириловъ, — твердо и повелительно диктовалъ Петръ Степановичъ, нагнувшись надъ плечомъ Кирилова и слѣдя за каждою буквой которую тотъ выводилъ трепетавшею отъ волненія рукой, — я, Кириловъ, объявляю что сегодня — октября, въ вечеру, въ восьмомъ часу, убилъ студента Шатова, за предательство, въ паркѣ, и за доносъ о прокламаціяхъ и о Оедькѣ, который у насъ обоихъ, въ домѣ Филиппова, также квартировалъ и ночевалъ десять дней. Убиваю же самъ себя сегодня изъ револьвера не потому что раскаиваюсь и васъ боюсь, а потому что имѣлъ за границей намѣреніе прекратить свою жизнь.»

— Только? съ удивленіемъ и съ негодованіемъ воскликнулъ Кириловъ.

— Ни слова больше! махнулъ рукой Петръ Степановичъ, норовя вырвать у него документъ.

— Стой! крѣпко наложилъ на бумагу свою руку Кириловъ, — стой, вздоръ! Я хочу съ кѣмъ убилъ. Зачѣмъ Оедька? А пожаръ? Я все хочу и еще изругать хочу тономъ, тономъ!

— Довольно, Кириловъ, увѣряю васъ что довольно! почти умолялъ Петръ Степановичъ, трепеща чтобъ онъ не разодралъ бумагу: — чтобы повѣрили надо какъ можно темнѣе, именно такъ, именно одними намека

ми. Надо правды только уголокъ показать, ровно настолько чтобъ ихъ раздразнить. Всегда сами себѣ налгутъ больше нашего и ужь себѣ-то конечно повѣрятъ больше чѣмъ намъ, а вѣдь это всего лучше, всего лучше! Давайте; великолѣпно и такъ; давайте, давайте!

И онъ все старался вырвать бумагу. Кириловъ выпуча глаза слушалъ и какъ бы старался сообразить, но кажется онъ переставалъ понимать.

— Э, чортъ! озлился вдругъ Петръ Степановичъ, — да онъ еще и не подписалъ! что жъ вы глаза-то выпучили, подписывайте!

— Я хочу изругать... пробормоталъ Кириловъ, однако взялъ перо и подписался.

— Я хочу изругать...

— Подпишите: *Vive la république*¹ и довольно.

— Bravo! почти заревель отъ восторга Кириловъ. — *Vive la république démocratique, sociale et universelle ou la mort!*² Нѣтъ, нѣтъ, не такъ. — *Liberté, égalité, fraternité ou la mort!*³ Вотъ это лучше, это лучше, написалъ онъ съ наслажденіемъ подъ подписью своего имени.

— Довольно, довольно, все повторялъ Петръ Степановичъ.

— Стой, еще немножко... Я, знаешь, подпишу еще разъ по-французски: «*de Kiriloff, gentilhomme russe et citoyen du monde.*»⁴ Ха-ха-ха! залился онъ хохотомъ. — Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, стой, нашелъ всего лучше, эврика: *gentilhomme-séminariste russe et citoyen du monde civilisé!*⁵ вотъ что лучше всякихъ... вскочилъ онъ съ дивана и вдругъ быстрымъ жестомъ схватилъ съ окна револьверъ, выбѣжалъ съ нимъ въ другую комнату и плотно притворилъ за собою дверь. Петръ Степановичъ постоялъ съ минуту въ раздумьи, глядя на дверь.

«Если сейчасъ, такъ пожалуй и выстрѣлить, а начнетъ думать — ничего не будетъ.»

Онъ взялъ пока бумажку, присѣлъ и переглядѣлъ ее снова. Редакція объявленія опять ему понравилась:

«Чего же пока надо? Надо чтобы на время совсѣмъ ихъ сбить съ толку и тѣмъ отвлечь. Паркъ? Въ городѣ нѣтъ парка, ну и дойдутъ своимъ умомъ что въ Скворешникахъ. Пока будутъ доходить, пройдетъ время, пока искать — опять время, а отыщутъ трупъ — значитъ правда написана; значитъ и все правда, значитъ и про Оедьку правда. А что такое Оедька? Оедька — это пожаръ, это Лебядкины: значитъ все отсюда, изъ дому Филипповыхъ и выходило, а они-то ничего не видали, а они-то

¹ Да здравствует республика (*франц.*).

² Да здравствует демократическая, социальная и всемирная республика или смерть! (*франц.*).

³ Свобода, равенство, братство или смерть! (*франц.*).

⁴ «Кириллов, русский дворянин и гражданин мира» (*франц.*).

⁵ русский дворянин-семинарист и гражданин цивилизованного мира (*франц.*).

все проглядѣли, — это ужь ихъ совсѣмъ закружить! Про *нашихъ* и въ голову не войдетъ; Шатовъ да Кириловъ, да Ѳедька, да Лебядкинъ; и зачѣмъ они убили другъ друга, — вотъ еще имъ вопросикъ. Э, чортъ, да выстрѣла то не слышно!...»

Онъ хотъ и читаль, и любовался редакціей, но каждый мигъ съ мучительнымъ безпокойствомъ прислушивался и — вдругъ озлился. Тревозно взглянулъ онъ на часы; было позднечко; и минутъ десять какъ тотъ ушелъ... Схвативъ свѣчку онъ направился къ дверямъ комнаты въ которой затворился Кириловъ. У самыхъ дверей ему какъ разъ пришло въ голову что вотъ и свѣчка на исходѣ и минутъ черезъ двадцать совсѣмъ догоритъ, а другой нѣтъ. Онъ взялся за замокъ и осторожно прислушался, не слышно было ни малѣйшаго звука; онъ вдругъ отперъ дверь и приподнялъ свѣчу: что-то заревѣло и бросилось къ нему. Изовсей силы прихлопнулъ онъ дверь и опять налегъ на нее, но уже все утихло опять мертвая тишина.

Долго стоялъ онъ въ нерѣшимости со свѣчой въ рукѣ. Въ ту секунду какъ отворялъ, онъ очень мало могъ разглядѣть, но однако мелькнуло лицо Кирилова, стоявшаго въ глубинѣ комнаты у окна, и звѣрская ярость, съ которою тотъ вдругъ къ нему кинулся. Петръ Степановичъ вздрогнулъ, быстро поставилъ свечку на столъ, приготовилъ револьверъ и отскочилъ на цыпочкахъ въ противоположный уголъ, такъ что еслибы Кириловъ отворилъ дверь и устремился съ револьверомъ къ столу, онъ успѣлъ бы еще прицѣлиться и спустить курокъ раньше Кирилова.

Въ самоубійство Петръ Степановичъ уже совсѣмъ теперь не вѣрилъ! «Стоялъ среди комнаты и думалъ» проходило какъ вихрь въ умѣ Петра Степановича. «Къ тому же темная, страшная комната... Онъ заревѣлъ и бросился — тутъ двѣ возможности: или я помѣшалъ ему въ ту самую секунду какъ онъ спускалъ курокъ, или... или онъ стоялъ и обдумывалъ какъ бы меня убить. Да, это такъ, онъ обдумывалъ... Онъ знаетъ что я не уйду не убивъ его, если самъ онъ струситъ, — значить, ему надо убить меня прежде, чтобы я не убилъ его... И опять, опять тамъ тишина! Страшно даже: вдругъ отворить дверь... Свинство въ томъ что онъ въ Бога вѣруеть пуще чѣмъ попъ... Ни за что не застрѣлится!.. Этихъ которые «своимъ умомъ дошли» много теперь развелось. Сволочь! фу чортъ, свѣчка, свѣчка! Догоритъ черезъ четверть часа непременно... Надо кончить; во что бы ни стало надо кончить... Что жъ, убить теперь можно... Съ этою бумагой никакъ не подумаютъ что я убилъ. Его можно такъ сложить и приладить на полу съ разряженнымъ револьверомъ въ рукѣ что непременно подумаютъ что онъ самъ.... Ахъ чортъ, какъ же

убить? Я отворю, а онъ опять бросится и выстрѣлитъ прежде меня. Э, чортъ, разумѣется промахнется!»

Такъ мучился онъ, трепеща предъ неизбѣжностью замысла и отъ своей нерѣшительности. Наконецъ взялъ свѣчу и опять подошелъ къ дверямъ, приподнявъ и приготовивъ револьверъ; лѣвою же рукой, въ которой держалъ свѣчу, налегъ на ручку замка. Но вышло не ловко: ручка щелкнула, произошелъ звукъ и скрипъ. «Прямо выстрѣлитъ!» мелькнуло у Петра Степановича. Изъ всей силы толкнулъ онъ ногой дверь, поднялъ свѣчу и выставилъ револьверъ; но ни выстрѣла, ни крика.... Въ комнатѣ никого не было.

Онъ вздрогнулъ. Комната была не проходная, глухая, и убѣжать было некуда. Онъ поднялъ еще больше свѣчу и взглянулъ внимательно: ровно никого. Въ полголоса онъ окликнулъ Кирилова, потомъ въ другой разъ громче; никто не откликнулся.

«Неужто въ окно убѣжалъ?»

Въ самомъ дѣлѣ въ одномъ окнѣ отворена была форточка. «Нелѣпость, не могъ онъ убѣжать черезъ форточку.» Петръ Степановичъ прошелъ черезъ всю комнату прямо къ окну: «Никакъ не могъ». Вдругъ онъ быстро обѣрнулся и что-то необычайное сотрясло его.

У противоположной окнамъ стѣны, вправо отъ двери, стоялъ шкафъ. Съ правой стороны этого шкафа, въ углу образованномъ стѣною и шкафомъ, стоялъ Кириловъ, и стоялъ ужасно странно, — неподвижно, вытянувшись, протянувъ руки по швамъ, приподнявъ голову и плотно прижавшись затылкомъ къ стѣнѣ, въ самомъ углу, казалось желая весь ступешеваться и спрятаться. По всѣмъ признакамъ, онъ прятался, но какъ-то нельзя было повѣрить. Петръ Степановичъ стоялъ нѣсколько наискось отъ угла и могъ наблюдать только выдающіяся части фигуры. Онъ все еще не рѣшался подвинуться влѣво чтобы разглядѣть всего Кирилова и понять загадку. Сердце его стало сильно биться.... И вдругъ имъ овладѣло совершенное бѣшенство: онъ сорвался съ мѣста, закричалъ и топая ногами яростно бросился къ страшному мѣсту.

Но дойдя вплоть, онъ опять остановился какъ вкопанный, еще болѣе пораженный ужасомъ. Его главное поразило то что фигура, несмотря на крикъ и на бѣшенный наскокъ его, даже не двинулась, не шевельнулась ни однимъ своимъ членомъ — точно окамѣневшая или восковая. Блѣдность лица ея была неестественная, черные глаза совсѣмъ неподвижны и глядѣли въ какую-то точку въ пространствѣ. Петръ Степановичъ провелъ свѣчой сверху внизъ и опять вверхъ, освѣщая со всѣхъ точекъ и разглядывая это лицо. Онъ вдругъ замѣтилъ что Кириловъ хоть и смотритъ куда-то предъ собой, но искоса его видитъ и даже мо-

жетъ-быть наблюдаетъ. Тутъ пришла ему мысль поднести огонь прямо къ лицу «этого мерзавца», поджечь и посмотрѣть что тотъ сдѣлаетъ. Вдругъ ему почудилось что подбородокъ Кирилова шевельнулся и на губахъ какъ бы скользнула насмѣшливая улыбка — точно тотъ угадалъ его мысль. Онъ задрожалъ и не помня себя крѣпко схватилъ Кирилова за плечо.

Затѣмъ произошло нѣчто до того безобразное и быстрое что Петръ Степановичъ никакъ не могъ потомъ уладить свои воспоминанія въ какомъ-нибудь порядкѣ. Едва онъ дотронулся до Кирилова, какъ тотъ быстро нагнулъ голову и головой же выбилъ изъ рукъ его свѣчку; подсвѣчникъ полетѣлъ со звономъ на полъ, и свѣча потухла. Въ то же мгновение онъ почувствовалъ ужасную боль въ мизинцѣ своей лѣвой руки. Онъ закричалъ, и ему припомнилось только что онъ внѣ себя три раза изо всей силы ударилъ револьверомъ по головѣ припавшаго къ нему и укусившаго ему палецъ Кирилова. Наконецъ палецъ онъ вырвалъ и сломя голову бросился бѣжать изъ дому, отыскивая въ темнотѣ дорогу. Во слѣдъ ему изъ комнаты летѣли страшные крики:

— Сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ, сейчасъ....

Разъ десять. Но онъ все бѣжалъ, и уже выбѣжалъ было въ сѣни, какъ вдругъ послышался громкій выстрѣлъ. Тутъ онъ остановился въ сѣняхъ въ темнотѣ и минутъ пять соображалъ; наконецъ вернулся опять въ комнаты. Но надо было добыть свѣчу. Стоило отыскать направо у шкафа на полу выбитый изъ рукъ подсвѣчникъ; но чѣмъ засвѣтить огарокъ? Въ умѣ его вдругъ промелькнуло одно темное воспоминаніе: ему припомнилось что вчера, когда онъ сбѣжалъ въ кухню чтобы наброситься на Ѳедьку, то въ углу, на полкѣ, онъ какъ будто замѣтилъ мелькомъ большую красную коробку спичекъ. Ощупью направился онъ влѣво, къ кухонной двери, отыскалъ ее, прошелъ сѣнцы и спустился по лѣстницѣ. На полкѣ, прямо въ томъ самомъ мѣстѣ которое ему сейчасъ припомнилось, нашарилъ онъ въ темнотѣ полную, еще не початую коробку спичекъ. Не зажигая огня, поспѣшно воротился онъ вверхъ, и только лишь около шкафа, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ онъ билъ револьверомъ укусившаго его Кирилова, вдругъ вспомнилъ про свой укушенный палецъ и въ то же мгновение ощутилъ въ немъ почти невыносимую боль. Стиснувъ зубы, онъ кое-какъ засвѣтилъ огарокъ, вставилъ его опять въ подсвѣчникъ и осмотрѣлся кругомъ: у окошка съ отворенною форточкой, ногами въ правый уголъ комнаты, лежалъ трупъ Кирилова. Выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ правый високъ, и пуля вышла вверхъ съ лѣвой стороны, пробивъ черепъ. Виднѣлись брызги крови и мозга. Револьверъ оставался въ опустившейся на полъ рукъ самоубійцы. Смерть должна была произойти

мгновенно. Осмотрѣвъ все со всею аккуратностью, Петръ Степановичъ приподнялся и вышелъ на ципочкахъ, приперъ дверь, свѣчу поставилъ на столъ въ первой комнатѣ, подумалъ и рѣшилъ не тушить ее, сообразивъ что она не можетъ произвести пожара. Взглянувъ еще разъ на лежавшій на столѣ документъ, онъ машинально усмѣхнулся и затѣмъ уже, все почему-то на ципочкахъ, пошелъ изъ дому. Онъ пролѣзъ опять черезъ Оедькинъ ходъ и опять аккуратно задѣлалъ его за собою.

III.

Ровно безъ десяти минутъ въ шесть часовъ, въ вокзалѣ желѣзной дороги, вдоль вытянувшася, довольно длиннаго ряда вагоновъ, прохаживались Петръ Степановичъ и Эркель. Петръ Степановичъ отъѣзжалъ, а Эркель прощался съ нимъ. Кладъ была сдана, сакъ отнесенъ въ вагонъ втораго класса, на выбранное мѣсто. Первый звонокъ уже прозвенѣлъ, ждали втораго. Петръ Степановичъ открыто смотрѣлъ по сторонамъ, наблюдая входившихъ въ вагоны пассажировъ. Но близкихъ знакомыхъ не встрѣтилось; всего лишь раза два пришлось ему кивнуть головой, — одному купцу, котораго онъ зналъ отдаленно, и потомъ одному молодому деревенскому священнику, отъѣзжавшему за двѣ станціи, въ свой приходъ. Эркелю видимо хотѣлось въ послѣднія минуты поговорить о чемъ-нибудь поважнѣе, — хотя можетъ-быть онъ и самъ не зналъ о чемъ именно; но онъ все не смѣлъ начать. Ему все казалось что Петръ Степановичъ какъ будто съ нимъ тяготится и съ нетерпѣніемъ ждетъ остальныхъ звонковъ.

— Вы такъ открыто на всѣхъ смотрите, съ нѣкоторою робостью замѣтилъ онъ, какъ бы желая предупредить.

— Почему жъ нѣтъ? Мнѣ еще нельзя прятаться. Рано. Не безпокойтесь. Я вотъ только боюсь чтобы не наслалъ чортъ Липутина; пронюхаетъ и прибѣжитъ.

— Петръ Степановичъ, они не надежны, рѣшительно высказалъ Эркель.

— Липутинъ?

— Всѣ, Петръ Степановичъ.

— Вздоръ, теперь всѣ связаны вчерашнимъ. Ни одинъ не измѣнитъ. Кто пойдетъ на явную гибель, если не потеряетъ разсудка?

— Петръ Степановичъ, да вѣдь они теряютъ разсудокъ.

Эта мысль уже видимо заходила въ голову и Петру Степановичу, и потому замѣчаніе Эркеля еще болѣе его разсердило:

— Не трусите ли и вы, Эркель? Я на васъ больше чѣмъ на всѣхъ ихъ надѣюсь. Я теперь увидѣлъ чего каждый стоитъ. Передайте имъ все

словесно сегодня же, я вамъ ихъ прямо поручаю. Обѣгите ихъ съ утра. Письменную мою инструкцію прочтите завтра или послѣзавтра, собравшись, когда они уже станутъ способны выслушать.... но повѣрьте что они завтра же будутъ способны, потому что ужасно струсятъ и станутъ послушны какъ воскъ... Главное, вы-то не унывайте.

— Ахъ, Петръ Степановичъ, лучше еслибъ вы не уѣзжали!

— Да вѣдь я только на нѣсколько дней; я мигомъ назадъ.

— Петръ Степановичъ, осторожно, но твердо вымолвилъ Эркель; — хотя бы вы и въ Петербургъ. Развѣ я не понимаю что вы дѣлаете только необходимое для общаго дѣла.

— Я меньшаго и не ждалъ отъ васъ, Эркель. Если вы догадались что я въ Петербургъ, то могли понять что не могъ же я сказать имъ вчера, въ тотъ моментъ, что такъ далеко уѣзжаю, чтобы не испугать. Вы видѣли сами каковы они были. Но вы понимаете что я для дѣла, для главнаго и важнаго дѣла, для общаго дѣла, а не для того чтобъ улизнуть, какъ полагаетъ какой-нибудь Липутинъ.

— Петръ Степановичъ, да хотя бы и за границу, вѣдь я пойму-съ; я пойму что вамъ нужно сберечь свою личность, потому что вы все, а мы — ничто. Я пойму, Петръ Степановичъ.

У бѣднаго мальчика задрожалъ даже голосъ.

— Благодарю васъ, Эркель... Ай, вы мнѣ больной палецъ тронули (Эркель неловко пожалъ ему руку; больной палецъ былъ приглядно перевязанъ черною тафтой). — Но я вамъ положительно говорю еще разъ что въ Петербургъ я только пронюхать и даже можетъ-быть всего только сутки и тотчасъ обратно сюда. Воротясь я для виду поселюсь въ деревнѣ у Гаганова. Если они полагаютъ въ чемъ-нибудь опасность, то я первый во главѣ пойду раздѣлить ее. Если же и замедлю въ Петербургѣ, то въ тотъ же мигъ дамъ вамъ знать... извѣстнымъ путемъ, а вы имъ.

Раздался второй звонокъ.

— А, значитъ всего пять минутъ до отъѣзда. Я, знаете, не желалъ бы чтобы здѣшняя кучка разсыпалась. Я-то не боюсь, обо мнѣ не беспокойтесь; этихъ узловъ общей сѣти у меня довольно и мнѣ нечего особенно дорожить; но и лишній узелъ ничему бы не помѣшалъ. Впрочемъ я за васъ спокоенъ, хотя и оставляю васъ почти одного съ этими уродами: не беспокойтесь, не донесутъ, не посмѣютъ... А-а, и вы сегодня? крикнулъ онъ вдругъ, совѣмъ другимъ, веселымъ голосомъ одному очень молодому человѣку, весело подошедшему къ нему поздороваться; я не зналъ что и вы тоже съ экстреннымъ. Куда, къ мамашѣ?

Мамаша молодого человека была богатейшая помещица соседней губернии, а молодой человек приходился отдаленным родственником Юлии Михайловны и прогостил в нашем городе около двух недель.

— Нѣтъ, я подальше, я в Р... Часов восемь в вагонѣ прожить предстоитъ. Въ Петербургѣ? засмѣялся молодой человекъ.

— Почему вы предположили что я такъ-таки в Петербургѣ? еще открытѣе засмѣялся и Петръ Степановичъ.

Молодой человекъ погрозилъ ему гангированнымъ пальчикомъ.

— Ну да, вы угадали, тайнственно зашепталъ ему Петръ Степановичъ, — я съ письмами Юлии Михайловны и долженъ тамъ обѣгать трехъ-четырехъ знаете какихъ лицъ, чортъ бы ихъ дралъ, откровенно говоря. Чортова должность!

— Да чего, скажите, она такъ струсилась? зашепталъ и молодой человекъ: — она даже меня вчера къ себѣ не пустила; по-моему ей за мужа бояться нечего; напротивъ, онъ такъ приглядно упалъ на пожарѣ, такъ-сказать жертвуя даже жизнью.

— Ну вотъ подите, разсмѣялся Петръ Степановичъ; — она, видите, боится что отсюда уже написали... то-есть нѣкоторые господа... Однимъ словомъ, тутъ главное Ставрогинъ; то-есть князь К... Эхъ, тутъ цѣлая исторія; я пожалуй вамъ дорогой кое-что сообщу — сколько впрочемъ рыцарство позволить... Это мой родственникъ, прапорщикъ Эркель, изъ уѣзда.

Молодой человекъ, косившій глаза на Эркеля, притронулся къ шляпѣ; Эркель отдалъ поклонъ.

— А знаете, Верховенскій, восемь часовъ в вагонѣ ужасный жребій. Тутъ уѣзжаетъ съ нами в первомъ классѣ Берестовъ, пресмѣшная одинъ полковникъ, сосѣдъ по имѣнью; женатъ на Гариной (пѣе *Garine*¹) и знаете, онъ изъ порядочныхъ. Даже съ идеями. Пробылъ здѣсь всего двое сутокъ. Отчаянный охотникъ до ералаша; не затѣять ли, а? Четвертаго я уже наглядѣлъ — Припухловъ, нашъ Т — скій купецъ съ бородой, миллионщикъ, то-есть настоящій миллионщикъ, это я вамъ говорю.... Я васъ познакомлю, преинтересный мѣшокъ съ добромъ, хохотать будемъ.

— Въ ералашъ я съ превеликимъ и ужасно люблю в вагонѣ, но я во второмъ классѣ.

— Э, полноте, ни за что! Садитесь съ нами. Я сейчасъ велю васъ перенести в первый классъ. Оберъ-кондукторъ меня слушается. Что у васъ, сакъ? Пледъ?

— Чудесно, пойдете!

---

¹ урожденной Гариной (*франц.*).

Петръ Степановичъ захватилъ свой сакъ, пледъ, книгу и тотчасъ же съ величайшею готовностью перебрался въ первый классъ. Эркель помогаль. Ударилъ третій звонокъ.

— Ну, Эркель, торопливо и съ занятымъ видомъ протянулъ въ послѣдній разъ руку уже изъ окна вагона Петръ Степановичъ, — я вѣдь вотъ сажусь съ ними играть.

— Но зачѣмъ же объяснять мнѣ, Петръ Степановичъ, я вѣдь пойму, я все пойму, Петръ Степановичъ!

— Ну, такъ до пріятнѣйшаго, отвернулся вдругъ тотъ на окликъ молодаго человѣка, который позваль его знакомиться съ партнерами. И Эркель уже болѣе не видалъ своего Петра Степановича!

Онъ воротился домой весьма грустный. Не то чтобъ онъ боялся того что Петръ Степановичъ такъ вдругъ ихъ покинулъ, но... но онъ такъ скоро отъ него отвернулся, когда позваль его этотъ молодой франтъ, и... онъ вѣдь могъ бы ему сказать что-нибудь другое, а не «до пріятнѣйшаго» или... или хотъ покрѣпче руку пожать.

Послѣднее-то и было главное. Что-то другое начинало царапать его бѣдненькое сердце, чего онъ и самъ еще не понималь, что-то связанное со вчерашнимъ вечеромъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Послѣднее странствованіе Степана Трофимовича.

I.

Я убѣжденъ что Степанъ Трофимовичъ очень боялся, чувствуя приближеніе срока его безумнаго предпріятія. Я убѣжденъ что онъ очень страдалъ отъ страху, особенно въ ночь наканунѣ, въ ту ужасную ночь. Настасья упоминала потомъ что онъ легъ спать уже поздно и спаль. Но это ничего не доказываетъ; приговоренные къ смерти, говорятъ, спять очень крѣпко и наканунѣ казни. Хотя онъ и вышелъ уже при дневномъ свѣтѣ, когда нервный человѣкъ всегда нѣсколько ободряется (а майоръ, родственникъ Виргинскаго, такъ даже въ Бога переставаль вѣровать, чуть лишь проходила ночь), но я убѣжденъ что онъ никогда бы прежде безъ ужаса не могъ вообразить себя одного на большой дорогѣ и въ такомъ положеніи. Конечно, нѣчто отчаянное въ его мысляхъ вѣроятно смягчило для него на первый разъ всю силу того страшнаго ощущенія внезапнаго одиночества въ которомъ онъ вдругъ очутился, едва лишь

оставилъ Stasie¹ и свое двадцатилѣтнее нагрѣтое мѣсто. Но все равно: онъ и при самомъ ясномъ сознаниі всѣхъ ужасовъ его ожидающихъ, все-таки бы вышелъ на большую дорогу и пошелъ по ней! Тутъ было нѣчто гордое и его восхищавшее, несмотря ни на что. О, онъ бы могъ принять роскошныя условія Варвары Петровны и остаться при ея милостяхъ «comme² un простой приживальщикъ!» Но онъ не принялъ милости и не остался. И вотъ онъ самъ оставляетъ ее и подымаетъ «знамя великой идеи» и идетъ умереть за него на большой дорогѣ! Именно такъ долженъ онъ былъ ощущать это; именно такъ долженъ былъ представляться ему его поступокъ.

Представлялся мнѣ не разъ и еще вопросъ: почему онъ именно бѣжалъ, т.-е. бѣжалъ ногами, въ буквальномъ смыслѣ, а не просто уѣхалъ на лошадахъ? Я сначала объяснялъ это пятидесятилѣтнею непрактичностью и фантастическимъ уклоненіемъ идей, подъ вліяніемъ сильнаго чувства. Мнѣ казалось что мысль о подорожной и лошадахъ (хотя бы и съ колокольчикомъ) должна была представляться ему слиш-комъ простою и прозаичною; напротивъ пилигримство, хотя бы и съ зонтикомъ, гораздо болѣе красивымъ и мстительно-любовнымъ. Но нынѣ, когда все уже кончилось, я полагаю что все это тогда совершилось гораздо проще: вопервыхъ, онъ побоялся брать лошадей, потому что Варвара Петровна могла провѣдать и задержать его силой, что навѣрно и исполнила бы, а онъ навѣрно бы подчинился и — прощай тогда великая идея на вѣки. Вовторыхъ, чтобы взять подорожную, надо было по крайней мѣрѣ знать куда ѣдешь? Но именно знать объ этомъ и составляло самое главное страданіе его въ ту минуту: назвать и назначить мѣсто онъ ни за что не могъ. Ибо рѣшись онъ на какой-нибудь городъ, и въ мигъ предпріятіе его стало бы въ собственныхъ его глазахъ и нелѣпымъ и невозможнымъ; онъ это очень предчувствовалъ. Ну что будетъ онъ дѣлать въ такомъ именно городѣ и почему не въ другомъ? Искать се marchand³? Но какого marchand? Тутъ опять выскакивалъ этотъ второй и уже самый страшный вопросъ. Въ сущности, не было для него ничего страшнѣе, чѣмъ се marchand, котораго онъ такъ вдругъ сломя голову пустился отыскивать и котораго, ужъ разумѣется, всего болѣе боялся отыскать въ самомъ дѣлѣ. Нѣтъ, ужъ лучше просто большая дорога, такъ просто выйти на нее и пойти, и ни о чемъ не думать, пока только можно не думать. Большая дорога — это есть нѣчто длинное-длинное, чему не видно конца — точно жизнь человѣческая, точно мечта чело-вѣческая. Въ большой дорогѣ заключается идея; а въ подорожной ка-

---

¹ Настасью (франц.).

² как (франц.).

³ этого купца (франц.).

кая идея? Въ подорожной конецъ идеи... *Vive la grande route*¹, а тамъ что Богъ дастъ.

Послѣ внезапнаго и неожиданнаго свиданія съ Лизой, которое я уже описалъ, пустился онъ еще въ большемъ самозабвеніи далѣе. Большая дорога проходила въ полуверстѣ отъ Скворешниковъ, и — странно — онъ даже и не примѣтилъ сначала какъ вступилъ на нее. Основательно разсуждать или хоть отчетливо сознавать было для него въ ту минуту невыносимо. Мелкій дождь то переставалъ, то опять начинался; но онъ не замѣчалъ и дождя. Не замѣтилъ тоже какъ закинулъ себѣ сакъ за плечо и какъ отъ этого стало ему легче идти. Должно-быть онъ прошелъ такъ версту или полторы, когда вдругъ остановился и осмотрѣлся. Старая, черная и изрытая колеями дорога тянулась предъ нимъ безконечною нитью, усаженная своими ветлами; направо — голое мѣсто, давнымъ-давно сжатая нивы; налѣво — кусты, а далѣе за ними лѣсокъ. И вдали-вдали едва примѣтная линія уходящей вкось желѣзной дороги и на ней дымокъ какого-то поѣзда; но звуковъ уже не было слышно. Степанъ Трофимовичъ немного оробѣлъ, но лишь на мгновеніе. Безпримѣтно вздохнулъ онъ, поставилъ свой сакъ подлѣ ветлы и присѣлъ отдохнуть. Дѣлая движеніе садясь, онъ ощутилъ въ себѣ ознобъ и закутался въ пледъ; замѣтивъ тутъ же и дождь, распустилъ надъ собою зонтикъ. Довольно долго сидѣлъ онъ такъ, изрѣдка шамкая губами и крѣпко сжавъ въ рукѣ ручку зонтика. Разные образы лихорадочной вереницей неслись предъ нимъ, быстро смѣняясь въ его умѣ. *Lise, Lise*, думалъ онъ, а съ нею се *Maurice*².... Странные люди.... Но что же это за странный былъ тамъ пожаръ и про что они говорили, и какіе убитые?... Мнѣ кажется *Stasie* еще ничего не успѣла узнать и еще ждетъ меня съ кофеемъ.... Въ карты? Развѣ я проигрывалъ въ карты людѣй? Гмъ.... у насъ на Руси, во время такъ-называемаго крѣпостнаго права.... Ахъ Боже мой, а Оедька?

Онъ весь вострепнулся въ испугѣ и осмотрѣлся кругомъ; «ну что если гдѣ-нибудь тутъ за кустомъ сидитъ этотъ Оедька; вѣдь говорятъ, у него гдѣ-то тутъ цѣлая шайка разбойниковъ на большой дорогѣ? О Боже, я тогда.... Я тогда скажу ему всю правду, что я виноватъ.... и *что я десять лѣтъ* страдалъ за него, болѣе чѣмъ онъ тамъ въ солдатахъ и.... и я ему отдамъ портмоне. Гмъ, *j'ai en tout quarante roubles; il prendra ces roubles et il me tuera tout de même.*»³

¹ Да здравствует большая дорога (*франц.*).

² этот Маврикий (*франц.*).

³ у меня всего-навсего сорок рублей; он возьмет эти рубли и все-таки убьет меня (*франц.*).

Отъ страху онъ неизвѣстно почему закрылъ зонтикъ и положилъ его подлѣ себя. Вдали, по дорогѣ отъ города, показалась какая-то телѣга; онъ съ безпокойствомъ началъ всматриваться:

«Grâce à Dieu¹ это телега, и — ѣдетъ шагомъ; это не можетъ быть опасно. Эти здѣшнія заморенныя лошаденки.... Я всегда говорилъ о породѣ.... Это Петръ Ильичъ впрочемъ говорилъ въ клубѣ про породу, а я его тогда обремижилъ, et puis², но что тамъ сзади и... кажется, баба въ телѣгѣ. Баба и мужикъ — cela commence à être rassurant³. Баба сзади, а мужикъ впереди — c'est très rassurant⁴. Сзади у нихъ къ телѣгѣ привязана за рога корова, c'est rassurant au plus haut degré.»⁵

Телѣга поровнялась, довольно прочная и порядочная мужицкая телѣга. Баба сидѣла на туго набитомъ мѣшкѣ, а мужикъ на облучкѣ, свесивъ съ боку ноги въ сторону Степана Трофимовича. Сзади въ самомъ дѣлѣ плелась рыжая корова, привязанная за рога. Мужикъ и баба выпуча глаза смотрѣли на Степана Трофимовича, а Степанъ Трофимовичъ такъ же точно смотрѣлъ на нихъ, но когда уже пропустилъ ихъ мимо себя шаговъ на двадцать, вдругъ торопливо всталъ и пошелъ догонять. Въ сосѣдствѣ телѣги ему естественно показалось благонадежнѣе, но догнавъ ее, онъ тотчасъ же опять забылъ обо всемъ и опять погрузился въ свои обрывки мыслей и представлений. Онъ шагаль и ужь конечно не подозрѣвалъ что для мужика и бабы онъ, въ этотъ мигъ, составляетъ самый загадочный и любопытный предметъ какой только можно встрѣтить на большой дорогѣ.

— Вы то-есть изъ какихъ будете, коли не будетъ неучтиво спросить? не вытерпѣла наконецъ бабенка, когда Степанъ Трофимовичъ вдругъ, въ разсѣянности, посмотрѣлъ на нее. Бабенка была лѣтъ двадцати семи, плотная, чернобровая и румяная, съ ласково улыбающимися красными губами, изъ-подъ которыхъ сверкали бѣлые ровные зубы.

— Вы... вы ко мнѣ обращаетесь? съ удивленіемъ пробормоталъ Степанъ Трофимовичъ.

— Изъ купцовъ надо-тъ быть, самоувѣренно проговорилъ мужикъ. Это былъ рослый мужичина лѣтъ сорока, съ широкимъ и неглупымъ лицомъ и съ рыжеватою окладистою бородой.

— Нѣтъ, я не то что купецъ, я... я... moi c'est autre chose⁶, кое-какъ отпарировалъ Степанъ Трофимовичъ и на всякій случай на капельку пріотсталъ до задка телѣги, такъ что пошелъ уже рядомъ съ коровой.

¹ Слава Богу (*франц.*).

² и потом (*франц.*).

³ это начинаетъ меня успокаивать (*франц.*).

⁴ это очень успокоительно (*франц.*).

⁵ это успокоительно в высшей степени (*франц.*).

⁶ я — совсемъ другое (*франц.*).

— Изъ господъ, надо-ть быть, рѣшилъ мужикъ, услышавъ нерусскія слова, и дернулъ лошаденку.

— То-то мы и смотримъ на васъ, точно вы на прогулку вышли? за-любопытствовала опять бабенка.

— Это... это вы меня спрашиваете?

— Иностранцы заѣзжіе по чугункѣ иной пріѣзжаютъ, словно не по здѣшнему мѣсту, у васъ сапоги такіе...

— Сапогъ военный, самодовольно и значительно вставилъ мужикъ.

— Нѣтъ, я не то чтобы военный, я...

«Любопытная какая бабенка, злился про себя Степанъ Трофимовичъ, и какъ они меня разсматриваютъ... mais enfin¹... Однимъ словомъ, странно что я точно виноватъ предъ ними, а я ничего не виноватъ предъ ними.»

Бабенка пошепталась съ мужикомъ.

— Коли вамъ не обидно, мы пожалуй васъ подвеземъ, если только пріятно станетъ.

Степанъ Трофимовичъ вдругъ спохватился:

— Да, да, мои друзья, я съ большимъ удовольствіемъ, потому что очень усталъ, только какъ я тутъ влѣзу?

«Какъ это удивительно, подумалъ онъ про себя, что я такъ долго шелъ рядомъ съ этою коровою и мнѣ не пришло въ голову попроситься къ нимъ сѣсть... Эта «дѣйствительная жизнь» имѣетъ въ себѣ нѣчто весьма характерное»...

Мужикъ однако все еще не останавливалъ лошадь.

— Да вамъ куда будетъ? освѣдомился онъ съ нѣкоторою недовѣрчивостью.

Степанъ Трофимовичъ не вдругъ понялъ.

— До Хатова, надо-ть быть?

— Къ Хатову? Нѣтъ не то чтобы къ Хатову?... И я не совсѣмъ знакомъ; хотя слышалъ.

— Село Хатово, село, девять верстъ отселева.

— Село? C'est charmant², то-то я какъ будто бы слышалъ...

Степанъ Трофимовичъ все шелъ, а его все еще не сажали. Геніальная догадка мелькнула въ его головѣ:

— Вы можетъ-быть думаете что я... Со мной паспортъ и я — профессоръ, то-есть, если хотите, учитель... но главный. Я главный учитель. Oui, c'est comme ça qu'on peut traduire.³ Я бы очень хотѣлъ сѣсть и я вамъ куплю... я вамъ за это куплю полштофа вина.

¹ но, наконецъ (франц.).

² Это прелестно (франц.).

³ Да, это именно такъ можно перевести. (франц.).

— Полтинникъ съ васъ, сударь, дорога тяжелая.

— А то намъ ужь очень обидно будетъ, вставила бабенка.

— Полтинникъ? Ну хорошо, полтинникъ. *C'est encore mieux, j'ai en tout quarante roubles, mais...*¹

Мужикъ остановилъ, и Степана Трофимовича общими усиліями втащили и усадили въ телѣгу, рядомъ съ бабой, на мѣшокъ. Вихрь мыслей не покидалъ его. Порой онъ самъ ощущалъ про себя что какъ-то ужасно рассеянъ и думаетъ совсѣмъ не о томъ о чемъ надо и дивился тому. Это сознаніе въ болѣзненной слабости ума мгновеніями становились ему очень тяжело и даже обидно.

— Это... это какъ же сзади корова? спросилъ онъ вдругъ самъ бабенку.

— Что-й-то вы, господинъ, точно не видывали, размѣялась баба.

— Въ городѣ купили, ввязался мужикъ; своя скотина, поди ты, еще съ весны передохла; моръ. У насъ кругомъ всѣ попадали, всѣ, половины не осталось, хотъ взвой.

И онъ опять стегнулъ завязшую въ колеѣ лошаденку.

— Да, это бываетъ у насъ на Руси... и вообще мы Русскіе... ну да, бываетъ, не докончилъ Степанъ Трофимовичъ.

— Вы коль учителемъ, то вамъ что же въ Хатовѣ? Али дальше куда?

— Я... то есть я не то чтобы дальше куда... *C'est-à-dire*², я къ одному купцу.

— Въ Спасовъ надо-ть быть?

— Да, да, именно въ Спасовъ. Это впрочемъ все равно.

— Вы коли въ Спасовъ, да пѣшкомъ, такъ въ вашихъ сапожкахъ недѣлку бы шли, засмѣялась бабенка.

— Такъ, такъ и это все равно, *mes amis*³, все равно, нетерпѣливо оборвалъ Степанъ Трофимовичъ.

«Ужасно любопытный народъ; бабенка впрочемъ лучше его говорить, и я замѣчаю что съ девятнадцатаго февраля у нихъ слогъ нѣскольکو перемѣнился и... и какое дѣло въ Спасовъ я или не въ Спасовъ? Впрочемъ я имъ заплачу, такъ чего же они пристають?»

— Коли въ Спасовъ, такъ на проходѣ, не отставалъ мужикъ.

— Это какъ есть такъ, ввернула бабенка съ одушевленіемъ, потому коли на лошадахъ по берегу — верстъ тридцать крюку будетъ.

— Сорокъ будетъ.

¹ Это еще лучше, у меня всего сорок рублей, но... (*франц.*).

² То есть (*франц.*).

³ друзья мои (*франц.*).

— Къ завтраму къ двумъ часамъ какъ разъ въ Устье вѣ праходъ за- станете, скрѣпила бабенка. Но Степанъ Трофимовичъ упорно замолчалъ. Замолчали и вопрошатели. Мужикъ подергивалъ лошаденку; баба изрѣдка и коротко перекидывалась съ нимъ замѣчаніями. Степанъ Трофимовичъ задремалъ. Онъ ужасно удивился, когда баба смѣясь рас- толкала его и онъ увидѣлъ себя въ довольно большой деревнѣ у подъѣз- да одной избы въ три окна.

— Задремали, господинъ?

— Что это? Гдѣ это я? Ахъ, ну! Ну... все равно, вздохнулъ Степанъ Трофимовичъ и слѣзъ съ телѣги.

Онъ грустно осмотрѣлся; страннымъ и ужасно чѣмъ-то чуждымъ показался ему деревенскій видъ.

— А полтинникъ-то, я и забылъ! обратился онъ къ мужику съ ка- кимъ-то не въ мѣру торопливымъ жестомъ; онъ видимо уже боялся раз- статься съ ними.

— Въ комнатѣ разчитаетесь, пожалуйста, приглашалъ мужикъ.

— Тутъ хорошо, ободряла бабенка.

Степанъ Трофимовичъ ступилъ на шаткое крылечко.

«Да какъ же это возможно», прошепталъ онъ въ глубокомъ и пугли- вомъ недоумѣніи, однако вошелъ въ избу. «Elle l'a voulu»¹, вонзилось что-то въ его сердце, и онъ опять вдругъ забылъ обо всемъ, даже о томъ что вошелъ въ избу.

Это была свѣтлая, довольно чистая крестьянская изба въ три окна и въ двѣ комнаты; и не то что постоялый дворъ, а такъ пріѣзжая изба, въ которой по старой привычкѣ останавливались знакомые проѣзжіе. Сте- панъ Трофимовичъ не конфузясь прошелъ въ передній уголъ, забылъ поздороваться, усѣлся и задумался. Между тѣмъ чрезвычайно пріятное ощущение тепла послѣ трехчасовой сырости на дорогѣ вдругъ разлилось по его тѣлу. Даже самый ознобъ, коротко и отрывисто забѣгавшій по спинѣ его, какъ это всегда бываетъ въ лихорадкѣ съ особенно нервными людьми, при внезапномъ переходѣ съ холода въ тепло, сталъ ему вдругъ какъ-то странно пріятенъ. Онъ поднялъ голову, и сладостный запахъ го- рячихъ блиновъ, надъ которыми старалась у печки хозяйка, защекоталъ его обоняніе. Улыбаясь ребячьею улыбкой, онъ потянулся къ хозяйкѣ и вдругъ залепеталъ:

— Это что жъ? Это блины!? Mais... c'est charmant.²

— Не пожелаете ли, господинъ, тотчасъ же и вѣжливо предложила хозяйка.

¹ Она этого хотела. (франц.).

² Но... это прелестно. (франц.).

— Пожелаю, именно пожелаю, и... я бы васъ попросилъ еще чаю, оживился Степанъ Трофимовичъ.

— Самоварчикъ поставить? Это съ большимъ нашимъ удовольствіемъ.

На большой тарелкѣ съ крупными синими узорами явились блины — извѣстные крестьянскіе, тонкіе, полупшеничные, облитые горячимъ свѣжимъ масломъ, вкуснѣйшіе блины. Степанъ Трофимовичъ съ наслажденіемъ попробовалъ.

— Какъ жирно и какъ это вкусно! И еслибы только возможно un doigt d'eau de vie¹.

— Ужь не водочки ли, господинъ, желали?

— Именно, именно, немножко, un tout petit rien².

— На пять копѣекъ, значить?

— На пять — на пять — на пять — на пять, un tout petit rien, съ блаженною улыбочкой поддакивалъ Степанъ Трофимовичъ.

Попросите простолюдина что-нибудь для васъ сдѣлать, и онъ вамъ, если можетъ и хочетъ, услужить старательно и радушно; но попросите его сходить за водочкой — и обыкновенное спокойное радушіе переходитъ вдругъ въ какую-то торопливую, радостную услужливость, почти въ родственную о васъ заботливость. Идущій за водкой, — хотя будете пить только вы, а не онъ, и онъ знаетъ это заранѣе, — все равно ощущаетъ какъ бы нѣкоторую часть вашего будущаго удовлетворенія... Не больше какъ черезъ три-четыре минуты (кабакъ былъ въ двухъ шагахъ) очутилась предъ Степаномъ Трофимовичемъ на столѣ косушка и большая зеленоватая рюмка.

— И это все мнѣ! удивился онъ чрезвычайно. — У меня всегда была водка, но я никогда не зналъ что такъ много на пять копѣекъ.

Онъ налилъ рюмку, всталъ и съ нѣкоторою торжественностью перешелъ черезъ комнату въ другой уголь, гдѣ помѣстилась его спутница на мѣшкѣ, чернобровая бабенка, такъ надоѣдавшая ему дорогой разспросами. Бабенка законфузилась и стала было отнѣкиваться, но высказавъ все предписанное приличіемъ, подконецъ встала, выпила учтиво, въ три хлѣбка, какъ пьютъ женщины, и выказавъ чрезвычайное страданіе въ лицѣ, отдала рюмку и глубоко поклонилась Степану Трофимовичу. Онъ съ важностію отдалъ поклонъ и воротился за столъ даже съ гордымъ видомъ.

Все это совѣршалось въ немъ по какому-то вдохновенію: онъ и самъ, еще за секунду, не зналъ что пойдетъ подчивать бабенку.

¹ чуточку водки (*франц.*).

² самую малость (*франц.*).

«Я въ совершенствѣ, въ совершенствѣ умѣю обращаться съ народомъ и я это имъ всегда говорилъ», самодовольно подумалъ онъ, наливая себѣ оставшееся вино изъ косушки; хотя вышло менѣе рюмки, но вино живительно согрѣло его и немного даже бросилось въ голову.

«Je suis malade tout à fait, mais ce n'est pas trop mauvais d'être malade».¹

— Не пожелаете ли приобрѣсти? раздался подлѣ него тихій женскій голосъ.

Онъ поднялъ глаза и къ удивленію увидѣлъ предъ собою одну даму — *une dame et elle en avait l'air*² — лѣтъ уже за тридцать, очень скромную на видъ, одѣтую по-городскому, въ темненькое платье и съ большимъ сѣрымъ платкомъ на плечахъ. Въ лицѣ ея было нѣчто очень привѣтливое, немедленно понравившееся Степану Трофимовичу. Она только-что сейчасъ воротилась въ избу, въ которой оставались ея вещи на лавкѣ, подлѣ самага того мѣста которое занялъ Степанъ Трофимовичъ, — между прочимъ портфель, на который, онъ помнилъ это, войдя посмотрѣлъ съ любопытствомъ, и не очень большой клеенчатый мѣшокъ. Изъ этого-то мѣшка она вынула двѣ красиво переплетенныя книжки съ вытѣсненными крестами на переплетахъ и поднесла ихъ къ Степану Трофимовичу.

— Eh... mais je crois que c'est l'Evangile³; съ величайшимъ удовольствіемъ... А, я теперь понимаю... Vous êtes ce qu'on appelle⁴ книгоноша; я читалъ неоднократно... Полтинникъ?

— По тридцати пяти копѣекъ, отвѣтила книгоноша.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Je n'ai rien contre l'Evangile, et...⁵ Я давно уже хотѣлъ перечитать...

У него мелькнуло въ ту минуту что онъ не читалъ Евангелія по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцать и только развѣ лѣтъ семь назадъ припомнилъ изъ него капельку лишь по Ренановой книгѣ *Vie de Jésus*⁶! Такъ какъ у него мелочи не было, то онъ и вытащилъ свои четыре десятирублевые билета — все что у него было. Хозяйка взялась размѣнять, и тутъ только онъ замѣтилъ, всмотрѣвшись, что въ избу набралось довольно народу и что всѣ давно уже наблюдаютъ его и кажется о немъ говорятъ. Толковали тоже и о городскомъ пожарѣ, болѣе всѣхъ хозяинъ телѣги съ коровой, такъ какъ онъ только-что вернулся изъ города. Говорили про поджогъ, про Шпигулинскихъ.

¹ «Я совсем болен, но это не так уж плохо быть больным». (*франц.*).

² она именно имела вид дамы (*франц.*).

³ Э... да это, кажется, Евангелие (*франц.*).

⁴ Вы, что называется (*франц.*).

⁵ Я ничего не имею против Евангелия, и... (*франц.*).

⁶ «Жизнь Иисуса» (*франц.*).

«Вѣдь вотъ ничего онъ не говорилъ со мной про пожаръ, когда везъ меня, а обо всемъ говорилъ», подумалось что-то Степану Трофимовичу.

— Батюшка, Степанъ Трофимовичъ, васъ ли я, сударь вижу? Вотъ ужъ и не чаялъ совсѣмъ!... Али не признали? воскликнулъ одинъ пожилой малый, съ виду въ родѣ стариннаго двороваго, съ бритою бородой и одѣтый въ шинель съ длиннымъ откиднымъ воротникомъ. Степанъ Трофимовичъ испугался услыхавъ свое имя.

— Извините, пробормоталъ онъ, — я васъ не совсѣмъ припоминаю...

— Запомятовали! Да вѣдь я Анисимъ, Анисимъ Ивановъ. Я у покойнаго господина Гаганова на службѣ состоялъ, и васъ, сударь, сколько разъ съ Варварой Петровной у покойницы Авдотьи Сергѣевны видывалъ. Я къ вамъ отъ нея съ книжками хаживалъ и конфеты вамъ петербургскія отъ нея два раза приносилъ...

— Ахъ, да, помню тебя, Анисимъ, улыбнулся Степанъ Трофимовичъ. — Ты здѣсь и живешь?

— А подлѣ Спасова-съ, въ В — мѣ монастырѣ, въ посадѣ у Марѣи Сергѣевны, сестрицы Авдотьи Сергѣевны, можетъ изволите помнить, ногу сломали, изъ коляски выскочили, на балъ ѣхали. Теперъ около монастыря проживаютъ, а я при нихъ-съ; а теперъ вотъ, изволите видѣть, въ губернію собрался, своихъ попровѣдать...

— Ну да, ну да.

— Васъ увидавъ обрадовался, милостивы до меня бывали-съ, восторженно улыбался Анисимъ. — Да куда жъ вы, сударь, такъ это собрались, кажись какъ бы одни-одинешеньки... Никогда кажись не выѣзжали одни-съ?

Степанъ Трофимовичъ пугливо посмотрѣлъ на него.

— Ужъ не къ намъ ли въ Спасовъ-съ?

— Да, я въ Спасовъ. Il semble que tout le monde va à Spassof...¹

— Да ужъ не къ Ѳедору ли Матвѣевичу? То-то вамъ обрадуются. Вѣдь ужъ какъ въ старину уважали васъ; теперъ даже вспоминаютъ неоднократно....

— Да, да, и къ Ѳедору Матвѣевичу.

— Надо быть-съ, надо быть-съ. То-то мужики здѣсь дивятся, слово, сударь, васъ на большой дорогѣ будто бы пѣшкомъ повстрѣчали. Глупый они народъ-съ.

— Я... Я это... Я, знаешь Анисимъ, я объ закладъ побился, какъ у Англичанъ, что я дойду пѣшкомъ, и я....

Потъ пробивался у него на лбу и на вискахъ.

¹ Мне кажется, что все направляются в Спасов. (франц.).

— Надо быть-съ; надо быть-съ... вслушивался съ безжалостнымъ любопытствомъ Анисимъ. Но Степанъ Трофимовичъ не могъ дольше вынести. Онъ такъ сконфузился что хотѣлъ было встать и уйти изъ избы. Но подали самоваръ, и въ ту же минуту воротилась выходившая куда-то книгоноша. Съ жестомъ спасающаго себя человѣка, обратился онъ къ ней и предложилъ чаю. Анисимъ уступилъ и отошелъ.

Дѣйствительно между мужиками поднималось недоумѣніе: «Что за человѣкъ? Нашли пѣшкомъ на дорогѣ, говоритъ что учитель, одѣтъ какъ бы иностранецъ, а умомъ словно малый ребенокъ, отвѣчаетъ несуразно, точно бы убѣждалъ отъ кого, и деньги имѣеть!» Начинаясь было мысль возвѣстить по начальству — «такъ какъ при всемъ томъ въ городѣ не совсѣмъ спокойно.» Но Анисимъ все это уладилъ въ ту же минуту. Выдя въ сѣни, онъ сообщилъ всѣмъ кто хотѣлъ слушать что Степанъ Трофимовичъ не то чтобъ учитель, а «сами большіе ученые и большими науками занимаются, а сами здѣшніе помѣщики были и живутъ уже двадцать два года у полной генеральши Ставрогиной, замѣсто самага главнаго человѣка въ домѣ, а почетъ имѣютъ отъ всѣхъ по городу чрезвычайный. Въ клубѣ Дворянскомъ по сѣренькой и по радужной въ одинъ вечеръ оставляли, а чиномъ совѣтникъ, все равно что военный подполковникъ, однимъ только чиномъ ниже полнаго полковника будутъ. А что деньги имѣютъ, такъ деньгамъ у нихъ черезъ полную генеральшу Ставрогину счету нѣтъ» и пр. и пр.

«Mais c'est une dame et très comme il faut»¹, отдыхалъ отъ Анисимова нападенія Степанъ Трофимовичъ, съ приятнымъ любопытствомъ наблюдая свою сосѣдку книгоношу, пившую впрочемъ чай съ блюдечка и въ прикуску. «Ce petit morceau de sucre se n'est rien...»² Въ ней есть нѣчто благородное и независимое и въ то же время — тихое. Le comme il faut tout pur³, но только нѣсколько въ другомъ родѣ.»

Онъ скоро узналъ отъ нея что она Софья Матвѣевна Улитина и проживаетъ собственно въ К., имѣетъ тамъ сестру вдовую, изъ мѣщанъ; сама также вдова, а мужъ ея, подпоручикъ за выслугу изъ фельдфебелей, былъ убитъ въ Севастополѣ.

— Но вы еще такъ молоды, vous n'avez pas trente ans⁴.

— Тридцать четыре-съ, улыбнулась Софья Матвѣевна.

— Какъ, вы и по-французски понимаете?

— Немножко-съ; я въ благородномъ домѣ одномъ прожила послѣ того четыре года и тамъ отъ детей понаучилась.

¹ «Да ведь это дама, и вполне приличная» (франц.).

² «Этот кусочек сахару — это ничего» (франц.).

³ В высшей степени приличное (франц.).

⁴ вам нет и тридцати лет (франц.).

Она разказала что послѣ мужа оставшись всего восемнадцати лѣтъ, находилась нѣкоторое время въ Севастополѣ «въ сестрахъ», а потомъ жила по разнымъ мѣстамъ-съ, а теперь вотъ ходитъ и Евангеліе продаетъ.

— Mais mon Dieu¹, это не съ вами ли у насъ была въ городѣ одна странная, очень даже странная исторія?

Она покраснѣла; оказалось что съ нею.

— Ces vauriens, ces malheureux!...² началъ было онъ задрожавшимъ отъ негодованія голосомъ; болѣзненное и ненавистное воспоминаніе отозвалось въ его сердцѣ мучительно. На минуту онъ какъ бы забылся.

«Ба, да она опять ушла», спохватился онъ, замѣтивъ что ея уже опять нѣтъ подлѣ. «Она часто выходитъ и чѣмъ-то занята; я замѣчаю что даже встревожена... Bah, je deviens égoïste.³»

Онъ поднялъ глаза и и опять увидалъ Анисима, но на этотъ разъ уже въ самой угрожающей обстановкѣ. Вся изба была полна мужиками и всѣхъ ихъ притащилъ съ собой очевидно Анисимъ. Тутъ былъ и хозяинъ избы и мужикъ съ коровой, какіе-то еще два мужика (оказались извощики), какой-то еще маленькій, полупьяный человѣкъ, одѣтый по-мужицки, а между тѣмъ бритый, похожій на пропившагося мѣщанина, и болѣе всѣхъ говорившій. И всѣ-то они толковали о немъ, о Степанѣ Трофимовичѣ. Мужикъ съ коровой стоялъ на своемъ, увѣряя что по берегу верстъ сорокъ крюку будетъ и что непременно надобно на праходѣ. Полупьяный мѣщанинъ и хозяинъ съ жаромъ возражали:

— Потому, если, братецъ ты мой, ихъ высокоблагородію конечно на праходѣ черезъ озеро ближе будетъ; это какъ есть, да праходъ-то, по теперешнему, пожалуй и не подойдетъ.

— Доходить, доходить, еще недѣлю будетъ ходить, болѣе всѣхъ горячился Анисимъ.

— Такъ-то оно такъ! да не аккуратно приходитъ, потому время позднее, иной разъ въ Устьевѣ по три дня поджидаютъ.

— Завтра будетъ, завтра къ двумъ часамъ аккуратно придетъ. Въ Спасовъ еще до вечера аккуратно, сударь, прибудете, лѣзь изъ себя Анисимъ.

— Mais qu'est ce qu'il a cet homme⁴, трепеталъ Степанъ Трофимовичъ, со страхомъ ожидая своей участи.

¹ Но Боже мой (франц.).

² Эти негодяи, эти презренные! (франц.).

³ Ба, я становлюсь эгоистом (франц.).

⁴ «Но что надо этому человеку» (франц.).

Выступили впередъ и извощики, стали рядиться; брали до Устьева три рубля. Остальные кричали что не обидно будетъ, что это какъ есть цѣна, и что отселева до Устьева все лѣто за эту цѣну возили.

— Но... здѣсь тоже хорошо... И я не хочу, прошамкалъ было Степанъ Трофимовичъ.

— Хорошо, сударь, это вы справедливо, въ Спасовѣ у насъ теперь куды хорошо, и Ѳедоръ Матвѣевичъ такъ вамъ будутъ обрадованы.

— *Mon Dieu, mes amis*¹, все это такъ для меня неожиданно.

Наконецъ-то воротилась Софья Матвѣевна. Но она сѣла на лавку такая убитая и печальная.

— Не быть мнѣ въ Спасовѣ! проговорила она хозяйкѣ.

— Какъ, такъ и вы въ Спасовѣ? встрепенулся Степанъ Трофимовичъ.

Оказалось что одна помѣщица, Надежда Егоровна Свѣтлицына, велѣла ей еще вчера поджидать себя въ Хатовѣ и обѣщалась довести до Спасова, да вотъ и не пріѣхала.

— Что я буду теперь дѣлать? повторяла Софья Матвѣевна.

— *Mais ma shère et nouvelle amie*², вѣдь и я васъ тоже могу довести, какъ и помѣщица, въ это какъ его, въ эту деревню, куда я нанялъ, а завтра, — ну а завтра мы вмѣстѣ въ Спасовъ.

— Да развѣ вы тоже въ Спасовѣ?

— *Mais que faire, et je suis enchanté*³ Я васъ съ чрезвычайной радостью доведу; вонъ они хотятъ, я уже нанялъ... Я кого же изъ васъ нанялъ, ужасно захотѣлъ вдругъ въ Спасовъ Степанъ Трофимовичъ.

Черезъ четверть часа уже усаживались въ крытую бричку, онъ очень оживленный и совершенно довольный; она съ своимъ мѣшкомъ и съ благородною улыбкой подлѣ него. Подсаживалъ Анисимъ.

— Добраго пути, сударь, хлопоталъ онъ изо всѣхъ силъ около брички; вотъ ужъ какъ были вами обрадованы!

— Прощай, прощай, другъ мой, прощай.

— Ѳедора Матвѣича, сударь, увидите...

— Да, мой другъ, да... Ѳедора Петровича... только прощай.

II.

— Видите, другъ мой, вы позволите мнѣ называть себя вашимъ другомъ, *n'est-ce pas*?⁴ торопливо началъ Степанъ Трофимовичъ, только что тронулась бричка. — Видите я... *J'aime le peuple, c'est indispensable,*

¹ Боже мой, друзья мои (*франц.*).

² Но, мой дорогой и новый друг (*франц.*).

³ Что же делать, да я в восторге! (*франц.*).

⁴ не правда ли? (*франц.*).

mais il me semble que je ne l'avais jamais vu de près. Stazie... cela va sans dire qu'elle est aussi du peuple... mais le vrai peuple,¹ то-есть настоящий, который на большой дорогѣ, мнѣ кажется, ему только и дѣла куда я собственно ѣду... Но, оставимъ обиды. Я немного какъ будто заговариваюсь, но это кажется отъ торопливости.

— Кажется вы нездоровы-съ, зорко, но почтительно присматривалась къ нему Софья Матвѣевна.

— Нѣтъ, нѣтъ, стоитъ только закутаться, и вообще свѣжій какой-то вѣтеръ, даже ужь очень свѣжій, но, мы забудемъ это. Я, главное, не то бы хотѣлъ сказать. *Chère et incomparable amie*², мнѣ кажется что я почти счастливъ, и виною того — вы. Мнѣ счастье невыгодно, потому что я немедленно лѣзу прощать всѣхъ враговъ моихъ....

— Что жъ, вѣдь это очень хорошо-съ.

— Не всегда *chère innocente. L'Evangile... Voyez-vous, désormais nous le prêcherons ensemble*³, и я буду съ охотой продавать ваши красивые книжки. Да, я чувствую что это пожалуй идея, *quelque chose de très nouveau dans ce genre*⁴. Народъ религіозенъ, *s'est admis*⁵, но онъ еще не знаетъ Евангелія. Я ему изложу его... Въ изложеніи устномъ можно исправить ошибки этой замѣчательной книги, къ которой я, разумѣется, готовъ отнестись съ чрезвычайнымъ уваженіемъ. Я буду полезенъ и на большой дорогѣ. Я всегда былъ полезенъ, я всегда говорилъ *имѣ* это *et à cette chère ingrate*...⁶ О, простимъ, простимъ, прежде всего простимъ всѣмъ и всегда... Будемъ надѣяться что и насъ простятъ. Да, потому что всѣ и каждый одинъ предъ другимъ виноваты. Всѣ виноваты!...

— Вотъ это, кажется, вы очень хорошо изволили сказать-съ.

— Да, да... Я чувствую что я очень хорошо говорю. Я буду говорить имъ очень хорошо, но, но что же я хотѣлъ-было главнаго сказать? Я все сбиваюсь и не помню... Позвольте ли вы мнѣ не разставаться съ вами? Я чувствую что вашъ взглядъ и... я удивляюсь даже вашей манерѣ: вы простодушны, вы говорите слово-ерсъ и опрокидываете чашку на блюдечко... съ этимъ безобразнымъ кусочкомъ; но въ васъ есть нѣчто прелестное, и я вижу по вашимъ чертамъ... О не краснѣйте и не бойтесь меня какъ мушину. *Chère et incomparable, pour moi une femme s'est tout*.⁷ Я не могу не жить подлѣ женщины, но только подлѣ.... Я ужасно, ужасно сбился... Я никакъ не могу вспомнить что я хотѣлъ сказать. О,

¹ Я люблю народ, это необходимо, но мне кажется, что я никогда не видал его вблизи. Настасья... нечего и говорить, она тоже из народа... но настоящий народ (*франц.*).

² Дорогой и несравненный друг (*франц.*).

³ дорогая простушка, Евангелие... Видите ли, отныне мы его будем проповедовать вместе (*франц.*).

⁴ нечто совершенно новое в этом роде (*франц.*).

⁵ это установлено (*франц.*).

⁶ и этой дорогой благодарной женщине... (*франц.*).

⁷ Дорогая и несравненная, для меня женщина — это всё. (*франц.*).

блаженъ тотъ кому Богъ посылаетъ всегда женщину и... и я думаю даже что я въ нѣкоторомъ восторгѣ. И на большой дорогѣ есть высшая мысль! вотъ — вотъ что я хотѣлъ сказать про мысль, вотъ теперь и вспомнилъ, а то я все не попадалъ. И зачѣмъ они повезли насъ дальше? Тамъ было тоже хорошо, а тутъ — *cela devient trop froid*. А *propos j'ai en tout quarante roubles et voilà cet argent*¹, возьмите, возьмите, я не умѣю, я потеряю и у меня возьмутъ, и... Мнѣ кажется что мнѣ хочется спать; у меня что-то въ головѣ вертится. Такъ, вертится, вертится, вертится. О, какъ вы добры, чѣмъ это вы меня накрываете?

— У васъ вѣрно совершенная лихорадка-съ, и я васъ одѣяломъ моимъ накрыла, а только про деньги-съ я бы....

— О, ради Бога *n'en parlons plus, parce que cela me fait mal*², о, какъ вы добры!

Онъ какъ-то быстро прервалъ говорить и чрезвычайно скоро заснулъ лихорадочнымъ, знобящимъ сномъ. Проселокъ, по которому ѣхали эти семнадцать верстъ, былъ не изъ гладкихъ, и экипажъ жестоко подталкивало. Степанъ Трофимовичъ часто просыпался, быстро поднимался съ маленькой подушки, которую просунула ему подъ голову Софья Матвѣевна, схватывалъ ее за руку и освѣдомлялся: «Вы здѣсь?» точно опасался чтобъ она не ушла отъ него. Онъ увѣрялъ ее тоже что видитъ во снѣ какую-то раскрытую челюсть съ зубами, и что ему это очень противно. Софья Матвѣевна была въ большомъ за него безпокойствѣ.

Извозчики подвезли ихъ прямо къ большой избѣ въ четыре окна и съ жилыми пристройками на дворѣ. Проснувшійся Степанъ Трофимовичъ поспѣшилъ войти и прямо прошелъ во вторую, самую просторную и лучшую комнату дома. Заспанное лицо его приняло самое хлопотливое выраженіе. Онъ тотчасъ же объяснилъ хозяйкѣ, высокой и плотной бабѣ, лѣтъ сорока, очень черноволосой и чуть не съ усами, что требуетъ для себя всю комнату, «и чтобы комнату затворить и никого болѣе сюда не впускать, *parce que nous avons à parler. Oui, j'ai beaucoup à vous dire chère amie*».³ Я вамъ заплачу, заплачу!» замахалъ онъ хозяйкѣ.

Онъ хоть и торопился, но какъ-то туго шевелилъ языкомъ. Хозяйка выслушала непривѣтливо, но промолчала въ знакъ согласія, въ которомъ впрочемъ предчувствовалось какъ бы нѣчто угрожающее. Онъ ничего этого не примѣтилъ и торопливо (онъ ужасно торопился) потребовалъ чтобъ она ушла и подала сейчасъ же какъ можно скорѣе обѣдать, «ни мало не медля».

¹ становится слишкомъ холодно. Между прочим, у меня всего сорокъ рублей, и вот эти деньги (*франц.*).

² не будемъ больше говорить объ этомъ, потому что меня это огорчает (*франц.*).

³ потому что намъ надо поговорить. Да, мне нужно много сказать вамъ, дорогой друг. (*франц.*).

Тутъ баба съ усами не вытерпѣла.

— Здѣсь вамъ не постоялый дворъ, господинъ, мы обѣда для проѣзжихъ не содержимъ. Раковъ сварить, аль самоваръ поставить, а больше нѣтъ у насъ ничего. Рыба свѣжая завтра лишь будетъ.

Но Степанъ Трофимовичъ замахалъ руками, съ гнѣвнымъ нетерпѣніемъ повторяя: «заплачу, только скорѣе, скорѣе». Порѣшили на ухѣ и на жареной курицѣ; хозяйка объявила что во всей деревнѣ нельзя достать курицу; впрочемъ согласилась пойти поискать, но съ такимъ видомъ какъ будто дѣлала необычайное одолженіе.

Только-что она вышла, Степанъ Трофимовичъ мигомъ усѣлся на диванѣ и посадилъ послѣ себя Софью Матвѣевну. Въ комнатѣ былъ и диванъ и кресла, но ужаснаго вида. Вообще вся комната довольно обширная (съ отдѣленіемъ за перегородкой, гдѣ стояла кровать), съ желтыми, старыми, порвавшимися обоями, съ миѳологическими ужасными литографіями на стѣнахъ, съ длиннымъ рядомъ иконъ и мѣдныхъ складней въ переднемъ углу, съ своею странною сборною мебелью, представляла собою неприглядную смѣсь чего-то городского и искони-крестьянскаго. Но онъ даже не взглянулъ на все это, даже не поглядѣлъ въ окошко на огромное озеро, начинавшееся въ десяти саженьяхъ отъ избы.

— Наконецъ мы отдѣльно, и мы никого не пустимъ! Я хочу вамъ все, все рассказать съ самаго начала.

Софья Матвѣевна съ сильнымъ даже безпокойствомъ остановила его:

— Вамъ извѣстно ли, Степанъ Трофимовичъ....

— Comment, vous savez déjà mon nom? улынулся онъ радостно.

— Я давеча отъ Анисима Ивановича слышала, какъ вы съ нимъ разговаривали. А я вотъ въ чемъ осмѣлюсь вамъ съ своей стороны.

И она быстро зашептала ему, оглядываясь на запертую дверь, чтобы кто не подслушалъ, — что здѣсь въ этой деревнѣ, бѣда-съ. Что всѣ здѣшніе мужики, хотя и рыболовы, а что тѣмъ собственно и промышляютъ что каждымъ лѣтомъ съ постояльцевъ берутъ плату какую только имъ вздумается. Деревня эта не проѣзжая, а глухая, и что потому только и пріѣзжаютъ сюда что здѣсь пароходъ останавливается, и что когда пароходъ не приходитъ, потому чуть-чуть непогода такъ онъ ни за что не придетъ, то наберется народу за нѣсколько дней, и ужъ тутъ всѣ избы по деревнѣ заняты, а хозяева только того и ждуть; потому за каждый предметъ въ три цѣны берутъ, и хозяинъ здѣшній гордый и надменный, потому что ужъ очень по здѣшнему мѣсту богатъ; у него неводъ одинъ тысячу рублей стоитъ.

¹ Как, вы знаете уже мое имя? (франц.).

Степанъ Трофимовичъ глядѣль въ чрезвычайно одушевившееся лицо Софьи Матвѣевны чуть не съ укоромъ и нѣсколько разъ дѣлалъ жестъ чтобъ остановить ее. Но она стала на своемъ и досказала: по ея словамъ, она уже была здѣсь лѣтомъ съ одною «очень благородною госпожой-съ» изъ города и тоже заночевали пока пароходъ не приходилъ, цѣлыхъ даже два дня-съ, и что такого горя натерпѣлись, что вспомнить страшно. «Вотъ вы, Степанъ Трофимовичъ, изволили спросить эту комнату для одного себя-съ... Я только потому чтобы предупредить-съ... Тамъ въ той комнатѣ уже есть пріѣзжіе, одинъ пожилой человѣкъ и одинъ молодой человѣкъ, да какая-то госпожа съ дѣтьми, а къ завтраму полная изба наберется до двухъ часовъ, потому что пароходъ, такъ какъ два дня не приходилъ, такъ ужъ навѣрно завтра придетъ. Такъ за особую комнату и за то что вы вотъ спросили у нихъ обѣдать-съ и за обиду всѣмъ проѣзжимъ они столько съ васъ потребуютъ что и въ столицахъ не слыхано-съ»...

Но онъ страдалъ, страдалъ истинно:

— Assez, mon enfant,¹ я васъ умоляю; nous avons notre argent, et après — et après le bon Dieu². И я даже удивляюсь что вы, съ возвышенностію вашихъ понятій... Assez, assez, vous me tourmentez,³ произнесъ онъ истерически: — предъ нами вся наша будущность, а вы... вы меня пугаете за будущее....

Онъ тотчасъ же сталъ излагать всю исторію, до того торопясь что сначала даже и понять было трудно. Продолжалась она очень долго. Подавали уху, подавали курицу, подали наконецъ самоваръ, а онъ все говорилъ.... Нѣсколько странно и болѣзненно у него выходило, да вѣдь и былъ же онъ боленъ. Это было внезапное напряженіе умственныхъ силъ, которое, конечно, — и это съ тоской предвидѣла Софья Матвѣевна во все время его разказа, — должно было отозваться тотчасъ же потомъ чрезвычайнымъ упадкомъ силъ въ его уже разстроенномъ организмѣ. Началъ онъ чуть не съ дѣтства, когда «съ свѣжею грудью бѣжалъ по полямъ»; черезъ часъ только добрался до своихъ двухъ женитьбъ и берлинской жизни. Я впрочемъ не посмѣю смѣяться. Тутъ было для него дѣйствительно нѣчто высшее и, говоря новѣйшимъ языкомъ, почти борьба за существованіе. Онъ видѣлъ предъ собою ту которую онъ уже предъизбралъ себѣ въ будущій путь и спѣшилъ такъ-сказать посвятить ее. Его геніальность не должна была болѣе оставаться для нея тайною.... Можетъ-быть онъ сильно на счетъ Софьи Матвѣевны преувеличивалъ, но онъ уже избралъ ее. Онъ не могъ быть безъ женщины. Онъ самъ по

¹ Довольно, дитя мое (*франц.*).

² у насъ есть деньги, а затем, а затем Богъ поможетъ (*франц.*).

³ Довольно, довольно, вы меня мучаете (*франц.*).

лицу ея ясно видѣлъ что она совсѣмъ почти его не понимаетъ, и даже самага капитальнаго.

«Ce n'est rien, nous attendrons,¹ а пока она можетъ понять предчувствіемъ»....

— Другъ мой, мнѣ всего только и надо одно ваше сердце! восклицалъ онъ ей, прерывая разказъ, и вотъ этотъ теперешній, милый, обаятельный взглядъ какимъ вы на меня смотрите. О, не краснѣйте! Я уже вамъ сказалъ....

Особенно много было туманнаго для бѣдной попавшейся Софьи Матвѣевны когда исторія перешла чуть не въ цѣлую диссертацію о томъ какъ никто и никогда не могъ понять Степана Трофимовича, и какъ «гибнуть у насъ въ Россіи таланты». Ужь очень было «такое все умное-съ», передавала она потомъ съ уныніемъ. Она слушала съ видимымъ страданіемъ, немного вытаращивъ глаза. Когда же Степанъ Трофимовичъ бросился въ юморъ и въ остроумнѣйшія колкости на счетъ нашихъ «передовыхъ и господствующихъ», то она съ горя попробовала даже раза два усмѣхнуться въ отвѣтъ на его смѣхъ, но вышло у ней хуже слезъ, такъ что Степанъ Трофимовичъ даже наконецъ самъ сконфузился и тѣмъ съ большимъ азартомъ и злобой ударилъ на нигилистовъ и «новыхъ людей». Тутъ ужъ онъ ее просто испугалъ, и отдохнула она лишь нѣсколько, самымъ обманчивымъ впрочемъ отдыхомъ, когда собственно начался романъ. Женщина всегда женщина, будь хоть монахиня. Она улыбалась, качала головой и тутъ же очень краснѣла и потупляла глаза, тѣмъ приводя Степана Трофимовича въ совершенное восхищеніе и вдохновеніе, такъ что онъ даже много и прилгнулъ. Варвара Петровна вышла у него прелестнѣйшею брюнеткой («восхищавшею Петербургъ и весьма многія столицы Европы»), а мужъ ея умеръ «сраженный въ Севастополѣ пулей», единственно лишь потому что чувствовалъ себя недостойнымъ любви ея и уступая сопернику, то-есть все тому же Степану Трофимовичу.... «Не смущайтесь, моя тихая, моя христіанка!» воскликнулъ онъ Софьѣ Матвѣевнѣ, почти самъ вѣря всему тому что разказывалъ, — «это было нѣчто высшее, нѣчто до того тонкое что мы оба ни разу даже и не объяснились во всю нашу жизнь». Причиною такого положенія вещей являлась въ дальнѣйшемъ разказѣ уже блондинка (если не Дарья Павловна, — то я ужъ и не знаю кого тутъ подразумѣвалъ Степанъ Трофимовичъ). Эта блондинка была всѣмъ обязана брюнеткѣ и въ качествѣ дальней родственницы выросла въ ея домѣ. Брюнетка, замѣтивъ наконецъ любовь блондинки къ Степану Трофимовичу, заключилась сама въ себя. Блондинка, съ своей стороны, замѣтивъ

¹ Это ничего, мы подождем (*франц.*).

любовь брюнетки къ Степану Трофимовичу, тоже заключилась сама въ себя. И всѣ трое, изнемогая отъ взаимнаго великодушія, промолчали такимъ образомъ двадцать лѣтъ, заключившись сами въ себя. «О, что это была за страсть, что это была за страсть!» восклицалъ онъ всхлипывая въ самомъ искреннемъ восторгѣ. Я видѣлъ полный разцветъ красоты ея (брюнетки), видѣлъ «съ нарывомъ въ сердцѣ» ежедневно какъ она проходила мимо меня, какъ бы стыдясь красоты своей. (Разъ онъ сказалъ: «стыдясь своей полноты».) Наконецъ онъ убѣждалъ, бросивъ весь этотъ горячешный двадцатилѣтній сонъ. — Vingt ans!¹ И вотъ теперь на большой дорогѣ.... Затѣмъ, въ какомъ-то воспалительномъ состояніи мозга, принялся онъ объяснять Софѣ Матвѣевнѣ что должна обозначать сегодняшняя «столь нечаянная и столь роковая встрѣча ихъ на вѣки вѣковъ». Софья Матвѣевна въ ужасномъ смущеніи встала наконецъ съ дивана; онъ даже сдѣлалъ попытку опуститься предъ нею на колѣни, такъ что она заплакала. Сумерки сгущались; оба пробыли въ запертой комнатѣ уже нѣсколько часовъ....

— Нѣтъ, ужъ лучше вы меня отпустите въ ту комнату-съ, лепетала она, — а то пожалуй вѣдь что люди подумаютъ-съ.

Она вырвалась наконецъ; онъ ее отпустилъ, давъ ей слово сейчасъ же лечь спать. Прощаясь пожаловался что у него очень болитъ голова. Софья Матвѣевна, еще какъ входила, оставила свой сакъ и вещи въ первой комнатѣ, намѣреваясь ночевать съ хозяевами: но ей не удалось отдохнуть.

Въ ночи со Степаномъ Трофимовичемъ приключился столь извѣстный мнѣ и всѣмъ друзьямъ его припадокъ холерины — обыкновенный исходъ всѣхъ нервныхъ напряженій и нравственныхъ его потрясеній. Бѣдная Софья Матвѣевна не спала всю ночь. Такъ какъ ей, ухаживая за больнымъ, приходилось довольно часто входить и выходить изъ избы черезъ хозяйскую комнату, то спавшіе тутъ проѣзжіе и хозяйка ворчали и даже начали подконецъ браниться, когда она вздумала подъ утро поставить самоваръ. Степанъ Трофимовичъ все время припадка былъ въ полузабытій; иногда какъ бы мерещилось ему что ставятъ самоваръ, что его чѣмъ-то поятъ (малиной), грѣютъ ему чѣмъ-то животъ, грудь. Но онъ чувствовалъ почти каждую минуту что *она* была тутъ подлѣ него; что это она приходила и уходила, снимала его съ кровати и опять укладывала на нее. Часамъ къ тремъ пополуночи ему стало легче; онъ всталъ, спустилъ ноги съ постели, и не думая ни о чемъ, свалился предъ нею на полъ. Это было уже не давешнее колѣнопреклоненіе; онъ просто упалъ ей въ ноги и цѣловалъ полы ея платья....

---

¹ Двадцать лет! (*франц.*).

— Полноте-съ, я совсѣмъ не стою-съ, лепетала она, стараясь поднять его на кровать.

— Спасительница моя, благоговѣнно сложилъ онъ предъ нею руки: — Vous êtes noble comme une marquise!¹ я — я негодяй! О, я всю жизнь былъ безчестенъ...

— Успокойтесь, упрашивала Софья Матвѣевна.

— Я вамъ давеча все налгалъ, — для славы, для роскоши, изъ праздности, — все, все до послѣдняго слова, о, негодяй, негодяй!

Холерина перешла такимъ образомъ въ другой припадокъ, истерическаго самоосужденія. Я уже упоминалъ объ этихъ припадкахъ, говоря о письмахъ его къ Варварѣ Петровнѣ. Онъ вспомнилъ вдругъ о Lise, о вчерашней встрѣчѣ утромъ: «Это было такъ ужасно и — тутъ навѣрно было несчастье, а я не спросилъ, не узналъ! Я думалъ только о себѣ. О что съ нею не знаете ли вы что съ нею?» умолялъ онъ Софью Матвѣевну.

Потомъ онъ клялся, что «не измѣнить», что онъ *къ ней* воротится (то-есть къ Варварѣ Петровнѣ). «Мы будемъ подходить къ ея крыльцу (то-есть все съ Софьей Матвѣевной) каждый день, когда она садится въ карету для утренней прогулки, и будемъ тихонько смотрѣть.... О, я хочу чтобъ она ударила меня въ другую щеку; съ наслажденіемъ хочу! Я подставляю ей мою другую щеку *comme dans votre livre!*² Я теперь, теперь только понялъ что значить подставить другую.... «ланиту». Я никогда не понималъ прежде!»

Для Софьи Матвѣевны наступили два страшные дня ея жизни; она и теперь припоминаетъ о нихъ съ содроганіемъ. Степанъ Трофимовичъ заболѣлъ такъ серіозно что онъ не могъ отправиться на пароходъ, который на это разъ явился акуратно въ два часа пополудни; она же не въ силахъ была оставить его одного и тоже не поѣхала въ Спасовъ. По ея разказу, онъ очень даже обрадовался что пароходъ ушелъ:

— Ну и славно, ну и прекрасно, пробормоталъ онъ съ постели; — а то я все боялся что мы уѣдемъ. Здѣсь такъ хорошо, здѣсь лучше всего.... Вы меня не оставите? О, вы меня не оставили!

«Здѣсь» однако было вовсе не такъ хорошо. Онъ ничего не хотѣлъ знать изъ ея затрудненій; голова его была полна одними фантазіями. Свою же болѣзнь онъ считалъ чѣмъ-то мимолетнымъ, пустяками, и не думалъ о ней вовсе, а думалъ только о томъ какъ они пойдутъ и станутъ продавать «эти книжки». Онъ просилъ ее почитать ему Евангеліе:

— Я давно уже не читалъ.... въ оригиналѣ. А то кто-нибудь спросить, и я ошибусь; надо тоже все-таки приготовиться.

¹ Вы благородны, как маркиза! (*франц.*).

² как в вашей книге! (*франц.*).

Она усѣлась подлѣ него и развернула книжку.

— Вы прекрасно читаете, прервалъ онъ ее съ первой же строки. — Я вижу, вижу что я не ошибся! прибавилъ онъ неясно, но восторженно. И вообще онъ былъ въ непрерывномъ восторженномъ состояніи. Она прочитала нагорную проповѣдь.

— *Assez, assez mon enfant,*¹ довольно.... Неужто вы думаете что *этого* не довольно!

И онъ въ безсиліи закрылъ глаза. Онъ былъ очень слабъ, но еще не терялъ сознанія. Софья Матвѣевна поднялась-было, полагая что онъ хочетъ заснуть. Но онъ остановилъ:

— Другъ мой, я всю жизнь мою лгалъ. Даже когда говорилъ правду. Я никогда не говорилъ для истины, а только для себя, я это и прежде зналъ, но теперь только вижу.... О, гдѣ тѣ друзья которыхъ я оскорблялъ моею дружбой всю мою жизнь? И всѣ, и всѣ! *Savez-vous*², я можетъ лгу и теперь; навѣрно лгу и теперь. Главное въ томъ что я самъ себѣ вѣрю когда лгу. Всего труднѣе въ жизни жить и не лгать... и.... и собственной лжи не вѣрить, да, да, вотъ это именно! Но подождите, это все потомъ.... Мы вмѣстѣ, вмѣстѣ! прибавилъ онъ съ энтузіазмомъ.

— Степанъ Трофимовичъ, робко попросила Софья Матвѣевна, — не послать ли въ «губернію» за докторомъ?

Онъ ужасно былъ пораженъ.

— Зачѣмъ? *Est-ce que je suis si malade? Mais rien de sérieux.*³ И зачѣмъ намъ посторонніе люди? Еще узнаютъ и — что тогда будетъ? Нѣтъ, нѣтъ, никто изъ постороннихъ, мы вмѣстѣ, вмѣстѣ!

— Знаете, сказалъ онъ помолчавъ, — прочтите мнѣ еще что-нибудь, такъ, на выборъ, что-нибудь куда глазъ попадетъ.

Софья Матвѣевна развернула и стала читать.

— Гдѣ развернется, гдѣ развернется нечаянно, повторилъ онъ.

— «И Ангелу Лаодикійской церкви напиши»....

— Это что? что? Это откуда?

— Это изъ Апокалипсиса.

— О, *je m'en souviens, oui, l'Apocalypse. Lisez, lisez,*⁴ я загадалъ по книгѣ о нашей будущности, я хочу знать что вышло; читайте съ ангела, съ ангела....

— «И Ангелу Лаодикійской церкви напиши: сіе глаголетъ Аминь, свидѣтель вѣрный и истинный, начало созданія Божія. Знаю твои дѣла; ты ни холоденъ, ни горячъ, о еслибъ ты былъ холоденъ или горячъ! Но

¹ Довольно, довольно, дитя мое (*франц.*).

² Знаете ли (*франц.*).

³ Неужели же я такъ боленъ? Да ведь ничего серьезного. (*франц.*).

⁴ О, я припоминаю это, да, Апокалипсис. Читайте, читайте (*франц.*).

поелику ты теплъ, а не горячъ и не холоденъ, то изблюю тебя изъ устъ Моихъ. Ибо ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ, и ни въ чѣмъ не имѣю нужды, а не знаешь что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ.»

— Это.... и это въ вашей книгѣ! воскликнулъ онъ, сверкая глазами и приподнимаясь съ изголовья; — я никогда не зналъ этого великаго мѣста! Слышите: скорѣе холоднаго, холоднаго, чѣмъ теплаго, чѣмъ *только* теплаго. О, я докажу. Только не оставляйте, не оставляйте меня одного! Мы докажемъ, мы докажемъ!

— Да не оставлю же я васъ, Степанъ Трофимовичъ, никогда не оставлю-сь! схватила она его руки и сжала въ своихъ, поднося ихъ къ сердцу, со слезами на глазахъ смотря на него. (Жалко ужъ очень мнѣ ихъ стало въ ту минуту, передавала она.) Губы его задержались какъ бы судорожно.

— Однако, Степанъ Трофимовичъ, какъ же намъ все-таки быть-сь? Не дать ли знать кому изъ вашихъ знакомыхъ али можетъ родныхъ?

Но тутъ ужъ онъ до того испугался что она и не рада была что еще разъ помянула. Трепеща и дрожа умолялъ онъ не звать никого, не предпринимать ничего; бралъ съ нея слово, уговаривалъ: «Никого, никого! Мы одни, только одни, nous partirons ensemble.»¹

Очень худо было и то что хозяева тоже стали беспокоиться, ворчали и приставали къ Софьѣ Матвѣевнѣ. Она имъ уплатила и постаралась показать деньги; это смягчило на время; но хозяинъ потребовалъ «видѣ» Степана Трофимовича. Больной съ высокомерною улыбкой указалъ на свой маленькій сакъ; въ немъ Софья Матвѣевна отыскала его указъ объ отставкѣ или что-то въ этомъ родѣ, по которому онъ всю жизнь проживалъ. Хозяинъ не унялся и говорилъ что «надо ихъ куда ни на есть принять, потому у насъ не больница, а помретъ, такъ еще пожалуй что выйдеть; натерпимся». Софья Матвѣевна заговорила было и съ нимъ о докторѣ, но выходило что если послать въ «губернію», то до того могло дорого обойтись что ужъ конечно надо было оставить о докторѣ всякую мысль. Она съ тоской воротилась къ своему больному. Степанъ Трофимовичъ слабѣлъ все болѣе и болѣе.

— Теперь прочитайте мнѣ еще одно мѣсто.... о свиньяхъ, произнесъ онъ вдругъ.

— Чего-сь? испугалась ужасно Софья Матвѣевна.

— О свиньяхъ.... это тутъ же.... ces cochons²... я помню, бѣсы вошли въ свиней и всѣ потонули. Прочтите мнѣ это непременно; я вамъ послѣ скажу для чего. Я припомнить хочу буквально. Мнѣ надо буквально.

¹ мы отправимся вместе (франц.).

² эти свиньи (франц.).

Софья Матвѣевна знала Евангеліе хорошо и тотчасъ отыскала отъ Луки то самое мѣсто которое я и выставилъ эпиграфомъ къ моей хроникѣ. Приведу его здѣсь опять:

«Тутъ же на горѣ паслось большое стадо свиней, и бѣсы просили Его чтобы позволилъ имъ войти въ нихъ. Онъ позволилъ имъ. Бѣсы вышедши изъ человѣка вошли въ свиней, и бросилось стадо съ крутизны въ озеро и потонуло. Пастухи, увидя происшедшее, побѣжали и рассказали въ городѣ и въ селеніяхъ. И вышли видѣть происшедшее, и пришедши къ Иисусу нашли человѣка изъ котораго вышли бѣсы, сидящаго у ногъ Иисусовыхъ, одѣтаго и въ здоровомъ умѣ, и ужаснулись. Видѣвшіе же рассказали имъ какъ исцѣлился бѣсновавшійся.»

— Другъ мой, произнесъ Степанъ Трофимовичъ въ большомъ волненіи, — *savez-vous*, это чудесное и.... необыкновенное мѣсто было мнѣ всю жизнь камнемъ преткновенія.... *dans ce livre*¹.... такъ что я это мѣсто еще съ дѣтства упомянулъ. Теперь же мнѣ пришла одна мысль; *une comparaison*². Мнѣ ужасно много приходитъ теперь мыслей: видите, это точь-въ-точь какъ наша Россія. Эти бѣсы выходящіе изъ больнаго и входящіе въ свиней — это всѣ язвы, всѣ міазмы, вся нечистота, всѣ бѣсы и всѣ бѣсенята накопившіеся въ великомъ и миломъ нашемъ больномъ, въ нашей Россіи, за вѣка, за вѣка! *Oui, cette Russie, que j'aimais toujours*.³ Но великая мысль и великая воля осѣнятъ ее свыше, какъ и того безумнаго бѣсноватаго, и выйдутъ всѣ эти бѣсы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности.... и сами будутъ проситься войти въ свиней. Да и вошли уже можетъ-быть! Это мы, мы и тѣ, и Петруша.... *et les autres avec lui*⁴, и я можетъ-быть первый, во главѣ, и мы бросимся, безумные и взбѣсившіеся, со скалы въ море и всѣ потонемъ, и туда намъ дорога, потому что насъ только на это вѣдь и хватить. Но больной исцѣлится и «сядетъ у ногъ Иисусовыхъ».... и будутъ всѣ глядѣть съ изумленіемъ.... Милая, *vous comprendrez après*⁵, а теперь это очень волнуетъ меня.... *Vous comprendrez apres.... Nous comprendrons ensemble*.⁶

С нимъ сдѣлался бредъ и онъ наконецъ потерялъ сознание. Такъ продолжалось и весь слѣдующій день; Софья Матвѣевна сидѣла подлѣ него и плакала, не спала почти совсѣмъ уже третью ночь и избѣгала показываться на глаза хозяевамъ, которые, она предчувствовала, что-то уже начинали предпринимать. Избавленіе послѣдовало лишь на третій день. На утро Степанъ Трофимовичъ очнулся, узналъ ее и протянулъ ей

¹ вы знаете... в этой книге (*франц.*).

² одно сравнение (*франц.*).

³ Да, Россія, которую я любил всегда. (*франц.*).

⁴ и другие вместе с ним (*франц.*).

⁵ вы поймете потом (*франц.*).

⁶ Вы поймете потом Мы пойдем вместе (*франц.*).

руку. Она перекрестилась съ надеждою. Ему хотѣлось посмотрѣть въ окно: «Tiens, un lac¹, проговорилъ онъ; ахъ Боже мой, я еще и не видалъ его....» Въ эту минуту у подъѣзда избы прогремѣлъ чей-то экипажъ и въ домѣ поднялась чрезвычайная суматоха.

III.

То была сама Варвара Петровна, прибывшая въ четырехмѣстной каретѣ, четверней, съ двумя лакеями и съ Дарьей Павловной. Чудо совершилось просто: умиравшій отъ любопытства Анисимъ, прибывъ въ городъ, зашелъ-таки на другой день въ домъ Варвары Петровны и разболталъ прислугѣ что встрѣтилъ Степанъ Трофимовича одного въ деревнѣ, что видѣли его мужики на большой дорогѣ одного, пѣшкомъ, а что отправился онъ въ Спасовъ, на Устьево, уже вдвоемъ съ Софьей Матвѣевной. Такъ какъ Варвара Петровна, съ своей стороны, уже страшно тревожилась и разыскивала какъ могла своего бѣглаго друга, то объ Анисимѣ ей тотчасъ же доложили. Выслушавъ его и главное о подробностяхъ отъѣзда въ Устьево вмѣстѣ съ какою-то Софьей Матвѣевной въ одной бричкѣ, она мигомъ собралась и по горячему слѣду прикатила сама въ Устьево. О болѣзни его она еще не имѣла понятія.

Раздался суровый и повелительный ея голосъ; даже хозяйева струсили. Она остановилась лишь освѣдомиться и разспросить, увѣренная что Степанъ Трофимовичъ давно уже въ Спасовѣ; узнавъ же что онъ тутъ и боленъ, въ волненіи вступила въ избу.

— Ну, гдѣ тутъ онъ? А, это ты! крикнула она, увидавъ Софью Матвѣевну, какъ разъ въ ту самую минуту показавшуюся на порогѣ изъ второй комнаты; — я по твоему безстыжему лицу догадалась что это ты. Прочь, негодяйка! Чтобы сейчасъ духа ея не было въ домѣ! Выгнать ее, не то, мать моя, я тебя въ острогъ на вѣкъ упрячу. Стеречь ее пока въ другомъ домѣ. Она уже въ городѣ сидѣла разъ въ острогѣ, еще посидитъ. И прошу тебя, хозяинъ, не смѣть никого впускать пока я тутъ. Я генеральша Ставрогина и занимаю весь домъ. А ты, голубушка, мнѣ во всѣмъ дашь отчетъ.

Знакомые звуки потрясли Степана Трофимовича. Онъ затрепеталъ. Но она уже вступила за перегородку. Свѣркая глазами, подтолкнула она ногой стулъ, и откинувшись на спинку, прокричала Дашѣ:

— Выйди пока вонъ, побудь у хозяевъ. Что за любопытство? Да двери-то покрѣпче затвори за собой.

Нѣсколько времени она молча и какимъ-то хищнымъ взглядомъ всматривалась въ испуганное его лицо.

¹ Вот как, тут озеро (*франц.*).

— Ну, какъ поживаете, Степанъ Трофимовичъ? Каково погуляли? вырвалось вдругъ у нея съ яростною ироніей.

— *Chère*, залепеталъ не помня себя Степанъ Трофимовичъ, — я узналъ русскую дѣйствительную жизнь.. *Et je prêcherais l'Évangile...*¹

— О безстыдный, неблагородный человѣкъ! возопила она вдругъ, сплеснувъ руками. — Мало вамъ было осрамить меня, вы связались.... О, старый, безстыжій развратникъ!

— *Chère...*

У него пресѣкъся голосъ и онъ ничего не могъ вымолвить, а только смотрѣлъ, вытаращивъ глаза отъ ужаса.

— Кто *она* такая?

— *C'est un ange... C'était plus qu'un ange pour moi*², она всю ночь... О, не кричите, не пугайте ее, *chère, chère...*

Варвара Петровна вдругъ гремя вскочила со стула; раздался ея испуганный крикъ: «воды, воды!» Онъ хоть и очнулся, но она все еще дрожала отъ страху и блѣдная смотрѣла на искажившееся его лицо: тутъ только въ первый разъ догадалась она о размѣрахъ его болѣзни.

— Дарья, зашептала она вдругъ Дарьѣ Павловнѣ, — немедленно за докторомъ, за Зальцфишемъ; пусть ѣдетъ сейчасъ Егорычъ; пусть найметъ здѣсь лошадей, а изъ города возьметъ другую карету. Чтобы къ ночи быть тутъ.

Даша бросилась исполнять приказаніе. Степанъ Трофимовичъ смотрѣлъ все тѣмъ же вытаращеннымъ, испуганнымъ взглядомъ; поблѣвшія губы его дрожали.

— Подожди, Степанъ Трофимовичъ, подожди голубчикъ! уговаривала она его какъ ребенка; ну подожди же, подожди, вотъ Дарья воротится и... Ахъ, Боже мой, хозяйка, хозяйка, да приди хоть ты, матушка!

Въ нетерпѣніи она побѣжала сама къ хозяйкѣ.

— Сейчасъ, сію минуту *эту* опять назадъ. Воротить ее, воротить!

Къ счастью, Софья Матвѣевна не успѣла еще выбратъся изъ дому и только выходила изъ воротъ съ своимъ мѣшкомъ и узелкомъ. Ее вернули. Она такъ была испугана что даже ноги и руки ея тряслись. Варвара Петровна схватила ее за руку, какъ коршунъ цыпленка, и стремительно потащила къ Степану Трофимовичу.

— Ну вотъ она вамъ. Не съѣла же я ее. Вы думали что я ее такъ и съѣла.

Степанъ Трофимовичъ схватилъ Варвару Петровну за руку, поднесъ ее къ своимъ глазамъ и залился слезами, навзрыдъ, болѣзненно, припадочно.

¹ И я буду проповедовать Евангелие... (*франц.*).

² Это ангел... Она была для меня больше, чем ангел (*франц.*).

— Ну успокойся, успокойся, ну голубчикъ мой, ну батюшка! Ахъ, Боже мой, да ус-по-кой-тесь же! крикнула она неистово. — О мучитель, мучитель, вѣчный мучитель мой!

— Милая, пролепеталъ наконецъ Степанъ Трофимовичъ, обращаясь къ Софьѣ Матвѣевнѣ, — побудьте милая тамъ, я что-то хочу здѣсь сказать...

Софья Матвѣевна тотчасъ же поспѣшила выдти.

— *Chèrie... chèrie...* задыхался онъ.

— Подождите говорить, Степанъ Трофимовичъ, подождите немного пока отдохнете. Вотъ вода. Да по-дож-ди-те же!

Она сѣла опять на стулъ. Степанъ Трофимовичъ крѣпко держалъ ее за руку. Долго она не позволяла ему говорить. Онъ поднесъ руку ея къ губамъ и сталъ цѣловать. Она стиснула зубы, смотря куда-то въ уголъ.

— *Je vous aimais!*¹ вырвалось у него наконецъ. Никогда не слыхала она отъ него такого слова, такъ выговореннаго.

— Гм, промычала она въ отвѣтъ.

— *Je vous aimais toute ma vie... vingt ans!*²

Она все молчала — минуты двѣ, три.

— А какъ къ Дашѣ готовился, духами опрыскался... проговорила она вдругъ страшнымъ шепотомъ. Степанъ Трофимовичъ такъ и обомлѣлъ.

— Новый голстукъ надѣлъ...

Опять молчаніе минуты на двѣ.

— Сигарку помните?

— Другъ мой, прошамкалъ было онъ въ ужасѣ.

— Сигарку, вечеромъ, у окна... мѣсяцъ свѣтилъ... послѣ бесѣдки... въ Скворешникахъ? Помнишь ли, помнишь ли, вскочила она съ мѣста, схвативъ за оба угла его подушку и потрясая ее вмѣстѣ съ его головой. — Помнишь ли пустой, пустой, безславный, малодушный, вѣчно, вѣчно пустой человѣкъ! шипѣла она своимъ яростнымъ шепотомъ, удерживаясь отъ крику. Наконецъ бросила его и упала на стулъ, закрывъ руками лицо. — Довольно! отрѣзала она, выпрямившись. — Двадцать лѣтъ прошло, не воротишь; дура и я.

— *Je vous aimais*, сложилъ онъ опять руки.

— Да что ты мнѣ все *aimais* да *aimais*! Довольно! вскочила она опять. — И если вы теперь сейчасъ не заснете, то я... Вамъ нуженъ покой; спать, сейчасъ спать, закройте глаза. Ахъ, Боже мой, онъ можетъ-быть завтракать хотеть! Что вы ѣдите? Что онъ ѣстъ? Ахъ, Боже мой, гдѣ та? Гдѣ она?

¹ Я вас любил! (*франц.*).

² Я вас любил всю свою жизнь... двадцать лет! (*франц.*).

Началась было суматоха. Но Степанъ Трофимовичъ слабымъ голосомъ пролепеталъ что онъ дѣйствительно бы заснулъ *une heure*¹, а тамъ — *un bouillon, un thé... enfin il est si heureux*². Онъ легъ и дѣйствительно какъ будто заснулъ (вѣроятно притворился). Варвара Петровна подождала и на цыпочкахъ вышла изъ-за перегородки.

Она усѣлась въ хозяйской комнатѣ, хозяевъ выгнала и приказала Дашѣ привести къ себѣ *ту*. Начался серьезный допросъ.

— Расскажи теперь, матушка, всѣ подробности; садись подлѣ такъ. Ну?

— Я Степана Трофимовича встрѣтила....

— Стой, молчи. Предупреждаю тебя что если ты что совершь или утаишь, то я изъ-подъ земли тебя выкопаю. Ну?

— Я со Степаномъ Трофимовичемъ.... какъ только я пришла въ Хатово-съ.... почти задыхалась Софья Матвѣевна....

— Стой, молчи, подожди; чего забарабанила? Впервыхъ, сама ты что за птица?

Та рассказала ей кое-какъ, впрочемъ въ самыхъ короткихъ словахъ, о себѣ, начиная съ Севастополя. Варвара Петровна выслушала молча, выпрямившись на стулѣ, строго и упорно смотря прямо въ глаза разказщицѣ.

— Чего ты такая запуганная? Чего ты въ землю смотришь? — Я люблю такихъ которыя смотрять прямо и со мною спорять. Продолжай.

Она досказала о встрѣчѣ, о книжкахъ, о томъ какъ Степанъ Трофимовичъ потчивалъ бабу водкой....

— Такъ, такъ, не забывай ни малѣйшей подробности, ободрила Варвара Петровна. Наконецъ о томъ какъ поѣхали и какъ Степанъ Трофимовичъ все говорилъ «уже совсѣмъ больные-съ», а здѣсь всю жизнь, съ самаго первоначалу, нѣсколько даже часовъ разказывали.

— Расскажи про жизнь.

Софья Матвѣевна вдругъ запнулась и совсѣмъ стала въ тупикъ.

— Ничего я тутъ не умѣю сказать-съ, промолвила она чуть не плача, — да и не поняла я почти ничего-съ.

— Врешь; — не могла совсѣмъ ничего не понять.

— Про одну черноволосую знатную даму долго разказывали-съ, покраснѣла ужасно Софья Матвѣевна, замѣтивъ впрочемъ бѣлокурые волосы Варвары Петровны и совершенное несходство ея съ «брюнеткой».

— Черноволосую? — Что же именно? Ну говори!

¹ часок (*франц.*).

² бульону, чаю... наконец, он так счастлив (*франц.*).

— О томъ какъ эта знатная дама ужъ очень были въ нихъ влюблены-сь, во всю жизнь, двадцать цѣлыхъ лѣтъ; но все не смѣли открыться и стыдились предъ ними, потому что ужъ очень были полны-сь....

— Дуракъ! задумчиво, но рѣшительно отрѣзала Варвара Петровна. Софья Матвѣевна совсѣмъ уже плакала.

— Ничего я тутъ не умѣю хорошо разказать, потому сама въ большомъ страхѣ за нихъ была и понять не могла, такъ какъ они такіе умные люди....

— Объ умѣ его не такой воронѣ какъ ты судить. Руку предлагалъ? Разказчица затрепетала.

— Влюбился въ тебя? — Говори! Предлагалъ тебѣ руку? прикрикнула Варвара Петровна.

— Почти что такъ оно было-сь, всплакнула она. — Только я все это за ничто приняла, по ихъ болѣзни, прибавила она твердо, подымая глаза.

— Какъ тебя зовутъ: имя-отчество?

— Софья Матвѣевна-сь.

— Ну такъ знай ты, Софья Матвѣевна, что это самый дрянной, самый пустой человѣчишко... Господи, Господи! За негодяйку меня считаешь?

Та выпучила глаза.

— За негодяйку, за тиранку? — Его жизнь сгубившую?

— Какъ же это можно-сь, когда вы сами плачете-сь?

У Варвары Петровны дѣйствительно стояли слезы въ глазахъ.

— Ну садись, садись, не пугайся. — Посмотри мнѣ еще разъ въ глаза, прямо; чего покраснѣлась? Даша, поди сюда, смотри на нее: какъ ты думаешь, у ней сердце чистое....

И къ удивленію, а можетъ еще къ большому страху Софьи Матвѣевны, она вдругъ потрепала ее по щекѣ.

— Жаль только что дура. — Не по лѣтамъ дура. Хорошо, милая, я тобою займусь. Вижу что все это вздоръ. Живи пока подлѣ, квартиру тебѣ наймутъ, а отъ меня тебѣ столъ и все.... пока спрошу.

Софья Матвѣевна заикнулась-было въ испугѣ что ей надо спѣшить.

— Некуда тебѣ спѣшить. — Книги твои всѣ покупаю, а ты сиди здѣсь. Молчи, безъ отговорокъ. Вѣдь еслибъ я не пріѣхала, ты бы все равно его не оставила?

— Ни за что бы ихъ я не оставила-сь, тихо и твердо промолвила Софья Матвѣевна, утирая глаза.

Доктора Зальцфиша привезли уже поздно ночью. Это былъ весьма почтенный старичокъ и довольно опытный практикъ, недавно потеряв-

шій у насъ, вслѣдствіе какой-то амбиціозной ссоры съ своимъ начальствомъ, свое служебное мѣсто. Варвара Петровна въ тотъ же мигъ изо всѣхъ силъ начала ему «протезировать». Онъ осмотрѣлъ больнаго внимательно, распросилъ и осторожно объявилъ Варварѣ Петровнѣ что состояніе «страждущаго» весьма сомнительно, вслѣдствіе происшедшаго осложненія болѣзни, и что надо ожидать «всего даже худшаго». Варвара Петровна, въ двадцать лѣтъ отвыкшая даже отъ мысли о чемъ-нибудь серіозномъ и рѣшительномъ во всемъ что исходило лично отъ Степана Трофимовича, была глубоко потрясена, даже поблѣднѣла:

— Неужто никакой надежды?

— Возможно ли чтобы не было отнюдь и совершенно никакой надежды, но....

Она не ложилась спать всю ночь и едва дождалась утра. Лишь только больной открылъ глаза и пришелъ въ память (онъ все пока былъ въ памяти, хотя съ каждымъ часомъ ослабѣвалъ), приступила къ нему съ самымъ рѣшительнымъ видомъ:

— Степанъ Трофимовичъ, надо все предвидѣть. — Я послала за священникомъ. Вы обязаны исполнить долгъ....

Зная его убѣжденія, она чрезвычайно боялась отказа. Онъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Вздоръ, вздоръ! возопила она, думая что онъ уже отказывается; — теперь не до шалостей. Довольно дурачились.

— Но.... развѣ я такъ уже боленъ?

Онъ задумчиво согласился. И вообще я съ большимъ удивленіемъ узналъ потомъ отъ Варвары Петровны что нисколько не испугался смерти. Можетъ-быть просто не повѣрилъ и продолжалъ считать свою болѣзнь пустяками.

Онъ исповѣдовался и причастился весьма охотно. Всѣ, и Софья Матвѣевна, и даже слуги, пришли поздравить его съ пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ. Всѣ до одинаго сдержанно плакали, смотря на его осунувшееся и изнеможенное лицо и поблѣвшія, вздрагивавшія губы.

— *Oui mes amis*¹, и я удивляюсь только что вы такъ.... хлопчете. Завтра я вѣроятно встану, и мы.... отправимся.... *Toute cette cérémonie....*² которой я, разумѣется, отдаю все должное.... была....

— Прошу васъ, батюшка, непременно остаться съ больнымъ, быстро остановила Варвара Петровна разоблачившагося уже священника. — Какъ только обнесутъ чай, прошу васъ немедленно заговорить про божественное, чтобы поддержать въ немъ вѣру.

¹ Да, друзья мои (*франц.*).

² Вся эта церемонія... (*франц.*).

Священникъ заговорилъ; всѣ сидѣли или стояли около постели больного.

— Въ наше грѣховное время, плавно началъ священникъ, съ чашкой чая въ рукѣ, — вѣра во Всевышняго есть единственное прибѣжище рода человѣческаго во всѣхъ скорбяхъ и испытаніяхъ жизни, равно какъ въ упованіи вѣчнаго блаженства, обѣтованнаго праведникамъ....

Степанъ Трофимовичъ какъ будто весь оживился; тонкая усмѣшка скользнула на губахъ его.

— Mon père, je vous remercie, et vous êtes bien bon, mais..¹

— Совсѣмъ не mais, вовсе не mais! воскликнула Варвара Петровна, срываясь со стула. — Батюшка, обратилась она къ священнику, — это, это такой человѣкъ, это такой человѣкъ.. его черезъ часъ опять переисповѣдать надо будетъ! Вотъ какой это человѣкъ!

Степанъ Трофимовичъ сдержанно улыбнулся.

— Друзья мои, проговорилъ онъ, — Богъ уже потому мнѣ необходимо, что это единственное существо которое можно вѣчно любить...

Въ самомъ ли дѣлѣ онъ увѣровалъ, или величественная церемонія совершеннаго таинства потрясла его и возбудила художественную воспріимчивость его натуры, но онъ твердо и, говорятъ, съ большимъ чувствомъ произнесъ нѣсколько словъ прямо въ разрѣзъ многому изъ его прежнихъ убѣжденій.

— Мое безсмертіе уже потому необходимо что Богъ не захочетъ сдѣлать неправды и погасить совсѣмъ огонь разъ возгорѣвшей къ Нему любви въ моемъ сердце. И что дороже любви? Любовь выше бытія, любовь вѣнецъ бытія, и какъ же возможно чтобы бытіе было ей неподклонно? Если я полюбилъ Его и обрадовался любви моей — возможно ли чтобъ Онъ погасилъ и меня и радость мою и обратилъ насъ въ нуль? Если есть Богъ, то и я безсмертенъ! Voilà ma profession de foi.²

— Богъ есть, Степанъ Трофимовичъ, увѣряю васъ что есть, умоляла Варвара Петровна, — отрекитесь, бросьте всѣ ваши глупости хоть разъ въ жизни! (она, кажется, не совсѣмъ поняла его profession de foi).

— Другъ мой, одушевлялся онъ болѣе и болѣе, хотя голосъ его часто прерывался, — другъ мой, когда я понялъ... эту подставленную ланиту, я... я тутъ же и еще кой-что понялъ... J'ai menti toute ma vie³, всю, всю жизнь! я бы хотѣлъ... впрочемъ завтра... Завтра мы всѣ отправимся.

Варвара Петровна заплакала. Онъ искалъ кого-то глазами.

— Вотъ она, она здѣсь! схватила она и подвѣла къ нему за руку Софью Матвѣвну. Онъ умиленно улыбнулся.

¹ Батюшка, я вас благодарю, вы очень добры, но... (франц.).

² Вот мой символ веры (франц.).

³ Я лгал всю свою жизнь (франц.).

— О, я бы очень желалъ опять жить! воскликнулъ онъ съ чрезвычайнымъ приливомъ энергіи. — Каждая минута, каждое мгновеніе жизни должны быть блаженствомъ человѣку... должны, непременно должны! Это обязанность самого человѣка такъ устроить; это его законъ — скрытый, но существующій непременно... О, я бы желалъ видѣть Петрушу... и ихъ, всѣхъ... и Шатова!

Замѣчу что о Шатовѣ еще ничего не знали, ни Дарья Павловна, ни Варвара Петровна, ни даже Зальцфишъ, послѣднимъ прибывшій изъ города.

Степанъ Трофимовичъ волновался болѣе и болѣе, болѣзненно, не по силамъ.

— Одна уже всегдашняя мысль о томъ что существуетъ нѣчто безмѣрно справедливѣйшее и счастливѣйшее чѣмъ я, уже наполняетъ и меня всего безмѣрнымъ умиленіемъ и — славой, — о кто бы я ни былъ, что бы ни сдѣлалъ! Человѣку гораздо необходимѣе собственнаго счастья знать и каждое мгновеніе вѣровать въ то что есть гдѣ-то уже совершенное и спокойное счастье, для всѣхъ и для всего... Весь законъ бытія человѣческаго лишь въ томъ чтобы человѣкъ всегда могъ преклониться предъ безмѣрно великимъ. Если лишитъ людей безмѣрно великаго, то не стануть они жить, и умрутъ въ отчаяніи. Безмѣрное и безконечное такъ же необходимо человѣку, какъ и та малая планета на которой онъ обитаетъ... Друзья мои, всѣ, всѣ: да здравствуетъ Великая Мысль! Вѣчная, безмѣрная Мысль! Всякому человѣку, кто бы онъ ни былъ, необходимо преклониться предъ тѣмъ что есть Великая Мысль. Даже самому глупому человѣку необходимо хотя бы нѣчто великое. Петруша... О, какъ я хочу увидѣть ихъ всѣхъ опять! Они не знаютъ, не знаютъ что и въ нихъ заключена все та же вѣчная Великая Мысль!

Докторъ Зальцфишъ не былъ при церемоніи. Войдя внезапно, онъ пришелъ въ ужасъ и разогналъ собраніе, настаивая чтобы больнаго не волновали.

Степанъ Трофимовичъ скончался три дня спустя, но уже въ совершенномъ безпамятствѣ. Онъ какъ-то тихо угасъ, точно догорѣвшая свѣча. Варвара Петровна, совершивъ на мѣстѣ отпѣваніе, перевезла тѣло своего бѣднаго друга въ Скворешники. Могила его въ церковной оградѣ и уже покрыта мраморною плитой. Надпись и рѣшетка оставлены до весны.

Все отсутствіе Варвары Петровны изъ города продолжалось дней восемь. вмѣстѣ съ нею, рядомъ, въ ея каретѣ, прибыла и Софья Матвѣевна, кажется, на вѣки у нея поселившаяся. Замѣчу что едва лишь Степанъ Трофимовичъ потерялъ сознание (въ то же утро), какъ Варвара

Петровна немедленно опять устранила Софью Матвѣевну, совсѣмъ вонъ изъ избы, и ухаживала за больнымъ сама, одна, до конца; а только лишь онъ испустилъ духъ, немедленно позвала ее. Никакихъ возраженій ея, ужасно испуганной предложеніемъ (вѣрнѣе приказаніемъ) поселиться на вѣки въ Скворешникахъ, она не хотѣла слушать.

— Все вздоръ! я сама буду съ тобой ходить продавать Евангеліе. Нѣтъ у меня теперь никого на свѣтѣ!

— У васъ, однако, есть сынъ, замѣтилъ было Зальцфишъ.

— Нѣтъ у меня сына! отрѣзала Варвара Петровна и — словно напорочила.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Заключеніе.

Всѣ совершившіяся безчинства и преступленія обнаружались съ необычайною быстротой, гораздо быстрѣе чѣмъ предполагалъ Петръ Степановичъ. Началось съ того что несчастная Марья Игнатьевна, въ ночь убійства мужа, проснулась предъ разсвѣтомъ, хватилась его и пришла въ неописанное волненіе, не видя его подлѣ себя. Съ ней ночевала нанятая тогда Ариной Прохоровной прислужница. Та никакъ не могла ее успокоить и, чуть лишь стало свѣтать, побѣжала за самой Ариной Прохоровной, увѣривъ больную что та знаетъ гдѣ ея мужъ и когда онъ воротится. Между тѣмъ и Арина Прохоровна находилась тоже въ нѣкоторой заботѣ: она уже узнала отъ своего мужа о ночномъ подвигѣ въ Скворешникахъ. Онъ воротился домой часу уже въ одиннадцатомъ ночи, въ ужасномъ состояніи и видѣ; ломая руки, бросился ничкомъ на кровать и все повторялъ, сотрясаясь отъ конвульсивныхъ рыданій: «Это не то, не то; это совсѣмъ не то!» Разумѣется кончилъ тѣмъ что признался приступившей къ нему Аринѣ Прохоровнѣ во всемъ — впрочемъ только ей одной во всемъ домѣ. Та оставила его въ постели, строго внушивъ что «если хочетъ хныкать, то ревѣлъ бы въ подушку, чтобъ не слышали, и что дуракъ онъ будетъ, если завтра покажетъ какой-нибудь видъ». Она таки призадумалась и тотчасъ же начала прибираться на всякій случай: лишнія бумаги, книги, даже можетъ-быть прокламаціи успѣла припрятать или истребить до тла. За всѣмъ тѣмъ разсудила что собственно ей, ея сестрѣ, теткѣ, студенткѣ, а можетъ-быть и вислоухому братцу бояться очень-то нечего. Когда къ утру прибѣжала за ней сидѣлка, она пошла

къ Марьѣ Игнатъевнѣ не задумавшись. Ей, впрочемъ, ужасно хотѣлось поскорѣе провѣдать вѣрно ли то что вчера испуганнымъ и безумнымъ шопотомъ, похожимъ на бредъ, сообщилъ ей супругъ о разчетахъ Петра Степановича, въ видахъ общей пользы, на Кирилова.

Но пришла она къ Марьѣ Игнатъевнѣ уже поздно: отправивъ служанку и оставшись одна, та не вытерпѣла, встала съ постели и, накинувъ на себя что попало подъ руку изъ одежды, кажется очень что-то легкое и къ сезону не подходящее, отправилась сама во флигель къ Кирилову, соображая что можетъ-быть онъ ей вѣрнѣе всѣхъ сообщить о мужѣ. Можно представить какъ подѣйствовало на родильницу то что она тамъ увидѣла. Замѣчательно что она не прочла предсмертной записки Кирилова, лежавшей на столѣ, на виду, конечно въ испугѣ проглядѣвъ ее во все. Она бѣжала въ свою свѣтелку, схватила младенца и пошла съ нимъ изъ дома по улицѣ. Утро было сырое, стоялъ туманъ. Прохожихъ въ такой глухой улицѣ не встрѣтилось. Она все бѣжала, задыхаясь, по холодной и топкой грязи, и наконецъ начала стучаться въ дома; въ одномъ домѣ не отперли, въ другомъ долго не отпирали; она бросила въ нетерпѣніи и начала стучаться въ третій домъ. Это былъ домъ нашего купца Титова. Здѣсь она надѣлала большой суматохи, вопила и бессвязно увѣряла что «ея мужа убили». Шатова и отчасти его исторію у Титовыхъ нѣсколько знали: поражены были ужасомъ что она, по ея словамъ, всего только сутки родивши, бѣгаетъ въ такой одежѣ и въ такой холодъ по улицамъ, съ едва прикрытымъ младенцемъ въ рукахъ. Подумали было сначала что только въ бреду, тѣмъ болѣе что никакъ не могли выяснить кто убить: Кириловъ или ея мужъ? Она, смекнувъ что ей не вѣрятъ, бросилась было бѣжать дальше, но ее остановили силой и, говоря, она страшно кричала и билась. Отправились въ домъ Филиппова, и черезъ два часа самоубійство Кирилова и его предсмертная записка стали извѣстны всему городу. Полиція приступила къ родильницѣ, бывшей еще въ памяти; тутъ-то и оказалось что она записки Кирилова не читала, а почему именно заключила что и мужъ ея убить — отъ нея не могли добиться. Она только кричала что «коли тотъ убить, такъ и мужъ убить; они вмѣстѣ были!» Къ полудню она впала въ безпамятство, изъ котораго ужъ и не выходила, и скончалась дня черезъ три. Простуженный ребенокъ померъ еще раньше ея. Арина Прохоровна, не найдя на мѣстѣ Марьи Игнатъевны и младенца, и смекнувъ что худо, хотѣла было бѣжать домой, но остановилась у воротъ и послала сидѣлку «спросить во флигелѣ, у господина, не у нихъ ли Марья Игнатъевна и не знаетъ ли онъ чего о ней?» Посланица воротилась, неистово крича на всю улицу.

Убѣдивъ ее не кричать и никому не объявлять, знаменитымъ аргументомъ: «засудятъ», она улизнула со двора.

Само собою что ее въ то же утро обезпокоили, какъ бывшую повитуху родильницы; но немногаго добились: она очень дѣльно и хладнокровно разказала все что сама видѣла и слышала у Шатова, но о случившейся исторіи отозвалась что ничего въ ней не знаетъ и не понимаетъ.

Можно себѣ представить какая по городу поднялась суматоха. Новая «исторія», опять убійство! Но тутъ уже было другое: становилось ясно что есть, дѣйствительно есть тайное общество убійць, поджигателей-революціонеровъ, бунтовщиковъ. Ужасная смерть Лизы, убійство жены Ставрогина, самъ Ставрогинъ, поджогъ, балъ для гувернантокъ, распущенность вокругъ Юліи Михайловны... Даже въ исчезновеніи Степана Трофимовича хотѣли непрѣменно видѣть загадку. Очень, очень шептались про Николая Всеволодовича. Къ концу дня узнали и объ отсутствіи Петра Степановича и, странно, о немъ менѣе всего говорили. Но болѣе всего въ тотъ день говорили «о сенаторѣ». У дома Филиппова почти все утро стояла толпа. Дѣйствительно начальство было введено въ заблужденіе запиской Кирилова. Повѣрили и въ убійство Кириловымъ Шатова и въ самоубійство «убійцы». Впрочемъ начальство хоть и потерялось, но не совсѣмъ. Слово «паркъ», напрімѣръ, столь неопредѣленно помѣщенное въ запискѣ Кирилова, не сбило никого съ толку, какъ разчитывалъ Петръ Степановичъ. Полиція тотчасъ же кинулась въ Скворешники, и не по тому одному что тамъ былъ паркъ, котораго нигдѣ у насъ въ другомъ мѣстѣ не было, а и по нѣкоторому даже инстинкту, такъ какъ всѣ ужасы послѣднихъ дней или прямо, или отчасти, связаны были со Скворешниками. Такъ по крайней мѣрѣ я догадываюсь. (Замѣчу что Варвара Петровна, рано утромъ и не зная ни о чемъ, выѣхала для поимки Степана Трофимовича). Тѣло отыскали въ прудѣ въ тотъ же день къ вечеру, по нѣкоторымъ слѣдамъ; на самомъ мѣстѣ убійства найденъ былъ картузь Шатова, съ чрезвычайнымъ легкомысліемъ позабытый убійцами. Наглядное и медицинское изслѣдованіе трупа и нѣкоторыя догадки съ перваго шагу возбудили подозрѣніе что Кириловъ не могъ не имѣть товарищей. Выяснилось существованіе Шатово-Кириловскаго тайнаго общества, связаннаго съ прокламаціями. Кто же были эти товарищи? О нашихъ ни объ одномъ въ тотъ день и мысли еще не было. Узнали что Кириловъ жилъ затворникомъ и до того уединенно что съ нимъ вмѣстѣ, какъ объявлялось въ запискѣ, могъ квартировать столько дней Ѳедька, котораго вездѣ такъ искали.... Главное то мило всѣхъ то что изъ всей представлявшейся путаницы ничего нельзя было извлечь общаго и связующаго. Трудно представить до какихъ за-

ключеній и до какого безначалія мысли дошло бы наконецъ наше перепуганное до паники общество, еслибы вдругъ не объяснилось все разомъ, на другой же день, благодаря Лямшину.

Онъ не вынесъ. Съ нимъ случилось то что даже и Петръ Степановичъ подъ конецъ сталъ предчувствовать. Порученный Толкаченкѣ, а потому Эркелю, онъ весь слѣдующій день пролежалъ въ постели повидимому смирно, отвернувшись къ стѣнѣ и не говоря ни слова, почти не отвѣчая если съ нимъ заговаривали. Онъ ничего такимъ образомъ не узналъ во весь день изъ происходившаго въ городѣ. Но Толкаченкѣ, отлично узнавшему происшедшее, вздумалось къ вечеру бросить возложенную на него Петромъ Степановичемъ роль при Лямшинѣ и отлучиться изъ города въ уѣздъ, то-есть попросту убѣжать: подлинно что потеряли разсудокъ, какъ напороочилъ о нихъ о всѣхъ Эркель. Замѣчу кстати что и Липутинъ въ тотъ же день исчезъ изъ города, еще прежде полудня. Но съ этимъ какъ-то такъ произошло что объ исчезновеніи его узналось начальствомъ лишь только на другой день къ вечеру, когда прямо приступили съ разспросами къ перепуганному его отсутствіемъ, но молчавшему отъ страха его семейству. Но продолжаю о Лямшинѣ. Лишь только онъ остался одинъ (Эркель, надѣясь на Толкаченку, еще прежде ушелъ къ себѣ), какъ тотчасъ же выбѣжалъ изъ дому и разумѣется очень скоро узналъ о положеніи дѣлъ. Не заходя даже домой, онъ бросился тоже бѣжать куда глаза глядятъ. Но ночь была такъ темна, а предпріятіе до того страшное и многотрудное что пройдя двѣ-три улицы, онъ воротился домой и заперся на всю ночь. Кажется къ утру онъ сдѣлалъ попытку къ самоубійству; но у него не вышло. Просидѣлъ онъ однако взаперти почти до полудня и — вдругъ побѣжалъ къ начальству. Говорятъ, онъ ползалъ на колѣняхъ, рыдалъ и визжалъ, цѣловалъ полъ, крича что недостойнъ цѣловать даже сапоговъ стоявшихъ предъ нимъ сановниковъ. Его успокоили и даже обласкали. Допросъ тянулся, говорятъ, часа три. Онъ объявилъ все, все, разказалъ всю подноготную, все что зналъ, всѣ подробности; забѣгалъ впередъ, спѣшилъ признаніями, передавалъ даже ненужное и безъ спросу. Оказалось что онъ зналъ довольно, и довольно хорошо поставилъ на видъ дѣло: трагедія съ Шатовымъ и Кириловымъ, пожаръ, смерть Лебядкиныхъ и пр. поступили на планъ второстепенный. На первый планъ выступали Петръ Степановичъ, тайное общество, организація, сѣтъ. На вопросъ: для чего было сдѣлано столько убійствъ, скандаловъ и мерзостей? онъ съ горячею торопливостью отвѣтилъ что «для систематическаго потрясенія основъ, для систематическаго разложенія общества и всѣхъ началъ; для того чтобы всѣхъ обезкуражить и изо всего сдѣлать кашу, и расшатавшееся

такимъ образомъ общество, болѣзненное и раскисшее, циническое и невѣрующее, но съ безконечною жаждой какой-нибудь руководящей мысли и самосохраненія — вдругъ взять въ свои руки, поднявъ знамя бунта и опираясь на цѣлую сѣть пятерокъ, тѣмъ временемъ дѣйствовавшихъ, вербовавшихъ и изыскавшихъ практически всѣ приемы и всѣ слабыя мѣста за которыя можно ухватиться.» Заключилъ онъ что здѣсь въ нашемъ городѣ устроена была Петромъ Степановичемъ лишь первая проба такого систематическаго беспорядка, такъ-сказать программа дальнѣйшихъ дѣйствій и даже для всѣхъ пятерокъ, — и что это уже собственно его (Лямшина) мысль, его догадка и «чтобы непременно попомнили и чтобы все это поставили на видъ до какой степени онъ откровенно и благонаправно разъясняетъ дѣло и стало-быть очень можетъ пригодиться даже и впредь для услугъ начальства.» На положительный вопросъ: много ли пятерокъ? отвѣчалъ что безконечное множество, что вся Россія покрыта сѣтью, и хотя не представилъ доказательствъ, но, думаю, отвѣчалъ совершенно искренно. Представилъ только печатную программу общества, заграничной печати, и проектъ развитія системы дальнѣйшихъ дѣйствій, написанный хотя и начерно, но собственной рукой Петра Степановича. Оказалось что о «потрясеніи основъ» Лямшинъ буквально цитовалъ по этой бумажкѣ, не забывъ даже точекъ и запятыхъ, хотя и увѣрялъ что это его только собственное соображеніе. Про Юлію Михайловну онъ удивительно смѣшно и даже безъ спросу, а забѣгая впередъ, выразился что «она невинна и что ее только одурачили». Но замѣчательно что Николая Ставрогина онъ совершенно выгородилъ изъ всякаго участія въ тайномъ обществѣ, изъ всякаго соглашенія съ Петромъ Степановичемъ. (О завѣтныхъ и весьма смѣшныхъ надеждахъ Петра Степановича на Ставрогина Лямшинъ не имѣлъ никакого понятія.) Смерть Лебядкиныхъ, по словамъ его, была устроена лишь однимъ Петромъ Степановичемъ, безъ всякаго участія Николая Всеволодовича, съ хитрою цѣлью втянуть того въ преступленіе и стало-быть въ зависимость отъ Петра Степановича; но вмѣсто благодарности, на которую несомнѣнно и легко мысленно разчитывалъ, Петръ Степановичъ возбудилъ лишь полное негодованіе и даже отчаяніе въ «благородномъ» Николаѣ Всеволодовичѣ. Закончилъ онъ о Ставрогинѣ, тоже спѣша и безъ спросу, видимо нарочнымъ намекомъ что тотъ чуть ли не чрезвычайно важная птица, но что въ этомъ какой-то секретъ; что проживалъ онъ у насъ такъ-сказать *incognito*, что онъ съ порученіями, и что очень возможно что и опять пожалуетъ къ намъ изъ Петербурга (Лямшинъ увѣренъ былъ что Ставрогинъ въ Петербургѣ), но только уже совершенно въ другомъ видѣ и въ другой обстановкѣ и въ свитѣ такихъ лицъ о

которыхъ можетъ-быть скоро и у насъ услышать, и что все это онъ слышалъ отъ Петра Степановича, «тайнаго врага Николая Всеволодовича».

Сдѣлаю нота-бене. Два мѣсяца спустя Лямшинъ сознался что выгораживалъ тогда Ставрогина нарочно, надѣясь на протекцію Ставрогина и на то что тотъ въ Петербургѣ выхлопочетъ ему облегченіе двумя степенями, а въ ссылку снабдитъ деньгами и рекомендательными письмами. Изъ этого признанія видно что онъ имѣлъ дѣйствительно чрезмѣрно преувеличенное понятіе о Николаѣ Ставрогинѣ.

Въ тотъ же день, разумѣется, арестовали и Виргинскаго, а сгоряча и весь домъ. (Арина Прохоровна, ея сестра, тетка и даже студентка теперь давно уже на волѣ; говорятъ даже что и Шигалевъ будто бы непременно будетъ выпущенъ, въ самомъ скоромъ времени, такъ какъ ни подъ одну категорію обвиняемыхъ не подходитъ; впрочемъ это все еще только разговоръ.) Виргинскій сразу и во всемъ повинился: онъ лежалъ больной и былъ въ жару, когда его арестовали. Говорятъ, онъ почти обрадовался: «съ сердца свалилось», проговорилъ онъ будто бы. Слышно про него что онъ даетъ теперь показанія откровенно, но съ нѣкоторымъ даже достоинствомъ и не отступаетъ ни отъ одной изъ «свѣтлыхъ надеждъ» своихъ, проклиная въ то же время политическій путь (въ противоположность соціальному), на который былъ увлеченъ такъ нечаянно и легкомысленно «вихремъ сошедшихся обстоятельствъ». Поведеніе его при совершеніи убійства разъясняется въ смягчающемъ для него смыслѣ, кажется и онъ тоже можетъ разчитывать на нѣкоторое смягченіе своей участи. Такъ по крайней мѣрѣ у насъ утверждаютъ.

Но врядъ ли возможно будетъ облегчить судьбу Эркеля. Этотъ съ самаго ареста своего все молчитъ или по возможности извращаетъ правду. Ни одного слова раскаянія до сихъ поръ отъ него не добились. А между тѣмъ онъ даже въ самыхъ строгихъ судьяхъ возбудилъ къ себѣ нѣкоторую симпатію, — своею молодостью, своею беззащитностью, явнымъ свидѣтельствомъ что онъ только фанатическая жертва политическаго обольстителя, а болѣе всего, обнаружившимся поведеніемъ его съ его матерью, которой онъ отсылалъ чуть не половину своего незначительнаго жалованья. Мать его теперь у насъ; это слабая и больная женщина, старушка не по лѣтамъ; она плачетъ и буквально валяется въ ногахъ, выпрашивая за сына. Что-то будетъ, но Эркеля у насъ многіе жалѣютъ.

Липутина арестовали уже въ Петербургѣ, гдѣ онъ прожилъ цѣлыхъ двѣ недѣли. Съ нимъ случилось почти невѣроятное дѣло, которое даже трудно и объяснить. Говорятъ, онъ имѣлъ и паспортъ на чужое имя и полную возможность успѣть улизнуть за границу, и весьма значитель-

ныя деньги съ собой, а между тѣмъ остался въ Петербургѣ и никуда не поѣхалъ. Нѣкоторое время онъ разыскивалъ Ставрогина и Петра Степановича и вдругъ запилъ и сталъ развратничать безо всякой мѣры, какъ человѣкъ совершенно потерявшій всякій здравый смыслъ и понятіе о своемъ положеніи. Его и арестовали въ Петербургѣ гдѣ-то въ домѣ терпимости и нетрезваго. Носится слухъ что теперь онъ вовсе не теряетъ духа, въ показаніяхъ своихъ лжетъ и готовится къ предстоящему суду съ нѣкоторою торжественностью и надеждою (?). Онъ намѣренъ даже поговорить на судѣ. Толкаченко, арестованный гдѣ-то въ уѣздѣ, дней десять спустя послѣ своего бѣгства, ведетъ себя несравненно учтивѣе, не лжетъ, не виляетъ, говоритъ все что знаетъ, себя не оправдываетъ, винится со всею скромностію, но тоже склоненъ покраснобайничать; много и съ охотою говоритъ, а когда дѣло дойдетъ до знанія народа и революціонныхъ (?) его элементовъ, то даже позируетъ и жаждетъ эффекта. Онъ тоже, слышно, намѣренъ поговорить на судѣ. Вообще онъ и Липутинъ не очень испуганы, и это даже странно.

Повторяю, дѣло это еще не кончено. Теперь, три мѣсяца спустя, общество наше отдохнуло, справилось, отгулялось, имѣетъ собственное мнѣніе и до того что даже самого Петра Степановича иные считаютъ чуть не за генія, по крайней мѣрѣ «съ геніальными способностями». «Организація-съ!» говорятъ въ клубѣ, подымая палецъ кверху. Впрочемъ все это очень невинно, да и немногіе говорятъ-то. Другіе, напротивъ, не отрицаютъ въ немъ остроты способностей, но при совершенномъ незнаніи дѣйствительности, при страшной отвлеченности, при уродливомъ и тупомъ развитіи въ одну сторону, съ чрезвычайнымъ происходящимъ отъ того легкомысліемъ. Относительно нравственныхъ его сторонъ всѣ соглашаются; тутъ ужъ никто не спорить.

Право не знаю о комъ бы еще упомянуть чтобы не забыть кого. Маврикій Николаевичъ куда-то совсѣмъ уѣхалъ. Старуха Дроздова впа-ла въ дѣтство.... Впрочемъ остается разказать еще одну очень мрачную исторію. Ограничусь лишь фактами.

Варвара Петровна по пріѣздѣ остановилась въ городскомъ своемъ домѣ. Разомъ хлынули на нее всѣ накопившіяся извѣстія и потрясли ее ужасно. Она затворилась у себя одна. Былъ вечеръ; всѣ устали и рано легли спать.

Поутру горничная передала Дарьѣ Павловнѣ, съ таинственнымъ видомъ, письмо. Это письмо, по ея словамъ, пришло еще вчера, но поздно, когда всѣ уже почивали, такъ что она не посмѣла разбудить. Пришло не по почтѣ, а въ Скворешники черезъ неизвѣстнаго человѣка къ

Алексѣю Егорычу. А Алексѣй Егорычъ тотчасъ самъ и доставилъ, вчера вечеромъ, ей въ руки, и тотчасъ же опять уѣхалъ въ Скворешники.

Дарья Павловна съ біеніемъ сердца долго смотрѣла на письмо и не смѣла распечатать. Она знала отъ кого: писалъ Николай Ставрогинъ. Она прочла надпись на конвертѣ: «Алексѣю Егорычу съ передачею Дарьѣ Павловнѣ, секретно.»

Вотъ это письмо, слово въ слово, безъ исправленія малѣйшей ошибки въ слогѣ русскаго барича не совсѣмъ доучившагося русской грамотѣ, несмотря на всю европейскую свою образованность:

«Милая Дарья Павловна,

Вы когда-то захотѣли ко мнѣ «въ сидѣлки» и взяли обѣщаніе прислать за вами когда будетъ надо. Я ѣду черезъ два дня и не ворочусь. Хотите со мной?

Прошлаго года, я, какъ Герценъ, записался въ граждане кантона Ури, и этого никто не знаетъ. Тамъ я уже купилъ маленькій домъ. У меня еще есть двѣнадцать тысячъ рублей; мы поѣдемъ и будемъ тамъ жить вѣчно. Я не хочу никогда никуда выѣзжать.

Мѣсто очень скучно, ущелье; горы тѣснятъ зрѣніе и мысль. Очень мрачное. Я потому что продавался маленькій домъ. Если вамъ не понравится, я продамъ и куплю другой въ другомъ мѣстѣ.

Я нездоровъ, но отъ галюсинацій надѣюсь избавиться съ тамошнимъ воздухомъ. Это физически; а нравственно вы все знаете; только все ли?

Я вамъ разказалъ многое изъ моей жизни. Но не все. Даже вамъ не все! Кстати, подтверждаю что совѣстью я виноватъ въ смерти жены. Я съ вами не видѣлся послѣ того, а потому подтверждаю. Виноватъ и предъ Лизаветой Николаевной; но тутъ вы знаете; тутъ вы все почти предсказали.

Лучше не пріѣзжайте. То что я зову васъ къ себѣ есть ужасная низость. Да и зачѣмъ вамъ хоронить со мной вашу жизнь? Мнѣ вы милы, и мнѣ, въ тоскѣ, было хорошо подлѣ васъ; при васъ при одной я могъ вслухъ говорить о себѣ. Изъ этого ничего не слѣдуетъ. Вы опредѣлили сами «въ сидѣлки» — это ваше выраженіе; къ чему столько жертвовать? Вникните тоже что я васъ не жалѣю, коли зову, и не уважаю, коли жду. А между тѣмъ и зову и жду. Во всякомъ случаѣ въ вашемъ отвѣтѣ нуждаюсь, потому что надо ѣхать очень скоро. Въ такомъ случаѣ уѣду одинъ.

Я ничего отъ Ури не надѣюсь; я просто ѣду. Я не выбиралъ нарочно угрюмаго мѣста. Въ Россіи я ничѣмъ не связанъ, — въ ней мнѣ все такъ

же чужое какъ и вездѣ. Правда, я въ ней болѣе чѣмъ въ другомъ мѣстѣ не любилъ жить; но даже и въ ней ничего не могъ возненавидѣть!

Я пробовалъ вездѣ мою силу. Вы мнѣ совѣтовали это «чтобъ узнать себя». На пробахъ для себя и для показу, какъ и прежде во всю мою жизнь, она оказывалась безпредѣльною. На вашихъ глазахъ я снесъ пощечину отъ вашего брата; я признался въ бракѣ публично. Но къ чему приложить эту силу — вотъ чего никогда не видѣлъ, не вижу и теперь, несмотря на ваши одобренія въ Швейцаріи, которымъ повѣрилъ. Я все такъ же какъ и всегда прежде могу пожелать сдѣлать доброе дѣло и ощущаю отъ того удовольствіе; рядомъ желаю и злаго и тоже чувствую удовольствіе. Но и то и другое чувство, по-прежнему, всегда слишкомъ мелко, а очень никогда не бываетъ. Мои желанія слишкомъ не сильны; руководить не могутъ. На бревнѣ можно переплыть рѣку, а на щепкѣ нѣтъ. Это чтобы не подумали вы что я ѣду въ Ури съ какими-нибудь надеждами.

Я попрежнему никого не виню. Я пробовалъ большой развратъ и истощилъ въ немъ силы; но я не люблю и не хотѣлъ разврата. Вы за мной въ послѣднее время слѣдили. Знаете ли что я смотрѣлъ даже на отрицающихъ нашихъ со злобой, отъ зависти къ ихъ надеждамъ? Но вы напрасно боялись; я не могъ быть тутъ товарищемъ, ибо не раздѣлялъ ничего. А для смѣху, со злобы, тоже не могъ, и не потому чтобы боялся смѣшнаго, — я смѣшнаго не могу испугаться, — а по тому что все-таки имѣю привычки порядочнаго человѣка и мнѣ мерзило. Но еслибъ имѣлъ къ нимъ злобы и зависти больше, то можетъ и пошелъ бы съ ними. Судите до какой степени мнѣ было легко и сколько я метался!

Другъ милый, созданіе нѣжное и великодушное, которое я угадалъ! Можетъ-быть вы мечтаете дать мнѣ столько любви и излить на меня столько прекраснаго изъ прекрасной души вашей что надѣетесь тѣмъ самымъ поставить предо мной наконецъ и цѣль? Нѣтъ, лучше вамъ быть осторожнѣе: любовь моя будетъ такъ же мелка какъ и я самъ, а вы несчастны. Вашъ братъ говорилъ мнѣ что тотъ кто теряетъ связи съ своею землею, тотъ теряетъ и боговъ своихъ, то-есть всѣ свои цѣли. Обо всемъ можно спорить безконечно, но изъ меня вылилось одно отрицаніе, безъ всякаго великодушія и безо всякой силы. Даже отрицанія не вылилось. Все всегда мелко и вяло. Великодушный Кириловъ не вынесъ идеи и — застрѣлился; но вѣдь я вижу что онъ былъ великодушенъ потому что не въ здоровомъ разсудкѣ. Я никогда не могу потерять разсудокъ и никогда не могу повѣрить идеѣ въ той степени какъ онъ. Я даже заняться идеей въ той степени не могу. Никогда, никогда я не могу застрѣлиться!

Я знаю что мнѣ надо-бы убить себя, смести себя съ земли какъ подлое насѣкомое; но я боюсь самоубійства, ибо боюсь показать великодушіе. Я знаю что это будетъ еще обманъ, — послѣдній обманъ къ безконечному ряду обмановъ. Что же пользы себя обмануть, чтобы только сыграть въ великодушіе? Негодованія и стыда во мнѣ никогда быть не можетъ; стало-быть и отчаянія.

Простите что такъ много пишу. Я опомнился и это нечаянно. Этакъ ста страницъ мало и десяти строкъ довольно. Довольно и десяти строкъ призыва «въ сидѣлки».

Я, съ тѣхъ поръ какъ выѣхалъ, живу на шестой станціи у смотрителя. Съ нимъ я сошелся во время кутежа пять лѣтъ назадъ въ Петербургѣ. Что тамъ я живу, никто не знаетъ. Напишите на его имя. Прилагаю адресъ.

Николай Ставрогинъ.»

Дарья Павловна тотчасъ же пошла и показала письмо Варварѣ Петровнѣ. Та прочитала и попросила Дашу выйти, чтобъ еще одной прочитатъ; но что-то очень скоро опять позвала ее.

— Поѣдешь? спросила она почти робко.

— Поѣду, отвѣтила Даша.

— Собирайся! Ёдемъ вмѣстѣ!

Даша посмотрѣла вопросительно.

— А что мнѣ теперь здѣсь дѣлать? Не все-ли равно? Я тоже въ Ури запишусь и проживу въ ущельи... Не безпокойся, не помѣшаю.

Начали быстро собираться, чтобы поспѣть къ полуденному поѣзду. Но не прошло получаса какъ явился изъ Скворешниковъ Алексѣй Егорычъ. Онъ доложилъ что Николай Всеволодовичъ «вдругъ» пріѣхали поутру, съ раннимъ поѣздомъ, и находятся въ Скворешникахъ, но «въ такомъ видѣ что на вопросы не отвѣчаютъ, прошли по всѣмъ комнатамъ и заперлись на своей половинѣ»...

— Я помимо ихъ приказанія заключилъ пріѣхать и доложить, прибавилъ Алексѣй Егорычъ съ очень внимательнымъ видомъ.

Варвара Петровна пронзительно поглядѣла на него и не стала спрашивать. Мигомъ подали карету. Поѣхала съ Дашей. Пока ѣхали, часто, говорятъ, крестилась.

На «своей половинѣ» всѣ двери были отперты, и нигдѣ Николая Всеволодовича не оказалось.

— Ужь не въ мезонинѣ-ли-съ? осторожно произнесъ Омушка.

Замѣчательно что слѣдомъ за Варварой Петровной на «свою половину» вошло нѣсколько слугъ; а остальные слуги всѣ ждали въ залѣ. Никогда бы они не посмѣли прежде позволить себѣ такого нарушенія этикета. Варвара Петровна видѣла и молчала.

Взобрались и въ мезонинъ. Тамъ было три комнаты; но ни въ одной никого не нашли.

— Да ужь не туда ли пошли-съ? указалъ кто-то на дверь въ свѣтелку. Въ самомъ дѣлѣ всегда затворенная дверца въ свѣтелку была теперь отперта и стояла настежь. Подыматься приходилось чуть не подъ крышу по деревянной, длинной, очень узенькой и ужасно крутой лѣстницѣ. Тамъ была тоже какая-то комнатка.

— Я не пойду туда. Съ какой стати онъ полѣзетъ туда? ужасно поблѣднѣла Варвара Петровна, озираясь на слугъ. Тѣ смотрѣли на нее и молчали. Даша дрожала.

Варвара Петровна бросилась по лѣсенкѣ; Даша за нею; но едва вошла въ свѣтелку, закричала и упала безъ чувствъ.

Гражданинъ контона Ури висѣлъ тутъ же за дверцей. На столикѣ лежалъ клочокъ бумаги со словами карандашомъ: «Никого не винить, я самъ.» Тутъ же на столикѣ лежалъ и молотокъ, кусокъ мыла и большой гвоздь, очевидно припасенный про запасъ. Крѣпкій шелковый снурокъ, очевидно заранѣе припасенный и выбранный, на которомъ повѣсился Николай Всеволодовичъ, былъ жирно намыленъ. Все означало преднамѣренность и сознание до послѣдней минуты.

Наши медики по вскрытіи трупа совершенно и настойчиво отвергли помѣшательство.

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ.